3 1761 03935 5664

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
BYELORUSSIAN ALLIANCE IN CANADA.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕНРИКА ИБСЕНА

Переводъ съ датско-норвежскаго
А. и П. Ганзенъ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ и предисловіями къ пьесамъ, составленными А. и П. Ганзенъ, и съ приложеніемъ портрета Г. Ибсена.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1909.

PT
8952
R9H3
T.3

LIBRARY
758927
UNIVERSITY OF TORONTO

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

КУКОЛЬНЫЙ ДОМЪ.

Пьеса эта написана лѣтомъ 1879 г., во время пребыванія Ибсена въ Амальфи. Ходили слухи, что въ основу пьесы легла исторія изъ дѣйствительной жизни — семейная драма одной датско-норвежской четы, и собиратель касающихся Ибсена библіографическихъ данныхъ, Гальворсенъ, желая провѣрить эти слухи, обратился съ запросомъ къ самому Ибсену, который и подтвердилъ ихъ достовѣрность.

Пожалуй, ни одно изъ остальныхъ произведеній Ибсена не вызывало болѣе страстныхъ и продолжительныхъ обсужденій и споровъ и въ обществѣ и въ печати, какъ на родинѣ автора, такъ и за границей, куда только проникала пьеса. Наибольшую сенсацію произвела она однако въ Германіи. Вотъ что пишетъ объ этомъ Шлентеръ:

„Съ напряженнымъ интересомъ ожидали слѣдующаго (за „Столпами общества“) произведенія Ибсена. Оно появилось въ 1879 году, тоже напечатанное въ одной изъ маленькихъ красныхъ книжечекъ издательской фирмы „Реклама“ и опять въ невозможномъ нѣмецкомъ переводѣ Вильгельма Ланге, вдобавокъ навязавшаго пьесѣ неправильное названіе. Драма, вызвавшая цѣлую полемическую бурю, стяжавшая себѣ затѣмъ наибольшую извѣстность и наиболѣе оцѣненная по достоинству изъ всѣхъ произведеній Ибсена, называлась вовсе не „Нора“, а „Кукольный домъ“ *). Имя даннаго женскаго лица безразлично, — важна ея судьба, судьба женщины, съ которой мужчины обращаются какъ съ куколкой. Изъ куколки развивается мыслящій человѣкъ, стремящійся къ самостоятельной жизни подъ личной отвѣтственностью — вотъ содержаніе этой драмы развитія человѣческой души, драмы, которая показалась особенно дикой и оскорбительной самимъ женщинамъ, несмотря на то, что она можетъ считаться прославленіемъ женщины, защитой ея правъ вообще и въ бракѣ въ особенности“.

Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, можно найти болѣе яркій примѣръ того, насколько Ибсенъ вообще опережалъ установленныя общественныя воззрѣнія.

Болѣе всего смущала и будоражила публику, недоросшую до проводимыхъ Ибсеномъ взглядовъ, развязка пьесы, и доходило до того, что болѣе предпріимчивые, нежели интеллигентные и добросовѣстные театральные заправилы стали, въ угоду публикѣ, передѣлывать конецъ изъ „неблагополучнаго“ въ „благополучный“. Но что говорить о всѣхъ прочихъ, если даже первостепенные нѣмецкіе знатоки театра, какъ Лаубе въ Вѣнѣ и Морисъ въ Гамбургѣ, по словамъ Шлентера, не могли

*) Съ легкой руки нѣмецкаго переводчика неправильное названіе перешло и въ первый русскій переводъ, сдѣланный, какъ большинство русскихъ переводовъ произведеній скандинавскихъ писателей, съ нѣмецкаго.

примириться съ развязкой пьесы. „Вы находите, — писалъ Ибсенъ Лаубе 18 февраля 1880 г.: — что пьеса изъ-за заключительной своей сцены не подходитъ къ категоріи „Schauspiel“; но, уважаемый г. директоръ, развѣ вы въ самомъ дѣлѣ придаете особое значеніе этимъ такъ-называемымъ категоріямъ? Я во всякомъ случаѣ полагаю, что категоріи драматическихъ произведеній растяжимы и что онѣ должны подходить къ существующимъ въ литературѣ даннымъ, а не наоборотъ“. Тѣмъ не менѣе Ибсенъ, въ угоду талантливой нѣмецкой актрисѣ Гедвигѣ Ниманъ-Рабе, передѣлалъ для нея конецъ пьесы, — разумѣется, лишь для тѣхъ случаевъ, когда она сама будетъ исполнять главную женскую роль. Вѣроятно, Ибсенъ руководился при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что если заправилы нѣмецкихъ театровъ настолько не перевариваютъ конца пьесы, что не отступаютъ передъ самовольной передѣлкой его, то лучше ужъ сдѣлать это самому автору. Даровитая нѣмецкая актриса, разсказываетъ дальше Шлентеръ, прямо заявила, что она никогда не бросила бы своихъ дѣтей, а потому Нора кажется ей неправдоподобной, какъ живое лицо.

Измѣненный, ради этой актрисы, конецъ пьесы былъ, согласно сообщенію „Literarischen Echo“, таковъ:

Нора. Прощай. (Хочетъ уйти).

Гельмеръ. Такъ и уходи! (Хватая ее за руку) Но сначала взгляни въ послѣдній разъ на дѣтей.

Нора. Пусти меня! Я не хочу ихъ видѣть! Не могу!

Гельмеръ (силой увлекая ее къ дверямъ спальни дѣтей). Тебѣ надо взглянуть на нихъ! (Открываетъ двери и тихо говоритъ) Погляди! Вонъ они спятъ... безмятежно, спокойно. А завтра проснутся, начнутъ звать маму и — узнаютъ, что у нихъ нѣтъ больше матери.

Нора (содрогаясь). ...Нѣтъ матери.

Гельмеръ. Какъ и у тебя не было.

Нора. Нѣтъ матери! (Послѣ сильной внутренней борьбы роняетъ изъ рукъ саквояжъ и говоритъ) О, я грѣшу передъ самою собою, но не могу ихъ бросить. (Безсильно опускается у дверей).

Гельмеръ (радостно, но тихо). Нора!

Занавѣсъ *).

Съ такимъ концомъ пьеса шла затѣмъ въ Гамбургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Но главный успѣхъ ея въ Германіи связанъ былъ съ постановкой ея подъ руководствомъ Поссарта въ Мюнхенѣ, гдѣ проживалъ тогда самъ Ибсенъ. Въ Мюнхенѣ пьесу уже ставили, какъ до того въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ и Христіаніи, согласно съ подлинникомъ, безъ всякихъ измѣненій. У насъ въ Россіи за роль Норы брались многія артистки, но исключительный успѣхъ имѣла въ ней одна В. Ѳ. Коммиссаржевская, сыгравшая эту роль болѣе ста разъ.

Вотъ что сообщаетъ о первомъ представленіи „Кукольнаго дома“ въ Мюнхенѣ Джонъ Паульсенъ, авторъ интересныхъ „воспоминаній“ объ Ибсенѣ.

„Въ эту же зиму была поставлена въ первый разъ въ мюнхенскомъ театрѣ столь знаменитая впослѣдствіи пьеса Ибсена „Кукольный домъ“ (въ нѣмецкомъ переводѣ „Нора“). Ибсенъ любезно подарилъ мнѣ экземпляръ новой пьесы съ дружескимъ посвященіемъ. Я перечитывалъ ее разъ за разомъ, захваченный смѣлостью идеи и мрачной поэзіей пьесы. Я предугадывалъ, что передо мной великое произведеніе, которое

*) Датскаго текста въ такомъ видѣ не существуетъ, и переводъ этотъ сдѣланъ съ нѣмецкаго.

выведетъ женщину изъ ея пассивнаго спокойствія, открывъ ей глаза на ея ненормальное положеніе въ обществѣ.

„Ибсенъ наканунѣ прислалъ мнѣ билетъ на первое представленіе, и въ день представленія я зашелъ къ нему поблагодарить за вниманіе. Прощаясь со мной, Ибсенъ вручилъ мнѣ порядочную сумму для одного проживавшаго въ Мюнхенѣ молодого норвежскаго художника, о тяжелой болѣзни и нуждѣ котораго я разсказывалъ Ибсену.

„Прежде чѣмъ переодѣваться для театра, я и поспѣшилъ къ моему бѣдному земляку, жившему далеко, на окраинѣ города. И всю дорогу я думалъ объ Ибсенѣ. Эта прекрасная черта въ немъ глубоко трогала меня. Я былъ молодъ и суевѣренъ и потому думалъ: „Этотъ даръ принесетъ ему счастье! Пьеса будетъ имѣть успѣхъ!“

„Переходъ изъ печальнаго жилища больного художника въ блестящую, нарядную театральную залу, наполненную оживленнымъ, многочисленнымъ обществомъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и пробудилъ много разныхъ мыслей.

„Я сидѣлъ вмѣстѣ съ Сигурдомъ Ибсеномъ въ одной изъ ближайшихъ къ сценѣ ложъ, предоставленной автору. Во время увертюры на насъ было направлено множество биноклей. Публика все ждала, что въ ложѣ появится самъ Ибсенъ, но онъ благоразумно оставался за кулисами. Напрасно искали и г-жу Ибсенъ; нервы ея не выдержали бы напряженной атмосферы перваго представленія.

„Самъ я былъ, какъ въ лихорадкѣ, словно отдавалась на судъ публики моя собственная пьеса... Слава и честь моего великаго земляка были мнѣ близки, какъ мои собственныя. Сердце мое билось, я безпокойно ёрзалъ на стулѣ... Г-жа Ибсенъ, сидѣвшая дома, далеко отъ арены наступавшаго торжества или пораженія своего мужа, не могла волноваться больше моего.

„Ахъ, только бы сошло благополучно!“ Вкусы нѣмцевъ во многомъ такъ расходились съ нашими; нѣмцы были въ общемъ гораздо консервативнѣе насъ, особенно же въ сферѣ мысли по отношенію къ женскому вопросу. Теорія Стюарта Милля, къ сожалѣнію, нашли мало отголосковъ въ „das grosse Vaterland“, гдѣ женщины продолжали занимать болѣе подчиненное положеніе, нежели у насъ, на сѣверѣ. Всѣ университеты въ Германіи еще были тогда закрыты для женщинъ.

„Первое дѣйствіе не имѣло полнаго успѣха, несмотря на геніальную игру г-жи Рамло. Видно было, что мнѣнія раздѣлились. Удивленіе публики передъ всѣмъ новымъ и чуждымъ ей въ пьесѣ брало верхъ надъ удовольствіемъ, испытаннымъ отъ того, что было доступно ея пониманію.

„Молодой Сигурдъ Ибсенъ сбѣгалъ въ антрактѣ домой, чтобы сообщить матери, какъ идетъ дѣло.

„Послѣ второго дѣйствія Ибсена вызывали, а послѣ заключительнаго аплодисментамъ конца не было. Побѣда была полная. Къ восторженнымъ возгласамъ примѣшивалось, впрочемъ, и шиканье недовольныхъ смѣлою развязкой. Шиканье однако смолкло, когда авторъ показался у рампы. Его привѣтствовали громомъ единодушныхъ аплодисментовъ.

„Сигурдъ Ибсенъ помчался домой сообщить матери окончательный результатъ. Я долго ходилъ взадъ и впередъ около бокового выхода изъ театра, поджидая Ибсена. Наконецъ онъ явился. Онъ вышелъ одинъ, видимо, сильно взволнованный. Я горячо поздравилъ его. Онъ молча взялъ меня подъ-руку и такъ, опираясь на меня, дошелъ до дому. Я замѣтилъ, что онъ весь дрожитъ. Онъ былъ сильно взволнованъ, какъ онъ самъ сказалъ. Я проводилъ его до самыхъ дверей его дома, но не зашелъ къ нимъ пить чай, какъ обыкновенно.

„На другой день я зашелъ въ одно изъ лучшихъ кафе Мюнхена, и тамъ только и разговору было, что о пьесѣ Ибсена. Всюду слышалось имя „Нора“, произносимое съ мюнхенскимъ раскатистымъ *р*, болѣе или менѣе восторженнымъ тономъ. Постановка этой пьесы явилась настоящимъ событіемъ въ тихомъ центрѣ художественной жизни Германіи“.

Перейдемъ теперь къ разбору пьесы по Іегеру.

Въ „Кукольномъ домѣ“ Ибсенъ занялся разработкой того вопроса, который затронулъ уже въ „Столпахъ общества“. Въ „столпѣ общества“—консулѣ Берникѣ—помимо уже отмѣченныхъ сторонъ характера, была еще одна сторона, заслуживающая вниманія: Берникъ — какъ семьянинъ, отецъ, братъ. Тотъ эгоизмъ, который онъ мастерски прикрывалъ въ своихъ отношеніяхъ къ обществу, куда свободнѣе и непринужденнѣе выступалъ въ семейномъ кругу. На сестру онъ смотрѣлъ свысока, считая ее чѣмъ-то въ родѣ принадлежности своей домашней обстановки, нимало не заботясь о томъ, чтобы ее цѣнили по заслугамъ. Сына своего онъ почти забивалъ; не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы мальчикъ, развиваясь, могъ со временемъ выбрать себѣ наиболѣе подходящій для него лично, путь въ жизни: нѣтъ, ему предоставлялось только унаслѣдовать и продолжать дѣло отца,—больше ничего.

Еще характернѣе отношенія Берника къ женѣ. Ея братъ взялъ на себя вину самого Берника, запутавшагося въ некрасивой любовной исторіи, а послѣ того, какъ этотъ великодушный другъ добровольно эмигрировалъ въ Америку, по городу пошли гулять еще слухи о томъ, будто онъ нагрѣлъ себѣ руки въ кассѣ торговаго дома „Берникъ“. И Берникъ не только не опровергалъ этихъ слуховъ, но еще эксплоатировалъ ихъ въ свою пользу. Въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ онъ предоставлялъ своей женѣ терзаться сознаніемъ, что братъ ея повиненъ въ двухъ столь некрасивыхъ дѣяніяхъ, сознаніемъ, что ея родня набрасываетъ тѣнь на благороднаго, безупречнаго Берника, составляетъ „темное облачко на свѣтломъ горизонтѣ“ его частной жизни и общественной дѣятельности. Мужъ держалъ жену въ полномъ невѣдѣніи относительно истинной сущности этой исторіи, какъ и относительно всѣхъ своихъ дѣлъ. Она была матерью его сына, красивою декоративною фигурой въ его домѣ, и больше ничего. Никогда онъ не посвящалъ ея въ свои сокровенныя мысли, въ свои дѣла, и всякій разъ, какъ она дѣлала робкую попытку принять въ нихъ участіе, онъ отстранялъ ее своими вѣчными: „Ахъ, милочка Бетти, это тебѣ не интересно“, или: „О, милая Бетти, это рѣшительно не по дамской части“. Никогда онъ не позволялъ ей стать съ нимъ въ свободныя, правдивыя отношенія, какъ женѣ, какъ другу. Этимъ онъ тормозилъ ея духовное развитіе, насильно погружалъ ее въ міръ мелочей и сплетенъ, и такъ и не далъ ей стать тѣмъ, чѣмъ она могла быть, какъ человѣкъ и какъ жена. Въ общемъ, онъ обращалъ на нее такъ же мало вниманія, какъ и на свою сестру. „Ваше общество—общество законспѣлыхъ холостяковъ въ душѣ; вы и не замѣчаете женщинъ“,—недаромъ говоритъ Лона Гессель.

Взглядъ Ибсена на идеальный бракъ и на положеніе въ немъ женщины такимъ образомъ впервые выяснился въ „Столпахъ общества“. Въ „Комедіи любви“ еще и рѣчи не было ни о чемъ подобномъ. Идея брака въ смыслѣ искренняго тѣснаго союза двухъ самостоятельныхъ, равныхъ другъ другу личностей, видимо, еще не вполнѣ выяснилась тогда самому Ибсену. „Любить, жертвовать всѣмъ и быть забытой“—вотъ какою представлялась ему „сага женщины“, и весь этотъ рядъ кроткихъ, любящихъ, готовыхъ на всякія жертвы женщинъ—отъ Авреліи въ „Катилинѣ“ и до Сольвейгъ въ „Перъ Гюнтѣ“,—который точно свѣт-

лой вереницей тянется черезъ все раннее творчество Ибсена, достаточно ясно указывастъ, что самому автору сага эта казалась и прекрасной и поэтичной. Только въ лицѣ Лоны Гессель („Столпы общества“) вторгается въ его творчество самостоятельная женщина; лишь начиная съ этого времени открываетъ онъ новыя точки зрѣнія для той критики, которой подвергаетъ обычное положеніе женщины въ бракѣ.

Но то, что въ „Столпахъ общества“ составляло лишь одну сторону дѣла, стало въ „Кукольномъ домѣ“ самой сутью. Еще въ „Комедіи любви“ Ибсенъ ярко изобразилъ тѣ опасности, какими бракъ угрожаетъ личности. Но тогда онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ опасности для мужчинъ; женщина оставалась еще на второмъ планѣ. Въ „Кукольномъ домѣ“ дѣло идетъ исключительно объ опасностяхъ, которыя кроются въ бракѣ для развитія женской личности; объ опасностяхъ, грозящихъ мужчинѣ, не заходитъ уже и рѣчи, и даже, напротивъ, все направлено на то, чтобы представить, будто вся опасность создается именно имъ. Иными словами, Гельмеръ является продолженіемъ „столпа общества“— Берника, эгоиста въ супружеской жизни.

Въ „Кукольномъ домѣ“ Ибсенъ обрисовалъ своего героя — съ точки зрѣнія огромнаго большинства людей — наивыгоднѣйшимъ образомъ. Въ качествѣ адвоката, Гельмеръ желаетъ браться лишь за самыя „чистыя“ дѣла; у него чрезвычайно развита любовь къ правдѣ; всякая намѣренная ложь рѣжетъ ему ухо, какъ фальшивая нота (хотя это нисколько не мѣшаетъ ему, въ качествѣ внимательнаго хозяина, сказать иногда гостю изъ любезности что-нибудь такое, чего онъ не чувствуетъ на самомъ дѣлѣ). Въ денежныхъ же отношеніяхъ онъ добросовѣстенъ прямо до щепетильности. „Ты представь себѣ, — говоритъ онъ Норѣ:— сегодня я займу тысячу кронъ, ты потратишь ихъ на праздникахъ, а наканунѣ Новаго года мнѣ на голову свалится черепица съ крыши, и — готово!.. Никакихъ долговъ. Никогда не брать взаймы. На семейный очагъ, основанный на займахъ, на долгахъ, ложится какая-то тѣнь, онъ теряетъ свое приволье, свою красоту“... Даже какъ мужъ онъ обнаруживаетъ много такихъ качествъ, которыя ставятъ его выше средняго уровня. Восемь лѣтъ женатый, онъ все такъ же влюбленъ въ жену, какъ въ день свадьбы, восхищается ею, ухаживаетъ за нею, зоветъ самыми нѣжными именами. Другія женщины для него, повидимому, не существуютъ, и высшее счастье, какое только онъ можетъ себѣ представить, онъ находитъ у себя дома, подлѣ жены. Какъ мужъ, онъ прямо безподобенъ еще тѣмъ, что не думаетъ сердиться или ворчать на мнимое „мотовство“ жены. Онъ относится къ этому очень снисходительно и спокойно раскошеливается.

Сколько женъ могли бы позавидовать Норѣ, имѣющей такого милаго мужа! Какъ подобному браку не стать чудной идилліей? Пьеса и начинается идилліей, полной такой красоты, привлекательности и гармоніи, что лучше и желать нельзя.

И все-таки она переходитъ въ драму, кончается разрушеніемъ прекраснаго семейнаго очага: Нора бросаетъ мужа и дѣтей и отправляется, куда глаза глядятъ, чтобы на свой страхъ и рискъ проложить себѣ дорогу въ жизни.

Въ чемъ же дѣло?

Дѣло въ томъ, отвѣчаетъ Ибсенъ, что сожительство этихъ двухъ людей не было настоящимъ бракомъ. „Ты никогда меня не любилъ. Тебѣ только нравилось быть въ меня влюбленнымъ“,—говоритъ Нора мужу въ заключительной сценѣ пьесы, и по всему тому, какъ Ибсенъ изобразилъ отношенія супруговъ, видно, что онъ самъ безусловно согласенъ съ Норой.

Дѣло въ томъ, что Гельмеръ, при всѣхъ своихъ хорошихъ внѣшнихъ качествахъ, которыми надѣлилъ его авторъ, является въ сущности мелочнымъ эгоистомъ, который въ глубинѣ души не знаетъ никакихъ другихъ соображеній и побужденій, кромѣ диктуемыхъ благополучіемъ его собственнаго „я“. *Его* вкусы, *его* наклонности, *его* взгляды всегда и во всемъ на первомъ планѣ. Женѣ должно нравиться то, что̀ ему нравится, не нравиться то, что̀ ему не нравится: она должна и думать и желать вмѣстѣ съ нимъ. Все это, по его мнѣнію, до такой степени естественно, что у него и мысли не мелькаетъ о томъ, что могло бы быть иначе. „Когда я жила дома съ папой, онъ выкладывалъ мнѣ всѣ свои взгляды, и у меня оказывались тѣ же самые; если же у меня оказывались другіе, я ихъ скрывала,—ему бы это не понравилось,—говоритъ Нора. — Изъ папиныхъ рукъ я перешла въ твои. Ты все устраивалъ по своему вкусу, и у меня сталъ твой вкусъ, или я только дѣлала видъ, что это такъ,—не знаю хорошенько. Пожалуй, и то и другое. Иногда такъ, иногда этакъ...“

Исторія съ увольненіемъ Крогстада доказываетъ, что если Нора рѣдкій разъ и отстаивала свое мнѣніе, то мужъ не только совершенно игнорировалъ его, но еще сердился на жену и на зло дѣлалъ какъ разъ обратное ея желанію, да еще ее же обзывалъ упрямицей. Его влюбленность столь же претенціозна, сколь мелочна; всѣ помыслы и всѣ чувства жены должны были быть сосредоточены на немъ одномъ; онъ не переносилъ даже, когда она разсказывала о людяхъ, которые ей были дороги въ прошломъ, — сейчасъ же начиналъ ревновать. Словомъ, любовь Гельмера къ Норѣ похожа на любовь Пера Гюнта къ Аннтрѣ. Сгоряча Перъ обѣщаетъ дать Аннтрѣ душу, но по зрѣломъ обсужденіи приходитъ къ тому выводу, что ему выгоднѣе оставить ее безъ души. Онъ самъ желаетъ занять въ ней мѣсто души, подобно тому, какъ Гельмеръ желаетъ замѣнить собою волю и совѣсть Норы. Вмѣсто души пусть лучше Аннтра получитъ кольцо вокругъ щиколотки; такъ-де будетъ лучше для обѣихъ сторонъ. Еще бы, разъ этотъ рабскій знакъ означаетъ полную зависимость женщины отъ ея господина!

Своего рода кольцомъ вокругъ щиколотки является для Норы бракъ. „Какъ теперь оглянусь назадъ, мнѣ кажется, я вела здѣсь самую жалкую жизнь... Меня поили, кормили, одѣвали, а мое дѣло было развлекать, забавлять тебя, Торвальдъ. Вотъ въ чемъ проходила моя жизнь. Ты такъ устроилъ. Ты и папа много виноваты передо мной. Ваша вина, что изъ меня ничего не вышло“.

И въ этихъ словахъ Норы слышится взглядъ на нее самого Ибсена. Съ нею обращались, какъ съ красивой игрушкой, никогда не позволяли ей быть ничѣмъ инымъ, вотъ почему она чуть-было и не осталась навсегда только куколкой. А въ ней между тѣмъ есть всѣ данныя, чтобы стать личностью, человѣкомъ: она способна беззавѣтно пожертвовать собою для любимыхъ ею людей; въ ней, видно, всегда таилось неудовлетворенное стремленіе ко всему серьезному, глубокому въ жизни, но ее все придерживали на поверхности послѣдней. За восемь лѣтъ супружеской жизни у Норы съ мужемъ не было ни разу серьезнаго обмѣна мыслей, ни разу ей не дано было случая путемъ такого обмѣна разобраться въ какомъ-либо серьезномъ вопросѣ. Все подобное было не по ней, по мнѣнію Гельмера; она была создана изображать собой бѣлку, птичку, играющую, порхающую и щебечущую для его удовольствія. Съ нею обращались какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, котораго, самое большее, можно было удостоить „серьезной“ нотаціи, поученія, въ родѣ поученія о томъ, что нехорошо дѣлать долги, нехорошо говорить неправду. И ей такъ долго приходилось играть роль такой ба-

ловницы, что мысли и чувства ея до извѣстной степени и искалѣчились. Проживъ замужемъ восемь лѣтъ, имѣя троихъ дѣтей, Нора мыслитъ и поступаетъ по-дѣтски: у нея такъ мало самолюбія, вѣрнѣе, чувства собственнаго достоинства, что она въ своихъ отношеніяхъ къ мужу то и дѣло прибѣгаетъ ко лжи, къ увертками и всякимъ „фокусамъ“, дурачествамъ, точно провинившаяся школьница по отношенію къ учителю.

Но вотъ суровая дѣйствительность вторгается въ ея птичій мірокъ, въ ея порхающее житье-бытье, и застаетъ ее совершенно неподготовленной. Какъ гонимая, подстрѣленная дичь, она вступаетъ въ отчаянную борьбу въ виду открывающейся передъ ней пропасти; ее оттѣсняютъ на самый край бездны, и она глядитъ оттуда въ глаза самой смерти. Но, какъ ни замираетъ ея мужественное сердечко, стиснутое ужасомъ, она ни на минуту все-таки не колеблется въ своемъ рѣшеніи пожертвовать и своимъ счастьемъ, и своей жизнью, и своей честью для любимаго человѣка, такъ какъ увѣрена, что и онъ сдѣлалъ бы то же самое ради нея, если она не успѣетъ предупредить его сама. Она не хочетъ его жертвы, страшится ея и въ то же время страстно ждетъ ея, ждетъ той минуты, которая сообщила бы ихъ браку ту глубину, ту искренность, которыхъ она всегда смутно жаждала; минуты, когда мужъ увидитъ, что она способна ради него не на одни „фокусы“, и когда она встрѣтитъ съ его стороны такую же безпредѣльную, жертвующую всѣмъ любовь, о которой мечтала, которая не проявляется такъ себѣ, запросто, каждый день, а какъ чудо — лишь въ великія минуты жизни. Нора живетъ жаждой такого „чуда“, и ожиданіе это, несмотря на то, что оно связано съ безконечнымъ ужасомъ, наполняетъ ея душу „восторгомъ“.

Бѣдная Нора! Напрасныя ожиданія. Великія минуты испытанія способна выдержать съ честью лишь настоящая, готовая на всѣ жертвы любовь; поддѣльная же, себялюбивая способна лишь плачевно провалиться. Тамъ, гдѣ налицо настоящая любовь, такія минуты испытанія вызовутъ наружу самыя лучшія, благородныя чувства и силы, какъ бы глубоко они ни таились въ человѣкѣ; тамъ же, гдѣ ея нѣтъ, серьезное испытаніе только безжалостно обнаружитъ все, что было въ человѣкѣ мелочного, мизернаго, все его внутреннее ничтожество, какъ бы ни былъ красивъ прикрывающій это ничтожество покровъ.

Бѣдная Нора! Пропасть, притягивавшая ея взоръ во время ея отчаянной борьбы, закрылась лишь для того, чтобы съ другой стороны разверзлась новая, разверзлась неожиданно въ самую критическую минуту, — это пропасть между нею и мужемъ. И эта пропасть погребла ея любовь къ нему.

Зато изъ могилы любви вырастаетъ хоть и горькое, но подкрѣпляющее самосознаніе. Нора сознала, что не была ни женой ни матерью въ истинномъ смыслѣ. Чтобы стать тою и другою, ей нужно было сначала выполнить первую и важнѣйшую свою обязанность, настоять на первомъ и важнѣйшемъ своемъ правѣ; эта обязанность, это право — быть человѣкомъ. Въ бракѣ Норы съ Гельмеромъ обязанность эта оставалась въ самомъ печальномъ пренебреженіи, и право это безсовѣстно нарушалось. Да и какъ могло быть иначе при сожительствѣ съ эгоистомъ, которому не было дѣла ни до обязанностей ни до правъ жены, пока они касались только ея самой.

Упущенное должно быть наверстано, утраченное вновь обрѣтено.

Такъ прочь же изъ ложныхъ кукольныхъ условій, въ которыхъ она жила. Прочь изъ этого дома, который никогда не былъ для нея истиннымъ домомъ. Прочь отъ дѣтей, для которыхъ она никогда не была и не сумѣетъ быть истинной матерью, потому что неспособна вырастить

изъ нихъ людей, пока сама не станетъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Прочь отъ этого мужа, который никогда не былъ ей истиннымъ супругомъ, какъ и она ему истинной женой. И такъ слишкомъ долго прожила она съ чужимъ человѣкомъ на погибель своей личности. Это было лишь сожительство, а не бракъ.

Таковъ приблизительно ходъ мыслей, заканчивающійся громкимъ стукомъ воротъ, которыя захлопываются за Норой, исчезающей во мракѣ и безмолвіи ночи.

КУКОЛЬНЫЙ ДОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Адвокатъ Гельмеръ.
Нора, его жена.
Докторъ Ранкъ.
Фру Линде.
Частный повѣренный Крогстадъ.
Трое маленькихъ дѣтей четы Гельмеръ.
Анна-Марія, ихъ нянька.
Служанка въ домѣ у Гельмеръ.
Посыльный.

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ четы Гельмеръ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Уютная комната, обставленная со вкусомъ, но недорогой мебелью. Въ глубинѣ, въ средней стѣнѣ, двѣ двери: одна, справа, ведетъ въ переднюю, другая, слѣва, въ кабинетъ Гельмера. Между этими дверями фортепіано. Посреди лѣвой боковой стѣны дверь, впереди окно. Около окна круглый столъ съ креслами и диванчикомъ. Въ правой стѣнѣ, нѣсколько подальше вглубь, тоже дверь и изразцовая печь; передъ нею нѣсколько креселъ и качалка. Между печью и дверью столикъ. По стѣнамъ развѣшаны гравюры. Этажерка съ фарфоровыми и прочими бездѣлушками, книжный шкапчикъ съ книгами въ роскошныхъ переплетахъ. На полу коверъ. Въ печкѣ огонь. Зимній день.

Въ передней звонокъ. Немного погодя слышно, какъ дверь отпираютъ, и затѣмъ изъ передней въ комнату входитъ, весело напѣвая, Нора въ верхней одеждѣ, нагруженная ворохомъ пакетовъ и свертковъ, которые складываетъ на столѣ направо. Дверь въ переднюю остается открытой, и тамъ виднѣется посыльный, принесшій елку и корзину, которыя онъ отдаетъ служанкѣ, отворившей дверь.

Нора. Хорошенько припрячь елку, Лена. Пожалуйста, чтобы дѣти не видали ея раньше вечера, когда будетъ убрана. (Посыльному, вынимая портмоне) Сколько?

Посыльный. Пятьдесятъ эре.

Нора. Вотъ крона... Нѣтъ, оставьте себѣ все.

(Посыльный кланяется и уходитъ).

Нора (затворяетъ дверь въ переднюю, снимаетъ съ себя верхнее платье, посмѣиваясь тихимъ, довольнымъ смѣхомъ. Потомъ вынимаетъ изъ кармана мѣшочекъ съ миндальнымъ печеньемъ и съѣдаетъ нѣсколько штучекъ. Осторожно идетъ къ двери, ведущей въ кабинетъ, и прислушивается). Да, онъ дома. (Снова напѣваетъ, идя къ столу направо).

Гельмеръ (изъ кабинета). Что это, жаворонокъ запѣлъ?

Нора (распаковывая покупки). Онъ самый.

Гельмеръ. Бѣлочка тамъ возится?

Нора. Да.

Гельмеръ. Когда же бѣлочка вернулась?

Нора. Только-что. (Прячетъ мѣшочекъ съ печеньемъ въ карманъ и обтираетъ себѣ губы). Поди сюда, Торвальдъ, погляди, чего я накупила.

Гельмеръ. Постой, не мѣшай. (Немного погодя открываетъ дверь и заглядываетъ въ комнату, держа перо въ рукѣ) Накупила, говоришь? Все это?.. Такъ птичка опять улетала мотать денежки?

Нора. Знаешь, Торвальдъ, пора же намъ наконецъ немножко раскутиться. Это вѣдь первое Рождество, что нѣтъ нужды такъ стѣснять себя.

Гельмеръ. Ну, и мотать намъ тоже нельзя.

Нора. Немножко-то можно! Правда? Самую чуточку! Тебѣ вѣдь положили теперь большое жалованье, и ты будешь зарабатывать много-много денегъ.

Гельмеръ. Да, съ Новаго года. Но выдадутъ мнѣ жалованье только черезъ три мѣсяца.

Нора. Э! Можно занять пока.

Гельмеръ. Нора! (Подходитъ и шутливо беретъ ее за ушко) Опять наше легкомысліе въ ходу? Ты представь себѣ, сегодня я займу тысячу кронъ, ты потратишь ихъ на праздникахъ, а наканунѣ Новаго года мнѣ свалится на голову черепица съ крыши и — готово!..

Нора (закрывая ему ротъ рукой). Фи! Не говори такихъ гадкихъ вещей.

Гельмеръ. Нѣтъ, ты представь себѣ подобный случай, — что тогда?

Нора. Если бы ужъ случился такой ужасъ, то, по-мнѣ, все равно — были бы у меня долги или нѣтъ.

Гельмеръ. Ну, а для людей, у которыхъ я бы занялъ?

Нора. Для нихъ? А пусть ихъ! Чужіе!

Гельмеръ. Нора, Нора, ты *сси* женщина! Но серьезно, Нора, ты вѣдь знаешь мои взгляды на этотъ счетъ. Никакихъ долговъ! Никогда не занимать! На семейный очагъ, основанный на займахъ, на долгахъ, ложится какая-то тѣнь; онъ теряетъ

свое приволье, свою красоту. Выдержали же мы съ тобой съ честью до сегодняшняго дня, такъ ужъ потерпимъ и еще немножко; недолго вѣдь.

Нора (отходя къ печкѣ). Да что-жъ, какъ хочешь, Торвальдъ.

Гельмеръ (за нею). Ну, ну, вотъ птичка и опустила крылышки. А? Бѣлочка надулась? (Вынимаетъ портмоне) Нора, какъ ты думаешь, что у меня тутъ?

Нора (оборачиваясь, живо). Деньги!

Гельмеръ. Вотъ тебѣ! (Подаетъ ей нѣсколько бумажекъ). Господи, я же знаю, мало ли въ домѣ расходовъ на праздникахъ.

Нора (считая). Десять, двадцать, тридцать, сорокъ. Спасибо, спасибо тебѣ, Торвальдъ. Теперь мнѣ надолго хватитъ.

Гельмеръ. Да, ужъ ты постарайся.

Нора. Да, да, непремѣнно. Но поди сюда, я тебѣ покажу, чего накупила. И какъ дешево! Гляди, вотъ новый костюмъ Ивару... и сабля. Вотъ лошадка и труба Бобу. А вотъ кукла и кроватка для Эмми. Простенькія, но она все равно скоро поломаетъ. А тутъ матерія на платья и платки для прислугъ. Старухѣ Аннѣ-Маріи-то слѣдовало бы подарить и побольше.

Гельмеръ. А въ этомъ пакетѣ что?

Нора (вскрикивая). Нѣтъ, нѣтъ, Гельмеръ! Этого тебѣ нельзя видѣть до вечера!

Гельмеръ. Ну, ну!.. А ты вотъ что скажи мнѣ, маленькая мотовка: что ты себѣ самой присмотрѣла?

Нора. Э, мнѣ ровно ничего не надо.

Гельмеръ. Разумѣется, надо! Назови же мнѣ теперь что-нибудь такое разумное, чего бы тебѣ больше всего хотѣлось.

Нора. Право же, не надо. Или послушай, Торвальдъ...

Гельмеръ. Ну?

Нора (перебирая пуговицы его пиджака и не глядя на него). Если ты ужъ хочешь подарить мнѣ что-нибудь, такъ ты бы... ты бы...

Гельмеръ. Ну, ну, говори же.

Нора (быстро). Ты бы далъ мнѣ деньгами, Торвальдъ. Сколько можешь. Я бы потомъ на-дняхъ и купила себѣ на нихъ что-нибудь.

Гельмеръ. Нѣтъ, послушай, Нора...

Нора. Да, да, сдѣлай такъ, милый Торвальдъ. Прошу тебя! Я бы завернула деньги въ золотую бумажку и повѣсила на елку. Развѣ это не весело?

Гельмеръ. А какъ зовутъ тѣхъ птичекъ, которыя все мотаютъ денежки?

Нора. Знаю, знаю, — мотовками. Но сдѣлаемъ, какъ я го-

ворю, Торвальдъ. Тогда у меня будетъ время обдумать, что мнѣ особенно нужно. Развѣ это не благоразумно? А?

Гельмеръ (улыбаясь). Само собой, — то-есть, если бы ты въ самомъ дѣлѣ могла придержать эти деньги и потомъ дѣйствительно купить на нихъ что-нибудь себѣ самой. А то и онѣ уйдутъ на хозяйство, на разныя ненужныя мелочи, а мнѣ опять придется раскошеливаться.

Нора. Ахъ, Торвальдъ...

Гельмеръ. Тутъ спорить не приходится, милочка моя! (Обнимаетъ ее) Птичка мила, но тратитъ страсть сколько денегъ. Просто невѣроятно, какъ дорого обходится человѣку такая птичка.

Нора. Фи! Какъ можно такъ говорить! Я же экономлю, сколько могу.

Гельмеръ (смѣясь). Вотъ ужъ правда истинная! Сколько можешь. Но ты совсѣмъ не можешь.

Нора (напѣваетъ и улыбается). Гм! Зналъ бы ты, сколько у насъ, жаворонковъ и бѣлочекъ, всякихъ расходовъ, Торвальдъ!

Гельмеръ. Чудачка ты! Двѣ капли воды твой отецъ. Только и хлопочешь, какъ бы раздобыть денегъ. А какъ заполучишь— глядь, онѣ между пальцевъ и прошли; сама никогда не знаешь, куда онѣ дѣвались. Ну что-жъ, приходится брать тебя такой, какова ты есть. Это ужъ въ крови у тебя. Да, да, это въ тебѣ наслѣдственное, Нора.

Нора. Ахъ, побольше бы мнѣ унаслѣдовать отъ папы!

Гельмеръ. А мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты была другой, чѣмъ ты есть, мой милый жавороночекъ! Но слушай, мнѣ сдается, ты... у тебя... Какъ бы это сказать? У тебя какой-то подозрительный видъ сегодня.

Нора. У меня?

Гельмеръ. Ну да. Погляди-ка мнѣ прямо въ глаза.

Нора (глядитъ на него). Ну?

Гельмеръ (грозя пальцемъ). Лакомка не кутнула сегодня немножко въ городѣ?

Нора. Нѣтъ, что ты!

Гельмеръ. Будто ужъ лакомка не забѣгала въ кондитерскую?

Нора. Но увѣряю тебя, Торвальдъ...

Гельмеръ. И не отвѣдала варенья?

Нора. И не думала.

Гельмеръ. И не погрызла миндальныхъ печеній?

Нора. Ахъ, Торвальдъ, увѣряю же тебя...

Гельмеръ. Ну, ну, ну. Само собой, я просто шучу...

Нора (идя къ столу направо). Мнѣ и въ голову не пришло бы дѣлать тебѣ наперекоръ.

Гельмеръ. Знаю, знаю. Ты вѣдь дала мнѣ слово. (Подходя къ ней) Ну, оставь при себѣ свои маленькіе рождественскіе секреты, моя дорогая. Они, вѣрно, всплывутъ наружу сегодня же вечеромъ, когда зажжемъ елку.

Нора. Ты не забылъ пригласить доктора Ранка?

Гельмеръ. Не приглашалъ. Да это и не нужно. Само собой, онъ ужинаетъ у насъ. Впрочемъ, я еще успѣю ему напомнить; онъ зайдетъ до обѣда. Вино я заказалъ хорошее... Нора, ты не повѣришь, какъ я радуюсь сегодняшнему вечеру.

Нора. И я. А дѣти-то какъ будутъ рады, Торвальдъ!

Гельмеръ. Ахъ, какое наслажденіе сознавать, что добился-таки вѣрнаго, обезпеченнаго положенія; будетъ теперь на что жить. Не правда ли, пріятное сознаніе?

Нора. О, восхитительное!

Гельмеръ. А помнишь прошлое Рождество? Ты цѣлыя три недѣли затворялась у себя по вечерамъ и до поздней ночи все мастерила цвѣты и какія-то украшенія для елки, которыми хотѣла всѣхъ насъ поразить. У-у, скучнѣе времени я не запомню.

Нора. Я-то вовсе не скучала.

Гельмеръ (съ улыбкой). Но толку-то вышло немного.

Нора. Ты опять будешь меня дразнить этимъ? Чтò же я могла подѣлать, если кошка забралась и все разорвала, перепортила!

Гельмеръ. Ну, разумѣется, ничего не могла подѣлать, моя бѣдняжечка. Ты отъ всей души хотѣла насъ всѣхъ порадовать, и въ этомъ вся суть. Но хорошо все-таки, что эти тугія времена прошли.

Нора. Да, прямо чудесно!

Гельмеръ. Не нужно больше ни мнѣ сидѣть одному и скучать, ни тебѣ портить свои милые, славные глазки и нѣжныя ручки...

Нора (хлопая въ ладоши). Не правда ли, Торвальдъ, не нужно больше? Ахъ, какъ чудесно, восхитительно слышать это! (Беретъ его подъ-руку) Теперь я разскажу тебѣ, какъ я мечтаю устроиться, Торвальдъ. Вотъ, какъ только праздники пройдутъ... (Звонокъ въ передней). Ахъ, звонятъ! (Прибираетъ немного въ комнатѣ) Вѣрно, кто-нибудь къ намъ. Досадно.

Гельмеръ. Если кто-нибудь въ гости — меня нѣтъ дома, помни.

Служанка (въ дверяхъ передней). Барыня, тамъ незнакомая дама...

Нора. Такъ проси сюда.

Служанка (Гельмеру). ...И докторъ.

Гельмеръ. Прямо ко мнѣ прошелъ?

Служанка. Да.

(Гельмеръ уходитъ въ кабинетъ. Служанка вводитъ фру Линде, одѣтую по-дорожному, и закрываетъ за нею дверь).

Фру Линде (робко, съ запинкой). Здравствуй, Нора.

Нора (неувѣренно). Здравствуйте...

Фру Линде. Ты, видно, не узнаёшь меня?

Нора. Нѣтъ. Не знаю... Да, кажется... (Порывисто) Какъ! Кристина... Неужели ты?

Фру Линде. Я.

Нора. Кристина! А я-то не узнала тебя сразу! Да и какъ было... (Понизивъ голосъ) Какъ ты перемѣнилась, Кристина!

Фру Линде. Еще бы. За девять-десять долгихъ лѣтъ...

Нора. Неужели мы такъ давно не видались? Да, да, такъ и есть. Ахъ, послѣднія восемь лѣтъ — вотъ счастливое было времечко!.. Такъ ты пріѣхала сюда къ намъ въ городъ? Пустилась въ такой длинный путь зимой! Храбрая!

Фру Линде. Я сегодня только пріѣхала, съ утреннимъ пароходомъ.

Нора. Чтобы повеселиться на праздникахъ, само собой. Ахъ, какъ славно! Ну, и повеселимся же! Да ты раздѣнься. Тебѣ вѣдь не холодно? (Помогаетъ ей) Вотъ такъ. Теперь усядемся поудобнѣе около печки. Нѣтъ, ты въ кресло! А я на качалку! (Беретъ ее за руки) Ну вотъ, теперь опять у тебя твое прежнее лицо. Это лишь въ первую минуту... Хотя немножко все-таки поблѣднѣла... и, пожалуй, немножко похудѣла.

Фру Линде. И сильно постарѣла, Нора

Нора. Пожалуй, немножко, чуть-чуть; вовсе не очень. (Вдругъ останавливается и переходитъ въ серьезный тонъ) Но какая же я! О чемъ я думаю! Сижу тутъ, болтаю! Милая, дорогая Кристина, прости меня!

Фру Линде. Въ чемъ дѣло, Нора?

Нора (тихо). Бѣдная Кристина, ты же овдовѣла.

Фру Линде. Три года назадъ.

Нора. Да, я знаю. Я читала въ газетахъ. Ахъ, Кристина, повѣрь, я столько разъ собиралась написать тебѣ въ то время, да все откладывала, все что-нибудь мѣшало.

Фру Линде. Милая Нора, я отлично понимаю.

Нора. Нѣтъ, это было гадко съ моей стороны, Кристина. Ахъ, ты, бѣдняжка, сколько ты, вѣрно, перенесла. И онъ не оставилъ тебѣ никакихъ средствъ?

Фру Линде. Никакихъ.

Нора. Ни дѣтей?

Фру Линде. Ни дѣтей.

Нора. Такъ-таки ничего?

Фру Линде. Ничего. Даже ни горя, ни сожалѣній, ни воспоминаній, чѣмъ можно было бы жить.

Нора (глядя на нее недовѣрчиво). Какъ же это можетъ быть, Кристина?

Фру Линде (съ горькой улыбкой, гладя Нору по головѣ). Бываетъ, Нора.

Нора. Значитъ, одна-одинешенька. Какъ это должно быть ужасно тяжело. У меня трое прелестныхъ дѣтей. Да сейчасъ ты ихъ не увидишь. Они гуляютъ съ нянькой. Но ты непремѣнно разскажи мнѣ обо всемъ..

Фру Линде. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, разсказывай лучше ты.

Нора. Нѣтъ, сначала ты. Сегодня я не хочу быть эгоисткой. Хочу думать только о твоихъ дѣлахъ. Но одно все-таки мнѣ надо сказать тебѣ. Знаешь, какое счастье на насъ свалилось на-дняхъ?

Фру Линде. Нѣтъ. Какое?

Нора. Представь, мужа сдѣлали директоромъ Акціонернаго банка!

Фру Линде. Твоего мужа? Вотъ удача!

Нора. Невѣроятная! Адвокатура—это такой невѣрный хлѣбъ, особенно, если желаешь браться только за самыя чистыя, хорошія дѣла. А Торвальдъ, разумѣется, другихъ никогда не бралъ, и я, конечно, вполнѣ съ нимъ согласна. Ахъ, ты понимаешь, какъ мы рады! Онъ вступитъ въ должность съ Новаго года и будетъ получать большое жалованье и хорошіе проценты. Заживемъ совсѣмъ по-другому, чѣмъ до сихъ поръ,—вполнѣ по своему вкусу. Ахъ, Кристина, у меня такъ легко стало на сердцѣ, я такъ счастлива! Вѣдь это же чудесно имѣть много-много денегъ и не знать ни нужды ни заботъ! Правда?

Фру Линде. Да, во всякомъ случаѣ должно быть чудесно имѣть все необходимое.

Нора. Нѣтъ, не только необходимое, но много-много денегъ.

Фру Линде (улыбаясь). Нора, Нора! Ты все не стала благоразумнѣе? Въ школѣ ты была большой мотовкой.

Нора (тихо посмѣиваясь). Торвальдъ и теперь меня такъ зоветъ. (Грозя пальцемъ) Однако «Нора, Нора» не такая ужъ сумасбродка, какъ вы воображаете... Намъ, право, не такъ жилось, чтобы я могла мотать. Намъ обоимъ приходилось работать.

Фру Линде. И тебѣ?

Нора. Ну да, разныя тамъ мелочи, по части рукодѣлья, вязанья, вышиванья и тому подобнаго. (Вскользь) И... кое-что

еще. Ты вѣдь знаешь, что Торвальдъ оставилъ службу въ министерствѣ, когда мы женились? Не было никакихъ видовъ на повышеніе, а зарабатывать вѣдь надо было больше прежняго. Ну, въ первый годъ онъ и работалъ сверхъ всякихъ силъ. Просто ужасно. Ему приходилось брать всякія добавочныя занятія — ты понимаешь — и работать съ утра до вечера. Ну, и не выдержалъ, захворалъ, былъ при смерти, и доктора объявили, что необходимо отправить его на югъ.

Фру Линде. Да, вы и пробыли цѣлый годъ въ Италіи.

Нора. Ну да. А не легко было намъ подняться съ мѣста, повѣрь. Иваръ тогда только-что родился. Но ѣхать все-таки было необходимо. Ахъ, что это была за чудная, дивная поѣздка! И Торвальдъ былъ спасенъ. Но сколько денегъ пошло, страсть!

Фру Линде. Могу себѣ представить.

Нора. Тысячу двѣсти спецій обошлось. Четыре тысячи восемьсотъ кронъ. Большія деньги.

Фру Линде. Да, но во всякомъ случаѣ большое счастье, если есть гдѣ взять ихъ въ такое время.

Нора. Надо тебѣ сказать, мы получили ихъ отъ папы.

Фру Линде. А, такъ. Да, кажется, отецъ твой какъ разъ тогда и умеръ.

Нора. Да; какъ разъ тогда. И подумай, я не могла поѣхать къ нему, ходить за нимъ. Я со дня на день ждала малютку Ивара. И вдобавокъ у меня на рукахъ былъ мой бѣдный Торвальдъ чуть не при смерти. Милый, голубчикъ папа! Такъ и не пришлось мнѣ больше свидѣться съ нимъ, Кристина. Это самое тяжелое горе, что я испытала замужемъ.

Фру Линде. Я знаю, ты очень любила отца. Такъ, значитъ, послѣ этого вы отправились въ Италію?

Нора. Да. Деньги вѣдь у насъ были, а доктора гнали. Мы и уѣхали черезъ мѣсяцъ.

Фру Линде. И мужъ твой вернулся уже вполнѣ здоровымъ?

Нора. Совершенно!

Фру Линде. А... докторъ?

Нора. То-есть?..

Фру Линде. Кажется, дѣвушка сказала, что господинъ, который пришелъ со мной вмѣстѣ, докторъ.

Нора. Ну да-а, это докторъ Ранкъ. Но онъ не лѣчить приходитъ. Это нашъ лучшій другъ и ужъ хоть разокъ въ день да заглядываетъ къ намъ. Нѣтъ, Торвальдъ съ тѣхъ поръ ни разу не прихворнулъ ни на часокъ. И дѣти здоровы и я. (Вскакивая и хлопая въ ладоши) О, Господи, Кристина, какъ чудесно жить и чувствовать себя счастливой!.. Но это просто

отвратительно съ моей стороны, что я говорю все только о себѣ. (Садится на скамеечку рядомъ съ фру Линде и кладетъ руки ей на колѣни) Ты не сердись на меня!.. Скажи, правда это: ты въ самомъ дѣлѣ не любила своего мужа? Зачѣмъ же ты вышла за него?

Фру Линде. Мать моя была еще жива, но такая слабая, безпомощная, не вставала съ постели. И еще у меня были на рукахъ два младшихъ брата. Я и не сочла себя въ правѣ отказать ему.

Нора. Да, да, такъ. Значитъ, онъ былъ тогда богатъ?

Фру Линде. Довольно состоятеленъ, кажется. Но дѣло его было поставлено непрочно. И когда онъ умеръ — все рухнуло, и ничего не осталось.

Нора. И?..

Фру Линде. И мнѣ пришлось перебиваться мелкой торговлей, маленькой школой и вообще чѣмъ придется. Эти три послѣднихъ года тянулись для меня, какъ одинъ долгій, сплошной трудовой день. Теперь онъ кончился, Нора. Моя бѣдная мать не нуждается во мнѣ больше, — умерла. И мальчики стали на ноги, сами могутъ о себѣ заботиться.

Нора. Такъ у тебя теперь легко на душѣ...

Фру Линде. Не скажу. Напротивъ, страшно пусто. Не для кого больше жить. (Встаетъ въ волненіи) Оттого я и не выдержала тамъ у насъ, въ медвѣжьемъ углу. Тутъ, вѣрно, легче будетъ найти къ чему приложить силы и чѣмъ занять мысли. Удалось бы мнѣ только заручиться мѣстомъ, хоть въ конторѣ...

Нора. Ахъ, Кристина, это такъ ужасно утомительно, а ты и безъ того такая измученная съ виду. Тебѣ бы лучше поѣхать куда-нибудь на купанья.

Фру Линде (отходя къ окну). У меня нѣтъ папы, который бы снабдилъ меня деньгами на дорогу, Нора.

Нора (вставая). Ахъ, не сердись на меня!

Фру Линде (идя къ ней). Милая Нора, *ты* на меня не серьдись. Хуже всего въ моемъ положеніи то, что въ душѣ осаждается столько горечи. Работать не для кого, а все-таки приходится хлопотать и биться всячески. Жить вѣдь надо; вотъ и становишься эгоисткой. Ты сейчасъ разсказала мнѣ о счастливой перемѣнѣ вашихъ обстоятельствъ, а я — повѣришь — радовалась не столько за тебя, сколько за себя.

Нора. Какъ такъ? Ахъ, понимаю: ты думаешь, Торвальдъ можетъ что-нибудь сдѣлать для тебя?

Фру Линде. Я это подумала.

Нора. Онъ и сдѣлаетъ, Кристина. Предоставь только все мнѣ. Я такъ тонко-тонко все подготовлю... придумаю что-ни-

будь такое особенное, чѣмъ задобрить его. Ахъ, я бы отъ души хотѣла помочь тебѣ.

Фру Линде. Какъ это мило съ твоей стороны, Нора, что ты такъ горячо берешься за мое дѣло... Вдвойнѣ мило съ твоей стороны: тебѣ самой такъ мало знакомы житейскіе невзгоды и труды.

Нора. Мнѣ? Мнѣ они мало знакомы?

Фру Линде (улыбаясь). Ну, Боже мой, какое-то рукодѣльничанье и тому подобное... Ты дитя, Нора.

Нора (закидывая голову и прохаживаясь по комнатѣ). Тебѣ бы не говорить со мной такъ свысока.

Фру Линде. Да?

Нора. И ты, какъ другіе. Вы всѣ думаете, что я негодна ни на что серьезное...

Фру Линде. Ну-ну...

Нора. ...Что я ровно ничего такого не испытала въ этой трудной жизни.

Фру Линде. Милая Нора, ты же только-что повѣдала мнѣ всѣ свои превратности.

Нора. Э, пустяки одни! (Тихо) Главнаго я тебѣ не разсказала.

Фру Линде. Главнаго? Что ты хочешь сказать?

Нора. Ты все смотришь на меня свысока, Кристина. А это напрасно. Ты гордишься, что несла такой тяжелый, долгій трудъ ради своей матери.

Фру Линде. Я, право, ни на кого не смотрю свысока. Но согласна,—я горжусь и радуюсь, вспоминая, что мнѣ выпало на долю хоть немножко облегчить остатокъ дней моей матери.

Нора. Ты гордишься также, вспоминая, что сдѣлала для братьевъ.

Фру Линде. Мнѣ кажется, я въ правѣ.

Нора. И мнѣ такъ кажется. Но вотъ, ты послушай, Кристина. И мнѣ есть чѣмъ гордиться, чему радоваться.

Фру Линде. Не сомнѣваюсь. Но въ какомъ смыслѣ?

Нора. Говори тише. Вдругъ Торвальдъ услышитъ! Ему ни за что въ мірѣ нельзя... Никому нельзя знать объ этомъ, Кристина, никому, кромѣ тебя.

Фру Линде. Да въ чемъ дѣло?

Нора. Поди сюда. (Привлекаетъ ее на диванъ рядомъ съ собой) Да, видишь... и мнѣ есть чѣмъ гордиться, чему радоваться. Это я спасла жизнь Торвальду.

Фру Линде. Спасла? Какъ спасла?

Нора. Я же разсказывала тебѣ о поѣздкѣ въ Италію. Торвальдъ не выжилъ бы, если бы не пожилъ на югѣ.

Фру Линде. Ну да. И твой отецъ далъ вамъ нужныя средства.

Нора (съ улыбкой). Это Торвальдъ такъ думаетъ и всѣ другіе, но...

Фру Линде. Но?..

Нора. Папа не далъ намъ ни гроша. Это я добыла деньги.

Фру Линде. Ты? Всю эту большую сумму?

Нора. Тысячу двѣсти спецій. Четыре тысячи восемьсотъ кронъ. Что ты скажешь?

Фру Линде. Но какъ это возможно, Нора? Выиграла ты, что ли?

Нора (презрительно). Выиграла? (Фыркаетъ) Это была бы не штука!

Фру Линде. Такъ откуда же ты добыла ихъ?

Нора (напѣвая и таинственно улыбаясь). Гм! Тра-ля-ля-ля!

Фру Линде. Не могла же ты занять.

Нора. Вотъ? Почему такъ?

Фру Линде. Да жена вѣдь не можетъ дѣлать долговъ безъ согласія мужа.

Нора (закидывая голову). Ну, если жена немножко смыслитъ въ дѣлахъ... если жена понимаетъ, какъ нужно умненько взяться за дѣло, то...

Фру Линде. Нора, я рѣшительно не понимаю...

Нора. И не надо тебѣ понимать. Я вѣдь и не сказала, что *заняла* деньги. Могла же я добыть ихъ другимъ путемъ. (Откидывается на спинку дивана) Могла получить отъ какого-нибудь поклонника. При такой привлекательной наружности, какъ у меня...

Фру Линде. Ты сумасбродка.

Нора. Теперь тебѣ, вѣрно. страсть какъ любопытно, Кристина?

Фру Линде. Послушай, милая Нора... ты не выкинула чего-нибудь такого... безразсуднаго?

Нора (выпрямляясь на диванѣ). Развѣ безразсудно спасти жизнь своего мужа?

Фру Линде. По-моему, безразсудно, если ты безъ его вѣдома...

Нора. Да вѣдь ему нельзя было ни о чемъ знать! Господи, какъ ты этого не понимаешь? Онъ не долженъ былъ и подозрѣвать, въ какой онъ опасности. Это *мнѣ* доктора сказали, что жизнь его въ опасности, что одно спасеніе — увезти его на югъ. Ты думаешь, я не пыталась сначала всячески выпутаться? Я подговаривалась къ нему, что и мнѣ тоже хотѣлось бы побывать за границей, какъ другія молодыя дамы. Я и

плакала и просила; говорила, что ему не худо бы помнить о моемъ «положеніи», что теперь надо всячески мнѣ угождать; намекала, что можно занять денегъ. Такъ онъ почти разсердился, Кристина. Сказалъ, что у меня вѣтеръ въ головѣ, и что его долгъ, какъ мужа, не потакать моимъ капризамъ и прихотямъ, — такъ онъ, кажется, выразился. А я себѣ думаю: ну, какъ-никакъ, а спасти тебя нужно, и нашла выходъ...

Фру Линде. И твой мужъ такъ и не узналъ отъ твоего отца, что деньги были не отъ него?

Нора. Такъ и не узналъ. Папа вѣдь какъ разъ умеръ. Я было-хотѣла посвятить его въ дѣло и просить не выдавать меня. Но онъ былъ уже такъ плохъ... и мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось...

Фру Линде. И ты до сихъ поръ не призналась мужу?

Нора. Нѣтъ, Боже избави, что̀ ты! Онъ такой строгій по этой части. И, кромѣ того, съ его мужскимъ самолюбіемъ... Для него было бы такъ мучительно, унизительно узнать, что онъ обязанъ мнѣ чѣмъ-нибудь. Это перевернуло бы вверхъ дномъ всѣ наши отношенія. Прощай тогда наша счастливая семейная жизнь.

Фру Линде. И ты никогда ему не скажешь?

Нора (подумавъ и слегка улыбаясь). Да... когда-нибудь, пожалуй... Когда пройдетъ много-много лѣтъ, и я ужъ не буду такая хорошенькая. Ты не смѣйся. Я, разумѣется, хочу сказать: когда я уже не буду такъ нравиться Торвальду, какъ теперь; когда его уже не будутъ развлекать мои танцы, переодѣванія, декламація. Тогда хорошо будетъ имѣть какую-нибудь заручку... (Обрывая) Вздоръ все. Этого никогда не будетъ... Ну, что̀ же ты скажешь о моей великой тайнѣ, Кристина? Гожусь я на что-нибудь? Ты не думай, что это дѣло не причиняло мнѣ большихъ заботъ. Мнѣ, право, иногда совсѣмъ не легко было оправдывать въ срокъ свои обязательства. Въ дѣловомъ мірѣ, скажу я тебѣ, существуетъ взносъ процентовъ по третямъ и взносы въ погашеніе долга, — какъ они называются. А ихъ всегда ужасно трудно добыть. Вотъ и приходилось экономить тамъ и сямъ, на чемъ только можно, — понимаешь? Изъ денегъ на хозяйство я не могла особенно много откладывать, — Торвальду нуженъ былъ хорошій столъ. И дѣтей нельзя было одѣвать кое-какъ. Что̀ я получала на нихъ, то цѣликомъ на нихъ и уходило. Милыя мои крошки!

Фру Линде. Такъ, вѣрно, приходилось отказывать во многомъ себѣ самой, бѣдняжка?

Нора. Понятно. Да кому-жъ и ближе было? Торвальдъ дастъ,

бывало. мнѣ денегъ на новое платье и тому подобное, а я всегда истрачу только половину. Все подешевле да попроще покупала. Счастье еще, что ко мнѣ все идетъ, и Торвальдъ никогда ничего не замѣчалъ. Но самой-то мнѣ иной разъ бывало не легко, Кристина. Вѣдь это такое удовольствіе хорошо одѣваться! Правда?

Фру Линде. Пожалуй.

Нора. Ну, были у меня, конечно, и другіе источники. Прошлой зимой мнѣ повезло, я получила массу переписки. Каждый вечеръ запиралась у себя въ комнатѣ и писала, писала до поздней ночи. Ахъ, иной разъ до того, бывало, устанешь! Но все-таки ужасно пріятно было сидѣть такъ и работать, зарабатывать деньги. Я чувствовала себя почти мужчиной.

Фру Линде. Но сколько же тебѣ такимъ путемъ удалось выплатить?

Нора. Вотъ ужъ не могу сказать тебѣ въ точности. Въ такихъ дѣлахъ, видишь ли, очень трудно разобраться. Знаю лишь, что я выплачивала столько, сколько мнѣ удавалось сколотить. Но часто у меня прямо руки опускались. (Улыбаясь) Тогда сяду, бывало, и начну себѣ представлять, что вотъ въ меня влюбился богатый старикъ...

Фру Линде. Что! Какой старикъ?

Нора. Э, никакой!.. Что онъ умеръ, его завѣщаніе вскрыли, и вдругъ тамъ крупными буквами написано: «Всѣ мои деньги получаетъ немедленно и чистоганомъ любезнѣйшая фру Нора Гельмеръ».

Фру Линде. Но, милая Нора... что же это за старикъ?

Нора. Господи, какъ ты не понимаешь? Никакого старика и не было вовсе. Это просто одно мое воображеніе. Я просто тѣшила себя этимъ, когда не знала, гдѣ добыть денегъ. Ну, да Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ этимъ скучнымъ старикомъ. Теперь мнѣ все равно. Не нужно мнѣ больше ни его, ни его завѣщанія. Теперь мнѣ и горя мало. (Вскакиваетъ) О, Господи, какая прелесть! Подумать только: горя мало! Не знать ни заботъ ни хлопотъ! Жить себѣ да поживать, возиться съ дѣтишками! Обставить весь домъ такъ красиво, изящно, какъ любитъ Торвальдъ! А тамъ, подумай, не за горами и весна, голубое небо, просторъ. Можетъ-быть, удастся прокатиться куда-нибудь. Пожалуй, опять увидѣть море! Ахъ, право, какъ чудесно жить и чувствовать себя счастливой!

(Въ передней слышенъ звонокъ).

Фру Линде (встаетъ). Звонятъ. Мнѣ, пожалуй, лучше уйти.

Нора. Нѣтъ, оставайся. Сюда врядъ ли кто придетъ. Это, вѣрно, къ Торвальду...

Служанка (въ дверяхъ передней). Извините, барыня, тутъ господинъ желаетъ поговорить съ г. адвокатомъ.

Нора. То-есть съ г. директоромъ!

Служанка. Съ г. директоромъ. Но я не знала, — тамъ вѣдь докторъ...

Нора. А что это за господинъ?

Крогстадъ (въ дверяхъ). Это я, фру Гельмеръ.

Фру Линде (пораженная, вся вздрагиваетъ и отворачивается къ окну).

Нора (дѣлая шагъ къ вошедшему, съ волненіемъ, понизивъ голосъ). Вы? Что это значитъ? О чемъ вы хотите говорить съ мужемъ?

Крогстадъ. О банковыхъ дѣлахъ, такъ сказать. Я занимаю маленькую должность въ банкѣ, а вашъ мужъ будетъ вѣдь теперь нашимъ директоромъ, какъ я слышалъ...

Нора. Значитъ...

Крогстадъ. По личному дѣлу, фру Гельмеръ. Ничего больше.

Нора. Такъ будьте добры пройти прямо въ контору. (Равнодушно кланяется, затворяетъ дверь въ прихожую, затѣмъ подходитъ къ печкѣ посмотрѣть, хорошо ли топится).

Фру Линде. Нора... Кто это былъ?

Нора. Частный повѣренный Крогстадъ.

Фру Линде. Значитъ, дѣйствительно онъ.

Нора. Ты знаешь этого человѣка?

Фру Линде. Знавала... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ вѣдь одно время служилъ и велъ дѣла въ нашихъ краяхъ.

Нора. Да, да, правда.

Фру Линде. Какъ онъ измѣнился!

Нора. Онъ, кажется, былъ очень неудачно женатъ.

Фру Линде. Теперь вѣдь онъ вдовецъ.

Нора. Съ кучей дѣтей... Ну вотъ, разгорѣлось. (Закрываетъ дверцы печки и слегка отодвигаетъ въ сторону качалку).

Фру Линде. Онъ, говорятъ, и тутъ занимается разными такими дѣлами?

Нора. Да? Очень возможно. Я совсѣмъ не знаю. Но довольно намъ думать о дѣлахъ. Это скучно.

(Изъ кабинета Гельмера входитъ докторъ Ранкъ).

Докторъ Ранкъ (еще въ дверяхъ). Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу мѣшать. Я лучше загляну къ твоей женѣ. (Затворяетъ за собою дверь и замѣчаетъ фру Линде) Ахъ, извините! Я и тутъ, кажется, помѣшаю.

Нора. Ничуть. (Представляетъ ихъ другъ другу) Докторъ Ранкъ— фру Линде.

Ранкъ. Вотъ какъ. Это имя я частенько слышалъ здѣсь въ домѣ. Кажется, я обогналъ васъ на лѣстницѣ, когда шелъ сюда.

Фру Линде. Да... Я подымаюсь очень медленно. Мнѣ трудно.

Ранкъ. Ага, внутренніе органы немножко не въ порядкѣ?

Фру Линде. Скорѣе простое переутомленіе.

Ранкъ. Только? Такъ, вѣрно, пріѣхали въ городъ отдохнуть, бѣгая по гостямъ?

Фру Линде. Я пріѣхала сюда искать работы.

Ранкъ. Что же, это особенно надежное средство противъ переутомленія?

Фру Линде. Надо чѣмъ-нибудь жить, докторъ.

Ранкъ. Да, какъ-то принято думать, будто это необходимо.

Нора. Ну, знаете, докторъ!.. И вы вѣдь тоже не прочь пожить.

Ранкъ. Ну да, положимъ. Какъ я ни плохъ, я все-таки готовъ жить и мучиться какъ можно дольше. И всѣ мои паціенты тоже. И всѣ нравственно убогіе тоже самое. Сейчасъ вотъ одинъ такой нравственный калѣка сидитъ у Гельмера...

Фру Линде (тихо). А!..

Нора. Вы про кого?

Ранкъ. Да про Крогстада, про человѣка, о которомъ вы ничего не знаете. У него подгнили самые корни характера, сударыня. А и онъ тамъ началъ твердить, какъ нѣчто непреложное, важное, что и ему надо жить.

Нора. Да? О чемъ же онъ пришелъ говорить съ Торвальдомъ?

Ранкъ. Право, не знаю. Слышалъ только что-то насчетъ банка.

Нора. Я не знала, что Крог... что этотъ господинъ причастенъ къ банку.

Ранкъ. Да, онъ занимаетъ тамъ какую-то должность. (Фру Линде) Не знаю, водятся ли и въ вашихъ краяхъ такого сорта люди, которые точно въ горячкѣ шныряютъ повсюду, разнюхивая, не пахнетъ ли гдѣ нравственною гнилью, чтобы имѣть затѣмъ это лицо въ виду для опредѣленія на какую-нибудь выгодную должность. Здоровымъ и приходится смирнехонько оставаться за флагомъ.

Фру Линде. Да вѣдь больные-то больше всего и нуждаются въ попеченіи.

Ранкъ (пожимая плечами). Вотъ то-то и оно-то. Благодаря такимъ взглядамъ общество и превращается въ больницу.

Нора (занятая собственными мыслями, вдругъ заливается негромкимъ смѣхомъ и хлопаетъ въ ладоши).

Ранкъ. Вы что такъ смѣетесь надъ этимъ? Вы-то въ сущности знаете ли, что такое общество?

Нора. Очень мнѣ нужно ваше скучное общество! Я совсѣмъ другому смѣюсь... Ужасно забавно! Скажите, докторъ, теперь всѣ служащіе въ этомъ банкѣ подвластны Торвальду?

Ранкъ. Такъ *это-то* васъ такъ ужасно забавляетъ?

Нора (улыбаясь и напѣвая). Это ужъ мое дѣло. Мое дѣло. (Прохаживается по комнатѣ) Да, въ самомъ дѣлѣ, ужасно пріятно подумать, что мы... то-есть Торвальдъ пріобрѣлъ такое вліяніе на такое множество людей. (Вынимаетъ изъ кармана мѣшочекъ) Докторъ Ранкъ, не хотите ли миндальнаго печенья?

Ранкъ. Те-те-те, миндальное печенье! Я думалъ, это у васъ запрещенный плодъ?

Нора. Да, но это Кристина мнѣ принесла немножко.

Фру Линде. Что?.. Я?..

Нора. Ну-ну-ну, не пугайся. Ты же не могла знать, что Торвальдъ запретилъ. Надо тебѣ сказать, онъ боится, что я испорчу себѣ зубы. Но что за бѣда... разочекъ! Правда, докторъ? Извольте! (Суетъ ему въ ротъ печенье). Вотъ и тебѣ, Кристина. И мнѣ можно одну штучку, маленькую... или ужъ—двѣ, не больше. (Прохаживается опять) Да, я, право, безконечно счастлива. Одного только мнѣ бы ужасно хотѣлось еще.

Ранкъ. Ну? Чего же это?

Нора. Ужасно бы хотѣлось сказать при Торвальдѣ одну вещь.

Ранкъ. Такъ что же вы не скажете?

Нора. Не смѣю. Это гадко.

Фру Линде. Гадко?

Ранкъ. Въ такомъ случаѣ не посовѣтую. Но при насъ можно смѣло... Ну, что же это вамъ такъ ужасно хотѣлось бы сказать при Гельмерѣ?

Нора. Ужасно хотѣлось бы сказать: чортъ подери!

Ранкъ. Что вы, что вы!

Фру Линде. Помилуй, Нора!..

Ранкъ. Скажите. Вотъ онъ.

Нора (пряча мѣшочекъ съ печеньемъ). Тсс... тсс... тсс!

(Гельмеръ, съ перекинутымъ черезъ руку пальто и держа въ другой шляпу, выходитъ изъ кабинета).

Нора (идя къ нему). Ну, милый, спровадилъ его?

Гельмеръ. Да, ушелъ.

Нора. Позволь тебя познакомить. Это Кристина; пріѣхала сюда въ городъ.

Гельмеръ. Кристина?.. Извините, но я не знаю...

Нора. Это фру Линде, милый; фру Кристина Линде.

Гельмеръ. Ахъ, вотъ что. Повидимому, подруга дѣтства моей жены?

Фру Линде. Да, мы знавали другъ друга въ прежнія времена.

Нора. И представь, она пустилась въ такой длинный путь, чтобы поговорить съ тобой.

Гельмеръ. То-есть какъ это?

Фру Линде. Не то, чтобы собственно...

Нора. Кристина какъ разъ отличная конторщица, и ей страшно хочется попасть на службу къ дѣльному человѣку, чтобы еще подучиться побольше...

Гельмеръ. Весьма разумно, сударыня.

Нора. И когда она узнала, что ты назначенъ директоромъ банка, — была телеграмма объ этомъ, — она сію же минуту полетѣла сюда... Правда, Торвальдъ, ты, ради меня, вѣдь сдѣлаешь что-нибудь для Кристины? А?

Гельмеръ. Да, это не совсѣмъ невозможно. Вы, вѣроятно, вдова?

Фру Линде. Да.

Гельмеръ. И опытны въ конторскомъ дѣлѣ?

Фру Линде. Да, порядочно.

Гельмеръ. Такъ весьма вѣроятно, что я могу доставить вамъ мѣсто...

Нора (хлопая въ ладоши). Видишь, видишь!

Гельмеръ. Вы явились какъ разъ въ удачную минуту, сударыня.

Фру Линде. О, какъ мнѣ васъ благодарить?..

Гельмеръ. Не за что. (Надѣваетъ пальто) Но сегодня вы ужъ извините меня...

Ранкъ. Погоди, и я съ тобой. (Приноситъ изъ передней шубу и грѣетъ ее передъ печкой).

Нора. Только не замѣшкайся, милый Торвальдъ!

Гельмеръ. Съ часъ, не больше.

Нора. И ты уходишь, Кристина?

Фру Линде (надѣвая пальто). Да, надо пойти, пріискать себѣ комнату.

Гельмеръ. Такъ, можетъ-быть, выйдемъ вмѣстѣ?

Нора (помогаетъ фру Линде). Какая досада, что у насъ такъ тѣсно; нѣтъ никакой возможности...

Фру Линде. Что ты! Кто же объ этомъ думаетъ! Прощай, дорогая, и спасибо тебѣ за все.

Нора. Прощай пока. Вечеромъ ты, само собой, опять придешь. И вы, докторъ. Что? Если обстоятельства позволятъ? Ну, конечно, позволятъ. Только закутайтесь хорошенько.

(Выходятъ, прощаясь и болтая, въ переднюю. Съ лѣстницы доносятся дѣтскіе голоса).

Нора. Это они! они! (Бѣжитъ и открываетъ наружную дверь. Входитъ Анна-Марія съ дѣтьми). Входите! Входите! (Наклоняется и цѣлуетъ дѣтей) Ахъ, вы, милыя мои, славныя! Погляди на нихъ, Кристина! Ну, не милашки ли?

Ранкъ. Болтать на сквознякѣ воспрещается!

Гельмеръ. Идемте, фру Линде. Теперь тутъ внору оставаться одинѣмъ маменькамъ.

(Докторъ Ранкъ, Гельмеръ и фру Линде уходятъ: Анна-Марія входитъ съ дѣтьми въ комнату; Нора также, затворяя дверь въ переднюю).

Нора. Какія свѣженькія, румяненькія! Чистыя яблочки, розы! (Дѣти то и дѣло перебиваютъ ея рѣчь своими разговорами). Такъ весело было? А, это отлично. Да? Ты каталъ на салазкахъ и Боба и Эмми? Обоихъ заразъ? Подумай! Молодецъ-мальчуганъ, мой Иваръ! Нѣтъ, дай мнѣ ее подержать, Анна-Марія! Дорогая моя, милая куколка! (Беретъ у няньки младшую дѣвочку и кружится съ нею) Да, да, мама потанцуетъ и съ Бобомъ! Что? Въ снѣжки играли? Ахъ, жаль, что меня съ вами не было! Нѣтъ, оставь, я сама ихъ раздѣну, Анна-Марія. Дай, пожалуйста, мнѣ самой, — это такъ весело. Ступай себѣ пока; ты, кажется, совсѣмъ иззябла. Тамъ тебѣ кофе оставленъ на печкѣ. (Нянька уходитъ въ дверь налѣво. Нора раздѣваетъ дѣтей, разбрасывая куда попало принадлежности ихъ туалета и продолжая болтать съ ними) Вотъ какъ? Большая собака гналась за вами? А не укусила? Нѣтъ, собаки не кусаютъ такихъ славныхъ, крохотныхъ куколокъ... Ни-ни! Не заглядывать въ свертки, Иваръ! Что это?.. Да, знали бы вы, что тамъ! Нѣтъ, нѣтъ! это бяка!.. Что? Играть хотите? Какъ же мы будемъ играть? Въ прятки? Ну, давайте въ прятки. Первый пусть Бобъ спрячется. Ахъ, мнѣ? Ну, хорошо, я первая.

(Начинается игра, сопровождаемая смѣхомъ и весельемъ; прячутся и въ этой комнатѣ и въ сосѣдней направо. Наконецъ Нора прячется подъ столъ: дѣти шумно врываются въ комнату, ищутъ, но не могутъ сразу ее найти, слышатъ ея заглушенный смѣхъ, бросаются къ столу, поднимаютъ скатерть и находятъ мать. Полный восторгъ. Нора высовывается, какъ бы желая испугать ихъ. Новый взрывъ восторга. Тѣмъ временемъ стучатъ во входную дверь. Никто не замѣчаетъ. Тогда дверь изъ передней пріоткрывается, и показывается Крогстадъ. Онъ выжидаетъ съ минуту. Игра продолжается).

Крогстадъ. Извините, фру Гельмеръ...

Нора (слегка вскрикиваетъ, оборачивается и полуприподнимается). А! Что вамъ?

Крогстадъ. Извините. Входная дверь стояла непритворенной. Забыли, вѣрно, закрыть...

Нора (вставъ). Мужа нѣтъ дома, господинъ Крогстадъ.

Крогстадъ. Знаю.

Нора. Ну... такъ что же вамъ угодно?

Крогстадъ. Поговорить съ вами.

Нора. Со... (Дѣтямъ, тихо) Ступайте къ Аннѣ-Маріи. Что? Нѣтъ, чужой господинъ ничего худого не сдѣлаетъ мамѣ.

Когда онъ уйдетъ, мы поиграемъ еще. (Уводитъ дѣтей въ комнату налѣво и запираетъ за ними дверь. Съ безпокойствомъ, напряженно) Вы хотите поговорить со мной?

Крогстадъ. Да.

Нора. Сегодня?.. Но вѣдь у насъ еще не первое число...

Крогстадъ. Нѣтъ, у насъ сочельникъ. И отъ васъ самихъ зависитъ устроить себѣ веселые праздники.

Нора. Что же вамъ нужно? Я совсѣмъ не могу сегодня...

Крогстадъ. Объ этомъ мы пока не будемъ говорить. О другомъ. У васъ, вѣрно, найдется минута свободная?

Нора. Гм... да; конечно, найдется, хотя...

Крогстадъ. Хорошо. Я сидѣлъ внизу въ ресторанчикѣ и видѣлъ, какъ вашъ мужъ прошелъ по улицѣ...

Нора. Да, да.

Крогстадъ. ...Съ дамой.

Нора. И что же?

Крогстадъ. Позвольте спросить: это не фру Линде?

Нора. Да.

Крогстадъ. Только-что пріѣхала сюда?

Нора. Да, сегодня.

Крогстадъ. Она ваша близкая подруга?

Нора. Да. Но я не вижу...

Крогстадъ. И я когда-то былъ съ ней знакомъ.

Нора. Знаю.

Крогстадъ. Да? Такъ вы знаете? Я такъ и думалъ. Тогда позвольте мнѣ спросить васъ безъ обиняковъ: фру Линде получитъ мѣсто въ банкѣ?

Нора. Какъ вы осмѣливаетесь выспрашивать *меня*, господинъ Крогстадъ, вы, подчиненный моего мужа? Но, ужъ разъ вы спросили, такъ знайте: да, фру Линде получитъ мѣсто. И это я похлопотала за нее, господинъ Крогстадъ. Вотъ вамъ.

Крогстадъ. Значитъ, я не ошибся въ расчетахъ.

Нора (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Я полагаю, намъ можно-таки имѣть нѣкоторое вліяніе. Изъ того, что родишься женщиной, вовсе не слѣдуетъ еще... И въ положеніи подчиненнаго, господинъ Крогстадъ, вамъ, право, слѣдовало бы остерегаться задѣвать того, кто... гм...

Крогстадъ. ...Кто имѣетъ вліяніе?

Нора. Именно!

Крогстадъ (мѣняя тонъ). Фру Гельмеръ, не угодно ли будетъ вамъ пустить въ ходъ свое вліяніе въ мою пользу?

Нора. Что еще? Въ какомъ смыслѣ?

Крогстадъ. Не угодно ли будетъ вамъ похлопотать, чтобы я сохранилъ мое положеніе подчиненнаго.

Нора. Что это значитъ? Кто думаетъ лишить васъ его?

Крогстадъ. О, вамъ не зачѣмъ разыгрывать передо мной незнайку. Я отлично смекаю, что подругѣ вашей не можетъ быть пріятно рисковать столкнуться со мной, и смекаю тоже, кому я буду обязанъ изгнаніемъ.

Нора. Но увѣряю васъ...

Крогстадъ. Да, да, да; однимъ словомъ — время еще не ушло, и я совѣтую вамъ пустить въ ходъ ваше вліяніе, чтобы предупредить это.

Нора. Ну, господинъ Крогстадъ, у меня ровно никакого вліянія.

Крогстадъ. Никакого? Мнѣ кажется, вы только-что сами сказали...

Нора. Разумѣется, я не въ такомъ смыслѣ. Я!.. Какъ вы можете думать, что я имѣю на моего мужа какое-нибудь такое вліяніе?

Крогстадъ. О, я знаю вашего мужа со студенческой скамьи. Не думаю, чтобы господинъ директоръ былъ тверже другихъ мужей.

Нора. Если вы будете отзываться о моемъ мужѣ пренебрежительно, я укажу вамъ на дверь.

Крогстадъ. Вы очень храбры, фру Гельмеръ.

Нора. Я не боюсь васъ больше. Послѣ Новаго года я живо покончу со всѣмъ этимъ.

Крогстадъ (болѣе сдержанно). Слушайте, фру Гельмеръ. Въ случаѣ необходимости я буду бороться не на жизнь, а на смерть изъ-за своей скромной должности въ банкѣ.

Нора. На то и похоже, право.

Крогстадъ. Не только изъ-за жалованья. О немъ я меньше всего хлопочу. Но тутъ — другое... Ну да — на чистоту! Вотъ въ чемъ дѣло. Вы, разумѣется, такъ же хорошо, какъ и другіе, знаете, что я однажды попался... совершилъ необдуманный поступокъ.

Нора. Кажется, что-то такое слыхала.

Крогстадъ. Дѣло не дошло до суда; но всѣ пути для меня точно закрылись съ того времени. Тогда я взялся за тѣ дѣла... вы знаете. Надо же было за что-нибудь ухватиться. И, смѣю сказать, я былъ не изъ худшихъ въ своемъ родѣ. Но теперь мнѣ надо выкарабкаться изъ этого положенія. У меня сыновья подрастаютъ. Ради нихъ мнѣ надо возстановить свое прежнее положеніе въ обществѣ — насколько это возможно. Мѣсто въ банкѣ было какъ бы первой ступенью. И вдругъ теперь вашъ мужъ столкнетъ меня опять въ яму.

Нора. Но, ради Бога, господинъ Крогстадъ, не въ моей власти помочь вамъ...

Крогстадъ. Потому что вы не хотите, но у меня есть средство заставить васъ.

Нора. Не разскажете же вы моему мужу, что я задолжала вамъ?

Крогстадъ. Гм! А если бы разсказалъ?

Нора. Это было бы безсовѣстно съ вашей стороны. (Со слезами въ голосѣ) Какъ, онъ узнаетъ эту тайну — мою гордость и радость — такимъ грубымъ, пошлымъ образомъ?.. Отъ *васъ?* Вы хотите подвергнуть меня самымъ ужаснымъ непріятностямъ...

Крогстадъ. Только непріятностямъ?

Нора (горячо). Но попробуйте только, вамъ же самимъ будетъ хуже. Тогда мой мужъ наконецъ узнаетъ, какой вы дурной человѣкъ, и васъ вовсе не оставятъ въ банкѣ.

Крогстадъ. Я спрашиваю, вы боитесь только домашнихъ непріятностей?

Нора. Если мужъ мой узнаетъ, онъ, разумѣется, сразу заплатитъ весь остатокъ, и намъ съ вами не зачѣмъ будетъ знаться.

Крогстадъ (дѣлая шагъ къ ней). Слушайте, фру Гельмеръ: или у васъ память коротка, или вы ничего не смыслите въ дѣлахъ. Видно, придется мнѣ растолковать вамъ дѣло пообстоятельнѣе.

Нора. Какъ такъ?

Крогстадъ. Когда вашъ мужъ былъ боленъ, вы явились ко мнѣ занять тысячу двѣсти спецій.

Нора. Я не знала, къ кому больше обратиться.

Крогстадъ. Я взялся достать вамъ эту сумму...

Нора. И достали.

Крогстадъ. Взялся я достать вамъ ее на извѣстныхъ условіяхъ. Вы были тогда такъ заняты болѣзнью вашего мужа, такъ озабочены, гдѣ бы достать денегъ на поѣздку, что, пожалуй, вамъ некогда было разбираться въ подробностяхъ. Такъ не лишнее напомнить вамъ ихъ. Да, я взялся достать вамъ деньги и составилъ для васъ долговое обязательство.

Нора. Ну да, которое я подписала.

Крогстадъ. Хорошо. Но внизу я добавилъ нѣсколько строкъ отъ имени вашего отца — его поручительство за васъ. Эти строки долженъ былъ подписать вашъ отецъ.

Нора. Долженъ?.. Онъ и подписалъ.

Крогстадъ. Я оставилъ мѣсто для числа. То-есть вашъ отецъ самъ долженъ былъ проставить день и число, когда подпишетъ бумагу. Помните вы это?

Нора. Кажется...

Крогстадъ. Я передалъ вамъ долговое обязательство, чтобы вы послали его по почтѣ вашему отцу. Не такъ ли?

Нора. Да.

Крогстадъ. Вы, разумѣется, сейчасъ же сдѣлали это, такъ какъ дней черезъ пять-шесть вы принесли мнѣ бумагу съ подписью вашего отца. И сумма была вамъ вручена.

Нора. Ну да, и развѣ я не аккуратно выплачивала?

Крогстадъ. Ничего себѣ. Но — чтобы вернуться къ предмету нашего разговора — вѣрно, тяжело вамъ приходилось тогда, фру Гельмеръ?

Нора. Да.

Крогстадъ. Отецъ вашъ, кажется, былъ тяжко боленъ?

Нора. При смерти.

Крогстадъ. И вскорѣ умеръ?

Нора. Да.

Крогстадъ. Скажите мнѣ, фру Гельмеръ, не помните ли вы случайно дня смерти вашего отца? То-есть какого мѣсяца и числа онъ умеръ?

Нора. Папа умеръ 29 сентября.

Крогстадъ. Совершенно вѣрно; я освѣдомлялся. И вотъ тутъ-то и выходитъ странность... (вынимаетъ бумагу) которую я никакъ не могу объяснить себѣ.

Нора. Какая странность? Я не знаю...

Крогстадъ. Такая странность, фру Гельмеръ, что отецъ вашъ подписалъ эту бумагу три дня спустя послѣ своей смерти.

Нора. Какъ такъ? Я не понимаю...

Крогстадъ. Отецъ вашъ умеръ 29 сентября. Но взгляните. Вотъ тутъ онъ помѣтилъ свою подпись вторымъ октября. Развѣ это не странность?

Нора (молчитъ).

Крогстадъ. Можете вы объяснить мнѣ ее?

Нора (все молчитъ).

Крогстадъ. Замѣчательно еще вотъ что: слова «2-е октября» и годъ написаны не почеркомъ вашего отца, но другимъ, который мнѣ кажется знакомымъ. Ну, это можно еще объяснить: вашъ отецъ могъ забыть проставить число и годъ подъ своей подписью, и кто-то другой сдѣлалъ это наугадъ, не зная еще о его смерти. Въ этомъ нѣтъ ничего такого. Главное дѣло въ самой подписи. Она-то подлинная, фру Гельмеръ? Это дѣйствительно вашъ отецъ подписался?

Нора (послѣ короткой паузы откидываетъ голову назадъ и вызывающе смотритъ на него). Нѣтъ, не онъ. Это *я* подписалась за него.

Крогстадъ. Слушайте, фру Гельмеръ... вы знаете, что это опасное признаніе?

Нора. Почему? Вы скоро получите свои деньги.

Крогстадъ. Могу я спросить васъ, почему вы не послали бумагу вашему отцу?

Нора. Невозможно было. Папа былъ тяжко боленъ. Если просить его подписи, надо было объяснить ему, на что понадобились деньги. А не могла же я написать ему, когда онъ самъ былъ такъ боленъ, что и мужъ мой на краю могилы. Немыслимо было.

Крогстадъ. Такъ вамъ бы лучше было отказаться отъ поѣздки за границу.

Нора. И это было невозможно. Отъ этой поѣздки зависѣло спасеніе моего мужа. Не могла я отказаться отъ нея.

Крогстадъ. Но вы не подумали, что такимъ образомъ обманываете меня?..

Нора. На это мнѣ рѣшительно нечего было смотрѣть. Я и думать о васъ не хотѣла. Терпѣть васъ не могла за всѣ ваши безсердечныя придирки, которыя вы дѣлали, хоть и знали, въ какой опасности мой мужъ.

Крогстадъ. Фру Гельмеръ, вы, очевидно, не представляете себѣ ясно, въ чемъ вы въ сущности виноваты. Но я могу сказать вамъ вотъ что: то, въ чемъ я попался и что сгубило все мое общественное положеніе, было ничуть не хуже, не важнѣе этого.

Нора. Вы? Вы хотите увѣрить меня, будто вы могли отважиться на что-нибудь такое, чтобы спасти жизнь вашей жены?

Крогстадъ. Законы не справляются съ побужденіями.

Нора. Такъ плохіе, значитъ, законы.

Крогстадъ. Плохіе или нѣтъ, но если я представлю эту бумагу въ судъ — васъ осудятъ по законамъ.

Нора. Ни за что не повѣрю. Чтобы дочь не имѣла права избавить умирающаго старика-отца отъ тревогъ и огорченія? Чтобы жена не имѣла права спасти жизнь своего мужа? Я не знаю точно законовъ, но увѣрена, что гдѣ-нибудь да въ нихъ это должно быть разрѣшено. И вы, юристъ, не знаете этого? Вы, вѣрно, плохой законникъ, господинъ Крогстадъ!

Крогстадъ. Пусть такъ. Но въ дѣлахъ... въ такихъ, какія завязались у насъ съ вами, вы, конечно, допускаете, что я кое-что смыслю? Такъ вотъ. Дѣлайте, что хотите. Но я говорю вамъ: если меня вышвырнутъ еще разъ, вы составите мнѣ компанію. (Кланяется и уходитъ черезъ переднюю).

Нора (послѣ минутнаго раздумья, закидывая голову). Э, что тамъ! Запугать меня хотѣлъ! Не такъ-то я проста. (Принимается при-

бирать разбросанныя дѣтскія вещи, но скоро бросаетъ). Но..? Нѣтъ, этого все-таки не можетъ быть! Я же сдѣлала это изъ любви.

Дѣти (въ дверяхъ налѣво). Мама, чужой господинъ вышелъ изъ воротъ.

Нора. Да, да, знаю. Только никому не говорите о чужомъ господинѣ. Слышите? Даже папѣ!

Дѣти. Да, да, мама; но ты поиграешь съ нами еще?

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, не сейчасъ.

Дѣти. Ахъ, мама, ты же обѣщала!

Нора. Да, но мнѣ нельзя теперь. Подите къ себѣ; у меня столько дѣла. Подите, подите, мои дорогія! (Ласково выпроваживаетъ ихъ изъ комнаты и затворяетъ за ними дверь. Потомъ садится на диванъ, берется за вышиванье, но, сдѣлавъ нѣсколько стежковъ, останавливается). Нѣтъ! (Бросаетъ работу, встаетъ, идетъ къ дверямъ въ переднюю и зоветъ) Лена! Давай сюда елку! (Идетъ къ столу налѣво и открываетъ ящикъ стола; снова останавливается) Нѣтъ, это же прямо немыслимо!

Служанка (съ елкой). Куда прикажете поставить?

Нора. Туда. Посреди нѣ.

Служанка. Еще что-нибудь подать?

Нора. Нѣтъ, спасибо, у меня все подъ руками.

Служанка (поставивъ елку, уходитъ).

Нора (принимаясь украшать елку). Сюда вотъ свѣчки... сюда цвѣты... Отвратительный человѣкъ!.. Вздоръ, вздоръ, вздоръ! Ничего нѣтъ такого! Елка будетъ восхитительная. Я все сдѣлаю, какъ ты любишь, Торвальдъ... Буду пѣть тебѣ, танцовать...

(Изъ передней входитъ Гельмеръ съ кипой бумагъ подъ мышкой).

Нора. А!.. Уже?

Гельмеръ. Да. Заходилъ кто-нибудь?

Нора. Заходилъ? Нѣтъ.

Гельмеръ. Странно. Я видѣлъ, какъ Крогстадъ вышелъ изъ воротъ.

Нора. Да? Ахъ, да, онъ заходилъ на минутку.

Гельмеръ. Нора, я по твоему лицу вижу, онъ приходилъ просить, чтобы ты замолвила за него слово.

Нора. Да.

Гельмеръ. И, вдобавокъ, какъ бы сама отъ себя? Скрывъ отъ меня, что онъ былъ здѣсь? Не такъ ли?

Нора. Да. Торвальдъ, но...

Гельмеръ. Нора, Нора, и ты могла пойти на это? Сговариваться съ такимъ человѣкомъ, обѣщать ему что-нибудь! Да еще, вдобавокъ, говорить мнѣ неправду!

Нора. Неправду?..

Гельмеръ. Ты развѣ не сказала, что никто не заходилъ?

(Грозя пальцемъ) Чтобы этого не было больше, моя пѣвунья-пташка. У пѣвчей пташки горлышко должно быть всегда чисто; ни единаго фальшиваго звука! (Обнимаетъ ее за талію) Не такъ ли? Да, я такъ и зналъ. (Выпускаетъ ее) И больше ни слова объ этомъ. (Садится передъ печкой) Ахъ, какъ тутъ тепло, уютно. (Перелистываетъ бумаги).

Нора (занятая украшеніемъ елки, послѣ короткой паузы). Торвальдъ!

Гельмеръ. Что?

Нора. Я ужасно рада, что послѣзавтра костюмированный вечеръ у Стенборговъ.

Гельмеръ. А мнѣ ужасно любопытно, чѣмъ-то ты удивишь меня на этотъ разъ.

Нора. Ахъ, эта глупая выдумка!

Гельмеръ. Ну?

Нора. Я никакъ не могу придумать ничего подходящаго. Все у меня выходитъ какъ-то глупо, безсмысленно.

Гельмеръ. Неужели малютка Нора пришла къ такому заключенію?

Нора (заходя сзади и опираясь локтями о спинку его кресла). Ты очень занятъ, Торвальдъ?

Гельмеръ. Гм!

Нора. Что это за бумаги?

Гельмеръ. Банковскія дѣла.

Нора. Уже?

Гельмеръ. Я заставилъ прежнее правленіе уполномочить меня заняться необходимыми перемѣнами въ личномъ составѣ служащихъ и въ дѣлопроизводствѣ. На это и уйдетъ у меня рождественская недѣля. Хочу, чтобы къ Новому году все уже было налажено.

Нора. Такъ вотъ почему этотъ бѣдняга Крогстадъ...

Гельмеръ. Гм!

Нора (попрежнему, опираясь локтями на спинку кресла, тихонько перебираетъ пальцами волосы мужа). Не будь ты такъ занятъ, я бы попросила тебя объ одномъ огромномъ одолженіи, Торвальдъ.

Гельмеръ. Послушаемъ. О чемъ же?

Нора. Ни у кого вѣдь нѣтъ такого вкуса, какъ у тебя. А мнѣ бы такъ хотѣлось быть хорошенькой на этомъ костюмированномъ вечерѣ. Торвальдъ, нельзя ли тебѣ заняться мной, рѣшить, чѣмъ мнѣ быть и какъ одѣться?

Гельмеръ. Ага, маленькая упрямица ищетъ спасителя?

Нора. Да, Торвальдъ, мнѣ не справиться безъ тебя.

Гельмеръ. Ладно, ладно. Подумаемъ и, вѣрно, сумѣемъ помочь горю.

Нора. Ахъ, какъ это мило съ твоей стороны! (Снова отходитъ къ елкѣ; пауза). А какъ красиво выдѣляются красные цвѣты... Но, скажи мнѣ, этотъ Крогстадъ, правда, провинился въ очень дурномъ дѣлѣ?

Гельмеръ. Въ подлогѣ. Ты имѣешь представленіе о томъ, что̀ это такое?

Нора. Не изъ нужды ли онъ?

Гельмеръ. Да, или, какъ многіе, по легкомыслію. И я не такъ безсердеченъ, чтобы безповоротно осудить человѣка за одинъ такой проступокъ.

Нора. Да, не правда ли, Торвальдъ?

Гельмеръ. Иной падшій можетъ вновь подняться нравственно, если откровенно признается въ своей винѣ и понесетъ наказаніе.

Нора. Наказаніе?..

Гельмеръ. Но Крогстадъ не пошелъ этой дорогой. Онъ вывернулся всякими правдами и неправдами, и это-то и сгубило его въ нравственномъ смыслѣ.

Нора. По-твоему, надо было...

Гельмеръ. Ты представь себѣ только, какъ человѣку, съ такимъ пятномъ на совѣсти, приходится лгать, изворачиваться, притворяться передъ всѣми, носить маску даже передъ своими близкими, даже передъ женой и собственными дѣтьми. И вотъ насчетъ дѣтей — это всего ужаснѣе, Нора.

Нора. Почему?

Гельмеръ. Потому что отравленная ложью атмосфера вноситъ заразу, растлѣніе во всю домашнюю жизнь. Дѣти съ каждымъ глоткомъ воздуха воспринимаютъ зародыши зла.

Нора (приближаясь къ нему сзади): Ты увѣренъ въ этомъ?

Гельмеръ. Ахъ, милая, я достаточно убѣдился въ этомъ въ теченіе своей адвокатской практики. Почти всѣ рано сбившіеся съ пути люди имѣли лживыхъ матерей.

Нора. Почему именно... матерей?

Гельмеръ. Чаще всего это беретъ свое начало отъ матерей. Но и отцы, разумѣется, вліяютъ въ томъ же направленіи. Это хорошо извѣстно всякому адвокату. А этотъ Крогстадъ цѣлые годы отравлялъ своихъ дѣтей ложью и лицемѣріемъ, вотъ почему я и называю его нравственно испорченнымъ. (Простирая къ ней руки) Поэтому пусть моя милочка Нора обѣщаетъ мнѣ не просить за него. Дай руку, что обѣщаешь. Ну, ну, что̀ это? Давай руку. Вотъ такъ. Значитъ, уговоръ. Увѣряю тебя, мнѣ просто невозможно было бы работать вмѣстѣ съ нимъ; я испытываю прямо физическое отвращеніе къ такимъ людямъ.

Нора (освобождаетъ свою руку и переходитъ на другую сторону елки). Какъ здѣсь жарко. А у меня столько хлопотъ.

Гельмеръ (встаетъ и собираетъ бумаги). Да, мнѣ тоже надо немножко позаняться до обѣда вотъ этимъ. И костюмомъ твоимъ займусь. И повѣсить кое-что на елку въ золотой бумажкѣ у меня, пожалуй, найдется. (Кладетъ ей руки на голову) Ахъ, ты, моя безцѣнная пѣвунья-пташка! (Уходитъ въ кабинетъ и закрываетъ за собой дверь).

Нора (помолчавъ, тихо). Э, что тамъ! Не будетъ этого. Это невозможно. *Должно быть* невозможно.

Анна-Марія (въ дверяхъ налѣво). Дѣтки такъ умильно просятся къ мамашѣ.

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не пускай ихъ ко мнѣ! Побудь съ ними, Анна-Марія.

Анна-Марія. Ну, хорошо, хорошо. (Затворяетъ дверь).

Нора (блѣдная отъ ужаса). Испортить моихъ малютокъ!.. Отравить домъ! (Послѣ короткой паузы, закидывая голову) Это неправда. Не можетъ быть правдой, никогда, ни во вѣки вѣковъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната. Въ углу, возлѣ фортепіано, стоитъ обобранная, съ обгорѣвшими свѣчами елка. На диванѣ верхнее платье Норы. Нора одна въ волненіи бродитъ по комнатѣ, наконецъ останавливается у дивана и беретъ свое манто.

Нора (выпуская изъ рукъ манто). Идетъ кто-то! (Подходитъ къ дверямъ и прислушивается) Нѣтъ... никого. Разумѣется... никто сегодня не придетъ, — первый день праздника... И завтра тоже... Но, можетъ-быть... (Отворяетъ дверь и выглядываетъ) Нѣтъ; ящикъ для писемъ пустъ. (Возвращается назадъ) Э, глупости! Разумѣется, онъ ничего такого на самомъ дѣлѣ не сдѣлаетъ. Ничего такого быть не можетъ. Это невозможно. У меня трое маленькихъ дѣтей.

Анна-Марія (выходитъ изъ дверей налѣво, неся большую картонку). Насилу отыскала эту картонку съ маскарадными платьями.

Нора. Спасибо, поставь на столъ.

Анна-Марія (ставитъ). Только они, вѣрно, страсть въ какомъ безпорядкѣ.

Нора. Ахъ, разорвать бы ихъ на мелкіе кусочки!

Анна-Марія. Что вы! Ихъ можно починить. Только терпѣнья немножко.

Нора. Такъ я пойду, попрошу фру Линде помочь мнѣ.

Анна-Марія. Опять со двора? Въ такую-то погоду? Фру Нора простудится... захвораетъ.

Нора. Это еще не такъ страшно... Что̀ дѣти?

Анна-Марія. Играютъ новыми игрушками, бѣдняжечки. Только...

Нора. Часто обо мнѣ спрашиваютъ?

Анна-Марія. Привыкли вѣдь быть все съ мамашей.

Нора. Да, видишь, Анна-Марія, мнѣ теперь нельзя будетъ такъ много бывать съ ними, какъ прежде.

Анна-Марія. Ну, малыши ко всему привыкаютъ.

Нора. Ты думаешь? По-твоему, они забыли бы мать, если бы ея не стало?

Анна-Марія. Господи помилуй! Не стало!

Нора. Слушай, Анна-Марія... я часто думаю... какъ это у тебя хватило духу отдать своего ребенка чужимъ?

Анна-Марія. Пришлось; какъ же было иначе, коли я поступила кормилицей къ малюткѣ Норѣ.

Нора. Но какъ же ты захотѣла пойти въ кормилицы?

Анна-Марія. На такое-то хорошее мѣсто? Бѣдной дѣвушкѣ въ такой бѣдѣ радоваться надо было. Тотъ дурной человѣкъ вѣдь такъ-таки ничѣмъ и не помогъ мнѣ.

Нора. Но твоя дочь, вѣрно, забыла тебя?

Анна-Марія. Ну, зачѣмъ же. Писала мнѣ и когда конфирмовалась и когда замужъ выходила.

Нора. (обвивая ея шею руками). Старушка моя, ты была мнѣ хорошей матерью, когда я была маленькой.

Анна-Марія. У бѣдняжечки Норы не было вѣдь другой, кромѣ меня.

Нора. И не будь у моихъ малютокъ другой, я знаю, ты бы... Вздоръ, вздоръ, вздоръ! (Открываетъ картонку) Поди къ нимъ. Мнѣ надо... Завтра увидишь, какой я буду красавицей.

Анна-Марія. Небось, на всемъ балу никого краше не будетъ. (Уходитъ налѣво).

Нора (принимается опоражнивать картонку, но скоро бросаетъ все). Ахъ, только бы рѣшиться выйти. Только бы никто не зашелъ. Только бы тутъ ничего не случилось безъ меня. Глупости. Никто не придетъ. Только не думать. Не думать объ этомъ... Надо почистить муфту. Чудныя перчатки, дивныя перчатки... Не надо думать, не надо! Разъ, два, три, четыре, пять, шесть.. (Вскрикиваетъ) А! Идутъ! (Хочетъ кинуться къ дверямъ, но останавливается въ нерѣшимости).

(Изъ передней входитъ фру Линде уже безъ верхняго платья).

Нора. Ахъ, это ты, Кристина! И больше тамъ никого нѣтъ?.. Какъ хорошо, что ты пришла.

Фру Линде. Мнѣ сказали, ты заходила ко мнѣ, спрашивала меня.

Нора. Да, я шла мимо. Мнѣ такъ нужна твоя помощь. Сядемъ сюда на диванъ. Видишь, завтра вечеромъ у верхнихъ жильцовъ, у консула Стенборга, костюмированный вечеръ, и Торвальдъ хочетъ, чтобы я была неаполитанской рыбачкой и проплясала тарантеллу. Я выучилась на Капри.

Фру Линде. Вотъ что̀; такъ ты дашь цѣлое представленіе?

Нора. Торвальдъ говоритъ, что надо. Такъ вотъ костюмъ. Торвальдъ заказалъ его мнѣ еще тамъ. Но теперь все пообо̀рвалось, и я просто не знаю...

Фру Линде. Ну, это мы живо поправимъ. Только отдѣлка мѣстами пооторвалась немножко. Иголки, нитки?.. А, тутъ все, что̀ нужно.

Нора. Какъ это мило съ твоей стороны.

Фру Линде (шьетъ). Такъ ты завтра будешь костюмироваться, Нора? Знаешь... Я зайду на минутку взглянуть на тебя. Но я совсѣмъ позабыла поблагодарить тебя за вчерашнее. Прелестный вечеръ!

Нора (встаетъ и ходитъ по комнатѣ). Ну, вчера, по-моему, было вовсе не такъ мило, какъ вообще... Тебѣ бы пріѣхать къ намъ въ городъ пораньше, Кристина. Да, Торвальдъ большой мастеръ устраивать все изящно и красиво.

Фру Линде. И ты не меньше, я думаю. Недаромъ ты дочь своего отца. Но, скажи, докторъ Ранкъ всегда такой пришѝбленный?

Нора. Нѣтъ, вчера онъ какъ-то особенно... Впрочемъ, онъ вѣдь страдаетъ очень серьезной болѣзнью. У бѣдняги сухотка спинного мозга. Надо тебѣ сказать, отецъ у него былъ отвратительный человѣкъ, державшій любовницъ и все такое. Вотъ сынъ и вышелъ такимъ хворымъ, понимаешь.

Фру Линде (роняя работу на колѣни). Но, милочка Нора, откуда ты набралась такихъ познаній?

Нора (прохаживаясь по комнатѣ). Э!.. Разъ у тебя трое дѣтей, значитъ, тебя иногда навѣщаютъ... такія дамы, которыя свѣдущи и въ медицинѣ. Ну, иной разъ и разскажутъ кое-что.

Фру Линде (снова шьетъ; короткая пауза). Докторъ Ранкъ каждый день бываетъ у васъ?

Нора. Каждый Божій день. Онъ вѣдь лучшій другъ Торвальда съ юныхъ лѣтъ и мой хорошій другъ. Онъ совсѣмъ какъ свой у насъ.

Фру Линде. Но скажи ты мнѣ: онъ человѣкъ вполнѣ прямой? То-есть не изъ такихъ, которые любятъ говорить людямъ пріятныя вещи?

Нора. Напротивъ. Съ чего тебѣ это вздумалось?

Фру Линде. Вчера, когда ты насъ познакомила, онъ увѣ-

рялъ, что часто слышалъ моё имя здѣсь въ домѣ. А потомъ я замѣтила, что мужъ твой не имѣлъ даже понятія обо мнѣ. Какъ же могъ докторъ Ранкъ...

Нора. Да, это совершенно вѣрно, Кристина. Торвальдъ вѣдь безграничнo меня любитъ и поэтому хочетъ обладать мной одинъ, — какъ онъ говоритъ. Въ первое время онъ прямо какъ будто ревновалъ меня, стоило мнѣ заговорить о своихъ милыхъ близкихъ. Ну, я, понятно, и перестала. Но съ докторомъ Ранкомъ я часто разговариваю обо всемъ такомъ. Онъ, видишь ли, любитъ слушать.

Фру Линде. Послушай, Нора, ты во многомъ еще сущій ребенокъ. Я постарше тебя, поопытнѣе. И вотъ что я тебѣ скажу: тебѣ бы надо постараться выпутаться изъ этой исторіи... съ докторомъ Ранкомъ.

Нора. Изъ какой-такой исторіи мнѣ надо постараться выпутаться?..

Фру Линде. Изо всей вообще. Вчера ты тутъ болтала что-то о богатомъ поклонникѣ, который откажетъ тебѣ деньги...

Нора. Да, только нѣту такого, къ сожалѣнію. Ну, и что же?

Фру Линде. Докторъ Ранкъ человѣкъ состоятельный?

Нора. Да, состоятельный.

Фру Линде. И у него нѣтъ родственниковъ?

Нора. Никого. Но?..

Фру Линде. И онъ каждый день бываетъ здѣсь въ домѣ?

Нора. Ну да.

Фру Линде. Какъ же это воспитанный человѣкъ можетъ быть настолько неделикатенъ?

Нора. Я тебя положительно не понимаю.

Фру Линде. Не представляйся, Нора. Ты думаешь, я не догадываюсь, кто одолжилъ тебѣ тѣ тысячу двѣсти спецій?

Нора. Да ты не рехнулась? Какъ тебѣ въ голову могло придти! Нашъ другъ, который ежедневно бываетъ у насъ! Вѣдь это было бы невыносимо мучительное положеніе!

Фру Линде. Такъ, правда, не онъ?

Нора. Увѣряю же тебя. Мнѣ и на умъ придти не могло ни на минуту... Да и гдѣ бы онъ тогда взялъ денегъ раздавать взаймы? Онъ получилъ наслѣдство уже позже.

Фру Линде. Ну, это, пожалуй, счастье твое, дорогая Нора.

Нора. Нѣтъ, мнѣ бы и въ голову никогда не пришло просить у доктора Ранка... Впрочемъ, я вполнѣ увѣрена, попроси я только у него...

Фру Линде. Но ты, разумѣется, этого не сдѣлаешь.

Нора. Нѣтъ, само собой. Я какъ-то и представить себѣ не

могу. Но я вполнѣ увѣрена, что̀ поговори я съ докторомъ Ранкомъ...

Фру Линде. За спиной мужа?

Нора. Мнѣ все-таки надо покончить то дѣло. Тоже вѣдь за его спиной. Надо покончить.

Фру Линде. Да, да, и я тебѣ вчера говорила, но...

Нора (ходитъ взадъ и впередъ). Мужчинѣ куда легче раздѣлаться въ такихъ случаяхъ, чѣмъ женщинѣ...

Фру Линде. Мужчинѣ — если это ея собственный мужъ — да.

Нора. Пустяки. (Останавливаясь) Разъ уплачиваешь весь долгъ сполна, то вѣдь получаешь долговое обязательство обратно?

Фру Линде. Само собой.

Нора. И можно разорвать его въ мелкіе клочки, сжечь... эту противную, грязную бумажонку!

Фру Линде (смотритъ на Нору въ упоръ, откладываетъ работу въ сторону и медленно встаетъ). Нора, ты что-то скрываешь отъ меня.

Нора. Развѣ это замѣтно?

Фру Линде. Съ тобой что-то случилось со вчерашняго утра. Нора, въ чемъ дѣло?

Нора (идя къ ней). Кристина! (Прислушивается) Тсс! Торвальдъ вернулся. Слушай, поди пока къ дѣтямъ. Торвальдъ не любитъ, чтобы при немъ возились съ шитьемъ. Пусть Анна-Марія поможетъ тебѣ.

Фру Линде (собираетъ часть вещей). Да, да, но я не уйду отъ васъ, пока мы не поговоримъ по душѣ.

(Уходитъ налѣво; въ ту же минуту изъ передней входитъ Гельмеръ).

Нора (идетъ къ нему навстрѣчу). Ахъ, какъ я заждалась тебя, милый Торвальдъ.

Гельмеръ. Это швея, что ли?

Нора. Нѣтъ, это Кристина. Она помогаетъ мнѣ поправить костюмъ. Увидишь, какой эффектъ я произведу.

Гельмеръ. Да, развѣ я не удачно придумалъ?

Нора. Восхитительно! Но развѣ я тоже не умница, что слушаюсь тебя?

Гельмеръ (беретъ ее подъ подбородокъ). Умница — потому что слушаешься мужа? Ахъ, ты, шалунья! Я знаю, ты не то хотѣла сказать. Но я не буду тебѣ мѣшать. Тебѣ, вѣрно, надо примѣрять.

Нора. А ты, вѣрно, за работу?

Гельмеръ. Да. (Показывая кипу бумагъ) Вотъ. Я заходилъ въ банкъ... (Хочетъ уйти къ себѣ).

Нора. Торвальдъ...

Гельмеръ (останавливаясь). Что̀?

Нора. А если твоя бѣлочка хорошенько попроситъ тебя объ одной вещи?..

Гельмеръ. Ну, и что же?

Нора. Ты бы сдѣлалъ?

Гельмеръ. Сначала, само собой, надо знать, въ чемъ дѣло.

Нора. Бѣлка такъ бы разыгралась, расшалилась, позабавила бы тебя, если бы ты былъ такъ милъ, послушался!

Гельмеръ. Такъ говори же.

Нора. Жаворонокъ заливался бы по всему дому, на всѣ лады...

Гельмеръ. Ну, онъ и такъ не молчитъ.

Нора. Я изобразила бы тебѣ сильфиду, танецъ при лунномъ свѣтѣ, Торвальдъ!

Гельмеръ. Нора... надѣюсь, это не насчетъ вчерашняго опять?

Нора (ближе къ нему). Да, Торвальдъ! Я прошу, умоляю тебя!

Гельмеръ. И у тебя въ самомъ дѣлѣ хватаетъ духу опять подымать этотъ вопросъ?

Нора. Да, да, ты долженъ послушаться меня, долженъ оставить за Крогстадомъ его мѣсто въ банкѣ!

Гельмеръ. Но, милая Нора, я рѣшилъ взять на его мѣсто фру Линде.

Нора. Это страшно мило съ твоей стороны, но ты можешь отказать кому-нибудь другому изъ конторщиковъ вмѣсто Крогстада.

Гельмеръ. Нѣтъ, это просто невѣроятное упрямство! Изъ-за того, что ты тутъ надавала необдуманныхъ обѣщаній хлопотать за него, я обязанъ!..

Нора. Не изъ-за того, Торвальдъ. Ради себя самого. Этотъ человѣкъ пишетъ вѣдь въ самыхъ гадкихъ газетахъ; ты самъ говорилъ. Онъ можетъ ужасно повредить тебѣ. Я смертельно боюсь его...

Гельмеръ. Ага, понимаю. Ты вспоминаешь старину и пугаешься.

Нора. То-есть какъ это?

Гельмеръ. Ты, разумѣется, вспоминаешь своего отца.

Нора. Да; ну да. Вспомни только, что злые люди писали о папѣ, какъ жестоко клеветали на него. Право, они добились бы его отставки, не пошли министерство ревизоромъ тебя и не отнесись ты къ папѣ съ такимъ участіемъ и доброжелательствомъ.

Гельмеръ. Милочка Нора, между твоимъ отцомъ и мной существенная разница. Отецъ твой не былъ неуязвимъ, какъ чиновникъ. А я именно неуязвимъ и такимъ, надѣюсь, останусь, пока буду занимать свой постъ.

Нора. Ахъ, никто не знаетъ, что могутъ придумать злые люди! И теперь какъ разъ мы могли бы зажить такъ хорошо, спокойно, счастливо, мирно, безъ заботъ... ты, я и дѣти, Торвальдъ! Вотъ отчего я и прошу тебя такъ...

Гельмеръ. Да какъ разъ, заступаясь за него, ты и лишаешь меня возможности оставить его. Въ банкѣ уже извѣстно, что я рѣшилъ уволить Крогстада. Такъ надо, чтобы теперь пошли разговоры, что новый директоръ мѣняетъ свои рѣшенія подъ вліяніемъ жены?..

Нора. А если бы и такъ? Что изъ этого?

Гельмеръ. Ну, конечно; лишь бы упрямица добилась своего! Мнѣ поставить себя въ смѣшное положеніе передъ всѣми служащими... Дать людямъ поводъ толковать, что мною управляютъ всякія постороннія вліянія? Повѣрь, я бы скоро испыталъ на себѣ послѣдствія! И кромѣ того... есть обстоятельство, въ силу котораго совершенно невозможно оставить Крогстада въ банкѣ, пока я тамъ директоромъ.

Нора. Какое-такое обстоятельство?

Гельмеръ. На его нравственные недочеты я бы еще могъ въ случаѣ крайности смотрѣть сквозь пальцы...

Нора. Не правда ли, Торвальдъ?

Гельмеръ. И, говорятъ, онъ довольно дѣльный работникъ. Но вотъ что,—мы съ нимъ знакомы съ юныхъ лѣтъ. Это одно изъ тѣхъ поспѣшныхъ юношескихъ знакомствъ, изъ-за которыхъ человѣкъ потомъ часто попадаетъ въ неловкое положеніе. Да, я не скрою отъ тебя: мы съ нимъ даже на «ты». И этотъ безтактный господинъ и не думаетъ скрывать этого при другихъ. Напротивъ, онъ полагаетъ, что это даетъ ему право на фамильярность со мной, и то и дѣло козыряетъ своимъ: ты, ты, Гельмеръ. Увѣряю тебя, это меня въ высшей степени задѣваетъ. Онъ въ состояніи былъ бы сдѣлать мое положеніе въ банкѣ прямо невыносимымъ.

Нора. Торвальдъ, ты все это говоришь не серьезно.

Гельмеръ. Какъ такъ?

Нора. Ну да, потому что все это такія мелочныя соображенія.

Гельмеръ. Что такое ты говоришь? Мелочныя? По-твоему, я мелочный человѣкъ?

Нора. Нѣтъ; напротивъ, милый Торвальдъ. И вотъ потому-то...

Гельмеръ. Все равно. Ты называешь мои доводы мелочными, такъ, видно, и я таковъ. Мелоченъ! Вотъ какъ!.. Ну, надо положить всему этому конецъ. (Идетъ къ дверямъ въ переднюю и зоветъ) Елена!

Нора. Что ты хочешь?..

Гельмеръ (роясь въ бумагахъ). Положить конецъ. (Вошедшей служанкѣ) Вотъ, возьмите это письмо и сейчасъ же отправляйтесь. Найдите посыльнаго, и пусть онъ доставитъ. Только живо. Адресъ написанъ. Вотъ деньги.

Служанка. Хорошо. (Уходитъ съ письмомъ).

Гельмеръ (собирая бумаги). Такъ-то, госпожа упрямица!

Нора (затаивъ дыханіе). Торвальдъ... что это за письмо?

Гельмеръ. Увольненіе Крогстада.

Нора. Верни, верни назадъ, Торвальдъ! Еще не поздно. Торвальдъ, верни! Ради меня... ради себя самого, ради дѣтей. Слышишь, Торвальдъ, сдѣлай! Ты не знаешь, какъ это можетъ отозваться на насъ всѣхъ.

Гельмеръ. Поздно.

Нора. Да, поздно.

Гельмеръ. Милая Нора, я извиняю тебѣ этотъ страхъ, хотя въ сущности онъ обиденъ для меня. Да, да! Или, по-твоему, мнѣ не обидно твое предположеніе, будто я могу опасаться мести какого-то сбившагося съ пути крючкотвора? Но я все-таки тебя извиняю, потому что это такъ мило рисуетъ твою горячую любовь ко мнѣ. (Привлекаетъ ее къ себѣ) Такъ-то, моя милая, дорогая Нора. И затѣмъ пусть будетъ, что будетъ. Коли на то пойдетъ, повѣрь, у меня хватитъ и мужества и силъ. Увидишь, я такой человѣкъ, который все можетъ взять на себя.

Нора (пораженная ужасомъ). Что ты хочешь сказать?

Гельмеръ. Все, говорю я...

Нора (овладѣвая собой). Никогда я тебѣ не позволю.

Гельмеръ. Хорошо. Такъ подѣлимся съ тобой, Нора... какъ мужъ и жена. Какъ и должно. (Лаская ее) Довольна теперь? Ну-ну-ну! Не надо такихъ испуганныхъ голубиныхъ глазокъ. Вѣдь это же все одно пустое воображеніе. А теперь ты бы проиграла тарантеллу и поупражнялась съ тамбуриномъ. Я пройду въ контору и закрою всѣ двери, такъ что ничего не услышу. Можешь шумѣть, сколько хочешь. (Оборачиваясь въ дверяхъ) Да, если Ранкъ придетъ, скажи ему, гдѣ я. (Кивая ей, уходитъ къ себѣ и запираетъ за собой дверь).

Нора (растерянная, испуганная, стоитъ какъ вкопаная и шепчетъ). Съ него станется. Онъ такъ и сдѣлаетъ. Сдѣлаетъ, во что бы то ни стало... Нѣтъ, никогда въ жизни, ни за что! Нельзя допустить этого! Скорѣе все другое! Спасенье?.. Выходъ?.. (Звонокъ въ передней) Докторъ Ранкъ!.. Скорѣе все другое! Скорѣе все другое—что бы то ни было. (Проводитъ руками по лицу и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, идетъ и отворяетъ дверь въ переднюю).

(Докторъ Ранкъ снимаетъ тамъ съ себя шубу и вѣшаетъ ее. Въ теченіе слѣдующей сцены начинаетъ смеркаться).

Нора. Здравствуйте, докторъ Ранкъ. Я васъ по звонку узнала. Но вы теперь не ходите къ Торвальду; онъ, кажется, занятъ.

Ранкъ. А вы? (Входитъ въ комнату).

Нора (затворяя дверь въ прихожую). О, вы знаете... для васъ у меня всегда найдется свободная минутка.

Ранкъ. Спасибо. Буду пользоваться этимъ, пока есть возможность.

Нора. Что вы хотите сказать? Пока есть возможность?

Ранкъ. Да. Это васъ пугаетъ?

Нора. Вы такъ странно это сказали. Что же такое могло бы случиться?

Ранкъ. То, къ чему я давно готовился. Но, правда, я не думалъ, что это будетъ такъ скоро.

Нора (хочетъ взять его за руку). Что такое вы узнали? Докторъ, скажите же мнѣ!

Ранкъ (садясь у печки). Плохи мои дѣла. Все подъ гору. Ничего не подѣлаешь.

Нора (переводя духъ). Такъ вы о себѣ?..

Ранкъ. А то о комъ же? Нечего лгать себѣ самому. Я самый жалкій изъ всѣхъ моихъ паціентовъ, фру Гельмеръ. На этихъ дняхъ я произвелъ генеральную ревизію своего внутренняго состоянія. Банкротъ. Не пройдетъ, пожалуй, мѣсяца, какъ я буду гнить на кладбищѣ.

Нора. Фу, какъ вы гадко выражаетесь.

Ранкъ. Самое дѣло изъ рукъ вонъ гадко. Но хуже всего то, что еще до того будетъ столько гадкаго, безобразнаго. Теперь мнѣ остается еще лишь одно изслѣдованіе. Покончу съ нимъ и буду знать приблизительно, когда начнется разложеніе. И вотъ что я вамъ скажу. Гельмеръ со своею утонченною натурою питаетъ непреодолимое отвращеніе ко всякому безобразію. Я не допущу его къ своему одру...

Нора. Но, докторъ Ранкъ...

Ранкъ. Не допущу. Никоимъ образомъ. Запру для него двери... Какъ только я увѣрюсь въ наступленіи худшаго, я пошлю вамъ свою визитную карточку съ чернымъ крестомъ. Знайте тогда, что мерзость разрушенія началась.

Нора. Нѣтъ, вы сегодня просто несносны. А мнѣ-то такъ хотѣлось, чтобы вы сегодня были въ особенно хорошемъ настроеніи.

Ранкъ. Со смертью за плечами?.. И такъ расплачиваться за чужіе грѣхи! Гдѣ тутъ справедливость? И въ каждой семьѣ такъ или иначе сказывается подобное же неумолимое возмездіе.

Нора (зажимая уши). Вздоръ! Веселѣе, веселѣе!

Ранкъ. Да, честное слово, только и остается смѣяться надо всѣмъ этимъ. Моему бѣдному, неповинному спинному мозгу приходится расплачиваться за веселые деньки офицерской жизни моего отца!

Нора (у стола налѣво). Онъ былъ очень падокъ на спаржу и страсбургскіе паштеты? Да?

Ранкъ. Да, и на трюфели.

Нора. Да, да, и на трюфели. И на устрицы, кажется?

Ранкъ. Да, и на устрицы, само собой.

Нора. И на всякіе тамъ портвейны да шампанскія. Обидно, что всѣ эти вкусныя вещи непремѣнно отзываются на спинѣ.

Ранкъ. И особенно, что онѣ отзываются на злополучной спинѣ того, кто и не вкусилъ ни капельки отъ этихъ благъ.

Нора. Да, это всего обиднѣе.

Ранкъ (пытливо глядитъ на нее). Гм!..

Нора (немного погодя). Вы чему улыбнулись?

Ранкъ. Нѣтъ, это вы усмѣхнулись.

Нора. Нѣтъ, вы улыбнулись, докторъ!

Ранкъ (вставая). А вы еще лукавѣе, чѣмъ я думалъ.

Нора. Меня сегодня такъ и подмываетъ выкинуть что-нибудь такое...

Ранкъ. Замѣтно.

Нора (кладетъ обѣ руки ему на плечи). Милый, милый докторъ Ранкъ, не покидайте насъ съ Торвальдомъ.

Ранкъ. Ну, съ этой потерей вы бы легко помирились. Съ глазъ долой и изъ сердца вонъ.

Нора (испуганно смотритъ на него). Вы думаете?

Ранкъ. Заведутся новыя связи и...

Нора. У кого заведутся новыя связи?

Ранкъ. И у васъ и у Гельмера, когда меня не будетъ. Вы уже и на пути къ этому, кажется. На что понадобилась вамъ вчера вечеромъ эта фру Линде?

Нора. Ай-ай, да не ревнуете же вы меня къ бѣдняжкѣ Кристинѣ?

Ранкъ. Ну да. Она станетъ моей замѣстительницей здѣсь въ домѣ. Когда мнѣ придется манкировать, эта женщина, пожалуй...

Нора. Тсс! Не такъ громко. Она тамъ.

Ранкъ. И сегодня? Вотъ видите!

Нора. Она пришла только помочь мнѣ починить мой костюмъ. Господи, какой вы несносный! (Садится на диванъ) Ну, будьте же умницей, докторъ Ранкъ. Завтра вы увидите, какъ чудно я буду плясать, и можете воображать себѣ, что я это для васъ одного... ну, конечно, и для Торвальда... само собой.

(Вынимаетъ изъ картонки разныя вещи) Докторъ Ранкъ, садитесь тутъ. Я вамъ покажу что-то.

Ранкъ (садится). Что такое?

Нора. Вотъ! Глядите!

Ранкъ. Шелковые чулки.

Нора. Тѣлеснаго цвѣта. Развѣ не прелесть? Да теперь темно, но завтра... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—вы увидите только подъемъ. Впрочемъ, вамъ можно показать и повыше.

Ранкъ. Гм!..

Нора. Что вы такъ критически смотрите? По-вашему, пожалуй, они не впору?

Ранкъ. Объ этомъ судить не берусь за неимѣніемъ сколько-нибудь основательныхъ данныхъ.

Нора (глядитъ на него съ минуту). Фи! Какъ вамъ не стыдно! (Слегка ударяетъ его по уху чулками) Вотъ вамъ за это. (Снова убираетъ вещи).

Ранкъ. А какія же еще сокровища предстояло мнѣ узрѣть?

Нора. Ни крошечки больше не узрите. Вы несносный. (Нашѣвая, роется въ вещахъ).

Ранкъ (послѣ короткаго молчанія). Сидя съ вами вотъ такъ, запросто, я не понимаю... не постигаю... что сталось бы со мной, если бы я не бывалъ въ вашемъ домѣ.

Нора (улыбаясь). Да, мнѣ кажется, вы въ сущности чувствуете себя у насъ совсѣмъ недурно.

Ранкъ (тише, глядя въ пространство). И волей-неволей покинуть все это...

Нора. Глупости! Не покинете.

Ранкъ (попрежнему). ...Уйти, не оставивъ даже сколько-нибудь благодарнаго воспоминанія: едва ли даже мимолетное сожалѣніе... ничего, кромѣ пустого мѣста, которое можетъ быть занято первымъ встрѣчнымъ.

Нора. А если бы я теперь обратилась къ вамъ съ просьбой... Нѣтъ!..

Ранкъ. О чемъ?

Нора. О большомъ доказательствѣ вашей дружбы...

Ранкъ. Ну, ну?

Нора. Нѣтъ, видите, я хочу сказать .. объ огромномъ одолженіи...

Ранкъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хоть разъ доставили бы мнѣ такое счастье?

Нора. Ахъ, вы не знаете, въ чемъ дѣло.

Ранкъ. Такъ скажите.

Нора. Нѣтъ, не могу, докторъ. Это ужъ слишкомъ огромное одолженіе... тутъ и совѣтъ, и помощь, и услуга...

Ранкъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Но я не постигаю, что бы это могло быть. Говорите же. Развѣ я не пользуюсь вашимъ довѣріемъ?

Нора. Какъ никто другой. Вы мой вѣрнѣйшій, лучшій другъ, я знаю, знаю. Оттого и хочу сказать вамъ. Ну, хорошо, докторъ. Вамъ надо помочь мнѣ предупредить что-то. Вы знаете, какъ искренно, какъ безконечно любитъ меня Торвальдъ. Онъ ни на минуту не задумался бы отдать за меня жизнь.

Ранкъ (наклоняясь къ ней). Нора... вы думаете, онъ одинъ единственный?..

Нора (слегка вздрогнувъ). Одинъ?..

Ранкъ. Онъ одинъ съ радостью отдалъ бы свою жизнь за васъ?

Нора (удрученно). Ну, вотъ...

Ранкъ. Я далъ себѣ клятву, что вы узнаете объ этомъ прежде, чѣмъ меня не станетъ. Болѣе удобнаго случая мнѣ не дождаться... Да, Нора, теперь вы знаете. И знаете тоже, что мнѣ вы можете довѣриться скорѣе, чѣмъ кому бы то ни было.

Нора (встаетъ, спокойнымъ ровнымъ тономъ). Пропустите меня.

Ранкъ (давая ей пройти, а самъ продолжая сидѣть). Нора...

Нора (въ дверяхъ передней). Лена, принеси лампу. (Идетъ къ печкѣ) Ахъ, милый докторъ Ранкъ, это, право, нехорошо съ вашей стороны.

Ранкъ (вставая). Что я любилъ васъ такъ же искренно, какъ другой? Это такъ дурно?

Нора. Нѣтъ, но что вы говорите мнѣ объ этомъ. И вѣдь не нужно вовсе было.

Ранкъ. То-есть? Или вы знали?..

(Служанка входитъ съ лампой, ставитъ ее на столъ и уходитъ).

Ранкъ. Нора... Фру Гельмеръ... я спрашиваю, вы знали что-нибудь?

Нора. Ахъ, почему я знаю, что знала, чего не знала? Я, право, не могу сказать вамъ... И какъ васъ угораздило, докторъ! Все было такъ хорошо.

Ранкъ. По крайней мѣрѣ, вы теперь можете быть увѣрены, что я весь въ вашемъ распоряженіи. Такъ говорите.

Нора (глядитъ на него). Послѣ этого?

Ранкъ. Прошу васъ, дайте же мнѣ узнать, въ чемъ дѣло.

Нора. Ничего вы теперь не узнаете.

Ранкъ. Нѣтъ, нѣтъ. Не наказывайте меня такъ. Дайте мнѣ сдѣлать для васъ все, что только въ силахъ человѣческихъ.

Нора. Теперь вы ничего не можете сдѣлать для меня. Впрочемъ, мнѣ, пожалуй, и не надо никакой помощи. Увидите,

что все это однѣ фантазіи. Разумѣется. Само собой! (Садится на качалку, смотритъ на него и улыбается) Да, скажу я вамъ, хороши вы! Вамъ не стыдно теперь при лампѣ?

Ранкъ. Нѣтъ, собственно говоря. Но, пожалуй, мнѣ надо удалиться... навсегда?

Нора. Совсѣмъ не надо. Само собой, вы будете приходить попрежнему. Вы же знаете, Торвальдъ не можетъ обойтись безъ васъ.

Ранкъ. А вы?

Нора. Ну, и мнѣ всегда бывало ужасно весело съ вами.

Ранкъ. Вотъ это-то и сбивало меня съ толку. Вы для меня загадка. Не разъ мнѣ казалось, что вамъ почти такъ же пріятно мое общество, какъ и Гельмера.

Нора. Видите, нѣкоторыхъ людей любишь больше всего на свѣтѣ, а съ другими какъ-то больше всего хочется бывать.

Ранкъ. Пожалуй, въ этомъ есть доля правды.

Нора. Дома у себя я, разумѣется, больше всѣхъ любила папу. Но мнѣ всегда ужасно нравилось украдкой пробираться въ комнату къ прислугѣ. Тамъ не поучали меня, не наставляли ни капельки, и тамъ всегда велись такіе веселые разговоры.

Ранкъ. Ага, такъ вотъ кого я замѣнялъ вамъ.

Нора (вскакивая и кидаясь къ нему). Ахъ, милый, славный докторъ Ранкъ, я совсѣмъ не то имѣла въ виду. Но вы понимаете, что и съ Торвальдомъ, какъ и съ папой...

Служанка (входитъ изъ передней). Барыня... (Шепчетъ что-то и подаетъ карточку).

Нора (бросая взглядъ на карточку). А! (Суетъ ее въ карманъ).

Ранкъ. Какая-нибудь непріятность?

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, нисколько. Это просто... новый костюмъ мнѣ...

Ранкъ. Что-о? Да вѣдь вотъ онъ лежитъ.

Нора. Ахъ, это не тотъ. То другой. Я заказала... Но Торвальду не надо знать...

Ранкъ. Ага, вотъ она, великая тайна!

Нора. Именно. Подите къ нему. Онъ тамъ въ конторѣ. Задержите его пока...

Ранкъ. Будьте спокойны. Онъ отъ меня не уйдетъ. (Уходитъ въ кабинетъ).

Нора (служанкѣ). Онъ ждетъ въ кухнѣ?

Служанка. Да, пришелъ съ чернаго хода.

Нора. Да ты развѣ не сказала ему, что тутъ посторонніе?

Служанка. Говорила, да не помогло.

Нора. Такъ онъ не хочетъ уходить?

Служанка. Не хочетъ, пока не поговоритъ съ барыней.

Нора. Такъ проведи его сюда, только тихонько, Лена. И никому не говори объ этомъ. Это будетъ сюрпризъ мужу.

Служанка. Да, да, понимаю, понимаю... (Уходитъ).

Нора. Бѣда идетъ... Идетъ все-таки. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Не будетъ этого, не можетъ быть. (Идетъ и запираетъ дверь въ кабинетъ на задвижку).

(Служанка открываетъ дверь изъ передней, пропускаетъ въ комнату Крогстада и затворяетъ за нимъ дверь. Онъ въ дорожной мѣховой шубѣ, высокихъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ).

Нора (идя къ нему навстрѣчу). Говорите потише,—мужъ дома.

Крогстадъ. И пусть его.

Нора. Что вамъ нужно отъ меня?

Крогстадъ. Узнать кое о чемъ.

Нора. Такъ скорѣе. Что такое?

Крогстадъ. Вамъ, конечно, извѣстно, что меня уволили.

Нора. Я не могла помѣшать этому, господинъ Крогстадъ. Я до послѣдней крайности отстаивала васъ, но все напрасно.

Крогстадъ. Значитъ, вашъ мужъ такъ мало любитъ васъ? Знаетъ, что я могу навлечь на васъ, и все-таки отваживается?..

Нора. Какъ вы можете думать, что онъ знаетъ объ этомъ?

Крогстадъ. Нѣтъ, я въ сущности и не думалъ. Не въ характерѣ моего милаго Торвальда Гельмера было бы выказать столько мужества...

Нора. Господинъ Крогстадъ, я требую уваженія къ моему мужу.

Крогстадъ. Помилуйте, я съ должнымъ уваженіемъ. Но, разъ вы держите это дѣло подъ такимъ страшнымъ секретомъ, я смѣю предполагать, что вы теперь лучше, нежели вчера, понимаете, что собственно совершили?

Нора. Лучше, чѣмъ вы могли когда-нибудь объяснить мнѣ.

Крогстадъ. Еще бы, такой плохой законникъ, какъ я...

Нора. Что же вамъ нужно отъ меня?

Крогстадъ. Я пришелъ только взглянуть, какъ у васъ обстоятъ дѣла, фру Гельмеръ. Я весь день о васъ думалъ. Ростовщикъ, крючкотворъ, ну, словомъ, такой, какъ я, тоже, видите ли, не лишенъ того, что называется сердцемъ.

Нора. Такъ и докажите это. Подумайте о моихъ малюткахъ.

Крогстадъ. А вы съ вашимъ мужемъ подумали о моихъ? Ну, да теперь все равно. Я хотѣлъ только сказать вамъ, что вамъ нѣтъ нужды слишкомъ принимать къ сердцу это дѣло. На первыхъ порахъ я ничего такого не предприму противъ васъ.

Нора. Не правда ли? О, я знала, знала.

Крогстадъ. Все можно еще покончить миромъ. Не зачѣмъ мѣшать сюда людей. Дѣло останется между нами тремя.

Нора. Мужъ мой не долженъ знать объ этомъ. Никогда!

Крогстадъ. Какъ же бы вы помѣшали этому? Или вы можете уплатить все сполна?

Нора. Нѣтъ, сейчасъ, сразу — не могу.

Крогстадъ. Или, быть-можетъ, у васъ въ виду какая-нибудь другая комбинація, — вы достанете денегъ на-дняхъ?

Нора. Никакой такой комбинаціи, которой бы я хотѣла воспользоваться.

Крогстадъ. Да она и не помогла бы вамъ все равно. Выложи вы мнѣ хоть сейчасъ всѣ денежки чистоганомъ, вамъ не получить отъ меня обратно вашей расписки.

Нора. Такъ объясните же, что вы хотите съ ней сдѣлать.

Крогстадъ. Только оставить ее у себя... сохранить. Никто посторонній и знать ничего не будетъ. Такъ если бы вы теперь носились съ какимъ-нибудь отчаяннымъ рѣшеніемъ...

Нора. Да?..

Крогстадъ. ... Если бы задумали бросить домъ и семью...

Нора. Да?..

Крогстадъ. ... Или додумались бы кое до чего еще похуже...

Нора. Почемъ вы знаете?

Крогстадъ. ... Такъ бросьте все такое.

Нора. Почемъ вы знаете, что я додумалась до этого?

Крогстадъ. Большинство изъ насъ хватается за это вначалѣ. И я тоже въ свое время... Да духу не хватило...

Нора (упавшимъ голосомъ). И у меня.

Крогстадъ (вздохнувъ). Да, не такъ ли? И у васъ, значитъ, тоже? Не хватаетъ?

Нора. Не хватаетъ, не хватаетъ.

Крогстадъ. Оно и глупо было бы. Стоитъ только первой домашней бурѣ пройти... У меня въ карманѣ письмо къ вашему мужу...

Нора. И тамъ все сказано?

Крогстадъ. Въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ. Насколько возможно.

Нора (быстро). Это письмо не должно дойти до мужа. Разорвите его. Я найду все-таки выходъ, добуду денегъ.

Крогстадъ. Извините, сударыня, я, кажется, только-что сказалъ вамъ...

Нора. О, я не говорю о своемъ долгѣ вамъ. Скажите мнѣ, сколько вы хотите потребовать съ мужа, и я добуду вамъ сама эти деньги.

Крогстадъ. Я никакихъ денегъ не возьму съ вашего мужа.

Нора. Чего же вы хотите?

Крогстадъ. Сейчасъ узнаете. Я хочу стать на ноги, сударыня, хочу подняться, и вашъ мужъ долженъ помочь мнѣ. Въ теченіе полутора года я ни въ чемъ такомъ безчестномъ не замѣченъ; и все это время я бился, какъ рыба объ ледъ; но былъ доволенъ, что могу своимъ трудомъ подняться опять шагъ за шагомъ. Теперь меня выгнали, и я ужъ не удовлетворюсь тѣмъ, что меня попросту примутъ обратно — изъ милости. Я хочу подняться, говорю я вамъ. Хочу, чтобы меня приняли на службу въ банкъ съ повышеніемъ. Вашему мужу придется создать для меня особую должность...

Нора. Никогда онъ этого не сдѣлаетъ!

Крогстадъ. Сдѣлаетъ. Я его знаю. Онъ пикнуть не посмѣетъ. А разъ только я сяду тамъ рядомъ съ нимъ, — увидите: не пройдетъ и года — я буду правой рукой директора. Нильсъ Крогстадъ, а не Торвальдъ Гельмеръ будетъ править банкомъ.

Нора. Никогда вы этого не дождетесь.

Крогстадъ. Вы, быть-можетъ?..

Нора. Теперь у меня хватитъ духу.

Крогстадъ. Меня не испугаете. Такая нѣжная, избалованная дамочка, какъ вы...

Нора. Увидите! Увидите!

Крогстадъ. Подъ ледъ, можетъ-быть? Въ ледяную, черную глубину? А весной всплыть обезображенной, неузнаваемой, съ вылѣзшими волосами...

Нора. Вы не запугаете меня.

Крогстадъ. А вы меня. Такихъ вещей не дѣлаютъ, фру Гельмеръ. Да и къ чему бы это послужило? Онъ вѣдь все-таки будетъ у меня въ рукахъ.

Нора. И послѣ того? Когда меня уже..?

Крогстадъ. Вы забываете, что тогда я буду властенъ надъ вашей памятью.

Нора (глядитъ на него, не въ силахъ вымолвить слова).

Крогстадъ. Теперь вы предупреждены. Такъ не затѣвайте никакихъ такихъ... глупостей. Когда Гельмеръ получитъ мое письмо, я буду ждать отъ него вѣсточки. И помните, вашъ мужъ самъ вынудилъ меня снова вступить на такой путь. Этого я никогда ему не прощу... Прощайте, фру Гельмеръ. (Уходитъ черезъ переднюю).

Нора (идетъ къ двери въ переднюю, пріотворяетъ ее и прислушивается). Уходитъ. Не отдаетъ письма. О, нѣтъ, нѣтъ, это вѣдь было бы невозможно! Невозможно! (Открываетъ дверь все больше и больше) Что это? Онъ стоитъ за дверями. Не спускается внизъ. Раздумываетъ? Неужели онъ... (Слышно, какъ письмо падаетъ въ

ящикъ, затѣмъ слышны шаги Крогстада, спускающагося съ лѣстницы; постепенно шаги замираютъ внизу).

Нора (съ подавленнымъ крикомъ бѣжитъ назадъ къ комнату къ столу передъ диваномъ. Короткая пауза). Письмо!.. Въ ящикѣ. (Робко крадется опять къ дверямъ передней). Лежитъ тамъ... Торвальдъ, Торвальдъ... теперь намъ нѣтъ спасенья!

Фру Линде (выходитъ съ костюмомъ въ рукахъ изъ комнаты налѣво). Ну, больше ужъ я не знаю, что̀ тутъ исправлять. Не примѣрить ли?

Нора (тихо и хрипло). Кристина, поди сюда.

Фру Линде (бросая платье на диванъ). Что̀ съ тобой? Ты сама не своя.

Нора. Поди сюда. Видишь письмо? Тамъ. Гляди сквозь стекло въ ящикъ для писемъ.

Фру Линде. Ну, ну, вижу, вижу.

Нора. Отъ Крогстада...

Фру Линде. Нора... ты заняла у Крогстада тѣ деньги?

Нора. Да. И теперь Торвальдъ все узнаетъ.

Фру Линде. Повѣрь мнѣ, Нора, такъ будетъ всего лучше для васъ обоихъ.

Нора. Ты еще не все знаешь. Я поддѣлала подпись...

Фру Линде. Но, ради Бога...

Нора. Я хочу просить тебя лишь объ одномъ, Кристина, — чтобы ты была свидѣтельницей.

Фру Линде. Какой свидѣтельницей? Въ чемъ?..

Нора. Если бы я потеряла разсудокъ... а это легко можетъ случиться...

Фру Линде. Нора!

Нора. Или если бы со мной случилось что-нибудь другое... такое, что̀ помѣшало бы мнѣ быть здѣсь...

Фру Линде. Нора. Нора, ты себя не помнишь!

Нора. Такъ если бы кто вздумалъ взять вину на себя... ты понимаешь?..

Фру Линде. Да, да; но какъ тебѣ въ голову..?

Нора. Ты засвидѣтельствуешь, что это неправда, Кристина. Я вовсе еще не рехнулась. Я въ полномъ разумѣ. И говорю тебѣ: никто другой ничего не зналъ объ этомъ. Я одна все сдѣлала. Помни!

Фру Линде. Да, да. Но я все-таки не понимаю.

Нора. Гдѣ же тебѣ понимать? Теперь готовится чудо.

Фру Линде. Чудо.

Нора. Да, чудо. Но оно ужасно, Кристина; не надо его, ни за что на свѣтѣ!

Фру Линде. Я сейчасъ же пойду поговорю съ Крогстадомъ.

Нора. Не ходи къ нему. Онъ тебя обидитъ.

Фру Линде. Было время, онъ готовъ былъ сдѣлать для меня все, что̀ угодно.

Нора. Онъ?

Фру Линде. Гдѣ онъ живетъ?

Нора. Почемъ я знаю?.. Ахъ, да... (Вынимаетъ изъ кармана карточку) Вотъ эта карточка. Но письмо, письмо!..

Гельмеръ (изъ кабинета, стуча въ дверь). Нора!

Нора (вскрикиваетъ въ страхѣ). А! Что̀ такое? Что̀ тебѣ?

Гельмеръ. Ну, ну, не пугайся же такъ. Мы не войдемъ. Ты вѣдь и дверь заперла. Примѣряешь, что ли?

Нора. Да, да. Примѣряю. Ахъ, я буду такая хорошенькая, Торвальдъ.

Фру Линде (прочитавъ надпись на карточкѣ). Онъ живетъ тутъ близехонько, за угломъ.

Нора. Да. Но ничего изъ этого не выйдетъ. Намъ нѣтъ спасенья. Письмо вѣдь въ ящикѣ.

Фру Линде. А ключъ у мужа?

Нора. Всегда.

Фру Линде. Пусть Крогстадъ потребуетъ свое письмо обратно нераспечатаннымъ... Пусть найдетъ предлогъ...

Нора. Но какъ разъ въ это время Торвальдъ всегда...

Фру Линде. Задержи его. Побудь съ нимъ пока. Я вернусь какъ можно скорѣе. (Быстро уходитъ черезъ переднюю).

Нора (идетъ къ дверямъ кабинета, отворяетъ и заглядываетъ въ комнату). Торвальдъ!

Гельмеръ (изъ дальней комнаты). Ну, впустятъ ли наконецъ человѣка въ его собственную гостиную? Идемъ, Ранкъ, посмотримъ... (Въ дверяхъ) Но что̀ же это значитъ?

Нора. Что̀ такое, милый?

Гельмеръ. Я ожидалъ, со словъ Ранка, великолѣпной сцены съ переодѣваньемъ.

Ранкъ (въ дверяхъ). Я такъ понялъ, но, видно, ошибся.

Нора. Никто не увидитъ меня во всемъ блескѣ до завтрашняго вечера.

Гельмеръ. Но, милая Нора, ты какая-то измученная. Зарепетировалась?

Нора. Совсѣмъ еще не репетировала.

Гельмеръ. Однако это необходимо...

Нора. Совершенно необходимо, Торвальдъ. Но я ничего не могу подѣлать безъ тебя. Я все позабыла.

Гельмеръ. Ну, мы живо освѣжимъ все въ памяти.

Нора. Да, ужъ ты непремѣнно займись со мной, Торвальдъ. Обѣщаешь? Ахъ, я такъ боюсь. Такое большое общество...

Пожертвуй мнѣ весь сегодняшній вечеръ. Чтобы ни единаго дѣла, пера въ руки не брать! А? Такъ вѣдь, милый?

Гельмеръ. Обѣщаю. Весь вечеръ всецѣло буду къ твоимъ услугамъ... бѣдное мое безпомощное созданьице... Гм! Да... Сначала только... (Идетъ къ дверямъ въ переднюю).

Нора. Зачѣмъ тебѣ туда?

Гельмеръ. Только взглянуть, нѣтъ ли писемъ.

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, не надо, Торвальдъ!

Гельмеръ. Что еще?

Нора. Торвальдъ! Я прошу тебя! Тамъ нѣтъ ничего.

Гельмеръ. Дай же взглянуть. (Хочетъ идти).

Нора (бросается къ фортепіано и начинаетъ играть тарантеллу).

Гельмеръ (останавливаясь у двери). Ага!

Нора. Я не могу плясать завтра, если не прорепетирую съ тобой.

Гельмеръ (идетъ къ ней). Въ самомъ дѣлѣ, ты такъ трусишь, милочка?

Нора. Страшно. Давай сейчасъ же. Время еще есть до ужина. Садись и играй мнѣ, милый. Показывай, учи меня, какъ всегда!

Гельмеръ. Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, разъ ты такъ желаешь. (Садится за фортепіано).

Нора (выхватываетъ изъ картонки тамбуринъ и длинный пестрый шарфъ, наскоро драпируется имъ, затѣмъ однимъ прыжкомъ становится посреди комнаты и кричитъ). Играй же! Я начинаю!

(Гельмеръ играетъ, а Нора пляшетъ: докторъ Ранкъ стоитъ позади Гельмера и смотритъ).

Гельмеръ (играя). Медленнѣе, медленнѣе.

Нора. Не могу иначе.

Гельмеръ. Не такъ бурно, Нора!

Нора. Именно! Такъ и надо!

Гельмеръ (обрывая). Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не годится.

Нора (смѣясь и потрясая тамбуриномъ). Ну, не говорила ли я тебѣ?

Ранкъ. Дайте, я сяду играть.

Гельмеръ (встаетъ). Хорошо, мнѣ такъ удобнѣе будетъ указывать ей.

(Ранкъ садится за фортепіано и играетъ. Нора пляшетъ съ все возрастающимъ жаромъ. Гельмеръ, ставъ у печки, безпрестанно дѣлаетъ Норѣ указанія и замѣчанія; но она какъ будто не слышитъ: волосы у нея распустились и падаютъ по плечамъ, она не обращаетъ на это вниманія, продолжая пляску. Входитъ фру Линде).

Фру Линде (останавливаясь, какъ вкопаная, у дверей). А!..

Нора (продолжая плясать). Видишь, какое у насъ тутъ веселье, Кристина!

Гельмеръ. Но, милая, дорогая Нора! Ты пляшешь, точно дѣло идетъ о жизни или смерти.

Нора. Такъ и есть.

Гельмеръ. Ранкъ, перестань. Это просто безуміе. Перестань, говорю я!

(Ранкъ перестаетъ играть, и Нора разомъ останавливается).

Гельмеръ (ей). Вотъ чему никогда бы не повѣрилъ. Ты рѣшительно перезабыла все, чему я тебя училъ.

Нора (бросая тамбуринъ). Самъ видишь.

Гельмеръ. Да, придется подучиться.

Нора. Вотъ видишь, какъ необходимо заняться со мной. Ты будешь учить меня до послѣдней минуты. Обѣщаешь, Торвальдъ?

Гельмеръ. Будь спокойна.

Нора. Ни сегодня ни завтра чтобы у тебя и мысли другой въ головѣ не было, только обо мнѣ. И писемъ не вскрывать сегодня... не заглядывать въ ящикъ...

Гельмеръ. Ага! Все боишься того человѣка?

Нора. Да, да, и это тоже.

Гельмеръ. Нора. я вижу по твоему лицу, тамъ есть уже письмо отъ него.

Нора. Не знаю. Кажется. Но ты не смѣй читать ничего такого теперь. Не надо намъ никакихъ непріятностей, пока все не будетъ кончено.

Ранкъ (тихо Гельмеру). Не противорѣчь ей.

Гельмеръ (обнимая ее). Пусть дитятко поставитъ на своемъ. Но завтра ночью послѣ твоей пляски...

Нора. Тогда ты свободенъ.

Служанка (въ дверяхъ направо). Барыня, столъ накрытъ.

Нора. Подай шампанскаго, Лена.

Служанка. Хорошо. (Уходитъ).

Гельмеръ. Эге-ге, такъ пиръ горой?

Нора. Пировать до зари. (Кричитъ вслѣдъ служанкѣ) И немножко миндальныхъ печеній, Лена... Нѣтъ, побольше!.. Одинъ разъ куда ни шло.

Гельмеръ (беря ее за руки). Ну-ну-ну, не надо этой дикой пугливости. Будь моимъ милымъ жаворонкомъ, какъ всегда.

Нора. Да, да, буду, буду. Но поди пока туда. И вы, докторъ. Кристина, помоги мнѣ поправить волосы.

Ранкъ (тихо, направляясь съ Гельмеромъ направо). Вѣдь не можетъ же быть, чтобы тутъ было что-нибудь такое... Она не въ ожиданіи?..

Гельмеръ. Ничего подобнаго, милый мой. Просто все тотъ же ребяческій страхъ, о которомъ я уже говорилъ тебѣ. (Уходятъ направо).

Нора (фру Линде). Ну?

Фру Линде. Уѣхалъ за городъ.

Нора. Я догадалась по твоему лицу.

Фру Линде. Вернется домой завтра вечеромъ. Я оставила ему записку.

Нора. Не надо было. Ничему ты не помѣшаешь. И въ сущности, такой восторгъ — ждать съ минуты на минуту чуда.

Фру Линде. Чего ты ждешь?

Нора. Ахъ, тебѣ не понять. Ступай къ нимъ. Я сію минуту.

(Фру Линде идетъ направо).

Нора (стоитъ съ минуту, словно стараясь придти въ себя, затѣмъ смотритъ на часы). Пять. Семь часовъ до полуночи. И затѣмъ двадцать четыре часа до полуночи. Тогда тарантелла будетъ кончена. Двадцать четыре да семь? Тридцать одинъ часъ жизни.

Гельмеръ (въ дверяхъ направо). Ну, гдѣ же мой жаворонокъ?

Нора (бросаясь къ нему съ распростертыми руками). Вотъ онъ, жаворонокъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната. Столъ, стоявшій передъ диваномъ, передвинутъ на середину комнаты вмѣстѣ со стульями. На столѣ горитъ лампа. Дверь въ переднюю открыта. Изъ верхняго этажа доносятся звуки бальной музыки.

Фру Линде сидитъ у стола, машинально перелистывая книгу; пытается читать, но, видимо, не въ состояніи собрать мыслей: время отъ времени прислушивается, не идетъ ли кто.

Фру Линде (глядя на свои часы). Все еще нѣтъ. А между тѣмъ времени теперь въ обрѣзъ. Лишь бы онъ не... (Опять прислушивается) А! Идетъ! (Идетъ въ переднюю и осторожно отпираетъ наружную дверь; на лѣстницѣ слышны тихіе шаги: она шепчетъ) Войдите. Никого нѣтъ.

Крогстадъ (въ дверяхъ). Я нашелъ дома вашу записку. Что̀ это означаетъ?

Фру Линде. Мнѣ необходимо поговорить съ вами.

Крогстадъ. Вотъ? И непремѣнно здѣсь въ домѣ?

Фру Линде. У меня никакъ нельзя было. Моя комната не имѣетъ особаго хода. Войдите. Мы одни. Служанка спитъ, а Гельмеры наверху на вечерѣ.

Крогстадъ (входитъ въ комнату). Скажите! Гельмеры пляшутъ сегодня? Въ самомъ дѣлѣ?

Фру Линде. Почему же нѣтъ?

Крогстадъ. Н-да, само собой.

Фру Линде. Такъ вотъ, Крогстадъ, давайте поговоримъ.

Крогстадъ. Развѣ намъ съ вами есть о чемъ говорить еще?

Фру Линде. Да, много о чемъ.

Крогстадъ. Не думалъ.

Фру Линде. Потому что никогда не понимали меня, какъ слѣдуетъ.

Крогстадъ. Чего тутъ было не понимать? На что ужъ проще! Безсердечная женщина спроваживаетъ человѣка на всѣ четыре стороны, какъ только ей представляется партія повыгоднѣе.

Фру Линде. Вы думаете, я такъ-таки совсѣмъ безсердечна? Вы думаете, мнѣ легко было порвать?

Крогстадъ. А то нѣтъ?

Фру Линде. Крогстадъ, неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думали?

Крогстадъ. Не будь такъ, зачѣмъ бы вамъ писать мнѣ тогда такое письмо?

Фру Линде. Да не могла я иначе! Разъ мнѣ приходилось порвать съ вами, — мой долгъ былъ вырвать изъ вашего сердца всякое чувство ко мнѣ.

Крогстадъ (сжимая руки). Такъ вотъ что. И все это... лишь изъ-за денегъ!

Фру Линде. Не забудьте, у меня на рукахъ была старуха-мать и двое малолѣтнихъ братьевъ. Мы не могли дожидаться васъ, Крогстадъ. Ваши виды на будущее были тогда еще такъ неопредѣленны.

Крогстадъ. Пусть такъ. Но вы не въ правѣ были бросать меня ради кого бы то ни было.

Фру Линде. Ужъ не знаю. Не разъ я задавала себѣ этотъ вопросъ — въ правѣ ли я была.

Крогстадъ (понизивъ голосъ). Когда я потерялъ васъ, у меня какъ будто почва выскользнула изъ-подъ ногъ. Взгляните на меня: я похожъ на потерпѣвшаго крушеніе, выплывшаго на обломкѣ судна.

Фру Линде. За помощью, пожалуй, недалеко было идти.

Крогстадъ Она была близка. Но вы явились и загородили мнѣ дорогу.

Фру Линде. Сама того не зная, Крогстадъ. Я только сегодня узнала, что меня опредѣляютъ на ваше мѣсто.

Крогстадъ. Я вѣрю вамъ, разъ вы это говорите. Но теперь вы развѣ не уступите?

Фру Линде. Нѣтъ. Это все равно не принесло бы вамъ никакой пользы.

Крогстадъ. Э, пользы, пользы!.. Я бы на вашемъ мѣстѣ все-таки сдѣлалъ такъ.

Фру Линде. Я выучилась поступать, какъ велитъ разумъ. Жизнь и суровая, горькая нужда выучили меня.

Крогстадъ. А меня жизнь выучила не вѣрить словамъ.

Фру Линде. Такъ жизнь выучила васъ весьма разумной вещи. Ну, а дѣламъ вы вѣдь все-таки вѣрите.

Крогстадъ. То-есть какъ это?

Фру Линде. Вы сказали, что похожи на потерпѣвшаго крушеніе, который выплылъ на обломкѣ.

Крогстадъ. И, думается мнѣ, имѣлъ основаніе сказать это.

Фру Линде. И я тоже въ родѣ потерпѣвшей крушеніе и выплывшей на обломкѣ. Некого жалѣть, не о комъ заботиться!

Крогстадъ. Сами выбрали себѣ долю.

Фру Линде. Другого выбора у меня тогда не было.

Крогстадъ. Ну, и что же дальше?

Фру Линде. Крогстадъ, а что если бы мы двое, потерпѣвшихъ крушеніе, подали другъ другу руки?

Крогстадъ. Что такое вы говорите?

Фру Линде. Вдвоемъ, вмѣстѣ на обломкахъ будетъ все-таки крѣпче, надежнѣе, чѣмъ держаться порознь, каждому на своемъ.

Крогстадъ. Кристина!

Фру Линде. Зачѣмъ, по-вашему, я пріѣхала сюда?

Крогстадъ. Неужто вы вспомнили обо мнѣ?

Фру Линде. Безъ работы, безъ труда мнѣ не прожить. Всю свою жизнь, насколько помню себя, я трудилась, и трудъ былъ моей лучшей и единственной отрадой. Но теперь я осталась одна какъ перстъ... Страшно пусто, одиноко... Работать для себя одной—мало радости. Крогстадъ, дайте мнѣ цѣль — для чего и для кого работать.

Крогстадъ. Не повѣрю я ничему такому. Это все одна женская восторженность, великодушная потребность жертвовать собой ни за что ни про что.

Фру Линде. Вы замѣчали за мной когда-нибудь склонность къ восторженности?

Крогстадъ. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ могли бы? Скажите мнѣ... Вамъ все извѣстно... про мое прошлое?

Фру Линде. Да.

Крогстадъ. И вы знаете, какая про меня идетъ слава?

Фру Линде. Я поняла изъ вашихъ словъ, что, по-вашему, со мной вы могли бы стать инымъ человѣкомъ?

Крогстадъ. Навѣрняка знаю.

Фру Линде. Такъ время развѣ ушло?

Крогстадъ. Кристина... вы говорите вполнѣ серьезно? Да, да. Я вижу по вашему лицу. Такъ у васъ въ самомъ дѣлѣ хватитъ смѣлости?..

Фру Линде. Мнѣ надо кого-нибудь любить. о комъ-нибудь заботиться, замѣнять кому-нибудь мать, а вашимъ дѣтямъ нужна мать. Мы съ вами нужны другъ другу. Крогстадъ, я вѣрю. что основа у васъ хорошая... и съ вами вмѣстѣ я на все готова.

Крогстадъ (схвативъ ея руки). Спасибо, спасибо, Кристина! Теперь ужъ я сумѣю подняться, возстановить свою репутацію... Ахъ, да, я и забылъ....

Фру Линде (прислушивается). Тсс!.. Тарантелла. Уходите.

Крогстадъ. Почему? Въ чемъ дѣло?

Фру Линде. Слышите, наверху пляшутъ тарантеллу? Когда она будетъ кончена, они явятся сюда.

Крогстадъ. Да, да, такъ я уйду. Да и къ тому же все напрасно. Вы, разумѣется, не знаете, на какой шагъ я рѣшился противъ Гельмеровъ.

Фру Линде. Знаю, Крогстадъ.

Крогстадъ. И все-таки у васъ хватило бы духу?..

Фру Линде. Я хорошо понимаю, до чего можетъ довести отчаяніе такого человѣка, какъ вы.

Крогстадъ. Ахъ, если бы я могъ вернуть сдѣланное!

Фру Линде. Вы могли бы. Ваше письмо лежитъ еще въ ящикѣ.

Крогстадъ. Вы увѣрены?

Фру Линде. Вполнѣ. Но...

Крогстадъ (пытливо глядитъ на нее). Такъ не приходится ли *такъ* понять дѣло? Вы хотите во что бы то ни стало спасти подругу. Скажите напрямикъ. Такъ?

Фру Линде. Крогстадъ! Кто разъ продалъ себя изъ-за другихъ, не сдѣлаетъ этого во второй разъ.

Крогстадъ. Я потребую свое письмо обратно.

Фру Линде. Нѣтъ, нѣтъ.

Крогстадъ. Само собой. Я дождусь Гельмера и скажу ему, чтобы онъ вернулъ мнѣ мое письмо, что оно касается одного меня, моей отставки... что ему не зачѣмъ читать.

Фру Линде. Нѣтъ, Крогстадъ, не требуйте своего письма обратно.

Крогстадъ. Но скажите, развѣ не за этимъ собственно вы призвали меня сюда?

Фру Линде. Да, въ первую минуту, со страху. Но теперь прошли цѣлыя сутки, и просто не вѣрится, чего я за это

время насмотрѣлась здѣсь въ домѣ. Пусть Гельмеръ все узнаетъ. Пусть эта злополучная тайна выйдетъ на свѣтъ Божій. Пусть они наконецъ объяснятся между собой на чистоту. Невозможно, чтобы это такъ продолжалось... эти вѣчныя утайки, увертки.

Крогстадъ. Ну, хорошо; разъ вы на это рѣшаетесь... Но одно я во всякомъ случаѣ могу сдѣлать, и надо сдѣлать это сейчасъ же...

Фру Линде (прислушиваясь). Скорѣе! Уходите! Пляска кончена. Насъ могутъ застать съ минуты на минуту.

Крогстадъ. Я дождусь васъ внизу.

Фру Линде. Хорошо. Потомъ проводите меня до дому.

Крогстадъ. Сроду не бывалъ я такъ счастливъ! (Уходитъ, дверь въ переднюю остается попрежнему открытой).

Фру Линде (немного прибираетъ на столѣ и приготовляетъ свою верхнюю одежду). Какой поворотъ! Какой поворотъ! Будетъ для кого работать... для кого жить... куда внести свѣтъ и тепло. Да, придется-таки приналечь. Скорѣе бы приходили... (Прислушивается) А, вотъ они. Скорѣе одѣться. (Надѣваетъ шляпу и манто).

(За сценой слышны голоса Гельмера и Норы: слышно, какъ повертывается ключъ въ замкѣ, и затѣмъ Гельмеръ почти силой вводитъ Нору въ переднюю. Она въ неаполитанскомъ костюмѣ и укутана въ большую черную шаль. Онъ во фракѣ и въ наброшенномъ сверху открытомъ домино).

Нора (еще въ дверяхъ, сопротивляясь). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу сюда! Хочу опять наверхъ. Не хочу уходить такъ рано.

Гельмеръ. Но, милочка Нора...

Нора. Ну, я прошу тебя, умоляю, Торвальдъ... Ну, пожалуйста... еще хоть часочекъ!

Гельмеръ. Ни минутки больше, моя дорогая. Ты помнишь уговоръ? Вотъ такъ. Сюда. Ты еще простудишься тутъ въ передней. (Бережно ведетъ ее, несмотря на ея сопротивленіе, въ комнату).

Фру Линде. Добрый вечеръ.

Нора. Кристина!

Гельмеръ. Какъ, фру Линде, вы здѣсь, въ такой поздній часъ?

Фру Линде. Да, извините; мнѣ такъ хотѣлось взглянуть на костюмъ Норы.

Нора. Такъ ты все сидѣла и ждала меня?

Фру Линде. Да; я, къ сожалѣнію, опоздала; ты была уже наверху; ну, мнѣ и не хотѣлось уходить, не поглядѣвъ на тебя.

Гельмеръ (снимая шаль съ Норы). Ну, глядите же на нее хорошенько. Право, стоитъ посмотрѣть. Чѣмъ не хороша, фру Линде?

Фру Линде. Да, признаюсь...

Гельмеръ. Развѣ не дивно хороша? Тамъ всѣ въ одинъ голосъ признали это. Но она ужасная упрямица, эта миленькая крошка. Что̀ подѣлаете? Представьте себѣ, мнѣ чуть не силой пришлось увести ее оттуда.

Нора. Ахъ, Торвальдъ, ты еще раскаешься, что не далъ мнѣ повеселиться еще хоть полчасика.

Гельмеръ. Слышите, фру Линде! Она пляшетъ тарантеллу... производитъ фуроръ... вполнѣ заслуженный... хотя исполненіе было, пожалуй, черезчуръ естественно... то-есть болѣе естественно, нежели это, строго говоря, желательно съ точки зрѣнія искусства. Ну, да пусть! Главное — она произвела фуроръ, огромный фуроръ. Такъ и дать ей остаться послѣ этого? Ослабить впечатлѣніе? Нѣтъ, спасибо. Я подхватилъ мою прелестную капричіанку — капризную капричіанку, можно бы сказать — подъ ручку... маршъ-маршемъ по залѣ... общій поклонъ, и — какъ говорится въ романахъ — прекрасное видѣніе скрылось. Конецъ всегда долженъ быть эффектенъ, фру Линде. Но гдѣ втолковать это Норѣ? Никакъ. Фу, какая здѣсь жара! (Сбрасываетъ домино и открываетъ дверь въ кабинетъ) Э? Да тамъ темно? Ну да, само собой. Извините... (Уходитъ къ себѣ и зажигаетъ тамъ свѣчи).

Нора (быстрымъ шопотомъ, задыхаясь). Ну, ну?

Фру Линде (тихо). Я говорила съ нимъ.

Нора. И что̀ же?

Фру Линде. Нора... тебѣ придется все сказать мужу.

Нора (упавшимъ голосомъ). Я знала.

Фру Линде. Тебѣ нечего опасаться со стороны Крогстада. Но ты должна все сказать.

Нора. Я не скажу.

Фру Линде. Такъ письмо скажетъ.

Нора. Спасибо, Кристина. Я знаю, что̀ теперь дѣлать. Тсс!

Гельмеръ (входитъ). Ну, фру Линде, налюбовались ею?

Фру Линде. Да, да, и теперь прощусь.

Гельмеръ. Уже? А это ваша работа, вязанье?

Фру Линде (беретъ работу). Да; благодарю. Чуть-было не забыла.

Гельмеръ. Такъ вы и вяжете?

Фру Линде. Случается.

Гельмеръ. Знаете, вы бы лучше вышивали.

Фру Линде. Вотъ какъ? Почему?

Гельмеръ. Да это куда красивѣе. Видите: держатъ работу вотъ такъ, лѣвой рукой, а правой дѣлаютъ стежки... вотъ такъ... легкимъ, свободнымъ взмахомъ... Не такъ ли?

Фру Линде. Да, пожалуй...

Гельмеръ. Вязанье, напротивъ, не можетъ выходить красиво; всегда какъ-то неуклюже. Взгляните: эти стиснутыя руки... эти спицы — то вверхъ, то внизъ, то вверхъ, то внизъ — какая-то китайщина... А-а, какое великолѣпное шампанское тамъ подавали!

Фру Линде. Такъ прощай. Нора, и не упрямься больше.

Гельмеръ. Отлично сказано, фру Линде!

Фру Линде. Спокойной ночи, господинъ директоръ.

Гельмеръ (провожая ее до дверей). Спокойной ночи, спокойной ночи. Надѣюсь, благополучно доберетесь до дому? Я бы съ удовольствіемъ... но вѣдь вамъ недалеко. Спокойной ночи, спокойной ночи. (Она уходитъ, онъ запираетъ за нею дверь и возвращается). Наконецъ-то спровадили. Ужасно скучная особа.

Нора. Ты очень усталъ, Торвальдъ?

Гельмеръ. Нѣтъ, ничуть.

Нора. И спать не хочешь?

Гельмеръ. Совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, я необычайно оживленъ. А ты? Да, у тебя порядкомъ усталый и сонный видъ.

Нора. Да, я очень устала. И скоро усну.

Гельмеръ. Вотъ, вотъ! Значитъ, я хорошо сдѣлалъ, что мы не остались дольше.

Нора. Ахъ, ты все хорошо дѣлаешь.

Гельмеръ (цѣлуя ее въ лобъ). Ну вотъ, жаворонокъ заговорилъ по-человѣчески. А ты замѣтила, какъ Ранкъ былъ сегодня оживленъ?

Нора. Да? Развѣ? Мнѣ не удалось съ нимъ поговорить.

Гельмеръ. И мнѣ почти тоже. Но я давно не видалъ его въ такомъ хорошемъ настроеніи. (Глядитъ на нее съ минуту, затѣмъ подходитъ къ ней поближе) Гм!.. однако какъ чудесно опять очутиться у себя дома... вдвоемъ. Ахъ, ты, очаровательница, моя юная красавица!

Нора. Не гляди на меня такъ, Торвальдъ!

Гельмеръ. Что? Мнѣ нельзя смотрѣть на свое драгоцѣннѣйшее сокровище? На всю эту прелесть, которая принадлежитъ мнѣ, мнѣ одному, вся цѣликомъ!

Нора (переходя на другую сторону стола). Не надо такъ говорить со мной сегодня.

Гельмеръ (слѣдуя за нею). У тебя въ крови все еще кипитъ тарантелла, какъ погляжу. И оттого ты еще очаровательнѣе... Слушай! Гости начинаютъ расходиться. (Понизивъ голосъ) Нора... скоро въ домѣ все стихнетъ.

Нора. Надѣюсь.

Гельмеръ. Не такъ ли, моя возлюбленная? О, знаешь, когда

я бываю съ тобою въ обществѣ — знаешь, почему я такъ мало говорю съ тобой, держусь отъ тебя подальше, лишь украдкой поглядываю на тебя?.. Знаешь, почему? Потому что я представляю себѣ, будто ты моя тайная любовь, что мы съ тобой обручены тайкомъ, и никто даже не подозрѣваетъ, что между нами есть что-то.

Нора. Да, да, да; я вѣдь знаю, что всѣ твои мысли около меня.

Гельмеръ. А когда мы собираемся уходить и я накидываю шаль на твои нѣжныя, юныя плечи... на этотъ дивный изгибъ шеи отъ затылка... я представляю себѣ, что ты моя юная невѣста, что мы прямо изъ-подъ вѣнца, что я впервые введу тебя сейчасъ въ свой домъ... въ первый разъ останусь съ тобой наединѣ... одинъ съ тобой, моя юная, трепещущая прелесть! Весь этотъ вечеръ у меня не было иной мысли, иного желанія... я желалъ тебя! Когда я увидалъ, какъ ты носишься и манишь въ тарантеллѣ... у меня кровь закипѣла... я не могъ больше... Оттого я и увлекъ тебя оттуда такъ рано...

Нора. Поди, Торвальдъ... Оставь меня. Я не хочу...

Гельмеръ. Что это значитъ? Ты меня поддразниваешь, малютка Нора?.. Не хочу?.. Или я тебѣ не мужъ?..

(Стукъ во входную дверь).

Нора (вздрагивая). Слышишь?

Гельмеръ (оборачиваясь). Кто тамъ?

Ранкъ (за дверями). Это я. Можно на минутку?

Гельмеръ (тихо, съ досадой). И что ему еще понадобилось? (Громко) Сейчасъ. (Идетъ и отпираетъ дверь) Вотъ это мило, что не миновалъ насъ.

Ранкъ. Мнѣ послышался твой голосъ, вотъ и захотѣлось заглянуть къ вамъ. (Окинувъ комнату бѣглымъ взглядомъ) Н-да, эти милыя, знакомыя мѣста. Хорошо у васъ здѣсь, уютно.

Гельмеръ. Кажется, тебѣ и наверху было сегодня хорошо, уютно.

Ранкъ. Восхитительно. И почему бы нѣтъ? Отчего не взять отъ жизни, что она даетъ? Во всякомъ случаѣ, сколько можно и пока можно. Вино было превосходное...

Гельмеръ. Особенно шампанское...

Ранкъ. И ты замѣтилъ? Просто не вѣрится, сколько я могъ влить въ себя.

Нора. Торвальдъ тоже выпилъ сегодня немало шампанскаго.

Ранкъ. Да?

Нора. Да; а послѣ этого онъ всегда въ отличномъ настроеніи.

Ранкъ. Да что-жъ, почему и не кутнуть разокъ вечеркомъ послѣ проведеннаго съ пользой дня?

Гельмеръ. Проведеннаго съ пользой! Этимъ, къ сожалѣнію, не могу похвалиться.

Ранкъ (ударяя его по плечу). А я такъ могу!

Нора. Докторъ Ранкъ, вы, навѣрно, предпринимали сегодня какое-нибудь научное изслѣдованіе?

Ранкъ. Вотъ именно.

Гельмеръ. Те-те-те! Малютка Нора говоритъ о научныхъ изслѣдованіяхъ?

Нора. И можно поздравить — съ успѣхомъ?

Ранкъ. Н-да, можете.

Нора. Значитъ, результатъ получился хорошій?

Ранкъ. Наилучшій и для врача и для паціента — увѣренность.

Нора (быстро, пытливо). Увѣренность?

Ранкъ. Полная увѣренность. Такъ и не кутнуть послѣ этого?

Нора. Да, именно такъ, докторъ.

Гельмеръ. И я то же скажу. Только бы тебѣ не пришлось расплачиваться за это завтра.

Ранкъ. Ну, даромъ ничего въ этой жизни не дается!

Нора. Докторъ Ранкъ... вы, вѣрно, охотникъ до маскарадовъ?

Ранкъ. Да, если много забавныхъ масокъ...

Нора. Слушайте же, чѣмъ намъ съ вами нарядиться въ слѣдующій разъ?

Гельмеръ. Ахъ, ты, вѣтрогонка! Ты ужъ думаешь о слѣдующемъ разѣ?

Ранкъ. Намъ съ вами? Сейчасъ скажу. Вамъ — баловнемъ счастья...

Гельмеръ. А ты придумай-ка нарядъ, который бы ясно выразилъ эту мысль.

Ранкъ. Пусть себѣ твоя жена явится такой, какой всегда и во всемъ бываетъ...

Гельмеръ. Вотъ это мѣтко сказано. Ну, а ты придумалъ, чѣмъ самъ явишься?

Ранкъ. Да, дружище, это у меня рѣшено.

Гельмеръ. Ну?

Ранкъ. На слѣдующемъ маскарадѣ появлюсь невидимкой.

Гельмеръ. Вотъ такъ выдумка!

Ранкъ. Есть такая большая черная шапка... ль ты не слыхалъ о шапкѣ-невидимкѣ? Стоитъ надѣть ее — и человѣка какъ не бывало.

Гельмеръ (подавляя улыбку). Да, это такъ.

Ранкъ. Но я совсѣмъ забылъ, для чего собственно зашелъ. Гельмеръ, дай-ка мнѣ сигару, изъ гаванскихъ, потемнѣе.

Гельмеръ. Съ величайшимъ удовольствіемъ. (Предлагаетъ портсигаръ).

Ранкъ (беретъ одну и срѣзываетъ кончикъ). Спасибо.

Нора (зажигая спичку). А мнѣ позвольте предложить вамъ огоньку.

Ранкъ. Спасибо вамъ. (Она держитъ передъ нимъ спичку, и онъ закуриваетъ). И прощайте!

Гельмеръ. Прощай, прощай, дружище!

Нора. Спокойнаго сна, докторъ Ранкъ!

Ранкъ. Спасибо за пожеланіе.

Нора. Пожелайте мнѣ того же.

Ранкъ. Вамъ? Ну, разъ вы хотите... Спокойнаго сна. И спасибо за огонекъ. (Киваетъ имъ обоимъ и уходитъ).

Гельмеръ (вполголоса). Здорово выпилъ.

Нора (разсѣянно). Пожалуй. (Гельмеръ вынимаетъ изъ кармана ключи и идетъ въ переднюю). Торвальдъ... зачѣмъ ты?

Гельмеръ. Надо опорожнить ящикъ. Онъ уже полонъ. Мѣста не хватитъ для утреннихъ газетъ...

Нора. Ты хочешь работать ночью?

Гельмеръ. Ты знаешь, что не хочу... Что это? Тутъ кто-то прикладывался къ замку.

Нора. Къ замку?..

Гельмеръ. Да, конечно. Что же это тамъ застряло? Нельзя допустить, чтобы прислуга... Да тутъ сломанная шпилька. Нора, твоя шпилька!..

Нора (быстро). Ахъ, такъ это, вѣрно, дѣти...

Гельмеръ. Ну, ихъ надо отвадить отъ этого. Гм!.. Гм!.. Ну, наконецъ-то удалось отпереть. (Вынимаетъ изъ ящика письма и кричитъ въ кухню) Елена!.. Елена, погасите лампу въ передней. (Входитъ въ комнату и запираетъ дверь въ переднюю, показывая Норѣ кипу писемъ) Вотъ видишь, сколько набралось? (Перебирая письма) Это что такое?

Нора (у окна). Письмо! Не надо, не надо, Торвальдъ!

Гельмеръ. Двѣ визитныя карточки отъ Ранка.

Нора. Отъ доктора Ранка?

Гельмеръ (глядитъ на нихъ). «Докторъ медицины Ранкъ». Онѣ сверху лежали; видно, онъ сунулъ ихъ, уходя.

Нора. На нихъ что-нибудь написано?

Гельмеръ. Надъ именемъ сверху черный крестъ. Глядь. Что за фантазія! Какъ-то жутко даже. Точно извѣщаетъ о собственной смерти.

Нора. Такъ оно и есть.

Гельмеръ. Что? Ты что-нибудь знаешь? Онъ тебѣ говорилъ что-нибудь?

Нора. Да. Разъ мы получили эти карточки, онъ, значитъ, простился съ нами. Теперь запрется у себя и умретъ.

Гельмеръ. Мой бѣдный другъ!.. Я такъ и зналъ, что недолго онъ побудетъ съ нами. Но чтобы такъ скоро... И спрячется отъ всѣхъ, какъ раненый звѣрь.

Нора. Разъ чему быть — такъ лучше безъ лишнихъ словъ. Такъ вѣдь, Торвальдъ?

Гельмеръ (ходитъ взадъ и впередъ). Мы такъ сжились съ нимъ. Я какъ-то не могу себѣ представить, что его не будетъ. Онъ, его страданья, его одиночество давали какой-то легкій облачный фонъ нашему яркому, какъ солнце, счастью... Ну, а можетъ-быть, оно и къ лучшему. Для него во всякомъ случаѣ. (Останавливаясь) Да, пожалуй, и для насъ, Нора. Теперь мы съ тобой будемъ всецѣло одни. (Обнимая ее) Моя любимая... Мнѣ все кажется, что я недостаточно крѣпко держу тебя. Знаешь, Нора... не разъ мнѣ хотѣлось, чтобы тебѣ грозила неминуемая бѣда, и чтобы я могъ поставить на карту свою жизнь и кровь — и все, все, ради тебя.

Нора (освобождаясь: твердо, рѣшительно). Прочти же письма, Торвальдъ.

Гельмеръ. Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня. Я хочу быть съ тобой, моя ненаглядная, у тебя.

Нора. Зная, что другъ твой умираетъ?..

Гельмеръ. Ты права. Это взволновало насъ обоихъ. Въ наши отношенія вторглось нѣчто некрасивое — мысль о смерти, о разложеніи. Надо сначала освободиться отъ этого. Пока что— разойдемся каждый къ себѣ.

Нора (обвивая его шею руками). Торвальдъ... спокойной ночи! Спокойной ночи!

Гельмеръ (цѣлуя ее въ лобъ). Спокойной ночи, моя пѣвунья-пташечка. Спи спокойно, Нора. Я прочту письма. (Уходитъ съ письмами въ кабинетъ и затворяетъ за собой дверь).

Нора (съ блуждающимъ взоромъ, шатаясь, бродитъ по комнатѣ, хватаетъ домино Гельмера, набрасываетъ на себя и шепчетъ быстро, хрипло, порывисто). Никогда не видать его больше. Никогда. Никогда. Никогда. (Набрасываетъ на голову шаль). И дѣтей тоже никогда. И ихъ тоже. Никогда. Никогда... О-о! Прямо въ темную ледяную воду... въ бездонную глубину... О-о! Скорѣе бы ужъ конецъ, скорѣе!.. Вотъ теперь онъ взялъ письмо... читаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, еще не сейчасъ. Торвальдъ, прощай! И ты и дѣти... (Хочетъ кинуться въ переднюю: въ эту минуту дверь кабинета распахивается, и на порогѣ стоитъ Гельмеръ съ письмомъ въ рукахъ).

Гельмеръ. Нора!

Нора (громко вскрикиваетъ). А!

Гельмеръ. Что это? Ты знаешь, что въ этомъ письмѣ?

Нора. Знаю. Пусти меня! Дай уйти!

Гельмеръ (удерживая ее). Куда ты?

Нора (пытаясь вырваться). И не думай спасать меня, Торвальдъ.

Гельмеръ (отшатываясь). Правда! Значитъ, правда? Ужасно! Нѣтъ, нѣтъ. Это невозможно, этого не можетъ быть! Неправда!

Нора. Это правда. Я любила тебя больше всего въ мірѣ.

Гельмеръ. Ахъ, поди ты со своими вздорными увертками!

Нора (дѣлая шагъ къ нему). Торвальдъ!

Гельмеръ. Несчастная... что ты надѣлала?!

Нора. Дай мнѣ уйти. Нельзя, чтобы ты поплатился за меня. Ты не долженъ брать этого на себя.

Гельмеръ. Не представляйся. (Запираетъ дверь въ переднюю на ключъ) Ни съ мѣста, пока не дашь мнѣ отчета. Ты понимаешь, что ты сдѣлала? Отвѣчай! Ты понимаешь?

Нора (глядитъ на него въ упоръ и говоритъ съ застывшимъ лицомъ). Да, теперь начинаю понимать вполнѣ.

Гельмеръ (шагая по комнатѣ). О, какое ужасное пробужденіе! Всѣ эти восемь лѣтъ... она, моя радость, моя гордость... была лицемѣркой, лгуньей... хуже, хуже — преступницей! О, какая бездонная пропасть грязи, безобразія! Тьфу! Тьфу!

Нора (молчитъ и попрежнему, не отрываясь, глядитъ на него).

Гельмеръ (останавливаясь передъ ней). Мнѣ бы слѣдовало предчувствовать возможность подобнаго. Слѣдовало предвидѣть. Всѣ легкомысленные принципы твоего отца... Молчи! Ты унаслѣдовала всѣ легкомысленные взгляды своего отца. Ни религіи, ни морали, ни чувства долга... О, какъ я наказанъ за то, что взглянулъ тогда на его дѣло сквозь пальцы. Ради тебя. И вотъ какъ ты меня отблагодарила.

Нора. Да, вотъ какъ.

Гельмеръ. Ты сгубила все мое счастье. Все будущее мое теперь погибло. Ужасъ подумать. Я въ рукахъ безсовѣстнаго человѣка. Онъ можетъ сдѣлать со мной, что хочетъ, требовать отъ меня чего угодно, приказывать мнѣ, помыкать мной, какъ вздумается. Я пикнуть не посмѣю. И упасть въ такую яму, погибнуть такимъ жалкимъ образомъ изъ-за вѣтреной женщины!

Нора. Разъ меня не будетъ на свѣтѣ, ты свободенъ.

Гельмеръ. Ахъ, безъ фокусовъ! И у твоего отца всегда были наготовѣ такія фразы. Мнѣ-то какой будетъ толкъ изъ того, что тебя не будетъ на свѣтѣ, какъ ты говоришь? Ни малѣйшаго. Онъ все-таки можетъ раскрыть дѣло. А разъ онъ это сдѣлаетъ, меня, пожалуй, заподозрятъ въ томъ, что я зналъ о твоемъ преступленіи. Пожалуй, подумаютъ, что за твоей спиной стоялъ я самъ... что это я тебя подучилъ! И за все

за это я могу благодарить тебя, тебя! А я-то носилъ тебя на рукахъ все время. Понимаешь ли ты теперь, что ты надѣлала?

Нора (съ холоднымъ спокойствіемъ). Да.

Гельмеръ. Это до того невѣроятно, что я просто опомниться не могу. Но придется постараться какъ-нибудь выпутаться. Сними шаль. Сними, говорю тебѣ! Придется какъ-нибудь улажить его. Дѣло надо замять во что бы то ни стало. А что до меня и тебя, то нельзя и виду подавать... надо держаться, какъ будто все у насъ идетъ по-старому. Но это, разумѣется, только для людей. Ты, значитъ, останешься въ домѣ; это само собой. Но дѣтей ты не будешь воспитывать. Я не смѣю довѣрить ихъ тебѣ. О-о! И это мнѣ приходится сказать той, которую такъ любилъ и которую еще... Но этому долженъ настать конецъ. Отнынѣ нѣтъ уже рѣчи о счастьѣ, а только о спасеніи остатковъ, обломковъ, сохраненіи декорума...

(Звонокъ въ передней).

Гельмеръ (вздрагивая). Кто это? Такъ поздно. Неужели надо ждать самаго ужаснаго?.. Неужели онъ?.. Спрячься, Нора! Скажись больною!

(Нора не двигается съ мѣста. Гельмеръ идетъ и отворяетъ дверь въ переднюю).

Служанка (полуодѣтая, въ передней). Письмо барынѣ.

Гельмеръ. Давай сюда. (Хватаетъ письмо и затворяетъ дверь). Да; отъ него. Ты не получишь. Я самъ прочту.

Нора. Прочти.

Гельмеръ (около лампы). У меня едва хватаетъ духу. Быть-можетъ, мы уже погибли, и ты и я... Нѣтъ, надо же узнать. (Лихорадочно вскрываетъ конвертъ, пробѣгаетъ глазами нѣсколько строкъ, смотритъ на вложенную въ письмо бумажку и радостно вскрикиваетъ) Нора!

Нора (вопросительно смотритъ на него).

Гельмеръ. Нора!.. Нѣтъ: дай прочесть еще разъ. Да, да, такъ. Спасенъ! Нора, я спасенъ!

Нора. А я?

Гельмеръ. И ты, разумѣется. Мы оба спасены, и ты и я. Гляди. Онъ возвращаетъ тебѣ твое долговое обязательство. Пишетъ, что раскаивается и жалѣетъ... Что счастливый поворотъ въ его судьбѣ... Ну, да все равно, что онъ тамъ пишетъ. Мы спасены, Нора! Никто тебѣ ничего не можетъ сдѣлать. Ахъ, Нора, Нора! Нѣтъ, сначала уничтожить всю эту гадость. Посмотримъ-ка... (Бросаетъ взглядъ на расписку) Нѣтъ, и смотрѣть не хочу. Пусть все это будетъ для меня только сномъ. (Разрываетъ въ клочки и письмо и долговое обязательство, бросаетъ въ печь и смотритъ, какъ все сгораетъ) Вотъ такъ. Теперь

и слѣда не осталось. Онъ писалъ, что ты съ сочельника... Ахъ, какіе же это были ужасные три дня для тебя, Нора!

Нора. Я жестоко боролась эти три дня.

Гельмеръ. И страдала и не видѣла другого исхода, какъ... Нѣтъ, не надо и вспоминать всего этого безобразія. Будемъ теперь только радоваться да твердить: все прошло, прошло! Слушай же, Нора, ты какъ будто еще не понимаешь, что все прошло? Что же это такое... ты какъ будто окаменѣла? Ахъ, бѣдная малютка Нора; я понимаю, понимаю. Тебѣ не вѣрится, что я простилъ тебя. Но я простилъ, Нора; клянусь, я простилъ тебѣ все. Я вѣдь знаю: все, что ты надѣлала, ты сдѣлала изъ любви ко мнѣ.

Нора. Это вѣрно.

Гельмеръ. Ты любила меня, какъ жена должна любить мужа. Ты только не смогла хорошенько разобраться въ средствахъ. Но неужели ты думаешь, что я буду меньше любить тебя изъ-за того, что ты неспособна дѣйствовать самостоятельно? Нѣтъ, нѣтъ, смѣло обопрись на меня, я буду твоимъ совѣтчикомъ, руководителемъ. Я не былъ бы мужчиной, если бы эта женская безпомощность не дѣлала тебя вдвое милѣе въ моихъ глазахъ. Ты не думай больше о тѣхъ рѣзкихъ словахъ, которыя вырвались у меня въ минуту перваго испуга, когда мнѣ показалось, что все вокругъ меня рушится. Я простилъ тебя, Нора. Клянусь тебѣ, я простилъ тебя.

Нора. Благодарю тебя за твое прощеніе. (Уходитъ въ дверь направо).

Гельмеръ. Нѣтъ, постой... (Заглядывая туда) Ты что хочешь?

Нора (изъ другой комнаты). Сбросить маскарадный костюмъ.

Гельмеръ (у дверей). Да, да, хорошо. И постарайся успокоиться, придти въ себя, моя бѣдная напуганная пташка. Обопрись спокойно на меня; у меня широкія крылья, чтобы прикрыть тебя. (Ходитъ около дверей) Ахъ, какъ у насъ тутъ уютно, славно, Нора. Тутъ твой пріютъ. тутъ я буду лелѣять тебя, какъ загнанную голубку, которую спасъ невредимой изъ когтей ястреба. Я сумѣю успокоить твое бѣдное, трепещущее сердечко. Мало-по-малу это удастся, Нора, повѣрь мнѣ. Завтра тебѣ все уже покажется совсѣмъ инымъ; и скоро все пойдетъ опять по-старому; мнѣ не придется долго повторять, что я простилъ тебя. Ты сама почувствуешь, что это такъ. Какъ ты можешь думать, что мнѣ могло бы придти въ голову оттолкнуть тебя или даже только упрекнуть въ чемъ-нибудь? Ахъ, ты не знаешь сердца настоящаго мужа, Нора. Мужу невыразимо сладко и пріятно сознавать, что онъ простилъ свою жену... простилъ отъ всего сердца, отъ всей души. Она

отъ этого становится какъ будто вдвойнѣ его. Онъ какъ будто вторично рождаетъ ее на свѣтъ. Она становится, такъ сказать, и женой его и ребенкомъ. И ты теперь будешь для меня и тѣмъ и другимъ, мое безпомощное, растерянное созданьице. Не бойся ничего, Нора; будь только чистосердечна со мной, и я буду и твоей волей и твоей совѣстью. Что̀ это? Ты не ложишься? Переодѣлась?

Нора (въ обыкновенномъ домашнемъ платьѣ). Да, Торвальдъ, переодѣлась.

Гельмеръ. Да зачѣмъ, въ такой часъ, такъ поздно?

Нора. Мнѣ не спать въ эту ночь.

Гельмеръ. Но, дорогая Нора...

Нора (смотритъ на свои часы). Не такъ еще поздно. Присядь, Торвальдъ. Намъ съ тобой есть о чемъ поговорить. (Садится къ столу).

Гельмеръ. Нора... что̀ это? Это застывшее выраженіе?..

Нора. Присядь. Разговоръ будетъ долгій. Мнѣ надо много сказать тебѣ.

Гельмеръ (садясь къ столу напротивъ нея). Ты меня пугаешь, Нора. И я не понимаю тебя.

Нора. Въ томъ-то и дѣло. Ты меня не понимаешь. И я тебя не понимала до сегодняшняго вечера. Нѣтъ, не прерывай меня. Ты только выслушай меня. Сведемъ счеты, Торвальдъ.

Гельмеръ. Что̀ такое ты говоришь?

Нора (послѣ короткой паузы). Тебя не поражаетъ одна вещь, вотъ сейчасъ, когда мы такъ сидимъ съ тобой?

Гельмеръ. Что̀ бы это могло быть?

Нора. Мы вотъ женаты восемь лѣтъ. Тебѣ не приходитъ въ голову, что это вѣдь въ первый разъ мы съ тобой, мужъ съ женою, сѣли поговорить серьезно?

Гельмеръ. Серьезно... Что̀ это значитъ?

Нора. Цѣлыхъ восемь лѣтъ... Больше... Съ первой минуты нашего знакомства мы ни разу не обмѣнялись серьезнымъ словомъ о серьезныхъ вещахъ.

Гельмеръ. Что̀ же мнѣ было посвящать тебя въ свои дѣловыя заботы, которыхъ ты все равно не могла мнѣ облегчить?

Нора. Я не говорю о дѣловыхъ заботахъ. Я говорю, что мы вообще никогда не заводили серьезной бесѣды, не пытались вмѣстѣ обсудить что-нибудь, вникнуть во что-нибудь серьезно.

Гельмеръ. Но, милочка Нора, развѣ это было по твоей части?

Нора. Вотъ мы и добрались до сути. Ты никогда не понималъ меня. Со мной поступали очень несправедливо, Торвальдъ. Сначала папа, потомъ ты.

Гельмеръ. Что! Мы двое?.. Когда мы оба любили тебя больше, чѣмъ кто-либо на свѣтѣ?

Нора (качая головой). Вы никогда меня не любили. Вамъ только нравилось быть въ меня влюбленными.

Гельмеръ. Нора, что это за слова!

Нора. Да, ужъ такъ оно есть, Торвальдъ. Когда я жила дома, съ папой, онъ выкладывалъ мнѣ всѣ свои взгляды, и у меня оказывались тѣ же самые; если же у меня оказывались другіе, я ихъ скрывала, — ему бы это не понравилось. Онъ звалъ меня своей куколкой-дочкой, забавлялся мной, какъ я своими куклами. Потомъ я перешла къ тебѣ въ домъ.

Гельмеръ. Что за выраженіе, когда говоришь о бракѣ?

Нора (невозмутимо). Я хочу сказать, что я изъ папиныхъ рукъ перешла въ твои. Ты все устраивалъ по своему вкусу, и у меня сталъ твой вкусъ, или я только дѣлала видъ, что это такъ, — не знаю хорошенько. Пожалуй, и то и другое. Иногда бывало такъ, иногда этакъ. Какъ оглянусь теперь назадъ, мнѣ кажется, я вела здѣсь самую жалкую жизнь!.. Меня поили, кормили, одѣвали, а мое дѣло было развлекать, забавлять тебя, Торвальдъ. Вотъ въ чемъ проходила моя жизнь. Ты такъ устроилъ. Ты и папа много виноваты передо мной. Ваша вина, что изъ меня ничего не вышло.

Гельмеръ. Нора! Какая нелѣпость! Какая неблагодарность! Ты ли не была здѣсь счастлива?

Нора. Нѣтъ, никогда. Я воображала, что была, но на самомъ дѣлѣ никогда этого не было.

Гельмеръ. Ты не была... не была счастлива!

Нора. Нѣтъ; только весела. И ты былъ всегда такъ милъ со мной, ласковъ. Но весь нашъ домъ былъ только большой дѣтской. Я была здѣсь твоей куколкой-женой, какъ дома у папы была папиной куколкой-дочкой. А дѣти были ужъ моими куклами. Мнѣ нравилось, что ты игралъ и забавлялся со мной, какъ имъ нравилось, что я играю и забавляюсь съ ними. Вотъ въ чемъ состоялъ нашъ бракъ, Торвальдъ.

Гельмеръ. Тутъ есть, пожалуй, доля правды... какъ это ни преувеличено и ни выспренно. Но теперь у насъ все пойдетъ по-другому. Время забавъ прошло! Пора взяться за воспитаніе.

Нора. За чье? За мое или дѣтей?

Гельмеръ. И за твое и за ихъ, моя дорогая Нора.

Нора. Ахъ, Торвальдъ, не тебѣ воспитать изъ меня настоящую жену себѣ.

Гельмеръ. И ты это говоришь?

Нора. А я... развѣ я подготовлена воспитывать дѣтей?

Гельмеръ. Нора!

Нора. Не самъ ли ты сейчасъ лишь говорилъ, что не смѣешь довѣрить мнѣ этой задачи?

Гельмеръ. Въ минуту раздраженія. Можно ли обращать на это вниманіе?

Нора. Нѣтъ, ты разсудилъ правильно. Эта задача не по мнѣ. Мнѣ надо сначала рѣшить другую задачу. Надо постараться воспитать себя самоё. И не тебѣ помочь мнѣ въ этомъ. Мнѣ надо заняться этимъ одной. Потому я и ухожу отъ тебя.

Гельмеръ (вскакивая). Что ты сказала?

Нора. Мнѣ надо остаться одной, чтобы разобраться въ самой себѣ и во всемъ прочемъ. Потому я и не могу остаться у тебя.

Гельмеръ. Нора, Нора!

Нора. И я уйду сейчасъ же. Кристина, вѣрно, дастъ мнѣ ночлегъ...

Гельмеръ. Ты не въ своемъ умѣ! Кто тебѣ позволитъ! Я запрещаю!

Нора. Теперь напрасно запрещать мнѣ что бы то ни было. Я возьму съ собой лишь свое. Отъ тебя ничего не возьму, ни теперь ни послѣ.

Гельмеръ. Что же это за безуміе!

Нора. Завтра я уѣду домой... то-есть въ родной городъ. Тамъ мнѣ будетъ легче устроиться.

Гельмеръ. Ахъ, ты, ослѣпленное, неопытное созданье!

Нора. Надо же когда-нибудь набраться опыта, Торвальдъ.

Гельмеръ. Покинуть домъ, мужа, дѣтей! И не подумаешь о томъ, что скажутъ люди?

Нора. На это мнѣ нечего смотрѣть. Я знаю только, что мнѣ это необходимо.

Гельмеръ. Нѣтъ, это возмутительно! Ты способна такъ пренебречь самыми священными своими обязанностями!

Нора. Что ты считаешь самыми священными моими обязанностями?

Гельмеръ. И это еще нужно говорить тебѣ? Или у тебя нѣтъ обязанностей передъ мужемъ, передъ дѣтьми?

Нора. У меня есть и другія, столь же священныя.

Гельмеръ. Нѣтъ у тебя такихъ! Какія-такія?

Нора. Обязанности передъ самой собой.

Гельмеръ. Ты прежде всего жена и мать.

Нора. Я въ это больше не вѣрю. Я думаю, что прежде всего я человѣкъ, и я, какъ ты... или, по крайней мѣрѣ, должна постараться стать человѣкомъ. Знаю, что большинство будетъ на твоей сторонѣ, Торвальдъ, и что въ книгахъ говорится въ этомъ же родѣ. Но я не могу больше удовлетворяться тѣмъ, что говоритъ большинство и что говорится въ книгахъ. Мнѣ

надо самой подумать объ этихъ вещахъ и попытаться разобраться въ нихъ.

Гельмеръ. Какъ будто твое положеніе въ собственномъ домѣ не ясно безъ того? Да развѣ у тебя нѣтъ надежнаго руководства по такимъ вопросамъ? Нѣтъ религіи?

Нора. Ахъ, Торвальдъ, я вѣдь не знаю хорошенько, что такое религія.

Гельмеръ. Что ты говоришь!

Нора. Я знаю это лишь со словъ пастора Гансена, у котораго готовилась къ конфирмаціи. Онъ говорилъ, что религія то-то и то-то. Когда я выберусь изъ всего этого, останусь одна, я разберусь и въ этомъ. Я хочу провѣрить, правду ли говорилъ пасторъ Гансенъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ ли это быть правдой для меня.

Гельмеръ. Нѣтъ, это просто неслыханно со стороны такой молоденькой женщины! Но если тебя не можетъ вразумить религія, такъ дай мнѣ задѣть въ тебѣ хоть совѣсть. Вѣдь нравственное-то чувство въ тебѣ есть? Или—отвѣчай мнѣ—и его у тебя нѣтъ?

Нора. Знаешь, Торвальдъ, на это не легко отвѣтить. Я, право, и этого не знаю. Я совсѣмъ какъ въ лѣсу во всѣхъ этихъ вопросахъ. Знаю только, что я совсѣмъ иначе сужу обо всемъ этомъ, нежели ты. Мнѣ вонъ говорятъ, что и законы совсѣмъ не тѣ, что я думала. Но чтобы эти законы были правильны—этого я никакъ въ толкъ не возьму. Выходитъ, что женщина не въ правѣ пощадить своего умирающаго старика отца, не въ правѣ спасти жизнь мужу! Этому я не вѣрю.

Гельмеръ. Ты судишь, какъ ребенокъ. Не понимаешь общества, въ которомъ живешь.

Нора. Да, не понимаю. Вотъ и хочу присмотрѣться къ нему. Мнѣ надо выяснить себѣ, кто правъ — общество или я.

Гельмеръ. Ты больна, Нора. У тебя жаръ. Я готовъ подумать, что ты потеряла разсудокъ.

Нора. Никогда еще не бывала я въ болѣе здравомъ разсудкѣ и твердой памяти.

Гельмеръ. И ты въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти бросаешь мужа и дѣтей?

Нора. Да.

Гельмеръ. Тогда остается предположить одно.

Нора. А именно?

Гельмеръ. Что ты меня больше не любишь.

Нора. Да, въ этомъ-то все и дѣло.

Гельмеръ. Нора... И ты это говоришь!

Нора. Ахъ, мнѣ самой больно, Торвальдъ. Ты былъ всегда

такъ милъ со мной. Но я ничего не могу тутъ подѣлать. Я не люблю тебя больше.

Гельмеръ (съ усиліемъ преодолѣвая себя). И къ этому ты тоже пришла въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти?

Нора. Да, вполнѣ здраво. Потому-то я и не хочу здѣсь оставаться.

Гельмеръ. И ты сумѣешь также объяснить мнѣ причину, почему я лишился твоей любви?

Нора. Да, сумѣю. Это случилось сегодня вечеромъ, когда мое чудо заставило себя ждать. Я увидала, что ты не тотъ человѣкъ, за кого я тебя считала.

Гельмеръ. Объяснись получше; я совсѣмъ тебя не понимаю.

Нора. Я терпѣливо ждала цѣлыхъ восемь лѣтъ. Господи, я вѣдь знала, что чудеса не каждый день бываютъ. Но вотъ на меня обрушился этотъ ужасъ. И я была непоколебимо увѣрена: теперь-то и надо ждать чуда. Пока письмо Крогстада лежало тамъ... у меня и въ мысляхъ не было, чтобы ты могъ сдаться на его условія. Я была непоколебимо увѣрена, что ты скажешь ему: объявляйте хоть на весь свѣтъ. А когда это случилось бы...

Гельмеръ. Ну, что же тогда? Когда я выдалъ бы на позоръ и поруганіе собственную жену!..

Нора. Когда бы это случилось—я была такъ непоколебимо увѣрена, что ты выступишь впередъ и возьмешь все на себя, скажешь: я виновенъ!

Гельмеръ. Нора...

Нора. Ты хочешь сказать, что я никогда бы не согласилась принять отъ тебя такой жертвы? Само собой. Но что значили бы мои увѣренія въ сравненіи съ твоими?.. Вотъ то чудо, котораго я ждала съ такимъ трепетомъ. И, чтобы помѣшать ему, я хотѣла покончить съ собой.

Гельмеръ. Я бы съ радостью работалъ для тебя дни и ночи, Нора... терпѣлъ горе и нужду ради тебя. Но никто не пожертвуетъ для любимаго человѣка своей честью.

Нора. Сотни тысячъ женщинъ жертвовали.

Гельмеръ. Ахъ, ты судишь и говоришь, какъ неразумный ребенокъ.

Нора. Пусть такъ. Но ты-то не судишь и не говоришь, какъ человѣкъ, на котораго я могла бы положиться. Когда у тебя прошелъ страхъ—не за меня, а за себя,—когда вся опасность для тебя миновала—съ тобой какъ будто ничего и не бывало. Я по-старому осталась твоей птичкой, жаворонкомъ, куколкой, съ которой тебѣ только предстоитъ обращаться еще бережнѣе разъ она оказалась такой хрупкой, слабенькой. (Встаетъ)

Торвальдъ, въ ту минуту мнѣ стало ясно, что я всѣ эти восемь лѣтъ жила съ чужимъ человѣкомъ и прижила съ нимъ троихъ дѣтей... О-о, и вспомнить не могу! Такъ бы и разорвала себя въ клочки.

Гельмеръ (упавшимъ голосомъ). Вижу, вижу... Дѣйствительно между нами легла пропасть. Но развѣ ее нельзя заполнить, Нора?

Нора. Такою, какова я теперь, я не гожусь въ жены тебѣ.

Гельмеръ. У меня хватитъ силъ стать другимъ.

Нора. Быть-можетъ,—если куклу у тебя возьмутъ.

Гельмеръ. Разстаться... разстаться съ тобой! Нѣтъ, нѣтъ, Нора... Немыслимо!

Нора (идетъ направо). Тѣмъ оно неизбѣжнѣе. (Возвращается съ верхней одеждой и небольшимъ саквояжемъ въ рукахъ, который кладетъ на стулъ возлѣ стола).

Гельмеръ. Нора, Нора, не сейчасъ! Погоди хоть до утра.

Нора (надѣвая манто). Я не могу ночевать у чужого человѣка.

Гельмеръ. Но развѣ мы не могли бы жить, какъ братъ съ сестрой?

Нора (завязывая ленты шляпы). Ты отлично знаешь — это бы долго не протянулось... (Накидываетъ шаль) Прощай, Торвальдъ. Я не буду прощаться съ дѣтьми. Я знаю, они въ лучшихъ рукахъ, чѣмъ мои. Такой матери, какъ я теперь, имъ не нужно.

Гельмеръ. Но когда-нибудь, Нора... когда-нибудь?..

Нора. Какъ я могу знать? Я совсѣмъ не знаю, что̀ изъ меня выйдетъ.

Гельмеръ. Но ты моя жена и теперь и въ будущемъ—какой бы ты ни стала.

Нора. Слушай, Торвальдъ... Разъ жена бросаетъ мужа, какъ я, то онъ, говорятъ, по закону свободенъ отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ ней. Я во всякомъ случаѣ освобождаю тебя совсѣмъ. Ты не считай себя связаннымъ ничѣмъ, какъ и я не буду. Обѣ стороны должны быть вполнѣ свободны. Вотъ твое кольцо. Отдай мнѣ мое.

Гельмеръ. И это еще?

Нора. И это.

Гельмеръ. Вотъ.

Нора. Такъ. Теперь все покончено. Вотъ сюда я положу ключи. Прислуга знаетъ все, что̀ и какъ въ домѣ... лучше меня. Завтра, когда меня не будетъ, Кристина придетъ уложить мои вещи, которыя я привезла съ собой изъ дому. Пусть ихъ вышлютъ мнѣ.

Гельмеръ. Кончено, кончено! Нора, ты и не вспомнишь обо мнѣ никогда?

Нора. Нѣтъ, мнѣ, вѣрно, часто будутъ вспоминаться и ты, и дѣти, и домъ.

Гельмеръ. Можно мнѣ писать тебѣ, Нора?

Нора. Нѣтъ — никогда. Этого нельзя.

Гельмеръ. Но вѣдь нужно же будетъ посылать тебѣ...

Нора. Ровно ничего не нужно.

Гельмеръ. Помогать тебѣ въ случаѣ нужды.

Нора. Нѣтъ, говорю я. Я ничего не возьму отъ чужихъ.

Гельмеръ. Нора... неужели я навсегда останусь для тебя только чужимъ?

Нора (береть свой саквояжъ). Ахъ, Торвальдъ, тогда надо, чтобы совершилось чудо изъ чудесъ.

Гельмеръ. Скажи, какое!

Нора. Такое, чтобы и ты и я измѣнились настолько... Нѣтъ, Торвальдъ, я больше не вѣрю въ чудеса.

Гельмеръ. А я буду вѣрить. Договаривай! Измѣнились настолько, чтобы..?

Нора. Чтобы сожительство наше могло стать бракомъ. Прощай. (Уходитъ черезъ переднюю).

Гельмеръ (падаетъ на стулъ у дверей и закрываетъ лицо руками). Нора! Нора! (Озирается и встаетъ) Пусто. Ея нѣтъ больше. (Лучъ надежды озаряетъ его лицо) Но... чудо изъ чудесъ?..

(Снизу раздается грохотъ захлопнувшихся воротъ).

ПРИВИДѢНІЯ.

Въ „Привидѣніяхъ“ Ибсенъ какъ бы подвергаетъ коренному пересмотру и провѣркѣ то смѣлое и оригинальное заключеніе, до котораго доводитъ его въ „Кукольномъ домѣ“ его неумолимый послѣдовательный идеализмъ, идущій въ разрѣзъ со старымъ традиціоннымъ воззрѣніемъ на бракъ. Воззрѣніе это въ глазахъ Ибсена является, подобно множеству другихъ почтенныхъ остатковъ старины, лишь развалиной, которую однако, въ силу привычки и по свойственной обыкновеннымъ среднимъ людямъ склонности приноравливаться къ существующимъ условіямъ, всячески поддерживаютъ, ремонтируютъ, подпираютъ новыми подпорками, чинятъ новыми заплатками. Ибсенъ же того мнѣнія, что самое лучшее—совсѣмъ срыть развалины и на расчищенномъ мѣстѣ воздвигнуть новое зданіе—цѣльное современное жизневоззрѣніе.

Адвокатъ Гельмеръ („Кукольный домъ“) во многихъ отношеніяхъ могъ еще являться въ глазахъ среднихъ людей образцомъ супруга. Но капитанъ и камергеръ Альвингъ даже на самый невзыскательный взглядъ прямая противоположность образцоваго семьянина. Надорвавъ кутежами свое здоровье еще до брака, онъ продолжаетъ вести такую же безпутную жизнь и послѣ женитьбы, на глазахъ молодой жены. И послѣдняя къ концу перваго же года своей супружеской жизни приходитъ къ тому заключенію, къ которому Нора пришла, лишь проживъ замужемъ восемь лѣтъ: что сожительство съ человѣкомъ, съ которымъ она связана брачными узами, не есть истинный бракъ. Доводитъ фру Альвингъ до такого вывода, впрочемъ, не одно поведеніе ея мужа, но и сознаніе, что сердце ея никогда въ сущности ему не принадлежало. Ее всегда влекло къ другому человѣку, другу ихъ дома, пастору Мандерсу. Итакъ, продолжать ли ей жить съ мужемъ, котораго она не только не любитъ, но котораго даже не можетъ уважать? Нѣтъ, — отвѣчаетъ она самой себѣ и въ порывѣ отчаянія бросается искать прибѣжища у человѣка, къ которому влечетъ ее сердце.

Но тутъ она упирается лбомъ въ развалины. Пасторъ Мандерсъ самъ настоящій человѣкъ-руина, носитель отжившихъ идей, хозяйничающихъ въ немъ, какъ привидѣнія въ старыхъ развалинахъ. Эти-то привидѣнія и гонятъ фру Альвингъ обратно къ тому человѣку, отъ котораго она убѣжала, полная ужаса и отвращенія, гонятъ обратно въ смрадную яму, которую именуютъ ея семейнымъ очагомъ. Ей указываютъ, какъ на священный долгъ, на то, что ей самой кажется униженіемъ и позоромъ. Ей приходится выслушать нравоученіе, что „жена не поставлена судьей надъ мужемъ“, что ея „обязанность смиренно нести крестъ, возложенный на нее Высшей Волей“. Когда же она горько жалуется на то, какъ безконечно несчастна въ бракѣ, ее угощаютъ такой проповѣдью: „Ахъ, этотъ мятежный духъ! Эти требованія счастья здѣсь, на землѣ!

Да какое вообще право мы, люди, имѣемъ на счастье? Нѣтъ, фру Альвингъ, мы обязаны исполнять свой долгъ. И вашъ долгъ былъ оставаться вѣрной тому, кого вы избрали разъ навсегда и съ кѣмъ были связаны священными узами".

Такъ говоритъ пасторъ Мандерсъ много лѣтъ спустя и приблизительно такъ же, конечно, говорилъ онъ и въ ту роковую минуту, когда бѣжавшая отъ мужа жена стояла передъ нимъ, исповѣдуясь ему въ своемъ безконечномъ несчастьѣ. Сила ея душевнаго протеста, ея сопротивленіе разбиваются объ эти фразы, и она возвращается домой надломленной, побѣжденной привидѣніями.

Какія же послѣдствія имѣла эта побѣда привидѣній?—ставитъ вопросъ Ибсенъ, и потрясающая семейная драма, которую онъ развертываетъ передъ нами, даетъ послѣдовательный рядъ отвѣтовъ.

Сдѣлала ли капитана Альвинга принесенная фру Альвингъ жертва лучшимъ человѣкомъ? Нѣтъ. На девятнадцатомъ году супружеской жизни онъ умеръ такимъ же безпутнымъ, какимъ былъ до вѣнца, какимъ прожилъ всю жизнь. „Чтобы удерживать его дома по вечерамъ... и по ночамъ — мнѣ приходилось составлять ему компанію, участвовать у него наверху въ его тайныхъ попойкахъ, — разсказываетъ фру Альвингъ: — сидѣть съ нимъ вдвоемъ, чокаться и пить съ нимъ, выслушивать его непристойную, безсвязную болтовню; потомъ чуть не драться съ нимъ, чтобы стащить его въ постель". Но это еще не все. Альвингъ завелъ связь почти на глазахъ у жены, нанесъ ей самое тяжкое оскорбленіе въ ея собственномъ домѣ — соблазнилъ ея же горничную, которая и стала матерью его дочери Регины.

Вотъ какъ мало пользы принесло Альвингу самопожертвованіе жены.

А какія послѣдствія имѣло оно для нея самой? Загубленная жизнь, непрерывная цѣпь горя и страданій, жизнь, отравленная притворствомъ и трусливымъ страхомъ передъ тѣми самыми привидѣніями, противъ которыхъ она было-возстала нѣкогда сама. Она дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы скрыть отъ людей, какую жизнь велъ ея мужъ. Сына своего ей пришлось удалить, когда ему было всего семь лѣтъ, изъ боязни, чтобы онъ не пострадалъ духовно, вырастая въ этой нездоровой атмосферѣ. Для того же, чтобы онъ такъ и не узналъ, что за человѣкъ его отецъ, и не могъ ни заразиться его примѣромъ, ни утратить душевнаго равновѣсія вмѣстѣ съ вѣрой въ идеалы, мать совсѣмъ не допускала его переступать порога родного дома, пока былъ живъ его отецъ. „Никто не знаетъ, чего мнѣ это стоило",—признаётся злополучная мать въ разговорѣ съ пасторомъ.

Но мало того, что фру Альвингъ скрывала отъ всѣхъ, не исключая и собственнаго сына, безпутную жизнь мужа, она еще работала, не покладая рукъ, чтобы создать ему почетное имя, видя въ этомъ единственное желанное наслѣдство отъ этого отца для своего сына. И вѣнцомъ этихъ ея неустанныхъ трудовъ долженъ явиться памятникъ покойному капитану Альвингу—дѣтскій пріютъ; онъ поглотилъ денежное наслѣдство, которое могло бы остаться сыну послѣ отца: пожертвованныя фру Альвингъ на пріютъ суммы равняются какъ разъ тому состоянію, какимъ обладалъ Альвингъ до брака съ ней и которое, дѣлая его столь завидной партіей въ глазахъ свѣта, собственно и рѣшило судьбу Елены Альвингъ. Впрочемъ, какъ она сама сознаётся, руководятъ ею въ данномъ дѣлѣ не одни только эти побужденія, но также и соображенія, диктуемыя „трусостью" и „дурной совѣстью". „Мнѣ все чудилось, что истина не можетъ все-таки не выйти наружу. И вотъ пріютъ долженъ заглушить всѣ толки и разсѣять всѣ сомнѣнія". Такимъ образомъ этотъ жалкій бракъ принизилъ и искалѣчилъ даже такую

богато одаренную отъ природы натуру, какъ фру Альвингъ, и низвелъ ее на степень трусливой рабыни той самой общественной ходячей морали, противъ которой она вначалѣ рвалась возстать.

Но, служа этой морали въ страхѣ и трепетѣ, фру Альвингъ въ то же самое время въ душѣ глубоко ненавидитъ ее ненавистью раба къ угнетающему его деспоту. И эта ненависть открываетъ ей глаза. Пасторъ Мандерсъ, представитель ходячей морали, самъ пробуждаетъ къ дѣятельности мысль фру Альвингъ. „Да, вы принудили меня подчиниться тому, что вы зовете долгомъ, обязанностью. Вы восхваляли то, противъ чего возмущалась вся моя душа. И вотъ я начала разсматривать, разбирать ваше ученіе. Я хотѣла распутать лишь одинъ узелокъ, но едва я развязала его — все расползлось по швамъ, и я увидѣла, что это машинная строчка".

И отсюда она выводитъ свое глубокое, потрясающее заключеніе, что всѣ мы находимся подъ властью привидѣній. „Въ насъ проявляется не только то, что перешло къ намъ по наслѣдству отъ отца съ матерью, но даютъ знать себя и всякія старыя, отжившія правила, вѣрованія и тому подобное. Все это уже не живетъ въ насъ живой жизнью, но все-таки сидитъ крѣпко, и намъ не выжить его. Стоитъ мнѣ взять въ руки газету, я такъ и вижу, какъ шмыгаютъ между строками эти выходцы съ того свѣта. Вся страна кишитъ такими привидѣніями; они неисчислимы, какъ песокъ морской. И мы такіе жалкіе трусы, такъ боимся свѣта!" Итакъ, побѣда общепринятаго воззрѣнія оказалась въ сущности побѣдой Пирра, и побѣжденная въ концѣ концовъ все же сбрасываетъ съ себя иго.

Но остается все-таки одно привидѣніе, отъ котораго нѣтъ спасенія. Это ужасный психическій недугъ, унаслѣдованный Освальдомъ отъ физическаго и духовнаго калѣки-отца. Постепенное приближеніе этого привидѣнія проходитъ рѣзкой чертой черезъ всю драму, а конечное появленіе его составляетъ кульминаціонный пунктъ этой мрачной семейной драмы, которая потрясаетъ читателя до глубины души.

Взглянемъ теперь на второстепенныхъ лицъ драмы. Они являются прекрасными „фруктами" общественнаго лицемѣрія; лицемѣріе служитъ имъ плащомъ, подъ которымъ они прячутъ свои пороки и свой эгоизмъ.

Эгоизмъ Регины наименѣе прикрытъ, но все-таки она довольно ловко скрываетъ его, пока надѣется достичь этимъ чего-либо. Передъ пасторомъ Мандерсомъ она старается выставить себя съ самой выгодной стороны—удивительно мила, услужлива, кротка, видя въ немъ хорошую заручку на всякій случай. Въ сношеніяхъ съ фру Альвингъ и Освальдомъ она тоже вначалѣ скрываетъ свой эгоизмъ возможно тщательнѣе, разсчитывая такимъ путемъ вѣрнѣе проложить себѣ путь къ веселой, независимой жизни у нихъ въ домѣ. Но едва она узнаётъ, что Освальдъ приходится ей своднымъ братомъ и страдаетъ вдобавокъ неизлѣчимой болѣзнью, услужливости и скромности ея какъ не бывало; она сбрасываетъ маску и показываетъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ.

Эгоизмъ столяра Энгстранда прикрытъ лучше. Его ханжество является куда болѣе густымъ, непроницаемымъ плащомъ лицемѣрія, нежели притворная услужливость и скромность Регины. Ханжество доставляетъ ему полную свободу дѣйствій. Всѣмъ своимъ порокамъ, дурнымъ поступкамъ и гнуснымъ замысламъ онъ умѣетъ, прикрываясь притворнымъ христіанскимъ смиреніемъ, раскаяніемъ и человѣколюбіемъ, придать видъ простительныхъ слабостей. Придать видъ—большаго и не требуется; общество такъ легко даетъ себя успокаивать внѣшнимъ видомъ вмѣсто дѣйствительности. Представитель общества пасторъ Мандерсъ снисходитъ къ порокамъ столяра, восхищается его ловко замаскированными гнус-

ными поступками и готовъ поддержать его въ его хитрыхъ планахъ,— все потому, что столяръ носитъ личину смиренія и человѣколюбія.

А самъ пасторъ Мандерсъ? Его эгоизмъ не только хорошо прикрытъ отъ глазъ свѣта, но даже самъ пасторъ не видитъ его изъ-за непроницаемой повязки на своихъ глазахъ, которую наложила ему общественная мораль. Онъ вообще очень наивенъ, очень добродушенъ и сострадателенъ, но, когда доходитъ до серьезнаго дѣла, оказывается такимъ же эгоистомъ, какъ и другіе. Онъ не смѣетъ, напримѣръ, застраховать зданія пріюта изъ боязни, что это можетъ уронить его во мнѣніи вліятельныхъ прихожанъ. Охрана интересовъ будущихъ питомцевъ пріюта представляетъ для него лишь малое значеніе или вовсе никакого по сравненію съ соблюденіемъ его собственныхъ интересовъ, сохраненіемъ собственнаго престижа. Съ особенной силой проявляются заботы пастора о своемъ престижѣ—и слѣдовательно весь его эгоизмъ—послѣ пожара, истребившаго пріютъ до тла. Столяръ, внушивъ Мандерсу мысль, что пожаръ произошелъ по собственной оплошности пастора, продаетъ ему свое молчаніе и готовность взять вину на себя. Словъ „купля и продажа“, разумѣется, тутъ нѣтъ; пасторъ просто готовъ съ своей стороны облагодѣтельствовать своего „благодѣтеля“, тѣмъ болѣе, что и благодѣтельствовать-то онъ будетъ на „чужой счетъ“, деньгами, пожертвованными фру Альвингъ на дѣла благотворенія.

Въ лицѣ пастора Мандерса Ибсенъ заклеймилъ и еще одну изъ опасныхъ слабостей общества, находящуюся въ тѣсной связи съ лицемѣріемъ и приверженностью къ ходячей морали. Слабость эта—интеллектуальная лѣнь, мирно покоющаяся на мягкихъ подушкахъ существующаго порядка вещей въ несокрушимомъ убѣжденіи, что все существующее разумно и цѣлесообразно. Возьми эта лѣнь окончательно верхъ — весь міръ скоро погрузился бы въ духовную спячку, и всякій прогрессъ сталъ бы невозможенъ. Вотъ почему необходимо, чтобы людей чаще встряхивали, чтобы то и дѣло требовали отъ нихъ иного оправданія существующему, нежели простая ссылка на его существованіе. Подобные вопросы задавать необходимо, чтобы человѣчество не было отдано на произволъ пошлаго будничнаго воззрѣнія на жизнь, которое „въ рѣшеніи задачи видитъ ея идею или цѣль“, какъ выразился однажды самъ Ибсенъ.

Ибсенъ и является такимъ неутомимымъ вопрошателемъ. Самый смѣлый и глубокій вопросъ поставилъ онъ въ своихъ „Привидѣніяхъ“. И въ смыслѣ наиболѣе послѣдовательнаго и совершеннаго изображенія одного изъ основныхъ воззрѣній геніальнаго норвежскаго писателя, эта семейная драма является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ художественныхъ произведеній истекшаго столѣтія. Завоеванное ею почетное мѣсто въ исторіи міровой литературы останется за нею навсегда.

Такъ высоко ставитъ нынѣ „Привидѣнія“ не только скандинавская литературная критика въ лицѣ выдающагося своего представителя, проф. Іегера, но и нѣмецкая и французская. Если же англійская критика отстаетъ отъ нихъ, то, безъ сомнѣнія, въ силу господствующаго въ англійскомъ обществѣ лицемѣрія. Англійскому обществу оказалось труднѣе переварить этотъ жестокій ударъ, нанесенный Ибсеномъ человѣческому лицемѣрію, нежели скандинавскому, не говоря уже объ обществѣ французскомъ или нѣмецкомъ, гдѣ лицемѣріе далеко не такъ укоренилось, какъ въ англійскомъ.

Противъ общественнаго лицемѣрія Ибсенъ ополчался въ своихъ произведеніяхъ не разъ, но нигдѣ, даже въ „Столпахъ общества“, не бичуетъ онъ этого порока смѣлѣе, безпощаднѣе, не освѣщаетъ его ярче, не захватываетъ самаго вопроса шире и глубже, нежели въ „Привидѣ-

ніяхъ". Поэтому-то исторія этого произведенія — его литературная и сценическая судьба — и представляютъ особый интересъ какъ для уясненія самаго творчества Ибсена, такъ и для освѣщенія отношенія къ нему общества въ различныхъ странахъ.

Уже два предшествующія произведенія: „Столпы общества" и „Кукольный домъ", сильно взволновали общественное мнѣніе, „Привидѣнія" же вызвали настоящую бурю, и, несмотря на огромный успѣхъ обѣихъ первыхъ названныхъ пьесъ на главныхъ сценахъ скандинавскаго театра, ни на одной изъ этихъ сценъ не рѣшались поставить „Привидѣній". Первый рискнулъ на это шведскій артистъ и антрепренеръ Августъ Линдгренъ, который подобралъ для „Привидѣній" спеціальную труппу и предпринялъ съ нею турне по тремъ сѣвернымъ государствамъ, самъ играя роль Освальда.

Первое представленіе — нѣчто въ родѣ генеральной репетиціи — состоялось въ г. Гельсингборгѣ, 23 августа 1883 г. Успѣхъ былъ большой. Ободренная этимъ труппа Линдгрена направилась въ Копенгагенъ, Стокгольмъ и наконецъ въ Христіанію, гдѣ пьеса была сыграна на сценѣ того театра, директоромъ котораго одно время состоялъ самъ Ибсенъ. Успѣхъ и тутъ былъ полный; пьеса выдержала тринадцать представленій подъ рядъ; овраціямъ по адресу труппы и отсутствующаго автора не было конца. И повсюду труппа Линдгрена съ этой пьесой встрѣчала такой радушный пріемъ, что турне затянулось — на цѣлыхъ 15 лѣтъ. Успѣхъ частной труппы убѣдилъ наконецъ дирекцію Королевскаго театра въ Стокгольмѣ въ необходимости поставить пьесу. Постановка эта и состоялась 27 сентября 1883 г., тогда какъ копенгагенскій Королевскій театръ собрался поставить „Привидѣнія" лишь въ началѣ 1903 г., т.-е. двадцать два года спустя послѣ выхода пьесы въ свѣтъ.

Всего раньше однако, еще въ маѣ 1882 г., „Привидѣнія" были поставлены въ Америкѣ, въ Чикаго, заѣзжею датско-норвежскою труппой, которая затѣмъ совершила съ этой пьесой турне по другимъ американскимъ городамъ. Примѣру упомянутой труппы послѣдовала въ 1887 г. другая, съ гастролеромъ изъ вѣнскаго Бургъ-театра Фридрихомъ Миттервурцеромъ въ роли Освальда. Пьеса шла въ англо-американскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Phantoms or the sins of his father", при чемъ на афишахъ крупными буквами красовалось примѣчаніе: „Запрещенная въ Германіи".

Запрещеніе это покажется особенно знаменательнымъ, если сопоставить его съ восторженными отзывами объ этой пьесѣ лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ критиковъ.

Въ резюме драмы, составленномъ Шлентеромъ, мы находимъ объясненіе мотивовъ упомянутаго запрещенія.

„Елена Альвингъ,—говоритъ этотъ критикъ:—прозрѣваетъ лишь тогда, когда уже поздно. Въ этомъ трагизмъ ея положенія. Но все же она прозрѣла, и вотъ она, какъ своего рода пророчица, высоко подымается надъ міромъ окружающаго ее общества, міромъ Мандерсовъ, Энгстрандовъ, міркомъ наивно-безсознательнаго или сознательнаго лицемѣрія, эгоизма, трусости. Мандерсъ и Энгстрандъ — въ этихъ двухъ лицахъ демоническая сила характеристики, свойственная Ибсену, впервые достигаетъ своей гордой вершины. Какъ кошка съ мышкой играетъ одно лицо съ другимъ: продувной, невѣжественный пролетарій съ образованнымъ и чиновнымъ простофилей, наглый лицемѣръ съ деликатнымъ святошей, который, не сомнѣваясь въ собственной добротѣ и прочихъ достоинствахъ, и не подозрѣваетъ, какъ трусливо его сердце, какъ бѣденъ его мірокъ, какъ узка его мысль. Съ такимъ же мастерствомъ очерчена Регина, эта красивая, соблазнительная дочь Евы, цвѣтущая здоровьемъ, хотя и въ ней

сказывается роковое наслѣдіе безпутнаго отца — та же необузданность натуры. Освальду отецъ оставилъ въ наслѣдство испорченный мозгъ, а Регинѣ извращенное нравственное чувство. Братъ погибаетъ психически, сестра готова погибнуть нравственно. Въ то самое время, какъ фру Альвингъ отстраняетъ своего сына отъ денегъ отца, Энгстрандъ приманиваетъ свою пріемную дочь этими деньгами, породившими уже столько грѣха и соблазна, деньгами человѣка, который однажды оплатилъ уже паденіе матери Регины. То состояніе Альвинга, которое предназначалось на поддержку благотворительнаго учрежденія, или во всякомъ случаѣ часть этого состоянія, послѣ пожара пріюта пойдетъ, благодаря трусости и ограниченности пастора, на притонъ для моряковъ, хозяиномъ котораго будетъ Энгстрандъ, а приманкою Регина. И путеводителемъ ея на этомъ пути съ самаго начала до конца явится ея духовный пастырь. Вотъ адскій смѣхъ, раскаты котораго проносятся по всей этой драмѣ и пробуждаютъ отъ сна всѣ привидѣнія въ странѣ.

„Такъ надо ли удивляться, что всякаго рода люди, боящіеся свѣта, подняли яростный крикъ противъ этого классически-яснаго и классически-глубокаго произведенія, а еще пуще противъ его автора?“

Къ чести нѣмцевъ надо однако отнести, что запретъ тяготѣлъ надъ пьесой сравнительно недолго. Первая постановка „Привидѣній“ состоялась въ Германіи въ 1886 г. въ г. Аугсбургѣ, по иниціативѣ нѣкоторыхъ молодыхъ писателей изъ Мюнхена. Попытка же, сдѣланная затѣмъ герцогомъ Мейнингенскимъ, добиться постановки пьесы въ Берлинѣ, не удалась. Только Францу Вальнеру удалось добыть разрѣшеніе на единичную постановку „Привидѣній“ на утреннемъ спектаклѣ, съ благотворительной цѣлью, въ берлинскомъ Резиденцъ-театрѣ. Представленіе это состоялось въ присутствіи автора и превратилось для него въ сплошной тріумфъ. Игравшій Освальда Францъ Вальнеръ, разсказывая объ этомъ спектаклѣ, говоритъ, что никогда не видалъ ничего подобнаго. Послѣ перваго же дѣйствія, когда занавѣсъ опустился, въ театрѣ на нѣсколько минутъ воцарилась полная тишина—такъ захватило всѣхъ это мощное произведеніе; но затѣмъ поднялась неслыханная буря восторговъ. Автора вызывали всей залой, и онъ охотно выходилъ, упоенный и растроганный побѣдой. Но это еще не было окончательной побѣдой пьесы. Потребовалось еще нѣсколько лѣтъ горячей борьбы, пока критика и публика дѣйствительно поняли и оцѣнили „Привидѣнія“ по достоинству. Филиппъ Штейнъ справедливо замѣчаетъ: „Судьба этого вначалѣ столь сурово осужденнаго художественнаго произведенія доказала всю неправоту своихъ хулителей и недомысліе нашей драматической цензуры, которыя подъ конецъ должны-таки были признать величіе и нравственную чистоту этой мощной трагедіи“.

О томъ, какое значеніе имѣли „Привидѣнія“ для нѣмецкаго искусства, свидѣтельствуетъ Отто Брамъ, который вмѣстѣ со своимъ другомъ Шлентеромъ больше всѣхъ способствовалъ пропагандѣ Ибсена въ Германіи. Между прочимъ въ 1898 г. Брамъ писалъ: „Съ перваго представленія ибсеновской драмы надо считать начало нашего литературно-драматическаго развитія въ послѣднемъ десятилѣтіи: появленіе въ 1887 г. „Привидѣній“ на сценѣ берлинскаго Резиденцъ-театра распахнуло настежь ворота для новѣйшаго нѣмецкаго искусства“.

Наконецъ 30 сентября 1889 г. „Свободный театръ“ въ Берлинѣ открылъ сезонъ постановкой „Привидѣній“, и въ непродолжительномъ времени и всѣ театры какъ въ Берлинѣ, такъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ начали ставить гонимую пьесу. Съ тѣхъ поръ фру Альвингъ могла свободно высказывать съ высоты театральныхъ подмостковъ, что „правда выше идеаловъ“.

Интересный фактъ, что первой пьесой Ибсена, появившейся на французской сценѣ, были именно „Привидѣнія“. И замѣчательно, что первыя попытки обратить на „Привидѣнія“ вниманіе литературнаго міра Парижа были сдѣланы женщинами. Имя и значеніе Ибсена французы впервые узнали изъ статьи г-жи Arvede Barine въ „Revue Bleu“ (15-го сентября 1877 г.). Статья эта была главнымъ образомъ посвящена критическому разбору „Бранда“, но прошла незамѣченною, какъ и статья: „Ibsen Essay“ г-жи Pauline Ahlberg въ „Nouvelle Revue“ (1 іюля 1881 г.). Затѣмъ Jacques Saint-Cère сообщилъ въ „Revue d'art dramatique“ (1 марта и 1 апрѣля 1887 г.) о восторженномъ пріемѣ, который встрѣчаютъ произведенія Ибсена въ Германіи. И наконецъ Eduard Rod написалъ въ февралѣ 1889 г. предисловіе къ первому вышедшему во французскомъ переводѣ тому произведеній Ибсена, заключавшему „Привидѣнія“ и „Кукольный домъ“. Въ этомъ предисловіи Родъ высказалъ, между прочимъ: „Неизвѣстное у насъ пока имя Ибсена станетъ въ одинъ прекрасный день столь же популярнымъ и съ такимъ же правомъ, какъ имена Достоевскаго, Диккенса, Тургенева“. Послѣ Рода сталъ писать объ Ибсенѣ Леметръ, и вотъ 29 мая 1890 г. Антуанъ уже рѣшился поставить на сценѣ своего Théâtre libre „Привидѣнія“. Старикъ Сарсе завопилъ: „Меня, вѣрно, околдовали! Я почти ровно ничего не понимаю во всей этой исторіи“. Онъ высказалъ лишь то, что думало, да и теперь еще продолжаетъ думать объ Ибсенѣ „сплоченное большинство“ французской публики, выразителемъ мнѣній котораго былъ Сарсе.

Особенно мѣткую характеристику „Привидѣній“ мы находимъ у нѣмецкаго критика Лотара.

„Привидѣнія“,— говоритъ онъ: — являются прямымъ результатомъ того теченія мыслей, которое было вызвано въ Ибсенѣ работой надъ „Кукольнымъ домомъ“. Развязка послѣдней пьесы та, что жена, сознавъ ложность своего положенія въ бракѣ, рѣшаетъ порвать узы. „Привидѣнія“ же представляютъ развязку исторіи ложнаго брака, узы котораго жена не рѣшилась порвать, несмотря на то, что сознавала, какъ мало бракъ этотъ соотвѣтствовалъ истинному супружескому союзу.

„Привидѣнія“ заключаютъ въ себѣ собственно двѣ драмы, которыя однако, какъ всегда у Ибсена, съ образцовой точностью совпадаютъ, входятъ одна въ другую и, собственно говоря, составляютъ не что иное, какъ лицевую и оборотную сторону одной и той же проблемы. Первая драма называется фру Альвингъ и составляетъ сущность всей пьесы. Вторая — лишь ужасный иллюстрирующій фактъ и называется Освальдъ.

„Высшихъ точекъ развитія обѣ драмы достигаютъ въ той сценѣ, гдѣ у главныхъ дѣйствующихъ лицъ открываются глаза на прошлое и настоящее и гдѣ Освальду становится ясно, что онъ неминуемо долженъ сойти съ ума, такъ какъ на немъ отмщаются грѣхи его родителей; тутъ его катастрофа совпадаетъ съ катастрофой его матери. По своей потрясающей силѣ эта трагедія материнской любви и материнской вины является единственной въ литературѣ всѣхъ временъ.

„Много было писано о томъ, что болѣзнь Освальда столь же мало, какъ и болѣзнь доктора Ранка („Кукольный домъ“) или безуміе Ирены („Когда мы мертвецы пробуждаемся...“), соотвѣтствуетъ какимъ-нибудь патологическимъ явленіямъ, наблюдаемымъ въ дѣйствительности. Какъ черты наслѣдственности, такъ и патологическія явленія у Ибсена лишь чисто внѣшнимъ образомъ связаны съ міромъ явленій природы. Во внутреннемъ же построеніи пьесы и болѣзнь и наслѣдственность представляютъ не реальныя, а отвлеченныя величины. Для поэта вся суть въ символическомъ значеніи болѣзни. Символическое значеніе придано

и пожару пріюта. Какъ только Освальдъ устремилъ взглядъ въ пламя, вспыхнувшее изъ прошлаго (фру Альвингъ вѣдь и строила пріютъ ради искупленія прошлаго), безуміе, таившееся въ немъ, прорвалось наружу. И страшной ироніей звучитъ въ лепетѣ безумнаго просьба о томъ, что должно было наполнить радостью жизнь здороваго: „солнце, солнце!“. Въ этихъ же заключительныхъ словахъ драмы звучитъ и проклятіе матери, которая виновна въ томъ, что не могла вмѣстѣ съ жизнью дать сыну солнце—силу, радость, красоту и благородство“.

Не разъ высказывался въ печати взглядъ, что изъ всѣхъ враговъ драматическихъ писателей самыми опасными для нихъ — въ смыслѣ искаженія ихъ произведеній—являются не столько невѣжественные переводчики, сколько актеры, не вдумывающіеся въ свои роли и не понимающіе истинныхъ намѣреній автора. Немало пострадалъ отъ тѣхъ и другихъ враговъ и Ибсенъ, но самую медвѣжью услугу оказалъ ему, пожалуй, итальянскій трагикъ Цаккони своимъ исполненіемъ роли Освальда. Шлентеръ въ предисловіи къ новому нѣмецкому переводу „Привидѣній“ сурово осуждаетъ исказителя.

„Никто не потратилъ, — пишетъ Шлентеръ: — столько искусства и труда на то, чтобы самымъ грубымъ образомъ разойтись съ намѣреніями автора и самымъ жестокимъ образомъ исказить его произведеніе, какъ итальянскій артистъ Цаккони, который низвелъ эту трагедію Mater dolorosa до степени точнаго психопатологическаго этюда. Чѣмъ тоньше, деликатнѣе будетъ намѣченъ актеромъ образъ этого несчастнаго „vermoulu“ (по выраженію самого Освальда), тѣмъ болѣе центральное мѣсто займетъ мать, истинная героиня пьесы“.

Варварское истолкованіе итальянцемъ роли Освальда тѣмъ непростительнѣе, что въ пьесѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека, который давалъ бы основаніе изображать Освальда сифилитикомъ, съ явственными наружными признаками этой страшной болѣзни, какъ это позволилъ себѣ Цаккони. Напротивъ, при первомъ выходѣ Освальда, мать, видимо, искренно любуется имъ, когда говоритъ пастору: „Я знаю одного такого, который остался чистъ и душой и тѣломъ. Взгляните на него только, пасторъ Мандерсъ!“ И послѣдній отвѣчаетъ: „Да, дѣйствительно... этого нельзя отрицать“. Значитъ, Оскальдъ именно такое чистое, румяное яблоко, по наружному виду котораго нельзя и подозрѣвать о червоточинѣ внутри.

И самая червоточина-эта отнюдь не такова, какою представилъ ее Цаккони. Для подобнаго толкованія нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ въ пьесѣ. Тѣсная связь между произведеніями Ибсена, которыя послѣдовательно вытекаютъ одно изъ другого, какъ нельзя яснѣе сказывается между „Привидѣніями“ и „Кукольнымъ домомъ“. Въ „Привидѣніяхъ“, помимо дальнѣйшаго развитія главной темы „Кукольнаго дома“, Ибсенъ даетъ въ Освальдѣ развитіе отдѣльнаго мотива, который впервые затронулъ въ лицѣ доктора Ранка. И послѣдній такой же „vermoulu“, какъ Освальдъ, но и въ изображеніи Ранка нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя представляли бы поживу для толкованій à la Цаккони. Напротивъ, насколько вообще глубоко-цѣломудренный сѣверный писатель далекъ отъ подобныхъ представленій, особенно ясно видно въ „Кукольномъ домѣ“, гдѣ этотъ мрачный вопросъ затрагивается лишь какъ бы мимоходомъ въ разговорѣ сначала между Норой и Христиной и затѣмъ между Норой и Ранкомъ, когда у обоихъ совсѣмъ другое на умѣ. Отецъ Ранка отнюдь не выставляется развратникомъ, а просто легкомысленнымъ жуиромъ и, главное, чревоугодникомъ.

Увлеченіе Ибсена въ юности живописью, особенно пейзажемъ, не пропало даромъ для будущаго драматурга: во всѣхъ его драматиче-

скихъ произведеніяхъ окружающая природа составляетъ неотъемлемую рамку, оттѣняющую дѣйствіе, а иногда имѣетъ и символическое значеніе, какъ это тонко подмѣтилъ Шлентеръ относительно „Привидѣній“.

„Прошлое бросаетъ призрачныя тѣни на событія, совершающіяся въ теченіе однѣхъ сутокъ. Изъ комнаты, гдѣ разыгрывается вся драма, открывается черезъ широкія окна видъ въ садъ и на скалистый прибрежный ландшафтъ. Но весь онъ окутанъ густымъ туманомъ; лишь подъ конецъ восходящее солнце освобождаетъ отъ этого покрова одну вершину за другой, пока наконецъ не засіяютъ своей ослѣпительною бѣлизною дальнія снѣжныя горы. Такъ и все происходящее на сценѣ окутано сначала густою пеленою, которая мало-по-малу снимается искусной рукой художника. Всѣ причины, обусловливающія трагическую развязку, кроются въ прошломъ. На сценѣ разсказывается о томъ, что было. Но ничто при этомъ не разсказывается просто для свѣдѣнія публики, какъ часто бываетъ въ пьесахъ нѣмецкихъ драматурговъ, даже тѣхъ, которые, казалось, могли бы уже кое-чему научиться у такого мастера драматической техники, какъ Ибсенъ. Все, что является непонятнымъ, новымъ, подавляющимъ для зрителей, является таковымъ и для кого-нибудь изъ пяти дѣйствующихъ лицъ пьесы. Пасторъ Мандерсъ съ изумленіемъ узнаётъ въ первомъ дѣйствіи, что, настоявъ на подчиненіи фру Альвингъ своему супружескому долгу и возвращеніи къ семейному очагу, онъ приковалъ ее къ недостойному человѣку. Фру Альвингъ узнаётъ во второмъ дѣйствіи, что могла устранить отъ своего сына недостойное внѣшнее наслѣдство отца, но не внутреннее, которое отравило его мозгъ. Регина узнаётъ въ третьемъ дѣйствіи, что она родная дочь „благороднаго человѣка“ и сводная сестра Освальда, на влюбленности котораго она строила свои хитрые и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпые расчеты—стать барыней и зажить безпечальною свѣтскою жизнью. И наконецъ въ самомъ концѣ пьесы фру Альвингъ узнаётъ, что сыну ея уже не уйти отъ расплаты за грѣхи отца. Этотъ заключительный трагическій аккордъ подготовляется путемъ нарастанія самыхъ разнообразныхъ мотивовъ, всякаго рода душевныхъ волненій у Освальда. Возвращеніе и первая встрѣча, долго сдерживаемая страстность натуры, ужасное признаніе, сдѣланное матери, душевное волненіе и физическое напряженіе, вызываемое превращеніемъ въ пепелъ памятника отцу, по адресу котораго Освальдъ и восклицаетъ: „Все сгоритъ; ничего не останется на память объ отцѣ; и я сгорю тутъ!“—наконецъ сознаніе, что дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ — его сестра, и что отецъ, память котораго онъ такъ чтилъ, главный виновникъ его несчастія, — все это не могло не вызвать катастрофы, подготовленной роковой наслѣдственностью. Безуміе вдругъ вырывается наружу, какъ дикій звѣрь, таившійся во тьмѣ, выжидая лишь удобной минуты, чтобы ринуться на свою жертву, и Освальдъ проситъ у матери солнце, какъ ребенокъ проситъ мячъ. И солнце, этотъ чудеснѣйшій символъ надежды и вѣры, радости и силы, вѣчный источникъ свѣта и тепла, предметъ тяжелой болѣзненной тоски Освальда въ долгіе мучительные дни — наконецъ появляется, но лучи его падаютъ уже на мозгъ, лишенный всякой искры мысли, обратившійся въ мозгъ животнаго.

„Накопляющіеся во время хода дѣйствій и основанные на житейскомъ опытѣ выводы еще усиливаютъ драматическое напряженіе пьесы. Какъ у Софокла Эдипъ выступаетъ лишь послѣ того, какъ давнымъ-давно убилъ отца и женился на матери, такъ и фру Альвингъ выступаетъ передъ зрителями лишь послѣ того, какъ давно схоронила своего мужа, и сынъ ея успѣлъ вырасти. Какъ герои античной трагедіи тщетно борются съ рокомъ, такъ и фру Альвингъ тщетно борется съ силой

крови и общественныхъ условій. Но какъ бы авторъ ни стоялъ за ограниченность свободы воли, какъ бы ни суживалъ положеніе, что „всѣ мы кузнецы своего счастья“, все же онъ не вводитъ героиню въ бѣду безъ собственной ея вины. Онъ спрашиваетъ ее: зачѣмъ ты поддалась и противъ внутренняго голоса дала себя увлечь тѣмъ, что̀ кажется хорошимъ, разумнымъ только при близорукомъ, узкомъ взглядѣ на вещи? Когда ты, поддавшись голосу холоднаго разсудка, предпочла ухаживателя возлюбленному, ты пошла на ложь, ты взяла грѣхъ на душу. Одинъ грѣхъ породилъ другой. Затѣмъ ты вторично не послушалась внутренняго голоса и повиновалась велѣніямъ ходячей морали. Тебѣ не слѣдовало возвращаться къ мужу, который внушалъ тебѣ отвращеніе. Оставшись его женой, ты взяла новый грѣхъ на душу— новую ложь. Бракъ, не основанный на обоюдномъ уваженіи и любви, гораздо нецѣломудреннѣе и гибельнѣе неосвященныхъ церковью союзовъ, которые заключаютъ люди, влекомые другъ къ другу любовью и уваженіемъ, наперекоръ условіямъ жизни.

„Авторъ съ безпощадной суровостью показываетъ, какъ ложь въ бракѣ порождаетъ одно гибельное послѣдствіе за другимъ. Отъ этого брака, пропитаннаго ложью, происходитъ человѣкъ, которому лучше бы вовсе не рождаться на свѣтъ. У него прекрасныя дарованія, но въ то же самое время онъ носитъ въ себѣ унаслѣдованный отъ отца зародышъ разложенія. Онъ былъ уже отмѣченъ смертью прежде, чѣмъ началъ жить. Изъ собственныхъ устъ сына приходится матери услышать упрекъ за то, что она дала ему жизнь. И никто съ такой ясностью не разбирается (когда уже поздно) въ страшной путаницѣ, созданной судьбой и собственной ея виной, какъ сама эта виновная мать.

„Въ силу мрачнаго колорита пьесы ее принято называть пессимистической. Правда, развязка трагична; правда, авторъ рисуетъ здѣсь жизнь далеко не съ лучшихъ ея сторонъ, но вѣдь ясно видно, что причина бѣды лежитъ во внѣшнихъ условіяхъ, въ условіяхъ того узкаго мірка, который Ибсенъ имѣлъ возможность изучить такъ хорошо, въ условіяхъ, которыя его самого изгнали на чужбину. Ибсенъ, вѣрно, думалъ иногда, какъ и Освальдъ: „За всѣ мои пріѣзды домой я не припомню, чтобы хоть разъ видѣлъ здѣсь солнце“. А что̀ говоритъ тотъ же Освальдъ о жизни за границей? По его словамъ, тамъ просто рай земной. И ему хочется воспроизводить этотъ рай въ своихъ картинахъ, „эту прекрасную, свѣтлую, свободную жизнь“.

Судьба „Привидѣній“, какъ литературнаго произведенія, вполнѣ соотвѣтствовала сценической судьбѣ пьесы. И тутъ и тамъ авторъ наткнулся на неожиданности. „Кукольный домъ“ тоже встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны театральной публики и критики, но зато литературный успѣхъ произведенія былъ полный. Первое изданіе въ 8.000 экз. разошлось въ теченіе мѣсяца, и тотчасъ же вышло второе въ 3.000 экз. Такой успѣхъ предыдущей пьесы побудилъ копенгагенскаго издателя Ибсена выпустить „Привидѣнія“ сразу въ 10.000 экз., но они разошлись только въ теченіе тринадцати лѣтъ. Словомъ, литературный успѣхъ новаго произведенія тоже заставилъ себя ждать, какъ и успѣхъ его на сценѣ.

Причиной былъ отчасти пріемъ, оказанный произведенію присяжной критикой. Даже когда критика строго держалась предмета, она въ общемъ считала своимъ долгомъ высказаться противъ пьесы *). А къ

*) Іегеръ признается, что и самъ онъ въ то время выступилъ съ рефератомъ о пьесѣ, «не обладая еще достаточной умственной зрѣлостью, чтобы понять ее и разсматривать въ тѣсной связи со всей литературной дѣятельностью Ибсена».

этому надо было прибавить еще критику, и публичную и частную, удалявшуюся отъ предмета, набрасывавшуюся на самого автора, осыная его, по обыкновенію, бранью вмѣсто доводовъ. Столь популярный передъ тѣмъ писатель сталъ вдругъ какимъ-то пугаломъ.

Большинство писателей отвѣтили бы на такую вопіющую несправедливость или молчаніемъ, или разъяснительной газетной статьей. Но, какъ извѣстно, такой образъ дѣйствій не въ характерѣ Ибсена; его отвѣтомъ была новая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ: „Врагъ народа“. Въ сущности, судьба „Привидѣній“ вдохновила Ибсена къ созданію даже цѣлыхъ двухъ произведеній: „Врага народа“ и „Дикой утки“.

ПРИВИДѢНІЯ.

Семейная драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фру Елена Альвингъ, вдова капитана и камергера Альвинга.
Освальдъ Альвингъ, ея сынъ, художникъ.
Пасторъ Мандерсъ.
Столяръ Энгстрандъ.
Регина Энгстрандъ, живущая въ домѣ фру Альвингъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ фру Альвингъ, на берегу большого фьорда въ западной Норвегіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная комната, выходящая въ садъ; въ лѣвой стѣнѣ одна дверь, въ правой двѣ. Посреди комнаты круглый столъ, обставленный стульями; на столѣ книги, журналы и газеты. Впереди налѣво окно, а возлѣ него диванчикъ и дамскій рабочій столикъ. Въ глубинѣ комната переходитъ въ родъ закрытаго стекляннаго балкона, нѣсколько поуже самой комнаты и заставленнаго цвѣтами. Въ правой стѣнѣ балкона дверь въ садъ. Сквозь стеклянныя стѣны балкона виденъ мрачный прибрежный ландшафтъ, затянутый сѣткой мелкаго дождя.

Въ садовыхъ дверяхъ стоитъ столяръ Энгстрандъ. Лѣвая нога у него нѣсколько сведена, и подошва сапога подбита толстой деревянной плашкой. Регина, съ пустой лейкой въ рукахъ, заступаетъ ему дорогу.

Регина (сдержаннымъ голосомъ). Что тебѣ надо? Не смѣй ходить дальше! Съ тебя такъ и течетъ.

Энгстрандъ. Богъ дождичка послалъ, дочка.

Регина. Чортъ послалъ, вотъ кто!

Энгстрандъ. Господи Іисусе, что ты говоришь, Регина! (Дѣлаетъ, ковыляя, нѣсколько шаговъ впередъ) А я вотъ чего хотѣлъ сказать...

Регина. Да не топочи ты такъ! Молодой баринъ спитъ наверху.

Энгстрандъ. Спитъ? Середь бѣла-то дня?

Регина. Это ужъ тебя не касается.

Энгстрандъ. Вчерась я, признаться, кутнулъ...

Регина. Оно и видно.

Энгстрандъ. Слабость наша человѣческая, дочка!

Регина. Еще бы!

Энгстрандъ. Охъ, много на семъ свѣтѣ искушеній... Но я все-таки всталъ сегодня, какъ передъ Богомъ, въ половинѣ шестого—и за работу.

Регина. Ладно, ладно. Проваливай только поскорѣе. Не хочу я тутъ съ тобой стоять, какъ на rendez-vous.

Энгстрандъ. Чего не хочешь?

Регина. Не хочу, чтобы кто-нибудь засталъ тебя здѣсь. Ну, ступай, ступай своей дорогой.

Энгстрандъ (еще придвигаясь къ ней). Ну нѣтъ, такъ я и ушелъ, не потолковавши съ тобой! Послѣ обѣда, видишь ли, я кончаю работу въ школѣ и ночью маршъ домой, въ городъ, на пароходѣ.

Регина (сквозь зубы). Скатертью дорога!

Энгстрандъ. Спасибо, дочка! Завтра тутъ будутъ святить пріютъ, такъ ужъ безъ угощенья и безъ хмельного не обойдется. Пущай же никто не скажетъ про Якова Энгстранда, что онъ падокъ на соблазны!

Регина. Э!

Энгстрандъ. Да, завтра сюда страсть сколько важныхъ господъ понаѣдетъ. И пастора Мандерса дожидаютъ изъ города.

Регина. Онъ еще сегодня пріѣдетъ.

Энгстрандъ. Вотъ видишь. Такъ я и не хочу, чортъ подери, чтобы онъ могъ сказать про меня что-нибудь этакое, — понимаешь!

Регина. Такъ вотъ оно что!

Энгстрандъ. Чего?

Регина (глядя на него въ упоръ). На чемъ это ты опять собираешься поддѣть пастора Мандерса?

Энгстрандъ. Тсс!.. тсс!.. Иль ты спятила!.. Поддѣть? Пасторъ Мандерсъ—такой добрѣющій человѣкъ, да чтобы я противъ него подвохъ затѣвалъ!.. Такъ вотъ, значитъ, ночью махну назадъ домой. Объ этомъ я и пришелъ съ тобой потолковать.

Регина. По-мнѣ, чѣмъ скорѣе уѣдешь, тѣмъ лучше.

Энгстрандъ. Да, только я и тебя хочу взять домой, Регина.

Регина (открывъ ротъ отъ изумленія). Меня? Что ты говоришь?

Энгстрандъ. Хочу взять тебя домой, говорю.

Регина (презрительно). Ну, ужъ этому не бывать!

Энгстрандъ. А вотъ поглядимъ.

Регина. Да и поглядишь. Будь увѣренъ. Я выросла у камергерши... Почти какъ родная въ домѣ... И чтобы я поѣхала съ тобой? Въ такой домъ? Тьфу!

Энгстрандъ. Чортъ подери! Такъ ты супротивъ отца идешь, дѣвчонка?

Регина (бормочетъ, не глядя на него). Ты сколько разъ самъ говорилъ, какая я тебѣ дочь.

Энгстрандъ. Э! Охота тебѣ помнить...

Регина. И сколько разъ ты ругалъ меня, обзывалъ... Fi donc!

Энгстрандъ. Ну нѣтъ, такихъ скверныхъ словъ я, ей-ей, никогда не говорилъ!

Регина. Ну, я-то знаю, какія слова ты говорилъ!

Энгстрандъ. Ну, да вѣдь это я только, когда... того, выпимши бывалъ... гм. Охъ, много на семъ свѣтѣ искушеній, Регина!

Регина (съ отвращеніемъ). У!

Энгстрандъ. И еще, когда мать твоя, бывало, раскуражится... Надо-жъ было чѣмъ-нибудь донять ее. Ужъ больно она носъ задирала. (Передразнивая) «Пусти, Энгстрандъ! Отстань! Я цѣлыхъ три года прослужила у камергера Альвинга въ Розенвольдѣ». (Посмѣиваясь) Еще бы! Забыть не могла, что капитана произвели въ камергеры, пока она тутъ служила.

Регина. Бѣдная мать... Вогналъ ты ее въ гробъ.

Энгстрандъ (раскачиваясь). Само собой, во всемъ я виноватъ!

Регина (отворачиваясь, вполголоса). У!.. И еще эта нога!

Энгстрандъ. Чего ты говоришь, дочка?

Регина. Pied de mouton!

Энгстрандъ. Это что-жъ—по-аглицки?

Регина. Да.

Энгстрандъ. Н-да, обучить тебя здѣсь — всему обучили; теперь вотъ и пригодится твоя ученость!

Регина (помолчавъ). А на что я тебѣ понадобилась въ городѣ?

Энгстрандъ. Спрашиваешь отца, на что ему понадобилось единственное его дѣтище? Одинокому сиротѣ-вдовцу?

Регина. Ахъ, оставь ты эти басни! На что я тебѣ тамъ?

Энгстрандъ. Да вотъ, видишь, думаю я затѣять одно новое дѣльце.

Регина (презрительно фыркая). Ты ужъ столько разъ затѣвалъ, и все никуда не годилось.

Энгстрандъ. А вотъ теперь увидишь! Чортъ меня возьми...

Регина (топая ногой). Не смѣй чертыхаться!

Энгстрандъ. Тсс... тсс! Это ты правильно, дочка, правильно. Такъ вотъ я чего хотѣлъ сказать... на этой работѣ въ новомъ пріютѣ я таки сколотилъ деньжонокъ.

Регина. Да? Ну, и радуйся!

Энгстрандъ. Потому куда-жъ ты ихъ тутъ истратишь, деньги-то, въ деревнѣ?

Регина. Ну, дальше?

Энгстрандъ. Такъ вотъ я и задумалъ оборудовать на эти денежки доходное дѣльце. Завести этакъ въ родѣ трактира для моряковъ...

Регина. Тьфу!

Энгстрандъ. Шикарное заведенье, понимаешь! Не какой-нибудь свиной хлѣвъ для матросовъ, нѣтъ, чортъ побери! Для капитановъ да штурмановъ и... настоящихъ господъ, понимаешь!

Регина. И я бы тамъ?..

Энгстрандъ. Пособляла бы, да. Такъ только для видимости, понимаешь. Никакой черной работы, чортъ побери, на тебя, дочка, не навалятъ! Заживешь барыней.

Регина. Еще бы!

Энгстрандъ. А безъ женщины въ этакомъ дѣлѣ никакъ нельзя; это—какъ Божій день. Вечеркомъ вѣдь надо же повеселить гостей немножко... Ну, тамъ музыка, танцы и прочее. Не забудь—моряки народъ бывалый... Поплавали по окіянъ-морю... (Подходя къ ней еще ближе) Такъ не будь же дурой, не становись сама себѣ поперекъ дороги, Регина! Чего изъ тебя тутъ выйдетъ? Кой прокъ, что барыня тратилась на твою ученость? Слыхалъ я—тебя тутъ прочатъ ходить за мелюзгой въ новомъ пріютѣ. Да по тебѣ ли это? Больно ли тебя тянетъ стараться да убиваться для какихъ-то шелудивыхъ ребятишекъ?

Регина. Нѣтъ, если бы вышло по-моему... Ну, да авось! Авось выйдетъ!

Энгстрандъ. Чего такое выйдетъ?

Регина. Не твоя печаль. А много-ль денегъ ты сколотилъ?

Энгстрандъ. Такъ, кронъ семьсотъ-восемьсотъ наберется.

Регина. Недурно.

Энгстрандъ. Для начала хватитъ, дочка!

Регина. А ты не думаешь удѣлить мнѣ изъ нихъ немножко?

Энгстрандъ. Нѣтъ, вотъ ужъ, право слово, не думаю!

Регина. Не думаешь прислать мнѣ хоть матеріи на платьишко?

Энгстрандъ. Переѣзжай со мной въ городъ, тогда и платьевъ у тебя будетъ вдоволь.

Регина (презрительно фыркая). Захотѣла бы, такъ и одна перебралась бы.

Энгстрандъ. Нѣтъ, подъ охраной путеводной отцовской руки вѣрнѣе будетъ, Регина. Теперь мнѣ какъ разъ подвертывается чистенькій такой домикъ на Малой Гаваньской улицѣ. И на-

личныхъ немного потребуется; устроили бы тамъ этакое убѣжище для моряковъ.

Регина. Да не хочу я жить у тебя. Нечего мнѣ у тебя дѣлать. Проваливай!

Энгстрандъ. Да не засидѣлась бы ты у меня, чортъ подери! Въ томъ-то вся и штука. Кабы только сумѣла повести свою линію. Такая красотка, какой ты стала за эти два года...

Регина. Ну?..

Энгстрандъ. Скоро, глядишь, подцѣпила бы какого-нибудь штурмана... а не то и капитана...

Регина. Не пойду я за такого. У моряковъ нѣтъ savoir vivre.

Энгстрандъ. Чего такого?

Регина. Знаю я моряковъ, говорю я. За такихъ выходить не стоитъ.

Энгстрандъ. Такъ и не выходи. И такъ можно выгоду соблюсти. (Понижая голосъ, конфиденціально) Тотъ англичанинъ... что на своей яхтѣ пріѣзжалъ... онъ цѣлыхъ триста спеціи-далеровъ отвалилъ... А она не красивѣе тебя была.

Регина (наступая на него). Пошелъ вонъ!

Энгстрандъ (пятясь). Ну, ну, подерись еще!

Регина. Да! Если ты еще затронешь мать — прямо ударю! Пошелъ, говорятъ тебѣ! (Оттѣсняетъ его къ дверямъ въ садъ) Да не хлопни дверью! Молодой баринъ...

Энгстрандъ. ...Спитъ, знаю. Страсть какъ ты хлопочешь около молодого барина! (Понижая голосъ) Хо-хо!.. Ужъ не дошло ли дѣло?..

Регина. Вонъ, сію минуту! Брехунъ!.. Да не туда. Тамъ насторъ идетъ. Пошелъ теперь по черной лѣстницѣ!

Энгстрандъ (идя направо). Ладно, ладно. А ты вотъ поговорика съ нимъ. Онъ тебѣ скажетъ, какъ дѣти должны къ отцу... Я все-таки отецъ тебѣ. По церковнымъ книгамъ докажу. (Уходитъ въ другую дверь, которую Регина ему отворяетъ и тотчасъ затворяетъ за нимъ).

Регина (быстро оглядываетъ себя въ зеркало, обмахивается платкомъ и поправляетъ бантикъ на шеѣ. Затѣмъ начинаетъ возиться около цвѣтовъ. Въ дверь изъ сада входитъ пасторъ Мандерсъ въ пальто и съ зонтикомъ; черезъ плечо дорожная сумка).

Пасторъ Мандерсъ. Здравствуйте, йомфру Энгстрандъ!

Регина (оборачиваясь, съ радостнымъ изумленіемъ). Ахъ, здравствуйте, господинъ пасторъ! Развѣ пароходъ уже пришелъ?

Пасторъ Мандерсъ. Только-что. (Проходитъ въ комнату) Препепріятная однако погода стоитъ эти дни.

Регина (идя за нимъ). Для сельскихъ хозяевъ — благодатная погода, господинъ пасторъ!

Пасторъ Мандерсъ. Да, да, вы, пожалуй, правы. Мы-то, горожане, мало объ этомъ думаемъ. (Хочетъ снять съ себя пальто).

Регина. Позвольте, я помогу... Вотъ такъ. Ай, какое мокрое! Пойду повѣшу въ переднюю. И зонтикъ... Я его раскрою, чтобы просохъ.

(Уходитъ съ вещами въ другую комнату направо. Пасторъ Мандерсъ кладетъ шляпу и сумку на стулъ. Регина возвращается).

Пасторъ Мандерсъ. А хорошо все-таки попасть подъ крышу... Ну, какъ у васъ тутъ? Надѣюсь, все благополучно?

Регина. Да, благодарю васъ.

Пасторъ Мандерсъ. Но совсѣмъ захлопотались, я думаю, по случаю завтрашняго торжества?

Регина. Да, дѣла немало.

Пасторъ Мандерсъ. А фру Альвингъ, надѣюсь, дома?

Регина. Еще бы, Господи! Она только пошла наверхъ; готовитъ шоколадъ молодому барину.

Пасторъ Мандерсъ. Да, скажите — я слышалъ на пристани, будто Освальдъ пріѣхалъ?

Регина. Какъ же, третьяго-дня. А мы его ждали только сегодня.

Пасторъ Мандерсъ. Здоровъ и веселъ, надѣюсь?

Регина. Да, mercі, ничего. Только ужасно усталъ съ дороги. Прямо изъ Парижа, безъ передышки. Всю дорогу, кажется, въ одномъ поѣздѣ. Теперь онъ, должно-быть, прилегъ немножко, такъ что, пожалуй, намъ надо разговаривать чуточку потише.

Пасторъ Мандерсъ. Ну, ну, будемъ потише.

Регина (придвигая къ столу кресло). Садитесь же, пожалуйста, господинъ пасторъ, отдохните! (Онъ садится; она подставляетъ ему подъ ноги скамеечку) Ну вотъ, такъ удобно господину пастору?

Пасторъ Мандерсъ. Благодарю, благодарю, отлично! (Смотритъ на нее) Знаете, йомфру Энгстрандъ, вы, право, какъ будто выросли съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ.

Регина. Неужели? А фру Альвингъ говоритъ, что я и пополнѣла.

Пасторъ Мандерсъ. Пополнѣли? Да, пожалуй, немножко — въ мѣру. (Небольшая пауза).

Регина. Не сказать ли барынѣ?..

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, благодарю, дѣло не къ спѣху, дитя мое... Ну, скажите же мнѣ, моя милая, какъ вашъ отецъ поживаетъ?

Регина. Благодарю, господинъ пасторъ, ничего себѣ.

Пасторъ Мандерсъ. Онъ заходилъ ко мнѣ, когда былъ послѣдній разъ въ городѣ.

Регина. Да? Онъ всегда такъ радъ, когда ему удастся поговорить съ господиномъ пасторомъ.

Пасторъ Мандерсъ. И вы, конечно, усердно навѣщаете его тутъ?

Регина. Я? Да, навѣщаю, когда есть время...

Пасторъ Мандерсъ. Вашъ отецъ, йомфру Энгстрандъ, далеко не сильная личность. Она весьма нуждается въ нравственной поддержкѣ.

Регина. Да, пожалуй, что такъ.

Пасторъ Мандерсъ. Ему нужно кого-нибудь имѣть подлѣ себя, кого бы онъ любилъ и чьимъ мнѣніемъ дорожилъ бы. Онъ мнѣ самъ чистосердечно признался въ этомъ, когда былъ у меня въ тотъ разъ.

Регина. Да, онъ и мнѣ тутъ говорилъ что-то въ этомъ родѣ. Но я не знаю, пожелаетъ ли фру Альвингъ разстаться со мной... Особенно теперь, когда предстоятъ хлопоты съ этимъ новымъ пріютомъ. Да и мнѣ бы ужасно не хотѣлось разставаться съ нею. Она всегда была такъ добра ко мнѣ.

Пасторъ Мандерсъ. Однако дочерній долгъ, дитя мое. Но, разумѣется, надо сначала заручиться согласіемъ вашей госпожи.

Регина. И къ тому же я не знаю, подходящее ли дѣло — дѣвушкѣ въ моихъ годахъ быть хозяйкой въ домѣ одинокаго мужчины?..

Пасторъ Мандерсъ. Какъ? Милая моя, вѣдь это же вашъ собственный отецъ!

Регина. Да если и такъ... Все-таки... Нѣтъ, вотъ если бы попасть въ хорошій домъ, къ настоящему, порядочному человѣку...

Пасторъ Мандерсъ. Но, дорогая Регина...

Регина. ...Котораго бы я могла любить, уважать и быть ему вмѣсто дочери...

Пасторъ Мандерсъ. Но, милое дитя...

Регина. ...Тогда бы я съ радостью переѣхала въ городъ. Здѣсь ужасно тоскливо одной... Господинъ пасторъ знаетъ, каково живется одинокому. И, смѣю сказать, я и расторопна и усердна къ работѣ. Не знаете ли вы для меня подходящаго мѣстечка?

Пасторъ Мандерсъ. Я? Нѣтъ, право, не знаю.

Регина. Ахъ, дорогой господинъ пасторъ... Я попрошу васъ все-таки имѣть меня въ виду на случай, если бы...

Пасторъ Мандерсъ (встаетъ). Хорошо, хорошо, йомфру Энгстрандъ.

Регина. Потому что мнѣ...

Пасторъ Мандерсъ. Не будете ли вы такъ добры попросить сюда фру Альвингъ.

Регина. Сейчасъ, господинъ пасторъ! (Уходитъ налѣво).

Пасторъ Мандерсъ (прохаживается по комнатѣ и, дойдя до балкона, останавливается, заложивъ руки за спину и глядя въ садъ. Затѣмъ опять идетъ къ столу, беретъ одну изъ книгъ, смотритъ на заглавіе, видимо недоумѣваетъ и пересматриваетъ другія). Гм!.. Такъ вотъ какъ!..

(Фру Альвингъ входитъ изъ дверей налѣво. За нею Регина, которая проходитъ черезъ комнату въ первую дверь направо).

Фру Альвингъ (протягивая руку пастору). Добро пожаловать, господинъ пасторъ!

Пасторъ Мандерсъ. Здравствуйте, фру Альвингъ! Вотъ и я, какъ обѣщалъ.

Фру Альвингъ. Вы всегда такъ аккуратны.

Пасторъ Мандерсъ. Но, повѣрьте, не легко мнѣ было вырваться. Всѣ эти комиссіи и засѣданія, въ которыхъ я участвую...

Фру Альвингъ. Тѣмъ любезнѣе съ вашей стороны, что вы пріѣхали такъ заблаговременно. Теперь мы успѣемъ покончить съ нашими дѣлами до обѣда. Но гдѣ же вашъ чемоданъ?

Пасторъ Мандерсъ (поспѣшно). Я оставилъ свои вещи у агента. Я тамъ и ночую.

Фру Альвингъ (подавляя улыбку). И на этотъ разъ не можете рѣшиться переночевать у меня?

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, нѣтъ, фру Альвингъ. Очень вамъ благодаренъ; но я ужъ переночую тамъ, какъ всегда. Оно и удобнѣе — ближе къ пристани.

Фру Альвингъ. Ну, какъ хотите. А вообще, мнѣ кажется, что такіе пожилые люди, какъ мы съ вами...

Пасторъ Мандерсъ. Ахъ, какъ вы умѣете шутить! Ну, да понятно, что вы такъ веселы сегодня. Во-первыхъ, завтрашнее торжество, а во-вторыхъ, вы таки-залучили домой Освальда.

Фру Альвингъ. Да, подумайте, такое счастье! Вѣдь больше двухъ лѣтъ онъ не былъ дома. А теперь обѣщаетъ провести со мной всю зиму...

Пасторъ Мандерсъ. Вотъ какъ? Да, это чрезвычайно мило съ его стороны, по-сыновнему. Потому что проживать въ Римѣ или Парижѣ, должно-быть, куда привлекательнѣе.

Фру Альвингъ. Да, но зато здѣсь у него мать. Ахъ, дорогой мой, непаглядный мальчикъ!.. Онъ все-таки привязанъ къ своей матери.

Пасторъ Мандерсъ. Слишкомъ было бы печально, если бы разлука и занятіе такимъ дѣломъ, какъ искусство, могли притупить естественныя чувства и привязанности.

Фру Альвингъ. Что и говорить. Но, конечно, этого нечего

опасаться съ его стороны. Вотъ забавно будетъ посмотрѣть, узнаете ли вы его. Онъ потомъ сойдетъ сюда; сейчасъ лежитъ тамъ наверху, отдыхаетъ на диванѣ. Однако присаживайтесь же, пожалуйста, дорогой господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Благодарю васъ. Такъ, значитъ, вамъ угодно сейчасъ же?..

Фру Альвингъ. Да, да. (Садится къ столу).

Пасторъ Мандерсъ. Хорошо. Такъ вотъ... (Идетъ къ стулу, на которомъ лежитъ его сумка, вынимаетъ изъ нея папку съ бумагами, присаживается съ другой стороны къ столу и отыскиваетъ свободное мѣстечко для бумагъ). Прежде всего... (Прерывая) Скажите, пожалуйста, какъ попали сюда эти книги?

Фру Альвингъ. Книги? Я ихъ читаю.

Пасторъ Мандерсъ. Вы читаете подобныя вещи?

Фру Альвингъ. Ну да, читаю.

Пасторъ Мандерсъ. А развѣ, по-вашему, вы станете лучше или счастливѣе отъ подобнаго чтенія?

Фру Альвингъ. Мнѣ кажется, я становлюсь какъ будто спокойнѣе.

Пасторъ Мандерсъ. Странно. Какимъ же это образомъ?

Фру Альвингъ. Да я нахожу въ этихъ книгахъ разъясненіе и подтвержденіе многаго такого, что̀ мнѣ самой приходитъ на умъ. И удивительное дѣло, господинъ пасторъ, въ этихъ книгахъ въ сущности нѣтъ ничего новаго; вѣдь такъ думаетъ и вѣруетъ большинство людей, но только большинство не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета или не хочетъ признаться себѣ, что это такъ.

Пасторъ Мандерсъ. Но, Боже мой! Да неужели вы серьезно полагаете, что большинство?..

Фру Альвингъ. Да, вполнѣ.

Пасторъ Мандерсъ. Но не у насъ же? Не у насъ!

Фру Альвингъ. Нѣтъ, отчего же, — и у насъ тоже.

Пасторъ Мандерсъ. Ну, признаюсь!..

Фру Альвингъ. Да что̀ вы, въ сущности, можете возразить противъ этихъ книгъ?

Пасторъ Мандерсъ. Возразить? Не думаете же вы, что я стану изучать подобныя сочиненія?

Фру Альвингъ. То-есть вы даже незнакомы съ тѣмъ, что̀ осуждаете?

Пасторъ Мандерсъ. Я достаточно читалъ объ этихъ писаніяхъ, чтобы не одобрять ихъ.

Фру Альвингъ. Но ваше-то личное мнѣніе?..

Пасторъ Мандерсъ. Милѣйшая фру Альвингъ! Во многихъ случаяхъ жизни намъ приходится полагаться на мнѣніе дру-

гихъ. Такъ ужъ заведено на этомъ свѣтѣ; и это хорошо. Иначе что бы сталось съ обществомъ.

Фру Альвингъ. Да, да. Вы, пожалуй, правы.

Пасторъ Мандерсъ. Я, впрочемъ, не отрицаю, что такія книги могутъ такъ или иначе интересовать. И я не нахожу ничего предосудительнаго въ томъ, что вы желаете ознакомиться съ современными теченіями мысли въ томъ большомъ свѣтѣ... куда вы такъ надолго отпустили своего сына. Но...

Фру Альвингъ. Но?..

Пасторъ Мандерсъ (понижая голосъ). Но о такихъ вещахъ не говорятъ, фру Альвингъ. Совершенно не къ чему давать знать всѣмъ и каждому, что̀ читаешь и о чемъ думаешь у себя въ четырехъ стѣнахъ.

Фру Альвингъ. Разумѣется. Я того же мнѣнія.

Пасторъ Мандерсъ. Подумайте только, насколько вы теперь обязаны принимать въ соображеніе пріютъ, который вы рѣшили устроить еще тогда, когда держались совершенно другихъ мнѣній по этимъ вопросамъ — насколько я могу судить, конечно.

Фру Альвингъ. Да, да, вполнѣ съ вами согласна. Но мы о пріютѣ и...

Пасторъ Мандерсъ. Да, мы о пріютѣ и собирались потолковать. Итакъ, осторожнѣе, дорогая фру Альвингъ! И перейдемъ теперь къ нашимъ дѣламъ. (Открываетъ папку и вынимаетъ оттуда бумаги) Вотъ видите?

Фру Альвингъ. Документы?

Пасторъ Мандерсъ. Всѣ. И въ полномъ порядкѣ. Но, скажу я вамъ, и стоило же хлопотъ выправить ихъ въ срокъ. Пришлось брать прямо натискомъ. Власти до болѣзненности щепетильны въ постановленіи такихъ рѣшеній. Но вотъ, теперь тутъ все. (Перелистываетъ бумаги) Вотъ скрѣпленный актъ о пожертвованіи вами усадьбы Сольвикъ, принадлежащей къ имѣнію Розенвольдъ, со всѣми вновь возведенными строеніями, школьнымъ помѣщеніемъ, домомъ для учительскаго персонала и часовней. А вотъ актъ объ учрежденіи фонда и утвержденный уставъ новаго пріюта. Видите? (Читаетъ) «Уставъ дѣтскаго пріюта въ память капитана Альвинга».

Фру Альвингъ (долго смотритъ на бумагу). Такъ вотъ наконецъ!

Пасторъ Мандерсъ. Я выбралъ званіе капитана, а не камергера. Капитанъ какъ-то скромнѣе.

Фру Альвингъ. Да, да, какъ вамъ кажется лучше.

Пасторъ Мандерсъ. А вотъ книжка изъ сберегательной кассы, куда внесенъ капиталъ на расходы по содержанію пріюта.

Фру Альвингъ. Благодарю. Но будьте добры оставить ее у себя... Такъ удобнѣе.

Пасторъ Мандерсъ. Хорошо. Я думаю, мы пока оставимъ капиталъ въ сберегательной кассѣ. Рента, конечно, не особенно заманчива: четыре процента, при условіи предупрежденія о выпутіи вклада за полгода. Такъ, если потомъ представится случай пріобрѣсти хорошую закладную, — разумѣется, первую и вообще вполнѣ солидную, — тогда мы съ вами поговоримъ пообстоятельнѣе.

Фру Альвингъ. Да, да, дорогой пасторъ Мандерсъ, вы все это лучше понимаете.

Пасторъ Мандерсъ. Я во всякомъ случаѣ буду пріискивать. Но есть еще одно, о чемъ я много разъ собирался спросить васъ.

Фру Альвингъ. О чемъ же это?

Пасторъ Мандерсъ. Страховать намъ пріютскія строенія или нѣтъ?

Фру Альвингъ. Разумѣется, страховать.

Пасторъ Мандерсъ. Погодите, погодите. Давайте обсудимъ дѣло хорошенько.

Фру Альвингъ. Я все страхую — и строенія, и имущество, и хлѣбъ, и живой инвентарь.

Пасторъ Мандерсъ. Само собой. Это все ваше личное достояніе. И я то же дѣлаю. Само собой. Но тутъ, видите ли, дѣло другое. Пріютъ имѣетъ такую святую цѣль...

Фру Альвингъ. Ну, а если все-таки?..

Пасторъ Мандерсъ. Что касается лично меня, я собственно не нахожу ровно ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы мы обезпечили себя отъ всякихъ случайностей...

Фру Альвингъ. И я тоже.

Пасторъ Мандерсъ. ...Но какъ отнесется къ этому здѣшній народъ? Вы его лучше знаете, чѣмъ я.

Фру Альвингъ. Гм... здѣшній народъ...

Пасторъ Мандерсъ. Не найдется ли здѣсь значительнаго числа людей солидныхъ... вполнѣ солидныхъ, съ вѣсомъ, которые бы сочли это предосудительнымъ?

Фру Альвингъ. Что вы собственно подразумѣваете подъ людьми вполнѣ солидными, съ вѣсомъ?

Пасторъ Мандерсъ. Ну, я имѣю въ виду людей настолько независимыхъ и вліятельныхъ по своему положенію, что съ ихъ мнѣніемъ нельзя не считаться.

Фру Альвингъ. Да, такихъ здѣсь найдется нѣсколько, которые, пожалуй, сочтутъ предосудительнымъ...

Пасторъ Мандерсъ. Вотъ видите. Въ городѣ же у насъ такихъ много. Вспомните только всѣхъ приверженцевъ моего

собрата. На такой шагъ съ нашей стороны легко могутъ взглянуть, какъ на невѣріе, отсутствіе въ насъ упованія на Высшій Промыслъ.

Фру Альвингъ. Но вы-то со своей стороны, дорогой господинъ пасторъ, знаете же, что...

Пасторъ Мандерсъ. Да я-то знаю, знаю. Вполнѣ убѣжденъ, что такъ слѣдуетъ. Это такъ. Но мы все-таки не можемъ никому помѣшать толковать наши побужденія вкривь и вкось. А подобные толки могутъ повредить самому дѣлу...

Фру Альвингъ. Да, если такъ, то...

Пасторъ Мандерсъ. Я не могу также не принять во вниманіе затруднительнаго... я готовъ даже сказать, щекотливаго положенія, въ которое я могу попасть. Въ руководящихъ кружкахъ въ городѣ очень интересуются пріютомъ. Онъ отчасти предназначенъ служить и нуждамъ города, что̀, надо надѣяться, въ немалой степени облегчитъ общинѣ задачу призрѣнія бѣдныхъ. Но такъ какъ я былъ вашимъ совѣтникомъ и вѣдалъ всю дѣловую сторону предпріятія, то и долженъ теперь опасаться, что усердные граждане прежде всего обрушатся на меня...

Фру Альвингъ. Да, вамъ не слѣдуетъ подвергать себя этому.

Пасторъ Мандерсъ. Не говоря уже о нападкахъ, которыя, безъ сомнѣнія, посыплются на меня въ извѣстныхъ газетахъ и журналахъ, которые...

Фру Альвингъ. Довольно, дорогой господинъ пасторъ. Одно это соображеніе рѣшаетъ дѣло.

Пасторъ Мандерсъ. Значитъ, не надо страховать?

Фру Альвингъ. Нѣтъ. Оставимъ это.

Пасторъ Мандерсъ (откидываясь на спинку стула). А если все-таки случится несчастье? Какъ знать?.. Вы возмѣстите убытки?

Фру Альвингъ. Нѣтъ, прямо говорю, я этого не беру на себя.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ знаете, фру Альвингъ... въ такомъ случаѣ мы беремъ на себя такую отвѣтственность, которая заставляетъ призадуматься.

Фру Альвингъ. Ну, а развѣ, по-вашему, мы можемъ поступить иначе?

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Намъ не приходится давать поводы судить насъ вкривь и вкось, и мы отнюдь не въ правѣ вызывать ропотъ въ приходѣ.

Фру Альвингъ. Во всякомъ случаѣ вамъ, какъ пастору, это не приходится.

Пасторъ Мандерсъ. И мнѣ кажется тоже, мы въ правѣ уповать, что такому учрежденію посчастливится... что оно будетъ подъ особымъ покровительствомъ.

Фру Альвингъ. Будемъ уповать, пасторъ Мандерсъ.

Пасторъ Мандерсъ. Значитъ, оставимъ такъ?

Фру Альвингъ. Да, безъ сомнѣнія.

Пасторъ Мандерсъ. Хорошо. Будь по-вашему. (Записываетъ) Итакъ—не страховать.

Фру Альвингъ. Странно однако, что вы заговорили объ этомъ какъ разъ сегодня...

Пасторъ Мандерсъ. Я много разъ собирался спросить васъ насчетъ этого...

Фру Альвингъ. ...Потому что вчера у насъ чуть-чуть не произошло тамъ пожара.

Пасторъ Мандерсъ. Что такое?

Фру Альвингъ. Въ сущности, ничего особеннаго. Загорѣлись стружки въ столярной.

Пасторъ Мандерсъ. Гдѣ работаетъ Энгстрандъ?

Фру Альвингъ. Да. Говорятъ, онъ очень неосторожепъ со спичками.

Пасторъ Мандерсъ. Да, у него голова... полна всякихъ думъ и соблазновъ. Слава Богу, онъ все-таки старается теперь вести примѣрную жизнь, какъ я слышалъ.

Фру Альвингъ. Да? Отъ кого же?

Пасторъ Мандерсъ. Онъ самъ увѣрялъ меня. Притомъ онъ такой работящій.

Фру Альвингъ. Да, пока трезвъ...

Пасторъ Мандерсъ. Ахъ, эта злополучная слабость! Но онъ говоритъ, что ему часто приходится пить поневолѣ изъ-за своей искалѣченной ноги. Въ послѣдній разъ, когда онъ былъ въ городѣ, онъ прямо растрогалъ меня. Явился и такъ искренно благодарилъ меня за то, что я доставилъ ему эту работу у васъ, и что онъ могъ побыть подлѣ Регины.

Фру Альвингъ. Съ нею-то онъ, кажется, не особенно часто видится.

Пасторъ Мандерсъ. Ну какъ же, онъ говоритъ — каждый день.

Фру Альвингъ. Быть-можетъ.

Пасторъ Мандерсъ. Онъ отлично чувствуетъ, что ему нужно имѣть подлѣ себя кого-нибудь, кто удерживалъ бы его въ минуты слабости. Это самая симпатичная черта въ Яковѣ Энгстрандѣ, что онъ вотъ приходитъ къ тебѣ, такой жалкій, безпомощный, и чистосердечно кается въ своей слабости... Въ послѣдній разъ онъ прямо сказалъ мнѣ... Послушайте, фру Альвингъ, если у него истинная душевная потребность имѣть подлѣ себя Регину...

Фру Альвингъ (быстро встаетъ). Регину!

Пасторъ Мандерсъ. ...Вамъ не слѣдуетъ противиться.

Фру Альвингъ. Ну нѣтъ, какъ разъ воспротивлюсь. Да и кромѣ того Регина получаетъ мѣсто въ пріютѣ.

Пасторъ Мандерсъ. Но вы разсудите, онъ все-таки отецъ ей...

Фру Альвингъ. О, я лучше знаю, какимъ онъ былъ ей отцомъ. Нѣтъ, насколько это зависитъ отъ меня, она никогда къ нему не вернется.

Пасторъ Мандерсъ (вставая). Но, дорогая фру Альвингъ, не волнуйтесь такъ. Право, прискорбно, что вы съ такимъ предубѣжденіемъ относитесь къ Энгстранду. Вы прямо какъ будто испугались.

Фру Альвингъ (спокойнѣе). Какъ бы тамъ ни было, я взяла Регину къ себѣ, у меня она и останется. (Прислушиваясь) Тсс, довольно, дорогой пасторъ Мандерсъ, не будемъ больше говорить объ этомъ. (Сіяя радостью) Слышите? Освальдъ идетъ по лѣстницѣ. Теперь займемся имъ однимъ...

(Освальдъ Альвингъ въ легкомъ пальто, со шляпой въ рукѣ, покуривая длинную пѣнковую трубку, входитъ изъ дверей налѣво).

Освальдъ (останавливаясь у дверей). Извините... я думалъ, что вы въ конторѣ. (Подходя ближе) Здравствуйте, господинъ пасторъ!

Пасторъ Мандерсъ (пораженный). А!.. Это удивительно!..

Фру Альвингъ. Да, что вы скажете насчетъ него, пасторъ Мандерсъ?

Пасторъ Мандерсъ. Я скажу... скажу... Нѣтъ, да неужели въ самомъ дѣлѣ?..

Освальдъ. Да, да, передъ вами дѣйствительно тотъ самый блудный сынъ, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Но, мой дорогой молодой другъ...

Освальдъ. Ну, скажемъ: вернувшійся подъ отчій кровъ.

Фру Альвингъ. Освальдъ намекаетъ на то время, когда вы такъ противились его намѣренію стать художникомъ.

Пасторъ Мандерсъ. Глазамъ человѣческимъ многое можетъ казаться сомнительнымъ, что потомъ все-таки... (Пожимаетъ Освальду руку) Ну, добро пожаловать, добро пожаловать! Но, дорогой Освальдъ... Ничего, что я называю васъ такъ запросто?

Освальдъ. А какъ же иначе?

Пасторъ Мандерсъ. Хорошо. Такъ вотъ я хотѣлъ сказать вамъ, дорогой Освальдъ... вы не думайте, что я безусловно осуждаю сословіе художниковъ. Я полагаю, что и въ этомъ кругу многіе могутъ сохранить свою душу чистою...

Освальдъ. Надо надѣяться, что такъ.

Фру Альвингъ (вся сіяя). Я знаю одного такого, который

остался чистъ и душой и тѣломъ. Взгляните на него только, пасторъ Мандерсъ.

Освальдъ (бродя по комнатѣ). Да, да, мамочка, оставимъ это.

Пасторъ Мандерсъ. Да, дѣйствительно... этого нельзя отрицать. И вдобавокъ вы начали уже создавать себѣ имя. Газеты часто упоминали о васъ и всегда весьма благосклонно. Впрочемъ, въ послѣднее время что-то какъ будто замолкли.

Освальдъ (около цвѣтовъ). Я въ послѣднее время мало работалъ.

Фру Альвингъ. И художнику надо отдохнуть.

Пасторъ Мандерсъ. Могу себѣ представить. Да и подготовиться надо, собраться съ силами для чего-нибудь крупнаго.

Освальдъ. Да... Мама, мы скоро будемъ обѣдать?

Фру Альвингъ. Черезъ полчаса. Аппетитъ у него, слава Богу, хорошій.

Пасторъ Мандерсъ. И къ куренью тоже.

Освальдъ. Я нашелъ наверху отцовскую трубку, и вотъ...

Пасторъ Мандерсъ. Такъ вотъ отчего!..

Фру Альвингъ. Что такое?

Пасторъ Мандерсъ. Когда Освальдъ вошелъ сюда съ этой трубкой въ зубахъ — точно отецъ его всталъ передо мной, какъ живой!

Освальдъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Фру Альвингъ. Ну какъ вы можете говорить такъ! Освальдъ весь въ меня.

Пасторъ Мандерсъ. Да, но вотъ эта черта около угловъ рта, да и въ губахъ есть что-то такое... ну двѣ капли воды — отецъ; по крайней мѣрѣ, когда куритъ.

Фру Альвингъ. Совсѣмъ не нахожу. Въ складѣ рта у Освальда скорѣе что-то такое пасторское.

Пасторъ Мандерсъ. Да, да. У многихъ изъ моихъ собратьевъ подобный складъ рта.

Фру Альвингъ. Но оставь трубку, милый мальчикъ. Я не люблю, когда здѣсь курятъ.

Освальдъ (повинуясь). Съ удовольствіемъ. Я только такъ попробовать вздумалъ. Я ужъ разъ курилъ изъ нея, въ дѣтствѣ.

Фру Альвингъ. Ты?

Освальдъ. Да. Я былъ совсѣмъ еще маленькимъ. И, помню, пришелъ разъ вечеромъ въ комнату къ отцу. Онъ былъ такой веселый...

Фру Альвингъ. О, ты ничего не помнишь изъ того времени.

Освальдъ. Отлично помню. Онъ взялъ меня къ себѣ на колѣни и заставилъ курить. Кури, говоритъ, мальчуганъ, кури хорошенько. И я курилъ изо всѣхъ силъ, пока совсѣмъ не

поблѣднѣлъ и потъ не выступилъ у меня на лбу. А онъ-то хохочетъ... отъ всей души.

Пасторъ Мандерсъ. Гм... Крайне странно.

Фру Альвингъ. Ахъ, Освальду это все приснилось.

Освальдъ. Нѣтъ, мама, вовсе не приснилось. Еще потомъ — ну какъ же ты не помнишь?—ты пришла и унесла меня въ дѣтскую. Мнѣ тамъ сдѣлалось дурно, а ты плакала... Папа часто продѣлывалъ такія штуки?

Пасторъ Мандерсъ. Въ молодости онъ былъ большой весельчакъ...

Освальдъ. И все-таки успѣлъ столько сдѣлать за свою жизнь. Столько хорошаго, полезнаго. Онъ умеръ вѣдь далеко не старымъ.

Пасторъ Мандерсъ. Да, вы унаслѣдовали имя поистинѣ дѣятельнаго и достойнаго человѣка, дорогой Освальдъ Альвингъ. И, надо надѣяться, его примѣръ воодушевитъ васъ...

Освальдъ. Казалось, могъ бы.

Пасторъ Мандерсъ. Во всякомъ случаѣ, вы прекрасно сдѣлали, что вернулись домой ко дню чествованія его памяти.

Освальдъ. Меньше-то я ужъ не могъ сдѣлать для отца.

Фру Альвингъ. А всего лучше съ его стороны то, что онъ согласился побыть у меня подольше.

Пасторъ Мандерсъ. Да, я слышалъ, вы остаетесь тутъ на всю зиму.

Освальдъ. Я остаюсь здѣсь на неопредѣленное время, господинъ пасторъ... А какъ чудесно все-таки вернуться домой!

Фру Альвингъ (сіяя). Не правда ли?

Пасторъ Мандерсъ (глядя на него съ участіемъ). Вы рано вылетѣли изъ родного гнѣзда, дорогой Освальдъ.

Освальдъ. Да. Иногда мнѣ сдается, не слишкомъ ли рано.

Фру Альвингъ. Ну вотъ! Для настоящаго, здороваго мальчугана это хорошо. Особенно, если онъ единственный сынъ. Такого нечего держать дома подъ крылышкомъ у мамаши съ папашей. Избалуется только.

Пасторъ Мандерсъ. Ну, это еще спорный вопросъ, фру Альвингъ. Родительскій домъ есть и будетъ самымъ настоящимъ мѣстопребываніемъ для ребенка.

Освальдъ. Вполнѣ согласенъ съ пасторомъ.

Пасторъ Мандерсъ. Возьмемъ хоть вашего сына. Ничего, что говоримъ при немъ... Какія послѣдствія имѣло это для него? Ему лѣтъ двадцать шесть, двадцать семь, а онъ до сихъ поръ еще не имѣлъ случая узнать, что̀ такое настоящій домашній очагъ.

Освальдъ. Извините, господинъ пасторъ, вы ошибаетесь.

Пасторъ Мандерсъ. Да? Я полагалъ, что вы вращались почти исключительно въ кругу художниковъ.

Освальдъ. Ну да.

Пасторъ Мандерсъ. И главнымъ образомъ въ кругу молодежи.

Освальдъ. И это такъ.

Пасторъ Мандерсъ. Но, я думаю, у большинства изъ нихъ нѣтъ средствъ жениться и обзавестись домашнимъ очагомъ.

Освальдъ. Да, у многихъ изъ нихъ не хватаетъ средствъ жениться, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Вотъ, вотъ, я и говорю.

Освальдъ. Но это не мѣшаетъ имъ имѣть домашній очагъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ вполнѣ порядочный и очень уютный домашній очагъ.

Фру Альвингъ (съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившая за разговоромъ, молча киваетъ головой).

Пасторъ Мандерсъ. Я говорю не о холостомъ очагѣ. Подъ очагомъ я разумѣю семью, жизнь въ лонѣ семьи, съ женой и дѣтьми.

Освальдъ. Да; или съ дѣтьми и матерью своихъ дѣтей.

Пасторъ Мандерсъ (всплескиваетъ руками). Но, Боже милосердный!..

Освальдъ. Что?

Пасторъ Мандерсъ. Жить—съ матерью своихъ дѣтей!

Освальдъ. А по-вашему, лучше бросить мать своихъ дѣтей?

Пасторъ Мандерсъ. Такъ вы говорите о незаконныхъ связяхъ? О такъ-называемыхъ «дикихъ» бракахъ?

Освальдъ. Ничего особенно дикаго я не замѣчалъ въ такихъ сожительствахъ.

Пасторъ Мандерсъ. Но возможно ли, чтобы сколько-нибудь цивилизованный, воспитанный человѣкъ или молодая женщина согласились на такое сожительство... у всѣхъ на виду!

Освальдъ. Да что же имъ дѣлать? Бѣдный молодой художникъ, бѣдная молодая дѣвушка... Жениться — дорого. Что же имъ остается дѣлать?

Пасторъ Мандерсъ. Что остается дѣлать? А вотъ я вамъ скажу, господинъ Альвингъ, что имъ дѣлать. Съ самаго начала держаться подальше другъ отъ друга—вотъ что!

Освальдъ. Ну, такими рѣчами вы не проймете молодыхъ, горячихъ, страстно влюбленныхъ людей.

Фру Альвингъ. Разумѣется!

Пасторъ Мандерсъ (продолжая). И какъ это власти терпятъ подобныя вещи! Допускаютъ, что это творится открыто! (Останавливаясь передъ фру Альвингъ) Ну вотъ, имѣлъ я основанія

опасаться за вашего сына?.. Въ такихъ кружкахъ, гдѣ безнравственность проявляется столь открыто, гдѣ она признаётся какъ бы въ порядкѣ вещей...

Освальдъ. Позвольте вамъ сказать, господинъ пасторъ... Я постоянно бывалъ по воскресеньямъ въ двухъ-трехъ такихъ «неправильныхъ» семьяхъ...

Пасторъ Мандерсъ. И еще по воскресеньямъ!

Освальдъ. Въ праздникъ-то и развлечься. Но я ни разу не слыхалъ тамъ ни единаго неприличнаго выраженія, не говоря уже о томъ, чтобы быть свидѣтелемъ чего-либо безнравственнаго. Нѣтъ, знаете—гдѣ и когда я наталкивался на безнравственность, бывая въ кружкахъ художниковъ?

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, упаси Боже, гдѣ мнѣ знать!

Освальдъ. Такъ я позволю себѣ сказать вамъ это. Я наталкивался на безнравственность, когда къ намъ наѣзжалъ—провѣтриться немножко — кто-нибудь изъ почтенныхъ земляковъ, образцовыхъ мужей, отцовъ семейства, и оказывалъ намъ, художникамъ, честь отыскать насъ въ нашихъ скромныхъ кабачкахъ. Вотъ тогда-то мы наслушивались! Эти господа разсказывали намъ о такихъ мѣстахъ и о такихъ вещахъ, какія намъ и во снѣ не снились.

Пасторъ Мандерсъ. Какъ?! Вы станете утверждать, что почтенныя лица, наши земляки...

Освальдъ. А вы развѣ никогда не слыхали отъ этихъ почтенныхъ лицъ, побывавшихъ въ чужихъ краяхъ, разсказовъ о все возрастающей безнравственности за границей?

Пасторъ Мандерсъ. Ну, конечно...

Фру Альвингъ. И я тоже слышала.

Освальдъ. И можете спокойно повѣрить имъ на слово. Среди нихъ попадаются истинные знатоки. (Хватаясь за голову) О! Такъ забрасывать грязью ту прекрасную, свѣтлую, свободную жизнь!

Фру Альвингъ. Не надо такъ горячиться, Освальдъ. Тебѣ вредно.

Освальдъ. Да, правда твоя. Мнѣ вредно. Все эта проклятая усталость... знаешь. Такъ я пойду, пройдусь немножко до обѣда. Извините, господинъ пасторъ. Вы ужъ не посѣтуйте на меня; это такъ на меня нашло. (Уходитъ во вторую дверь налѣво).

Фру Альвингъ. Бѣдный мой мальчикъ!..

Пасторъ Мандерсъ. Да, ужъ можно сказать. Вотъ до чего дошелъ!

Фру Альвингъ (молча смотритъ на него).

Пасторъ Мандерсъ (ходитъ взадъ и впередъ). Онъ назвалъ себя блуднымъ сыномъ! Да—увы, увы!

Фру Альвингъ (попрежнему молча смотритъ на него).

Пасторъ Мандерсъ. А вы что на это скажете?

Фру Альвингъ. Скажу, что Освальдъ глубоко правъ.

Пасторъ Мандерсъ (останавливается). Правъ? Правъ!.. Держась подобныхъ воззрѣній!

Фру Альвингъ. Я въ своемъ уединеніи пришла къ такимъ же воззрѣніямъ, господинъ пасторъ. Но у меня все не хватало духу затрагивать такія темы. Такъ вотъ теперь мой сынъ будетъ говорить за меня.

Пасторъ Мандерсъ. Вы достойны сожалѣнія, фру Альвингъ. И я долженъ обратиться къ вамъ съ серьезнымъ увѣщаніемъ. Теперь передъ вами не вашъ совѣтникъ и повѣренный, не старый другъ—вашъ и вашего мужа, а духовный отецъ, судья вашей совѣсти, какимъ я былъ для васъ въ самую безумную минуту вашей жизни.

Фру Альвингъ. И что же скажетъ мнѣ мой духовный отецъ?

Пасторъ Мандерсъ. Прежде всего я освѣжу вашу память. Моментъ самый подходящій. Завтра минетъ десять лѣтъ, какъ умеръ вашъ мужъ. Завтра будетъ открытъ памятникъ покойному. Завтра я буду говорить рѣчь передъ лицомъ всего собравшагося народа... сегодня же обращу свою рѣчь къ вамъ одной.

Фру Альвингъ. Хорошо, господинъ пасторъ, я васъ слушаю.

Пасторъ Мандерсъ. Помните ли вы, что всего черезъ какой-нибудь годъ послѣ свадьбы вы были на краю пропасти? Бросили свой домъ и очагъ... бѣжали отъ своего мужа?.. Да, фру Альвингъ, бѣжали, бѣжали, и отказывались вернуться, несмотря на всѣ его мольбы?

Фру Альвингъ. А вы забыли, какъ безконечно несчастна была я въ первый годъ замужества?

Пасторъ Мандерсъ. Ахъ, этотъ мятежный духъ, эти требованія счастья здѣсь, на землѣ! Да какое право мы, люди, имѣемъ на счастье? Нѣтъ, фру Альвингъ, мы обязаны исполнять свой долгъ. И вашъ долгъ былъ — оставаться вѣрной тому, кого вы избрали разъ навсегда и съ кѣмъ были связаны священными узами.

Фру Альвингъ. Вамъ хорошо извѣстно, какую разгульную жизнь велъ Альвингъ въ то время.

Пасторъ Мандерсъ. Мнѣ очень хорошо извѣстно, какіе слухи ходили о немъ. И я какъ разъ меньше всѣхъ могу одобрить его поведеніе въ молодости, если вообще вѣрить слухамъ. Но жена не поставлена судьей надъ мужемъ. Ваша обязанность была смиренно нести крестъ, возложенный на васъ Высшей Волей. А вы вмѣсто того — возмутились и сбросили съ

себя этотъ крестъ, покинули споткнувшагося, которому должны были служить опорой, и поставили на карту свое доброе имя... да чуть не погубили вдобавокъ и доброе имя другихъ.

Фру Альвингъ. Другихъ? Другого—вѣрно, хотѣли вы сказать.

Пасторъ Мандерсъ. Съ вашей стороны было въ высшей степени безразсудно искать убѣжища у меня.

Фру Альвингъ. У нашего духовнаго отца? У друга нашего дома?

Пасторъ Мандерсъ. Больше всего—поэтому. Да, благодарите Создателя, что у меня достало твердости... что мнѣ удалось умѣрить вашу экзальтацію, отвратить васъ отъ вашихъ неразумныхъ намѣреній, и что Господь помогъ мнѣ вернуть васъ на путь долга, къ домашнему очагу и къ законному супругу.

Фру Альвингъ. Да, пасторъ Мандерсъ, это безспорно сдѣлали вы.

Пасторъ Мандерсъ. Я былъ только ничтожнымъ орудіемъ въ рукахъ Всевышняго. И развѣ не на благо вамъ и всей вашей послѣдующей жизни удалось мнѣ склонить васъ тогда подчиниться долгу? Развѣ не сбылось все, какъ я предсказывалъ? Развѣ Альвингъ не отвернулся отъ всѣхъ своихъ заблужденій, какъ и подобаетъ мужу? Не жилъ съ тѣхъ поръ и до конца дней своихъ безупречно, въ любви и согласіи съ вами? Не сталъ ли истиннымъ благодѣтелемъ для своего края и не возвысилъ ли и васъ, сдѣлавъ васъ своей помощницей во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ? Достойной, дѣльной помощницей... да, мнѣ извѣстно это, фру Альвингъ. Я долженъ воздать вамъ эту хвалу... Но вотъ я дошелъ до второго вашего крупнаго проступка.

Фру Альвингъ. А именно?

Пасторъ Мандерсъ. Какъ нѣкогда пренебрегли вы обязанностями супруги, такъ затѣмъ и обязанностями матери.

Фру Альвингъ. А!..

Пасторъ Мандерсъ. Вы всегда были одержимы роковымъ духомъ своеволія. Ваши симпатіи были на сторонѣ распущенности и безначалія. Вы никогда не терпѣли никакихъ узъ. Не глядя ни на что, безъ зазрѣнія совѣсти, вы стремились сбросить съ себя всякое бремя, какъ будто нести или не нести его зависѣло отъ вашего личнаго усмотрѣнія. Вамъ стало не угодно дольше исполнять обязанности супруги—и вы ушли отъ мужа; васъ тяготили обязанности матери — и вы сдали своего ребенка на чужія руки.

Фру Альвингъ. Правда, я это сдѣлала.

Пасторъ Мандерсъ. Вотъ зато и стали для него чужой.

Фру Альвингъ. Нѣтъ, нѣтъ, не стала!

Пасторъ Мандерсъ. Стали. Должны были стать. И какимъ вы обрѣли его вновь? Ну, разсудите-хорошенько, фру Альвингъ. Вы много прегрѣшили передъ вашимъ мужемъ... и сознаётесь теперь въ этомъ, воздвигая ему памятникъ. Сознайте же свою вину и передъ сыномъ. Еще, можетъ-быть, не поздно вернуть его на путь истины. Обратитесь сами и спасите въ немъ то, что̀ еще можно спасти. Да, (подымая указательный палецъ) воистину вы многогрѣшная мать, фру Альвингъ! Я считаю своимъ долгомъ высказать вамъ это. (Молчаніе).

Фру Альвингъ (медленно, съ полнымъ самообладаніемъ). Итакъ, вы сейчасъ высказались передо мной, господинъ пасторъ, а завтра посвятите памяти моего мужа публичную рѣчь. Я завтра говорить не буду. Но теперь и мнѣ хочется поговорить съ вами немножко, какъ вы сейчасъ со мной.

Пасторъ Мандерсъ. Конечно, вы желаете привести смягчающія обстоятельства...

Фру Альвингъ. Нѣтъ. Я просто буду разсказывать.

Пасторъ Мандерсъ. Ну?..

Фру Альвингъ. Вы вотъ только-что говорили мнѣ о моемъ мужѣ, о нашей совмѣстной жизни послѣ того, какъ вамъ удалось — по вашему выраженію — вернуть меня на путь долга... Но вы вѣдь не наблюдали сами за нашей жизнью. Съ того самаго момента вы, нашъ другъ и постоянный гость, больше не показывались въ нашемъ домѣ.

Пасторъ Мандерсъ. Да вы сейчасъ же послѣ этого переѣхали изъ города.

Фру Альвингъ. Да; и вы ни разу не заглянули къ намъ сюда все время, пока былъ живъ мой мужъ. Только дѣла заставили васъ затѣмъ посѣщать меня, когда вы взяли на себя хлопоты по устройству пріюта.

Пасторъ Мандерсъ (тихо, нерѣшительно). Елена... если это упрекъ, то я просилъ бы васъ принять въ соображеніе...

Фру Альвингъ. ...Ваше положеніе. Да. И еще то, что я была женщиной, убѣгавшей отъ своего мужа. Отъ подобныхъ взбалмошныхъ особъ надо вообще держаться какъ можно дальше.

Пасторъ Мандерсъ. Дорогая... фру Альвингъ, вы ужъ черезчуръ преувеличиваете...

Фру Альвингъ. Да, да, да, пусть будетъ такъ. Я только хотѣла вамъ сказать, что сужденіе свое о моей семейной жизни вы съ легкимъ сердцемъ основываете на ходячемъ мнѣніи.

Пасторъ Мандерсъ. Ну, положимъ; такъ что̀ же?

Фру Альвингъ. А вотъ сейчасъ я выложу вамъ всю правду, господинъ пасторъ. Я поклялась себѣ, что когда-нибудь да вы узнаете ее. Вы одинъ!

Пасторъ Мандерсъ. Въ чемъ же заключается эта правда?

Фру Альвингъ. Въ томъ, что мужъ мой умеръ такимъ же безпутнымъ, какимъ прожилъ всю свою жизнь.

Пасторъ Мандерсъ (хватаясь рукой за спину стула). Что вы говорите?

Фру Альвингъ. Умеръ на девятнадцатомъ году супружеской жизни такимъ же распутнымъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ же рабомъ своихъ страстей, какимъ былъ и до того, какъ вы насъ повѣнчали.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ заблужденія юности... нѣкоторое уклоненіе съ пути... кутежи, если хотите, вы называете распутствомъ!

Фру Альвингъ. Такъ выражался нашъ домашній врачъ.

Пасторъ Мандерсъ. Я просто не понимаю васъ.

Фру Альвингъ. И не нужно.

Пасторъ Мандерсъ. У меня прямо голова кругомъ идетъ... Вся ваша супружеская жизнь... эта долголѣтняя совмѣстная жизнь съ вашимъ мужемъ была, значитъ, не что иное, какъ пропасть... замаскированная пропасть.

Фру Альвингъ. Именно. Теперь вы знаете это.

Пасторъ Мандерсъ. Съ этимъ... съ этимъ я нескоро освоюсь. Я не въ силахъ постичь... Да какъ же это было возможно?.. Какъ могло это оставаться скрытымъ отъ людей?

Фру Альвингъ. Я вела ради этого неустанную борьбу изо дня въ день. Когда у насъ родился Освальдъ, Альвингъ какъ будто остепенился немного. Но ненадолго. И мнѣ пришлось бороться еще отчаяннѣе, бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы никто никогда не узналъ, что за человѣкъ отецъ моего ребенка. Къ тому же вы вѣдь знаете, какой онъ былъ съ виду симпатичный человѣкъ, какъ всѣмъ нравился. Кому бы въ голову пришло повѣрить о немъ чему-нибудь дурному? Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, что ни сдѣлай, не упадутъ въ глазахъ людей... Но вотъ, Мандерсъ, надо вамъ узнать и остальное... Потомъ дошло и до самой послѣдней гадости.

Пасторъ Мандерсъ. Еще хуже того, что было?

Фру Альвингъ. Я сначала смотрѣла сквозь пальцы, хотя и знала прекрасно, что творилось тайкомъ отъ меня внѣ дома. Когда же этотъ позоръ вторгнулся въ нашъ собственный домъ...

Пасторъ Мандерсъ. Что вы говорите! Сюда?

Фру Альвингъ. Да, сюда, въ нашъ собственный домъ. Вонъ тамъ (указывая пальцемъ на первую дверь направо) въ столовой я впервые узнала объ этомъ. Я прошла туда зачѣмъ-то, а дверь оставила непритворенной. Вдругъ слышу, наша горничная входитъ на балконъ изъ сада полить цвѣты...

Пасторъ Мандерсъ. Ну, ну...

Фру Альвингъ. Немного погодя слышу,—и Альвингъ вошелъ, что-то тихонько сказалъ ей, и вдругъ... (Съ первымъ смѣхомъ) О, эти слова и до сихъ поръ отдаются у меня въ ушахъ... такъ раздирающе и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нелѣпо!.. Я услыхала, какъ горничная моя шепнула: пустите меня, господинъ камергеръ, пустите же!

Пасторъ Мандерсъ. Какое непозволительное легкомысліе! Но все же не болѣе, какъ легкомысліе, фру Альвингъ. Повѣрьте!

Фру Альвингъ. Я скоро узнала, чему мнѣ было вѣрить. Камергеръ добился-таки своего... И эта связь имѣла послѣдствія, пасторъ Мандерсъ.

Пасторъ Мандерсъ (какъ пораженный громомъ). И все это здѣсь, въ домѣ! Въ этомъ домѣ!

Фру Альвингъ. Я много вынесла въ этомъ домѣ. Чтобы удерживать его дома по вечерамъ... и по ночамъ... мнѣ приходилось составлять ему компанію, участвовать въ тайныхъ попойкахъ у него наверху... Сидѣть съ нимъ вдвоемъ, чокаться, пить, выслушивать его непристойную, безсвязную болтовню, потомъ чуть не драться съ нимъ, чтобы стащить его въ постель...

Пасторъ Мандерсъ (потрясенный). И вы могли сносить все это?!

Фру Альвингъ. Я сносила все это ради моего мальчика. Но когда прибавилось это послѣднее издѣвательство, когда моя собственная горничная... тогда я поклялась себѣ: пора этому положить конецъ! И я взяла власть въ свои руки... стала полной госпожой въ домѣ... и надъ нимъ и надо всѣми... Теперь у меня было въ рукахъ оружіе противъ него; онъ не смѣлъ и пикнуть. И вотъ тогда-то я и отослала Освальда. Ему шелъ седьмой годъ, онъ началъ замѣчать, задавать вопросы, какъ всѣ дѣти. Я не могла этого вынести, Мандерсъ. Мнѣ казалось, что ребенокъ вдыхаетъ въ этомъ домѣ заразу съ каждымъ глоткомъ воздуха. Вотъ почему я и отослала его. И теперь вы понимаете также, почему онъ ни разу не переступалъ порога родительскаго дома, пока отецъ его былъ живъ. Никто не знаетъ, чего мнѣ это стоило.

Пасторъ Мандерсъ. Поистинѣ вы много перетерпѣли!

Фру Альвингъ. Я бы и не вынесла, не будь у меня моего труда. Да, смѣю сказать, я трудилась. Всѣ эти улучшенія, усовершенствованія по имѣнію, пріобрѣтенія земель, полезныя нововведенія и предпріятія, за которыя расхваливали Альвинга,—вы думаете, у него хватало энергіи на это? Онъ день-денской валялся на диванѣ и читалъ старый адресъ-календарь. Нѣтъ—теперь я скажу вамъ все. На всѣ эти дѣла под-

бивала его я, когда у него выдавались болѣе свѣтлыя минуты, и я же вывозила все на своихъ плечахъ, когда онъ опять запивалъ горькую или совсѣмъ распускался—нылъ и хныкалъ.

Пасторъ Мандерсъ. И такому-то человѣку вы воздвигаете памятникъ!

Фру Альвингъ. Во мнѣ говоритъ нечистая совѣсть.

Пасторъ Мандерсъ. Нечистая?.. То-есть какъ это?

Фру Альвингъ. Мнѣ все чудилось, что истина не можетъ все-таки не выйти наружу. И вотъ пріютъ долженъ заглушить всѣ толки и разсѣять всѣ сомнѣнія.

Пасторъ Мандерсъ. Вы, конечно, и не ошиблись въ своемъ расчетѣ.

Фру Альвингъ. Была у меня и еще одна причина. Я не хотѣла, чтобы Освальдъ, мой сынъ, унаслѣдовалъ что-либо отъ отца.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ это вы на деньги Альвинга?..

Фру Альвингъ. Да. Я ежегодно откладывала на пріютъ извѣстную часть доходовъ, пока не составилась — я точно высчитала это—сумма, равная тому состоянію, которое сдѣлало въ свое время поручика Альвинга завидной партіей.

Пасторъ Мандерсъ. Я васъ понимаю.

Фру Альвингъ. Сумма, за которую онъ купилъ меня... Я не хочу, чтобы къ Освальду перешла хоть крупица изъ этихъ денегъ. Мой сынъ долженъ получить все свое состояніе отъ меня.

(Освальдъ Альвингъ входитъ изъ дверей направо, уже безъ шляпы и пальто).

Фру Альвингъ (идя ему навстрѣчу). Уже назадъ, милый мой мальчикъ?

Освальдъ. Да. Какъ тутъ гулять? Дождь льетъ безъ перерыва. Но, я слышу — сейчасъ сядемъ за столъ. Это чудесно!

Регина (входитъ изъ столовой съ пакетомъ въ рукахъ). Вамъ пакетъ, сударыня. (Подаетъ ей).

Фру Альвингъ (бросая взглядъ на пастора). Вѣроятно, кантаты для завтрашняго торжества.

Пасторъ Мандерсъ. Гм...

Регина. И столъ накрытъ.

Фру Альвингъ. Хорошо. Сейчасъ придемъ. Я хочу только... (Вскрываетъ пакетъ).

Регина (Освальду). Краснаго или бѣлаго портвейна прикажете подать, господинъ Альвингъ?

Освальдъ. И того и другого, йомфру Энгстрандъ.

Регина. Bien... Слушаю, господинъ Альвингъ. (Уходитъ въ столовую).

Освальдъ. Пожалуй, надо помочь откупорить... (Уходитъ за нею въ столовую, оставляя дверь непритворенной).

Фру Альвингъ (вскрывъ пакетъ). Да, такъ и есть. Кантаты для завтрашняго торжества, пасторъ Мандерсъ.

Пасторъ Мандерсъ (складывая руки). Какъ же у меня хватитъ завтра духу сказать рѣчь?..

Фру Альвингъ. Ну, какъ-нибудь пайдетесь.

Пасторъ Мандерсъ (тихо, чтобы его не услышали изъ столовой). Да нельзя же сѣять соблазнъ въ сердцахъ паствы.

Фру Альвингъ (понизивъ голосъ, но твердо). Да. Но затѣмъ — конецъ всей этой долгой, мучительной комедіи. Послѣзавтра мертвый перестанетъ существовать для меня, какъ будто онъ никогда и не жилъ въ этомъ домѣ. Здѣсь останутся только мой мальчикъ съ своею матерью.

(Въ столовой съ шумомъ опрокидывается стулъ и слышится рѣзкій шопотъ Регины).

Регина. Освальдъ! Съ ума ты сошелъ? Пусти меня!

Фру Альвингъ (вся вздрагивая отъ ужаса). А!.. (Глядитъ, словно обезумѣвъ, на полуоткрытую дверь).

(Въ столовой раздается сначала покашливаніе Освальда, затѣмъ онъ начинаетъ напѣвать что-то, и наконецъ слышно, какъ откупориваютъ бутылку).

Пасторъ Мандерсъ (съ неголованіемъ). Что же это такое? Что это такое, фру Альвингъ?

Фру Альвингъ (хрипло). Привидѣнія! Парочка съ балкона... Выходцы съ того свѣта...

Пасторъ Мандерсъ. Что вы говорите! Регина?.. Такъ она?..

Фру Альвингъ. Да. Идемъ. Ни слова!.. (Схватившись за руку пастора, нетвердой поступью идетъ съ нимъ въ столовую).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната. Надъ ландшафтомъ нависъ густой туманъ. Пасторъ Мандерсъ и фру Альвингъ выходятъ изъ столовой.

Фру Альвингъ (еще въ дверяхъ). На здоровье, господинъ пасторъ. (Говоритъ, обращаясь въ столовую) А ты не придешь къ намъ, Освальдъ?

Освальдъ (изъ столовой). Нѣтъ, благодарю, я думаю пройтись немножко.

Фру Альвингъ. Пройдись, пройдись; какъ разъ дождикъ пересталъ. (Затворяетъ дверь въ столовую, идетъ къ двери въ переднюю и зоветъ) Регина!

Регина (изъ передней). Что угодно?

Фру Альвингъ. Поди въ гладильную, помоги имъ тамъ съ вѣнками.

Регина. Хорошо, сударыня.

Фру Альвингъ (удостовѣрясь, что Регина ушла, затворяетъ за собой дверь).

Пасторъ Мандерсъ. Надѣюсь, ему тамъ не слышно будетъ?

Фру Альвингъ. Нѣтъ, — если дверь затворена. Да онъ сейчасъ уйдетъ.

Пасторъ Мандерсъ. Я все еще не могу придти въ себя. Не понимаю, какъ у меня кусокъ шелъ въ горло за обѣдомъ.

Фру Альвингъ (подавляя волненіе, ходитъ взадъ и впередъ). Я тоже. Но что же теперь дѣлать?

Пасторъ Мандерсъ. Да, что дѣлать? Право, не знаю. У меня нѣтъ никакого опыта въ такихъ дѣлахъ.

Фру Альвингъ. Я увѣрена, что пока еще не дошло до бѣды.

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, упаси Богъ! Но все же непристойныя отношенія налицо.

Фру Альвингъ. Это не болѣе, какъ вспышка со стороны Освальда, будьте увѣрены.

Пасторъ Мандерсъ. Я, повторяю, несвѣдущъ въ такихъ вещахъ, но все-таки мнѣ кажется...

Фру Альвингъ. Ее, конечно, надо удалить изъ дому. И немедленно. Это ясно, какъ день...

Пасторъ Мандерсъ. Само собой.

Фру Альвингъ. Но куда? Мы не въ правѣ же...

Пасторъ Мандерсъ. Куда? Разумѣется, домой, къ отцу.

Фру Альвингъ. Къ кому, вы говорите?

Пасторъ Мандерсъ. Къ отцу... Ахъ, да, вѣдь Энгстрандъ не... Но, Боже мой, статочное ли это дѣло? Не ошибаетесь ли вы все-таки?

Фру Альвингъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ. Іоганнѣ пришлось сознаться мнѣ во всемъ... да и Альвингъ не смѣлъ отпираться. И ничего не оставалось, какъ замять дѣло.

Пасторъ Мандерсъ. Да, пожалуй, другого исхода не было.

Фру Альвингъ. Ее тотчасъ же отпустили, давъ порядочную сумму за молчаніе. Остальное она сама уладила: переѣхала въ городъ и возобновила свое старое знакомство со столяромъ Энгстрандомъ; вѣроятно, дала ему понять о своемъ капитальцѣ и сочинила басню о какомъ-то иностранцѣ, будто бы пріѣзжавшемъ сюда лѣтомъ на яхтѣ. И вотъ поспѣшили со свадьбой. Да вы же сами и вѣнчали ихъ.

Пасторъ Мандерсъ. Но какъ же объяснить себѣ?.. Я такъ ясно помню, Энгстрандъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой повѣнчать ихъ — такой разстроенный, такъ горько каялся въ легкомысліи, въ которомъ провинился съ невѣстой...

Фру Альвингъ. Ну да, ему пришлось взять вину на себя.

Пасторъ Мандерсъ. Но такое притворство! И передо мной! Этого я, право, не ожидалъ отъ Якова Энгстранда. Я же его отчитаю! Узнаетъ онъ у меня!.. Такая безнравственность... Изъ-за денегъ!.. Какой же суммой располагала дѣвушка?

Фру Альвингъ. Триста спецій-далеровъ.

Пасторъ Мандерсъ. Подумать только — изъ-за какихъ-то дрянныхъ трехсотъ далеровъ сочетаться бракомъ съ падшей женщиной!

Фру Альвингъ. Что же вы скажете обо мнѣ? Я сочеталась бракомъ съ падшимъ мужчиной.

Пасторъ Мандерсъ. Господи помилуй! Что вы говорите! Съ падшимъ мужчиной!

Фру Альвингъ. Или, по-вашему, Альвингъ, когда я шла съ нимъ подъ вѣнецъ, былъ непорочнѣе, чѣмъ Іоганна, когда съ ней шелъ подъ вѣнецъ Энгстрандъ?

Пасторъ Мандерсъ. Да это же огромная разница...

Фру Альвингъ. Вовсе не такая ужъ разница. То-есть разница была — въ цѣнѣ. Какіе-то триста далеровъ — и цѣлое состояніе.

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, какъ это вы можете сравнивать нѣчто совершенно несравнимое! Вы вѣдь слѣдовали влеченію своего сердца и совѣтамъ близкихъ вамъ людей.

Фру Альвингъ (не глядя на него). Я думала, вы понимали, куда меня влекло тогда мое сердце.

Пасторъ Мандерсъ (холодно). Если бы я понималъ что-либо, я бы не бывалъ ежедневнымъ гостемъ въ домѣ вашего мужа.

Фру Альвингъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что я не посовѣтовалась тогда хорошенько съ самою собой.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ зато съ вашими близкими, какъ оно и полагается: съ вашей матушкой и обѣими тетушками.

Фру Альвингъ. Это правда. И онѣ рѣшили за меня. О, прямо невѣроятно, какъ живо и просто онѣ пришли къ выводу, что было бы сущимъ безуміемъ пренебречь подобнымъ предложеніемъ! Встала бы теперь моя мать изъ гроба да посмотрѣла, что вышло изъ этого блестящаго брака!

Пасторъ Мандерсъ. За результатъ никто не можетъ поручиться. Во всякомъ случаѣ безспорно, что вашъ бракъ совершился законнымъ порядкомъ.

Фру Альвингъ (у окна). Вотъ то-то, законнымъ порядкомъ! Мнѣ часто приходитъ на умъ, что въ этомъ-то и причина всѣхъ бѣдъ на землѣ.

Пасторъ Мандерсъ. Фру Альвингъ, вы грѣшите.

Фру Альвингъ. Можетъ-быть. Но я больше не могу мириться

со всѣми этими связывающими по рукамъ и по ногамъ условностями. Не могу. Я хочу стать свободной.

Пасторъ Мандерсъ. Что вы хотите сказать?

Фру Альвингъ (барабаня по подоконнику). Совсѣмъ не слѣдовало мнѣ скрывать, какую жизнь велъ Альвингъ. Но тогда я, по трусости своей, не могла поступить иначе. Между прочимъ, изъ личныхъ соображеній. Такъ я была труслива.

Пасторъ Мандерсъ. Трусливы?

Фру Альвингъ. Да; узнай люди что-либо, они бы разсудили: «Бѣдняга! Понятно, что онъ кутитъ, разъ у него такая жена, которая уже разъ бросала его!»

Пасторъ Мандерсъ. И до извѣстной степени имѣли бы основаніе.

Фру Альвингъ (глядя на него въ упоръ). Будь я такова, какой мнѣ бы слѣдовало быть, я бы призвала къ себѣ Освальда и сказала ему: слушай, мой мальчикъ, отецъ твой былъ кутила...

Пасторъ Мандерсъ. Но, милосердный...

Фру Альвингъ. ...И разсказала бы ему все, какъ сейчасъ вамъ — все отъ слова до слова.

Пасторъ Мандерсъ. Я готовъ возмутиться вашими словами, сударыня.

Фру Альвингъ. Знаю, знаю. Меня самоё возмущаютъ эти мысли. (Отходя отъ окна) Вотъ какъ я труслива.

Пасторъ Мандерсъ. И вы зовете трусостью то, что является вашимъ прямымъ долгомъ, обязанностью! Вы забыли, что дѣти должны любить и чтить своихъ родителей?

Фру Альвингъ. Не будемъ дѣлать обобщеній. Зададимъ себѣ такой вопросъ: долженъ ли Освальдъ любить и чтить камергера Альвинга?

Пасторъ Мандерсъ. Развѣ ваше материнское сердце не подсказываетъ вамъ, не запрещаетъ вамъ разрушать идеалы вашего сына?

Фру Альвингъ. А съ истиной-то какъ же быть?

Пасторъ Мандерсъ. А съ идеалами?

Фру Альвингъ. Ахъ, идеалы, идеалы! Не будь я только такой трусливой...

Пасторъ Мандерсъ. Не пренебрегайте идеалами, фру Альвингъ — это влечетъ за собой жестокое возмездіе. И особенно, поскольку дѣло касается Освальда. У него, видимо, не очень-то много идеаловъ, — къ сожалѣнію. Но, насколько я могу судить, отецъ представляется ему въ идеальномъ свѣтѣ.

Фру Альвингъ. Вы правы.

Пасторъ Мандерсъ. И такое представленіе вы сами въ немъ создали и укрѣпили своими письмами.

Фру Альвингъ. Да, я находилась подъ давленіемъ долга и разныхъ соображеній. И вотъ я лгала сыну, лгала изъ года въ годъ. О, какая трусость, какая трусость!

Пасторъ Мандерсъ. Вы создали въ душѣ вашего сына счастливую иллюзію, фру Альвингъ... Не придавайте этому такъ мало значенія.

Фру Альвингъ. Гм, кто знаетъ, хорошо ли это въ сущности... Но никакихъ исторій съ Региной я все-таки не допущу. Нельзя же допустить, чтобы онъ погубилъ бѣдную дѣвушку.

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, Боже упаси! Это было бы ужасно.

Фру Альвингъ. И знай я еще, что это съ его стороны серьезно, что это могло бы составить его счастье...

Пасторъ Мандерсъ. Что? Какъ?

Фру Альвингъ. Но этого не можетъ быть; Регина, къ сожалѣнію, не такова.

Пасторъ Мандерсъ. А если бы?.. Что вы хотѣли сказать?

Фру Альвингъ. Что, не будь я такой жалкой трусихой, я бы сказала ему: женись на ней, или устройтесь, какъ хотите, но только безъ обмана.

Пасторъ Мандерсъ. Но, Боже милостивый!.. Сочетать ихъ законнымъ бракомъ!.. Это нѣчто ужасное... неслыханное...

Фру Альвингъ. Неслыханное? А, положа руку на сердце, пасторъ Мандерсъ, вы развѣ не допускаете, что здѣсь кругомъ немало найдется супруговъ, которые находятся въ столь же близкомъ родствѣ?

Пасторъ Мандерсъ. Я васъ рѣшительно не понимаю.

Фру Альвингъ. Ну, положимъ, понимаете.

Пасторъ Мандерсъ. Ну да, вы подразумѣваете возможные случаи, что... Конечно, къ сожалѣнію, семейная жизнь у насъ дѣйствительно не всегда отличается должной чистотой. Но въ тѣхъ случаяхъ, на которые вы намекаете, никому вѣдь ничего неизвѣстно... во всякомъ случаѣ, ничего положительнаго. А тутъ напротивъ... И вы — мать — могли бы пожелать, чтобы ваши...

Фру Альвингъ. Да я вѣдь не желаю вовсе. Я именно не хочу допустить ничего такого, ни за что на свѣтѣ. О чемъ же я и говорю.

Пасторъ Мандерсъ. Ну да, изъ трусости, какъ вы сами выразились. А если бы вы не трусили... Создатель... Такая возмутительная связь!

Фру Альвингъ. Ну, въ концѣ-то концовъ мы всѣ произошли отъ такихъ связей, какъ говорятъ. И кто же установилъ такой порядокъ въ мірѣ, пасторъ Мандерсъ?

Пасторъ Мандерсъ. Подобныхъ вопросовъ я не буду обсу-

ждать съ вами. Не тотъ въ васъ духъ... Но какъ же вы можете говорить, что это одна трусость съ вашей стороны...

Фру Альвингъ. Послушайте, какъ я сужу объ этомъ. Я труслива потому, что во мнѣ сидитъ нѣчто отжившее... въ родѣ привидѣній, отъ которыхъ я никакъ не могу отдѣлаться.

Пасторъ Мандерсъ. Какъ вы назвали это?

Фру Альвингъ. Я говорю, что это нѣчто въ родѣ привидѣній. Когда я услыхала тамъ въ столовой Регину и Освальда — мнѣ почудилось, что передо мной выходцы съ того свѣта. Но я готова думать, что и всѣ мы такіе выходцы, пасторъ Мандерсъ. Въ насъ проявляется не только то, что перешло къ намъ по наслѣдству отъ отца съ матерью, но даютъ знать себя и всякія старыя отжившія понятія, вѣрованія и тому подобное. Все это уже не живетъ въ насъ, но все-таки сидитъ крѣпко, и намъ не выжить его. Стоитъ мнѣ взять въ руки газету, я такъ и вижу, какъ шмыгаютъ между строками эти могильные выходцы. Да вѣрно, вся страна кишитъ такими привидѣніями; должно-быть, они неисчислимы, какъ песокъ морской. А мы такіе жалкіе трусы, такъ боимся свѣта.

Пасторъ Мандерсъ. Ага, вотъ они плоды вашего чтенія!.. Славные плоды, нечего сказать! Ахъ, эти отвратительныя, возмутительныя, вольнодумныя сочиненія!

Фру Альвингъ. Вы ошибаетесь, дорогой пасторъ. Это вы сами пробудили во мнѣ мысль. Вамъ честь и слава.

Пасторъ Мандерсъ. Мнѣ!

Фру Альвингъ. Да, вы принудили меня подчиниться тому, что вы называли долгомъ, обязанностью. Вы восхваляли то, противъ чего возмущалась вся моя душа. И вотъ я начала разсматривать, разбирать ваше ученіе. Я хотѣла распутать лишь одинъ узелокъ, но едва я развязала его — все расползлось по швамъ. И я увидѣла, что это машинная строчка.

Пасторъ Мандерсъ (тихо, потрясенный). Да неужели это и весь результатъ самой тяжкой борьбы въ моей жизни?

Фру Альвингъ. Зовите это лучше самымъ жалкимъ своимъ пораженіемъ.

Пасторъ Мандерсъ. Это была величайшая побѣда въ моей жизни, Елена. Побѣда надъ самимъ собой.

Фру Альвингъ. Это было преступленіе противъ насъ обоихъ.

Пасторъ Мандерсъ. Преступленіе, что я сказалъ вамъ—вернитесь къ вашему законному супругу, когда вы пришли ко мнѣ, обезумѣвшая, съ крикомъ: вотъ я, возьми меня! Это было преступленіе?

Фру Альвингъ. Да, мнѣ такъ кажется.

Пасторъ Мандерсъ. Мы съ вами не понимаемъ другъ друга.

Фру Альвингъ. Во всякомъ случаѣ перестали понимать.

Пасторъ Мандерсъ. Никогда... никогда въ самыхъ сокровенныхъ своихъ помыслахъ не относился я къ вамъ иначе, какъ къ супругѣ другого.

Фру Альвингъ. Да... въ самомъ дѣлѣ?

Пасторъ Мандерсъ. Елена!..

Фру Альвингъ. Человѣкъ такъ легко забываетъ.

Пасторъ Мандерсъ. Не я. Я тотъ же, какимъ былъ всегда.

Фру Альвингъ (мѣняя тонъ). Да, да, да... не будемъ говорить о прошломъ. Теперь вы совсѣмъ ушли въ свои комиссіи и засѣданія, а я брожу тутъ и борюсь съ привидѣніями, и съ внутренними и съ внѣшними.

Пасторъ Мандерсъ. Отогнать внѣшнія я вамъ помогу. Послѣ всего того, о чемъ я съ ужасомъ узналъ отъ васъ сегодня, я не могу со спокойной совѣстью оставить въ вашемъ домѣ молодую неопытную дѣвушку.

Фру Альвингъ. Не лучше ли всего было бы ее пристроить? То-есть выдать замужъ за хорошаго человѣка.

Пасторъ Мандерсъ. Безъ сомнѣнія. Я думаю, это во всѣхъ отношеніяхъ было бы для нея желательно. Регина какъ разъ въ такихъ годахъ, что... То-есть я собственно несвѣдущъ въ такихъ дѣлахъ, но...

Фру Альвингъ. Регина рано возмужала.

Пасторъ Мандерсъ. Не правда ли? Мнѣ помнится, что она уже была поразительно развита физически, когда я готовилъ ее къ конфирмаціи. Но пока что—ее слѣдуетъ отправить домой, подъ надзоръ отца... Ахъ, да, Энгстрандъ вѣдь не... И онъ... онъ могъ такъ обманывать меня!

(Стукъ въ дверь изъ передней).

Фру Альвингъ. Кто бы это? Войдите!

Энгстрандъ (одѣтый по-праздничному; въ дверяхъ). Прощенья просимъ, но...

Пасторъ Мандерсъ. Ага! Гм...

Фру Альвингъ. А, это вы, Энгстрандъ?

Энгстрандъ. ...Тамъ никого не было изъ прислуги, и я осмѣлился постучаться.

Фру Альвингъ. Ну, ну, войдите же. Вы ко мнѣ?

Энгстрандъ (входя). Нѣтъ, благодаримъ покорно. Мнѣ бы вотъ господину пастору сказать словечко.

Пасторъ Мандерсъ (ходя взадъ и впередъ). Гм, вотъ какъ? Со мной хотите поговорить? Да?

Энгстрандъ. Да, больно бы хотѣлось...

Пасторъ Мандерсъ (останавливается передъ нимъ). Ну-съ, позвольте спросить, въ чемъ дѣло?

Энгстрандъ. Дѣло-то вотъ какое, господинъ пасторъ. Теперь тамъ у насъ расчетъ идетъ... Премного вами благодарны, сударыня... Мы совсѣмъ, значитъ, покончили. Такъ мнѣ и сдается, хорошо бы намъ... мы такъ дружно работали все время... хорошо бы намъ было помолиться сообща на прощанье.

Пасторъ Мандерсъ. Помолиться? Въ пріютѣ?

Энгстрандъ. Или господинъ пасторъ думаетъ — это не годится?

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, конечно, вполнѣ годится, но... гм...

Энгстрандъ. Я самъ было-завелъ тутъ такія бесѣды по вечерамъ...

Фру Альвингъ. Развѣ?

Энгстрандъ. Да, такъ иной разъ. На манеръ душеспасительныхъ, какъ это называется. Только я простой человѣкъ, неученый, — просвѣти меня Господи, — безъ настоящихъ понятіевъ... Такъ я и подумалъ, разъ самъ пасторъ тутъ...

Пасторъ Мандерсъ. Вотъ видите ли, Энгстрандъ, я долженъ сначала задать вамъ одинъ вопросъ. Готовы ли вы къ такой молитвѣ? Чиста ли у васъ совѣсть?

Энгстрандъ. Охъ, Господи, спаси меня грѣшнаго! Куда ужъ намъ говорить о совѣсти, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, именно о ней-то намъ и нужно поговорить. Что же вы мнѣ отвѣтите?

Энгстрандъ. Да, совѣсть... она, конечно, не безъ грѣховъ...

Пасторъ Мандерсъ. Все-таки сознаётесь. Но не угодно ли вамъ теперь прямо и чистосердечно объяснить мнѣ... какъ это понять — насчетъ Регины?

Фру Альвингъ (поспѣшно). Пасторъ Мандерсъ!

Пасторъ Мандерсъ (успокаивающимъ тономъ). Предоставьте мнѣ...

Энгстрандъ. Регины? Господи Іисусе! Какъ вы меня напугали! (Смотритъ на фру Альвингъ.) Не стряслось же съ нею бѣды?

Пасторъ Мандерсъ. Надѣемся. Но я спрашиваю — какъ вамъ приходится Регина? Васъ считаютъ ея отцомъ... Ну?

Энгстрандъ (неувѣренно). Да... гм.. господину пастору извѣстно, какъ у насъ вышло дѣло съ покойницей.

Пасторъ Мандерсъ. Никакихъ увертокъ больше: все на чистоту! Ваша покойная жена призналась фру Альвингъ во всемъ, прежде чѣмъ отошла отъ мѣста.

Энгстрандъ. Ахъ, чтобъ!.. Все-таки, значитъ?..

Пасторъ Мандерсъ. Да, вы разоблачены, Энгстрандъ.

Энгстрандъ. А она-то клялась и проклинала себя на чемъ свѣтъ стоитъ!..

Пасторъ Мандерсъ. Проклинала?

Энгстрандъ. Нѣтъ, она только клялась, по всею душой.

Пасторъ Мандерсъ. И вы въ теченіе столькихъ лѣтъ скрывали отъ меня правду? Скрывали отъ меня, когда я такъ безусловно вѣрилъ вамъ во всемъ!

Энгстрандъ. Да, видно, ужъ такъ вышло; дѣлать нечего.

Пасторъ Мандерсъ. Заслужилъ я это отъ васъ, Энгстрандъ? Не готовъ ли я былъ всегда поддержать васъ и словомъ и дѣломъ, насколько могъ? Отвѣчайте. Да?

Энгстрандъ. Да, пожалуй, плохо бы пришлось мнѣ и не разъ и не два, не будь пастора Мандерса.

Пасторъ Мандерсъ. И вы такъ мнѣ отплатили? Заставить меня занести неподобающую запись въ церковную книгу. Скрывать отъ меня въ теченіе столькихъ лѣтъ истинную правду. Вашъ поступокъ непростителенъ, Энгстрандъ, и отнынѣ между нами все кончено.

Энгстрандъ (со вздохомъ). Да, пожалуй, такъ оно и выходитъ.

Пасторъ Мандерсъ. А вы развѣ могли бы что-нибудь сказать въ свое оправданіе?

Энгстрандъ. Да чего-жъ ей было ходить да благовѣстить объ этомъ — срамить себя еще пуще? Представьте-ка себѣ, господинъ пасторъ, стрясись съ вами такое, какъ съ покойницей Іоганной...

Пасторъ Мандерсъ. Со мной!

Энгстрандъ. Господи Іисусе! Да не аккуратъ такое. Я такъ хотѣлъ сказать: стрясись съ пасторомъ что-нибудь такое неладное, за что люди глаза колютъ, какъ говорится. Не приходится нашему брату больно строго судить бѣдную женщину.

Пасторъ Мандерсъ. Я и не сужу ее. Я васъ упрекаю.

Энгстрандъ. А дозволено будетъ задать господину пастору одинъ вопросецъ?

Пасторъ Мандерсъ. Спрашивайте.

Энгстрандъ. Подобаетъ ли человѣку поднять павшаго?

Пасторъ Мандерсъ. Само собой.

Энгстрандъ. И подобаетъ ли человѣку держать свое чистосердечное слово?

Пасторъ Мандерсъ. Разумѣется; но...

Энгстрандъ. Вотъ какъ стряслась съ ней бѣда изъ-за этого англичанина... а можетъ, американца, или русскаго — какъ ихъ тамъ звать, — такъ она и перебралась въ городъ. Бѣдняжка сперваначалу-то было-отвертывалась отъ меня и разъ и два; ей все, вишь, красоту подавай, а у меня изъянъ въ ногѣ. Господинъ пасторъ знаетъ, какъ я разъ отважился зайти въ такое заведеніе, гдѣ бражничали да, какъ говорится,

услаждали плоть свою матросы, и хотѣлъ обратить ихъ на путь истинный...

Фру Альвингъ (у окна). Гм...

Пасторъ Мандерсъ. Знаю, Энгстрандъ. Эти грубіяны спустили васъ съ лѣстницы. Вы уже разсказывали мнѣ объ этомъ. Ваше увѣчье дѣлаетъ вамъ честь.

Энгстрандъ. Я-то не величаюсь этимъ, господинъ пасторъ. Я только хотѣлъ сказать, что она пришла ко мнѣ и призналась во всемъ съ горючими слезами и скрежетомъ зубовнымъ. И долженъ сказать, господинъ пасторъ, страсть мнѣ жалко ее стало.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ ли, Энгстрандъ? Ну, дальше?

Энгстрандъ. Ну, я и говорю ей: американецъ твой гуляетъ по бѣлу свѣту. А ты, Іоганна, говорю, пала и потеряла себя. Но Яковъ Энгстрандъ, говорю, твердо стоитъ на ногахъ... Я, то-есть, такъ сказать, въ родѣ какъ притчею съ ней говорилъ, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Я понимаю. Продолжайте, продолжайте.

Энгстрандъ. Ну вотъ, я и поднялъ ее и сочетался съ ней законнымъ бракомъ, чтобы люди и не знали, какъ она тамъ путалась съ иностранцами.

Пасторъ Мандерсъ. Въ этомъ отношеніи вы прекрасно поступили; я не могу только одобрить, что вы согласились взять деньги...

Энгстрандъ. Деньги? Я? Ни гроша.

Пасторъ Мандерсъ (вопросительно глядя на фру Альвингъ). Однако...

Энгстрандъ. Ахъ, да, погодите, вспомнилъ. У Іоганны, правда, водились какія-то деньжонки. Да я и знать о нихъ не хотѣлъ. Я говорилъ, что это мамонъ, плата за грѣхъ — это дрянное золото... или бумажки — что тамъ было... Мы бы ихъ швырнули въ лицо американцу, говорю, да онъ такъ и сгибъ, пропалъ за моремъ, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ ли, добрый мой Энгстрандъ?

Энгстрандъ. Да какъ же. Мы съ Іоганной и порѣшили воспитать на эти деньги ребенка. И такъ и сдѣлали. И я въ каждомъ то-есть грошѣ могу оправдаться.

Пасторъ Мандерсъ. Но это значительно мѣняетъ дѣло...

Энгстрандъ. Вотъ какъ оно все было, господинъ пасторъ. И, смѣю сказать, я былъ настоящимъ отцомъ Регинѣ... сколько силъ хватало... Я вѣдь человѣкъ слабый.

Пасторъ Мандерсъ. Ну, ну, дорогой Энгстрандъ...

Энгстрандъ. Но, смѣю сказать, воспиталъ ребенка и жилъ съ покойницей въ любви и согласіи, училъ ее и держалъ въ повиновеніи, — какъ указано въ писаніи. И никогда мнѣ на

умъ не вспадало пойти къ пастору да похвастаться, что вотъ, молъ, и я разъ въ жизни сдѣлалъ доброе дѣло. Нѣтъ, Яковъ Энгстрандъ сдѣлаетъ да помалкиваетъ. Оно — что говорить! — не такъ-то часто, пожалуй, это съ нимъ и бываетъ-то. И какъ придешь къ пастору, такъ впору о грѣхахъ своихъ поговорить. Сказываю: совѣсть-то вѣдь не безъ грѣховъ.

Пасторъ Мандерсъ. Вашу руку, Яковъ Энгстрандъ.

Энгстрандъ. Господи Іисусе... господинъ пасторъ...

Пасторъ Мандерсъ. Безъ отговорокъ. (Пожимаетъ ему руку) Вотъ такъ!

Энгстрандъ. И ежели я теперь усердно попрошу прощенья у пастора...

Пасторъ Мандерсъ. Вы? Напротивъ, я долженъ просить у васъ прощенья...

Энгстрандъ. Ой! Боже упаси!

Пасторъ Мандерсъ. Да, да. И я прошу отъ всего сердца. Простите, что я такъ несправедливо судилъ о васъ. И дай Богъ, чтобы мнѣ представился случай дать вамъ какое-нибудь доказательство моего искренняго сожалѣнія и расположенія къ вамъ...

Энгстрандъ. Господину пастору угодно было бы?..

Пасторъ Мандерсъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ...

Энгстрандъ. Такъ вотъ, какъ разъ подходящее дѣло. На эти благословенныя деньжонки, что я тутъ сколотилъ, затѣялъ я основать въ городѣ заведенье для моряковъ.

Фру Альвингъ. Развѣ?

Энгстрандъ. Да, въ родѣ убѣжища, такъ сказать. Сколько вѣдь соблазновъ караулитъ бѣднаго моряка-скитальца на сушѣ! А у меня въ домѣ онъ былъ бы, какъ у отца родного, подъ призоромъ.

Пасторъ Мандерсъ. Что вы на это скажете, фру Альвингъ?

Энгстрандъ. Конечно, маловато у меня наличныхъ; не на что развернуться, помоги Господи! А кабы мнѣ подали благодѣтельную руку помощи...

Пасторъ Мандерсъ. Да, да, мы еще поговоримъ объ этомъ, обсудимъ. Вашъ планъ мнѣ весьма симпатиченъ. Но ступайте теперь и приготовьте все, что нужно, да зажгите свѣчи, чтобы поторжественнѣе было. И побесѣдуемъ, помолимся вмѣстѣ, дорогой Энгстрандъ. Теперь я вѣрю, что вы какъ разъ въ подобающемъ настроеніи...

Энгстрандъ. И мнѣ такъ думается. Прощайте, сударыня, и благодарствуйте. Да берегите мою Регину. (Отирая слезу) Дочка Іоганны покойницы... а вотъ, поди-жъ, словно приросла къ моему сердцу. Да, такъ-то. (Кланяется и уходитъ въ переднюю).

Пасторъ Мандерсъ. Ну, что вы скажете о немъ, фру Альвингъ? Дѣло-то получило совершенно иное истолкованіе.

Фру Альвингъ. Да, дѣйствительно.

Пасторъ Мандерсъ. Видите, какъ осторожно приходится судить ближняго. Но зато и отрадно же убѣждаться въ своей ошибкѣ. Что вы скажете?

Фру Альвингъ. Я скажу: вы были и останетесь большимъ ребенкомъ, Мандерсъ.

Пасторъ Мандерсъ. Я?

Фру Альвингъ (положивъ ему обѣ руки на плечи). И еще скажу: мнѣ отъ души хотѣлось бы обнять васъ.

Пасторъ Мандерсъ (пятясь быстро назадъ). Господь съ вами... такія желанія!..

Фру Альвингъ (улыбаясь). Ну, ну, не бойтесь.

Пасторъ Мандерсъ (у стола). Вы иногда черезчуръ какъ-то свободно выражаетесь... Ну, теперь я соберу и уложу всѣ бумаги въ сумку. (Укладываетъ бумаги) Вотъ такъ. И до свиданья пока. Глядите въ оба, когда Освальдъ вернется. Я еще зайду къ вамъ потомъ. (Беретъ шляпу и уходитъ въ переднюю).

Фру Альвингъ (вздыхаетъ, выглядываетъ въ окно, прибираетъ кое-что въ комнатѣ, затѣмъ отворяетъ дверь въ столовую, собираясь войти туда, но останавливается на порогѣ съ подавленнымъ крикомъ). Освальдъ, ты все еще за столомъ!

Освальдъ (изъ столовой). Я докуривалъ сигару.

Фру Альвингъ. Я думала, ты давно ушелъ гулять.

Освальдъ. Въ такую-то погоду? (Слышенъ звонъ стакана).

Фру Альвингъ (оставивъ дверь открытой, садится съ работой на диванчикъ у окна).

Освальдъ (изъ столовой). Это пасторъ сейчасъ ушелъ?

Фру Альвингъ. Да, въ пріютъ пошелъ.

Освальдъ. Гм!.. (Опять слышно, какъ звякаетъ графинъ о стаканъ).

Фру Альвингъ. Милый Освальдъ, тебѣ слѣдуетъ остерегаться этого ликера. Онъ такой крѣпкій.

Освальдъ. Въ сырую погоду это хорошо.

Фру Альвингъ. Не придешь ли лучше сюда, ко мнѣ?

Освальдъ. Тамъ вѣдь нельзя курить.

Фру Альвингъ. Сигару, ты знаешь, можно.

Освальдъ. Ну, ну, такъ приду. Только еще глотокъ... Ну вотъ. (Выходитъ изъ столовой съ сигарой и затворяетъ за собой дверь. Короткая пауза). А пасторъ гдѣ?

Фру Альвингъ. Говорю же тебѣ, въ пріютъ ушелъ.

Освальдъ. Ахъ, да.

Фру Альвингъ. Тебѣ бы не слѣдовало такъ засиживаться за столомъ, Освальдъ.

Освальдъ (держа сигару за спиной). А если мнѣ сидится, мама? (Ласкаетъ и гладитъ ее) Подумай, что̀ это значитъ для меня — вернуться домой и сидѣть за собственнымъ мамочкинымъ столомъ, въ мамочкиной комнатѣ и смаковать чудесныя мамочкины кушанья?

Фру Альвингъ. Милый, милый мой мальчикъ!

Освальдъ (расхаживая по комнатѣ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ). Да и чѣмъ же мнѣ тутъ заняться? Работать нельзя...

Фру Альвингъ. Развѣ нельзя?

Освальдъ. Въ такую-то сѣрую погоду? Солнце ни разу не проглянетъ во весь день. (Ходя взадъ и впередъ) Ахъ, это ужасно — сидѣть безъ дѣла.

Фру Альвингъ. Пожалуй, ты поторопился съ рѣшеніемъ вернуться домой.

Освальдъ. Нѣтъ, мама, такъ надо было.

Фру Альвингъ. Я бы скорѣе отказалась отъ счастья видѣть тебя здѣсь, нежели смотрѣть, какъ ты...

Освальдъ (останавливаясь передъ ней). А скажи мнѣ, мама, въ самомъ ли дѣлѣ для тебя такое большое счастье видѣть меня здѣсь?

Фру Альвингъ. Счастье ли для меня?

Освальдъ (комкая газету). Мнѣ кажется, тебѣ должно быть почти что безразлично — есть ли я, нѣтъ ли меня на свѣтѣ

Фру Альвингъ. И у тебя хватаетъ духу сказать это матери, Освальдъ?

Освальдъ. Но жила же ты отлично безъ меня прежде.

Фру Альвингъ. Да, жила... это правда.

(Молчаніе. Сумерки медленно сгущаются. Освальдъ ходитъ по комнатѣ. Сигару онъ положилъ).

Освальдъ (останавливаясь передъ матерью). Мама, можно мнѣ присѣсть къ тебѣ на диванчикъ?

Фру Альвингъ (давая ему мѣсто возлѣ себя). Присаживайся, присаживайся, мой милый.

Освальдъ (садясь). Мнѣ надо сказать тебѣ кое-что, мама.

Фру Альвингъ (напряженно). Ну?

Освальдъ (вперивъ взоръ въ пространство). Не подъ силу мнѣ дольше нести эту тяжесть.

Фру Альвингъ. Да что̀ же? Что̀ съ тобой!

Освальдъ (попрежнему). Я никакъ не могъ рѣшиться написать тебѣ объ этомъ, а когда вернулся...

Фру Альвингъ (хватая его за руку). Освальдъ, въ чемъ дѣло?

Освальдъ. И вчера и сегодня я всячески старался отогнать отъ себя эти мысли, махнуть на все рукой. Нѣтъ, не тутъ-то было.

Фру Альвингъ (вставая). Теперь ты долженъ высказаться, Освальдъ.

Освальдъ (снова привлекаетъ ее къ себѣ на диванъ). Нѣтъ, сиди, сиди, и я попытаюсь сказать тебѣ... Я все жаловался на усталость съ дороги...

Фру Альвингъ. Ну да. Такъ что же?

Освальдъ. Но это не то. Не простая усталость.

Фру Альвингъ (готова вскочить). Не боленъ же ты, Освальдъ!

Освальдъ (опять привлекая ее къ себѣ). Сиди, мама... и отнесись къ этому спокойно. Я не боленъ... по-настоящему. Не въ томъ смыслѣ, какъ это вообще понимаютъ. (Заламывая руки надъ головой) Мама, я надломленъ... разбитъ духовно... Мнѣ больше не работать, мама, никогда! (Закрывъ лицо руками, бросается на грудь матери и рыдаетъ).

Фру Альвингъ (блѣдная, дрожащая). Освальдъ! Взгляни на меня. Нѣтъ, нѣтъ, это не правда.

Освальдъ (глядитъ на нее въ полномъ отчаяньи). Никогда не быть въ состояніи работать. Никогда... никогда... Быть живымъ мертвецомъ! Мама, можешь ты себѣ представить такой ужасъ?

Фру Альвингъ. Несчастный мой мальчикъ! Откуда же этотъ ужасъ?

Освальдъ (снова садится, выпрямляясь). Вотъ это-то и непостижимо. Я никогда не предавался никакимъ излишествамъ. Ни въ какомъ смыслѣ. Ты не думай, мама. Никогда этого не дѣлалъ.

Фру Альвингъ. Я и не думаю, Освальдъ.

Освальдъ. И все-таки надо мной разразилось такое ужасное несчастье.

Фру Альвингъ. Но это пройдетъ, мой дорогой, милый мальчикъ. Это простое переутомленіе и ничего больше. Повѣрь мнѣ.

Освальдъ (удрученно). И я такъ думалъ вначалѣ. Но это не то.

Фру Альвингъ. Разскажи же мнѣ все по порядку, все, все.

Освальдъ. Я и хочу.

Фру Альвингъ. Когда ты началъ это замѣчать?

Освальдъ. Вслѣдъ за моей послѣдней побывкой дома, когда я вернулся опять въ Парижъ. Началось съ ужаснѣйшихъ головныхъ болей... особенно въ затылкѣ. Мнѣ какъ будто надѣвали на голову узкій желѣзный обручъ и завинчивали его снизу вверхъ.

Фру Альвингъ. А затѣмъ?

Освальдъ. Сначала я думалъ, что это обыкновенныя головныя боли, которыми я такъ мучился въ переходномъ возрастѣ.

Фру Альвингъ. Да, да...

Освальдъ. Но скоро замѣтилъ, что это не то. Я больше не

могъ работать. Я собирался начать новую большую картину, но всѣ мои способности какъ будто измѣнили мнѣ, всѣ силы изсякли, я не могъ сосредоточить своихъ мыслей... все у меня путалось въ головѣ... мѣшалось. О, это было ужасное состояніе! Наконецъ я послалъ за докторомъ... и отъ него узналъ, въ чемъ дѣло.

Фру Альвингъ. То-есть?

Освальдъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ тамошнихъ докторовъ. Мнѣ пришлось подробно разсказать ему, что я чувствовалъ и ощущалъ, а онъ затѣмъ задалъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ, которые сначала показались мнѣ совершенно не идущими къ дѣлу. Я не понималъ, куда онъ гнетъ...

Фру Альвингъ. Ну?

Освальдъ. Наконецъ онъ изрекъ: вы уже родились съ червоточиной въ сердцевинѣ. Онъ именно такъ и выразился: vermoulu.

Фру Альвингъ (напряженно). Что же онъ хотѣлъ сказать этимъ?

Освальдъ. Я тоже не понялъ и попросилъ его высказаться яснѣе. И тогда этотъ старый циникъ сказалъ... (Сжимая кулаки) О!..

Фру Альвингъ. Что онъ сказалъ?

Освальдъ. Онъ сказалъ: грѣхи отцовъ падутъ на дѣтей.

Фру Альвингъ (медленно встаетъ). Грѣхи отцовъ...

Освальдъ. Я чуть не ударилъ его по лицу...

Фру Альвингъ (отходитъ въ сторону). Грѣхи отцовъ...

Освальдъ (съ усталой улыбкой). Да, какъ тебѣ нравится! Разумѣется, я сталъ увѣрять его, что ни о чемъ подобномъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Но ты думаешь, онъ сдался? Нѣтъ, стоялъ на своемъ, и только когда я показалъ ему твои письма и перевелъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорилось объ отцѣ...

Фру Альвингъ. Ну?..

Освальдъ. Тогда ему, конечно, пришлось согласиться, что онъ ошибся, и я узналъ истинную правду, непостижимую правду. Мнѣ не слѣдовало предаваться этой веселой, беззаботной жизни наравнѣ съ моими товарищами. Я былъ физически слишкомъ слабъ для этого. Итакъ, самъ виноватъ.

Фру Альвингъ. Освальдъ! Нѣтъ! Не вѣрь этому!

Освальдъ. Другого объясненія нѣтъ,—сказалъ онъ. Вотъ что ужасно. Погубить себя безвозвратно, на всю жизнь... по собственному легкомыслію! И всѣ мои планы, задачи... Не смѣть и думать о нихъ... не быть въ состояніи и думать о нихъ!.. О, если бы только можно было начать жизнь сначала...

стереть всякій слѣдъ того, что было! (Бросается на диванъ ничкомъ).

Фру Альвингъ (молча, ломая руки и борясь съ собой, ходитъ по комнатѣ).

Освальдъ (немного погодя приподнимается на локтѣ и глядитъ на мать). Если бы еще это было наслѣдственное... дѣлать нечего. Но это!.. Такимъ позорнымъ, безсмысленнымъ, легкомысленнымъ образомъ разрушить собственное счастье, собственное здоровье... испортить все свое будущее, всю жизнь!..

Фру Альвингъ. Нѣтъ, нѣтъ, мой дорогой, милый мальчикъ! Это невозможно. (Наклоняясь надъ нимъ) Положеніе твое не такъ безнадежно, какъ ты думаешь.

Освальдъ. Ахъ, ты не знаешь... (Вскакивая) И вдобавокъ еще причинить тебѣ такое ужасное горе. Сколько разъ я готовъ былъ желать и надѣяться, что ты въ сущности не очень-то нуждаешься во мнѣ.

Фру Альвингъ. Я! Освальдъ! Когда ты мой единственный сынъ... единственное мое сокровище... единственное, чѣмъ я дорожу въ свѣтѣ!..

Освальдъ (схватывая ее за обѣ руки, цѣлуетъ ихъ). Да, да, я вижу, вижу. Когда я дома, я вижу это. И это мнѣ всего тяжелѣе... Но теперь ты все знаешь. И мы больше не будемъ говорить объ этомъ сегодня. Я не могу подолгу думать объ этомъ... (Отходя въ сторону) Дай мнѣ чего-нибудь выпить, мама.

Фру Альвингъ. Выпить? Чего же ты хочешь?

Освальдъ. Все равно. Найдется у тебя холодный пуншъ?

Фру Альвингъ. Но, милый Освальдъ...

Освальдъ. Ну, мама, не спорь. Пожалуйста. Надо же мнѣ чѣмъ-нибудь заглушить эти грызущія мысли. (Идетъ на балконъ) И вдобавокъ... эта темнота здѣсь!

Фру Альвингъ (дергаетъ звонокъ).

Освальдъ. И этотъ безпрерывный дождь. Такъ можетъ тянуться недѣли, мѣсяцы. Ни единаго проблеска солнца. Я не припомню, чтобы хоть разъ видѣлъ здѣсь солнце за всѣ мои наѣзды домой.

Фру Альвингъ. Освальдъ... ты думаешь уѣхать отъ меня?

Освальдъ. Гм... (Тяжело переводя духъ) Я ни о чемъ не думаю. Не могу ни о чемъ думать. (Глухо) Приходится отложить попеченіе.

Регина (входя изъ столовой). Звонили, сударыня?

Фру Альвингъ. Да, надо лампу сюда.

Регина. Сейчасъ. Я уже зажгла. (Уходитъ).

Фру Альвингъ (подходя къ Освальду). Освальдъ, не скрывай отъ меня ничего.

Освальдъ. Я и не скрываю, мама. (Идя къ столу) Мнѣ кажется, я уже достаточно сказалъ тебѣ.

(Регина вноситъ зажженную лампу и ставитъ ее на столъ).

Фру Альвингъ. Слушай, Регина, принеси-ка намъ полбутылки шампанскаго.

Регина. Хорошо, сударыня. (Уходитъ).

Освальдъ (беря мать за голову). Вотъ такъ. Я зналъ, что мама не заставитъ меня изнывать отъ жажды.

Фру Альвингъ. Да, мой бѣдный, милый мальчикъ. Развѣ я могу въ чемъ-нибудь отказать тебѣ?

Освальдъ (оживясь). Правда, мама? Ты это серьезно говоришь?

Фру Альвингъ. Что̀ именно?

Освальдъ. Что ни въ чемъ не можешь мнѣ отказать?

Фру Альвингъ. Но, дорогой Освальдъ...

Освальдъ. Тсс!

Регина (приноситъ подносъ съ полубутылкой шампанскаго и двумя бокалами и ставитъ его на столъ). Откупорить?

Освальдъ. Нѣтъ, спасибо, я самъ. (Регина уходитъ).

Фру Альвингъ (садясь къ столу). Что̀ ты имѣлъ въ виду, спрашивая, правда ли я не откажу тебѣ ни въ чемъ?

Освальдъ (откупоривая бутылку). Сначала выпьемъ бокалъ... или два. (Пробка хлопаетъ; онъ наливаетъ одинъ бокалъ и хочетъ налить второй).

Фру Альвингъ (прикрывая бокалъ рукой). Нѣтъ, мнѣ не надо.

Освальдъ. Ну такъ я налью еще себѣ! (Осушаетъ бокалъ, снова наливаетъ и осушаетъ, затѣмъ садится къ столу).

Фру Альвингъ (выжидательно). Ну?

Освальдъ (не глядя на нее). Слушай, скажи... мнѣ показалось за столомъ, что вы съ пасторомъ какіе-то странные... гм... такіе молчаливые.

Фру Альвингъ. Ты замѣтилъ?

Освальдъ (послѣ короткой паузы). Да. Гм... Скажи мнѣ, какъ тебѣ нравится Регина?

Фру Альвингъ. Какъ она мнѣ нравится?

Освальдъ. Да. Правда, она славная?

Фру Альвингъ. Милый Освальдъ, ты не знаешь ея такъ близко, какъ я...

Освальдъ. Ну?

Фру Альвингъ. Регина, къ сожалѣнію, слишкомъ долго жила у своихъ родителей. Мнѣ слѣдовало бы взять ее къ себѣ пораньше.

Освальдъ. Да, но развѣ она не прелесть? (Наливаетъ себѣ шампанскаго).

Фру Альвингъ. У Регины много недостатковъ, и крупныхъ...

Освальдъ. Ну, что-жъ изъ этого? (Пьетъ).

Фру Альвингъ. Но все-таки я люблю ее. И я въ отвѣтѣ за нее: я ни за что на свѣтѣ не хотѣла бы, чтобы съ нею что-нибудь случилось.

Освальдъ (вскакивая). Мама, въ Регинѣ все мое спасеніе!

Фру Альвингъ (вставая). Въ какомъ смыслѣ?..

Освальдъ. Я не могу, не въ силахъ нести эту муку одинъ.

Фру Альвингъ. А мать?.. Она не можетъ тебѣ помочь?

Освальдъ. Я самъ такъ думалъ сначала. За тѣмъ и вернулся къ тебѣ. Но вижу — такъ нельзя. Вижу — мнѣ не выдержать тутъ.

Фру Альвингъ. Освальдъ!

Освальдъ. Мнѣ нужна иная жизнь, мама. И потому я долженъ уѣхать отъ тебя. Я не хочу, чтобы ты мучилась изъ-за меня.

Фру Альвингъ. Бѣдный мой мальчикъ! О!.. Но пока ты такъ боленъ, Освальдъ?..

Освальдъ. Ахъ, если бы еще одна болѣзнь, я бы остался у тебя, мама. Ты вѣдь мой первый другъ въ свѣтѣ.

Фру Альвингъ. Не правда ли, Освальдъ!

Освальдъ (безпокойно бродя по комнатѣ). Но всѣ эти муки... раскаяніе... И этотъ безграничный, смертельный страхъ... Этотъ невыносимый ужасъ...

Фру Альвингъ (слѣдуя за нимъ). Ужасъ? Какой ужасъ? Что ты говоришь?

Освальдъ. Не разспрашивай. Я самъ не знаю. Не могу объяснить.

Фру Альвингъ (идетъ направо и звонитъ).

Освальдъ. Что ты хочешь?

Фру Альвингъ. Хочу, чтобъ мой мальчикъ развеселился. Не бродилъ бы тутъ со своими думами. (Вошедшей Регинѣ) Еще шампанскаго. Цѣлую бутылку. (Регина уходитъ).

Освальдъ. Мама!..

Фру Альвингъ. Ты думаешь, мы не умѣемъ тутъ жить, въ деревнѣ?

Освальдъ. Ну развѣ она не прелесть? Какъ сложена! И такъ и пышетъ здоровьемъ.

Фру Альвингъ (садясь къ столу). Садись, Освальдъ, и поговоримъ спокойно.

Освальдъ (тоже садясь къ столу). Ты, видно, не знаешь, мама, что я виноватъ передъ Региной и долженъ загладить свою вину.

Фру Альвингъ. Ты?

Освальдъ. Или свою необдуманность — если хочешь. Вполнѣ невинную, впрочемъ. Въ послѣдній мой пріѣздъ домой...

Фру Альвингъ. Да?..

Освальдъ. Она все разспрашивала меня о Парижѣ, и я разсказывалъ ей о томъ, о семъ. И, помню, разъ сказалъ ей: а тебѣ самой хотѣлось бы побывать тамъ?

Фру Альвингъ. Ну?

Освальдъ. Она вся вспыхнула и отвѣтила, что, конечно, страсть бы хотѣлось. А я и скажи ей: ну, мы это какъ-нибудь устроимъ... или что-то въ этомъ родѣ.

Фру Альвингъ. Дальше?

Освальдъ. Потомъ, разумѣется, и позабылъ обо всемъ. Но вотъ третьяго-дня спрашиваю ее, рада ли она, что я остаюсь тутъ такъ надолго...

Фру Альвингъ. Ну?

Освальдъ. ...А она какъ-то странно посмотрѣла на меня и говоритъ: а какъ же моя поѣздка въ Парижъ?

Фру Альвингъ. Ея поѣздка!

Освальдъ. И вотъ я сталъ ее разспрашивать и узналъ, что она приняла мои слова въ серьезъ и только все и мечтала обо мнѣ. Начала даже учиться по-французски...

Фру Альвингъ. Такъ вотъ зачѣмъ!..

Освальдъ. Мама, когда я увидалъ передъ собой эту славную, красивую, свѣжую дѣвушку... прежде я какъ-то не обращалъ на нее особаго вниманія... а тутъ, когда она стояла передо мной, словно готовая раскрыть мнѣ свои объятья...

Фру Альвингъ. Освальдъ!..

Освальдъ. ...Во мнѣ вдругъ точно сверкнуло: въ ней все твое спасеніе! Она вѣдь такая жизнерадостная...

Фру Альвингъ (недоумѣвая). Жизнерадостная?.. Въ этомъ можетъ быть спасеніе?

Регина (входитъ изъ столовой съ бутылкой шампанскаго). Извините, что замѣшкалась; пришлось въ погребъ лазить... (Ставитъ бутылку на столъ).

Освальдъ. И принеси еще бокалъ.

Регина (удивленно глядя на него). Здѣсь есть бокалъ для барыни, господинъ Альвингъ.

Освальдъ. Да, а ты еще для себя принеси.

Регина (вздрагиваетъ и быстро-испуганно косится на фру Альвингъ).

Освальдъ. Ну?

Регина (тихо, съ запинкой). Какъ барынѣ угодно...

Фру Альвингъ. Принеси бокалъ, Регина. (Регина уходитъ въ столовую).

Освальдъ (глядя ей вслѣдъ). Ты обращала вниманіе на ея походку? Какая твердая и свободная поступь.

Фру Альвингъ. Этому не бывать, Освальдъ!

Освальдъ. Это рѣшено. Ты же видишь. Нечего и спорить.

Регина (возвращается, держа въ рукѣ пустой бокалъ).

Освальдъ. Садись, Регина.

Регина (вопросительно смотритъ на фру Альвингъ).

Фру Альвингъ. Садись.

Регина (садится на стулъ у дверей въ столовую, все продолжая держать въ рукахъ пустой бокалъ).

Фру Альвингъ. Освальдъ... что ты началъ насчетъ жизнерадостности?

Освальдъ. Да радость жизни, мама,—ее у васъ здѣсь мало знаютъ. Я что-то никогда не ощущаю ея здѣсь.

Фру Альвингъ. И когда ты здѣсь, у меня?

Освальдъ. И когда я здѣсь, дома. Но ты этого не понимаешь.

Фру Альвингъ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ кажется, почти понимаю... теперь.

Освальдъ. Радость жизни... и радость труда. Да, въ сущности, это одно и то же. Но и ея здѣсь не знаютъ.

Фру Альвингъ. Пожалуй, ты правъ, Освальдъ. Ну, говори, говори. Объяснись хорошенько.

Освальдъ. Да я только хотѣлъ сказать, что здѣсь учатъ людей смотрѣть на трудъ, какъ на проклятіе, наказаніе за грѣхи, а на жизнь, какъ на юдоль скорби, отъ которой чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше избавиться.

Фру Альвингъ. Да, юдоль печали. Мы и стараемся всѣми правдами-неправдами превратить ее въ таковую.

Освальдъ. А тамъ люди и знать ничего такого не хотятъ. Тамъ никто больше не вѣритъ такого рода поученіямъ. Тамъ радуются жизни. Жить, существовать — считается уже блаженствомъ. Мама, ты замѣтила, что всѣ мои картины написаны на эту тему? Всѣ говорятъ о радостяхъ жизни. Въ нихъ свѣтъ, солнце и праздничное настроеніе... и сіяющія, счастливыя человѣческія лица. Вотъ почему мнѣ и страшно оставаться здѣсь у тебя.

Фру Альвингъ. Страшно? Чего же ты боишься у меня?

Освальдъ. Боюсь, что все, что есть во мнѣ хорошаго, жизнерадостнаго, выродится здѣсь въ безобразіе.

Фру Альвингъ (глядя на него въ упоръ). Ты думаешь, это возможно?

Освальдъ. Я увѣренъ въ этомъ. Если повести здѣсь такую жизнь, какъ тамъ,—это будетъ уже не та жизнь.

Фру Альвингъ (слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ, встаетъ, съ широко раскрытыми, полными думы глазами, и говоритъ). Такъ вотъ откуда все пошло. Теперь я поняла.

Освальдъ. Что ты поняла?

Фру Альвингъ. Впервые поняла, уразумѣла. И могу говорить.

Освальдъ (встаетъ). Мама, я тебя не понимаю.

Регина (тоже вставъ). Не уйти ли мнѣ?

Фру Альвингъ. Нѣтъ, оставайся. Теперь я могу говорить. Ты узнаешь теперь все, мой мальчикъ. И выберешь... Освальдъ! Регина!

Освальдъ. Тсс!.. Пасторъ!..

Пасторъ Мандерсъ (входитъ изъ передней). Ну вотъ, провели славный часокъ въ задушевной бесѣдѣ.

Освальдъ. И мы тоже.

Пасторъ Мандерсъ. Надо помочь Энгстранду устроить это убѣжище для моряковъ. Пусть Регина переѣдетъ къ нему помогать...

Регина. Нѣтъ, благодарствуйте, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ (только-что замѣтивъ ее). Что?.. Тутъ — и съ бокаломъ въ рукахъ!

Регина (быстро ставя бокалъ). Pardon...

Освальдъ. Регина уѣзжаетъ со мной, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Уѣзжаетъ? Съ вами!

Освальдъ. Да, въ качествѣ моей жены... если потребуетъ этого...

Пасторъ Мандерсъ. Но, Боже милосердный!..

Регина. Я тутъ не при чемъ, господинъ пасторъ.

Освальдъ. Или останется здѣсь, если я останусь.

Регина (невольно). Здѣсь?!

Пасторъ Мандерсъ. Я просто столбенѣю, фру Альвингъ!

Фру Альвингъ. Не будетъ ни того ни другого. Теперь я могу открыть всю правду.

Пасторъ Мандерсъ. Да не хотите же вы въ самомъ дѣлѣ!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Фру Альвингъ. Да! Я могу и хочу. И никакіе идеалы отъ этого не рушатся.

Освальдъ. Мама, что такое вы скрываете отъ меня?

Регина (прислушиваясь). Сударыня! Слышите! Народъ кричитъ! (Идетъ на балконъ и смотритъ въ окно).

Освальдъ (идя къ окну налѣво). Что случилось? Откуда этотъ свѣтъ?

Регина (кричитъ). Пріютъ горитъ!

Фру Альвингъ (бросаясь къ окну). Горитъ?!

Пасторъ Мандерсъ. Горитъ? Быть не можетъ! Я только-что оттуда.

Освальдъ. Гдѣ моя шляпа? Ну, все равно... Отцовскій пріютъ!.. (Убѣгаетъ черезъ балконную дверь).

Фру Альвингъ. Мою шаль, Регина! Все зданіе занялось!..

Пасторъ Мандерсъ. Ужасно! Фру Альвингъ! Это судъ надъ домомъ смуты и разлада!

Фру Альвингъ. Да, да, конечно. Идемъ, Регина. (Поспѣшно уходитъ съ Региной черезъ переднюю).

Пасторъ Мандерсъ (складывая руки). И не застраховано! (Спѣшитъ за ними).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната. Всѣ двери настежь. Лампа попрежнему горитъ на столѣ. На дворѣ темно, только налѣво на заднемъ планѣ слабое зарево. Фру Альвингъ, съ наброшенной на голову шалью, стоитъ на балконѣ и глядитъ въ садъ. Регина, тоже въ платкѣ, стоитъ нѣсколько позади нея.

Фру Альвингъ. Все сгорѣло. До тла.

Регина. Еще горитъ въ подвалахъ.

Фру Альвингъ. И Освальдъ все не идетъ. Спасать ужъ нечего.

Регина. Не снести ли ему шляпу?

Фру Альвингъ. Онъ даже безъ шляпы?

Регина (указывая на переднюю). Вонъ она виситъ.

Фру Альвингъ. Ну и пусть. Онъ, вѣрно, сейчасъ придетъ. Я пойду сама взглянуть. (Уходитъ черезъ балконную дверь).

Пасторъ Мандерсъ (входитъ изъ передней). А фру Альвингъ здѣсь нѣтъ?

Регина. Сейчасъ только вышла въ садъ.

Пасторъ Мандерсъ. Такой ужасной ночи я еще не переживалъ.

Регина. Да, ужасное несчастье, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. И не говорите. Подумать страшно.

Регина. И какъ это могло случиться?

Пасторъ Мандерсъ. Не спрашивайте меня, йомфру Энгстрандъ; почемъ я знаю? Развѣ и вы тоже?.. Мало того, что отецъ вашъ...

Регина. Что онъ?

Пасторъ Мандерсъ. Онъ меня совсѣмъ съ толку сбилъ.

Энгстрандъ (входя изъ передней). Господинъ пасторъ...

Пасторъ Мандерсъ (испуганно оборачиваясь). Вы и тутъ за мной по пятамъ?

Энгстрандъ. Да надо же, накажи меня Богъ. Охъ, ты, Господи Іисусе! Вотъ грѣхъ-то какой вышелъ, господинъ пасторъ

Пасторъ Мандерсъ (ходя взадъ и впередъ). Увы! Увы!

Регина. Да что такое?

Энгстрандъ. Ахъ, это все наша бесѣда надѣлала. (Тихо ей) Теперь мы изловимъ пташку, дочка. (Вслухъ) И по моей милости пасторъ надѣлалъ такой бѣды.

Пасторъ Мандерсъ. Но увѣряю же васъ, Энгстрандъ...

Энгстрандъ. Да кто же окромя пастора возился тамъ со свѣчками?

Пасторъ Мандерсъ (останавливаясь). Это вы такъ говорите. А я, право, не помню, была ли у меня въ рукахъ свѣчка.

Энгстрандъ. А я какъ сейчасъ гляжу: пасторъ взялъ свѣчку, снялъ съ нея пальцами и бросилъ нагаръ въ стружки.

Пасторъ Мандерсъ. Вы это видѣли?

Энгстрандъ. Своими глазами.

Пасторъ Мандерсъ. Понять не могу. И привычки у меня такой нѣтъ—снимать нагаръ пальцами.

Энгстрандъ. То-то вы такъ неладно и сняли. А вѣдь дѣло-то, пожалуй, можетъ выйти очень даже скверное, господинъ пасторъ, а?

Пасторъ Мандерсъ (въ тревогѣ шагая по комнатѣ). И не спрашивайте!

Энгстрандъ (идя за нимъ). И господинъ пасторъ ничего не застраховали?

Пасторъ Мандерсъ (продолжая шагать). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говорятъ же вамъ!

Энгстрандъ (слѣдуя за нимъ). Не застраховали. А потомъ взяли да подпалили. Господи Іисусе! Вотъ бѣда!

Пасторъ Мандерсъ (отирая потъ со лба). Да, признаюсь!..

Энгстрандъ. И надо же было стрястись такой бѣдѣ съ благодѣтельнымъ заведеніемъ, отъ котораго ждали столько пользы и для города и для всей окольчности, какъ говорятъ. Газеты-то не помилуютъ господина пастора.

Пасторъ Мандерсъ. Да, не пощадятъ. Вотъ объ этомъ-то я и думаю. Это чуть ли не хуже всего. Всѣ эти злобныя выходки и нападки... Ахъ, прямо ужасъ беретъ подумать.

Фру Альвингъ (выходя изъ сада). Его и не увидишь оттуда. Помогаетъ тушить.

Пасторъ Мандерсъ. Ахъ, это вы, фру Альвингъ.

Фру Альвингъ. Вотъ вы и отдѣлались отъ торжественной рѣчи, пасторъ Мандерсъ.

Пасторъ Мандерсъ. О, я бы съ радостью...

Фру Альвингъ (понизивъ голосъ). Оно и къ лучшему, что такъ случилось. На этомъ пріютѣ не было бы благословенія.

Пасторъ Мандерсъ. Вы думаете?

Фру Альвингъ. А вы нѣтъ?

Пасторъ Мандерсъ. Но все-таки это ужасное несчастье.

Фру Альвингъ. Будемъ смотрѣть на него съ чисто-дѣловой точки зрѣнія... Вы къ пастору, Энгстрандъ?

Энгстрандъ (у дверей въ переднюю). Такъ точно.

Фру Альвингъ. Такъ присядьте пока.

Энгстрандъ. Благодарствуйте. Мы и постоимъ.

Фру Альвингъ (пастору). Вы, вѣроятно, уѣдете съ пароходомъ?

Пасторъ Мандерсъ. Да. Онъ черезъ часъ идетъ.

Фру Альвингъ. Такъ будьте добры взять всѣ бумаги съ собой. Я и слышать больше не хочу объ этомъ дѣлѣ. У меня есть теперь о чемъ другомъ подумать.

Пасторъ Мандерсъ. Фру Альвингъ...

Фру Альвингъ. Послѣ я вышлю вамъ полную довѣренность. Распоряжайтесь всѣмъ по вашему усмотрѣнію.

Пасторъ Мандерсъ. Я отъ души готовъ взять это на себя. Первоначальное назначеніе дара — увы! — должно теперь измѣниться.

Фру Альвингъ. Само собой.

Пасторъ Мандерсъ. Такъ я думаю пока сдѣлать такъ: усадьба Сольвикъ перейдетъ къ здѣшней общинѣ. Земля все-таки чего-нибудь да стоитъ. Можетъ пригодиться не на то, такъ на другое. А на проценты съ капитала, положеннаго въ сберегательную кассу, я думаю, лучше всего поддерживать какое-нибудь учрежденіе, которое могло бы служить на пользу городу.

Фру Альвингъ. Какъ вы сами хотите. Мнѣ совершенно все равно.

Энгстрандъ. Не забудьте моего убѣжища для моряковъ, господинъ пасторъ.

Пасторъ Мандерсъ. Да, да, это идея! Но надо еще подумать.

Энгстрандъ. Какого чорта тутъ думать... Охъ, Господи Іисусе!

Пасторъ Мандерсъ (со вздохомъ). Да, увы! Я даже не знаю, долго ли мнѣ придется вѣдать этими дѣлами. Общественное мнѣніе можетъ заставить меня отказаться. Все зависитъ отъ того, что выяснитъ слѣдствіе о причинахъ пожара.

Фру Альвингъ. Что вы говорите?

Пасторъ Мандерсъ. А результата его никакъ нельзя предвидѣть.

Энгстрандъ (приближаясь). Ну, какъ такъ? Коли тутъ самъ Яковъ Энгстрандъ палицо?

Пасторъ Мандерсъ. Да, да, но?..

Энгстрандъ (понижая голосъ). А Яковъ Энгстрандъ не таковскій человѣкъ, чтобы выдать своего благодѣтеля въ часъ бѣды — какъ говорится.

Пасторъ Мандерсъ. Но, дорогой мой... какъ же?

Энгстрандъ. Яковъ Энгстрандъ, яко ангелъ-хранитель — какъ говорится.

Пасторъ Мандерсъ. Нѣтъ, нѣтъ. Я, право, не могу принять такой жертвы.

Энгстрандъ. Нѣтъ, ужъ такъ тому и быть. Я знаю одного человѣка, который уже разъ взялъ на себя чужую вину.

Пасторъ Мандерсъ (жметъ ему руку). Вы рѣдкая личность. Ну, зато вамъ и будетъ оказана помощь... на ваше убѣжище. Можете положиться на меня.

Энгстрандъ (хочетъ поблагодарить, но не можетъ отъ избытка чувствъ).

Пасторъ Мандерсъ (вѣшаетъ свою сумку черезъ плечо). И въ путь. Мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Энгстрандъ (около дверей въ столовую, тихо Регинѣ). Ѣдемъ со мной, дѣвчонка. Будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься.

Регина (вздергивая носъ). Мегсі. (Идетъ въ переднюю и приноситъ оттуда пальто пастору).

Пасторъ Мандерсъ. Всего хорошаго, фру Альвингъ. И дай Богъ, чтобы духъ порядка и законности скорѣе водворился въ этомъ жилищѣ!

Фру Альвингъ. Прощайте, Мандерсъ. (Идетъ на балконъ навстрѣчу Освальду, входящему изъ сада).

Энгстрандъ (помогая вмѣстѣ съ Региной пастору надѣть пальто). Прощай, дочка. И случись съ тобою что, помни, гдѣ искать Якова Энгстранда. (Тихо) Малая Гаваньская... Гм!.. (Обращаясь къ фру Альвингъ и Освальду) А убѣжище для скитальцевъ-моряковъ назовемъ «Домомъ камергера Альвинга». И коли все пойдетъ, какъ я задумалъ, ручаюсь, онъ будетъ достоинъ имени покойнаго камергера.

Пасторъ Мандерсъ (въ дверяхъ). Гм... гм!.. Идемъ же, добрый мой Энгстрандъ. Прощайте, прощайте. (Уходитъ съ Энгстрандомъ въ переднюю).

Освальдъ (идя къ столу). О какомъ домѣ онъ говорилъ?

Фру Альвингъ. Что-то въ родѣ пріюта, который онъ собирается устроить съ пасторомъ.

Освальдъ. Сгоритъ, какъ и этотъ здѣсь.

Фру Альвингъ. Съ чего ты взялъ?

Освальдъ. Все сгоритъ. Ничего не останется на память объ отцѣ. И я сгорю тутъ.

Регина (недоумѣвающе смотритъ на него).

Фру Альвингъ. Освальдъ, мой бѣдный мальчикъ! Не слѣдовало тебѣ оставаться тамъ такъ долго.

Освальдъ (садясь къ столу). Пожалуй, что такъ.

Фру Альвингъ. Дай я оботру тебѣ лицо, Освальдъ. Ты весь мокрый. (Отираетъ ему лицо своимъ носовымъ платкомъ).

Освальдъ (равнодушно глядя передъ собой). Спасибо, мама.

Фру Альвингъ. Ты усталъ, Освальдъ? Не хочешь ли уснуть?

Освальдъ (тревожно). Нѣтъ, нѣтъ... Только не спать. Я никогда не сплю. Я только представляюсь. (Глухо) Успѣю еще.

Фру Альвингъ (озабоченно глядитъ на него). Да, ты дѣйствительно боленъ, мой дорогой.

Регина (напряженно). Господинъ Альвингъ боленъ?

Освальдъ (раздражительно). И заприте всѣ двери. Этотъ смертельный страхъ...

Фру Альвингъ. Запри, Регина.

(Регина запираетъ и останавливается у дверей въ переднюю. Фру Альвингъ сбрасываетъ съ себя шаль и Регина тоже).

Фру Альвингъ (придвигаетъ стулъ и садится рядомъ съ Освальдомъ). Ну вотъ, я посижу съ тобой...

Освальдъ. Да, посиди. И Регина пусть здѣсь останется. Пусть Регина всегда будетъ со мной. Ты вѣдь подашь мнѣ руку помощи, Регина? Да?

Регина. Я не понимаю...

Фру Альвингъ. Руку помощи?

Освальдъ. Да... въ случаѣ нужды.

Фру Альвингъ. Освальдъ, у тебя же есть мать. Она тебѣ поможетъ.

Освальдъ. Ты? (Улыбаясь) Нѣтъ, мама, этой помощи ты мнѣ не окажешь. (Съ печальной усмѣшкой) Ты! Ха-ха! (Серьезно смотритъ на нее) Въ концѣ концовъ тебѣ, конечно, было бы ближе всѣхъ. (Вспыливъ) Почему ты со мной не на «ты», Регина? И не зовешь просто Освальдомъ?

Регина (тихо). Я не знаю, понравится ли это барынѣ.

Фру Альвингъ. Погоди, скоро тебѣ позволятъ называть его такъ. И присаживайся сюда, къ намъ.

Регина (скромно и нерѣшительно садится по другую сторону стола).

Фру Альвингъ. Ну вотъ, мой бѣдный пострадавшійся мальчикъ, я сниму съ твоей души тяжесть...

Освальдъ. Ты, мама?

Фру Альвингъ. ...Освобожу тебя отъ всѣхъ этихъ угрызеній совѣсти, раскаянія, упрековъ самому себѣ...

Освальдъ. Ты думаешь, что можешь?

Фру Альвингъ. Да, теперь могу, Освальдъ. Ты вотъ заговорилъ о радости жизни, и меня какъ будто озарило, и все, что со мной было въ жизни, представилось мнѣ въ иномъ свѣтѣ.

Освальдъ (качая головой). Ничего не понимаю.

Фру Альвингъ. Зналъ бы ты своего отца, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ поручикомъ! Радость жизни била въ немъ ключомъ.

Освальдъ. Я знаю.

Фру Альвингъ. Только взглянуть на него — на душѣ становилось весело. И затѣмъ эта необузданная сила, избытокъ жизни!..

Освальдъ. Дальше?..

Фру Альвингъ. И вотъ такому-то жизнерадостному ребенку,— да, онъ былъ похожъ тогда на ребенка, — ему пришлось прозябать тутъ, въ небольшомъ городѣ, гдѣ никакихъ радостей ему не представлялось, одни только развлеченія. Никакой серьезной задачи, цѣли жизни, а только служба. Никакого дѣла, въ которое бы онъ могъ вложить всю свою душу, а только «дѣла». Ни единаго товарища, который бы способенъ былъ понять, что̀ такое въ сущности радость жизни, а только шалопаи-собутыльники.

Освальдъ. Мама?..

Фру Альвингъ. Вотъ и вышло, что̀ должно было выйти.

Освальдъ. Что̀ же должно было выйти?

Фру Альвингъ. Ты самъ сказалъ вечеромъ, что̀ сталось бы съ тобой, останься ты дома.

Освальдъ. Ты хочешь сказать, что отецъ...

Фру Альвингъ. Необычайно жизнерадостная натура твоего отца не могла найти себѣ здѣсь настоящаго исхода. И я тоже не внесла свѣта и веселья въ его домъ.

Освальдъ. И ты?

Фру Альвингъ. Меня съ дѣтства учили исполненію долга, обязанностямъ и тому подобному, и я долго оставалась подъ вліяніемъ этого ученія. У насъ только и разговору было, что о долгѣ, обязанностяхъ... *моихъ* обязанностяхъ, *его* обязанностяхъ... и, боюсь, нашъ домъ сталъ невыносимъ для твоего бѣднаго отца, Освальдъ, по моей винѣ.

Освальдъ. Почему ты никогда ничего не писала мнѣ объ этомъ?

Фру Альвингъ. Никогда прежде не представлялось мнѣ все это въ такомъ свѣтѣ, чтобы я могла рѣшиться заговорить объ этомъ съ тобой, его сыномъ.

Освальдъ. Какъ же ты смотрѣла на все это?

Фру Альвингъ (медленно). Я видѣла только одно, что твой отецъ былъ человѣкомъ погибшимъ еще прежде, чѣмъ ты родился...

Освальдъ (глухо). А!.. (Встаетъ и идетъ къ окну).

Фру Альвингъ. И вотъ еще меня преслѣдовала мысль, что Регина въ сущности своя въ домѣ... какъ и мой собственный сынъ.

Освальдъ (быстро оборачиваясь). Регина?..

Регина (вскакивая: едва внятно). Я?..

Фру Альвингъ. Да, теперь вы оба знаете.

Освальдъ. Регина!

Регина (какъ бы про себя). Такъ мать была, значитъ, таковская.

Фру Альвингъ. Твоя мать во многихъ отношеніяхъ была хорошая женщина, Регина.

Регина. Но все-таки таковская. Да, и я иногда такъ думала, но... Ну-съ, сударыня, такъ позвольте мнѣ уѣхать сейчасъ же.

Фру Альвингъ. Ты серьезно хочешь, Регина?

Регина. Ну да, конечно.

Фру Альвингъ. Разумѣется, ты свободна, но...

Освальдъ (идетъ къ Региѣ). Уѣзжаешь? Но вѣдь ты своя въ домѣ.

Регина. Мегсі, господинъ Альвингъ... Да, теперь, вѣрно, я могу знать васъ Освальдомъ. Но это совсѣмъ не такъ вышло, какъ я думала.

Фру Альвингъ. Регина, я не была съ тобой откровенна...

Регина. Да, ужъ грѣшно сказать! Знай я, что Освальдъ больной... И разъ теперь между нами не можетъ выйти ничего серьезнаго... Нѣтъ, я никакъ не могу запереться тутъ въ деревнѣ и загубить свою молодость въ сидѣлкахъ при больныхъ.

Освальдъ. Даже при такомъ близкомъ тебѣ человѣкѣ?

Регина. Нѣтъ ужъ, знаете. Бѣдной дѣвушкѣ надо пользоваться молодостью. А то и оглянуться не успѣешь, какъ сядешь на мель. И во мнѣ вѣдь тоже есть эта жизнерадостность, сударыня.

Фру Альвингъ. Да, увы... Но не сгуби себя, Регина.

Регина. Ну, чему быть, того не миновать. Если Освальдъ пошелъ въ отца, такъ я, вѣрно, въ мать... Позвольте спросить, сударыня, пасторъ знаетъ насчетъ меня?

Фру Альвингъ. Пасторъ Мандерсъ все знаетъ.

Регина (суетливо набрасывая платокъ). Такъ мнѣ надо поскорѣе собраться, чтобы захватить пароходъ. Пасторъ такой человѣкъ, — съ нимъ можно поладить. Да, сдается, что и мнѣ такъ же съ руки попользоваться этими деньжонками, какъ этому противному столяру.

Фру Альвингъ. Желаю, чтобы онѣ пошли тебѣ въ прокъ.

Регина (глядя на нее въ упоръ). А не мѣшало бы вамъ, сударыня, воспитать меня, какъ дочь благороднаго человѣка: оно бы больше подходило ко мнѣ. (Закидывая голову) Ну, да наплевать! (Со злобой косясь на закупоренную бутылку) Мнѣ, пожалуй, еще придется-таки распивать шампанское съ благородными господами.

Фру Альвингъ. А понадобится тебѣ родной домъ, Регина, приходи ко мнѣ.

Регина. Нѣтъ, покорно благодарю. Пасторъ Мандерсъ, вѣрно, позаботится обо мнѣ. А плохо придется, такъ я знаю домъ, который мнѣ ближе.

Фру Альвингъ. Чей же это?

Регина. «Домъ камергера Альвинга».

Фру Альвингъ. Регина... я вижу теперь... ты погибнешь.

Регина. Э, ладно! Adieu! (Кланяется и уходитъ черезъ переднюю).

Освальдъ (глядя въ окно). Ушла?

Фру Альвингъ. Да.

Освальдъ (бормочетъ). Однако какъ все это нехорошо вышло.

Фру Альвингъ (подходитъ къ нему и кладетъ ему обѣ руки на плечи). Освальдъ, милый мой... это очень потрясло тебя?

Освальдъ (оборачиваясь къ ней лицомъ). Это насчетъ отца, что ли?

Фру Альвингъ. Да, насчетъ твоего несчастнаго отца. Боюсь, что это слишкомъ сильно на тебя подѣйствовало.

Освальдъ. Съ чего ты взяла? Разумѣется, меня это крайне поразило. Но въ сущности мнѣ это довольно безразлично.

Фру Альвингъ (снимая руки). Безразлично? Что твой отецъ былъ такъ безконечно несчастенъ!

Освальдъ. Разумѣется, мнѣ жаль его, какъ и всякаго другого на его мѣстѣ, но...

Фру Альвингъ. Только? Родного отца!

Освальдъ (раздражительно). Ахъ, отца... отца! Я же не зналъ совсѣмъ отца. Только и помню, что меня разъ стошнило по его милости.

Фру Альвингъ. Прямо подумать страшно! Неужели все-таки ребенокъ не долженъ чувствовать привязанности къ своему родному отцу?

Освальдъ. А если ему не за что благодарить отца? Если онъ даже не знаетъ отца? Или ты въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко держишься старыхъ предразсудковъ, ты, такая развитая, просвѣщенная?

Фру Альвингъ. Такъ это одинъ предразсудокъ!..

Освальдъ. Ты сама же должна понимать, мама, что это просто ходячее мнѣніе... Одно изъ многихъ, пущенныхъ въ ходъ, чтобы затѣмъ...

Фру Альвингъ (потрясенная). Стать привидѣніями.

Освальдъ (бродя по комнатѣ). Да, пожалуй, назови ихъ привидѣніями.

Фру Альвингъ (порывисто). Освальдъ... такъ ты и меня не любишь!

Освальдъ. Тебя-то я хоть знаю...

Фру Альвингъ. Да, знаешь; и только!

Освальдъ. И знаю, какъ горячо ты любишь меня, за что, конечно, и долженъ быть тебѣ благодаренъ. И вдобавокъ ты можешь быть мнѣ безконечно полезна во время болѣзни.

Фру Альвингъ. Да, да, Освальдъ. Не правда ли? О, я просто готова благословлять твою болѣзнь за то, что она привела тебя ко мнѣ. Я вижу теперь, что ты еще не мой; мнѣ надо обрѣсти тебя.

Освальдъ (раздражительно). Да, да, да; все это одни разговоры. Ты помни, я больной человѣкъ, мама. Не могу много думать о другихъ; мнѣ впору думать о себѣ самомъ.

Фру Альвингъ (упавшимъ голосомъ). Я буду довольна малымъ и терпѣлива, Освальдъ.

Освальдъ. И весела, мама!

Фру Альвингъ. Да, да, мой мальчикъ, ты правъ. (Подходитъ къ нему) Ну что же, сняла я съ тебя тяжесть упрековъ и угрызеній совѣсти?

Освальдъ. Да. Но кто сниметъ тяжесть страха?

Фру Альвингъ. Страха?

Освальдъ (бродя по комнатѣ). Регину и просить не пришлось бы.

Фру Альвингъ. Я не понимаю. Какая связь — этотъ страхъ и... Регина?

Освальдъ. Очень теперь поздно, мама?

Фру Альвингъ. Раннее утро. (Выглядываетъ въ окно балкона) Заря занимается на высотахъ. И погода будетъ ясная, Освальдъ. Скоро увидишь солнце.

Освальдъ. Очень радъ. О, у меня еще можетъ быть много радостей въ жизни... будетъ для чего жить...

Фру Альвингъ. Еще бы!

Освальдъ. Если я и не могу работать, то...

Фру Альвингъ. О, ты скоро опять будешь въ состояніи работать, мой дорогой мальчикъ. Теперь ты сбросилъ съ себя всю эту тяжесть угрызеній и сомнѣній.

Освальдъ. Да, это хорошо, что ты избавила меня отъ этихъ фантазій. И только бы мнѣ удалось покончить еще съ *однимъ*... (Садится на диванчикъ) Давай, поговоримъ, мама...

Фру Альвингъ. Давай, давай! (Придвигаетъ къ дивану кресло и садится рядомъ съ Освальдомъ).

Освальдъ. ...А тѣмъ временемъ и солнце взойдетъ. И ты узнаешь. И я избавлюсь отъ этого страха.

Фру Альвингъ. Ну, что же я узнаю?

Освальдъ (не слушая ее). Мама, ты вѣдь сказала вечеромъ, что *ни въ чемъ* не можешь мнѣ отказать, если я попрошу тебя?

Фру Альвингъ. Да, сказала.

Освальдъ. И сдержишь слово?

Фру Альвингъ. Можешь положиться на меня, мой дорогой, единственный!.. Вѣдь я только для тебя одного и живу.

Освальдъ. Да, да; такъ слушай... Ты, мама, сильна духомъ, я знаю... Только оставайся спокойно на мѣстѣ, когда услышишь.

Фру Альвингъ. Да что же это такое? Что-то ужасное?..

Освальдъ. Не кричи. Слышишь? Обѣщаешь? Будешь сидѣть смирно и тихонько разговаривать со мной объ этомъ? Обѣщаешь, мама?

Фру Альвингъ. Да, да, обѣщаю, только говори.

Освальдъ. Такъ вотъ, знай, что эта усталость... эта невозможность думать о работѣ... это еще не самая болѣзнь...

Фру Альвингъ. Въ чемъ же самая болѣзнь?

Освальдъ. Болѣзнь, доставшаяся мнѣ въ наслѣдство, она... (указывая себѣ на лобъ, тихо добавляетъ) сидитъ тутъ.

Фру Альвингъ (почти лишась языка). Освальдъ!.. Нѣтъ, нѣтъ!

Освальдъ. Не кричи. Я не выношу крика. Да, сидитъ тутъ и подстерегаетъ моментъ. И можетъ прорваться наружу, когда угодно.

Фру Альвингъ. Какой ужасъ!

Освальдъ. Только спокойнѣе. Такъ вотъ каково мое положеніе...

Фру Альвингъ (вскакивая). Это неправда, Освальдъ! Этого не можетъ быть! Нѣтъ, нѣтъ, это не такъ!

Освальдъ. У меня уже *былъ* одинъ припадокъ. Онъ скоро прошелъ. Но когда я узналъ, что со мной было, меня охватилъ страхъ—гнетущій, невыносимый страхъ, который и погналъ меня домой, къ тебѣ.

Фру Альвингъ. Такъ, значитъ, страхъ...

Освальдъ. Да; вѣдь это до того отвратительно!.. О, если-бъ еще это была обыкновенная смертельная болѣзнь... Я не такъ ужъ боюсь умереть, хотя и охотно пожилъ бы подольше...

Фру Альвингъ. Да, да, Освальдъ, ты будешь жить.

Освальдъ. Но это такъ отвратительно. Превратиться опять въ безпомощнаго ребенка, котораго кормятъ и... Нѣтъ, этого нельзя и выразить.

Фру Альвингъ. За ребенкомъ будетъ ходить мать.

Освальдъ (вскакивая). Нѣтъ, никогда. Именно этого я и не хочу. Я не могу вынести мысли, что я, быть-можетъ, проживу въ такомъ положеніи много лѣтъ... состарюсь, посѣдѣю. И ты можешь умереть за это время. (Присаживаясь на ручку кресла матери) Вѣдь это не непремѣнно сразу кончается смертью,— сказалъ докторъ. Онъ назвалъ эту болѣзнь своего рода размягченіемъ мозга... или чѣмъ-то въ родѣ этого. (Съ мрачной

улыбкой) Названіе, по-моему, звучитъ такъ красиво. Мнѣ непремѣнно вспоминаются при этомъ драпри вишневаго бархата... такъ и хочется погладить...

Фру Альвингъ (вскакиваетъ). Освальдъ!

Освальдъ (встаетъ и начинаетъ бродить по комнатѣ). И вотъ ты отняла у меня Регину. Будь только она у меня подъ рукой— она бы подала мнѣ руку помощи.

Фру Альвингъ (подходя къ нему). Что ты хочешь сказать, мой дорогой? Развѣ есть такая помощь въ свѣтѣ, которой бы я не подала тебѣ?

Освальдъ. Когда я оправился отъ этого припадка. докторъ сказалъ мнѣ, что если припадокъ повторится,— а онъ повторится,—то надежды больше не будетъ.

Фру Альвингъ. И онъ былъ такъ безсердеченъ!..

Освальдъ. Я потребовалъ отъ него. Я сказалъ ему, что мнѣ надо сдѣлать распоряженія... (Лукаво улыбаясь) Такъ оно и есть. (Вынимая изъ внутренняго бокового кармана коробочку) Мама, видишь?

Фру Альвингъ. Что это такое?

Освальдъ. Порошокъ морфія.

Фру Альвингъ (въ ужасѣ глядитъ на него). Освальдъ... мальчикъ мой...

Освальдъ. Я скопилъ двѣнадцать облатокъ...

Фру Альвингъ (желая выхватить коробочку). Отдай мнѣ, Освальдъ.

Освальдъ. Еще рано. мама. (Снова прячетъ коробочку).

Фру Альвингъ. Этого я не переживу.

Освальдъ. Надо пережить. Будь у меня здѣсь Регина. я бы сказалъ ей, что со мной... и попросилъ бы ее объ этой послѣдней услугѣ. Она бы оказала ее мнѣ, я знаю.

Фру Альвингъ. Никогда!

Освальдъ. Когда бы этотъ ужасъ разразился надо мной и она увидѣла бы. что я лежу безпомощный. какъ малое дитя, безнадежно, безвозвратно погибшій...

Фру Альвингъ. Никогда въ жизни Регина не сдѣлала бы этого!

Освальдъ. Регина сдѣлала бы. Она такъ восхитительно легко рѣшаетъ все. Да ей скоро и надоѣло бы возиться съ такимъ больнымъ.

Фру Альвингъ. Такъ слава Богу. что ея здѣсь нѣтъ.

Освальдъ. Значитъ, теперь тебѣ придется оказать мнѣ эту услугу. мама.

Фру Альвингъ (съ громкимъ крикомъ). Мнѣ!

Освальдъ. Кому же ближе тебя?

Фру Альвингъ. Мнѣ! Твоей матери!

Освальдъ. Имѣю.

Фру Альвингъ. Мнѣ. давшей тебѣ жизнь!

Освальдъ. Я не просилъ тебя. И что за жизнь ты мнѣ дала? Не нужно мнѣ ея! Возьми назадъ!

Фру Альвингъ. Помогите! Помогите! (Бѣжитъ въ переднюю).

Освальдъ (догоняя ее). Не уходи отъ меня. Куда ты?

Фру Альвингъ (въ передней). За докторомъ, Освальдъ. Пусти меня.

Освальдъ (тамъ же). Не пущу. И никто сюда не войдетъ. (Слышится звукъ защелкнувшагося замка).

Фру Альвингъ (возвращаясь). Освальдъ... Освальдъ... дитя мое...

Освальдъ (за нею). Есть ли у тебя въ груди сердце... сердце матери, что ты можешь видѣть мои мученія... и этотъ невыносимый страхъ?

Фру Альвингъ (послѣ минутнаго молчанія, твердо). Вотъ тебѣ моя рука.

Освальдъ. Ты согласна?..

Фру Альвингъ. Если окажется необходимымъ. Но этого не будетъ. Нѣтъ. нѣтъ. никогда! Невозможно!

Освальдъ. Будемъ надѣяться. И постараемся жить вмѣстѣ какъ можно дольше. Спасибо. мама. (Садится въ кресло, придвинутое къ дивану).

(Занимается день: лампа все горитъ на столѣ).

Фру Альвингъ (осторожно подходя къ Освальду). Ты теперь успокоился?

Освальдъ. Да.

Фру Альвингъ (наклоняясь къ нему). Ты просто вообразилъ себѣ весь этотъ ужасъ. Освальдъ. Все это одно воображеніе. Ты не вынесъ потрясенія. Но теперь ты отдохнешь... дома, у своей матери. мой ненаглядный мальчикъ. Все. на что только укажешь, то и получишь, какъ въ дѣтствѣ. Вотъ видишь... припадокъ прошелъ. Видишь, какъ легко все прошло. О, я знала!.. И видишь, Освальдъ. какой чудный день занимается? Яркое солнце. Теперь ты увидишь свою родину въ настоящемъ свѣтѣ. (Подходитъ къ столу и гаситъ лампу).

(Восходъ солнца. Ледникъ и вершины скалъ въ глубинѣ ландшафта озарены яркимъ блескомъ утренняго солнца).

Освальдъ (сидитъ, не шевелясь, на креслѣ спиной къ балкону и вдругъ говоритъ). Мама. дай мнѣ солнце.

Фру Альвингъ (у стола, съ недоумѣніемъ). Что ты говоришь?

Освальдъ (повторяетъ глухо, беззвучно). Солнце... Солнце...

Фру Альвингъ (бросаясь къ нему). Освальдъ. что съ тобой?

Освальдъ (какъ-то весь осунулся въ креслѣ: всѣ мускулы ослабли, лицо безсмысленно: взоръ тупо уставленъ въ пространство).

Фру Альвингъ (дрожа отъ ужаса). Что это? (Съ крикомъ) Освальдъ!

Что съ тобой! (Бросается передъ нимъ на колѣни и трясетъ его) Освальдъ! Освальдъ! Взгляни на меня! Ты не узнаёшь меня?

Освальдъ (попрежнему беззвучно). Солнце... Солнце...

Фру Альвингъ (въ отчаяніи вскакиваетъ, рветъ на себѣ волосы и кричитъ). Нѣтъ силъ вынести! (Шепчетъ, съ застывшимъ отъ ужаса лицомъ) Не вынести. Никогда. (Вдругъ) Гдѣ у него это? (Лихорадочно шаритъ у него на груди) Вотъ! (Отступаетъ на нѣсколько шаговъ и кричитъ) Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!.. Да!.. Нѣтъ! Нѣтъ! (Стоитъ шагахъ въ двухъ отъ него, запустивъ пальцы въ волосы и глядя на сына въ безмолвномъ ужасѣ).

Освальдъ (сидя неподвижно, повторяетъ тѣмъ же тономъ). Солнце... Солнце...

ВРАГЪ НАРОДА.

Пріемъ, оказанный въ Норвегіи „Привидѣніямъ“ и прессой и публикой, заставилъ Ибсена призадуматься надъ своимъ положеніемъ писателя. Онъ занялся разборомъ и провѣркой собственныхъ воззрѣній и той задачи, которую призналъ задачею своей жизни, намѣреваясь затѣмъ результаты этой провѣрки и саморазбора выпустить въ свѣтъ въ видѣ автобіографіи. Написавъ первую главу *), Ибсенъ однако отказался отъ мысли придать своей исповѣди форму автобіографіи и предпочелъ вернуться къ болѣе свойственной ему драматической формѣ; въ результатѣ явились драмы: „Врагъ народа“ и „Дикая утка“.

Первое изъ этихъ двухъ произведеній проникнуто горячимъ воинственнымъ настроеніемъ. „Оскорбленный поэтъ, — по образному выраженію проф. Іегера, — гнѣвно выпрямляется тутъ во весь ростъ и, потрясая своей сѣдою львиной гривой, рубитъ сплеча и выноситъ безпощадный приговоръ самимъ недавнимъ судьямъ своимъ“. Въ слѣдующей пьесѣ, вмѣсто раскатовъ возмущенія, слышатся уже ноты горькаго уныній: въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли предъявлять „идеальныя требованія“ къ жалкимъ, ничтожнымъ людишкамъ?.. Въ первой пьесѣ представителемъ автора является докторъ Стокманъ **), во второй — Грегерсъ Верле. Въ судьбѣ обоихъ есть нѣчто общее съ судьбой автора: пребываніе въ теченіе многихъ лѣтъ вдали отъ родныхъ мѣстъ и горячее желаніе по возвращеніи оздоровить, очистить мѣстныя условія, при чемъ имъ обоимъ приходится встрѣтить у ближнихъ своихъ непониманіе и враждебное отношеніе къ себѣ и своимъ попыткамъ, сродни тому, которое встрѣтилъ Ибсенъ по выходѣ въ свѣтъ „Привидѣній“.

Такимъ образомъ „Врагъ народа“ и „Дикая утка“ представляютъ двѣ стороны одного и того же вопроса, различно освѣщенныя, въ зависимости отъ настроенія самого автора.

---

*) Интересный отрывокъ этотъ, содержащій впечатлѣнія дѣтства Ибсена, помѣщенъ въ сборникѣ Іегера „Henrik Ibsen 1828 — 1888“ и входитъ въ біографію писателя въ нашемъ изданіи.

**) Передѣлка въ русскихъ переводахъ имени „врага народа“ Стокмана въ Штокманъ указываетъ на то, что переводчики наши пользовались преимущественно нѣмецкими источниками. Буквы st, выговариваемыя понѣмецки „шт“, по-датски, норвежски и шведски выговариваются „ст“, и тѣ слова, которыя перешли къ намъ прямо съ этихъ языковъ, минуя посредничество нѣмцевъ, пишутся и выговариваются по-русски правильно, какъ, напримѣръ, Стокгольмъ, Ставангеръ и пр.

Для внѣшней рамки „Врага народа“ Ибсенъ воспользовался бурными общественно-политическими сходками, происходившими въ Норвегіи въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ. Какъ извѣстно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на этихъ сходкахъ являлся Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ, и на одной изъ нихъ, бывшей въ Христіаніи, на которой поднятъ былъ вопросъ о національномъ флагѣ, Бьёрнсона жестоко освистали на всевозможныхъ инструментахъ, вечеромъ же разъяренная толпа перебила окна въ домѣ, гдѣ онъ остановился.

„Могу себѣ представить, — пишетъ Іегеръ: — какое впечатлѣніе должны были произвести на Ибсена газетныя сообщенія объ этихъ скандалахъ. Могу это тѣмъ живѣе, что отлично помню, какое впечатлѣніе произвели эти вѣсти на меня самого, когда дошли до меня въ Германію, гдѣ я тогда находился. Вся демонстрація была до такой степени примитивно груба, что невольно становилось совѣстно за своихъ земляковъ. Года два спустя Бьёрнсонъ предпринялъ поѣздку по провинціальнымъ городамъ Норвегіи съ цѣлью общественно-политической агитаціи, и милая провинція рабски послѣдовала красивому примѣру столицы, держась, вѣроятно, правила: „So ein Ding müssen wir auch haben“ *). Концерты на свисткахъ и рогахъ то и дѣло прерывали оратора, какъ доктора Стокмана: не обошлось дѣло и безъ морского рога для подачи сигналовъ, который увѣковѣченъ Ибсеномъ въ четвертомъ дѣйствіи „Врага народа“.

„Въ эту-то рамку Ибсенъ и вставилъ свою собственную борьбу, свои мысли. Докторъ Стокманъ отличается отъ Бьёрнсона и походитъ на Ибсена между прочимъ тѣмъ, что не принадлежитъ ни къ какой партіи и слѣдовательно не имѣетъ товарищей-борцовъ, на кого бы могъ опереться. Онъ — одинокій борецъ. Да онъ и не борется изъ-за какой-нибудь политической реформы на практической подкладкѣ. Онъ ополчается противъ всякой болотной гнили, сначала аллегорически — противъ гнили, заражающей водопроводную сѣть, питающую лѣчебницу, а затѣмъ безъ всякихъ аллегорій — противъ гнили и разложенія въ самомъ обществѣ.

„Докторъ Стокманъ, состоящій при курортѣ врачъ, сдѣлалъ открытіе, что водолѣчебница снабжается водой изъ зараженныхъ источниковъ и кишмя-кишитъ вредными бактеріями, что вызываетъ серьезныя заболѣванія среди пріѣзжихъ паціентовъ. Докторъ радуется своему открытію какъ ребенокъ: ему и въ голову не приходитъ, что сограждане его не захотятъ устранить гибельные недостатки водоснабженія, разъ онъ укажетъ на нихъ и выяснитъ ихъ причины.

„Дѣйствительность однако убѣждаетъ его въ томъ, что дѣло не пойдетъ такъ гладко, какъ онъ воображалъ. Сначала онъ наталкивается на представителя невѣжества въ лицѣ Мортена Кійля. Послѣдній никогда въ жизни не слыхалъ такой забавной нелѣпицы, чтобы въ водопроводѣ могла завестись тьма-тьмущая козявокъ, да еще такихъ, которыхъ никто не можетъ видѣть! Но невѣжество и тупость еще не самые худшіе камни преткновенія: гораздо хуже обожаніе авторитетовъ, особенно если оно проявляется въ видѣ самообожанія, какъ у Петера Стокмана. Отношеніе послѣдняго къ дѣлу отчасти разрушаетъ вѣру доктора въ своихъ ближнихъ. Но особенной опасности онъ пока еще не видитъ, полагая, что за него постоитъ свободомыслящая, независимая пресса, въ лицѣ редактора Говстада, и сплоченное большинство обывателей, въ лицѣ типографщика Аслаксена. Съ ихъ помощью онъ вполнѣ надѣется одолѣть и водопроводную гниль и административную. Но тутъ-то онъ и

*) Такую штуку и намъ нужно.

натыкается на худшій изъ камней преткновенія — мелочной, узкій эгоизмъ. Оказывается, что Говстадъ съ Аслаксеномъ и всей ихъ кликой примкнули къ нему не ради самого дѣла или общаго блага, а изъ узкаго расчета, изъ корыстныхъ видовъ, и какъ только убѣдились, что выгоды на противоположной сторонѣ, они сразу изъ сторонниковъ становятся противниками доктора. Когда послѣдній убѣждается въ этомъ и еще въ томъ, что не только никто не хочетъ поддержать его въ его стремленіи оздоровить курортъ, но всѣ, напротивъ, противодѣйствуютъ ему, готовы зажать ему ротъ, опасаясь расходовъ, — ему сразу становится яснымъ, что не одна городская администрація, а все городское общество, все это сплоченное большинство состоитъ изъ ничтожныхъ и мелкихъ людишекъ. Весь остатокъ его наивной вѣры въ людей рушится, и ему открываются широкіе горизонты — рисуется въ новомъ свѣтѣ вся общественная жизнь. Значитъ, гнилью заражена не одна вода въ курортѣ, а все общество; водопроводная сѣть съ гнилой водой — лишь мелкая частность, наведшая его на слѣдъ огромной общей гнили. И вотъ ему хочется уже оздоровить, очистить отъ гнили не одинъ курортъ, а все общество. Объ этой общественной гнили Стокманъ и говоритъ передъ собраніемъ согражданъ въ четвертомъ дѣйствіи, на ней сосредоточены всѣ его мысли и въ послѣднемъ дѣйствіи. Въ качествѣ свободной личности, сильной своимъ одиночествомъ, не связанной никакими партійными интересами, личности, передъ которой открываются самые широкіе горизонты на всѣ стороны, докторъ Стокманъ всецѣло отдается своей идеѣ борьбы со всѣмъ обществомъ во имя истины и свободы.

„Тутъ Ибсенъ самъ восходитъ въ лицѣ Стокмана на каѳедру и говоритъ его устами: „Я буду говорить о крупномъ открытіи, которое сдѣлалъ на этихъ дняхъ. Я открылъ, что всѣ наши духовные жизненные источники отравлены, что вся наша гражданская, общественная жизнь зиждется на зараженной ложью почвѣ... Истина и свобода имѣютъ въ обществѣ массу враговъ: оно даже все сплошь состоитъ изъ враговъ. Прежде всего въ числу враговъ принадлежатъ мѣстные заправилы, но я уже сказалъ, что не хочу тратить даромъ словъ, говоря о кучкѣ хилыхъ, на ладанъ дышащихъ умниковъ, плетущихся позади... Я питаю благую надежду, что эти отсталые, эти ветхіе остатки отживающихъ міровоззрѣній сами наилучшимъ образомъ сводятъ себя на нѣтъ... Опаснѣйшіе среди насъ враги истины и свободы — это сплоченное большинство. Большинство никогда не бываетъ право. Никогда, говорю я. Это общественная ложь, одна изъ тѣхъ общепринятыхъ лживыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человѣкъ... На сторонѣ большинства сила, — къ сожалѣнію, — но не право. Правы — я и немногія другія единичныя личности, усваивающія себѣ новыя, едва нарождающіяся истины. Эти люди стоятъ какъ бы на аванпостахъ человѣчества, — такъ далеко впереди, что сплоченное большинство еще не добралось туда, — и тамъ бьются за истины, народившіяся въ сознаніи еще слишкомъ недавно, чтобы успѣть сплотить вокругъ себя какое-нибудь большинство... Истины, вокругъ которыхъ обыкновенно толпится большинство, напротивъ, уже такъ устарѣли, что пора бы ужъ сдать ихъ въ архивъ. Когда же истина успѣла устарѣть настолько, ей уже недолго стать и ложью... Всѣ эти истины, признанныя большинствомъ, похожи на прошлогоднее копченое мясо, на прогорклые, испорченные, заплѣсневѣвшіе окорока. Отъ нихъ-то и дѣлается нравственная цынга, свирѣпствующая повсюду въ общественной жизни".

Словомъ, можно сказать, „какъ аукнулось, такъ и откликнулось" об-

ществу со стороны Стокмана и со стороны Ибсена. Если ауканье было рѣзко, то и откликъ былъ силенъ *).

Отвѣтъ Ибсена возымѣлъ свое дѣйствіе, а рѣзкость его нисколько не помѣшала сбыту самой книги. Напротивъ, ее раскупали нарасхватъ, такъ что первое изданіе въ 10.000 экз. было распродано въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. На этотъ разъ и театральныя дирекціи не видѣли расчета въ томъ, чтобы закрывать свои двери передъ новымъ произведеніемъ писателя, котораго еще такъ недавно третировали если не хуже, то и не лучше „врага народа", доктора Стокмана. Прежде всѣхъ ухватился за новую пьесу христіанійскій Національный театръ, и тутъ Ибсенъ взялъ двойной реваншъ за отвергнутыя „Привидѣнія". Во-первыхъ, за право постановки этой пьесы онъ потребовалъ двойной гонораръ противъ того, какой обыкновенно получалъ, и дирекціи пришлось согласиться; Ибсенъ же особенно подчеркнулъ это легкое наказаніе тѣмъ, что при постановкѣ слѣдующей пьесы — „Дикой утки" — назначилъ опять прежній гонораръ. Во-вторыхъ, онъ имѣлъ удовольствіе за двойной гонораръ высказать своимъ землякамъ всѣ тѣ лестныя истины по ихъ адресу, къ какимъ пришелъ благодаря пріему, оказанному ими „Привидѣніямъ".

Первое представленіе „Врага народа" въ христіанійскомъ театрѣ состоялось 18 января 1883 г., и затѣмъ пьеса обошла всѣ другіе города Норвегіи и всѣ страны цивилизованнаго міра, всюду встрѣчая горячій откликъ своею вдохновенной проповѣдью истины и свободы.

Въ прекрасной вступительной статьѣ Шлентера проводится, между прочимъ, интересная параллель между „Врагомъ народа" Ибсена и „Мизантропомъ" Мольера.

„Ибсенъ никогда не былъ такъ ненавистенъ своимъ землякамъ, какъ послѣ появленія въ свѣтъ „Привидѣній". Его всячески бранили и поносили, окрестили „врагомъ родины", „врагомъ народа", „отравителемъ источниковъ" и т. п. Отвѣтомъ на эти нападки явилось новое произведеніе—горячій протестъ, вылившійся изъ-подъ пера непонятаго писателя, подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго возбужденія, сравнительно очень быстро **). Героемъ новаго произведенія явился „врагъ народа". Ироническое заглавіе напоминало самую глубокую и серьезную изъ комедій Мольера: „Человѣконенавистника", или „Мизантропа". И чѣмъ больше изучаешь эти двѣ пьесы, тѣмъ болѣе открываешь между ними сходства и тѣмъ яснѣе въ то же время видишь различіе по существу и между самыми пьесами и между ихъ творцами. Обѣ пьесы являются результатомъ глубокаго душевнаго потрясенія, „комедіями" съ серьезной нравственной подкладкой. Въ силу того, что въ обѣихъ пьесахъ развязка чужда примиряющаго элемента, онѣ скорѣе всего являются трагикомедіями. Трагикомедію характеризуютъ герои, вѣрно смотрящіе на свѣтъ со своей этической точки зрѣнія и лишь потому приходящіе съ нимъ въ столкновеніе, что ихъ точка зрѣнія не совпадаетъ съ общепринятою. Вся загадка съ Шейлокомъ, о рѣшеніи которой спорили между собой представители эстетики, исторіи и юриспруденціи, разрѣшается такимъ образомъ сама собой. Шейлокъ считаетъ правымъ одно, свѣтъ же—другое. Въ этомъ столкновеніи правъ и заключается и злодѣяніе Шейлока и его правота.

---

*) Это особенно видно изъ письма Ибсена къ Брандесу, которое помѣщено у насъ въ собраніи его писемъ.

**) По даннымъ, собраннымъ Гальворсеномъ, «Привидѣнія» вышли въ свѣтъ въ декабрѣ 1881 г., а «Врагъ народа» — уже 28 ноября 1882 г., т.-е. менѣе чѣмъ черезъ годъ, тогда какъ другія драматическія произведенія Ибсена выходили обыкновенно съ промежутками въ два года.

„Въ такомъ же столкновеніи съ жизнью очутились Мольеръ и Ибсенъ, но, какъ люди съ особаго рода творческими способностями, они воспользовались тѣмъ, что, подобно обоюдоострому мечу, пронизало ихъ души, для созданія великихъ произведеній искусства. Такимъ образомъ создались „Мизантропъ“ Мольера и „Врагъ народа“ Ибсена. И „врагъ народа“ и „мизантропъ“ съ самаго начала филантропы. Но окружающая среда заставляетъ ихъ измѣнить свои взгляды, отравляетъ имъ радость жизни и наконецъ гонитъ ихъ изъ общества въ уединеніе. И тотъ и другой кончаютъ тѣмъ, что проклинаютъ весь свѣтъ. Мизантропъ собирается отыскать на землѣ уголокъ, гдѣ ему не помѣшаютъ быть человѣкомъ благороднымъ *). Врагъ народа беретъ своихъ сыновей изъ школы, чтобы воспитать изъ нихъ свободныхъ и благородныхъ людей. Онъ постигаетъ смыслъ сказаннаго Сапѣгой (Шиллеръ, „Дмитрій Самозванецъ“): „Mehrheit ist der Unsinn. Verstand ist stets bei wen'gen nur gewesen“ **); и, произвольно измѣняя значеніе словъ шиллеровскаго Вильгельма Телля: „Der Starke ist am mächtigsten allein“ ***), чтобы построить силлогизмъ, доходитъ до заключенія, что „сильнѣе всѣхъ тотъ, кто болѣе всѣхъ одинокъ“.

„У Мольера, какъ и у Ибсена, произносится рѣзкій обвинительный приговоръ существующимъ условіямъ, не позволяющимъ отдать правдѣ должнаго. Мольеръ написалъ сатиру на лживость французскаго общества при дворѣ Людовика XIV; Ибсенъ — сатиру на лживость современнаго ему норвежскаго мѣщанства. Мизантропъ лишается своей возлюбленной, врагъ народа — своего гражданскаго положенія, и все изъ-за того, что и тотъ и другой ополчаются противъ этой лживости. У обоихъ писателей сердце обливалось кровью, когда они писали эти пьесы, являвшіяся прямымъ отголоскомъ пережитого. Страданія Альцеста, причиненныя ему Селименой, были знакомы по горькому опыту самому Мольеру, натерпѣвшемуся того же отъ собственной жены. Камни, летѣвшіе въ окна врага народа, попали въ свое время въ фигуральномъ смыслѣ въ голову и сердце самого автора „Привидѣній“. Онъ хотѣлъ открыть своимъ землякамъ глаза, а они за это готовы были ихъ ему выцарапать. Подъ впечатлѣніемъ этого онъ и создалъ Томаса Стокмана, котораго объявляютъ врагомъ народа за то, что онъ хочетъ показать народу, гдѣ скрывается гнойникъ, угрожающій зараженіемъ крови всему народному организму. Но ни у Мольера ни у Ибсена не было и въ помыслахъ создать трагическую личность героя, мученика. При всей нравственной высотѣ, силѣ воли и чистосердечіи, и Альцестъ и докторъ Стокманъ немало смахиваютъ на фантазеровъ и даже нѣсколько комичны. „Стокманъ чудаковатъ и настоящій кипятокъ“,— выразился однажды самъ Ибсенъ въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ берлинскихъ знакомыхъ послѣ представленія „Врага народа“ въ Лессингъ-театрѣ. „Врагъ народа“ и „Мизантропъ“ создались въ мозгу ихъ авторовъ въ ту минуту, когда послѣдніе сами увидали себя въ положеніи тѣхъ чудаковъ, „которые довольно глупо не берегутъ про себя сокровища своего сердца, а открываютъ свои чувства и свои взгляды толпѣ“.

„Всякій, кто когда-либо лелѣялъ въ своей душѣ великую идею и затѣмъ долженъ былъ отъ нея отступиться въ безжалостномъ мірѣ стал-

---

*) Тутъ невольно напрашивается параллель съ Чацкимъ, проводимая проф. А. Веселовскимъ въ его этюдѣ: «Альцестъ и Чацкій» («Этюды и характеристики». Москва, 1903 г.).

**) Большинство — безсмыслица. Разумъ всегда былъ достояніемъ немногихъ.

***) Сильный всего сильнѣе одинъ.

кивающихся между собой фактовъ, тотъ долженъ былъ испытать такія же минуты, подобныя же настроенія. Это такія минуты, когда „міровая скорбь“ поэта испуганно отступаетъ передъ трагическою пропастью, поглощающею мучениковъ, и переходитъ въ обращенную на себя самого трагикомическую иронію мольеровскаго Жоржа Дандена, которому впору было броситься безъ оглядки въ воду, но который утѣшился своимъ „vous l'avez voulu“, предпочитая остаться въ живыхъ. Когда на крупныхъ писателей находятъ такія настроенія, они и создаютъ произведенія трагикомическія. „Мизантропъ“ Мольера и „Врагъ народа“ Ибсена—примѣры высокой ироніи авторовъ надъ самими собой.

„Больше пока еще никому изъ писателей не удалось вполнѣ сознательно совершить этого шага „отъ великаго до смѣшного“ такъ, чтобы при этомъ возникло художественное драматическое произведеніе *). И много ли найдется артистовъ, которые въ состояніи совершить такой шагъ въ ногу съ авторомъ? Вѣдь чуть недошагнуть въ исполненіи — и обѣ пьесы станутъ трагедіями, чуть перешагнуть — фарсами **). На короткомъ разстояніи этого шага, на этой узкой грани, пожалуй, колеблется и вся наша жизнь, что мы и могли бы увидѣть, если бы намъ удалось взглянуть на нее съ высшей точки зрѣнія. Здѣсь умѣщается все, что радуетъ и печалитъ, возвышаетъ и унижаетъ; здѣсь кипитъ борьба за существованіе, разыгрываются человѣческія страсти, здѣсь изъ нѣдръ жизни встаютъ опасности, но здѣсь-то и манитъ настоящаго человѣка основаться, чтобы дѣлать добро и пріобщиться къ людямъ. Взрыхлить здѣсь почву, опуститься въ темную глубину дѣйствительности — это такая задача, которая не можетъ быть возбранена никакому писателю, никакому художнику. Если онъ и выноситъ изъ глубины на поверхность затхлыя испаренія, ужасы современной жизни, то съ нимъ рядомъ все-таки неразлучно работаетъ, какъ сестра милосердія съ врачомъ-хирургомъ, умиротворяющее состраданіе. Благодаря этому писатель и выполняетъ заповѣдь древняго классическаго искусства: присоединяетъ къ ужасу состраданіе. И наконецъ какъ разъ, когда отъ ужаса и состраданія дрожь пробѣгаетъ по спинѣ, раздается смѣхъ самаго независимаго изъ геніевъ — смѣхъ юмора.

„На самой вершинѣ этого юмора, гдѣ царятъ такой необъятный просторъ и свобода, держался одинъ лишь Шекспиръ. Мольеръ съ Ибсеномъ не совсѣмъ достигли этой вершины, на которой представляется возможность распоряжаться по-царски. Мольеръ хотя и смѣялся всю жизнь, но смѣхъ его былъ всегда горькимъ смѣхомъ. Ибсенъ тоже смѣется, но смѣется какимъ-то загадочнымъ, демоническимъ смѣхомъ, который еще не нашелъ отзвука въ душѣ современниковъ. Объ этомъ позаботится будущее, которому не придется чувствовать въ этомъ смѣхѣ осмѣянія самого себя. Мольеръ удобопонятнѣе Ибсена потому, что его способы выражаться болѣе ходячи. Очерчиваютъ они своихъ героевъ совершенно различно; каждый держится своихъ особыхъ пріемовъ. У Мольера лица играютъ служебную роль, подчиняются извѣстнымъ цѣлямъ, у Ибсена же лица самодовлѣющи. У Мольера они доказываютъ нѣчто, находящееся внѣ ихъ, у Ибсена они открываютъ намъ всю свою душу. У Мольера они являются представителями цѣлой породы людей,

*) Шлентеру, видимо, «Горе отъ ума» неизвѣстно.

**) Нельзя не отмѣтить здѣсь поразительнаго чувства мѣры, проявляемаго извѣстнымъ артистомъ московскаго Художественнаго театра г. Станиславскимъ при исполненіи имъ роли Стокмана. Онъ именно идетъ въ ногу съ авторомъ, не переигрывая ни въ сторону трагическаго ни въ сторону комическаго элемента пьесы.

отъ имени которыхъ и говорятъ и дѣйствуютъ, и все бремя грѣховъ которыхъ волей-неволей берутъ на себя. У Ибсена же это отдѣльныя, единичныя личности, которыя отвѣчаютъ исключительно сами за себя, существуютъ сами по себѣ и для себя. Мольеръ создавалъ типы, Ибсенъ выдѣляетъ индивидуальности. Въ сравненіи съ Шекспиромъ оба оказываются односторонними, такъ какъ лица Шекспира въ одно и то же время и высоко типичны и рѣзко индивидуальны. Но и Мольеръ съ Ибсеномъ не были бы тѣми крупными писателями, какими они являются, если бы типы одного не имѣли индивидуальнаго оттѣнка, а индивиды другого не были бы до извѣстной степени типичны. Лица Ибсена пластичны: ихъ можно обойти и обозрѣть со всѣхъ сторонъ: лица Мольера представляютъ какъ бы силуэты. Героевъ Ибсена узнаёшь мало-помалу, но зато знакомишься съ ними основательно, точно съ близкими друзьями. Герои Мольера производятъ впечатлѣніе, какое производитъ на насъ мимолетное знакомство въ дорогѣ. Подмѣтивъ иной разъ у своего хорошаго знакомаго черту скупости, мы можемъ все-таки знать, что это лишь вспышка, мимолетное настроеніе, знать, что въ другой разъ онъ, напротивъ, способенъ швырять деньги горстями. Увидя же случайно въ дорогѣ, въ гостинницѣ, какъ какой-нибудь невѣдомый намъ человѣкъ начнетъ торговаться изъ-за грошей, мы не долго думая выносимъ ему приговоръ: сквалыга! Такое же впечатлѣніе производитъ на насъ и мольеровскій Гарпагонъ, который кажется намъ только скрягой и больше ничѣмъ. О томъ же, что онъ изображаетъ собой еще, какимъ слабостямъ и страстямъ подверженъ, какими достоинствами обладаетъ, мы не узнаёмъ изъ пьесы. Не то, чтобы у него въ числѣ прочихъ пороковъ и добродѣтелей имѣлся порокъ скупости, но онъ самъ состоитъ при этомъ порокѣ, который владѣетъ имъ всецѣло. Порокъ этотъ дѣлаетъ его и смѣшнымъ и жалкимъ. Когда подъ конецъ потеря денегъ доводитъ Гарпагона почти до безумія, фарсъ впадаетъ въ трагедію, и невольно напрашивается на умъ сравненіе между ограбленнымъ скупцомъ и Шейлокомъ. У Ибсена нѣтъ такихъ героевъ, все внутреннее содержаніе которыхъ исчерпывалось бы какой-нибудь одной моралью, или добродѣтелью, или страстью, или порокомъ. Ибсенъ изображаетъ человѣческую душу, какъ организмъ, составленный изъ множества различныхъ частей. Это затрудняетъ пониманіе его драмъ. Но въ этомъ-то и заключается то новое въ его искусствѣ, чѣмъ онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ. Въ сравненіи съ героями Ибсена, герои Мольера представляются исполинскими движущимися китайскими тѣнями. Въ сравненіи съ героями Мольера, герои Ибсена похожи на маленькіе механизмы, для движенія которыхъ важны мельчайшія пружины и колесики. Мольеровскаго героя можно охарактеризовать однимъ какимъ-нибудь мѣткимъ словомъ, ибсеновскій же требуетъ цѣлой біографіи.

„Каковы характеры героевъ, таковы и самыя драмы въ силу того, что у обоихъ авторовъ характеръ героевъ и строитъ драму. Герои пьесъ Мольера представляются одной великой цѣпью, ясной, простой и округленной, какъ созвѣздіе. У Ибсена же все тончайшими нитями сплетено въ искусную ткань, о которой и не скажешь, какимъ образомъ она создалась. Мольера можно понять съ перваго взгляда, чѣмъ и объясняется его широкая популярность среди современниковъ, а также его устарѣлость въ наше время. Произведенія Ибсена требуютъ самаго внимательнаго, вдумчиваго отношенія. И этимъ объясняется и его „недоступность“ и то очарованіе, какое онъ производитъ на тѣхъ, кто далъ себѣ трудъ уразумѣть его.

„Какъ было съ Шекспиромъ и Гёте, такъ будетъ и съ Ибсеномъ: смѣ-

нится нѣсколько поколѣній, прежде чѣмъ люди проникнутъ въ глубину его творчества. Мольеръ, какъ и Шиллеръ, находили полный откликъ со стороны современниковъ, потому что сумѣли высказать то, что вертѣлось на языкѣ у всѣхъ. То же, что имъ хотѣлось сказать кромѣ этого, они облекали въ традиціонныя формы. Между тѣмъ какъ Ибсенъ вливалъ свое новое вино въ новые же мѣхи. То, что у Мольера успѣло уже устарѣть и что у Ибсена оказывается еще черезчуръ новымъ, чуждымъ — это внѣшняя форма. Безсмертіе же обоихъ обусловливается художественнымъ выраженіемъ ихъ міровоззрѣнія.

„Съ чисто внѣшней стороны — формы, скорѣе можно было бы сравнивать съ „Мизантропомъ“ „Привидѣнія“, нежели „Врага народа“. Въ „Привидѣніяхъ“ у Ибсена съ мольеровской строгостью соблюдено единство мѣста, времени и дѣйствія. Въ сравненіи съ этой пьесой построеніе „Врага народа“ шатко, произвольно и скорѣе всего напоминаетъ беззаботность Шекспира по части техники. Пьеса въ духѣ Шекспира и по обилію зрѣлищъ, внѣшнихъ событій, или внѣшняго дѣйствія, разсчитаннаго на глазъ.

„Всѣми этими внѣшними данными писатель воспользовался, впрочемъ, съ истиннымъ искусствомъ художника, для котораго техника служитъ не цѣлью, а лишь средствомъ для психологическаго развитія характера, находящагося въ центрѣ драмы. „Врагъ народа“ не даетъ, какъ „Привидѣнія“, одни выводы, но почти весь ходъ мыслей, все развитіе идеи. Стокманъ не вступаетъ въ драму готовымъ, драма не является суммой изліяній его вражды къ народу, но онъ создается у насъ на глазахъ: драма постепенно развертываетъ передъ нами полную картину психологіи героя пьесы, доктора Стокмана.

„Врагъ народа“ — „мужская“ пьеса. На первомъ планѣ въ ней борьба мужчинъ, и лишь на заднемъ планѣ двѣ женскія фигуры. Но центръ тяжести все-таки въ значительной степени оказывается въ нихъ. Фру Катрина Стокманъ подавляетъ въ себѣ всѣ печали и заботы домовитой матери семейства и хозяйки, какъ только чувствуетъ, что мужъ ея терпитъ несправедливость, и, несмотря на всѣ бѣдствія и огорченія, находитъ въ себѣ мужество ободрять этого борца за право и правду. А Петра своей несокрушимой увѣренностью проповѣдуетъ, что тайный палладіумъ побѣды заключается въ томъ, чтобы поступать по справедливости и воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ. Идеалисты не по разуму, какъ докторъ Стокманъ, могутъ пасть подъ натискомъ сплоченнаго большинства своихъ братьевъ, но знамя идеала шествуетъ дальше, несомое руками женщины! Такимъ образомъ консулъ Берникъ съ его заключительными словами, что истинные столпы общества — женщины, пожалуй, все-таки правъ“.

ВРАГЪ НАРОДА.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ Томасъ Стокманъ, врачъ при курортѣ.
Фру Стокманъ, жена его.
Петра, дочь ихъ, учительница.
Эйлифъ, Мортенъ } сыновья ихъ, тринадцати и десяти лѣтъ.
Петеръ Стокманъ, старшій братъ доктора, бургомистръ и поли цеймейстеръ, предсѣдатель правленія курорта и т. д.
Мортенъ Кійль, пріемный отецъ фру Стокманъ, кожевенный заводчикъ.
Говстадъ, редакторъ „Народнаго Вѣстника“.
Биллингъ, сотрудникъ той же газеты.
Капитанъ Горстеръ.
Типографщикъ Аслаксенъ.
Участники сходки: мужчины всѣхъ сословій, нѣсколько женщинъ и кучка школьниковъ.

Дѣйствіе происходитъ въ приморскомъ городкѣ на югѣ Норвегіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Вечеръ. Небогато, но мило обставленная гостиная въ квартирѣ доктора. Въ правой боковой стѣнѣ двѣ двери: дальняя ведетъ въ переднюю, а ближайшая въ кабинетъ доктора. Въ противоположной стѣнѣ, прямо противъ двери въ переднюю, дверь въ другія комнаты, занимаемыя семьей. Посреди той же стѣны печь, а ближе къ переднему плану диванъ, надъ которымъ виситъ зеркало; передъ диваномъ столъ, покрытый скатертью; на столѣ горитъ лампа подъ абажуромъ. Въ средней стѣнѣ открытая дверь въ столовую, гдѣ виднѣется накрытый столъ и тоже горитъ лампа.

Биллингъ съ засунутой за воротникъ салфеткой сидитъ у стола въ столовой. Фру Стокманъ стоитъ возлѣ, потчуя гостя ростбифомъ. Остальные стулья около стола пусты, сервировка въ безпорядкѣ, какъ послѣ оконченной трапезы.

Фру Стокманъ. Да, коли опоздали на часъ, господинъ Биллингъ, — ужъ не взыщите, что ужинъ холодный.

Биллингъ (прожевывая). Очень вкусно... прямо превосходно.

Фру Стокманъ. Вы вѣдь знаете, какъ строго мужъ держится своего часа ѣды...

Биллингъ. Да по-мнѣ рѣшительно все равно. Пожалуй, даже лучше ѣстся, когда сидишь вотъ такъ, въ одиночку, и никто тебѣ не мѣшаетъ.

Фру Стокманъ. Да, да, разъ вамъ кажется вкусно, то... (Прислушиваясь) А вотъ, вѣрно, и Говстадъ.

Биллингъ. Пожалуй.

(Входитъ бургомистръ Стокманъ въ пальто, форменной фуражкѣ и съ палкой).

Бургомистръ. Мое почтеніе, невѣстка.

Фру Стокманъ (выходя въ гостиную). Ахъ, здравствуйте! Это вы? Какъ мило, что заглянули.

Бургомистръ. Шелъ мимо, вотъ и... (Бросая взглядъ въ столовую) Но-у васъ, какъ видно, гости.

Фру Стокманъ (нѣсколько смущенная). Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: просто случайно. (Быстро) Не хотите ли закусить за компанію?

Бургомистръ. Я? Нѣтъ, покорно благодарю. Горячій ужинъ,— Боже избави. Это не по моему желудку.

Фру Стокманъ. Ну, разокъ-то...

Бургомистръ. Нѣтъ, нѣтъ, спасибо: я держусь своего чая съ бутербродами. Оно въ концѣ концовъ здоровѣе... да и поэкономнѣе.

Фру Стокманъ (съ улыбкой). Вы не подумайте, что мы съ Томасомъ такъ ужъ транжиримъ.

Бургомистръ. Вы-то нѣтъ, невѣстка. Этого у меня и въ умѣ не было. (Указывая рукой на кабинетъ доктора) Его, пожалуй, дома нѣтъ?

Фру Стокманъ. Нѣтъ; пошелъ прогуляться послѣ ужина — съ мальчиками.

Бургомистръ. Это считается здоровымъ? (Прислушиваясь) Вотъ, кажется, и онъ.

Фру Стокманъ. Нѣтъ, едва ли... (Стукъ въ дверь ихъ прихожей). Пожалуйста!

(Входитъ редакторъ Говстадъ).

Фру Стокманъ. Ахъ, это вы, господинъ редакторъ...

Говстадъ. Да, извините; меня задержали въ типографіи. Здравствуйте, господинъ бургомистръ.

Бургомистръ (кланяясь нѣсколько суховато). Господинъ редакторъ! Вѣроятно, по дѣлу?

Говстадъ. Отчасти. По поводу одной статьи, которую собираемся помѣстить у насъ въ газетѣ.

Бургомистръ. Могу себѣ представить. Мой братъ, говорятъ, весьма плодовитый сотрудникъ «Народнаго Вѣстника».

Говстадъ. Да, онъ позволяетъ себѣ выступать въ «Народномъ Вѣстникѣ» съ правдивымъ словомъ о томъ, о семъ.

Фру Стокманъ (Говстаду). Но не угодно ли вамъ?.. (Указываетъ на столовую).

Бургомистръ. Помилуйте; я отнюдь не ставлю ему въ упрекъ, что онъ пишетъ для того круга читателей, въ которомъ ожидаетъ встрѣтить наибольшій откликъ. Вообще у меня вѣдь нѣтъ никакихъ личныхъ причинъ питать неудовольствіе противъ вашей газеты, господинъ Говстадъ.

Говстадъ. И я такъ думаю.

Бургомистръ. Въ сущности у насъ въ городѣ господствуетъ прекрасный духъ терпимости... истинно гражданскій духъ. И происходитъ это оттого, что у насъ есть большое общее дѣло... которое одинаково дорого всѣмъ благомыслящимъ согражданамъ.

Говстадъ. Нашъ курортъ, да.

Бургомистръ. Именно. Наша грандіозная новая водолѣчебница. Увидите, она станетъ главнѣйшимъ жизненнымъ источникомъ города, господинъ Говстадъ. Безъ сомнѣнія.

Фру Стокманъ. И Томасъ то же говоритъ.

Бургомистръ. Какой необычайный подъемъ нашего мѣстечка наблюдается за послѣдніе годы! Капиталы пошли въ оборотъ, все оживилось. Дома и участки растутъ въ цѣнѣ съ каждымъ днемъ.

Говстадъ. И число безработныхъ убываетъ.

Бургомистръ. И это тоже. И заботы по призрѣнію бѣдныхъ, лежащія на имущихъ классахъ, отрадно уменьшаются, и уменьшатся еще, если сезонъ въ этомъ году выдастся вполнѣ благопріятный, — будетъ порядочный съѣздъ пріѣзжихъ... хорошій наплывъ больныхъ, которые составятъ реноме курорту.

Говстадъ. И на такой наплывъ, какъ я слышалъ, имѣются всѣ виды.

Бургомистръ. Виды весьма многообѣщающіе. Ежедневно поступаютъ запросы о помѣщеніяхъ и тому подобномъ.

Говстадъ. Такъ статья доктора явится какъ разъ кстати.

Бургомистръ. Онъ опять написалъ что-нибудь такое?

Говстадъ. Написалъ-то онъ это еще зимой, — статью о курортѣ; въ ней подчеркнуты всѣ благопріятныя гигіеническія условія нашего мѣстечка. Но я отложилъ печатаніе.

Бургомистръ. Ага; была, вѣроятно, какая-нибудь зацѣпка?

Говстадъ. Нѣтъ, не потому: но мнѣ казалось, что лучше погодить до середины весны; теперь вѣдь какъ разъ всѣ начинаютъ шевелиться, подумывать, гдѣ провести лѣто...

Бургомистръ. Весьма правильно; чрезвычайно правильно, господинъ Говстадъ.

Фру Стокманъ. Да, ужъ гдѣ коснется нашего курорта, Томасъ просто неутомимъ.

Бургомистръ. На то онъ и присяжный врачъ курорта.

Говстадъ. Да онъ же первый и затѣялъ все.

Бургомистръ. Онъ? Вотъ какъ? Да, мнѣ приходится иногда слышать, что есть люди, которые держатся этого мнѣнія. Но я, право, думаю, что и мнѣ тоже принадлежитъ скромная доля участія въ данномъ предпріятіи.

Фру Стокманъ. Томасъ всегда это говоритъ.

Говстадъ. Да кто же это отрицаетъ, господинъ бургомистръ? Вы двинули дѣло, осуществили его на практикѣ; это всѣмъ намъ извѣстно. Я говорю только, что идею подалъ докторъ.

Бургомистръ. Да, идей у моего брата въ свое время было хоть отбавляй — къ сожалѣнію. Но когда доходитъ до настоящаго дѣла, нужны люди другого закала, господинъ Говстадъ. И, право, я полагалъ, что, по крайней мѣрѣ, здѣсь въ домѣ...

Фру Стокманъ. Но, дорогой зять...

Говстадъ. Помилуйте, господинъ бургомистръ...

Фру Стокманъ. Такъ подите же закусите немножко, господинъ Говстадъ, а тѣмъ временемъ, вѣрно, и мужъ придетъ.

Говстадъ. Спасибо,—чуть-чуть, пожалуй. (Уходитъ въ столовую).

Бургомистръ (понизивъ голосъ). Замѣчательно, что эти люди, вышедшіе непосредственно изъ крестьянскаго сословія, никакъ не могутъ отдѣлаться отъ своей безтактности.

Фру Стокманъ. Ну, стоитъ ли обращать вниманіе. Или вы съ Томасомъ не можете подѣлить честь по-братски?

Бургомистръ. Казалось бы такъ; но не всѣ, какъ видно, согласны дѣлиться.

Фру Стокманъ. Ну, что тамъ говорить о другихъ! Вы-то съ Томасомъ вѣдь отлично ладите. (Прислушиваясь) Вотъ теперь, кажется, онъ. (Идетъ и отворяетъ дверь въ переднюю).

Докторъ Стокманъ (смѣясь и шумно разоблачаясь въ прихожей). Вотъ тебѣ еще гость, Катрина! Что, рада? А?.. Милости прошу, капитанъ Горстеръ; повѣсьте пальто на крючокъ. Ахъ, да вы безъ пальто... Представь себѣ, Катрина, поймалъ его на улицѣ и еле затащилъ къ намъ.

Капитанъ Горстеръ (входитъ и раскланивается).

Докторъ Стокманъ (въ дверяхъ). Ну, ну, входите, мальчугапы. Вообрази, они опять голоднехоньки! Сюда, капитанъ Горстеръ: сейчасъ отвѣдаете такого ростбифа... (Тащитъ Горстера въ столовую. Эйлифъ и Мортенъ идутъ туда же).

Фру Стокманъ. Томасъ, развѣ ты не видишь?..

Докторъ Стокманъ (оборачиваясь въ дверяхъ). А-а, ты, Петеръ? (Подходитъ и протягиваетъ ему руку) Вотъ это славно.

Бургомистръ. Къ сожалѣнію, долженъ сейчасъ уйти...

Докторъ Стокманъ. Вздоръ, сейчасъ подадутъ пуншъ. Ты вѣдь не забыла про пуншъ, Катрина?

Фру Стокманъ. Само собой. Вода уже кипитъ. (Уходитъ въ столовую).

Бургомистръ. И пуншъ еще!..

Докторъ Стокманъ. Да; усаживайся же; вотъ славно будетъ.

Бургомистръ. Спасибо, я никогда не участвую въ коммершахъ...

Докторъ Стокманъ. Да какой же это коммершъ!

Бургомистръ. Однако... (Смотритъ въ столовую) Удивительно, какъ это они могутъ поглощать столько.

Докторъ Стокманъ (потирая руки). Просто любо-дорого смотрѣть, какъ молодежь ѣстъ! Всегда у нихъ аппетитъ! Такъ оно и слѣдуетъ. Имъ надо ѣсть! Набираться силъ! Вотъ кому предстоитъ мѣсить опару будущаго, Петеръ.

Бургомистръ. Смѣю спросить, какъ это «мѣсить», какъ ты выражаешься?

Докторъ Стокманъ. А это ты спроси у молодежи — когда придетъ время. Мы-то, разумѣется, этого ужъ не увидимъ. Само собой. Два такихъ старыхъ хрыча, какъ мы съ тобой...

Бургомистръ. Ну, ну, однако! Крайне странная манера выражаться...

Докторъ Стокманъ. Э, не ставь мнѣ всякое лыко въ строку, Петеръ. Надо тебѣ сказать — у меня сегодня такъ весело, пріятно на душѣ. Чувствую себя невыразимо счастливымъ среди этой пробуждающейся, брызжущей изо всѣхъ поръ молодой жизни. Право, чудесное время! Вокругъ насъ какъ будто расцвѣтаетъ цѣлый новый міръ.

Бургомистръ. Въ самомъ дѣлѣ? Ты находишь?

Докторъ Стокманъ. Тебѣ-то, конечно, оно не такъ видно, какъ мнѣ. Ты всю жизнь прожилъ тутъ, въ этихъ условіяхъ, и впечатлительность у тебя притупилась. А я столько лѣтъ пробылъ тамъ, на сѣверѣ, въ захолустьѣ, гдѣ свѣжаго человѣка почти не видать, живого слова не слыхать, такъ на меня теперь все это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто я очутился въ самомъ водоворотѣ многолюднаго мірового центра...

Бургомистръ. Гм... мірового центра...

Докторъ Стокманъ. Ну, понятно, я знаю — условія жизни здѣсь мизерны въ сравненіи съ жизнью во многихъ другихъ мѣстахъ. Но и здѣсь кипитъ жизнь... развертываются виды на будущее, открывается безчисленное множество задачъ, ради

которыхъ стоитъ работать, бороться, а это главное. (Кричитъ) Катрина, почтальона не было?

Фру Стокманъ (изъ столовой). Нѣтъ, никого не было.

Докторъ Стокманъ. И потомъ хорошій заработокъ, Петеръ! Вотъ что научишься цѣнить, поживъ, какъ мы, впроголодь...

Бургомистръ. Помилуй...

Докторъ Стокманъ. Да, да; можешь, я думаю, представить себѣ, что намъ не разъ приходилось тамъ крутенько. А теперь живемъ, какъ помѣщики! Сегодня, напримѣръ, у насъ за обѣдомъ былъ ростбифъ. Еще и на ужинъ осталось. Не отвѣдаешь ли кусочекъ? Или дай хоть показать тебѣ его... Поди сюда...

Бургомистръ. Нѣтъ, нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ...

Докторъ Стокманъ. Ну, такъ поди же сюда. Видишь, мы обзавелись новой скатертью?

Бургомистръ. Да, замѣтилъ.

Докторъ Стокманъ. И абажуромъ. Видишь? Все Катрина съэкономила. И комната сразу стала уютнѣе. Какъ ты находишь? Стань-ка вонъ тамъ... нѣтъ, нѣтъ, не такъ; ну вотъ, теперь такъ. Видишь, когда оттуда падаетъ такой густой свѣтъ — право, гостиная выходитъ преэлегантной. А?

Бургомистръ. Да, если можно позволить себѣ такого рода роскошь...

Докторъ Стокманъ. О, да; теперь-то можно. Катрина говоритъ, что я зарабатываю почти какъ разъ, сколько намъ нужно на прожитіе.

Бургомистръ. Почти — да!..

Докторъ Стокманъ. Но человѣкъ науки вѣдь и въ правѣ жить немножко пошире. Я увѣренъ, что простой амтманъ тратитъ въ годъ куда больше моего.

Бургомистръ. Я думаю, еще бы! Амтманъ, высшая административная персона...

Докторъ Стокманъ. Ну, такъ, скажемъ — простой коммерсантъ. Этотъ народъ живетъ еще куда шире...

Бургомистръ. Таковы условія жизни.

Докторъ Стокманъ. Въ концѣ концовъ и я, право, ничего не трачу лишняго, Петеръ. Но не лишать же мнѣ себя истиннаго удовольствія — принимать у себя людей. Мнѣ это, видишь ли, прямо необходимо. Столько лѣтъ я просидѣлъ тамъ въ глуши, внѣ жизни... Теперь для меня насущная потребность — сближеніе съ молодыми, смѣлыми, бодрыми людьми, свободомыслящими, полными жажды дѣятельности... А вонъ тѣ тамъ, что сидятъ и ѣдятъ на здоровье, какъ разъ таковы. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты поближе узналъ Говстада...

Бургомистръ. Ахъ, да, Говстадъ сказалъ, что опять собирается напечатать какую-то твою статью.

Докторъ Стокманъ. Мою статью?

Бургомистръ. Да, о курортѣ. Статью, что ты написалъ еще зимой.

Докторъ Стокманъ. Ахъ, ту... да! Но ту я пока не хочу пускать.

Бургомистръ. Нѣтъ? А по-моему, теперь бы какъ разъ самое время.

Докторъ Стокманъ. Да, да, положимъ; при обыкновенныхъ обстоятельствахъ... (Ходитъ по комнатѣ).

Бургомистръ (слѣдитъ за нимъ взглядомъ). А что же такого экстраординарнаго въ данныхъ обстоятельствахъ?

Докторъ Стокманъ (останавливаясь). Видишь, Петеръ, я, честное слово, не могу пока сказать тебѣ этого. Во всякомъ случаѣ не сегодня. Пожалуй, въ данныхъ обстоятельствахъ и много необыкновеннаго, а пожалуй, и ровно ничего. Весьма возможно, что все это одно воображеніе.

Бургомистръ. Признаюсь, это въ высшей степени загадочно. Предвидится что-нибудь такое непріятное, что хотятъ скрыть отъ меня? Полагалъ бы, однако, что въ качествѣ предсѣдателя правленія курорта...

Докторъ Стокманъ. А я полагалъ бы, что въ качествѣ... Ну, ладно, не вцѣпиться же намъ другъ другу въ волосы, Петеръ.

Бургомистръ. Боже избави. У меня нѣтъ этой привычки — вцѣпляться въ волосы, какъ ты выражаешься. Но я долженъ неукоснительнѣйше настаивать на томъ, чтобы всѣ мѣропріятія ставились на обсужденіе и проводились установленнымъ порядкомъ черезъ законныя власти. Я не могу допустить никакихъ обходовъ или подходовъ съ задняго крыльца.

Докторъ Стокманъ. Развѣ я когда-нибудь прибѣгалъ къ обходамъ или подходамъ!?

Бургомистръ. Во всякомъ случаѣ у тебя врожденная склонность ходить своими особыми путями; а это въ благоустроенномъ обществѣ почти столь же недопустимо. Отдѣльному человѣку приходится, въ самомъ дѣлѣ, подчиняться интересамъ цѣлаго, или, вѣрнѣе, подчиняться властямъ, кои поставлены на стражѣ общаго блага.

Докторъ Стокманъ. Весьма возможно. Но мнѣ-то кой чортъ до этого?

Бургомистръ. Да вотъ этого-то какъ разъ ты, милый Томасъ, повидимому, и не желаешь себѣ усвоить. Но смотри, тебѣ еще когда-нибудь придется поплатиться за это — рано или поздно. Такъ и знай. Прощай.

Докторъ Стокманъ. Да ты просто спятилъ? Не туда заѣхалъ...

Бургомистръ. Ну, этого со мной не бываетъ. И вообще я просилъ бы впредь избавить меня... (Кланяясь по направленію столовой) Прощайте, невѣстка. Прощайте, господа. (Уходитъ).

Фру Стокманъ (входя въ комнату). Ушелъ?

Докторъ Стокманъ. Да; совсѣмъ взбѣленился.

Фру Стокманъ. Чѣмъ это ты опять разсердилъ его, милый Томасъ?

Докторъ Стокманъ. Да ровно ничѣмъ. Не можетъ же онъ требовать, чтобы я выложилъ ему все прежде времени.

Фру Стокманъ. А что ты ему долженъ былъ выложить?

Докторъ Стокманъ. Гм... Это мое дѣло, Катрина. Удивительно, что съ почты все ничего нѣтъ.

(Говстадъ, Биллингъ и Горстеръ встаютъ изъ-за стола и входятъ въ гостиную. Эйлифъ и Мортенъ тоже, немного погодя).

Биллингъ (потягиваясь). А-а! Убей меня Богъ, послѣ такого ужина чувствуешь себя словно новымъ человѣкомъ.

Говстадъ. А бургомистръ-то, кажется, былъ не въ духѣ сегодня.

Докторъ Стокманъ. Это все отъ желудка. Плохо варитъ у него.

Говстадъ. Особенно плохо, пожалуй, переваритъ насъ съ «Народнымъ Вѣстникомъ».

Фру Стокманъ. Вы-то, кажется, ничего... довольно мирно разошлись съ нимъ.

Говстадъ. Да, но это лишь такъ, въ родѣ перемирія.

Биллингъ. Вѣрно! Это слово исчерпываетъ положеніе.

Докторъ Стокманъ. Не надо забывать, что Петеръ человѣкъ одинокій, бѣдняга. Нѣтъ у него семьи, уютнаго домашняго уголка; все только дѣла да дѣла. А потомъ эта треклятая чайная водица, которую онъ вѣчно лакаетъ. Эй, вы, мальчуганы! Подвигайте-ка стулья. Катрина, дадутъ намъ сюда пуншу?

Фру Стокманъ (направляясь въ столовую). Сейчасъ подамъ.

Докторъ Стокманъ. Вы со мной на диванъ, капитанъ Горстеръ. Такой рѣдкій гость!.. Пожалуйста, садитесь, друзья.

(Мужчины садятся къ столу. Фру Стокманъ приноситъ подносъ съ кипятильникомъ, стаканами, графинами и прочими принадлежностями).

Фру Стокманъ. Ну вотъ; тутъ и аракъ, и ромъ, и коньякъ. Теперь пусть каждый самъ себя угощаетъ. (Отходитъ).

Докторъ Стокманъ (беретъ стаканъ). Сумѣемъ. (Приготовляетъ пуншъ) И сигары сюда! Эйлифъ, ты небось знаешь, гдѣ стоитъ ящикъ. А ты, Мортенъ, достань мою трубку. (Мальчики убѣгаютъ въ комнату направо). Я подозрѣваю, что Эйлифъ иной разъ стянетъ сигарку-другую, но я и виду не подаю. (Кричитъ) Дай мою шапочку, Мортенъ! Катрина, ты не знаешь, куда я ее

дѣвалъ? А, онъ ужъ нашелъ ее! (Мальчики приносятъ все, что было велѣно). Сдѣлайте одолженіе, друзья. Я, вы знаете, держусь своей трубки. Вотъ эта самая не разъ трепалась со мной тамъ по сѣверу во всякую погоду и непогоду. (Чокаясь) Ваше здоровье! А-а!.. Да, оно куда пріятнѣе сидѣть тутъ въ теплѣ и привольѣ.

Фру Стокманъ (занимаясь вязаньемъ). Вамъ скоро опять въ путь, капитанъ Горстеръ?

Горстеръ. На будущей недѣлѣ, я думаю, будемъ готовы.

Фру Стокманъ. Въ Америку?

Горстеръ. Да.

Биллингъ. Такъ вамъ, значитъ, не удастся принять участія въ выборахъ новаго предсѣдателя.

Горстеръ. Развѣ предстоятъ новые выборы?

Биллингъ. А вы не знаете?

Горстеръ. Нѣтъ, я въ эти дѣла не мѣшаюсь.

Биллингъ. Но вы же интересуетесь общественными дѣлами?

Горстеръ. Нѣтъ; я въ нихъ ничего не понимаю.

Биллингъ. Все-таки; надо, по крайней мѣрѣ, участвовать въ подачѣ голосовъ.

Горстеръ. И тѣмъ, кто ничего въ этихъ дѣлахъ не смыслитъ?

Биллингъ. Смыслитъ? То-есть что вы хотите сказать? Общество — тоже въ родѣ корабля. Весь экипажъ долженъ участвовать въ управленіи ходомъ.

Горстеръ. Быть-можетъ, такъ полагается на сушѣ; а на кораблѣ изъ этого ничего путнаго не вышло бы.

Говстадъ. Странно, какъ мало моряки, въ большинствѣ случаевъ, интересуются дѣлами страны.

Биллингъ. Просто удивительно.

Докторъ Стокманъ. Моряки, что птицы перелетныя. Они вездѣ дома — и на югѣ и на сѣверѣ. Зато тѣмъ энергичнѣе надо дѣйствовать намъ, остальнымъ, господинъ Говстадъ. Не появится ли завтра въ «Народномъ Вѣстникѣ» чего-нибудь такого общеполезнаго?

Говстадъ. По части городскихъ дѣлъ — ничего. Но послѣзавтра я полагалъ пустить вашу статью...

Докторъ Стокманъ. Ахъ, чортъ, мою статью! Нѣтъ, слушайте, вамъ придется погодить съ ней.

Говстадъ. Развѣ? А у насъ какъ разъ мѣсто есть, да и время, мнѣ казалось, самое подходящее...

Докторъ Стокманъ. Да, да; оно, пожалуй, такъ, но все-таки вамъ придется пообождать. Потомъ я вамъ объясню...

(Изъ передней входитъ Петра въ шляпѣ и пальто, съ тетрадями подъ мышкой).

Петра. Здравствуйте.

Докторъ Стокманъ. Здравствуй, Петра: и ты пришла?

(Обмѣнъ поклоновъ. Петра складываетъ свои вещи и тетради на стулъ у дверей).

Петра. Вы вотъ тутъ сидите себѣ, пируете, а я вся избѣгалась.

Докторъ Стокманъ. Ну, теперь и ты присаживайся, попируй.

Биллингъ. Приготовить вамъ стаканчикъ?

Петра (подходя къ столу). Спасибо, я лучше сама. Вы всегда слишкомъ крѣпко дѣлаете. Ахъ, да, папа, у меня есть письмо тебѣ. (Идетъ къ стулу, гдѣ лежатъ ея вещи).

Докторъ Стокманъ. Письмо! Отъ кого?

Петра (ища въ карманѣ пальто). Почтальонъ мнѣ отдалъ — какъ разъ, когда я выходила изъ дому...

Докторъ Стокманъ (встаетъ и идетъ къ ней). И ты сейчасъ только собралась отдать!..

Петра. Но, право же, мнѣ некогда было опять подыматься наверхъ. Изволь.

Докторъ Стокманъ (хватая письмо). Посмотримъ, посмотримъ, дочка. (Глядитъ на адресъ) Да, да, какъ разъ!..

Фру Стокманъ. Это самое ты такъ ждалъ, Томасъ?

Докторъ Стокманъ. Именно. Надо сейчасъ же пойти... Гдѣ бы взять свѣчу, Катрина? Опять въ моей комнатѣ нѣтъ лампы?

Фру Стокманъ. Какъ же: горитъ у тебя на письменномъ столѣ.

Докторъ Стокманъ. Хорошо, хорошо. Извините, на минутку... (Уходитъ въ комнату направо).

Петра. Что это за письмо, мама?

Фру Стокманъ. Не знаю. Послѣдніе дни онъ то и дѣло спрашивалъ, не было ли чего съ почты.

Биллингъ. Вѣроятно, иногородный паціентъ...

Петра. Бѣдный папа. Скоро его совсѣмъ завалятъ работой. (Приготовляетъ себѣ пуншъ) Вотъ вкусно-то будетъ!

Говстадъ. У васъ и сегодня были занятія въ вечерней школѣ?

Петра (отхлебывая). Два часа.

Биллингъ. Да утромъ четыре часа въ институтѣ...

Петра (присаживаясь къ столу). Пять.

Фру Стокманъ. Да еще предстоитъ вечеромъ поправлять тетрадки, какъ вижу.

Петра. Цѣлую кипу.

Горстеръ. И вы, кажется, тоже завалены работой.

Петра. Да; но это хорошо. Такъ славно устаешь послѣ этого...

Биллингъ. А вамъ это нравится?

Петра. Да; потомъ такъ сладко спится.

Мортенъ. Ты, вѣрно, страсть какая грѣшница, Петра.

Петра. Грѣшница?

Мортенъ. Ну да, — что работаешь такъ много. Господинъ Рёрлундъ говоритъ, что работа—это намъ наказаніе за грѣхи.

Эйлифъ (презрительно фыркаетъ). Какой ты глупый, что вѣришь этому.

Фру Стокманъ. Ну, ну, Эйлифъ!

Биллингъ (смѣясь). Нѣтъ, это чудесно!

Говстадъ. А тебѣ не хочется такъ много работать, Мортенъ?

Мортенъ. Нѣтъ.

Говстадъ. Чѣмъ же ты хотѣлъ бы быть?

Мортенъ. Лучше всего бы викингомъ.

Эйлифъ. Такъ вѣдь тебѣ бы пришлось быть язычникомъ.

Мортенъ. Ну, и пусть бы я былъ язычникомъ.

Биллингъ. Я съ тобой согласенъ, Мортенъ! Скажу то же самое.

Фру Стокманъ (дѣлая знакъ ему). Ну, конечно, нѣтъ, господинъ Биллингъ.

Биллингъ. Убей меня Богъ... Я и есть язычникъ и горжусь этимъ. Увидите, скоро мы всѣ будемъ язычниками.

Мортенъ. И тогда намъ можно будетъ дѣлать все, что захотимъ?

Биллингъ. То-есть, видишь ли, Мортенъ...

Фру Стокманъ. Подите-ка теперь къ себѣ, мальчуганы; у васъ, вѣрно, еще не всѣ уроки готовы на завтра.

Эйлифъ. Мнѣ-то еще можно было бы посидѣть...

Фру Стокманъ. Нѣтъ, и тебѣ нельзя. Ступайте оба.

(Мальчики прощаются и уходятъ въ комнату налѣво).

Говстадъ. Такъ вы полагаете, что мальчикамъ вредно слушать такіе разговоры?

Фру Стокманъ. Ужъ не знаю, но мнѣ это не по душѣ.

Петра. Ну, мама, это, право, совсѣмъ дико.

Фру Стокманъ. Можетъ-быть. Но разъ мнѣ не по душѣ... Но крайней мѣрѣ, не у насъ дома.

Петра. Столько неправды и дома и въ школѣ. Дома надо молчать, а въ школѣ намъ приходится прямо лгать дѣтямъ.

Горстеръ. Вамъ лгать приходится?

Петра. Или вы думаете, намъ не приходится учить ихъ многому, во что мы сами не вѣримъ?

Биллингъ. Это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго.

Петра. Будь только у меня средства, я бы открыла свою школу, и тамъ бы у меня все иначе пошло.

Биллингъ. Э, что тамъ—средства!..

Горстеръ. Если вамъ такъ этого хочется, фрёкенъ Стокманъ,

то помѣщеніе я могу вамъ предоставить. Старый большой домъ покойнаго отца стоитъ почти пустой. Въ нижнемъ этажѣ огромная зала...

Петра (смѣясь). Да, да, спасибо вамъ. Только врядъ ли что-нибудь выйдетъ изъ этого.

Говстадъ. Нѣтъ, фрёкенъ Петра скорѣе, кажется, перейдетъ въ нашъ лагерь — газетныхъ работниковъ... Ахъ, да, успѣли вы просмотрѣть англійскій разсказъ, который обѣщали перевести для насъ?

Петра. Нѣтъ еще; но не бойтесь, получите вѣ-время.

Докторъ Стокманъ (выходитъ изъ кабинета, размахивая распечатаннымъ письмомъ). Ну, господа, вотъ такъ новость для города!

Биллингъ. Новость?

Фру Стокманъ. Какая же новость?

Докторъ Стокманъ. Огромное открытіе, Катрина!

Говстадъ. Да?

Фру Стокманъ. И ты его сдѣлалъ?

Докторъ Стокманъ. Именно. (Расхаживая по комнатѣ) Пусть-ка теперь, по обыкновенію, скажутъ, что все это однѣ пустыя выдумки да сумасбродныя затѣи! Небось, остерегутся! Ха-ха! Остерегутся, я думаю!

Петра. Да скажи же, въ чемъ дѣло, папа!

Докторъ Стокманъ. Дай срокъ, дай срокъ, все узнаете. Ахъ, будь тутъ сейчасъ Петеръ! Да, вотъ и видно, какъ мы, люди, можемъ иногда быть слѣпы—словно кроты!..

Говстадъ. Что вы собственно хотите сказать этимъ, господинъ докторъ?

Докторъ Стокманъ (останавливаясь у стола). Не всѣ ли того мнѣнія, что нашъ городъ—здоровое мѣсто?

Говстадъ. Само собой.

Докторъ Стокманъ. Даже необычайно здоровое мѣсто... которое слѣдуетъ усерднѣйшимъ образомъ рекомендовать и больнымъ и здоровымъ...

Фру Стокманъ. Но, милый Томасъ...

Докторъ Стокманъ. Мы такъ и дѣлали—рекомендовали, расхваливали. Я писалъ и въ «Народномъ Вѣстникѣ» и въ брошюрахъ...

Говстадъ. Ну да, и что же?

Докторъ Стокманъ. Затѣмъ у насъ есть водолѣчебница, называемая и главной артеріей, и жизненнымъ нервомъ города, и чортъ знаетъ еще чѣмъ...

Биллингъ. «Бьющимся сердцемъ города»—какъ я разъ выразился при одномъ торжественномъ случаѣ...

Докторъ Стокманъ. Ну, вотъ, вотъ. А знаете вы, что такое

въ сущности эта грандіозная, восхваляемая водолѣчебница, стоившая такихъ громадныхъ денегъ, — знаете вы, что̀ это такое?

Говстадъ. Нѣтъ; что̀ же она такое?

Фру Стокманъ. Ну, что̀ же она?

Докторъ Стокманъ. Чумная яма.

Петра. Водолѣчебница, папа!

Фру Стокманъ (одновременно). Водолѣчебница!

Говстадъ (такъ же). Но, докторъ. .

Биллингъ. Прямо невѣроятно!

Докторъ Стокманъ. Вся водолѣчебница—окрашенный гробъ, внутри полный заразы! Опасность для здоровья—сильнѣйшая! Вся эта мерзость изъ Мельничной долины... вся эта вонючая гадость... заражаетъ воду, которая идетъ по водопроводнымъ трубамъ въ зданіе, гдѣ пьютъ во̀ды. И эта же ядовитая дрянь просачивается и на берегу...

Горстеръ. Гдѣ морскія купальни?

Докторъ Стокманъ. Именно.

Говстадъ. Откуда у васъ такая увѣренность, господинъ докторъ?

Докторъ Стокманъ. Я изучилъ всѣ условія самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ. О, я долго носился съ этимъ подозрѣніемъ. Въ прошломъ году были какія-то странныя, необъяснимыя заболѣванія среди пріѣзжихъ больныхъ... тифы, гастрическія лихорадки...

Фру Стокманъ. Да, да, было, было.

Докторъ Стокманъ. Мы тогда полагали, что гости привезли заразу съ собой. Но потомъ... зимою... я сталъ смотрѣть на дѣло иначе. И принялся изслѣдовать воду, насколько было возможно...

Фру Стокманъ. Такъ вотъ съ чѣмъ ты такъ возился!

Докторъ Стокманъ. Да, ужъ можно сказать, повозился, Катрина! Но гдѣ тутъ достать всѣ нужные приборы и прочія приспособленія? Вотъ я и послалъ пробы и питьевой воды и морской въ университетъ для точнаго химическаго анализа.

Говстадъ. И теперь получили?

Докторъ Стокманъ (показывая письмо). Вотъ оно. Констатировано присутствіе въ водѣ гніющихъ органическихъ веществъ... и массы бактерій. Такъ что вода эта безусловно вредна для здоровья — и для внутренняго и для наружнаго употребленія.

Фру Стокманъ. Вотъ счастье, что ты во̀-время открылъ это

Докторъ Стокманъ. Что̀ и говорить.

Говстадъ. И что̀ вы намѣрены теперь дѣлать, докторъ?

Докторъ Стокманъ. Разумѣется, постараться поправить дѣло.

Говстадъ. Такъ это можно?

Докторъ Стокманъ. Надо! Не то — вся водолѣчебница пропала, погибла. Но этого нечего бояться. Я вполнѣ выяснилъ себѣ, что̀ именно слѣдуетъ тутъ предпринять.

Фру Стокманъ. Но какъ это ты держалъ все въ такомъ секретѣ, милый Томасъ?

Докторъ Стокманъ. А что̀ же мнѣ было—рыскать по городу да благовѣстить, прежде чѣмъ я вполнѣ убѣдился? Нѣтъ, спасибо; я не такой дуракъ.

Петра. Ну, намъ-то, домашнимъ...

Докторъ Стокманъ. Ни единой душѣ. Но завтра можешь забѣжать къ «барсуку»...

Фру Стокманъ. Ахъ, Томасъ...

Докторъ Стокманъ. Ну, ну, скажемъ, къ дѣдушкѣ. Вотъ удивится старикъ! Онъ вѣдь считаетъ меня свихнувшимся. Да и не онъ одинъ, а многіе, какъ я успѣлъ замѣтить. Ну, теперь эти добрые люди увидятъ... Покажу я имъ... (Ходитъ по комнатѣ, потирая руки) Вотъ кутерьма-то подымется въ городѣ. Катрина! Представить себѣ не можешь. Всю водопроводную сѣть придется перекладывать заново!

Говстадъ. Всю сѣть?

Докторъ Стокманъ. Само собой. Пріемникъ лежитъ слишкомъ низко; надо перенести его куда-нибудь повыше.

Петра. Значитъ, ты-таки былъ правъ.

Докторъ Стокманъ. Да, ты помнишь, Петра? Я писалъ тогда, выступалъ противъ нихъ, когда они еще только приступали къ прокладкѣ. Но никто и слушать не хотѣлъ. Ну, и задамъ же я имъ теперь!.. Я вѣдь, само собой, составилъ цѣлый докладъ правленію курорта. Уже съ недѣлю готовъ у меня. Я только дожидался этого письма. А теперь сейчасъ же отправимъ докладъ. (Уходитъ къ себѣ и затѣмъ возвращается съ небольшой пачкой исписанныхъ листковъ) Вотъ! Цѣлыхъ четыре мелко исписанныхъ листа! И письмо это приложу. Газету, Катрина! Дай во что завернуть. Хорошо. Вотъ такъ. Отдай это... э-э... (топая ногой) ну, чортъ, какъ ее тамъ зовутъ... Отдай, словомъ, прислугѣ и вели сейчасъ же снести бургомистру.

(Фру Стокманъ уходитъ съ пакетомъ черезъ столовую).

Петра. А что̀, по-твоему, скажетъ дядя Петеръ, папа?

Докторъ Стокманъ. Онъ-то что̀ скажетъ? Да ему, вѣрно, останется только радоваться обнаруженію такой важной истины.

Говстадъ. Вы позволите помѣстить въ «Народномъ Вѣстникѣ» маленькую замѣтку о вашемъ открытіи?

Докторъ Стокманъ. И еще спасибо вамъ скажу.

Говстадъ. Желательно вѣдь, чтобы публика узнала объ этомъ возможно скорѣе.

Докторъ Стокманъ. Безъ сомнѣнія.

Фру Стокманъ (возвращается). Пошла.

Биллингъ. Убей меня Богъ, если вы не будете у насъ первымъ человѣкомъ въ городѣ, господинъ докторъ!

Докторъ Стокманъ (весело прохаживается по комнатѣ). Э, что тамъ! Въ сущности, я вѣдь только исполнилъ свой долгъ. Мнѣ посчастливилось откопать кладъ, вотъ и все. Но, конечно...

Биллингъ. Говстадъ, какъ по-вашему, не слѣдуетъ ли городу почтить доктора Стокмана процессіей съ флагами?

Говстадъ. Во всякомъ случаѣ я подниму этотъ вопросъ.

Биллингъ. А я поговорю насчетъ этого съ Аслаксеномъ.

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, друзья мои, бросьте эти затѣи. Я и знать не хочу никакихъ такихъ фокусовъ. И если бы правленію курорта вздумалось прибавить мнѣ за это жалованья — я не соглашусь. Слышишь, Катрина,—не соглашусь.

Фру Стокманъ. И хорошо сдѣлаешь. Томасъ.

Петра (подымая стаканъ). За папино здоровье!

Говстадъ и Биллингъ. За ваше здоровье, господинъ докторъ!

Горстеръ (чокаясь съ докторомъ). Дай вамъ Богъ удачи!

Докторъ Стокманъ. Спасибо, спасибо, дорогіе друзья! Я сердечно радъ... Отрадно сознавать, что сослужилъ службу своему родному городу и своимъ согражданамъ. Ура, Катрина! (Обвиваетъ ея шею руками и кружится съ ней по комнатѣ. Фру Стокманъ вскрикиваетъ и отбивается. Общій смѣхъ, хлопанье въ ладоши и крики „ура" въ честь доктора. Мальчики высовываютъ головы изъ дверей).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната. Дверь въ столовую затворена. Утро.

Фру Стокманъ (съ запечатаннымъ письмомъ въ рукахъ, выходитъ изъ столовой, идетъ къ дверямъ первой комнаты направо и заглядываетъ туда). Ты дома, Томасъ?

Докторъ Стокманъ (изъ кабинета). Только-что вернулся. (Входитъ) Что-нибудь есть?

Фру Стокманъ. Письмо отъ твоего брата. (Передаетъ ему письмо).

Докторъ Стокманъ. Ага; посмотримъ. (Вскрываетъ и читаетъ) «Возвращая при семъ присланную рукопись»... (Бормочетъ вполголоса, читая дальше) Гм...

Фру Стокманъ. Что же онъ пишетъ?

Докторъ Стокманъ (пряча письмо въ карманъ). Да ничего, кромѣ того, что самъ зайдетъ около полудня.

Фру Стокманъ. Такъ ты смотри не забудь, оставайся дома.

Докторъ Стокманъ. Можно. Я ужъ покончилъ свои утренніе визиты.

Фру Стокманъ. Страсть любопытно узнать, какъ онъ это приметъ.

Докторъ Стокманъ. Увидишь, ему не очень-то придется по вкусу, что это я открылъ, а не онъ самъ.

Фру Стокманъ. Такъ и ты этого боишься?

Докторъ Стокманъ. Ну, въ сущности-то ему это будетъ на руку, — понимаешь. Но все-таки... Петеръ такъ и трясется, какъ бы кто другой, кромѣ него, не оказался полезнымъ городу.

Фру Стокманъ. Но знаешь что̀, Томасъ? Въ такомъ случаѣ... будь умницей и подѣли съ нимъ честь пополамъ. Нельзя развѣ представить дѣло такъ, какъ будто онъ навелъ тебя на мысль?..

Докторъ Стокманъ. Да по-мнѣ все едино. Только бы какъ-нибудь поправить самое дѣло, а тамъ...

Старикъ Мортенъ Кійль (высовываетъ голову изъ дверей передней, пытливо озирается, посмѣивается тихимъ клокочущимъ смѣхомъ и затѣмъ лукаво спрашиваетъ). Это правда?

Фру Стокманъ (идя къ нему). Папаша... ты?!

Докторъ Стокманъ. Да неужели, тесть! Здравствуйте, здравствуйте!

Фру Стокманъ. Войди же.

Мортенъ Кійль. Если правда—ладно, а то уйду.

Докторъ Стокманъ. Да что̀ правда-то?

Мортенъ Кійль. Эта ерунда съ водопроводомъ. Правда, что ли?

Докторъ Стокманъ. Разумѣется, правда. Но вы-то какъ узнали?

Мортенъ Кійль (входя). Петра забѣжала по дорогѣ въ школу...

Докторъ Стокманъ. Да ну?

Мортенъ Кійль. Да-а. И разсказала. Я было-подумалъ, не морочитъ ли она меня; да нѣтъ, не похоже на нее.

Докторъ Стокманъ. Ну, какъ вы могли подумать!

Мортенъ Кійль. О, вѣрить никому нельзя, — оглянуться не успѣешь, какъ въ дуракахъ останешься. Такъ это все-таки правда?

Докторъ Стокманъ. Положительная правда. Да присядьте, тесть. (Усаживаетъ его на диванъ). Вотъ счастье для города, не правда ли?

Мортенъ Кійль (едва удерживаясь отъ смѣха). Счастье для города?

Докторъ Стокманъ. Ну да, что я сдѣлалъ это открытіе вовремя...

Мортенъ Кійль (попрежнему). Да-да-да!.. Но вотъ никогда бы не подумалъ, что вы сыграете такую штуку съ роднымъ братомъ.

Докторъ Стокманъ. Штуку!..

Фру Стокманъ. Но, милый папаша...

Мортенъ Кійль (кладя подбородокъ на руки, сложенныя на набалдачникѣ трости, и лукаво подмигивая доктору). Въ чемъ, бишь, дѣло? Въ водопроводныхъ трубахъ завелись какія-то козявки?

Докторъ Стокманъ. Да, бактеріи.

Мортенъ Кійль. И страсть сколько ихъ тамъ развелось, говоритъ Петра. Тьма-тьмущая?

Докторъ Стокманъ. Да, да; пожалуй, сотни тысячъ.

Мортенъ Кійль. А видѣть ихъ никто не видитъ — такъ, что ли?

Докторъ Стокманъ. Да, видѣть ихъ нельзя.

Мортенъ Кійль (захлебываясь тихимъ, клокочущимъ смѣхомъ). Лучше этого, чортъ меня побери, и не слыхивалъ отъ васъ.

Докторъ Стокманъ. То-есть какъ это понять?

Мортенъ Кійль. Только вамъ никогда въ жизни не втемяшить этого бургомистру.

Докторъ Стокманъ. Ну, это мы увидимъ.

Мортенъ Кійль. Или вы думаете, онъ такъ глупъ?

Докторъ Стокманъ. Я думаю, что весь городъ будетъ такъ глупъ.

Мортенъ Кійль. Весь городъ! Да, право слово, чего добраго! Но такъ имъ и надо, такъ и надо. Насъ стариковъ за поясъ заткнуть хотѣли. Выпихнули меня изъ правленія. Да, да, выпихнули какъ собаку! Забаллотировали! Такъ вотъ же имъ! Сыграйте съ ними штуку, Стокманъ!

Докторъ Стокманъ. Но послушайте, тесть...

Мортенъ Кійль. Сыграйте штуку, говорю вамъ. (Встаетъ) Коли вамъ удастся заставить бургомистра съ его друзьями сѣсть въ лужу, я тутъ же выложу сто кронъ въ пользу бѣдныхъ.

Докторъ Стокманъ. А, это очень мило съ вашей стороны.

Мортенъ Кійль. Да, вы понимаете, мнѣ не изъ чего особенно раскошеливаться... Но коли вамъ это удастся, ужъ не пожалѣю раздать бѣднымъ къ Рождеству съ полсотенки.

(Изъ передней входитъ Говстадъ).

Говстадъ. Здравствуйте! (Останавливаясь) Ахъ, извините...

Докторъ Стокманъ. Ничего, входите, входите.

Мортенъ Кійль (опять съ тѣмъ же смѣхомъ). И онъ? И онъ заодно?

Говстадъ. То-есть въ какомъ смыслѣ?

Докторъ Стокманъ. Разумѣется, заодно.

Мортенъ Кійль. Такъ и думалъ! Пойдетъ въ газеты. И ловкачъ же вы, Стокманъ. Ну, налаживайте дѣло, а я себѣ пойду.

Докторъ Стокманъ. Да посидите, тесть.

Мортенъ Кійль. Нѣтъ, пойду теперь. А вы хорошенько ихъ, хорошенько. Небось, въ накладѣ не останетесь.

(Уходитъ; фру Стокманъ провожаетъ его).

Докторъ Стокманъ (смѣясь). Представьте себѣ, старикъ ни слову не вѣритъ насчетъ водопровода.

Говстадъ. Такъ онъ насчетъ этого?..

Докторъ Стокманъ. Да, мы объ этомъ съ нимъ толковали. И вы, пожалуй, по этому же дѣлу пришли?

Говстадъ. Да, да. Можете удѣлить мнѣ минутку-другую, господинъ докторъ?

Докторъ Стокманъ. Сколько угодно, мой милый.

Говстадъ. Что-нибудь слышали уже отъ бургомистра?

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ еще. Самъ потомъ зайдетъ.

Говстадъ. Я таки-пораздумалъ со вчерашняго вечера надъ этимъ дѣломъ.

Докторъ Стокманъ. Ну?

Говстадъ. Для васъ, какъ врача и научнаго дѣятеля, этотъ случай съ водопроводомъ нѣчто такое—само по себѣ. Я хочу сказать, вамъ не приходитъ на умъ, что дѣло это находится въ самой тѣсной связи съ многими другими вопросами.

Докторъ Стокманъ. То-есть какъ это? Присядемте, дорогой мой... Нѣтъ, на диванъ.

(Говстадъ садится на диванъ, докторъ въ кресло по другую сторону стола).

Докторъ Стокманъ. Ну? Такъ вы, значитъ, полагаете...

Говстадъ. Вы говорили вчера, что воду портитъ загрязненность почвы.

Докторъ Стокманъ. Да, безъ сомнѣнія, источникъ всего зла въ этомъ заразномъ болотѣ, въ Мельничной долинѣ.

Говстадъ. Извините, господинъ докторъ, а я думаю, источникъ совсѣмъ въ иномъ болотѣ.

Докторъ Стокманъ. Что же это за болото?

Говстадъ. Болото, въ которомъ погрязло и гніетъ наше городское общественное самоуправленіе.

Докторъ Стокманъ. Однако, шутъ побери, господинъ Говстадъ, куда вы хватили!

Говстадъ. Всѣ городскія дѣла забрала мало-по-малу въ свои руки кучка чиновниковъ...

Докторъ Стокманъ. Ну, не всѣ же они чиновники.

Говстадъ. Нѣтъ, но тѣ, которые сами не чиновники, во вся-

комъ случаѣ друзья и сторонники чиновниковъ. Это все богатые люди, съ именами, пользующіеся изстари почетомъ. Вотъ кто правитъ нами.

Докторъ Стокманъ. Да, но они вѣдь, по правдѣ сказать, способные, дѣльные люди.

Говстадъ. Доказательствомъ этому—водопроводъ?

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, тутъ они, само собой, дали маху, сглупили. Но это вѣдь будетъ поправлено.

Говстадъ. Вы думаете, тутъ не будетъ никакихъ зацѣпокъ?

Докторъ Стокманъ. Будутъ или не будутъ, а дѣло должно быть сдѣлано во всякомъ случаѣ.

Говстадъ. Да, если пресса возьмется за него.

Докторъ Стокманъ. Не будетъ нужды, дорогой мой. Я увѣренъ, что братъ мой...

Говстадъ. Извините, господинъ докторъ, но я хочу васъ предупредить, что намѣренъ серьезно взяться за это дѣло.

Докторъ Стокманъ. Въ газетѣ?

Говстадъ. Да. Когда я принялъ «Народный Вѣстникъ», у меня было въ виду во что бы то ни стало прорвать этотъ заколдованный кругъ старыхъ, упрямыхъ мумій, которыя забрали себѣ всю власть.

Докторъ Стокманъ. Но вы сами же разсказывали мнѣ, чѣмъ это кончилось. Вы чуть не погубили газету.

Говстадъ. Да, тогда пришлось сложить оружіе, это вѣрно. Тогда можно было опасаться, что курортъ не создастся, если тѣ люди надутъ. Но теперь онъ созданъ, и безъ этихъ господъ можно обойтись.

Докторъ Стокманъ. Обойтись—да; но мы все-таки многимъ обязаны имъ.

Говстадъ. Имъ и будетъ воздана должная честь. Но публицистъ-демократъ, какъ я, не можетъ упустить такого случая. Надо пошатнуть эту басню насчетъ непогрѣшимости заправилъ. Это суевѣріе надо искоренить, какъ всякое другое.

Докторъ Стокманъ. Насчетъ этого я согласенъ съ вами отъ всей души, господинъ Говстадъ; всякое суевѣріе надо искоренять.

Говстадъ. Мнѣ очень не хотѣлось бы задѣвать бургомистра,—онъ вашъ братъ. Но и вы, вѣрно, того же мнѣнія, что истина прежде всего.

Докторъ Стокманъ. Само собой, само собой... (Съ жаромъ) Но все же!.. все же!..

Говстадъ. Вы не перетолкуйте моихъ побужденій въ дурную сторону. Я не своекорыстнѣе и не честолюбивѣе большинства людей.

Докторъ Стокманъ. Но, милый мой... кому же это придетъ въ голову?

Говстадъ. Я изъ простого званія, какъ вы знаете, и имѣлъ-таки возможность узнать главныя нужды низшихъ слоевъ общества. Имъ нужно принимать участіе въ управленіи общественными дѣлами, господинъ докторъ. Это развиваетъ и способности, и знанія, и чувство личнаго достоинства...

Докторъ Стокманъ. Я это отлично понимаю...

Говстадъ. Да,—и вотъ мнѣ кажется, что упустить удобный случай поднять и освободить малыхъ сихъ, униженныхъ и угнетенныхъ—большой грѣхъ для журналиста. Я хорошо знаю, что въ лагерѣ сильныхъ это назовутъ подстрекательствомъ съ моей стороны и тому подобными именами, но пусть ихъ. Лишь бы совѣсть у меня была чиста...

Докторъ Стокманъ. Именно! Именно такъ, милѣйшій господинъ Говстадъ. Но все-таки... чортъ... (Стучатъ). Войдите!

(Въ дверяхъ передней показывается Аслаксенъ. Одѣтъ скромно, но прилично, въ черной парѣ, въ бѣломъ, нѣсколько помятомъ галстукѣ, въ перчаткахъ и съ мягкой шляпой въ рукахъ).

Аслаксенъ (кланяясь). Прошу прощенья, господинъ докторъ, что взялъ на себя смѣлость...

Докторъ Стокманъ (встаетъ). Те-те, да вѣдь это хозяинъ типографіи Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Я самый, господинъ докторъ.

Говстадъ. Вы не за мной ли, Аслаксенъ?

Аслаксенъ. Нѣтъ; я не зналъ, что застану васъ тутъ. Мнѣ собственно съ самимъ докторомъ...

Докторъ Стокманъ. Чѣмъ могу быть полезенъ?

Аслаксенъ. Правда ли, что я слышалъ отъ господина Биллинга, будто господинъ докторъ задумалъ выхлопотать намъ водопроводъ получше?

Докторъ Стокманъ. Да, для водолѣчебницы.

Аслаксенъ. Такъ, такъ; понимаю. Такъ вотъ я и пришелъ сказать, что это дѣло я готовъ поддерживать всячески, всѣми силами.

Говстадъ (доктору). Видите!

Докторъ Стокманъ. Сердечное вамъ спасибо за это, но...

Аслаксенъ. Потому что, пожалуй, не лишнее будетъ имѣть за спиной насъ, мелкихъ обывателей. Мы составляемъ тутъ въ городѣ какъ бы сплоченное большинство... когда захотимъ, то-есть. А всегда хорошо имѣть за собой большинство, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. Безспорно; но только я не могу себѣ представить, чтобы тутъ понадобились особыя мѣры. Мнѣ кажется, самое дѣло столь просто и ясно...

Аслаксенъ. Ну-у, все-таки, пожалуй, не лишнее; я вѣдь хорошо знаю наши городскія власти. Власть имущіе не больно-то охотно сдаются на предложенія, которыя идутъ не отъ нихъ самихъ. Вотъ я и думаю, что не мѣшало бы намъ устроить маленькую демонстрацію.

Говстадъ. Вотъ, вотъ, именно.

Докторъ Стокманъ. Демонстрацію, вы говорите? Да какую же собственно?

Аслаксенъ. Разумѣется, весьма умѣренную, господинъ докторъ; я всегда за умѣренность, потому что умѣренность—первая добродѣтель гражданина... насколько я, то-есть, понимаю.

Докторъ Стокманъ. Вы и славитесь этимъ, господинъ Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Да, мнѣ думается, я таки - смѣю это сказать. А это дѣло съ водопроводомъ — очень ужъ оно важно для насъ, мелкихъ обывателей. Водолѣчебница обѣщаетъ вѣдь стать золотымъ дномъ для города. Заведеніемъ этимъ намъ всѣмъ предстоитъ кормиться, особенно же намъ, домохозяевамъ. Оттого-то мы и готовы поддержать его, чѣмъ только можемъ. А такъ какъ я старшина союза домохозяевъ...

Докторъ Стокманъ. Да?..

Аслаксенъ. ...И кромѣ того представитель общества друзей трезвости... да, доктору, вѣрно, извѣстно, что я стою за трезвость?

Докторъ Стокманъ. Само собой.

Аслаксенъ. Такъ вотъ понятно, что мнѣ приходится встрѣчаться со многими людьми. И такъ какъ меня знаютъ за благомыслящаго и соблюдающаго законность гражданина, какъ сказалъ самъ докторъ, то я кое-что и значу у насъ въ городѣ... пользуюсь нѣкоторымъ вліяніемъ — если позволено будетъ такъ выразиться.

Докторъ Стокманъ. Я это очень хорошо знаю, господинъ Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Такъ вотъ, для меня и нехитрое дѣло оборудовать — хотя бы, къ примѣру, адресъ, коли на это пойдетъ.

Докторъ Стокманъ. Адресъ, вы говорите?

Аслаксенъ. Да, въ нѣкоторомъ родѣ благодарственный адресъ отъ городскихъ обывателей за то, что вы подняли этотъ важный для общества вопросъ. Само собой, адресъ долженъ быть составленъ съ подобающею умѣренностью... чтобы не задѣть городскихъ властей... и вообще власть имущихъ, то-есть. А только бы соблюсти это — и ужъ никто къ намъ придраться не можетъ, не такъ ли?

Говстадъ. Ну, если бы имъ и не совсѣмъ по вкусу пришлось...

Аслаксенъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нельзя задѣвать начальства, господинъ Говстадъ. Никакой оппозиціи противъ лицъ, отъ которыхъ мы такъ зависимъ. Я ужъ проученъ по этой части; ничего путнаго изъ этого никогда не выходитъ. Но благоразумныя чистосердечныя заявленія не могутъ быть воспрещены никому.

Докторъ Стокманъ (потрясая ему руку). Не могу высказать вамъ, любезнѣйшій господинъ Аслаксенъ, какъ сердечно я радъ встрѣтить такое сочувствіе среди своихъ согражданъ. Я такъ радъ... такъ радъ!.. А что вы скажете насчетъ рюмочки хереса? А?

Аслаксенъ. Нѣтъ, премного благодарствую. Я не употребляю крѣпкихъ напитковъ.

Докторъ Стокманъ. Ну такъ стаканъ пива?

Аслаксенъ. Благодарствуйте. и отъ этого откажусь, господинъ докторъ: я ничего не употребляю въ такую раннюю пору. Отправлюсь-ка теперь поговорить кое съ кѣмъ изъ домохозяевъ и подготовить настроеніе.

Докторъ Стокманъ. Это чрезвычайно любезно съ вашей стороны, господинъ Аслаксенъ; но я никакъ не могу взять въ толкъ надобности всѣхъ этихъ приготовленій. Мнѣ сдается, дѣло пойдетъ своимъ чередомъ, само собою.

Аслаксенъ. Наши власти туги на подъемъ, господинъ докторъ. Сохрани Богъ, чтобы я это въ укоръ кому говорилъ, но...

Говстадъ. Завтра мы расшевелимъ ихъ въ газетѣ, Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Только безъ крайностей, господинъ Говстадъ. Соблюдайте умѣренность, иначе вамъ не сдвинуть ихъ съ мѣста. Можете положиться на мой совѣтъ: я таки-набрался опыта въ школѣ житейской. Н-ну, такъ я прощусь съ докторомъ... Теперь вы знаете, что мы, мелкіе обыватели, во всякомъ случаѣ — за васъ горой. На вашей сторонѣ сплоченное большинство, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. Спасибо за это, дорогой мой господинъ Аслаксенъ. (Протягивая ему руку) Прощайте, прощайте.

Аслаксенъ. А вы не зайдете въ типографію, господинъ Говстадъ?

Говстадъ. Я послѣ приду; у меня ѣще есть дѣльце.

Аслаксенъ. Такъ, такъ. (Кланяется и уходитъ: докторъ Стокманъ провожаетъ его въ переднюю).

Говстадъ (когда докторъ возвращается). Ну, что скажете теперь, господинъ докторъ? Не пора, по-вашему, провѣтрить у насъ немножко, встряхнуть всю эту вялость, половинчатость, трусость?

Докторъ Стокманъ. Вы намекаете на Аслаксена?

Говстадъ. Да, на него. Онъ одинъ изъ погрязшихъ въ болотѣ — какимъ бы ни былъ почтеннымъ человѣкомъ въ остальномъ. И таково у насъ большинство — ни шатко ни валко, и нашимъ и вашимъ; изъ-за всевозможныхъ соображеній да сомнѣній никогда не смѣютъ сдѣлать рѣшительнаго шага.

Докторъ Стокманъ. Но Аслаксенъ, кажется, проявилъ такое искреннее доброжелательство.

Говстадъ. Есть вещь, которую я еще больше цѣню: это готовность постоять за себя съ полной увѣренностью въ себѣ.

Докторъ Стокманъ. Я вполнѣ съ вами согласенъ.

Говстадъ. Вотъ отчего я и хочу воспользоваться случаемъ,— не удастся ли хоть теперь заставить воспрянуть духомъ нашихъ благомыслящихъ гражданъ. Надо расшатать этотъ культъ авторитетовъ въ городѣ. Надо открыть глаза всѣмъ имѣющимъ право голоса на эту непозволительную, огромную ошибку съ водопроводомъ.

Докторъ Стокманъ. Хорошо. Разъ вы полагаете, что это нужно для общаго блага, то пусть. Но не раньше, чѣмъ я поговорю съ братомъ.

Говстадъ. Я на всякій случай тѣмъ временемъ набросаю статейку отъ имени редакціи. И если затѣмъ бургомистръ не пожелаетъ двинуть дѣло...

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, какъ только вы можете предполагать!..

Говстадъ. Довольно правдоподобное предположеніе. Такъ тогда?..

Докторъ Стокманъ. Тогда я обѣщаю вамъ... Слушайте, тогда вы можете напечатать мой докладъ... весь цѣликомъ.

Говстадъ. Вы позволите? Даете слово?

Докторъ Стокманъ (подавая ему рукопись). Вотъ онъ. Берите его. Не бѣда вѣдь, если вы его прочтете. А потомъ вернете мнѣ обратно.

Говстадъ. Хорошо, хорошо; не безпокойтесь. И до свиданья, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. До свиданья, до свиданья. Вотъ увидите, все пойдетъ гладко, господинъ Говстадъ, какъ по маслу.

Говстадъ. Гм... Увидимъ. (Кланяется и уходитъ черезъ переднюю).

Докторъ Стокманъ (прохаживаясь по комнатѣ, заглядываетъ въ столовую). Катрина!.. А, ты ужъ дома, Петра?

Петра (входитъ). Только-что изъ школы.

Фру Стокманъ (входитъ). Онъ все еще не приходилъ?

Докторъ Стокманъ. Петеръ? Нѣтъ. Но я тутъ имѣлъ бесѣду съ Говстадомъ. Открытіе мое совсѣмъ его захватило. Оказы-

вается, оно имѣетъ куда болѣе широкое значеніе, чѣмъ я сначала думалъ. И онъ предоставляетъ въ мое распоряженіе свою газету, если бы это понадобилось.

Фру Стокманъ. А ты думаешь, понадобится?

Докторъ Стокманъ. Отнюдь нѣтъ. Но все же можно гордиться, имѣя на своей сторонѣ свободомыслящую независимую печать. И еще, представь, заходилъ старшина союза домохозяевъ.

Фру Стокманъ. Да? А онъ зачѣмъ?

Докторъ Стокманъ. Тоже поддержать меня. Всѣ готовы поддержать меня въ случаѣ чего. Катрина... знаешь, кто стоитъ за мной?

Фру Стокманъ. За тобой? Нѣтъ; кто же это стоитъ за тобой?

Докторъ Стокманъ. Сплоченное большинство.

Фру Стокманъ. Вотъ какъ. И это хорошо, Томасъ?

Докторъ Стокманъ. Я полагаю! (Потираетъ руки и ходитъ по комнатѣ) Да, Боже ты мой, отрадно оказаться братски-солидарнымъ со своими согражданами!

Петра. И быть въ состояніи сдѣлать столько хорошаго, полезнаго, папа!

Докторъ Стокманъ. И еще для своего родного города!

Фру Стокманъ. Звонокъ...

Докторъ Стокманъ. Это, вѣрно, онъ. (Стукъ въ дверь). Войдите!

Бургомистръ (входитъ изъ передней). Здравствуйте!

Докторъ Стокманъ. Добро пожаловать, Петеръ!

Фру Стокманъ. Здравствуйте, зять! Какъ поживаете?

Бургомистръ. Спасибо, ничего себѣ. (Доктору) Мнѣ вручили вчера въ неприсутственное время докладъ отъ тебя по поводу водопроводной системы нашего курорта.

Докторъ Стокманъ. Да. Ты его прочелъ?

Бургомистръ. Прочелъ.

Докторъ Стокманъ. И что скажешь на это?

Бургомистръ (бросая взглядъ въ сторону). Гм...

Фру Стокманъ. Пойдемъ, Петра. (Уходитъ съ Петрой въ комнату налѣво).

Бургомистръ (послѣ нѣкоторой паузы). Развѣ необходимо было вести всѣ эти разслѣдованія у меня за спиной?

Докторъ Стокманъ. Да, пока у меня не было полной увѣренности...

Бургомистръ. А теперь, по-твоему, она у тебя есть?

Докторъ Стокманъ. Вѣрно, ты и самъ успѣлъ убѣдиться въ этомъ.

Бургомистръ. И ты намѣренъ представить этотъ актъ дирекціи курорта, какъ официальный документъ?

Докторъ Стокманъ. Ну да. Надо же что-нибудь предпринять. И дѣло не терпитъ.

Бургомистръ. Ты въ своемъ докладѣ, по обыкновенію, прибѣгаешь къ рѣзкимъ выраженіямъ. Говоришь, напримѣръ, что мы хронически отравляемъ пріѣзжихъ.

Докторъ Стокманъ. Да какъ же сказать иначе, Петеръ? Ты подумай только — испорченную воду и внутрь и снаружи! И это еще бѣднымъ хворымъ людямъ, которые прибѣгаютъ къ намъ въ надеждѣ на излѣченіе и платятъ намъ за это втридорога.

Бургомистръ. И въ своемъ изложеніи дѣла ты приходишь къ тому выводу, что мы должны устроить канализацію для удаленія констатируемыхъ нечистотъ изъ Мельничной долины, а также переложить заново всю водопроводную сѣть.

Докторъ Стокманъ. А ты знаешь иной исходъ? Я другого не знаю.

Бургомистръ. Я заходилъ утромъ къ городскому инженеру. И... скорѣе въ видѣ шутки... представилъ ему эти соображенія, какъ нѣчто такое, что можетъ быть внесено на наше разсмотрѣніе когда-нибудь со временемъ.

Докторъ Стокманъ. Когда-нибудь со временемъ!

Бургомистръ. Онъ, разумѣется, только улыбнулся моей предполагаемой экстравагантности. Ты далъ себѣ трудъ подумать, во что обойдутся предлагаемыя тобой мѣропріятія? Согласно собраннымъ мною свѣдѣніямъ, расходы, вѣроятно, достигли бы нѣсколькихъ сотъ тысячъ кронъ.

Докторъ Стокманъ. Неужто такъ дорого?

Бургомистръ. Да. Но не это еще хуже всего. А вотъ что: работы потребовали бы не меньше двухъ лѣтъ.

Докторъ Стокманъ. Двухъ лѣтъ, говоришь? Цѣлыхъ двухъ лѣтъ?

Бургомистръ. По мѣньшей мѣрѣ. А тѣмъ временемъ, что намъ дѣлать съ водолѣчебницей? Закрыть, что ли? И пришлось бы. Или ты думаешь, кто-нибудь заглянетъ къ намъ, разъ пройдетъ слухъ, будто бы вода вредна для здоровья?

Докторъ Стокманъ. Да вѣдь такъ и есть; она вредна, Петеръ.

Бургомистръ. И все это какъ разъ теперь — когда курортъ начинаетъ расцвѣтать. Сосѣдніе города тоже имѣютъ нѣкоторыя данныя обратиться въ курорты. Ты думаешь, они не приложатъ немедленно всѣхъ стараній, чтобы отвлечь приливъ гостей къ себѣ? Безъ всякаго сомнѣнія. А мы — сядемъ. Весьма вѣроятно, что пришлось бы совсѣмъ упразднить это дорогое сооруженіе. И вотъ ты разорилъ бы свой родной городъ.

Докторъ Стокманъ. Я... разорилъ!..

Бургомистръ. Если городу предстоитъ сколько-нибудь сносное будущее, то исключительно лишь въ связи съ водолѣчебницей. И ты, конечно, понимаешь это не хуже меня.

Докторъ Стокманъ. Но что же, по-твоему, дѣлать?

Бургомистръ. Я изъ твоего доклада отнюдь не вынесъ убѣжденія, чтобы условія водоснабженія были столь неблагопріятны, какъ ты ихъ рисуешь.

Докторъ Стокманъ. Да они скорѣе еще хуже! Или во всякомъ случаѣ ухудшатся къ лѣту, когда наступитъ теплая погода.

Бургомистръ. Какъ сказано, я полагаю, ты значительно преувеличиваешь. Свѣдущій врачъ обязанъ знать соотвѣтствующія мѣры... умѣть предупредить вредоносное вліяніе или парализовать его, если оно вполнѣ очевидно проявится.

Докторъ Стокманъ. А тамъ?.. Что дальше?..

Бургомистръ. Сооруженная водопроводная сѣть — существующій фактъ, и съ нимъ, само собой, надлежитъ считаться. Но, вѣроятно, дирекція въ свое время не откажется обсудить, какія тутъ при посильныхъ матеріальныхъ жертвахъ возможны поправки и улучшенія.

Докторъ Стокманъ. И ты думаешь, я пойду на такую низость?!

Бургомистръ. Низость?

Докторъ Стокманъ. Ну да, это была бы низость... обманъ, ложь, прямое преступленіе противъ публики, противъ всего общества!

Бургомистръ. Я, какъ уже отмѣчено, не могъ вынести убѣжденія, чтобы положеніе вещей было поистинѣ столь угрожающимъ.

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, ты вынесъ! Иначе и быть не можетъ. Мой докладъ такъ поразительно ясенъ и убѣдителенъ! Я это знаю. И ты отлично знаешь это, Петеръ, да только сознаться не хочешь. Вѣдь это *ты* тогда настоялъ на своемъ, чтобы и зданіе водолѣчебницы и водокачка были сооружены тамъ, гдѣ они теперь находятся. И вотъ это-то... этотъ твой треклятый промахъ и не даетъ тебѣ сознаться. Или думаешь, я тебя не раскусилъ?

Бургомистръ. А если-бъ даже и такъ? Если я, быть-можетъ, нѣсколько и щепетиленъ относительно своей репутаціи, такъ это въ интересахъ города. Не опираясь на нравственный авторитетъ, я не могу заправлять дѣлами такъ, какъ того требуютъ соображенія, имѣющія въ виду общее благо. Поэтому... и по различнымъ инымъ причинамъ для меня важно, чтобы докладъ твой не былъ представленъ дирекціи. Его

должно задержать ради общаго блага. Впослѣдствіи я самъ представлю дѣло на обсужденіе, и мы сдѣлаемъ все возможное — безъ шума. Но чтобы ничего... ни единаго слова объ этой злополучной исторіи не было доведено до свѣдѣнія публики.

Докторъ Стокманъ. Ну, этому-то теперь ужъ не помѣшать, мой любезный Петеръ.

Бургомистръ. Нужно и должно помѣшать.

Докторъ Стокманъ. Не удастся, говорю я. Слишкомъ многіе уже знаютъ.

Бургомистръ. Знаютъ! Кто? Ужъ не эти ли господа изъ «Народнаго Вѣстника»?

Докторъ Стокманъ. Ну да, и они. Свободомыслящая, независимая пресса постарается заставить васъ исполнить свой долгъ.

Бургомистръ (послѣ небольшой паузы). Ты чрезвычайно опрометчивъ, Томасъ. Ты не подумалъ, какія послѣдствія это можетъ имѣть для тебя лично?

Докторъ Стокманъ. Послѣдствія? Послѣдствія для меня?

Бургомистръ. Для тебя и для твоей семьи, да.

Докторъ Стокманъ. Какого чорта ты хочешь сказать?

Бургомистръ. Я полагаю, что всегда и во всемъ поступалъ, какъ полагается доброжелательному, готовому помогать тебѣ брату.

Докторъ Стокманъ. Да, это такъ, и спасибо тебѣ за это.

Бургомистръ. Не объ этомъ рѣчь. Меня отчасти вынуждали... собственные интересы. Я всегда питалъ надежду, что мнѣ удастся нѣкоторымъ образомъ обуздать тебя, если я буду содѣйствовать улучшенію твоего экономическаго положенія.

Докторъ Стокманъ. Что такое? Такъ ты только изъ-за личныхъ интересовъ?..

Бургомистръ. Отчасти — говорю я. Для офиціальнаго лица крайне неудобно имѣть близкаго родственника, который то и дѣло компрометируетъ себя.

Докторъ Стокманъ. И, по-твоему, я это дѣлаю?

Бургомистръ. Къ сожалѣнію, дѣлаешь, самъ того не вѣдая. У тебя безпокойный, задорный, мятежный нравъ. И еще эта злосчастная страсть обращаться къ публикѣ въ печати по всякому удобному и неудобному поводу. Чуть мелькнетъ въ головѣ что-нибудь такое — и пошло писать!.. Готова статья или цѣлая брошюра.

Докторъ Стокманъ. Да развѣ не долгъ гражданина, разъ у него явится новая мысль, подѣлиться ею съ публикой?

Бургомистръ. Ну, публикѣ вовсе не нужны новыя мысли.

Для публики больше годятся добрыя старыя, общепризнанныя мысли, которыя у нея уже имѣются.

Докторъ Стокманъ. Ты такъ и говоришь это напрямикъ?

Бургомистръ. Да надо же мнѣ когда-нибудь высказать тебѣ все напрямикъ. До сихъ поръ я все уклонялся отъ этого, зная твою раздражительность: но пора сказать тебѣ правду, Томасъ. Ты представить себѣ не можешь, какъ вредишь себѣ своей опрометчивостью. Ты жалуешься на власти, на самое правительство... будируешь... увѣряешь, что тебя всегда затирали, преслѣдовали. Но чего же другого и ждать... такому тяжелому человѣку, какъ ты.

Докторъ Стокманъ. Еще что? Я и тяжелъ вдобавокъ?

Бургомистръ. Да, Томасъ, ты очень тяжелый человѣкъ, и съ тобой трудно имѣть дѣло. Я это по себѣ знаю. Ты маникируешь всякими соображеніями; ты какъ будто совсѣмъ и забылъ, что обязанъ мнѣ своимъ мѣстомъ при курортѣ...

Докторъ Стокманъ. Мѣсто это принадлежитъ мнѣ по праву! Мнѣ — и никому другому! Я первый сообразилъ, что городокъ нашъ можетъ стать цвѣтущимъ курортомъ, и никто кромѣ меня тогда не понималъ этого. Я одинъ отстаивалъ эту мысль долгіе годы; я писалъ, писалъ...

Бургомистръ. Безспорно. Но тогда время еще не благопріятствовало. Ну, да гдѣ тебѣ было судить объ этомъ въ твоемъ медвѣжьемъ углу. Но какъ только благопріятная минута настала, я вмѣстѣ съ другими... взялъ дѣло въ свои руки, и...

Докторъ Стокманъ. Да, и исковеркали весь мой чудный планъ. Теперь оно и видно, какія умныя головушки взялись за дѣло.

Бургомистръ. Съ моей точки зрѣнія видно только, что ты опять ищешь къ чему бы придраться, чтобы дать волю своимъ мятежнымъ порывамъ. Тебѣ хочется поддѣть стоящихъ выше тебя, — это твоя старая повадка. Ты не терпишь надъ собой ничьего авторитета; косо поглядываешь на всякаго занимающаго высшее офиціальное положеніе; видишь въ немъ какъ бы личнаго врага... и кидаешься на него, не разбирая средствъ. Но теперь я обратилъ твое вниманіе, что тутъ поставлены на карту интересы всего города... и слѣдовательно мои также. Поэтому и говорю тебѣ, Томасъ, что я буду неумолимъ въ своемъ требованіи, которое намѣренъ тебѣ предъявить.

Докторъ Стокманъ. Какое требованіе?

Бургомистръ. Такъ какъ ты не сумѣлъ придержать языкъ и уже имѣлъ объ этомъ разговоръ съ непосвященными, —

хотя надлежало бы отнестись къ этому дѣлу, какъ къ административной тайнѣ. — то, разумѣется, теперь нельзя его замолчать. Откроется широкое поле для всевозможныхъ слуховъ, и злонамѣренные люди не преминутъ всячески ихъ раздувать. Въ силу вышеизложеннаго и необходимо, чтобы ты предупредилъ появленіе подобныхъ слуховъ публичнымъ заявленіемъ.

Докторъ Стокманъ. Я? Какъ? Я тебя не понимаю.

Бургомистръ. Имѣются основанія ожидать, что ты при новомъ изслѣдованіи придешь къ тому результату, что положеніе дѣла далеко не столь опасно или серьезно, какъ ты полагалъ первоначально.

Докторъ Стокманъ. Ага, такъ вотъ чего ты ожидаешь!

Бургомистръ. Далѣе ожидается, что ты питаешь и публично выразишь довѣріе къ дирекціи и къ той основательности и добросовѣстности, съ которыми она предприметъ необходимыя мѣры для устраненія возможныхъ несовершенствъ.

Докторъ Стокманъ. Да никогда вамъ не удастся поправить дѣла, если вы собираетесь только пачкаться да заплатки ставить. Говорю тебѣ, Петеръ, это мое искреннѣйшее, глубочайшее убѣжденіе...

Бургомистръ. Въ качествѣ служащаго, тебѣ не полагается имѣть особыхъ мнѣній или убѣжденій.

Докторъ Стокманъ (пораженный). Не полагается?..

Бургомистръ. Въ качествѣ служащаго, говорю я. Въ качествѣ частнаго лица — сдѣлай одолженіе, это дѣло другое. Но въ качествѣ подчиненнаго лица, состоящаго на службѣ у дирекціи курорта, тебѣ не полагается выступать съ мнѣніями и убѣжденіями, не согласными съ убѣжденіями твоего начальства.

Докторъ Стокманъ. Это ужъ слишкомъ! Мнѣ, врачу, научному дѣятелю, не полагается!

Бургомистръ. Данный случай нельзя разсматривать какъ чисто научный; это случай сложный, имѣющій и техническую и экономическую сторону.

Докторъ Стокманъ. А пусть его будетъ, чѣмъ чортъ хочетъ! Я хочу свободно высказываться о всевозможныхъ случаяхъ въ мірѣ!

Бургомистръ. Сдѣлай одолженіе. Только не о дѣлахъ курорта... Это мы запрещаемъ.

Докторъ Стокманъ (кричитъ). Вы запрещаете!.. Вы! Такіе!..

Бургомистръ. Я тебѣ это запрещаю... я — твое высшее начальство; а разъ я тебѣ это запрещаю, тебѣ остается лишь повиноваться.

Докторъ Стокманъ (пересиливая себя). П теръ... не будь ты мнѣ братъ...

Петра (распахивая дверь). Папа, этого ты не потерпишь.

Фру Стокманъ (за нею). Петра, Петра!

Бургомистръ. А-а. изволили подслушивать.

Фру Стокманъ. Тутъ все слышно; мы не могли...

Петра. Да, я стояла и прислушивалась.

Бургомистръ. Въ сущности я радъ...

Докторъ Стокманъ (подступая къ нему). Ты говорилъ мнѣ о запрещеніи, требовалъ повиновенія?..

Бургомистръ. Ты вынудилъ меня заговорить въ такомъ тонѣ.

Докторъ Стокманъ. Чтобы я публично опровергъ самого себя?

Бургомистръ. Мы усматриваемъ безотлагательную надобность въ публичномъ заявленіи съ твоей стороны въ томъ смыслѣ, какъ я потребовалъ отъ тебя.

Докторъ Стокманъ. А если я — ослушаюсь?

Бургомистръ. Такъ мы сами опубликуемъ разъясненіе для успокоенія публики.

Докторъ Стокманъ. Такъ. А я его опровергну. Я стою на своемъ и докажу, что правъ я, а не вы. Что вы тогда сдѣлаете?

Бургомистръ. Тогда я не остановился бы и передъ твоей отставкой.

Докторъ Стокманъ. Что!..

Петра. Папѣ отставку!

Фру Стокманъ. Отставку!

Бургомистръ. Тебя бы отставили отъ должности врача при курортѣ. Я усмотрѣлъ бы въ твоемъ поведеніи достаточный поводъ, чтобы войти съ представленіемъ о немедленномъ твоемъ увольненіи, объ устраненіи тебя отъ всякаго касательства къ дѣламъ курорта.

Докторъ Стокманъ. И вы рискнули бы?!

Бургомистръ. Ты самъ затѣялъ рискованную игру.

Петра. Дядя, это возмутительно такъ поступать съ такимъ человѣкомъ, какъ папа!

Фру Стокманъ. Ты бы помолчала, Петра!

Бургомистръ (смотритъ на Петру). Ага, тоже обзавелись уже особыми мнѣніями? Разумѣется! (Обращаясь къ фру Стокманъ) Невѣстка, вы, повидимому, разсудительнѣе всѣхъ здѣсь въ домѣ. Пустите же въ ходъ все свое вліяніе на вашего мужа, внушите ему, какія это повлекло бы за собой послѣдствія и для него и для его семьи...

Докторъ Стокманъ. Моя семья касается меня одного!

Бургомистръ. ...И для его семьи, говорю я, и для всего города, гдѣ онъ живетъ.

Докторъ Стокманъ. Я-то истинно желаю добра городу! Хочу

разоблачить его недостатки, которые рано ли, поздно ли — да должны выйти наружу. Нѣтъ, всѣ, небось, увидятъ, что я-то люблю свой родной городъ.

Бургомистръ. Ты? Когда ты въ своемъ слѣпомъ упорствѣ стремишься отнять у города важнѣйшій источникъ его благосостоянія.

Докторъ Стокманъ. Источникъ этотъ отравленъ, говорятъ тебѣ! Ты въ своемъ умѣ? Мы тутъ промышляемъ всякой дрянью да гнилью! Все наше общественное благосостояніе основано на обманѣ!

Бургомистръ. Фантазіи... или еще похуже. Тотъ, кто изрыгаетъ такія оскорбительныя инсинуаціи на свой родной городъ, является врагомъ общества.

Докторъ Стокманъ (бросаясь къ нему). Ты смѣешь!..

Фру Стокманъ (кидаясь между ними). Томасъ!

Петра (схвативъ отца за руку). Только не горячись, папа!

Бургомистръ. Я не желаю подвергать себя необузданнымъ выходкамъ. Теперь ты предупрежденъ. Поразмысли о своемъ долгѣ по отношенію къ себѣ и своимъ. Прощай. (Уходитъ).

Докторъ Стокманъ (ходитъ по комнатѣ). Сносить подобное обращеніе! Въ собственномъ домѣ, Катрина! Что ты скажешь на это?

Фру Стокманъ. Да, конечно, просто стыдъ и срамъ, Томасъ..

Петра. Знай я только, чѣмъ донять дядюшку!..

Докторъ Стокманъ. Я самъ виноватъ; давно бы пора мнѣ было ощетиниться на нихъ... показать имъ зубы... огрызнуться! И вдобавокъ — назвать меня врагомъ общества! Меня! Этого я, честное благородное слово, такъ не оставлю!

Фру Стокманъ. Но, милый Томасъ, братъ твой все-таки сила...

Докторъ Стокманъ. А на моей сторонѣ — право!

Фру Стокманъ. Ну, право... право... что толку быть правымъ, коли нѣтъ у тебя силы?

Петра. Ахъ, мама!.. Какъ можно такъ говорить?

Докторъ Стокманъ. Какъ что толку быть правымъ, когда мы живемъ въ свободномъ обществѣ? Чудачка ты, Катрина. И кромѣ того, развѣ у меня въ авангардѣ нѣтъ смѣлой и независимой прессы, а въ арьергардѣ сплоченнаго большинства? Это довольно-таки большая сила, я полагаю!

Фру Стокманъ. Но, помилуй, Томасъ, не думаешь же ты?..

Докторъ Стокманъ. Чего я не думаю?

Фру Стокманъ. ...Тягаться съ братомъ, хотѣла я сказать.

Докторъ Стокманъ. А какого бы чорта ты хотѣла? Чтобы я, да не постоялъ за то, что считаю правдой и истиной!..

Петра. Да, и я то же скажу.

Фру Стокманъ. Ахъ, да ничего ты ровно не добьешься. Коли не захотѣть — такъ они и не захотятъ.

Докторъ Стокманъ. Хо-хо, Катрина! Дай только срокъ, увидишь, я добьюсь своего.

Фру Стокманъ. Добьешься, пожалуй, отставки, — это такъ.

Докторъ Стокманъ. Такъ по крайней мѣрѣ выполню свой долгъ передъ публикой... передъ обществомъ. Я, объявленный врагомъ общества!

Фру Стокманъ. А передъ своей семьей, Томасъ? Передъ нами, домашними? По-твоему, ты выполнишь этимъ свой долгъ передъ тѣми, о комъ долженъ заботиться?

Петра. Ахъ, да не думай ты вѣчно и прежде всего о насъ, мама!

Фру Стокманъ. Тебѣ легко говорить: ты въ случаѣ чего сама постоишь за себя. А ты вспомни о мальчикахъ, Томасъ; да подумай немножко и о самомъ себѣ... и обо мнѣ...

Докторъ Стокманъ. Право, ты совсѣмъ спятила, Катрина! Да если бы я, какъ жалкій трусъ, согнулъ шею передъ Петеромъ и его проклятой шайкой — была бы у меня послѣ того хоть одна счастливая минута въ жизни?

Фру Стокманъ. Ужъ не знаю, но Боже сохрани насъ отъ такого счастья, какое ждетъ насъ всѣхъ, если ты пойдешь напроломъ. Опять останемся безъ куска хлѣба, безъ вѣрнаго дохода. Мнѣ кажется, довольно ужъ мы натерпѣлись въ былое время; вспомни объ этомъ, Томасъ. Подумай, чѣмъ это все грозитъ.

Докторъ Стокманъ (съ трудомъ сдерживая свое волненіе и сжимая кулаки). И эти канцелярскіе батраки могутъ довести порядочнаго человѣка до такого положенія! Развѣ это не ужасно, Катрина?

Фру Стокманъ. Да, это прямо грѣшно такъ поступать съ тобой; что правда, то правда. Но, Господи Боже, мало ли на свѣтѣ неправды, съ которой приходится мириться... Вотъ мальчики, Томасъ, взгляни на нихъ! Что съ ними будетъ! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобы у тебя хватило духу...

(Входятъ Эйлифъ и Мортенъ съ учебниками и тетрадками).

Докторъ Стокманъ. Мальчики!.. (Вдругъ овладѣвъ собой, твердо и рѣшительно) Хоть бы весь міръ провалился, я не склоню шеи подъ ярмо. (Идетъ въ свою комнату).

Фру Стокманъ (слѣдуя за нимъ). Томасъ... что ты хочешь?..

Докторъ Стокманъ (въ дверяхъ). Я хочу имѣть право смѣло глядѣть въ глаза моимъ мальчикамъ, когда они вырастутъ честными, свободными людьми. (Уходитъ къ себѣ).

Фру Стокманъ (заливаясь слезами). Господи, спаси насъ, сохрани и помилуй!

Петра. Молодецъ, папа! Онъ не сдастся!

(Мальчики съ недоумѣніемъ смотрятъ на всѣхъ; Петра даетъ имъ знакъ молчать).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Контора редакціи „Народнаго Вѣстника". Налѣво въ глубинѣ входная дверь, направо въ той же задней стѣнѣ вторая дверь со стеклами, черезъ которыя видна типографія. Въ правой стѣнѣ тоже дверь. Посреди комнаты большой столъ, заваленный бумагами, газетами, книгами, и около него нѣсколько креселъ. Впереди, налѣво окно и возлѣ него конторка съ высокимъ табуретомъ. По стѣнамъ стулья. Комната имѣетъ мрачный, непривѣтливый видъ; обстановка старая, кресла грязныя и ободранныя. Въ типографіи видны нѣсколько наборщиковъ за работой; подальше виденъ ручной прессъ въ ходу.

Редакторъ Говстадъ сидитъ за конторкой и пишетъ. Немного спустя справа входитъ Биллингъ, держа въ рукахъ рукопись доктора Стокмана.

Биллингъ. Ну, скажу!..

Говстадъ (продолжая писать). Вы прочли?

Биллингъ (положивъ рукопись на конторку). Н-да, прочелъ.

Говстадъ. Что, ловко докторъ бреетъ?

Биллингъ. Бреетъ? Да онъ, убей меня Богъ, прямо бьетъ наповалъ! Что ни слово, то ударъ топора!

Говстадъ. Ну, этихъ господъ съ одного раза не свалишь. Не таковскіе.

Биллингъ. Оно такъ. Тогда мы зачастимъ, — ударъ за ударомъ, пока не свалимъ этотъ оплотъ власть имущихъ. Право, когда я читалъ статью, мнѣ мерещился вдали переворотъ.

Говстадъ (оборачиваясь). Тсс, — не услыхалъ бы Аслаксенъ.

Биллингъ (понижая голосъ). Аслаксенъ — мокрая курица, трусишка; развѣ это мужчина? Но на этотъ разъ вы, надѣюсь, поставите на своемъ? А? Вѣдь проведете статью доктора?

Говстадъ. Если только бургомистръ не сдастся добромъ...

Биллингъ. Вотъ была бы досада, чортъ побери!

Говстадъ. Ну, что бы тамъ ни вышло, мы все-таки извлечемъ пользу изъ этого дѣла. Не сдастся бургомистръ на предложеніе доктора — всѣ мелкіе обыватели сядутъ ему на шею... весь союзъ домохозяевъ и прочіе. А сдастся — такъ разойдется съ цѣлой кучей крупныхъ акціонеровъ курорта, которые до сихъ поръ были его надежнѣйшей опорой...

Биллингъ. Да, да; имъ вѣдь придется раскошеливаться; страсть сколько деньжищъ понадобится!..

Говстадъ. Да ужъ это, хоть побожиться. А тогда заколдованный кругъ будетъ разорванъ, видите ли, и мы изо дня въ день будемъ вдалбливать публикѣ, что бургомистръ несостоятеленъ въ томъ-то и въ томъ-то, и что всѣ отвѣтственныя должности въ городѣ, все управленіе общественными дѣлами должны перейти въ руки свободомыслящихъ людей.

Биллингъ. Что вѣрно, то вѣрно, убей меня Богъ! Я вижу, мы наканунѣ переворота!

(Стукъ во входную дверь, въ глубинѣ налѣво).

Говстадъ. Тсс! (Громко) Войдите!

(Входитъ докторъ Стокманъ).

Говстадъ (идя ему навстрѣчу). А, да это докторъ? Ну?

Докторъ Стокманъ. Печатайте, господинъ Говстадъ!

Говстадъ. Кончилось-таки этимъ?

Биллингъ. Ура!

Докторъ Стокманъ. Печатайте, говорю. Конечно, этимъ кончилось. Сами того захотѣли. Теперь закипитъ война въ городѣ, господинъ Биллингъ.

Биллингъ. Не на животъ, а на смерть, надѣюсь, господинъ докторъ!

Докторъ Стокманъ. Докладъ мой — лишь начало. У меня въ головѣ еще четыре-пять статей. Гдѣ тутъ у васъ Аслаксенъ?

Биллингъ (кричитъ въ типографію). Аслаксенъ, зайдите-ка на минуточку!

Говстадъ. Еще четыре-пять статей, говорите? Все о томъ же?

Докторъ Стокманъ. Н-нѣтъ, куда, мой милый! Совсѣмъ о другихъ предметахъ. Но исходными пунктами остаются водокачка и клоака. Одно тянетъ за собой другое, понимаете. Словно, когда начинаешь ломать старое строеніе, — точь въ точь.

Биллингъ. Вотъ, убей меня Богъ, вѣрно. Ни въ какомъ случаѣ нельзя остановиться, пока не снесешь долой всю рухлядь.

Аслаксенъ (изъ типографіи). Долой? Не собирается же докторъ снести долой водолѣчебницу?

Говстадъ. И не думаетъ. Успокойтесь.

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ. Ну, такъ что же вы скажете о моей статьѣ, господинъ Говстадъ?

Говстадъ. По-моему, изложено мастерски.

Докторъ Стокманъ. Не правда ли?.. Ну, очень радъ, очень радъ.

Говстадъ. Такъ все просто, ясно, вразумительно; не нужно быть и спеціалистомъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Смѣю сказать, всѣ просвѣщенные люди будутъ на вашей сторонѣ.

Аслаксенъ. И всѣ разсудительные, полагаю? Да?

Биллингъ. И разсудительные и безразсудные! Я думаю, почти весь городъ.

Аслаксенъ. Ну, такъ, вѣрно, можно ее напечатать.

Докторъ Стокманъ. Полагаю!

Говстадъ. Завтра же утромъ пускаемъ ее.

Докторъ Стокманъ. Да, чортъ побери, нельзя терять ни единаго дня. Слушайте, господинъ Аслаксенъ, вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ попросить: вы ужъ займитесь рукописью сами.

Аслаксенъ. Займусь, займусь.

Докторъ Стокманъ. Берегите пуще глаза. И чтобы ни единой опечатки. Тамъ каждое слово важно. А я еще заверну: авось успѣю немножко проглядѣть корректуру... Да, просто выразить не могу, какъ жажду увидѣть мой докладъ въ печати... какъ онъ полетитъ въ свѣтъ...

Биллингъ. Вылетитъ — какъ бомба!

Докторъ Стокманъ. ...На судъ всѣхъ здравомыслящихъ сограждан. О, вы представить себѣ не можете, чему я подвергся сегодня. Мнѣ грозили и тѣмъ и сѣмъ; хотѣли лишить меня самыхъ моихъ неотъемлемыхъ, ясныхъ, какъ день, человѣческихъ правъ...

Биллингъ. Что? Вашихъ человѣческихъ правъ!

Докторъ Стокманъ. ...Хотѣли унизить меня, сдѣлать изъ меня подлеца, требовали, чтобы я поставилъ личныя выгоды выше самыхъ кровныхъ, священнѣйшихъ убѣжденій...

Биллингъ. Это ужъ черезчуръ, убей меня Богъ!

Говстадъ. Ну, отъ этихъ господъ можно всего ожидать.

Докторъ Стокманъ. Да нѣтъ, не на таковскаго напали. Увидятъ чернымъ по бѣлому. Теперь я брошу якорь въ «Народномъ Вѣстникѣ» и каждый Божій день буду осыпать ихъ статьями-торпедами...

Аслаксенъ. Послушайте однако...

Биллингъ. Ура! Война такъ война!

Докторъ Стокманъ. ...Я ихъ прижму къ землѣ, раздавлю, свалю ихъ укрѣпленія на глазахъ у всѣхъ здравомыслящихъ людей! Вотъ что я сдѣлаю!

Аслаксенъ. Но, пожалуйста, соблюдайте умѣренность, господинъ докторъ; стрѣляйте, да въ мѣру.

Биллингъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не скупитесь на динамитъ!

Докторъ Стокманъ (невозмутимо продолжаетъ). Теперь дѣло не въ одной водокачкѣ и клоакѣ, видите ли. Нѣтъ, надо очистить, дезинфицировать всю нашу общественную жизнь...

Биллингъ. Вотъ оно, всеразрѣшающее слово!

Докторъ Стокманъ. Всѣхъ этихъ стариковъ-пачкуновъ съ ихъ заплатками — долой, понимаете. Долой отовсюду! Сегодня

передо мной открылись такіе безграничные горизонты... Я еще не вполнѣ ясно вижу все: но я сумѣю разобраться. Намъ нужны молодые, свѣжіе знаменоносцы, друзья мои; новые командиры на всѣхъ передовыхъ постахъ.

Биллингъ. Слушайте, слушайте!

Докторъ Стокманъ. И только дѣйствовать дружно — все пойдетъ какъ по маслу! Оборудуемъ весь переворотъ такъ гладко, какъ корабль спускаютъ на воду. Вы не вѣрите?

Говстадъ. Я съ своей стороны вѣрю, что у насъ теперь всѣ шансы, чтобы общественное кормило перешло въ надлежащія руки.

Аслаксенъ. Ежели только мы будемъ соблюдать умѣренность, то я отнюдь не думаю, чтобы это было опасно.

Докторъ Стокманъ. Кой чортъ тутъ думать — опасно или не опасно! То, что я дѣлаю, я дѣлаю во имя правды и по чистой совѣсти.

Говстадъ. Вы стоите всякой поддержки, господинъ докторъ.

Аслаксенъ. Да, ужъ спору нѣтъ, докторъ истинный другъ города; истинный другъ общества.

Биллингъ. Докторъ Стокманъ, убей меня Богъ, другъ народа, Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Я полагаю, союзъ домохозяевъ скоро подхватитъ это словечко.

Докторъ Стокманъ (растроганно пожимаетъ имъ руки). Спасибо, спасибо, милые мои, вѣрные мои друзья... Мнѣ такъ отрадно слышать это... Братъ мой назвалъ меня совсѣмъ иначе. Ну, и верну же я ему это съ лихвой, честное слово! А теперь надо пойти навѣстить одного бѣднягу... Я заверну опять, какъ сказалъ. Такъ, пожалуйста, хорошенько свѣряйте съ рукописью, господинъ Аслаксенъ... И, ради Бога, не пропустите ни единаго восклицательнаго знака! Лучше прибавьте парочку! Такъ, такъ; прощайте же пока. До свиданья! До свиданья!

(Взаимныя привѣтствія, пока доктора провожаютъ до дверей).

Говстадъ (возвращаясь). Онъ можетъ оказать намъ неоцѣнимыя услуги.

Аслаксенъ. Да, пока только онъ будетъ держаться за эту исторію съ водолѣчебницей. А ежели пойдетъ дальше, не посовѣтую слѣдовать за нимъ!

Говстадъ. Гмъ... все зависитъ отъ...

Биллингъ. Чортъ знаетъ, все-то вы трусите, Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Трушу? Да, когда дѣло дойдетъ до мѣстныхъ властей, я трушу, господинъ Биллингъ. Я недаромъ прошелъ школу опыта, скажу я вамъ. Но пустите-ка меня въ большую политику, посмотрѣли бы вы, какъ я струшу, хотя бы передъ самимъ правительствомъ.

Биллингъ. Разумѣется, вы не трусливаго десятка; но вотъ то-то и есть, что васъ не разберешь; вы сами себѣ противорѣчите.

Аслаксенъ. Я человѣкъ съ совѣстью, вотъ въ чемъ дѣло. Ежели нападаешь на правительство, обществу отъ этого никакого вреда, да и тѣмъ господамъ ничего не дѣлается, видите ли, — сидятъ себѣ крѣпко. А мѣстныя власти свалить можно, и тогда, пожалуй, у кормила станутъ неопытные, несвѣдущіе люди, къ непоправимому вреду для домохозяевъ и прочихъ обывателей.

Говстадъ. А воспитаніе гражданъ путемъ участія въ самоуправленіи — объ этомъ вы не думаете?

Аслаксенъ. Коли у человѣка есть свое дѣло въ рукахъ, такъ гдѣ-жъ ему думать обо всемъ заразъ, господинъ Говстадъ.

Говстадъ. Такъ пусть бы у меня никогда не было никакого своего дѣла!

Биллингъ. Слушайте... слушайте!

Аслаксенъ (съ улыбкой). Гм... (Указывая на конторку) На этомъ редакторскомъ мѣстѣ сидѣлъ до васъ амтманъ Стенсгоръ.

Биллингъ (плюется). Тьфу! Перебѣжчикъ!

Говстадъ. Я не флюгеръ... и никогда имъ не буду.

Аслаксенъ. Политиканъ ни за что ручаться не можетъ, господинъ Говстадъ. А вамъ, господинъ Биллингъ, тоже, кажется, не мѣшало бы посбавить парусовъ; вы вѣдь добиваетесь мѣста секретаря при магистратѣ.

Биллингъ. Я!..

Говстадъ. Вы, Биллингъ?!

Биллингъ. Ну да... Вы же, чортъ возьми, понимаете, что я только хотѣлъ насолить этимъ премудрымъ отцамъ города.

Аслаксенъ. Ну, меня, конечно, все это не касается. Но разъ меня укоряютъ въ трусости и въ противорѣчіяхъ, такъ я вотъ что желаю поставить на видъ: политическое прошлое типографщика Аслаксена открыто всѣмъ и каждому. Со мной никакихъ другихъ перемѣнъ не приключилось, какъ только та, что я сталъ еще умѣреннѣе, видите ли. Сердце мое попрежнему принадлежитъ народу; но я не стану скрывать, что разумъ мой склоняется на сторону властей... то-есть мѣстныхъ — да. (Уходитъ въ типографію).

Биллингъ. Нельзя ли намъ какъ-нибудь сплавить его, Говстадъ?

Говстадъ. А вы знаете кого-нибудь другого, кто возьметъ на себя всѣ предварительные расходы на бумагу и печать?

Биллингъ. Чертовски скверно, что у насъ нѣтъ оборотнаго капитала.

Говстадъ (садясь за конторку). Да, будь у насъ...

Биллингъ. А если бы вы обратились къ доктору Стокману?

Говстадъ (перелистывая бумаги). А что толку? У него ровно ничего нѣтъ.

Биллингъ. Такъ; но у него хорошая заручка — старикъ Мортенъ Кійль, «барсукъ», какъ его прозвали.

Говстадъ (пишетъ). Вы навѣрное знаете, что у него есть кое-что?

Биллингъ. Убей меня Богъ, коли нѣту! И кое-что изъ этого перепадетъ-таки семьѣ Стокманъ. Не забудетъ же онъ обезпечить — хотя бы дѣтей.

Говстадъ (полуоборачиваясь). Вы на этомъ и строите свои расчеты?

Биллингъ. Строю? Разумѣется, я ни на чемъ ничего не строю.

Говстадъ. И хорошо дѣлаете. И на это секретарство въ городскомъ управленіи вамъ бы тоже не разсчитывать. Могу васъ завѣрить, вы его не получите.

Биллингъ. А вы думаете, я этого не знаю? Но то-то и хорошо, что я его не получу. Такой отказъ можетъ только разжечь охоту бороться, подлить масла въ огонь, а это весьма кстати въ такомъ медвѣжьемъ углу, какъ здѣсь, гдѣ рѣдко случается что-нибудь такое, что задѣвало бы за живое.

Говстадъ (продолжая писать). Тэкъ, тэкъ...

Биллингъ. Ну... они скоро обо мнѣ услышатъ!.. Пойду теперь составлять воззваніе къ домохозяевамъ. (Уходитъ направо).

Говстадъ (сидя за конторкой, грызетъ ручку и медленно произноситъ). Гм... да-а, такъ. (Стукъ во входную дверь). Войдите!

(Входитъ Петра).

Говстадъ (встаетъ). Ахъ, это вы? Зашли къ намъ?

Петра. Да, извините...

Говстадъ (подвигая ей кресло). Не присядете ли?

Петра. Нѣтъ, благодарю; я сейчасъ уйду.

Говстадъ. Не отъ папаши ли?..

Петра. Нѣтъ, я по своему дѣлу. (Вынимаетъ изъ кармана пальто книгу) Вотъ тотъ англійскій разсказъ.

Говстадъ. Зачѣмъ же вы его отдаете назадъ?

Петра. Я не буду его переводить.

Говстадъ. Да вы же обѣщали...

Петра. Я тогда еще не прочла его. Да и вы сами, вѣрно, тоже?

Говстадъ. Нѣтъ, вамъ извѣстно, я не знаю англійскаго языка, но...

Петра. Хорошо; такъ вотъ я и скажу вамъ: поищите-ка что-нибудь другое. (Кладетъ книгу на столъ) Это совсѣмъ не для «Народнаго Вѣстника».

Говстадъ. Почему же?

Петра. Потому что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ вашими личными мнѣніями.

Говстадъ. Ну, изъ-за этого-то одного...

Петра. Вы меня, кажется, не совсѣмъ поняли... Тутъ рѣчь идетъ о томъ, какъ сверхъестественныя силы покровительствуютъ такъ-называемымъ «добрымъ» людямъ и все устраиваютъ для нихъ въ концѣ концовъ къ лучшему, а такъ-называемые «злые» несутъ кару.

Говстадъ. Да это же какъ разъ отлично. Какъ разъ во вкусѣ большой публики.

Петра. И вы будете пичкать ее подобными произведеніями? Сами вы ничему такому вѣдь не вѣрите. И отлично знаете, что въ дѣйствительности оно вовсе не такъ.

Говстадъ. Вы совершенно правы. Но редакторъ не всегда воленъ поступать, какъ ему желательно. Часто приходится считаться со вкусами и мнѣніями публики — въ менѣе важныхъ вещахъ. Главное дѣло вѣдь политика — для газеты, по крайней мѣрѣ; и если я хочу вести публику къ свободѣ и прогрессу, мнѣ нельзя запугивать ее. Увидавъ такой нравоучительный разсказъ въ «подвальныхъ этажахъ» газеты, она охотнѣе поддастся тому, что печатается у насъ въ верхнихъ... Это усыпляетъ мнительность читателей, укрѣпляетъ въ нихъ довѣріе къ намъ...

Петра. Фу! Не можетъ быть, чтобы вы разставляли своимъ читателямъ такія тенета; не паукъ же вы.

Говстадъ (улыбаясь). Спасибо за ваше хорошее мнѣніе обо мнѣ. Оно и правда, это собственно не мое разсужденіе, а Биллинга.

Петра. Биллинга!

Говстадъ. По крайней мѣрѣ онъ такъ выразился на-дняхъ. Биллингу и не терпится помѣстить этотъ разсказъ, а я его не знаю.

Петра. Да какъ же Биллингъ — со своими независимыми взглядами!..

Говстадъ. О. Биллингъ такой разносторонній человѣкъ. Теперь онъ, говорятъ, добивается мѣста секретаря при магистратѣ.

Петра. Не вѣрю, Говстадъ! Какъ могъ онъ пойти на это?

Говстадъ. А ужъ это вы его самого спросите.

Петра. Вотъ чего никогда бы не подумала про Биллинга!

Говстадъ (пристально глядя на нее). Да? Развѣ это для васъ такая неожиданность?

Петра. Да... Или, пожалуй, нѣтъ. Ахъ, въ сущности, не знаю...

Говстадъ. Мы, газетные строчилы, народъ не важный, фрёкенъ Петра.

Петра. Вы это серьезно говорите?

Говстадъ. Иногда мнѣ такъ думается.

Петра. Ну да, въ мелочахъ будничной жизни; это я еще понимаю. Но теперь, когда вы приняли участіе въ такомъ серьезномъ дѣлѣ...

Говстадъ. Это вы насчетъ дѣла вашего отца?

Петра. Ну да. Теперь, мнѣ кажется, вы должны чувствовать себя человѣкомъ незаурядным, а головой выше большинства.

Говстадъ. Да, сегодня я что-то такое чувствую.

Петра. Не правда ли? Ахъ, вы избрали себѣ завидную долю. Пробивать путь непризнаннымъ еще истинамъ, новымъ, смѣлымъ взглядамъ... Да ужъ одно то, что вы безбоязненно заступаетесь за гонимаго...

Говстадъ. Особенно, если этотъ гонимый... гм... не знаю, какъ бы выразиться...

Петра. Если онъ человѣкъ, столь порядочный и глубоко честный — да?

Говстадъ (понижая голосъ). Особенно, если онъ... вашъ отецъ, хотѣлъ я сказать.

Петра (пораженная). Такъ вотъ что!

Говстадъ. Да, Петра... фрёкенъ Петра.

Петра. Такъ вотъ что у васъ на первомъ планѣ? Не самое дѣло? Не истина? Не великое сердце отца?

Говстадъ. Да, да, само собой, и это тоже.

Петра. Нѣтъ, благодарю. Вы уже проговорились, Говстадъ. И я вамъ больше ни въ чемъ не вѣрю.

Говстадъ. И вы можете такъ сердиться на меня за то, что я главнымъ образомъ ради васъ...

Петра. Я сержусь на васъ за то, что вы не были искренни съ папой. Судя по вашимъ разговорамъ, вамъ всего дороже была истина, благо общества. Вы провели и папу и меня. Не тотъ вы человѣкъ, за кого себя выдавали. И этого я вамъ никогда не прощу... никогда!

Говстадъ. Вамъ бы не слѣдовало говорить со мной такимъ тономъ, фрёкенъ Петра. Меньше всего теперь.

Петра. Отчего бы и не теперь?

Говстадъ. Оттого, что вашъ отецъ не можетъ обойтись безъ меня.

Петра (мѣряетъ его взглядомъ). Такъ вотъ вы какой вдобавокъ? Фуй!

Говстадъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не такой! Это у меня такъ, сорвалось съ языка. Вы не думайте!

Петра. Я знаю, что̀ мнѣ теперь думать. Прощайте.

Аслаксенъ (изъ типографіи: торопливо, таинственно). Провалъ возьми, господинъ Говстадъ... (Увидавъ Петру) Ай-ай, вотъ оказія!..

Петра. Книгу я вонъ тамъ положила. Поищите другую переводчицу. (Идетъ къ выходной двери).

Говстадъ (за нею). Фрёкенъ...

Петра. Прощайте. (Уходитъ).

Аслаксенъ. Господинъ Говстадъ! Послушайте!

Говстадъ. Ну! Что̀ тамъ?

Аслаксенъ. Бургомистръ въ типографіи.

Говстадъ. Бургомистръ?

Аслаксенъ. Да: хочетъ поговорить съ вами. Пришелъ съ чернаго хода... Не хотѣлъ, чтобы его видѣли, вы понимаете.

Говстадъ. Что̀ бы это значило? Нѣтъ, постойте, я самъ... (Идетъ въ коридоръ типографіи, отворяетъ дверь, кланяется и приглашаетъ бургомистра войти). Посматривайте, Аслаксенъ, чтобы никто...

Аслаксенъ. Понимаю... (Уходитъ).

Бургомистръ. Господинъ Говстадъ, вѣрно, не ожидалъ увидѣть меня здѣсь?

Говстадъ. Собственно говоря, нѣтъ.

Бургомистръ (озираясь). Да вы здѣсь преуютно устроились, премило.

Говстадъ. О-о...

Бургомистръ. И вотъ я такъ безцеремонно вторгаюсь къ вамъ и отымаю у васъ время.

Говстадъ. Сдѣлайте одолженіе, господинъ бургомистръ. Я къ вашимъ услугамъ. Но позвольте облегчить васъ... (Беретъ изъ рукъ бургомистра фуражку и палку и кладетъ ихъ на стулъ). И не угодно ли присѣсть?

Бургомистръ (садясь у стола). Благодарю.

Говстадъ (тоже садится къ столу).

Бургомистръ. Со мной сегодня случилась... крайне непріятная исторія, господинъ Говстадъ.

Говстадъ. Да? Ну, понятно, у господина бургомистра столько дѣлъ...

Бургомистръ. Сегодняшняя непріятность исходитъ отъ курортнаго врача.

Говстадъ. Вотъ какъ? Отъ доктора?

Бургомистръ. Онъ сочинилъ нѣчто въ родѣ доклада дирекціи курорта касательно цѣлаго ряда предполагаемыхъ недостатковъ водолѣчебницы.

Говстадъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Бургомистръ. Онъ развѣ не говорилъ вамъ?.. Мнѣ кажется, онъ разсказывалъ...

Говстадъ. То-есть дѣйствительно онъ что-то такое говорилъ мимоходомъ...

Аслаксенъ (входитъ изъ типографіи). Кажется, вы хотѣли дать мнѣ рукопись...

Говстадъ (съ досадой). Гм... На конторкѣ.

Аслаксенъ (находитъ). Хорошо.

Бургомистръ. Постойте... да это оно самое...

Аслаксенъ. Это статья доктора, господинъ бургомистръ.

Говстадъ. Ахъ, такъ вы о ней и говорили?

Бургомистръ. Именно о ней. Вы какъ ее находите?

Говстадъ. Я вѣдь не спеціалистъ, да и пробѣжалъ лишь мелькомъ.

Бургомистръ. Однако печатаете?

Говстадъ. Мнѣ неудобно отказать человѣку... разъ онъ выступаетъ за своей подписью...

Аслаксенъ. Я въ газетѣ не имѣю голоса, господинъ бургомистръ...

Бургомистръ. Само собой.

Аслаксенъ. Мое дѣло печатать, что дадутъ.

Бургомистръ. Вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Аслаксенъ. Такъ я и... (Направляется въ типографію).

Бургомистръ. Погодите минутку, господинъ Аслаксенъ... Съ вашего позволенія, господинъ Говстадъ...

Говстадъ. Сдѣлайте одолженіе, господинъ бургомистръ.

Бургомистръ. Вы человѣкъ благомыслящій, разсудительный, господинъ Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Весьма радъ, если бургомистръ такого мнѣнія.

Бургомистръ. И человѣкъ, пользующійся большимъ вліяніемъ.

Аслаксенъ. Больше среди мелкихъ обывателей.

Бургомистръ. Мелкіе плательщики составляютъ большинство и у насъ, какъ вездѣ.

Аслаксенъ. Что и говорить.

Бургомистръ. И я не сомнѣваюсь, что вы освѣдомлены относительно настроенія большинства изъ нихъ. Не такъ ли?

Аслаксенъ. Да, смѣю сказать, это такъ, господинъ бургомистръ.

Бургомистръ. Да-а, и разъ среди менѣе состоятельныхъ гражданъ царитъ столь похвальная готовность нести жертвы, то...

Аслаксенъ. Какъ то-есть?

Говстадъ. Готовность нести жертвы?

Бургомистръ. Это отрадное знаменіе духа общественности: чрезвычайно отрадное. Готовъ сказать, что не ожидалъ этого. Но вамъ вѣдь настроеніе извѣстно лучше, нежели мнѣ...

Аслаксенъ. Но, господинъ бургомистръ...

Бургомистръ. Городу предстоятъ поистинѣ немалыя жертвы.

Говстадъ. Городу?

Аслаксенъ. Что-то невдомекъ... Дѣло вѣдь касается водолѣчебницы...

Бургомистръ. Тѣ передѣлки, которыя курортный врачъ признаётъ желательными, обойдутся, по предварительнымъ подсчетамъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ кронъ.

Аслаксенъ. Большущія деньги, но...

Бургомистръ. Разумѣется, городу придется сдѣлать заемъ.

Говстадъ (вставая). Съ какой же стати городу?..

Аслаксенъ. Такъ это будетъ изъ городскихъ суммъ?.. Изъ тощихъ кармановъ мелкихъ обывателей!

Бургомистръ. Да, почтеннѣйшій господинъ Аслаксенъ, откуда же иначе взять средства?

Аслаксенъ. А это ужъ дѣло господъ собственниковъ водолѣчебницы.

Бургомистръ. Собственники водолѣчебницы вынуждены по одежкѣ протягивать ножки. И больше затрачивать не берутся.

Аслаксенъ. Вѣрно ли это, господинъ бургомистръ?

Бургомистръ. Я убѣдился въ этомъ. Слѣдовательно, если эти обширныя передѣлки желательны, оплатить ихъ придется городу.

Аслаксенъ. Ахъ, чтобы чортъ... Извините!.. Это выходитъ совсѣмъ иное дѣло, господинъ Говстадъ!

Говстадъ. Да, дѣйствительно.

Бургомистръ. Прискорбнѣе всего то, что намъ поневолѣ придется закрыть водолѣчебницу года на два.

Говстадъ. Закрыть? Совсѣмъ?

Аслаксенъ. На два года?

Бургомистръ. Да; эти работы потребуютъ не менѣе двухъ лѣтъ.

Аслаксенъ. Провалъ возьми!.. Да это намъ не подъ силу, господинъ бургомистръ! Чѣмъ же намъ, домохозяевамъ, жить тѣмъ временемъ?

Бургомистръ. На это, къ сожалѣнію, чрезвычайно затруднительно отвѣтить, господинъ Аслаксенъ. Но чего же вы хотите отъ насъ? Неужели вы думаете, хоть одинъ человѣкъ поѣдетъ сюда, если людямъ начнутъ вбивать въ голову такія фантазіи, что вода заражена, что мы живемъ на заразномъ болотѣ, что весь городъ...

Аслаксенъ. И все это цѣликомъ — одна фантазія?

Бургомистръ. Я при всемъ желаніи не могъ придти къ иному заключенію.

Аслаксенъ. Такъ вѣдь тогда со стороны доктора прямо непростительно... Извините, господинъ бургомистръ, но...

Бургомистръ. Ваши слова—прискорбная истина, господинъ Аслаксенъ. Братъ мой, къ сожалѣнію, всегда былъ крайне опрометчивъ.

Аслаксенъ. А вы еще собираетесь поддерживать его, господинъ Говстадъ!

Говстадъ. Да кто бы подумалъ, что...

Бургомистръ. Я составилъ краткое резюме, какъ надо смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія здраваго смысла, съ присовокупленіемъ соображеній относительно устраненія возможныхъ недостатковъ путемъ, не обременительнымъ для дирекціи курорта.

Говстадъ. Статья у васъ съ собой, господинъ бургомистръ?

Бургомистръ (шаря въ карманѣ). Да, я захватилъ ее на тотъ случай, если бы вы...

Аслаксенъ (быстро). Ахъ, чтобъ ему! Пришелъ!

Бургомистръ. Кто? Мой братъ?

Говстадъ. Гдѣ... гдѣ?

Аслаксенъ. Да, идетъ черезъ типографію.

Бургомистръ. Какъ это неудачно. Мнѣ бы крайне нежелательно было столкнуться съ нимъ здѣсь. Да и нужно бы еще кое-о-чемъ поговорить съ вами.

Говстадъ (указывая на дверь направо). Пройдите пока туда.

Бургомистръ. Но?..

Говстадъ. Тамъ одинъ Биллингъ.

Аслаксенъ. Скорѣе, скорѣе, господинъ бургомистръ. Онъ сейчасъ войдетъ.

Бургомистръ. Хорошо; только постарайтесь поскорѣе отдѣлаться отъ него.

(Уходитъ направо. Аслаксенъ отворяетъ передъ нимъ и затворяетъ за нимъ дверь).

Говстадъ. Займитесь чѣмъ-нибудь. Аслаксенъ. (Садится и начинаетъ писать).

Аслаксенъ (роется въ кипѣ газетъ на столѣ направо).

Докторъ Стокманъ (входитъ изъ типографіи). Ну, вотъ и я опять. (Кладетъ шляпу и палку).

Говстадъ (пишетъ). Уже, господинъ докторъ?.. Поторопитесь, Аслаксенъ, насчетъ того, о чемъ мы говорили. Едва-едва управимся сегодня.

Докторъ Стокманъ (Аслаксену). Еще нѣтъ корректуры, мнѣ сказали.

Аслаксенъ (не оборачиваясь). Да статочное ли дѣло, господинъ докторъ!

Докторъ Стокманъ. Ну-ну; мнѣ вѣдь не терпится, вы понимаете. Не успокоюсь, пока не увижу моего доклада въ печати.

Говстадъ. Гм... Пожалуй, нескоро еще... Правда, Аслаксенъ?

Аслаксенъ. Боюсь, что такъ.

Докторъ Стокманъ. Хорошо, хорошо, друзья мои. Такъ я зайду опять. Хоть два раза, если понадобится. Такое важное дѣло, все благоденствіе города... Тутъ, честное слово, некогда баклуши бить. (Хочетъ уйти, но вдругъ останавливается и возвращается) Ахъ, постойте... надо сказать вамъ еще одну вещь.

Говстадъ. Извините, нельзя ли въ другой разъ?..

Докторъ Стокманъ. Всего два слова. Вотъ что, видите ли... завтра утромъ мою статью прочтутъ и узнаютъ, что я такимъ образомъ всю зиму трудился втихомолку на благо города...

Говстадъ. Но, господинъ докторъ...

Докторъ Стокманъ. Знаю, что вы скажете. По-вашему, я только исполнялъ свой прямой долгъ, долгъ гражданина, не больше. Само собой; я и самъ это знаю не хуже васъ. Но сограждане мои, видите ли... Богъ съ ними... эти добрые люди такъ меня любятъ... цѣнятъ...

Аслаксенъ. Да, до сихъ поръ они васъ крѣпко цѣнили, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. Вотъ потому-то я и боюсь, чтобы... Насчетъ этого я и хотѣлъ поговорить съ вами. Когда это дойдетъ до нихъ,—особенно до неимущихъ классовъ,—какъ призывъ взять на будущее время городскія дѣла въ свои руки...

Говстадъ (встаетъ). Гм... господинъ докторъ, я не скрою отъ васъ...

Докторъ Стокманъ. Ага, я такъ и думалъ. Что-нибудь да затѣвается. Но я и знать этого не хочу. Если тутъ что-нибудь такое готовится...

Говстадъ. Да что же?

Докторъ Стокманъ. Ну, что-нибудь такое... процессія съ флагами, торжественный обѣдъ, подписка на подарокъ или что бы тамъ ни было,—такъ вы дадите мнѣ честное слово не допустить этого. И вы тоже, господинъ Аслаксенъ. Слышите?

Говстадъ. Извините, господинъ докторъ. Лучше сразу выложить вамъ всю правду...

(Фру Стокманъ въ пальто и въ шляпѣ входитъ слѣва, изъ дверей въ глубинѣ сцены).

Фру Стокманъ (увидавъ доктора). Такъ и есть.

Говстадъ (идетъ ей навстрѣчу). Какъ, и вы пожаловали, фру Стокманъ?

Докторъ Стокманъ. Ты за какимъ чортомъ сюда, Катрина?

Фру Стокманъ. Самъ можешь догадаться, зачѣмъ я пришла сюда.

Говстадъ. Не присядете ли? Или, быть-можетъ...

Фру Стокманъ. Благодарю, не безпокойтесь. И ужъ не будьте

въ претензіи, что я пришла за мужемъ. У меня вѣдь трое дѣтей, да будетъ вамъ извѣстно.

Докторъ Стокманъ. Что за вздоръ! Мы и такъ это знаемъ.

Фру Стокманъ. Право, не видно, чтобы ты особенно помнилъ о женѣ и дѣтяхъ сегодня. Иначе ты, вѣрно, не потащилъ бы насъ всѣхъ безъ оглядки въ пропасть.

Докторъ Стокманъ. Да ты совсѣмъ рехнулась, Катрина? Или человѣкъ, у котораго есть жена и дѣти, не смѣетъ говорить правду... не смѣетъ быть полезнымъ и дѣятельнымъ гражданиномъ, не смѣетъ служить городу, въ которомъ живетъ?

Фру Стокманъ. Все въ мѣру, Томасъ.

Аслаксенъ. Я то же скажу. Умѣренность—первое дѣло.

Фру Стокманъ. А вамъ, господинъ Говстадъ, грѣшно отвлекать моего мужа отъ дому, отъ семьи и запутывать въ такія дѣла.

Говстадъ. Я-то ужъ никого не запутываю...

Докторъ Стокманъ. Запутывать? Ты думаешь, меня можно запутать?

Фру Стокманъ. И еще какъ. Знаю, ты умнѣйшій человѣкъ въ городѣ, но тебя страсть легко запутать, Томасъ. (Говстаду) Подумайте только, онъ лишится мѣста, если вы напечатаете то, что онъ написалъ...

Аслаксенъ. Что такое?

Говстадъ. Ну, знаете, господинъ докторъ...

Докторъ Стокманъ (смѣясь). Ха-ха! Пусть-ка ихъ попробуютъ!.. Пѣ-ѣтъ, остерегутся. У меня за спиной сплоченное большинство, видишь ли.

Фру Стокманъ. Въ томъ-то и бѣда, что у тебя за спиной разныя такія штуки.

Докторъ Стокманъ. Вздоръ, все вздоръ, Катрина. Ступай себѣ домой и займись своимъ хозяйствомъ, а мнѣ предоставь заниматься общественными дѣлами. И какъ ты можешь такъ трусить, когда я спокоенъ и веселъ? (Потирая руки, ходитъ взадъ и впередъ) Правда и народъ побѣдятъ, будь спокойна. И я вижу впереди, какъ всѣ свободомыслящіе граждане сплотятся въ побѣдную армію... (Останавливается у стула) Что... что за чортъ?..

Аслаксенъ (смотритъ туда). Ай-ай!

Говстадъ (тоже). Гм...

Докторъ Стокманъ. Вотъ она, вершина административной власти. (Бережно беретъ кончиками пальцевъ фуражку бургомистра и подымаетъ кверху).

Фру Стокманъ. Фуражка бургомистра!

Докторъ Стокманъ. А вотъ и предводительскій жезлъ. Кой шутъ занесъ ихъ сюда?..

Говстадъ. Ну, такъ и быть...

Докторъ Стокманъ. А! Понимаю! Онъ пришелъ заговорить вамъ зубы. Ха-ха! Попалъ въ точку. А когда завидѣлъ меня въ типографіи... (разражается смѣхомъ) удралъ, господинъ Аслаксенъ?

Аслаксенъ (поспѣшно). Да-да, именно такъ, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. И покинулъ и палку и... Вздоръ; Петеръ не побѣжитъ. Но куда къ чорту вы его дѣвали? А-а... тамъ, разумѣется... Ну, теперь увидишь, Катрина!

Фру Стокманъ. Томасъ... прошу тебя...

Аслаксенъ. Остерегитесь, господинъ докторъ!

Докторъ Стокманъ (надѣваетъ фуражку бургомистра и, взявъ въ руки его палку, идетъ къ двери налѣво, распахиваетъ ее и отдаетъ честь, прикладываясь къ козырьку).

Бургомистръ (входя, красный отъ гнѣва, въ сопровожденіи Биллинга). Это что за безчинство?

Докторъ Стокманъ. Попочтительнѣе, мой милый Петеръ. Теперь я представляю высшую власть въ городѣ. (Прохаживается).

Фру Стокманъ (почти со слезами). Но, Томасъ!..

Бургомистръ (идя за нимъ). Отдай мнѣ мою фуражку и палку!

Докторъ Стокманъ (попрежнему). Если ты полицеймейстеръ, такъ я бургомистръ — начальникъ всего города!

Бургомистръ. Сними фуражку, говорю тебѣ. Не забудь, это офиціальная, форменная фуражка!

Докторъ Стокманъ. Э! Ты думаешь, пробуждающійся левъ-народъ побоится форменныхъ фуражекъ? Да, мы затѣваемъ завтра въ городѣ переворотъ, такъ и знай! Ты грозилъ уволить меня. А я вотъ увольняю тебя... отъ всѣхъ твоихъ офиціальныхъ должностей... Думаешь, не могу? Эге! За меня побѣдоносныя силы. Говстадъ и Биллингъ примутся громить васъ въ газетѣ, а Аслаксенъ выступитъ во главѣ союза домохозяевъ...

Аслаксенъ. Этого я не сдѣлаю, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. Разумѣется, сдѣлаете...

Бургомистръ. Ага! Но, быть-можетъ, господинъ Говстадъ все-таки рѣшится примкнуть къ агитаціи?

Говстадъ. Нѣтъ, господинъ бургомистръ.

Аслаксенъ. Нѣтъ, господинъ Говстадъ не такъ неразуменъ, чтобы рѣшиться сгубить и себя и газету ради какихъ-то фантазій...

Докторъ Стокманъ (озираясь). Это что значитъ?

Говстадъ. Вы представили дѣло въ ложномъ свѣтѣ, господинъ докторъ, и потому я не могу поддержать васъ.

Биллингъ. Нѣтъ, послѣ того, какъ господинъ бургомистръ былъ такъ любезенъ выяснить и мнѣ...

Докторъ Стокманъ. Въ ложномъ свѣтѣ! Предоставьте это мнѣ. Только напечатайте мою статью; я самъ сумѣю постоять за нее.

Говстадъ. Я не напечатаю ея. Не могу, не хочу, не смѣю ее напечатать.

Докторъ Стокманъ. Не смѣете? Что за вздоръ такой? Вы же редакторъ; а кто же, какъ не редакторы, направляютъ печать, хотѣлъ бы я знать.

Аслаксенъ. Нѣтъ, не редакторы, а подписчики господинъ докторъ.

Бургомистръ. Къ счастью.

Аслаксенъ. Общественное мнѣніе, просвѣщенная публика, домохозяева и всѣ прочіе — вотъ кто направляетъ газеты.

Докторъ Стокманъ (придя въ себя). И всѣ эти силы противъ меня?

Аслаксенъ. Да, противъ. Напечатать вашу статью — это разорить обывателей дочиста.

Докторъ Стокманъ. Вотъ что!

Бургомистръ. Мою фуражку и палку!

Докторъ Стокманъ (снимаетъ фуражку и кладетъ ее вмѣстѣ съ палкой на столъ).

Бургомистръ (взявъ фуражку и палку). Твоему бургомистерству быстро пришелъ конецъ.

Докторъ Стокманъ. Погоди, еще не конецъ. (Говстаду) Такъ, значитъ, никакъ нельзя напечатать моей статьи въ «Народномъ Вѣстникѣ»?

Говстадъ. Совершенно невозможно. Между прочимъ, и въ интересахъ вашей семьи.

Фру Стокманъ. Ну, о семьѣ-то вамъ нечего безпокоиться, господинъ Говстадъ.

Бургомистръ (вынимая изъ кармана бумагу). Для руководства публики достаточно будетъ помѣстить вотъ это. Это офиціальное разъясненіе. Извольте.

Говстадъ (беретъ бумагу). Хорошо. Будетъ помѣщено.

Докторъ Стокманъ. А мой докладъ — нѣтъ. Воображаютъ, что меня можно заставить замолчать, что можно замолчать истину! Не такъ-то это будетъ вамъ легко, какъ вы думаете. Господинъ Аслаксенъ, не угодно ли вамъ немедленно взять мою рукопись и напечатать ее отдѣльной брошюрой — на мой счетъ; это будетъ мое собственное изданіе. Мнѣ понадобится четыреста экземпляровъ... нѣтъ, пять... шестьсотъ.

Аслаксенъ. Посули вы мнѣ хоть золотыя горы, я не смѣю служить моей типографіей такому дѣлу, господинъ докторъ. Не смѣю изъ-за общественнаго мнѣнія. И никто въ городѣ не возьмется вамъ это напечатать.

Докторъ Стокманъ. Такъ вернитe мнѣ рукопись.

Говстадъ (подавая рукопись). Извольте.

Докторъ Стокманъ (беретъ палку и шляпу). Мой докладъ все-таки не останется подъ спудомъ. Я соберу сходку и прочту его; всѣ мои сограждане услышатъ голосъ истины!

Бургомистръ. Ни одинъ изъ городскихъ союзовъ не дастъ залы для такой цѣли.

Аслаксенъ. Ни единый. Это я вѣрно знаю.

Биллингъ. Убей меня Богъ, коли дадутъ!

Фру Стокманъ. Нѣтъ, это ужъ прямо изъ рукъ вонъ! Да отчего они всѣ такъ вдругъ противъ тебя... всѣ какъ есть?

Докторъ Стокманъ (вспыливъ). А вотъ я скажу тебѣ отчего: оттого, что всѣ тутъ въ городѣ, всѣ какъ есть — старыя бабы... вотъ въ родѣ тебя. Всѣ только и думаютъ о своихъ семьяхъ, а не о благѣ общества.

Фру Стокманъ (хватая его за руку). Такъ я имъ покажу... что и старая баба можетъ стать мужчиной... хоть разъ. Теперь я за тебя, Томасъ!

Докторъ Стокманъ. Молодецъ, Катрина. И я добьюсь своего, клянусь душой! Если мнѣ не дадутъ залы, я найму барабанщика ходить за мной по городу и буду читать свой докладъ на всѣхъ перекресткахъ.

Бургомистръ. Да не совсѣмъ же ты рехнулся!

Докторъ Стокманъ. Вотъ именно!

Аслаксенъ. Ни одинъ человѣкъ въ городѣ не пойдетъ за вами.

Биллингъ. Да, убей меня Богъ, коли пойдетъ!

Фру Стокманъ. Не сдавайся, Томасъ! Я попрошу нашихъ мальчиковъ пойти съ тобой.

Докторъ Стокманъ. Вотъ превосходная идея!

Фру Стокманъ. Мортенъ пойдетъ съ удовольствіемъ. Да и Эйлифъ, вѣрно, тоже.

Докторъ Стокманъ. Да и Петра! И ты сама, Катрина!

Фру Стокманъ. Нѣтъ, нѣтъ. Я не пойду. Но я буду смотрѣть на васъ изъ окна.

Докторъ Стокманъ (обнимая и цѣлуя ее). Спасибо! Ну, такъ потягаемся, господа? Погляжу я, какъ людская низость заткнетъ ротъ патріоту, который хочетъ оздоровить общество! (Уходитъ съ женой въ дверь налѣво, въ глубинѣ сцены).

Бургомистръ (задумчиво качая головой). Ну, теперь и ее сбилъ съ толку.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая старинная зала въ домѣ капитана Горстера. Въ глубинѣ открытая двустворчатая дверь, ведущая въ переднюю. Въ лѣвой продольной стѣнѣ три окна; у противоположной стѣны возвышеніе, и на немъ столикъ съ двумя свѣчами, графинъ съ водой, стаканъ и колокольчикъ. Зала освѣщена лампами, помѣщенными въ простѣнкахъ между окнами. Впереди, налѣво, еще столикъ со свѣчами и стулъ. Впереди, направо, вторая дверь изъ внутреннихъ комнатъ и возлѣ нея нѣсколько стульевъ.

Большая сходка городскихъ обывателей всѣхъ сословій. Въ толпѣ виднѣется также нѣсколько женщинъ и школьниковъ. Понемногу прибываетъ изъ входныхъ дверей въ глубинѣ еще народъ, такъ что зала наконецъ наполняется.

Первый обыватель (сталкиваясь со вторымъ). И ты сюда попалъ, Ламстадъ?

Второй обыватель. Я на всѣхъ сходкахъ бываю.

Третій обыватель (стоящій рядомъ). Свистокъ-то захватили?

Второй. Я-то захватилъ. А вы?

Третій. Еще бы. А шкиперъ Эвенсенъ хотѣлъ притащить съ собой большущій рогъ!

Второй. Вишь ты! (Всѣ трое смѣются).

Четвертый обыватель (подходя). Слушайте, скажите мнѣ, что̀ тутъ такое затѣвается?

Второй. Докторъ Стокманъ собирается говорить противъ бургомистра.

Четвертый. Да вѣдь онъ ему братъ.

Первый. Это все едино; докторъ Стокманъ не труситъ.

Третій. Но вѣдь онъ самъ не правъ; въ «Народномъ Вѣстникѣ» пропечатано.

Второй. Надо полагать, на этотъ разъ онъ неправъ. Никто вѣдь и залы не хотѣлъ ему давать. Ни союзъ домохозяевъ ни городской клубъ.

Первый. Даже въ водолѣчебницѣ залы не дали.

Второй. Ну еще бы.

Пятый обыватель (въ другой кучкѣ). Ну, кого же теперь намъ держаться?

Шестой обыватель (изъ этой же кучки). Знай себѣ, гляди на Аслаксена и дѣлай, что̀ онъ.

Биллингъ (съ палкой подъ мышкой, прокладывая себѣ путь въ толпѣ). Извините, господа!.. Нельзя ли пропустить?.. Я отъ «Народнаго Вѣстника»... Премного благодаренъ! (Садится къ столу налѣво).

Рабочій. Онъ изъ какихъ же будетъ?

Второй рабочій. Или не знаешь Биллинга? Этотъ сморчокъ работаетъ на газету Аслаксена.

(Капитанъ Горстеръ вводитъ фру Стокманъ и Петру изъ дверей направо; за ними идутъ Эйлифъ и Мортенъ).

Горстеръ. Вотъ тутъ у дверей, я думаю. вамъ всѣмъ и размѣститься. Отсюда живо можно выбраться, въ случаѣ чего.

Фру Стокманъ. Такъ вы думаете, будетъ скандалъ?

Горстеръ. Какъ знать... такая масса народу. Но вы садитесь себѣ.

Фру Стокманъ (садится). Какъ мило съ вашей стороны, что вы предложили мужу свою залу.

Горстеръ. Разъ никто другой не хотѣлъ, то...

Петра (тоже садится возлѣ матери). И смѣло, Горстеръ.

Горстеръ. Ну, смѣлости, положимъ, тутъ не очень много надо.

(Входятъ одновременно редакторъ Говстадъ и типографщикъ Аслаксенъ, но пробираются сквозь толпу въ разныя стороны).

Аслаксенъ (Горстеру). А доктора еще нѣтъ?

Горстеръ. Онъ ждетъ въ той комнатѣ.

(У входныхъ дверей въ глубинѣ замѣтно особенное движеніе).

Говстадъ (Биллингу). Вотъ и бургомистръ. Глядите!

Биллингъ. Да, убей меня Богъ, это онъ!

(Бургомистръ Стокманъ потихоньку проходитъ между разступающимися горожанами, вѣжливо раскланиваясь; затѣмъ становится у стѣны налѣво. Немного спустя изъ первыхъ дверей направо входитъ докторъ Стокманъ. Онъ весь въ черномъ, въ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ встрѣчаютъ его неувѣренными аплодисментами, другіе слабо шикаютъ. Наступаетъ тишина).

Докторъ Стокманъ (вполголоса). Ну, какъ ты себя чувствуешь, Катрина?

Фру Стокманъ. Ничего, хорошо. (Понижая голосъ) Только, пожалуйста, не горячись, Томасъ.

Докторъ Стокманъ. О, я сумѣю сдержаться. (Смотритъ на свои часы, подымается на возвышеніе и кланяется публикѣ) Уже четверть часа сверхъ назначеннаго времени... Такъ я начну... (Вынимаетъ рукопись).

Аслаксенъ. Сперва вѣдь надобно выбрать предсѣдателя.

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой надобности.

Нѣсколько изъ присутствующихъ господъ. Да! Да!

Бургомистръ. Я тоже полагалъ бы, что слѣдуетъ избрать предсѣдательствующаго.

Докторъ Стокманъ. Но я созвалъ сходку для публичной лекціи, Петеръ.

Бургомистръ. Лекція господина курортнаго врача можетъ, пожалуй, вызвать пренія.

Нѣкоторые голоса (изъ толпы). Предсѣдателя! Предсѣдателя!

Говстадъ. Нужно предсѣдателя. Такова воля гражданъ!

Докторъ Стокманъ (овладѣвъ собой). Ну, такъ и быть; не будемъ неволить волю гражданъ.

Аслаксенъ. Не угодно ли господину бургомистру принять на себя эту обязанность?

Трое господъ (аплодируя). Браво! Браво!

Бургомистръ. По нѣкоторымъ легко понятнымъ причинамъ я принужденъ уклониться. Но, къ счастью, среди насъ есть человѣкъ, котораго, я думаю, всѣ одобрятъ. Я имѣю въ виду предсѣдателя союза домохозяевъ, господина Аслаксена.

Много голосовъ. Да, да! Да здравствуетъ Аслаксенъ! Ура, Аслаксенъ!

Докторъ Стокманъ (беретъ свою рукопись и сходитъ съ возвышенія).

Аслаксенъ. Разъ меня призываетъ довѣріе моихъ согражданъ, я не смѣю отказываться...

(Аплодисменты и крики „ура". Аслаксенъ всходитъ на возвышеніе).

Биллингъ (записываетъ). Итакъ, господинъ Аслаксенъ избранъ единогласно...

Аслаксенъ. Разъ ужъ я стою на этомъ мѣстѣ, то да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько краткихъ словъ. Я тихій, мирный человѣкъ, стоящій за благоразумную умѣренность... и... умѣренное благоразуміе. Это извѣстно всѣмъ, кто знаетъ меня.

Многіе голоса. Да! Да! Да, Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Изъ школы жизни и опыта я вынесъ то убѣжденіе, что умѣренность — добродѣтель, наиболѣе приличествующая гражданину...

Бургомистръ. Слушайте!

Аслаксенъ. ...И что благоразсудительность и умѣренность полезнѣе всего и для общества. Поэтому я и рекомендовалъ бы уважаемому согражданину, созвавшему насъ сюда, постараться держаться въ границахъ умѣренности.

Человѣкъ (у входныхъ дверей). За благоденствіе общества умѣренной трезвости!

Отдѣльный голосъ. Ахъ, чтобъ тебѣ!

Многіе голоса. Тсс!.. Тсс!..

Аслаксенъ. Прошу не прерывать, господа! Кто-нибудь требуетъ слова?

Бургомистръ. Господинъ предсѣдатель!

Аслаксенъ. Слово за господиномъ бургомистромъ.

Бургомистръ. Въ силу близкаго родства, въ какомъ, какъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстно, я нахожусь съ состоящимъ на службѣ дирекціи курорта врачомъ, я бы предпочелъ воздержаться отъ выраженія своихъ мыслей. Но положеніе мое въ качествѣ предсѣдателя поименованной дирекціи, а также за-

бота о важнѣйшихъ интересахъ города вынуждаютъ меня выступить съ предложеніемъ. Я исхожу изъ того предположенія, что ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь гражданъ не сочтетъ желательнымъ, чтобы недостовѣрныя и преувеличенныя представленія о санитарныхъ условіяхъ водолѣчебницы и города нашли себѣ дальнѣйшее распространеніе.

Многіе голоса. Да, да, да! Этого нельзя! Мы протестуемъ!

Бургомистръ. Такъ на этомъ основаніи я и предлагаю, чтобъ собраніе не допускало господина курортнаго врача до чтенія или изложенія своего взгляда на дѣло.

Докторъ Стокманъ (вспыливъ). Не допускало!.. Что такое!

Фру Стокманъ (покашливая). Кх... Кх...

Докторъ Стокманъ (сдерживаясь). Такъ, значитъ, чтобъ не допускало.

Бургомистръ. Я въ своей разъяснительной замѣткѣ въ «Народномъ Вѣстникѣ» ознакомилъ публику съ главнѣйшими фактами, такъ что всѣ благомыслящіе граждане легко могутъ составить себѣ надлежащее сужденіе о дѣлѣ. Отсюда вытекаетъ, что предложеніе господина курортнаго врача—помимо того, что является выраженіемъ недовѣрія къ мѣстной администраціи—клонится еще къ обремененію платящихъ налоги обывателей излишними затратами, по меньшей мѣрѣ въ сто тысячъ кронъ.

(Ропотъ и отдѣльные свистки).

Аслаксенъ (звоня въ колокольчикъ). Потише, господа. Я позволю себѣ поддержать предложеніе господина бургомистра. Я того же мнѣнія, что агитація доктора не безъ задней мысли. Онъ говоритъ о водолѣчебницѣ, но добивается переворота; затѣваетъ передать бразды правленія въ другія руки. Никто не сомнѣвается въ честности его побужденій — Боже сохрани! На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Я также сторонникъ народнаго самоуправленія, если только оно не слишкомъ дорого обходится плательщикамъ налоговъ. А это-то какъ разъ и выходитъ въ данномъ случаѣ. И потому... нѣтъ, Богъ свидѣтель... съ вашего позволенія, я на этотъ разъ не могу сочувствовать доктору Стокману. Самимъ дороже обойдется. Вотъ мое мнѣніе.

(Оживленныя одобренія со всѣхъ сторонъ).

Говстадъ. И я чувствую себя вынужденнымъ выяснить свое положеніе. Мнѣ казалось вначалѣ, что агитація доктора Стокмана заслуживаетъ извѣстнаго сочувствія, и я поддерживалъ ее вполнѣ безпристрастно, какъ могъ. Но затѣмъ мы открыли, что были введены въ заблужденіе ложнымъ освѣщеніемъ дѣла...

Докторъ Стокманъ. Ложнымъ!..

Говстадъ. Ну, не вполнѣ вѣрнымъ. Это ясно доказало разъясненіе господина бургомистра. Надѣюсь, никто здѣсь не заподозритъ моего либеральнаго образа мыслей. Позиція, которой держится «Народный Вѣстникъ» въ крупныхъ политическихъ вопросахъ, извѣстна всѣмъ и каждому. Но я научился отъ опытныхъ и здравомыслящихъ людей, что въ чисто мѣстныхъ дѣлахъ газетѣ приходится соблюдать извѣстную осторожность...

Аслаксенъ. Вполнѣ согласенъ съ ораторомъ.

Говстадъ. Въ настоящемъ дѣлѣ докторъ Стокманъ несомнѣнно идетъ въ разрѣзъ съ волею общества. А что составляетъ первый и важнѣйшій долгъ редактора газеты, господа, какъ не солидарность со своими читателями; и не вручено ли ему, такъ сказать, негласное полномочіе усердно и неусыпно печься о благѣ единомышленниковъ? Или, быть-можетъ, я ошибаюсь насчетъ этого?

Многіе голоса. Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Редакторъ Говстадъ правъ!

Говстадъ. Не безъ тяжелой внутренней борьбы рѣшился я порвать съ человѣкомъ, въ домѣ котораго въ послѣднее время былъ частымъ гостемъ, съ человѣкомъ, который до сегодня пользовался безраздѣльнымъ благорасположеніемъ своихъ согражданъ, съ человѣкомъ, единственный или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшій недостатокъ котораго въ томъ, что онъ больше слушается сердца, чѣмъ разума.

Отдѣльные разрозненные голоса. Правда. Ура, докторъ Стокманъ!

Говстадъ. Но мой долгъ передъ обществомъ побудилъ меня порвать съ нимъ. И еще одно соображеніе заставляетъ меня противодѣйствовать ему и стараться остановить его на томъ роковомъ пути, на который онъ свернулъ; это соображеніе касается его семьи...

Докторъ Стокманъ. Держитесь водопровода и клоаки!

Говстадъ. ...Касается его супруги и малолѣтнихъ дѣтей.

Мортенъ. Это онъ про насъ, мама?

Фру Стокманъ. Тсс...

Аслаксенъ. Такъ я предлагаю голосовать предложеніе господина бургомистра.

Докторъ Стокманъ. Не нужно. Я сегодня не стану говорить обо всѣхъ этихъ безобразіяхъ съ водолѣчебницей. Нѣтъ, нѣтъ, вы услышите совсѣмъ о другомъ.

Бургомистръ (вполголоса). Это еще что?

Пьяный (у входныхъ дверей). Я плачу налоги. И потому имѣю голосъ. И мое полное... твердое... безпримѣрное мнѣніе, что...

Нѣсколько голосовъ. Молчать тамъ!

Другіе. Онъ пьянъ. Убрать его!

(Пьянаго выводятъ).

Докторъ Стокманъ. Дадутъ мнѣ слово?

Аслаксенъ (звонитъ). Слово за докторомъ Стокманомъ.

Докторъ Стокманъ. Осмѣлились бы всего нѣсколько дней тому назадъ попытаться зажать мнѣ ротъ, какъ вотъ теперь, — я бы какъ левъ защищалъ мои священнѣйшія человѣческія права. Но теперь мнѣ все равно; теперь мнѣ предстоитъ высказаться о болѣе серьезныхъ вещахъ.

(Толпа плотнѣе обступаетъ его. Среди присутствующихъ показывается Мортенъ Кійль).

Докторъ Стокманъ. Я въ эти послѣдніе дни много думалъ и размышлялъ... такъ много и о многомъ, что у меня голова пошла кругомъ...

Бургомистръ (покашливая). Гм...

Докторъ Стокманъ. ...Но наконецъ я разобрался во всемъ, нашелъ общую связь, и все стало мнѣ яснѣе яснаго. Вотъ почему я и стою здѣсь въ данную минуту. Я хочу сдѣлать крупныя разоблаченія, сограждане. Хочу подѣлиться съ вами открытіемъ, имѣющимъ куда болѣе обширное значеніе, нежели пустячное открытіе, что водопроводъ нашъ отравленъ, и что водолѣчебница стоитъ на зараженной міазмами почвѣ.

Многіе голоса (кричатъ). Не говорить о водолѣчебницѣ! Не хотимъ слушать ни слова объ этомъ!

Докторъ Стокманъ. Я сказалъ, что буду говорить о крупномъ открытіи, которое я сдѣлалъ на этихъ дняхъ... Я открылъ, что всѣ наши духовные жизненные источники — отравлены, что вся наша гражданская общественная жизнь зиждется на зараженной ложью почвѣ.

Нѣсколько голосовъ (негромко, видимо опѣшившіе). Что онъ говоритъ?

Бургомистръ. Подобная инсинуація...

Аслаксенъ (положивъ руку на колокольчикъ). Ораторъ призывается къ умѣренности.

Докторъ Стокманъ. Я такъ искренно любилъ свой родной городъ, какъ только можетъ человѣкъ любить колыбель своего дѣтства. Я былъ еще не старъ, когда уѣхалъ отсюда, и разстояніе, тоска по родинѣ и воспоминанія окружили въ моихъ глазахъ особымъ ореоломъ и мѣсто и людей.

(Слышны отдѣльные хлопки и одобренія).

Докторъ Стокманъ. И вотъ я много лѣтъ провелъ на сѣверѣ въ ужасномъ захолустьѣ. При встрѣчѣ съ людьми, затерянными тамъ среди кучъ камней, мнѣ часто приходило въ голову,

что этимъ несчастнымъ жалкимъ тварямъ, право, нужнѣе былъ бы ветеринаръ, нежели такой человѣкъ какъ я.

(Въ залѣ ропотъ).

Биллингъ (положивъ перо). Ну, убей меня Богъ, коли я слыхалъ что-либо подобное!..

Говстадъ. Это прямое глумленіе надъ простымъ народомъ, достойнымъ всякаго уваженія.

Докторъ Стокманъ. Погодите немножко. Не думаю, чтобы кто могъ упрекнуть меня въ томъ, что я забылъ тамъ мой родной городъ. Я вынашивалъ тамъ мою мысль... планъ превращенія нашего города въ курортъ.

(Хлопки и протесты).

Докторъ Стокманъ. И когда наконецъ послѣ долгихъ лѣтъ судьба смилостивилась ко мнѣ настолько, что я могъ вернуться на родину—да, сограждане, мнѣ казалось тогда, что большаго мнѣ и желать не остается. Нѣтъ, впрочемъ, одно еще оставалось: горячее, непреодолимое, жгучее желаніе — трудиться на благо родины и всего общества.

Бургомистръ (глядя въ пространство). Довольно страннымъ способомъ... гм...

Докторъ Стокманъ. И вотъ я наслаждался этимъ счастьемъ—въ слѣпотѣ своей. Но вчера утромъ... нѣтъ, въ сущности третьяго-дня вечеромъ... глаза у меня открылись, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это—невѣроятная тупость мѣстныхъ властей...

(Шумъ, крики и смѣхъ).

Фру Стокманъ (энергично кашляетъ). Кх... Кх... Кх...

Бургомистръ. Господинъ предсѣдатель!

Аслаксенъ (звонитъ). Въ силу полномочія...

Докторъ Стокманъ. Нельзя привязываться къ словамъ, господинъ Аслаксенъ. Это мелочно. Я хочу только сказать, что у меня открылись глаза на невѣроятно безобразное хозяйничанье нашихъ заправилъ, повинныхъ въ томъ, что у насъ теперь такая водолѣчебница. Этихъ господъ я не выношу; довольно-таки навидался я ихъ на своемъ вѣку. Они, словно козлы, пущенные въ огородъ,—все гадятъ; они становятся поперекъ дороги свободному человѣку, куда онъ ни повернется... и самое лучшее было бы истребить ихъ, какъ вредныхъ животныхъ...

(Въ залѣ волненіе).

Бургомистръ. Господинъ предсѣдатель, развѣ такія выраженія допустимы?

Аслаксенъ (положивъ руку на колокольчикъ). Господинъ докторъ!..

Докторъ Стокманъ. Я не понимаю, какъ это я лишь теперь разглядѣлъ этихъ господъ, какъ слѣдуетъ; у меня вѣдь посто-

явно былъ передъ глазами такой великолѣпный экземпляръ, какъ мой братъ Петеръ, — тяжелый на подъемъ, закоснѣлый въ предразсудкахъ...

(Смѣхъ, шумъ и свистки).

Фру Стокманъ (покашливаетъ). Кх... Кх...

Аслаксенъ (неистово звонитъ).

Пьяный (опять пробравшійся въ залу). Это вы на меня намекаете? Ну да, меня зовутъ Петтерсеномъ; но, чортъ меня подери...

Нѣсколько голосовъ (сердито). Вонъ пьянаго! За дверь его!

(Пьянаго опять выталкиваютъ).

Бургомистръ. Что̀ это за личность?

Одинъ изъ близъ стоящихъ. Не знаю, господинъ бургомистръ.

Второй. Онъ не здѣшній.

Третій. Говорятъ, грузовщикъ изъ... (Остальныхъ словъ не слышно).

Аслаксенъ. Человѣкъ этотъ, по всей видимости, охмелѣлъ отъ баварскаго пива. Продолжайте, докторъ, но, пожалуйста, соблюдайте умѣренность.

Докторъ Стокманъ. Ну, хорошо, сограждане. Я не буду больше распространяться о нашихъ заправилахъ. Если бы кто-либо вздумалъ вывести изъ только-что сказаннаго мною заключеніе, что я собираюсь сегодня свести счеты съ этими господами, то ошибся бы, сильно ошибся бы. Я питаю благую надежду, что эти отсталые, эти ветхіе остатки отживающихъ міровоззрѣній сами наилучшимъ образомъ сведутъ себя на нѣтъ, и не нужно докторской помощи, чтобы ускорить ихъ отправленіе къ праотцамъ. Да и не этого рода люди представляютъ самую грозную опасность для общества: не они наиболѣе содѣйствуютъ отравленію источниковъ нашей духовной жизни и зараженію общественной почвы; не они опаснѣйшіе враги истины и свободы въ нашемъ обществѣ.

Крики со всѣхъ сторонъ. Кто же? Кто же тогда? Назовите ихъ!

Докторъ Стокманъ. Будьте спокойны, назову. Это-то и есть то великое открытіе, которое я сдѣлалъ вчера. (Возвышая голосъ) Опаснѣйшіе среди насъ враги истины и свободы — это сплоченное большинство. Да, проклятое, сплоченное, либеральное большинство! Оно! Такъ и знайте!

(Неистовый шумъ. Большинство присутствующихъ кричатъ, топаютъ и свистятъ: нѣсколько пожилыхъ господъ украдкой обмѣниваются взглядами, видимо, наслаждаясь происходящимъ. Фру Стокманъ въ испугѣ встаетъ. Эйлифъ и Мортенъ угрожающе наступаютъ на шумящихъ школьниковъ. Аслаксенъ звонитъ и призываетъ къ порядку. Говстадъ и Биллингъ пытаются говорить, но ничего не слышно. Наконецъ шумъ стихаетъ).

Аслаксенъ. Предсѣдатель ожидаетъ, что ораторъ возьметъ обратно свои необдуманныя выраженія.

Докторъ Стокманъ. Никогда въ жизни, господинъ Аслаксенъ. Вѣдь именно огромное большинство нашего общества лишаетъ меня свободы, хочетъ воспретить мнѣ говорить правду.

Говстадъ. Право всегда на сторонѣ большинства.

Биллингъ. И правда тоже, убей меня Богъ!

Докторъ Стокманъ. Большинство никогда не бываетъ право. Никогда, говорю я! Это общественная ложь, одна изъ тѣхъ общепринятыхъ лживыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человѣкъ. Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно ли, чортъ возьми, чтобы глупые управляли умными? (Шумъ и крики). Да! Да! Вы можете перекричать меня, но не опровергнуть мои слова. На сторонѣ большинства *сила*, — къ сожалѣнію, — но *не право*. Правы — я и немногія другія единичныя личности. *Меньшинство* всегда право.

(Снова сильный шумъ).

Говстадъ. Ха-ха! Такъ докторъ Стокманъ сталъ со вчерашняго дня аристократомъ!

Докторъ Стокманъ. Я сказалъ уже, что не хочу тратить даромъ словъ, говоря о кучкѣ хилыхъ, на ладанъ дышащихъ умниковъ, плетущихся позади. Бьющая ключомъ жизнь не имѣетъ съ ними больше ничего общаго. Но я говорю о немногихъ отдѣльныхъ единицахъ, усваивающихъ себѣ новыя, едва нарождающіяся истины. Эти люди стоятъ какъ бы на аванпостахъ человѣчества, такъ далеко впереди, что сплоченное большинство еще не добралось туда, и тамъ бьются за истины, народившіяся въ сознаніи еще слишкомъ недавно, чтобы успѣть сплотить вокругъ себя какое-нибудь большинство.

Говстадъ. Такъ докторъ сталъ революціонеромъ!

Докторъ Стокманъ. Ну да, чортъ возьми, господинъ Говстадъ! Я намѣренъ ниспровергнуть ту ложь, что истина тамъ, гдѣ большинство. Что это за истины, вокругъ которыхъ обыкновенно толпится большинство? Это истины, устарѣвшія настолько, что пора бы ужъ сдать ихъ въ архивъ. Когда же истина успѣла устарѣть настолько — ей уже недолго стать и ложью, господа.

(Смѣхъ и выраженія негодованія).

Докторъ Стокманъ. Да, да, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ. Но истины вовсе не такіе живучіе Мафусаилы, какъ люди воображаютъ. Нормальная истина живетъ — скажемъ — ну, лѣтъ семнадцать-восемнадцать, самое большее — двадцать. Но такія

пожилыя истины всегда ужасно худосочны. И все-таки большинство именно тогда только и начинаетъ заниматься ими и рекомендовать ихъ обществу въ качествѣ здоровой духовной пищи. Но такая пища малопитательна, могу васъ увѣрить; какъ врачъ, я въ этомъ знаю толкъ. Всѣ эти истины, признанныя большинствомъ, похожи на прошлогоднее копченое мясо, на прогорклые, испорченные, заплѣсневѣвшіе окорока. Отъ нихъ и дѣлается нравственная цынга, свирѣпствующая повсюду въ общественной жизни.

Аслаксенъ. Мнѣ кажется, уважаемый ораторъ значительно уклоняется отъ предмета.

Бургомистръ. Я по существу присоединяюсь къ мнѣнію предсѣдателя.

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, ты, право, спятилъ, Петеръ! Я держусь предмета елико возможно. О чемъ же я и хотѣлъ говорить, какъ не о массѣ, толпѣ, объ этомъ треклятомъ сплоченномъ большинствѣ?.. Это оно, говорю я, отравляетъ источники нашей духовной жизни и заражаетъ подъ нами почву.

Говстадъ. И вы обвиняете въ этомъ свободомыслящее большинство потому только, что оно благоразумно держится вѣрныхъ, общепризнанныхъ истинъ?

Докторъ Стокманъ. Ахъ, милѣйшій господинъ Говстадъ, не толкуйте мнѣ о вѣрныхъ, общепризнанныхъ истинахъ. Истины, признаваемыя нынѣ массой, толпой, это тѣ истины, которыя признаны были передовыми людьми во времена нашихъ дѣдушекъ. Мы, современные передовые люди, уже не признаёмъ ихъ болѣе истинами, и я не допускаю истины вѣрнѣе той, что никакое общество не можетъ жить здоровой жизнью, основываясь на такихъ старыхъ, безмозглыхъ истинахъ.

Говстадъ. Вмѣсто того, чтобы говорить такъ на вѣтеръ, вы бы лучше сказали намъ, какими это мы живемъ старыми, безмозглыми истинами. Любопытно бы знать!

(Выраженія одобренія съ разныхъ сторонъ).

Докторъ Стокманъ. Э, да я могъ бы насчитать цѣлую кучу этой дряни; но для начала остановлюсь хоть на одной общепризнанной истинѣ, которая въ сущности прескверная ложь, но которою кормятся и господинъ Говстадъ, и «Народный Вѣстникъ», и всѣ приверженцы «Народнаго Вѣстника».

Говстадъ. Ну, и эта истина?..

Докторъ Стокманъ. Это то ученіе, которое вы приняли отъ прадѣдушекъ и которое безсмысленно проповѣдуете направо и налѣво, — ученіе, что масса, чернь, сѣрая толпа составляетъ ядро общества, что это и есть самъ народъ... что рядовые изъ этой толпы, эти невѣжественные и неразвитые члены

общества, имѣютъ тѣ же права судить-рядить, одобрять, отвергать, вѣдать и править, какъ единичныя личности, представители умственной аристократіи.

Биллингъ. Ну, убей меня Богъ, если я...

Говстадъ (одновременно кричитъ). Граждане, замѣтьте себѣ это!

Многіе голоса (озлобленно). Ого! Такъ мы не народъ. Или только господа годятся править?

Рабочій. Долой того, кто такъ разговариваетъ!

Другіе. Вонъ его!

Одинъ изъ обывателей (кричитъ). Дуй въ рогъ, Эвенсенъ!

(Раздаются мощные звуки рога, свистки и яростные крики).

Докторъ Стокманъ (когда шумъ нѣсколько стихаетъ). Да будьте же разумнѣе! Неужто вы не можете хоть разъ въ жизни выслушать правду въ глаза? Я и не требую вовсе, чтобы вы всѣ такъ сразу и согласились со мной. Но я, разумѣется, ожидалъ, что хоть господинъ Говстадъ отдастъ мнѣ справедливость, если только немножко придетъ въ себя. Господинъ Говстадъ претендуетъ вѣдь на титулъ вольнодумца...

Нѣсколько голосовъ (озадаченно и негромко). Вольнодумца? Что онъ говоритъ? Развѣ редакторъ Говстадъ вольнодумецъ?

Говстадъ (кричитъ). Докажите, докторъ Стокманъ. Когда я высказывалъ это печатно?

Докторъ Стокманъ (подумавъ). Нѣтъ, чортъ возьми, вы правы. На это у васъ никогда не хватало мужества. Ну, я не стану припирать васъ къ стѣнѣ, господинъ Говстадъ. Пусть я самъ буду вольнодумцемъ. Теперь я съ помощью естествознанія выясню вамъ всѣмъ, какъ дважды два четыре, что «Народный Вѣстникъ» безсовѣстно водитъ васъ за носъ, говоря вамъ, что чернь, масса, толпа — истинное ядро народа. Это газетная ложь! Чернь не что иное, какъ сырой матеріалъ, изъ котораго народъ долженъ создать людей.

(Ропотъ, смѣхъ и волненіе).

Докторъ Стокманъ. И развѣ не то же самое наблюдается во всемъ остальномъ живомъ мірѣ? Какая, напримѣръ, разница между культивированной породой, улучшенной путемъ подбора и ухода, и первобытной породой домашнихъ животныхъ. Взгляните только на обыкновенную деревенскую курицу. Что за мясо даетъ такой жалкій куренокъ? Немногимъ тутъ поживишься, не такъ ли?.. А яйца какія она несетъ? Порядочная ворона несетъ чуть ли не такой же величины. А возьмите-ка породистую испанскую или кохинхинскую курицу, или породистаго фазана, или индюка, увидите, небось, разницу. Или взять собакъ, къ которымъ мы, люди, стоимъ такъ близко. Представьте себѣ сначала простую дворнягу, то-есть парши-

ваго, ободраннаго, лохматаго мужицкаго пса, который только рыщетъ по улицамъ да накоститъ стѣны домовъ. И поставьте этого пса рядомъ съ пуделемъ, длинный рядъ предковъ котораго воспитывался въ аристократическихъ домахъ, гдѣ они получали тонкую отборную пищу и имѣли случай слышать гармоничные голоса и музыку. Или, по-вашему, черепъ пуделя не совсѣмъ иначе развитъ, нежели черепъ простого пса? Ужъ будьте увѣрены. Такихъ породистыхъ щенковъ-пуделей клоуны выучиваютъ продѣлывать самые невѣроятные фокусы. Простой же песъ ничему такому не выучится, какъ бы ни лѣзъ вонъ изъ кожи.

(Шумъ и смѣхъ повсюду кругомъ).

Одинъ изъ обывателей (кричитъ). Вы еще въ собакъ насъ хотите обратить?

Второй. Мы не животныя, господинъ докторъ!

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, побожусь, мы все-таки животныя, батюшка! Всѣ — самыя настоящія животныя, какихъ только можно себѣ представить. Но породистыхъ животныхъ, аристократовъ между нами, правда, немного. О, между людьми-пуделями и людьми — простыми псами огромная разница. И забавнѣе всего при этомъ то, что редакторъ Говстадъ вполнѣ согласенъ со мной, пока рѣчь идетъ о животныхъ четвероногихъ...

Говстадъ. О нихъ не будемъ спорить.

Докторъ Стокманъ. Хорошо; но какъ только я распространяю тотъ же законъ на двуногихъ, господинъ Говстадъ идетъ на попятный, не смѣетъ больше держаться своего мнѣнія, додумать до конца своей мысли; онъ выворачиваетъ все ученіе наизнанку и объявляетъ въ «Народномъ Вѣстникѣ», что захудалый мужицкій пѣтухъ и паршивый уличный песъ — и есть самые первоклассные экземпляры въ звѣринцѣ. Но такъ всегда бываетъ съ тѣми, въ комъ все еще сильна мужицкая закваска, кто не выработался еще въ духовнаго аристократа.

Говстадъ. Я и не претендую ни на какой аристократизмъ. Я происхожу изъ простыхъ крестьянъ и горжусь тѣмъ, что глубоко вросъ корнями въ простой народъ, который тутъ поносятъ.

Многіе рабочіе. Ура, Говстадъ! Ура, ура!

Докторъ Стокманъ. То простонародье, о которомъ я веду рѣчь, ютится не только въ низшихъ слояхъ, оно кишитъ вокругъ насъ... достигая вершинъ общества. Взгляните только на своего чистенькаго, щеголеватаго бургомистра. Мой братъ Петеръ, право, такой же плебей, какъ любой, разгуливающій въ деревянныхъ башмакахъ...

(Смѣхъ и шиканье).

Бургомистръ. Я протестую противъ подобныхъ ссылокъ на личности!

Докторъ Стокманъ (невозмутимо). ...И не потому, что онъ, какъ и я, происходитъ отъ стараго сквернаго морского разбойника изъ Померанiи или откуда-то тамъ... Да, мы именно такого происхожденiя...

Бургомистръ. Вздорная традицiя. Отрицаю!

Докторъ Стокманъ. ...Но потому, что онъ думаетъ головой своего начальства, живетъ мнѣнiями своего начальства. Люди, поступающiе такъ, духовные плебеи. Вотъ потому-то въ моемъ великолѣпномъ братѣ Петерѣ въ сущности такъ мало аристократизма... и въ силу этого же такъ мало и свободомыслiя.

Бургомистръ. Господинъ предсѣдатель...

Говстадъ. Значитъ, у насъ свободомыслящими людьми являются аристократы? Это нѣчто совершенно новое.

(Смѣхъ въ собранiи).

Докторъ Стокманъ. Да, и это находится въ связи съ моимъ новымъ открытiемъ. Въ связи съ этимъ находится и то, что свободомыслiе и нравственность почти одно и то же. И вотъ почему я и скажу, что прямо возмутительно со стороны «Народнаго Вѣстника» изо дня въ день проповѣдывать лжеученiе, будто только въ массѣ, въ сѣрой толпѣ, въ сплоченномъ большинствѣ и надо искать свободомыслiе и нравственность... а что пороки и испорченность и всякая духовная гниль — нѣчто, просачивающееся изъ культурныхъ слоевъ, подобно тому, какъ всякая гадость просачивается въ водопроводныя трубы изъ Мельничной долины съ ея кожевенными заводами.

(Шумъ и крики).

Докторъ Стокманъ (невозмутимо и смѣясь въ своемъ увлеченiи). И этотъ же самый «Народный Вѣстникъ» разглагольствуетъ, что массу, толпу надо поднять до высшихъ культурныхъ условiй жизни. Но, чортъ возьми, если бы ученiе «Народнаго Вѣстника» надо было принимать въ серьезъ, такъ вѣдь поднять народъ въ такомъ смыслѣ значило бы швырнуть его прямо къ чорту на рожонъ! Къ счастью, все это лишь старая традицiонная ложь — будто культура деморализуетъ. Нѣтъ, деморализуютъ тупость, нищета, безобразiе житейскихъ условiй. Въ домѣ, гдѣ не метутъ, не провѣтриваютъ ежедневно... моя жена Катрина утверждаетъ, что нужно даже ежедневно подмывать полъ, но объ этомъ еще можно поспорить... ну, такъ въ такомъ домѣ, говорю я, люди въ какiе-нибудь два-три года теряютъ способность мыслить и поступать нравственно. Отъ недостатка кислорода и совѣсть чахнетъ. И, пожалуй, во многихъ домахъ у насъ въ городѣ сильная недохватка въ ки-

слородѣ, разъ все это сплоченное большинство можетъ быть настолько безсовѣстно, что готово строить свой достатокъ на трясинѣ лжи и обмана!

Аслаксенъ. Нельзя швырять такого тяжкаго обвиненія въ лицо всему городскому обществу!

Одинъ изъ господъ. Я предлагаю господину предсѣдателю лишить оратора слова.

Нѣсколько голосовъ (горячо). Да, да! Правильно! Лишить его слова!

Докторъ Стокманъ (вспыливъ). Такъ я буду кричать правду на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ! Буду писать въ иногородныхъ газетахъ! Вся страна узнаетъ, что у насъ тутъ творится!

Говстадъ. Можно подумать, что докторъ намѣренъ разорить свой родной городъ.

Докторъ Стокманъ. Да; я такъ люблю свой родной городъ, что лучше готовъ разорить его, чѣмъ смотрѣть, какъ онъ процвѣтаетъ во лжи!

Аслаксенъ. Сильно сказано.

(Шумъ и свистки. Фру Стокманъ тщетно покашливаетъ, докторъ ея не слышитъ).

Говстадъ (перекрикивая шумъ). Человѣкъ, который готовъ разорить цѣлое общество, является врагомъ общества.

Докторъ Стокманъ (съ возрастающимъ жаромъ). Что за бѣда разорить лживое общество! Его надо стереть съ лица земли! Живущихъ во лжи надо истреблять, какъ вредныхъ животныхъ! Вы въ концѣ концовъ заразите всю страну, доведете до того, что вся страна заслужитъ быть опустошенной. И если дойдетъ до этого, то я отъ всего сердца скажу: да будетъ опустошена вся эта страна, да сгибнетъ весь этотъ народъ!

Одинъ изъ толпы. Да онъ говоритъ, какъ настоящій врагъ народа!

Биллингъ. Вотъ онъ, убей меня Богъ, гласъ народа!

Вся толпа (кричитъ). Да, да, да! Онъ врагъ народа! Онъ ненавидитъ свою страну! Ненавидитъ весь народъ!

Аслаксенъ. И какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я глубоко потрясенъ тѣмъ, что пришлось мнѣ сейчасъ выслушать. Докторъ Стокманъ раскрылъ свои карты такъ, какъ мнѣ никогда и не снилось. Къ сожалѣнію, я долженъ присоединиться къ мнѣнію, только-что высказанному почтенными согражданами. И считаю нужнымъ формулировать это мнѣніе. Предлагаю такую формулировку: «Собраніе постановило считать доктора Томаса Стокмана врагомъ народа».

(Бурное „ура“ и выраженія одобренія. Многіе обступаютъ доктора, сви-

стять и шикаютъ ему. Фру Стокманъ и Петра встаютъ. Мортенъ и Эйлифъ кидаются въ драку съ мальчишками, которые тоже свистѣли. Кое-кто изъ взрослыхъ разнимаетъ ихъ).

Докторъ Стокманъ (свистунамъ). Ахъ, вы, глупцы! Говорю вамъ, что...

Аслаксенъ (звонитъ). Докторъ лишенъ слова. Должно состояться формальное голосованіе. Но, дабы пощадить личныя чувства, предлагаю подавать голоса записками и безъ подписи. Есть у васъ чистая бумага, господинъ Биллингъ?

Биллингъ. Вотъ тутъ и синяя и бѣлая...

Аслаксенъ (спускаясь съ возвышенія). Отлично: такъ пойдетъ еще скорѣе. Нарѣжьте билетовъ. Такъ, такъ. (Собранію) Синіе означаютъ «нѣтъ», бѣлые — «да». Я самъ буду отбирать билеты.

(Бургомистръ уходитъ. Аслаксенъ и еще нѣсколько горожанъ раздаютъ публикѣ билеты).

Первый господинъ (Говстаду). Что такое случилось съ докторомъ? Какъ это надо понимать?

Говстадъ. Вы же знаете, какой онъ буйный.

Второй господинъ (Биллингу). Слушайте, вы вѣдь бываете у него въ домѣ; не пьетъ ли онъ, — не замѣчали?

Биллингъ. Ужъ не знаю, какъ и сказать, убей меня Богъ. Пуншъ у нихъ вѣчно на столѣ, когда ни придн.

Третій господинъ. Нѣтъ, я думаю скорѣе, у него голова не совсѣмъ въ порядкѣ.

Первый господинъ. Нѣтъ ли какого наслѣдственнаго недуга?

Биллингъ. И то можетъ быть.

Четвертый господинъ. Нѣтъ, это просто злоба, мести за что-нибудь.

Биллингъ. Онъ, правда, толковалъ тутъ на-дняхъ о прибавкѣ жалованья. Да не дали.

Всѣ четверо господъ (хоромъ). Ага! Тогда все понятно.

Пьяный (въ толпѣ). Я хочу синенькую бумажку. И бѣленькую тоже.

Крики. Опять этотъ пьяница тутъ! Вонъ его!

Мортенъ Кійль (подходя къ доктору). Ну, Стокманъ, видите теперь, что выходитъ изъ такихъ штукъ?

Докторъ Стокманъ. Я исполнилъ свой долгъ.

Мортенъ Кійль. А что такое вы тамъ подпустили насчетъ кожевенныхъ заводовъ въ Мельничной долинѣ?

Докторъ Стокманъ. Вы же слышали. Я сказалъ, что вся эта мерзость идетъ отъ нихъ.

Мортенъ Кійль. И отъ моего завода тоже?

Докторъ Стокманъ. Къ сожалѣнію, вашъ-то, кажется, чуть ли не хуже всѣхъ.

Мортенъ Кійль. И вы это пропечатаете въ газетахъ?

Докторъ Стокманъ. Я ничего не утаю.

Мортенъ Кійль. Дорогонько это вамъ, пожалуй, вскочитъ, Стокманъ! (Уходитъ).

Жирный господинъ (подходя къ Горстеру и не кланяясь дамамъ). Ну-съ, капитанъ, такъ вы отдаете свою залу врагу народа?

Горстеръ. Я полагаю, что могу распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ хочу, господинъ коммерсантъ.

Коммерсантъ. Такъ, вѣрно, вы не будете въ претензіи, если я такъ же распоряжусь своимъ.

Горстеръ. То-есть?

Коммерсантъ. Завтра я васъ извѣщу. (Поворачивается и уходитъ).

Петра. Кажется, это вашъ принципалъ, Горстеръ?

Горстеръ. Да, коммерсантъ Війкъ.

Аслаксенъ (съ билетами въ рукахъ всходитъ на возвышеніе и звонитъ). Господа, позвольте оповѣстить васъ о результатѣ. Всѣми голосами противъ одного...

Молодой господинъ. И тотъ—пьяницы!

Аслаксенъ. Всѣми голосами противъ одного голоса нетрезваго человѣка, курортный врачъ, докторъ Томасъ Стокманъ, объявленъ врагомъ народа. (Крики и выраженія одобренія). Да здравствуетъ наше старое почтенное гражданское сословіе, наше общество! (Снова крики одобренія). Да здравствуетъ и нашъ достопочтенный дѣятельный бургомистръ, который столь лойяльно подавилъ въ себѣ голосъ родственнаго чувства. (Крики „ура"). Объявляю собраніе закрытымъ. (Спускается внизъ).

Биллингъ. Да здравствуетъ господинъ предсѣдатель!

Вся толпа. Ура, типографщикъ Аслаксенъ!

Докторъ Стокманъ. Шляпу и пальто, Петра. Капитанъ, не найдется ли у васъ на пароходѣ мѣста для пассажировъ въ Новый Свѣтъ?

Горстеръ. Для васъ и для вашей семьи всегда найдется, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ (надѣвая пальто съ помощью Петры). Хорошо. Идемъ, Катрина. Идемъ, дѣти. (Беретъ жену подъ-руку).

Фру Стокманъ (тихо). Милый Томасъ, не выйти ли намъ заднимъ ходомъ?

Докторъ Стокманъ. Никакихъ заднихъ ходовъ, Катрина! (Дрожащимъ голосомъ) Вы еще услышите о врагѣ народа, прежде чѣмъ онъ отрясетъ прахъ отъ ногъ своихъ. Я не такъ добродѣтеленъ, чтобы сказать: прощаю вамъ, ибо вы не вѣдаете, что творите!

Аслаксенъ (кричитъ). Это богохульство, докторъ Стокманъ!

Биллингъ. Да, убей меня Богъ! Серьезному человѣку тяжело слышать такія вещи.

Грубый голосъ. Такъ онъ еще грозится!

Нѣсколько голосовъ (разъяренно). Пойдемъ, перебьемъ у него всѣ стекла! Швырнемъ его въ воду!

Одинъ изъ толпы. Дуй въ рогъ, Эвенсенъ! Дуй во всю!

(Звуки рога, свистки и дикіе крики. Докторъ съ семьей направляется къ выходу. Горстеръ прокладываетъ имъ путь).

Вся толпа (оретъ вслѣдъ доктору). Врагъ народа! Врагъ народа! Врагъ народа!

Биллингъ (приводя въ порядокъ свои бумаги). Нѣтъ, убей меня Богъ, если я пойду сегодня вечеромъ къ доктору на пуншъ!

(Шумъ. Публика тѣснится у выхода: затѣмъ шумъ переходитъ на улицу, и оттуда еще доносятся крики: „Врагъ народа! Врагъ народа!")

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Кабинетъ доктора Стокмана. По стѣнамъ книжныя полки и шкапы съ различными препаратами. Въ глубинѣ выходъ въ переднюю: впереди налѣво дверь въ гостиную. Въ стѣнѣ направо два окна, съ выбитыми стеклами. Посреди комнаты письменный столъ доктора, заваленный книгами и бумагами. Комната въ безпорядкѣ. Утро.

Докторъ Стокманъ (въ халатѣ и туфляхъ, въ шапочкѣ, стоитъ нагнувшись и ручкой зонтика шаритъ подъ шкапомъ. Выловивъ изъ-подъ шкапа камешекъ, обращается въ отворенную дверь гостиной). Еще одинъ нашелъ, Катрина.

Фру Стокманъ (изъ гостиной). Ну, навѣрно, еще много найдешь.

Докторъ Стокманъ (откладываетъ камешекъ къ кучѣ такихъ же, лежащихъ на столѣ). Я ихъ буду беречь, какъ святыню. Пусть Эйлифъ и Мортенъ смотрятъ на нихъ каждый день, а когда вырастутъ, получатъ ихъ въ наслѣдство отъ меня. (Шаря подъ книжной полкой) Что эта... какъ ее, чортъ, звать?.. Ну, дѣвчонка наша... не ходила еще за стекольщикомъ?

Фру Стокманъ (входя) Ходила, да онъ сказалъ, что врядъ ли сможетъ придти сегодня.

Докторъ Стокманъ. Увидишь, не посмѣетъ.

Фру Стокманъ. Да и Рандина думаетъ, что онъ боится сосѣдей. (Обращаясь въ гостиную) Что тебѣ, Рандина? А! (Уходитъ и сейчасъ же возвращается). Тебѣ письмо, Томасъ.

Докторъ Стокманъ. Посмотримъ. (Вскрываетъ и читаетъ) Ну, вотъ.

Фру Стокманъ. Отъ кого это?

Докторъ Стокманъ. Отъ домохозяина. Отказываетъ намъ отъ квартиры.

Фру Стокманъ. Да неужели? Такой порядочный человѣкъ...

Докторъ Стокманъ (глядя въ письмо). Не смѣетъ поступить иначе,—пишетъ. Ему очень жаль, но онъ не смѣетъ иначе... изъ-за своихъ согражданъ... принимая во вниманіе общественное мнѣніе... онъ человѣкъ зависимый... и не смѣетъ идти наперекоръ вліятельнымъ лицамъ.

Фру Стокманъ. Вотъ видишь, Томасъ.

Докторъ Стокманъ. Вижу, вижу. Всѣ трусы у насъ въ городѣ. Ни одинъ человѣкъ ничего не смѣетъ изъ боязни другихъ. (Швыряетъ письмо на столъ) Ну, да намъ все равно, Катрина. Уѣдемъ въ Новый Свѣтъ и...

Фру Стокманъ. Ахъ, Томасъ, хорошо ли ты все это обдумалъ насчетъ отъѣзда?

Докторъ Стокманъ. Ужъ не остаться ли мнѣ тутъ, гдѣ меня выставили къ позорному столбу, какъ врага народа, заклеймили меня, повыбили у меня окна! И взгляните-ка, они разорвали мои черныя брюки.

Фру Стокманъ. Ахъ, Боже мой! Самыя лучшія, новыя!

Докторъ Стокманъ. Никогда не слѣдуетъ надѣвать своихъ лучшихъ брюкъ, когда идешь отстаивать свободу и истину. Ну, да о брюкахъ я не печалюсь; бѣда невелика Можно починить. А вотъ то, что чернь, толпа осмѣлилась напирать на меня, какъ будто они всѣ мнѣ ровня—вотъ этого я не могу переварить!..

Фру Стокманъ. да, они ужасно грубо обошлись съ тобой, Томасъ. Но развѣ изъ-за этого намъ такъ-таки и бросить родину?

Докторъ Стокманъ. По-твоему, чернь въ другихъ городахъ у насъ не такъ же нахальна, какъ тутъ? Все одинъ чортъ. Да наплевать; пусть себѣ собаки лаютъ. Не въ этомъ главная бѣда. Главная бѣда въ томъ, что всѣ люди въ этой странѣ—рабы партій. Да и то сказать... Пожалуй, на этотъ счетъ и на Западѣ, въ странѣ свободы, не лучше. И тамъ свирѣпствуетъ сплоченное большинство, и либеральное общественное мнѣніе, и вся эта чертовщина. Но условія жизни тамъ шире, крупнѣе. Люди тамъ способны убить, но они не станутъ пытать тебя медленно. Они не налагаютъ такихъ тисковъ на свободную человѣческую душу, какъ у насъ. Да и, въ крайнемъ случаѣ, тамъ можно будетъ держаться въ сторонѣ. (Ходитъ по комнатѣ) Знай я только, гдѣ бы можно было купить недорого дѣвственный лѣсокъ или какой-нибудь островокъ въ Южномъ океанѣ...

Фру Стокманъ. А мальчики, Томасъ?

Докторъ Стокманъ (останавливаясь). Какая ты странная, Катрина. Неужели ты предпочла бы, чтобы мальчики выросли

въ такомъ обществѣ, какъ наше? Сама же ты вчера вечеромъ сказала, что полгорода взбѣсилось; ну, а если и вторая половина не сошла съ ума, такъ потому лишь, что состоитъ изъ однихъ ословъ, которымъ не съ чего было сходить.

Фру Стокманъ. Ахъ, милый Томасъ, вѣдь и ты тоже... такой невоздержный на языкъ.

Докторъ Стокманъ. Ну вотъ! Да я развѣ не правду говорилъ? Развѣ они не переворачиваютъ вверхъ дномъ всѣ понятія? Не смѣшиваютъ въ одну кучу и правду и неправду? Не называютъ ложью то, что, я знаю, есть истина? Но всего нелѣпѣе—эти взрослые либералы, которые разгуливаютъ тутъ цѣлыми стадами и вбиваютъ въ голову и себѣ и другимъ, что они люди свободомыслящіе. Ты когда-нибудь слыхала что-либо подобное, Катрина?

Фру Стокманъ. Да, да, понятно, это изъ рукъ вонъ, но...

(Петра входитъ изъ гостиной).

Фру Стокманъ. Уже? Вернулась изъ школы?

Петра. Да; мнѣ отказали.

Фру Стокманъ. Отказали?

Докторъ Стокманъ. И тебѣ!

Петра. Фру Бускъ сказала мнѣ, что не можетъ оставить меня у себя, и я сочла за лучшее сейчасъ же уйти.

Докторъ Стокманъ. И правильно, ей-ей!

Фру Стокманъ. Кто бы подумалъ, что фру Бускъ такая дурная особа!

Петра. Ну, мама, фру Бускъ вовсе не такая дурная. Ясно видно было, что она сама очень огорчена этимъ. Но она не смѣла поступить иначе,—такъ и сказала мнѣ.

Докторъ Стокманъ (смѣясь и потирая руки). Не смѣла поступить иначе! И она тоже. Нѣтъ, это прелестно!

Фру Стокманъ. Да, послѣ вчерашнихъ безчинствъ...

Петра. Не изъ-за одного этого. Нѣтъ, ты послушай, папа.

Докторъ Стокманъ. Ну, ну?

Петра. Фру Бускъ показала мнѣ цѣлыхъ три письма, которыя получила сегодня утромъ...

Докторъ Стокманъ. Вѣрно, анонимныхъ?

Петра. Да.

Докторъ Стокманъ. Понятно. Отъ собственнаго имени они не смѣютъ дѣйствовать, Катрина.

Петра. И въ двухъ изъ нихъ говорилось, что одинъ изъ господъ, бывавшихъ у насъ въ домѣ, разсказывалъ ночью въ клубѣ, будто у меня черезчуръ свободный образъ мыслей...

Докторъ Стокманъ. И ты, конечно, не стала отрицать?

Петра. Конечно, нѣтъ. Сама фру Бускъ тоже держится до-

вольно-таки свободныхъ взглядовъ, когда мы съ нею съ глазу на глазъ; но, разъ обо мнѣ пошли такіе слухи, она уже не посмѣла отстаивать меня.

Фру Стокманъ. И подумать—ихъ распространяетъ человѣкъ, бывавшій у насъ въ домѣ! Вотъ видишь, Томасъ, какъ тебѣ платятъ за твое гостепріимство.

Докторъ Стокманъ. Съ такими свиньями нельзя дольше жить. Укладывайся живѣе, Катрина. Чѣмъ скорѣе уѣдемъ, тѣмъ лучше.

Фру Стокманъ. Тише; мнѣ кажется, кто-то идетъ по коридору. Взгляни, Петра.

Петра (отворяя входную дверь). Ахъ, это капитанъ Горстеръ? Пожалуйста, войдите.

Горстеръ (изъ передней). Здравствуйте. Зашелъ васъ провѣдать.

Докторъ Стокманъ (крѣпко пожимая ему руку). Спасибо. Вотъ это поистинѣ мило съ вашей стороны.

Фру Стокманъ. И спасибо, что вчера помогли намъ выбраться, капитанъ Горстеръ.

Петра. А какъ вы сами-то пробрались назадъ домой?

Горстеръ. Ну, ничего; я не изъ слабосильныхъ, а тѣ господа вѣдь больше на языкъ горазды.

Докторъ Стокманъ. Да, не характерная ли черта — эта ихъ гнусная трусость? Подите сюда, я вамъ покажу кое-что. Взгляните, вотъ тутъ всѣ камни, которыми они швыряли въ окна. Взгляните только. Ей-ей, во всей кучкѣ не найдется больше двухъ-трехъ порядочныхъ, крупныхъ булыжниковъ, а то все мелочь, щебень. А ужъ крику-то сколько было, угрозъ, клятвенныхъ обѣщаній свернуть мнѣ шею, на дѣлѣ же... на дѣлѣ въ этомъ городѣ нельзя ожидать ничего серьезнаго!

Горстеръ. На этотъ разъ оно для васъ же было лучше, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. Ну, конечно. А все-таки досадно. Вѣдь дойди когда-нибудь до серьезной схватки по вопросу государственной важности, увидите, общественное мнѣніе будетъ за то, чтобы задать стрекача, а все это сплоченное большинство кинется наутекъ, какъ стадо барановъ. Вотъ о чемъ грустно подумать; вотъ о чемъ болитъ у меня сердце. А впрочемъ, чортъ съ ними... въ сущности все это однѣ глупости. Они сказали, что я врагъ народа, такъ и пусть я буду врагомъ народа!

Фру Стокманъ. Никогда тебѣ не бывать имъ, Томасъ!

Докторъ Стокманъ. Ну, не очень-то за это ручайся, Катрина. Дурное слово иногда дѣйствуетъ на душу, какъ царапинка на

легкія. А это проклятое слово... я не могу отъ него отдѣлаться; оно глубоко засѣло вотъ тутъ, подъ сердцемъ, сидитъ тутъ и сосетъ и гложетъ, какъ кислота. И ужъ никакая магнезія тутъ не поможетъ.

Петра. Э, полно! Ты себѣ посмѣйся надъ ними, да и все.

Горстеръ. Придетъ еще время, они навѣрно одумаются, господинъ докторъ.

Фру Стокманъ. Да, Томасъ, ужъ будь спокоенъ.

Докторъ Стокманъ. Да, пожалуй, когда ужъ поздно будетъ. И подѣломъ имъ. Пусть тогда сидятъ тутъ по уши въ грязи да каются, что выжили патріота... Вы когда же отплываете, капитанъ?

Горстеръ. Гм... объ этомъ-то въ сущности я и пришелъ потолковать съ вами...

Докторъ Стокманъ. Что-нибудь стряслось съ пароходомъ?

Горстеръ. Нѣтъ, но выходитъ, что мнѣ съ нимъ не ѣхать.

Петра. Да не отказали же вамъ?

Горстеръ (улыбаясь). Вотъ-вотъ; именно.

Петра. И вамъ!

Фру Стокманъ. Видишь, Томасъ!

Докторъ Стокманъ. И все это изъ-за правды! О, если бы я могъ предполагать что-либо такое!..

Горстеръ. Вы, пожалуйста, не принимайте этого такъ близко къ сердцу. Навѣрно, устроюсь при какой-нибудь иногородной пароходной компаніи.

Докторъ Стокманъ. И это коммерсантъ Війкъ—богатый человѣкъ, вполнѣ независимый!.. Тьфу, чортъ возьми!

Горстеръ. Онъ вообще довольно порядочный человѣкъ. И сказалъ, что очень хотѣлъ бы оставить меня, да не смѣетъ...

Докторъ Стокманъ. Не смѣетъ? Само собой.

Горстеръ. Неудобно, говоритъ, разъ принадлежишь къ извѣстной партіи...

Докторъ Стокманъ. Вотъ ужъ истину-то изрекъ сей почтенный мужъ! Партія — то же, что мясорубка: смалываетъ всѣ головы въ одну общую кашу; вотъ отчего головы у нихъ у всѣхъ и набиты кашей да всякой дрянью.

Фру Стокманъ. Ахъ, Томасъ!

Петра (Горстеру). Не провожали бы вы насъ вчера домой, пожалуй, и не дошло бы до этого.

Горстеръ. Я ничуть не жалѣю.

Петра (пожимая ему руку). Спасибо вамъ за это!

Горстеръ (доктору). Затѣмъ я вотъ еще что хотѣлъ сказать вамъ; если вы непремѣнно хотите уѣхать, то я придумалъ другой способъ...

Докторъ Стокманъ. Отлично. Только бы поскорѣе выбраться отсюда.

Фру Стокманъ. Тсс... Стучатъ, кажется?

Петра. Вѣрно, дядя.

Докторъ Стокманъ. Аѓа! (Кричитъ) Войдите!

Фру Стокманъ. Милый Томасъ, пожалуйста, обѣщай мнѣ...

(Входитъ бургомистръ Стокманъ).

Бургомистръ (въ дверяхъ). А, ты занятъ. Такъ я лучше...

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, нѣтъ. Войди, войди.

Бургомистръ. Но я желалъ бы имѣть разговоръ съ тобой наединѣ.

Фру Стокманъ. Мы можемъ уйти пока въ гостиную.

Горстеръ. А я потомъ зайду.

Докторъ Стокманъ. Нѣтъ, посидите съ ними, капитанъ. Мнѣ надо узнать поподробнѣе...

Горстеръ. Хорошо, такъ я подожду. (Уходитъ вслѣдъ за фру Стокманъ и Петрой въ гостиную).

Бургомистръ (молча глядитъ на разопгыя стекла оконъ).

Докторъ Стокманъ. Пожалуй, по-твоему, здѣсь довольно прохладно сегодня? Надѣнь фуражку.

Бургомистръ. Спасибо — если можно. (Надѣваетъ фуражку) Кажется, я простудился вчера. Прозябъ тамъ...

Докторъ Стокманъ. Да? А по-моему, тамъ было довольнотаки жарко.

Бургомистръ. Я сожалѣю, что не въ моей власти было предотвратить эти ночныя безчинства.

Докторъ Стокманъ. Ну, а кромѣ этого у тебя есть еще что-нибудь особенное сообщить мнѣ?

Бургомистръ (вынимая большой конвертъ). Я имѣю передать тебѣ вотъ этотъ документъ отъ дирекціи курорта.

Докторъ Стокманъ. Отказъ отъ должности?

Бургомистръ. Да, считая отъ сего числа. (Кладетъ конвертъ на столъ) Намъ это прискорбно, но, откровенно говоря, мы не смѣли поступить иначе, — надо считаться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Докторъ Стокманъ (улыбаясь). Не смѣли? Я ужъ сегодня не разъ слышалъ это слово.

Бургомистръ. Прошу тебя вникнуть въ свое положеніе. Отнынѣ тебѣ не приходится разсчитывать ни на какую практику здѣсь въ городѣ.

Докторъ Стокманъ. Чортъ съ ней съ практикой! Но ты почему такъ увѣренъ въ этомъ?

Бургомистръ. Союзъ домохозяевъ разсылаетъ по домамъ циркуляръ, приглашающій всѣхъ благомыслящихъ гражданъ не

прибѣгать больше къ твоимъ услугамъ, и я смѣю поручиться, что ни единый глава семьи не откажется скрѣпить этотъ циркуляръ своей подписью. Попросту — не осмѣлится.

Докторъ Стокманъ. Да, да, я не сомнѣваюсь. Ну, а потомъ что?

Бургомистръ. Если бы я могъ подать тебѣ совѣтъ, то посовѣтовалъ бы тебѣ перемѣнить на нѣкоторое время мѣстожительство.

Докторъ Стокманъ. Я самъ подумываю о томъ, чтобы перемѣнить мѣстожительство.

Бургомистръ. Хорошо. И вотъ, если бы ты, получивъ такимъ образомъ съ полгода времени на размышленіе, рѣшился, по зрѣломъ обсужденіи, выразить краткое сожалѣніе, признавшись въ своемъ заблужденіи, то...

Докторъ Стокманъ. То, пожалуй, я могъ бы надѣяться вновь вернуться на свою прежнюю должность? Такъ?

Бургомистръ. Быть-можетъ. Отнюдь не невозможно.

Докторъ Стокманъ. Ну, а какъ же тогда общественное мнѣніе? Вѣдь вы же изъ-за общественнаго мнѣнія не смѣете держать меня.

Бургомистръ. Общественное мнѣніе — вещь чрезвычайно измѣнчивая. И, откровенно говоря, для насъ представляетъ особенную важность получить отъ тебя такое признаніе.

Докторъ Стокманъ. Еще бы! Небось, такъ зубы на него и точите. Но ты вѣдь помнишь, чортъ возьми, что я тебѣ говорилъ раньше насчетъ этихъ лисьихъ увертокъ!

Бургомистръ. Тогда ты занималъ куда болѣе благопріятную позицію; тогда ты имѣлъ возможность предполагать, что весь городъ станетъ за тебя.

Докторъ Стокманъ. Да; теперь же я узналъ, что весь городъ противъ меня... (Вскипѣвъ) Да хоть бы самъ чортъ съ его бабушкой были противъ меня!.. Никогда, никогда, говорю я!

Бургомистръ. Отецъ семейства не въ правѣ такъ поступать, какъ ты. Ты не въ правѣ, Томасъ.

Докторъ Стокманъ. Не въ правѣ! Свободный человѣкъ одного только не въ правѣ дѣлать; знаешь чего?

Бургомистръ. Нѣтъ.

Докторъ Стокманъ. Ну, разумѣется. Такъ я тебѣ скажу. Свободный человѣкъ не въ правѣ валяться въ грязи, какъ свинья, не въ правѣ поступать такъ, чтобы ему оставалось самому себѣ плюнуть въ лицо!

Бургомистръ. Это все звучитъ очень правдоподобно; и не будь налицо иного объясненія для твоей неподатливости... Но оно вѣдь имѣется...

Докторъ Стокманъ. Что ты хочешь сказать этимъ?

Бургомистръ. Ты же отлично понимаешь. Но, какъ братъ твой и человѣкъ разсудительный, я совѣтую тебѣ не слишкомъ основываться на надеждахъ, которыя весьма легко могутъ не оправдаться.

Докторъ Стокманъ. Да что же это наконецъ означаетъ?

Бургомистръ. Или ты въ самомъ дѣлѣ думаешь заставить меня повѣрить тому, что ты такъ-таки ничего и не знаешь о завѣщаніи, составленномъ кожевеннымъ заводчикомъ Кійлемъ?

Докторъ Стокманъ. Я знаю, что тѣ крохи, какія есть у него, должны перейти убѣжищу для престарѣлыхъ бѣдныхъ ремесленниковъ. Но мнѣ-то что до этого?

Бургомистръ. Во-первыхъ, рѣчь идетъ здѣсь далеко не о крохахъ. Кожевенный заводчикъ Кійль довольно-таки состоятельный человѣкъ.

Докторъ Стокманъ. Никогда и не подозрѣвалъ этого...

Бургомистръ. Гм... въ самомъ дѣлѣ? Такъ ты не подозрѣвалъ и того, что изрядная доля его состоянія перейдетъ къ твоимъ дѣтямъ, съ тѣмъ, что ты и твоя жена будете пользоваться процентами пожизненно? Онъ тебѣ не говорилъ этого?

Докторъ Стокманъ. Ничего подобнаго. Напротивъ, онъ вѣчно бѣсновался, что его заставляютъ платить совершенно несоразмѣрные съ его состояніемъ налоги. Однако ты это навѣрно знаешь, Петеръ?

Бургомистръ. Я знаю это изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ.

Докторъ Стокманъ. Но, Боже мой! Тогда вѣдь Катрина обезпечена... и дѣти тоже! Нѣтъ, это непремѣнно надо сообщить... (Кричитъ) Катрина, Катрина!

Бургомистръ (удерживая). Тсс... ни слова пока.

Фру Стокманъ (открывая дверь). Что случилось?

Докторъ Стокманъ. Ничего; ступай себѣ.

(Фру Стокманъ затворяетъ дверь опять).

Докторъ Стокманъ (шагая по комнатѣ). Обезпечены. А? Подумать — всѣ обезпечены! И пожизненно! Вотъ благодать-то чувствовать себя обезпеченнымъ!

Бургомистръ. Но вотъ именно этого-то пока и нѣтъ. Кожевенный заводчикъ Кійль можетъ измѣнить свои распоряженія, когда ему вздумается.

Докторъ Стокманъ. Ну, этого онъ не сдѣлаетъ, милѣйшій мой Петеръ. Барсукъ ужасно доволенъ, что я принялся за тебя съ твоими умными друзьями.

Бургомистръ (пораженный, испытующе смотритъ на него). Ага! Вотъ что, пожалуй, бросаетъ свѣтъ на многое!

Докторъ Стокманъ. На что на многое?

Бургомистръ. Такъ это былъ сложный маневръ. Эти необузданныя безпощадныя нападки твои на руководящихъ лицъ, якобы во имя правды...

Докторъ Стокманъ. Ну, ну?

Бургомистръ. Все это было. слѣдовательно, не что иное, какъ условленная благодарность за завѣщаніе злопамятнаго старикашки!

Докторъ Стокманъ (едва въ состояніи говорить). Петеръ... ты самый отвратительный плебей, какого я только зналъ на своемъ вѣку.

Бургомистръ. Между нами все кончено. Твоя отставка безповоротна. Теперь у насъ есть противъ тебя оружіе. (Уходитъ).

Докторъ Стокманъ. Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Кричитъ) Катрина! Пусть вымоютъ полъ послѣ него! Вели придти сюда съ ведромъ этой... ну, какъ ее, чортъ?.. Этой чумазой, съ сажей подъ носомъ!..

Фру Стокманъ (въ дверяхъ гостиной). Тсс... тсс... Потише, Томасъ.

Петра (тоже появляясь въ дверяхъ). Папа, дѣдушка пришелъ и спрашиваетъ, нельзя ли поговорить съ тобой наединѣ.

Докторъ Стокманъ. Само собой можно. (Подходя къ дверямъ) Войдите, тесть.

(Мортенъ Кійль входитъ, и докторъ затворяетъ за нимъ дверь).

Докторъ Стокманъ. Ну, въ чемъ дѣло? Садитесь.

Мортенъ Кійль. Нѣтъ, нѣтъ. (Озирается) Славно здѣсь у васъ сегодня, Стокманъ.

Докторъ Стокманъ. Не правда ли?

Мортенъ Кійль. И даже очень славно. Свѣжо такъ. Сегодня у васъ вдоволь этого самаго кислаго воздуху, о которомъ вы столько толковали вчера, и совѣсть у васъ сегодня, должно-быть, страсть какъ чиста, — могу себѣ представить.

Докторъ Стокманъ. Да, это правда.

Мортенъ Кійль. Могу себѣ представить. (Колотя себя въ грудь) А знаете вы, что у меня тутъ?

Докторъ Стокманъ. Тоже, надѣюсь, страсть какая чистая совѣсть.

Мортенъ Кійль. Э! Кое-что получше. (Вынимаетъ толстый бумажникъ, раскрываетъ его и показываетъ часть бумагъ).

Докторъ Стокманъ (смотритъ съ удивленіемъ на него). Акціи водолѣчебницы?

Мортенъ Кійль. Ихъ не трудно было достать сегодня.

Докторъ Стокманъ. И вы пошли да накупили себѣ...

Мортенъ Кійль. На всѣ наличныя денежки.

Докторъ Стокманъ. Но, дорогой тесть... вѣдь при томъ отчаянномъ положеніи водолѣчебницы...

Мортенъ Кійль. Если вы будете вести себя, какъ разумный человѣкъ, лѣчебница, небось, опять встанетъ на ноги.

Докторъ Стокманъ. Вы же сами видите, я все дѣлаю, что могу, но... люди тутъ какіе-то полоумные.

Мортенъ Кійль. Вы сказали вчера, что главная пакость идетъ съ моего кожевеннаго завода. Но коли это такъ, то выходитъ, что и дѣдъ мой, и отецъ мой, и я самъ столько лѣтъ пакостили городъ, словно трое душегубцевъ. Вы думаете, могу я помириться съ такимъ срамомъ?

Докторъ Стокманъ. Къ сожалѣнію, придется поневолѣ.

Мортенъ Кійль. Нѣтъ, спасибо! Я дорожу своимъ честнымъ именемъ и доброй славой. Люди, слыхалъ я, прозвали меня «барсукомъ». Барсукъ вѣдь это на манеръ свиньи; такъ не быть же по-ихнему, ни въ жизнь! Я хочу жить и умереть человѣкомъ чистоплотнымъ.

Докторъ Стокманъ. Да какъ же вы теперь съ этимъ сдѣлаетесь?

Мортенъ Кійль. Вы меня почистите, Стокманъ.

Докторъ Стокманъ. Я!

Мортенъ Кійль. Знаете вы, на какія деньги я накупилъ этихъ акцій? Нѣтъ, гдѣ вамъ знать. Такъ я скажу вамъ. На деньги, которыя должны были достаться послѣ меня Катринѣ съ Петрой и мальчиками. Да, я вѣдь все-таки успѣлъ скопить малую толику.

Докторъ Стокманъ (вспыливъ). И вы взяли да такимъ путемъ и спустили деньги Катрины!

Мортенъ Кійль. Да, всѣ эти денежки теперь вложены въ водолѣчебницу. И вотъ теперь-то я и посмотрю, такъ ли вы того... совсѣмъ свихнулись... окончательно безпардонно рехнулись, Стокманъ. Если вы и теперь станете выводить разныхъ козявокъ да всякую такую пакость изъ моего кожевеннаго завода, то это будетъ аккуратъ то же самое, что опшпывать живьемъ Катрину съ Петрой и съ мальчиками. А этого ни одинъ добропорядочный отецъ семейства не сдѣластъ... ежели не совсѣмъ обезумѣлъ.

Докторъ Стокманъ (ходя взадъ и впередъ). Ну, а я именно такой безумецъ! Я — именно такой безумецъ!

Мортенъ Кійль. Нѣтъ, все-таки не совсѣмъ же вы окончательно бѣшеный, когда дѣло идетъ о женѣ и дѣтяхъ.

Докторъ Стокманъ (останавливаясь передъ нимъ). И зачѣмъ вы не посовѣтовались со мной, прежде чѣмъ покупать весь этотъ хламъ!

Мортенъ Кійль. Лучше ужъ какъ есть. Такъ-то вѣрнѣе будетъ.

Докторъ Стокманъ (съ волненіемъ ходитъ по комнатѣ). И не будь я еще такъ увѣренъ въ своей правотѣ... Но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что правъ.

Мортенъ Кійль (взвѣшивая на ладони бумажникъ). Если останетесь при своемъ сумасбродствѣ, то немногаго будетъ стоить эта пачка. (Прячетъ бумажникъ въ карманъ).

Докторъ Стокманъ. Но, чортъ возьми, должна же наука найти противоядіе... какой-нибудь презервативъ...

Мортенъ Кійль. То-есть, чтобы убивать козявокъ?

Докторъ Стокманъ. Да, или обезвреживать ихъ.

Мортенъ Кійль. Нельзя ли попробовать посыпать мышьякомъ?

Докторъ Стокманъ. Э, вздоръ, вздоръ!.. Но, разъ всѣ говорятъ, что это одна фантазія... И пусть себѣ будетъ одна фантазія. Подѣломъ имъ. Эти невѣжественные, безсердечные псы облаяли меня врагомъ народа... Готовы были загрызть меня...

Мортенъ Кійль. И всѣ стекла въ окнахъ повыбили.

Докторъ Стокманъ. Да; и вдобавокъ долгъ отца семейства... Надо поговорить съ Катриной. Эти дѣла по ея части.

Мортенъ Кійль. Хорошо, только слушайтесь совѣтовъ разумной жены.

Докторъ Стокманъ (устремляясь къ нему). И угораздило васъ заварить такую кашу! Рискнуть деньгами Катрины! Поставить меня въ такое ужасное, мучительное положеніе. Погляжу я на васъ — словно самъ дьяволъ передо мною!..

Мортенъ Кійль. Такъ лучше мнѣ уйти. Но чтобы я до двухъ часовъ получилъ отъ васъ отвѣтъ. Да или нѣтъ. Коли нѣтъ, такъ и эти акціи будутъ отказаны убѣжищу. Сегодня же.

Докторъ Стокманъ. А что же достанется Катринѣ?

Мортенъ Кійль. Ни понюшки!

(Дверь въ переднюю отворяется, и на порогѣ показываются Говстадъ и Аслаксенъ).

Мортенъ Кійль. Поглядите-ка на эту парочку!

Докторъ Стокманъ (уставясь на нихъ). Что такое? И вы смѣете еще переступать мой порогъ?

Говстадъ. Какъ видите.

Аслаксенъ. Намъ нужно поговорить съ вами, видите ли.

Мортенъ Кійль (шопотомъ). Да или нѣтъ... до двухъ часовъ.

Аслаксенъ (переглядываясь съ Говстадомъ). Ага!

(Мортенъ Кійль уходитъ).

Докторъ Стокманъ. Ну, чего же вамъ отъ меня нужно? Покороче.

Говстадъ. Я отлично понимаю, что вы недовольны нашимъ вчерашнимъ образомъ дѣйствій...

Докторъ Стокманъ. И вы называете это образомъ дѣйствій? Да, чудесный образъ дѣйствій! Я назову этотъ образъ дѣйствій — безобразіемъ! Вы вели себя какъ бабы... Тьфу, чортъ возьми!

Говстадъ. Называйте, какъ хотите. Но мы не могли иначе.

Докторъ Стокманъ. Не смѣли? Не такъ ли?

Говстадъ. Да, если хотите.

Аслаксенъ. Но что бы вамъ стоило закинуть намъ словечко заранѣе? Хоть бы намекнуть господину Говстаду или мнѣ.

Докторъ Стокманъ. Намекнуть? На что?

Аслаксенъ. На то, что за этимъ кроется.

Докторъ Стокманъ. Ничего не понимаю.

Аслаксенъ (конфиденціально, кивая головой). Ужъ будьте благонадежны, докторъ Стокманъ.

Говстадъ. Теперь-то ужъ нечего больше таиться.

Докторъ Стокманъ (глядитъ то на одного, то на другого). Да шутъ подери...

Аслаксенъ. Позвольте спросить васъ, развѣ вашъ тесть не рыщетъ по городу и не скупаетъ акціи водолѣчебницы?

Докторъ Стокманъ. Да, онъ накупилъ ихъ сегодня, но..?

Аслаксенъ. Благоразумнѣе было бы послать кого-нибудь другого... кто бы не стоялъ къ вамъ такъ ужъ близко.

Говстадъ. Да и не зачѣмъ вовсе было выступать подъ собственнымъ именемъ. Пусть бы никто и не зналъ, что нападки на водолѣчебницу идутъ отъ васъ. Посовѣтовались бы со мной, докторъ Стокманъ.

Докторъ Стокманъ (задумывается, и вдругъ его осѣняетъ догадка, и онъ говоритъ, какъ человѣкъ, свалившійся съ неба). Да мыслимое ли это дѣло? И такія дѣла дѣлаются!

Аслаксенъ (съ улыбкой). Какъ видно, дѣлаются. Только, видите ли, надо обдѣлывать ихъ потоньше.

Говстадъ. И самое лучшее — въ компаніи. Отвѣтственности всегда вѣдь меньше, если человѣкъ дѣйствуетъ не одинъ, а заодно съ другими.

Докторъ Стокманъ (овладѣвъ собой). Въ двухъ словахъ, господа, что вамъ угодно?

Аслаксенъ. Это господинъ Говстадъ лучше сумѣетъ...

Говстадъ. Нѣтъ, скажите вы, Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Ну, дѣло въ томъ, видите ли, что разъ мы теперь знаемъ, какъ все это обстоитъ, то мы и полагаемъ, что смѣемъ служить вамъ «Народнымъ Вѣстникомъ».

Докторъ Стокманъ. Теперь смѣете? А какъ же общественное мнѣніе? Не боитесь бури?

Говстадъ. Постараемся отстояться на якорѣ.

Аслаксенъ. И доктору придется изловчиться, полавировать. А какъ только ваши нападки возымѣютъ дѣйствіе...

Докторъ Стокманъ. То-есть какъ только тесть мой и я за безцѣнокъ приберемъ къ рукамъ вся акціи?..

Говстадъ. Ну, вѣроятно, вы главнымъ образомъ въ интересахъ науки стремитесь взять въ свои руки управленіе водолѣчебницей.

Докторъ Стокманъ. Само собой; я въ интересахъ науки и подбилъ стараго барсука на это дѣло. А потомъ мы починимъ немножко водопроводъ, пороемся немножко на морскомъ берегу, не вводя городъ ни въ какіе расходы. Такъ, что ли? Удастся? А?

Говстадъ. Я такъ думаю—разъ «Народный Вѣстникъ» будетъ за васъ.

Аслаксенъ. Въ свободномъ обществѣ печать—сила, господинъ докторъ.

Докторъ Стокманъ. Такъ. И общественное мнѣніе тоже. А вы, господинъ Аслаксенъ, ручаетесь, конечно, за союзъ домохозяевъ?

Аслаксенъ. И за союзъ домохозяевъ и за общество друзей трезвости. Будьте благонадежны.

Докторъ Стокманъ. Но, господа... видите ли, я стѣсняюсь спросить... какое же вознагражденіе?..

Говстадъ. Мы предпочли бы поддержать васъ совершенно безкорыстно, какъ вы понимаете. Но «Народный Вѣстникъ» не окрѣпъ; дѣла идутъ не особенно важно, а прекратить газету теперь, когда столько предстоитъ сдѣлать въ области высшей политики, мнѣ бы очень и очень не хотѣлось.

Докторъ Стокманъ. Разумѣется; это должно быть чрезвычайно тяжело такому другу народа, какъ вы. (Не выдержавъ) Но я—врагъ народа! (Мечась по комнатѣ) Куда это дѣлась моя палка? Кой чортъ взялъ мою палку?

Говстадъ. Что это значитъ?

Аслаксенъ. Не хотите же вы?..

Докторъ Стокманъ (останавливаясь). А если я не дамъ вамъ ни крохи изъ моихъ акцій? Не забудьте, съ насъ, богачей, взятки гладки.

Говстадъ. А вы не забудьте, что это дѣло съ акціями можно представить и такъ и этакъ.

Докторъ Стокманъ. Конечно, васъ на это хватитъ. Если я не выручу «Народнаго Вѣстника», дѣло это, вѣрно, предстанетъ передъ вами въ очень неприглядномъ свѣтѣ. Пожалуй, начнете травить меня, какъ собаки зайца.

Говстадъ. Таковъ законъ природы. Каждому звѣрю надо снискивать себѣ пропитаніе.

Аслаксенъ. И онъ беретъ пищу, гдѣ находитъ ее,—видите ли.

Докторъ Стокманъ. Такъ и ищите ее гдѣ-нибудь въ уличныхъ канавахъ! (Мечась по комнатѣ) Чортъ побери! Посмотримъ теперь, кто изъ насъ тронхъ самый сильный звѣрь. (Найдя зонтикъ, взмахиваетъ имъ) Ну-съ!..

Говстадъ. Не хотите же вы нанести намъ оскорбленіе дѣйствіемъ?

Аслаксенъ. Поосторожнѣе съ этимъ зонтикомъ!

Докторъ Стокманъ. Маршъ въ окно, господинъ Говстадъ!

Говстадъ (у дверей въ переднюю). Вы совсѣмъ съ ума сошли!

Докторъ Стокманъ. Маршъ въ окно, господинъ Аслаксенъ! Скачите, говорятъ вамъ! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Аслаксенъ (бѣгая вокругъ письменнаго стола). Умѣреннѣе, господинъ докторъ! Я человѣкъ слабый... Чуть что, я и... (Кричитъ) Помогите! Помогите!

(Фру Стокманъ, Петра и Горстеръ выбѣгаютъ изъ гостиной).

Фру Стокманъ. Господи, Боже мой, Томасъ! Что случилось?

Докторъ Стокманъ (размахивая зонтикомъ). Ну же, скачите! Въ канаву!

Говстадъ. Нападеніе на беззащитнаго человѣка! Беру васъ въ свидѣтели, капитанъ Горстеръ! (Поспѣшно ретируется въ переднюю).

Аслаксенъ (растерянно). Знать бы только мѣстныя условія... (Шмыгаетъ въ гостиную).

Фру Стокманъ (удерживая мужа). Да уймись же, Томасъ!

Докторъ Стокманъ (бросая зонтикъ). Эхъ, увернулись-таки!

Фру Стокманъ. Да чего имъ было нужно отъ тебя?

Докторъ Стокманъ. Потомъ узнаешь. Теперь мнѣ есть о чемъ другомъ думать. (Идетъ къ столу и дѣлаетъ надпись на визитной карточкѣ) Поди сюда, Катрина. Видишь, что я написалъ?

Фру Стокманъ. Три раза «нѣтъ» крупными буквами. Что это значитъ?

Докторъ Стокманъ. И это потомъ узнаешь. (Отдавая карточку) Вотъ, Петра, пусть наша чумазая собѣгаетъ къ барсуку и отдастъ это. Только живо!

(Петра, взявъ карточку, уходитъ въ переднюю).

Докторъ Стокманъ. Если у меня не побывали сегодня въ гостяхъ всѣ слуги сатаны, такъ ужъ я и не знаю — кто. Но теперь зато и наточу же я противъ нихъ свое перо, — станетъ, какъ шило! Обмакну его въ ядъ и желчь! Буду швырять имъ въ башки чернильницей!

Фру Стокманъ. Да мы же уѣзжаемъ, Томасъ.

(Петра возвращается).

Докторъ Стокманъ. Ну?

Петра. Послано.

Докторъ Стокманъ. Хорошо. Уѣзжаемъ, говоришь? Нѣтъ, чортъ побери, мы остаемся, Катрина!

Петра. Остаемся?

Фру Стокманъ. Тутъ въ городѣ?

Докторъ Стокманъ. Именно тутъ. Тутъ поле брани, тутъ должна разыграться битва, тутъ я хочу побѣдить. Вотъ только починятъ мои брюки, я и пойду по городу искать квартиру. Крышу надъ головой все-таки надо имѣть къ зимѣ.

Горстеръ. Такъ перебирайтесь ко мнѣ.

Докторъ Стокманъ. Серьезно?

Горстеръ. Само собой; мѣста у меня хватитъ, да я почти и не живу дома.

Фру Стокманъ. Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, Горстеръ.

Петра. Спасибо!

Докторъ Стокманъ (крѣпко пожимая ему руку). Спасибо, спасибо! Ну, значитъ, эта бѣда миновала. И я на-дняхъ же серьезно возьмусь за дѣло. Ахъ, да тутъ работы безъ конца, Катрина! И хорошо, что я теперь буду полнымъ хозяиномъ своего времени. Мнѣ вѣдь отказали отъ должности, видишь ли...

Фру Стокманъ (со вздохомъ). Охъ, я этого и ожидала.

Докторъ Стокманъ. ...И хотятъ еще лишить меня практики. Да пусть ихъ. Бѣдные-то во всякомъ случаѣ при мнѣ останутся... которые ничего не платятъ. А вѣдь имъ-то я больше всего и нуженъ. Но слушать себя я ихъ заставлю, чортъ возьми! Я буду отчитывать ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Фру Стокманъ. Но, милый Томасъ, мнѣ кажется, ты убѣдился, къ чему это ведетъ.

Докторъ Стокманъ. Какая ты, право, чудачка, Катрина! Что же мнѣ — спасовать передъ общественнымъ мнѣніемъ и сплоченнымъ большинствомъ и тому подобной чертовщиной? Нѣтъ, благодарю покорно. А то, чего я хочу, такъ ясно и просто. Я хочу только вбить въ башку этимъ псамъ, что либералы — коварнѣйшіе враги свободныхъ людей... что своими партійными программами они душатъ всѣ новыя, молодыя, жизнеспособныя истины... что всякими тамъ «соображеніями» они выворачиваютъ на изнанку нравственность и справедливость, такъ что наконецъ прямо страшно становится жить на свѣтѣ! Какъ по-вашему, капитанъ Горстеръ, удастся мнѣ втолковать это людямъ?

Горстеръ. Очень возможно; я не очень-то свѣдущъ по этой части.

Докторъ Стокманъ. Да вотъ видите ли... вы только послу-

шайте! Надо уничтожить главарей партій. Такой главарь все равно, что волкъ... словно прожорливый сѣрый волкъ... ему нужно проглотить за годъ столько-то и столько-то мелкой скотинки, чтобы просуществовать. Взгляните на Говстада и Аслаксена. Сколько мелкой скотинки они поглотятъ или искалѣчатъ, разорвутъ на клочья, такъ что изъ нихъ ничего другого никогда и не выйдетъ, кромѣ домохозяевъ да подписчиковъ «Народнаго Вѣстника»? (Присаживается на столъ) Нѣтъ, ты поди сюда, Катрина... гляди, какъ славно свѣтитъ сегодня солнце. И что за благодатный свѣжій воздухъ гуляетъ теперь у меня!

Фру Стокманъ. Ахъ, кабы мы могли жить только солнцемъ да свѣжимъ воздухомъ, Томасъ.

Докторъ Стокманъ. Ну, ты ужъ какъ-нибудь поэкономнѣе... ничего, обойдемся. Объ этомъ я меньше всего забочусь. Нѣтъ, что хуже всего, такъ это то, что я не знаю ни одного, настолько свободнаго и благороднаго человѣка, который бы продолжалъ мое дѣло послѣ меня.

Петра. Ахъ, брось и думать объ этомъ, папа. У тебя еще много времени впереди. А! Вотъ и мальчики.

(Эйлифъ и Мортенъ входятъ изъ гостиной).

Фру Стокманъ. Васъ распустили сегодня?

Мортенъ. Нѣтъ, но мы подрались съ другими сегодня въ перемѣну...

Эйлифъ. Не такъ. Другіе подрались съ нами.

Мортенъ. Да; и господинъ Рёрлундъ сказалъ, что лучше намъ посидѣть нѣкоторое время дома.

Докторъ Стокманъ (щелкаетъ пальцами и соскакиваетъ со стола). Вотъ оно! Вотъ оно, ей-ей! Ноги вашей не будетъ больше въ школѣ!

Мальчики. Не будетъ?!

Фру Стокманъ. Но, Томасъ...

Докторъ Стокманъ. Никогда, говорю я! Я самъ васъ буду учить; то-есть я не буду учить васъ ровно ничему...

Мортенъ. Ура!

Докторъ Стокманъ. ...Но я сдѣлаю изъ васъ свободныхъ, благородныхъ людей. И ты должна мнѣ помогать, Петра.

Петра. Да, папа, будь спокоенъ.

Докторъ Стокманъ. А классомъ будетъ у насъ та зала, гдѣ они обозвали меня врагомъ народа. Но намъ нужно побольше ребятъ; мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, дюжину мальчиковъ для начала.

Фру Стокманъ. Гдѣ же тебѣ ихъ найти тутъ въ городѣ?

Докторъ Стокманъ. А вотъ посмотримъ. (Мальчикамъ) Не

знаете ли вы тутъ какихъ-нибудь уличныхъ малышей... настоящихъ оборвышей?..

Мортенъ. О, папа, много знаемъ!

Докторъ Стокманъ. И отлично; приведите мнѣ парочку-другую. Попробую разокъ взяться за простыхъ псовъ. Между ними попадаются такія головы!..

Мортенъ. А что же мы будемъ дѣлать, когда станемъ свободными и благородными людьми?

Докторъ Стокманъ. Прогоните всѣхъ сѣрыхъ волковъ далеко-далеко на западъ, за море, дѣти.

(Эйлифъ недоумѣваетъ, а Мортенъ подпрыгиваетъ и кричитъ: „ура“).

Фру Стокманъ. Ахъ, какъ бы только они тебя не прогнали, эти сѣрые, Томасъ.

Докторъ Стокманъ. Да ты въ умѣ, Катрина? Прогнать меня, когда сильнѣе меня нѣтъ человѣка въ городѣ?

Фру Стокманъ. Сильнѣе?.. Теперь-то!

Докторъ Стокманъ. Да; я даже могу сказать, что теперь нѣтъ сильнѣе меня человѣка во всемъ мірѣ!

Мортенъ. Вотъ такъ штука!

Докторъ Стокманъ (понизивъ голосъ). Тсс... Пока объ этомъ не надо еще говорить никому. Но я сдѣлалъ великое открытіе.

Фру Стокманъ. Опять открытіе?!

Докторъ Стокманъ. Ну да, ну да! (Собираетъ всѣхъ вокругъ себя и говоритъ точно по секрету) Дѣло въ томъ, видите ли, что сильнѣе всѣхъ въ мірѣ тотъ, кто болѣе всѣхъ одинокъ.

Фру Стокманъ (улыбаясь, качаетъ головой). Ахъ, ужъ ты, Томасъ...

Петра (схвативъ отца за руки, бодрымъ, увѣреннымъ тономъ). Папа!

ДИКАЯ УТКА.

„Дикая утка" вышла въ свѣтъ 11 ноября 1884 г.: первое изданіе въ 8.000 экз. разошлось въ теченіе мѣсяца, и къ 1 декабря выпущено было второе. На сцену эта драма была поставлена впервые въ Норвегіи, въ г. Бергенѣ, 9 января 1885 г. Затѣмъ ее давали въ Христіаніи, гдѣ она прошла въ первомъ сезонѣ 22 раза. Въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ „Дикую утку" поставили тоже въ началѣ 1885 г., и затѣмъ она обошла всѣ провинціальныя сцены. Въ Германіи пьеса шла въ первый разъ въ Резиденцъ-театрѣ 4 марта 1888 г. на утреннемъ спектаклѣ въ пользу тружениковъ печатнаго дѣла въ Берлинѣ. Роль Ялмара Экдаля игралъ самъ директоръ театра Лаутенбургъ. Въ октябрѣ того же года „Дикая утка" была включена въ репертуаръ названнаго театра и давалась каждый вечеръ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль подъ-рядъ. Успѣхъ пьесы вообще былъ настолько крупный, что ее выбрали и для народнаго спектакля, 6 марта 1889 г., въ честь автора, когда послѣдній посѣтилъ Берлинъ, а также для параднаго спектакля въ копенгагенскомъ королевскомъ театрѣ въ присутствіи Ибсена, когда праздновалась 70-я годовщина дня его рожденія (въ маѣ 1898 г.). Роль Гедвигъ исполняла на этомъ спектаклѣ г-жа Бетти Геннингсъ, премьерша названнаго театра, въ репертуарѣ которой роль эта считается одной изъ коронныхъ. *). Затѣмъ „Дикая утка" обошла чуть не всѣ сцены Германіи и Австріи. Во Франціи ее начали ставить съ 27 апрѣля 1893 г., когда она шла въ первый разъ на сценѣ „Théâtre libre"; въ Англіи съ 4 мая 1894 г., когда состоялось первое ея представленіе на сценѣ лондонскаго „Royalty Theatre". Римъ познакомился съ „Дикой уткой" въ 1892 г., Аѳины въ 1893 г., у насъ же, въ Россіи, пьеса

*) Г-жа Бетти Геннингсъ, впервые сыгравшая Гедвигъ въ 1885 г., выбрала эту же роль, какъ и роль Норы, для своихъ гастролей въ Берлинѣ (въ 1903 г.), при чемъ наибольшій успѣхъ имѣла именно въ первой роли. Вся берлинская печать единодушно преклонилась передъ неувядающимъ талантомъ артистки, сумѣвшей, несмотря на свои годы, такъ сыграть дѣвочку-подростка, что роль Гедвигъ выдвинулась безусловно на первый планъ. Вообще всѣ привыкли смотрѣть на Ялмара, какъ на центральную фигуру пьесы, но въ исполненіи г-жи Геннингсъ свѣтлый образъ Гедвигъ заслонилъ Ялмара и смягчилъ мрачный колоритъ пьесы. Г-жа Геннингсъ помогла зрителямъ понять, что въ образѣ Гедвигъ Ибсенъ далъ одно изъ самыхъ прекрасныхъ воплощеній своей вѣры въ лучшее будущее человѣчества, — образъ, ярко выступающій на фонѣ остальныхъ окружающихъ его образовъ, служащихъ воплощеніями пессимистическаго отношенія автора къ настоящему.

была поставлена впервые на сценѣ московскаго Художественнаго театра въ 1901 г.

„Предшествовавшая „Дикой уткѣ“ пьеса „Врагъ народа“ въ короткое время съ огромнымъ успѣхомъ обошла всѣ сцены въ скандинавскихъ государствахъ и въ Германіи; чувство негодованія, вызванное въ авторѣ пріемомъ, какой былъ оказанъ предыдущему его произведенію — „Привидѣніямъ“, нѣсколько улеглось, и онъ могъ уже болѣе спокойно отдаться горькимъ размышленіямъ объ отношеніи людей къ правдѣ, колющей имъ глаза. Въ концѣ концовъ передъ Ибсеномъ сталъ вопросъ: развѣ люди, повидимому, такъ довольны сами собой и своей жизнью, какая бы тина ни засасывала ихъ, то какой же смыслъ пытаться вытащить ихъ изъ трясины? Въ состояніи ли они вообще выносить яркій свѣтъ истины и свѣжее вѣяніе свободы? Не повторится ли съ ними та же исторія, что съ карасемъ, вытащеннымъ изъ тины пруда на сушу? Не испытываютъ ли они, въ сущности, такой же жизненной потребности во лжи и самообманѣ, какъ карась въ стоячей водѣ и въ тинѣ?

„Пессимизмъ и оптимизмъ издавна уживались въ душѣ Ибсена. Пессимистомъ онъ оказывался, когда принимался разсматривать и разбирать современную жизнь. Оптимистомъ — когда заглядывалъ въ будущее. Ибсенъ всегда вѣрилъ въ способность человѣчества къ прогрессу. Но, пожалуй, нигдѣ пессимизмъ его въ отношеніи къ настоящему не проявлялся такъ сильно, какъ въ „Дикой уткѣ“, написанной въ этотъ періодъ горькаго раздумья, смѣнившаго бурное негодованіе. Болотныя испаренія и міазмы, о которыхъ говорится въ пьесѣ, какъ будто тяжело нависли надъ самимъ авторомъ. И вотъ, находясь въ такомъ тяжеломъ настроеніи, Ибсенъ снова вызвалъ передъ собой изъ прошлаго, изъ эпохи Фалька („Комедія любви“) и Бранда, старый образъ идеалиста, но въ иномъ освѣщеніи, и — вышелъ Грегерсъ Верле; для того же, чтобы дать исходъ накипѣвшей пессимистической желчи, Ибсенъ создалъ доктора Реллинга и вложилъ въ его уста сарказмъ надъ горе-идеалистомъ съ его идеальными требованіями, которыя онъ, ничто же сумняшеся, предъявляетъ встрѣчному и поперечному.

„Грегерсъ Верле не является передовымъ борцомъ на аванпостахъ человѣчества, какъ его предшественники-идеалисты въ произведеніяхъ Ибсена. Онъ не ополчается ни противъ брака, какъ Фалькъ, ни противъ церкви и государства, какъ Брандъ, ни противъ общества, какъ докторъ Стокманъ. Онъ выбралъ себѣ задачу куда скромнѣе, сосредоточивъ вниманіе лишь на одной семьѣ — семьѣ Экдалей, и преимущественно на ея главѣ, своемъ товарищѣ-однокашникѣ Ялькмарѣ Экдалѣ.

„Я не хочу сказать, что ты искалѣченъ; но ты увязъ въ гиломъ болотѣ, Ялькмаръ, заразился міазмами и нырнулъ на дно, чтобы умереть во мракѣ“, — говоритъ Грегерсъ Верле Ялькмару Экдалю. „Будь спокоенъ, — прибавляетъ онъ затѣмъ: — я постараюсь вытащить тебя на поверхность“. Отцу же своему онъ прямо признаётся, что поставилъ себѣ цѣлью высвободить Ялькмара Экдаля изъ опутавшихъ его сѣтей лжи и обмана.

„Грегерсъ Верле хочетъ этимъ путемъ искупить грѣхъ отца, какъ Брандъ — грѣхъ матери. Коммерсантъ Верле виновенъ не только въ разореніи и позорѣ старика Экдаля, но и въ томъ жалкомъ существованіи, какое влачитъ, по мнѣнію Грегерса Верле, Ялькмаръ Экдаль, попавшій въ ложное положеніе благодаря своей женитьбѣ на бывшей любовницѣ коммерсанта. Грегерсъ Верле надѣется, что, открывъ Ялькмару истину, онъ дастъ послѣднему толчокъ къ „великому расчету съ прошлымъ“, — расчету, который позволитъ „возвести на развалинахъ этого прошлаго новое прочное зданіе, начать новую жизнь, создать

супружескій союзъ въ духѣ истины, безо всякой лжи и утайки". Во всякомъ случаѣ Грегерсъ увѣренъ въ томъ, что „такой великій расчетъ съ прошлымъ" не можетъ не воодушевить Ялмара. Почему? Да потому, что, по мнѣнію Грегерса, ничто въ свѣтѣ не можетъ „сравниться съ чувствомъ, которое испытываетъ человѣкъ, даруя прощеніе заблудшей и возвышая ее до себя своей любовью". Это-то чувство и должно помочь Ялмару „подняться до высоты самоотверженія и всепрощенія". Но, вмѣсто того, чтобы вывести Ялмара изъ жалкихъ и фальшивыхъ внѣшнихъ условій, разоблаченія Грегерса лишь подаютъ Ялмару поводъ обнаружить все свое внутреннее убожество, всю фальшь своего внутренняго міра, и за это приходится поплатиться жизнью бѣдной дѣвочкѣ Гедвигъ. Простоватый идеалистъ, уже далеко вышедшій за предѣлы юношескаго возраста, опять сталъ предъявлять свои „идеальныя требованія" обывателю средней руки, простому смертному, какъ практиковалъ, бывало, въ юности. А людямъ среднимъ нечего предъявлять идеальныхъ требованій. Отнять у средняго человѣка житейскую ложь, самообманъ — то же, что̀ отнять у него счастье, по разумѣнію Реллинга; реплика, въ которой послѣдній высказываетъ этотъ взглядъ, недаромъ считается центральнымъ пунктомъ всей пьесы. Въ ней отвѣтъ на вопросъ, смущавшій Ибсена, когда пріемъ, оказанный его предпослѣднему произведенію, показалъ ему, что люди видятъ врага въ томъ, кто хочетъ открыть имъ глаза. Реллингъ, выразитель пессимизма автора, отвѣчая на поставленный послѣднимъ себѣ вопросъ, формулированный нами выше, дѣлаетъ, впрочемъ, уступку идеализму автора, примѣняя свою теорію о спасительности житейской лжи лишь къ *среднему*, сѣренькому человѣку. Въ этомъ же отвѣтѣ заключается однако и грустная уступка со стороны самого Ибсена-идеалиста Ибсену-пессимисту: нельзя предъявлять идеальныхъ требованій къ сѣрымъ, будничнымъ людишкамъ, — ихъ слабый духъ не въ силахъ выносить ослѣпительнаго свѣта истины. Такихъ людишекъ, какъ Ялмаръ Экдаль, самое лучшее оставить прозябать въ тинѣ лжи и самообмана: они лишь въ ней чувствуютъ себя привольно.

„Роковая ошибка Грегерса заключается въ томъ, что онъ этого не понялъ. И самъ Ибсенъ своею „Дикою уткой" хотѣлъ, повидимому, сказать, что и онъ, какъ и Грегерсъ Верле, ошибался, предъявляя свои идеальныя требованія не по адресу".

Такъ истолковываетъ смыслъ драмы Іегеръ. Другой датскій критикъ — Ламбекъ даетъ интересную характеристику того средняго человѣка, вокругъ котораго и изъ-за котораго разыгрывается вся драма.

По мнѣнію Ламбека, въ литературѣ врядъ ли найдется болѣе совершенный, цѣльный, законченный художественный образъ, нежели Ялмаръ Экдаль. Созданіе такихъ цѣльныхъ человѣческихъ образовъ — труднѣйшая задача для художника-драматурга, — столько въ каждомъ человѣкѣ различныхъ свойствъ, качествъ и чертъ характера. Почти невозможно охватить ихъ всѣ. Большею частью создаваемые драматургами образы и бываютъ поэтому нецѣльными, и мы рѣдко можемъ видѣть на сценѣ цѣльныхъ людей. Чаще всего мы имѣемъ возможность схватить лишь отдѣльные моменты человѣческаго существованія, уловить двѣ-три наиболѣе характерныя ихъ черты. Словомъ, авторъ даетъ обыкновенно олицетвореніе отдѣльныхъ чертъ характера, напримѣръ, скупости, ревности, изображеніе внѣшнихъ отношеній людей въ частной и общественной жизни, или воплощеніе отвлеченныхъ идей. Ялмаръ Экдаль, напротивъ, настоящее живое лицо, цѣльный образъ человѣка. Созданный художникомъ образъ является въ данномъ случаѣ до того совершеннымъ, что едва ли можетъ оказаться надобность задавать ка-

кіе-либо вопросы, требовать какихъ-либо добавленій, разъясняющихъ эту личность. Нѣсколькихъ часовъ, въ теченіе которыхъ Яльмаръ фигурируетъ передъ нами на театральныхъ подмосткахъ—довольно. Больше нѣтъ ничего: мы все узнали о немъ и, если можно такъ выразиться, пережили его ясно и всецѣло, точно вспомнили свою собственную жизнь. Созданіе такого совершеннаго, цѣльнаго и законченнаго человѣческаго образа и есть высшее искусство.

Ламбекъ дѣлаетъ попытку, не нарушая художественной цѣльности образа, оттѣнить нѣкоторыя его черты.

„Едва ли когда-нибудь въ какомъ-либо отношеніи этотъ Яльмаръ Экдаль являлся „кузнецомъ собственнаго счастья". Во всю свою жизнь онъ не проявляетъ ни малѣйшей самостоятельности при рѣшеніи житейскихъ вопросовъ. Онъ, что называется, палецъ о палецъ никогда не ударилъ для этого: все за него рѣшаютъ и дѣлаютъ другіе. Коммерсантъ Верле рѣшаетъ за него брачный вопросъ, помѣстивъ его на квартиру, гдѣ есть подходящая невѣста. Она умѣетъ ретушировать — и Яльмаръ становился фотографомъ. Изъ этого ясно, какъ легко вообще давать ему рѣшающіе его судьбу толчки и какой плоской, въ сущности, должна быть его жизненная дорога, разъ такъ легко его по ней направить. Выборъ положенія въ жизни — одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ для человѣка, женитьба также, и невольно пожимаешь плечами, узнавая, что оба эти существенныхъ вопроса рѣшены были человѣкомъ такъ забавно-легко и безсознательно. Еще больше настраиваешься на юмористическій ладъ, когда поймешь, по какой причинѣ не сыграли тутъ никакой роли природныя данныя, личныя склонности человѣка. Причина въ томъ, что у Яльмара и нѣтъ никакихъ данныхъ или склонностей, кромѣ способности и склонности къ паразитизму. Только культивированьемъ этихъ данныхъ онъ и занятъ, и проявляетъ въ этомъ отношеніи изумительный талантъ, доходя до настоящей виртуозности, въ которой не сравниться съ нимъ никакому паразиту-приживалѣ. Итакъ, мы видимъ, что человѣку этому и не приходилось рѣшать вопроса и выбирать себѣ положенія въ жизни: оно у него всегда было и какъ нельзя лучше соотвѣтствовало его природнымъ даннымъ. Женитьба же и вступленіе въ ряды фотографовъ — сравнительно лишь незначительные моменты широкаго плана жизни, осуществляемаго Яльмаромъ.

„Въ сущности довольно затруднительно подыскать опредѣленіе для проявляемой имъ виртуозности. Это своего рода виртуозность попрошайничества: это нищенство до того утонченное, что ни по внѣшности ни по существу не походитъ на то искусство, какое практикуется между жалкими созданіями, вообще именуемыми нищими. И основа ихъ дѣйствій и арена черезчуръ ограничены въ сравненіи съ основой и ареной Яльмара. Ради того, чтобы дать ему возможность съ бо́льшимъ блескомъ проявить эти свои задатки, Ибсенъ окружаетъ его избранной компаніей добродушныхъ существъ — женщинъ, дѣтей и людей, такъ или иначе обязанныхъ женщинамъ, Яльмаръ предоставляетъ имъ всѣмъ работать на себя, управляетъ ими, а черезъ нихъ всѣмъ домомъ и всѣмъ вообще вокругъ. При этомъ онъ дѣлаетъ все это такъ, что люди, работающіе на него, чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми. Онъ принимаетъ отъ нихъ все такъ, что они сами находятъ такой порядокъ вещей вполнѣ естественнымъ, и, наоборотъ, всякое отклоненіе отъ него кажется имъ неестественнымъ. Въ концѣ пьесы Яльмаръ, путемъ этой своей виртуозности, достигаетъ величайшаго торжества: оказывается, что этотъ трутень сталъ безусловно необходимымъ для счастья своихъ рабочихъ пчелъ; всѣ ихъ надежды и упованія — въ немъ; всѣ ихъ взоры устре-

млены на него, всѣ ихъ мысли сосредоточены на его благополучіи, вся ихъ дѣятельность и работоспособность прекратились бы, не будь его между ними, или измѣни онъ свои отношенія къ нимъ. Когда онъ лоснится и тѣломъ и душой отъ сытаго благополучія, Гедвигъ наверху счастья и ликуетъ. И Гина тоже считаетъ, что, имѣя мужемъ и господиномъ Яльмара Экдаля, она достигла такого счастья, о какомъ лишь могла мечтать. Она служитъ ему, ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его: онъ принимаетъ все это благосклонно, и она лучшаго не желаетъ. Словомъ, все идетъ отлично. И вдругъ Грегерсъ Верле поднимаетъ кутерьму.

„Возьмемъ теперь этого Грегерса Верле. Не будь Яльмара, онъ бы, пожалуй, не такъ скоро нашелъ себѣ цѣль жизни. Къ кому было бы ему тогда предъявлять свои идеальныя требованія? Существуетъ масса людей, которые живутъ въ духовномъ смыслѣ лишь тѣмъ, что на свѣтѣ есть люди еще глупѣе ихъ, люди безпомощные, съ разными дефектами. Грегерсъ Верле—одинъ изъ людей первой категоріи, для которыхъ духовной пищей служатъ ничтожество и безпомощность другихъ людей. Онъ раздумываетъ надъ ними, перебираетъ и судитъ ихъ, мучится и стремится ихъ исправить.

„А вотъ и еще одинъ человѣкъ — „сѣдовласый" ребенокъ, старикъ Экдаль. Могло ли бы ему гдѣ житься такъ хорошо, какъ въ домѣ Яльмара? Кто другой такъ серьезно, отъ всей души могъ бы входить въ ребяческіе интересы впавшаго въ дѣтство старика, составлять ему компанію, какъ Яльмаръ? Словомъ, Яльмаръ для всѣхъ этихъ близкихъ ему людей является какъ разъ такимъ человѣкомъ, какимъ и слѣдуетъ ему быть; и въ домѣ его, гдѣ онъ — центръ, царитъ невозмутимое довольство, согласіе и полная гармонія.

„Яльмаръ Экдаль какъ нельзя лучше помогаетъ разрѣшенію смущающаго многихъ вопроса: какимъ образомъ олицетворенная лѣнь съ жирными икрами, круглыми колѣнями и засаленной одеждой можетъ заставить работать на себя поджарое трудолюбіе. Оказывается, что для этого надо только быть абсолютно лѣнивымъ, абсолютно безпомощнымъ, неспособнымъ и нерасположеннымъ къ труду. Надо умѣть ловко пользоваться всѣми случаями для того, чтобы обзаводиться лѣнивыми привычками, облекаться въ нихъ, какъ въ броню, и пользоваться ими для созданія себѣ позиціи. Привычка укрѣпляетъ за своимъ обладателемъ право позволять себѣ то-то и то-то: онъ можетъ уже съ нѣкоторымъ основаніемъ сердиться, разъ эта привычка нарушается. Затѣмъ надо, подобно Яльмару Экдалю, сохранять ребяческую экспансивность и давать ей волю, проявлять свое и хорошее и дурное расположеніе духа, не стѣсняясь, всегда и во всемъ. Всѣ люди, безъ стѣсненія, нетерпѣливо проявляющіе свой нравъ, сильны. Наконецъ надо умѣть придать своей лѣности благообразный, изящный и даже величавый характеръ, чтобы рабочія пчелы смотрѣли на такого трутня какъ на своего рода высшее существо, на покровителя. Еще бы! Онъ бываетъ въ компаніи „настоящихъ господъ", онъ такъ и лоснится той культурой, на пріобщеніе въ которой у рабочихъ пчелъ не хватаетъ досуга, но передъ которой онѣ зато тѣмъ больше преклоняются.

„Мы разсмотрѣли нѣкоторыя черты Яльмара Экдаля, отмѣтили его удивительную способность постоянно разѣвать ротъ, какъ голодный птенецъ, его съ виду спокойную, но въ дѣйствительности подстрекающую, напрягающую нервы другихъ манеру — подставлять этимъ другимъ пустую жертвенную чашу. Въ виртуозности и во всемъ существованіи Яльмара, однако, двѣ стороны. Когда обезпечена матеріальная сторона существованія, у него выступаетъ новая потребность: какъ бы поинтереснѣе убить время? И тутъ на помощь ему являются его при-

родныя данныя, и результатъ получается для него превосходный. Я подразумѣваю здѣсь не только его умѣніе присасываться къ чужимъ интересамъ, хотя и оно играетъ роль: у Яльмара есть времяпрепровожденіе посущественнѣе.

„Въ Яльмарѣ Экдалѣ нашли себѣ живое и полное воплощеніе и стали настоящей силой, чѣмъ-то цѣльнымъ, сплоченнымъ, нѣкоторыя характерныя черты Пера Гюнта, напримѣръ: лѣнь, неспособность къ дѣлу, духовное ничтожество и чисто дѣтская способность быстро переходить отъ одного настроенія къ другому. Перу Гюнту, между прочимъ, свойственна также извѣстная неряшливость, распущенность, выражающаяся въ томъ, что онъ никогда ничего не доводитъ до конца, а бросается отъ одного къ другому. Онъ вѣдь пренебрегаетъ даже собственнымъ счастьемъ, бросая его на полѣ съ вырваннымъ корнемъ. Но душевное безплодіе, являющееся результатомъ такой неряшливости, превращается у Яльмара въ плодовитость. Распущенность же переходитъ у него въ своего рода кокетство, которое доставляетъ ему немало развлеченія. Было бы слишкомъ просто и скучно сразу сказать спасибо за предлагаемые бутерброды и пиво, и вотъ онъ сначала отказывается, ломается, самъ воображая, что ему ничего не хочется, играетъ со своимъ аппетитомъ, и послѣ такой игры бутерброды и пиво кажутся ему еще вкуснѣе обыкновеннаго. Наслажденіе удваивается путемъ такого хитраго пріема. Такой же виртуозъ Яльмаръ и въ своихъ отказахъ отъ милой ему праздности. „Не до развлеченій мнѣ. Да, буду работать завтра. За этимъ дѣло не станетъ. Буду работать, пока силъ хватитъ...“ Какъ сладко отдохнуть послѣ этого проявленнаго на словахъ героизма, какъ разыгрывается охота полѣниться, когда есть отъ чего отлынивать! А какъ онъ пользуется своимъ лѣкарствомъ — житейской ложью! То онъ ломаетъ себѣ голову надъ своимъ „изобрѣтеніемъ“ — нѣжась на диванѣ, то отдыхаетъ отъ этихъ „труднѣйшихъ проблемъ“ — возясь на чердакѣ. Реллингъ могъ бы въ сущности и не трудиться прописывать ему лѣкарство: Яльмаръ самъ такъ плодовитъ на всякія такія выдумки, такъ отъ природы склоненъ самъ кокетничать съ собой, такой мастеръ изъ мухи дѣлать слона, превращать всякія мелочи въ событія, дающія пищу существованію! Онъ такъ и сыплетъ красивыми фразами о самоотреченіи, самобичеваніи, едва только почувствуетъ надобность уснастить этими пряными приправами свою прѣсную, будничную жизнь. У него потребность, свойственная многимъ недалекимъ людямъ — морочить себя самого, считать себя участникомъ въ чемъ-то крупномъ, что могло бы быть имъ сдѣлано, совершено. Нѣтъ у него недостатка и въ самосостраданіи. Его декламаціонные нумера такъ понятны. Онъ вѣчно позируетъ и наслаждается этимъ, тѣшитъ себя фантазіями, которыя и оживляютъ его и удовлетворяютъ его потребность въ сентиментальничаньи. Онъ такъ и барахтается въ массѣ щекочущихъ его нервы представленій. Дѣйствительность, правда — такъ просты, скучны, однообразны. Отчего же не позабавиться, не потѣшить себя фантазіями, насколько хватитъ умѣнья? Вотъ вторая сторона геніальной виртуозности Яльмара Экдаля.

„Геніемъ его можно назвать вовсе не въ шутку. Развѣ его фокусы — не брызжущая счастьемъ дѣятельность? Кто изъ насъ могъ бы потягаться съ нимъ въ искренности, въ увлеченіи, съ которыми онъ продѣлываетъ ихъ и которыя и превращаютъ эти фокусы въ искусство? А безъ этого они были бы простымъ фиглярствомъ.

„Выраженіе „житейская ложь“ — въ единственномъ числѣ — въ сущности мало примѣнимо къ Яльмару. Для того, чтобы какая бы то ни было житейская ложь могла оказывать на человѣка сколько-нибудь

значительное воздѣйствіе, надо, чтобы человѣкъ этотъ представлялъ собою нѣчто болѣе простое и цѣльное, нежели Яльмаръ. Онъ же скорѣе похожъ на цѣлый улей „житейскихъ лжей“. И самое слово „ложь“ — вообще слишкомъ громоздко для опредѣленія его безчисленныхъ, мелкихъ отклоненій отъ правды, его феноменальной забывчивости. На Грегерсѣ Верле куда яснѣе видно, какое значеніе имѣетъ житейская ложь.

„Главный интересъ той операціи, которой подвергаетъ Грегерсъ Яльмара, не въ томъ, что она обнажаетъ отсутствіе въ Яльмарѣ всякаго стремленія къ чему-либо высшему. Въ сущности, это уже было ясно и раньше. Интересъ въ томъ вліяніи, которое оказываетъ разоблаченіе „правды“ на отношенія Яльмара къ Гедвигъ. Оно превращаетъ Яльмара въ tabula rasa въ этомъ отношеніи: онъ совсѣмъ звѣрѣетъ и теряетъ всякое воспоминаніе о томъ, сколькимъ въ сущности онъ былъ обязанъ этой дѣвочкѣ. Эти лучшія, благороднѣйшія ощущенія и чувства, которыя она будила въ немъ, слѣдовательно, лишь скользили по его душѣ, не оставляя въ ней сколько-нибудь глубокихъ слѣдовъ, — иначе ихъ нельзя было бы стереть такъ легко. Гедвигъ онъ былъ обязанъ наивысшимъ сознаніемъ собственнаго достоинства: его самосознаніе вообще вѣдь пассивнаго характера и зависитъ не отъ того, что онъ самъ дѣлаетъ для другихъ, а отъ того, что дѣлаютъ для него другіе. Въ отношеніяхъ его къ дочери было менѣе лжи, чѣмъ въ отношеніяхъ къ другимъ; въ нихъ сказывались лучшія, наиболѣе искреннія его чувства. Та душевная мягкость и слезы умиленія, та нелѣпая, но все-таки нѣжная заботливость, которыя дѣвочка вызывала въ немъ, были единственными интенсивными чувствами въ его жизни. Лишь благодаря имъ сохранялъ онъ чувство собственнаго достоинства, а затѣмъ утратилъ его вмѣстѣ съ вѣрой въ Гедвигъ, въ ея любовь. И причина, по которой онъ утратилъ эту вѣру, окончательно разоблачила его духовное убожество. Кромѣ того, операція Грегерса самымъ наглядымъ образомъ раскрыла, на что способенъ Яльмаръ, чѣмъ становится онъ самъ по себѣ, если рушится вокругъ него уютная домашняя жизнь: самымъ жалкимъ, ничтожнымъ, безпомощнымъ существомъ, растеніемъ, которое вырвано съ корнемъ.

„Идея, выраженная Ибсеномъ въ Перѣ Гюнтѣ, что для того, чтобы грѣшить, нужна и сила и серьезность, повторяется и въ „Дикой уткѣ“. Она-то и дала пьесѣ заглавіе. Въ пьесѣ изображено, какъ отзывается на различныхъ людяхъ „пара дробинокъ“, попавшихъ въ тѣло, что съ ними происходитъ, и чѣмъ они становятся послѣ того, какъ судьба „подстрѣлитъ“ ихъ. Коммерсантъ Верле и фру Сёрбю обладаютъ здоровыми натурами, извѣстной способностью организма къ самоисцѣленію: ихъ раны заживаютъ; они оправляются и какъ бы смываютъ съ себя свои ошибки или грѣхи путемъ обоюдной откровенности и небольшого возмѣщенія убытковъ тѣмъ, кто потерпѣлъ черезъ нихъ. Гина не обладаетъ настолько тонкой организаціей, чтобы дробинки вообще могли причинить ей сколько-нибудь серьезный вредъ: у нея „столько хлопотъ по хозяйству и прочее“, что она давно почти и позабыла „всѣ эти старыя интрижки“. Черезъ душу Яльмара несчастье прошло, какъ сквозь рѣшето, — испарилось и возвратилось къ нему въ видѣ благодатной росы — сентиментальности. Тотъ, „надъ чьей головой разразился сокрушающій ударъ судьбы“ — можетъ спокойно идти домой и кушать бутерброды. Старикъ Экдаль, въ качествѣ подстрѣленнаго, характеризуется въ самой пьесѣ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ: „Есть такіе люди, которые сразу идутъ ко дну, какъ только имъ попадетъ пара дробинокъ въ тѣло, и никогда уже не всплываютъ наверхъ“.

„Остается еще Гедвигъ. У нея слабые глаза. Зрѣніе ея, т.-е. все ея бу-

дущее духовное развитіе. въ опасности. Она ужъ слишкомъ приковала свой взоръ къ отцу; взглядъ ея устремленъ не впередъ, въ будущее, а обращенъ вспять. Вся душевная жизнь ея исчерпывается оказываніемъ мелкихъ услугъ другимъ. Всѣ силы и движенія души сосредоточены въ узкомъ кругу; въ ней культивируется лишь одна изъ душевныхъ способностей — нѣжная привязанность: для нея существуетъ лишь одна задача въ жизни — разсѣивать темныя точки на семейномъ горизонтѣ. Вниманіе ея развивается лишь въ одномъ направленіи, фиксируется лишь на самомъ элементарномъ — на свѣтѣ и тѣняхъ. Благодаря такому воспитанію въ ней готовы заглохнуть почти всѣ задатки для самостоятельной жизни въ будущемъ; она готова сдѣлаться лишь добавленіемъ къ отцу, существомъ, неспособнымъ ни къ чему другому, какъ только „всегда жить съ папой и мамой“.

Идея „Дикой утки“ и характеры дѣйствующихъ лицъ, собственно говоря, достаточно выяснены вышеизложеннымъ, но въ силу тѣхъ недоумѣній и разнорѣчивыхъ мнѣній въ прессѣ и особенно въ публикѣ, которыя вызвала пьеса у насъ при постановкѣ ея московскимъ Художественнымъ театромъ, считаемъ нелишнимъ прибавить еще разборъ нѣмецкаго критика Шлентера, тѣмъ болѣе, что критическая статья, посвященная имъ „Дикой уткѣ“, является одной изъ самыхъ удачныхъ его статей въ новомъ полномъ собраніи произведеній Ибсена въ нѣмецкомъ переводѣ.

„Люди, склонные сводить весь смыслъ драмы, богатой образами, положеніями и противорѣчіями, какъ сама жизнь, къ сухой морали, могли бы сказать: фру Альвингъ („Привидѣнія“) не отдала во-время должнаго правдѣ и потому стала трагической героиней, и, наоборотъ, докторъ Стокманъ сталъ трагикомическимъ героемъ потому, что всегда отдавалъ правдѣ должное: тамъ неправдивость, здѣсь правдивость стала роковой; сравненіе этихъ двухъ драмъ порождаетъ противорѣчіе.

„Противорѣчіе это, въ доктринерскомъ смыслѣ, и является сюжетомъ „Дикой утки“. Драма разрѣшается такимъ образомъ, что подчеркиваетъ кажущуюся неразрѣшимость упомянутаго противорѣчія. Два міросозерцанія круто сталкиваются. Одно признаётъ житейскую ложь — стимулирующимъ принципомъ, болѣе или менѣе невиннымъ самообманомъ, мечтой, иллюзіей, скрашивающей жизнь: другое видитъ всю цѣнность жизни въ правдивомъ отношеніи людей къ жизни, къ себѣ и къ другимъ людямъ. Представители этихъ двухъ міросозерцаній подъ конецъ стоятъ другъ передъ другомъ, какъ двое игроковъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ ни вполнѣ выиграть ни вполнѣ проиграть. Партія разыгрывается въ ничью. Можно было бы сказать: будь люди таковы, какими они должны были бы быть, будь они гражданами новаго третьяго царства, будь они тѣмъ, за кого принимаетъ своего друга Ялмара Грегерсъ Верле, тогда этотъ проповѣдникъ правды былъ бы правъ. Но такъ какъ люди таковы, каковы они есть, каковъ, напр., Ялмаръ, то и правымъ оказывается провозгласитель ріа fraus Реллингъ, а этотъ „тринадцатый за столомъ“ и не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ уйти изъ такого міра, гдѣ Ялмары Экдали являются только Ялмарами Экдалями. Конечно, насколько гадательно, вернется ли Нора Гельмеръ („Кукольный домъ“) къ своему законному супругу или нѣтъ, настолько же гадательно и то — покинетъ ли Грегерсъ Верле этотъ міръ Ялмаровъ, этотъ чердакъ, гдѣ подстрѣленныя утки приживаются и прозябаютъ себѣ, а средніе сѣренькіе люди, какъ Ялмаръ, чувствуютъ себя даже вполнѣ привольно. Да дѣло и не въ томъ, чтобы добиться рѣшенія этихъ вопросовъ. Авторъ видѣлъ всю задачу лишь въ томъ, чтобы на-

глядно изобразить порядокъ вещей, при которомъ можно дойти до такого отвлеченнаго ученія, до столь противорѣчивыхъ требованій. И никогда ни самому Ибсену ни кому другому изъ новѣйшихъ писателей не удавалось создать болѣе наглядной драмы, нежели „Дикая утка", которая изъ всѣхъ литературныхъ произведеній новѣйшаго времени первая заслуживаетъ почетнаго названія микрокосма.

„Уже съ точки зрѣнія техники „Дикая утка" является болѣе законченной и округленной, нежели „Врагъ народа". Ей, правда, недостаетъ строгаго единства дѣйствія, мѣста и времени, чѣмъ отличаются „Привидѣнія", но самое построеніе ея не менѣе художественно. Первое дѣйствіе, разыгрывающееся въ иной обстановкѣ, нежели остальныя четыре, служитъ какъ бы прелюдіей. Всѣ мотивы драмы, разыгрывающейся собственно въ мансардѣ Яльмара Экдаля, намѣчены уже въ кабинетѣ коммерсанта Верле. Во внутреннемъ ходѣ драмы переплетается судьба двухъ семей, и эта взаимная связь изображается символически и внѣшней обстановкой. Да и все въ этой грандіозной драмѣ какъ-то само собой становится символомъ. „Дикая утка" — художественный шедевръ реалистическаго символизма. Тутъ нѣтъ ни одного съ виду случайно оброненнаго слова, которое, помимо обычнаго значенія, не заключало бы въ себѣ и другого, болѣе глубокаго смысла, которое бы не открывало еще какихъ-нибудь перспективъ или въ области душевныхъ состояній, или въ области жизненныхъ проблемъ. Главный символъ — самое заглавіе пьесы. Какъ Фрицъ Рейтеръ назвалъ однажды свой маленькій идиллическій эпосъ „птичьей и человѣческой исторіей", такъ могъ бы назвать и Генрикъ Ибсенъ свою менѣе всего идиллическую драму. Какъ тамъ, такъ и тутъ судьба птицы символизируетъ судьбу человѣческую. У Рейтера птицы лирически-сказочно порхаютъ вокругъ реальной человѣческой жизни: ихъ щебетанье служитъ выраженіемъ человѣческихъ мыслей и чувствъ. У Ибсена самое существованіе дикой утки тѣсно сплетается съ судьбой семьи, гдѣ птица нашла пріютъ. Дикая утка является здѣсь не только символомъ, но и мотивомъ дѣйствія.

„Однажды дикая утка летѣла надъ моремъ. Коммерсантъ Верле выстрѣлилъ въ нее, и она съ подбитымъ крыломъ погрузилась въ воду. Проворная собака извлекла ее оттуда, а затѣмъ неловкій стрѣлокъ позволилъ подарить птицу дѣвочкѣ, считавшейся дочерью фотографа Яльмара Экдаля. На чердакѣ при квартирѣ Экдалей раненая птица находитъ укромный уголокъ среди куръ, голубей и кроликовъ и сосредоточиваетъ вокругъ себя интересы почти всей семьи. Для дѣвочки-подростка дикая утка является самой любимой игрушкой. Отецъ и дѣдушка дѣвочки отдаютъ уткѣ весь свой досугъ, который могъ бы быть приложенъ къ чему-нибудь болѣе полезному. Мать же только терпитъ утку, относится къ ней добродушно-безразлично. И вотъ дикая птица начинаетъ въ такой обстановкѣ жирѣть, становится ручной. Она забываетъ волю, свѣжій просторъ моря и неба, примиряется со своей долей, и „время остановилось тамъ, у дикой утки".

„Судьба дикой утки сходна съ судьбой старика Экдаля. И онъ когда-то наслаждался свободой. Смѣлый охотникъ, онъ ходилъ на медвѣдей, жилъ въ горныхъ лѣсахъ вольной жизнью на просторѣ. Въ дѣлахъ же онъ, повидимому, мало смыслилъ и благодаря собственной своей непрактичности и легкомыслію, а также трусливой подлости своего компаньона Верле, попалъ въ бѣду. Затѣмъ онъ долгіе годы провелъ въ заключеніи, искупая свою и чужую вину, и вышелъ оттуда уже отупѣвшимъ старикомъ съ сильной склонностью къ спиртнымъ напиткамъ. Найдя пріютъ у сына своего Яльмара, онъ окончательно забываетъ свѣжій просторъ лѣсовъ и жизнь на волѣ; стрѣляя на своемъ чердакѣ кроликовъ, имы-

гающихъ между натыканными тамъ высохшими елками, онъ въ полудѣтскомъ, полупьяномъ воображеніи своемъ охотится въ лѣсныхъ дебряхъ.

„Сынъ его, Яльмаръ, тоже когда-то любилъ свободу, но она чуть-было не сгубила его, безхарактернаго и пустотоловаго малаго. Спасла его женитьба. Коммерсантъ Верле—главный, но оставшійся безнаказаннымъ участникъ преступленія старика Экдаля, доставилъ сыну послѣдняго возможность изучить фотографированіе и устроилъ ему и дѣло и семейный очагъ, выдавъ за него свою бывшую экономку. Яльмаръ не замедлилъ вполнѣ освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ. Скорое появленіе на свѣтъ ребенка не пробудило въ немъ никакихъ мыслей, никакихъ подозрѣній. Только бы Гина ухаживала за нимъ, лежебокой, да работала, не покладая рукъ—онъ и доволенъ. День его проходитъ почти въ полной праздности: онъ много и съ аппетитомъ ѣстъ, охотно и крѣпко спитъ, балуется на чердакѣ, и если не считать, что онъ иногда въ присутствіи чужихъ отворачивается отъ своего старика-отца съ его запятнаннымъ прошлымъ да частенько изводитъ своимъ брюзжаньемъ и капризами жену и дочь, то въ общемъ онъ выходитъ малымъ безобиднымъ, не дѣлающимъ никому зла. Мало-по-малу онъ тоже жирѣетъ и становится ручнымъ, какъ дикая утка. При этомъ онъ тѣшитъ себя праздными мечтами о будущемъ, говоритъ напыщеннымъ слогомъ, играетъ на флейтѣ, усердно остритъ и резонерствуетъ съ чужого голоса, напускаетъ на себя меланхолію, а иногда, ради краснаго словца, ударяется въ богохульство и охотно позволяетъ внушить себѣ, что онъ человѣкъ необыкновенный. На жизнь онъ смотритъ, какъ на старое ружье отца. „Оно уже не стрѣляетъ: замокъ что-то попортился. Но все-таки довольно занимательная штука. Его можно разбирать, чистить, смазывать и опять собирать". Какъ всѣ самообожатели, онъ чувствуетъ себя счастливымъ. Однимъ изъ элементовъ его счастья является простодушная, восторженная привязанность къ нему Гедвигъ, видящей въ этомъ „отцѣ семейства" идеалъ человѣка. Его громкія фразы дѣвочка принимаетъ за настоящую мудрость, его напыщенность — за задушевность, его хвастовство — за житейскую опытность: его кудри она считаетъ украшеніемъ мужчины, его бездѣлье принимаетъ за потребность въ отдохновеніи, свойственную людямъ съ интенсивно-работающимъ умомъ. Она простодушно выдаетъ (въ разговорѣ съ Грегерсомъ) слабости и смѣшныя стороны отца, даже не подозрѣвая, что это лишь слабости и смѣшныя стороны. Вотъ примѣръ того, какъ она выдаетъ отца: „папа обѣщалъ заниматься со мной, да вотъ все ему некогда". Сама же она представляетъ полную противоположность своего „идеала": любознательная, дѣятельная, услужливая, любящая и самоотверженная, — самый милый образчикъ подростка, когда-либо встрѣчавшійся въ литературномъ произведеніи.

„Гедвигъ въ сущности такая же „чужая" въ домѣ Яльмара, какъ и ея любимая утка. И дѣвочкой семья Экдалей обязана коммерсанту Верле. Отъ послѣдняго Гедвигъ унаслѣдовала слабость зрѣнія, отъ Гины сердечную доброту. То рѣзвая, то тихо-задумчивая, она порхаетъ въ своей скромной обстановкѣ и чувствуетъ себя еще довольнѣе, чѣмъ утка, такъ какъ, въ противоположность послѣдней, никогда не знавала лучшей доли. Лишь въ ея чистомъ, дѣтскомъ воображеніи отражаются иные, болѣе свѣтлые міры, нежели тотъ мірокъ въ мансардѣ, гдѣ дѣвочка живетъ „съ папой и съ мамой".

„Въ тупо- и глухо-благодушное существованіе этой семьи, бытъ которой изображенъ съ силой и яркостью кисти нидерландскихъ мастеровъ, врываются двое посторонніхъ, изъ которыхъ каждый обладаетъ своимъ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Одинъ—докторъ Реллингъ, другой—

Грегерсъ Верле. Оба они неудачники, упустившіе собственное счастье, но по различнымъ причинамъ: Реллингъ давалъ слишкомъ много волн своимъ страстямъ, слишкомъ широко пользовался жизнью; Грегерсъ Верле, неуклюжій, неказистый, нелюбимый сынъ коммерсанта Верле отъ неказистой, нелюбимой его жены, болѣющій совѣстью за безсовѣстные поступки отца, напротивъ, боялся людей и отдалялся отъ свѣта. Въ тяжеломъ, неповоротливомъ, но мечтательномъ его умѣ крѣпко засѣла вѣра въ идеалъ. Идеалъ этотъ — правда. То, что̀ фру Альвингъ („Привидѣнія“) противопоставляла одно другому — идеалъ и правду, — Грегерсъ отожествляетъ: Реллингъ ищетъ въ свѣтѣ, который признаётъ дурнымъ, низменныхъ наслажденій, Грегерсъ Верле стремится къ улучшенію свѣта, котораго онъ не знаетъ вовсе. Махнувшій на себя рукой, не ищущій ничего лучшаго пессимистъ противопоставленъ здѣсь экзальтированному оптимисту, страдающему, по мнѣнію перваго, горячкой честности, за что тотъ и осмѣиваетъ его. Оба они, въ противоположность своему общему пріятелю Яльмару, по природѣ своей несчастливцы, но оба хлопочутъ о счастьѣ Яльмара и его близкихъ. Грегерсъ считаетъ необходимымъ условіемъ для счастья людей ихъ полную правдивость: Реллингъ же — иллюзію, самообманъ, житейскую ложь. Грегерсъ предъявляетъ къ жизни идеальныя требованія, Реллингъ—практическія. Какъ фру Альвингъ въ спорѣ съ оппортунистомъ, пасторомъ Мандерсомъ, противопоставляетъ правду идеаламъ, такъ Грегерсъ въ спорѣ съ Реллингомъ противопоставляетъ эту правду, въ качествѣ истиннаго, настоящаго идеала, всякимъ, дающимъ ложное счастье иллюзіямъ, которыя Реллингъ такъ же сознательно считаетъ ложью, какъ и идеалы. Яльмаръ, по мнѣнію Реллинга, потому и счастливъ, что морочитъ себя и другихъ, и что ему никогда не приходило въ голову, что онъ всѣмъ своимъ существованіемъ обязанъ „женщинѣ съ прошлымъ“. Точно такъ же и безпутный богословъ Мольвикъ живетъ себѣ счастливо, потому что вѣритъ въ демоническое въ себѣ начало, подавляющее въ немъ лучшее его „я“ и тѣмъ лишающее его свободы дѣйствій, а слѣдовательно и снимающее съ него отвѣтственность. Это тупое, глухое счастье, достойное тупо-глухой души, и надо, по мнѣнію Реллинга, во что бы то ни стало сохранить за милѣйшимъ Яльмаромъ; напротивъ, Грегерсъ Верле соглашается признать послѣдняго счастливымъ лишь тогда, когда тотъ увидитъ свой бракъ въ надлежащемъ свѣтѣ, когда между нимъ и женой и дочерью установятся вполнѣ правдивыя отношенія. Грегерсъ имѣетъ въ виду не такого рода правдивость, которая вызвана практическими соображеніями, на какой основываютъ свой бракъ старый Верле и его искушенная жизнью, лишенная иллюзій и свободная отъ предразсудковъ экономка; ему нужна правда ради правды. Въ силу этого Грегерсъ и открываетъ, вопреки рѣшительному протесту Реллинга, бѣдному простофилѣ Яльмару глаза на прошлое Гины, мечтая, что такимъ путемъ всѣ прошлыя прегрѣшенія будутъ искуплены и наступитъ просвѣтлѣніе и примиреніе; тамъ, гдѣ до сихъ поръ царили ложь и утайки, водворятся правдивость и чистосердечное прощеніе. Грегерсъ самъ слѣдовательно поддается иллюзіи, самообману, приписывая своему другу Яльмару, въ сущности глупцу и ничтожеству, данныя, необходимыя для того, чтобы подняться до высоты сильной, благородной личности. Но именно потому, что Яльмаръ съ Гиной были и останутся тупыми, глухими душами, и правда вредитъ имъ не больше, чѣмъ ложь. Благополучное существованіе такой четы, какъ добродушно-ограниченная Гина, искупающая старый грѣхъ неутомимымъ трудолюбіемъ и заботливостью хорошей хозяйки дома, и лишенный всякихъ устоевъ шалопай Яльмаръ, который обязанъ своимъ спасеніемъ этимъ

добрымъ свойствамъ жены,—не разстроится надолго. Эти люди заживутъ попрежнему.

„Зато жертвой становится другое существо, нѣжное, Божье созданье, слишкомъ хорошее для этого глухого и тупого мірка, въ которомъ оно однако охотно и счастливо пожило бы подольше. Малокровная дѣвочка-подростокъ оказывается способной воспринять идею самопожертвованія отъ идеалиста-мечтателя, ея своднаго брата. Когда Яльмаръ начинаетъ разыгрывать отца, оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ, и отгоняетъ отъ себя дѣвочку, какъ чужую, ей хочется какъ можно убѣдительнѣе доказать ему свою привязанность и тѣмъ вернуть себѣ его любовь. Грегерсъ и собственное ея сердечко подсказываютъ ей, что самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ была бы жертва. Она и готова пожертвовать своей любимой забавой, своей гордостью — дикой уткой: готова застрѣлить ее. Но, услыхавъ, какъ Яльмаръ въ высокопарныхъ тирадахъ сомнѣвается въ ея любви и готовности принести жертву ради него, и уже догадавшись, что она „не настоящая папина дочь", стрѣляетъ не въ утку, а въ себя. Она даетъ ему несомнѣннѣйшее доказательство своей любви цѣною своей жизни. Добровольно жертвуя своей жизнью, она избавляется отъ жизни въ слѣпотѣ, на чердакѣ, который ей часто кажется „пучиной морской". Это—героическое рѣшеніе истерично-возбужденной, дѣтски-растерянной, мгновенно помутившейся подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, но все же великой и чистой души.

„Авторъ не развиваетъ передъ нами событій преднамѣренно. Онъ не согласенъ всецѣло ни съ Реллингомъ ни съ Грегерсомъ. Оба односторонни въ своихъ разсужденіяхъ. Ибсенъ не даетъ и примиряющаго эти двѣ противоположности вывода. Вопросъ—въ чемъ счастье и какъ придти къ счастью, остается попрежнему открытымъ. Открытымъ остается и другой вопросъ: какая польза отъ правды? Да авторъ и не задавался задачей рѣшить эти вопросы. Онъ только оставилъ за собой право освѣтить ихъ со всѣхъ сторонъ. И если признать за нимъ это право, то нельзя не подивиться той могучей силѣ творчества, которая безъ всякихъ теоретическихъ разсужденій и выводовъ прямо вводитъ насъ въ центръ дѣйствительной жизни, куетъ изъ индивидуально сложенныхъ характеровъ судьбу, которая служитъ лишь примѣромъ, а не утвержденіемъ того или иного міросозерцанія. Дѣйствующія лица не являются только носителями или выразителями какихъ-либо нравственно-философскихъ принциповъ, а сами живутъ своей собственной, тоже богатой противорѣчіями жизнью. Руководятъ ихъ дѣйствіями лишь натура, темпераментъ да привычка, которые и создаютъ ихъ судьбу. Природныя и благопріобрѣтенныя ихъ свойства дѣйствуютъ заодно. Такимъ образомъ въ лицѣ Яльмара, Гины, старика Экдаля и Гедвигъ передъ нами люди, настолько живые, настоящіе, что возбуждаютъ удивленіе и жуткое чувство въ каждомъ, кто привыкъ видѣть на сценѣ однѣ ходячія идеи или маріонетки.

„Въ прежнихъ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Ибсенъ выступалъ апостоломъ чистой абсолютной правды. Лишь на ней онъ строилъ любовь и счастье. Во „Врагѣ народа" онъ изобразилъ крушеніе такого носителя и проповѣдника правды, наткнувшагося на мощную силу лжи. „Дикой уткой" авторъ хотѣлъ показать, что правда для нѣкоторыхъ людей—пожалуй, для большинства—слишкомъ дорогое, непосильное и потому опасное, убійственное благо.

„Дикая утка" знаменуетъ поворотъ въ развитіи драматическаго творчества Ибсена, освобожденіе его отъ всякой косности въ своихъ идеяхъ. Про Ибсена разсказываютъ слѣдующее (см. „Henrik Ibsen zum

20 März 1898 gewidmet von der Freien Bühne", стр. 14—15). Время отъ времени Ибсенъ любилъ посидѣть за стаканомъ вина въ пріятельскомъ кружкѣ, и вотъ однажды при такой обстановкѣ онъ намекнулъ, что человѣчество тогда лишь будетъ въ состояніи двинуться впередъ, когда каждый въ отдѣльности будетъ отстаивать свою индивидуальность. Ему возразили, что въ такомъ случаѣ Бисмаркъ долженъ быть его идеаломъ, но Ибсенъ заявилъ, что Бисмарка-то прежде всего и нужно было бы побороть, такъ какъ онъ подавляетъ другія индивидуальности. „Да, но тогда ужъ это выходитъ противорѣчіе", робко вмѣшался кто-то въ разговоръ... Маститый писатель усмѣхнулся, глаза его хитро заблестѣли, и, наливая вопросившему бокалъ шампанскаго, онъ сказалъ: „Случалось ли вамъ когда-нибудь додумать до конца хоть какую-нибудь мысль и не натолкнуться на противорѣчіе?"

„Если эта исторія и не вполнѣ достовѣрна, то вполнѣ правдоподобна: авторъ „Дикой утки" могъ такъ выразиться. „Дикая утка"—живое подтвержденіе этого сужденія: тутъ и трагизмъ и юморъ; съ одной стороны смерть—жертва Гедвигъ, съ другой — прозябаніе Яльмара.

„Яльмаръ Экдаль—самый богатый образъ изъ созданныхъ Ибсеномъ. По своей всеобъемлющей „слишкомъ человѣчности" онъ столь же богатъ, какъ образъ Гамлета въ его всеобъемлющей человѣчности, и является столь же типичнымъ представителемъ среднихъ людей, какъ Гамлетъ той категоріи, которую Ибсенъ позже опредѣляетъ словами: „благородные люди". Ангельскій хоръ убаюкиваетъ благородный духъ и сердце Гамлета. Вокругъ бѣдной курчавой головы Яльмара носится въ туманѣ всякая нелѣпица; онъ подтвержденіе и олицетвореніе словъ Мефистофеля: „Der Mensch—die kleine Narrenwelt" (Человѣкъ—мірокъ шутовъ)".

Въ заключеніе отмѣтимъ одну характерную подробность, на которую не обратили вниманія ни Ламбекъ ни Шлентеръ, разбирая причины смерти—жертвы Гедвигъ. Трагизмъ смерти этого милаго подростка еще усугубляется тѣмъ, что въ сущности Гедвигъ умерла *по недоразумѣнію*. Она не такъ поняла высокопарную тираду Яльмара: „Гедвигъ, согласна ли ты отказаться отъ *этой* жизни ради меня?" Яльмаръ отнюдь не имѣлъ въ виду ставить передъ дѣвочкой такой страшной дилеммы: или отдать жизнь, но вернуть ему вѣру въ ея любовь, или сохранить жизнь и помириться съ утратой этой вѣры — потерять его любовь. Яльмаръ вѣдь только-что передъ тѣмъ говорилъ: „А если тѣ придутъ къ ней... съ полными руками... и крикнутъ дѣвочкѣ: брось его, у насъ ждетъ тебя настоящая жизнь". Очевидно, Яльмаръ и подразумѣвалъ подъ *этой* жизнью не жизнь вообще, а ту „настоящую" жизнь въ довольствѣ и богатствѣ, которую могъ бы предложить дѣвочкѣ ея родной отецъ. Но бѣдная дѣвочка, пережившая въ теченіе полусутокъ такое сильное нравственное потрясеніе и уже проникшаяся идеей жертвы, понимаетъ въ своемъ душевномъ смятеніи фразу Яльмара, какъ призывъ къ ней—пожертвовать жизнью, чтобы доказать свою любовь потерявшему въ нее вѣру пріемному отцу, и безъ тѣни колебанія слѣдуетъ своему восторженному порыву—доказываетъ свою великую любовь великой жертвой.

ДИКАЯ УТКА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Верле, крупный коммерсантъ и заводчикъ.
Грегерсъ Верле, его сынъ.
Старикъ Экдаль.
Яльмаръ Экдаль, сынъ послѣдняго, фотографъ.
Гина Экдаль, жена Яльмара.
Гедвигъ, ихъ дочь, четырнадцати лѣтъ.
Фру Берта Сербю, завѣдующая хозяйствомъ у Верле.
Реллингъ, врачъ.
Мольвикъ, бывшій богословъ.
Гробергъ, бухгалтеръ.
Петтерсенъ, камердинеръ Верле.
Йенсенъ, наемный лакей.
Рыхлый и блѣдный господинъ.
Плѣшивый господинъ.
Близорукій господинъ.
Шестеро прочихъ господъ, гостей Верле.
Нѣсколько наемныхъ лакеевъ.

Первое дѣйствіе происходитъ у коммерсанта Верле, остальныя четыре у фотографа Экдаля.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Вѐрле. Роскошная и комфортабельная обстановка; шкапы съ книгами: мягкая мебель: посреди комнаты письменный столъ съ бумагами и конторскими книгами; на лампахъ зеленые абажуры, смягчающіе свѣтъ. Въ средней стѣнѣ открытыя настежь двери съ раздвинутыми портьерами. Черезъ двери видна вторая, большая, изящно обставленная комната, ярко освѣщенная лампами и бра. Впереди, направо, въ кабинетѣ маленькая дверь подъ обои, ведущая въ контору. Впереди, налѣво, каминъ, въ которомъ пылаютъ уголья, а подальше, въ глубинѣ, двустворчатыя двери въ столовую.

Петтерсенъ въ ливреѣ и Йенсенъ въ черномъ фракѣ прибираютъ кабинетъ. Во второй большой комнатѣ видны еще двое-трое наемныхъ лакеевъ, которые также прибираютъ, зажигаютъ огни и т. п. Изъ столовой доносится шумный говоръ и смѣхъ: затѣмъ слышится звяканье ножа о стаканъ: наступаетъ тишина: кто-то провозглашаетъ тостъ: раздаются крики: „браво“, и снова шумъ и говоръ.

Петтерсенъ (зажигая лампу на каминѣ и надѣвая абажуръ). Нѣтъ, опослушайте-ка, Йенсенъ — какъ старикъ-то нашъ распинается за здоровье фру Сёрбю.

Йенсенъ (выдвигая впередъ кресло). Правду-ль сказываютъ люди, будто промежъ нихъ есть кое-что?

Петтерсенъ. Шутъ ихъ разберетъ.

Йенсенъ. Онъ-таки ходокъ былъ въ свое время.

Петтерсенъ. Да, пожалуй.

Йенсенъ. Сказываютъ, въ честь сына обѣдъ-то.

Петтерсенъ. Да, вчера пріѣхалъ.

Йенсенъ. А я и не слыхалъ, что у коммерсанта Ворле есть сынъ.

Петтерсенъ. Какъ же, есть. Только онъ постоянно живетъ на заводѣ въ Горной долинѣ. Въ городъ-то онъ не навѣдывался ужъ сколько лѣтъ, — пока я живу тутъ въ домѣ.

Другой наемный лакей (въ дверяхъ второй комнаты). Послушайте, Петтерсенъ, тутъ старичокъ одинъ...

Петтерсенъ (ворчитъ). А, шутъ ихъ носитъ въ такое время!

(Старикъ Экдаль показывается справа. Онъ въ потертомъ пальтишкѣ съ поднятымъ воротникомъ, въ шерстяныхъ варежкахъ; въ рукахъ палка и мѣховая шапка; подъ мышкой пакетъ въ оберточной бумагѣ. Темно-рыжій, грязноватый парикъ и короткіе сѣдые усы).

Петтерсенъ (идя къ нему). Господи... вамъ-то чего тутъ понадобилось?

Экдаль (въ дверяхъ). Въ контору нужно, Петтерсенъ, — необходимо.

Петтерсенъ. Контора ужъ съ часъ какъ закрыта, и...

Экдаль. Объ этомъ слыхалъ еще у воротъ, батюшка. Но Гробергъ еще сидитъ тамъ. Ужъ, пожалуйста, Петтерсенъ, пропусти меня тутъ. (Показываетъ на маленькую дверь) Хаживалъ этой дорогой.

Петтерсенъ. Ну, ужъ проходите. (Открываетъ дверь) Только запомните: назадъ извольте настоящимъ ходомъ. У насъ гости.

Экдаль. Знаю, знаю... гм! Спасибо, батюшка! Спасибо, дружище! (Бормочетъ тихонько) Болванъ! (Уходитъ въ контору; Петтерсенъ затворяетъ за нимъ дверь).

Йенсенъ. И *этотъ* развѣ изъ конторскихъ?

Петтерсенъ. Нѣтъ, такъ переписываетъ кой-что, когда понадобится. А въ свое время тоже хватъ былъ, старикъ-то.

Йенсенъ. Оно и видно, что не изъ простыхъ.

Петтерсенъ. Н-да. Офицеръ былъ, — вы какъ бы думали?

Йенсенъ. Ахъ, чортъ! Офицеръ?

Петтерсенъ. Право слово. Да затѣялъ торговать лѣсомъ или чѣмъ-то такимъ. Сказываютъ, онъ съ нашимъ-то коммерсантомъ скверную штуку сыгралъ. Заводъ въ Горной долинѣ былъ прежде ихъ общій—понимаете? Я его хорошо знаю, старикато. Нѣтъ-нѣтъ да и пропустимъ съ нимъ по рюмочкѣ горькой

или разопьемъ по бутылочкѣ баварскаго въ заведеньи у мадамъ Эриксенъ.

Йенсенъ. Ну, кажись, ему-то не изъ чего угощать.

Петтерсенъ. Господи, — да вы же понимаете, не онъ меня, а я его угощаю! По-моему, слѣдуетъ уважить благороднаго человѣка, съ которымъ стряслась такая бѣда.

Йенсенъ. Онъ что же, обанкротился?

Петтерсенъ. Нѣтъ, похуже того. Онъ вѣдь въ крѣпости отсиживалъ.

Йенсенъ. Въ крѣпости?

Петтерсенъ. Или въ тюрьмѣ. (Прислушиваясь) Тсс! Встаютъ изъ-за стола.

(Двери изъ столовой распахиваются изнутри двумя лакеями. Первою выходитъ фру Сёрбю, бесѣдуя съ двумя господами. За ними понемногу выходятъ остальные, въ томъ числѣ и самъ Верле. Послѣдними идутъ Ялмаръ Экдаль и Грегерсъ Верле).

Фру Сербю (мимоходомъ). Петтерсенъ, кофе подадите въ концертную залу.

Петтерсенъ. Слушаю, фру Сёрбю.

(Фру Сёрбю съ двумя собесѣдниками проходятъ во вторую комнату и тамъ сворачиваютъ направо. За ними слѣдуютъ Петтерсенъ и Йенсенъ).

Рыхлый и блѣдный господинъ (плѣшивому). Уфъ!.. Вотъ такъ обѣдъ... Задали работу!

Плѣшивый. О, при добромъ желаніи просто невѣроятно, что можно сдѣлать въ какіе-нибудь три часа.

Рыхлый. Да, но послѣ-то, милѣйшій камергеръ!..

Третій господинъ. Говорятъ, кофе и мараскинъ подадутъ въ концертную залу.

Рыхлый. Браво! Такъ, можетъ-быть, фру Сёрбю намъ что-нибудь сыграетъ?

Плѣшивый (вполголоса). Какъ бы она скоро не сыграла съ нами штуки.

Рыхлый. Нѣ-ѣтъ; Берта не броситъ своихъ старыхъ друзей!

(Смѣясь, оба проходятъ въ другую комнату).

Верле (вполголоса, озабоченно). Надѣюсь, никто не замѣтилъ, Грегерсъ?

Грегерсъ (глядитъ на него). Чего?

Верле. И ты не замѣтилъ?

Грегерсъ. А что было замѣчать?

Верле. Насъ сидѣло за столомъ тринадцать.

Грегерсъ. Вотъ какъ? Тринадцать?

Верле (взглянувъ на Ялмара Экдаля). Вообще-то мы вѣдь привыкли всегда разсчитывать на двѣнадцать персонъ... (Остальнымъ гостямъ) Прошу васъ, господа. (Уходитъ съ остальными го-

стями, исключая Грегерса и Ялмара Экдаля, во вторую комнату направо).

Ялмаръ (слышавшій разговоръ). Не слѣдовало бы тебѣ присылать мнѣ приглашенія, Грегерсъ.

Грегерсъ. Еще что! Гостей вѣдь, говорятъ, сзывали ради меня, а я бы не позвалъ своего лучшаго, единственнаго друга?..

Ялмаръ. Да, но отцу твоему это, кажется, не понравилось. Я вообще вѣдь не бываю здѣсь въ домѣ.

Грегерсъ. Да, да, я слышалъ. Но надо же мнѣ было повидаться съ тобой, поговорить. Я, вѣрно, скоро опять уѣду... Да, мы съ тобой старые товарищи, однокашники, а вотъ какъ разошлись наши пути. Лѣтъ шестнадцать-семнадцать не видались.

Ялмаръ. Развѣ столько?

Грегерсъ. Конечно. Ну, какъ же тебѣ живется? На видъ хорошо. Ты почти раздобрѣлъ, такимъ солиднымъ сталъ.

Ялмаръ. Гм, положимъ, солиднымъ меня врядъ ли можно назвать, но, разумѣется, я нѣсколько возмужалъ съ тѣхъ поръ.

Грегерсъ. Да, да. Наружность твоя не пострадала.

Ялмаръ (нѣсколько мрачно). Зато внутри каково! Тамъ, повѣрь, совсѣмъ иное! Ты вѣдь знаешь, какое ужасное несчастье разразилось надъ нами за то время, какъ мы съ тобой не видались.

Грегерсъ (понизивъ голосъ). Что отецъ твой теперь?

Ялмаръ. Не будемъ говорить объ *этомъ*, дорогой мой. Бѣдный, несчастный отецъ, конечно, живетъ у меня. Больше у него вѣдь и нѣтъ никого на свѣтѣ. Но, знаешь — мнѣ невыносимо тяжко говорить объ этомъ. Разскажи лучше, какъ тебѣ жилось тамъ, на заводѣ.

Грегерсъ. Чудесно, — полное уединеніе; можно было вволю думать и размышлять о многомъ и многомъ... Иди сюда, устроимся поуютнѣе. (Садится въ кресло у камина и усаживаетъ Ялмара въ другое рядомъ).

Ялмаръ (растроганно). Тебѣ во всякомъ случаѣ спасибо, Грегерсъ, за то, что ты пригласилъ меня отвѣдать хлѣба-соли у твоего отца. Теперь я вижу, что ты ничего больше не имѣешь противъ меня.

Грегерсъ (съ удивленіемъ). Откуда ты взялъ, что я имѣлъ противъ тебя что-нибудь?

Ялмаръ. Ну, въ первое время все-таки имѣлъ.

Грегерсъ. Въ какое первое время?

Ялмаръ. Послѣ того крупнаго несчастья. Оно и понятно съ твоей стороны. Вѣдь и твоего отца чуть-чуть не втянули тогда въ... во всѣ эти ужасныя исторіи!

Грегерсъ. Такъ поэтому я долженъ былъ сердиться на тебя? Кто тебѣ вбилъ это въ голову?

Ялмаръ. Да ужъ я знаю, Грегерсъ. Твой отецъ самъ мнѣ говорилъ.

Грегерсъ (пораженный). Отецъ! Вотъ что! Гм... Такъ это потому ты съ тѣхъ поръ ни разу и не далъ мнѣ знать о себѣ... ни единымъ словомъ?

Ялмаръ. Да.

Грегерсъ. Даже когда заводилъ фотографію?..

Ялмаръ. Отецъ твой говорилъ, что лучше не писать тебѣ ни о чемъ.

Грегерсъ (глядя передъ собой въ пространство). Да, да, пожалуй, онъ былъ правъ... Но скажи мнѣ теперь, Ялмаръ... доволенъ ли ты своимъ положеніемъ?

Ялмаръ (слегка вздохнувъ). Да-а. въ сущности не могу пожаловаться. Сначала-то, какъ можешь догадаться, мнѣ немножко было не по себѣ. Совсѣмъ вѣдь въ иныя условія жизни попалъ. Да и вообще все пошло по-иному. Это крупное несчастье съ отцомъ, разореніе... стыдъ и позоръ, Грегерсъ...

Грегерсъ (содрогаясь). Да-да, да-да.

Ялмаръ. Нечего было и думать продолжать образованіе. У насъ ни гроша не очистилось. Даже еще долги остались. Главнымъ образомъ твоему отцу, кажется...

Грегерсъ. Гм...

Ялмаръ. Ну, я и разсудилъ, знаешь, за лучшее разомъ порвать со всѣми старыми связями и отношеніями. Это особенно совѣтовалъ мнѣ твой отецъ. А такъ какъ онъ выказалъ такую готовность поддержать меня...

Грегерсъ. Отецъ?

Ялмаръ. Да; ты же знаешь? А то откуда бы мнѣ было взять денегъ, чтобы изучить дѣло и открыть фотографію? Это вѣдь недешево стоитъ.

Грегерсъ. И на все это далъ денегъ отецъ?

Ялмаръ. Ну да, мой милый. Или ты не знаешь? Я такъ его попялъ, что онъ обо всемъ писалъ тебѣ.

Грегерсъ. Ни единаго слова о томъ, что это онъ все устроилъ. Забылъ, должно-быть. Мы съ нимъ вообще обмѣнивались только чисто-дѣловыми письмами. Такъ, значитъ, это отецъ все!..

Ялмаръ. Конечно; онъ только не хотѣлъ, чтобы люди объ этомъ знали. А то все онъ. Онъ далъ мнѣ возможность и жениться. Или... ты и этого не зналъ?

Грегерсъ. Нѣтъ, и этого не зналъ. (Потрепавъ его по плечу) Дорогой Ялмаръ, я не могу тебѣ высказать, какъ все это

меня радуетъ... и мучитъ. Пожалуй, все-таки я былъ несправедливъ къ отцу... въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Выходитъ, что у него есть сердце. Видна совѣсть...

Яльмаръ. Совѣсть?..

Грегерсъ. Ну да, назови, какъ хочешь. Нѣтъ, право, я даже словъ не нахожу выразить, какъ меня радуетъ все, что ты сейчасъ разсказалъ мнѣ объ отцѣ... Такъ ты женатъ, Яльмаръ. А мнѣ насчетъ этого придется отложить попеченіе. Ну, надѣюсь, ты счастливъ въ бракѣ?

Яльмаръ. И еще какъ! Такая славная, дѣльная женщина, что лучше и желать нельзя. И не то чтобы ужъ совсѣмъ необразованная.

Грегерсъ (нѣсколько удивленно). Ну, конечно.

Яльмаръ. Знаешь, сама жизнь воспитываетъ. Ежедневное общеніе со мной... И еще у насъ бываетъ кое-кто, — люди даровитые... Право, ты бы и не узналъ теперь Гину.

Грегерсъ. Гину?

Яльмаръ. Да, милый мой, или ты забылъ, что ее зовутъ Гиной?

Грегерсъ. Кто, кого зовутъ Гиной? Я вѣдь и не знаю вовсе...

Яльмаръ. Неужто ты не помнишь, что она одно время служила здѣсь въ домѣ?

Грегерсъ (глядя на него). Такъ это Гина Гансенъ?..

Яльмаръ. Разумѣется, Гина Гансенъ.

Грегерсъ. ...Которая вела здѣсь хозяйство послѣдній годъ, когда мать слегла?

Яльмаръ. Вотъ-вотъ. Но, дорогой другъ, я же знаю навѣрное, что отецъ твой писалъ тебѣ о моей женитьбѣ.

Грегерсъ (вставъ съ кресла). Да, писалъ... но не написалъ, что... (Ходитъ по комнатѣ) Постой... можетъ-быть, все-таки... если припомню хорошенько... Отецъ вѣдь пишетъ всегда такъ кратко. (Присаживается на ручку кресла) Слушай, Яльмаръ, скажи... это такъ интересно... скажи, какъ ты познакомился съ Гиной... съ твоей женой?

Яльмаръ. Да очень просто. Гина недолго оставалась у васъ въ домѣ. Очень ужъ трудно, хлопотливо было. Мать твоя слегла... Ну, Гинѣ не подъ силу стало справляться, она и отказалась. Это было за годъ до смерти твоей матери... или въ тотъ же годъ...

Грегерсъ. Въ тотъ же. А я былъ тогда уже на заводѣ. Ну, потомъ?

Яльмаръ. Потомъ Гина жила со своей матерью, мадамъ Гансенъ. Тоже дѣльная была, работящая женщина. Она держала маленькую столовую да одну комнатку сдавала внаймы. Славная такая была комнатка чистая, уютная.

Грегерсъ. И тебѣ, пожалуй, какъ разъ посчастливилось снять эту комнатку?

Ялмаръ. Да-а; это опять твой отецъ указалъ мнѣ. Ну и вотъ... видишь ли... тогда-то я собственно и познакомился съ Гиной.

Грегерсъ. И посватался къ ней?

Ялмаръ. Да. Молодымъ людямъ долго ли влюбиться?.. Гм...

Грегерсъ (встаетъ и немножко прохаживается). Скажи мнѣ... когда ты посватался... не тогда ли отецъ и далъ тебѣ... то-есть, я хочу спросить — ты тогда и началъ изучать фотографированіе?

Ялмаръ. Вотъ-вотъ. Мнѣ вѣдь очень хотѣлось устроиться; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И мы оба съ твоимъ отцомъ рѣшили, что вѣрнѣе и легче всего мнѣ взяться за это дѣло. Гина тоже была согласна. Тутъ, видишь ли, присоединилось еще одно обстоятельство — такое счастливое совпаденіе, что Гина умѣла ретушировать...

Грегерсъ. Удивительно удачно все складывалось!

Ялмаръ (вставая съ довольнымъ видомъ). Не правда ли? Удивительно удачно!

Грегерсъ. Да, признаюсь. Отецъ сыгралъ для тебя роль какъ бы Провидѣнія.

Ялмаръ (растроганный). Онъ не покинулъ сына своего стараго друга въ часъ нужды. Сердечный человѣкъ твой отецъ.

Фру Сербю (выходитъ изъ другой комнаты подъ руку съ Верле). Безъ разговоровъ, милѣйшій коммерсантъ. Нечего вамъ тамъ расхаживать да портить себѣ глаза, глядя на огни.

Верле (выпуская ея руку и проводя рукой по глазамъ). Да, пожалуй, вы правы.

(Петтерсенъ и Йенсенъ входятъ съ подносами).

Фру Сербю (обращаясь къ гостямъ во вторую комнату). Прошу васъ, господа! Кто желаетъ стаканъ пунша, пусть потрудится пожаловать сюда!

Рыхлый господинъ (подходя къ ней). Но, Богъ мой, правда ли, что вы упразднили благословенную свободу куренья?

Фру Сербю. Да, здѣсь, въ аппартаментахъ коммерсанта, курить воспрещается, господинъ камергеръ.

Плѣшивый господинъ. Когда это вы включили столь суровыя ограниченія въ законъ о куреніи, фру Сёрбю?

Фру Сербю. Съ прошлаго обѣда, господинъ камергеръ. Нѣкоторые позволили себѣ переступить границы.

Плѣшивый господинъ. А развѣ это отнюдь не дозволяется— чуточку переступить границы, фру Берта? Въ самомъ дѣлѣ отнюдь?..

Фру Сербю. Отнюдь, камергеръ Балле. Ни въ какомъ смыслѣ.

(Бо́льшая часть гостей собралась въ кабинетъ: слуги обносятъ ихъ пуншемъ).

Верле (Яльмару, стоящему у стола). Что́ это вы тутъ штудируете, Экдаль?

Яльмаръ. Просто альбомъ, господинъ Верле.

Плѣшивый господинъ (бродя по комнатѣ). А, фотографіи! Это какъ разъ по вашей части!

Рыхлый господинъ (въ креслѣ). Вы не захватили съ собой чего-нибудь изъ своихъ работъ?

Яльмаръ. Нѣтъ, ничего.

Рыхлый господинъ. Слѣдовало бы. Для пищеваренія хорошо посидѣть такъ, поглядѣть картинки.

Плѣшивый господинъ. Тутъ и тема для разговоровъ всегда подвернется. Всякій внесетъ свою лепту.

Близорукій господинъ. А всякая лепта принимается съ благодарностью.

Фру Сербю. Камергеры полагаютъ, что если кого приглашаютъ на обѣдъ, тотъ долженъ постараться отработать за хлѣбъ-соль, господинъ Экдаль.

Рыхлый господинъ. Въ домѣ, гдѣ такъ хорошо кормятъ, это— наслажденіе!

Плѣшивый господинъ. Боже мой! Когда дѣло идетъ о борьбѣ за существованіе, то...

Фру Сербю. Вы правы!

(Продолжаютъ разговоръ, пересыпаемый смѣхомъ и шутками).

Грегерсъ (тихо). Прими же участіе въ разговорѣ, Яльмаръ.

Яльмаръ (пожимаясь). О чемъ мнѣ говорить?

Рыхлый господинъ. По-вашему, господинъ Верле, слѣдуетъ считать токайское до извѣстной степени полезнымъ для желудка?

Верле (у камина). За токайское, которое вы сегодня пили, во всякомъ случаѣ смѣю поручиться. Одинъ изъ самыхъ удачныхъ выпусковъ. Да вы, кажется, и оцѣнили?

Рыхлый господинъ. Да, удивительно тонкое.

Яльмаръ (неувѣренно). А развѣ вино выпускается не всегда одинаковое?

Рыхлый господинъ (смѣясь). Нѣтъ, вы безподобны!

Верле (улыбаясь). Такихъ знатоковъ не стóитъ и угощать тонкими винами.

Плѣшивый господинъ. Токайское, какъ ваши фотографіи, господинъ Экдаль, нуждается въ солнцѣ. Для фотографій вѣдь необходимъ солнечный свѣтъ, не такъ ли?

Яльмаръ. Да, свѣтъ, конечно, много значитъ.

Фру Сербю. Камергерамъ тоже, говорятъ, страхъ какъ необходимо «солнце».

Плѣшивый господинъ. Фи, фи! Избитая острота!

Близорукій господинъ. Барыня прохаживается...

Рыхлый господинъ. ...Да еще на нашъ счетъ! (Грозитъ ей) Фру Берта, фру Берта!

Фру Сербю. Да, но вѣдь это сущая правда, что выпуски могутъ сильно разниться. Старѣйшіе самые лучшіе.

Близорукій господинъ. Меня вы къ старымъ причисляете?

Фру Сербю. Ну нѣтъ!

Плѣшивый господинъ. Вотъ какъ! А меня, милѣйшая фру Сёрбю?..

Рыхлый господинъ. А меня? Къ какому выпуску насъ причислите?

Фру Сербю. Васъ, господа, я причислю къ сладкимъ выпускамъ. (Отпиваетъ изъ стакана съ пуншемъ; камергеры смѣются и шутятъ съ ней).

Верле. Фру Сёрбю всегда сумѣетъ вывернуться, если захочетъ. Не давайте же стаканамъ застаиваться, господа!.. Петтерсенъ, посматривайте! Грегерсъ, намъ съ тобой надо бы чокнуться. (Грегерсъ не шевелится). И съ вами тоже, Экдаль. За столомъ какъ-то не пришлось.

(Изъ маленькой двери выглядываетъ бухгалтеръ Гробергъ).

Гробергъ. Извините, господинъ Верле, но я не могу выбраться.

Верле. Что же, васъ опять заперли?

Гробергъ. Да, и Флакстадъ ушелъ съ ключами...

Верле. Такъ проходите.

Гробергъ. Но тутъ еще есть одинъ...

Верле. Проходите, проходите оба; не стѣсняйтесь.

(Гробергъ и старикъ Экдаль выходятъ изъ конторы. У Верле невольно вырывается досадливый возгласъ. Смѣхъ и говоръ гостей смолкаютъ. Ялмара передергиваетъ при видѣ отца; онъ поспѣшно ставитъ стаканъ на столъ и поворачивается лицомъ къ камину).

Экдаль (проходитъ, не подымая глазъ, отрывисто кивая на обѣ стороны и бормоча). Прошу извиненія. Не туда попалъ. Ворота заперты... ворота заперты. Прошу извиненія! (Уходитъ вслѣдъ за Гробергомъ во вторую комнату и направо).

Верле (сквозь зубы). Дернуло этого Гроберга!..

Грегерсъ (уставившійся съ открытымъ ртомъ на Ялмара). Да не можетъ быть!..

Рыхлый господинъ. Что такое? Кто это былъ?

Грегерсъ. Никто. Просто бухгалтеръ и еще одинъ.

Близорукій господинъ (Ялмару). Вамъ онъ знакомъ?

Ялмаръ. Не знаю... не обратилъ вниманія...

Рыхлый господинъ (встаетъ). Да что же случилось, чортъ

возьми? (Подходитъ къ группѣ другихъ гостей, бесѣдующихъ вполголоса).

Фру Сербю (шепчетъ Петтерсену). Суньте ему тамъ что-нибудь получше.

Петтерсенъ (кивая). Слушаю. (Уходитъ).

Грегерсъ (тихо, взволнованно Ялмару). Такъ это былъ онъ?

Ялмаръ. Да.

Грегерсъ. И ты сказалъ, что не знаешь его?

Ялмаръ (съ горячностью, шопотомъ). Да какъ же я могъ!..

Грегерсъ. ...Признать своего отца?

Ялмаръ (горестно). Ахъ, побывалъ бы ты на моемъ мѣстѣ! (Перешептыванье и тихій говоръ между гостями смѣняются вдругъ дѣланно-громкимъ разговоромъ).

Плѣшивый господинъ (приближаясь къ Грегерсу и Ялмару, дружескимъ тономъ). А! Обновляете старыя воспоминанія изъ временъ студенчества? Что?.. Вы курите, господинъ Экдаль? Хотите огоньку? Ахъ, да; вѣдь тутъ нельзя...

Ялмаръ. Благодарю, я не...

Рыхлый господинъ. Не скажете ли вы намъ какіе-нибудь хорошенькіе стишки, господинъ Экдаль. Прежде, я помню, вы премило декламировали.

Ялмаръ. Къ сожалѣнію, теперь ничего не припомню.

Рыхлый господинъ. Жаль, очень жаль. Ну, такъ что же бы намъ придумать, Балле? (Оба прохаживаются по кабинету и потомъ направляются во вторую комнату).

Ялмаръ (мрачно). Грегерсъ... я уйду! Тотъ, надъ чьей головой разразился сокрушающій ударъ судьбы, видишь ли... Передай мой поклонъ твоему отцу.

Грегерсъ. Хорошо. Ты прямо домой?

Ялмаръ. Да. А что?

Грегерсъ. Я, можетъ-быть, загляну къ тебѣ потомъ.

Ялмаръ. Нѣтъ, не надо. Ко мнѣ не надо. Невеселъ уголъ мой, Грегерсъ... особенно послѣ такого блестящаго пиршества... Мы всегда можемъ повидаться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Фру Сербю (подходя, вполголоса). Вы уходите, Экдаль?

Ялмаръ. Да.

Фру Сербю. Кланяйтесь Гинѣ.

Ялмаръ. Благодарю.

Фру Сербю. И скажите, что я какъ-нибудь на-дняхъ загляну къ ней.

Ялмаръ. Благодарю. (Грегерсу) Не провожай меня. Я хочу уйти незамѣтно. (Медленно, словно прохаживаясь, направляется во вторую комнату и уходитъ направо).

Фру Сербю (тихо Петтерсену, который вернулся). Ну, дали что-нибудь старику?

Петтерсенъ. Какъ же. Сунулъ ему въ карманъ бутылку коньяку.

Фру Сербю. Не нашли ничего получше.

Петтерсенъ. Онъ лучше-то ничего и не знастъ, фру Сёрбю.

Рыхлый господинъ (въ дверяхъ, съ нотами въ рукахъ). Не сыграемъ ли мы съ вами въ четыре руки, фру Сёрбю?

Фру Сербю. Хорошо, пойдемте.

Гости. Браво, браво!

Фру Сёрбю и гости уходятъ во вторую комнату и направо. Грегерсъ остается у камина. Верле ищетъ что-то на письменномъ столѣ, повидимому, выжидая, чтобы Грегерсъ ушелъ, но послѣдній не шевелится, и Верле самъ направляется къ дверямъ).

Грегерсъ. Отецъ, нельзя ли удѣлить мнѣ минутку?

Верле (останавливаясь). Что тебѣ?

Грегерсъ. Мнѣ надо сказать тебѣ пару словъ.

Верле. Нельзя ли отложить, пока мы останемся одни?

Грегерсъ. Нѣтъ, нельзя. Можетъ-быть, такъ выйдетъ, что намъ съ тобой и не придется больше остаться однимъ.

Верле (подходя ближе). Что это значитъ?

(Въ теченіе слѣдующей бесѣды изъ залы глухо доносятся звуки фортепіано).

Грегерсъ. Какъ можно было дать этой семьѣ такъ опуститься!

Верле. Ты, вѣроятно, говоришь о семьѣ Экдалей, насколько я понимаю.

Грегерсъ. Именно. Старый Экдаль когда-то былъ очень близокъ съ тобой.

Верле. Къ сожалѣнію, слишкомъ даже близокъ. И мнѣ годами пришлось расплачиваться за это. Ему я обязанъ, что на мое доброе имя легло что-то въ родѣ пятна.

Грегерсъ (тихо). А онъ дѣйствительно былъ одинъ виноватъ?

Верле. Кто же еще по-твоему?

Грегерсъ. Но вы вѣдь затѣяли эту скупку лѣсовъ сообща...

Верле. Да, но развѣ не Экдаль снималъ планы участковъ... невѣрные планы? Это онъ затѣялъ незаконную порубку на казенной землѣ. Онъ же и завѣдывалъ всѣмъ дѣломъ. Я былъ въ сторонѣ—даже и не вѣдалъ, что тамъ творилъ Экдаль.

Грегерсъ. Лейтенантъ Экдаль и самъ-то, вѣрно, не вѣдалъ, что творилъ.

Верле. Можетъ статься. Но фактъ тотъ, что онъ былъ осужденъ, а я оправданъ.

Грегерсъ. Знаю, что уликъ противъ тебя не оказалось.

Верле. Оправданъ, значитъ, невиновенъ. Но съ чего ты вздумалъ копаться въ этихъ старыхъ дрязгахъ, отъ которыхъ

я посѣдѣлъ раньше времени? Пожалуй, вотъ чѣмъ ты былъ занятъ всѣ эти годы на заводѣ? Могу тебя завѣрить, Грегерсъ, у насъ въ городѣ всѣ эти исторіи давнымъ-давно забыты... поскольку онѣ касались меня.

Грегерсъ. А несчастная семья Экдалей?..

Верле. Да что же, по-твоему, слѣдовало мнѣ сдѣлать для нихъ? Когда Экдаль вышелъ на свободу, онъ былъ уже человѣкъ конченный. Есть такіе люди, которые сразу идутъ ко дну, какъ только имъ попадетъ пара дробинокъ въ тѣло, и никогда ужъ не всплываютъ больше наверхъ. Повѣрь моему слову, Грегерсъ, для старика Экдаля я сдѣлалъ все, что только позволяли обстоятельства... что могъ сдѣлать, не давая пищи разнымъ подозрѣніямъ и пересудамъ...

Грегерсъ. Подозрѣніямъ?.. Ну да, разумѣется.

Верле. Я велѣлъ давать старику переписку изъ конторы и плачу ему куда дороже, чѣмъ стоитъ его работа...

Грегерсъ (не глядя на отца). Гм... въ этомъ не сомнѣваюсь.

Верле. Ты смѣешься? Пожалуй, не вѣришь моимъ словамъ? По книгамъ, разумѣется, этого провѣрить нельзя; такихъ расходовъ я никогда не запишу.

Грегерсъ (съ холодной усмѣшкой). Н-да, пожалуй, бываютъ расходы такого рода, что самое лучшее ихъ не заносить.

Верле (пораженный). Къ чему ты это клонишь?

Грегерсъ (собравшись съ духомъ). Ты занесъ въ книги расходъ по обученію Ялмара Экдаля фотографированію?

Верле. Я? Занесъ ли?

Грегерсъ. Я теперь знаю, что ты взялъ этотъ расходъ на себя. И знаю также, что ты не поскупился дать молодому Экдалю возможность завести дѣло, устроиться.

Верле. Вотъ видишь, а еще говорятъ, что я ничего не сдѣлалъ для Экдалей! Могу тебя завѣрить, эти люди стоили мнѣ порядочно.

Грегерсъ. А ты занесъ въ книги хоть нѣкоторые изъ этихъ расходовъ?

Верле. Къ чему ты задаешь такіе вопросы?

Грегерсъ. О, на то есть свои причины. Слушай, скажи мнѣ... твое горячее участіе къ сыну твоего стараго друга... началось какъ разъ съ того времени, когда онъ вздумалъ жениться?

Верле. Какого чорта!.. Гдѣ мнѣ помнить это черезъ столько-лѣтъ?..

Грегерсъ. Ты мнѣ писалъ тогда—чисто-дѣловое письмо, разумѣется — и въ припискѣ вскользь упомянулъ, что Ялмаръ Экдаль женился на фрёкенъ Гансенъ.

Верле. Ну да; ее такъ и звали.

Грегерсъ. Но ты не упомянулъ, что эта фрёкенъ Гансенъ была Гина Гансенъ, наша бывшая экономка.

Верле (принужденно-насмѣшливо). Я не предполагалъ, чтобы ты особенно интересовался нашей бывшей экономкой.

Грегерсъ. Я и не интересовался. Но... (понижая голосъ) кажется, другіе здѣсь въ домѣ очень интересовались ею.

Верле. Что ты хочешь сказать? (Вспыливъ) Не на меня же ты намекаешь?

Грегерсъ (тихо, но твердо). Да, я на тебя намекаю.

Верле. И ты смѣешь!.. Осмѣливаешься!.. А этотъ неблагодарный, этотъ фотографъ... какъ смѣетъ онъ взводить подобныя обвиненія!

Грегерсъ. Ялмаръ ни единымъ словомъ не коснулся этого. Не думаю, чтобы у него было хоть малѣйшее подозрѣніе.

Верле. Такъ откуда же ты взялъ? Кто могъ тебѣ сказать подобное?

Грегерсъ. Моя бѣдная, несчастная мать. Она мнѣ сказала это, когда я въ послѣдній разъ видѣлся съ ней.

Верле. Твоя мать! Этого и надо было ожидать. Вы съ ней всегда заодно были. Она и возстановила тебя противъ меня съ самаго начала.

Грегерсъ. Нѣтъ, не она, а ея муки и страданья—все, что сломило ее и привело къ злополучному концу.

Верле. О, ей вовсе не изъ-за чего было такъ страдать и мучиться; во всякомъ случаѣ причинъ у нея было не больше, чѣмъ у многихъ другихъ! Но съ болѣзненными, экзальтированными особами не сговоришь. Я это достаточно испыталъ... И вотъ ты теперь носишься съ подобными подозрѣніями... роешься въ кучѣ старыхъ пересудовъ и сплетенъ, позорящихъ твоего отца. Право, Грегерсъ, въ твои годы пора бы ужъ заняться чѣмъ-нибудь поумнѣе.

Грегерсъ. Да, пожалуй, пора бы.

Верле. Тогда и на душѣ у тебя, можетъ-быть, стало бы свѣтлѣе, чѣмъ, какъ видно, теперь. Ну къ чему тебѣ корпѣть тамъ на заводѣ, гнуть спину, какъ простому конторщику, и отказываться брать хоть грошъ сверхъ положеннаго жалованья? Вѣдь это прямо глупо съ твоей стороны.

Грегерсъ. Да, если бы я былъ увѣренъ, что это такъ.

Верле. Я тебя понимаю. Ты хочешь быть независимымъ, не быть мнѣ ничѣмъ обязаннымъ. Ну вотъ, теперь тебѣ и представляется случай стать независимымъ, самому себѣ господиномъ.

Грегерсъ. Вотъ? Какъ такъ?..

Верле. Видишь, я писалъ тебѣ, чтобы ты непремѣнно и немедленно пріѣхалъ сюда въ городъ... гм...

Грегерсъ. Да... но что тебѣ въ сущности понадобилось отъ меня? Я весь день ждалъ объясненія.

Верле. Я хочу предложить тебѣ вступить компаньономъ въ фирму.

Грегерсъ. Мнѣ? Въ твою фирму? Компаньономъ?

Верле. Да. Намъ не пришлось бы изъ-за этого постоянно бывать вмѣстѣ. Ты могъ бы вести дѣла здѣсь, въ городѣ, а я переѣхалъ бы на заводъ.

Грегерсъ. Ты?

Верле. Видишь ли, я теперь ужъ не такой работникъ, какъ прежде. Приходится беречь глаза, Грегерсъ; что-то слабы стали.

Грегерсъ. Ну, это всегда было.

Верле. Не такъ, какъ теперь. Да и кромѣ того... по нѣкоторымъ соображеніямъ... я могъ бы, пожалуй, предпочесть перебраться туда... хоть на время.

Грегерсъ. Вотъ чего никогда бы не подумалъ.

Верле. Слушай, Грегерсъ. Мы съ тобой во многомъ и многомъ не сходимся. Но все же мы съ тобой — отецъ и сынъ. И, право, мы могли бы придти къ какому-нибудь соглашенію.

Грегерсъ. То-есть съ виду?

Верле. Да, хотя бы такъ. Подумай же насчетъ этого, Грегерсъ. По-твоему, это возможно? А?

Грегерсъ (холодно смотритъ на него). Тутъ что-то кроется.

Верле. То-есть какъ это?

Грегерсъ. Я тебѣ для чего-то нуженъ.

Верле. При столь тѣсныхъ узахъ, какъ наши, надо полагать—одинъ всегда нуждается въ другомъ.

Грегерсъ. Да, говорятъ.

Верле. И я бы очень хотѣлъ, чтобы ты теперь побылъ дома нѣкоторое время. Я одинокъ, Грегерсъ. Всегда былъ одинокъ... всю жизнь. Но теперь это особенно даетъ себя знать,—старѣю. Мнѣ нужно имѣть подлѣ себя кого-нибудь.

Грегерсъ. У тебя вѣдь есть фру Сёрбю.

Верле. Да, это вѣрно. И я, такъ сказать, почти не могу обойтись безъ нея. У нея такой веселый нравъ и ровный характеръ; она оживляетъ весь домъ... а мнѣ это очень, очень нужно.

Грегерсъ. Такъ вотъ, значитъ, у тебя и есть все, что тебѣ нужно.

Верле. Да, но я боюсь, что такъ дѣло не можетъ продолжаться. Женщина въ подобныхъ условіяхъ... легко можетъ

попасть въ ложное положеніе въ глазахъ свѣта. Да я готовъ сказать, что и для мужчины оно неудобно.

Грегерсъ. О, если мужчина задастъ такіе обѣды, какъ ты, онъ можетъ-таки позволить себѣ кое-что.

Верле. Но она-то, Грегерсъ? Ея-то положеніе? Боюсь, что долго она не выдержитъ. Да если бы даже... если бы, ради меня, она и махнула рукой на всѣ пересуды и сплетни... то самъ посуди, Грегерсъ,—у тебя такъ сильно развито чувство справедливости...

Грегерсъ (прерывая его). Коротко и ясно: ты собираешься жениться на ней?

Верле. А если бы такъ? Что тогда?

Грегерсъ. Я тоже спрошу: что тогда?

Верле. Ты былъ бы рѣшительно противъ этого?

Грегерсъ. Отнюдь нѣтъ. Никоимъ образомъ.

Верле. Я вѣдь не могъ знать... Быть-можетъ, дорожа памятью покойной матери...

Грегерсъ. Я не страдаю экзальтаціей.

Верле. Ну, какъ бы тамъ ни было, ты во всякомъ случаѣ снялъ съ моей души тяжелый камень. Мнѣ очень дорого заручиться въ этомъ дѣлѣ твоимъ сочувствіемъ.

Грегерсъ (глядя на него въ упоръ). Теперь я понимаю, зачѣмъ я тебѣ понадобился. На какую потребу.

Верле. Потребу! Что за выраженіе!

Грегерсъ. Не будемъ особенно щепетильны насчетъ словъ,— по крайней мѣрѣ съ глазу на глазъ. (Съ отрывистымъ смѣхомъ) Такъ вотъ оно что! Вотъ зачѣмъ я во что бы то ни стало долженъ былъ явиться въ городъ собственной персоной. Ради фру Сёрбю надо было поставить домъ на семейную ногу. Таблò изъ сына и отца! Это нѣчто новенькое!

Верле. Какъ ты смѣешь говорить въ такомъ тонѣ!

Грегерсъ. Когда тутъ въ домѣ была семья? Никогда, сколько я себя помню. А теперь, видно, понадобилось создать хоть нѣчто въ этомъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это славно будетъ: заговорятъ, что вотъ-де сынъ на крылахъ благоговѣнія прилетѣлъ къ помолвкѣ старика-отца. Что же тогда останется отъ всѣхъ этихъ слуховъ о бѣдной покойной страдалицѣ-матери? Ни порошинки! Ея сынъ развѣетъ ихъ по вѣтру!

Верле. Грегерсъ... право, для тебя, кажется, нѣтъ въ свѣтѣ человѣка ненавистнѣе меня.

Грегерсъ (тихо). Черезчуръ ужъ близко я присмотрѣлся къ тебѣ.

Верле. Ты смотрѣлъ на меня глазами своей матери. (Слегка понижая голосъ) Но ты бы вспомнилъ, что глаза эти... бывали иногда отуманены.

Грегерсъ (дрожащимъ голосомъ). Я понимаю, на что ты намекаешь. Но кто виноватъ въ несчастной слабости матери? Ты и всѣ эти твои!.. Послѣднею была эта бабёнка, съ которою свели Ялмара Экдаля, когда самому тебѣ она... о-о!

Верле (пожимая плечами). Слово въ слово, какъ сказала бы твоя мать.

Грегерсъ (не обращая на него вниманія). ...И онъ, эта великая, дѣтски-довѣрчивая душа, но уши увязъ теперь въ этой лжи... Живетъ подъ одной кровлей съ такой... и не знаетъ, что его такъ-называемый семейный очагъ построенъ на лжи! (Дѣлая шагъ къ отцу) Какъ оглянусь на пройденный тобой путь — словно гляжу на поле битвы, усѣянное разбитыми человѣческими жизнями.

Верле. Сдается мнѣ, что пропасть между нами слишкомъ ужъ широка.

Грегерсъ (овладѣвъ собой, съ поклономъ). Я это тоже замѣтилъ и потому—откланиваюсь... ухожу.

Верле. Уходишь? Совсѣмъ изъ дому?

Грегерсъ. Да. Теперь наконецъ я вижу передъ собой цѣль жизни.

Верле. Что же это за цѣль?

Грегерсъ. Ты бы только посмѣялся, узнавъ ее.

Верле. Кто одинокъ—не такъ легко смѣется, Грегерсъ.

Грегерсъ (указывая въ глубину второй комнаты). Взгляни-ка, отецъ, камергеры играютъ въ жмурки съ фру Сёрбю... Спокойной ночи... прощай! (Идетъ во вторую комнату и скрывается направо. Слышны смѣхъ и шутливые возгласы группы гостей, показавшейся во второй комнатѣ слѣва).

Верле (презрительно бормочетъ вслѣдъ Грегерсу). Эхъ! Бѣднята!.. А еще говоритъ, что не страдаетъ экзальтаціей

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Фотографическій павильонъ Ялмара Экдаля. Просторное помѣщеніе, видимо передѣланное изъ чердака. Направо идущій косымъ наклономъ потолокъ съ большими оконными стеклами, наполовину задернутыми синими занавѣсками. Въ правомъ углу, въ глубинѣ, входная дверь; впереди же направо дверь въ жилыя комнаты. Въ лѣвой стѣнѣ тоже двое дверей, и въ простѣнкѣ между ними желѣзная печка. Въ средней стѣнѣ широкія раздвижныя двери. Обстановка скромная, но уютная. Между дверями направо, нѣсколько поодаль отъ простѣнка, диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. На столѣ горитъ лампа подъ абажуромъ, лежатъ фотографіи и разная мелочь, въ родѣ кисточекъ, бумаги, карандашей и проч. Въ углу у печки старое кресло. Тамъ и сямъ разставлены и разложены фотографическіе аппараты и принадлежности. У средней стѣны, налѣво отъ раздвижныхъ дверей, полки, на которыхъ нѣсколько

книгъ, ящики и бутылки съ химическими жидкостями, разные инструменты и прочее.

Гина Экдаль сидитъ за шитьемъ на стулѣ у стола. Гедвигъ на диванѣ, заслонивъ глаза ладонями отъ лампы и заткнувъ уши двумя большими пальцами, читаетъ книгу.

Гина (поглядываетъ на дочь со скрытой тревогой, потомъ говоритъ). Гедвигъ!

Гедвигъ (не слышитъ).

Гина (громче). Гедвигъ!

Гедвигъ (отнимая пальцы отъ ушей). Что, мама?

Гина. Милушка, нельзя тебѣ больше читать.

Гедвигъ. Ахъ, мама, ну, еще немножко! Чуточку!

Гина. Нѣтъ, нѣтъ; отложи книгу. Отецъ этого не любитъ. Онъ и самъ никогда не читаетъ по вечерамъ.

Гедвигъ (закрывая книгу). Да, папа не очень-то любитъ читать.

Гина (откладываетъ шитье и беретъ со стола карандашъ и тетрадку). Ты не помнишь, сколько мы сегодня отдали за масло?

Гедвигъ. Крону шестьдесятъ пять эре.

Гина. Вѣрно. (Записываетъ). Ужасти, сколько у насъ масла выходитъ. Да еще колбаса и сыръ. Постой-ка... (Записываетъ) И ветчина еще... гм... (Сводитъ счетъ) Вотъ ужъ выходитъ...

Гедвигъ. А пиво-то еще?

Гина. Да, само собой. (Записываетъ). Становится въ копеечку. А все надо.

Гедвигъ. Зато намъ съ тобой не нужно было сегодня горячаго къ обѣду, разъ папа ушелъ.

Гина. Да, это кстати вышло. Да еще я получила восемь кронъ пятьдесятъ эре за карточки.

Гедвигъ. Неужто столько?

Гина. Аккуратъ восемь кронъ пятьдесятъ!

(Молчаніе. Гина опять принимается за шитье. Гедвигъ беретъ карандашъ и бумагу и что-то рисуетъ, заслоняя глаза лѣвой рукой).

Гедвигъ. А вѣдь забавно подумать, что папа сегодня на такомъ большомъ обѣдѣ у коммерсанта Верле!

Гина. Нельзя сказать, что у коммерсанта. Это вѣдь сынъ прислалъ за нимъ. (Немного погодя) Съ коммерсантомъ у насъ нѣтъ никакихъ дѣловъ.

Гедвигъ. Вотъ будетъ хорошо, когда папа придетъ. Онъ обѣщалъ попросить для меня у фру Сёрбю чего-нибудь вкуснаго.

Гина. Да, въ этомъ домѣ вкусно живется.

Гедвигъ (продолжая рисовать). А я какъ будто и проголодалась немножко.

(Старикъ Экдаль съ бумагами подъ мышкой и сверткомъ въ карманѣ пальто появляется изъ входной двери).

Гина. Какъ дѣдушка поздно сегодня!

Экдаль. Контору заперли. Пришлось ждать у Гроберга. И потомъ пройти черезъ... гм...

Гедвигъ. Дали новую переписку, дѣдушка?

Экдаль. Цѣлую кипу. Погляди-ка.

Гина. Славно.

Гедвигъ. И въ карманѣ тоже у тебя свертокъ.

Экдаль. Что? Глупости! Ничего тамъ нѣтъ. (Ставитъ палку въ уголъ) Работы надолго хватитъ, Гина. (Отодвигаетъ одну половинку дверей въ задней стѣнѣ) Тсс! (Заглядываетъ въ глубину и снова осторожно задвигаетъ дверь) Хе-хе! Всѣ прикурнули. А *она* забралась въ корзинку. Хе-хе!

Гедвигъ. А ей навѣрно не холодно въ корзинкѣ, дѣдушка?

Экдаль. Еще что выдумай! Холодно!.. Столько соломы! (Идетъ къ дальней двери налѣво) У меня тамъ есть спички?

Гина. На комодѣ.

(Экдаль уходитъ къ себѣ).

Гедвигъ. Вотъ славно-то, что дѣдушка опять съ перепиской!

Гина. Да, бѣдный старикъ: теперь хоть карманными деньгами запасется.

Гедвигъ. И не станетъ сидѣть по цѣлымъ утрамъ въ этомъ противномъ трактирѣ у мадамъ Эриксенъ!

Гина. Да, и это тоже хорошо. (Небольшая пауза).

Гедвигъ. Какъ ты думаешь, они все еще за столомъ сидятъ?

Гина. А Богъ ихъ знаетъ. Пожалуй.

Гедвигъ. Подумай, какимъ вкуснымъ обѣдомъ угощаютъ тамъ папу! Онъ, навѣрно, придетъ веселый. Правда, мама?

Гина. Да. А если бы мы еще могли порадовать его, что комната сдана!

Гедвигъ. Ну, это не обязательно сегодня.

Гина. Пригодилось бы. Стоитъ вѣдь безо всякой пользы.

Гедвигъ. Нѣтъ, я хотѣла сказать, что *сегодня* это не обязательно. Папа и такъ сегодня будетъ въ духѣ. Лучше, если удастся порадовать его этимъ въ другой разъ.

Гина (глядитъ на нее). А ты любишь радовать папу по вечерамъ чѣмъ-нибудь такимъ хорошимъ?

Гедвигъ. Да. Тогда сразу какъ-то веселѣе становится.

Гина (задумываясь). Да, да; пожалуй, такъ.

(Старикъ Экдаль выходитъ изъ своей комнаты и направляется къ первой двери налѣво).

Гина (поворачиваясь къ нему). Что-нибудь надо въ кухнѣ, дѣдушка?

Экдаль. Да, надо. А ты сиди себѣ. (Проходитъ въ кухню).

Гина. Не затѣялъ бы съ угольями возиться. (Выкидаетъ) Гедвигъ, поди-ка погляди, чего онъ тамъ...

(Экдаль выходитъ изъ кухни съ кружкой кипятку, отъ котораго идетъ паръ).

Гедвигъ. Ты за кипяткомъ ходилъ, дѣдушка?

Экдаль. Да. Нужно. Писать хочу, а чернила густыя, какъ каша... гм!..

Гина. Вы бы, дѣдушка, поужинали сначала. Тамъ приготовлено вѣдь.

Экдаль. Богъ съ нимъ и съ ужиномъ, Гина. Страсть какъ занятъ, говорю тебѣ. И пусть никто ко мнѣ не входитъ. Никто... гм!.. (Уходитъ къ себѣ).

(Гина и Гедвигъ переглядываются).

Гина (тихо). Какъ ты думаешь, откуда онъ раздобылъ денегъ?

Гедвигъ. Вѣрно, отъ Гроберга получилъ.

Гина. Что ты! Гробергъ всегда присылаетъ деньги мнѣ.

Гедвигъ. Такъ, пожалуй, въ долгъ взялъ гдѣ-нибудь бутылочку.

Гина. Бѣдный дѣдушка; врядъ ли ему даютъ въ долгъ.

(Ялькмаръ Экдаль входитъ въ пальто и сѣрой пуховой шляпѣ).

Гина (бросаетъ шитье и встаетъ). Ахъ, ты ужъ вернулся, Экдаль!

Гедвигъ (тоже вскакиваетъ). Папа пришелъ!

Ялькмаръ (откладывая шляпу). Да; теперь, вѣрно, и всѣ почти разошлись.

Гедвигъ. Такъ рано?

Ялькмаръ. Да вѣдь званы были къ обѣду. (Хочетъ снять съ себя пальто).

Гина. Постой, я тебѣ помогу.

Гедвигъ. И я.

(Снимаютъ съ него пальто, которое Гина затѣмъ вѣшаетъ на стѣну).

Гедвигъ. Много было гостей, папа?

Ялькмаръ. Нѣтъ, немного. Насъ было за столомъ персонъ двѣнадцать-четырнадцать.

Гина. И ты со всѣми съ ними разговаривалъ?

Ялькмаръ. Да, немножко. Грегерсъ совсѣмъ завладѣлъ мною.

Гина. Что онъ, все такой же неказистый?

Ялькмаръ. Да, не очень авантаженъ... А старикъ не вернулся?

Гедвигъ. Какъ же. Сидитъ у себя и пишетъ.

Ялькмаръ. Разсказывалъ что-нибудь?

Гина. Нѣтъ, что ему разсказывать?

Ялькмаръ. Не упоминалъ?.. Говорили, кажется, что онъ былъ у Гроберга. Я загляну къ нему.

Гина. Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

Ялькмаръ. Почему? Онъ развѣ сказалъ, что не хочетъ пускать меня?..

Гина. Ему, видно, не хочется никого пускать къ себѣ сегодня.

Гедвигъ (дѣлая знаки). Гм!.. гм!..

Гина (не замѣчая). Ходилъ въ кухню за кипяткомъ.

Ялмаръ. А-а! И сидитъ теперь и..?

Гина. Да ужъ навѣрно

Ялмаръ. Господи Боже! Мой бѣдный, сѣдовласый отецъ!.. Ну, пусть его сидитъ и наслаждается.

(Старикъ Экдаль въ домашнемъ сюртукѣ и съ раскуренной трубкой въ рукахъ выходитъ изъ своей комнаты).

Экдаль. Вернулся? Я и то слушаю—какъ будто твой голосъ.

Ялмаръ. Только-что пришелъ.

Экдаль. Ты, сдается, меня не видалъ?

Ялмаръ. Нѣтъ. Но тамъ говорили, что ты прошелъ черезъ... Я и хотѣлъ тебя догнать...

Экдаль. Гм... Очень мило съ твоей стороны!.. А что за люди были тамъ?

Ялмаръ. Разные. Камергеръ Флоръ, камергеръ Балле, камергеръ Касперсенъ, камергеръ такой-то и такой-то... не знаю всѣхъ.

Экдаль (кивая). Слышишь, Гина! Все съ одними камергерами сидѣлъ.

Гина. Да, видно, тамъ теперь страсть какъ важно стало въ домѣ.

Гедвигъ. Что-жъ они, пѣли эти камергеры? Или читали что-нибудь вслухъ?

Ялмаръ. Нѣтъ, только вздоръ мололи. Хотѣли-было меня заставить декламировать, да не тутъ-то было.

Экдаль. Не тутъ-то было, а?

Гина. А ты вѣдь отлично могъ бы.

Ялмаръ. Нѣтъ; не приходится быть къ услугамъ всѣхъ и каждаго. (Расхаживая по комнатѣ) Во всякомъ случаѣ я не изъ таковскихъ.

Экдаль. Нѣтъ, нѣтъ. Ялмаръ не изъ таковскихъ.

Ялмаръ. Не знаю, съ чего бы это непремѣнно мнѣ занимать гостей, если я рѣдкій разъ покажусь въ обществѣ. Пусть другіе потрудятся. Эти молодчики только и дѣлаютъ, что переходятъ изъ дома въ домъ—поѣсть да попить. Пусть они и расплачиваются за угощеніе.

Гина. Да неужто ты такъ и сказалъ?

Ялмаръ (напѣвая). Хо-хо-хо! Пришлось-таки и имъ кое-что скушать.

Экдаль. Самимъ камергерамъ!

Ялмаръ. Не безъ того. (Вскользь) Потомъ у насъ еще вышелъ маленькій споръ насчетъ токайскаго.

Экдаль. Токайскаго? Тонкое вино!

Яльмаръ (останавливаясь). Бываетъ и тонкое. Но, я скажу тебѣ, не всѣ выпуски одинаковы. Все дѣло въ томъ — много ли солнца попало на виноградъ.

Гина. Все-то ты знаешь, Экдаль!

Экдаль. А они спорить стали?

Яльмаръ. Пытались-было. Зато и узнали, что и камергеры недалеко ушли. Тоже — не всѣ выпуски одинаковы. Одни получше, другіе поплоше!

Гина. Нѣтъ, чего только ты ни придумаешь!

Экдаль. Хе-хе! Ты такъ имъ и приподнесъ?

Яльмаръ. Да; что называется, не въ бровь, а прямо въ глазъ!

Экдаль. Слышишь, Гина? Самимъ камергерамъ! Прямо въ глазъ!

Гина. Да неужто! Прямо въ глазъ?

Яльмаръ. Да; только нечего объ этомъ болтать. Такихъ вещей не разсказываютъ. Притомъ весь разговоръ велся въ самомъ дружескомъ, шутливомъ тонѣ, разумѣется. Люди, въ сущности, все такіе милые, славные; зачѣмъ было ихъ обижать? Нѣ-ѣтъ!

Экдаль. А все-таки — прямо въ глазъ!

Гедвигъ (ласкаясь). Какъ интересно, что ты во фракѣ. Ужасно къ тебѣ идетъ, папа!

Яльмаръ. Правда? Онъ въ самомъ дѣлѣ сидитъ очень недурно. Почти какъ на меня сшитъ... Развѣ чуточку рѣжетъ подъ мышками... Помоги-ка, Гедвигъ. (Снимаетъ фракъ) Лучше надѣть пиджакъ. Ты куда дѣвала пиджакъ, Гина?

Гина. Сейчасъ. (Приноситъ пиджакъ и помогаетъ Яльмару надѣть его).

Яльмаръ. Вотъ такъ. Не забудь только вернуть Мольвику фракъ завтра же утромъ, пораньше.

Гина (откладывая фракъ). Да ужъ не забуду.

Яльмаръ (потягиваясь). А-а! Оно все-таки удобнѣе такъ. Да и такое свободное домашнее платье больше подходитъ ко всему моему внѣшнему облику. Что скажешь, Гедвигъ?

Гедвигъ. Да, папа!

Яльмаръ. А если еще растрепать галстукъ вотъ такъ—концами врозь... Гляди! Что?

Гедвигъ. Да, это очень идетъ къ твоимъ усамъ и къ длиннымъ курчавымъ волосамъ.

Яльмаръ. Я бы не сказалъ курчавымъ, а скорѣе волнистымъ.

Гедвигъ. Да вѣдь они сильно курчавятся.

Яльмаръ. Скорѣе вьются.

Гедвигъ (немного погодя дергаетъ его за рукавъ). Папа!

Яльмаръ. Ну что?

Гедвигъ. Ты самъ знаешь.

Яльмаръ. Вотъ ужъ нѣтъ.

Гедвигъ (смѣясь и хныча). Ну, папа! Довольно мучить меня!

Яльмаръ. Да что такое?

Гедвигъ (тормоша его). Ну, полно, полно, давай же, папа! Ты вѣдь обѣщалъ мнѣ принести что-нибудь вкусное!

Яльмаръ. Вотъ тебѣ разъ, забылъ!

Гедвигъ. Неправда, неправда! Ты нарочно дразнишь меня! Стыдно! Куда ты запряталъ?

Яльмаръ. Да говорю же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ забылъ. Впрочемъ, постой! Кое-что у меня все-таки есть для тебя. (Идетъ и роется въ карманахъ фрака).

Гедвигъ (прыгая и хлопая въ ладоши). Мама, мама!

Гина. Вотъ видишь... Дай только срокъ и...

Яльмаръ (съ листкомъ въ рукахъ). Вотъ оно.

Гедвигъ. Это?.. Бумажка?..

Яльмаръ. Это списокъ блюдъ: всѣхъ блюдъ, какія подавались. Видишь, написано: «Menu»? Это и значитъ списокъ блюдъ.

Гедвигъ. А другого развѣ ничего не принесъ?

Яльмаръ. Говорятъ же тебѣ — забылъ. Да и повѣрь мнѣ — вредны всѣ эти сласти. Присядь тамъ у стола и читай кушанья по порядку, а я тебѣ потомъ оцѣню, каковы они были на вкусъ. На вотъ.

Гедвигъ (глотая слезы). Спасибо.

(Садится, но не читаетъ. Гина дѣлаетъ ей знаки. Яльмаръ замѣчаетъ это).

Яльмаръ (расхаживая по комнатѣ). О чемъ только ни приходится думать и помнить отцу семейства! И стоитъ забыть самую бездѣлицу — сейчасъ кислыя мины. Что-жъ, и къ этому не привыкать стать. (Останавливаясь около печки, гдѣ сидитъ старикъ) Ты заглядывалъ туда вечеромъ, отецъ?

Экдаль. Еще бы! Она усѣлась въ корзинку.

Яльмаръ. Неужели? Усѣлась-таки? Значитъ, привыкать начинаетъ.

Экдаль. Да. А я что говорилъ? Теперь только приладить кое-какія штучки...

Яльмаръ. Нѣкоторыя усовершенствованія, да.

Экдаль. Непремѣнно надо.

Яльмаръ. Да, потолкуемъ-ка насчетъ этого. Иди сюда, сядемъ на диванъ.

Экдаль. Ладно! Гм... Постой, я сперва набью трубку... да и прочистить кстати. Гм... (Уходитъ въ свою комнату).

Гина (съ улыбкой Яльмару). Трубку прочистить, — слышишь?

Яльмаръ. Охъ, да, да, Гина. Пусть его. Бѣдный, потерпѣвшій крушеніе старецъ... Да вотъ эти усовершенствованія... Самое лучшее завтра же отдѣлаться отъ нихъ...

Гина. Завтра тебѣ некогда, Эйдаль.

Гедвигъ (быстро). Что ты, мама!

Гина. Не забудь, надо вѣдь отретушировать тѣ карточки. За ними уже сколько разъ присылали.

Яльмаръ. Ну, такъ! Опять эти карточки! Да успѣется. А можетъ-быть, и новые заказы были?

Гина. Нѣтъ, къ сожалѣнію. На завтра у меня только и есть тѣ два портрета — ты знаешь.

Яльмаръ. Только-то? Да, коли не стараться, то...

Гина. Да что же я подѣлаю? Я и то ужъ публикую въ газетахъ, сколько могу, кажется.

Яльмаръ. Газеты, газеты! Сама видишь, много отъ этого толку. И комнату, конечно, тоже никто не приходилъ смотрѣть?

Гина. Нѣтъ еще.

Яльмаръ. Такъ и надо было ожидать. Коли не хлопотать!.. Надо взяться за дѣло посерьезнѣе, Гина!

Гедвигъ (подходя къ нему). Не принести ли тебѣ флейту, папа?

Яльмаръ. Никакой флейты мнѣ не надо. Не до развлеченій мнѣ. (Ходитъ по комнатѣ). Да; буду работать завтра. За этимъ дѣло не станетъ. Буду работать, пока силъ хватитъ...

Гина. Но, милый мой, я совсѣмъ не то хотѣла...

Гедвигъ. Папа, не принести ли тебѣ пива?

Яльмаръ. Не нужно. Ничего мнѣ не нужно. (Останавливаясь) Пива?.. Ты пива предлагала?

Гедвигъ (живо). Да, папа. Чудесное, свѣжее.

Яльмаръ. Ну... если ужъ тебѣ непремѣнно хочется... принеси бутылочку.

Гина. Да, да! Вотъ и хорошо будетъ.

(Гедвигъ бѣжитъ въ кухню).

Яльмаръ (стоящій около печки, останавливаетъ Гедвигъ, смотритъ на нее, беретъ за голову и прижимаетъ къ себѣ). Гедвигъ! Гедвигъ!

Гедвигъ (со слезами радости). Милый папочка!

Яльмаръ. Нѣтъ, не называй меня такъ. Сидѣлъ, угонялся тамъ всякими яствами за столомъ богача... плавалъ въ изобиліи... и могъ...

Гина (сидя у стола). Ахъ, пустяки какіе, Эйдаль.

Яльмаръ. Да! Вы ужъ не ставьте мнѣ всякое лыко въ строку. Вы вѣдь знаете, я все-таки люблю васъ.

Гедвигъ (обвивая его руками). И мы тебя ужасно любимъ, папа!

Яльмаръ. А если я иной разъ что и не такъ сдѣлаю... то, Господи, Боже мой... помните, что меня одолѣваютъ заботы.

Ну! (Отираетъ глаза) Не надо пива въ такую минуту. Давай флейту.

(Гедвигъ бѣжитъ къ полкамъ и приноситъ отцу флейту).

Яльмаръ. Спасибо! Вотъ такъ. Съ флейтой въ рукахъ, въ кругу моихъ дорогихъ... о-о!

(Гедвигъ присаживается къ матери. Яльмаръ, прохаживаясь по комнатѣ, старательно и чувствительно начинаетъ выводить на флейтѣ народный чешскій плясовой мотивъ, въ самомъ медленномъ элегическомъ темпѣ).

Яльмаръ (прерывая игру, протягиваетъ женѣ лѣвую руку и говоритъ растроганно). Пусть кровъ нашъ убогъ и тѣсенъ, Гина. Все же это нашъ собственный уголъ. И я говорю: хорошо у насъ здѣсь! (Снова начинаетъ играть, но тотчасъ же раздается стукъ во входную дверь).

Гина (вставая). Тсс... Экдаль, — кажется, пришелъ кто-то.

Яльмаръ (кладетъ флейту на полку). Ну вотъ, опять!

(Гина идетъ и отворяетъ дверь).

Грегерсъ Верле (за дверью). Извините...

Гина (отступая). Ахъ!

Грегерсъ. Здѣсь живетъ фотографъ Экдаль?

Гина. Тутъ.

Яльмаръ (идя къ дверямъ). Грегерсъ! Ты все-таки?.. Ну, такъ входи же.

Грегерсъ (входитъ). Я вѣдь сказалъ, что хочу побывать у тебя.

Яльмаръ. Да, но сегодня?.. Ты бросилъ гостей?

Грегерсъ. И гостей и родной домъ. Здравствуйте, фру Экдаль. Узнаёте ли вы меня?

Гина. Какъ же. Не такъ трудно узнать молодого господина Верле.

Грегерсъ. Да; я похожъ на мать, а ее вы, конечно, хорошо помните.

Яльмаръ. Ты бросилъ родной домъ — говоришь?

Грегерсъ. Перебрался пока въ гостиницу.

Яльмаръ. Вотъ какъ! Ну, разъ ты пришелъ, то раздѣвайся и будь гостемъ.

Грегерсъ. Благодарю. (Снимаетъ пальто. Онъ уже успѣлъ переодѣться въ простой сѣрый костюмъ деревенскаго покроя).

Яльмаръ. Сюда, на диванъ. Усаживайся.

(Грегерсъ садится на диванъ; Яльмаръ на стулъ у стола).

Грегерсъ (озираясь). Такъ вотъ твоя пристань, Яльмаръ. Вотъ ты гдѣ живешь.

Яльмаръ. Это собственно ателье, какъ видишь...

Гина. Здѣсь попросторнѣе; мы тутъ все больше и сидимъ.

Яльмаръ. Прежде у насъ было помѣщеніе получше. Но эта квартира удобнѣе тѣмъ, что есть лишніе углы...

Гина. У насъ есть еще комнатка за колидоромъ, съ отдѣльнымъ ходомъ. Ее мы сдаемъ.

Грегерсъ (Яльмару). Вотъ какъ, и у тебя жильцы?

Яльмаръ. Пока еще нѣтъ. Дѣло не такъ-то скоро дѣлается, видишь. Приходится хлопотать. (Гедвигъ) Что же ты съ пивомъ-то? (Гедвигъ киваетъ головой и уходитъ въ кухню).

Грегерсъ. Такъ это твоя дочь?

Яльмаръ. Да, это Гедвигъ.

Грегерсъ. Одна единственная?

Яльмаръ. Единственная. Въ ней вся наша радость и (понижая голосъ) въ ней же и глубочайшее наше горе, Грегерсъ!

Грегерсъ. Что такое ты говоришь?

Яльмаръ. Да видишь ли, ей грозитъ бѣда — ослѣпнуть!

Грегерсъ. Ослѣпнуть!

Яльмаръ. Да. Пока налицо лишь первые симптомы. И еще нѣкоторое время можетъ пройти благополучно. Но докторъ предупредилъ насъ. Это неотвратимо.

Грегерсъ. Какое ужасное несчастіе! Съ чего это у нея?

Яльмаръ (со вздохомъ). Наслѣдственное, вѣроятно.

Грегерсъ (пораженный). Наслѣдственное?

Гина. У матери Экдаля тоже были слабые глаза.

Яльмаръ. Да, отецъ говоритъ. Я ея не помню.

Грегерсъ. Бѣдная дѣвочка! А какъ она относится къ этому?

Яльмаръ. Да ты понимаешь, у насъ духу не хватаетъ открыть ей это. Она и не подозрѣваетъ опасности. Веселая, беззаботная, щебеча какъ птичка, летитъ она навстрѣчу вѣчному мраку. (Совсѣмъ подавленный) Ахъ, это прямо убиваетъ меня, Грегерсъ.

(Гедвигъ приноситъ подносъ съ бутылкой и стаканами, который ставитъ на столъ).

Яльмаръ (гладитъ ее по головѣ). Спасибо, спасибо, Гедвигъ.

Гедвигъ (обвиваетъ рукой его шею и шепчетъ ему что-то на ухо).

Яльмаръ. Нѣтъ. Бутербродовъ не надо. (Оглядываясь) Впрочемъ, можетъ-быть, Грегерсъ скушаетъ что-нибудь?

Грегерсъ (дѣлая отрицательный жестъ рукой). Нѣтъ, нѣтъ, благодарю.

Яльмаръ (въ томъ же грустномъ тонѣ). Ну, да подай все-таки... Хорошо, кабы нашлась горбушка. Только намажь хорошенько масломъ — не забудь.

(Гедвигъ весело киваетъ и уходитъ опять въ кухню).

Грегерсъ (слѣдившій за ней глазами). А съ виду она довольно крѣпкая, здоровая, мнѣ кажется.

Гина. Да, ни на что больше, слава Богу, пожаловаться нельзя.

Грегерсъ. Она, вѣрно, будетъ со временемъ похожа на васъ, фру Экдаль. Сколько ей лѣтъ?

Гина. Скоро аккуратъ четырнадцать. Послѣзавтра ея рожденье.

Грегерсъ. Высокая для своихъ лѣтъ.

Гина. Да, она страсть вытянулась за послѣдній годъ.

Грегерсъ. По такимъ вотъ подросткамъ лучше всего и можно прослѣдить, какъ самъ старишься... Сколько же лѣтъ вы женаты?

Гина. Да вотъ... да, скоро пятнадцать.

Грегерсъ. Скажите! Уже столько?

Гина (настораживаясь, смотритъ на него). Да, разумѣется, такъ.

Ялмаръ. Такъ, такъ. Пятнадцать лѣтъ безъ малаго. (Переходя въ другой тонъ) Медленно, должно-быть, тянулись для тебя эти годы тамъ, на заводѣ, Грегерсъ?

Грегерсъ. Тянулись медленно, пока тянулись. Теперь же просто и не знаю, куда они дѣвались.

(Старикъ Экдаль выходитъ изъ своей комнаты, безъ трубки, но въ старой военной фуражкѣ. Поступь нетвердая).

Экдаль. Ну вотъ, Ялмаръ, теперь сядемъ и потолкуемъ... Гм!.. О чемъ бишь это?..

Ялмаръ (идя ему навстрѣчу). Отецъ, у насъ гость. Грегерсъ Верле... Не знаю, помнишь ли ты его.

Экдаль (смотритъ на Грегерса, который встаетъ). Верле? Это сынъ, что ли? Чего-жъ ему отъ меня надо?

Ялмаръ. Ничего. Онъ ко мнѣ пришелъ.

Экдаль. Ну; значитъ, ничего такого нѣтъ?

Ялмаръ. Нѣтъ, разумѣется, ничего.

Экдаль (размахивая руками). Не потому, видишь ли... Я не боюсь, а...

Грегерсъ (подходитъ къ нему). Я привезъ вамъ поклонъ отъ старыхъ охотничьихъ угодій, лейтенантъ Экдаль.

Экдаль. Отъ охотничьихъ угодій?

Грегерсъ. Да, что раскинулись около завода въ Горной долинѣ.

Экдаль. Ахъ, вотъ что. Да, я когда-то хорошо знавалъ эти мѣста.

Грегерсъ. Въ тѣ времена вы были лихимъ охотникомъ.

Экдаль. Былъ, былъ. Какъ же. Вы смотрите на фуражку? Я никого не спрашиваюсь — ношу дома. На улицу въ ней не выхожу — и довольно.

Гедвигъ приноситъ тарелку съ бутербродами и ставитъ на столъ).

Ялмаръ. Присаживайся, отецъ, и выпей стаканчикъ пивца. Пожалуйста, Грегерсъ.

(Экдаль что-то бормочетъ и нетвердой походкой направляется къ дивану. Грегерсъ садится на стулъ ближе къ нему. Ялмаръ рядомъ съ Грегерсомъ по другую сторону. Гина сидитъ немного поодаль за шитьемъ. Гедвигъ стоитъ возлѣ Ялмара).

Грегерсъ. Помните вы, лейтенантъ Экдаль, какъ мы съ

Ялмаромъ пріѣзжали къ вамъ туда на каникулы — лѣтомъ и на Рождествѣ?

Экдаль. И вы? Нѣтъ, нѣтъ, не помню. Но, смѣю сказать, я былъ лихой охотникъ. И медвѣдей билъ. Цѣлыхъ девять штукъ уложилъ.

Грегерсъ (съ участіемъ глядя на него). А теперь больше ужъ не охотитесь?

Экдаль. Не говорите, батюшка. Иногда еще охочусь. Конечно, по-другому. Потому что лѣсъ, видите ли... лѣсъ — лѣсъ!.. (Пьетъ). Онъ тамъ все такой-же густой, красивый?

Грегерсъ. Не такой ужъ, какъ въ ваше время. Страсть сколько повырублено.

Экдаль. Повырублено? (Понизивъ голосъ, какъ бы со страхомъ) Опасная это штука. Даромъ не проходитъ. Лѣсъ мститъ.

Ялмаръ (подливаетъ ему въ стаканъ). Пей на здоровье, отецъ. Еще немножко.

Грегерсъ. Какъ такой человѣкъ, какъ вы... привыкшій къ простору, вольному воздуху... можетъ уживаться въ душномъ городѣ, вѣчно въ четырехъ стѣнахъ?

Экдаль (посмѣивается и поглядываетъ на Ялмара). Ну, здѣсь не такъ ужъ худо. Совсѣмъ не такъ худо.

Грегерсъ. Да гдѣ же здѣсь все то, съ чѣмъ вы сроднились? Гдѣ свѣжее дыханье вѣтра, вольная жизнь на лонѣ природы, среди звѣрей и птицъ...

Экдаль (улыбаясь). Ялмаръ, показать ему, что ли?

Ялмаръ (быстро и смущенно). Нѣтъ, нѣтъ, отецъ. Не сегодня.

Грегерсъ. Что такое хочетъ онъ мнѣ показать?

Ялмаръ. Такъ, пустяки. Въ другой разъ посмотришь.

Грегерсъ (продолжая свой разговоръ со старикомъ). Да, такъ вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ, лейтенантъ Экдаль: поѣдемте со мной на заводъ. Я, должно-быть, скоро опять уѣду. Переписка для васъ и тамъ, вѣрно, нашлась бы. А тутъ вѣдь у васъ ничего такого нѣтъ, что могло бы скрашивать, оживлять вашу жизнь...

Экдаль (съ удивленіемъ глядитъ на него). Ничего, что могло бы!..

Грегерсъ. Ну, конечно, у васъ есть Ялмаръ, но у него уже своя семья. А такой человѣкъ, какъ вы, котораго всегда такъ тянуло на просторъ, поближе къ природѣ...

Экдаль (ударяя рукой о столъ). Ялмаръ, надо ему показать!

Ялмаръ. Да стоитъ ли, отецъ? Темно уже...

Экдаль. Вздоръ. Луна свѣтитъ. (Встаетъ) Надо ему показать, говорю я. Пропустите-ка меня. Да иди пособить, Ялмаръ!

Гедвигъ. Да, да, папа!

Ялмаръ (встаетъ). Ну, ладно.

Грегерсъ (Гинѣ). Что у нихъ тамъ такое?

Гина. Вы не думайте, — не Богъ вѣсть что.

(Экдаль съ Яльмаромъ идутъ въ глубину комнаты и раздвигаютъ двери — каждый свою половину; Гедвигъ помогаетъ старику. Грегерсъ стоитъ около дивана. Гина спокойно продолжаетъ шить. Въ широкое дверное отверстіе виденъ просторный, длинный, неправильной формы чердакъ, съ закоулками и печными трубами. Въ крышѣ нѣсколько слуховыхъ окошекъ, сквозь которыя проникаетъ яркій лунный свѣтъ, освѣщающій нѣкоторые углы чердака; остальное тонетъ во мракѣ).

Экдаль (Грегерсу). Да вы ничего, — поближе.

Грегерсъ (идетъ къ нимъ). Да у васъ тутъ что же такое собственно?

Экдаль. А вы глядите — можетъ, и разглядите. Гм...

Яльмаръ (нѣсколько смущенно). Тутъ его владѣнія — понимаешь?

Грегерсъ (у дверей заглядываетъ на чердакъ). Вы держите куръ, лейтенантъ Экдаль!

Экдаль. Полагаю — держимъ куръ. Теперь всѣ сидятъ на нашестяхъ. А поглядѣли бы вы ихъ днемъ, этихъ куръ-то!

Гедвигъ. А потомъ еще...

Экдаль. Тсс!.. Ни слова пока.

Грегерсъ. И голуби есть, какъ вижу.

Экдаль. О, да. И голуби у насъ найдутся! Для нихъ подъ самой крышей и ящики приложены — для кладки яицъ. Голуби, знаете, любятъ гнѣздиться повыше.

Яльмаръ. Это все не простые голуби.

Экдаль. Простые! И думаю! У насъ турманы! И зобастые есть тоже. А вотъ подите-ка сюда! Видите ящикъ тамъ у стѣны?

Грегерсъ. Да. Что же онъ изображаетъ?

Экдаль. Тамъ спятъ ночью кролики, батюшка.

Грегерсъ. Такъ у васъ и кролики есть?

Экдаль. Да, какъ видите, чортъ возьми, и кролики! Слышишь, Яльмаръ? Онъ спрашиваетъ, есть ли у насъ кролики? Гм... А вотъ теперь самое главное. Сейчасъ. Отодвинься, Гедвигъ. А вы станьте тутъ. Вотъ такъ. И глядите сюда... Видите вонъ тамъ корзинку съ соломой?

Грегерсъ. Да. И въ ней вижу какую-то птицу.

Экдаль. Гм,—«птицу»!..

Грегерсъ. Утка, что ли?

Экдаль (шокированный). Ну, понятно, утка.

Яльмаръ. Да какая утка-то,—какъ ты думаешь?

Гедвигъ. Это не простая утка...

Экдаль. Тсс!..

Грегерсъ. Ну и не турецкая же.

Экдаль. Нѣтъ, господинъ.. Верле. Это не турецкая утка. Это—дикая утка.

Грегерсъ. Да неужели? Дикая?

Экдаль. Именно! Эта «птица», какъ вы изволили ее назвать—дикая утка. Наша дикая утка, батюшка.

Гедвигъ. Моя дикая утка. Она вѣдь моя.

Грегерсъ. И она можетъ жить тутъ, на чердакѣ? Прижилась?

Экдаль. Да вы же понимаете, у нея цѣлое корыто съ водой, гдѣ она можетъ плескаться вволю.

Яльмаръ. Воду черезъ день мѣняемъ.

Гина (обращаясь къ Яльмару). Но, милый Яльмаръ, вы такого холоду сюда напустили!

Экдаль. Гм... такъ закроемъ. Да и не надо ихъ тревожить на ночлегѣ. Берись, Гедвигъ.

(Яльмаръ и Гедвигъ сдвигаютъ вмѣстѣ обѣ половинки двери).

Экдаль. Въ другой разъ разсмотрите ее хорошенько. (Садится въ кресло у печки) Онѣ такія удивительныя, эти дикія утки.

Грегерсъ. Да какъ же вы ее поймали, лейтенантъ Экдаль?

Экдаль. Я не ловилъ. Мы обязаны ею нѣкоему господину.

Грегерсъ (нѣсколько пораженный). Ужъ не отцу ли моему?

Экдаль. Именно. Какъ разъ вашему отцу. Гм...

Яльмаръ. Вотъ забавно — какъ это ты отгадалъ, Грегерсъ?

Грегерсъ. Ты недавно разсказывалъ—сколькимъ ты обязанъ отцу... ну вотъ, я и подумалъ...

Гина. Да, но мы не отъ самого же коммерсанта получили ее.

Экдаль. Все равно, Гина. Мы ею обязаны Гокену Верле. (Грегерсу) Онъ, видите ли, катался въ лодкѣ и подстрѣлилъ ее. Видитъ-то онъ плохо. Гм... Ну, вотъ только и подстрѣлилъ.

Грегерсъ. А-а! Всадилъ ей, значитъ, нѣсколько дробинокъ въ тѣло.

Яльмаръ. Да, двѣ-три дробинки.

Гедвигъ. Подъ самое крыло. И она не могла улетѣть.

Грегерсъ. И, вѣрно, нырнула?

Экдаль (соннымъ заплетающимся языкомъ). Извѣстно... дикія утки всегда такъ. Нырнутъ на дно... въ самую глубь, батюшка... вцѣпятся въ траву, водоросли... и во всякую тамъ чертовщину... и ужъ наверхъ больше не всплываютъ.

Грегерсъ. Но ваша-то утка всплыла, лейтенантъ Экдаль?

Экдаль. У вашего отца такая лютая собака... Нырнула и вытащила-таки утку.

Грегерсъ (Яльмару). И она попала къ вамъ?

Яльмаръ. Не сразу. Сначала-то она попала къ твоему отцу. Не тамъ она не прижилась, стала хирѣть, и Петтерсену велѣли ее прикончить...

Экдаль (полу-во-снѣ). Гм... да, да... Петтерсенъ—болванъ.

Яльмаръ (понижая голосъ). Вотъ такимъ-то образомъ она и

досталась намъ. Отецъ немножко знакомъ съ Петтерсеномъ; узналъ отъ него насчетъ этой дикой утки и устроилъ такъ, что ее уступили намъ.

Грегерсъ. И тутъ у васъ на чердакѣ ей живется отлично.

Яльмаръ. Удивительно! Даже разжирѣла. Да, положимъ, она здѣсь уже столько времени, что успѣла забыть настоящую-то волю. А въ этомъ все и дѣло.

Грегерсъ. Пожалуй, ты правъ, Яльмаръ. Пусть только не видитъ никогда неба и моря... Но я не смѣю дольше засиживаться,—отецъ твой, кажется, заснулъ?

Яльмаръ. Ну, изъ-за этого-то...

Грегерсъ. Кстати: ты говорилъ, у васъ комната сдается?

Яльмаръ. Да; а что? Ты кого-нибудь знаешь?..

Грегерсъ. Могу я снять эту комнату?

Яльмаръ. Ты?

Гина. Нѣтъ, что вы, господинъ Верле!..

Грегерсъ. Отдадите вы ее мнѣ? Тогда я завтра же утромъ переѣду.

Яльмаръ. Да съ величайшимъ удовольствіемъ.

Гина. Нѣтъ, господинъ Верле, она для васъ окончательно не годится: неподходяща.

Яльмаръ. Да что ты, Гина? Какъ можно говорить такъ?

Гина. Да какъ же? И тѣсна, и свѣту мало, и...

Грегерсъ. Это все не бѣда, фру Экдаль.

Яльмаръ. По-моему, комната какъ комната. И обставлена недурно.

Гина. Да ты вспомни, кто живетъ внизу. Эти двое...

Грегерсъ. Кто эти двое?

Гина. Да одинъ прежде былъ домашнимъ учителемъ...

Яльмаръ. Кандидатъ Мольвикъ.

Гина. А еще одинъ докторъ, Реллингъ по фамиліи.

Грегерсъ. Реллингъ? Его я немножко знаю. Онъ практиковалъ одно время въ Горной долинѣ.

Гина. Это такіе несуразные господа! Часто кутятъ по вечерамъ, домой приходятъ поздней ночью и не всегда въ своемъ...

Грегерсъ. Къ этому скоро можно привыкнуть. Надѣюсь, что и я, какъ дикая утка...

Гина. Гм... я думаю, вамъ лучше отложить до завтра... Утро вечера мудренѣе.

Грегерсъ. Вамъ что-то очень не хочется пускать меня къ себѣ въ домъ, фру Экдаль.

Гина. Богъ съ вами! Что вы!

Яльмаръ. Да, это въ самомъ дѣлѣ странно съ твоей сто-

ронѣ, Гина. (Грегерсу) А скажи мнѣ, ты, значитъ разсчитываешь остаться на время въ городѣ?

Грегерсъ (надѣвая пальто). Да, теперь разсчитываю.

Яльмаръ. Но не дома, у отца? Что же ты намѣренъ предпринять?

Грегерсъ. Да, знай я только это... тогда бы еще было съ-полгоря. Но когда имѣешь несчастье зваться Грегерсомъ... «Грегерсъ»... да еще «Верле»... Слыхалъ ты что-нибудь хуже?

Яльмаръ. Я совсѣмъ не нахожу...

Грегерсъ. Брр! Я бы плюнулъ на другого молодчика съ такимъ именемъ. Но разъ самому выпалъ на долю крестъ быть Грегерсомъ Верле, какъ вотъ мнѣ...

Яльмаръ (смѣясь). Ха-ха-ха! А чѣмъ же хотѣлъ бы ты быть, если не Грегерсомъ Верле?

Грегерсъ. Если бы я могъ выбирать, я бы лучше всего хотѣлъ быть ловкой собакой.

Гина. Собакой!

Гедвигъ (невольно). Да нѣтъ же?!

Грегерсъ. Да; настоящей, умной, ловкой собакой, изъ такихъ, которыя ныряютъ на дно за дикими утками, когда тѣ идутъ ко дну, вцѣпляются тамъ въ водоросли и зарываются въ тинѣ.

Яльмаръ. Нѣтъ, хоть бы что я тутъ понималъ, Грегерсъ.

Грегерсъ. Да. пожалуй, тутъ и понимать-то особенно нечего. Ну, такъ завтра утромъ я переѣду къ вамъ. (Гинѣ) Я не доставлю вамъ особыхъ хлопотъ; я самъ привыкъ все дѣлать. (Яльмару) Объ остальномъ поговоримъ завтра. Спокойной ночи, фру Экдаль. (Кивая Гедвигъ) Спокойной ночи.

Гина. Спокойной ночи, господинъ Верле.

Гедвигъ. Спокойной ночи.

Яльмаръ (зажигая свѣчку). Постой, надо посвѣтить тебѣ; на лѣстницѣ, вѣрно, темно. (Провожаетъ Грегерса).

Гина (задумчиво, сложивъ шитье на колѣняхъ). Что онъ тутъ нагородилъ, — хотѣлъ бы быть собакой?

Гедвигъ. Знаешь, что я скажу тебѣ, мама, — мнѣ кажется, у него было на умѣ совсѣмъ другое.

Гина. Да что же?

Гедвигъ. Я не знаю. Но онъ все время какъ будто говоритъ одно, а думаетъ совсѣмъ другое.

Гина. Ты думаешь? Чудно!

Яльмаръ (возвращается). Лампа еще горѣла тамъ. (Тушитъ свѣчу и ставитъ ее на столъ). Ну, наконецъ-то можно пропустить кусочекъ въ горло. (Принимается за бутерброды) Вотъ видишь, Гина,—стоитъ только постараться, и...

Гина. Какъ такъ—постараться?

Яльмаръ. Да вѣдь это все-таки кстати, что мы наконецъ сдали ту комнату. Да еще кому,—Грегерсу, старому пріятелю.

Гина. Ужъ и не знаю, что тебѣ сказать.

Гедвигъ. Ахъ, мама, увидишь, какъ весело будетъ!

Яльмаръ. Тебя не разберешь. То у тебя только и думы, какъ бы сдать комнату, а теперь тебѣ это не по вкусу.

Гина. Да, если бы кому другому, Экдаль... А то — что, ты думаешь, скажетъ на это коммерсантъ?

Яльмаръ. Старикъ Верле? Ему-то какое дѣло?

Гина. Да вѣдь понятно, у нихъ что-нибудь опять вышло, если молодой ушелъ изъ дому. Ты же знаешь, какъ они другъ къ дружкѣ-то...

Яльмаръ. Все это, конечно, очень можетъ быть, но...

Гина. А теперь, пожалуй, коммерсантъ подумаетъ, что это все твои штуки...

Яльмаръ. Ну и пусть его! Верле много сдѣлалъ для меня. Помилуйте! Я это признаю. Но не могу же я изъ-за этого быть въ вѣчной зависимости отъ него.

Гина. Но, милый Экдаль, какъ бы это не отозвалось на дѣдушкѣ. Вотъ возьмутъ да и отнимутъ у него этотъ маленькій заработокъ въ конторѣ.

Яльмаръ. А!.. Я чуть-было не сказалъ—и пусть! Развѣ не унизительно для такого человѣка, какъ я, что его сѣдовласый старикъ-отецъ ходитъ какимъ-то побирушкой? Но теперь, я думаю, ужъ близокъ часъ!.. (Беретъ еще бутербродъ). Разъ на меня возложена такая задача въ жизни, я ее и выполню.

Гедвигъ. Да, да, папа! Непремѣнно!

Гина. Тсс! Не разбуди его!

Яльмаръ (тише). Я ее и выполню, говорю я. Настанетъ день, когда... И потому хорошо, что мы сдали комнату. Я буду нѣсколько менѣе стѣсненъ матеріально. А это очень важно для человѣка, у котораго есть особая задача въ жизни. (Останавливаясь у кресла, растроганно) Бѣдный, старый, убѣленный сѣдинами отецъ! Положись на своего Яльмара! У него широкія плечи... довольно сильныя, во всякомъ случаѣ. Въ одинъ прекрасный день ты проснешься и... (Гинѣ) Ты, пожалуй, не вѣришь?

Гина (вставая). Конечно, вѣрю. Но давай сперва уложимъ его въ постель.

Яльмаръ. Хорошо, давай. (Осторожно берутся за старика).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Павильонъ Ялмара Экдаля. Утро. Свѣтъ падаетъ изъ большого окна въ потолкѣ; занавѣски отдернуты.

Ялмаръ сидитъ у стола и ретушируетъ карточку; передъ нимъ лежитъ еще нѣсколько карточекъ. Немного погодя изъ входной двери появляется Гина въ шляпѣ и накидкѣ, съ корзинкой въ рукѣ.

Ялмаръ. Ты уже вернулась, Гина?

Гина. Какъ же; прохлажаться-то некогда. (Ставитъ корзинку на столъ и снимаетъ съ себя накидку и шляпу).

Ялмаръ. Заглянула къ Грегерсу?

Гина. Да, да. Ужъ и комната! Любо взглянуть. Не успѣлъ въѣхать—такую чистоту навелъ!

Ялмаръ. Что такое?

Гина. Да какъ же! Онъ вѣдь все самъ да самъ. Не надо ему ничьихъ услугъ. Ну, и печку самъ затопилъ. А трубу-то не открылъ. Полную комнату дыму и напустилъ. Такая вонь, что...

Ялмаръ. Да что ты!

Гина. А потомъ еще лучше. Надо было загасить огонь — онъ и выплесни туда всю воду изъ умывальника!.. Такую грязищу на полу развелъ—безобразіе!

Ялмаръ. Досадно.

Гина. Я позвала дворничиху прибрать тамъ у него, у пачкуна. Но теперь раньше, какъ послѣ обѣда, туда и войти нельзя.

Ялмаръ. Куда же онъ пока дѣвался?

Гина. Прошелъ пройтись,—сказалъ.

Ялмаръ. Я тоже заходилъ къ нему на минуту... когда ты ушла за провизіей.

Гина. Слышала. Позвалъ его къ завтраку.

Ялмаръ. Ну, понимаешь, такъ немножко перекусить до обѣда. Для перваго дня... неловко не пригласить. У тебя вѣдь всегда найдется что-нибудь.

Гина. Придется найти.

Ялмаръ. Только, пожалуйста, чтобы не въ обрѣзъ было, Гина. Реллингъ съ Мольвикомъ тоже, пожалуй, зайдутъ. Я, видишь ли, встрѣтилъ Реллинга на лѣстницѣ, ну и пришлось...

Гина. Еще и эти двое!

Ялмаръ. Господи Боже... кускомъ-двумя больше или меньше! Не все ли равно?

Старикъ Экдаль (открываетъ свою дверь и выглядываетъ). Послушай, Ялмаръ... (Увидавъ Гину) А-а!

Гина. Вамъ что-нибудь нужно, дѣдушка?

Экдаль. Нѣтъ, нѣтъ, все равно. Гм! (Скрывается).

Гина (беретъ корзинку). Пожалуйста, смотри за нимъ хорошенько, чтобы не ушелъ.

Яльмаръ. Да, да, постараюсь. Слушай, Гина, хорошо бы винегрету съ селедкой... Реллингъ и Мольвикъ, должно-быть, здорово кутнули ночью.

Гина. Только бы не нагрянули раньше времени...

Яльмаръ. Нѣтъ, ничего, успѣешь.

Гина. Ну, ладно. А ты еще успѣешь поработать немножко.

Яльмаръ. Я же работаю! Изо всѣхъ силъ работаю!

Гина. Вотъ-вотъ, и сбудешь съ рукъ. (Уходитъ съ корзинкой въ кухню).

Яльмаръ (сидитъ нѣкоторое время, водя кисточкой по фотографіи: работаетъ, видимо, вяло, съ неохотой).

Экдаль (выглядываетъ, озираетъ комнату и тихо говоритъ). Ты очень занятъ?

Яльмаръ. Да, сижу вотъ тутъ, вожусь съ этими карточками.

Экдаль. Ну, ну, разумѣется!.. Если ужъ такъ занятъ... Гм! (Скрывается, оставляя дверь отворенной).

Яльмаръ (молча продолжаетъ нѣкоторое время работать, потомъ кладетъ кисточку и идетъ къ дверямъ комнаты старика). А ты очень занятъ, отецъ?

Экдаль (бормочетъ у себя въ комнатѣ). Если *ты* такъ занятъ, то и *я* тоже. Гм!

Яльмаръ. Ну ладно. (Возвращается къ своей работѣ).

Экдаль (немного погодя опять показывается въ дверяхъ). Гм! Видишь ли... я не то чтобы ужъ очень занятъ, Яльмаръ.

Яльмаръ. Мнѣ показалось, ты писалъ.

Экдаль. А, чортъ! Не можетъ, что ли, Гробергъ подождать денекъ или два лишнихъ? Не горитъ, небось!

Яльмаръ. Разумѣется. И ты вѣдь не батракъ какой-нибудь.

Экдаль. А *тамъ* какъ разъ надо уладить...

Яльмаръ. Вотъ-вотъ. Такъ тебѣ туда? Открыть тебѣ двери?

Экдаль. Не мѣшало бы.

Яльмаръ (вставая). Да, ужъ заодно отдѣлаться.

Экдаль. Вотъ-вотъ. Къ завтрашнему утру все должно быть готово. Завтра вѣдь?.. Гм?

Яльмаръ. Завтра, завтра.

(Вдвоемъ раздвигаютъ двери, ведущія на чердакъ. Въ слуховыя окна свѣтитъ утреннее солнце. По чердаку пролетаютъ голуби: другіе, воркуя, сидятъ или расхаживаютъ по сторонамъ. Изъ глубины чердака доносится время отъ времени кудахтанье).

Яльмаръ. Ну, принимайся, отецъ.

Экдаль (входитъ на чердакъ). Мы развѣ не вмѣстѣ?

Яльмаръ. Да, знаешь... пожалуй... (Видитъ въ дверяхъ кухни

Гину) Я? Нѣтъ, мнѣ некогда. Работать надо... Да, вотъ только занавѣсь спустить...

(Тянетъ шнурокъ, и двери чердака отъ самаго потолка до полу затягиваются занавѣсью, нижняя часть которой состоитъ изъ полосы старой парусины, верхняя же изъ куска растянутой рыболовной сѣти. Чердачнаго пола такимъ образомъ не видно).

Ялмаръ (отходитъ къ столу). Ну вотъ, теперь, надѣюсь, дадутъ посидѣть спокойно съ часокъ.

Гина. Опять ему понадобилось туда, повозиться?

Ялмаръ. А лучше, если бы онъ побѣжалъ къ мадамъ Эриксенъ? (Садится) Тебѣ что-нибудь надо? Ты вѣдь сказала...

Гина. Я хотѣла только спросить, какъ по-твоему — здѣсь накрыть?

Ялмаръ. Да, вѣрно, никто такъ рано не заберется?

Гина. Нѣтъ. Я никого и не жду сегодня, кромѣ той парочки, которая хочетъ сняться вмѣстѣ.

Ялмаръ. Чортъ! Не могутъ сняться въ другой разъ!

Гина. Ничего, милый мой, я велѣла имъ придти послѣ обѣда, когда ты спишь.

Ялмаръ. Ну, тогда хорошо. Такъ мы тутъ расположимся.

Гина. Да, да. Накрывать-то еще рано. Столъ мнѣ пока не нуженъ. Такъ ты сиди себѣ, пользуйся.

Ялмаръ. Видишь, кажется, пользуюсь, сколько могу!

Гина. Зато потомъ и гуляй себѣ. (Уходитъ опять въ кухню).

(Небольшая пауза).

Экдаль (въ дверяхъ чердака, за сѣткой). Ялмаръ!

Ялмаръ. Ну?

Экдаль. Боюсь, все-таки придется переставить корыто.

Ялмаръ. Я же все время говорилъ тебѣ.

Экдаль. Гм... гм... гм... (Отходитъ отъ дверей).

Ялмаръ (работаетъ немножко, потомъ косится на чердакъ и привстаетъ).

Гедвигъ (выходитъ изъ кухни).

Ялмаръ (быстро опускается на стулъ). Тебѣ что?

Гедвигъ. Я такъ, заглянуть къ тебѣ, папа.

Ялмаръ (немного погодя). Что ты тутъ бродишь, ищешь? Караулить, что ли, послали?

Гедвигъ. Совсѣмъ нѣтъ.

Ялмаръ. Чѣмъ тамъ мать занята?

Гедвигъ. Мама вся ушла въ винегретъ. (Подходитъ къ столу) Не могу ли я немножко помочь тебѣ, папа?

Ялмаръ. Нѣтъ. Лучше я одинъ: лучше ужъ одному всюду и вездѣ... пока силъ хватитъ!.. Не бойся, Гедвигъ: пока отецъ твой не надорвется...

Гедвигъ. Папа, не говори такъ!.. Нехорошо! (Ходитъ по комнатѣ, останавливается у дверей чердака и заглядываетъ туда).

Яльмаръ. Что онъ тамъ дѣлаетъ?

Гедвигъ. Должно-быть, хочетъ проложить новую дорожку къ корыту.

Яльмаръ. Никогда ему не справиться одному! А я сиди тутъ, какъ прикованный!

Гедвигъ (подходитъ къ нему). Дай мнѣ кисточку, папа... Я умѣю.

Яльмаръ. Глупости. Только глаза портѣть.

Гедвигъ. Вовсе нѣтъ. Давай, давай кисточку.

Яльмаръ (встаетъ). Положимъ, мнѣ и надо-то всего на минутку, на двѣ, не больше.

Гедвигъ. Ну такъ что же мнѣ можетъ сдѣлаться? (Беретъ кисточку) Вотъ такъ. (Усаживается) А вотъ и образецъ.

Яльмаръ. Только не испорть глаза! Слышишь? Я не хочу отвѣчать за тебя... Сама тогда на себя пеняй — слышишь!

Гедвигъ (работая). Да, да, хорошо.

Яльмаръ. А ты страсть какая способная, Гедвигъ. Только на двѣ минутки, понимаешь. (Проскальзываетъ за занавѣсъ на чердакъ. Гедвигъ работаетъ. Слышно, какъ Яльмаръ и Экдаль о чемъ-то спорятъ на чердакѣ).

Яльмаръ (выходитъ изъ-за сѣтки). Гедвигъ, подай мнѣ клещи съ полки. И молотокъ. (Оборачиваясь назадъ) Вотъ ты увидишь, отецъ. Дай мнѣ только показать тебѣ, какъ я придумалъ!

Гедвигъ (доставъ съ полки нужные инструменты, передаетъ ихъ ему).

Яльмаръ. Спасибо. Какъ разъ, знаешь, въ-время подоспѣлъ къ нему. (Отходитъ отъ дверей: на чердакѣ слышится постукиваніе молотка и разговоръ).

Гедвигъ (стоитъ и смотритъ сквозь сѣтку. Немного спустя раздается стукъ во входную дверь. Гедвигъ не слышитъ).

Грегерсъ Верле (безъ шляпы, безъ пальто, входитъ и останавливается у дверей). Гм!

Гедвигъ (оборачивается и идетъ къ нему навстрѣчу). Здравствуйте. Пожалуйста, войдите.

Грегерсъ. Благодарю. (Глядитъ по направленію чердака) У васъ тутъ мастеровые, кажется.

Гедвигъ. Нѣтъ, это папа съ дѣдушкой. Я позову ихъ.

Грегерсъ. Не надо, не надо. Я лучше подожду немножко. (Садится на диванъ).

Гедвигъ. Тутъ такой безпорядокъ... (Хочетъ прибрать карточки).

Грегерсъ. Оставьте, не безпокойтесь. Это карточки, которыя надо отретушировать?

Гедвигъ. Да, я тутъ немножко помогаю папѣ.

Грегерсъ. Такъ вы не стѣсняйтесь меня. Пожалуйста!

Гедвигъ. Нѣтъ, нѣтъ. (Садится, придвигаетъ къ себѣ всѣ нужные

предметы и принимается за работу. Грегерсъ молча смотритъ на нее нѣкоторое время).

Грегерсъ. Дикая утка хорошо почивала сегодня?

Гедвигъ. Благодарю васъ. Должно-быть.

Грегерсъ (повернувшись въ сторону чердака). При дневномъ свѣтѣ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ вчера при лунномъ.

Гедвигъ. Да, удивительно какъ мѣняется. Утромъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ вечеромъ. И когда дождикъ идетъ, тоже совсѣмъ другой, чѣмъ въ хорошую погоду.

Грегерсъ. Вы это подмѣтили?

Гедвигъ. Да вѣдь сразу видно.

Грегерсъ. А вы тоже любите бывать тамъ у дикой утки?

Гедвигъ. Да, когда удается...

Грегерсъ. Но у васъ, пожалуй, мало свободнаго времени. Вы, конечно, ходите въ школу?

Гедвигъ. Нѣтъ, больше не хожу. Папа боится, что я глаза испорчу.

Грегерсъ. Такъ онъ самъ съ вами занимается?

Гедвигъ. Папа обѣщалъ, да вотъ все некогда ему.

Грегерсъ. И другой никто вамъ не помогаетъ?

Гедвигъ. Помогаетъ. Кандидатъ Мольвикъ. Но онъ не всегда... въ порядкѣ... такъ что...

Грегерсъ. Пьетъ?

Гедвигъ. Должно-быть.

Грегерсъ. Ну, значитъ, досугъ у васъ есть. А тамъ, надо полагать, совсѣмъ особый міръ, не такъ ли?

Гедвигъ. Совсѣмъ особый. Тамъ столько диковинокъ.

Грегерсъ. Да?

Гедвигъ. Да. Большіе шкапы съ книгами; многія съ картинками.

Грегерсъ. Вотъ какъ!

Гедвигъ. И еще тамъ есть старая шифоньерка съ ящиками и крышечками и большіе часы съ фигурками, которыя выскакиваютъ. Только часы больше не ходятъ.

Грегерсъ. Такъ время остановилось тамъ — у дикой утки.

Гедвигъ. Да. А еще тамъ есть старый ящикъ съ красками и все такое. И книги, книги!..

Грегерсъ. И вы ихъ, вѣрно, читаете?

Гедвигъ. Да, когда удается. Только тамъ все больше англійскія, а я не понимаю по-англійски. Но тогда я смотрю картинки. Тамъ есть одна большущая книга подъ названіемъ: «Harrysons History of London». Ей, вѣрно, лѣтъ сто. И въ ней столько картинъ! На самой первой — смерть съ песочными часами въ рукахъ и дѣвушка. Брр! Мнѣ это не нра-

вится. Зато на другихъ картинахъ все церкви, замки, улицы, или большіе корабли плывутъ по морю подъ парусами.

Грегерсъ. Откуда же у васъ всѣ эти рѣдкости?

Гедвигъ. А, знаете, тутъ жилъ когда-то старикъ-морякъ, капитанъ; онъ и понавезъ все это изъ своихъ плаваній. Его звали «летучимъ голландцемъ». Такъ странно! Онъ вовсе былъ не голландецъ.

Грегерсъ. Нѣтъ?

Гедвигъ. Нѣтъ. Но наконецъ онъ пропалъ совсѣмъ. А это все такъ и осталось.

Грегерсъ. А скажите мнѣ, когда вы сидите тамъ и смотрите картинки, вамъ самой не хочется поглядѣть на бѣлый свѣтъ?

Гедвигъ. Нѣ-ѣтъ! Я хочу всегда жить дома и помогать папѣ съ мамой.

Грегерсъ. Ретушировать карточки?

Гедвигъ. Нѣтъ, не одно это. Мнѣ больше всего хотѣлось бы выучиться гравировать такія картинки, какъ въ англійскихъ книгахъ.

Грегерсъ. Гм... А что отецъ вашъ на это говоритъ?

Гедвигъ. Ему это, видно, не нравится. Папа на этотъ счетъ такой странный. Представьте, онъ говоритъ, что мнѣ лучше учиться плести корзинки и разныя вещи изъ соломы! Ну что тутъ хорошаго?

Грегерсъ. И по-моему ничего особеннаго.

Гедвигъ. Но папа правъ, что, если бы я выучилась плести, я могла бы сплести новую корзинку для дикой утки.

Грегерсъ. Могли бы, конечно. И кому же ближе этимъ заняться, какъ не вамъ.

Гедвигъ. Да, утка вѣдь моя.

Грегерсъ. То-то и есть.

Гедвигъ. Какъ же, моя собственная. Но я одолжаю ее папѣ и дѣдушкѣ, сколько они хотятъ.

Грегерсъ. Вотъ какъ? А на что же она имъ?

Гедвигъ. Они съ нею возятся, что-то устраиваютъ для нея и все такое.

Грегерсъ. Могу себѣ представить. Дикая утка, конечно, самая важная персона тамъ на чердакѣ.

Гедвигъ. Да еще бы; это вѣдь настоящая дикая птица. И ее такъ жалко. Ей не съ кѣмъ водиться, бѣдняжкѣ.

Грегерсъ. У нея нѣтъ семьи, какъ у кроликовъ...

Гедвигъ. Да. Куръ тоже много, и всѣ онѣ выросли вмѣстѣ. А она совсѣмъ одинока; разлучена со всѣми своими. И вообще надъ ней точно тайна какая: никто ея не знаетъ, никто не вѣдаетъ, откуда она.

Грегерсъ. И кромѣ того она побывала въ пучинѣ морской.

Гедвигъ (кидаетъ на него бѣглый взглядъ, подавляетъ улыбку и говоритъ). Почему это вы говорите: въ пучинѣ морской?

Грегерсъ. А какъ же иначе сказать?

Гедвигъ. Да просто: на днѣ моря, или на днѣ морскомъ.

Грегерсъ. Ну, не все ли равно сказать: въ пучинѣ морской?

Гедвигъ. Мнѣ всегда такъ странно кажется, когда другіе говорятъ: «въ пучинѣ морской».

Грегерсъ. Почему же? Скажите.

Гедвигъ. Нѣтъ, не скажу. Это такъ глупо.

Грегерсъ. Не думаю: скажите же мнѣ, почему вы улыбнулись?

Гедвигъ. Потому что всегда, когда я вдругъ такъ сразу вспомню обо всемъ *томъ* — все это пространство со всѣмъ, что̀ есть тамъ, представляется мнѣ «пучиной морской». Понятно, это глупо.

Грегерсъ. Не говорите.

Гедвигъ. Да вѣдь это же просто чердакъ.

Грегерсъ (пристально глядитъ на нее). А вы такъ увѣрены въ этомъ?

Гедвигъ (удивленно). Что это чердакъ?

Грегерсъ. Да, вы вполнѣ въ этомъ убѣждены?

Гедвигъ (молча смотритъ на него въ полномъ недоумѣніи).

(Гина выходитъ изъ кухни со скатертью).

Грегерсъ (встаетъ). Я, кажется, забрался къ вамъ черезчуръ рано?

Гина. Что-жъ, надо же вамъ куда-нибудь дѣваться. Да скоро и готово будетъ. Убери со стола, Гедвигъ.

(Гедвигъ убираетъ со стола и затѣмъ помогаетъ матери накрывать на столъ. Грегерсъ садится въ кресло и перелистываетъ альбомъ).

Гедвигъ. Я слышалъ, вы умѣете ретушировать, фру Экдаль.

Гина (косясь на него). Да-а, умѣю.

Грегерсъ. Какъ это кстати пришлось.

Гина. Какъ кстати?

Грегерсъ. Да вотъ, когда Экдаль вздумалъ сдѣлаться фотографомъ.

Гедвигъ. Мама умѣетъ и снимать.

Гина. Да, довелось и этому обучиться.

Грегерсъ. Такъ, пожалуй, вы и ведете все дѣло?

Гина. Когда Экдалю некогда, то...

Грегерсъ. Онъ, вѣрно, много времени посвящаетъ старику-отцу?

Гина. Да; и, кромѣ того, развѣ это дѣло для такого человѣка, какъ Экдаль, снимать тутъ портреты со всѣхъ и каждаго.

Грегерсъ. Я то же думаю. Но разъ онъ взялся за это дѣло, то...

Гина. Господинъ Верле, конечно, понимаетъ, что Экдаль не какой-нибудь простой фотографъ.

Грегерсъ. Положимъ, но все-таки...

(На чердакѣ раздается выстрѣлъ).

Грегерсъ (вздрагивая). Что это?

Гина. У! Опять они палятъ!

Грегерсъ. Они еще и стрѣляютъ?

Гедвигъ. Это они охотятся.

Грегерсъ. Что такое!? (Подходя къ дверямъ чердака) Ты охотишься, Яльмаръ?

Яльмаръ (за сѣткой). Ты ужъ пришелъ? А я и не зналъ. Такъ былъ занятъ... (Гедвигъ) Ты что же намъ не скажешь? (Выходитъ).

Грегерсъ. Такъ ты тамъ и стрѣляешь?

Яльмаръ (показывая двухствольный пистолетъ). Всего-на-всего изъ этого вотъ.

Гина. Да вы съ дѣдушкой еще надѣлаете бѣдъ съ этимъ левольверомъ.

Яльмаръ (съ раздраженіемъ). Я, кажется, ужъ говорилъ, что такое огнестрѣльное оружіе называется пистолетомъ.

Гина. Ну, отъ этого оно не станетъ лучше, я думаю.

Грегерсъ. Такъ и ты сдѣлался теперь охотникомъ, Яльмаръ?

Яльмаръ. Ну, такъ, иной разъ кроликовъ пострѣляемъ немножко... Больше все ради старика, — ты понимаешь.

Гина. Мужчины такой ужъ народъ; имъ все надо разсѣянничать.

Яльмаръ (съ раздраженіемъ). Конечно, намъ нужно иногда разсѣяться.

Гина. Ну вотъ, и я аккуратъ то же говорю.

Яльмаръ. Ну! Гм... (Грегерсу) И видишь ли, такъ удачно,— чердакъ совсѣмъ въ сторонѣ; никто не слышитъ, какъ мы тутъ стрѣляемъ. (Кладетъ пистолетъ на самую верхнюю полку). Не трогать пистолета, Гедвигъ! Одинъ стволъ заряженъ. Помни.

Грегерсъ (смотритъ сквозь сѣтку). У васъ и охотничье ружье есть, какъ вижу.

Яльмаръ. Это старое ружье отца. Оно ужъ не стрѣляетъ; замокъ что-то попортился. Но все-таки довольно занимательная штука. Его можно разбирать, чистить, смазывать и опять собирать... Конечно, это все больше отецъ возится.

Гедвигъ (около Грегерса). Вотъ теперь вы можете хорошенько разсмотрѣть дикую утку.

Грегерсъ. Я какъ разъ на нее и смотрю. У нея одно крыло что-то повисло, кажется.

Яльмаръ. Оно и не диво; она вѣдь была подстрѣлена.

Грегерсъ. И одну ногу слегка волочитъ. Или нѣтъ?

Яльмаръ. Пожалуй, чуточку.

Гедвигъ. За эту ногу ее собака схватила.

Яльмаръ. А то вообще она какъ ни въ чемъ не бывало. И это поистинѣ удивительно, если вспомнить, что въ нее попалъ зарядъ дроби, да еще она побывала въ зубахъ у собаки...

Грегерсъ (бросивъ взглядъ на Гедвигъ). ...И въ пучинѣ морской...

Гедвигъ (улыбаясь). Да.

Гина (хлопочетъ у стола). Да, ужъ эта диковинная утка. Ухаживаютъ за ней, какъ за принцессой.

Яльмаръ. Гм! Скоро будетъ готово?

Гина. Сію минуту. Гедвигъ, поди-ка, подсобі мнѣ.

(Гина и Гедвигъ уходятъ въ кухню).

Яльмаръ (вполголоса). Ты бы не стоялъ тутъ и не глядѣлъ на старика. Онъ не любитъ.

(Грегерсъ отходитъ отъ дверей чердака).

Яльмаръ. И лучше я закрою, пока остальные не пришли. (Машетъ руками). Кшш, кшш! Прочь поцили! (Подымаетъ занавѣсь и закрываетъ двери) Вся эта механика — моя выдумка. Оно довольно занимательно придумывать и устраивать тутъ все такое, чинить и исправлять, когда портится. Да и, кромѣ того, это вотъ приспособленіе рѣшительно необходимо: Гина не любитъ, чтобы кролики и куры забирались сюда въ ателье.

Грегерсъ. Ну, разумѣется. Должно-быть, жена твоя и правитъ здѣсь всѣмъ?

Яльмаръ. Я вообще предоставляю ей текущія дѣла. Тогда я могу выбрать время уединиться у себя и заняться тѣмъ, что поважнѣе.

Грегерсъ. Чѣмъ же именно, Яльмаръ?

Яльмаръ. Удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ не спросилъ объ этомъ. Или ты, пожалуй, не слыхалъ объ изобрѣтеніи?

Грегерсъ. Объ изобрѣтеніи?

Яльмаръ. Неужели не слыхалъ? Ну, да тамъ у васъ въ лѣсныхъ дебряхъ...

Грегерсъ. Такъ ты сдѣлалъ изобрѣтеніе?

Яльмаръ. Не вполнѣ еще сдѣлалъ. Но я занятъ этимъ. Ты, конечно, понимаешь, что если я рѣшился посвятить себя фотографіи, то не для того же, чтобы только снимать тутъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго.

Грегерсъ. Ну, конечно. Такъ и жена твоя сейчасъ мнѣ говорила.

Яльмаръ. Я поклялся, что если ужъ посвящу свои силы

этому ремеслу, то и подыму его такъ высоко, что оно станетъ настоящимъ искусствомъ и наукой. И вотъ я рѣшилъ сдѣлать это замѣчательное изобрѣтеніе.

Грегерсъ. А въ чемъ же оно состоитъ? Какая его цѣль?

Ялмаръ. Видишь ли, милый мой, ты пока не разспрашивай о деталяхъ. На все это нужно время, — понимаешь. И ты не думай, что мною руководитъ тщеславіе. Я работаю, разумѣется, не для себя лично. Нѣтъ, передо мной и днемъ и ночью стоитъ задача моей жизни.

Грегерсъ. Какая же это задача?

Ялмаръ. Ты забылъ старца, убѣленнаго сѣдинами?

Грегерсъ. Твоего бѣднаго отца. Да, но что же ты можешь въ сущности сдѣлать для него?

Ялмаръ. Могу воскресить въ немъ чувство собственнаго достоинства, возстановивъ честь и славу имени Экдалей.

Грегерсъ. Такъ вотъ она, задача твоей жизни!

Ялмаръ. Да. Я хочу спасти разбитаго жизнью старца. Онъ былъ разбитъ уже тогда, когда разразилась надъ нимъ гроза. Пока длилось это ужасное слѣдствіе, онъ уже пересталъ быть самимъ собою. Пистолетъ этотъ... изъ котораго мы стрѣляемъ кроликовъ... да, онъ сыгралъ роль въ экдальской трагедіи.

Грегерсъ. Пистолетъ? Какъ такъ?

Ялмаръ. Когда былъ произнесенъ приговоръ, и ему предстояло сѣсть... онъ держалъ пистолетъ въ рукѣ...

Грегерсъ. Держалъ!..

Ялмаръ. Да; но онъ не рѣшился. Онъ струсилъ. Такъ онъ уже опустился, такъ ослабъ душой. Ахъ, поймешь ли ты это? Онъ, офицеръ, уложившій девять медвѣдей, потомокъ двухъ подполковниковъ... то-есть въ хронологическомъ порядкѣ, разумѣется. Поймешь ли ты это, Грегерсъ?

Грегерсъ. Да, я вполнѣ понимаю.

Ялмаръ. А я нѣтъ. И затѣмъ пистолетъ вторично сыгралъ роль въ исторіи нашей семьи. Когда на отца надѣли сѣрое одѣянье и заточили... О-о! Это было для меня ужасное время, повѣрь! У меня на обоихъ окнахъ были спущены шторы. И когда я тайкомъ выглядывалъ изъ-за нихъ на улицу и видѣлъ, что солнце свѣтитъ попрежнему, — я не понималъ этого; видѣлъ, что люди проходятъ, смѣются, разговариваютъ о чемъ-то... и не понималъ этого. Мнѣ казалось, что вся жизнь должна замереть, остановиться, какъ во время солнечнаго затменія.

Грегерсъ. У меня было такое же чувство, когда умерла мать.

Ялмаръ. Въ такую-то минуту Ялмаръ Экдаль и приставилъ пистолетъ къ своей груди.

Грегерсъ. Такъ и ты хотѣлъ!..

Яльмаръ. Да.

Грегерсъ. Но ты не выстрѣлилъ?

Яльмаръ. Нѣтъ. Въ рѣшительный моментъ я одержалъ надъ собой побѣду. Я остался жить. И, повѣрь, нужно было имѣть много мужества, чтобы выбрать жизнь при такихъ условіяхъ.

Грегерсъ. Да... это кто какъ смотритъ.

Яльмаръ. Нѣтъ, это безусловно такъ. Но это было къ лучшему. Теперь мое изобрѣтеніе не за горами, и докторъ Реллингъ полагаетъ, какъ и я, что отцу возвратятъ тогда право носить мундиръ. Я потребую этого, какъ единственной награды себѣ.

Грегерсъ. Такъ это насчетъ мундира онъ такъ..?

Яльмаръ. Да; у него только и думъ и заботъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ больно за него. Всякій разъ, какъ у насъ бываетъ маленькій семейный праздникъ, — день нашей свадьбы съ Гиной или что-нибудь такое,—старецъ выходитъ въ своемъ офицерскомъ мундирѣ былыхъ, счастливыхъ временъ. Но чуть раздастся стукъ въ двери, онъ улепетываетъ къ себѣ со всѣхъ своихъ стариковскихъ ногъ, — онъ вѣдь не смѣетъ показываться въ такомъ видѣ постороннимъ. Каково сыновнему сердцу видѣть подобное униженіе!

Грегерсъ. А въ какой срокъ ты думаешь закончить свое изобрѣтеніе?

Яльмаръ. Ну, Господи. Боже мой, о такихъ деталяхъ, какъ срокъ, развѣ можно спрашивать! Изобрѣтеніе — это такое дѣло, что тутъ самъ себѣ не господинъ. Тутъ многое зависитъ отъ настроенія... вдохновенія... И почти невозможно заранѣе назначить срокъ.

Грегерсъ. Но все-таки дѣло вѣдь подвигается?

Яльмаръ. Разумѣется, подвигается. Я каждый Божій день вожусь съ этимъ изобрѣтеніемъ; оно меня всего захватило. Каждый день, какъ только отобѣдаю, запираюсь въ нашей комнатѣ, чтобы на свободѣ предаться мыслямъ. Но только не надо торопить меня. Отъ этого толку не будетъ. Это и Реллингъ говоритъ.

Грегерсъ. А по-твоему, всѣ эти затѣи на чердакѣ не отвлекаютъ тебя, не разсѣиваютъ твоихъ мыслей?

Яльмаръ. Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. И не говори. Не могу же я вѣчно ломать себѣ голову, да еще надъ такими труднѣйшими проблемами? Мнѣ нужно чѣмъ-нибудь наполнять промежутки, когда я жду настроенія, вдохновенія. А оно ужъ придти — такъ придетъ.

Грегерсъ. Милый Яльмаръ, мнѣ думается, и въ тебѣ есть что-то сродни дикой уткѣ.

Яльмаръ. Дикой уткѣ? Что ты толкуешь?

Грегерсъ. Ты нырнулъ на дно и увязъ въ водорослях, въ тинѣ.

Яльмаръ. Ты, пожалуй, намекаешь на тотъ почти смертельный выстрѣлъ, который перебилъ крылья отцу... да и мнѣ?

Грегерсъ. Не совсѣмъ такъ. Я не хочу сказать, что ты искалѣченъ, но ты увязъ въ гниломъ болотѣ, Яльмаръ, заразился міазмами и нырнулъ на дно, чтобы умереть во мракѣ.

Яльмаръ. Я? Умереть во мракѣ! Нѣтъ, знаешь, Грегерсъ, брось ты подобные разговоры.

Грегерсъ. Будь спокоенъ. Я постараюсь вытащить тебя на поверхность. И я, видишь ли, нашелъ себѣ цѣль жизни — со вчерашняго дня.

Яльмаръ. Очень можетъ статься. Но только меня ты ужъ оставь въ покоѣ. Могу тебя увѣрить, что — если, разумѣется, не считать моей легко объяснимой душевной меланхоліи — я вполнѣ счастливъ, насколько лишь можетъ пожелать человѣкъ.

Грегерсъ. Это тебѣ кажется, потому что ты зараженъ міазмами.

Яльмаръ. Нѣтъ, милый Грегерсъ, будетъ тебѣ болтать о міазмахъ да о заразѣ. Я совсѣмъ непривыкъ къ такимъ разговорамъ. Отъ домашнихъ я никогда не слышу ничего такого непріятнаго.

Грегерсъ. Еще бы! Этому можно повѣрить.

Яльмаръ. Да; мнѣ это вредно. И никакихъ болотныхъ міазмъ тутъ нѣтъ. Не роскошно живетъ бѣдный фотографъ... скромна его доля... Но я изобрѣтатель и кормилецъ семьи. Это и поддерживаетъ меня и возвышаетъ надъ моей скромной долей... А! Вотъ и завтракъ!

(Гина и Гедвигъ несутъ бутылки пива, графинчикъ съ водкой, стаканы и проч. Въ это время изъ входной двери появляются Мольвикъ и Реллингъ; оба безъ шляпъ и безъ пальто. Мольвикъ въ черной парѣ).

Гина (ставя бутылки на столъ). Эти двое, небось, не опоздаютъ.

Реллингъ. Мольвикъ почуялъ запахъ винегрета, — его и не удержать. Еще разъ здравствуйте, фру Экдаль.

Яльмаръ. Грегерсъ, позволь тебѣ представить кандидата Мольвика. А это докторъ... да, Реллинга ты вѣдь знаешь?

Грегерсъ. Немножко.

Реллингъ. Э, да это господинъ Верле младшій. Да, мы съ вами поцапались немножко тамъ, на заводѣ въ Горной долинѣ. Вы, кажется, только-что переѣхали сюда?

Грегерсъ. Сегодня утромъ.

Реллингъ. А подъ вами помѣщаемся мы съ Мольвикомъ,

такъ что вамъ недалеко ходить за докторомъ и за пасторомъ, если понадобится.

Грегерсъ. Благодарю. Это можетъ-таки случиться. Вчера насъ сидѣло за столомъ тринадцать.

Яльмаръ. Ахъ, опять ты съ непріятностями!

Реллингъ. Тебѣ нечего волноваться, Экдаль; тебя это минуетъ.

Яльмаръ. Очень бы желалъ этого, ради семьи... Ну, давайте сядемъ, будемъ ѣсть, пить и веселиться.

Грегерсъ. Мы развѣ не подождемъ твоего отца?

Яльмаръ. Нѣтъ; онъ велѣлъ подать себѣ потомъ въ свою комнату. Садись!

(Мужчины садятся за столъ, ѣдятъ и пьютъ. Гина и Гедвигъ входятъ и уходятъ, прислуживая).

Реллингъ. Вчера Мольвикъ страсть какъ расходился, фру Экдаль.

Гина. Вотъ какъ? Вчера опять?

Реллингъ. Вы не слыхали, когда я привелъ его домой ночью?

Гина. Нѣтъ, что-то не слыхала.

Реллингъ. И хорошо. А то онъ просто бѣда, какъ разбушевался.

Гина. Неужто правда, Мольвикъ?

Мольвикъ. Поставимъ крестъ на событія ночи. Мое лучшее «я» тутъ не при чемъ.

Реллингъ (Грегерсу). На него иногда находитъ — словно наваожденіе, и тогда мнѣ остается только идти съ нимъ кутить. Демоническая натура нашъ кандидатъ Мольвикъ.

Грегерсъ. Демоническая?

Реллингъ. Да, демоническая.

Грегерсъ. Гм...

Реллингъ. А демоническія натуры не таковы, чтобы идти по прямой дорожкѣ, — нѣтъ-нѣтъ да и свернутъ въ сторону... Ну, а вы все сидите тамъ, на этомъ скверномъ, закоптѣломъ заводѣ?

Грегерсъ. Сидѣлъ до сихъ поръ.

Реллингъ. А что же вы, получили наконецъ сполна по своимъ «требованіямъ», которыя все предъявляли тамъ?

Грегерсъ. Требованіямъ? (Понявъ) Ахъ, да.

Яльмаръ. Ты предъявлялъ векселя, Грегерсъ?

Грегерсъ. А, пустяки.

Реллингъ. Предъявлялъ-таки. Обходилъ тамъ всѣхъ обывателей, предъявляя къ нимъ какія-то «идеальныя требованія»,— какъ онъ выражался.

Грегерсъ. Я былъ тогда молодъ.

Реллингъ. Совершенно вѣрно, вы были чрезвычайно молоды. И ваши «идеальныя требованія» такъ ни разу и не были удовлетворены, пока я жилъ тамъ.

Грегерсъ. И послѣ тоже.

Реллингъ. Ну, и вы, надѣюсь, настолько поумнѣли съ тѣхъ поръ, чтобы немножко поубавить со своихъ требованій?

Грегерсъ. Никогда, если передо мной настоящій человѣкъ.

Яльмаръ. Что-жъ, это вполнѣ резонно, я полагаю... Дай-ка масла, Гина.

Реллингъ. И кусокъ сала Мольвику.

Мольвикъ. Брр! Только не сала! (Стукъ въ чердачную дверь).

Яльмаръ. Открой, Гедвигъ, дѣдушка хочетъ выйти.

(Гедвигъ идетъ и немного отодвигаетъ одну половину дверей. Старикъ Экдаль выходитъ со шкуркой кролика. Гедвигъ опять задвигаетъ дверь).

Экдаль. Здравствуйте, господа! Отлично поохотился. Вонъ какого матераго застрѣлилъ.

Яльмаръ. И освѣжевалъ—безъ меня!..

Экдаль. И даже посолилъ. Отличное, нѣжное мясо у кроликовъ! И такое сладкое! Просто сахаръ... Пріятнаго аппетита, господа! (Уходитъ къ себѣ).

Мольвикъ (вскакивая). Извините... я не могу... мнѣ надо поскорѣе внизъ...

Реллингъ. Да выпей содовой водицы, человѣче!

Мольвикъ (бѣжитъ къ дверямъ). У!.. у!.. (Выбѣгаетъ).

Реллингъ (Яльмару). Выпьемъ за здоровье стараго охотника!

Яльмаръ (чокаясь съ нимъ). За спортсмена, стоящаго на краю могилы!

Реллингъ. За убѣленнаго сѣдинами!.. (Пьютъ). Кстати, скажи мнѣ, онъ въ сущности только съ просѣдью или совсѣмъ бѣлый, какъ лунь?

Яльмаръ. Какъ тебѣ сказать? И такъ и этакъ. Въ сущности-то у него ужъ немного осталось волосъ на маковкѣ.

Реллингъ. Ну, вѣдь и съ парикомъ люди живутъ. А счастливый ты въ сущности человѣкъ, Экдаль! Ты задался прекрасной задачей! Тебѣ есть къ чему стремиться...

Яльмаръ. Я и стремлюсь, повѣрь.

Реллингъ. А потомъ, у тебя такая славная жена... Гляди, какъ суетится и шмыгаетъ тутъ въ своихъ войлочныхъ туфляхъ, раскачивая бедрами... хлопочетъ, печется о тебѣ.

Яльмаръ. Да, Гина... (Киваетъ ей) Ты славная подруга и спутница жизни.

Гина. Ну, ну, нечего вамъ меня разбирать. Критиканы.

Реллингъ. И еще Гедвигъ, Экдаль, — а?

Яльмаръ (растроганно). Дѣвочка — да! Дѣвочка прежде всего. Гедвигъ, поди ко мнѣ. (Гладитъ ее по головѣ) А что за день у насъ завтра, а?

Гедвигъ (тормошитъ его). Ну, не надо говорить, папа!

Яльмаръ. Просто ножомъ по сердцу, какъ подумаешь, что нельзя отпраздновать этотъ день поторжественнѣе. Что же... всего-на-всего праздничное убранство на чердакѣ...

Гедвигъ. Такъ вѣдь это же одна прелесть, папа!

Реллингъ. Вотъ погоди, дождемся мы съ тобой этого удивительнаго изобрѣтенія, Гедвигъ!

Яльмаръ. Да, да! Тогда увидишь!.. Гедвигъ, я рѣшилъ обезпечить твою будущность. Ты хорошо проживешь свой вѣкъ. Я потребую кое-чего для тебя... Это и будетъ единственной наградой бѣдному труженику.

Гедвигъ (обвивая руками его шею, шепчетъ). Милый, милый папочка!

Реллингъ (Грегерсу). Ну, какъ по-вашему, не хорошо развѣ для разнообразія посидѣть за обильно уставленнымъ столомъ въ счастливомъ семейномъ кругу?

Яльмаръ. Да, эти часы за столомъ я высоко цѣню.

Грегерсъ. Что до меня, то мнѣ не по себѣ среди болотныхъ испареній.

Реллингъ. Болотныхъ испареній?

Яльмаръ. Опять ты со своей чепухой!

Гина. Тутъ, слава Богу, никакимъ болотомъ не пахнетъ, господинъ Верле! Кажный Божій день провѣтриваю.

Грегерсъ (выходя изъ-за стола). Врядъ ли вамъ удастся вывѣтрить ту гниль, которую я подразумѣваю.

Яльмаръ. Гниль!

Гина. Нѣтъ, ты подумай, Экдаль!

Реллингъ. Извините, да не сами ли вы принесли съ собой этотъ гнилой запахъ изъ вашихъ заводскихъ трущобъ?

Грегерсъ. Съ васъ станется назвать гнилью то, что я внесу съ собой въ этотъ домъ.

Реллингъ (подходя къ нему). Послушайте, вы, господинъ Верле младшій! Я сильно подозрѣваю, что вы и сюда явились съ вашими неурѣзанными «идеальными» требованіями» въ заднемъ карманѣ.

Грегерсъ. Я ношу ихъ въ груди!

Реллингъ. Ну, гдѣ бы вы ихъ тамъ ни носили, чортъ побери, только не совѣтую вамъ предъявлять ихъ здѣсь, пока *я* тутъ.

Грегерсъ. А если я все-таки осмѣлюсь?

Реллингъ. Тогда васъ спустятъ съ лѣстницы, такъ и знайте!

Яльмаръ (встаетъ). Но, Реллингъ!

Грегерсъ. Ну, что же — спустите...

Гина (становясь между ними). Нѣтъ, этого нельзя, Реллингъ. Но вамъ я скажу тоже, господинъ Верле — не вамъ бы толковать тутъ о гибли послѣ того, что вы настряпали тамъ у себя съ печкой! (Стукъ во входную дверь).

Гедвигъ. Мама, стучатъ.

Яльмаръ. Ну вотъ, еще притащился кто-то вдобавокъ!

Гина. Постой, я сейчасъ посмотрю... (Идетъ, отворяетъ дверь и отступаетъ пораженная) Охъ!..

Верле (въ мѣховомъ пальто, переступая порогъ). Извините, пожалуйста, но, говорятъ, сынъ мой живетъ здѣсь.

Гина (задыхаясь отъ волненія). Да.

Яльмаръ (подходя къ Верле). Не угодно ли господину коммерсанту пожаловать?..

Верле. Благодарю. Мнѣ надо только поговорить съ моимъ сыномъ.

Грегерсъ. Что скажешь? Я здѣсь.

Верле. Я желаю поговорить съ тобой у тебя.

Грегерсъ. У меня?.. Ну... (Хочетъ идти).

Гина. Нѣтъ, ей-Богу, тамъ такой безпорядокъ!..

Верле. Такъ въ коридорѣ, что ли. Мнѣ нужно поговорить съ тобой наединѣ.

Яльмаръ. Вы можете поговорить здѣсь, господинъ коммерсантъ. Перейдемъ въ гостиную, Реллингъ.

(Яльмаръ и Реллингъ уходятъ въ двери направо, Гина и Гедвигъ въ кухню).

Грегерсъ (послѣ небольшой паузы). Ну вотъ, теперь мы наединѣ.

Верле. Ты вчера намекалъ... И разъ ты затѣмъ перебрался къ Экдалю, мнѣ остается предположить, что у тебя есть какой-то умыселъ противъ меня.

Грегерсъ. Умыселъ—открыть глаза Яльмару Экдалю. Пусть онъ увидитъ свое положеніе въ настоящемъ свѣтѣ. Вотъ и все.

Верле. Такъ это и есть та цѣль жизни, о которой ты говорилъ вчера?

Грегерсъ. Да. Только это мнѣ и осталось по твоей милости.

Верле. Развѣ я исковеркалъ твою душу, Грегерсъ?

Грегерсъ. Ты исковеркалъ всю мою жизнь. Я говорю уже не насчетъ матери... Но тебѣ я обязанъ, что мучусь теперь угрызеніями совѣсти.

Верле. Ахъ, теперь ужъ и совѣсть не въ порядкѣ!

Грегерсъ. Мнѣ слѣдовало бы выступить противъ тебя еще тогда, когда разставлялись сѣти лейтенанту Экдалю. Мнѣ слѣ-

довало бы предупредить его, такъ какъ я догадывался, къ чему клонится дѣло.

Верле. Да, въ такомъ случаѣ тебѣ бы не слѣдовало молчать.

Грегерсъ. У меня духу не хватило. Такъ я былъ запуганъ, трусливъ. Я страшно боялся тебя... и тогда и еще долго потомъ.

Верле. Теперь, какъ видно, страхъ этотъ прошелъ.

Грегерсъ. Къ счастью. Нашего грѣха передъ старикомъ Экдалемъ, и моего и... другихъ лицъ, не загладить никогда. Но Ялмара я могу еще высвободить изъ этихъ сѣтей лжи и обмана, въ которыхъ онъ запутался и готовъ погибнуть.

Верле. Ты думаешь сдѣлать этимъ доброе дѣло?

Грегерсъ. Вполнѣ, надѣюсь.

Верле. Ты, кажется, считаешь фотографа Экдаля человѣкомъ, который способенъ поблагодарить тебя за такую дружескую услугу?

Грегерсъ. Да! Онъ такой человѣкъ.

Верле. Гм... увидимъ.

Грегерсъ. И, кромѣ того... если мнѣ вообще жить на свѣтѣ, я долженъ постараться найти лѣкарство для своей больной совѣсти.

Верле. Ей никогда не выздоровѣть. У тебя съ дѣтскихъ лѣтъ чахлая совѣсть. Это ты унаслѣдовалъ отъ матери, Грегерсъ... Другого наслѣдства она тебѣ и не оставила.

Грегерсъ (съ презрительной усмѣшкой). Ты все еще не можешь переварить того, что промахнулся, полагая взять за нею большое состояніе?

Верле. Не будемъ уклоняться въ сторону... Ты слѣдовательно твердо намѣренъ навести фотографа Экдаля на слѣдъ, который считаешь вѣрнымъ?

Грегерсъ. Да; это мое твердое намѣреніе.

Верле. Ну, въ такомъ случаѣ я могъ бы и не трудиться подниматься сюда. Пожалуй, нечего тебя и спрашивать, согласенъ ли ты вернуться домой, ко мнѣ?

Грегерсъ. Да. Нечего.

Верле. И въ фирму, вѣроятно, тоже не пожелаешь вступить?

Грегерсъ. Нѣтъ.

Верле. Прекрасно. Но такъ какъ я собираюсь теперь вторично жениться, то нужно будетъ тебя выдѣлить.

Грегерсъ (быстро). Нѣтъ, я не желаю этого.

Верле. Ты не желаешь?

Грегерсъ. Совѣсть мнѣ не позволяетъ.

Верле (немного погодя). Ты опять отправишься на заводъ?

Грегерсъ. Нѣтъ. Я считаю, что больше не служу у тебя.

Верле. Но что же ты намѣренъ дѣлать?

Грегерсъ. Достигнуть цѣли, которую себѣ поставилъ. Больше ничего пока.

Верле. Хорошо, а потомъ? Чѣмъ ты будешь жить?

Грегерсъ. У меня есть кое-какія сбереженія.

Верле. Да надолго ли ихъ хватитъ?

Грегерсъ. На мой вѣкъ хватитъ, я думаю.

Верле. Что это значитъ?

Грегерсъ. Больше я отвѣчать тебѣ не буду.

Верле. Такъ прощай, Грегерсъ.

Грегерсъ. Прощай. (Верле уходитъ).

Яльмаръ (выглядываетъ изъ гостиной). Ушелъ, что ли?

Грегерсъ. Да.

(Яльмаръ и Реллингъ входятъ. Гина и Гедвигъ тоже приходятъ изъ кухни).

Реллингъ. Пропалъ нашъ завтракъ.

Грегерсъ. Одѣвайся, Яльмаръ; намъ съ тобой надо предпринять длинную прогулку.

Яльмаръ. Съ удовольствіемъ. А зачѣмъ приходилъ твой отецъ? Что-нибудь насчетъ меня?

Грегерсъ. Пойдемъ, тогда и поговоримъ. Я зайду къ себѣ накинуть пальто. (Уходитъ).

Гина. Не ходи ты съ нимъ, Экдаль!

Реллингъ. И я скажу — не ходи. Оставайся съ нами.

Яльмаръ (беретъ шляпу и пальто). Еще что! Другъ юности чувствуетъ потребность излить передо мной свою душу!..

Реллингъ. Да чортъ побери, не видишь ты, что ли—молодчикъ не въ своемъ умѣ, свихнулся, помѣшанъ!

Гина. Слышишь? И мать его тоже была съ придурью.

Яльмаръ. Тѣмъ больше онъ нуждается въ бдительномъ окѣ друга. (Гинѣ) Не запоздай, смотри, съ обѣдомъ. Прощай пока. (Уходитъ).

Реллингъ. Экая досада, что этотъ молодчикъ не провалился сквозь землю тамъ гдѣ-нибудь въ шахтахъ!

Гина. Господи!.. Что это вы говорите!

Реллингъ (бормочетъ). Ну да, у меня на этотъ счетъ свои соображенія.

Гина. По-вашему, молодой Верле и впрямь сумасшедшій?

Реллингъ. Къ несчастью, нѣтъ. Онъ помѣшанъ не больше, чѣмъ люди сплошь и рядомъ бываютъ помѣшаны. Но онъ все-таки не совсѣмъ въ порядкѣ, это вѣрно.

Гина. Что же съ нимъ такое?

Реллингъ. А вотъ что, фру Экдаль: онъ одержимъ горячкой честности.

Гина. Горячкой честности?

Гедвигъ. Это такая болѣзнь, да?

Реллингъ. Да-а, это наша національная болѣзнь. Но проявляется она только спорадически. (Кивая Гинѣ) Спасибо за угощеніе! (Уходитъ).

Гина (безпокойно бродитъ по комнатѣ). Ахъ, этотъ Грегерсъ Верле!.. Всегда онъ былъ... такимъ пугаломъ.

Гедвигъ (стоя у стола, пытливо глядитъ на мать). Какъ это все странно.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Павильонъ Ялмара Экдаля. Посреди комнаты фотографическій аппаратъ, покрытый сукномъ, пьедесталъ, два стула, консоль и т. п. Видно, что только-что снимались. Время подъ вечеръ. Солнце готово скрыться, и немного спустя въ комнатѣ начинаетъ смеркаться.

Гина (стоитъ во входныхъ дверяхъ съ кассетой и мокрымъ негативомъ въ рукахъ и говоритъ кому-то въ коридоръ). Да да, будьте спокойны. Я ужъ что обѣщаю, то и сдѣлаю. Первая дюжина будетъ готова къ понедѣльнику... До свиданья!

(Слышно, какъ кто-то спускается съ лѣстницы. Гина затворяетъ дверь, прячетъ негативъ въ кассету и ставитъ послѣднюю въ прикрытый аппаратъ).

Гедвигъ (выходитъ изъ кухни). Ушли?

Гина (прибираетъ въ комнатѣ). Да, слава Богу; сплавила наконецъ.

Гедвигъ. Но что ты скажешь, — папы до сихъ поръ нѣтъ.

Гина. Ты навѣрно знаешь, что его нѣтъ у Реллинга?

Гедвигъ. Нѣту. Я сейчасъ бѣгала внизъ по черному ходу и спрашивала.

Гина. И обѣдъ все стоитъ и стынетъ.

Гедвигъ. Да, подумай! Папа всегда такъ аккуратно приходитъ домой къ обѣду!

Гина. Ну, теперь скоро придетъ, — увидишь.

Гедвигъ. Да, хоть бы пришелъ! А то мнѣ какъ-то жутко дѣлается.

Гина (вскрикивая). Вотъ онъ!

(Изъ входной двери появляется Ялмаръ Экдаль).

Гедвигъ (бросаясь къ нему). Папа! Ужъ мы тебя ждали-ждали!

Гина (поглядывая на него искоса). Какъ ты замѣшкался, Экдаль.

Ялмаръ (не глядя на нее). Да, запоздалъ немного. (Снимаетъ пальто. Гина и Гедвигъ хотятъ помочь ему, но онъ не даетъ).

Гина. Ты, пожалуй, пообѣдалъ съ Верле?

Ялмаръ (вѣшая пальто). Нѣтъ.

Гина (направляясь въ кухню). Такъ я подамъ тебѣ.

Ялмаръ. Нѣтъ, оставь. Я не стану теперь ѣсть.

Гедвигъ (подходя къ Ялмару). Тебѣ нездоровится, папа?

Ялмаръ. Нездоровится? Нѣтъ, ничего. Мы съ Грегерсомъ сдѣлали довольно утомительную прогулку.

Гина. Это, пожалуй, не по тебѣ, Экдаль. Ты непривыченъ.

Ялмаръ. Гм... Мало ли къ чему приходится привыкать на этомъ свѣтѣ! (Бродитъ по комнатѣ) Былъ кто-нибудь безъ меня?

Гина. Никого, кромѣ той парочки.

Ялмаръ. Новыхъ заказовъ не было?

Гина. Сегодня нѣтъ.

Гедвигъ. Увидишь, папа, завтра навѣрно будутъ.

Ялмаръ. Будемъ надѣяться! Съ завтрашняго дня я полагаю серьезнѣйшимъ образомъ взяться за дѣло.

Гедвигъ. Завтра! Ты развѣ забылъ, какой завтра день?

Ялмаръ. Ахъ, да... Ну, такъ послѣзавтра. Отнынѣ я все буду дѣлать самъ. Я желаю работать одинъ, безъ всякихъ помощниковъ.

Гина. Да что же это будетъ, Экдаль? Ты только разстроишься. Я ужъ управлюсь съ фотографіей, а у тебя свое дѣло — твое изобрѣтеніе.

Гедвигъ. И дикая утка, папа... и куры, и кролики, и...

Ялмаръ. Не болтай ты мнѣ объ этихъ глупостяхъ! Съ завтрашняго дня ноги моей больше не будетъ на чердакѣ.

Гедвигъ. Но ты же обѣщалъ мнѣ, папа, что завтра будетъ особое убранство!..

Ялмаръ. Гм... да, да. Ну, такъ съ послѣзавтрашняго. А этой проклятой дикой уткѣ я готовъ шею свернуть!

Гедвигъ (вскрикиваетъ). Дикой уткѣ!

Гина. Слыханое ли дѣло!

Гедвигъ (теребя Ялмара за рукавъ). Нѣтъ, папа... вѣдь это же *моя* дикая утка!

Ялмаръ. Потому я и не трону ея. Духу не хватитъ... изъ-за тебя, Гедвигъ. Но я глубоко чувствую, что слѣдовало бы. Не надо бы мнѣ терпѣть въ своемъ домѣ твари, побывавшей въ *тьмѣ* рукахъ.

Гина. Господи Боже, изъ-за того, что дѣдушка получилъ ее отъ этого негодяя Петтерсена...

Ялмаръ (бродитъ по комнатѣ). Есть извѣстнаго рода требованія... Какъ ихъ назвать?.. Скажемъ — идеальныя требованія... то-есть требованія, которыми нельзя поступаться безъ вреда для своей души.

Гедвигъ (идя за нимъ). Но ты подумай, дикая утка... бѣдная дикая утка!

Ялмаръ (останавливаясь). Ты же слышишь, я не трону ея—

ради тебя. Ни единаго волоска не спадетъ съ ея головы... Ну, я сказалъ, что не трону ея. Есть задачи поважнѣе. Но теперь пора бы тебѣ пройтись, Гедвигъ. Какъ разъ сумерки.

Гедвигъ. Мнѣ сегодня не хочется.

Яльмаръ. Нѣтъ, иди. Ты что-то какъ будто щуришься. Тебѣ вредны всѣ эти испаренія. Тутъ такой спертый воздухъ.

Гедвигъ. Ну, хорошо; я спущусь по черной лѣстницѣ и пробѣгусь немножко. Пальто и шляпка?.. Да, вѣдь онѣ у меня. Папа... такъ ты смотри, не обижай бѣдную дикую утку безъ меня.

Яльмаръ. Ни единаго пера не спадетъ съ ея головы. (Притягиваетъ Гедвигъ къ себѣ) Ты и я, Гедвигъ... мы съ тобою!.. Ну, ступай, ступай!

(Гедвигъ киваетъ родителямъ и уходитъ въ кухню).

Яльмаръ (ходитъ по комнатѣ, потупясь). Гина!

Гина. Что?

Яльмаръ. Съ завтрашняго дня... или, скажемъ, съ послѣзавтрашняго... я желалъ бы самъ вести приходо-расходную книгу.

Гина. И книгу самъ хочешь вести?

Яльмаръ. Или хоть провѣрять доходы.

Гина. Ахъ, Господи, это-то невеликъ будетъ трудъ.

Яльмаръ. Что-то не вѣрится... Сдается, ужъ больно долго ведутся у тебя деньги. (Останавливаясь и глядя на нее) Какъ это объяснить?

Гина. Да много ли намъ съ Гедвигъ нужно.

Яльмаръ. Правда ли, что старику такъ щедро платятъ за переписку у коммерсанта Верле?

Гина. Не знаю, щедро ли. Гдѣ мнѣ знать, почемъ платятъ за такую работу?

Яльмаръ. Но сколько же онъ получаетъ приблизительно? Говори!

Гина. Разно. Выходитъ, я думаю, почти ровнехонько во сколько старикъ обходится намъ, да еще ему самому немножко остáется на карманные расходы.

Яльмаръ. Во сколько онъ обходится намъ! И ты этого не говорила мнѣ до сихъ поръ!

Гина. Да какъ же я могла? Ты такъ радовался, думая, что онъ все получаетъ отъ тебя.

Яльмаръ. А выходитъ—отъ коммерсанта Верле!

Гина. О, коммерсанту есть изъ чего давать.

Яльмаръ. Зажги мнѣ лампу!

Гина (зажигаетъ). И потомъ мы не знаемъ—коммерсантъ ли это. Можетъ статься, Гробергъ.

Яльмаръ. Къ чему эти увертки?.. Гробергъ!..

Гина. Да я же ничего не знаю. Я только подумала...

Яльмаръ. Гм!..

Гина. И не я достала дѣдушкѣ переписку. Это все Берта, когда поступила къ нимъ.

Яльмаръ. Что это у тебя голосъ какъ будто дрожитъ?

Гина (надѣваетъ абажуръ). Дрожитъ?

Яльмаръ. Да и руки трясутся. Не правда, что ли?

Гина (твердо). Скажи прямо, Экдаль. Чего такого онъ наговорилъ тебѣ про меня?

Яльмаръ. Правда ли... можетъ ли это быть, что ты была... въ такихъ отношеніяхъ съ коммерсантомъ Верле, когда ты служила у него въ домѣ.

Гина. Это неправда. Тогда ничего не было. Онъ приставалъ ко мнѣ, это правда. А барыня думала, что между нами есть что-то. И всякіе фокусы выкидывала. И била и бранила меня... Я и отказалась отъ мѣста.

Яльмаръ. Значитъ, послѣ!

Гина. Послѣ я жила дома. А мать... она была совсѣмъ не такая правильная женщина, какъ ты думалъ, Экдаль. Она стала мнѣ говорить то да сё... Верле тогда вѣдь овдовѣлъ уже.

Яльмаръ. Ну, и что же?

Гина. Да, пожалуй, ужъ лучше сказать тебѣ все. Онъ не отсталъ, пока не добился своего.

Яльмаръ (всплескивая руками). И это мать моего ребенка! И ты могла скрывать отъ меня подобное!

Гина. Да, это я нескладно сдѣлала. Мнѣ, пожалуй, давно бы слѣдовало сказать тебѣ все.

Яльмаръ. Ты сразу же должна была сказать мнѣ!.. Я бы зналъ тогда, какова ты.

Гина. Да развѣ ты бы все-таки женился на мнѣ?

Яльмаръ. Какъ ты можешь воображать!

Гина. Вотъ то-то и есть. Оттого я и не посмѣла сказать тебѣ тогда же. Я вѣдь крѣпко полюбила тебя,—ты знаешь. А кто-жъ себѣ самому врагъ? Не могла же я совсѣмъ погубить себя...

Яльмаръ (ходитъ по комнатѣ). И это мать моей Гедвигъ! Знать, что всѣмъ, что я вижу вокругъ себя... (отбрасываетъ ногами стулъ) всѣмъ моимъ домашнимъ очагомъ... я обязанъ счастливому предшественнику! О, этотъ демонъ-искуситель!

Гина. Ты жалѣешь, каешься въ этихъ четырнадцати-пятнадцати годахъ, что мы прожили вмѣстѣ?

Яльмаръ (останавливаясь передъ ней). Скажи мнѣ, не каялась ли ты ежедневно, ежечасно въ своемъ преступномъ молчаніи,

которымъ ты, какъ паукъ паутиной, опутала меня? Отвѣчай! Тебя не мучили день и ночь угрызенія совѣсти?

Гина. Милый Экдаль, до того ли мнѣ было? Столько хлопотъ по хозяйству и прочее...

Яльмаръ. Такъ ты никогда не бросаешь испытующаго взора на свое прошлое?

Гина. Ей-Богу, я почти и позабыла всѣ эти старыя интрижки!

Яльмаръ. О, это тупое, безчувственное равнодушіе! Меня прямо коробитъ!.. Даже ни тѣни раскаянія!

Гина. Но скажи и ты мнѣ, Экдаль... что бы съ тобой сталось, если бы тебѣ не попалась такая жена, какъ я?

Яльмаръ. Такая!..

Гина. Да, я-то вѣдь всегда была какъ-то пообстоятельнѣй и посолиднѣй тебя. Оно и понятно,—я постарше тебя двумя годами.

Яльмаръ. Что сталось бы со мной?

Гина. Ну да; ты вѣдь совсѣмъ свертѣлся тогда съ круга—передъ тѣмъ, какъ сойтись со мной. Не станешь же ты отпираться.

Яльмаръ. Ты называешь это свертѣться съ круга? Да гдѣ тебѣ понять, что творится съ человѣкомъ, когда онъ въ такомъ отчаяніи... особенно человѣкъ съ такой пламенной душой, какъ у меня.

Гина. Ну да, да; можетъ статься. Я и не дѣлаю тебѣ ле-примандовъ. Ты сталъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, когда обзавелся своимъ домомъ... И вотъ, мы было-устроились такъ славно, хорошо. Скоро и мы съ Гедвигъ могли бы ужъ понемножку начать позволять себѣ кое-что лишнее изъ ѣды и одежи...

Яльмаръ. Живя въ болотѣ лживаго, преступнаго молчанія!

Гина. Фу, это все тотъ отвратительный человѣкъ! Принесла же его нелегкая къ намъ въ домъ!

Яльмаръ. И мнѣ казалось, что намъ хорошо живется въ лонѣ семьи. Но это было заблужденіе. Откуда мнѣ теперь взять душевной упругости, необходимой, чтобы пересадить мое изобрѣтеніе въ міръ дѣйствительности? Пожалуй, оно такъ и умретъ теперь вмѣстѣ со мной. И виною — будетъ твое прошлое, Гина. Оно убило во мнѣ...

Гина (готовая заплакать). Нѣтъ, не говори такъ, Экдаль. Я только всегда и думала, какъ бы угодить тебѣ!

Яльмаръ. Я спрашиваю — что теперь станется съ мечтой отца и кормильца семьи? Лежа, бывало, тамъ на диванѣ и ломая себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ, я уже предчувство-

валъ, что оно поглотитъ послѣднія мои силы. Я уже чувствовалъ, что день, когда я буду держать въ своихъ рукахъ патентъ — будетъ моимъ послѣднимъ днемъ. И моей мечтой было, что ты, вдова покойнаго изобрѣтателя, будешь зато жить въ почетѣ и довольствѣ.

Гина (утирая слезы). Нѣтъ, не говори такъ, Экдаль. Не дай Богъ мнѣ дожить до того дня, когда я останусь вдовой!

Яльмаръ. Э, теперь все равно! Теперь все пропало!

(Грегерсъ Верле осторожно открываетъ входную дверь и заглядываетъ въ комнату).

Грегерсъ. Можно войти?

Яльмаръ. Войди.

Грегерсъ (входитъ съ сіяющимъ лицомъ, протягивая имъ руки). Ну, дорогіе мои!.. (Переводитъ взглядъ съ одного на другого и шепчетъ Яльмару) Такъ еще не свершилось?

Яльмаръ (громко). Свершилось!

Грегерсъ. Да?

Яльмаръ. Я пережилъ горчайшія минуты моей жизни.

Грегерсъ. Но зато и самыя высокія, я думаю.

Яльмаръ. Ну, пока во всякомъ случаѣ дѣло сдѣлано—и съ плечъ долой.

Гина. Богъ васъ прости, господинъ Верле!

Грегерсъ (съ величайшимъ изумленіемъ). Но я не понимаю...

Яльмаръ. Чего не понимаешь?

Грегерсъ. Такой великій расчетъ... расчетъ съ прошлымъ... который позволитъ возвести на развалинахъ прошлаго новое, прочное зданіе, начать новую жизнь, создать супружескій союзъ въ духѣ истины, безо всякой лжи и утайки...

Яльмаръ. Знаю, знаю, отлично знаю.

Грегерсъ. Я такъ былъ увѣренъ, что, когда войду въ дверь, мнѣ навстрѣчу брызнетъ яркій свѣтъ просвѣтлѣнія, совершившагося въ душѣ мужа и жены. И вдругъ этотъ мракъ... что-то смутное, тяжелое...

Гина. Ахъ, вотъ что! (Снимаетъ абажуръ).

Грегерсъ. Вы не хотите понять меня, фру Экдаль. Нѣтъ, нѣтъ. Вамъ, вѣрно, еще нужно время... Но ты-то, Яльмаръ? Этотъ великій расчетъ съ прошлымъ не могъ же не воодушевить тебя.

Яльмаръ. Ну, разумѣется, такъ оно и есть. То-есть съ одной стороны.

Грегерсъ. Вѣдь что на свѣтѣ можетъ сравниться съ чувствомъ, которое испытываетъ человѣкъ, даруя прощеніе заблудшей и возвышая ее до себя своей любовью!

Яльмаръ. Ты думаешь, человѣкъ скоро оправится послѣ такой горькой чаши, какую я только-что испилъ?

Грегерсъ. Обыкновенный человѣкъ, пожалуй, нѣтъ. Но такой человѣкъ, какъ ты!..

Яльмаръ. Да, Господи Боже мой, знаю, знаю. Но ты ужъ не очень подгоняй меня, Грегерсъ. Нужно время, видишь ли.

Грегерсъ. Въ тебѣ слишкомъ много сидитъ... дикой утки, Яльмаръ.

(Реллингъ входитъ).

Реллингъ. Ну, опять дикая утка на сценѣ?

Яльмаръ. Охотничья добыча коммерсанта Верле, съ перебитымъ крыломъ, да.

Реллингъ. Коммерсанта Верле?.. Вы ужъ теперь о немъ заговорили?

Яльмаръ. И о немъ... и о насъ.

Реллингъ (вполголоса Грегерсу). Чортъ бы васъ побралъ!

Яльмаръ. Что ты говоришь?

Реллингъ. Я выражаю искреннее пожеланіе, чтобы знахарь—цѣлитель душъ—убирался во-свояси. Не то онъ собьетъ тутъ съ толку васъ обоихъ.

Грегерсъ. Этихъ двухъ не сбить съ толку, господинъ Реллингъ. О Яльмарѣ я и говорить не стану. Его мы знаемъ. Но и она въ глубинѣ души, право, натура честная, на которую можно положиться.

Гина (готовая заплакать). И оставили бы вы меня, какая я ни на есть.

Реллингъ (Грегерсу). Не очень дерзко будетъ спросить васъ, что собственно нужно вамъ здѣсь въ домѣ?

Грегерсъ. Мнѣ нужно положить основаніе честному, истинному супружескому союзу.

Реллингъ. По-вашему, супружество четы Экдаль недостаточно хорошо, какъ оно есть?

Грегерсъ. Оно, пожалуй, не хуже многихъ другихъ — къ сожалѣнію. Но это еще не истинный супружескій союзъ.

Яльмаръ. Ты никогда не возвышался до идеальныхъ требованій, Реллингъ.

Реллингъ. Ерунда, милѣйшій мой!.. Позвольте спросить, господинъ Верле, много ли — ну, хоть приблизительно — видѣли вы истинныхъ супружескихъ союзовъ на своемъ вѣку?

Грегерсъ. Пожалуй, врядъ ли хоть одинъ.

Реллингъ. И я тоже.

Грегерсъ. Но я видѣлъ безчисленное множество супружескихъ союзовъ противоположнаго характера. И имѣлъ случай близко наблюдать, какъ подобный союзъ можетъ искалѣчить обоихъ супруговъ.

Яльмаръ. Человѣкъ можетъ лишиться всякихъ нравственныхъ устоевъ. Вотъ въ чемъ весь ужасъ.

Реллингъ. Я, собственно, никогда не былъ женатъ по-настоящему и потому не смѣю судить объ этихъ вещахъ. Но знаю все-таки, что въ супружескій союзъ включается и ребенокъ. И ребенка вы должны оставить въ покоѣ.

Яльмаръ. О!.. Гедвигъ!.. Моя бѣдная Гедвигъ!

Реллингъ. Да, не угодно ли вамъ не впутывать сюда Гедвигъ. Вы оба люди взрослые. Вы себѣ путайтесь и распутывайтесь между собой, какъ знаете, коли есть охота. Но съ Гедвигъ вамъ надо быть поосторожнѣй, говорю я. Не то недолго до бѣды!

Яльмаръ. До бѣды!

Реллингъ. Да. Она и себя можетъ сдѣлать несчастной... да, пожалуй, и другихъ.

Гина. Да откуда вы это знаете, Реллингъ?

Яльмаръ. Надѣюсь, глазамъ ея не грозитъ?..

Реллингъ. Не въ глазахъ тутъ дѣло. Но Гедвигъ въ опасномъ возрастѣ. Мало ли какія нелѣпости могутъ придти ей въ голову.

Гина. Да, представьте, на нее-таки и находитъ! Выдумала какую-то скверную игру съ огнемъ въ кухнѣ. Говоритъ, что въ пожаръ играетъ. Я ужъ и то все боюсь—не спалила бы домъ.

Реллингъ. Вотъ видите. Я такъ и зналъ.

Грегерсъ (Реллингу). Но чѣмъ же вы это объясните?

Реллингъ (хмуро). Она въ переходномъ возрастѣ, любезнѣйшій.

Яльмаръ. Покуда у нея есть отецъ!.. Пока я не закрылъ глазъ!.. (Стукъ во входную дверь).

Гина. Тсс, Экдаль; кто-то пришелъ. (Кричитъ) Войдите.

(Входитъ фру Сёрбю, въ верхней одеждѣ).

Фру Сербю. Добрый вечеръ!

Гина (идя ей навстрѣчу). Ахъ, это ты, Берта!..

Фру Сербю. Я сама. Но, пожалуй, я не во-время?

Яльмаръ. Помилуйте! Вѣстница изъ такого дома...

Фру Сербю (Гинѣ). Откровенно говоря, я не разсчитывала застать дома твоихъ мужчинъ и завернула къ тебѣ на минуточку поболтать и проститься.

Гина. Вотъ?.. Ты уѣзжаешь?

Фру Сербю. Да, завтра рано утромъ... въ Горную долину. Господинъ Верле отправился туда сегодня послѣ обѣда. (Мимоходомъ Грегерсу) Могу передать вамъ поклонъ отъ него.

Гина. Нѣтъ, подумать!..

Яльмаръ. Такъ господинъ Верле уѣхалъ? И вы теперь за нимъ?

Фру Сербю. Да; что вы на это скажете, Экдаль?

Яльмаръ. Скажу: берегитесь!

Грегерсъ. Я тебѣ объясню, въ чемъ дѣло. Отецъ мой женится на фру Сёрбю.

Яльмаръ. Женится на ней!

Гина. А! Ну, наконецъ-то, Берта!

Реллингъ (не совсѣмъ твердымъ голосомъ). Ну, это все-таки не правда же?

Фру Сербю. Нѣтъ, милѣйшій Реллингъ, истинная правда.

Реллингъ. Вы опять хотите выйти замужъ?

Фру Сербю. Да, видно, этимъ кончится. Верле ужъ выправилъ всѣ бумаги. Свадьбу сыграемъ тихую тамъ, на заводѣ.

Грегерсъ. Такъ позвольте мнѣ, какъ доброму пасынку, пожелать вамъ счастья.

Фру Сербю. Благодарю васъ, если вы это говорите серьезно. Я-то надѣюсь, что въ этомъ бракѣ мы оба найдемъ свое счастье — и Верле и я.

Реллингъ. Вполнѣ можете надѣяться. Коммерсантъ Верле никогда не напивается допьяна, насколько я знаю, и не имѣетъ также привычки колотить своихъ женъ, какъ покойный коновалъ.

Фру Сербю. Ахъ, оставьте мертвыхъ въ покоѣ. И у Сёрбю были свои достоинства.

Реллингъ. У коммерсанта Верле, я думаю, найдется ихъ побольше.

Фру Сербю. Онъ, по крайней мѣрѣ, не загубилъ въ себѣ того, что было въ немъ лучшаго. А тотъ, кто это дѣлаетъ, пусть на себя пеняетъ.

Реллингъ. Закатимся же мы сегодня съ Мольвикомъ!

Фру Сербю. Не надо, Реллингъ. Ну, пожалуйста, ради меня.

Реллингъ. Другого ничего не остается. (Яльмару) Пойдемъ и ты съ нами.

Гина. Нѣтъ, ужъ Яльмаръ-то вамъ не товарищъ въ вашихъ карамболяхъ!

Яльмаръ (сердито, вполголоса). Да помолчи ты!

Реллингъ. Прощайте, фру... Верле! (Уходитъ).

Грегерсъ (фру Сёрбю). Вы, какъ видно, довольно близко знакомы съ докторомъ Реллингомъ?

Фру Сербю. Да, мы давнишніе знакомые. Было время, когда у насъ съ нимъ могло дойти и... до серьезнаго.

Грегерсъ. Счастье ваше, пожалуй, что не дошло.

Фру Сербю. Еще бы. Но я всегда была осторожна, не поддавалась увлеченіямъ. Женщинѣ нельзя быть опрометчивой въ такихъ дѣлахъ.

Грегерсъ. А вы не побаиваетесь, что я шепну отцу объ этомъ старомъ знакомствѣ?

Фру Сербю. Вы думаете, я сама давно не разсказала ему?

Грегерсъ. Вотъ какъ?

Фру Сербю. Вашъ отецъ знаетъ все до капельки, что только могутъ сказать про меня съ нѣкоторымъ основаніемъ добрые люди. И сама разсказала ему обо всемъ сейчасъ же, какъ только онъ далъ мнѣ понять свои намѣренія.

Грегерсъ. Значитъ, вы откровенны не въ примѣръ прочимъ.

Фру Сербю. Я всегда была откровенна. Это намъ, женщинамъ, больше съ руки.

Яльмаръ. Ты что на это скажешь, Гина?

Гина. Что-жъ, женщина женщинѣ рознь. Одна такъ судитъ, другая по-другому.

Фру Сербю. Ну, Гина, по-моему, умнѣе всего поступать, вотъ какъ я. И Верле со своей стороны не утаилъ отъ меня ничего насчетъ своего прошлаго. Вотъ это-то больше всего насъ и связало. Теперь онъ можетъ разговаривать со мной обо всемъ, не таясь, чистосердечно, какъ ребенокъ. А этого-то ему никогда и не удавалось прежде. Онъ, такой цвѣтущій мужчина, какимъ онъ былъ прежде, всю свою молодость, всѣ лучшіе свои годы только и слушалъ однѣ нотаціи. Да еще частенько безо всякаго настоящаго повода... по одному подозрѣнію, воображенію... насколько мнѣ извѣстно.

Гина. Что правда, то правда.

Грегерсъ. Ну, если тутъ пойдутъ такіе интимные разговоры, мнѣ лучше уйти.

Фру Сербю. Оставайтесь себѣ, я больше ни слова не скажу. Мнѣ хотѣлось только, чтобы вы знали, что я не прибѣгала ни къ какимъ хитростямъ, ничего не скрывала. Со стороны можетъ показаться, что мнѣ невѣсть какое счастье выпало на долю. Такъ оно и есть—съ одной стороны. Но я все-таки скажу, что получаю не больше, чѣмъ даю сама. Я, конечно, никогда не оставлю его. Буду беречь его и ходить за нимъ, какъ никому не сумѣть теперь, когда онъ скоро станетъ совсѣмъ безпомощнымъ.

Яльмаръ. Безпомощнымъ?

Грегерсъ (фру Сёрбю). Да, да; только не надо говорить здѣсь объ этомъ.

Фру Сербю. Все равно дѣла не скроешь, какъ онъ тамъ ни старайся. Скоро ослѣпнетъ.

Яльмаръ (пораженный). Ослѣпнетъ? Какъ это странно. И онъ тоже ослѣпнетъ?

Гина. Мало ли кому приходится слѣпнуть.

Фру Сербю. А вѣдь можно себѣ представить, каково это для дѣлового человѣка. Ну, я и постараюсь замѣнять ему глаза, насколько сумѣю... Но теперь мнѣ пора. Страсть еще сколько дѣла... Да, вотъ что мнѣ надо было передать вамъ, Экдаль. Если бы Верле могъ чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ, вамъ стоитъ обратиться къ Гробергу.

Грегерсъ. За это предложеніе Яльмаръ Экдаль врядъ ли скажетъ спасибо.

Фру Сербю. Да? Однако прежде, мнѣ кажется...

Гина. Да, Берта, теперь Экдалю не приходится одолжаться чѣмъ-нибудь у коммерсанта Верле.

Яльмаръ (медленно, внушительно). Передайте отъ меня поклонъ вашему будущему мужу и скажите, что я въ ближайшемъ будущемъ намѣреваюсь побывать у бухгалтера Гроберга...

Грегерсъ. Какъ! И ты захочешь?..

Яльмаръ. ...У бухгалтера Гроберга, говорю я, и потребовать счетъ—сколько я долженъ коммерсанту. Я желаю уплатить этотъ долгъ чести!.. Ха-ха-ха! Именно—долгъ чести! Но довольно объ этомъ. Я уплачу все съ процентами. По пяти процентовъ.

Гина. Но, милый Экдаль, это намъ, ей-Богу, не по карману.

Яльмаръ. Передайте вашему жениху, что я неустанно тружусь надъ своимъ изобрѣтеніемъ. Скажите ему, что меня только и поддерживаетъ въ этой труднѣйшей работѣ желаніе свалить съ себя мучительное бремя долга. Вотъ зачѣмъ я взялся за это изобрѣтеніе. Весь доходъ пойдетъ на то, чтобы мнѣ освободиться отъ долговыхъ обязательствъ передъ вашимъ будущимъ супругомъ.

Фру Сербю. Тутъ что-то произошло, какъ видно.

Яльмаръ. Именно.

Фру Сербю. Ну, такъ прощайте. Мнѣ надо бы еще кое о чемъ поговорить съ тобой, Гина. Но это ужъ въ другой разъ. Прощайте.

(Яльмаръ и Грегерсъ молча кланяются ей; Гина идетъ проводить ее до дверей).

Яльмаръ. Не дальше порога, Гина!

(Фру Сёрбю уходитъ. Гина затворяетъ за ней дверь).

Яльмаръ. Ну вотъ, Грегерсъ. Я развязался теперь съ этимъ гнетущимъ долговымъ обязательствомъ.

Грегерсъ. Во всякомъ случаѣ скоро развяжешься.

Яльмаръ. Полагаю, мое поведеніе можно назвать корректнымъ.

Грегерсъ. Ты именно тотъ человѣкъ, за какого я тебя всегда считалъ.

Яльмаръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно поступаться идеальными требованіями. Но, какъ отцу и кормильцу семейства, мнѣ придется круто. Какъ ты думаешь, шутка ли для человѣка неимущаго погасить многолѣтній долгъ, который, такъ сказать, покрылся пылью забвенія! Но что тутъ толковать,—человѣкъ во мнѣ тоже предъявляетъ свои права.

Грегерсъ (кладетъ руки ему на плечи). Милый Яльмаръ... ну, не хорошо развѣ, что я явился?

Яльмаръ. О, да.

Грегерсъ. Не хорошо развѣ, что ты уяснилъ себѣ всѣ эти отношенія?

Яльмаръ (съ нѣкоторымъ раздраженіемъ). Да, конечно, хорошо. Одно вотъ только... чувство справедливости во мнѣ возмущено.

Грегерсъ. Чѣмъ же?

Яльмаръ. Да вотъ... не знаю, могу ли я безо всякаго стѣсненія высказаться насчетъ твоего отца?

Грегерсъ. Пожалуйста, не стѣсняйся ради меня.

Яльмаръ. Ну, хорошо. Вотъ видишь ли, меня возмущаетъ мысль, что осуществить идею истиннаго супружескаго союза дано не мнѣ, а ему.

Грегерсъ. Ну какъ же можно такъ говорить!

Яльмаръ. Да, конечно, оно такъ и выходитъ. Твой отецъ съ Бертой Сёрбю вступаютъ теперь какъ разъ въ такой бракъ, основанный на полномъ довѣріи и безусловной взаимной откровенности. Они другъ друга не морочили, ничего не утаили другъ отъ друга. Все ясно, открыто между ними; никакихъ недомолвокъ: объявлено, если можно такъ выразиться, полное взаимное отпущеніе грѣховъ.

Грегерсъ. Ну, положимъ; что же изъ этого?

Яльмаръ. Да вѣдь въ этомъ-то вся и суть. Вѣдь тутъ, значитъ, какъ разъ налицо все это сложное, трудное... что ты самъ считаешь необходимымъ основаніемъ истиннаго супружескаго союза.

Грегерсъ. Но это же совсѣмъ въ другомъ родѣ, Яльмаръ. Не станешь же ты сравнивать ни себя ни жену свою съ этой парочкой?.. Ну, ты вѣдь меня понимаешь...

Яльмаръ. Я все-таки не могу отдѣлаться отъ мысли, что въ этомъ есть что-то такое, возмущающее во мнѣ чувство справедливости. Выходитъ, какъ будто и нѣтъ на свѣтѣ никакой высшей справедливости.

Гина. Фу, Экдаль, не говори ты такъ, ради Бога!

Грегерсъ. Гм... Не станемъ вдаваться въ такіе вопросы.

Яльмаръ. Но, съ другой стороны, я какъ будто все-таки вижу регулирующій перстъ судьбы. Верле вѣдь ослѣпнетъ.

Гина. Ну, это, пожалуй, еще не навѣрно.

Яльмаръ. Это внѣ сомнѣній. Во всякомъ случаѣ, не намъ въ этомъ сомнѣваться. Именно въ этомъ фактѣ и заключается справедливое возмездіе. Онъ въ свое время навелъ слѣпоту на довѣрчиваго ближняго...

Грегерсъ. И не на одного, къ сожалѣнію, а на многихъ.

Яльмаръ. И вотъ теперь надвигается неумолимая, загадочная сила и ослѣпляетъ его самого.

Гина. Нѣтъ, какъ ты можешь говорить такія вещи! Просто страхъ беретъ слушать.

Яльмаръ. Иногда полезно углубляться въ темныя стороны бытія.

(Гедвигъ въ шляпкѣ и пальто, весело, запыхавшись, вбѣгаетъ изъ входной двери).

Гина. Ты уже назадъ?

Гедвигъ. Да, мнѣ не хотѣлось больше гулять. И зато я встрѣтила кого-то въ воротахъ.

Яльмаръ. Вѣрно, фру Сёрбю?

Гедвигъ. Да.

Яльмаръ (ходя по комнатѣ взадъ и впередъ). Надѣюсь, встрѣтилась съ нею въ послѣдній разъ. (Молчаніе).

Гедвигъ (боязливо переводитъ глаза съ отца на мать и на Грегерса, словно стараясь разобраться въ общемъ настроеніи, затѣмъ подходитъ къ Яльмару: ласкаясь). Папа!

Яльмаръ. Ну что, Гедвигъ?

Гедвигъ. Фру Сёрбю что-то принесла мнѣ.

Яльмаръ (останавливаясь). Тебѣ?

Гедвигъ. Подарокъ на завтра.

Гина. Берта всегда что-нибудь даритъ тебѣ на рожденье.

Яльмаръ. Какой же это подарокъ?

Гедвигъ. Нѣтъ, на сегодня это секретъ. А завтра утромъ мама должна положить мнѣ это на постель.

Яльмаръ. Ахъ, опять эти секреты за моей спиной!

Гедвигъ (поспѣшно). Да нѣтъ, посмотри, пожалуйста. Большое письмо. (Вынимаетъ изъ кармана пальто письмо).

Яльмаръ. И письмо еще?

Гедвигъ. Да. только и всего. Другое, вѣрно, потомъ будетъ. Но ты представь — письмо! Я никогда еще не получала писемъ. На немъ такъ и написано: «фрёкенъ Гедвигъ Экдаль». Это я-то фрёкенъ!

Яльмаръ. Дай взглянуть.

Гедвигъ (протягиваетъ ему письмо). Вотъ. погляди.

Яльмаръ. Почеркъ коммерсанта Верле.

Гина. Вѣрно ли, Экдаль?

Яльмаръ. Сама взгляни

Гина. Ну да, много я смыслю!

Яльмаръ. Гедвигъ, можно мнѣ вскрыть... и прочесть?

Гедвигъ. Пожалуйста, если хочешь.

Гина. Нѣтъ, не сегодня, Яльмаръ. Вѣдь это на завтра.

Гедвигъ (тихо матери). Ну, дай же ему прочесть! Навѣрно, тамъ что-нибудь хорошее; папа обрадуется, и опять у насъ будетъ весело.

Яльмаръ. Значитъ, можно вскрыть?

Гедвигъ. Пожалуйста, папа. Интересно, что тамъ такое!

Яльмаръ. Хорошо. (Вскрываетъ конвертъ, вынимаетъ письмо, читаетъ и, видимо, приходитъ въ смущеніе) Да что же это такое?..

Гина. Что тамъ написано?

Гедвигъ. Да, папа, скажи скорѣе!

Яльмаръ. Погодите! (Перечитываетъ письмо, блѣднѣетъ, но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, говоритъ сравнительно спокойно) Это дарственная запись, Гедвигъ.

Гедвигъ. Представь! Что же мнѣ дарятъ?

Яльмаръ. Прочти сама.

Гедвигъ (идетъ къ столу и читаетъ возлѣ лампы).

Яльмаръ (вполголоса, сжимая кулаки). Глаза! Глаза! И это письмо!

Гедвигъ (прерывая чтеніе). Но, мнѣ кажется, это дѣдушкѣ?..

Яльмаръ (беретъ у нея письмо). Гина... тебѣ это понятно?

Гина. Да я же ничего не знаю. Скажи, въ чемъ дѣло?

Яльмаръ. Коммерсантъ Верле пишетъ Гедвигъ, что ея дѣдушкѣ больше не нужно утруждать себя перепиской бумагъ,— онъ будетъ съ этихъ поръ получать изъ конторы по сту кронъ въ мѣсяцъ...

Грегерсъ. Ага!

Гедвигъ. Сто кронъ, мама! Это и я прочла.

Гина. Что же, отлично для старика.

Яльмаръ. Сто кронъ, пока онъ будетъ въ этомъ нуждаться, то-есть, значитъ — пожизненно.

Гина. Ну, такъ теперь онъ обезпеченъ, бѣдняга.

Яльмаръ. А затѣмъ — самое главное. Ты, видно, не дочитала, Гедвигъ. Послѣ смерти старика даръ этотъ переходитъ къ тебѣ.

Гедвигъ. Ко мнѣ? Все?

Яльмаръ. Тебѣ обезпечена та же самая пенсія на всю твою жизнь. Слышишь, Гина?

Гина. Слышу, слышу.

Гедвигъ. Представь — столько денегъ! (Тормошитъ его) Папа, папа, да развѣ ты не радъ?..

Яльмаръ (уклоняясь отъ ея ласкъ). Радъ! (Ходитъ по комнатѣ) О, какіе горизонты, какія перспективы открываются мнѣ! Гедвигъ!.. Это Гедвигъ онъ такъ щедро обезпечиваетъ!

Гина. Да вѣдь это ея рожденье...

Гедвигъ. Все равно, тебѣ же все достанется, папа. Вѣдь я же все буду отдавать тебѣ и мамѣ.

Яльмаръ. Мамѣ, да! Вотъ оно!

Грегерсъ. Яльмаръ, тебѣ разставляютъ сѣти.

Яльмаръ. Ты думаешь? Опять сѣти?

Грегерсъ. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ, когда былъ здѣсь сегодня утромъ: Яльмаръ Экдаль не тотъ человѣкъ, за какого ты его принимаешь.

Яльмаръ. Не тотъ человѣкъ!..

Грегерсъ. И ты это увидишь. — сказалъ онъ.

Яльмаръ. Да, увидишь, дамъ ли я зажать себѣ ротъ деньгами!

Гедвигъ. Мама, что же это все значитъ?

Гина. Поди къ себѣ и раздѣнься.

(Гедвигъ, готовая заплакать, уходитъ въ кухню).

Грегерсъ. Да. Яльмаръ, теперь-то и окажется, кто изъ насъ правъ, онъ или я.

Яльмаръ (медленно разрываетъ бумагу пополамъ, кладетъ обѣ половинки на столъ и говоритъ). Вотъ мой отвѣтъ.

Грегерсъ. Я этого ожидалъ.

Яльмаръ (подходитъ къ Гинѣ, которая стоитъ у печки, и говоритъ ей глухимъ голосомъ). А теперь никакихъ утаекъ больше. Если ты совершенно порвала съ нимъ, когда... полюбила меня, — какъ говоришь, — то почему же онъ помогъ намъ жениться?

Гина. Онъ. видно. думалъ, что проторитъ дорожку и сюда въ домъ.

Яльмаръ. Только потому? Онъ не опасался извѣстныхъ послѣдствій?

Гина. Я не понимаю, что ты говоришь.

Яльмаръ. Я хочу знать — имѣетъ ли твой ребенокъ право жить подъ моей кровлей.

Гина (вся выпрямляясь, со сверкающимъ взоромъ). И ты еще спрашиваешь!

Яльмаръ. Отвѣть мнѣ одно: моя ли дочь Гедвигъ... или... Ну?

Гина (смотритъ на него съ холоднымъ упорствомъ). Не знаю.

Яльмаръ (слегка дрожащимъ голосомъ). Ты не знаешь!

Гина. Какъ я могу знать? Такая, какъ я...

Яльмаръ (тихо, отвернувшись отъ нея). Такъ мнѣ больше нечего дѣлать здѣсь въ домѣ.

Грегерсъ. Подумай хорошенько, Яльмаръ!

Яльмаръ (беретъ свое пальто). Тутъ нечего больше думать такому человѣку, какъ я.

Грегерсъ. Есть; много есть, о чемъ подумать. Вамъ надо тѣсно сплотиться всѣмъ троимъ, если ты хочешь подняться до высоты самоотверженія и всепрощенія.

Яльмаръ. И подыматься не хочу! Никогда! Никогда! Гдѣ моя шляпа? (Беретъ шляпу) Мой семейный очагъ рухнулъ! (Разражаясь слезами) Грегерсъ! У меня больше нѣтъ дочери!

Гедвигъ (открываетъ дверь изъ кухни). Что ты говоришь? (Бросаясь къ нему) Папа! Папа!

Гина. Ну вотъ!

Яльмаръ. Не подходи ко мнѣ, Гедвигъ! Уйди! Видѣть тебя не могу! О, эти глаза!.. Прощай! (Бѣжитъ къ дверямъ).

Гедвигъ (цѣпляясь за него съ крикомъ). Нѣтъ! Нѣтъ! Не бросай меня!

Гина (кричитъ). Взгляни на дѣвочку, Экдаль! Взгляни на дѣвочку!

Яльмаръ. Не хочу! Не могу! Пустите меня... прочь отсюда! (Вырывается изъ рукъ Гедвигъ и быстро уходитъ).

Гедвигъ (съ блуждающимъ взглядомъ). Бросилъ насъ. мама! Бросилъ! Онъ никогда не вернется къ намъ больше!

Гина. Только не плачь, Гедвигъ! Папа вернется!

Гедвигъ (съ рыданіями бросается на диванъ). Нѣтъ, нѣтъ, онъ больше никогда не вернется къ намъ.

Грегерсъ. Вѣрите ли вы, что я хотѣлъ устроить все къ лучшему, фру Экдаль?

Гина. Можетъ статься... Богъ съ вами!

Гедвигъ (лежа на диванѣ). О, я умру! Не вынесу этого! Что же я ему сдѣлала? Мама, верни его, верни!

Гина. Да, да, да. Только успокойся, я пойду и поищу его. (Надѣваетъ накидку) Можетъ-быть, онъ у Реллинга. Но ты не будешь валяться тутъ и ревѣть? Обѣщаешь?

Гедвигъ (судорожно рыдая). Не буду; только бы онъ вернулся.

Грегерсъ (Гинѣ, которая собирается уйти). Не лучше ли дать ему сначала перестрадать все, вынести до конца эту тяжелую борьбу?

Гина. Успѣетъ потомъ. Прежде всего надо успокоить дѣвочку. (Уходитъ).

Гедвигъ (садится и отираетъ глаза). Теперь скажите мнѣ, что случилось. Почему папа знать меня больше не хочетъ?

Грегерсъ. Вамъ пока не надо спрашивать объ этомъ. Вырастете — узнаете.

Гедвигъ (всхлипывая). Не могу же я все мучиться, пока не

выросту!.. Да я ужъ поняла, въ чемъ дѣло... Можетъ-быть, я ненастоящая папина дочь.

Грегерсъ (тревожно). Какъ же это можетъ быть?

Гедвигъ. Можетъ-быть, мама нашла меня. И вотъ теперь, вѣрно, папа узналъ объ этомъ. Я читала одну такую исторію.

Грегерсъ. Ну, если бы и такъ...

Гедвигъ. Такъ, по-моему, это не должно бы мѣшать папѣ любить меня попрежнему. Пожалуй, даже больше. Дикую утку намъ тоже прислали въ подарокъ, а я все-таки ужасно люблю ее.

Грегерсъ (стараясь отвлечь ее). Да, дикая утка! Это правда! Потолкуемъ немножко насчетъ дикой утки, Гедвигъ.

Гедвигъ. Бѣдная дикая утка! Онъ и ее больше знать не хочетъ. Подумайте, онъ хотѣлъ свернуть ей шею!

Грегерсъ. Ну, этого онъ, навѣрно, не сдѣлаетъ.

Гедвигъ. Да, но онъ такъ сказалъ. И это такъ нехорошо было съ его стороны! Я каждый вечеръ молюсь за нее, чтобы она была жива и здорова.

Грегерсъ (глядитъ на нее). Вы молитесь по вечерамъ?

Гедвигъ. Да-а.

Грегерсъ. Кто же васъ пріучилъ?

Гедвигъ. Я сама. Одинъ разъ папа былъ очень боленъ, и ему поставили піявки на шею. И онъ сказалъ, что сидитъ со смертью за плечами.

Грегерсъ. Ну?

Гедвигъ. Я и стала молиться за него, ложась спать. Съ тѣхъ поръ такъ и осталось.

Грегерсъ. А теперь молитесь и за дикую утку?

Гедвигъ. Да, мнѣ казалось, что лучше ужъ прихватить и ее. Она все хирѣла сначала.

Грегерсъ. Вы и по утрамъ молитесь?

Гедвигъ. Нѣтъ, по утрамъ не молюсь.

Грегерсъ. Почему же?

Гедвигъ. Утромъ вѣдь свѣтло, ну, какъ-то и не страшно.

Грегерсъ. Такъ вашъ отецъ хотѣлъ свернуть шею дикой уткѣ, которую вы такъ любите?

Гедвигъ. Нѣтъ, онъ сказалъ, что это было бы самое лучшее, но что онъ пощадитъ ее ради меня. И это было такъ мило съ его стороны.

Грегерсъ (подвигаясь къ ней). Ну, а если бы вы добровольно пожертвовали ею ради него?

Гедвигъ (приподымаясь). Дикой уткой!

Грегерсъ. Если бы вы, ради него, пожертвовали добровольно лучшимъ своимъ сокровищемъ?

Гедвигъ. Вы думаете, это помогло бы?

Грегерсъ. Попробуйте, Гедвигъ.

Гедвигъ (тихо, съ сіяющими глазами). Да, я попробую.

Грегерсъ. А хватитъ у васъ духу?

Гедвигъ. Я попрошу дѣдушку застрѣлить ее.

Грегерсъ. Ну, сдѣлайте такъ. Но ни слова вашей матери!

Гедвигъ. Почему?

Грегерсъ. Она не поймета насъ.

Гедвигъ. Дикая утка?.. Завтра же утромъ попробую.

(Гина возвращается).

Гедвигъ (бросается къ ней). Ты застала его, мама?

Гина. Нѣтъ: но мнѣ сказали, что онъ заходилъ къ Реллингу и утащилъ его съ собой.

Грегерсъ. Навѣрное?

Гина. Дворничиха сказала. И Мольвикъ съ ними отправился.

Грегерсъ. И это теперь, когда ему нужно было полное уединеніе для жестокой душевной борьбы!..

Гина (снимая накидку). Да, мужчины — мужчины и есть. Богъ знаетъ, куда затащитъ его Реллингъ! Я забѣгала къ мадамъ Эриксенъ — тамъ ихъ нѣтъ.

Гедвигъ (глотая слезы). А если онъ не вернется больше?

Грегерсъ. Вернется. Я сообщу ему завтра одну вѣсточку, и тогда вы увидите, *какъ* онъ къ вамъ вернется. Спите спокойно, Гедвигъ. Доброй ночи! (Уходитъ).

Гедвигъ (рыдая, бросается матери на шею). Мама, мама!

Гина (гладя ее по спинѣ и вздыхая). Охъ, охъ! Правду сказалъ Реллингъ. Вотъ что выходитъ, когда всякіе сумасброды суются тутъ со своими интриганными требованіями.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Павильонъ Яльмара Экдаля. Сѣрое, холодное утро. Оконныя стекла занесены мокрымъ снѣгомъ. Гина въ передникѣ выходитъ изъ кухни съ метелкой и тряпкой и направляется въ гостиную. Въ то же время изъ входной двери быстро входитъ Гедвигъ.

Гина (останавливаясь). Ну?

Гедвигъ. Знаешь, мама, онъ, кажется, у Реллинга...

Гина. Вотъ видишь!

Гедвигъ. Дворничиха говоритъ, слышала, что Реллингъ ночью двоихъ притащилъ съ собой.

Гина. Я такъ и думала.

Гедвигъ. Но что толку изъ этого, если онъ не хочетъ вернуться къ намъ.

Гина. Ну, я хоть пойду поговорю съ нимъ.

(Старикъ Экдаль въ халатѣ и туфляхъ, съ раскуренной трубкой, выходитъ изъ дверей своей комнаты).

Экдаль. Слушай, Яльмаръ... Яльмара нѣту дома?

Гина. Нѣтъ; кажется, ушелъ.

Экдаль. Такую рань? И еще въ такую мятель? Ну что же, сдѣлайте одолженіе — я могу совершить утренній обходъ и одинъ. (Отодвигаетъ съ помощью Гедвигъ одну половинку дверей на чердакъ и входитъ туда. Гедвигъ задвигаетъ за нимъ дверь).

Гедвигъ (вполголоса). Подумай, мама, что будетъ, когда бѣдный дѣдушка узнаетъ, что папа собирается уѣхать отъ насъ.

Гина. Полно вздоръ болтать. Дѣдушкѣ и знать ничего не надо. Прямо счастье, что его вчера не было дома, когда поднялась тутъ эта кутерьма.

Гедвигъ. Да, но...

(Входитъ Грегерсъ).

Грегерсъ. Ну? Разыскали его?

Гина. Говорятъ, внизу у Реллинга.

Грегерсъ. У Реллинга! Такъ онъ, правда, ушелъ вчера съ этими господами?

Гина. Должно-быть, такъ.

Грегерсъ. Но ему, наоборотъ, нужно было уединеніе, чтобы серьезно собраться съ мыслями!..

Гина. Вамъ хорошо разговаривать.

(Входитъ Реллингъ).

Гедвигъ (бросаясь навстрѣчу ему). Папа у васъ?

Гина (одновременно). У васъ онъ?

Реллингъ. Ну, конечно.

Гедвигъ. И вы не дали намъ знать!

Реллингъ. Да; я — ска-атина. Но, во-первыхъ, мнѣ пришлось возиться съ другой ска-атиной — съ демонической натурой, разумѣется; а во-вторыхъ, я самъ заспался.

Гина. Что онъ говоритъ сегодня?

Реллингъ. Да ничего не говоритъ.

Гедвигъ. Совсѣмъ не разговариваетъ?

Реллингъ. Ни гу-гу.

Грегерсъ. Да, да. Я это вполнѣ понимаю.

Гина. Да что же онъ дѣлаетъ-то?

Реллингъ. Лежитъ на диванѣ и храпитъ.

Гина. Вотъ? Да, Экдаль ужасти какъ храпитъ всегда.

Гедвигъ. Онъ спитъ? Онъ можетъ спать?

Реллингъ. Ну да. И еще какъ, чортъ возьми!

Грегерсъ. Понятно; послѣ такой душевной борьбы...

Гина. Да съ непривычки шляться по ночамъ.

Гедвигъ. Пожалуй, это хорошо, что онъ выспится, мама.

Гина. И я то же думаю. Но тогда не слѣдуетъ тормошить его спозаранку. Спасибо вамъ, Реллингъ. Теперь я сначала приберу все, а тамъ... Поди-ка, пособи мнѣ, Гедвигъ.

(Гина и Гедвигъ уходятъ въ гостиную).

Грегерсъ (оборачиваясь къ Реллингу). Можете вы объяснить мнѣ, что происходитъ теперь въ душѣ Яльмара Экдаля?

Реллингъ. Ей-Богу, на мой взглядъ, ничего тамъ не происходитъ.

Грегерсъ. Какъ? При подобномъ переломѣ въ его жизни, когда все существованіе его получаетъ новые устои?.. Какъ вы можете допустить, чтобы такая личность, какъ Яльмарь..?

Реллингъ. Личность?.. Онъ?.. Если въ немъ когда и были задатки для такой аномаліи, какъ стать «личностью», — по вашему выраженію, — то они давнымъ-давно повыдохлись изъ него безъ остатка, еще въ дѣтствѣ. Въ этомъ могу васъ увѣрить.

Грегерсъ. Это было бы странно. Его воспитывали съ такой любовью.

Реллингъ. Это двѣ-то взвинченныя, истеричныя, старыя дѣвы — тетушки?

Грегерсъ. Я долженъ вамъ сказать, что это были женщины, которыя никогда не забывали объ идеальныхъ требованіяхъ. Ну, да вы теперь, пожалуй, опять начнете зубоскалить.

Реллингъ. Нѣтъ, я совсѣмъ не въ такомъ настроеніи. Впрочемъ, я хорошо освѣдомленъ насчетъ этого. Онъ таки-немало извергалъ всякой реторики объ этихъ своихъ «двухъ духовныхъ матеряхъ». Но я не думаю, чтобы ему было за что особенно благодарить ихъ. Несчастье Экдаля въ томъ, что онъ всегда игралъ роль свѣтила въ своемъ кружкѣ...

Грегерсъ. А онъ развѣ не таковъ? Въ смыслѣ душевной глубины, я хочу сказать.

Реллингъ. Что-то не замѣчалъ за нимъ ничего такого. И пусть бы еще отецъ считалъ его такимъ — куда бы ни шло: старый лейтенантъ всю жизнь прожилъ дуракъ-дуракомъ.

Грегерсъ. Онъ всю жизнь прожилъ съ дѣтски-наивной душой. Да гдѣ вамъ понять это!

Реллингъ. Ну, и ладно! Но потомъ милѣйшій нашъ Яльмаръ сталъ нѣкоторымъ образомъ студентомъ и сразу прослылъ въ кругу товарищей будущимъ свѣтиломъ. Что-жъ, онъ былъ красивъ, привлекателенъ — бѣлый, румяный, кровь съ молокомъ, какихъ любятъ барышни-подростки. Затѣмъ — эта легкая воспламеняемость его натуры, задушевныя нотки въ голосѣ и умѣнье красиво декламировать чужіе стихи и чужія мысли...

Грегерсъ (возмущенно). И вы это объ Ялмарѣ Экдалѣ!

Реллингъ. Да, съ вашего позволенія; таковъ внутренній обликъ того кумира, передъ которымъ вы лежите на брюхѣ.

Грегерсъ. Не думаю, чтобы я могъ быть настолько ужъ слѣпъ.

Реллингъ. О, да; есть тотъ грѣхъ. Вы вѣдь тоже человѣкъ ненормальный, больной.

Грегерсъ. Относительно этого вы правы.

Реллингъ. Конечно. И болѣзнь у васъ сложная. Во-первыхъ, у васъ тяжелая форма горячки честности; и затѣмъ, что̀ еще хуже, вы одержимы маніей преклоненія. Вамъ все нужно кѣмъ-нибудь восхищаться, съ чѣмъ-нибудь носиться — кромѣ вашихъ собственныхъ дѣлъ.

Грегерсъ. Ну, разумѣется, достойный поклоненія предметъ мнѣ приходится искать внѣ собственнаго круга.

Реллингъ. Но вы жестоко ошибаетесь въ этихъ чудо-мухахъ, которыя вамъ вездѣ мерещатся. Вы опять забрались съ вашими идеальными требованіями въ домъ простыхъ смертныхъ; тутъ живутъ люди несостоятельные.

Грегерсъ. Если вы столь невысокаго мнѣнія о Ялмарѣ Экдалѣ, то какъ же вамъ доставляетъ удовольствіе постоянно бывать въ его обществѣ?

Реллингъ. Господи Боже мой! Я все-таки какой ни на есть докторъ, и надо же мнѣ позаботиться о бѣдныхъ больныхъ, съ которыми я живу по одной лѣстницѣ.

Грегерсъ. Вотъ какъ! И Ялмаръ Экдаль больной?

Реллингъ. Здоровыхъ людей почти не бываетъ, къ сожалѣнію.

Грегерсъ. И какое же лѣченіе вы примѣняете къ Ялмару?

Реллингъ. Мое обычное. Я стараюсь поддержать въ немъ житейскую ложь.

Грегерсъ. Житейскую ложь? Я не ослышался?

Реллингъ. Нѣтъ; я сказалъ: «житейскую ложь». Потому что, видите ли, это — стимулирующій принципъ.

Грегерсъ. Можно спросить, что̀ же это за житейская ложь, которою зараженъ Ялмаръ?

Реллингъ. Нѣтъ, извините. Я не выдаю такихъ тайнъ знахарямъ. Вы способны еще пуще искалѣчить его; мой же методъ лѣченія радикаленъ. Я примѣняю его и къ Мольвику. Его я сдѣлалъ «демонической натурой». Это фонтанель, которую я открылъ ему на шеѣ.

Грегерсъ. Такъ онъ не въ самомъ дѣлѣ демоническая натура?

Реллингъ. Да что̀ такое, чортъ возьми, значитъ демоническая натура? Вѣдь это одна ерунда, моя же выдумка, чтобы

ему жилось полегче. Безъ того эта жалкая совѣстливая свинья давнымъ-давно погибла бы подъ бременемъ отчаянія и презрѣнія къ себѣ самому. А старый лейтенантъ? Но этотъ, впрочемъ, самъ напалъ на вѣрное лѣченіе...

Грегерсъ. Лейтенантъ Экдаль? У него что?

Реллингъ. Да что вы скажете: онъ — старый охотникъ, медвѣжатникъ — бродитъ теперь по чердаку и стрѣляетъ кроликовъ! И на свѣтѣ нѣтъ охотника счастливѣе его, когда онъ возится тамъ со всей этой дрянью. Пять-шесть сухихъ елокъ, которыя онъ припряталъ съ Рождества, замѣняютъ ему лѣсной просторъ. Пѣтухъ и куры—для него глухари, гнѣздящіеся на верхушкахъ сосенъ, а ковыляющіе по полу чердака кролики — медвѣди, съ которыми воюетъ этотъ былой Немвродъ.

Грегерсъ. Бѣдный старый лейтенантъ! Да, ему таки-пришлось посбавить цѣны своихъ старыхъ юношескихъ идеаловъ!

Реллингъ. Пока не забуду, господинъ Верле младшій: не прибѣгайте вы къ иностранному слову — идеалы. У насъ есть хорошее родное слово: ложь.

Грегерсъ. По-вашему, эти два понятія однородны?

Реллингъ. Да, почти — какъ тифъ и гнилая горячка.

Грегерсъ. Докторъ Реллингъ, я не сдамся, пока не вырву Яльмара изъ вашихъ когтей!

Реллингъ. Тѣмъ хуже будетъ для него. Отымите у средняго человѣка житейскую ложь — вы отымете у него и счастье. (Гедвигъ, которая выходитъ изъ гостиной) Ну, маленькая утиная мамаша, теперь я спущусь внизъ поглядѣть—все ли еще папахенъ изволитъ возлежать и ломать себѣ голову надъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. (Уходитъ).

Грегерсъ (подходитъ къ Гедвигъ). Я вижу по вашему лицу, что дѣло еще не сдѣлано.

Гедвигъ. Какое? Ахъ, насчетъ дикой утки. Нѣтъ.

Грегерсъ. Видно, духа не хватило, когда дошло до дѣла.

Гедвигъ. Нѣтъ, вовсе не то. Когда я проснулась сегодня утромъ и вспомнила, о чемъ мы говорили вчера, мнѣ показалось это такъ странно.

Грегерсъ. Странно?

Гедвигъ. Да... я сама не знаю. Вчера вечеромъ мнѣ казалось, что это будетъ такъ чудесно. А сегодня, когда я проснулась и вспомнила, мнѣ показалось, что въ этомъ нѣтъ ничего такого.

Грегерсъ. Ну, еще бы! Недаромъ вы выросли въ такой обстановкѣ. И въ васъ уже многое заглохло.

Гедвигъ. Ну, это мнѣ все равно. Только бы папа вернулся...

Грегерсъ. Ахъ, если бы у васъ открылись глаза на то, что

придаетъ истинную цѣну жизни! Если бы въ васъ былъ настоящій, здоровый и мужественный, готовый на жертвы духъ, вы бы увидали, какимъ онъ вернулся бы къ вамъ. Но я еще не теряю вѣры въ васъ, Гедвигъ. (Уходитъ).

Гедвигъ (бродитъ по комнатѣ, затѣмъ направляется къ кухоннымъ дверямъ; въ это время раздается стукъ въ двери чердака. Гедвигъ идетъ и чуть-чуть отодвигаетъ дверь. Старикъ Экдаль выходитъ, и Гедвигъ снова задвигаетъ дверь).

Экдаль. Гм... мало удовольствія отъ такого утренняго обхода въ одиночку.

Гедвигъ. А что же ты — не хочешь поохотиться сегодня, дѣдушка?

Экдаль. Не такая погода сегодня. Темень; въ двухъ шагахъ ничего не видно.

Гедвигъ. А тебѣ никогда не хочется пострѣлять что-нибудь, кромѣ кроликовъ?

Экдаль. А чѣмъ плохи кролики? А?

Гедвигъ. Нѣтъ, а, напримѣръ, дикую утку?..

Экдаль. Хо-хо! Боится, какъ бы я не застрѣлилъ ея дикую утку! Никогда въ жизни, — слышишь? Никогда!

Гедвигъ. Да ты, пожалуй, и не сумѣлъ бы. Ихъ, говорятъ, трудно стрѣлять, этихъ дикихъ утокъ.

Экдаль. Не сумѣлъ бы? Какъ бы не такъ!

Гедвигъ. Но какъ же бы ты сталъ стрѣлять, дѣдушка? Не въ мою дикую утку, а въ другихъ?

Экдаль. Надо въ грудь цѣлить — понимаешь? И противъ пера, а не по перу — понимаешь?

Гедвигъ. Тогда наповалъ, дѣдушка?

Экдаль. Ну да, наповалъ, если умѣешь стрѣлять. Гм. Теперь, пожалуй, пора мнѣ и пріодѣться. Гм... Понимаешь, гм... (Уходитъ къ себѣ).

(Гедвигъ выжидаетъ немного, косится на дверь гостиной, подходитъ къ полкамъ, привстаетъ на цыпочки, достаетъ съ верхней полки пистолетъ и разсматриваетъ его. Гина выходитъ изъ гостиной съ метелкой и тряпкой. Гедвигъ быстро и незамѣтно кладетъ пистолетъ на одну изъ полокъ).

Гина. Не ройся въ папиныхъ вещахъ, Гедвигъ.

Гедвигъ (отходя отъ полокъ). Я только прибрать хотѣла.

Гина. Ступай лучше въ кухню и погляди, чтобы кофей не простылъ. Хочу захватить съ собой на подносѣ, когда спущусь внизъ.

(Гедвигъ уходитъ въ кухню. Гина начинаетъ подметать полъ и прибирать комнату. Нѣсколько минутъ спустя входная дверь медленно отворяется, и изъ нея выглядываетъ Яльмаръ Экдаль. На немъ пальто въ накидку, но нѣтъ шляпы; онъ неумытъ, непричесанъ; глаза заспанные, тусклые).

Гина (застываетъ съ метелкой въ рукѣ, глядя на мужа). Ахъ, Экдаль... ты все-таки пришелъ?

Яльмаръ (входитъ и отвѣчаетъ глухимъ голосомъ). Пришелъ... и тотчасъ же исчезну.

Гина. Ну да, да, понятно. Но, Господи Іисусе, на кого ты похожъ?

Яльмаръ. На кого похожъ?

Гина. И твое хорошее зимнее пальто! Досталось же ему!

Гедвигъ (въ дверяхъ кухни). Мама, не надо ли... (Увидавъ Яльмара, вскрикиваетъ отъ радости и бѣжитъ къ нему) Папа! Папа!

Яльмаръ (отворачивается и машетъ рукой). Прочь, прочь! (Гинѣ) Убери ее прочь, говорятъ тебѣ!

Гина (вполголоса Гедвигъ). Поди въ гостиную, Гедвигъ.

(Гедвигъ тихо уходитъ).

Яльмаръ (суетливо выдвигая ящикъ стола). Мнѣ нужно взять съ собой книги. Гдѣ мои книги?

Гина. Какія?

Яльмаръ. Мои научныя сочиненія, разумѣется... техническіе журналы, которые нужны для моей работы надъ изобрѣтеніемъ.

Гина (ищетъ на полкахъ). Эти, что ли, безъ переплетовъ?

Яльмаръ. Ну да, конечно.

Гина (кладетъ на столъ кипу журнальныхъ выпусковъ). Не велѣть ли Гедвигъ разрѣзать тебѣ листы?

Яльмаръ. Не зачѣмъ мнѣ ихъ разрѣзывать. (Короткая пауза).

Гина. Значитъ, стоишь на томъ, чтобы переѣхать отъ насъ, Экдаль?

Яльмаръ (перебирая книги). Само собой разумѣется... а то какъ же?

Гина. Да, да.

Яльмаръ (вспыливъ). Не могу же я оставаться тутъ, гдѣ мнѣ ежеминутно будутъ вонзать ножъ въ сердце!

Гина. Богъ тебѣ судья, что ты можешь думать обо мнѣ такъ гадко.

Яльмаръ. Докажи!

Гина. Скорѣе ты докажи.

Яльмаръ. Послѣ такого прошлаго, какъ у тебя? Нѣтъ, есть извѣстныя требованія... я готовъ назвать ихъ идеальными требованіями...

Гина. А дѣдушка? Что съ нимъ будетъ, съ бѣднягой?

Яльмаръ. Я знаю свой долгъ. Безпомощный старецъ переѣдетъ со мной. Я отправлюсь въ городъ, распоряжусь... Гм... (Ищется) Никто не находилъ моей шляпы на лѣстницѣ?

Гина. Нѣтъ. Ты шляпу потерялъ?

Яльмаръ. Она, разумѣется, была на мнѣ, когда я вернулся ночью. Безъ всякаго сомнѣнія. А сегодня я не могъ отыскать ее.

Гина. Господи Іисусе, и гдѣ только тебя носило съ этими пьянчугами?

Яльмаръ. Не приставай ко мнѣ съ пустяками. Ты думаешь, я въ такомъ настроеніи, чтобы помнить всякія мелочи?

Гина. Только бы ты не простудился, Экдаль. (Уходитъ въ кухню).

Яльмаръ (говоритъ самъ съ собой вполголоса, озлобленно опоражнивая ящикъ стола). Негодяй этотъ Реллингъ! Плутъ! Гнусный совратитель!.. Найти бы кого-нибудь, кто подстрѣлилъ бы тебя изъ-за угла! (Откладываетъ въ сторону нѣсколько старыхъ писемъ, находитъ разорванную наканунѣ пополамъ бумагу, складываетъ обѣ половинки вмѣстѣ и смотритъ на нихъ. Входитъ Гина; онъ быстро откладываетъ ихъ въ сторону).

Гина (ставитъ на столъ подносъ съ кофейнымъ приборомъ). Вотъ, глотокъ горяченькаго не хочешь ли... бутерброды и немножко солененькаго...

Яльмаръ (косясь на подносъ). Солененькаго?.. Ни куска больше подъ этой кровлей! Правда, у меня во рту не было ничего существеннаго вотъ ужъ цѣлыя сутки, но это безразлично... Мои замѣтки! Мои начатыя воспоминанія! Куда дѣвался мой дневникъ и всѣ мои важныя бумаги? (Открываетъ дверь въ гостиную, но тотчасъ же отступаетъ) И тамъ она!

Гина. Господи Боже, надо же дѣвочкѣ гдѣ-нибудь быть!

Яльмаръ. Уйди! (Даетъ мѣсто; Гедвигъ робко проходитъ въ павильонъ, а онъ, держась за ручку двери, говоритъ Гинѣ) Нельзя ли хоть въ эти послѣднія минуты, которыя я провожу въ бывшемъ моемъ домѣ, избавить меня отъ присутствія чужихъ лицъ? (Уходитъ въ гостиную).

Гедвигъ (бросаясь къ матери, спрашиваетъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ). Это онъ про меня?

Гина. Побудь пока въ кухнѣ, Гедвигъ. Или нѣтъ, лучше ступай въ свою каморку. (Отворяетъ дверь въ гостиную и говоритъ) Постой, Экдаль, не ройся въ комодѣ, я знаю, гдѣ все лежитъ. (Уходитъ въ гостиную).

Гедвигъ (испуганная, растерянная, стоитъ съ минуту, застывъ на мѣстѣ и кусая губы, чтобы не расплакаться, потомъ судорожно ломаетъ руки и тихо говоритъ). Дикая утка! (Прокрадывается къ полкамъ, достаетъ пистолетъ, чуть отодвигаетъ одну половину дверей на чердакъ, проскальзываетъ туда и задвигаетъ за собой дверь).

(Изъ гостиной слышится споръ между Яльмаромъ и Гиной).

Яльмаръ (выходитъ, держа въ рукахъ нѣсколько старыхъ тетрадокъ и разрозненныхъ листковъ, которые затѣмъ кладетъ на столъ). А, поди ты со своимъ саквояжемъ! Куда онъ годится! Тутъ тысяча вещей, которыя надо захватить!

Гина (выходя вслѣдъ за нимъ съ саквояжемъ въ рукахъ). Да ты оставь пока все остальное тутъ, Эйдаль. Возьми только рубашку да пару кальсонъ.

Ялмаръ. Уфъ! Эти утомительные сборы!.. (Снимаетъ съ себя пальто и бросаетъ его на диванъ).

Гина. А кофей-то простынетъ.

Ялмаръ. Гм... (Машинально отпиваетъ глотокъ, потомъ еще).

Гина (вытирая спинки стульевъ). Всего труднѣе будетъ тебѣ отыскать такой большой чердакъ для кроликовъ.

Ялмаръ. Что? Стану я еще таскать за собой кроликовъ!

Гина. А какъ же дѣдушка будетъ безъ нихъ?

Ялмаръ. Придется привыкнуть. Мнѣ приходится отказаться и не отъ такихъ благъ жизни, какъ кролики.

Гина (стирая пыль съ полокъ). А флейту тоже положить тебѣ въ саквояжъ?

Ялмаръ. Нѣтъ. Не надо мнѣ флейты. А вотъ дай мнѣ пистолетъ.

Гина. Съ собой хочешь взять?

Ялмаръ. Да; мой заряженный пистолетъ.

Гина (ищетъ его). Нѣту его. Вѣрно, старикъ взялъ его съ собой туда.

Ялмаръ. Онъ на чердакѣ?

Гина. Навѣрно тамъ.

Ялмаръ. Гм... одинокій старецъ! (Беретъ бутербродъ, ѣстъ и запиваетъ кофе).

Гина. Если бы мы не сдали ту комнату, ты могъ бы перебраться туда.

Ялмаръ. Чтобъ я остался подъ одной кровлей?.. Никогда! Никогда!

Гина. А то не перебраться ли тебѣ на день, на два въ гостиную? Тамъ бы тебѣ никто не мѣшалъ.

Ялмаръ. Никогда. Въ этихъ стѣнахъ!..

Гина. Ну, такъ внизъ — къ Реллингу съ Мольвикомъ?

Ялмаръ. Не произноси этихъ именъ! Стоитъ мнѣ вспомнить о нихъ — кусокъ не идетъ въ горло. Нѣтъ, видно, придется мнѣ въ бурю и непогоду стучаться изъ двери въ дверь, ища, гдѣ бы намъ со старикомъ-отцомъ преклонить наши головы.

Гина. Куда же ты пойдешь безъ шляпы, Эйдаль? Шляпы-то вѣдь нѣтъ.

Ялмаръ. О, эти два негодяя, вмѣстилище всѣхъ пороковъ! Шляпу, конечно, нужно достать. (Беретъ второй бутербродъ) Надо принять мѣры. Я еще не собираюсь совсѣмъ проститься съ жизнью. (Ищетъ что-то на подносѣ).

Гина. Ты что ищешь?

Яльмаръ. Масло.

Гина. Масло — сейчасъ подамъ. (Уходитъ въ кухню).

Яльмаръ (кричитъ ей вслѣдъ). Да не хлопочи! Я могу обойтись и коркой черстваго хлѣба.

Гина (приноситъ масленку). На вотъ. Свѣженькое. (Наливаетъ ему вторую чашку кофе. Онъ садится на диванъ, намазываетъ еще масла на бутербродъ, ѣстъ и пьетъ нѣкоторое время молча).

Яльмаръ. Могъ бы я... безъ всякихъ приставаній... со стороны кого бы то ни было прожить тамъ въ гостиной день-другой?

Гина. Да преотлично, если только хочешь.

Яльмаръ. Потому что я не вижу никакой возможности собрать въ такихъ попыхахъ всѣ отцовскія вещи.

Гина. Да и надо вѣдь сперва сказать ему, что ты больше не хочешь оставаться жить съ нами.

Яльмаръ (отодвигая отъ себя чашку). Да, и это тоже. Снова заводить всю эту канитель! Мнѣ нужно собраться съ мыслями... вздохнуть немножко... Не могу же я взвалить себѣ на плечи все заразъ въ одинъ день.

Гина. Да еще въ такую погоду. Такъ и мятетъ.

Яльмаръ (перекладываетъ письмо коммерсанта Верле). Бумага, какъ вижу, все еще валяется тутъ.

Гина. Я ея и не трогала.

Яльмаръ. Меня эта бумажонка, конечно, не касается.

Гина. Да и я не собираюсь ею попользоваться.

Яльмаръ. А нельзя все-таки, чтобы она пропала въ этой суматохѣ... когда я начну переѣзжать...

Гина. Нѣтъ, ужъ я приберу, Экдаль.

Яльмаръ. Даръ принадлежитъ прежде всего отцу, и его дѣло рѣшить, хочетъ онъ принять или нѣтъ.

Гина (вздыхаетъ). Да, бѣдный старикъ...

Яльмаръ. На всякій случай... Гдѣ бы взять клею?

Гина (идетъ къ полкамъ). Вотъ тутъ цѣлая банка.

Яльмаръ. И кисточку.

Гина. И кисточка тутъ. (Подаетъ ему и то и другое).

Яльмаръ (беретъ ножницы). Подклеить бумажкой. (Рѣжетъ и клеитъ) Я далекъ отъ мысли наложить руку на чужое добро... тѣмъ паче на добро неимущаго старца, — да и другого кого. Ну вотъ. Пусть полежитъ пока. Потомъ, какъ подсохнетъ, убери. Я видѣть больше не хочу этого документа. Никогда!

Грегерсъ Верле (входитъ: съ нѣкоторымъ удивленіемъ). Что?.. Ты тутъ сидишь, Яльмаръ?

Яльмаръ (вскакивая). Просто свалился отъ изнеможенія.

Грегерсъ. Однако завтракалъ, какъ вижу.

Яльмаръ. Тѣло тоже предъявляетъ иногда свои требованія.

Грегерсъ. На чемъ же ты порѣшилъ?

Яльмаръ. Для человѣка, какъ я, иного рѣшенія быть не можетъ. Я какъ разъ былъ занятъ сейчасъ сборомъ самыхъ необходимыхъ вещей. А на это нужно время — самъ понимаешь.

Гина (начиная терять терпѣніе). Такъ что же—гостиную тебѣ приготовить, или укладывать саквояжъ?

Яльмаръ (бросивъ сердитый взглядъ на Грегерса). Укладывай... и приготовь.

Гина (беретъ саквояжъ). Ну, ладно. Такъ я уложу рубашку и прочее. (Уходитъ въ гостиную и затворяетъ за собой дверь).

Грегерсъ (послѣ небольшой паузы). Вотъ не думалъ я, что этимъ кончится. Въ самомъ ли дѣлѣ необходимо тебѣ уходить изъ дому и отъ семьи?

Яльмаръ (безпокойно бродитъ по комнатѣ). Что же, по-твоему, мнѣ дѣлать?.. Я не созданъ быть несчастнымъ, Грегерсъ. Мнѣ нужна хорошая, спокойная, мирная обстановка.

Грегерсъ. Да почему-жъ тебѣ и не имѣть ея? Попробуй только. По-моему, теперь-то тебѣ какъ разъ есть на чемъ построить... начать жизнь сызнова. Не забывай также, у тебя есть цѣль жизни — твое изобрѣтеніе.

Яльмаръ. Ахъ, не говори ты мнѣ объ изобрѣтеніи. Его, пожалуй, не скоро дождешься!

Грегерсъ. Какъ?

Яльмаръ. Ну да, Господи Боже мой, какихъ еще изобрѣтеній тебѣ отъ меня нужно? Почти все уже изобрѣтено другими до меня. Со дня на день все труднѣе придумать что-нибудь новое...

Грегерсъ. Да вѣдь ты столько уже потратилъ труда на это.

Яльмаръ. О, это все безпутный Реллингъ меня подбивалъ.

Грегерсъ. Реллингъ?

Яльмаръ. Ну да. Онъ первый указалъ мнѣ, что я способенъ сдѣлать какое-нибудь замѣчательное изобрѣтеніе по фотографіи.

Грегерсъ. Ага!.. Такъ это Реллингъ!

Яльмаръ. И я былъ такъ счастливъ, меня это такъ радовало... не столько изобрѣтеніе само по себѣ, а то, что Гедвигъ такъ вѣрила въ него... вѣрила со всей силой и искренностью дѣтской души.... то-есть я, глупецъ, воображалъ, что она вѣритъ.

Грегерсъ. Неужели ты допускаешь, что Гедвигъ могла лукавить съ тобой?

Яльмаръ. Ахъ, я теперь готовъ допускать все, что угодно. Гедвигъ всему помѣхой. Она стоитъ мнѣ теперь поперекъ дороги, застилаетъ мнѣ солнце жизни.

Грегерсъ. Гедвигъ! Это ты о ней говоришь? Чѣмъ же она можетъ мѣшать тебѣ?

Яльмаръ (не отвѣчая на вопросъ). Я безъ памяти любилъ этого ребенка. Я былъ такъ невыразимо счастливъ, когда, бывало, возвращался домой, въ свой скромный уголъ, и она бѣжала мнѣ навстрѣчу, щуря свои милые глазки. Ахъ, я легковѣрный глупецъ! Я такъ невыразимо любилъ ее... и тѣшилъ себя фантазіей, что и она платитъ мнѣ такою же любовью.

Грегерсъ. Да развѣ это, по-твоему, была одна фантазія?

Яльмаръ. Почемъ я знаю? Отъ Гины я добиться ничего не могу. Ей и не понять идеальной стороны этого сложнаго вопроса. Но передъ тобой я чувствую потребность излить свою душу, Грегерсъ. Меня преслѣдуетъ ужасное сомнѣніе... Пожалуй, Гедвигъ никогда искренно не любила меня.

Грегерсъ. Быть-можетъ, тебѣ будетъ дано ясное доказательство... (Прислушиваясь) Что это? Какъ будто утка кричитъ?

Яльмаръ. Крякаетъ. Отецъ на чердакѣ.

Грегерсъ. Ахъ, онъ тамъ! (Просвѣтлѣвъ) Повторяю, тебѣ будетъ дано ясное доказательство, что бѣдная отвергнутая дѣвочка любитъ тебя!

Яльмаръ. Какія тамъ она можетъ дать мнѣ доказательства! Я не смѣю больше вѣрить никакимъ увѣреніямъ съ той стороны.

Грегерсъ. Гедвигъ, безъ сомнѣнія, чужда обмана.

Яльмаръ. Ахъ, Грегерсъ, въ этомъ-то я какъ разъ и не увѣренъ, это-то и неизвѣстно. Кто знаетъ, о чемъ, бывало, шушукались тутъ Гина и эта фру Сёрбю? А у Гедвигъ всегда ушки на макушкѣ. Пожалуй, и дарственная запись эта явилась вовсе не такъ нежданно-негаданно. Я какъ будто что-то такое замѣчалъ.

Грегерсъ. Что за духъ въ тебя вселился!

Яльмаръ. У меня глаза открылись. Увидишь, эта дарственная запись — только начало. Фру Сёрбю всегда особенно жаловала Гедвигъ, а теперь она и подавно въ состояніи сдѣлать для дѣвочки все, что угодно. Они могутъ отобрать ее у меня, когда вздумаютъ.

Грегерсъ. Ни за что на свѣтѣ Гедвигъ не уйдетъ отъ тебя.

Яльмаръ. Не будь такъ увѣренъ. Если они насулятъ ей тамъ всякихъ благъ?.. А я-то — безъ памяти любилъ ее! Я видѣлъ высшее свое счастье въ томъ, чтобы бережно провести ее за руку чрезъ всю жизнь, какъ ведутъ боящагося темноты ребенка черезъ большую пустую комнату!.. И теперь я такъ мучительно увѣренъ, что бѣдный фотографъ, ютящійся на чердакѣ, никогда не пользовался безраздѣльно ея дѣтскою любовью.

Она попросту вкралась ему въ душу; старалась ладить съ нимъ — пока что.

Грегерсъ. Ты и самъ этому не вѣришь, Яльмаръ.

Яльмаръ. Весь ужасъ въ томъ, что я не знаю, чему вѣрить... и никогда не узнаю. Да и у тебя-то есть ли основанія сомнѣваться въ томъ, что я говорю? Хо-хо! Ты слишкомъ уповаешь на свои идеальныя требованія, Грегерсъ! А если тѣ придутъ къ ней... съ полными руками... и крикнутъ дѣвочкѣ: брось его, у насъ ждетъ тебя настоящая жизнь...

Грегерсъ (быстро). Ну и что же, по-твоему?

Яльмаръ. А я бы задалъ ей вопросъ: Гедвигъ, согласна ли ты отказаться отъ этой жизни ради меня? (Съ ироническимъ смѣхомъ) Благодарю покорно — ты услыхалъ бы ея отвѣтъ!

(На чердакѣ раздается выстрѣлъ.)

Грегерсъ (громко, радостно). Яльмаръ!

Яльмаръ. Ну вотъ! Опять онъ охотится.

Гина (входитъ). Охъ, Экдаль! Опять, кажется, дѣдушка одинъ палитъ тамъ.

Яльмаръ. Я посмотрю...

Грегерсъ (въ радостномъ волненіи). Постой! Знаешь ты, что это было?

Яльмаръ. Конечно, знаю.

Грегерсъ. Нѣтъ, не знаешь. А я знаю. Это было доказательство.

Яльмаръ. Какое доказательство?

Грегерсъ. Дѣтская жертва. Гедвигъ уговорила твоего отца застрѣлить дикую утку!

Гина. Да неужто?..

Яльмаръ. Къ чему же это?

Грегерсъ. Она хотѣла пожертвовать ради тебя лучшимъ своимъ сокровищемъ и тѣмъ вернуть себѣ твою любовь.

Яльмаръ (мягко, растроганно). Ахъ, дѣвчурка...

Гина. Чего она ни придумаетъ!

Грегерсъ. Она только и думала, какъ бы вернуть твою любовь, Яльмаръ. Ей казалось, что она жить безъ нея не можетъ.

Гина (съ трудомъ удерживая слезы). Самъ теперь видишь, Экдаль.

Яльмаръ. Гина, гдѣ она?

Гина (всхлипывая). Бѣдняжка... вѣрно, въ кухню забилась.

Яльмаръ (идетъ и распахиваетъ кухонную дверь). Гедвигъ! Иди сюда! Иди ко мнѣ! (Заглядываетъ въ кухню) Да ея здѣсь нѣтъ.

Гина. Такъ въ своей каморкѣ, вѣрно.

Яльмаръ (изъ другой комнаты). И тамъ нѣтъ. (Возвращается въ павильонъ) Ушла, что ли?

Гина. Да ты же не давалъ ей нигдѣ приткнуться.

Яльмаръ. Ахъ, скорѣе бы она вернулась, чтобъ я хорошенько могъ сказать ей!.. Ну, теперь опять все будетъ хорошо, Грегерсъ. Теперь я вѣрю, что мы можемъ начать новую жизнь.

Грегерсъ (тихо). Я это зналъ. Возрожденіе должно было совершиться черезъ ребенка.

(Старикъ Экдаль выходитъ изъ своей комнаты въ полной парадной формѣ, стараясь прицѣпить саблю).

Яльмаръ (пораженный). Отецъ! Ты тутъ?!

Гина. Вы, значитъ, въ комнатѣ стрѣляли?

Экдаль (сердито). Такъ ты ужъ одинъ сталъ ходить на охоту, Яльмаръ?

Яльмаръ (въ смятеніи). Такъ это не ты стрѣлялъ на чердакѣ?

Экдаль. Я стрѣлялъ? Гм!..

Грегерсъ (кричитъ Яльмару). Значитъ, она сама застрѣлила дикую утку!

Яльмаръ. Что же это такое! (Бросается къ дверямъ, раздвигаетъ ихъ, заглядываетъ на чердакъ и вскрикиваетъ) Гедвигъ!

Гина (тоже бѣжитъ къ дверямъ). Господи, что это!

Яльмаръ (входитъ на чердакъ). Она лежитъ на полу!

Грегерсъ. Гедвигъ лежитъ?!. (Бросается за Яльмаромъ).

Гина (одновременно). Гедвигъ! (Тоже кидается на чердакъ) Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Экдаль. Хо-хо! И она туда же — охотиться?

(Яльмаръ, Гина и Грегерсъ выносятъ Гедвигъ; въ безсильно повисшей правой рукѣ ея зажатъ пистолетъ).

Яльмаръ (въ полномъ смятеніи). Пистолетъ разрядился. Она попала въ себя. Зовите на помощь! На помощь!

Гина (выбѣгаетъ изъ входныхъ дверей и кричитъ внизъ). Реллингъ! Реллингъ! Докторъ Реллингъ! Бѣгите къ намъ! Какъ можно скорѣе!

(Яльмаръ и Грегерсъ кладутъ Гедвигъ на диванъ).

Экдаль (тихо). Лѣсъ мститъ.

Яльмаръ (на колѣняхъ передъ Гедвигъ). Она сейчасъ очнется. Сейчасъ очнется... да, да...

Гина (возвращаясь). Куда она попала? Я ничего не вижу...

(Вбѣгаетъ Реллингъ и вслѣдъ за нимъ Мольвикъ; послѣдній во фракѣ, но безъ жилета и безъ галстука).

Реллингъ. Что тутъ стряслось?

Гина. Они говорятъ, Гедвигъ застрѣлилась.

Яльмаръ. Сюда! Помоги!

Реллингъ. Застрѣлилась! (Отодвигаетъ столъ и начинаетъ осматривать Гедвигъ).

Яльмаръ (на колѣняхъ, со страхомъ слѣдя за нимъ). Вѣдь не

опасно же? Нѣтъ, Реллингъ? И крови почти нѣтъ. Вѣдь не опасно же?

Реллингъ. Какъ это вышло?

Яльмаръ. Ахъ, ничего я не знаю!..

Гина. Она хотѣла застрѣлить дикую утку.

Реллингъ. Дикую утку?

Яльмаръ. Должно-быть, пистолетъ разрядился.

Реллингъ. Гм... Такъ.

Экдаль. Лѣсъ мститъ. Но я все же не боюсь. (Уходитъ на чердакъ и затворяетъ за собой дверь).

Яльмаръ. Ну, Реллингъ... что же ты молчишь?

Реллингъ. Зарядъ попалъ въ грудь.

Яльмаръ Но вѣдь она оправится?..

Реллингъ. Ты же видишь — она мертва.

Гина (разражаясь рыданіями). Дѣвочка моя, дѣвочка!..

Грегерсъ (хрипло). Въ пучинѣ морской...

Яльмаръ (вскакивая). Нѣтъ! Нѣтъ! Она должна жить! Реллингъ... ради Бога... хоть на минутку... хоть на секунду, чтобъ я успѣлъ сказать ей, какъ безумно я любилъ ее всегда!

Реллингъ. Прямо въ сердце. Внутреннее кровоизліяніе. Мгновенная смерть.

Яльмаръ. А я гналъ ее отъ себя, какъ дикаго звѣря! И она забилась на чердакъ и умерла изъ любви ко мнѣ! (Рыдая) Никогда не поправить этого! Не сказать ей!.. (Заламывая руки, кричитъ вверхъ) О, Ты тамъ!.. Если Ты есть!.. Зачѣмъ Ты допустилъ это!

Гина. Полно, полно, — нельзя такъ богохульничать! Вѣрно, мы были недостойны, чтобъ она оставалась съ нами.

Мольвикъ. Дѣвочка не умерла, а спитъ.

Реллингъ. Вздоръ!

Яльмаръ (стихаетъ, подходитъ къ дивану и, скрестивъ руки, смотритъ на Гедвигъ). Вотъ она и лежитъ... тихая... недвижная!..

Реллингъ (пытаясь высвободить пистолетъ). Нѣтъ, какъ крѣпко...

Гина. Оставьте, Реллингъ, не ломайте ей пальцы. Оставьте ей револьверъ.

Яльмаръ. Пусть унесетъ съ собой въ могилу.

Гина. Да, пусть. Но нельзя же дѣвочкѣ лежать тутъ напоказъ. Надо снести ее къ ней въ каморку. Берись, Экдаль.

(Яльмаръ и Гина берутъ Гедвигъ).

Яльмаръ. О, Гина! Гина! И ты снесешь это!

Гина. Поможемъ другъ другу. Теперь намъ нечего дѣлить ее.

Мольвикъ (простирая руки, бормочетъ). Хвала Всевышнему! Отъ земли взята еси — и въ землю отыдешь...

Реллингъ (шопотомъ). Заткни глотку; ты пьянъ.

(Яльмаръ и Гина уносятъ тѣло въ кухню: Реллингъ затворяетъ за ними дверь. Мольвикъ пробирается къ выходу).

Реллингъ (подходитъ къ Грегерсу). Ну, ужъ меня-то никто не проведетъ, что это нечаянно.

Грегерсъ (стоявшій все время внѣ себя отъ ужаса, весь передергивается). Никто не можетъ сказать, какъ это вышло. Ужасно!

Реллингъ. Выстрѣломъ опалило платье. Она, значитъ, приставила пистолетъ къ самой груди и спустила курокъ.

Грегерсъ. Гедвигъ умерла не напрасно. Видѣли вы, какое душевное величіе проявилъ онъ въ горѣ?

Реллингъ. Въ минуту горя, у смертнаго одра, многіе проявляютъ душевное величіе. Но надолго ли, по-вашему, хватитъ этого величія?

Грегерсъ. Да неужели не хватитъ на всю жизнь?

Реллингъ. Не пройдетъ и года, какъ бѣдняжка Гедвигъ станетъ для него только красивой темой для декламаціи.

Грегерсъ. И вы смѣете такъ говорить о Яльмарѣ Экдалѣ!

Реллингъ. Мы поговоримъ объ этомъ, когда на могилѣ Гедвигъ завянетъ первая трава. Тогда вы услышите, какъ онъ будетъ пережевывать жвачку, говоря о «безвременно отторгнутомъ отъ отцовскаго сердца ребенкѣ». Увидите, какъ будетъ таять отъ умиленія, самовосхищенія, самосостраданія. Увидите!

Грегерсъ. Если вы правы, а я ошибся, то — жить не стоитъ.

Реллингъ. О, жизнь могла бы еще быть довольно сносной, если бы только оставили насъ въ покоѣ эти благословенные кредиторы, которые обиваютъ у насъ, простыхъ смертныхъ, пороги, предъявляя къ намъ идеальныя требованія.

Грегерсъ (глядя передъ собой въ пространство). Въ такомъ случаѣ я радъ своему назначенію.

Реллингъ. Позвольте спросить, что это за назначеніе?

Грегерсъ (на ходу). Тринадцатаго за столомъ.

Реллингъ (вслѣдъ ему). Чорта съ два! Такъ вамъ и повѣрятъ!

РОСМЕРСГОЛЬМЪ.

Написана драма въ Мюнхенѣ, а вышла въ свѣтъ въ Копенгагенѣ 23 ноября 1886 г.; переведена почти на всѣ европейскіе языки и обошла большинство сценъ Новаго и Стараго Свѣта, всюду пользуясь большимъ успѣхомъ. У насъ въ Россіи была поставлена въ 1908 г. московскимъ Художественнымъ театромъ.

„Предшествовавшая „Росмерсгольму“ драма „Дикая утка“ ознаменовала нѣкоторый поворотъ во взглядахъ Ибсена и въ его творчествѣ. До тѣхъ поръ это былъ суровый до жестокости идеалистъ, фанатикъ истины, неумолимый судія человѣческой личности, предъявлявшій къ ней „идеальныя требованія“, строго анализировавшій и взвѣшивавшій ее со всѣми ея качествами и безпощадно забраковывавшій все, что не отвѣчало упомянутымъ требованіямъ. Онъ ревностно преслѣдовалъ всякую двойственность, „половинчатость“, лицемѣріе, себялюбіе, высматривалъ ихъ въ самыхъ укромныхъ уголкахъ, гдѣ бы они ни притаились. Онъ съ настоящей страстью охотника выслѣживалъ и поражалъ своими стрѣлами, разоблачалъ и бичевалъ все низменное, мелочное, выслѣживалъ даже тамъ, гдѣ меньше всего можно было ожидать найти это низменное и мелочное; тамъ, гдѣ, повидимому, все обстояло какъ нельзя болѣе благополучно, онъ видѣлъ и разоблачалъ гниль, показывая, что она лишь прикрыта блестящею мишурой сверху. Онъ, если можно такъ выразиться, взялъ себѣ привилегію сомнѣваться во всемъ, изслѣдовать все, кажущееся великимъ, истиннымъ, незыблемымъ, и убѣждаться въ томъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. И результатъ получался у него неизмѣнно отрицательный.

„Но если можно сомнѣваться — дѣйствительно ли кажущееся съ виду великимъ есть великое, то съ такимъ же правомъ можно задать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли все, кажущееся мелкимъ, есть только мелкое, ничтожное? И идеализмъ ни на іоту не сбавитъ своихъ требованій, духъ компромисса не одержитъ никакой побѣды, если даже отвѣтъ и на второй вопросъ получится отрицательный. Признавать и въ преломленныхъ лучахъ свѣтъ не значитъ отрицать чистый, бѣлый свѣтъ солнца. И какъ прекрасно отыскивать и разоблачать поддѣльныя величіе, красоту, правду, любовь, такъ же прекрасно отыскивать и показывать „неподдѣльное“, хотя бы оно скрывалось лишь въ видѣ скромныхъ блестокъ, затерянныхъ въ массѣ мишуры.

„Этотъ новый взглядъ Ибсена впервые сказался въ „Дикой уткѣ“. Гина Экдаль — женщина „съ прошлымъ“, обманувшая своего мужа въ качествѣ невѣсты, но въ бракѣ ставшая вполнѣ честной и горячо любящей женой, которая предана мужу всѣмъ своимъ существомъ и работаетъ, не покладая рукъ, создавая счастье мужа и ребенка. И можно ли отрицать, что и Ялмаръ, по-своему, искренно любитъ Гину,

и что они въ общемъ, несмотря ни на что, представляютъ счастливую чету? Съ идеальной точки зрѣнія Генрика Ибсена, нашедшей такое яркое выраженіе въ „Кукольномъ домѣ“, сожительство Яльмара и Гины не можетъ считаться настоящимъ бракомъ, но все же, какъ это указываетъ самъ Ибсенъ, взаимныя отношенія ихъ не лишены извѣстной цѣнности и красоты, такъ какъ не лишены любви, какъ бы ни была эта любовь далека отъ идеальной. Строгій поборникъ великихъ идеаловъ тутъ уже на пути стать гуманнымъ заступникомъ жалкой дѣйствительности.

„Еще сильнѣе сказывается этотъ духъ жалости и гуманности въ „Росмерсгольмѣ“ и въ „Дочери моря“.

„Въ душѣ моей новое лѣто. Я обрѣлъ новый, юношески-свѣжій взглядъ на жизнь“, — говоритъ Іоганнесъ Росмеръ, и нѣтъ сомнѣнія, что слова эти могутъ быть отнесены и къ самому Ибсену. Вѣдь развѣ не говоритъ о новомъ лѣтѣ то обстоятельство, что маститый поэтъ-драматургъ, который двадцать съ лишкомъ лѣтъ неустанно выслѣживалъ и разоблачалъ человѣческое ничтожество, началъ выдвигать облагораживающее вліяніе любви, писать одну драму за другой въ прославленіе любви? Не говоритъ ли о новомъ лѣтѣ то, что авторъ, упорно гонявшійся за низкими, мелочными чертами, отыскивая ихъ даже въ наиболѣе неуязвимыхъ съ виду характерахъ, началъ выдвигать благородныя, высокія черты даже такихъ личностей, какъ Ребекка Вестъ въ „Росмерсгольмѣ“, которая могла бы иначе выйти типомъ низкой интриганки, или тонкія благородныя черты такого слабохарактернаго будничнаго человѣка, какъ докторъ Вангель („Дочь моря“), или духъ свободы, душевное благородство, стремленіе къ великому такой нервнобольной, развинченной женщины, какъ Эллида („Дочь моря“)?

„Ребекка — женскій образъ, стоящій совершенно особнякомъ въ норвежской литературѣ. Ни одна изображенная норвежскими поэтами женщина не имѣла столь темнаго прошлаго, и все же мало такихъ, чей образъ достигалъ бы въ концѣ концовъ такой высоты, вырисовывался столь чистымъ и благороднымъ.

„Ребекка родилась и выросла на крайнемъ сѣверѣ, въ странѣ „полуночнаго солнца“, и некультурность, дикость и рѣзкіе контрасты природы крайняго сѣвера отразились на всемъ ея духовномъ и физическомъ складѣ. Она сама невольно черпаетъ образы и сравненія изъ этой природы, когда желаетъ охарактеризовать свои чувства и настроенія. Охватившую ее необузданную, непреодолимую страсть она сравниваетъ съ морскимъ шкваломъ, говоритъ, что чувство это налетѣло на нее, „какъ буря, какія подымаются на сѣверѣ зимой. Подхватитъ и несетъ тебя съ собой, несетъ невѣдомо куда. Нечего и думать о сопротивленіи“. И воля ея столь же могуча и необузданна, какъ сѣверная природа. „Думаю, она смогла бы добиться, чего бы ни захотѣла тогда. Тогда воля моя была еще здорова, смѣла, свободна; я знать не хотѣла никакихъ постороннихъ соображеній — ничего, что могло бы заставить меня свернуть съ дороги“, — разсказываетъ она... И дѣйствительно, ее не заставило свернуть съ дороги къ намѣченной цѣли даже препятствіе въ видѣ человѣческой жизни. Между нею и Росмеромъ стояла больная, истеричная жена послѣдняго, застилавшая отъ него „солнце жизни“. Ребекка поняла, что, пока Беата жива — ни для Росмера ни для нея самой не можетъ быть и рѣчи о жизни, полной свободы, счастья и радости; а понявъ это, она сдѣлала логическій выводъ: Беату необходимо устранить. И, разъ поставивъ себѣ эту цѣль, Ребекка идетъ къ ней, подталкиваемая всей своей природой. Она внушаетъ истеричной женщинѣ, что возникшія между нею, Ребеккой,

и Росмеромъ близкія дружескія отношенія перешли въ любовную связь, и такъ долго и усердно твердитъ это, что Беата, любящая мужа непормальной, болѣзненной любовью, приноситъ себя въ жертву ради счастья послѣдняго — бросается въ водопадъ.

„Ребекка побѣдила, но съ этой побѣды начинается и ея пораженіе, начинается завоеваніе Росмеромъ ея души, идущее параллельно завоеванію Ребеккой ума Росмера. Ребекка усвоила себѣ современное, „свободное“ міросозерцаніе. Росмеръ же — духовный питомецъ стараго времени, но онъ мало самостоятеленъ и легко поддается чужому вліянію; поэтому Ребеккѣ безъ особыхъ усилій удается заставить его измѣнить своимъ старымъ воззрѣніямъ и поддаться новымъ идеямъ, передъ которыми она преклоняется.

„И вотъ, во время этого великаго обращенія Росмера въ новую вѣру, невольно и незамѣтно обращается сама Ребекка. „Когда я зажила съ тобой здѣсь... въ тишинѣ... въ уединеніи... когда ты сталъ безраздѣльно отдавать мнѣ свои мысли, дѣлиться со мной каждымъ настроеніемъ, каждымъ движеніемъ своей мягкой, нѣжной души, во мнѣ совершился глубокій переломъ. То-есть мало-по-малу, понимаешь. Почти незамѣтно... Но въ концѣ концовъ онъ перевернулъ во мнѣ всю душу“. И она снова прибѣгаетъ къ сравненію, къ картинѣ изъ родной природы, чтобы наглядно изобразить воцарившееся въ ея душѣ настроеніе: „Всѣ эти взбаломученныя силы улеглись, смолкли. Въ душѣ у меня воцарился такой покой... такая тишина... какъ на покрытой птицами скалѣ, у насъ на сѣверѣ, подъ полуночнымъ солнцемъ“. И вотъ тогда-то въ Ребеккѣ разгорается настоящая любовь къ Росмеру — любовь, ничего не требующая, готовая сама жертвовать всѣмъ, „любовь, которая довольствуется такой совмѣстной жизнью“, какую ведутъ они. А въ концѣ концовъ Ребекка сознаётъ, что все сдѣланное ею ради достиженія личнаго счастья привело лишь къ тому, что ей не знавать этого счастья никогда. „Теперь, когда жизнь подноситъ мнѣ полную чашу счастья, я стала такой, что мое собственное прошлое становится мнѣ поперекъ дороги“. Ребекка признаётся въ этомъ Росмеру, а затѣмъ и жертвуетъ своей жизнью, чтобы убѣдить его въ способности души человѣческой „облагораживаться“ силой беззавѣтной любви.

„И съ какой гуманностью обрисована авторомъ личность Ребекки, съ такою же терпимостью и безпристрастіемъ обрисована положенная въ основу пьесы партійная политическая борьба въ Норвегіи. И злобный фанатизмъ побѣжденныхъ, и лисья увертливость и лукавство побѣдителей поставлены передъ судилищемъ гуманности. „Люди озлобляются въ такой борьбѣ, которая теперь завязалась. Надо призвать въ ихъ души миръ, радость и примиреніе“. Лишь тогда, когда воля людей будетъ очищена, умъ освобожденъ, — можетъ одержать побѣду духъ терпимости и гуманности. Тогда мечта Росмера — создать благородныхъ людей — сбылась бы. Насталъ бы новый золотой вѣкъ, стали бы дѣйствительностью идеалы Ибсена. Оптимистическая вѣра Ибсена въ будущее сіяетъ въ „Росмерсгольмѣ“ и ярче и мягче, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ его произведеніи, и озаряетъ смягчающимъ, примиряющимъ „лучомъ свѣта“ трагическій конецъ“.

Въ приведенной характеристикѣ драмы, заимствованной у Іегера, сравнительно мало оттѣнена общая связь между произведеніями Ибсена, такъ сильно дающая себя знать въ „Росмерсгольмѣ“. Норвежскій критикъ, повидимому, считаетъ, что читатели-норвежцы достаточно успѣли уяснить себѣ эту связь, внимательно слѣдя за творчествомъ Ибсена отъ самаго его начала. Нѣмецкій же критикъ Шлентеръ, не разсчитывая

на такое близкое знакомство читателей-нѣмцевъ съ произведеніями норвежскаго писателя, счелъ необходимымъ особенно подробно остановиться въ статьѣ, посвященной „Росмерсгольму“, на тѣсной связи этой драмы съ двумя предшествовавшими ей. Русскіе читатели въ этомъ отношеніи наврядъ ли опередили нѣмцевъ, и мы, преслѣдуя нашу цѣль—возможно всестороннее выясненіе творчества Ибсена, приводимъ здѣсь статью Шлентера почти цѣликомъ.

„Два года спустя послѣ „Дикой утки“ вышла къ Рождеству 1886 г. драма „Росмерсгольмъ“, драма, въ которой идеальныя требованія предъявлены не въ обывательскую хижину, а въ родовую усадьбу, не къ среднимъ людямъ, какъ Гина и Ялмаръ, а къ натурамъ избраннымъ, въ ряды которыхъ призвана была Гедвигъ. То, что предпринялъ „врагъ народа“, то, что такъ неудачно пытался примѣнить къ семьѣ Экдаля Грегерсъ Верле, то же самое мерещится бывшему пастору Росмеру, который, освободясь отъ наслѣдственныхъ и внушенныхъ воспитаніемъ взглядовъ на государство и церковь, мечтаетъ о созданіи новаго царства на землѣ, населеннаго людьми свободными, радостными, которые будутъ воплощать двойной идеалъ — индивидуальной свободы и радостной готовности къ самопожертвованію, — готовности, *устраняющей опасность свободы*. Если „врагъ народа“ — наивный чудакъ, кипятокъ, которому недоставало благоразумія и который кинулся къ своей цѣли, очертя голову, не спросясь броду, сунулся въ воду, если Грегерсъ Верле — оторванный отъ почвы мечтатель, глубокомысленный, но ограниченный, односторонній теоретикъ, подавленный безутѣшной картиной семейной жизни, добродушно-неуклюже ищущій какого-то мірового счастья, то Іоганнесъ Росмеръ, потомокъ древняго дворянскаго рода, съ душой тонко чувствующей, мыслящей, стремящейся къ самому чистому и благородному — „умственный аристократъ“ по самой своей природѣ, крайне чувствительный къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и глубоко воспринимающій внутреннія. Если „врагъ народа“ и Грегерсъ Верле, каждый по-своему, смахиваютъ на Донъ-Кихота, то Росмеръ напоминаетъ Гамлета. И то, за что хватается „врагъ народа“, что не удается Грегерсу Верле, то достигается Росмеромъ — по крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ: ему удается облагородить человѣческую душу.

„Сложившаяся, какъ личность, въ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, Ребекка Вестъ вступаетъ въ Росмерсгольмъ, оставивъ позади темное „прошлое“, въ которомъ, повидимому, дошла невольно, помимо своего вѣдѣнія, даже до кровосмѣшенія, а въ Росмерсгольмѣ совершаетъ нѣчто близкое къ преступленію. Влюбившись въ хозяина дома со всей силой и страстью своей необузданной, демонической натуры, она сразу поняла, что и жена Росмера, истеричка, любитъ его такой же страстной любовью, переходящей даже въ нимфоманію, но что душой и умомъ остается ему чужой.

„Чувственная страсть Ребекки требуетъ удовлетворенія, и, преслѣдуя эту цѣль, Ребекка въ то же время чувствуетъ себя способной принять участіе во внутренней, духовной жизни Росмера. Вступая же въ тѣсное духовное и умственное общеніе съ человѣкомъ, къ которому ее влечетъ плотская страсть, она выставляетъ передъ женой Росмера свои отношенія къ нему въ свѣтѣ прелюбодѣянія. Если бы Ребекка, явившаяся въ Росмерсгольмъ изъ страны полуночнаго солнца, жила тысячелѣтіемъ-другимъ раньше, она бы, какъ истинная норманка, женщина древнихъ сагъ, попросту собственноручно спровадила свою соперницу на тотъ свѣтъ. Въ наше же смирное „ручное“ время Ребекка уже чувствуетъ, что въ человѣкѣ уживаются „двѣ воли“. Вѣрнѣе было бы ска-

зать, что въ человѣкѣ могутъ самостоятельно существовать желаніе и воля. Чѣмъ культурнѣе становится человѣкъ, тѣмъ рѣзче въ критическихъ случаяхъ обособляется желаніе отъ воли. Охотно желая многихъ вещей, мы однако не прилагаемъ прямо нашей воли къ тому, чтобы желанія наши осуществились. Ребекка желаетъ, чтобы жена Росмера была устранена изъ Росмерсгольма, но воля ея недостаточно сильна, чтобы убить Беату. Сильное желаніе тѣмъ не менѣе постепенно шагъ за шагомъ увлекаетъ ее по пути, ведущему къ безкровному убійству, заставляетъ ее говорить и поступать такъ, что Беата сама исполняетъ это ея желаніе. Беата („счастливая", — вотъ какое имя иронически далъ авторъ несчастной женѣ!) сама устраняетъ себя съ дороги мужа и Ребекки, чтобы Росмеръ могъ быть счастливъ съ родственной ему по духу женщиной. Подобно Гедвигъ Экдаль, Беата Росмеръ почерпаетъ въ своей болѣзненной, восторженной любви мужество и силу пожертвовать своей жизнью. Росмеръ только говоритъ послѣ ея смерти, что „скорѣе жизнь готовъ былъ отдать", чѣмъ дать Беатѣ замѣтить то, что происходило между нимъ и Ребеккой; Беата же, чтобы не мѣшать тому, что происходило между ними, дѣйствительно отдала жизнь. То чудо самопожертвованія, котораго Нора тщетно ждала со стороны своего мужа и на которое была способна сама, было совершено въ „Дикой уткѣ" истеричной дѣвочкой-подросткомъ, а въ „Росмерсгольмѣ" истеричной бездѣтной женщиной — съ ихъ „больной любовью".

„Но въ „Росмерсгольмѣ" происходитъ и другое чудо — въ чемъ собственно и заключается драма. Жертвоприношеніе совершено, путь Ребеккѣ и Росмеру открытъ; они живутъ бокъ-о-бокъ тихой, уединенной жизнью въ мирной сельской обстановкѣ, являясь предметомъ сплетенъ и пересудовъ, но общеніе ихъ чисто духовное; они живутъ, какъ братъ съ сестрой, какъ два задушевныхъ друга. И это духовное общеніе Ребекки съ такой благородной и цѣломудренной натурой, какъ Росмеръ, пробудило и въ ея опустошенной душѣ ея лучшее „я", очистило ея страсть, облагородило ея влеченіе, освободило всѣ скрытыя въ ней лучшія чувства и стремленія. Все, что въ ней было унижено, подавлено, загрязнено происхожденіемъ, привычкой, воспитаніемъ — прорывается наружу, какъ алмазъ изъ облѣплявшей его до того грязи. Ее можно сравнить съ тѣмъ уличнымъ мальчишкой, который, попавъ въ школу „врага народа", долженъ былъ развиться въ сильную, благородную личность. Созерцательная натура Росмера сама себя очищаетъ, дѣятельная же натура Ребекки увлекаетъ его къ дѣятельности, свойственной мужчинѣ. „Живи, дѣйствуй, — говоритъ она ему: — а не сиди тутъ, ломая себѣ голову надъ неразрѣшимыми загадками". Ибсенъ вообще никогда и не изображалъ такихъ женщинъ, которыя бы не оказывали сильнаго вліянія на искренно любимаго человѣка.

„Воля, направляющая дѣйствія, пробуждена. Росмеръ жаждетъ внести свѣтъ и красоту въ исполненную мрачнаго безобразія жизнь людей, пробудить въ нихъ самосознаніе, раскаяніе и терпимость. „О, какъ радостно будетъ тогда жить! Никакой вражды, озлобленной борьбы. Только благородное соревнованіе. Всѣ взоры направлены на одну цѣль. Воля всѣхъ, умы всѣхъ устремлены впередъ... ввысь! Каждый идетъ своимъ естественнымъ непреложнымъ путемъ. Счастье для всѣхъ, создаваемое всѣми". Росмеръ, котораго никто никогда не видѣлъ смѣющимся, очень расположенъ къ радости. Онъ хочетъ насадить новое ученіе о радости, облагораживающей человѣческую душу, создать радостныхъ и благородныхъ людей, сдавъ въ архивъ старыя преданія, отъ которыхъ онъ самъ, бывшій пасторъ и потомокъ старинаго рода, окончательно отрекся. Свободомыслящая, радостная душой подруга пойдетъ

съ нимъ рука объ руку, помогая ему. Свободное, но цѣломудренное сожительство мужчины и женщины, не требующее брака, Росмеръ считаетъ не только возможнымъ, но и почти нормальнымъ. При этомъ однако въ немъ не перестаетъ сказываться истинный потомокъ Росмеровъ: онъ попрежнему не въ состояніи смѣяться, и для него все еще остается одинъ такой путь, на который совѣсть его не даетъ ему ступить,—путь, ведущій черезъ мельничный мостикъ, надъ водопадомъ.

„А сама эта „радостная“ душой Ребекка! Она, подъ властью этого чистаго міросозерцанія, начинаетъ сознавать отвѣтственность за случившееся. Ея тайный грѣхъ парализуетъ ея страстное влеченіе. Она не въ состояніи воспользоваться плодами своего грѣховнаго дѣянія. Чѣмъ на бо́льшую высоту въ своемъ стремленіи къ идеаламъ подымается самъ Росмеръ, тѣмъ выше подымаетъ онъ и Ребекку отъ ея низменной чувственной страсти. И мало-по-малу черезъ него она становится тѣмъ, чѣмъ онъ ее считалъ съ самаго начала: свободной, благородной душой. До тѣхъ поръ она не была такой. Молодость ея еще темнѣе ея происхожденія. Своимъ безсовѣстнымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ Беатѣ она лишь вѣнчаетъ свою предшествовавшую порочную жизнь. Но то, чего не могла понять мѣщански-честная Беата, сумѣло постичь это падшее дитя случайной связи: Ребекка поняла стремленіе нравственно-чистаго человѣка къ идеалу. При этомъ однако облагораживаетъ ея духъ не радость, какъ о томъ мечталъ Росмеръ: Ребекка испытываетъ на себѣ, что облагораживаетъ духъ человѣческій и великое горе. Она испытываетъ это горе и страданіе подъ вліяніемъ раскаянія въ содѣянномъ и сознанія, что заслуживаетъ возмездія. Она становится благородной, но не радостной душой.

„Едва только предстоитъ перенести идеалы въ дѣйствительность, едва Росмеръ хочетъ принять участіе въ живой жизни, примѣнить свои идеалы къ дѣлу, онъ сразу своими отношеніями къ Ребеккѣ вооружаетъ противъ себя мѣщанъ, которые смотрятъ на нее, какъ на олицетвореніе соблазна и всего порочнаго. Такое отношеніе заставляетъ Росмера считать все, что̀ говорятъ ему о ней и бывшій другъ (Кролль) и бывшій врагъ (Мортенсгоръ), покленомъ. Желая противодѣйствовать такому отношенію, стереть все прошлое и свалить съ своихъ плечъ трупъ, Росмеръ предлагаетъ своей подругѣ выйти за него замужъ. Она съ ужасомъ отвергаетъ его предложеніе, побуждаемая къ этому сознаніемъ своего грѣха и своего темнаго прошлаго, и готова скорѣе умереть, чѣмъ принять это незаслуженное счастье. Скоро затѣмъ настаетъ минута, когда Росмеръ узнаётъ все. Подъ уничтожающимъ давленіемъ древняго эдиповскаго проклятія судьбы, Ребекка находитъ въ себѣ мужество и силу для добровольнаго признанія. Грѣшница исповѣдуется: да, она обманывала; да, она толкнула Беату въ водопадъ. Ея признаніе вырываетъ у Росмера изъ-подъ ногъ всякую почву по отношенію къ ней, и съ этой минуты онъ не можетъ болѣе вѣрить ей ни въ чемъ. Имъ обоимъ ничего и не остается, какъ только разстаться навсегда; слишкомъ многое теперь стало между ними: ея прошлое, ея обманъ, покойница. Пусть Ребекка говоритъ ему, что стала совсѣмъ иной, чѣмъ прежде, что онъ освободилъ, очистилъ ея душу; какъ ему повѣрить ей, разъ она такъ долго и такъ тонко обманывала его и теперь только-что причинила ему такое страшное разочарованіе? Чтобы вернуть ему вѣру въ себя и въ нее, она должна дать ему доказательство, что искренна съ нимъ хоть теперь, притомъ такое доказательство своей искренности и любви къ нему, которое не уступало бы по силѣ тому, которое дала ему покойная Беата, добровольно разставшаяся съ жизнью ради его счастья. Ребекка это понимаетъ. Она со своей стороны не можетъ перешагнуть

черезъ случившееся, чувствуетъ всю невозможность соединиться на всю жизнь съ этимъ нравственно чистымъ человѣкомъ, такъ какъ сама обременена сознаніемъ грѣховности, а согласно ученію Росмера, ставшему и ея убѣжденіемъ, благородная радость жизни доступна лишь тому, кто носитъ въ себѣ безмятежную, радостную увѣренность въ свободной отъ грѣха совѣсти. Лишь тихая беззавѣтная любовь можетъ снять съ нея тяжесть грѣха. Но способна ли Ребекка на такую любовь — въ этомъ Росмеръ послѣ всего предшествовавшаго въ правѣ сомнѣваться. Мостикъ, перекинутый черезъ мельничный водопадъ, поддерживаетъ въ немъ это сомнѣніе. Но сомнѣніе убиваетъ, лишь вѣра даетъ жизнь.

„Способность Росмера пересоздавать людей сказалась на Ребеккѣ, и Ребекка же — только она одна — въ состояніи вернуть ему утраченную имъ вѣру въ эту свою способность облагораживать души и вѣру въ способность души человѣческой облагораживаться; а можетъ она сдѣлать это, лишь давъ ему неопровержимое доказательство своей любви. Такимъ доказательствомъ можетъ служить лишь ея добровольная искупительная смерть: по старому росмеровскому воззрѣнію, грѣхъ требуетъ искупленія. Это воззрѣніе понуждаетъ самоё Ребекку пойти тѣмъ же путемъ, которымъ она заставила пойти покойную Беату, да и новое, свободное міросозерцаніе Росмера приводитъ его на тотъ же путь. „Надъ нами нѣтъ судей. Такъ намъ самимъ надлежитъ чинить надъ собой судъ и расправу“. Такимъ образомъ оба они въ своемъ все возрастающемъ возбужденіи, подъ вліяніемъ глубочайшихъ и святѣйшихъ чувствъ, питаемыхъ другъ къ другу, доходятъ до того мостика надъ водопадомъ, котораго до тѣхъ поръ тщательно избѣгали. Слившись воедино душой, ставъ однимъ цѣлымъ въ жизни и въ смерти, они радостно и добровольно умираютъ вмѣстѣ, разъ не могутъ жить вмѣстѣ подъ мрачной тѣнью, бросаемой на нихъ прошлымъ.

„Покойница взяла ихъ!“—вопитъ женщина изъ народа, вѣрящая въ привидѣнія, въ бѣлыхъ росмерсгольмскихъ коней. Она является свидѣтельницей того, какъ Росмеръ съ Ребеккой обнимаются и бросаются въ воду,—обнимаются въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Міросозерцаніе Росмера, какъ наслѣдственное, такъ и благопріобрѣтенное, облагораживаетъ душу, но убиваетъ счастье, которое есть не что иное, какъ безмятежная, блаженная увѣренность свободной отъ грѣха совѣсти — *даже тогда, когда грѣхъ налицо.* Въ Росмерсгольмѣ же грѣшники сознаютъ свои грѣхи. И бремя встревоженной совѣсти падламываетъ ихъ. Этика, христіанская этика побѣждаетъ, уничтожая. Тотъ самый Росмеръ, который внѣшнимъ образомъ отпалъ отъ церкви, отказался отъ священства, потерялъ всякую вѣру въ букву, исповѣдуетъ и учитъ въ духѣ древняго христіанства. Его нравственное чувство настолько чутко, тонко, что онъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за смерть Беаты уже по той одной причинѣ, что при жизни жены принадлежалъ душой другой женщинѣ. Въ ученіи Росмера заключается мораль нагорной проповѣди, которая обѣщаетъ радость и блаженство ищущимъ правды, кроткимъ, чистымъ сердцемъ, милосерднымъ и безгрѣшнымъ, призываетъ къ братской любви, примиренію, самопожертвованію. Духъ нагорной проповѣди уже осѣнилъ Беату; тому, кто хотѣлъ взять у нея рубашку, она отдала и верхнюю одежду. Въ духѣ нагорной проповѣди говоритъ и старый учитель Росмера, Ульрикъ Брендель, перефразирующій ученіе Христа („если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя“), когда беретъ Ребекку за кисть руки и совѣтуетъ ей съ радостью „чикнуть“ тоненькій, бѣленькій пальчикъ, чтобы любимый ею человѣкъ могъ побѣдоносно довести до конца дѣло своей жизни. Прежде же всего

духомъ нагорной проповѣди вѣетъ отъ самого Росмера, который недаромъ носитъ имя Іоганнеса. Но въ то время, какъ нагорная проповѣдь, предостерегая противъ собиранія земныхъ сокровищъ, обѣщаетъ человѣческому эгоизму небесную награду, невѣрующему Іоганнесу Росмеру недостаетъ этой надежды на блаженство за гробомъ. Онъ любитъ мораль и служитъ ей ради нея самой, безъ всякихъ расчетовъ на награду здѣсь или тамъ. Согрѣшивъ же и потерявъ радость и душевное блаженство, онъ искупаетъ свой грѣхъ добровольно. „Кто убиваетъ — подлежитъ суду“,—гласитъ нагорная проповѣдь. Росмеръ, не признающій надъ собой судей, кромѣ собственной совѣсти, самъ осуждаетъ себя — по древнему закону Моисееву: „око за око, зубъ за зубъ“ — на смерть. Такимъ образомъ онъ идетъ на самоубійство и слѣдовательно прегрѣшаетъ противъ христіанскаго ученія, дѣлая изъ него слишкомъ крайній выводъ. А Ибсенъ иронически глядитъ на него, думая: вотъ что̀ бываетъ съ истинными пророками на родинѣ!

„Иронія автора, какъ и игра въ пророки Росмера, еще ярче освѣщаются тремя остальными мужскими образами: каждый изъ нихъ, точно потайной фонарь, бросаетъ свой тусклый свѣтъ на Росмера. Благородная чета, вновь обрѣтя радость и свободу, покидаетъ этотъ міръ, оставляя его въ распоряженіе остальнымъ тремъ разрядамъ людей. Къ первому принадлежитъ шуринъ Росмера, братъ покойной Беаты, ректоръ Кролль, человѣкъ родственный по духу адвокату Гельмеру, пастору Мандерсу, бургомистру Стокману, коммерсанту Верле. Ректоръ Кролль— одинъ изъ столповъ государственной церкви, офиціальнаго христіанства. Но когда дѣло доходитъ до того, чтобы слѣдовать нагорной проповѣди, увѣщевающей получившаго ударъ въ правую щеку подставить обидчику и лѣвую, то ректоръ Кролль оказывается, какъ самъ рекомендуетъ себя, „не таковскимъ, чтобы покорно подставлять спину подъ удары“. Онъ „наточилъ зубы“ и энергично отгрызается. Къ усвоеннымъ имъ христіанскимъ идеямъ принадлежитъ также идея самопожертвованія въ примѣненіи къ другимъ, но, насколько ему самому недостаетъ истинной, живой любви, показываетъ его холодная пугливость передъ воспоминаніями о сестрѣ, самоубійство которой досадливо-мучительно отзывается въ его мѣщанской душѣ и отъ душевной драмы которой онъ отдѣлывается куда легче, чѣмъ Росмеръ и Ребекка. Онъ такъ мало любитъ ближняго, что одно различіе во взглядахъ доводитъ его до ненависти, до проклятій по адресу бывшаго друга. Онъ лучше знаетъ людей, нежели Росмеръ, но это знаніе основано на пренебреженіи къ людямъ. Слова Христа: „Кто не со Мной, тотъ противъ Меня“, онъ эгоистично переворачиваетъ такъ: „кто не со мной, съ тѣмъ я не стану церемониться“. Хотя ректоръ Кролль выступаетъ немаловажнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ каждомъ изъ трехъ первыхъ дѣйствій, а въ концѣ третьяго является даже свидѣтелемъ исповѣди Ребекки, онъ тѣмъ не менѣе лицо второстепенное, служащее для того, чтобы ярче освѣтить двѣ главныя фигуры пьесы.

„Другое видоизмѣненіе той же породы людей — редакторъ Педеръ Мортенсгоръ, выступающій въ пьесѣ лишь разъ. Ему не удалось, подобно ректору Кроллю, всѣми правдами и неправдами удержаться на золотой средней дорожкѣ среднихъ дюжинныхъ людей: онъ совершилъ ложный шагъ, который, выплывъ на свѣтъ Божій (ректоръ Кролль не даетъ своимъ выйти наружу), сбилъ его съ позиціи. Но онъ вновь подымается на ноги, пріобрѣтаетъ вліяніе задними ходами, и ему удается занять положеніе въ мѣру своихъ способностей. Онъ еще бо̀льшій знатокъ людей, нежели ректоръ Кролль, такъ какъ въ немъ нѣтъ наивности, обусловливаемой ограниченностью, и онъ свободенъ отъ вѣры въ соб-

ственныя фантазіи. Онъ такъ же мало стѣсняется кривить душой, какъ и Кролль, но въ душѣ онъ все-таки признаётся себѣ, что кривилъ душой. Онъ ловко и остроумно ставитъ западни, какъ столяръ Энгстрандъ, и, какъ этотъ послѣдній — циникъ, съ примѣсью ѣдкой иронiи самого автора. И Мортенсгоръ и Кролль—оба держатся, болѣе или менѣе сознательно, сплоченнаго большинства, противъ котораго мечетъ громы „врагъ народа“. То же обстоятельство, что они враги, принадлежатъ къ разнымъ лагерямъ, что каждый изъ нихъ рветъ и мечетъ противъ направленія другого, доказываетъ, какъ мало Ибсенъ придаетъ значенія тенденціи, какъ мало онъ воюетъ съ той или другой точкой зрѣнія. Для него все дѣло въ борьбѣ съ недостаткомъ честности, правдивости, — недостаткомъ, при которомъ можно отстаивать тотъ или другой взглядъ, лицемѣрно прикрываться любымъ направленіемъ. Кролль—одинъ изъ вожаковъ партіи консерваторовъ, и Мортенсгоръ — глава либеральной оппозиціонной, вполнѣ стоятъ одинъ другого.

„Тайну ихъ успѣха въ толпѣ выдаетъ третье эпизодическое лицо пьесы—Ульрикъ Брендель. Этотъ говоритъ про Мортенсгора, что послѣдній „можетъ сдѣлать все, что захочетъ, ибо онъ никогда и не захочетъ больше того, что сможетъ сдѣлать“... Мортенсгоръ „способенъ прожить жизнь безъ идеаловъ“. На это никогда не былъ способенъ самъ Ульрикъ Брендель. Въ поискахъ за идеалами онъ сталъ бродягой, пьяницей, попрошайкой. Богатство идей, красота рѣчи выродились у него въ вычурность, во фразы: все его существованіе, предназначенное для служенія идеаламъ красоты и чистоты, погрязло въ болотѣ жизни. Въ то время, какъ Ребекка Вестъ, воспринявъ идеи Росмера, подымается надъ уровнемъ своей прежней пустой, лишенной нравственныхъ устоевъ жизни, Ульрикъ Брендель, вложившій зародыши этихъ идей въ Росмера, опускается. Похоже, какъ будто два антагониста изъ „Дикой утки“, Грегерсъ Верле и Реллингъ, путемъ переселенія душъ снова нашли другъ друга и слились въ Ульрикѣ Бренделѣ, Это самый яркій трагикомическій образъ, созданный Ибсеномъ. Никому изъ остальныхъ отрицательныхъ образовъ своихъ онъ не далъ болѣе горячаго сердца, болѣе причудливаго юмора, нежели этому Агасферу. Недостающая другимъ жертвамъ жизни истинная человѣчность такъ и брызжетъ изъ Ульрика Бренделя съ чисто шекспировской силой. Другіе неудачники, другіе пасынки міровой судьбы, какъ, напримѣръ, старикъ Экдаль, Освальдъ Альвингъ, или опошляются, или увядаютъ, тогда какъ въ Ульрикѣ Бренделѣ гибель индивида производитъ мощное обаяніе личности. Всего два раза эпизодически проходитъ онъ черезъ пьесу нетвердой поступью, съ отуманенною головой,—въ первый разъ, отправляясь въ путь, ведущій къ намѣченной имъ цѣли, во второй, возвращаясь вспять. Но какой извилистый путь проходитъ въ этомъ „впередъ и назадъ“ блуждающая въ туманѣ душа! Отправляется въ путь сумасбродъ-оптимистъ, просящій милостыни — пары подержаныхъ сапоговъ; возвращается назадъ сумасбродъ-пессимистъ, просящій милостыни — парочки подержанныхъ идеаловъ. Оба раза передъ нами какъ будто подымаются изъ грязи земной испаренія, темныя силы, не находящія примѣненія въ расточительной природѣ. Этотъ Ульрикъ Брендель переоцѣниваетъ всѣ цѣнности, его пьяному взору не представляется ничего прочнаго, и все-таки—или какъ разъ въ силу этого—онъ своимъ внутреннимъ ясновидѣніемъ открываетъ самыя широкія перспективы: изъ навоза вырастаетъ правда. Одну минуту кажется, будто это, то и дѣло впадающее въ пафосъ лицо съ его столь отличающейся отъ пустой вычурности Ялмара Экдаля глубокомысленной вычурностью, говоритъ отъ лица самого автора: „Я люблю наслаждаться въ одиночествѣ. Тогда я наслаждаюсь вдвойнѣ. Вдеся-

тернѣ... Когда ко мнѣ слетали золотыя грезы творчества... окутывали меня своей дымкой... когда новыя головокружительно-смѣлыя мысли рождались въ моей головѣ, обвѣвали меня своими крыламн... тогда я сплеталъ ихъ въ поэму, въ образы, картины... И какъ я наслаждался на своемъ вѣку! Загадочное блаженство творчества... одобреніе, благодарности, славу, лавры,—все это я загребалъ полными, дрожащими отъ радости горстями. Насыщался въ своихъ тайныхъ мечтахъ радостью, блаженствомъ... Виталъ на седьмомъ небѣ!“ Но онъ не записывалъ ни единой мысли, ни единаго слова. „Это вульгарное бумагомараніе всегда возбуждало во мнѣ тошноту. И съ какой кстати было мнѣ профанировать мои собственные идеалы, когда я могъ наслаждаться ими во всей ихъ чистотѣ одинъ? Но теперь приходится ими пожертвовать. Поистинѣ я испытываю при этомъ такое чувство, какъ мать, сдающая своихъ юныхъ дочерей съ рукъ на руки мужьямъ“. Эта материнская боль, боль разлуки съ самымъ дорогимъ, близкимъ сердцу, передъ отдачей его въ чужія руки, на произволъ грубому непониманію, вѣрно, не была чужда поэтическому творчеству самого Ибсена. И все же Ибсенъ не могъ. подобно Ялькмару Экдалю, только валяться на диванѣ, размышляя о своемъ изобрѣтеніи. Именно вслѣдствіе того, что у него было что сказать, его и тянуло сказать это,—пусть даже ему за это, какъ Ульрику Бренделю, приходилось отвѣдать хлыста возмущенной общественной морали и, подобно тому же Бренделю, быть выброшеннымъ чернью на мостовую. Его тянуло, какъ наконецъ потянуло и Ульрика Бренделя, „возложить свою лепту на алтарь освобожденія“. Бренделя потянуло отдать свой внутренній міръ, пожертвовать, какъ Гедвигъ, „самымъ дорогимъ“, что было у него, одарить этимъ всѣхъ и каждаго, даже такихъ плебеевъ, какъ Кролль и Мортенсгоръ. Онъ остался истиннымъ аристократомъ даже въ бѣдствіи и нищетѣ. Если, разсматриваемый независимо отъ драмы, самъ по себѣ, Ульрикъ Брендель является однимъ изъ образовъ, олицетворяющихъ иронію автора надъ самимъ собой, то въ самой драмѣ онъ выступаетъ трагическимъ символомъ, могучей силой, врѣзываясь въ самую катастрофу. Двѣ трагическія личности, ставшія втупикъ передъ загадкой собственнаго конца и все же испытывающія—какъ выражается Ульрикъ Брендель — „настоятельную необходимость“ положить конецъ, слѣдуютъ указанію, заключающемуся въ словахъ этого интеллигентнаго бродяги, а еще болѣе во всемъ его появленіи. Онъ „идетъ подъ гору“, „домой“, соскучившись „по великомъ ничто“. Чувствующему и дѣйствующему въ духѣ древняго христіанства Іоганнесу Росмеру, не требующему никакой награды на томъ свѣтѣ, тоже остается одна нирвана. Но еще болѣе разжигаетъ души этихъ двухъ, находящихся на возвратномъ пути „домой“, другое слово Ульрика Бренделя, а именно его символическое предложеніе Ребеккѣ „чикнуть“ бѣленькій пальчикъ—символическое приглашеніе къ радостному самопожертвованію во имя любви. Теперь обоимъ готовымъ къ смерти остается лишь подкрѣпить другъ друга въ намѣреніи умереть. Они раздражаютъ другъ друга своимъ сомнѣніемъ, и возбужденіе ихъ постепенно доходитъ до экстаза: то, что они должны были бы совершить съ глубокимъ, полнымъ сознаніемъ и искренней увѣренностью, они дѣлаютъ въ лихорадочномъ возбужденіи данной минуты. Бѣлые кони мчатся по воздуху, бѣлыя облака несутся въ синемъ, чистомъ, свѣжемъ воздухѣ этой чудесной трагедіи, въ которой съ самаго начала до конца какъ бы раскрыты настежь всѣ двери и окна, надъ которой свободно льется свѣтъ.

„Впечатлѣніе, оставляемое „Росмерсгольмомъ“, невзирая на трагическій конецъ пьесы, можно сравнить именно съ вѣяніемъ чистаго, свѣжаго воздуха. Мелькающіе въ прозрачной синевѣ силуэты бѣлыхъ

коней придаютъ настроенію особый отпечатокъ. Къ этому присоединяется еще другой символъ, взятый изъ природы. Ребекка Вестъ родилась у моря и близко знаетъ его разнообразную жизнь. Свою страсть, подвигнувшую ее на борьбу не на жизнь, а на смерть съ соперницей, она сравниваетъ съ морскимъ шкваломъ, ураганомъ, который подхватываетъ и несетъ человѣка, какъ соломинку. Затѣмъ, когда страсть утихла, она сравниваетъ воцарившійся въ ея душѣ миръ съ тишиной, царящей на покрытой птицами горѣ подъ полуночнымъ солнцемъ. Еще за нѣсколько минутъ до того, какъ кинуться въ водопадъ, она вызываетъ въ дальновидномъ умѣ Ульрика Бренделя представленіе о „морской дѣвѣ“. Такимъ образомъ Ульрикъ Брендель предсказалъ названіе слѣдующей драмы Ибсена: передъ Рождествомъ 1888 г. появилась „Дочь моря“.

РОСМЕРСГОЛЬМЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Іоганнесъ Росмеръ, владѣлецъ Росмерсгольма, бывшій приходскій пасторъ.
Ребекка Вестъ.
Ректоръ Кролль, зять Росмера.
Ульрикъ Брендель.
Педеръ Мортенсгоръ.
Мадамъ Гельсетъ, экономка въ Росмерсгольмѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Росмерсгольмѣ, старой пригородной барской усадьбѣ, около городка при одномъ изъ фьордовъ западной Норвегіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ Росмерсгольмѣ — просторная, уютная, обставленная въ старинномъ вкусѣ. Впереди, у стѣны направо, печь, украшенная пучками свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ и полевыхъ цвѣтовъ. Подальше за нею дверь. Въ средней стѣнѣ двустворчатыя двери въ переднюю. Въ стѣнѣ налѣво окно и передъ нимъ жардиньерка съ растеніями и цвѣтами. У печки столъ съ диваномъ и креслами. По стѣнамъ развѣшаны старинные и новѣйшіе портреты пасторовъ, офицеровъ и чиновныхъ особъ въ мундирахъ. Окно раскрыто. Двери въ переднюю и наружная дверь изъ передней также. Въ послѣднюю дверь видна аллея изъ большихъ старыхъ деревьевъ, ведущая къ усадебному двору.

Лѣтній вечеръ послѣ заката солнца.

Ребекка сидитъ въ креслѣ у окна и вяжетъ изъ шерсти большой платокъ, почти уже готовый, время отъ времени поглядывая изъ-за цвѣтовъ въ окно и высматривая кого-то между деревьями. Немного спустя справа входитъ мадамъ Гельсетъ.

Мадамъ Гельсетъ. Пожалуй, пора помаленьку накрывать на столъ, фрёкенъ?

Ребекка. Да, накрывайте. Пасторъ, вѣрно, скоро вернется.

Мадамъ Гельсетъ. Не надуло бы вамъ тутъ, фрёкенъ? Страсть тянетъ.

Ребекка. Да, немножко дуетъ. Закройте, пожалуйста.

Мадамъ Гельсетъ (закрываетъ двери въ переднюю и направляется къ окну, чтобы закрыть его; выглядывая въ окно). Да не пасторъ ли это идетъ тамъ?

Ребекка (живо). Гдѣ? (Встаетъ) Да, онъ. (Прячась за занавѣсью) Отойдите. Не надо, чтобы онъ насъ замѣтилъ.

Мадамъ Гельсетъ (отойдя отъ окна). Нѣтъ, подумайте, фрёкенъ, — опять сталъ ходить мельничной тропинкой.

Ребекка. Онъ и позавчера тамъ прошелъ. (Заглядывая въ щелочку между занавѣсью и косякомъ окна) Но вотъ, посмотримъ теперь...

Мадамъ Гельсетъ. Хватитъ ли у него духу перейти черезъ мостикъ?

Ребекка. Вотъ это-то я и хочу посмотрѣть. (Немного погодя) Нѣтъ. Повернулъ. И сегодня верхней дорогой пойдетъ. (Отходитъ отъ окна) Въ обходъ.

Мадамъ Гельсетъ. Охъ, Господи! Нелегко, видно, пастору перейти черезъ мостикъ. И немудрено — коли тутъ такое стряслось...

Ребекка (складывая работу). Вы тутъ. въ Росмерсгольмѣ, долго держитесь за своихъ покойниковъ.

Мадамъ Гельсетъ. А по-моему, такъ покойники долго держатся за Росмерсгольмъ.

Ребекка (смотритъ на нее). Покойники?..

Мадамъ Гельсетъ. Да, выходитъ такъ, будто они никакъ не могутъ разстаться съ тѣми, что̀ остались тутъ.

Ребекка. Съ чего вы это взяли?

Мадамъ Гельсетъ. А то откуда бы взяться этому бѣлому коню?

Ребекка. Да что̀ это собственно за бѣлый конь такой, мадамъ Гельсетъ?

Мадамъ Гельсетъ. Не сто̀итъ объ этомъ и толковать. Все равно вы ничему такому не вѣрите.

Ребекка. А вы, значитъ, вѣрите?

Мадамъ Гельсетъ (собираясь закрыть окно). Ну, такъ я вамъ и далась на зубокъ, фрёкенъ. (Выглядывая въ окно) Ай... да никакъ пасторъ опять вышелъ на мельничную тропинку?..

Ребекка (глядя въ окно со своего мѣста). Вонъ тотъ человѣкъ? (Подходя къ окну) Да вѣдь это ректоръ!

Мадамъ Гельсетъ. И то — ректоръ!

Ребекка. Нѣтъ, вотъ славно-то! Увидите, онъ къ намъ.

Мадамъ Гельсетъ. И прямехонько черезъ мостикъ! Даромъ,

что она ему родная сестра была... Ну, такъ я пойду соберу ужинать. (Уходитъ направо).

Ребекка (стоитъ съ минуту у окна, затѣмъ клянется, улыбается и киваетъ). (Начинаетъ смеркаться).

Ребекка (идетъ къ двери направо и говоритъ въ сосѣднюю комнату). Голубушка мадамъ Гельсетъ, вы ужъ постарайтесь подать что-нибудь лишнее къ столу — получше. Вы вѣдь знаете, что̀ ректоръ больше любитъ.

Мадамъ Гельсетъ (изъ другой комнаты). Хорошо, фрёкенъ. Постараюсь.

Ребекка (отворяя дверь въ переднюю). Ну, наконецъ-то!.. Добро пожаловать, дорогой ректоръ!

Кролль (въ передней, ставя палку въ уголъ). Благодарю. Такъ я не обезпокою своимъ посѣщеніемъ?

Ребекка. Вы? Полно, какъ вамъ не стыдно!

Кролль (входя). Всегда любезны. (Озираясь) А Росмеръ развѣ у себя наверху?

Ребекка. Нѣтъ, онъ пошелъ гулять, да вотъ что-то замѣшкался — противъ обыкновенія. Но теперь, вѣрно, сію минуту придетъ. (Указывая на диванъ) Пожалуйста, присядьте пока...

Кролль (положивъ шляпу на столъ). Очень благодаренъ. (Садится и озирается) Однако какой нарядной стала у васъ эта старая комната, — премило. Вездѣ цвѣты.

Ребекка. Росмеръ ужасно любитъ свѣжіе, живые цвѣты вокругъ себя.

Кролль. И вы, повидимому, также?

Ребекка. Да. По-моему, они такъ сладко одурманиваютъ своимъ ароматомъ. Прежде намъ приходилось отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Кролль (грустно качая головой). Бѣдная Беата не переносила запаха цвѣтовъ.

Ребекка. И красокъ тоже. У нея голова кружилась.

Кролль. Помню, помню. (Переходя въ обыкновенный разговорный тонъ) Ну, какъ же теперь идутъ у васъ дѣла?

Ребекка. Да ничего; все идетъ своимъ чередомъ, потихоньку. День за днемъ. А у васъ какъ? Что̀ ваша супруга?..

Кролль. Ахъ, дорогая фрёкенъ Вестъ, не будемъ говорить о моихъ дѣлахъ. Въ семьѣ всегда — не одно, такъ другое — все какія-нибудь непріятности. Особенно въ теперешнія времена.

Ребекка (немного погодя садится въ кресло у дивана). Почему вы ни разу не заглянули къ намъ за всѣ каникулы?

Кролль. Ну, нельзя же постоянно обивать у людей пороги...

Ребекка. Знали бы вы, какъ мы скучали по васъ!..

Кролль. ...И къ тому же я уѣзжалъ...

Ребекка. Всего недѣли на двѣ. Принимали участіе въ народныхъ сходкахъ?

Кролль (кивая). Да, что̀ вы скажете на это? Думали ли вы, что я на старости лѣтъ запишусь въ политическіе агитаторы? А?

Ребекка (улыбаясь). Немножко-то вы всегда агитировали, господинъ ректоръ.

Кролль. Ну да, такъ — ради личнаго удовольствія. Но теперь ужъ я принялся въ серьезъ, — право... Вы когда-нибудь читаете радикальныя газеты?

Ребекка. Да, дорогой ректоръ, не скрою, что...

Кролль. Милая фрёкенъ Вестъ, въ этомъ ничего такого нѣтъ. По крайней мѣрѣ, что̀ касается васъ.

Ребекка. И я такъ думаю. Нельзя же отставать отъ вѣка. Надо знать...

Кролль. Во всякомъ случаѣ отъ васъ, какъ отъ женщины, я и не сталъ бы требовать, чтобы вы рѣшительно стали на чью-нибудь сторону въ этой гражданской междоусобицѣ.. я готовъ сказать — гражданской войнѣ, которая у насъ свирѣпствуетъ... Ну, слѣдовательно вы знаете, какъ эти господа «изъ народа» изволятъ набрасываться на меня? Какія грубыя, гнусныя выходки позволяютъ себѣ по моему адресу?

Ребекка. Но, мнѣ кажется, и вы довольно-таки энергично отгрызаетесь.

Кролль. Да, могу сказать. Теперь и я наточилъ зубы. Пусть узнаютъ меня! Не таковскій я имъ дался, чтобы покорно подставлять спину подъ удары... (Обрывая) Однако не будемъ сегодня вдаваться въ эту прискорбную, душу выматывающую тему.

Ребекка. Не будемъ, не будемъ, дорогой ректоръ.

Кролль. Скажите-ка мнѣ лучше, какъ теперь у васъ тутъ наладилась жизнь, когда вы остались одни? Со смерти нашей бѣдной Беаты?..

Ребекка. Благодарю, ничего. Конечно, безъ нея стало такъ пусто. Скучно, грустно, разумѣется. А то вообще...

Кролль. Вы думаете остаться тутъ? То-есть совсѣмъ — хочу я сказать.

Ребекка. Ахъ, дорогой ректоръ, право, я ничего еще не думаю. Конечно, я такъ уже обжилась въ Росмерсгольмѣ, что мнѣ кажется, будто я своя здѣсь въ домѣ.

Кролль. Вы, — ну, еще бы!

Ребекка. И пока господинъ Росмеръ находитъ, что я могу немножко быть ему полезной, скрасить ему жизнь, я, вѣрно, и поживу здѣсь.

Кролль (глядитъ на нее растроганно). Знаете, это великая черта въ женщинѣ — способность вотъ такъ жертвовать своей молодостью для другихъ.

Ребекка. Э! А то для чего бы мнѣ и жить!

Кролль. Сначала вы не знали ни отдыха ни покоя съ этимъ капризнымъ, несноснымъ паралитикомъ — пріемнымъ отцомъ вашимъ...

Ребекка. Нѣтъ, знаете, пока мы жили въ Финмаркенѣ, докторъ Вестъ вовсе еще не былъ такимъ несноснымъ. Его уходили эти ужасныя морскія поѣздки. А вотъ, когда мы переѣхали сюда... тогда, правда, выпали два-три тяжелыхъ года, пока онъ не отстрадалъ свое.

Кролль. А послѣдующіе годы развѣ не были для васъ еще тяжелѣе?

Ребекка. Нѣтъ, что̀ вы! Я такъ искренно любила Беату... И ей, бѣдняжкѣ, такъ нуженъ былъ уходъ, заботы и ласки.

Кролль. Честь вамъ и хвала, что вы вспоминаете о ней съ такимъ участіемъ и снисхожденіемъ.

Ребекка (придвигаясь поближе). Дорогой ректоръ, вы сказали это такъ мило, сердечно, что я увѣрена — за вашими словами не скрывается ни тѣни... неудовольствія.

Кролль. Неудовольствія? Что̀ вы хотите сказать?

Ребекка. Ну, ничего не было бы удивительнаго, если-бъ вамъ было непріятно видѣть меня, чужую женщину, хозяйкой и распорядительницей въ Росмерсгольмѣ.

Кролль. Да что̀ вы, Господь съ вами!..

Ребекка. Значитъ, этого нѣтъ. (Протягивая ему руку) Благодарю, дорогой ректоръ! Спасибо, спасибо вамъ за это.

Кролль. Да какъ, скажите на милость, могла придти вамъ въ голову такая мысль?

Ребекка. Я стала немножко побаиваться этого, — вы такъ рѣдко заглядывали къ намъ.

Кролль. Поистинѣ вы глубоко заблуждались въ данномъ случаѣ, фрёкенъ Вестъ. И кромѣ того... по существу вѣдь и нѣтъ никакой перемѣны. Вы же, вы однѣ заправляли всѣмъ домомъ подъ конецъ жизни бѣдной Беаты.

Ребекка. Ну, тогда это было нѣчто въ родѣ регентства именемъ хозяйки дома.

Кролль. Какъ бы тамъ ни было... Знаете что̀, фрёкенъ Вестъ, — я со своей стороны, право, ничего не имѣлъ бы и противъ того, чтобы вы... Но, пожалуй, нельзя и заговаривать...

Ребекка. То-есть о чемъ?

Кролль. Ну, о томъ, чтобы дѣло сложилось такъ, что вы заняли бы опустѣвшее мѣсто...

Ребекка. Я занимаю то мѣсто, какое желаю, господинъ ректоръ.

Кролль. De facto, но не...

Ребекка (прерывая его, серьезно). Стыдно вамъ, ректоръ Кролль! Какъ это можно шутить такими вещами?

Кролль. Да, конечно, нашъ милый Іоганнесъ, пожалуй, сытъ по горло брачной жизнью. Но все-таки...

Ребекка. Знаете—просто смѣшно становится, слушая васъ.

Кролль. Все-таки!.. Скажите-ка мнѣ, фрёкенъ Вестъ, если позволено будетъ спросить, сколько вамъ въ сущности лѣтъ?

Ребекка. Стыдно признаться — цѣлыхъ двадцать девять, господинъ ректоръ. Къ тридцати годамъ подходитъ.

Кролль. Да-а. А Росмеру сколько? Постойте... онъ пятью годами моложе меня. Ну, значитъ, ему вѣрныхъ сорокъ три. По-моему, какъ разъ пара.

Ребекка (вставая). Да-да, да-да. Какъ разъ... Вы напьетесь съ нами чаю?

Кролль. Спасибо. Я и предполагалъ посидѣть у васъ подольше. Надо поговорить объ одномъ дѣлѣ съ милымъ нашимъ Іоганнесомъ. И затѣмъ, фрёкенъ Вестъ... чтобы вы опять не стали задаваться неподходящими мыслями, я буду заходить сюда почаще — какъ въ прежнее время.

Ребекка. Ахъ, пожалуйста. (Пожимая ему руки) Спасибо, спасибо! Вы все-таки очень добры и милы.

Кролль. Да? Ну, дома я что-то не слышу такихъ отзывовъ.

(Іоганнесъ Росмеръ входитъ изъ дверей справа).

Ребекка. Господинъ Росмеръ... видите, кто у насъ?

Росмеръ. Мадамъ Гельсетъ уже предупредила меня.

(Кролль встаетъ).

Росмеръ (пожимая ему руки, тихо и мягко). Добро пожаловать опять въ нашъ домъ, дорогой Кролль. (Кладетъ ему руки на плечи и заглядываетъ въ глаза) Дорогой старый другъ! Я такъ и зналъ, что когда-нибудь да все пойдетъ у насъ опять по-прежнему.

Кролль. Милый ты человѣкъ! И ты тоже забралъ себѣ въ голову эту нелѣпую фантазію, будто между нами закралось что-то такое?..

Ребекка (Росмеру). Подумайте, какъ хорошо, что все это была одна фантазія.

Росмеръ. Правда ли такъ, Кролль? Тогда почему же ты совсѣмъ отдалился отъ насъ?

Кролль (серьезно, понижая тонъ). Потому что мнѣ не хотѣлось ходить тутъ живымъ напоминаніемъ о тѣхъ злополучныхъ годахъ... и о ней... покончившей жизнь въ мельничномъ водопадѣ.

Росмеръ. Побужденія у тебя, значитъ, были самыя прекрасныя. Ты всегда такъ чуткъ и деликатенъ. Но въ сущности— совсѣмъ напрасно было удаляться отъ насъ по этой причинѣ. Ну, пойдемъ же, сядемъ на диванъ. (Садятся). Нѣтъ мнѣ совсѣмъ не больно вспоминать Беату. Мы ежедневно говоримъ о ней. Она все еще какъ будто живетъ тутъ, съ нами.

Кролль. Въ самомъ дѣлѣ?

Ребекка (зажигая лампу). Да, конечно.

Росмеръ. Да это же такъ понятно. Мы оба всей душой любили ее. И Ребек... и фрёкенъ Вестъ и я — оба мы сознаёмъ, что дѣлали все, что могли, для бѣдной страдалицы. Намъ не въ чемъ упрекнуть себя. Поэтому, мнѣ кажется, наши воспоминанія о Беатѣ и обвѣяны такимъ мягкимъ, кроткимъ чувствомъ.

Кролль. Ахъ, вы, милые, славные люди! Теперь я буду приходить къ вамъ каждый день.

Ребекка (садясь въ кресло). Ну, смотрите же, сдержите слово.

Росмеръ (нѣсколько растягивая слова). Знаешь, Кролль, я бы дорого далъ, чтобы наши отношенія съ тобой никогда не прерывались. Все время, что мы знаемъ другъ друга, я смотрѣлъ на тебя, какъ на перваго своего друга и совѣтчика. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ былъ еще студентомъ.

Кролль. Помню. И я чрезвычайно дорожу этими нашими отношеніями. Но развѣ теперь у тебя есть что-нибудь такое особенное?..

Росмеръ. Много-много о чемъ хотѣлось бы мнѣ побесѣдовать съ тобой откровенно. По душѣ.

Ребекка. Не правда ли, господинъ Росмеръ? Мнѣ кажется, это было бы такъ хорошо... Между старыми друзьями...

Кролль. Повѣрь, и у меня есть о чемъ поговорить съ тобой. Я вѣдь теперь втянулся въ активную политику, какъ тебѣ, вѣроятно, извѣстно.

Росмеръ. Да, знаю. А какъ, собственно, это произошло?

Кролль. Пришлось, видишь ли. Поневолѣ. Невозможно больше оставаться праздными зрителями. Теперь, когда радикалы столь прискорбнымъ образомъ захватили власть,— какъ разъ во благовременіе... Оттого я и убѣдилъ нашъ маленькій кружокъ въ городѣ сплотиться тѣснѣе. Во благовременіе, говорю я!

Ребекка (съ бѣглой улыбкой). А не поздненько ли собственно?

Кролль. Безспорно, лучше было бы захватить теченіе въ болѣе ранней его стадіи. Но кто же могъ предвидѣть, куда все это заведетъ? Я, во всякомъ случаѣ, не могъ.. (Встаетъ и

ходитъ по комнатѣ). Теперь же глаза у меня открылись. Теперь мятежный духъ проникъ даже въ самую школу.

Росмеръ. Въ школу. Не въ твою же однако?

Кролль. Именно. Въ мою собственную. Каково это тебѣ покажется! Узнаю вдругъ, что юнцы старшаго класса — то-есть нѣкоторые изъ нихъ—вотъ уже съ полгода образовали тайный кружокъ и выписываютъ газету Мортенсгора!

Ребекка. А, «Маякъ»?

Кролль. Да. Какъ, по-вашему,—здоровая это духовная пища для будущихъ слугъ государства? Но самое прискорбное въ данномъ случаѣ то, что стакнулись и устроили такой заговоръ противъ меня все самые способные ученики! Въ сторонѣ остались одни тупицы, второгодники.

Ребекка. И вы такъ близко принимаете это къ сердцу, ректоръ?

Кролль. Принимаю ли! Когда мнѣ суютъ палки въ колеса, портятъ дѣло всей моей жизни! (Понизивъ голосъ) Но я готовъ сказать, что и это бы еще съ-полгоря. А вотъ что̀ хуже всего... (Озираясь) Надѣюсь, насъ никто не подслушиваетъ за дверями?

Ребекка. О, никто, никто.

Кролль. Такъ знайте же—мятежъ и раздоръ проникли и въ мой собственный домъ. Въ мою собственную, тихую семью. Нарушили миръ моей семейной жизни.

Росмеръ (встаетъ). Что̀ ты говоришь! У тебя въ домѣ?..

Ребекка (подходя къ ректору). Дорогой ректоръ, что̀ же такое случилось?

Кролль. Представьте себѣ, мои собственныя дѣти... однимъ словомъ... мой Лаурицъ — главарь этой шайки школьниковъ! А Гильда вышила красную папку, чтобы прятать туда нумера «Маяка»!

Росмеръ. Вотъ чего мнѣ никогда не снилось... чтобы у тебя... въ твоемъ домѣ!..

Кролль. Да кому бы это приснилось? Въ моемъ домѣ, гдѣ всегда царилъ духъ послушанія и порядка... гдѣ до сего времени царило единодушіе, одна воля...

Ребекка. А какъ приняла это ваша супруга?

Кролль. Да, вотъ тутъ-то самое невѣроятное! Всю свою жизнь, и въ мелочахъ и въ серьезныхъ вопросахъ, она раздѣляла мои мнѣнія, одобряла всѣ мои взгляды, — и вдругъ, оказывается, теперь во многомъ готова склониться на сторону дѣтей. Да еще меня же винитъ въ томъ, что̀ случилось. Говоритъ, что я угнетаю молодежь. Какъ будто не необходимо именно... Такъ вотъ какой раздоръ вселился въ мой домъ. Но я, разумѣется, по возможности избѣгаю говорить объ

этомъ. О такихъ дѣлахъ лучше молчать. (Ходитъ по комнатѣ) О-хо-хо-хо! (Останавливается съ заложенными за спину руками у окна и глядитъ въ него).

Ребекка (приближается къ Росмеру и говоритъ ему быстрымъ шопотомъ, незамѣтно для ректора). Скажи ему!

Росмеръ (такъ же). Не сегодня.

Ребекка (такъ же). Именно сегодня! (Отходитъ и поправляетъ лампу).

Кролль (опять возвращается отъ окна). Такъ вотъ, дорогой Росмеръ, теперь ты знаешь, что духъ времени осѣнилъ своими темными крылами и мою семейную жизнь и мое офиціальное поприще. И чтобы я—да не сталъ бороться съ этимъ пагубнымъ, растлѣвающимъ и всесокрушающимъ духомъ времени любымъ оружіемъ, какое только попадется подъ руку? Нѣтъ, я твердо рѣшилъ дѣйствовать. И перомъ и словомъ.

Росмеръ. И надѣешься чего-нибудь достигнуть такимъ путемъ?

Кролль. Во всякомъ случаѣ хочу отбыть воинскую повинность гражданина. И, по-моему, патріотическій долгъ обязываетъ къ тому же всѣхъ и каждаго, кто стоитъ за добро и за правое дѣло. Вотъ по этому поводу я главнымъ образомъ и пришелъ къ тебѣ сегодня.

Росмеръ. Но, дорогой мой, что ты хочешь сказать? Что же я могу?..

Кролль. Помочь своимъ старымъ друзьямъ. Поступать, какъ мы. Идти съ нами рука объ руку, по мѣрѣ возможности.

Ребекка. Но вы же знаете, ректоръ, господину Росмеру все это не по душѣ.

Кролль. Свое нерасположеніе ему придется какъ-нибудь побороть. Ты плохо слѣдишь за вѣкомъ, Росмеръ. Сидишь тутъ, зарывшись въ свои историческія изысканія. Сохрани Богъ—я съ полнымъ уваженіемъ ко всѣмъ этимъ родословнымъ и всему прочему. Да время-то теперь не такое, чтобы этимъ заниматься,—къ сожалѣнію. Ты представить себѣ не можешь, въ какомъ положеніи теперь страна. Чуть ли не все вверхъ дномъ стало; всѣ понятія перевернулись. Нужно положить гигантскій трудъ на то, чтобы все возстановить, одолѣть всѣ заблужденія.

Росмеръ. И я такъ думаю. Но такого рода трудъ совсѣмъ мнѣ не по плечу.

Ребекка. И вдобавокъ, я думаю, самъ господинъ Росмеръ сталъ смотрѣть на жизнь шире, чѣмъ прежде.

Кролль (пораженный). Шире?

Ребекка. Да,—или свободнѣе. Болѣе независимо и безпристрастно.

Кролль. Что это значитъ? Росмеръ... да не могъ же ты оказаться настолько слабымъ, дать себя ослѣпить такой случайностью, что вожаки толпы одержали временную побѣду!

Росмеръ. Дорогой мой, ты вѣдь знаешь, какъ мало я смыслю въ политикѣ. Но, право, мнѣ кажется, что въ послѣдніе годы отдѣльныя личности стали мыслить какъ-то самостоятельнѣе.

Кролль. Н-ну, и ты это безъ дальнѣйшихъ околичностей считаешь за благо? Какъ бы тебѣ тутъ жестоко не ошибиться, другъ мой! Ты прислушайся только, какія мнѣнія въ ходу у радикаловъ—и среди сельскаго населенія и въ городѣ. Та же самая премудрость, что проповѣдуется «Маякомъ».

Ребекка. Да, Мортенсгоръ имѣетъ здѣсь сильное вліяніе на многихъ.

Кролль. Подумать,—человѣкъ съ такимъ запятнаннымъ прошлымъ! Человѣкъ, котораго за безнравственность отрѣшили отъ должности преподавателя!.. И подобный господинъ туда же поровнтъ въ народные вожаки!.. И пролѣзаетъ! Пролѣзаетъ-таки! Теперь собирается, я слышалъ, расширить газету. Мнѣ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, что онъ ищетъ опытнаго соредактора.

Ребекка. Удивляюсь, какъ это вы съ вашими друзьями не предпримете чего-нибудь противъ него.

Кролль. Мы какъ разъ и собираемся. Сегодня мы пріобрѣли «Уѣздный Вѣстникъ». Финансовая сторона предпріятія не представляетъ никакихъ затрудненій. Но... (Обращается къ Росмеру) Да, вотъ я и дошелъ до настоящей цѣли своего сегодняшняго визита. Веденіе дѣла... веденіе самой газеты—вотъ что насъ затрудняетъ. Скажи мнѣ, Росмеръ... не взялъ ли бы ты этого на себя, чтобы поддержать правое дѣло?

Росмеръ (почти съ испугомъ). Я!

Ребекка. Нѣтъ, что это вамъ вздумалось!

Кролль. Твою боязнь народныхъ сходокъ и того угощенія, на которое тамъ столь тароваты, можно еще понять. Но дѣятельность редактора, который остается болѣе въ сторонѣ, или, вѣрнѣе...

Росмеръ. Нѣтъ, нѣтъ, дорогой другъ! Объ этомъ ты меня и не проси.

Кролль. Я бы самъ охотно попыталъ свои силы на этомъ поприщѣ. Но мнѣ рѣшительно не управиться. Я уже и безъ того заваленъ дѣлами безъ счету. Ты, напротивъ, свободенъ теперь отъ всякихъ служебныхъ обязанностей. Мы, остальные, само собой, будемъ помогать тебѣ, насколько окажемся въ силахъ.

Росмеръ. Не могу, Кролль. Не гожусь для этого.

Кролль. Не годишься? То же самое ты говорилъ, когда отецъ твой выхлопоталъ тебѣ мѣсто приходскаго пастора.

Росмеръ. И я былъ правъ. Оттого я и ушелъ.

Кролль. Ахъ, будь только ты такимъ редакторомъ, какимъ былъ пасторомъ—мы останемся довольны.

Росмеръ. Дорогой Кролль... говорю тебѣ разъ навсегда: я не возьмусь за это дѣло.

Кролль. Ну, такъ хоть дай намъ свое имя.

Росмеръ. Имя?

Кролль. Да, уже одно имя Іоганнеса Росмера будетъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ для газеты. Мы, остальные, вѣдь слывемъ за людей узко-партійныхъ. Я даже считаюсь ярымъ фанатикомъ,—мнѣ говорили. Поэтому мы и не можемъ разсчитывать, чтобы наши имена открыли газетѣ доступъ въ массу, сбитую уже съ толку. Ты, напротивъ, всегда держался внѣ борьбы партій. Весь твой мягкій, честный душевный складъ... твой высокій образъ мыслей... твоя неуязвимая честность извѣстны и цѣнятся у насъ здѣсь всѣми. А къ этому надо еще прибавить уваженіе и почтеніе, которое стяжала тебѣ твоя прежняя пасторская дѣятельность. И наконецъ старинное, почетное родовое имя!

Росмеръ. Ахъ, родовое имя...

Кролль (указывая на рядъ портретовъ). Росмеры изъ Росмерсгольма—все пасторы, офицеры и администраторы, занимавшіе высокіе отвѣтственные посты. Все корректные, благородные люди,—родъ, который въ теченіе вотъ уже скоро двухъ вѣковъ считается первымъ во всемъ уѣздѣ! (Положивъ ему на плечо руку) Росмеръ, ты обязанъ ради себя самого и во имя родовыхъ традицій присоединиться къ намъ, стать на стражѣ всего того, что до сихъ поръ считалось справедливымъ въ нашемъ обществѣ. (Оборачиваясь) Что вы скажете, фрёкенъ Вестъ?

Ребекка (съ тихимъ смѣшкомъ). Дорогой ректоръ... мнѣ просто смѣшно...

Кролль. Что такое? Смѣшно!

Ребекка. Ну да, потому что я вамъ скажу прямо...

Росмеръ (быстро). Нѣтъ, нѣтъ... не надо! Не теперь!

Кролль (глядя то на него, то на нее). Да что такое, ради самого неба, друзья мои?.. (Обрывая) Гм!..

(Справа входитъ мадамъ Гельсетъ).

Мадамъ Гельсетъ. Тамъ съ чернаго хода пришелъ какой-то человѣкъ. Говоритъ, что хочетъ повидаться съ пасторомъ.

Росмеръ (переводя духъ). А! Такъ попросите его сюда.

Мадамъ Гельсетъ. Сюда, въ комнаты?

Росмеръ. Ну да.

Мадамъ Гельсетъ. Да онъ какъ будто не таковъ съ виду, чтобы его пускать въ комнаты.

Ребекка. А каковъ же онъ съ виду, мадамъ Гельсетъ?

Мадамъ Гельсетъ. Да не больно казистъ, фрёкенъ...

Росмеръ. Онъ не сказалъ своей фамиліи?

Мадамъ Гельсетъ. Да, кажется, Гекманъ, или что-то въ этомъ родѣ.

Росмеръ. Никого такого не знаю.

Мадамъ Гельсетъ. Сказалъ еще, что зовутъ его Ульдрикъ.

Росмеръ (пораженный). Ульрикъ Гетманъ! Такъ?

Мадамъ Гельсетъ. Да, да, Гетманъ.

Кролль. Это имя я когда-то слыхалъ...

Ребекка. Да вѣдь такъ, кажется, подписывался тотъ... чудакъ...

Росмеръ (Кроллю). Это псевдонимъ Ульрика Бренделя.

Кролль. Отпѣтаго Ульрика Бренделя! Да, да!

Ребекка. Такъ онъ живъ еще.

Росмеръ. Я думалъ, что онъ разъѣзжаетъ съ какой-то театральной труппой.

Кролль. Послѣднее, что я о немъ слышалъ — это, что онъ сидѣлъ въ рабочемъ домѣ.

Росмеръ. Попросите его сюда, мадамъ Гельсетъ.

Мадамъ Гельсетъ. Хорошо. (Уходитъ).

Кролль. Неужто ты въ самомъ дѣлѣ пустишь къ себѣ на порогъ этого человѣка?

Росмеръ. Да вѣдь ты знаешь, онъ былъ когда-то моимъ учителемъ.

Кролль. Да, знаю, что онъ набивалъ тебѣ голову всякими мятежными мыслями, и что отецъ твой выпроводилъ его за это изъ дому хлыстомъ.

Росмеръ (съ нѣкоторой горечью). Отецъ и дома держалъ себя майоромъ.

Кролль. Скажи ему за это спасибо, милый Росмеръ... Н-ну!

(Мадамъ Гельсетъ открываетъ дверь справа, впускаетъ Ульрика Бренделя и снова затворяетъ ее. Онъ видный мужчина, съ нѣсколько помятымъ лицомъ, но живой и бойкій, съ сѣдыми волосами и бородой. Костюмомъ же смахиваетъ на бродягу. Истасканный сюртукъ, никакихъ признаковъ бѣлья, плохая обувь, но на рукахъ старыя черныя перчатки, подъ мышкой грязная мягкая шляпа и въ рукѣ тросточка).

Брендель (сначала неувѣренно, но затѣмъ бойко направляется къ ректору и протягиваетъ руку). Добрый вечеръ, Іоганнесъ!

Кролль. Извините...

Брендель. Ожидалъ свидѣться со мной снова? Да еще въ этихъ ненавистныхъ стѣнахъ?

Кролль. Извините... (Указывая) Вотъ...

Брендель (оборачиваясь). Вѣрно. Вотъ онъ, Іоганнесъ... мой мальчикъ... мой любимецъ!..

Росмеръ (протягивая ему руку). Мой старый учитель!

Брендель. Вопреки нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я не захотѣлъ пройти мимо Росмерсгольма, не завернувъ на минутку.

Росмеръ. И вамъ здѣсь сердечно рады теперь. Будьте увѣрены.

Брендель. А эта привлекательная дама?.. (Кланяясь) Разумѣется, фру пасторша?

Росмеръ. Фрёкенъ Вестъ.

Брендель. Вѣроятно, близкая родственница. А сей незнакомецъ? Очевидно, собратъ твой.

Росмеръ. Ректоръ Кролль.

Брендель. Кролль? Кролль? Постой. Вы были въ молодости на филологическомъ факультетѣ?

Кролль. Само собой разумѣется.

Брендель. Donnerwetter! Такъ я тебя зналъ!

Кролль. Извините...

Брендель. Развѣ не ты былъ...

Кролль. Извините...

Брендель. ...Однимъ изъ тѣхъ жандармовъ добродѣтели, которые изгнали меня изъ «Кружка дебатовъ»?

Кролль. Весьма возможно. Но я протестую противъ всякаго болѣе близкаго знакомства.

Брендель. Но-но! Nach Belieben, господинъ докторъ. Мнѣ все едино. Ульрику Бренделю отъ этого ни тепло ни холодно.

Ребекка. Вы, вѣрно, направляетесь въ городъ, господинъ Брендель?

Брендель. Фру пасторша угадала. Время отъ времени я принужденъ вступать въ борьбу за существованіе, давать маленькое сраженьице. Неохотно я это дѣлаю; но... enfin!.. настоятельная необходимость...

Росмеръ. Дорогой господинъ Брендель, не позволите ли вы мнѣ помочь вамъ чѣмъ-нибудь? Такъ или иначе — хочу я сказать.

Брендель. Ха! Такое предложеніе! Ты бы хотѣлъ осквернить тѣ узы, которыя связываютъ насъ? Никогда, Іоганнесъ... никогда!

Росмеръ. Но что же вы думаете предпринять въ городѣ? Повѣрьте, вамъ не легко будетъ...

Брендель. Предоставь ужъ это мнѣ, мой мальчикъ. Жребій брошенъ. Передъ тобой человѣкъ, который выступаетъ въ обширный походъ. Болѣе обширный, нежели всѣ мои прежніе

набѣги вмѣстѣ. (Ректору) Дозволено будетъ спросить господина профессора,—unter uns,—имѣется ли въ вашемъ почтенномъ городѣ сколько-нибудь приличная, респектабельная и помѣстительная зала для сходокъ?

Кролль. Самая помѣстительная въ Союзѣ рабочихъ.

Брендель. Имѣетъ ли господинъ доцентъ какое-либо осязательное вліяніе въ этомъ, безъ сомнѣнія, полезномъ союзѣ?

Кролль. Я не имѣю къ нему никакого отношенія.

Ребекка (Бренделю). Вамъ надо обратиться къ Педеру Мортенсгору.

Брендель. Pardon, madame—это что̀ за идіотъ?

Росмеръ. Почему вы непремѣнно полагаете, что онъ идіотъ?

Брендель. Развѣ не слышно сразу по имени, что это плебей?

Кролль. Такого отвѣта я не ожидалъ.

Брендель. Но я превозмогу себя. Дѣлать нечего. Разъ стоишь, какъ я теперь, на распутьѣ... Рѣшено. Я вступлю въ сношенія съ указанной особой... завяжу переговоры...

Росмеръ. Вы серьезно стоите на распутьѣ?

Брендель. Развѣ мой мальчикъ не знаетъ, что, гдѣ бы ни стоялъ Ульрикъ Брендель, онъ стоитъ серьезно?.. Да, видишь ли, я хочу облечься въ новаго человѣка. Покинуть выжидательное положеніе, котораго доселѣ держался.

Росмеръ. Какъ?..

Брендель. Хочу сильной рукой вцѣпиться въ жизнь. Выйти на арену. Выступить. Настало время бурь, солнцеповорота. И я хочу возложить свою лепту на алтарь освобожденія.

Кролль. И вы?..

Брендель (ко всѣмъ). Извѣстны ли публикѣ болѣе или менѣе подробно мои разбросанныя литературныя творенія?

Кролль. Нѣтъ, долженъ откровенно признаться...

Ребекка. Я кое-что читала. У моего пріемнаго отца они были.

Брендель. Прекрасная хозяйка дома, вы потратили ваше время даромъ. Потому что все это одна труха—скажу я вамъ.

Ребекка. Вотъ какъ?

Брендель. То, что̀ вы читали, — да. Самыхъ важнѣйшихъ моихъ произведеній никто не знаетъ; никто — кромѣ меня самого.

Ребекка. Почему же?

Брендель. Потому что они не написаны.

Росмеръ. Но, дорогой господинъ Брендель...

Брендель. Тебѣ извѣстно, Іоганнесъ, что я чуточку сибаритъ — Feinschmecker. Всегда былъ таковъ. Я люблю наслаждаться въ одиночествѣ. Тогда я наслаждаюсь вдвойнѣ, вдесятеринѣ. Видишь ли, когда ко мнѣ слетали золотыя грезы

творчества... окутывали меня своей дымкой... когда новыя, головокружительно-смѣлыя мысли рождались въ моей головѣ, обвѣвали меня своими крылами... тогда я сплеталъ ихъ въ поэму, въ образы, картины. То-есть въ общихъ чертахъ, — понимаешь.

Росмеръ. Да, да.

Брендель. И какъ я наслаждался на своемъ вѣку! Загадочное блаженство творчества,—не детальнаго, а, какъ я уже сказалъ, въ широкомъ значеніи слова, — одобреніе, благодарность, славу, лавры, — все это я загребалъ полными, дрожащими отъ радости горстями. Насыщался въ своихъ тайныхъ мечтахъ радостью, блаженствомъ. Виталъ на седьмомъ небѣ!..

Кролль. Гм...

Росмеръ. Но ничего не заносили на бумагу?

Брендель. Ни слова. Это вульгарное бумагомараніе всегда возбуждало во мнѣ тошноту. И съ какой стати было мнѣ профанировать мои собственные идеалы, когда я могъ наслаждаться ими во всей ихъ чистотѣ одинъ? Но теперь приходится ими пожертвовать. Поистинѣ я испытываю при этомъ такое чувство, какъ мать, которая сдаетъ своихъ юныхъ дочерей съ рукъ на руки мужьямъ. Но я все-таки принесу ихъ въ жертву... на алтарь освобожденія. Рядъ мастерски составленныхъ лекцій... Я обойду съ ними всю страну!..

Ребекка (съ живостью). Это будетъ крупная жертва, господинъ Брендель. Вы отдаете самое дорогое, что̀ есть у васъ.

Росмеръ. И единственное.

Ребекка (многозначительно глядя на Росмера). Многіе ли это сдѣлаютъ? Дерзнутъ сдѣлать!

Росмеръ (обмѣниваясь съ ней взглядомъ). Кто знаетъ?

Брендель. Собраніе растрогано. Это проливаетъ бальзамъ на мое сердце... и укрѣпляетъ волю. И засимъ я, слѣдовательно, перехожу къ дѣлу... Только вотъ что̀... (Ректору) Не скажете ли вы мнѣ, господинъ наставникъ — имѣется въ городѣ общество трезвости? Общество абсолютной трезвости? Само собой, есть?

Кролль. Да, къ вашимъ услугамъ. Я самъ предсѣдатель.

Брендель. Мнѣ такъ и сдавалось! Ну, въ такомъ случаѣ весьма возможно, что я явлюсь къ вамъ записаться въ члены на недѣльку.

Кролль. Извините... мы не принимаемъ недѣльныхъ членовъ.

Брендель. A la bonheur, господинъ педагогъ. Ульрикъ Брендель никогда и не обивалъ пороговъ такихъ обществъ. (Поворачиваясь) Но я не смѣю затягивать моего пребыванія въ этомъ домѣ, столь богатомъ воспоминаніями. Мнѣ надо въ

городъ, подыскать себѣ подходящее пристанище. Тамъ, надѣюсь, найдется порядочная гостиница?

Ребекка. Не выпьете ли на дорогу, чтобы согрѣться?..

Брендель. Чего, всемилостивѣйшая?

Ребекка. Чашку чаю или...

Брендель. Благодарю высокощедрую хозяйку дома. Но я неохотно пользуюсь частнымъ гостепріимствомъ. (Дѣлая прощальный жестъ рукой) Будьте здоровы, господа! (Дойдя до дверей, оборачивается) Ахъ, да, вотъ что!.. Іоганнесъ... пасторъ Росмеръ... не окажешь ли ты своему бывшему учителю одолженіе ради многолѣтней дружбы?

Росмеръ. Готовъ, отъ всей души.

Брендель. Хорошо. Такъ одолжи мнѣ... на день, на два... свѣжую крахмаленную сорочку.

Росмеръ. Только-то?

Брендель. А то, видишь ли, я по образу пѣшаго хожденія— на этотъ разъ. Багажъ мой придетъ попозже.

Росмеръ. Хорошо, хорошо. Но, можетъ-быть, еще что?

Брендель. Да, знаешь — если бы у тебя нашелся лишній подержаный лѣтній сюртукъ...

Росмеръ. Да, да; найдется, конечно.

Брендель. Да къ нему бы еще пару приличныхъ сапоговъ...

Росмеръ. Все, все найдется. Сообщите только адресъ—все будетъ вамъ выслано.

Брендель. Никонмъ образомъ! Никакихъ хлопотъ изъ-за меня! Я возьму эти бездѣлицы съ собой.

Росмеръ. Хорошо, хорошо. Такъ не угодно ли пожаловать наверхъ.

Ребекка. Позвольте лучше мнѣ. Мы съ мадамъ Гельсетъ все устроимъ.

Брендель. Ни за что не позволю, чтобы такая благороднѣйшая дама...

Ребекка. Э, полно! Пойдемте, господинъ Брендель. (Идетъ направо).

Росмеръ (задерживая Бренделя). Скажите, не могу ли я еще чѣмъ быть вамъ полезнымъ?

Брендель. Право, ужъ не знаю—чѣмъ бы еще? Или, чортъ возьми, — какъ подумаю хорошенько... Іоганнесъ, нѣтъ ли у тебя случайно при себѣ... восьми кронъ?

Росмеръ. Посмотрю. (Открываетъ портмоне) Тутъ двѣ бумажки по десяти.

Брендель. Ну, все равно. Годятся. Всегда вѣдь можно размѣнять въ городѣ. Спасибо пока. Ты помни, я взялъ двѣ по десяти. Спокойной ночи, мой милый мальчикъ! Спокойной ночи,

высокоуважаемый! (Уходитъ направо, сопровождаемый до двери Росмеромъ, который и затворяетъ за нимъ дверь).

Кролль. Боже милостивый! Такъ это тотъ самый Ульрикъ Брендель, изъ котораго — когда-то ожидали — выйдетъ нѣчто крупное!

Росмеръ (тихо). Во всякомъ случаѣ у него хватило мужества прожить жизнь по-своему, своимъ умомъ. И это уже немало, по-моему.

Кролль. Что? Жить, какъ онъ живетъ! Подумаешь, чего добраго—онъ въ состояніи вскружить тебѣ голову еще разъ.

Росмеръ. Ну нѣтъ. Теперь я уже выяснилъ себѣ все, — самъ разобрался по всѣмъ пунктамъ.

Кролль. Дай Богъ, чтобы такъ, дорогой Росмеръ. А то ты крайне податливъ на всякое постороннее вліяніе.

Росмеръ. Давай сядемъ и поговоримъ.

Кролль. Давай. (Садятся на диванъ).

Росмеръ (помолчавъ). Какъ по-твоему, хорошо у насъ, уютно здѣсь?

Кролль. Да, здѣсь теперь стало очень хорошо, уютно и мирно. У тебя завелся настоящій домашній уголъ, Росмеръ. А я свой потерялъ.

Росмеръ. Дорогой Кролль, не говори такъ. Что теперь разрознено—соединится вновь.

Кролль. Никогда, никогда. Жало останется. По-старому ужъ никогда не будетъ.

Росмеръ. Послушай, Кролль,—вотъ мы съ тобой были близки много-много лѣтъ. Мыслимо ли, по-твоему, чтобы наша дружба порвалась?

Кролль. Я не знаю ничего такого въ свѣтѣ, что могло бы порвать ее. Съ чего тебѣ это пришло въ голову?

Росмеръ. Да вотъ, ты придаешь такое рѣшительное значеніе солидарности мнѣній и взглядовъ.

Кролль. Ну да, но вѣдь мы же съ тобой почти солидарны. Въ главныхъ, коренныхъ вопросахъ — во всякомъ случаѣ.

Росмеръ (тихо). Нѣтъ. Этого нѣтъ уже.

Кролль (готовый вскочить). Что такое!

Росмеръ (удерживая его). Нѣтъ, сиди. Прошу тебя, Кролль.

Кролль. Да что же это такое? Я тебя не понимаю! Выскажись прямо!

Росмеръ. Въ душѣ моей новое лѣто. Я обрѣлъ новый, юношески-свѣжій взглядъ на жизнь. И вотъ я пришелъ туда же...

Кролль. Куда же, куда?

Росмеръ. Куда пришли твои дѣти.

Кролль. Ты? Ты! Да это же невозможно! Куда ты пришелъ, говоришь?

Росмеръ. Туда же, куда твои дѣти—Лауриць и Гильда.

Кролль (поникая головой). Отступникъ. Іоганнесъ Росмеръ отступникъ.

Росмеръ. Мнѣ слѣдовало бы такъ радоваться... испытывать такое счастье, сознавая свое отступничество, какъ ты это называешь... Но я все-таки много страдалъ, мучился. Я вѣдь зналъ, какое это причинитъ тебѣ жгучее огорченіе.

Кролль. Росмеръ... Росмеръ! Съ этимъ я никогда не примирюсь. (Мрачно глядитъ на него) И ты, заодно съ ними, готовъ способствовать распространенію пагубы и смуты въ этой злополучной странѣ.

Росмеръ. Это освобожденіе, и я за него.

Кролль. Да, знаю, знаю. Такъ называютъ его всѣ смутьяны и всѣ сбитые съ толку. Но неужели, по-твоему, можно ожидать освобожденія отъ того мятежнаго духа, что̀ готовъ теперь отравить всю нашу общественную жизнь?

Росмеръ. Я не пріобщаюсь ни къ господствующему здѣсь духу и ни къ одной изъ борющихся партій. Я хочу попытаться собрать, сплотить людей съ разныхъ сторонъ. Возможно больше и тѣснѣе. Я хочу жить, посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы на то, чтобы создать въ странѣ истинное народовластіе.

Кролль. По-твоему, съ насъ уже не довольно этого народовластія!.. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что всѣ мы кучей валимъ прямо въ болото, гдѣ привольно живется одной черни.

Росмеръ. Именно потому я и намѣчаю истинную задачу народовластія.

Кролль. Какую задачу?

Росмеръ. Сдѣлать всѣхъ людей въ странѣ людьми благородными.

Кролль. Всѣхъ!..

Росмеръ. Во всякомъ случаѣ возможно большее число.

Кролль. Какими же путями?

Росмеръ. Освободивъ ихъ умы и очистивъ волю, — думается мнѣ.

Кролль. Ты мечтатель, Росмеръ. Ты хочешь ихъ освободить? Очистить?

Росмеръ. Нѣтъ, милый другъ... я хочу лишь попытаться пробудить въ нихъ стремленіе къ этому. А сдѣлать это они должны ужъ сами.

Кролль. И ты думаешь, они смогутъ?

Росмеръ. Да.

Кролль. Собственными силами?

Росмеръ. Именно собственными силами. Другихъ не существуетъ.

Кролль (вставая). Развѣ такъ подобаетъ говорить пастору?

Росмеръ. Я уже не пасторъ.

Кролль. Да, но... твоя дѣтская вѣра?..

Росмеръ. Ея уже нѣтъ во мнѣ.

Кролль. Нѣтъ!..

Росмеръ (встаетъ). Я отказался отъ нея. Долженъ былъ отказаться отъ нея, Кролль.

Кролль (потрясенный, но овладѣвая собой). Вотъ какъ... Да, да, да. Одно къ одному, конечно. Такъ не потому ли ты и сложилъ съ себя церковный санъ?

Росмеръ. Да. Когда я разобрался въ самомъ себѣ... вполнѣ увѣрился, что это не преходящій соблазнъ, но нѣчто такое, отъ чего мнѣ уже никогда не отдѣлаться,—я и ушелъ.

Кролль. Значитъ, вотъ какъ давно это въ тебѣ бродило. А мы, твои друзья, ничего и не знали! Росмеръ, Росмеръ... какъ ты могъ скрывать отъ насъ эту прискорбную истину?

Росмеръ. На мой взглядъ, дѣло это касалось меня одного. И затѣмъ я не хотѣлъ причинять тебѣ и другимъ друзьямъ напраснаго огорченія. Я думалъ, что смогу продолжать жить здѣсь попрежнему, тихой, счастливой жизнью. Я хотѣлъ читать и изучать всѣ тѣ труды, которые раньше были для меня закрытой книгой. Всей душой отдаться великому міру истины и свободы, который мнѣ открылся.

Кролль. Отступникъ. Каждое слово свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но зачѣмъ ты все-таки признаёшься въ своемъ тайномъ отступничествѣ? И зачѣмъ именно теперь?

Росмеръ. Ты самъ вынудилъ меня, Кролль.

Кролль. Я? Я тебя вынудилъ?..

Росмеръ. Когда я узналъ, какъ ты неистовствуешь на сходкахъ... когда прочелъ обо всѣхъ твоихъ недобрыхъ рѣчахъ... яростныхъ выпадахъ противъ тѣхъ, кто стоитъ на противоположной сторонѣ... о твоемъ презрительномъ осужденіи противниковъ... Ахъ, Кролль! И ты, ты могъ стать такимъ!.. Тогда передо мною всталъ мой долгъ. Люди озлобляются въ такой борьбѣ, которая теперь завязалась. Надо призвать въ души миръ, радость и примиреніе. Оттого я и выступаю теперь и сознаюсь открыто — какимъ я сталъ. А затѣмъ и я хочу испытать свои силы. Не могъ ли бы и ты со своей стороны примкнуть, Кролль?

Кролль. Никогда въ жизни не примкну, не примирюсь я съ разрушительными элементами общества!

Росмеръ. Такъ давай, по крайней мѣрѣ, бороться благороднымъ оружіемъ — разъ ужъ приходится бороться.

Кролль. Кто не со мной въ главныхъ жизненныхъ вопросахъ, того я знать не знаю больше. И не стану съ нимъ церемониться!

Росмеръ. Это и ко мнѣ относится?

Кролль. Ты самъ порвалъ со мной, Росмеръ.

Росмеръ. Да развѣ это разрывъ!

Кролль. Это! Это разрывъ со всѣми, кто до сихъ поръ былъ тебѣ близокъ. Прими же на себя и послѣдствія.

(Ребекка входитъ справа и широко распахиваетъ двери).

Ребекка. Ну вотъ; теперь онъ на пути къ своему великому жертвоприношенію. А намъ пора за столъ. Милости просимъ, господинъ ректоръ.

Кролль (беретъ шляпу). Спокойной ночи, фрёкенъ Вестъ. Мнѣ тутъ нечего больше дѣлать.

Ребекка (напряженно). Что это значитъ? (Затворяетъ дверь и подходитъ къ нимъ) Вы поговорили?..

Росмеръ. Онъ все теперь знаетъ.

Кролль. Мы тебя не выпустимъ изъ рукъ, Росмеръ. Мы заставимъ тебя вернуться къ намъ.

Росмеръ. Туда я ужъ никогда не вернусь больше.

Кролль. Увидимъ. Ты не такой человѣкъ, чтобы выдержать одиночество.

Росмеръ. Я буду не совсѣмъ одинокъ. Насъ двое, чтобы выдержать одиночество.

Кролль. А-а! (Въ немъ вспыхиваетъ подозрѣніе) И это еще! Слова Беаты!..

Росмеръ. Беаты?..

Кролль (отгоняя мысль). Нѣтъ, нѣтъ... это было гадко... Прости.

Росмеръ. Что? Въ чемъ?

Кролль. Ни слова больше объ этомъ. Фу! Прости мнѣ. Прощай! (Направляется въ переднюю).

Росмеръ (за нимъ). Кролль! Намъ нельзя разойтись такъ. Завтра я приду къ тебѣ.

Кролль (въ передней, оборачиваясь). Чтобы ноги твоей не было въ моемъ домѣ! (Беретъ палку и уходитъ).

(Росмеръ стоитъ съ минуту въ дверяхъ, затѣмъ затворяетъ дверь и идетъ къ столу).

Росмеръ. Ничего, Ребекка. Выдержимъ все-таки. Мы двое вѣрныхъ друзей. Ты да я.

Ребекка. Какъ ты думаешь, что пришло ему на умъ, когда онъ крикнулъ: «фу»?

Росмеръ. Дорогая, не обращай вниманія. Онъ самъ не по-

вѣрилъ тому, что̀ пришло ему на умъ. Но завтра я пойду къ нему. Спокойной ночи.

Ребекка. И сегодня такъ же рано уйдешь къ себѣ? Послѣ этого?

Росмеръ. Сегодня, какъ и всегда. У меня стало такъ легко на душѣ послѣ этого. Ты видишь — я совершенно спокоенъ, дорогая Ребекка. И ты тоже будь спокойна. Доброй ночи!

Ребекка. Доброй ночи, дорогой другъ! Спокойнаго сна!

(Росмеръ уходитъ въ переднюю, и затѣмъ слышны его шаги по лѣстницѣ, ведущей наверхъ).

(Ребекка дергаетъ звонокъ у печки, и немного погодя справа входитъ мадамъ Гельсетъ).

Ребекка. Можно убрать со стола, мадамъ Гельсетъ. Пасторъ не хочетъ ничего... а ректоръ ушелъ.

Мадамъ Гельсетъ. Ректоръ ушелъ? Что̀ такое съ нимъ стряслось?

Ребекка (беретъ свое вязанье). Пророчилъ, что собирается сильная гроза...

Мадамъ Гельсетъ. Вотъ такъ диво! Ни единаго облачка за весь вечеръ.

Ребекка. Только бы онъ не повстрѣчался съ бѣлымъ конемъ. Боюсь, что привидѣнія эти скоро дадутъ себя знать здѣсь.

Мадамъ Гельсетъ. Богъ съ вами, фрёкенъ! Не говорите такихъ страстей.

Ребекка. Ну-ну-ну...

Мадамъ Гельсетъ (тише). Развѣ фрёкенъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что у насъ кто-нибудь скоро умретъ?

Ребекка. Не то, чтобы я это думала... но на этомъ свѣтѣ столько разныхъ бѣлыхъ коней, мадамъ Гельсетъ... Ну, спокойной ночи. Я пойду къ себѣ.

Мадамъ Гельсетъ. Спокойной ночи, фрёкенъ.

(Ребекка уходитъ направо).

Мадамъ Гельсетъ (тушитъ лампу, качаетъ головой и бормочетъ). Господи Іисусе... Эта фрёкенъ Вестъ. Чего только она иной разъ ни скажетъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Іоганнеса Росмера. Въ лѣвой стѣнѣ входная дверь. Въ глубинѣ комнаты дверное отверстіе съ раздвинутыми портьерами, соединяющее кабинетъ со спальней. Направо окно, и передъ нимъ письменный столъ съ книгами и бумагами. По стѣнамъ полки съ книгами и шкапы. Меблировка скромная. Налѣво старинное канапе и передъ нимъ столъ.

Іоганнесъ Росмеръ, въ домашнемъ сюртукѣ, сидя у письменнаго стола на стулѣ съ высокой спинкой, разрѣзываетъ и просматриваетъ выпускъ какого-то сочиненія. Въ дверь налѣво стучатъ.

Росмеръ (не оборачиваясь). Можно; войдите.

Ребекка (въ утреннемъ платьѣ, входитъ). Съ добрымъ утромъ.

Росмеръ (перелистывая журналъ). Съ добрымъ утромъ, дорогая. Тебѣ что-нибудь надо?

Ребекка. Хотѣла только узнать, хорошо ли ты спалъ?

Росмеръ. Ахъ, чудесно; такъ крѣпко. Никакихъ сновъ... (Оборачиваясь) А ты?

Ребекка. Спасибо. Такъ, подъ утро...

Росмеръ. Знаешь, давнымъ-давно не было у меня такъ легко на сердцѣ. А-а!.. Право, хорошо, что удалось вчера высказаться.

Ребекка. И напрасно такъ долго молчалъ, Росмеръ.

Росмеръ. Самъ не понимаю, чего такъ трусилъ.

Ребекка. Ну, это же собственно было не изъ трусости...

Росмеръ. Однако, знаешь... Если хорошенько вникнуть — такъ и трусость примѣшивалась.

Ребекка. Тѣмъ смѣлѣе съ твоей стороны, что ты все-таки порвалъ сразу. (Садится около него на стулъ) А я вотъ хочу разсказать тебѣ кое о чемъ, что̀ я сдѣлала... Ты, пожалуйста, не сердись на меня.

Росмеръ. Сердиться? Дорогая, какъ ты можешь думать?

Ребекка. Ну да, потому что я, пожалуй, распорядилась немножко самовольно, но...

Росмеръ. Да въ чемъ же дѣло?

Ребекка. Вчера вечеромъ, когда этотъ Ульрикъ Брендель собирался уходить... я дала ему записку къ Мортенсгору.

Росмеръ (нѣсколько призадумавшись). Ахъ, милая Ребекка... Ну, что̀ же ты написала?

Ребекка. Я написала, что онъ оказалъ бы тебѣ услугу, если бы принялъ нѣкоторое участіе въ этомъ несчастномъ человѣкѣ и сдѣлалъ для него, что̀ можетъ.

Росмеръ. Дорогая, напрасно ты это сдѣлала. Ты только повредила этимъ Бренделю. И Мортенсгоръ такой человѣкъ, что я лучше всего желалъ бы держаться отъ него подальше. Ты знаешь, у меня было съ нимъ однажды столкновеніе.

Ребекка. А развѣ, по-твоему, не кстати было бы теперь вновь завязать съ нимъ добрыя отношенія?

Росмеръ. Мнѣ? Съ Мортенсгоромъ? Почему кстати?

Ребекка. Да вѣдь, собственно говоря, твое положеніе теперь не изъ прочныхъ... послѣ того, какъ ты разошелся съ друзьями.

Росмеръ (смотритъ на нее, качая головой). Или ты въ самомъ дѣлѣ могла подумать, что Кролль или кто-нибудь изъ нихъ станетъ мстить?.. Чтобы они были въ состояніи?..

Ребекка. Сгоряча, милый... Никто не можетъ поручиться. Мнѣ кажется... судя по тому, какъ ректоръ отнесся...

Росмеръ. Ахъ, тебѣ бы слѣдовало знать его получше. Кролль— человѣкъ благородный во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ обѣда я отправлюсь въ городъ и поговорю съ нимъ. Хочу поговорить съ ними со всѣми. О, ты увидишь, все уладится...

(Изъ дверей налѣво входитъ мадамъ Гельсетъ).

Ребекка (привставая). Что тамъ, мадамъ Гельсетъ?

Мадамъ Гельсетъ. Ректоръ Кролль въ передней.

Росмеръ (быстро встаетъ). Кролль!

Ребекка. Ректоръ! Нѣтъ, подумай!..

Мадамъ Гельсетъ. Спрашиваетъ, нельзя ли ему подняться наверхъ, поговорить съ пасторомъ.

Росмеръ (Ребеккѣ). Что, я говорилъ тебѣ?.. Разумѣется, можно. (Идетъ къ двери и кричитъ внизъ) Сюда, сюда, дорогой другъ! Добро пожаловать!

(Росмеръ стоитъ и придерживаетъ дверь открытой. Мадамъ Гельсетъ уходитъ. Ребекка сдвигаетъ портьеры и прибираетъ кое-что въ комнатѣ. Ректоръ Кролль входитъ со шляпой въ рукѣ).

Росмеръ (тихо, растроганно). Я вѣдь зналъ, что не въ послѣдній разъ...

Кролль. Сегодня все представляется мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели вчера.

Росмеръ. Не такъ ли, Кролль? Правда? Когда ты поразмыслилъ...

Кролль. Ты меня совершенно не понимаешь. (Кладетъ шляпу на столъ у канапе) Мнѣ необходимо сейчасъ же поговорить съ тобой наединѣ.

Росмеръ. Отчего же фрёкенъ Вестъ нельзя?..

Ребекка. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Росмеръ. Я уйду.

Кролль (смѣривая ее взглядомъ). Я еще долженъ попросить извиненія у фрёкенъ Вестъ, что забрался такую рань. Засталъ васъ врасплохъ; вы не успѣли даже...

Ребекка (пораженная). Какъ? Вы находите не въ порядкѣ вещей, что я утромъ хожу по-домашнему?

Кролль. Помилуйте! Я вѣдь и не знаю вовсе, какіе у васъ тутъ теперь завелись порядки въ Росмерсгольмѣ.

Росмеръ. Но, Кролль... я совсѣмъ не узнаю тебя сегодня!

Ребекка. Мое почтеніе, господинъ ректоръ. (Уходитъ налѣво).

Кролль. Съ твоего позволенія... (Садится на канапе).

Росмеръ. Да, милый, сядемъ и поговоримъ хорошенько. (Садится на стулъ напротивъ ректора).

Кролль. Я глазъ не сомкнулъ со вчерашняго вечера. Всю ночь напролетъ пролежалъ и продумалъ.

Росмеръ. И что же скажешь сегодня?

Кролль. Разговоръ будетъ долгій, Росмеръ. Позволь мнѣ начать какъ бы съ предисловія. Я имѣю кое-что разсказать тебѣ объ Ульрикѣ Бренделѣ.

Росмеръ. Онъ былъ у тебя?

Кролль. Нѣтъ. Онъ расположился въ одномъ дрянномъ кабачкѣ. Въ самой дрянной компаніи, разумѣется. Пилъ и угощалъ, пока было на что. Потомъ выругалъ всю компанію дрянью и сволочью. И былъ правъ, въ сущности. Но его за это вздули и выгнали.

Росмеръ. Онъ, значитъ, неисправимъ.

Кролль. Сюртукъ онъ тоже заложилъ. Но, говорятъ, ему выкупили. Можешь отгадать — кто?

Росмеръ. Пожалуй, ты самъ?

Кролль. Нѣтъ. Благородный господинъ Мортенсгоръ.

Росмеръ. Вотъ кто!

Кролль. Мнѣ сообщили, что первымъ визитомъ господинъ Брендель удостоилъ именно идіота и плебея.

Росмеръ. Ну, и не прогадалъ, значитъ...

Кролль. Конечно. (Облокачиваясь на столъ и нѣсколько приближаясь къ Росмеру) Но тутъ мы дошли до пункта, относительно котораго я во имя нашей старой... нашей былой дружбы считаю своимъ долгомъ предостеречь тебя.

Росмеръ. Дорогой мой, въ чемъ дѣло?

Кролль. Дѣло въ томъ, что, видно, у тебя въ домѣ творится что-то такое за твоей спиной...

Росмеръ. Какъ ты можешь думать? Ты намекаешь тутъ на Реб... на фрёкенъ Вестъ?

Кролль. Именно. Я отлично ее понимаю въ данномъ случаѣ. Она вѣдь давно уже привыкла править тутъ всѣмъ. Но все-таки...

Росмеръ. Дорогой Кролль, ты безусловно ошибаешься. У насъ съ ней нѣтъ никакихъ секретовъ другъ отъ друга.

Кролль. Такъ она призналась тебѣ и въ томъ, что завязала переписку съ редакторомъ «Маяка»?

Росмеръ. Ахъ, ты намекаешь на записку, которую она дала Ульрику Бренделю.

Кролль. Такъ ты уже знаешь объ этомъ. И одобряешь, что она завязываетъ сношенія съ этимъ бьющимъ на скандалъ газетнымъ писакой, который каждую недѣлю пытается выставить меня къ позорному столбу, привязываясь и къ моей школѣ и къ моей общественной дѣятельности?

Росмеръ. Другъ мой, объ этомъ она, навѣрное, даже не подумала. А въ концѣ концовъ она, разумѣется, вполнѣ вольна въ своихъ поступкахъ, какъ я въ своихъ.

Кролль. Да? Это, вѣрно, въ связи съ твоимъ новымъ направленіемъ. Вѣдь и фрёкенъ Вестъ, конечно, пришла туда же, куда и ты?

Росмеръ. Да, и она. Мы съ нею дружно работали вмѣстѣ, чтобы выбраться на новый путь.

Кролль (глядитъ на него, медленно качая головой). Ахъ, ты, ослѣпленный, обманутый человѣкъ!

Росмеръ. Я? Съ чего ты взялъ?

Кролль. Ну да; я не смѣю... не хочу думать худшаго. Нѣтъ, нѣтъ; дай мнѣ высказаться... Ты дѣйствительно цѣнишь мою дружбу, Росмеръ? И мое уваженіе? Да?

Росмеръ. На такой вопросъ едва ли нужно отвѣчать.

Кролль. Ну, такъ другіе вопросы требуютъ отвѣтовъ, полнаго разъясненія съ твоей стороны. Позволишь ли ты сдѣлать тебѣ нѣчто въ родѣ допроса?

Росмеръ. Допроса?

Кролль. Да, позволишь ли задать нѣсколько вопросовъ о томъ, что̀ тебѣ, можетъ-быть, больно вспоминать? Видишь ли... это твое отступничество... или твое «освобожденіе», какъ ты его называешь... все это связано со многимъ и многимъ, что̀ ты ради себя самого долженъ мнѣ объяснить.

Росмеръ. Дорогой мой, спрашивай, о чемъ хочешь. Мнѣ нечего скрывать.

Кролль. Такъ вотъ скажи мнѣ, изъ-за чего въ сущности, по-твоему, Беата взяла да покончила съ собой? Какая была тому истинная причина?

Росмеръ. Неужели у тебя могутъ быть сомнѣнія? Или, вѣрнѣе, развѣ можно спрашивать о причинахъ поступковъ такихъ несчастныхъ, невмѣняемыхъ больныхъ?

Кролль. Да ты увѣренъ, что Беата была такъ-таки совсѣмъ невмѣняема? Врачи, по крайней мѣрѣ, не считали этого вопроса окончательно рѣшеннымъ.

Росмеръ. Если бы врачи когда-нибудь видѣли ее такою, какой я видѣлъ ее много разъ и днемъ и ночью, они не стали бы сомнѣваться.

Кролль. И я тогда не сомнѣвался.

Росмеръ. Къ сожалѣнію, и невозможно было сомнѣваться. Я вѣдь разсказывалъ тебѣ о ея необузданно-дикихъ, страстныхъ порывахъ... на которые она требовала отвѣта съ моей стороны. Ахъ, какой ужасъ она мнѣ внушала! А потомъ эти ея безосновательныя, жгучія угрызенія совѣсти и самоупреки въ послѣдніе годы...

Кролль. Да, когда она узнала, что всю жизнь останется бездѣтной.

Росмеръ. Ну, такъ самъ посуди: мучить, терзать себя изо дня въ день, когда ни въ чемъ не виновата!.. Какъ тутъ было считать ее вмѣняемой?

Кролль. Гм... Ты не помнишь, были у тебя тогда въ домѣ книги, въ которыхъ трактовалось бы о цѣли брака, согласно новѣйшимъ взглядамъ нашего времени?

Росмеръ. Помню, фрёкенъ Вестъ дала мнѣ прочесть одно такое сочиненіе. Къ ней вѣдь перешла вся библіотека ея пріемнаго отца, доктора. Но, дорогой Кролль, не думаешь же ты, чтобы мы были такъ неосторожны и посвящали бѣдную больную въ подобные вопросы? Могу завѣрить тебя честью, что на насъ не лежитъ никакой вины. Причиной всему были ея разстроенные нервы; они толкали ее на ложный путь.

Кролль. Одно во всякомъ случаѣ я могу тебѣ разсказать теперь. А именно, что бѣдная, измученная и экзальтированная Беата покончила съ собой ради того, чтобы дать тебѣ возможность зажить счастливой... свободной жизнью — какъ тебѣ захочется.

Росмеръ (полуприставъ со стула). Что ты хочешь сказать этимъ?

Кролль. Выслушай меня спокойно, Росмеръ. Теперь я могу говорить объ этомъ. Въ послѣдній годъ своей жизни она два раза приходила ко мнѣ, чтобы излить передо мной свой страхъ и отчаяніе.

Росмеръ. Все по поводу того же?

Кролль. Нѣтъ. Въ первый разъ она увѣряла, что ты на пути къ отпаденію. Готовъ отпасть отъ вѣры отцовъ.

Росмеръ (горячо). Не можетъ этого быть, Кролль! Это совершенно невозможно. Ты, вѣрно, ошибаешься.

Кролль. Почему такъ?

Росмеръ. Да потому, что при жизни Беаты я все еще сомнѣвался самъ и боролся съ собой. И эту борьбу я довелъ до конца одинъ-одинешенекъ, не говоря никому ни слова. Не думаю даже, чтобы Ребекка...

Кролль. Ребекка?

Росмеръ. Ну да... фрёкенъ Вестъ. Я запросто зову ее Ребеккой.

Кролль. Я уже замѣтилъ.

Росмеръ. Поэтому для меня и непостижимо, какъ Беатѣ могли придти такія мысли. И почему было ей не заговорить объ этомъ прямо со мной? Она ни разу этого не сдѣлала. Ни словечка никогда не проронила.

Кролль. Бѣдная... она просила, молила меня поговорить съ тобой.

Росмеръ. Почему же ты этого не сдѣлалъ?

Кролль. Могъ ли я тогда хоть на минутку усомниться, что она ненормальна? Подобное обвиненіе противъ такого человѣка, какъ ты!.. Потомъ она пришла опять... такъ съ мѣсяцъ спустя. Была съ виду спокойнѣе. Но, уходя, сказала: «теперь въ Росмерсгольмѣ скоро могутъ ожидать бѣлаго коня».

Росмеръ. Да. да. Она часто говорила о бѣломъ конѣ.

Кролль. И когда я попытался отвлечь ее отъ такихъ грустныхъ мыслей, она отвѣтила: «Мнѣ ужъ теперь недолго остается. Іоганнесу нужно немедля жениться на Ребеккѣ».

Росмеръ (почти лишаясь языка). Что ты говоришь... Мнѣ жениться на...

Кролль. Это было послѣ обѣда въ четвергъ. А въ субботу вечеромъ она кинулась съ мостика въ водопадъ.

Росмеръ. И ты не предупредилъ насъ!..

Кролль. Ты же самъ знаешь, какъ часто она намекала, что вотъ-вотъ непремѣнно умретъ.

Росмеръ. Знаю, знаю. Но все-таки... ты *долженъ былъ* предостеречь насъ!

Кролль. Я и думалъ-было. Но оказалось уже поздно.

Росмеръ. Но почему же ты съ тѣхъ-то поръ?.. Зачѣмъ молчалъ обо всемъ этомъ?

Кролль. Да къ чему было являться и разстраивать тебя, мучить еще больше? Я же принималъ все это за пустыя, дикія фантазіи... вплоть до вчерашняго вечера.

Росмеръ. А теперь, значитъ, не принимаешь?

Кролль. Развѣ Беата не здраво судила, когда говорила, что ты готовъ отпасть отъ вѣры дѣтскихъ лѣтъ?

Росмеръ (вперивъ взглядъ въ пространство). Да; этого я не понимаю. Это для меня всего непостижимѣе.

Кролль. Постижимо или непостижимо, но оно такъ. И вотъ я спрашиваю тебя, Росмеръ, много ли правды во второмъ ея обвиненіи? То-есть — въ послѣднемъ.

Росмеръ. Обвиненіи? Такъ *это* было обвиненіе?

Кролль. Ты, пожалуй, не обратилъ вниманія на то, *какъ* она выразилась. Она сказала, что ей надо умереть... Почему? Ну!..

Росмеръ. Чтобы я могъ жениться на Ребеккѣ...

Кролль. Она не совсѣмъ такъ выразилась. Она сказала: «Мнѣ ужъ теперь недолго остается. Іоганнесу *нужно немедля* жениться на Ребеккѣ».

Росмеръ (смотритъ на него съ минуту, затѣмъ встаетъ). Теперь я понимаю тебя, Кролль.

Кролль. И?.. Что ты отвѣтишь?

Росмеръ (все такъ же тихо, вполнѣ владѣя собой). На такое не-

слыханное?.. Единственнымъ правильнымъ отвѣтомъ было бы указать тебѣ на дверь.

Кролль (вставая). Хорошо.

Росмеръ (становясь передъ нимъ). Слушай. Больше года... съ самой смерти Беаты... мы съ Ребеккой Вестъ живемъ одни въ Росмерсгольмѣ. Все это время ты зналъ, въ чемъ обвиняла насъ Беата, и ни разу ничѣмъ не далъ мнѣ замѣтить, что считаешь наше совмѣстное житье тутъ предосудительнымъ!

Кролль. До вчерашняго вечера я не зналъ, что тутъ живутъ вмѣстѣ отступникъ и... женщина свободныхъ взглядовъ.

Росмеръ. А! Ты, значитъ, не вѣришь, чтобы у отступниковъ и свободомыслящихъ людей можно было найти чистоту нравовъ? Не вѣришь, чтобы они подчинялись законамъ нравственности въ силу естественной потребности своей природы?

Кролль. Я не очень-то полагаюсь на такого рода нравственность, которая не зиждется на вѣрѣ въ церковь.

Росмеръ. И ты прилагаешь эту мѣрку и ко мнѣ съ Ребеккой? Къ нашимъ взаимнымъ отношеніямъ?

Кролль. Я не могу ради васъ двоихъ отступиться отъ мнѣнія, что едва ли существуетъ сколько-нибудь широкая пропасть между свободомыслiемъ и... гм...

Росмеръ. И чѣмъ?..

Кролль. ...И свободной любовью — разъ тебѣ непремѣнно хочется узнать.

Росмеръ (тихо). И тебѣ не стыдно говорить это *мнѣ!* Ты же знаешь меня съ самой ранней моей юности.

Кролль. Именно потому. Я знаю, какъ легко ты подчиняешься вліянію окружающихъ. А эта твоя Ребекка... ну, эта фрёкенъ Вестъ... мы ее въ сущности не знаемъ, что она за человѣкъ? Словомъ, Росмеръ... я отъ тебя не отказываюсь. И ты самъ... постарайся спастись во-время.

Росмеръ. Спастись? Какимъ образомъ?.. (Мадамъ Гельсетъ выглядываетъ изъ двери слѣва). Вамъ что?

Мадамъ Гельсетъ. Мнѣ надо бы попросить внизъ фрёкенъ.

Росмеръ. Фрёкенъ нѣтъ наверху.

Мадамъ Гельсетъ. Нѣту? (Озирается) Что за диковина! (Уходитъ).

Росмеръ. Ты сказалъ?..

Кролль. Слушай. Насчетъ того, что происходило тутъ втихомолку при жизни Беаты... и что продолжалось затѣмъ — я не стану особенно допытываться. Ты былъ глубоко несчастенъ въ бракѣ. И, пожалуй, это отчасти оправдываетъ тебя...

Росмеръ. Ахъ, какъ плохо ты въ сущности знаешь меня!..

Кролль. Не прерывай. Я хочу сказать вотъ что: если это сожительство съ фрёкенъ Вестъ должно непремѣнно продол-

жаться, то положительно необходимо, чтобы ты молчалъ о томъ переворотѣ... о печальномъ своемъ отпаденіи, до котораго она тебя довела. Дай мнѣ договорить! Дай мнѣ договорить! Я скажу, что, если ужъ на то пошло, думай, мысли и вѣруй съ Богомъ, какъ тебѣ угодно... и въ томъ и въ другомъ направленіи. Но держи ты свои мнѣнія про себя. Это вѣдь чисто личное дѣло. Нѣтъ никакой необходимости благовѣстить объ этомъ повсюду.

Росмеръ. Мнѣ необходимо выйти изъ фальшиваго, двусмысленнаго положенія.

Кролль. Но ты связанъ долгомъ, традиціями своего рода, Росмеръ! Помни это! Росмерсгольмъ съ незапамятныхъ временъ былъ своего рода священнымъ очагомъ, поддерживавшимъ порядокъ и законъ... уваженіе ко всему, что установлено и признано лучшими членами общества. Вся мѣстность получила свой отпечатокъ отъ Росмерсгольма. Если пройдетъ слухъ, что ты самъ порвалъ съ тѣмъ, что я назвалъ бы фамильнымъ образомъ мыслей Росмеровъ, это произведетъ зловредную, непоправимую смуту въ умахъ.

Росмеръ. Дорогой Кролль... я не могу такъ смотрѣть на дѣло. Я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ внести хоть немножко свѣта и радости сюда, гдѣ фамилія Росмеровъ распространяла духовный мракъ и гнетъ въ теченіе столь долгихъ временъ.

Кролль (строго смотритъ на него). Нечего сказать, достойная задача для человѣка, съ которымъ угасаетъ родъ. Брось это! Это неподходящее для тебя дѣло. Ты созданъ для тихой жизни кабинетнаго ученаго.

Росмеръ. Весьма возможно. Но я все-таки хочу хоть разъ вмѣшаться въ жизненную борьбу.

Кролль. Въ жизненную борьбу?.. А ты знаешь, чѣмъ она окажется для тебя? Борьбой не на жизнь, а на смерть со всѣми твоими друзьями.

Росмеръ (тихо). Не всѣ же, вѣрно, такіе фанатики, какъ ты.

Кролль. Какъ ты наивенъ, Росмеръ... неопытенъ. Ты и неподозрѣваешь, какая гроза обрушится на тебя нежданно-негаданно.

Мадамъ Гельсетъ (выглядывая изъ двери налѣво). Фрёкенъ велѣла сказать...

Росмеръ. Что?

Мадамъ Гельсетъ. Тамъ кто-то пришелъ на пару словъ къ пастору.

Росмеръ. Не тотъ ли самый, что былъ вчера вечеромъ?

Мадамъ Гельсетъ. Нѣтъ, этого зовутъ Мортенсгоръ.

Росмеръ. Мортенсгоръ!

Кролль. Ага! Такъ вотъ до чего дошло! Вотъ ужъ до чего!

Росмеръ. Что ему надо отъ меня? Отчего вы ему не отказали?

Мадамъ Гельсетъ. Фрёкенъ велѣла мнѣ спросить, нельзя ли ему подняться къ вамъ.

Росмеръ. Скажите ему, что у меня гость...

Кролль (обращаясь къ мадамъ Гельсетъ). Ничего, ведите его сюда, мадамъ Гельсетъ. (Когда мадамъ Гельсетъ уходитъ, онъ беретъ шляпу) Я уступаю поле... пока. Но рѣшительная битва еще не дана.

Росмеръ. Клянусь тебѣ, Кролль... у меня нѣтъ никакихъ дѣлъ съ Мортенсгоромъ.

Кролль. Я тебѣ больше не вѣрю. Ни въ чемъ. Отнынѣ я не вѣрю тебѣ ни въ какомъ отношеніи. Война не на животъ, а на смерть! И мы попытаемся обезоружить тебя... сдѣлать безвреднымъ.

Росмеръ. Ахъ, Кролль... какъ глубоко... какъ низко ты опустился.

Кролль. Я? Не тебѣ бы говорить это. Не такому, какъ ты. Вспомни Беату!

Росмеръ. Ты опять хочешь вернуться къ этому!

Кролль. Нѣтъ. Предоставляю тебѣ разгадку смерти въ водопадѣ поискать у себя въ совѣсти, — если у тебя еще осталось что-либо въ этомъ родѣ.

(Педеръ Мортенсгоръ входитъ тихо и скромно изъ двери налѣво. Онъ небольшого роста тщедушный человѣкъ съ рѣденькими рыжеватыми волосами и бородкой).

Кролль (бросая на него взглядъ, полный ненависти). Ну, значитъ, «Маякъ»... зажженъ въ Росмерсгольмѣ! (Застегивая сюртукъ) Да, мнѣ нечего больше колебаться — какой взять курсъ.

Мортенсгоръ (смиреннымъ тономъ). «Маякъ» всегда готовъ освѣтить ректору путь во-свояси.

Кролль. Да, вы давно уже доказали, что готовы. А вѣдь есть заповѣдь, запрещающая намъ послушествовать на друга свидѣтельство ложно.

Мортенсгоръ. Ректору нечего учить меня заповѣдямъ.

Кролль. Даже — седьмой?

Росмеръ. Кролль!..

Мортенсгоръ. Если въ этомъ есть нужда, то ближе всего было бы пастору...

Кролль (съ иронiей). Пастору? Да, безспорно, пастору Росмеру это ближе всего... Желаю вамъ успѣха, господа. (Уходитъ и захлопываетъ за собой дверь).

Росмеръ (долго смотритъ на дверь и говоритъ какъ бы про себя). Да, да... такъ тому и быть. (Оборачиваясь) Угодно вамъ сказать, господинъ Мортенсгоръ, что̀ привело васъ ко мнѣ?

Мортенсгоръ. Я собственно искалъ фрёкенъ Вестъ. Хотѣлось поблагодарить ее за милое письмо, которое я получилъ отъ нея вчера.

Росмеръ. Я знаю, она писала вамъ. Такъ вы поговорили съ ней?

Мортенсгоръ. Да, немножко. (Чуть замѣтно улыбаясь) Говорятъ, въ Росмерсгольмѣ произошли нѣкоторыя перемѣны во взглядахъ.

Росмеръ. Мои взгляды во многомъ и многомъ измѣнились. Пожалуй, почти во всемъ.

Мортенсгоръ. Фрёкенъ такъ и сказала. Вотъ она и нашла, что мнѣ слѣдовало бы немножко потолковать съ пасторомъ насчетъ этого.

Росмеръ. Насчетъ чего, господинъ Мортенсгоръ?

Мортенсгоръ. Не разрѣшите ли вы мнѣ сообщить въ «Маякѣ» о перемѣнѣ въ вашихъ взглядахъ и о томъ, что вы теперь за свободу мысли и прогрессъ?

Росмеръ. Охотно разрѣшаю. Даже прошу васъ объявить объ этомъ.

Мортенсгоръ. Такъ это появится завтра же утромъ. Это будетъ крупной, важной новостью, что пасторъ Росмеръ изъ Росмерсгольма держится такихъ взглядовъ и считаетъ возможнымъ принять въ этомъ смыслѣ участіе въ борьбѣ за дѣло просвѣщенія.

Росмеръ. Я не совсѣмъ васъ понимаю.

Мортенсгоръ. Я хочу только сказать, что наша партія пріобрѣтаетъ сильную моральную поддержку въ лицѣ каждаго новаго сторонника — изъ серьезныхъ, вѣрующихъ людей.

Росмеръ (нѣсколько удивленный). Такъ вы не знаете?.. Развѣ фрёкенъ Вестъ не сказала вамъ всего?

Мортенсгоръ. Чего, господинъ пасторъ? Фрёкенъ, вѣроятно, некогда было. Она сказала, чтобы я поднялся къ вамъ и выслушалъ остальное отъ васъ самихъ.

Росмеръ. Въ такомъ случаѣ могу сообщить вамъ, что я освободилъ свою мысль вполнѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ. Я порвалъ съ ученіемъ церкви окончательно. Отнынѣ мнѣ нѣтъ до нея дѣла.

Мортенсгоръ (ошеломленный, глядитъ на него). Нѣтъ... свались луна на землю, я бы не такъ... Самъ пасторъ отрекается!..

Росмеръ. Я пришелъ туда, гдѣ вы стоите уже давно. Такъ и сообщите это завтра въ «Маякѣ».

Мортенсгоръ. И это? Нѣтъ, дорогой господинъ пасторъ... Вы меня извините, но этой стороны дѣла лучше не касаться.

Росмеръ. Не касаться?

Мортенсгоръ. То-есть на первыхъ порахъ.

Росмеръ. Но я не понимаю...

Мортенсгоръ. Да видите ли, господинъ пасторъ... вы, пожалуй, все-таки не такъ освѣдомлены относительно всѣхъ обстоятельствъ и условій, какъ я. Вѣдь если вы теперь перешли на сторону либераловъ... и если вы—какъ сказала фрёкенъ Вестъ — желаете принять участіе въ движеніи, то, вѣроятно, вы имѣете въ виду принести направленію и самому движенію посильную пользу.

Росмеръ. Да, мнѣ этого отъ души хотѣлось бы.

Мортенсгоръ. Ну вотъ, такъ я и хочу только поставить вамъ на видъ, господинъ пасторъ, что если вы сразу раскроете свои карты насчетъ этого вашего разрыва съ церковью, вы тотчасъ же сами себѣ свяжете руки.

Росмеръ. Вы думаете?

Мортенсгоръ. Да, можете быть увѣрены, что немного вамъ тогда удастся сдѣлать въ нашихъ краяхъ. И кромѣ того... вольнодумцевъ въ нашихъ рядахъ и такъ уже достаточно, господинъ пасторъ. Я готовъ сказать—слишкомъ даже много этого народа. Партія нуждается въ христіанскомъ элементѣ... въ членахъ, къ которымъ бы всѣ относились съ уваженіемъ. По этой части у насъ большая недохватка. Поэтому цѣлесообразнѣе, чтобы вы сохранили про себя то, до чего публикѣ нѣтъ дѣла. Вотъ мое мнѣніе.

Росмеръ. Такъ. Значитъ, вы не рискуете имѣть со мною дѣло, если я открыто сознаюсь въ своемъ отреченіи?

Мортенсгоръ (качая головой). Рискованно, господинъ пасторъ. Въ послѣднее время я взялъ за правило не поддерживать ничего и никого, кто противъ церкви.

Росмеръ. Развѣ вы сами въ послѣднее время вернулись въ лоно церкви?

Мортенсгоръ. Это статья особая.

Росмеръ. Ага, — *такъ*. Ну, въ такомъ случаѣ я васъ понимаю.

Мортенсгоръ. Господинъ пасторъ... вамъ не слѣдовало бы забывать, что я... именно я... далеко не вполнѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Росмеръ. Что же васъ связываетъ?

Мортенсгоръ. Меня связываетъ то, что я человѣкъ заклейменный.

Росмеръ. А... вотъ какъ.

Мортенсгоръ. Заклеймённый человѣкъ, господинъ пасторъ. Вамъ-то надо бы крѣпко помнить это. Потому что вѣдь это вы главнымъ образомъ меня заклеймили.

Росмеръ. Держись я тогда тѣхъ взглядовъ, какъ теперь, я бы осторожнѣе отнесся къ вашему проступку.

Мортенсгоръ. И я такъ думаю. Но теперь уже поздно. Вы заклеймили меня — разъ навсегда. На всю жизнь заклеймили. Вы, вѣрно, даже не вполнѣ сознаёте, каково приходится такому человѣку. Но теперь, пожалуй, скоро сами испытаете на себѣ.

Росмеръ. Я?

Мортенсгоръ. Да. Не думаете же вы, что ректоръ Кролль и весь его кружокъ спустятъ вамъ такой разрывъ? А «Уѣздный Вѣстникъ» будетъ больно кусаться,—какъ говорятъ. Весьма возможно, что и васъ заклеймятъ.

Росмеръ. Я лично чувствую себя неуязвимымъ, господинъ Мортенсгоръ. Мое поведеніе не дастъ никакихъ поводовъ для нападокъ.

Мортенсгоръ (съ лукавой усмѣшкой). Сильно сказано, господинъ пасторъ.

Росмеръ. Весьма возможно. Но я имѣю право говорить такъ.

Мортенсгоръ. Даже если бы покопались въ своей личной жизни такъ же старательно, какъ однажды въ моей?

Росмеръ. Вы говорите это такъ странно. На что вы намекаете? На какой-нибудь фактъ?

Мортенсгоръ. Да, на одинъ фактъ... на одинъ единственный. Но, пронюхай о немъ злобствующіе противники, дѣло можетъ принять довольно скверный оборотъ.

Росмеръ. Такъ не угодно ли вамъ будетъ сообщить мнѣ, что это за фактъ.

Мортенсгоръ. Неужто пасторъ самъ не догадывается?

Росмеръ. Рѣшительно не догадываюсь. Никоимъ образомъ.

Мортенсгоръ. Хорошо; такъ, видно, придется мнѣ выложить вамъ его... У меня хранится странное письмо, написанное здѣсь, въ Росмерсгольмѣ.

Росмеръ. То-есть письмо фрёкенъ Вестъ? Развѣ оно такое странное?

Мортенсгоръ. Нѣтъ, это письмо не странное. Но я однажды получилъ другое письмо изъ вашего дома.

Росмеръ. Тоже отъ фрёкенъ Вестъ?

Мортенсгоръ. Нѣтъ, господинъ пасторъ.

Росмеръ. Такъ отъ кого же? Отъ кого?

Мортенсгоръ. Отъ покойной хозяйки дома.

Росмеръ. Отъ моей жены! Вы получили письмо отъ моей жены!

Мортенсгоръ. Да, получилъ.

Росмеръ. Когда?

Мортенсгоръ. Незадолго до ея смерти. Теперь этому будетъ года полтора. И вотъ это-то письмо и странно.

Росмеръ. Вы, вѣрно, знаете, что жена моя была въ то время больна психически.

Мортенсгоръ. Да, я знаю, что многіе такъ думали. Но едва ли можно было замѣтить что-нибудь такое по ея письму. Если я говорю, что письмо это странное, то совсѣмъ въ иномъ смыслѣ.

Росмеръ. Что же такое вздумала написать вамъ моя бѣдная жена?

Мортенсгоръ. Письмо у меня дома. Начинается оно приблизительно съ того, что она живетъ въ страхѣ и трепетѣ, потому что здѣсь, въ этихъ краяхъ, столько злыхъ людей. И эти люди только и думаютъ, какъ бы повредить вамъ.

Росмеръ. Мнѣ?

Мортенсгоръ. Да; такъ говорится въ письмѣ. И затѣмъ слѣдуетъ самое странное. Сказать ли вамъ это, господинъ пасторъ?

Росмеръ. Непремѣнно! Все, все! Безусловно.

Мортенсгоръ. Покойная фру Росмеръ проситъ и умоляетъ меня быть великодушнымъ. Ей извѣстно, — говорится въ письмѣ, — что меня отрѣшили отъ должности учителя по милости пастора. И вотъ она упрашиваетъ меня не мстить.

Росмеръ. Какого же рода мести она опасалась съ вашей стороны?

Мортенсгоръ. Въ письмѣ говорится, что если до меня дойдутъ слухи о какихъ-то грѣховныхъ дѣлахъ въ Росмерсгольмѣ, то чтобы я не довѣрялъ имъ; это все злые люди распространяютъ, чтобы погубить васъ.

Росмеръ. Такъ и сказано въ письмѣ?

Мортенсгоръ. Пасторъ можетъ самъ прочесть его при случаѣ.

Росмеръ. Но я не понимаю... что именно она себѣ вообразила? О чемъ могли ходить эти дурные слухи?

Мортенсгоръ. Во-первыхъ, о томъ, что пасторъ будто бы отпалъ отъ вѣры своего дѣтства. Это фру Росмеръ отрицала категорически — тогда. А затѣмъ... гм...

Росмеръ. Затѣмъ?

Мортенсгоръ. Да, затѣмъ она пишетъ... довольно-таки сбивчиво... что не знаетъ ни про какія грѣховныя отношенія въ Росмерсгольмѣ. Что ее тутъ никогда ничѣмъ не обижали. И если такіе слухи пойдутъ, она умоляетъ меня не касаться ихъ въ «Маякѣ».

Росмеръ. Ничьего имени названо не было?

Мортенсгоръ. Нѣтъ.

Росмеръ. Кто доставилъ вамъ это письмо?

Мортенсгоръ. Этого я обѣщалъ не выдавать. Оно было мнѣ доставлено вечеромъ, въ сумерки.

Росмеръ. Если бы вы сразу навели справки, вы узнали бы, что моя бѣдная, несчастная жена была не совсѣмъ вмѣняема.

Мортенсгоръ. Я и разспросилъ. Но, долженъ признаться — вынесъ не вполнѣ такое впечатлѣніе...

Росмеръ. Нѣтъ?.. Но почему, собственно, вы сообщаете мнѣ теперь объ этомъ давнишнемъ безсвязномъ письмѣ?

Мортенсгоръ. Чтобы посовѣтовать вамъ быть крайне осторожнымъ, пасторъ Росмеръ.

Росмеръ. Въ частной своей жизни, что ли?

Мортенсгоръ. Да. Вы не забывайте, что съ этихъ поръ вы уже не такой человѣкъ, котораго никто не осмѣлится затронуть.

Росмеръ. Такъ вы все остаетесь при томъ, что мнѣ есть что̀ скрывать отъ людей?..

Мортенсгоръ. Не знаю, почему бы свободомыслящему человѣку не пользоваться жизнью во-всю, насколько это возможно. Но, повторяю, будьте впредь осторожны. Если пройдетъ слухъ о томъ или другомъ, что̀ идетъ въ разрѣзъ съ предразсудками — можете быть увѣрены, что это дурно отразится и на всемъ дѣлѣ духовнаго освобожденія. Прощайте, пасторъ Росмеръ.

Росмеръ. Прощайте.

Мортенсгоръ. Я отправлюсь прямо въ типографію, чтобы помѣстить важную новость въ «Маякѣ».

Росмеръ. Помѣстите все цѣликомъ.

Мортенсгоръ. Я помѣщу все, что̀ нужно знать добрымъ людямъ. (Кланяется и уходитъ).

(Росмеръ стоитъ въ дверяхъ, пока тотъ спускается съ лѣстницы. Слышно, какъ запирается входная дверь внизу).

Росмеръ (въ дверяхъ зоветъ негромко). Ребекка. Ре... Гм... (Громко) Мадамъ Гельсетъ, фрёкенъ Ребекка внизу?

Мадамъ Гельсетъ (снизу, изъ передней). Нѣтъ, господинъ пасторъ, ея тутъ нѣтъ.

(Портьера въ глубинѣ комнаты раздвигается, и показывается Ребекка).

Ребекка. Росмеръ!

Росмеръ (оборачиваясь). Какъ? Ты была въ моей спальнѣ? Дорогая, что̀ ты тамъ дѣлала?

Ребекка (подходя къ нему). Подслушивала.

Росмеръ. Что̀ ты, Ребекка! И ты могла?

Ребекка. Да, могла. Такъ у него это гадко вышло... насчетъ моего утренняго платья, что...

Росмеръ. А-а, значитъ, ты была тамъ, и когда Кролль?..

Ребекка. Да. Я хотѣла знать, что̀ такое онъ затаилъ въ душѣ.

Росмеръ. Я бы вѣдь разсказалъ тебѣ.

Ребекка. Едва ли разсказалъ бы мнѣ все. И, конечно, ужъ не его собственными словами.

Росмеръ. Такъ ты все слышала?

Ребекка. Бо̀льшую часть, я думаю. Мнѣ пришлось спуститься на минутку, когда Мортенсгоръ явился.

Росмеръ. А потомъ опять поднялась?..

Ребекка. Ты не сердись, другъ мой.

Росмеръ. Поступай всегда во всемъ, какъ сама находишь правильнымъ и справедливымъ. Ты вѣдь вполнѣ свободна. Но что̀ же ты скажешь теперь, Ребекка?.. Ахъ, никогда, кажется, я такъ не нуждался въ тебѣ, какъ теперь.

Ребекка. Да вѣдь мы съ тобой были готовы къ тому, чего и слѣдовало ожидать.

Росмеръ. Нѣтъ, нѣтъ... не къ этому.

Ребекка. Не къ этому?

Росмеръ. Я, правда, думалъ, что рано или поздно наши прекрасныя, чистыя, дружескія отношенія будутъ заподозрѣны, забросаны грязью. Но не Кроллемъ. Отъ него я никогда не могъ ожидать ничего подобнаго. Другое дѣло — отъ всѣхъ этихъ людей съ грубой душой и нечистыми взглядами. Да, да... недаромъ я такъ ревниво скрывалъ нашъ союзъ. Это была опасная тайна.

Ребекка. А очень нужно обращать вниманіе на всѣ эти толки и пересуды! Мы-то сами вѣдь знаемъ, что на насъ нѣтъ никакого грѣха.

Росмеръ. Я? На мнѣ нѣтъ грѣха? Да, я такъ и думалъ — до сегодня. Но теперь... теперь, Ребекка...

Ребекка. Что̀ теперь?

Росмеръ. Какъ объяснить себѣ ужасное обвиненіе Беаты?

Ребекка (не выдержавъ). Ахъ, да не говори о Беатѣ! Не думай больше о Беатѣ! Вѣдь ты-было уже вышелъ изъ-подъ ея вліянія, отдѣлался отъ покойницы!

Росмеръ. Какъ только я узналъ вотъ это — она какъ будто вновь ожила... и мнѣ жутко.

Ребекка. Нѣтъ, нѣтъ... не надо поддаваться этому, Росмеръ! Не надо!

Росмеръ. А я тебѣ говорю — надо. Надо попытаться выяснить это вполнѣ. Какъ могла она такъ заблуждаться, впасть въ такое роковое недоразумѣніе?

Ребекка. Не начинаешь же и ты самъ сомнѣваться въ томъ, что она была почти безумная?

Росмеръ. Да, знаешь... вотъ въ этомъ-то я и не могу больше быть вполнѣ увѣреннымъ. И кромѣ того... если бы даже и такъ...

Ребекка. Если бы и такъ? Ну, что же тогда?

Росмеръ. Я хочу сказать — тогда въ чемъ намъ искать главную причину того, что ея болѣзненное душевное состояніе перешло въ настоящее безуміе?

Ребекка. А, да къ чему тебѣ теперь мучиться такими думами! Какая отъ того польза?

Росмеръ. Я не могу иначе, Ребекка. Я не могу отдѣлаться отъ этихъ мучительныхъ сомнѣній, какъ бы мнѣ ни хотѣлось.

Ребекка. Но вѣдь это же опасно—вѣчно думать объ одномъ и томъ же, да еще столь тяжеломъ.

Росмеръ (безпокойно-задумчиво ходитъ по комнатѣ). Вѣрно, я выдалъ себя какъ-нибудь. Она, должно-быть, замѣтила, какимъ счастливымъ сталъ я чувствовать себя съ тѣхъ поръ, какъ ты вошла въ нашъ домъ.

Ребекка. Но, дорогой другъ, если бы и такъ?..

Росмеръ. Повѣрь—отъ ея вниманія не ускользнуло, что мы съ тобой читали однѣ и тѣ же книги. Искали другъ друга и бесѣдовали обо всѣхъ этихъ новыхъ вещахъ. Но я все-таки не понимаю!.. Я вѣдь такъ старался щадить ее. Оглядываясь назадъ, я вижу, что все время былъ какъ бы насторожѣ; скорѣе жизнь готовъ былъ отдать, чѣмъ дать ей замѣтить то, что происходило между нами. Развѣ не такъ, Ребекка?

Ребекка. Да, да, такъ; именно такъ.

Росмеръ. И ты тоже... и вотъ все-таки!.. О, подумать страшно. Такъ она, значитъ, бродила тутъ... томясь своей больной любовью... молча, не говоря ни слова... слѣдила за нами... подмѣчала все... и перетолковывала все по-своему.

Ребекка (сжимая руки). Ахъ, лучше бы ноги моей никогда не было въ РосмерсгольмѢ!

Росмеръ. О, подумать только, что она выстрадала молча! Какія ужасныя представленія складывались въ ея больномъ мозгу... чего только она ни приписывала намъ. Она никогда не говорила тебѣ ничего такого, что могло бы навести тебя на какой-нибудь слѣдъ?

Ребекка (вся встрепенувшись). МнѢ! Ты думаешь, я послѣ этого осталась бы здѣсь хоть день?

Росмеръ. НѢтъ, нѣтъ, разумѣется. О-о! Какую же борьбу она вынесла. Одна, сама съ собой, Ребекка. Полная отчаянія и одна-одинешенька. И наконецъ эта потрясающая... призы-

вающая насъ къ отвѣту побѣда — въ водопадѣ! (Бросается на стулъ у письменнаго стола, опирается локтемъ на столъ и закрываетъ лицо руками).

Ребекка (осторожно подходитъ къ нему сзади). Послушай, Росмеръ. Будь въ твоей власти вернуть Беату къ жизни... къ себѣ... сюда, въ Росмерсгольмъ — ты бы сдѣлалъ это?

Росмеръ. О, почемъ я знаю, что бы сдѣлалъ, чего не сдѣлалъ бы. Я теперь ни о чемъ другомъ и думать не могу — только объ одномъ этомъ невозвратимомъ, непоправимомъ.

Ребекка. Теперь тебѣ предстояло начать жить, Росмеръ... и ты уже началъ. Ты сталъ свободенъ... во всѣхъ отношеніяхъ. И чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, радостнымъ...

Росмеръ. Да, да... такъ и было. И вдругъ свалилась на меня эта страшная тяжесть...

Ребекка (стоя позади него и опираясь руками на спинку стула). Какъ славно было намъ съ тобой сидѣть вдвоемъ въ гостиной, сумерничать... помогая другъ другу строить новые планы жизни. Ты хотѣлъ вмѣшаться въ живую, кипучую жизнь... въ живую жизнь текущаго дня — какъ ты говорилъ. Хотѣлъ переходить изъ дома въ домъ вѣстникомъ свободы, освобожденія. Завоевывать умы и волю людей... создавать вокругъ себя благородныхъ людей... все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ. Благородныхъ людей.

Росмеръ. И радостныхъ.

Ребекка. Да — радостныхъ.

Росмеръ. Вѣдь радость облагораживаетъ душу, Ребекка.

Ребекка. А ты не думаешь, что и горе тоже? Великое горе?

Росмеръ. Да... если человѣкъ сможетъ пережить его. Превозмочь его. Перешагнуть черезъ него.

Ребекка. Вотъ что и надо сдѣлать тебѣ.

Росмеръ. Черезъ это мнѣ никогда не перешагнуть — совсѣмъ. Вѣчно будетъ грызть меня сомнѣніе, вопросъ. Никогда больше не наслаждаться мнѣ тѣмъ, что придаетъ жизни такую чарующую прелесть.

Ребекка (нагибаясь надъ нимъ, тихо). Что же это такое, Росмеръ?

Росмеръ (взглядывая на нее). Безмятежная, радостная, свободная отъ грѣха совѣсть.

Ребекка (отступая отъ него на шагъ). Да. Свободная отъ грѣха совѣсть... (Краткое молчаніе).

Росмеръ (опершись локтемъ на столъ и подпирая голову рукой, глядитъ передъ собою). И какъ она сумѣла все это скомбинировать. Какъ систематически связала все одно съ другимъ. Сначала стала сомнѣваться въ моей преданности вѣрѣ и

церкви. Какъ могла она напасть на такую мысль тогда? А вотъ напала же. И мысль эта разрослась въ увѣренность. А затѣмъ... да, затѣмъ ей ужъ такъ легко было вообразить себѣ и все остальное. (Выпрямляется и нервно ерошитъ волосы) Ахъ, эти дикія мысли! Никогда мнѣ отъ нихъ не отдѣлаться. Я это чувствую. Знаю. Онѣ будутъ налетать на меня вдругъ, ни съ того ни съ сего, и будить память о мертвой.

Ребекка. Какъ бѣлый конь Росмерсгольма.

Росмеръ. Да. Проносясь во мракѣ... въ тишинѣ.

Ребекка. И изъ-за этого злосчастнаго бреда больного мозга ты готовъ отказаться отъ живой жизни, за которую уже было-ухватился?

Росмеръ. Ты права — это тяжело. Тяжело, Ребекка. Но выборъ не въ моей власти. Какъ мнѣ справиться съ этимъ?

Ребекка (все стоя за его стуломъ). Создавъ себѣ новыя условія жизни.

Росмеръ (пораженный, подымая голову и глядя на Ребекку). Новыя условія жизни!

Ребекка. Да, новыя отношенія къ окружающему міру. Жить, дѣйствовать, работать. А не сидѣть тутъ, ломая себѣ голову надъ неразрѣшимыми загадками.

Росмеръ (встаетъ). Новыя условія и отношенія? (Идетъ по комнатѣ, останавливается у двери и возвращается обратно). Мнѣ приходитъ на умъ одинъ вопросъ. Ты не задавала его себѣ, Ребекка?

Ребекка (тяжело дыша). Скажи... какой.

Росмеръ. Какъ, по-твоему, должны сложиться наши отношенія съ сегодняшняго дня?

Ребекка. Я думаю, наша дружба можетъ устоять — что бы тамъ ни случилось.

Росмеръ. Я не совсѣмъ въ такомъ смыслѣ. Но то, что съ самаго начала сблизило насъ съ тобой... что такъ тѣсно связываетъ насъ... наша обоюдная вѣра въ возможность чистыхъ отношеній между живущими вмѣстѣ мужчиной и женщиной...

Ребекка. Да, да... такъ что же?

Росмеръ. Я хочу сказать, что такія отношенія... какъ вотъ наши... скорѣе всего умѣстны, когда люди живутъ мирной, счастливой жизнью...

Ребекка. Значитъ...

Росмеръ. Мнѣ же теперь предстоитъ жизнь, полная борьбы, тревогъ и сильныхъ душевныхъ волненій. Я вѣдь хочу прожить свою жизнь, Ребекка! Я не дамъ свалить себя, сбить себя съ ногъ какими-то жуткими предположеніями. Я не по-

зволю предписывать себѣ, какимъ путемъ мнѣ идти въ жизни... не позволю ни живымъ ни... кому бы то ни было.

Ребекка. Да, да! Не позволяй! Будь вполнѣ свободнымъ, Росмеръ!

Росмеръ. Но знаешь, что мнѣ тогда приходитъ на умъ? Не знаешь? Не видишь, какимъ образомъ я лучше всего могу отдѣлаться отъ всѣхъ мучительныхъ воспоминаній... отъ всего этого печальнаго прошлаго?

Ребекка. Ну?

Росмеръ. Противопоставивъ ему новое, живое настоящее.

Ребекка (хватаясь ощупью за спинку стула). Живое?.. Что же... это?

Росмеръ (подходя къ ней). Ребекка... если бы я теперь спросилъ тебя... хочешь ты быть моей второй женой?

Ребекка (съ минуту не можетъ выговорить ни слова, затѣмъ радостно вскрикиваетъ). Твоей женой! Твоей!.. Я!

Росмеръ. Хорошо. Попытаемся же. Мы двое сольемся въ одно существо. Здѣсь не должно оставаться пустого мѣста послѣ умершей.

Ребекка. Я... на мѣстѣ Беаты!..

Росмеръ. Тогда она будетъ вычеркнута изъ нашей жизни. Совсѣмъ. Разъ навсегда!

Ребекка (тихимъ дрожащимъ голосомъ). Ты думаешь, Росмеръ?

Росмеръ. Такъ должно быть! Должно! Я не могу... не хочу прожить всю жизнь съ трупомъ за плечами. Помоги мнѣ сбросить его, Ребекка. И давай заглушимъ всѣ воспоминанія свободой, радостью, страстью!.. Ты будешь моей женой... единственной — какую я когда-либо имѣлъ.

Ребекка (овладѣвъ собой). Никогда больше не заговаривай объ этомъ. Я никогда не буду твоей женой.

Росмеръ. Что! Никогда! Или ты думаешь, что никогда не смогла бы полюбить меня? Да развѣ въ нашей дружбѣ нѣтъ уже проблесковъ любви?

Ребекка (закрывая въ ужасѣ уши). Не говори такъ, Росмеръ! Не говори такъ!

Росмеръ (схвативъ ее за руку). Да, да... въ нашихъ отношеніяхъ есть зерно любви, готовое пустить ростокъ... О, я вижу по твоему лицу, что и ты это чувствуешь. Развѣ нѣтъ, Ребекка?

Ребекка (овладѣвъ собой, снова твердо). Слушай. Я тебѣ говорю — если ты будешь настаивать, я уѣду изъ Росмерсгольма.

Росмеръ. Уѣдешь! Ты! Не можешь. Это невозможно.

Ребекка. Еще невозможнѣе мнѣ — стать твоей женой. Никогда въ жизни не бывать этому. Я не могу.

Росмеръ (пораженный смотритъ на нее). Ты говоришь: не могу. И такъ странно. Почему же ты не можешь?

Ребекка (схвативъ его за обѣ руки). Дорогой другъ... и ради тебя и ради меня—не спрашивай, почему. (Выпускаетъ его руки) Такъ-то, Росмеръ. (Идетъ къ двери налѣво).

Росмеръ. Съ этой минуты у меня будетъ *одинъ* вопросъ — почему.

Ребекка (оборачиваясь). Тогда все будетъ кончено.

Росмеръ. Между нами?

Ребекка. Да.

Росмеръ. Никогда между нами не можетъ быть кончено. Никогда ты не уѣдешь изъ Росмерсгольма.

Ребекка (взявшись за ручку двери). Нѣтъ; я, пожалуй, и не уѣду. Но если ты будешь еще спрашивать — все-таки все будетъ кончено.

Росмеръ. Все-таки кончено? Какъ же такъ?

Ребекка. Да. Я послѣдую за Беатой... Теперь ты знаешь, Росмеръ.

Росмеръ. Ребекка!..

Ребекка (въ дверяхъ, медленно наклоняя голову). Теперь ты знаешь! (Уходитъ, затворяя за собой дверь).

Росмеръ (какъ потерянный, глядитъ ей вслѣдъ и говоритъ про себя). Что же... это... такое?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ Росмерсгольмѣ. Окно и дверь въ переднюю открыты. Солнечное утро.

Ребекка, одѣтая, какъ была въ первомъ дѣйствіи, стоитъ у окна, поливая цвѣты. Ея вязанье лежитъ на креслѣ. Мадамъ Гельсетъ, съ метелкой и тряпкой, обмахиваетъ и вытираетъ пыль съ мебели.

Ребекка (послѣ небольшой паузы). Странно, что пасторъ сегодня такъ долго не спускается внизъ.

Мадамъ Гельсетъ. Ну, онъ вѣдь часто такъ. Да теперь, вѣрно, ужъ скоро сойдетъ.

Ребекка. Вы его видѣли?

Мадамъ Гельсетъ. Мелькомъ. Когда я принесла ему кофе, онъ одѣвался у себя въ спальнѣ...

Ребекка. Я потому спрашиваю, что вчера ему нездоровилось.

Мадамъ Гельсетъ. Да, это замѣтно было. Хотѣлось бы знать, не вышло ли у нихъ чего съ шуриномъ.

Ребекка. Что же такое, по-вашему, могло выйти?

Мадамъ Гельсетъ. Гдѣ-жъ мнѣ знать. Пожалуй, это Мортенсгоръ разстроилъ ихъ.

Ребекка. Очень возможно... Вы немножко знакомы съ этимъ Педеромъ Мортенсгоромъ?

Мадамъ Гельсетъ. Ни-ни! Какъ можно, фрёкенъ! Съ такимъ-то?

Ребекка. То-есть потому, что онъ издаетъ такую гадкую газету?

Мадамъ Гельсетъ. Нѣтъ, не только изъ-за этого... Фрёкенъ, вѣрно, слыхала, что онъ прижилъ ребенка съ замужней женщиной, отъ которой мужъ сбѣжалъ?

Ребекка. Слыхала. Но это, кажется, давно было; задолго до того, какъ я сюда пріѣхала.

Мадамъ Гельсетъ. Еще бы! Онъ тогда совсѣмъ еще былъ молоденькій. И ей-то бы впору было быть поумнѣе его. Онъ было и жениться на ней собирался. Да куда! Развѣ позволили? Ну и солоно же пришлось ему потомъ; поплатился за это... А потомъ онъ вдругъ какъ-то въ гору пошелъ. Теперь, говорятъ, многіе ходятъ къ нему на поклонъ.

Ребекка. Да, маленькіе люди охотнѣе всего прибѣгаютъ къ нему со своей бѣдой.

Мадамъ Гельсетъ. Ну, пожалуй, и не одни маленькіе...

Ребекка (украдкой поглядывая на нее). Развѣ?

Мадамъ Гельсетъ (около дивана, усердно обмахивая метелкой и вытирая пыль). Пожалуй, и такіе, на какихъ ни за что и не подумалъ бы, фрёкенъ!

Ребекка (возясь съ цвѣтами). Ну, это вамъ только такъ кажется, мадамъ Гельсетъ. Вы же не можете знать ничего такого навѣрное.

Мадамъ Гельсетъ. Вотъ какъ? Фрёкенъ думаетъ, что не могу? А вотъ могу. Коли на то пошло — такъ я сама разъ носила письмо Мортенсгору.

Ребекка (оборачиваясь). Да неужели?

Мадамъ Гельсетъ. Право. И письмо-то было вдобавокъ отсюда, изъ Росмерсгольма.

Ребекка. Въ самомъ дѣлѣ, мадамъ Гельсетъ?

Мадамъ Гельсетъ. Ей-Богу! На такой тонкой, атласной бумажкѣ. И запечатано самымъ лучшимъ краснымъ сургучомъ.

Ребекка. И вамъ его довѣрили снести? Тогда, дорогая мадамъ Гельсетъ, не трудно угадать, отъ кого оно было.

Мадамъ Гельсетъ. Ну-у?

Ребекка. Разумѣется, это бѣдная фру Росмеръ въ своемъ разстройствѣ...

Мадамъ Гельсетъ. Это все *вы* говорите, фрёкенъ, а не я.

Ребекка. Но что же было въ этомъ письмѣ? Впрочемъ, откуда же вамъ знать.

Мадамъ Гельсетъ. Гм!.. Пожалуй, все-таки!..

Ребекка. Такъ она вамъ сказала, о чемъ писала?

Мадамъ Гельсетъ. Нѣтъ, этого-то она не сказала. Но когда тотъ, Мортенсгоръ, прочелъ письмо, онъ принялся выспрашивать меня и вдоль и поперекъ, ну, я и могла смекнуть, въ чемъ было дѣло.

Ребекка. Въ чемъ же? Ну, милая, славная мадамъ Гельсетъ, скажите!

Мадамъ Гельсетъ. Нѣтъ, нѣтъ, фрёкенъ. Ни за что на свѣтѣ.

Ребекка. Ну, мнѣ-то вы могли бы сказать. Мы съ вами такіе друзья.

Мадамъ Гельсетъ. Боже меня сохрани сказать вамъ хоть что-нибудь объ этомъ, фрёкенъ. Скажу только, что бѣдной больной вбили въ голову очень дурныя вещи — и больше ничего.

Ребекка. Кто же, кто вбилъ ей?

Мадамъ Гельсетъ. Нехорошіе люди, фрёкенъ Вестъ. Нехорошіе люди.

Ребекка. Нехорошіе?..

Мадамъ Гельсетъ. Да; и еще разъ повторю: очень нехорошіе люди.

Ребекка. А кто же они, какъ вы думаете?

Мадамъ Гельсетъ. О, я-то знаю, что думаю. Но Боже меня упаси!.. Извѣстное дѣло, въ городѣ есть одна такая особа... гм!..

Ребекка. Я вижу, вы намекаете на фру Кролль.

Мадамъ Гельсетъ. Да, она-таки себѣ на умѣ. Передо мной всегда носъ задирала. И васъ никогда не жаловала.

Ребекка. По-вашему, фру Росмеръ была въ полномъ разумѣ, когда писала это письмо Мортенсгору?

Мадамъ Гельсетъ. Да вѣдь разумъ—мудреное дѣло, фрёкенъ. А только совсѣмъ сумасшедшей она не была, по-моему.

Ребекка. Да вѣдь у нея же совсѣмъ какъ будто помутилось въ головѣ, когда она узнала, что не будетъ имѣть дѣтей. Вотъ еще когда это съ ней началось.

Мадамъ Гельсетъ. Да; это страсть какъ разстроило бѣдняжку.

Ребекка (беретъ вязанье и садится къ столу). Впрочемъ, развѣ вы не находите, что для пастора-то оно въ сущности хорошо сложилось, мадамъ Гельсетъ?

Мадамъ Гельсетъ. Что хорошо?

Ребекка. Да вотъ, что у нихъ не было дѣтей. А?

Мадамъ Гельсетъ. Гм!.. Вотъ ужъ не знаю, что и сказать на это.

Ребекка. Да повѣрьте, что такъ. Для него это было къ лучшему. Пасторъ Росмеръ не такой человѣкъ, чтобы ходить да слушать тутъ дѣтскій писк.

Мадамъ Гельсетъ. Въ Росмерсгольмѣ дѣтки не кричатъ, фрёкенъ.

Ребекка (смотритъ на нее). Не кричатъ?

Мадамъ Гельсетъ. Нѣтъ. Тутъ въ домѣ никогда этого не бывало, чтобы дѣтки кричали—сколько люди запомнятъ.

Ребекка. Вотъ странно.

Мадамъ Гельсетъ. Не правда ли? Такой ужъ родъ. И еще одна странность есть. Пока малы — не кричатъ, а какъ подрастутъ—не смѣются. Никогда не смѣются. Всю жизнь.

Ребекка. Вотъ удивительно...

Мадамъ Гельсетъ. Развѣ фрёкенъ слыхала когда-нибудь, хоть разъ, чтобы пасторъ смѣялся?

Ребекка. Нѣтъ... какъ подумаю, такъ готова повѣрить, что вы правы. Да и вообще здѣсь, въ вашихъ краяхъ, люди не очень-то много смѣются — мнѣ кажется.

Мадамъ Гельсетъ. Да, это вѣрно. Говорятъ, такъ повелось изстари отъ Росмерсгольма. Отсюда ужъ кругомъ разошлось, словно зараза какая.

Ребекка. Вы очень глубокомысленная женщина, мадамъ Гельсетъ.

Мадамъ Гельсетъ. Ну, нечего вамъ насмѣхаться-то. (Прислушиваясь) Тсс... пасторъ идетъ. Онъ не любитъ, когда тутъ съ метелками... (Уходитъ въ дверь направо).

(Іоганнесъ Росмеръ съ палкой и шляпой въ рукахъ входитъ изъ передней).

Росмеръ. Здравствуй, Ребекка.

Ребекка. Здравствуй, милый. (Немного погодя, продолжая вязать) Ты уходишь?

Росмеръ. Да.

Ребекка. Погода такая славная.

Росмеръ. Ты не заглянула ко мнѣ наверхъ утромъ.

Ребекка. Нѣтъ, не заглянула... сегодня.

Росмеръ. И впредь не будешь?

Ребекка. Не знаю еще.

Росмеръ. Ничего нѣтъ съ почты для меня?

Ребекка. «Уѣздный Вѣстникъ» прислали.

Росмеръ. «Уѣздный Вѣстникъ»!..

Ребекка. Лежитъ на столѣ.

Росмеръ (положивъ шляпу и палку). Что-нибудь есть?

Ребекка. Да.

Росмеръ. И ты не прислала мнѣ наверхъ?

Ребекка. Успѣешь еще прочесть.

Росмеръ. А, такъ. (Беретъ газету и читаетъ стоя). Что?.. «Особенно надо остерегаться безхарактерныхъ перебѣжчиковъ»... (Смотритъ на нее) Они называютъ меня перебѣжчикомъ, Ребекка.

Ребекка. Имени не названо.

Росмеръ. Это все равно. (Читаетъ дальше) ...«тайныхъ измѣнниковъ хорошему дѣлу»... «Іуды, которые нагло сознаются въ своемъ отступничествѣ, какъ только полагаютъ, что насталъ удобный, наивыгоднѣйшій моментъ». «Это беззастѣнчивое покушеніе на почтенную память предковъ»... «въ чаяніи, что господа данной минуты не постоятъ за приличной наградой». (Откидываетъ газету) И это они пишутъ обо мнѣ! Они, знающіе меня такъ давно и такъ близко. Сами они этому не вѣрятъ. Знаютъ, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды — и все-таки пишутъ.

Ребекка. Это еще не все.

Росмеръ (снова беретъ газету). «Извиненіемъ можетъ служить недисциплинированное мышленіе»... «пагубное вліяніе, пожалуй, простирающееся и на такія области, которыя мы пока не хотимъ дѣлать предметомъ публичнаго обсужденія или осужденія»... (Смотритъ на нее) Что же это?

Ребекка. Намекъ на меня, понятно.

Росмеръ (снова откладывая газету). Ребекка, это нечестно съ ихъ стороны.

Ребекка. Да, по-моему, они не уступаютъ Мортенсгору.

Росмеръ (ходитъ по комнатѣ). Надо спасать людей. Все хорошее, что есть въ людяхъ, погибнетъ, если оставить дѣло такъ. Нельзя этого! О-о. какъ я былъ бы радъ, какъ счастливъ, если бы мнѣ удалось хоть немножко разсѣять этотъ мракъ безобразія... внести сюда хоть лучъ свѣта.

Ребекка (вставая). Не правда ли? Вотъ тебѣ великая, прекрасная задача; есть для чего жить.

Росмеръ. Подумай, если бы мнѣ удалось пробудить въ нихъ самосознаніе, довести ихъ до раскаянія, до того, чтобы имъ стало стыдно самихъ себя. Заставить ихъ сблизиться между собою на почвѣ терпимости... любви, Ребекка.

Ребекка. Да, только напряги для этого всѣ свои силы, и ты увидишь — побѣдишь.

Росмеръ. Мнѣ кажется, это должно удаться. О, какъ радостно будетъ жить тогда! Никакой вражды, ожесточенной борьбы. Только благородное соревнованіе. Всѣ взоры направлены на одну цѣль. Воля всѣхъ, умы всѣхъ устремлены впередъ... ввысь... Каждый идетъ своимъ естественнымъ, непреложнымъ путемъ. Счастье для всѣхъ—создаваемое всѣми.

(Случайно взглянувъ въ окно, вдругъ весь содрогается и мрачно произноситъ) О-о!.. Только не мною.

Ребекка. Не..? Не тобой?

Росмеръ. И не для меня.

Ребекка. Ахъ, Росмеръ, не поддавайся такимъ сомнѣніямъ!

Росмеръ. Счастье, дорогая Ребекка, счастье — это прежде всего тихое, радостное сознаніе, что совѣсть твоя свободна отъ грѣха.

Ребекка (глядя передъ собой). Да, это—насчетъ совѣсти...

Росмеръ. Ахъ, ты не можешь судить объ этомъ. Но я...

Ребекка. Ты — меньше всего.

Росмеръ (указывая въ окно). Водопадъ!

Ребекка. О, Росмеръ!..

(Мадамъ Гельсетъ заглядываетъ въ дверь справа).

Мадамъ Гельсетъ. Фрёкенъ.

Ребекка. Потомъ, потомъ. Не сейчасъ.

Мадамъ Гельсетъ. На одно слово, фрёкенъ.

(Ребекка подходитъ къ двери. Мадамъ Гельсетъ что-то сообщаетъ ей, и онѣ шопотомъ обмѣниваются нѣсколькими словами. Затѣмъ мадамъ Гельсетъ киваетъ головой и уходитъ).

Росмеръ (съ безпокойствомъ). Не ко мнѣ ли кто?

Ребекка. Нѣтъ, это по части хозяйства... Ты бы прошелся теперь подышать свѣжимъ воздухомъ, Росмеръ. Хорошенько прогулялся бы. Подольше.

Росмеръ (беретъ шляпу). Пойдемъ вмѣстѣ.

Ребекка. Нѣтъ, милый, я сейчасъ не могу. Придется тебѣ одному. И стряхни ты съ себя всѣ эти тяжелыя думы. Обѣщай.

Росмеръ. Никогда мнѣ, вѣрно, не стряхнуть ихъ — вотъ чего я боюсь.

Ребекка. Но какъ можетъ нѣчто, до того неосновательное, такъ захватить тебя!..

Росмеръ. Къ сожалѣнію, оно, пожалуй, не такъ ужъ неосновательно. Я всю ночь лежалъ и думалъ объ этомъ. Беата, пожалуй, все-таки судила здраво.

Ребекка. О чемъ?

Росмеръ. Разсудила здраво, когда рѣшила, что я люблю тебя, Ребекка.

Ребекка. Разсудила здраво!

Росмеръ (кидаетъ шляпу на столъ). Я все хожу и мучусь этимъ вопросомъ — не обманывали ли мы себя сами все время, называя наши отношенія дружбой?

Ребекка. Ты развѣ думаешь, что ихъ съ такимъ же основаніемъ можно было бы назвать...

Росмеръ. ...Любовными отношеніями. Да, думаю. Еще при

жизни Беаты всѣ мои мысли принадлежали тебѣ. Къ тебѣ одной тянуло меня. Возлѣ тебя я ощущалъ эту тихую радость, это не знающее желаній блаженство. Если поразмыслить хорошенько, Ребекка, то сблизившее насъ вначалѣ чувство было похоже на тайную влюбленность дѣтей. Ничего не требующую, ни о чемъ не мечтающую. Развѣ не было и у тебя такого ощущенія? Скажи!

Ребекка (борясь съ собой). Ахъ... не знаю, что̀ и сказать.

Росмеръ. И эту-то задушевную нашу жизнь другъ въ другѣ и другъ для друга мы принимали за дружбу. Нѣтъ... знаешь, наши отношенія были духовнымъ бракомъ... пожалуй, съ самыхъ же первыхъ дней. Вотъ въ чемъ и грѣхъ мой. Я не имѣлъ права на это... не долженъ былъ позволять себѣ этого изъ-за Беаты.

Ребекка. Не долженъ былъ позволять себѣ быть счастливымъ? Ты такъ думаешь, Росмеръ?

Росмеръ. Она смотрѣла на наши отношенія глазами своей любви. Судила о нихъ, мѣрила ихъ мѣркой своей любви. Вполнѣ естественно. Беата и не могла судить иначе.

Ребекка. Но какъ же ты можешь обвинять себя самого въ заблужденіи Беаты!

Росмеръ. Изъ любви ко мнѣ... своеобразной, но все-таки любви... она бросилась въ водопадъ. Это непреложный фактъ, Ребекка. И черезъ него мнѣ никогда не перешагнуть.

Ребекка. Ахъ, да не думай ты ни о чемъ, кромѣ той великой, прекрасной задачи, которой ты рѣшилъ посвятить свою жизнь!

Росмеръ (качая головой). Задачу эту, вѣрно, никогда не удастся рѣшить. Мнѣ не удастся. Послѣ того, что̀ я теперь знаю.

Ребекка. Почему же тебѣ не удастся?

Росмеръ. Потому, что никогда не восторжествовать тому дѣлу, началу которому положено во грѣхѣ.

Ребекка (порывисто). Ахъ, эта родовая мнительность... родовая робость... родовая щепетильность! У васъ тутъ ходитъ повѣрье, что мертвецы возвращаются на землю въ образѣ вихремъ проносящихся бѣлыхъ коней. По-моему, и это все въ васъ въ томъ же родѣ.

Росмеръ. Пусть будетъ, чѣмъ угодно. Не все ли равно, разъ я не могу отдѣлаться отъ этого? И ты повѣрь мнѣ, Ребекка — оно такъ и есть, какъ я говорю. Дѣло, которое должно восторжествовать, одержать прочную побѣду, можетъ быть проведено лишь человѣкомъ съ радостной, свободной отъ грѣха совѣстью.

Ребекка. Развѣ тебѣ такъ ужъ необходима радость, Росмеръ?

Росмеръ. Радость? Да, именно.

Ребекка. Тебѣ? Ты даже никогда не смѣешься!

Росмеръ. Тѣмъ не менѣе. Повѣрь, я сильно расположенъ къ радости.

Ребекка. Ну, теперь тебѣ пора, дорогой другъ. Пройдись хорошенько, подальше... какъ можно дальше. Слышишь?.. Вотъ твоя шляпа. А вотъ и палка.

Росмеръ (беретъ отъ нея). Благодарю. А ты не пойдешь со мной?

Ребекка. Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ теперь нельзя.

Росмеръ. Ну, хорошо. Ты все равно со мной. (Уходитъ черезъ переднюю).

Ребекка (немного погодя выглядываетъ въ открытую дверь. Затѣмъ идетъ къ двери направо. Отворяетъ ее и говоритъ вполголоса). Ну, мадамъ Гельсетъ, теперь можете впустить его. (Идетъ къ окну).

(Вскорѣ справа входитъ ректоръ Кролль и молча, церемонно кланяется, держа шляпу въ рукѣ).

Кролль. Такъ онъ ушелъ?

Ребекка. Да.

Кролль. Обыкновенно онъ далеко уходитъ?

Ребекка. О, да. Но сегодня на него трудно разсчитывать. И поэтому, если не хотите столкнуться съ нимъ...

Кролль. Нѣтъ, нѣтъ. Я хотѣлъ поговорить съ вами. И наединѣ.

Ребекка. Въ такомъ случаѣ лучше намъ не терять времени. Садитесь, господинъ ректоръ. (Садится у окна въ кресло. Кролль садится на стулъ рядомъ).

Кролль. Фрёкенъ Вестъ... вы едва ли можете себѣ представить, какъ глубоко, какъ больно поразилъ меня... этотъ переворотъ въ Іоганнесѣ Росмерѣ.

Ребекка. Вы предвидѣли, что такъ будетъ — вначалѣ.

Кролль. Только вначалѣ?

Ребекка. Росмеръ твердо надѣялся, что рано или поздно вы примкнете къ нему.

Кролль. Я!

Ребекка. И вы и всѣ остальные его друзья.

Кролль. Вотъ видите! Какое слабое у него мышленіе, какъ плохо онъ понимаетъ людей и житейскія условія.

Ребекка. Впрочемъ, разъ онъ чувствуетъ необходимость стать свободнымъ во всѣхъ отношеніяхъ...

Кролль. Да, но вотъ... этого-то именно я и не думаю.

Ребекка. Что же вы думаете?

Кролль. Я думаю, что за всѣмъ этимъ стоите вы.

Ребекка. Это васъ надоумила ваша жена, ректоръ Кролль.

Кролль. Безразлично, кто бы ни надоумилъ. Суть въ томъ, что я крѣпко сомнѣваюсь... чрезвычайно крѣпко сомнѣваюсь, — говорю я, — когда припомню и соображу хорошенько все ваше поведеніе съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вы появились здѣсь.

Ребекка (смотритъ на него). Сдается мнѣ, было время, когда вы чрезвычайно крѣпко вѣрили въ меня, дорогой ректоръ. Горячо вѣрили, могла бы я сказать.

Кролль (глухо). Кого вы ни околдуете — разъ зададитесь этой цѣлью!

Ребекка. Такъ я задавалась!..

Кролль. Да. Я ужъ не такъ простъ теперь, чтобы воображать, будто въ васъ говорило хоть что-либо похожее на чувство. Вы попросту хотѣли добиться доступа въ Росмерсгольмъ. Укрѣпиться здѣсь. Вотъ въ чемъ я долженъ былъ помочь вамъ. Теперь я это вижу.

Ребекка. Такъ вы, значитъ, совсѣмъ забыли, что это Беата просила, умоляла меня переѣхать сюда.

Кролль. Да, когда вы успѣли околдовать и ее. Или можно назвать то чувство, которое она стала питать къ вамъ, дружбой? Оно перешло въ настоящее обожаніе... восторженное поклоненіе! Выродилось — какъ бы это сказать — въ своего рода отчаянную влюбленность. Да, это настоящее слово.

Ребекка. Не угодно ли вамъ припомнить, въ какомъ состояніи находилась ваша сестра. Что до меня, то я не думаю, чтобы я могла считаться сколько-нибудь восторженной натурой.

Кролль. Нѣтъ, разумѣется, этимъ вы не страдаете. Но тѣмъ опаснѣе вы для людей, надъ которыми хотите пріобрѣсти власть. Вамъ легко дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства и вѣрнымъ расчетомъ именно потому, что у васъ ледяное сердце.

Ребекка. Ледяное? Вы такъ увѣрены въ этомъ?

Кролль. Теперь вполнѣ увѣренъ. Иначе вы развѣ могли бы такъ неуклонно, годъ за годомъ, преслѣдовать здѣсь свою цѣль? Да, да... вы достигли, чего хотѣли. Вы забрали и его и все здѣсь въ свои руки. И, чтобы добиться своего, вы не остановились даже передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать его несчастнымъ.

Ребекка. Это неправда. Не я, а вы сдѣлали его несчастнымъ.

Кролль. Я!

Ребекка. Вы навели его на мысль, будто онъ виновенъ въ ужасной смерти Беаты.

Кролль. Значитъ, это все-таки глубоко потрясло его?

Ребекка. Сами можете догадаться. Съ такой мягкой душой, какъ у него...

Кролль. Я полагалъ, что человѣкъ, освободившійся отъ такъ-называемыхъ предразсудковъ, не будетъ столь щепетиленъ. Но, значитъ, все-таки! О, да... въ сущности, я такъ и зналъ. Потомку людей, которые смотрятъ на васъ съ этихъ стѣнъ, врядъ ли сбросить съ себя все то, что̀ неукоснительно передавалось по наслѣдству изъ рода въ родъ.

Ребекка (задумчиво глядя передъ собой). Іоганнесъ Росмеръ глубоко вросъ корнями въ свой родъ. Это неоспоримая истина.

Кролль. Да. и вамъ слѣдовало бы принять это во вниманіе, если бы сердце ваше лежало къ нему. Но гдѣ же вамъ было считаться съ подобными соображеніями! Всѣ ваши основныя данныя такъ безконечно далеки отъ его.

Ребекка. О какихъ основныхъ данныхъ вы говорите?

Кролль. Я говорю о данныхъ, обусловливаемыхъ самою природою. Происхожденіемъ... фрёкенъ Вестъ.

Ребекка. А, такъ. Да, совершенно вѣрно... мое происхожденіе очень неважное. Но все-таки...

Кролль. Я не имѣю въ виду сословнаго, соціальнаго положенія. Я говорю о моральныхъ данныхъ.

Ребекка. Какихъ же это?

Кролль. Которыя нужны были для того, чтобы вы вообще появились на свѣтъ.

Ребекка. Что̀ вы такое говорите!

Кролль. Я заговорилъ объ этомъ только потому, что эти данныя объясняютъ все ваше поведеніе.

Ребекка. Я не понимаю. Выскажитесь прямо.

Кролль. Я, право, думалъ, что вы отлично все знаете. А то какъ было понять, что вы позволили доктору Весту васъ усыновить...

Ребекка (встаетъ). Ахъ, вотъ что̀! Теперь понимаю.

Кролль. ...Что вы приняли его имя. Фамилія вашей матери была Гамвикъ.

Ребекка (переходя на другую сторону комнаты). Это фамилія моего отца, господинъ ректоръ.

Кролль. Матери вашей, по роду ея занятій, вѣрно, частенько приходилось сталкиваться съ уѣзднымъ врачомъ.

Ребекка. Это такъ.

Кролль. И вотъ онъ беретъ васъ къ себѣ, какъ только мать ваша умираетъ. Обходится съ вами сурово. И все-таки вы остаетесь у него. Вы знаете, что онъ не оставитъ вамъ ни гроша. Вамъ и достался отъ него всего-на-всего ящикъ съ

книгами. И все-таки вы терпѣливо переносите все, жалѣете его, ухаживаете за нимъ до конца.

Ребекка (у стола, презрительно глядя на него). И то, что я дѣлала все это, вы объясняете тѣмъ, что мое появленіе на свѣтъ было связано съ чѣмъ-то безнравственнымъ... преступнымъ!

Кролль. Все, что вы дѣлали для доктора, я отношу насчетъ невольнаго дочерняго чувства. Въ остальномъ же вашемъ поведеніи я усматриваю отпечатокъ вашего происхожденія.

Ребекка (горячо). Да въ вашихъ словахъ ни крупицы правды! И я могу доказать это. Докторъ Вестъ еще не успѣлъ перевестись въ Финмаркенъ, когда я уже была на свѣтѣ.

Кролль. Извините, фрёкенъ. Онъ пріѣхалъ туда за годъ до этого. Я справлялся.

Ребекка. Вы ошибаетесь, говорю вамъ! Совершенно ошибаетесь!

Кролль. Вы третьяго-дня сами сказали, что вамъ двадцать девять лѣтъ. Пошелъ тридцатый.

Ребекка. Да? Развѣ я сказала?

Кролль. Да, сказали. И вотъ можно высчитать...

Ребекка. Стойте! Не къ чему высчитывать. Такъ и быть, скажу вамъ прямо: я старше, нежели выдаю себя. На цѣлый годъ.

Кролль (недовѣрчиво улыбается). Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ новость. Какъ же это случилось?

Ребекка. Когда мнѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ, мнѣ показалось... что для незамужней я становлюсь ужъ черезчуръ старой. Вотъ я и стала скрадывать у себя годъ.

Кролль. Вы? Свободомыслящая женщина? А предразсудка насчетъ брачнаго возраста держитесь?

Ребекка. Да, это было безконечно глупо... смѣшно. Но въ насъ всегда засядетъ что-нибудь такое, отъ чего не отдѣлаешься. Таковы ужъ мы, люди.

Кролль. Пусть такъ. Но расчетъ мой все-таки можетъ оказаться вѣрнымъ. Докторъ Вестъ пріѣзжалъ туда на короткое время за годъ до своего назначенія.

Ребекка (порывисто). Это неправда!

Кролль. Неправда?

Ребекка. Да. Мать никогда объ этомъ не говорила.

Кролль. Не говорила?

Ребекка. Никогда. И самъ докторъ Вестъ тоже. Никто ни слова.

Кролль. Не потому ли, быть-можетъ, что оба имѣли свои причины скрадывать годъ? Какъ и вы, фрёкенъ Вестъ. Пожалуй, это семейная особенность.

Ребекка (ходитъ по комнатѣ, сжимая и ломая руки). Быть не можетъ! Вы просто хотите меня обморочить. Это неправда! Никогда въ жизни не можетъ быть правдой! Не можетъ быть! Никогда въ жизни!..

Кролль (встаетъ). Но, любезнѣйшая фрёкенъ Вестъ... ради Бога... почему вы такъ горячитесь? Вы прямо пугаете меня! Что мнѣ думать, предполагать!..

Ребекка. Ничего. Нечего вамъ ни думать ни предполагать.

Кролль. Ну, такъ объясните же мнѣ, почему вы въ самомъ дѣлѣ принимаете это дѣло... одну эту возможность такъ близко къ сердцу?

Ребекка (овладѣвъ собой). Очень просто, ректоръ Кролль. Какая же мнѣ охота слыть незаконнорожденной?

Кролль. Такъ... Хорошо, удовлетворимся пока такимъ объясненіемъ. Но, значитъ, вы сохранили-таки нѣкоторые... предразсудки и по этой части?

Ребекка. Да, вѣроятно.

Кролль. Надо думать, что ваше пресловутое освобожденіе и во многомъ такъ хромаетъ. Вы начитались книжекъ, набрались изъ нихъ всякихъ мыслей и мнѣній. Получили нѣкоторое понятіе о разныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, которыя съ виду опрокидывали кое-что изъ того, что до сихъ поръ считалось у насъ незыблемымъ, заповѣднымъ. Но все это осталось для васъ лишь внѣшнимъ знаніемъ, фрёкенъ Вестъ. Вы усвоили его лишь чисто внѣшнимъ образомъ. Оно не вошло вамъ въ плоть и кровь.

Ребекка (задумчиво). Быть-можетъ, вы правы.

Кролль. Да провѣрьте себя, и вы увидите! А разъ ужъ дѣло обстоитъ такъ съ вами, то нетрудно догадаться, какъ оно обстоитъ съ Іоганнесомъ Росмеромъ. Вѣдь это просто безуміе—бѣжать навстрѣчу собственной гибели, объявляя себя публично отступникомъ. Подумайте—онъ, съ его робкой натурой! Представьте себѣ его отверженнымъ... гонимымъ тѣми, съ кѣмъ онъ прежде былъ заодно. Мишенью безпощадныхъ нападокъ со стороны лучшихъ членовъ общества. Никогда въ жизни не вынести ему этого, не устоять!

Ребекка. Онъ долженъ вынести, устоять. Теперь ему поздно возвращаться назадъ.

Кролль. Отнюдь не поздно. Никоимъ образомъ. Случившееся можно замять... или, по крайней мѣрѣ, истолковать временнымъ, хотя бы и прискорбнымъ заблужденіемъ. Но, разумѣется, безусловно необходимо принять одну мѣру предосторожности.

Ребекка. Какую же?

Кролль. Вамъ надо уговорить его узаконить ваши отношенія, фрёкенъ Вестъ.

Ребекка. Его отношенія ко мнѣ?

Кролль. Да. Вамъ надо постараться уговорить его.

Ребекка. Вы, значитъ, все не можете освободиться отъ мысли, что наши отношенія нуждаются... въ узаконеніи, какъ вы выражаетесь?

Кролль. Я не хочу вдаваться въ этотъ вопросъ. Но, мнѣ кажется,—насколько я имѣлъ случай наблюдать,—легче всего порываютъ съ такъ-называемыми предразсудками въ области... гм...

Ребекка. ...Въ области отношеній между мужчиной и женщиной, вы хотѣли сказать?

Кролль. Да... откровенно говоря—я такого мнѣнія.

Ребекка (бродя по комнатѣ и глядя въ окно). Чуть-чуть не сказала: ахъ, если бы вы были правы, ректоръ Кролль!

Кролль. Какъ васъ понять? Вы сказали это такъ странно.

Ребекка. А, да что тамъ!.. Не будемъ больше говорить объ этомъ... Ахъ... онъ идетъ!

Кролль. Уже! Такъ я уйду.

Ребекка (идя къ нему). Нѣтъ, останьтесь. Вы сейчасъ услышите нѣчто.

Кролль. Не сейчасъ. Мнѣ кажется, я не въ состояніи его видѣть.

Ребекка. Прошу васъ... останьтесь. Останьтесь. А то потомъ пожалѣете. Это я въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ съ просьбой.

Кролль (удивленно смотритъ на нее и откладываетъ шляпу). Ну, хорошо, фрёкенъ Вестъ. Пусть будетъ по-вашему.

(Съ минуту въ комнатѣ тихо. Затѣмъ изъ передней входитъ Іоганнесъ Росмеръ).

Росмеръ (увидавъ ректора, останавливается въ дверяхъ). Какъ!.. Ты здѣсь!

Ребекка. Онъ предпочелъ бы не встрѣчаться съ тобой, Росмеръ.

Кролль (невольно). На «ты»!

Ребекка. Да, господинъ ректоръ. Мы съ Росмеромъ на «ты». Наши отношенія привели насъ къ этому.

Кролль. Такъ это-то мнѣ и предстояло услыхать, какъ вы обѣщали?

Ребекка. И это... и еще кое-что.

Росмеръ (входя въ комнату). Какая цѣль твоего посѣщенія?

Кролль. Я хотѣлъ еще разъ попытаться остановить тебя и вернуть къ намъ.

Росмеръ (указывая на газету). Послѣ того, что̀ тамъ напечатано?

Кролль. Это не я написалъ.

Росмеръ. А ты сдѣлалъ какую-нибудь попытку помѣшать этому?

Кролль. Это было бы непозволительно, принимая во вниманіе то дѣло, которому я служу. И, кромѣ того, это было не въ моей власти.

Ребекка (разорвавъ газету въ клочки, комкаетъ ихъ и бросаетъ за печку). Вотъ такъ. Съ глазъ долой — и изъ памяти вонъ. Больше ничего такого не повторится, Росмеръ.

Кролль. Да, хорошо бы, если-бъ вы на самомъ дѣлѣ могли такъ устроить!

Ребекка (Росмеру). Поди сюда, сядемъ, дорогой другъ. Всѣ трое. И я все вамъ скажу.

Росмеръ (машинально садится). Что̀ такое съ тобой, Ребекка? Это странное спокойствіе... какъ-то жутко даже!.. Что̀ это значитъ?..

Ребекка. Это спокойствіе рѣшенія. (Садится) Садитесь и вы, ректоръ. (Кролль садится на диванъ).

Росмеръ. Спокойствіе рѣшенія — ты говоришь. Какого рѣшенія?

Ребекка. Я рѣшила вернуть тебѣ то, въ чемъ ты нуждаешься, чтобы зажить настоящею жизнью. Ты вновь вернешь себѣ свою радостную, свободную отъ грѣха совѣсть, дорогой другъ.

Росмеръ. Да что̀ же это!..

Ребекка. Я буду только разсказывать. Больше ничего и не нужно.

Росмеръ. Ну!..

Ребекка. Когда я пріѣхала сюда изъ Финмаркена... съ докторомъ Вестомъ... передо мной какъ будто открылся цѣлый новый міръ. Докторъ училъ меня всему понемножку. И у меня накопились разные обрывки знаній, свѣдѣній о жизни и вещахъ... (Съ трудомъ, едва слышно) И вотъ...

Кролль. И вотъ?..

Росмеръ. Но, Ребекка... я вѣдь это знаю.

Ребекка (собравшись съ силами). Да, да... ты собственно правъ. Ты достаточно знаешь объ этомъ.

Кролль (пристально глядя на нее). Лучше, пожалуй, мнѣ уйти.

Ребекка. Нѣтъ, сидите, дорогой ректоръ. (Росмеру) Такъ вотъ, видишь ли... я хотѣла пріобщиться къ новому духу времени, который сталъ прорываться. Пріобщиться ко всѣмъ новымъ мыслямъ... Ректоръ Кролль разсказалъ мнѣ однажды, что Ульрикъ Брендель имѣлъ на тебя огромное вліяніе, когда ты

былъ еще мальчикомъ. Мнѣ и показалось, что вотъ задача какъ разъ по мнѣ—обновить такое вліяніе.

Росмеръ. Такъ ты явилась сюда съ тайнымъ намѣреніемъ!..

Ребекка. Я хотѣла, чтобы мы съ тобой рука объ руку, свободные, двинулись впередъ. Все дальше. Все дальше и дальше, до крайнихъ предѣловъ... Но между тобой и полной свободой стояла мрачная, непреодолимая стѣна.

Росмеръ. Какую стѣну ты подразумѣваешь?

Ребекка. Я подразумѣваю то, что ты не могъ развиться въ свободнаго человѣка—безъ солнца, безъ счастья. Ты хирѣлъ тутъ въ сумеркахъ этого брака.

Росмеръ. Никогда до сихъ поръ не говорила ты со мной о моемъ бракѣ *такимъ* образомъ.

Ребекка. Да, я не смѣла, чтобы не испугать тебя.

Кролль (кивая Росмеру). Слышишь!

Ребекка (продолжая). Но я отлично понимала, въ чемъ было твое спасеніе. Единственное твое спасеніе. И я принялась дѣйствовать.

Росмеръ. На какія дѣйствія ты намекаешь?

Кролль. Не хотите ли вы этимъ сказать...

Ребекка. Да, Росмеръ... (Встаетъ) Сиди, сиди. И вы тоже, ректоръ. Теперь пора открыть все. Это не ты, Росмеръ. На тебѣ нѣтъ грѣха. Это я сманила... дошла до того, что сманила Беату на ложный путь...

Росмеръ (вскакивая). Ребекка!

Кролль (тоже). На ложный путь!

Ребекка. На путь, который... привелъ къ водопаду. Теперь вы оба знаете.

Росмеръ (какъ оглушенный). Но я не понимаю... что такое она тутъ говоритъ? Я ни слова не понимаю.

Кролль. Ну-ну. А я начинаю понимать.

Росмеръ. Да что же ты сдѣлала? Что такое ты могла сказать ей? Вѣдь ничего же не было. Ровно ничего!

Ребекка. Она узнала, что ты собираешься покончить со старыми предразсудками.

Росмеръ. Да вѣдь я еще не собирался тогда.

Ребекка. Я знала, что скоро ты возьмешься за это.

Кролль (кивая головой). Ага!

Росмеръ. И что же? Что дальше? Теперь я хочу знать все до конца.

Ребекка. Спустя нѣкоторое время... я стала просить, умолять ее дать мнѣ уѣхать изъ Росмерсгольма.

Росмеръ. Почему же ты хотѣла уѣхать тогда?

Ребекка. Я не хотѣла уѣхать. Я хотѣла остаться. Но я

сказала ей, что, пожалуй, лучше будетъ для насъ всѣхъ, если я уѣду во-время. Я дала ей понять, что, если я останусь здѣсь... можетъ случиться... можетъ произойти... невѣсть что.

Росмеръ. Такъ вотъ что ты сказала и сдѣлала.

Ребекка. Да, Росмеръ.

Росмеръ. Ты въ этомъ смыслѣ и говорила, что приняласъ дѣйствовать?

Ребекка (надорваннымъ голосомъ). Да, въ этомъ смыслѣ.

Росмеръ (послѣ минутной паузы). Ты окончила теперь свою исповѣдь, Ребекка?

Ребекка. Да.

Кролль. Не совсѣмъ.

Ребекка (испуганно глядитъ на него). Что же еще?

Кролль. Не дали ли вы подъ конецъ понять Беатѣ, что необходимо... не только лучше, но прямо необходимо и для васъ и для Росмера, чтобы вы уѣхали куда-нибудь... возможно скорѣе?.. Ну?

Ребекка (тихо, едва внятно). Быть-можетъ, я и сказала что-нибудь такое.

Росмеръ (тяжело опускаясь въ кресло у окна). И она, бѣдная, больная, запуталась въ этой сѣти лжи и обмана! Повѣрила всему! Всей душой повѣрила! Непоколебимо! (Взглянувъ на Ребекку) И ни разу не обратилась ко мнѣ, ни разу не обмолвилась мнѣ ни единымъ словомъ! О-о, Ребекка... я вижу по твоему лицу... ты отсовѣтовала ей!

Ребекка. Она вѣдь забрала себѣ въ голову, что, какъ бездѣтная жена, не имѣетъ права оставаться здѣсь. Вообразила, что должна, ради тебя, уступить мѣсто.

Росмеръ. А ты... ты ничего не сдѣлала, чтобы разубѣдить ее?

Ребекка. Нѣтъ.

Кролль. Пожалуй, вы еще поддерживали ее въ этомъ убѣжденіи? Отвѣчайте! Не такъ ли?

Ребекка. Она, повидимому, такъ понимала мои слова.

Росмеръ. Да, да,— а твоему вліянію она вполнѣ подчинялась, во всемъ. И она уступила мѣсто. (Вскакивая) Какъ могла... какъ могла ты вести такую ужасную игру!

Ребекка. Мнѣ казалось, что тутъ приходилось выбирать одну изъ двухъ жизней, Росмеръ.

Кролль (строго и властно). Вы не имѣли никакого права взять на себя такой выборъ!

Ребекка (горячо). Да неужели вы думаете, что я тутъ разсуждала, дѣйствовала хладнокровно! Тогда вѣдь я была не такою, какъ теперь вотъ, когда стою тутъ и разсказываю объ этомъ. И кромѣ того въ человѣкѣ всегда дѣйствуютъ какъ бы

двѣ воли—я полагаю. Я хотѣла устранить Беату. Такъ или иначе. Но я никогда не думала, что дѣло все-таки дойдетъ до этого. При каждомъ новомъ шагѣ, на который я отваживалась, мнѣ слышался внутри меня голосъ: ни шага дальше! ни единаго шага!.. А все-таки не могла остановиться. Такъ и тянуло рискнуть еще чуть-чуть... еще немножко. Еще и еще... И вотъ дошло... Вотъ какимъ образомъ происходятъ подобныя вещи.

(Краткое молчаніе).

Росмеръ (Ребеккѣ). Что же, по-твоему, будетъ теперь съ тобой? Послѣ этого?

Ребекка. Со мной пусть будетъ, что будетъ. Это не особенно важно.

Кролль. Ни слова, изобличающаго раскаяніе. Вы, пожалуй, его и не испытываете?

Ребекка (холодно, уклончиво). Извините, господинъ ректоръ... это дѣло никого не касается. Съ этимъ я сумѣю справиться сама.

Кролль (Росмеру). И съ такой женщиной ты живешь подъ одной кровлей. Въ близкихъ отношеніяхъ. (Обводя взглядомъ портреты) О-о! Поглядѣли бы они на это—умершіе!

Росмеръ. Ты въ городъ теперь?

Кролль (беретъ шляпу). Да. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Росмеръ (тоже беретъ шляпу). Такъ и я съ тобой.

Кролль. Ты хочешь? Да, я такъ и думалъ, что мы еще не совсѣмъ потеряли тебя.

Росмеръ. Пойдемъ, Кролль! Пойдемъ!

(Уходитъ черезъ переднюю, не взглянувъ на Ребекку. Немного погодя она тихонько подходитъ къ окну и выглядываетъ изъ-за цвѣтовъ).

Ребекка (вполголоса самой себѣ). И сегодня не черезъ мостикъ. Въ обходъ. Никогда не перешагнуть ему черезъ водопадъ. Никогда. (Отходитъ отъ окна) Да, да, да. (Идетъ и звонитъ).

(Скоро затѣмъ справа входитъ мадамъ Гельсетъ).

Мадамъ Гельсетъ. Что угодно, фрёкенъ?

Ребекка. Мадамъ Гельсетъ, не будете ли вы такъ добры велѣть снести съ чердака мой дорожный чемоданъ.

Мадамъ Гельсетъ. Дорожный чемоданъ?

Ребекка. Да, коричневый, обтянутый тюленьей кожей, — вы знаете.

Мадамъ Гельсетъ. Знаю, знаю. Но, Господи помилуй, фрёкенъ... не уѣзжать же вы собираетесь?

Ребекка. Да... собираюсь и уѣду, мадамъ Гельсетъ.

Мадамъ Гельсетъ. Такъ вотъ, сейчасъ же?

Ребекка. Какъ только уложусь.

Мадамъ Гельсетъ. Да что же это такое! Но вѣдь фрёкенъ скоро опять вернется?

Ребекка. Никогда не вернусь больше.

Мадамъ Гельсетъ. Никогда! Господи Боже! Что же тутъ будетъ у насъ въ Росмерсгольмѣ безъ васъ? Бѣдный пасторъ только-что зажилъ-было такъ хорошо, уютно.

Ребекка. Меня сегодня страхъ обуялъ, мадамъ Гельсетъ.

Мадамъ Гельсетъ. Страхъ?! Господи Іисусе... чего же вы испугались?

Ребекка. Мнѣ померещилось что-то въ родѣ бѣлыхъ коней...

Мадамъ Гельсетъ. Бѣлыхъ коней! Среди бѣла дня!

Ребекка. Ахъ, они, кажется, разгуливаютъ у васъ тутъ и днемъ и ночью... эти бѣлые кони. (Мѣняя тонъ) Ну, значитъ, дорожный чемоданъ, мадамъ Гельсетъ.

Мадамъ Гельсетъ. Да, да. Дорожный чемоданъ.

(Идутъ обѣ направо).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная въ Росмерсгольмѣ. Поздній вечеръ. На столѣ горитъ лампа подъ абажуромъ. Ребекка стоитъ у стола, укладывая въ саквояжъ разную мелочь. Ея пальто, шляпа и бѣлый шерстяной, связанный ею платокъ висятъ на спинкѣ дивана.

Мадамъ Гельсетъ входитъ справа.

Мадамъ Гельсетъ (вполголоса и какъ-то сдержанно). Теперь всѣ вещи вынесены, фрёкенъ. На черномъ крыльцѣ.

Ребекка. Хорошо. А кучеру сказано?

Мадамъ Гельсетъ. Да. Онъ спрашиваетъ, когда ему подавать.

Ребекка. Я думаю, такъ около одиннадцати. Пароходъ отходитъ въ полночь.

Мадамъ Гельсетъ (нѣсколько запинаясь). А пасторъ? Вдругъ онъ не вернется домой къ этому времени?

Ребекка. Я все-таки уѣду. Если я не увижусь съ нимъ, то вы передайте, что я напишу ему. Длинное письмо. Такъ и скажите.

Мадамъ Гельсетъ. Да, написать—это, конечно, тоже не мѣшаетъ. Но, право, бѣдняжкѣ фрёкенъ надо бы попытаться еще разъ поговорить съ нимъ самой.

Ребекка. Пожалуй. Или, пожалуй, лучше не надо.

Мадамъ Гельсетъ. Нѣтъ, вотъ ужъ не думала я дожить до этого.

Ребекка. Что же вы думали, мадамъ Гельсетъ?

Мадамъ Гельсетъ. Я, право, думала, что пасторъ Росмеръ человѣкъ правильный.

Ребекка. Правильный?

Мадамъ Гельсетъ. Да, именно.

Ребекка. Но, милая, что вы хотите этимъ сказать?

Мадамъ Гельсетъ. Сущую правду, фрёкенъ. Не годилось бы ему такимъ манеромъ выходить изъ воды сухимъ.

Ребекка (смотритъ на нее). Послушайте, мадамъ Гельсетъ. Скажите мнѣ по совѣсти, откровенно, — почему я уѣзжаю, по-вашему?

Мадамъ Гельсетъ. Господи Боже мой, вѣрно, ужъ нужда гонитъ, фрёкенъ. Охо-хо-хо! Но, по-моему, некрасиво это со стороны пастора. Съ Мортенсгора взыскать нечего было. Она была замужняя. Такъ имъ и нельзя было пожениться, какъ ни хотѣлось. А пасторъ... гм!..

Ребекка (слабо улыбаясь). Неужели и вы могли думать о насъ съ пасторомъ, будто мы...

Мадамъ Гельсетъ. Никогда въ жизни. То-есть... до сегодняшняго дня.

Ребекка. А сегодня, значитъ?..

Мадамъ Гельсетъ. Ну... послѣ всего того дурного, что, люди говорятъ, пропечатано про пастора въ газетахъ...

Ребекка. Такъ вотъ что!

Мадамъ Гельсетъ. Я такъ думаю — съ человѣка, который могъ перейти въ вѣру Мортенсгора, все станется.

Ребекка. Пожалуй, что такъ. Ну, а я-то? Что вы скажете обо мнѣ?

Мадамъ Гельсетъ. Помилуйте, фрёкенъ... о васъ что-жъ сказать? Одинокой женщинѣ гдѣ же устоять—понятно... Всѣ мы люди, всѣ человѣки, фрёкенъ Вестъ.

Ребекка. Вѣрно вы говорите, мадамъ Гельсетъ. Всѣ мы люди, всѣ человѣки... Что это вы прислушиваетесь?

Мадамъ Гельсетъ (тихо). Господи Іисусе... да вѣдь это какъ разъ онъ.

Ребекка (вздрагивая). Значитъ, все-таки!.. (Твердо) Хорошо. Пусть такъ!

(Іоганнесъ Росмеръ входитъ изъ передней).

Росмеръ (увидавъ дорожные сборы, оборачивается къ Ребеккѣ и спрашиваетъ). Что это значитъ?

Ребекка. Я уѣзжаю.

Росмеръ. Сейчасъ?

Ребекка. Да. (Обращаясь къ мадамъ Гельсетъ) Такъ въ одиннадцать.

Мадамъ Гельсетъ. Хорошо, хорошо, фрёкенъ. (Уходитъ направо).

Росмеръ (послѣ краткаго молчанія). Куда ты уѣзжаешь, Ребекка?

Ребекка. На сѣверъ, съ пароходомъ.

Росмеръ. На сѣверъ? Зачѣмъ тебѣ на сѣверъ?

Ребекка. Я вѣдь оттуда пріѣхала.

Росмеръ. Но теперь тебѣ нечего тамъ дѣлать.

Ребекка. И здѣсь мнѣ нечего дѣлать.

Росмеръ. Что ты думаешь предпринять?

Ребекка. Не знаю. Я хочу только попытаться покончить съ этимъ.

Росмеръ. Покончить съ этимъ?

Ребекка. Росмерсгольмъ сломилъ меня.

Росмеръ (пораженный). Ты говоришь?..

Ребекка. Сломилъ совсѣмъ... Я прибыла сюда съ такой здоровой, смѣлой волей. Теперь я согнулась подъ ярмомъ чужого закона. Не думаю, чтобы у меня впредь хватило духу отважиться на что бы то ни было.

Росмеръ. Почему? Что это за законъ, подъ ярмомъ котораго ты, говоришь...

Ребекка. Милый, не будемъ говорить объ этомъ теперь... Чѣмъ вы покончили съ ректоромъ?

Росмеръ. Мы заключили миръ.

Ребекка. Такъ. Все-таки, значитъ, этимъ кончилось.

Росмеръ. Онъ собралъ у себя весь нашъ старый кружокъ. И они ясно доказали мнѣ, что планъ мой—облагородить умы—совсѣмъ не по мнѣ. Да и дѣло само по себѣ такое безнадежное... Я оставлю это.

Ребекка. Да, да... пожалуй, оно и лучше.

Росмеръ. Вотъ ты какъ заговорила! Такъ и ты теперь такого мнѣнія?

Ребекка. Пришла къ такому мнѣнію. Въ послѣдніе два дня.

Росмеръ. Ты лжешь, Ребекка.

Ребекка. Лгу!..

Росмеръ. Да, лжешь. Ты никогда не вѣрила въ меня. Никогда ты не думала, что я способенъ постоять за это дѣло, доставить ему побѣду.

Ребекка. Я думала, что мы вдвоемъ какъ-нибудь справимся.

Росмеръ. Это неправда. Ты думала, что сама могла бы совершить что-нибудь крупное. А изъ меня могла бы сдѣлать орудіе своихъ замысловъ. Я могъ бы помочь тебѣ достигнуть твоихъ цѣлей. Вотъ что ты думала.

Ребекка. Выслушай меня, Росмеръ...

Росмеръ (тяжело опускаясь на диванъ). Ахъ, оставь. Я теперь все вижу ясно. Я былъ игрушкой въ твоихъ рукахъ.

Ребекка. Слушай же, Росмеръ. Давай поговоримъ объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ. (Садится на стулъ у дивана). Я

думала-было написать тебѣ обо всемъ—оттуда, съ сѣвера. Но, пожалуй, лучше сразу выложить тебѣ.

Росмеръ. Такъ ты еще не во всемъ призналась?

Ребекка. Остается еще самое главное.

Росмеръ. Самое главное?

Ребекка. Открыть тебѣ то, чего ты никогда и не подозрѣвалъ. Что̀ бросить свѣтъ на все остальное.

Росмеръ (качая головой). Я ничего не понимаю.

Ребекка. Совершенно вѣрно, что я когда-то интриговала, чтобы попасть въ Росмерсгольмъ. Я вѣдь тогда такъ разсуждала, что тутъ, пожалуй, мнѣ удастся найти свое счастье устроиться. Такъ или иначе—понимаешь.

Росмеръ. Ты и добилась того, чего хотѣла.

Ребекка. Думаю, что смогла бы добиться, чего бы ни захотѣла—тогда. Тогда воля моя была еще здорова, смѣла, свободна; я знать не хотѣла никакихъ посторонніихъ соображеній. Ничего, что̀ могло бы заставить меня свернуть съ дороги. Но тогда и пришло то, что̀ сломило во мнѣ волю... занугало меня самымъ жалкимъ образомъ на всю жизнь.

Росмеръ. Что̀ такое пришло? Говори такъ, чтобы я могъ понять тебя.

Ребекка. Тогда меня обуяла эта необузданная, непреодолимая страсть... о-о. Росмеръ!..

Росмеръ. Страсть? Тебя?.. Къ кому?

Ребекка. Къ тебѣ.

Росмеръ (готовый вскочить). Что̀ же это!

Ребекка (удерживая ее). Сиди, милый. Послушай, что̀ было дальше.

Росмеръ. И ты хочешь сказать... что полюбила меня... такимъ образомъ!..

Ребекка. Мнѣ казалось тогда, что это чувство была любовь. Но это было не то. Я говорю тебѣ: это была необузданная, непреодолимая страсть.

Росмеръ (съ усиліемъ). Ребекка... да ты ли это... ты ли сидишь тутъ и разсказываешь все это?

Ребекка. Да,—какъ тебѣ это покажется, Росмеръ?

Росмеръ. И въ силу этого... подъ властью этого чувства ты, значитъ, и принялась дѣйствовать—какъ ты выразилась?..

Ребекка. Это чувство налетѣло на меня, какъ морской шквалъ, какъ буря, какія подымаются у насъ на сѣверѣ зимою. Подхватитъ и несетъ тебя съ собой, несетъ невѣдомо куда. Нечего и думать о сопротивленіи.

Росмеръ. Такъ эта же буря и снесла несчастную Беату въ водопадъ?

Ребекка. Да, вѣдь между мной и ею шла тогда борьба, какъ между двумя утопающими на килѣ перевернувшейся лодки.

Росмеръ. И, конечно, ты была сильнѣйшей здѣсь въ Росмерсгольмѣ. Сильнѣе, чѣмъ Беата и я—оба вмѣстѣ.

Ребекка. Я успѣла узнать тебя и понять, что нельзя къ тебѣ и приступиться, пока ты не станешь свободнымъ и съ внѣшней стороны и духовно.

Росмеръ. Но я не понимаю тебя, Ребекка. Ты... ты сама, все твое поведеніе для меня неразрѣшимая загадка. Теперь вѣдь я свободенъ... и духовно и съ внѣшней стороны. Ты теперь у цѣли, какую намѣтила себѣ съ самаго начала. И все-таки...

Ребекка. Никогда я не была дальше отъ цѣли, чѣмъ теперь.

Росмеръ. ...И все-таки, говорю я, когда я вчера предложилъ тебѣ, попросилъ тебя: будь моей женой,—ты вскрикнула точно въ испугѣ, закричала, что этому не бывать никогда.

Ребекка. Это былъ крикъ отчаянія.

Росмеръ. Почему?

Ребекка. Потому что Росмерсгольмъ отнялъ у меня всякую силу. Здѣсь были подрѣзаны крылья моей смѣлой волѣ. Здѣсь ее искалѣчили. Прошло для меня то время, когда я могла дерзать на что бы то ни было. Я лишилась способности дѣйствовать, Росмеръ.

Росмеръ. Скажи же мнѣ, какъ это случилось.

Ребекка. Случилось это благодаря жизни, общенію съ тобой.

Росмеръ. Но какимъ образомъ? Какъ?

Ребекка. Когда я осталась здѣсь съ тобой одна... и ты сталъ самимъ собой...

Росмеръ. Ну, ну?

Ребекка. ...Ты вѣдь не былъ вполнѣ самимъ собой при жизни Беаты...

Росмеръ. Да, къ сожалѣнію, ты, пожалуй, права.

Ребекка. Но когда я зажила съ тобой здѣсь... въ тишинѣ... въ уединеніи... когда ты сталъ безраздѣльно отдавать мнѣ всѣ свои мысли, дѣлиться со мной каждымъ настроеніемъ своей мягкой, нѣжной души,—во мнѣ совершился глубокій переломъ. То-есть мало-по-малу,—понимаешь. Почти незамѣтно... Но въ концѣ концовъ онъ перевернулъ во мнѣ всю душу.

Росмеръ. О, что же это, что же это, Ребекка!

Ребекка. Та... безобразная чувственная страсть отлетѣла отъ меня далеко-далеко. Всѣ эти взбаломученныя силы улеглись, смолкли. Въ душѣ у меня воцарился такой покой... такая тишина... какъ на покрытой птицами скалѣ подъ полупочнымъ солнцемъ у насъ на сѣверѣ.

Росмеръ. Дальше, дальше. Говори все, что только можешь.

Ребекка. Да больше почти и нечего. Только то еще, что тогда-то вотъ и охватила меня любовь. Великая, самоотверженная любовь, которая довольствуется такой совмѣстной жизнью, какую вели мы.

Росмеръ. О, подозрѣвай я хоть крупицу всего этого!

Ребекка. Лучше такъ, какъ есть. Вчера, когда ты спросилъ меня — хочу ли я быть твоей женой, — меня охватилъ такой восторгъ...

Росмеръ. Да, не правда ли, Ребекка? И мнѣ такъ показалось.

Ребекка. На мгновеніе — да. Въ порывѣ самозабвенія. Это моя прежняя смѣлая воля порывалась снова вырваться изъ путъ. Но у нея уже нѣтъ силъ... надолго ихъ не хватаетъ.

Росмеръ. Какъ же ты объяснишь то, что случилось съ тобой?

Ребекка. Это родовое росмеровское міровоззрѣніе, или, во всякомъ случаѣ, твое міровоззрѣніе заразило мою волю.

Росмеръ. Заразило?

Ребекка. И заставило ее захирѣть. Поработило ее законамъ, которыхъ я прежде и знать не хотѣла. Ты... общеніе съ тобой — облагородило мою душу...

Росмеръ. Ахъ, если бы я могъ повѣрить этому серьезно!

Ребекка. Ты можешь смѣло повѣрить. Росмеровское міровоззрѣніе облагораживаетъ. Но... (качая головой) но...

Росмеръ. Но?.. Что же?

Ребекка. ...Но убиваетъ счастье.

Росмеръ. Ты такъ думаешь, Ребекка?

Ребекка. Для меня оно, по крайней мѣрѣ, такъ.

Росмеръ. Но развѣ ты такъ увѣрена въ этомъ? Что, если бы я теперь опять спросилъ тебя?.. Сталъ просить тебя, умолять...

Ребекка. Милый... никогда больше не заговаривай объ этомъ. Это невозможно!.. Потому что... да, надо тебѣ узнать и это, Росмеръ, — потому что... у меня есть прошлое.

Росмеръ. Еще что-нибудь кромѣ того, о чемъ ты разсказывала?

Ребекка. Да. Еще кое-что... посерьезнѣе...

Росмеръ (слабо улыбаясь). Не странно ли, Ребекка? Подумай, у меня иногда мелькало такое подозрѣніе.

Ребекка. Да? И ты все-таки?.. Все-таки!..

Росмеръ. Я никогда не давалъ ему вѣры. Такъ только игралъ съ нимъ... мысленно, понимаешь.

Ребекка. Если ты требуешь, я сейчасъ же открою тебѣ и это.

Росмеръ (дѣлая отстраняющій жестъ рукой). Нѣтъ, нѣтъ. Не хочу слышать ни слова. Что бы тамъ ни было... я все могу предать забвенію.

Ребекка. А я не могу.

Росмеръ. О, Ребекка!..

Ребекка. Да, видишь, — вотъ въ этомъ-то весь и ужасъ: теперь, когда жизнь подноситъ мнѣ полную чашу счастья... я стала такой, что мое собственное прошлое становится мнѣ поперекъ дороги.

Росмеръ. Твое прошлое умерло, Ребекка. Оно не имѣетъ больше власти надъ тобой... никакой связи съ тобой — такой, какой ты теперь стала.

Ребекка. Ахъ, милый, это вѣдь все одни разговоры. А свободная отъ грѣха совѣсть? Откуда мнѣ ее взять?

Росмеръ (удрученно). Да, да... свободная отъ грѣха совѣсть.

Ребекка. Въ ней счастье и радость. Вотъ то ученіе, которое ты хотѣлъ оживить въ лицѣ этихъ радостныхъ, благородныхъ людей будущаго...

Росмеръ. Ахъ, не напоминай мнѣ объ этомъ. То была только неясная мечта, Ребекка. Мимолетная фантазія, въ которую я самъ не вѣрю больше. Люди, видно, не облагораживаются извнѣ, внѣшней силой.

Ребекка (тихо). Даже силой беззавѣтной любви?

Росмеръ (задумчиво). Да, — вотъ это было бы великое дѣло. Чуть ли не самое прекрасное въ жизни — мнѣ кажется. Будь это такъ. (Въ сильномъ волненіи) Но какъ мнѣ разобраться въ этомъ вопросѣ? Вполнѣ выяснить себѣ правду?

Ребекка. Ты не вѣришь мнѣ, Росмеръ?

Росмеръ. Ахъ, Ребекка! Какъ же я могу вполнѣ вѣрить тебѣ? Тебѣ — разъ ты все время такъ скрытничала, столько затаивала въ себѣ!.. Теперь ты открываешь мнѣ это новое. Если и за этимъ скрывается что-нибудь, такъ скажи мнѣ лучше прямо. Быть-можетъ, ты желаешь чего-нибудь добиться этимъ? Я вѣдь такъ охотно сдѣлаю для тебя все, что только въ моихъ силахъ.

Ребекка (ломая руки). Ахъ, это убійственное сомнѣніе!.. Росмеръ!.. Росмеръ!..

Росмеръ. Да, не ужасно ли это? Но я ничего не могу подѣлать. Мнѣ никогда ужъ не избавиться отъ сомнѣнія. Никогда не убѣдиться, что ты принадлежишь мнѣ въ силу чистой, безпредѣльной любви.

Ребекка. Да развѣ въ тебѣ самомъ ничто не говоритъ, не свидѣтельствуетъ, что со мной дѣйствительно совершился переломъ? И что переломъ этотъ вызванъ тобой... однимъ тобой!

Росмеръ. Ахъ, не вѣрю я больше въ свою способность передѣлывать людей. Не вѣрю въ себя ни въ какомъ смыслѣ. Ни въ себя ни въ тебя.

Ребекка (мрачно глядитъ на него). Какъ же ты будешь жить послѣ этого?

Росмеръ. Самъ не знаю... не понимаю. Не думаю, что смогу... и не знаю ничего такого на свѣтѣ, для чего стоило бы жить.

Ребекка. О-о, жизнь — въ ней самой обновленіе. Будемъ твердо держаться за нее. Проститься съ нею всегда успѣемъ.

Росмеръ (вскакивая въ волненіи). Такъ верни мнѣ вѣру! Вѣру въ тебя, Ребекка! Вѣру въ твою любовь! Доказательство! Дай мнѣ доказательство!

Ребекка. Доказательство? Какое же я могу дать тебѣ доказательство?..

Росмеръ. А надо! (Бродитъ по комнатѣ) Я не вынесу этой пустоты... этой ужасной пустоты... этой... этой... (Раздается рѣзкій стукъ въ дверь передней).

Ребекка (вскакивая со стула). А!.. Ты слышалъ?

(Дверь отворяется, и входитъ Ульрикъ Брендель. Онъ въ крахмаленной рубашкѣ, черномъ сюртукѣ и крѣпкихъ, хорошихъ сапогахъ, въ которые заправлены брюки. Остальной костюмъ тотъ же, что въ первый разъ. Видъ у него какой-то растерянный).

Росмеръ. А, это вы, господинъ Брендель!

Брендель. Іоганнесъ, мой мальчикъ... привѣтъ тебѣ... и прости!

Росмеръ. Куда вы такъ поздно?

Брендель. Внизъ, подъ гору.

Росмеръ. Какъ?

Брендель. Домой, мой дражайшій ученикъ. Я стосковался по великомъ «ничто».

Росмеръ. Съ вами что-то случилось, господинъ Брендель! Что такое?

Брендель. Такъ отъ тебя не ускользаетъ метаморфоза? Да, вѣроятно, замѣтно. Когда я въ послѣдній разъ вступилъ въ эту залу... я предсталъ передъ тобой богачомъ, горделиво хлопающимъ себя по карману.

Росмеръ. Какъ? Я не совсѣмъ понимаю...

Брендель. А теперь, въ эту ночь, ты видишь меня низверженнымъ королемъ на пепелищѣ его сгорѣвшаго дворца.

Росмеръ. Если я могу чѣмъ помочь вамъ...

Брендель. Ты сохранилъ свое дѣтское сердце, Іоганнесъ. Не одолжишь ли ты мнѣ взаймы...

Росмеръ. Да, да, съ удовольствіемъ!

Брендель. Не найдется ли у тебя лишняго идеала, — или парочки?

Росмеръ. Что такое вы говорите?

Брендель. Мнѣ бы парочку подержаныхъ идеаловъ. Ты сдѣлалъ бы доброе дѣло. Я теперь по этой части голъ, какъ соколъ, милый мой мальчикъ. Хоть шаромъ покати.

Ребекка. Такъ вамъ не удалось прочесть своихъ лекцій?

Брендель. Нѣтъ, обворожительная дама. Какъ вамъ покажется! Собираясь опорожнить свой рогъ изобилія, я вдругъ сдѣлалъ досадное открытіе, что я — банкротъ.

Ребекка. Но всѣ ваши ненаписанныя произведенія?

Брендель. Двадцать пять лѣтъ просидѣлъ я, какъ скряга, на запертомъ сундукѣ. И вотъ вчера... когда я открылъ его, чтобы извлечь сокровища, тамъ не оказалось ничего. Зубы времени источили все въ прахъ. Ничего, nichts!

Росмеръ. Да такъ ли? Вполнѣ ли вы увѣрены?

Брендель. Сомнѣніямъ нѣтъ мѣста, мой любимецъ. Президентъ ясно доказалъ мнѣ это.

Росмеръ. Президентъ?

Брендель. Ну да... его превосходительство. Ganz nach Belieben.

Росмеръ. Да кого вы подразумѣваете?

Брендель. Разумѣется, Педера Мортенсгора.

Росмеръ. Что!

Брендель (таинственно). Тсс... тсс! Педеръ Мортенсгоръ — предводитель и господинъ будущаго. Никогда я не предстоялъ передъ лицомъ болѣе величественнымъ. Въ Педерѣ Мортенсгорѣ задатки всемогущества. Онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ.

Росмеръ. Ахъ, не вѣрьте.

Брендель. Да, да, мой мальчикъ. Ибо Педеръ Мортенсгоръ никогда и не захочетъ болѣе того, что сможетъ сдѣлать. Педеръ Мортенсгоръ способенъ прожить жизнь безъ идеаловъ. А въ этомъ-то, видишь ли, и весь великій секретъ дѣйствія и успѣха. Вотъ итогъ земной мудрости. Баста!

Росмеръ (глухо). Теперь я понимаю... что вы уходите отсюда бѣдпѣе, чѣмъ пришли.

Брендель. Bien! Поучайся же примѣромъ своего стараго учителя. Все на смарку, чему онъ тутъ училъ тебя. Не строй своего замка на зыбкомъ пескѣ. Гляди въ оба... хорошенько ощупай почву подъ ногами прежде, чѣмъ опереться на это очаровательное созданіе, которое тутъ услаждаетъ твою жизнь.

Ребекка. Вы это про меня?

Брендель. Да, моя обворожительная морская дѣва.

Ребекка. Почему же на меня нельзя положиться?

Брендель (дѣлая шагъ къ ней). Мнѣ говорили, что у моего

бывшаго ученика есть миссія, дѣло, которому онъ хочетъ доставить побѣду.

Ребекка. И что же?..

Брендель. Побѣда ему обезпечена. Но, замѣтьте себѣ хорошенько, на одномъ непремѣннѣйшемъ условіи.

Ребекка. На какомъ?

Брендель (осторожно беря ее за кисть руки). Чтобы та женщина, которая любитъ его, съ радостью пошла въ кухню и чикнула себѣ нѣжный бѣленькій мизинчикъ... вотъ тутъ... какъ разъ по этотъ средній суставчикъ... Нет, чтобы упомянутая любящая женщина... съ такой же радостью... чикнула себѣ несравненное по формѣ лѣвое ушко. (Выпускаетъ ея руку и обоорачивается къ Росмеру) Прощай, Богаинесъ-побѣдитель!

Росмеръ. Вы хотите уйти? Теперь? Темной почью?

Брендель. Темная ночь для меня какъ нельзя болѣе кстати. Миръ вамъ! (Уходитъ).

(Въ комнатѣ съ минуту полная тишина).

Ребекка (тяжело дыша). Какъ здѣсь душно!.. (Идетъ къ окну, распахиваетъ его и останавливается возлѣ него).

Росмеръ (садясь въ кресло у печки). Да, пожалуй, ничего другого и не остается, Ребекка. Я вижу, тебѣ надо уѣхать.

Ребекка. Да, и я не вижу другого исхода.

Росмеръ. Воспользуемся же послѣдними минутами. Поди сюда, сядь возлѣ меня.

Ребекка (садится на диванѣ). Что же ты скажешь мнѣ, Росмеръ?

Росмеръ. Прежде всего я хочу сказать, что тебѣ нѣтъ нужды безпокоиться о своемъ будущемъ.

Ребекка (улыбаясь). Гм... О моемъ будущемъ!

Росмеръ. Я предвидѣлъ всѣ случайности. Давно уже. Такъ что бы ни случилось — ты обезпечена.

Ребекка. И *это* еще, милый.

Росмеръ. Ты могла бы, кажется, догадаться.

Ребекка. Давнымъ-давно перестала я думать о подобныхъ вещахъ.

Росмеръ. Да, да... Ты, конечно, думала, что наши отношенія не измѣнятся никогда.

Ребекка. Да, я такъ думала.

Росмеръ. И я тоже. Но, на случай, если бы меня не стало...

Ребекка. О, Росмеръ... ты проживешь дольше меня.

Росмеръ. Ну, вѣрно, я властенъ распорядиться этой жалкой жизнью по-своему.

Ребекка. Что это значитъ! Не думаешь же ты?..

Росмеръ. По-твоему, это было бы такъ странно? Послѣ того жалкаго, плачевнаго пораженія, которое я понесъ! Я-то

мечталъ о побѣдѣ!.. И вотъ бѣжалъ съ поля битвы... бѣжалъ еще до начала настоящей борьбы!

Ребекка. Возобнови борьбу, Росмеръ. Попытайся только, и ты увидишь, что побѣдишь. Ты облагородишь сотни... тысячи умовъ! Попытайся только!

Росмеръ. О, Ребекка... я самъ больше не вѣрю въ свою миссію.

Ребекка. Да вѣдь ты уже выдержалъ испытаніе. Одного человѣка ты во всякомъ случаѣ облагородилъ. Меня — на всю мою жизнь.

Росмеръ. Да, если бы я смѣлъ повѣрить этому.

Ребекка (ломая руки). О, Росмеръ! Развѣ ты не знаешь, чѣмъ я могла бы заставить тебя повѣрить?

Росмеръ (вскакивая словно въ испугѣ). Не затрагивай этого! Не спрашивай, Ребекка! Ни слова больше объ этомъ!

Ребекка. Нѣтъ, это-то какъ разъ и надо намъ выяснить. Знаешь ли ты что-нибудь, что могло бы побѣдить твое сомнѣніе? Сама я не знаю ничего такого въ мірѣ.

Росмеръ. И лучше для тебя, чтобы ты не знала. Лучше для насъ обоихъ.

Ребекка. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! На этомъ я не успокоюсь. Если ты знаешь, что можетъ оправдать меня въ твоихъ глазахъ, то я требую, имѣю право требовать, чтобы ты сказалъ мнѣ.

Росмеръ (какъ бы невольно увлекаемый мыслью). Такъ посмотримъ!.. Ты говоришь, что душа твоя познала великую любовь. Что черезъ меня душа твоя облагородилась. Такъ ли? Вѣрно ли ты рѣшила вопросъ? Что если сдѣлать провѣрку? А?

Ребекка. Я готова.

Росмеръ. Когда бы то ни было?

Ребекка. Когда угодно. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Росмеръ. Такъ докажи мнѣ, Ребекка... что ты... ради меня... сегодня же вечеромъ... (Обрывая) Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Ребекка. Да, Росмеръ! Да, да! Скажи, и ты увидишь.

Росмеръ. Хватитъ ли у тебя духу... силы воли... съ радостью, какъ сказалъ Ульрикъ Брендель, ради меня, сегодня же ночью... съ радостью... уйти туда же, куда ушла Беата?

Ребекка (медленно встаетъ съ дивана и едва внятно говоритъ). Росмеръ!..

Росмеръ. Да, вотъ вопросъ, отъ котораго я никогда не смогу отдѣлаться... когда ты уѣдешь. Каждый день, каждый часъ буду я возвращаться все къ тому же. О, я какъ будто воочію вижу тебя передъ собой. Ты стоишь на мостикѣ. По самой серединѣ. Перегибаешься черезъ перила... Подъ тобой бѣшено

несется потокъ... Тебя тянетъ въ него, голова твоя готова закружиться... Нѣтъ! Ты отступаешь. У тебя не хватаетъ духу на то, на что хватило у нея.

Ребекка. А если бы у меня хватило духу? И радостной воли? Что тогда?

Росмеръ. Тогда бы ужъ я не могъ не повѣрить въ тебя... не обрѣсти вновь вѣру въ свою миссію, въ свою способность облагораживать человѣческую душу... и въ способность души человѣческой къ облагороженію.

Ребекка (медленно беретъ платокъ, набрасываетъ его на голову и говоритъ твердымъ голосомъ). Ты вернешь свою вѣру.

Росмеръ. У тебя хватитъ на это духу и силы воли, Ребекка?

Ребекка. Объ этомъ суди завтра или потомъ... когда меня вытащатъ.

Росмеръ (проводя рукой по лбу). И жутко... и захватываетъ...

Ребекка. Мнѣ бы не хотѣлось оставаться лежать тамъ. Ни часу лишняго. Надо позаботиться, чтобы меня отыскали.

Росмеръ (вскакивая). Но вѣдь это... вѣдь это все... сущее безуміе! Уѣзжай... или оставайся. Я повѣрю тебѣ на слово и на этотъ разъ.

Ребекка. Фразы, Росмеръ. Нѣтъ, теперь нечего трусить, нечего уклоняться больше! Какъ можешь ты съ этихъ поръ вѣрить мнѣ на слово?

Росмеръ. Но я не хочу быть свидѣтелемъ твоего пораженія, Ребекка!

Ребекка. Пораженія не будетъ

Росмеръ. Будетъ. Никогда не хватитъ у тебя духу послѣдовать за Беатой.

Ребекка. Ты не вѣришь?

Росмеръ. Никогда. Ты не Беата. Ты не находишься подъ властью болѣзненнаго взгляда на жизнь.

Ребекка. Но я теперь подъ властью росмеровскаго міровоззрѣнія. Свой грѣхъ я должна искупить.

Росмеръ (глядитъ на нее въ упоръ). Такъ вотъ ты къ чему пришла?

Ребекка. Да.

Росмеръ (рѣшительно). Ну, хорошо. Тогда я подъ властью нашего свободнаго міровоззрѣнія, Ребекка. Надъ нами нѣтъ судей. И поэтому намъ приходится самимъ чинить надъ собой судъ и расправу.

Ребекка (поднявъ его не такъ). И это. И это. Моя смерть спасетъ все лучшее въ тебѣ.

Росмеръ. О, во мнѣ нечего больше спасать.

Ребекка. Есть. Но я... я была бы съ этихъ поръ лишь водя-

нымъ, который цѣпляется за корабль, чтобы задержать его, тогда какъ онъ долженъ побѣдоносно нестись впередъ. Меня слѣдуетъ отбросить. Или мнѣ продолжать влачить тутъ жалкую, исковерканную жизнь? Оплакивать счастье, которое вырвало у меня мое прошлое? Мнѣ надо совсѣмъ выйти изъ игры, Росмеръ.

Росмеръ. Если ты пойдешь — и я за тобой.

Ребекка (почти незамѣтно улыбается, смотритъ на него и тихо говоритъ). Да; иди за мной, иди... и будь свидѣтелемъ.

Росмеръ. Я пойду за тобой, говорю я.

Ребекка. До мостика — да. Ступить на него ты вѣдь все-таки никогда не посмѣешь.

Росмеръ. Ты замѣтила?

Ребекка (мрачно, надорванно). Да... Это-то и отняло надежды у моей любви.

Росмеръ. Ребекка... теперь я возложу руку на твою голову... и возьму тебя въ жены, заключу съ тобой истинный брачный союзъ.

Ребекка (схвативъ его руки, склоняетъ голову къ нему на грудь). Благодарю, Росмеръ. (Выпуская его) А теперь иду... съ радостью.

Росмеръ. Мужъ съ женой должны идти вмѣстѣ.

Ребекка. Только до мостика, Росмеръ.

Росмеръ. И на мостикъ. Куда ты—туда и я. Теперь я посмѣю.

Ребекка. Ты твердо увѣренъ, что это наилучшій путь для тебя?

Росмеръ. Я знаю, что это единственный

Ребекка. А если ты заблуждаешься? Что если это ослѣпленіе, миражъ? Одинъ изъ тѣхъ бѣлыхъ росмерсгольмскихъ коней?

Росмеръ. Быть-можетъ. Отъ нихъ не уйти намъ... здѣшнимъ обитателямъ.

Ребекка. Такъ оставайся, Росмеръ!

Росмеръ. Мужъ долженъ слѣдовать за женой, какъ жена за мужемъ.

Ребекка. Скажи мнѣ сначала одно. Ты ли идешь за мной? Или я за тобой?

Росмеръ. Въ этомъ мы никогда не разберемся вполнѣ.

Ребекка. А мнѣ хотѣлось бы знать.

Росмеръ. Мы оба идемъ рука объ руку, Ребекка. Я за тобой, ты за мной.

Ребекка. Я готова думать то же.

Росмеръ. Теперь мы слились воедино.

Ребекка. Да, теперь мы слились воедино. Идемъ. Идемъ съ радостью.

(Рука объ руку они выходятъ черезъ переднюю и заворачиваютъ налѣво. Дверь остается открытой).

(Комната стоитъ нѣсколько минутъ пустой. Затѣмъ мадамъ Гельсетъ отворяетъ дверь справа).

Мадамъ Гельсетъ. Фрёкенъ... экипажъ поданъ... (Озираясь) Нѣту никого? Ушли вмѣстѣ въ такую пору? Однако, скажу я!.. Гм! (Выходитъ въ переднюю, озирается и снова входитъ въ комнату) И на скамейкѣ ихъ нѣтъ. Нѣтъ и нѣтъ. (Идетъ къ окну и выглядываетъ) Господи Іисусе! Что это тамъ бѣлѣетъ?.. Да, ей-Богу, это они оба стоятъ на мостикѣ! Прости ихъ, Господи, грѣшниковъ! Никакъ они обнимаются! (Вскрикиваетъ) Ахъ!.. Въ воду... оба! Въ водопадъ! Помогите! Помогите! (Колѣни у нея подгибаются: она хватается дрожащими руками за спинку стула и говоритъ, едва шевеля губами) Нѣтъ... Какая тутъ помощь... Покойница взяла ихъ.

ДОЧЬ МОРЯ.

„Дочь моря", какъ и „Росмерсгольмъ", была отчасти навѣяна впечатлѣніями, вынесенными авторомъ изъ пребыванія на родинѣ (въ Мольде) лѣтомъ 1885 г. Разработкой плана „Дочери моря" Ибсенъ занялся тѣмъ же лѣтомъ въ Даніи, гдѣ провелъ нѣкоторое время на берегу моря въ Сёбю; написана же пьеса была уже въ Мюнхенѣ и издана въ Копенгагенѣ 28 ноября 1888 г. въ количествѣ 10.000 экз. Какъ и предыдущія пьесы Ибсена, „Дочь моря" обошла всѣ сцены въ трехъ скандинавскихъ государствахъ и почти всѣ главныя сцены за границей. У насъ пьеса шла въ 1906—1907 г. на петербургской Императорской сценѣ.

Въ своей статьѣ о „Дочери моря" норвежскій критикъ Іегеръ ограничивается краткимъ резюме содержанія пьесы, представляющейся ему вполнѣ понятной. Нѣмецкій же критикъ Шлентеръ, желая установить правильный взглядъ на значеніе пьесы и опровергнуть разныя невѣрныя толкованія, вдается въ болѣе подробный разборъ.

„Въ противоположность прежнимъ драмамъ Ибсена, „Дочь моря" — пьеса съ примиряющею развязкой. Болѣзненный процессъ, происходящій въ душѣ героини, заканчивается тѣмъ, что она объявляетъ себя выздоровѣвшей. Но какъ прежде возставали противъ „неблагополучной" развязки ибсеновскихъ пьесъ, такъ въ данномъ случаѣ еще больше стали возставать противъ „благополучнаго конца", — не вѣря въ исцѣленіе этой больной души, опасаясь рецидива недуга. Авторъ могъ бы на это отвѣтить: какое дѣло врачу до разныхъ могущихъ когда-нибудь обнаружиться болѣзненныхъ явленій? Онъ уже радъ, если ему удается побѣдить извѣстный, опредѣленный недугъ хотя бы въ одномъ данномъ случаѣ.

„Черезъ всю пьесу проходитъ одно дѣйствующее лицо — мастеръ на всѣ руки, способный на все вообще и ни на что въ особенности, — Баллестэдъ. Между прочимъ онъ и живописецъ, и какъ разъ работаетъ надъ картиной, изображающей морскую дѣву, которая умираетъ въ полусоленой, полупрѣсной водѣ бухты, такъ какъ не въ состояніи выбраться назадъ въ родную свою стихію — открытое море. Это сказочное существо, полурыба-получеловѣкъ, имѣетъ немало общаго съ Эллидой Вангель. Послѣдняя провела свои дѣтскіе и дѣвичьи годы на берегу открытаго моря. Тамъ и разыгрался ея романъ: она дала обѣтъ вѣрности какому-то финну-штурману, а онъ ей, пріобщивъ къ своему союзу и море. Вслѣдъ затѣмъ штурману пришлось бѣжать. Эллида не сдержала обѣта: она вышла замужъ за другого и поселилась вдали отъ моря. И то и другое отзывается гибельно на ея душѣ. То, отъ чего она отрекалась, выйдя замужъ, заполоняетъ ея душу и вноситъ въ нее смятеніе и полное разстройство. И мужъ Эллиды и обѣ дочери его отъ перваго брака страдаютъ отъ этого. Ей самой брачная неволя стано-

вится все невыносимѣе и доводитъ ея легко возбуждающееся воображеніе до рискованныхъ представленій и картинъ. Изъ скромныхъ, узкихъ условій добропорядочной семейной жизни ее манитъ и влечетъ къ невѣдомому, — къ неизвѣстному человѣку и къ морю. Въ сожительствѣ съ почтеннымъ и немолодымъ докторомъ Вангелемъ Эллида не можетъ забыть таинственнаго друга юности, и когда ея ребенокъ отъ законнаго мужа впервые открываетъ глаза, она съ ужасомъ вспоминаетъ странный взглядъ „неизвѣстнаго“. Съ этихъ поръ бракъ внушаетъ ей ужасъ: она видитъ въ немъ одно насиліе надъ своей личностью. Быть-можетъ, она еще и примирилась бы съ этимъ бракомъ, если бы мѣстожительство мужа пришлось ей по душѣ: но тутъ и самый климатъ и вся обстановка — все не по ней. Здѣсь, въ маленькомъ городкѣ на берегу фьорда, и вода не соленая, не свѣжая, и воздухъ спертый, и горизонтъ ограниченный. Эллида не можетъ привыкнуть къ чердаку, какъ привыкла къ нему дикая утка, хоть онъ и не „пучина морская“. Эллида тоскуетъ по свободной родной стихіи; воспоминанія о морѣ сливаются у нея съ воспоминаніемъ о „неизвѣстномъ“. Она лишилась и того и другого. Море было ея родной стихіей, колыбелью ея счастья, и Эллида, по склонности человѣческой къ обобщенію, воображаетъ его себѣ обусловливающею счастье родною стихіей и для всего человѣчества. „Если бы только люди съ самаго начала привыкли жить на морѣ... пожалуй, даже въ морѣ, — жизнь наша была бы совсѣмъ иной, болѣе полной, совершенной. Мы сами были бы и лучше и счастливѣе“. Эта фантастическая мысль особенно можетъ быть понятной тому, кто въ игрѣ волнъ Бёклина видитъ водяныхъ мужескаго и женскаго пола, свободно плавающихъ въ своей стихіи, выражая всѣмъ своимъ существомъ необузданную радость бытія. Но что, если бы одно изъ этихъ пребывающихъ въ первобытномъ состояніи блаженства созданій вдругъ извлекли изъ его стихіи и выбросили въ песокъ? Созданіе это, конечно, стало бы блѣднѣть, хирѣть и тосковать, какъ Эллида Вангель, — даже умерло бы, такъ какъ такое первобытное существо должно быть еще въ большей зависимости отъ своей природы и внѣшнихъ жизненныхъ условій, нежели человѣкъ. Для Ибсена море въ данномъ случаѣ — олицетвореніе широты, величія, свободы, тогда какъ родной городокъ доктора Вангеля съ его курортомъ, какъ и домъ доктора съ его запущеннымъ садомъ и подернутымъ плѣсенью карасинымъ прудомъ — олицетвореніе узости, замкнутости. Эллида не умираетъ, ибо человѣкъ обладаетъ силой воли и способностью приспособляться; благодаря этому ему и удается побѣждать внѣшнія условія, вліяніе климата, среды. „Человѣкъ способенъ акклиматизироваться“,—какъ испыталъ на себѣ тотъ же Баллестэдъ.

„Способность къ акклиматизированью встрѣчается и у обыкновенныхъ и у выдающихся натуръ, — и у дикихъ утокъ, и у сѣренькихъ среднихъ людей, и у морскихъ дѣвъ. Человѣку, въ родѣ Баллестэда, помогаетъ почувствовать себя на чужбинѣ, какъ дома, сила привычки. Сила привычки, „настоятельная необходимость“, какъ выражается Ульрикъ Брендель, — вотъ откуда берется естественная способность приспособленія. Эллидѣ же нужно нѣчто большее: сила свободной воли, которой не противодѣйствуетъ никакое внѣшнее насиліе или давленіе, которую ничто не манитъ, не увлекаетъ, не удерживаетъ, не тормозитъ. Когда „неизвѣстный“ возвращается и напоминаетъ Эллидѣ, ставшей женой другого, о ея обѣтѣ, Эллида испытываетъ настоящій ужасъ передъ олицетворяемымъ этимъ человѣкомъ *невѣдомымъ*, въ которомъ она любила лишь призракъ; тѣмъ не менѣе ее неудержимо „влечетъ“ къ нему, такъ какъ душа ея не выноситъ навязанныхъ обязанностей. Горячечная мечта пронизываетъ всѣ ея нервы. Она предпочитаетъ неизвѣстное

этой невыносимой обезпеченности существованія. Но это неизвѣстное манитъ и влечетъ ее лишь до тѣхъ поръ, пока она чувствуетъ себя связанной. Чѣмъ разсудительнѣе говоритъ съ ней мужъ, и въ то же время врачъ, чѣмъ убѣдительнѣе обращается къ ея совѣсти, чувству, а также къ ея уму, тѣмъ больше она теряетъ подъ собой почву и, обуреваемая противорѣчивыми чувствами, наконецъ доходитъ до того, что взываетъ къ мужу: „верни мнѣ свободу!“. Вангель, какъ сдѣлалъ бы всякій мужъ на его мѣстѣ, сначала удерживаетъ ее, убѣждаетъ, предостерегаетъ, готовъ смѣло отразить соблазнъ; но вотъ онъ видитъ, что ничто не помогаетъ, что власть „неизвѣстнаго“, который не желаетъ насиловать Эллиды ни въ чемъ и добивается лишь ея *свободнаго* рѣшенія, лишь ея любви и радости, становится все сильнѣе и сильнѣе. Тогда Вангель самъ принимаетъ великое рѣшеніе: возвращаетъ Эллидѣ свободу. Онъ дѣлаетъ то же, что̀ сдѣлалъ „неизвѣстный“ и чѣмъ вновь пріобрѣлъ власть надъ Эллидой. И Вангель предоставляетъ Эллидѣ свободный выборъ съ рискомъ, что, увлекшись невѣдомымъ, она пойдетъ навстрѣчу, можетъ-быть, позору и смерти. И едва только Вангель, христіанинъ не въ духѣ ректора Кролля, но способный въ силу своей беззавѣтной, терпѣливой и самоотверженной любви на всякія жертвы, освобождаетъ Эллиду, — призракъ исчезаетъ, она пробуждается какъ бы отъ кошмара и радуется, словно исцѣлившаяся отъ тяжкой болѣзни. Такъ долженъ чувствовать себя тотъ, кто въ изступленіи собирался совершить преступленіе, но во-время пришелъ въ себя.

„Многіе не хотятъ признать за свободой такой перерождающей, примиряющей силы. Но вѣдь Вангель не только освобождаетъ Эллиду, а и предоставляетъ ей самой выборъ, рѣшеніе, за которое она и отвѣчать должна сама. Онъ не говоритъ ей: Вотъ „неизвѣстный“: пусть онъ тебя увезетъ“, но говоритъ: „Вотъ онъ, и вотъ я передъ тобой. Выбирай теперь сама между нами!“ И только это право свободнаго выбора вмѣстѣ съ вытекающимъ изъ него чувствомъ личной отвѣтственности и даетъ Эллидѣ возможность принять твердое и окончательное рѣшеніе и найти душевный миръ.

„Невзирая на это, нѣкоторые литературные критики заявляютъ протестъ противъ психологической правдоподобности такого оборота дѣла... Эллида страдаетъ тоской, тоской по морю и человѣку съ моря. Хорошо. Но все это совершается чрезчуръ внезапно, — говорятъ они. Кто однако внимательно вникнетъ въ драму, прослѣдитъ весь ходъ ея, тотъ, вѣрно, замѣтитъ, что въ Эллидѣ совершается не столько процессъ болѣзни, сколько процессъ исцѣленія.

„Уже во второмъ дѣйствіи она прерываетъ свое многолѣтнее молчаніе, находитъ въ себѣ силу исповѣдаться передъ мужемъ, открыть ему свое прошлое и снять съ души тяжелую тайну. При этомъ она умоляетъ мужа, какъ друга и врача, помочь ей, исцѣлить ее — если онъ только можетъ. У нея есть близкій человѣкъ, къ которому она можетъ прибѣгнуть за совѣтомъ и помощью: этотъ близкій человѣкъ, этотъ защитникъ и помощникъ — ея собственный мужъ. И ей часто кажется, что она могла бы найти миръ и спасеніе у него, въ немъ, т.-е. слившись съ нимъ „душа съ душой“. Она постоянно и старается быть вблизи него. И даже, собираясь покинуть его навсегда, приходитъ въ волненіе и безпокойство, какъ только онъ отлучается отъ нея ненадолго. Когда первое возбужденіе послѣ исповѣди улеглось, Эллида совершаетъ съ Вангелемъ „длинную-длинную, чудесную прогулку“ и чувствуетъ себя „превосходно“, „безконечно счастливой и спокойной, спокойной“.

„Но для настоящаго прочнаго счастья и покоя недостаетъ еще одного. Это одно находится какъ разъ на бросающемъ близъ города якорь

больномъ пароходѣ. Приходитъ „неизвѣстный“, который нѣкогда вмѣстѣ съ Эллидой „сочетался морю“. И смятеніе, борьба закипаютъ въ ея душѣ съ удвоенной силой. Но она опять ищетъ помощи у мужа, — помощи противъ этой чужой власти, защиты противъ самой себя, и все дѣло лишь за разрѣшеніемъ кризиса. Мужъ самъ скоро сознаётъ, что появленіе этого „неизвѣстнаго“ — настоящее благо для нея. До сихъ поръ желаніе ея рисовало ей неизвѣстное, какъ недосягаемый идеалъ, а теперь послѣдній вдругъ представъ передъ нею, какъ осуществимая возможность, какъ живая, осязаемая дѣйствительность. Недосягаемое влекло, притягивало къ себѣ, полное соблазнительнаго ужаса; стремиться же къ досягаемому не стоитъ труда. Прозорливымъ окомъ любящаго человѣка и опытнымъ глазомъ врача Вангель распознаётъ вдобавокъ, что стоящій передъ Эллидой живой человѣкъ не соотвѣтствуетъ идеалу, какой рисовали ей ея воспоминанія, замѣчаетъ также ея страхъ передъ этимъ человѣкомъ, и ему легче становится урезонить ее. Новый образъ, выставляемый дѣйствительностью, затемняетъ старый, созданный воображеніемъ, — поэтому хорошо, полезно, что вмѣшалась дѣйствительность. Правда, дѣйствительность въ лицѣ „неизвѣстнаго“ приноситъ съ собою настоящую бурю, но бурю, разгоняющую тучи и очищающую горизонтъ. Борьба Эллиды только теперь и достигаетъ крайняго напряженія, и она въ отчаяніи прибѣгаетъ къ послѣднему средству — молитъ мужа вернуть ей свободу; тутъ и не врачъ понялъ бы, что путь къ исцѣленію идетъ не прямо, а зигзагами. Зарубцеваніе раны часто сопряжено съ мучительнѣйшею болью. Такъ бываетъ и при тѣлесныхъ ранахъ и при душевныхъ, — душа еще болѣе сложна, чѣмъ тѣло, и особенно у „дочери моря“, въ мысляхъ и чувствахъ которой бываютъ своего рода „приливы и отливы“.

„Оторванному отъ почвы существу грозитъ опасность зачахнуть въ непривычной обстановкѣ, но въ готовой на всѣ жертвы любви близкаго человѣка существо это почерпаетъ душевную силу, побѣждающую внѣшнія вліянія. Такимъ образомъ Эллида становится „сухопутнымъ созданіемъ“. Вотъ разница между нею, „дочерью моря“, и морской дѣвой на картинѣ Баллестэда. То, что Нора выноситъ изъ своего брака, то Эллида вноситъ въ свой; и можно было бы быть вполнѣ спокойнымъ за этотъ бракъ на будущее время, не будь Эллидѣ свойственны эти „приливы и отливы“. Но какое намъ дѣло до будущаго? Суть въ томъ, что Эллида въ самую критическую минуту своей жизни приняла именно такое, а не иное рѣшеніе.

„Влеченіе вдаль — основной мотивъ драмы. Это влеченіе свойственно не только самой „дочери моря“, но и другимъ дѣйствующимъ лицамъ. Юный скульпторъ Люнгстрандъ радуется своей поѣздкѣ въ Италію. Еще болѣе радуетъ его мысль, что на далекой родинѣ останется любящая дѣвушка, которая будетъ тосковать по немъ, — вотъ какія мечты онъ лелѣетъ; но имъ не суждено сбыться: у бѣдняги чахотка, и ему въ дѣйствительности предстоитъ въ близкомъ будущемъ гораздо болѣе далекое путешествіе, нежели въ Италію. Нѣсколько болѣе смутное влеченіе вдаль у старшей дочери доктора Вангеля, Болетты. Она довольствуется узкимъ кругомъ домашней жизни, мелкими будничными заботами, но въ ней есть склонность къ ученію, свойственная практическимъ прозаическимъ натурамъ, которымъ смутно представляется, что вдали отъ кухни и гардеробной есть еще на что поглядѣть, чему поучиться. Болетта сидитъ у своего заплѣсневѣвшаго карасинаго пруда, какъ Гедвигъ Экдаль („Дикая утка“) на своемъ чердакѣ, и жалѣетъ бѣдныхъ карасей за то, что имъ никогда не знавать свѣжаго простора фьорда, какой знаютъ другія, болѣе счастливыя, свободныя рыбы. Тотъ же фьордъ,

который „дочери моря“ представляется входомъ въ тѣсныя, душныя условія жизни, практичной хозяйкѣ Болеттѣ представляется выходомъ вдаль, на просторъ. Гедвигъ Экдаль любила разсматривать картинки въ книгахъ и уноситься въ міръ, создаваемый ея фантазіей, сама желая въ то же время всегда оставаться дома „у папы съ мамой“; прозаическая же Болетта изучаетъ по учебникамъ ботанику и географію, чтобы „узнать побольше о бѣломъ свѣтѣ“. Ее тянетъ и посмотрѣть самой полночное солнце и „набраться настоящихъ познаній“. У нея есть уже смутное понятіе о женскомъ вопросѣ, но она предпочитаетъ самостоятельной борьбѣ за существованіе обезпеченное положеніе, и когда оказывается, что такого положенія съ основательнымъ образовательнымъ курсомъ и каникулярными поѣздками нельзя достигнуть иначе, какъ выйдя замужъ за своего стараго учителя Аригольма, она и соглашается на это, несмотря на то, что онъ немолодъ и она его совсѣмъ не любитъ.

„Сильнѣе всего влеченіе вдаль—хотя пока еще неясное—въ Гильдѣ, второй дочери Вангеля, этомъ очаровательномъ, дерзкомъ подросткѣ, который еще не вышелъ изъ сферы дѣтскихъ вопросовъ и, какъ настоящее enfant terrible, ставитъ свои вопросы ребромъ, задѣвая душевную жизнь другихъ. Собственное ея существо, при всей ея смѣлости и горячности, все еще крѣпко сидитъ въ толстой весенней шелухѣ. Не насталъ еще тотъ май, когда долженъ распуститься этотъ бутонъ. А тогда—она рѣшительнѣе всѣхъ остальныхъ схватится за сумку и посохъ и безъ всякихъ охранителей и совѣтчиковъ, вполнѣ на свой страхъ, отправится въ путь, олицетворяя собой ту юность, которая стучится въ двери строителя Сольнеса. Какъ только она почувствуетъ влеченіе вдаль,—помнивай ее, какъ звали.

„Вообще разбираемая драма, обвѣянная грустно-покорнымъ осеннимъ настроеніемъ („скоро закрыты будутъ всѣ заливы“), изображаетъ влеченіе вдаль двояко: то эта манящая даль является невѣдомой, чужой страной, то утраченной родиной. Въ незнакомую, чужую сторону тянетъ Болетту съ ея мѣщанскою любознательностью; въ незнакомую чужую сторону потянетъ Гильду съ ея страстью къ приключеніямъ, ко всему разжигающему, щекочущему нервы; въ незнакомую чужую сторону тянетъ и Люнгстранда, дѣтски радующагося поѣздкѣ въ Италію. Завѣтная же даль Эллиды—страна ея юности, родной край, родное море. Тѣхъ тянетъ изъ дому, ее—назадъ домой.

„Ибсенъ писалъ „Дочь моря“ въ Мюнхенѣ, послѣ многолѣтняго пребыванія за границей. Онъ успѣлъ тамъ „акклиматизироваться“: ему какъ будто хотѣлось даже умереть вдали отъ родины. Какъ Эллида стала „сухопутнымъ“ созданьемъ, такъ Ибсенъ сталъ „заграничнымъ“. Любознательность Болетты и жажда приключеній Гильды, пожалуй, во всякомъ случаѣ увлекли бы его когда-нибудь за предѣлы родины, даже если бы жизнь на родинѣ не стала для него невыносимой, какъ для „врага народа“. Но, *вынужденный* оставить родину, онъ, именно въ силу подневольнаго характера своего удаленія, никогда не могъ оторваться мыслью отъ родины, не могъ никогда чувствовать себя вполнѣ привольно ни въ Италіи ни въ Германіи. „Врагъ народа“ — Ибсенъ могъ бы, находясь въ Дрезденѣ, Римѣ, Мюнхенѣ, сказать вмѣстѣ съ Эллидой: „Мнѣ такъ хорошо жилось здѣсь, что лучше и желать нельзя. Но я не по доброй волѣ вошелъ къ вамъ...“ И, подобно Вангелю, каждый изъ этихъ городовъ могъ бы отвѣтить: „Значитъ, я не завоевалъ тебя за всѣ эти годы совмѣстной жизни. Никогда, никогда не былъ ты моимъ вполнѣ“. Лишь на чужбинѣ чувствуетъ человѣкъ, какъ тѣсно связанъ онъ съ родиной. Норвежецъ, сидящій въ Мюнхенѣ, вкладываетъ въ уста доктора Вангеля такія слова: „Вы обращали вниманіе, что люди, роди-

вшіеся и выросшіе у открытаго моря, совсѣмъ особые люди? Они какъ будто живутъ жизнью моря... И они никогда не прививаются на иной почвѣ. Ахъ, мнѣ слѣдовало бы подумать объ этомъ раньше". Этотъ вздохъ выдастъ то же настроеніе, которое заставляло Ибсена прежде посылать изъ Италіи на родину свои полныя тоски по родинѣ пѣсни о гагѣ и тянущемся назадъ дымѣ сожженныхъ кораблей. Какъ часто, вѣрно, и самъ онъ казался себѣ тѣмъ одинокимъ морскимъ скитальцемъ, который, не зная отдыха, носится по чужимъ морямъ, избѣгая ступить ногой на родную почву, гдѣ насиліемъ остановилъ насиліе и гдѣ оставилъ залогъ вѣрности, оставилъ женщину, которая обѣщала быть вѣрной ему и дождаться его. И вотъ однажды этотъ скиталецъ узнаётъ на чужбинѣ, что данное ему слово нарушено. „Меня это такъ поразило!" — признаётся онъ, давая намъ возможность заглянуть въ его замкнутую душу. Но, какъ человѣкъ, вѣрный своему слову, онъ не можетъ самъ не сдержать обѣта. Онъ не могъ заставить ждать себя понапрасну. Онъ возвращается и видитъ, что на родинѣ нѣтъ оставшейся ему вѣрною души, и уѣзжаетъ опять, чтобы уже никогда больше не возвращаться. Такимъ образомъ „неизвѣстный" все-таки не одно лицо съ авторомъ, который въ концѣ концовъ нашелъ обратный путь домой и рѣшился умереть въ Норвегіи. За границей онъ акклиматизировался лишь съ виду, внѣшнимъ образомъ Съ нимъ въ отношеніи родины и чужбины случилось то же, что съ докторомъ Вангелемъ, который видитъ въ своемъ саду два мѣстечка — бесѣдку Эллиды и веранду, гдѣ сидятъ дочери. „О, Вангель переходитъ съ мѣста на мѣсто: то со мной посидитъ, то къ дѣвочкамъ пойдетъ". Бесѣдка тамъ и веранда тутъ — эти два разныхъ мѣстечка въ одномъ. саду служатъ топографическими символами двойственности отношеній въ семьѣ Вангеля. Каждый изъ четырехъ членовъ семьи, помимо обычнаго существованія изо дня въ день, живетъ еще своей особой второй жизнью. Отецъ вмѣстѣ съ двумя дочерьми живетъ „воспоминаніями" о покойной матери послѣднихъ, о той, съ которой былъ такъ безконечно счастливъ, но при этомъ отнюдь не носитъ, подобно Росмеру, на своей спинѣ трупа; Эллида въ свою очередь живетъ воспоминаніями о своемъ сочетаніи морю, и ей-то приходится таскать на себѣ трупъ — трупъ своего обѣта. И вотъ наконецъ она сбрасываетъ съ себя этотъ трупъ, освобождается отъ этого обѣта и теперь можетъ акклиматизироваться; теперь ея мечтательно-праздному существованію даже представляется живая задача: быстро вспыхивающая въ Гильдѣ, вмѣсто воображаемой ненависти, страстная любовь подростка къ интересной, красивой, загадочной молодой женщинѣ указываетъ Эллидѣ эту задачу, и она готова стать матерью этой сбитой съ толку сиротки. По крайней мѣрѣ такой гороскопъ можно составить на основаніи „примиряющаго заключенія" драмы.

„Незадолго до выхода въ свѣтъ „Дочери моря" одинъ изъ пылкихъ поклонниковъ Ибсена спросилъ его—правдива ли добрая вѣсть, что новая пьеса оканчивается благополучно. Ибсенъ, какъ говорятъ, лукаво усмѣхнулся и, помолчавъ, сказалъ: „О, да; но совсѣмъ безъ чертовщины все-таки не обходится и на этотъ разъ".

„Итакъ, надолго ли удастся акклиматизироваться у карасинаго пруда „дочери моря" съ добрымъ, милымъ, пожплымъ мужемъ, который привыкъ заглушать горе рюмочкой? Слѣдующая драма „Гедда Габлеръ" показываетъ, каковы бываютъ послѣдствія, если женщина, въ которой сидитъ бѣсъ, выходитъ замужъ за филистера. Окажется ли у Эллиды на самомъ дѣлѣ талантъ воспитательницы? Драма „Строитель Сольнесъ" показываетъ, какой вольной птицей стала Гильда Вангель, рисуетъ ее исключительно продуктомъ воспитанія отца, сознавшагося, что „дѣ-

вочки ужъ привыкли сами себѣ быть хозяйками; не поддаются ни мнѣ ни Эллидѣ".

„Нѣтъ, Ибсенъ далеко не Ифландъ, хотя кружокъ добрыхъ, благодушно настроенныхъ людей, сгруппировывающійся при паденіи занавѣса въ „Дочери моря", и заставляетъ вспомнить ифландовское: „Все хорошо, что̀ хорошо кончается", или, по крайней мѣрѣ, „Столпы общества" самого Ибсена.

ДОЧЬ МОРЯ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ Вангель, окружный врачъ.
Эллида, его жена,
Болетта
Гильда, подростокъ } его дочери отъ перваго брака.
Аргольмъ, школьный инспекторъ.
Люнгстрандъ.
Баллестэдъ.
Неизвѣстный.
Городская молодежь.
Туристы.
Курортные гости.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ въ маленькомъ городкѣ при одномъ изъ фьордовъ сѣверной Норвегіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ доктора Вангеля съ большой крытой верандой налѣво; вокругъ него садъ. Передъ верандой на садовой площадкѣ флагштокъ. Направо, въ саду, бесѣдка со столомъ и стульями. Садъ обнесенъ живою изгородью, съ калиткой въ глубинѣ, на заднемъ планѣ. За изгородью вдоль берега фьорда идетъ дорога, обсаженная деревьями. Между деревьями виденъ фьордъ и рядъ высокихъ скалъ и вершинъ вдали. Теплое, яркое солнечное утро.

Баллестэдъ — среднихъ лѣтъ, одѣтый въ старый бархатный пиджакъ и широкополую шляпу, какія носятъ художники — стоитъ возлѣ флагштока и возится съ веревкою отъ флага. Флагъ лежитъ на землѣ. Неподалеку мольбертъ съ начатымъ полотномъ; возлѣ на складномъ стулѣ палитра, кисти и ящикъ съ красками.

Болетта выходитъ изъ комнаты на веранду; въ рукахъ у нея большая ваза съ цвѣтами, которую она ставитъ на столъ.

Болетта. Ну, Баллестэдъ, — налаживается?

Баллестэдъ. Да, да, фрёкенъ. Пустое дѣло... Съ позволенія спросить — ждете гостей сегодня?

Болетта. Да, съ утра поджидаемъ инспектора Арнгольма. Онъ пріѣхалъ сюда въ ночь.

Баллестэдъ. Арнгольмъ? Постойте... а того не Арнгольмомъ звали, — учителя, который давалъ тутъ въ домахъ уроки нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

Болетта. Да. Это онъ и есть.

Баллестэдъ. Такъ вотъ оно! Значитъ, онъ опять въ наши края вернулся.

Болетта. Вотъ намъ и хочется сегодня поднять флагъ.

Баллестэдъ. Понятно; само собой.

(Болетта уходитъ опять въ комнату, оставляя дверь на веранду открытой. Немного погодя, справа, на дорогѣ показывается Люнгстрандъ и, увидавъ мольбертъ и проч., останавливается у изгороди, видимо очень заинтересованный. Онъ молодой человѣкъ, худой, тщедушный, болѣзненнаго вида; скромно, но опрятно одѣтый).

Люнгстрандъ (за изгородью). Здравствуйте!

Баллестэдъ (оборачиваясь). А!.. Здравствуйте. (Вздергиваетъ флагъ) Вотъ и пошло дѣло. (Закрѣпляетъ веревку, отходитъ къ мольберту и приготовляется писать). Здравствуйте, почтеннѣйшій... Хотя я и не имѣю удовольствія...

Люнгстрандъ. Вы, видно, художникъ?

Баллестэдъ. Ну, само собой. Отчего бы мнѣ не быть и художникомъ?

Люнгстрандъ. Я и вижу... Нельзя ли мнѣ зайти на минутку?

Баллестэдъ. Хотите взглянуть?

Люнгстрандъ. Страсть бы хотѣлось.

Баллестэдъ. Пока глядѣть-то еще собственно не на что. Но сдѣлайте одолженіе. Войдите.

Люнгстрандъ. Премного благодаренъ. (Входитъ въ калитку).

Баллестэдъ (работая). Я пишу вонъ тотъ уголокъ фьорда съ островками.

Люнгстрандъ. Вижу, вижу.

Баллестэдъ. Недостаетъ еще фигуры. Тутъ въ городѣ и модели-то не найдешь.

Люнгстрандъ. А тутъ будетъ и фигура?

Баллестэдъ. Да. Здѣсь у рифа, на переднемъ планѣ, будетъ лежать полумертвая морская дѣва.

Люнгстрандъ. Зачѣмъ же полумертвая?

Баллестэдъ. Она заблудилась въ шхерахъ и не можетъ выбраться назадъ въ открытое море. Вотъ и лежитъ тутъ и погибаетъ въ этой прѣсной водѣ — понимаете?

Люнгстрандъ. Ахъ, такъ.

Баллестэдъ. Это хозяйка дома подала мнѣ мысль написать такую картину

Люнгстрандъ. Какъ же вы назовете картину, когда она будетъ готова?

Баллестэдъ. Я думаю назвать ее: «Конецъ морской дѣвы».

Люнгстрандъ. Это подходитъ... У васъ, видно, выйдетъ что-то очень хорошее.

Баллестэдъ (глядитъ на него). Можетъ-быть, собратъ?

Люнгстрандъ. То-есть живописецъ?

Баллестэдъ. Да.

Люнгстрандъ. Нѣтъ, я не живописецъ. Я въ скульпторы готовлюсь. Меня зовутъ Гансъ Люнгстрандъ.

Баллестэдъ. Такъ вы въ скульпторы? Да, да, скульптура тоже превосходное искусство... Кажется, я встрѣчалъ васъ раза два на улицѣ. Вы давно здѣсь у насъ живете?

Люнгстрандъ. Нѣтъ, всего недѣли двѣ. Но я посмотрю,—можетъ-быть, удастся провести тутъ все лѣто.

Баллестэдъ. Наслаждаясь прелестями купальнаго сезона? А?

Люнгстрандъ. Мнѣ надо бы немножко окрѣпнуть.

Баллестэдъ. Но вы вѣдь не больны?

Люнгстрандъ. Нѣтъ, я немножко слабоватъ здоровьемъ. Ничего опаснаго. Такъ что-то въ родѣ одышки.

Баллестэдъ. Э, пустяки! Но вамъ бы все-таки посовѣтоваться съ знающимъ врачомъ.

Люнгстрандъ. Я и собираюсь при случаѣ обратиться къ доктору Вангелю...

Баллестэдъ. Вотъ, вотъ. (Смотритъ налѣво) Еще пароходъ. Биткомъ-набитъ. Страсть какъ развилось у насъ за послѣдніе годы лѣтнее движеніе.

Люнгстрандъ. Да, вашъ городъ, кажется, какъ разъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ.

Баллестэдъ. У насъ все теперь полнымъ-полно лѣтними гостями. Я таки-крѣпко побаиваюсь, что этотъ чужой людъ отыметъ у нашего славнаго городка его былой отпечатокъ.

Люнгстрандъ. Вы здѣшній уроженецъ?

Баллестэдъ. Нѣтъ, я не здѣшній, но алки... акклиматизировался здѣсь. Время и привычка прочно приковали меня къ мѣсту.

Люнгстрандъ. Такъ вы тутъ давно живете?

Баллестэдъ. Да, лѣтъ семнадцать-восемнадцать. Я прибылъ сюда съ трупной Скиве. Но дѣла у насъ тутъ запутались, и товарищество наше распалось; всѣ разбрелись—кто куда.

Люнгстрандъ. А вы, значитъ, тутъ остались?

Баллестэдъ. А я остался. И не прогадалъ. Надо вамъ знать, я тогда главнымъ образомъ занимался писаньемъ декорацій.

Болетта (выноситъ на веранду качалку и говоритъ, обращаясь въ

комнату). Гильда, поднявъ-ка вышитую скамеечку подъ ноги папѣ.

Люнгстрандъ (приближаясь къ террасѣ и раскланиваясь). Здравствуйте, фрёкенъ Вангель.

Болетта (у перилъ). Ахъ, это вы, господинъ Люнгстрандъ? Здравствуйте. Извините на минутку... Я только... (Уходитъ въ комнату).

Баллестэдъ. Вы знакомы съ семействомъ?

Люнгстрандъ. Немножко. Встрѣчался съ барышнями кос-гдѣ въ другихъ домахъ. А въ послѣдній разъ, на музыкѣ на «Обрывѣ», поговорилъ немножко съ хозяйкой дома. Она и пригласила меня заходить.

Баллестэдъ. Ну, такъ знаете что? Вамъ слѣдуетъ культивировать это знакомство.

Люнгстрандъ. Я и то собирался — съ визитомъ, какъ это называется. Только бы найти какой-нибудь предлогъ...

Баллестэдъ. Ну, какой тамъ еще предлогъ... (Смотритъ влѣво) Чортъ побери! (Собираетъ свои вещи) Пароходъ уже у самой пристани. Надо бѣжать въ отель. Пожалуй, кому-нибудь изъ пріѣзжихъ понадобятся мои услуги. Я, надо вамъ сказать, орудую также по части стрижки и бритья.

Люнгстрандъ. Какой же вы всесторонній.

Баллестэдъ. Надо умѣть алки... акклиматизироваться на различныхъ поприщахъ въ такихъ маленькихъ городишкахъ. Если вамъ когда понадобится что-нибудь такое по части волосъ,—помада или вообще,—спросите только учителя танцевъ Баллестэда.

Люнгстрандъ. Учителя танцевъ?..

Баллестэдъ. Или старшину «Кружка любителей духовой музыки», если хотите... Сегодня вечеромъ мы даемъ концертъ на «Обрывѣ». До свиданья! До свиданья! (Уходитъ со своими пожитками въ калитку и сворачиваетъ налѣво по аллеѣ).

(Гильда выноситъ на террасу скамеечку, а Болетта цвѣты. Люнгстрандъ, стоя въ саду, раскланивается съ Гильдой).

Гильда (у перилъ, не отвѣчая на привѣтствіе). Болетта сказала мнѣ, что вы сегодня отважились зайти.

Люнгстрандъ. Да, я осмѣлился сегодня заглянуть.

Гильда. Успѣли уже нагуляться?

Люнгстрандъ. Нѣтъ... такъ, немножко прошелся.

Гильда. Купались, значитъ?

Люнгстрандъ. Да, поплескался немножко. Видѣлъ тамъ вашу маму. Она входила въ свою купальню.

Гильда. Кто?

Люнгстрандъ. Ваша мамаша.

Гильда. А! (Ставитъ скамеечку возлѣ качалки).

Болетта (какъ бы желая прервать разговоръ). А вы не видали въ заливѣ отцовской лодки?

Люнгстрандъ. Да, кажется, какая-то лодка входила на парусахъ въ заливъ.

Болетта. Это, вѣрно, отецъ. Онъ ѣздилъ навѣщать больныхъ на островахъ! (Прибираетъ на столѣ).

Люнгстрандъ (поднимаясь на первую ступеньку террасы). Ахъ, какъ нарадно!.. Сколько цвѣтовъ!..

Болетта. Не правда ли, красиво?

Люнгстрандъ. Прелесть. Похоже, что здѣсь праздникъ въ домѣ.

Гильда. Оно такъ и есть.

Люнгстрандъ. Я такъ и подумалъ. Вѣрно, рожденье вашего батюшки?

Болетта (предостерегающе въ сторону Гильды). Гм... гм...

Гильда (не обращая вниманія). Нѣтъ—матушки.

Люнгстрандъ. Вотъ что! Матушки.

Болетта (тихо, сердито). Гильда!..

Гильда (такъ же). Отстань! (Люнгстранду) Вамъ теперь, вѣроятно, пора домой завтракать?

Люнгстрандъ (спускаясь въ садъ). Да, пора пойти подкрѣпиться немножко.

Гильда. Вы, вѣрно, очень довольны столомъ въ отелѣ?

Люнгстрандъ. Я ужъ не живу въ отелѣ. Слишкомъ дорого обходится.

Гильда. Гдѣ же вы теперь живете?

Люнгстрандъ. У мадамъ Пенсенъ.

Гильда. Какая это мадамъ Пенсенъ?

Люнгстрандъ. Повивальная бабка.

Гильда. Извините, господинъ Люнгстрандъ... но мнѣ, право, некогда стоять тутъ и...

Люнгстрандъ. О, мнѣ, вѣрно, не слѣдовало бы говорить этого.

Гильда. Чего?

Люнгстрандъ. Того, что я сказалъ.

Гильда (смѣривая его взглядомъ, немилостиво). Я васъ рѣшительно не понимаю.

Люнгстрандъ. Нѣтъ, нѣтъ. Такъ я пока прощусь съ барышнями.

Болетта (на первой ступени террасы). До свиданья, господинъ Люнгстрандъ. Вы ужъ, пожалуйста, извините насъ сегодня... Но когда-нибудь въ другой разъ... когда у васъ время будетъ... и охота... заходите повидаться съ папашей..: и... съ нами. Пожалуйста!

Люнгстрандъ. Очень благодаренъ. Съ большимъ удовольствіемъ. (Кланяется и уходитъ въ калитку. Проходя по аллеѣ налѣво, еще разъ отвѣшиваетъ поклонъ по направленію къ верандѣ).

Гильда (вполголоса). Адье, мосье! Кланяйтесь отъ меня вашей повитухѣ!

Болетта (тихо, тряся ее за плечо). Гильда!.. Несносная дѣвчонка! Ты совсѣмъ съ ума сошла. Вѣдь онъ можетъ услыхать.

Гильда (пренебрежительно фыркая). А очень мнѣ нужно!

Болетта (глядя вправо). Вотъ и отецъ.

Вангель (одѣтый по-дорожному, съ небольшимъ саквояжемъ въ рукахъ, появляется въ аллеѣ справа). Вотъ и я, мои дѣвочки! (Проходитъ въ калитку).

Болетта (сбѣгая въ садъ ему навстрѣчу). Какъ хорошо, что ты вернулся.

Гильда (тоже идетъ навстрѣчу отцу). Ты теперь освободился на весь день, папа?

Вангель. Нѣтъ, придется еще заглянуть ненадолго въ контору... Скажите... Аргольмъ пріѣхалъ?

Болетта. Да; сегодня ночью. Мы посылали узнавать въ отель.

Вангель. А его самого, значитъ, еще не видали?

Болетта. Нѣтъ. Но онъ, вѣрно, соберется къ намъ до обѣда.

Вангель. Навѣрно.

Гильда (дергая отца). Папа, оглянись-ка.

Вангель (глядя на веранду). Вижу, вижу, дѣвочка... Очень парадно.

Болетта. Вѣдь, правда, красиво вышло?

Вангель. Да, это вѣрно... А что... мы... одни дома?

Гильда. Да; она ушла...

Болетта (быстро вмѣшиваясь). Мама купаться пошла.

Вангель (ласково смотритъ на Болетту и гладитъ ее по головѣ, затѣмъ говоритъ, какъ-то запинаясь). Слушайте, дѣвочки мои... вы такъ все это и оставите... на весь день? И... флагъ?

Гильда. Ну, конечно же, папа.

Вангель. Гм... да, да. Но, видите ли...

Болетта (подмигивая отцу). Ты же понимаешь, что мы сдѣлали все это ради пріѣзда инспектора Аргольма. Когда старый другъ семьи пріѣзжаетъ послѣ столькихъ лѣтъ...

Гильда (смѣясь и теребя отца). Подумай!.. Бывшій учитель Болетты, папа!

Вангель (невольно улыбаясь). Вы у меня двѣ плутовки... Ну да, Господи Боже мой, вѣдь это же въ сущности вполнѣ естественно, что мы вспоминаемъ ту, которой нѣтъ больше съ нами... Но все-таки. Возьми-ка, Гильда. (Отдаетъ ей саквояжъ). Надо отнести въ контору. Нѣтъ, дѣвочки... не нравится мнѣ

это. То-есть самый способъ. То, что мы такъ каждый годъ... Ну... да что подѣлаешь. Пожалуй, иначе и нельзя.

Гильда (направляется съ саквояжемъ по саду налѣво, но останавливается, оборачивается и показываетъ отцу въ ту сторону). Смотри, тамъ идетъ какой-то господинъ. Вѣрно, инспекторъ.

Болетта (глядя туда). Этотъ? (Смѣется) Нѣтъ, скажетъ тоже! По-твоему, этотъ пожилой господинъ — Арнгольмъ?..

Вангель. Постой, дѣвочка... И въ самомъ дѣлѣ, кажется, онъ!.. Да, да, честное слово, онъ!

Болетта (пристально вглядываясь, въ тихомъ изумленіи). Да, пожалуй, что и онъ!..

(Арнгольмъ, въ элегантномъ лѣтнемъ костюмѣ, въ золотыхъ очкахъ и съ тросточкой, появляется на дорогѣ слѣва. Видъ у него нѣсколько утомленный. Онъ заглядываетъ въ садъ, дружески раскланивается и входитъ въ калитку).

Вангель (идетъ ему навстрѣчу). Добро пожаловать, дорогой инспекторъ! Сердечно привѣтствуемъ васъ въ старыхъ краяхъ.

Арнгольмъ. Благодарю, благодарю, докторъ! Тысячу разъ благодарю васъ! (Пожимаютъ другъ другу руки и идутъ вмѣстѣ по саду). А, вотъ и дѣти! (Протягиваетъ барышнямъ руки и оглядываетъ ихъ) Едва узналъ бы.

Вангель. Еще бы!

Арнгольмъ. Хотя... пожалуй, Болетту... Да, Болетту я все-таки узналъ бы.

Вангель. Врядъ ли. Вѣдь лѣтъ восемь-девять, какъ вы ея не видали. Да вообще, пожалуй, многое здѣсь перемѣнилось за это время.

Арнгольмъ (озираясь вокругъ). А по-моему, нѣтъ. Если не считать, что деревья значительно повыросли... да вонъ появилась новая бесѣдка...

Вангель. Нѣтъ, я не насчетъ обстановки...

Арнгольмъ (улыбаясь). Ну да, конечно, еще и та перемѣна, что теперь у васъ въ домѣ двѣ взрослыя дочки-невѣсты.

Вангель. Ну, въ невѣсты-то годится пока только одна.

Гильда (вполголоса). Нѣтъ, ужъ этотъ папа!..

Вангель. Ну, я полагаю, мы посидимъ на верандѣ. Тамъ прохладнѣе. Прошу покорно.

Арнгольмъ. Благодарю, благодарю, дорогой докторъ.

(Подымаются на террасу; Вангель указываетъ Арнгольму мѣсто на качалкѣ).

Вангель. Ну вотъ. Сидите теперь и отдыхайте. У васъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько утомленный видъ. Устали съ дороги?

Арнгольмъ. О, пустяки! Въ такой чудной обстановкѣ...

Болетта (отцу). Не подать ли содовой воды съ сиропомъ въ бесѣдку? Тутъ, пожалуй, скоро будетъ слишкомъ жарко.

Вангель. Да, да, дѣвочки. Давайте намъ содовой воды съ сиропомъ. Да и коньяку, пожалуй.

Болетта. И коньяку развѣ?..

Вангель. Немножко. На случай, если кому захочется.

Болетта. Ну, хорошо. Гильда, снеси же саквояжъ въ контору. (Уходитъ въ комнату и затворяетъ за собой дверь. Гильда уходитъ съ саквояжемъ за домъ налѣво).

Арнгольмъ (проводивъ Болетту взглядомъ). Въ самомъ дѣлѣ, какая чудесная дѣв... какія славныя дочки выросли у васъ, докторъ.

Вангель (садясь). Да, не правда ли?

Арнгольмъ. Особенно Болетта перемѣнилась... Просто поразительно. Да и Гильда тоже. Ну, а вы сами, дорогой докторъ, какъ? Думаете прожить здѣсь всю жизнь?

Вангель. Да ужъ, вѣрно, тѣмъ кончится. Здѣсь родился и вырось, какъ говорится... Здѣсь же былъ такъ счастливъ съ тою, что такъ рано покинула насъ... Вы ее знали?

Арнгольмъ. Да... да.

Вангель. А теперь счастливо живу съ той, которая ее замѣнила. Да, могу сказать, что судьба вообще была ко мнѣ милостива.

Арнгольмъ. Отъ второй супруги у васъ нѣтъ дѣтей?

Вангель. Былъ одинъ ребенокъ... года два съ половиной назадъ. Но недолго прожилъ. Умеръ мѣсяцевъ четырехъ-пяти.

Арнгольмъ. Супруги вашей нѣтъ дома сегодня?

Вангель. Сейчасъ, вѣрно, придетъ. Купаться пошла. Она дня не пропуститъ лѣтомъ. Какая бы погода ни стояла.

Арнгольмъ. Она чѣмъ-нибудь страдаетъ?

Вангель. Нѣтъ, такъ, въ прямомъ смыслѣ, она ничѣмъ не больна. Хотя въ послѣдніе два-три года дѣйствительно стала очень нервной. То-есть бываетъ временами. Я не могу хорошенько разобрать, въ чемъ тутъ собственно дѣло. Но море положительно ея страсть.

Арнгольмъ. Я помню.

Вангель (съ почти незамѣтной улыбкой). Да, вы вѣдь знавали Эллиду еще въ тѣ времена, когда учительствовали тамъ, въ Шольдвикенѣ.

Арнгольмъ. Само собой. Она часто бывала въ гостяхъ у пастора. Кромѣ того, я обыкновенно встрѣчался съ нею, когда самъ бывалъ на маякѣ и заглядывалъ къ ея отцу.

Вангель. Да, то время, повидимому, оставило на ней глубокій слѣдъ. Мѣстные жители не понимаютъ этого. Прозвали ее «барыней съ моря»!

Арнгольмъ. Неужели?

Вангель. Да. И вотъ поэтому... Поговорите-ка съ нею, вспомните старину, дорогой Арнгольмъ! Она будетъ такъ рада.

Арнгольмъ (смотритъ на него съ сомнѣніемъ). А у васъ развѣ есть основанія предполагать это?

Вангель. Ну, конечно.

Эллида (за сценой). Ты вернулся, Вангель!

Вангель (встаетъ). Да, дорогая.

(Фру Эллида Вангель показывается въ саду справа, изъ-за бесѣдки; влажные волосы распущены по плечамъ, а на голову и на плечи наброшена легкая шаль. Арнгольмъ встаетъ).

Вангель (съ улыбкой протягивая къ ней руки). Вотъ и наша морская царевна.

Эллида (быстро взбѣгаетъ на террасу и схватываетъ мужа за руки). Слава Богу, что ты опять со мной! Когда вернулся?

Вангель. Сейчасъ только. Всего нѣсколько мивутъ. (Указывая на Арнгольма) Но что-жъ ты не поздороваешься со старымъ знакомымъ?

Эллида (протягивая руку Арнгольму). Ну вотъ вы и пріѣхали. Добро пожаловать! И простите, что меня не случилось дома...

Арнгольмъ. Помилуйте. Прошу безъ всякихъ церемоній...

Вангель. Что, вода сегодня очень свѣжая?

Эллида. Свѣжая!.. Господи, да развѣ она здѣсь бываетъ когда-нибудь свѣжая? Всегда теплая, прѣсная... Брр! И вода-то здѣсь въ шхерахъ какая-то нездоровая.

Арнгольмъ. Нездоровая?

Эллида. Да, больная. И, право, отъ нея самому можно заболѣть.

Вангель (съ улыбкой). Хорошая рекомендація нашему курорту.

Арнгольмъ. Я скорѣе склоненъ думать, что у васъ, фру Вангель, особое отношеніе къ морю и ко всему морскому.

Эллида. Пожалуй. Я сама готова такъ думать... Но взгляните, какъ дѣвочки разубрали веранду въ честь вашего пріѣзда.

Вангель (смущенно). Гм... (Глядитъ на свои часы) Мнѣ однако пора...

Арнгольмъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ради меня?..

Эллида. Разумѣется; не каждый же день у насъ такой парадъ... Уфъ! Какая однако духота здѣсь подъ крышей. (Спускается въ садъ) Перейдемте сюда. Тутъ хоть вѣтеркомъ обдуваетъ. (Садится въ бесѣдку).

Арнгольмъ (идетъ къ ней). По-моему, такъ здѣсь довольно свѣжо.

Эллида. Еще бы — для васъ. Вы привыкли къ душному городскому воздуху. Тамъ, говорятъ, просто невыносимо лѣтомъ.

Вангель (тоже спустившійся въ садъ). Гм... Ну, милочка, ты ужъ займи на часокъ дорогого гостя...

Эллида. У тебя дѣла?

Вангель. Да, надо побывать въ конторѣ. А потомъ пойти переодѣться. Но я не замѣшкаюсь...

Арнгольмъ (усаживаясь въ бесѣдкѣ). Вы не спѣшите, дорогой докторъ. Мы съ вашей супругой скоротаемъ время.

Вангель (кивая). Да, да, вполнѣ надѣюсь... Ну, до свиданья. (Уходитъ черезъ садъ налѣво).

Эллида (послѣ непродолжительной паузы). Развѣ тутъ нехорошо сидѣть?

Арнгольмъ. Да, мнѣ очень хорошо.

Эллида. Эту бесѣдку зовутъ моей бесѣдкой. Это я велѣла ее устроить. Или, вѣрнѣе, Вангель для меня.

Арнгольмъ. Вы тутъ обыкновенно и сидите?

Эллида. Бо́льшую часть дня провожу здѣсь.

Арнгольмъ. Съ дѣвочками, вѣрно?

Эллида. Нѣтъ, дѣвочки... онѣ больше любятъ сидѣть на верандѣ.

Арнгольмъ. А самъ Вангель?

Эллида. О, Вангель переходитъ съ мѣста на мѣсто. То со мной посидитъ, то къ дѣвочкамъ пойдетъ.

Арнгольмъ. Это вы такъ завели?

Эллида. Я думаю, что такъ лучше для всѣхъ сторонъ. Можно вѣдь и отсюда разговаривать другъ съ другомъ... если иной разъ понадобится перекинуться словечкомъ.

Арнгольмъ (послѣ минутной задумчивости). Въ нашу послѣднюю встрѣчу съ вами... То-есть тамъ, въ Шольдвикенѣ... Гм... Давно это было...

Эллида. Добрыхъ лѣтъ десять прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы жили у насъ тамъ.

Арнгольмъ. Да, приблизительно. Но, какъ вспомню васъ тамъ на маякѣ!.. «Язычницу», какъ прозвалъ васъ старый пасторъ за то, что вашъ отецъ велѣлъ окрестить васъ не христіанскимъ человѣческимъ именемъ, а именемъ корабля...

Эллида. Такъ что́ же вы хотѣли сказать?

Арнгольмъ. Вотъ ужъ меньше всего думалъ встрѣтить васъ здѣсь — супругой Вангеля!

Эллида. Да, тогда Вангель еще не... Тогда была еще жива первая мать дѣвочекъ. То-есть родная ихъ мать...

Арнгольмъ. Да, да. Но не въ томъ дѣло. Даже будь онъ тогда уже свободенъ... Я никогда не могъ бы представить себѣ ничего подобнаго.

Эллида. И я тоже. Никакъ — въ то время.

Арнгольмъ. Вангель, конечно, человѣкъ прекрасный; такой благородный... и добрѣйшій; ко всѣмъ людямъ относится съ такой сердечной теплотой...

Эллида (съ искреннимъ чувствомъ). Да, опъ именно такой!

Аргольмъ. ...Но между вами вообще... такая огромная разница, по-моему.

Эллида. Вы правы. Да, да.

Аргольмъ. Такъ какъ же тогда это вышло? Какъ могло выйти?

Эллида. Ахъ, дорогой Аргольмъ, не спрашивайте. Я не сумѣю ничего объяснить. Да если бы и сумѣла, вы все-таки ничего бы не поняли.

Аргольмъ. Гм... (Нѣсколько понижая голосъ) Вы когда-нибудь говорили вашему мужу обо мнѣ? Я разумѣю, конечно, ту неудачную попытку... на которую я когда-то отважился... въ порывѣ увлеченія.

Эллида. Нѣтъ, — что̀ вы! Я ни слова не говорила ему объ этомъ... о томъ, на что вы намекаете.

Аргольмъ. Очень радъ. Потому что я чувствовалъ себя какъ-то неловко при мысли, что...

Эллида. Можете быть спокойны. Я только сказала мужу, что очень дорожила вашимъ обществомъ, и что вы были мнѣ тогда самымъ преданнымъ и добрымъ другомъ,—что̀ и правда.

Аргольмъ. Спасибо вамъ за это. Но, скажите мнѣ — почему вы ни разу не написали мнѣ послѣ моего отъѣзда?

Эллида. Я думала, что, можетъ-быть, вамъ будетъ непріятно получить вѣсть... отъ той... которая не могла отвѣтить на ваши чувства такъ, какъ вы желали. По-моему, это значило бы — бередить рану.

Аргольмъ. Гм... Да, да, пожалуй, вы были правы.

Эллида. Но почему вы сами ни разу не написали?

Аргольмъ (смотритъ и улыбается какъ бы съ упрекомъ). Я? Сдѣлать первый шагъ? Чтобы меня, пожалуй, заподозрѣли въ желаніи начать снова? Послѣ такого рѣшительнаго отказа?

Эллида. Ну да, понимаю... понимаю. А вамъ съ тѣхъ поръ не приходила мысль о новомъ союзѣ?

Аргольмъ. Никогда. Я остался вѣренъ своимъ воспоминаніямъ.

Эллида (полушутя). Ну, полно! Оставьте эти старыя, грустныя воспоминанія. Право, лучше бы вамъ подумать о томъ, чтобы стать счастливымъ супругомъ.

Аргольмъ. Такъ съ этимъ слѣдовало бы поторопиться, фру Вангель. Не забудьте, мнѣ — стыдно сказать — стукнуло уже тридцать семь.

Эллида. Ну да, тѣмъ больше основаній торопиться. (Послѣ небольшой паузы, серьезно понизивъ голосъ) Послушайте, дорогой Аргольмъ... теперь я скажу вамъ кое-что... чего не могла

открыть вамъ тогда... ни за что на свѣтѣ, даже подъ угрозой смерти.

Арнгольмъ. Что же это такое?

Эллида. На ту вашу неудачную попытку, какъ вы ее сами только-что назвали, я не могла отвѣтить вамъ иначе.

Арнгольмъ. Я знаю. Вы не могли предложить мнѣ ничего, кромѣ дружбы. Я вѣдь знаю.

Эллида. Но вы не знаете, что тогда я всей душою, всѣми помыслами принадлежала другому.

Арнгольмъ. Тогда?

Эллида. Именно.

Арнгольмъ. Невозможно! Вы ошибаетесь въ срокѣ. Вы едва ли тогда знали Вангеля.

Эллида. Я не о немъ говорю.

Арнгольмъ. Не о Вангелѣ? Но тогда... въ Шольдвикенѣ?.. Я не припоминаю тамъ ни единаго человѣка, въ кого вы могли бы...

Эллида. Ну да, конечно. Это и было все такъ странно, ни съ чѣмъ несообразно.

Арнгольмъ. Такъ разскажите же объ этомъ поподробнѣе.

Эллида (мягко). Съ васъ довольно знать, что я не была тогда свободна. И теперь вы это знаете.

Арнгольмъ. А будь вы тогда свободны?

Эллида. Что тогда?

Арнгольмъ. Тогда вашъ отвѣтъ на мое письмо былъ бы инымъ?

Эллида. Какъ я могу это знать? Вотъ когда явился Вангель, я уже могла дать иной отвѣтъ.

Арнгольмъ. Такъ зачѣмъ же вы заговорили теперь о томъ, что не были тогда свободны?

Эллида (встаетъ въ волненіи). Затѣмъ, что мнѣ нужно кому-нибудь открыться... Нѣтъ, нѣтъ, сидите, сидите.

Арнгольмъ. Такъ вашъ мужъ ничего не знаетъ объ этомъ?

Эллида. Я съ самаго начала призналась ему, что когда-то мысли мои были заняты другимъ. Узнать больше онъ и не добивался. И мы никогда больше и не заговаривали объ этомъ. Въ сущности, это было просто какое-то безуміе. Къ тому же съ этимъ скоро было покончено. То-есть до извѣстной степени.

Арнгольмъ (вставая). Только до извѣстной степени? Не совсѣмъ?

Эллида. Нѣтъ, конечно, совсѣмъ! Господи Боже мой, Арнгольмъ! Вы не такъ поняли. Да этого и понять нельзя. И я не знаю, какъ объяснить, разсказать это... Вы подумали бы просто, что я больна. Или впрямь помѣшалась.

Арнгольмъ. Дорогая фру Вангель... теперь ужъ вамъ слѣдуетъ непремѣнно высказаться до конца.

Эллида. Хорошо. Попытаюсь. Какъ вы, въ качествѣ разумнаго человѣка, объясните себѣ, что... (Смотритъ въ сторону и обрываетъ) Потомъ. Кажется, гость.

(Люнгстрандъ появляется на дорогѣ слѣва и входитъ въ садъ. Въ петлицѣ у него цвѣтокъ, а въ рукахъ большой красивый букетъ въ бумажномъ портбукетѣ, съ лентой. Дойдя до веранды, онъ останавливается въ нерѣшительности).

Эллида (выходя изъ бесѣдки). Вы дѣвочекъ ищете, господинъ Люнгстрандъ?

Люнгстрандъ (оборачиваясь). А, вы здѣсь, фру Вангель? (Кланяется и подходитъ ближе) Нѣтъ, я не къ барышнямъ... Я къ вамъ. Вы вѣдь позволили мнѣ навѣстить васъ...

Эллида. Да, конечно. Мы всегда вамъ рады.

Люнгстрандъ. Премного благодаренъ. И разъ такое счастливое совпаденіе, что у васъ сегодня праздникъ въ домѣ...

Эллида. Такъ вы знаете?

Люнгстрандъ. Какъ же. Вотъ я и взялъ на себя смѣлость... поднести вамъ... (Кланяется и протягиваетъ ей букетъ).

Эллида (улыбаясь). Но, добрѣйшій господинъ Люнгстрандъ, не лучше ли будетъ вручить вашъ прекрасный букетъ самому господину Арнгольму? Вѣдь, въ сущности, онъ виновникъ торжества...

Люнгстрандъ (неувѣренно переводитъ глаза съ нея на Арнгольма). Извините... но я незнакомъ съ господиномъ... Я только... Я по случаю дня рожденья, фру Вангель...

Эллида. Рожденья? Такъ вы ошиблись, господинъ Люнгстрандъ. Мы сегодня не празднуемъ ничьего рожденья.

Люнгстрандъ (съ лукавой улыбкой). Я-то ужъ знаю, знаю. Но я не думалъ, что это такой секретъ.

Эллида. Да что вы знаете?

Люнгстрандъ. Что сегодня ваше рожденье.

Эллида. Мое?

Арнгольмъ (вопросительно глядитъ на нее). Сегодня? Нѣтъ, навѣрное не сегодня.

Эллида (Люнгстранду). Какъ это вамъ пришло въ голову?

Люнгстрандъ. Фрёкенъ Гильда выдала мнѣ. Я заходилъ сюда съ полчаса тому назадъ. И спросилъ у барышень о причинѣ такого убранства, — и цвѣты и флагъ...

Эллида. И что же?..

Люнгстрандъ. И фрёкенъ Гильда сказала, что сегодня рожденье матушки...

Эллида. Матушки!.. А, да.

Люнгстрандъ. Ага! (Обмѣниваются взглядомъ съ Эллидой) Ну, разъ молодой человѣкъ ужъ знаетъ, фру Вангель...

Эллида (Люнгстранду). Да, разъ ужъ вы знаете, то...

Люнгстрандъ (опять протягиваетъ ей букетъ). Такъ позвольте поздравить...

Эллида (беретъ цвѣты). Очень вамъ признательна. Пожалуйста, присядьте, господинъ Люнгстрандъ. (Всѣ трое садятся въ бесѣдкѣ). Это — насчетъ дня рожденья... полагалось держать въ секретѣ, господинъ инспекторъ.

Арнгольмъ. Ну да, ну да. Отъ насъ, непосвященныхъ.

Эллида (положивъ букетъ на столъ). Именно. Отъ непосвященныхъ.

Люнгстрандъ. Да я и не заикнусь объ этомъ ни единой душѣ, даю слово.

Эллида. Я не въ этомъ смыслѣ. Но какъ же вы поживаете? На видъ вамъ какъ будто лучше.

Люнгстрандъ. Да, по-моему, мнѣ становится все лучше. А если на будущій годъ удастся еще попасть на югъ...

Эллида. Дѣвочки говорили, что вамъ это и удастся.

Люнгстрандъ. Да; въ Бергенѣ у меня есть одинъ покровитель. И онъ обѣщалъ помочь мнѣ въ будущемъ году.

Эллида. Какъ вы на него напали?

Люнгстрандъ. О, все это страсть какъ удачно сложилось. Мнѣ разъ пришлось плавать на одномъ изъ его кораблей.

Эллида. Вотъ какъ? Такъ васъ когда-то тянуло въ море?

Люнгстрандъ. Ничуть. Но, когда матушка скончалась, отецъ не захотѣлъ больше держать меня дома и пристроилъ на одно судно. А на обратномъ пути домой мы потерпѣли крушенье въ Англійскомъ каналѣ... на мое счастье.

Арнгольмъ. Какъ такъ?

Люнгстрандъ. Да во время крушенья я какъ разъ и схватилъ эту свою слабость. Это стѣсненье въ груди. Вода была холодная, какъ ледъ. А я долго пробылъ въ ней, пока меня не вытащили. Вотъ мнѣ и пришлось бросить море. А это было большимъ счастьемъ для меня.

Арнгольмъ. Вы думаете?

Люнгстрандъ. Да. Слабость моя вѣдь не опасна. И теперь я могу стать скульпторомъ, чего мнѣ всегда страсть хотѣлось. Подумать только, что я получу возможность лѣпить изъ этой чудесной, мягкой глины, которая такъ послушно мнется подъ пальцами!

Эллида. А что вы думаете лѣпить? Морскихъ дѣвъ, водяныхъ? Или древнихъ викинговъ?..

Люнгстрандъ. Нѣтъ, врядъ ли что-нибудь такое. Какъ только

я дойду до этого, я попробую вылѣпить что-нибудь крупное. Группу — какъ это называется.

Эллида. Ну, а что же именно?

Люнгстрандъ. О, что-нибудь такое, прямо изъ жизни. Что самъ пережилъ.

Арнгольмъ. Да, да, самое лучшее держаться такихъ сюжетовъ.

Эллида. Но что же это собственно будетъ?

Люнгстрандъ. Да вотъ, я думалъ, напримѣръ, изобразить молодую жену моряка... Ей плохо спится... снится тяжелый сонъ. Я думаю, мнѣ удастся такъ сдѣлать, что это сразу видно будетъ.

Арнгольмъ. А развѣ кромѣ этой одной фигуры ничего не будетъ?

Люнгстрандъ. Нѣтъ, еще одна. Такъ сказать, въ родѣ призрака. Это ея мужъ, которому она измѣнила, когда онъ ушелъ въ море. И онъ погибъ тамъ.

Арнгольмъ. Какъ вы говорите?..

Эллида. Утонулъ?

Люнгстрандъ. Да. Утонулъ во время плаванья. И вотъ — такое чудо — онъ все-таки вернулся. Знаете, ночь... и онъ стоитъ предъ постелью и смотритъ на жену. Вода съ него такъ и льется ручьями, какъ съ утопленника.

Эллида (откидываясь на спинку стула и закрывая глаза). Что же это въ самомъ дѣлѣ?.. О, я такъ и вижу все это передъ собой!..

Арнгольмъ. Но, ради Бога, господинъ... господинъ!.. Вы же сказали, что хотите брать сюжеты прямо изъ жизни? Изъ того, что сами пережили?

Люнгстрандъ. Да, да, это какъ разъ и есть изъ жизни. То-есть въ нѣкоторомъ родѣ.

Арнгольмъ. Изъ жизни?.. Что мертвецъ, утопленникъ?..

Люнгстрандъ. Ну да, не прямо изъ жизни. Не въ томъ смыслѣ, что я наблюдалъ собственными глазами. Но все-таки...

Эллида (оживленно, видимо, сильно заинтересованная). Разскажите какъ можно подробнѣе! Мнѣ надо знать все, все.

Арнгольмъ (улыбаясь). Да, это должно быть какъ разъ въ вашемъ вкусѣ. Сюжетъ съ «морскимъ настроеніемъ».

Эллида. Ну, какъ же было дѣло, господинъ Люнгстрандъ?

Люнгстрандъ. Да дѣло въ томъ, что передъ самымъ отплытіемъ домой изъ города Галифакса — какъ его зовутъ — заболѣлъ у насъ боцманъ. Пришлось его свезти въ госпиталь. А на его мѣсто взяли одного американца. Такъ вотъ этотъ новый боцманъ...

Эллида. Американецъ?

Люнгстрандъ. Да, — взялъ у капитана почитать старыя га-

зеты. Цѣлую кипу. И все читалъ ихъ. Ему, видите ли, хотѣлось выучиться по-норвежски,—говорилъ онъ.

Эллида. Вотъ какъ! Ну?..

Люнгстрандъ. Разъ вечеромъ море страсть какъ разыгралось. Весь экипажъ вызвали наверхъ, — кромѣ меня и боцмана. Онъ вывихнулъ себѣ ногу и не могъ ступить на нее. А мнѣ тоже нездоровилось, и я лежалъ. Такъ боцманъ сидѣлъ себѣ въ каютѣ и читалъ эти старыя газеты.

Эллида. Да, да?..

Люнгстрандъ. И вдругъ — слышу, не то воетъ, не то ревъ. Взглянулъ на него — онъ побѣлѣлъ, какъ мѣлъ, да какъ примется мять и комкать газету... А потомъ въ мелкіе клочки изорвалъ ее. Это уже потихонечку, медленно.

Эллида. Ни слова не говоря? Такъ ничего и не сказалъ?

Люнгстрандъ. Сразу ничего. Но немного погодя сказалъ словно про себя: «Вышла замужъ. За другого. Пока меня не было».

Эллида (закрывъ глаза, вполголоса). Такъ и сказалъ?

Люнгстрандъ. Да. И, представьте, по-норвежски. Совсѣмъ чисто. Ему, должно-быть, ничего не стоило выучиться чужому языку.

Эллида. А потомъ что? Что еще было?

Люнгстрандъ. Потомъ... Это вышло такъ странно, что я никогда этого не забуду, — онъ прибавилъ еще, такъ же тихо: «Но она моя и будетъ моей. И пойдетъ за мной, хотя бы мнѣ пришлось вернуться за ней со дна моря, утопленникомъ».

Эллида (дрожащей рукой наливаетъ себѣ стаканъ воды). Уфъ! Какъ здѣсь сегодня душно...

Люнгстрандъ. И сказалъ онъ это съ такой силой, что, я думаю, съ него сталось бы...

Эллида. Вы не знаете, что съ нимъ потомъ было?

Люнгстрандъ. Его, пожалуй, ужъ нѣтъ больше въ живыхъ.

Эллида (быстро). Почему вы думаете?

Люнгстрандъ. Да вѣдь мы же послѣ того и потерпѣли крушеніе. Я попалъ въ большую лодку съ капитаномъ и пятью матросами. А штурманъ съ американцемъ и еще однимъ матросомъ въ маленькую.

Эллида. И о нихъ съ тѣхъ поръ ничего неизвѣстно?

Люнгстрандъ. Ни слуху ни духу. Мой покровитель недавно еще писалъ мнѣ объ этомъ. Но потому-то мнѣ страсть и хочется изобразить его. Вѣроломная жена моряка стоитъ передо мной, какъ живая... и этотъ мститель, который утонулъ и все-таки вернулся къ ней со дна морского. Я такъ и вижу ихъ обоихъ передъ собой.

Эллида. И я тоже. (Встаетъ) Пойдемте... въ комнаты. Или

лучше къ Вангелю. По-моему, здѣсь невыносимо душно. (Выходитъ изъ бесѣдки).

Люнгстрандъ (тоже вставъ). А мнѣ, пожалуй, время и распрощаться. Я вѣдь только поздравить зашелъ по случаю дня рожденья.

Эллида. Ну, какъ хотите. (Протягиваетъ ему руку) До свиданья и спасибо за цвѣты.

(Люнгстрандъ кланяется и уходитъ черезъ калитку налѣво).

Арнгольмъ (подходя къ Эллидѣ). Я вижу, вы приняли это очень близко къ сердцу, фру Вангель.

Эллида. Да, пожалуй, назовите это такъ, хотя...

Арнгольмъ. Но въ сущности вы вѣдь должны были ожидать этого.

Эллида (пораженная). Ожидать?

Арнгольмъ. Мнѣ кажется.

Эллида. Должна была ожидать, что человѣкъ можетъ вернуться!.. И вернуться такимъ образомъ?

Арнгольмъ. Что такое?.. Ахъ, вы насчетъ морской басни этого шального скульптора?..

Эллида. Нѣтъ, дорогой Арнгольмъ, онъ, пожалуй, вовсе ужъ не такой шальной.

Арнгольмъ. Значитъ, васъ дѣйствительно такъ потрясла эта сказка объ утопленникѣ? А я-то полагалъ...

Эллида. Что вы полагали?

Арнгольмъ. Я, разумѣется, полагалъ, что вы только прикрылись этимъ. Что васъ все время мучило то, что вы узнали насчетъ празднованія тайкомъ отъ васъ семейнаго событія... Открытіе, что мужъ вашъ и дѣти живутъ воспоминаніями, въ которыхъ вы не можете принимать участія.

Эллида. О, нѣтъ, нѣтъ. Это пусть себѣ останется, какъ есть. Я не въ правѣ требовать, чтобы мой мужъ принадлежалъ исключительно и безраздѣльно мнѣ одной.

Арнгольмъ. А мнѣ кажется, вы были бы въ правѣ.

Эллида. Да. Въ правѣ и не въ правѣ... Вотъ въ чемъ дѣло. У меня самой вѣдь есть такой уголокъ въ душѣ... куда я не допускаю другихъ.

Арнгольмъ. У васъ? (Понижая голосъ) Такъ ли я понялъ?.. Вы... вы, значитъ, въ сущности не любите мужа?

Эллида. О, нѣтъ, нѣтъ, я полюбила его отъ всего сердца! И вотъ именно поэтому-то и выходитъ такъ ужасно... непонятно... просто невѣроятно!..

Арнгольмъ. Довѣрьте же мнѣ всѣ свои горести и печали. Откройтесь мнѣ вполнѣ. Хотите?

Эллида. Я не могу, другъ мой. Во всякомъ случаѣ не сейчасъ. Можетъ-быть, потомъ.

Болетта (выходитъ на веранду и спускается въ садъ). Вотъ и папа

идетъ изъ конторы. Не пойти ли намъ всѣмъ вмѣстѣ посидѣть въ гостиную?

Эллида. Хорошо. Пойдемъ.

Вангель (успѣвшій перемѣнить костюмъ, выходитъ съ Гильдой слѣва изъ-за дома). Ну, вотъ и я. Освободился. Теперь отлично будетъ выпить стаканчикъ чего-нибудь прохладительнаго.

Эллида. Постой-ка. (Идетъ въ бесѣдку и выходитъ съ букетомъ).

Гильда. Смотрите! Какіе чудные цвѣты! Откуда они у тебя?

Эллида. Мнѣ ихъ поднесъ скульпторъ Люнгстрандъ, Гильдочка.

Гильда (изумленно). Люнгстрандъ?

Болетта (тревожно). Люнгстрандъ... Опять заходилъ?

Эллида (сдерживая улыбку). Да. Зашелъ и приподнесъ. По случаю дня рожденья, — понимаешь.

Болетта (косясь на Гильду). А-а!

Гильда (бормочетъ). Болванъ!

Вангель (въ мучительномъ замѣшательствѣ). Гм... Видишь ли... Надо тебѣ сказать, моя дорогая, безцѣнная Эллида...

Эллида (прерывая). Идите сюда, дѣвочки! Давайте поставимъ и мои цвѣты въ воду къ остальнымъ. (Поднимается на веранду).

Болетта (тихо Гильдѣ). А она все-таки очень мила въ сущности.

Гильда (вполголоса, сердито). Фокусы! Представляется, чтобы угодить отцу.

Вангель (на верандѣ, пожимая руку Эллидѣ). Спасибо... спасибо. Отъ души спасибо тебѣ за это, Эллида.

Эллида (ставя цвѣты въ воду). Ну, что тамъ!.. Отчего же и мнѣ не участвовать въ празднованіи... дня рожденья матушки?

Арнгольмъ. Гм... (Поднимается на террасу).

(Болетта и Гильда остаются въ саду).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

„Обрывъ“ — поросшая кустами возвышенность за городомъ, откуда открывается видъ на окрестности. Нѣсколько поодаль отъ края—морской значокъ съ флюгеромъ. Вокругъ разбросаны большіе камни, удобные для сидѣнья. Въ глубинѣ виденъ уходящій вдаль фьордъ, острова и длинный, выдающійся мысъ. Открытаго моря не видно. Свѣтлая лѣтняя ночь. Небо и вершины скалъ вдали отливаютъ золотомъ и багрянцемъ. Снизу, справа, слабо доносится хоровое пѣніе на четыре голоса. Городская молодежь — кавалеры и дамы проходятъ парочками, интимно бесѣдуя между собой, справа налѣво, мимо значка. Немного погодя выходитъ Баллестэдъ, исполняющій обязанности проводника большой компаніи иностранныхъ туристовъ и туристокъ и нагруженный шалями и дорожными сумками.

Баллестэдъ (указывая вверхъ палкой). Sehen Sie, meine Herrschaften, dort дальше liegt eine andere гора. Das willen wir

также besteigen und so herunter... (Переходитъ на англійскій языкъ и уводитъ всю компанію налѣво).

(Справа въ гору быстро поднимается Гильда, останавливается и оглядывается. Немного спустя оттуда же показывается Болетта).

Болетта. Но, милочка, зачѣмъ было убѣгать отъ Люнгстранда?

Гильда. Потому что терпѣть не могу такого ползанья по горамъ. Гляди, гляди, какъ онъ ползетъ!

Болетта. Ты же знаешь, какой онъ слабый.

Гильда. По-твоему, онъ серьезно боленъ?

Болетта. Да навѣрное даже.

Гильда. Онъ былъ у папы послѣ обѣда. Хотѣла бы я знать мнѣніе папы.

Болетта. Папа сказалъ мнѣ, что у него уплотненіе легкихъ или что-то въ этомъ родѣ. Онъ долго не проживетъ, — говоритъ папа.

Гильда. И папа такъ говоритъ? Представь, я какъ разъ то же самое думала.

Болетта. Но ты, ради Бога, не проболтайся ему какъ-нибудь.

Гильда. Еще что̀ выдумай! (Вполголоса) Ну вотъ, нашъ Гансъ и доползъ. Гансъ... Какъ по-твоему, развѣ не видно сразу, что онъ именно Гансъ?

Болетта (шопотомъ). Уймись! Совѣтую тебѣ!

Люнгстрандъ (выходитъ справа съ зонтикомъ въ рукахъ). Прошу извиненія у барышень, что не могъ поспѣть за вами.

Гильда. Вы еще и зонтикъ себѣ раздобыли?

Люнгстрандъ. Это вашей мамаши. Она дала мнѣ вмѣсто палки, чтобы опираться. Я не взялъ съ собой палки.

Болетта. Они все еще тамъ внизу — папа и другіе?

Люнгстрандъ. Да. Вашъ отецъ зашелъ въ ресторанчикъ. А другіе сидятъ и слушаютъ музыку. Но потомъ придутъ сюда,— сказала ваша мамаша.

Гильда (которая все время не сводила съ него глазъ). Вы, вѣрно, ужасно устали?

Люнгстрандъ. Да, какъ будто немножко. Пожалуй, мнѣ надо присѣсть. (Садится на камень впереди, направо).

Гильда (стоя передъ нимъ). Вы знаете, потомъ будутъ танцы подъ музыку?

Люнгстрандъ. Да, я слышалъ.

Гильда. Вы, вѣрно, любите танцы?

Болетта (собирая цвѣты). Ахъ, Гильда, дай же господину Люнгстранду отдышаться.

Люнгстрандъ (Гильдѣ). Да, фрёкенъ, я съ удовольствіемъ бы потанцовалъ... если бы только могъ.

Гильда. Вотъ какъ! Вы развѣ никогда не учились?

Люнгстрандъ. И не учился. Но я не потому. Я хотѣлъ сказать, что не могу танцовать изъ-за моей груди.

Гильда. Изъ-за того стѣсненія, которымъ вы страдаете?

Люнгстрандъ. Да, именно.

Гильда. А васъ это очень огорчаетъ?

Люнгстрандъ. Нѣтъ, не могу сказать. (Съ улыбкой) Вѣдь благодаря этому, я думаю, всѣ такъ добры и ласковы со мной, помогаютъ мнѣ.

Гильда. Да и къ тому же вѣдь нѣтъ ничего опаснаго.

Люнгстрандъ. Опасности ни малѣйшей. Я это отлично понялъ и изъ словъ вашего отца.

Гильда. И все пройдетъ, какъ только вы отправитесь путешествовать.

Люнгстрандъ. Да, да. Тогда пройдетъ.

Болетта (подходитъ къ нимъ съ цвѣтами). Вотъ, господинъ Люнгстрандъ... воткните себѣ въ петличку.

Люнгстрандъ. О, благодарю, благодарю васъ, фрёкенъ. Вы слишкомъ добры.

Гильда (глядя внизъ, вправо). А вонъ и они идутъ.

Болетта (тоже глядя туда). Только знаютъ ли они, гдѣ надо свернуть... Ну вотъ, не туда пошли!

Люнгстрандъ (встаетъ). Я сбѣгу внизъ къ повороту и крикну имъ.

Гильда. Вамъ очень громко придется кричать.

Болетта. Не стóитъ; вы только опять утомитесь.

Люнгстрандъ. О, подъ гору-то легко. (Уходитъ направо).

Гильда. Да, подъ гору... (Смотритъ ему вслѣдъ) Ну, еще въ припрыжку пустился! И не думаетъ, что потомъ опять въ гору придется лѣзть.

Болетта. Бѣдняга...

Гильда. Если бы онъ посватался къ тебѣ, ты бы вышла за него?

Болетта. Ты въ умѣ?

Гильда. Ну, конечно, не будь онъ такой хворый. И если бы ему не предстояло умереть такъ скоро. Вышла бы ты тогда за него?

Болетта. По-моему, ужъ скорѣе *тебѣ* бы за него выйти.

Гильда. Ни за что. У него вѣдь нѣтъ ничего. И самому-то не прокормиться.

Болетта. Такъ что же ты все возишься съ нимъ?

Гильда. О, я это только изъ-за его хворости.

Болетта. Я однако что-то не замѣчала, чтобы ты особенно жалѣла его за это.

Гильда. А я и не жалѣю. Мнѣ только ужасно любопытно.

Болетта. Что?

Гильда. Смотрѣть на него и заставлять разсказывать, что это не опасно... что вотъ онъ уѣдетъ за границу и будетъ скульпторомъ. Онъ такъ вѣритъ во все это и такъ радуется. А ничему этому не бывать. Никогда въ жизни. Ему и жить-то недолго. И вотъ это-то и подстрекаетъ.

Болетта. Подстрекаетъ?

Гильда. Ну да, именно: *меня* подстрекаетъ — съ твоего позволенія.

Болетта. Фу, Гильда, ты, право, прегадкая дѣвчонка!

Гильда. И пусть такой и буду. На зло! (Глядитъ внизъ) Ну наконецъ-то! Видно, Арнгольму не очень-то по вкусу карабкаться вверхъ. (Оглядываясь) Нѣтъ, знаешь, что̀ я замѣтила за обѣдомъ?

Болетта. Ну?

Гильда. Подумай, — у Арнгольма начинается плѣшь на самой макушкѣ.

Болетта. Глупости. Этого быть не можетъ.

Гильда. Я тебѣ говорю! И вотъ тутъ, около глазъ, морщинки. Господи, Болетта! И какъ это ты была такъ влюблена въ него, когда онъ тебя училъ!

Болетта (съ улыбкой). Да, представь себѣ. Я помню, разъ онъ сказалъ, что Болетта — некрасивое имя, и я заливалась горючими слезами.

Гильда. Подумай!.. (Опять смотритъ внизъ) Нѣтъ, ты погляди только. Наша-то «барыня съ моря» — идетъ и болтаетъ съ нимъ, а не съ отцомъ... Ничего нѣтъ мудренаго, что они неравнодушны другъ къ другу.

Болетта. Стыдно тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, Гильда. Какъ ты можешь такъ говорить про нее? Теперь какъ разъ у насъ съ ней такія хорошія отношенія...

Гильда. Какъ же! Воображай больше, голубушка! Нѣтъ, повѣрь, никогда у насъ съ ней не будетъ ладу. Она совсѣмъ къ намъ не подходитъ. И мы къ ней тоже. Богъ знаетъ, зачѣмъ это отцу понадобилось притащить ее къ намъ въ домъ!.. Право, я не удивлюсь, если она въ одинъ прекрасный день возьметъ да свихнется.

Болетта. Свихнется! Что̀ ты выдумываешь!

Гильда. Что̀ же тутъ удивительнаго? Вѣдь мать ея тоже свихнулась. Такъ и умерла сумасшедшей. Я знаю.

Болетта. Да ужъ гдѣ только твоего носа не было! Но, ради Бога, держи ты свой языкъ за зубами. Будь умницей... ну, ради отца. Слышишь, Гильда?

(Справа поднимаются Вангель, Эллида, Арнгольмъ и Люнгстрандъ).

Эллида (указывая въ глубину по направленію фьорда). Тамъ!

Аргольмъ. Да, вѣрно; въ томъ направленіи.

Эллида. Тамъ открытое море.

Болетта (Аргольму). Правда, здѣсь красиво?

Аргольмъ. На мой взглядъ — чудесно. Дивный видъ.

Вангель. Да вы, вѣрно, ни разу не бывали здѣсь прежде?

Аргольмъ. Ни разу. Въ мое время сюда, кажется, и дороги не было. Даже тропинки.

Вангель. И никакихъ мѣстъ для прогулокъ. Все это сдѣлано въ послѣдніе годы.

Болетта. Съ Лоцманскаго обрыва видъ еще величественнѣе.

Вангель. Не пойти ли туда, Эллида?

Эллида (садясь на камень направо). Нѣтъ, спасибо; я не пойду. Но вы ступайте. А я пока тутъ посижу.

Вангель. Такъ я съ тобой побуду. А дѣвочки пусть проведутъ Аргольма.

Болетта. Хотите, господинъ Аргольмъ?

Аргольмъ. Съ удовольствіемъ. И туда проложена дорога?

Болетта. О, да, отличная, широкая.

Гильда. Такая широкая, что свободно можно идти попарно, подъ-руку.

Аргольмъ (шутливо). Да неужели, фрёкенъ Гильда? (Болеттѣ) Не провѣрить ли намъ—правду-ль она говоритъ?

Болетта (подавляя улыбку). Пожалуй, давайте. (Беретъ его подъ-руку, и оба идутъ налѣво).

Гильда (Люнгстранду). А мы тоже пойдемъ?..

Люнгстрандъ. Подъ-руку?..

Гильда. Отчего же нѣтъ? Мнѣ все равно.

Люнгстрандъ (беретъ ея руку, при чемъ его лицо такъ и сіяетъ). Ужасно, право, забавно выходитъ!

Гильда. Забавно?..

Люнгстрандъ. Да; точно мы женихъ съ невѣстой.

Гильда. Вамъ, вѣрно, никогда не случалось ходить подъ-руку съ дамой, господинъ Люнгстрандъ. (Оба уходятъ налѣво).

Вангель (стоя около значка). Ну, дорогая, теперь намъ удастся немножко побыть однимъ.

Эллида. Да, поди, присядь со мной.

Вангель (садясь). Тутъ такой просторъ и тишина. Вотъ и потолкуемъ съ тобой.

Эллида. О чемъ?

Вангель. О тебѣ. И о нашихъ отношеніяхъ, Эллида. Я вижу, такъ нельзя оставить.

Эллида. А что же надо сдѣлать, по-твоему?

Вангель. Установить между нами полное довѣріе, дорогая. И зажить опять душа въ душу... какъ бывало...

Эллида. Ахъ, если-бъ можно было!.. Но и думать нечего!

Вангель. Мнѣ кажется, я тебя понимаю. У тебя иногда проскальзывали такія выраженія, что, мнѣ думается, теперь я понимаю, въ чемъ дѣло.

Эллида (съ горячностью). Нѣтъ, нѣтъ! Не говори, что понимаешь!..

Вангель. Понимаю. У тебя такая прямая натура, Эллида. Честная, вѣрная душа.

Эллида. Да, это такъ.

Вангель. Ты не можешь чувствовать себя спокойной и счастливой иначе, какъ при условіи полнаго взаимнаго довѣрія и искренности.

Эллида (напряженно глядя на него). Ну... и что же?

Вангель. Ты не создана быть второй женой.

Эллида. Какъ это ты дошелъ до этого теперь?

Вангель. Это часто мелькало у меня въ головѣ, но какъ-то смутно. Сегодня же мнѣ все стало ясно. Это празднованіе памяти покойной дѣтьми... Ты видѣла во мнѣ какъ бы соучастника... Ну, да мужу вообще не такъ-то легко забыть... Во всякомъ случаѣ мнѣ. Я не такой человѣкъ.

Эллида. Я знаю. О, я такъ хорошо это знаю.

Вангель. И все-таки ты впадаешь въ ошибку. Тебѣ представляется, будто мать дѣтей жива еще... будто она невидимо присутствуетъ среди насъ... и будто душа моя двоится между вами — тобой и ею. И эта мысль возмущаетъ тебя. Ты видишь въ нашихъ отношеніяхъ какъ бы... что-то безнравственное. Вотъ отчего ты и не можешь больше... или не хочешь жить со мной, какъ жена.

Эллида (встаетъ). И ты все это видишь? Ты такъ все это понимаешь?

Вангель. Да, теперь наконецъ увидалъ и понялъ вполнѣ.

Эллида. Вполнѣ, ты говоришь? Не думай!

Вангель (вставая). Я очень хорошо знаю, что это еще не все.

Эллида (испуганно). Знаешь, что не все?

Вангель. Да. Ты не въ силахъ вынести окружающей обстановки. Скалы давятъ тебя, угнетаютъ. Тебѣ здѣсь мало свѣта, мало простора неба, мало воздуха, чтобы дышать полной грудью.

Эллида. Да, да, ты правъ, ты правъ. День и ночь, и зиму и лѣто... меня гложетъ тоска по родинѣ — по морю.

Вангель. Я знаю, знаю, дорогая. (Кладетъ руку на ея голову)

Такъ пусть мое бѣдное больное дитя вернется къ себѣ домой, на родину.

Эллида. Какъ это понять?

Вангель. Очень просто: мы переѣдемъ.

Эллида. Переѣдемъ?

Вангель. Да. Куда-нибудь на открытый берегъ моря... гдѣ бы ты могла чувствовать себя, какъ дома.

Эллида. Милый, брось это. Это невозможно! Ты-то развѣ будешь чувствовать себя счастливымъ гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, въ иной обстановкѣ?

Вангель. Ну, тамъ ужъ какъ-нибудь обойдется. Да и къ тому же — могу ли я быть счастливъ здѣсь, въ этой обстановкѣ — безъ тебя?

Эллида. Но я вѣдь здѣсь. И останусь здѣсь. Я твоя.

Вангель. Моя ли ты, Эллида?

Эллида. Ахъ, не будемъ говорить о другомъ... Вѣдь тутъ у тебя все, чѣмъ ты живешь и дышишь. Дѣло всей твоей жизни.

Вангель. Какъ-нибудь обойдется, говорю я. А мы все-таки переѣдемъ куда-нибудь. Это рѣшено безповоротно, дорогая.

Эллида. Но что же, по-твоему, мы этимъ выиграемъ?

Вангель. Ты выздоровѣешь душой, обрѣтешь душевный миръ.

Эллида. Едва ли. Да и ты-то! Подумай и о себѣ. Ты-то что выиграешь?

Вангель. Я вновь верну тебя себѣ, моя дорогая.

Эллида. Невозможно! Нѣтъ, нѣтъ, Вангель, этому не бывать! Въ этомъ-то весь и ужасъ, все отчаяніе.

Вангель. Надо попытаться. Если у тебя такія мысли, то для тебя и нѣтъ другого спасенія, какъ уѣхать отсюда. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это рѣшено безповоротно, слышишь.

Эллида. Нѣтъ! Тогда ужъ я лучше скажу тебѣ все, какъ оно есть.

Вангель. Конечно, скажи!

Эллида. Не надо тебѣ такъ разстраиваться изъ-за меня. Особенно, если намъ отъ этого все равно не будетъ легче.

Вангель. Ты обѣщала сказать мнѣ все, какъ оно есть.

Эллида. Я постараюсь, насколько смогу. Разскажу тебѣ обо всемъ такъ, какъ оно мнѣ самой представляется... Поди сюда, сядь со мной. (Оба присаживаются на камни).

Вангель. Ну, Эллида?.. Значитъ?..

Эллида. Въ тотъ день, когда ты спросилъ меня, могу ли и хочу ли я быть твоей,—ты такъ откровенно и честно разсказалъ мнѣ все о первомъ своемъ бракѣ. Ты былъ такъ счастливъ,—говорилъ ты.

Вангель. Такъ оно и было.

Эллида. Да, да, вѣрю, дорогой. Я не потому заговорила. Я только хотѣла напомнить тебѣ, что и я тоже была откровенна съ тобой. Я сразу призналась тебѣ, что уже любила разъ, и что между нами дошло... въ родѣ какъ бы до обрученія.

Вангель. Въ родѣ?..

Эллида. Да, въ этомъ родѣ. Но это все скоро кончилось. Онъ уѣхалъ. И я порвала съ нимъ. Все это я тебѣ и сказала.

Вангель. Такъ зачѣмъ же перебирать все это опять, дорогая? Въ сущности, это вѣдь вовсе и не касалось меня. И я даже никогда не спрашивалъ тебя — кто онъ былъ.

Эллида. Нѣтъ, не спрашивалъ. Ты всегда былъ такъ деликатенъ со мной.

Вангель (съ улыбкой). Ну, въ этомъ-то случаѣ... Я вѣдь почти догадывался; самъ могъ бы назвать тебѣ его по имени.

Эллида. По имени?

Вангель. Въ Шольдвикенѣ и его окрестностяхъ не такъ много было жениховъ, чтобы не отгадать. Вѣрнѣе, пожалуй, только одинъ единственный и былъ...

Эллида. Ты, вѣрно, думаешь на Арнгольма?

Вангель. А развѣ не онъ?..

Эллида. Нѣтъ.

Вангель. Не онъ? Да, тогда ужъ я становлюсь втупикъ.

Эллида. Помнишь, разъ поздней осенью къ намъ въ Шольдвикенъ зашелъ большой американскій корабль исправить какія-то поврежденія?..

Вангель. Помню, помню. И на этомъ кораблѣ нашли однажды утромъ капитана убитымъ въ его каютѣ. Я самъ еще производилъ вскрытіе тѣла.

Эллида. Да, вѣроятно, ты.

Вангель. А убилъ его, повидимому, младшій штурманъ.

Эллида. Этого никто не можетъ сказать навѣрное. Дѣло такъ и не выяснилось.

Вангель. И все-таки, пожалуй, сомнѣваться нельзя. А то зачѣмъ бы онъ бѣжалъ и утопился?

Эллида. Онъ не утопился. Онъ ушелъ на сѣверъ съ китобоемъ.

Вангель (пораженный). Ты откуда знаешь?

Эллида (дѣлая надъ собой усиліе). Да, Вангель... этотъ человѣкъ... и былъ мой женихъ...

Вангель (вскакивая). Что̀ такое! Можетъ ли это быть!

Эллида. Да, это такъ. Я была его невѣстой.

Вангель. Но, ради всего святого, Эллида!.. Какъ тебѣ вду-

малось стать невѣстой такого... совершенно неизвѣстнаго человѣка? Какъ его звали?

Эллида. Тогда онъ называлъ себя Фриманомъ. А потомъ въ письмахъ подписывался Альфредомъ Джонстономъ.

Вангель. Откуда онъ былъ?

Эллида. Онъ говорилъ — съ сѣвера, изъ Финмаркена. А родомъ онъ былъ, собственно, изъ Финляндіи. Переселился въ Норвегію, кажется, еще ребенкомъ... со своимъ отцомъ.

Вангель. Значитъ — *квэнъ*.

Эллида. Да, ихъ, кажется, такъ называютъ.

Вангель. Ну, а еще что тебѣ было извѣстно о немъ?

Эллида. Что онъ рано сталъ морякомъ и много плавалъ. Ходилъ въ далекія страны.

Вангель. И ничего больше?

Эллида. Нѣтъ. Да мы съ нимъ и не разговаривали ни о чемъ такомъ.

Вангель. О чемъ же вы говорили?

Эллида. Больше все о морѣ.

Вангель. А!.. Такъ о морѣ?

Эллида. О морскихъ буряхъ и о штилѣ. О темныхъ ночахъ на морѣ. О морѣ въ яркіе солнечные дни. Особенно же о китахъ, дельфинахъ и тюленяхъ, которые такъ любятъ нѣжиться на солнцѣ въ шхерахъ. Говорили также о чайкахъ, о морскихъ орлахъ и о другихъ морскихъ птицахъ. И, представь, такъ странно, — когда мы говорили съ нимъ объ этомъ, мнѣ чудилось, будто всѣ эти морскія животныя и птицы сродни ему.

Вангель. А тебѣ самой?..

Эллида. Да и мнѣ они какъ будто становились сродни.

Вангель. Да, да... И вотъ ты стала его невѣстой?

Эллида. Да. Онъ сказалъ, что я должна.

Вангель. Должна? А своей воли у тебя не было?

Эллида. Въ его присутствіи не было. О, потомъ-то все это казалось мнѣ просто непонятнымъ.

Вангель. Ты часто съ нимъ видѣлась?

Эллида. Нѣтъ, не очень. Разъ онъ былъ у насъ; зашелъ посмотрѣть маякъ. Тутъ я съ нимъ и познакомилась. Потомъ мы стали иногда встрѣчаться. Но тутъ вышло это... съ капитаномъ. Ему и пришлось уѣхать.

Вангель. Да, да; ну, дальше, дальше!

Эллида. Утромъ, чуть свѣтъ, я получила отъ него записку; онъ велѣлъ мнѣ придти на Браттхамеренъ, — знаешь, мысъ между маякомъ и бухтой.

Вангель. Да, да, конечно, знаю.

Эллида. Такъ вотъ туда-то онъ и велѣлъ мнѣ придти сейчасъ же. Ему надо было поговорить со мной.

Вангель. И ты пошла?

Эллида. Да. Я не могла не пойти. Ну, онъ и разсказалъ мнѣ, что пырнулъ ночью капитана ножомъ.

Вангель. Самъ сказалъ? Такъ-таки и сказалъ!

Эллида. Да. Но онъ сказалъ тоже, что поступилъ по всей справедливости.

Вангель. По всей справедливости! За что же онъ его пырнулъ?

Эллида. Этого онъ не захотѣлъ сказать. Не мнѣ было слушать такія вещи, — сказалъ онъ.

Вангель. И ты повѣрила ему на слово?

Эллида. Мнѣ и въ голову не пришло не повѣрить. Ну, а уѣхать ему все-таки надо было. И вотъ передъ тѣмъ, какъ проститься со мной... Нѣтъ, ты представить себѣ не можешь, что онъ придумалъ!

Вангель. Ну? Такъ скажи, въ чемъ дѣло?

Эллида. Онъ вынулъ изъ кармана кольцо отъ ключей и снялъ у себя съ пальца кольцо, которое всегда носилъ; потомъ и у меня снялъ съ пальца колечко; надѣлъ эти оба кольца на кольцо отъ ключей и сказалъ, что мы оба сейчасъ сочетаемся морю.

Вангель. Сочетаетесь?..

Эллида. Да, онъ такъ сказалъ. И закинулъ кольца далеко-далеко въ море, въ самую глубь.

Вангель. А ты что же? Ты согласилась съ этимъ?

Эллида. Да, представь... мнѣ тогда казалось, что все такъ и должно-быть... Но, слава Богу, вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ.

Вангель. И затѣмъ?

Эллида. Ну, ты, конечно, понимаешь, что я скоро опомнилась. Поняла, какъ все это было глупо, безсмысленно.

Вангель. Но ты упоминала о письмахъ. Значитъ, ты имѣла отъ него вѣсти потомъ?

Эллида. Да. Сначала я получила отъ него нѣсколько строчекъ изъ Архангельска. Онъ сообщалъ только, что отправляется въ Америку. И указалъ, куда мнѣ отвѣчать.

Вангель. И ты отвѣтила?

Эллида. Тотчасъ же. Я, разумѣется, написала, что между нами все должно быть покончено. И что пусть онъ совсѣмъ забудетъ обо мнѣ, какъ и я о немъ.

Вангель. А онъ все-таки опять написалъ тебѣ.

Эллида. Опять написалъ.

Вангель. И что же онъ отвѣтилъ тебѣ на то, что ты ему написала?

Эллида. Даже и не упомянулъ объ этомъ. Какъ будто я и не порывала съ нимъ. Написалъ только, — такъ спокойно, разсудительно, — чтобы я ждала его, и что онъ дастъ мнѣ знать, когда ему можно будетъ взять меня къ себѣ. Тогда я должна быть готова немедленно послѣдовать за нимъ.

Вангель. Значитъ, онъ не хотѣлъ выпустить тебя изъ своихъ рукъ?

Эллида. Да. Тогда я опять написала. Почти слово въ слово то же, что въ первый разъ. Или, пожалуй, еще рѣшительнѣе.

Вангель. И онъ сдался?

Эллида. Ничуть не бывало. Онъ опять написалъ такое же спокойное письмо. Ни слова о томъ, что я порвала съ нимъ. Тогда я поняла, что писать еще — безполезно. И больше уже не писала ему.

Вангель. И отъ него не получала извѣстій?

Эллида. Нѣтъ, отъ него было еще три письма. Одно изъ Калифорніи, одно изъ Китая, а послѣднее изъ Австраліи. Онъ писалъ въ немъ, что отправляется искать золота. И съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху ни духу.

Вангель. Этотъ человѣкъ имѣлъ надъ тобой необычайную власть, Эллида!

Эллида. Да, да! Ужасный человѣкъ!

Вангель. Но тебѣ не надо и вспоминать объ этомъ. Никогда! Обѣщай же мнѣ, дорогая моя, любимая! Мы попытаемся вылѣчить тебя. Тебѣ нуженъ воздухъ посвѣжѣе, чѣмъ у насъ тутъ въ бухтѣ. Влажный, соленый, настоящій морской воздухъ! Что скажешь?

Эллида. Ахъ, не говори объ этомъ! И не думай ни о чемъ такомъ! Это мнѣ не поможетъ. Я чувствую, что мнѣ и тамъ не сбросить съ себя этого...

Вангель. Чего? Дорогая, о чемъ ты собственно?

Эллида. Этого таинственнаго ужаса, хочу я сказать. Этой непонятной власти надъ моей душой...

Вангель. Но ты ужъ стряхнула ее съ себя. Давнымъ-давно, — когда порвала съ нимъ. Значитъ, это уже давно все прошло.

Эллида (вскакивая). Нѣтъ! Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! Не прошло!

Вангель. Не прошло?

Эллида. Нѣтъ, Вангель, не прошло! И, боюсь, никогда не пройдетъ. Никогда, пока я жива!

Вангель (сдавленнымъ голосомъ). Не хочешь ли ты сказать.

что въ глубинѣ души ты никогда не могла забыть того человѣка?

Эллида. Я забыла его. И вдругъ — онъ какъ будто снова вернулся.

Вангель. Когда это случилось?

Эллида. Почти три года тому назадъ... или немножко больше. Когда я ждала ребенка.

Вангель. А! Вотъ какъ. Да, Эллида... тогда я начинаю понимать многое, многое.

Эллида. И ошибаешься, милый! То, что нашло на меня тогда... О, я думаю, этого никогда и никому на свѣтѣ не понять!

Вангель (смотритъ на нее съ глубокою скорбью). Подумать, что ты всѣ эти три года любила другого! Не меня, а... другого!

Эллида. Ахъ, ты страшно ошибаешься! Никого я не люблю, кромѣ тебя.

Вангель (глухо). Почему-жъ ты тогда все это время не хотѣла жить со мной... какъ жена?

Эллида. Изъ страха передъ этимъ человѣкомъ.

Вангель. Страха?..

Эллида. Да, страха, ужаса, такого таинственнаго ужаса, какой, я думаю, можетъ внушать только море. Вотъ послушай, Вангель...

(Слѣва показываются гуляющіе кавалеры и дамы, кланяются и проходятъ направо; съ ними и Аргольмъ, Болетта, Гильда и Люнгстрандъ).

Болетта (проходя мимо). А вы все тутъ?

Эллида. Да; тутъ такъ хорошо, свѣжо на высотѣ.

Аргольмъ. А мы всей компаніей спускаемся внизъ—плясать.

Вангель. Отлично. И мы скоро спустимся.

Гильда. Такъ до свиданья!

Эллида. Господинъ Люнгстрандъ... постойте на минутку. (Люнгстрандъ останавливается, а Болетта, Гильда и Аргольмъ уходятъ направо за другими). Развѣ и вы хотите танцовать?

Люнгстрандъ. Нѣтъ, не думаю, чтобы я могъ себѣ это позволить.

Эллида. Да, вамъ самое лучшее поберечься. Грудь у васъ... Вы вѣдь еще не совсѣмъ поправились.

Люнгстрандъ. Не вполнѣ еще, не вполнѣ.

Эллида (нѣсколько запинаясь). А много ли времени прошло съ того... плаванія?

Люнгстрандъ. Когда я захворалъ?

Эллида. Да, о которомъ вы разсказывали утромъ.

Люнгстрандъ. Пожалуй... постойте... Да, это было какъ разъ три года тому назадъ.

Эллида. Значитъ, три года.

Люнгстрандъ. Или съ небольшимъ. Мы вышли изъ американскаго порта въ февралѣ, а крушеніе потерпѣли въ мартѣ. Мы какъ разъ попали въ полосу равноденственныхъ бурь.

Эллида (глядя на Вангеля). Такъ вотъ, значитъ, когда это было.

Вангель. Но, дорогая моя?..

Эллида. Ну, мы васъ не станемъ задерживать, господинъ Люнгстрандъ. Идите. Только не танцуйте.

Люнгстрандъ. Нѣтъ, я только погляжу. (Уходитъ направо).

Вангель. Дорогая Эллида, зачѣмъ ты спрашивала его объ этомъ плаваніи?

Эллида. На томъ кораблѣ былъ и Джонстонъ. Я увѣрена въ этомъ.

Вангель. Изъ чего ты это заключаешь?

Эллида (не отвѣчая). И онъ узналъ на кораблѣ, что я вышла замужъ за другого. Въ его отсутствіи. И вотъ — въ этотъ самый часъ на меня и напалъ...

Вангель. Этотъ ужасъ?..

Эллида. Да. Бываетъ вдругъ, что онъ встаетъ передо мной какъ живой. То-есть не прямо передо мной, а скорѣе въ сторонкѣ. И никогда не смотритъ на меня, только стоитъ тутъ.

Вангель. Какимъ же онъ тебѣ представляется?

Эллида. Какимъ я его видѣла въ послѣдній разъ.

Вангель. Десять лѣтъ тому назадъ?

Эллида. Да. Тамъ на мысѣ. Всего яснѣе вижу я булавку въ его галстукѣ — съ большой голубоватой жемчужиной. Она напоминаетъ глазъ мертвой рыбы. И глазъ этотъ словно глядитъ на меня въ упоръ.

Вангель. Господи Боже мой! Да ты больна серьезнѣе, чѣмъ я думалъ! Серьезнѣе, чѣмъ сама думаешь, Эллида.

Эллида. Да, да! Помоги же мнѣ, если можешь! Я чувствую, что меня какъ-то засасываетъ все больше и больше.

Вангель. И ты прожила въ такомъ состояніи цѣлыхъ три года! Переживала такія мученія и ни разу не открылась мнѣ!

Эллида. Да не могла я! Пока не пришлось поневолѣ—ради тебя самого. Если бы я призналась тебѣ въ этомъ, надо было бы признаться и въ томъ, чего мнѣ и не выговорить было... Языкъ не повернулся бы...

Вангель. Языкъ не повернулся бы? Эллида!..

Эллида (отстраняясь отъ него). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не спрашивай! Одно лишь скажу я тебѣ еще. И ничего больше... Вангель... какъ объяснить... эту загадку насчетъ глазъ малютки?..

Вангель. Дорогая, безцѣнная Эллида, увѣряю тебя, что все это было одно твое воображеніе. У ребенка были такіе же глаза, какъ у другихъ, обыкновенныхъ дѣтей.

Эллида. Нѣтъ! И какъ ты не замѣчалъ! Глаза его мѣняли цвѣтъ по цвѣту моря. Когда фьордъ нѣжился на солнцѣ въ тихую, ясную погоду — и глаза малютки были такіе же. Въ бурю — то же самое... Я-то это отлично подмѣчала, хотя ты и не видѣлъ.

Вангель (уступчиво). Гм... Ну, пусть будетъ такъ. И если бы даже такъ? Что же изъ этого?

Эллида (подвигаясь къ нему, тихо). Я видѣла такіе глаза раньше.

Вангель. Когда? Гдѣ?

Эллида. На мысѣ. Десять лѣтъ тому назадъ.

Вангель (отступая на шагъ). Что же это?..

Эллида (вся трепеща, шепчетъ). У малютки были глаза того неизвѣстнаго.

Вангель (невольно вскрикиваетъ). Эллида!..

Эллида (въ отчаяніи заломивъ руки надъ головой). Теперь ты понимаешь, почему я больше не хочу... не смѣю жить съ тобой, какъ жена! (Быстро поворачивается и сбѣгаетъ внизъ по уступамъ направо).

Вангель (кидается вслѣдъ за нею). Эллида!.. Эллида!.. Бѣдная, несчастная моя Эллида!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Глухой уголокъ въ саду доктора Вангеля, сырой, болотистый, осѣненный большими, старыми деревьями. Направо виденъ берегъ подернутаго плѣсенью пруда. Низенькая сквозная загородка отдѣляетъ садъ отъ пѣшеходной дорожки и берега фьорда, виднѣющагося въ глубинѣ. Вдали вырисовываются горные кряжи и вершины скалъ, находящіеся по ту сторону фьорда. Время подъ вечеръ.

Болетта сидитъ съ шитьемъ на каменной скамьѣ, налѣво. Около нея двѣ книги и рабочая корзинка. Гильда и Люнгстрандъ съ удочками и сачками ходятъ по берегу пруда.

Гильда (дѣлая знакъ Люнгстранду). Тише! Я вижу огромнаго...

Люнгстрандъ (смотритъ туда же). Гдѣ, гдѣ?

Гильда (указывая). Вы развѣ не видите?.. Вонъ, внизу. А тамъ... смотрите, честное слово, еще одинъ. (Смотритъ въ просвѣтъ между деревьями). Ну идетъ!.. Сейчасъ всѣхъ рыбъ у насъ распугаетъ.

Болетта (подымая голову). Кто идетъ?

Гильда. Твой инспекторъ, матушка.

Болетта. Мой?..

Гильда. Да, ужъ моимъ-то онъ никогда не былъ.

(Справа показывается Арнгольмъ).

Арнгольмъ. Такъ тутъ теперь рыба завелась?

Гильда. Да, тутъ гуляютъ старые-престарые караси.

Арнгольмъ. Неужели они все еще живы?

Гильда. Да, они живучіе. Ну, да вотъ мы теперь постараемся извести парочку-другую.

Арнгольмъ. Вамъ бы лучше на фьордѣ попытать счастья.

Люнгстрандъ. Нѣтъ, прудъ... онъ какъ-то таинственнѣе, больше обѣщаетъ, какъ говорится.

Гильда. Да, тутъ гораздо интереснѣе... А вы съ берега?

Арнгольмъ. Какъ разъ. Только-что купался.

Гильда. Конечно, только въ купальнѣ поплескались?

Арнгольмъ. Да; я вѣдь не особенно важный пловецъ.

Гильда. Вы умѣете плавать на спинѣ?

Арнгольмъ. Нѣтъ.

Гильда. А я умѣю. (Люнгстранду) Попытаемъ счастья на той сторонѣ. (Уходятъ по берегу пруда направо).

Арнгольмъ (подходитъ къ Болеттѣ). А вы что-жъ тутъ одна сидите, Болетта?

Болетта. О, я все больше одна сижу.

Арнгольмъ. Мамаши нѣтъ въ саду?

Болетта. Нѣтъ, она, вѣрно, пошла гулять съ папой.

Арнгольмъ. Какъ она себя чувствуетъ теперь?

Болетта. Право, не знаю. Я забыла спросить.

Арнгольмъ. Что это у васъ за книги?

Болетта. Одна по ботаникѣ, а другая — по землевѣдѣнію.

Арнгольмъ. Васъ интересуютъ такіе предметы? Много читаете?

Болетта. Да, когда есть время... Хозяйство вѣдь — прежде всего.

Арнгольмъ. Развѣ ваша мамаша... ваша мачеха... не помогаетъ вамъ по хозяйству?

Болетта. Нѣтъ, все лежитъ на мнѣ. Мнѣ вѣдь пришлось заправлять всѣмъ домомъ тѣ два года, когда отецъ вдовѣлъ. Потомъ такъ оно и осталось.

Арнгольмъ. Но вы, значитъ, попрежнему любите читать?

Болетта. Да, читаю всякія полезныя книги, какія попадутся. Хочется узнать побольше о бѣломъ свѣтѣ. Мы вѣдь тутъ живемъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ всего. Въ глухомъ углу или почти-что.

Арнгольмъ. Ну, что вы, дорогая Болетта!

Болетта. Конечно. Право, по-моему, наша жизнь недалеко ушла отъ жизни этихъ карасей въ пруду. Фьордъ у нихъ рядомъ, и тамъ гуляютъ огромныя стаи вольныхъ рыбъ. Но

эти бѣдняжки, прирученныя домашнія рыбки, ничего не узнаютъ о той жизни. И такъ никогда и не примутъ въ ней участія.

Арнгольмъ. Да, пожалуй, имъ не очень-то сладко бы и пришлось, если бы онѣ попали туда.

Болетта. О, это все равно, по-моему!

Арнгольмъ. Кромѣ того, нельзя же сказать, что вы живете здѣсь совсѣмъ ужъ въ сторонѣ отъ большого свѣта. Во всякомъ случаѣ не лѣтомъ. Теперь у васъ тутъ настоящій сборный пунктъ. Временный центръ свѣтской жизни, такъ сказать.

Болетта. Да, тому, кто самъ у насъ лишь временный гость, тому, конечно, легко подтрунивать надъ нами.

Арнгольмъ. Я подтруниваю?.. Да съ чего вы взяли?

Болетта. Да вотъ все это—насчетъ сборнаго пункта, центра свѣтской жизни, — все это вы повторяете со словъ нашихъ горожанъ. Они любятъ такъ выражаться.

Арнгольмъ. Откровенно говоря, я это замѣтилъ.

Болетта. Но вѣдь все это въ сущности одни пустыя слова— для насъ, живущихъ тутъ постоянно. Какая намъ польза отъ того, что люди большого, чуждаго намъ свѣта проѣзжаютъ черезъ нашъ городокъ, стремясь на сѣверъ увидѣть полуночное солнце? Самимъ намъ не удастся примкнуть къ ихъ компаніи. Намъ не видать никакого полуночнаго солнца. Нѣтъ, намъ, вѣрно, жить да поживать тутъ въ нашемъ карасиномъ пруду до конца.

Арнгольмъ (присаживаясь рядомъ). Скажите мнѣ, дорогая Болетта... У васъ, вѣроятно, есть въ виду нѣчто такое... опредѣленное... къ чему вы стремитесь?

Болетта. Да, есть-таки.

Арнгольмъ. Что же это собственно? Чего вы жаждете?

Болетта. Прежде всего — вырваться отсюда.

Арнгольмъ. Это, значитъ, прежде всего?

Болетта. Да. А затѣмъ — поучиться еще. Набраться настоящихъ познаній.

Арнгольмъ. Когда я занимался съ вами, отецъ вашъ часто говаривалъ, что позволитъ вамъ учиться серьезно.

Болетта. Да, бѣдный папа... мало ли что онъ говоритъ! Но когда доходитъ до дѣла, то... У папы нѣтъ настоящаго характера.

Арнгольмъ. Къ сожалѣнію, вы правы. Именно этого ему и не хватаетъ. Но вы когда-нибудь говорили съ нимъ насчетъ этого? То-есть серьезно?..

Болетта. Нѣтъ, этого я собственно не дѣлала.

Арнгольмъ. Но, знаете, вамъ бы именно слѣдовало. Пока не поздно, Болетта. Почему вы не сдѣлаете этого?

Болетта. Вѣроятно, потому, что и у меня не хватаетъ характера. Право. Вѣроятно, это перешло ко мнѣ отъ отца.

Арнгольмъ. Гм!.. Ну, а если вы несправедливы къ себѣ?

Болетта. Нѣтъ, къ сожалѣнію, вполнѣ справедлива. Къ тому же у папы такъ мало времени думать обо мнѣ и о моемъ будущемъ. Да и охоты мало. Все такое онъ, насколько возможно, старается отложить. Онъ весь поглощенъ Эллидой...

Арнгольмъ. Кѣмъ?.. Какъ?..

Болетта. Я хочу сказать, что у него съ мачехой... (Обрывая) У папы и мамы своя жизнь, — вы понимаете.

Арнгольмъ. Но тѣмъ лучше было бы, если бы вы постарались отдѣлиться.

Болетта. Ну да; но мнѣ кажется, что я не въ правѣ... покинуть папу.

Арнгольмъ. Но, дорогая Болетта, когда-нибудь да придется же! Поэтому, по-моему — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Болетта. Пожалуй, иного выхода и нѣтъ. Надо же мнѣ и о себѣ подумать. Попытаться какъ-нибудь устроиться. Если папы когда-нибудь не станетъ, у меня вѣдь никого въ свѣтѣ не останется, никакой поддержки... Но бѣдный папа... Мнѣ страшно подумать — оставить его.

Арнгольмъ. Страшно?..

Болетта. Да... за него.

Арнгольмъ. Но, Господи Боже мой! А ваша мачеха? Она же останется при немъ.

Болетта. Да, положимъ. Но она совсѣмъ неспособна на то, что̀ такъ удавалось покойной мамѣ. Она многаго не видитъ или не хочетъ видѣть... Или ей какъ будто нѣтъ дѣла до этого. Не знаю — что̀ вѣрнѣе.

Арнгольмъ. Гм... я думаю, что понимаю, на что вы намекаете.

Болетта. У бѣднаго папы... есть слабость... Вы, можетъ-быть, сами замѣтили. Дѣла у него вѣдь не такъ много, чтобы заполнить весь его досугъ. А она совсѣмъ неспособна быть ему поддержкой. Впрочемъ, въ этомъ онъ, пожалуй, и самъ отчасти виноватъ.

Арнгольмъ. Какъ такъ?

Болетта. Ахъ, папа такъ любитъ видѣть вокругъ себя веселыя, довольныя лица. Говоритъ — въ домѣ всегда должно сіять солнце. И я боюсь, онъ частенько даетъ ей средство, которое не можетъ долго дѣйствовать на нее хорошо.

Арнгольмъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы такъ думаете?

Болетта. Да, я не могу отдѣлаться отъ этой мысли. Она временами бываетъ такая странная. (Порывисто) Но не справедливо же, чтобы я вѣчно оставалась дома! Вѣдь въ сущности отцу отъ этого никакой пользы. Наконецъ у меня есть же обязанности и передъ самой собою. Мнѣ такъ кажется.

Арнгольмъ. Знаете, дорогая Болетта... намъ съ вами надо хорошенько потолковать обо всемъ объ этомъ.

Болетта. О, наврядъ ли это много поможетъ. Вѣрно, ужъ судьба моя — жить и умереть тутъ, въ карасиномъ пруду.

Арнгольмъ. Совсѣмъ нѣтъ. Все отъ васъ самихъ зависитъ.

Болетта (съ живостью). Что вы говорите?

Арнгольмъ. Да, и повѣрьте мнѣ... ваша судьба всецѣло въ вашихъ рукахъ.

Болетта. Ахъ, если бы!.. Можетъ-быть, вы замолвите за меня словечко папѣ?

Арнгольмъ. И это можно. Но прежде всего я хочу поговорить съ вами откровенно, дорогая Болетта... (Глядитъ налѣво) Тсс!.. Пусть это пока останется между нами. Мы еще вернемся къ этому разговору.

(Слѣва показывается Эллида. Она безъ шляпы; на голову и на плечи наброшена шаль).

Эллида (возбужденно). Какъ здѣсь хорошо! Здѣсь прямо чудесно!

Арнгольмъ (вставая). Вы гуляли?

Эллида. Да, мы сдѣлали съ Вангелемъ длинную-длинную, чудесную прогулку. А теперь поѣдемъ кататься на лодкѣ.

Болетта. Не хочешь ли присѣсть?

Эллида. Нѣтъ, спасибо. Только не сидѣть!..

Болетта (придвигая къ себѣ свои книги и вещи). Мѣста хватитъ.

Эллида (бродя вокругъ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Только не сидѣть! Только не сидѣть!

Арнгольмъ. Прогулка, вѣрно, принесла вамъ пользу. Вы такъ оживлены.

Эллида. Ахъ, я чувствую себя превосходно! Я безконечно счастлива! Такъ спокойна! Спокойна!.. (Глядя налѣво) Что это тамъ за пароходъ?

Болетта (встаетъ и смотритъ). Вѣрно, англійскій океанскій пароходъ.

Арнгольмъ. Бросаетъ якорь. Развѣ они тутъ останавливаются?

Болетта. Вѣрно, на какихъ-нибудь полчаса. Пристань дальше, въ заливѣ.

Эллида. А завтра... онъ уйдетъ опять... въ открытое море. Далеко-далеко, за море. Вотъ если бы уѣхать на немъ! Если бы можно было! Если бы только можно было!

Арнгольмъ. Вамъ никогда не случалось совершать большихъ морскихъ переѣздовъ, фру Вангель?

Эллида. Никогда. Такъ только маленькія поѣздки по шхерамъ.

Болетта (со вздохомъ). Да, намъ, видно, надо довольствоваться сушей.

Арнгольмъ. Что же, въ сущности это и есть наше настоящее мѣсто.

Эллида. Нѣтъ, я этого не думаю.

Арнгольмъ. Что наше мѣсто на сушѣ?

Эллида. Да. Я этого не думаю. По-моему, если бы только люди съ самаго начала привыкли жить на морѣ... пожалуй, даже въ морѣ... жизнь наша была бы совсѣмъ иной — болѣе полной, совершенной. Мы были бы и лучше и счастливѣе.

Арнгольмъ. Неужели вы дѣйствительно такого мнѣнія?

Эллида. Да, и интересно знать — не такъ ли оно и было бы на самомъ дѣлѣ? Я часто разсуждаю объ этомъ съ Вангелемъ...

Арнгольмъ. Ну, и онъ?..

Эллида. Онъ думаетъ, что, пожалуй, это возможное дѣло.

Арнгольмъ (шутливо). Ну, положимъ. Но сдѣланнаго не воротишь. Мы, значитъ, пошли не по той дорогѣ и приспособились къ сушѣ, а не къ водѣ. И теперь во всякомъ случаѣ поздненько исправлять ошибку.

Эллида. Да, вы говорите печальную истину. И, я думаю, люди сами инстинктивно сознаютъ нѣчто подобное. И носятъ въ себѣ какую-то затаенную тоску и раскаяніе. Повѣрьте мнѣ, въ этомъ разгадка глубокой тоски человѣческой. Да, повѣрьте мнѣ.

Арнгольмъ. Но, добрѣйшая фру Вангель... я не нахожу, чтобы люди ужъ такъ особенно тосковали. Напротивъ, мнѣ кажется, большинство живетъ себѣ въ свое удовольствіе безъ заботъ... безсознательно радуясь жизни.

Эллида. Нѣтъ, врядъ ли это такъ. Эта радость... это похоже на то, какъ мы радуемся долгому, свѣтлому лѣтнему дню. Къ этой радости примѣшивается воспоминаніе о зимнемъ мракѣ, который впереди. И это воспоминаніе омрачаетъ человѣческую радость... какъ несущаяся по небу туча бросаетъ мрачную тѣнь на фьордъ. Онъ только-что лежалъ такой гладкій, ясный, синій... И вдругъ...

Болетта. Тебѣ бы не надо поддаваться такимъ грустнымъ мыслямъ. Ты только-что была такая веселая, оживленная...

Эллида. Да, да, была. А это... да, это глупо съ моей стороны. (Безпокойно озирается) Только бы Вангель скорѣе пришелъ. Онъ обѣщалъ мнѣ. И вотъ его все нѣтъ. Вѣрно, по-

забылъ. Пожалуйста, господинъ Аргольмъ, не поищете ли вы его?

Аргольмъ. Съ удовольствіемъ.

Эллида. Скажите ему, чтобы онъ пришелъ сейчасъ же, непремѣнно. А то я не вижу его больше...

Аргольмъ. Не видите его?..

Эллида. Ахъ, вы меня не понимаете. Когда его нѣтъ со мной, я часто не могу и представить его себѣ... не могу вспомнить его лица. И тогда мнѣ чудится, будто я совсѣмъ его потеряла... А это ужасно мучительно. Но идите, идите же! (Начинаетъ бродить по берегу пруда).

Болетта (Аргольму). Я проведу васъ. Вы не знаете дороги...

Аргольмъ. Ничего. Найду...

Болетта (вполголоса). Нѣтъ, нѣтъ, я сама неспокойна. Боюсь, что онъ отправился на пароходъ.

Аргольмъ. Боитесь?

Болетта. Да, онъ обыкновенно заглядываетъ на пароходы, — нѣтъ ли знакомыхъ... А на пароходѣ буфетъ...

Аргольмъ. А! Такъ пойдемте. (Уходитъ за Болеттой налѣво).

(Эллида стоитъ, вперивъ взглядъ въ прудъ; время отъ времени у нея вырываются тихіе, отрывистые возгласы. Слѣва, на дорожкѣ за садовой загородкой появляется неизвѣстный, одѣтый по-дорожному. Кудлатая голова и борода рыжеватаго оттѣнка. На головѣ шотландская шапочка. Черезъ плечо дорожная сумка).

Неизвѣстный (медленно идетъ вдоль садовой загородки, заглядывая въ садъ. Увидавъ Эллиду, онъ останавливается, вперяетъ въ нее пристальный, пытливый взглядъ и говоритъ вполголоса). Здравствуй, Эллида!

Эллида (оборачиваясь). А, милый... наконецъ-то!

Неизвѣстный. Да, наконецъ.

Эллида (съ изумленіемъ и страхомъ всматривается въ него). Кто вы? Вамъ кого-нибудь нужно здѣсь?

Неизвѣстный. Сама знаешь.

Эллида (пораженная). Что это значитъ? Какъ вы обращаетесь ко мнѣ? Кого вамъ нужно?

Неизвѣстный. Конечно, тебя.

Эллида (содрогаясь). А! (Вглядывается въ него, шатается и испускаетъ сдавленный крикъ) Глаза!.. Глаза!..

Неизвѣстный. Ну, наконецъ-то начинаешь признавать. А я тебя сразу узналъ, Эллида.

Эллида. Глаза! Не смотрите на меня такъ! Я позову на помощь!

Неизвѣстный. Тсс... тсс! Не бойся. Я тебѣ ничего не сдѣлаю.

Эллида (заслоняя глаза рукой). Не глядите на меня такъ, говорю я!

Неизвѣстный (облокотившись на загородку). Я пріѣхалъ на англійскомъ пароходѣ.

Эллида (боязливо поглядывая на него искоса). Что вамъ отъ меня нужно?

Неизвѣстный. Я вѣдь обѣщалъ тебѣ вернуться, какъ только можно будетъ...

Эллида. Уѣзжайте! Уѣзжайте назадъ! Никогда не возвращайтесь больше — никогда!.. Я вѣдь писала вамъ, что между нами все должно быть кончено. Все! Вы же знаете!

Неизвѣстный (невозмутимо). Я охотно бы вернулся раньше, но не могъ. Теперь наконецъ удалось. И вотъ я здѣсь, Эллида.

Эллида. Что вамъ надо отъ меня? Что вы задумали? Зачѣмъ явились сюда?

Неизвѣстный. Ты же знаешь, — за тобой.

Эллида (отступая въ ужасѣ). За мной! Такъ вотъ что вы задумали!

Неизвѣстныи. Само собой.

Эллида. Но вамъ вѣдь должно быть извѣстно, что я замужемъ!

Неизвѣстный. Извѣстно.

Эллида. И все-таки!.. Все-таки вы являетесь... за мной!

Неизвѣстный. Ну да.

Эллида (хватаясь обѣими руками за голову). Опять этотъ ужасъ! Этотъ таинственный ужасъ!..

Неизвѣстный. Или ты не хочешь?

Эллида (въ смятеніи). Не глядите на меня такъ!

Неизвѣстный. Я спрашиваю — или ты не хочешь?

Эллида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу! Никогда, вовѣки! Не хочу — слышите! Я не могу и не хочу! (Тише) И не смѣю.

Неизвѣстный (перешагнувъ черезъ загородку, входитъ въ садъ). Ну, хорошо. Эллида, — такъ позволь мнѣ только сказать тебѣ одно, прежде чѣмъ я уйду.

Эллида (хочетъ бѣжать, но не можетъ, и стоитъ, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, прислонясь къ дереву около пруда). Не троньте меня! Не подходите ко мнѣ! Ни шагу!.. Не троньте меня, говорятъ вамъ!

Неизвѣстный. (осторожно, дѣлая къ ней нѣсколько шаговъ). Не надо же такъ меня бояться, Эллида.

Эллида (закрываетъ глаза руками). Не глядите на меня такъ!

Неизвѣстный. Не бойся же, не бойся.

(Слѣва изъ глубины сада показывается Вангель).

Вангель (еще не дойдя до пруда). Ну, пришлось-таки тебѣ подождать меня.

Эллида (кидаясь къ нему и цѣпляясь за него). Вангель!.. Спаси меня! Спаси меня, если можешь!

Вангель. Эллида, ради Бога, что съ тобой?..

Эллида. Спаси меня! Или ты не видишь его? Вонъ онъ стоитъ! (Показываетъ на неизвѣстнаго).

Вангель (глядитъ туда). Этотъ человѣкъ, тамъ? (Приближаясь къ неизвѣстному) Позвольте спросить, кто вы? И что вамъ угодно здѣсь въ саду?

Неизвѣстный (указывая кивкомъ головы на Эллиду). Я пришелъ поговорить съ нею.

Вангель. Вотъ какъ! Такъ это были вы?.. (Эллидѣ) Мнѣ сказали, что въ домъ заходилъ какой-то чужой господинъ и спрашивалъ тебя.

Неизвѣстный. Да, это былъ я.

Вангель. А что вамъ угодно отъ моей жены? (Оборачиваясь) Ты его знаешь, Эллида?

Эллида (тихо, ломая руки). Знаю ли? Да, да, да!..

Вангель (быстро). Ну?..

Эллида. О! Вѣдь это онъ, Вангель! Онъ самый! Тотъ,—ты знаешь!..

Вангель. Какъ? Что ты говоришь! (Оборачиваясь) Вы тотъ Джонстонъ, который когда-то...

Неизвѣстный. Ну, зовите меня хоть Джонстономъ. Мнѣ все равно. Хотя меня и не такъ зовутъ.

Вангель. Не такъ?

Неизвѣстный. Да, уже не такъ.

Вангель. Но что же вамъ угодно отъ моей жены? Вы же знаете, что дочь смотрителя маяка давно замужемъ. И за кѣмъ — тоже должны знать.

Неизвѣстный. Я уже три года, какъ знаю это.

Эллида (напряженно). Какъ вы узнали это?

Неизвѣстный. Я ѣхалъ домой, къ тебѣ. И мнѣ попалась подъ руку старая газета — здѣшній листокъ. Тамъ я и прочелъ о свадьбѣ.

Эллида (глядя въ пространство). О свадьбѣ... Значитъ, это тогда и было!..

Неизвѣстный. Мнѣ это такъ странно показалось. Вѣдь ты уже была обвѣнчана, Эллида. Помнишь кольца?..

Эллида (со стономъ, закрывая лицо руками). О!..

Вангель. Какъ вы осмѣливаетесь?..

Неизвѣстный. Ты развѣ забыла объ этомъ?

Эллида (чувствуя на себѣ его взглядъ, не выдерживаетъ). Не глядите же на меня такъ!

Вангель (становясь передъ нимъ). Вамъ слѣдуетъ обратиться ко мнѣ, а не къ ней. Итакъ, однимъ словомъ — разъ вы знали, какъ обстоитъ дѣло — что вамъ въ сущности тутъ понадобилось? Зачѣмъ вы явились разыскивать мою жену?

Неизвѣстный. Я обѣщалъ Эллидѣ вернуться, какъ только можно будетъ.

Вангель. Эллидѣ!.. Опять Эллидѣ!

Неизвѣстный. А Эллида обѣщала мнѣ дождаться меня.

Вангель. Вы называете мою жену просто по имени. У насъ здѣсь это не принято.

Неизвѣстный. Знаю. Но разъ она прежде всего моя...

Вангель. Ваша? Все-таки!..

Эллида (прячась за Вангеля). О!.. Онъ меня никогда не выпуститъ!

Вангель. Ваша! Вы говорите, она ваша?

Неизвѣстный. Она вамъ разсказывала о двухъ кольцахъ? Моемъ и ея?

Вангель. Ну да. Но что-жъ изъ этого? Она порвала съ вами потомъ. Вы же получили ея письма. Сами знаете.

Неизвѣстный. Мы съ Эллидой порѣшили, что, соединяя наши кольца, мы навсегда соединили и наши жизни, какъ бы обвѣнчались.

Эллида. Но я не хочу, слышите вы, не хочу! Я знать не хочу васъ больше! Никогда! Не глядите на меня такъ! Я не хочу, говорятъ вамъ!

Вангель. Вы, должно-быть, не въ своемъ умѣ, что основываете свои права на такомъ ребячествѣ.

Неизвѣстный. Дѣйствительно, — правъ, въ томъ смыслѣ, какъ вы ихъ понимаете, у меня нѣтъ.

Вангель. Но чего же вы тогда хотите? Не воображаете ли вы въ самомъ дѣлѣ отнять ее у меня силой? Противъ ея собственной воли?

Неизвѣстный. Нѣтъ. Къ чему? Если Эллида хочетъ быть моей, она должна послѣдовать за мной по доброй волѣ.

Эллида (пораженная). По доброй волѣ!..

Вангель. И вы можете предполагать!..

Эллида (про себя). По доброй волѣ!..

Вангель. Вы прямо помѣшаны. Ступайте своей дорогой. Намъ не о чемъ больше съ вами разговаривать.

Неизвѣстный (смотритъ на свои часы). Мнѣ пора на пароходъ. (Дѣлая шагъ впередъ) Да, Эллида, теперь, значитъ, я выполнилъ свой долгъ. (Еще ближе) Я сдержалъ слово, которое далъ тебѣ.

Эллида (умоляюще отступая въ сторону). Не троньте меня!

Неизвѣстный. Теперь я даю тебѣ срокъ подумать до завтрашняго вечера...

Вангель. Не о чемъ ей думать. Поторопитесь убраться отсюда!

Неизвѣстный (попрежнему обращаясь къ Эллидѣ). Теперь я уѣду на пароходѣ въ заливъ. Но завтра вечеромъ я вернусь и

зайду къ тебѣ. Ты дождешься меня здѣсь въ саду. Я предпочитаю порѣшить дѣло съ тобой одной, — ты понимаешь.

Эллида (тихо, дрожащимъ голосомъ). Ты слышишь, Вангель?

Вангель. Будь спокойна. Мы сумѣемъ помѣшать этому визиту.

Неизвѣстный. Такъ прощай пока, Эллида. Значитъ, завтра вечеромъ.

Эллида (умоляюще). О, нѣтъ, нѣтъ — не приходите завтра! Никогда больше не приходите!

Неизвѣстный. И если ты къ этому времени рѣшишься уѣхать со мной за̀ море...

Эллида. О, не глядите же такъ на меня!

Неизвѣстный. Я хочу только сказать, что въ такомъ случаѣ тебѣ надо быть готовой отправиться въ путь.

Вангель. Ступай къ себѣ, Эллида.

Эллида. Я не могу. О, помоги мнѣ! Спаси меня, Вангель!

Неизвѣстный. Ты должна помнить одно — если ты не послѣдуешь за мной завтра, тогда всему конецъ.

Эллида (вся трепеща, глядитъ на него). Тогда всему конецъ? Навсегда?..

Неизвѣстный (кивая головой). Навсегда, Эллида. Я никогда больше не вернусь въ эти края. Ты никогда не увидишь меня больше. И никогда не услышишь обо мнѣ. Тогда я умру для тебя, исчезну навсегда.

Эллида (тяжело дыша). О!..

Неизвѣстный. Подумай же хорошенько. Прощай. (Перешагнувъ назадъ черезъ загородку, останавливается и говоритъ) Такъ будь завтра вечеромъ готова въ путь, Эллида. Я приду за тобой. (Медленно удаляется по дорожкѣ направо).

Эллида (смотритъ ему вслѣдъ). По доброй волѣ — сказалъ онъ. Подумай, — онъ сказалъ, что я должна послѣдовать за нимъ добровольно!

Вангель. Да успокойся же. Теперь онъ ушелъ. И ты больше его не увидишь.

Эллида. Какъ ты можешь такъ говорить? Онъ вернется завтра вечеромъ.

Вангель. Пусть себѣ. Тебя онъ во всякомъ случаѣ не встрѣтитъ здѣсь.

Эллида (качая головой). О, Вангель, не думай, что можешь помѣшать ему.

Вангель. Дорогая, только положись на меня.

Эллида (задумчиво, не слушая мужа). И если онъ придетъ сюда... завтра вечеромъ... а потомъ уѣдетъ за̀ море?..

Вангель. Ну, и что̀ же?

Эллида. Хотѣлось бы знать — неужели онъ такъ никогда, никогда и не вернется больше?

Вангель. Да, дорогая Эллида, будь спокойна. Да и что же ему больше тутъ дѣлать? Теперь онъ изъ собственныхъ устъ твоихъ услыхалъ, что ты знать его не хочешь. Значитъ, все покончено — разъ навсегда.

Эллида (про себя). Такъ завтра. Или никогда.

Вангель. А если бы онъ и вздумалъ опять явиться сюда...

Эллида (напряженно). Что тогда?

Вангель. Въ нашей власти сдѣлать его безвреднымъ.

Эллида. И не воображай.

Вангель. Въ нашей власти, говорю тебѣ. Если тебѣ нельзя будетъ избавиться отъ него инымъ путемъ, то придется ему поплатиться за убійство капитана.

Эллида (съ горячностью). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никогда! Мы ничего не знаемъ объ убійствѣ! Ровно ничего!

Вангель. Не знаемъ? Когда онъ самъ тебѣ признался!

Эллида. Нѣтъ, ни слова объ этомъ! Если ты скажешь, я отопрусь. Его нельзя запереть въ тюрьму! Онъ сынъ моря. Его стихія — открытое море!

Вангель (глядитъ на нее и медленно говоритъ). Ахъ, Эллида... Эллида!

Эллида (бурно прижимаясь къ нему). О, милый, вѣрный другъ, спаси меня отъ этого человѣка!

Вангель (тихо высвобождаясь). Пойдемъ, пойдемъ со мной.

(Люнгстрандъ и Гильда съ удочками и сачками выходятъ справа).

Люнгстрандъ (быстро направляясь къ Эллидѣ). Ахъ, нѣтъ, вы только послушайте, фру Вангель... Удивительно!

Вангель. Что такое?

Люнгстрандъ. Подумайте... мы видѣли американца!

Вангель. Американца?

Гильда. Да, и я его видѣла.

Люнгстрандъ. Онъ обогнулъ садъ и потомъ отправился на англійскій пароходъ.

Вангель. Откуда вы знаете этого человѣка?

Люнгстрандъ. Я плавалъ съ нимъ. Но я былъ увѣренъ, что онъ утонулъ. И вдругъ живехонекъ!

Вангель. Не извѣстны ли вамъ какія-нибудь подробности о немъ?

Люнгстрандъ. Нѣтъ. Но онъ, должно-быть, явился мстить своей невѣрной женѣ.

Вангель. Что такое вы говорите?

Гильда. Люнгстрандъ собирается воспользоваться имъ для художественнаго произведенія.

Вангель. Ничего не понимаю...

Эллида. Я разскажу тебѣ потомъ.

(На дорожкѣ за садовой загородкой показываются Арнгольмъ съ Болеттой).

Болетта (кричитъ имъ въ садъ). Идите сюда смотрѣть! Англійскій пароходъ уходитъ въ заливъ.

(Большой пароходъ проплываетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи).

Люнгстрандъ (Гильдѣ, стоя около загородки). Ночью онъ, вѣрно, нагрянетъ къ ней.

Гильда (кивая). Къ невѣрной женѣ моряка, — да.

Люнгстрандъ. Подумайте — въ полночь!

Гильда. Вотъ жутко-то, должно-быть!.. И интересно!

Эллида (глядя вслѣдъ уходящему пароходу). Значитъ, завтра...

Вангель. И конецъ, навсегда.

Эллида (тихо, дрожащимъ голосомъ). О, Вангель... спаси меня отъ самой себя!..

Вангель (тревожно глядитъ на нее). Эллида!.. Я чувствую... тутъ что-то есть еще...

Эллида. Есть... манящая, влекущая сила.

Вангель. Влекущая?..

Эллида. Этотъ человѣкъ — что̀ море. (Медленно, задумчиво направляется по саду налѣво. Вангель въ волненіи слѣдуетъ за нею, испытующе глядя на нее).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната, примыкающая къ верандѣ. Налѣво и направо по двери. Въ задней стѣнѣ два окна, и между ними открытая стеклянная дверь на веранду. Въ дверь видна и часть сада. Въ комнатѣ налѣво столъ и диванъ, направо фортепіано, а подальше большая жардиньерка съ цвѣтами; посреди комнаты круглый столъ, обставленный стульями; на этомъ столѣ цвѣтущій розанъ и другіе комнатные цвѣты въ горшкахъ. Время предобѣденное.

Около стола налѣво, на диванѣ, сидитъ за вышиваньемъ Болетта. У другого конца стола на стулѣ Люнгстрандъ. Въ саду сидитъ и пишетъ Баллестэдъ, а возлѣ него стоитъ и глядитъ на его работу Гильда.

Люнгстрандъ (положивъ руки на столъ, нѣкоторое время молча слѣдитъ за работой Болетты). Должно-быть, страсть трудно вышивать такіе узоры, фрёкенъ Вангель?

Болетта. О, нѣтъ. Не особенно. Только повнимательнѣе вести счетъ...

Люнгстрандъ. Счетъ? Еще и считать надо?

Болетта. Да, стежки. Вотъ глядите.

Люнгстрандъ. Вѣрно! Подумайте! Тоже, значитъ, въ родѣ искусства. Вы и рисуете?

Болетта. Да, съ образцовъ.

Люнгстрандъ. А такъ—нѣтъ?

Болетта. Нѣтъ, такъ не умѣю.

Люнгстрандъ. Тогда это все-таки не настоящее искусство.

Болетта. Нѣтъ; это скорѣе — прикладное.

Люнгстрандъ. Но, я думаю, вамъ, пожалуй, далось бы и настоящее искуство.

Болетта. А если у меня нѣтъ никакихъ задатковъ?

Люнгстрандъ. Все равно. Если бы вы постоянно могли бывать вмѣстѣ съ настоящимъ художникомъ...

Болетта. По-вашему, я бы научилась отъ него?

Люнгстрандъ. Не то чтобы научились—обыкновеннымъ путемъ. Но, я думаю, оно понемножку передалось бы вамъ. Въ родѣ какъ бы чудомъ, фрёкенъ Вангель.

Болетта. Это было бы странно.

Люнгстрандъ (немного погодя). Вы думали когда-нибудь... То-есть, думали вы когда-нибудь... этакъ... въ серьезъ, основательно о бракѣ, фрёкенъ?

Болетта (мелькомъ взглянувъ на него). О бра..? Нѣтъ.

Люнгстрандъ. А я такъ думалъ.

Болетта. Вотъ какъ? Думали?

Люнгстрандъ. Да-а. Я частенько раздумываю о такихъ вещахъ. Особенно о бракѣ. Ну, и читалъ объ этомъ въ разныхъ книжкахъ. По-моему, и бракъ въ родѣ чуда. Жена этакъ понемножку передѣлывается, становится похожей на мужа.

Болетта. То-есть ей передаются его интересы?

Люнгстрандъ. Вотъ-вотъ.

Болетта. Ну, а его дарованія? Способности и умѣніе?

Люнгстрандъ. Гм... да... пожалуй, и это все...

Болетта. Такъ, по-вашему, и все, что онъ вычиталъ... или до чего самъ додумался... тоже можетъ передаться его женѣ?

Люнгстрандъ. Да, и это. Понемножку. Въ родѣ какъ чудомъ. Но, конечно, такъ бываетъ только въ настоящемъ, вѣрномъ, любовномъ и счастливомъ супружескомъ союзѣ.

Болетта. А вамъ никогда не приходило въ голову, что и мужу можетъ кое-что передаться отъ жены?.. И онъ можетъ стать похожимъ на нее — хочу я сказать?

Люнгстрандъ. Мужъ? Нѣтъ, этого я не думаю.

Болетта. Почему же? Если это можетъ случиться съ одной стороной, то и съ другой.

Люнгстрандъ. Нѣтъ. У мужчины вѣдь бываетъ свое призваніе къ жизни. И это придаетъ мужчинѣ твердость и стойкость, фрёкенъ Вангель. У него есть свое жизненное призваніе.

Болетта. У каждаго?

Люнгстрандъ. О, нѣтъ. Я больше насчетъ художниковъ.

Болетта. По-вашему, художнику слѣдуетъ жениться?

Люнгстрандъ. Да, мнѣ кажется, да. Разъ только онъ найдетъ женщину, которую полюбитъ искренно, то...

Болетта. Я все-таки думаю, что художнику лучше жить исключительно для своего искусства.

Люнгстрандъ. Ну да, такъ и должно быть. Но женитьба вѣдь не мѣшаетъ этому.

Болетта. А она-то при чемъ же будетъ?

Люнгстрандъ. Она? Какъ это?..

Болетта. Та, на которой онъ женится, — она для чего же будетъ жить?

Люнгстрандъ. И она будетъ жить для его искусства. По-моему, это можетъ составить настоящее счастье женщины.

Болетта. Гм... Право, не знаю...

Люнгстрандъ. Повѣрьте мнѣ, фрёкенъ. И это не только потому, что она можетъ гордиться славой и почетомъ мужа... Это, по-моему, вовсе не важно. А вотъ то, что она можетъ помогать ему творить... можетъ облегчать ему работу, заботясь о немъ, ухаживая за нимъ и стараясь скрасить ему жизнь—вотъ это, по-моему, прекрасная задача для женщины!

Болетта. Ахъ, вы сами не знаете, до чего вы себялюбивы!

Люнгстрандъ. Я себялюбивъ? Господи Боже мой!.. Знали бы вы меня немножко получше... (Наклоняясь къ ней) Фрёкенъ Вангель... когда меня не будетъ съ вами... а это вѣдь не за горами...

Болетта (съ участіемъ глядя на него). Ну, не надо поддаваться такимъ грустнымъ мыслямъ.

Люнгстрандъ. Въ сущности, тутъ нѣтъ ничего такого особенно грустнаго, по-моему.

Болетта. Да вы что, собственно, хотѣли сказать?

Люнгстрандъ. Я же уѣзжаю черезъ мѣсяцъ. Отсюда, то-есть. А потомъ, значитъ, отправлюсь на югъ.

Болетта. А, такъ. Ну, хорошо.

Люнгстрандъ. Будете вы тогда хоть изрѣдка вспоминать обо мнѣ, фрёкенъ?

Болетта. Съ удовольствіемъ.

Люнгстрандъ (радостно). Обѣщаете?

Болетта. Обѣщаю.

Люнгстрандъ. Свято и ненарушимо, фрёкенъ Болетта?

Болетта. Свято и ненарушимо. (Перемѣнивъ тонъ) А къ чему это, въ сущности? Все равно ни къ чему не поведетъ.

Люнгстрандъ. Какъ можно такъ говорить! Для меня было бы такой радостью знать, что вы тутъ думаете обо мнѣ.

Болетта. А дальше что?

Люнгстрандъ. Дальше я и самъ еще не знаю хорошенько...

Болетта. И я не знаю. Тутъ столько всякихъ помѣхъ... Все, все мѣшаетъ... по-моему.

Люнгстрандъ. А вдругъ какое-нибудь чудо? Счастливый поворотъ судьбы... или что-нибудь въ этомъ родѣ? Право, я думаю, мнѣ вообще везетъ.

Болетта (оживленно). Правда? Вы думаете?

Люнгстрандъ. Твердо вѣрю. И вотъ... черезъ нѣсколько лѣтъ... когда я вернусь на родину знаменитымъ скульпторомъ, со средствами и въ полномъ здоровьѣ...

Болетта. Да, да, конечно; будемъ надѣяться.

Люнгстрандъ. Надѣйтесь твердо. Только бы вы думали обо мнѣ постоянно, отъ всего сердца, пока я буду въ теплыхъ краяхъ. Да вы вѣдь уже обѣщали мнѣ.

Болетта. Обѣщала. (Качая головой) Но все-таки это, вѣрно, ни къ чему не поведетъ.

Люнгстрандъ. Нѣтъ, фрёкенъ Болетта, хоть къ тому поведетъ, что мнѣ легче будетъ работать, и я скорѣе создамъ что-нибудь такое.

Болетта. Вы думаете?

Люнгстрандъ. Я это чувствую. Да, мнѣ кажется, и вамъ будетъ веселѣе... въ этой глуши... разъ вы будете знать, что вы въ родѣ какъ бы помогаете мнѣ творить.

Болетта (смотритъ на него). Ну... а вы-то, съ своей стороны?

Люнгстрандъ. Я?..

Болетта (глядя въ садъ). Тсс! Поговоримъ о другомъ. Инспекторъ идетъ.

(Аргольмъ показывается въ саду слѣва, останавливается и разговариваетъ съ Гильдой и Баллестэдомъ).

Люнгстрандъ. Вы любите своего стараго учителя, фрёкенъ Болетта?

Болетта. Люблю ли его?

Люнгстрандъ. Ну да, расположены вы къ нему?

Болетта. Да, да. Онъ чудесный человѣкъ; его хорошо имѣть другомъ и совѣтчикомъ. И онъ всегда готовъ помочь, гдѣ и чѣмъ можетъ.

Люнгстрандъ. Странно, что онъ не женатъ.

Болетта. По-вашему, странно?

Люнгстрандъ. Да. Говорятъ, онъ человѣкъ обезпеченный.

Болетта. Вѣроятно. Но ему, вѣрно, все не удавалось найти такую особу, которая согласилась бы выйти за него.

Люнгстрандъ. Почему такъ?

Болетта. Да онъ вѣдь былъ учителемъ почти всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ знавалъ. Онъ самъ говоритъ.

Люнгстрандъ. Такъ что-жъ изъ этого?

Болетта. Но, Боже мой, кто же выйдетъ замужъ за своего учителя!

Люнгстрандъ. По-вашему, молодая дѣвушка не можетъ влюбиться въ своего учителя?

Болетта. Нѣтъ; не тогда, когда она уже взрослая.

Люнгстрандъ. Скажите пожалуйста!

Болетта (предостерегающе). Тсс... тсс!..

(Баллестэдъ тѣмъ временемъ собралъ съ помощью Гильды свои вещи и уходитъ съ ними направо. Арнгольмъ подымается на веранду и входитъ въ комнату).

Арнгольмъ. Здравствуйте, дорогая Болетта. Здравствуйте, господинъ... господинъ... гм... (Съ недовольнымъ видомъ, холодно киваетъ Люнгстранду, который встаетъ и раскланивается).

Болетта (встаетъ и идетъ навстрѣчу Арнгольму). Здравствуйте, господинъ инспекторъ.

Арнгольмъ. Ну, какъ у васъ сегодня?

Болетта. Благодарю, хорошо.

Арнгольмъ. Ваша мачеха и сегодня, пожалуй, купаться пошла?

Болетта. Нѣтъ, она у себя наверху.

Арнгольмъ. Не совсѣмъ здорова?

Болетта. Не знаю. Она заперлась у себя.

Арнгольмъ. Гм... Вотъ какъ?

Люнгстрандъ. Этотъ американецъ, видно, сильно разстроилъ вчера фру Вангель.

Арнгольмъ. Вы почему знаете?

Люнгстрандъ. Да я же разсказалъ ей, что видѣлъ его около сада живехонькаго.

Арнгольмъ. А, такъ.

Болетта (Арнгольму). Вы съ папой, кажется, очень засидѣлись вчера вечеромъ?

Арнгольмъ. Да, порядкомъ. У насъ вышелъ серьезный разговоръ.

Болетта. Удалось вамъ поговорить обо мнѣ и моихъ дѣлахъ?

Арнгольмъ. Нѣтъ, дорогая Болетта. Не пришлось. Онъ былъ всецѣло поглощенъ другимъ.

Болетта (со вздохомъ). О, да... онъ всегда такъ.

Арнгольмъ (многозначительно глядя на нее). Но сегодня мы съ вами хорошенько потолкуемъ объ этихъ дѣлахъ. Гдѣ вашъ отецъ сейчасъ? Его нѣтъ дома?

Болетта. Онъ, вѣрно, въ конторѣ. Я схожу за нимъ.

Арнгольмъ. Нѣтъ, благодарю. Не надо. Я лучше самъ пройду къ нему.

Болетта (прислушиваясь). Погодите, господинъ инспекторъ. Вотъ онъ, кажется, идетъ по лѣстницѣ... Да. Вѣрно, подымался къ ней наверхъ.

(Докторъ Вангель входитъ въ комнату изъ двери налѣво).

Вангель (протягивая руку Арнгольму). Ну, дорогой другъ, вы уже тутъ? Очень мило съ вашей стороны, что пришли пораньше. Мнѣ очень хотѣлось еще потолковать съ вами кое о чемъ.

Болетта (Люнгстранду). Не пойти ли намъ въ садъ, къ Гильдѣ?

Люнгстрандъ. Да, да, съ удовольствіемъ, фрёкенъ.

(Спускаются съ Болеттой съ веранды въ садъ и скрываются между деревьями).

Арнгольмъ (проводивъ ихъ взглядомъ, оборачивается къ Вангелю). Вы хорошо знаете этого молодого человѣка?

Вангель. Совсѣмъ не знаю.

Арнгольмъ. И вы одобряете, что онъ вѣчно толчется тутъ около дѣвочекъ?

Вангель. Развѣ? Я, право, что-то не замѣчалъ.

Арнгольмъ. Однако на такія вещи слѣдовало бы обращать вниманіе, по-моему.

Вангель. Да, пожалуй, вы правы. Но, Господи, что же мнѣ, бѣдному, дѣлать? Дѣвочки ужъ привыкли сами себѣ быть хозяйками. Не поддаются ни мнѣ ни Эллидѣ.

Арнгольмъ. И ей тоже?

Вангель. Да. Къ тому же я не могу и требовать, чтобы она тутъ вмѣшивалась. Это совсѣмъ не по ней. (Обрывая) Но я не о томъ хотѣлъ поговорить съ вами. Скажите мнѣ... вы подумали насчетъ того? Насчетъ всего того, о чемъ я вамъ вчера разсказывалъ?

Арнгольмъ. Я со вчерашней ночи, какъ разстался съ вами, только объ этомъ все и думаю.

Вангель. И какого же вы мнѣнія, — что тутъ дѣлать?

Арнгольмъ. Дорогой докторъ, мнѣ кажется, вамъ, какъ врачу, лучше знать.

Вангель. Ахъ, если бы вы только знали, какъ трудно врачу правильно судить о больномъ, который такъ ему дорогъ! Вдобавокъ, это не обычная болѣзнь. Тутъ обыкновенный врачъ не поможетъ... и никакое обыкновенное лѣкарство тоже.

Арнгольмъ. Какъ она сегодня себя чувствуетъ?

Вангель. Я сейчасъ только былъ у нея, и она показалась

мнѣ совершенно спокойной. Но ея никогда не разберешь, какъ слѣдуетъ. Съ виду она бываетъ такая, а въ глубинѣ души таитъ что-то совсѣмъ другое. У нея натура такая... измѣнчивая... непостоянная. На нее никогда нельзя разсчитывать.

Арнгольмъ. Это, вѣрно, происходитъ отъ ея болѣзненнаго душевнаго состоянія.

Вангель. Не только отъ этого. Въ концѣ концовъ это у нея просто врожденное. Эллида — дитя моря. Вотъ въ чемъ вся суть.

Арнгольмъ. Что вы собственно хотите сказать, дорогой докторъ?

Вангель. Вы обращали вниманіе, что люди, родившіеся и выросшіе у открытаго моря, совсѣмъ особые люди? Они какъ будто живутъ жизнью моря. Въ ихъ мысляхъ и чувствахъ тоже бываютъ своего рода волненія... приливы, отливы... И они никогда не прививаются на иной почвѣ. Ахъ, мнѣ слѣдовало бы подумать объ этомъ раньше. Прямо грѣшно было вырвать Эллиду изъ родной почвы и пересадить сюда!

Арнгольмъ. Вы теперь пришли къ этому заключенію?

Вангель. Все больше и больше убѣждаюсь въ этомъ. Но мнѣ, конечно, слѣдовало сказать себѣ это заранѣе. Въ сущности вѣдь я и зналъ это. Но не далъ хорошенько заговорить въ себѣ этому предостерегающему голосу. Я такъ полюбилъ ее, видите ли, — вотъ и думалъ главнымъ образомъ о себѣ самомъ. Непозволительное себялюбіе!

Арнгольмъ. Гм... Всѣ люди, пожалуй, оказываются себялюбивыми въ такихъ случаяхъ. Впрочемъ, въ васъ я никогда не замѣчалъ этого недостатка, докторъ Вангель.

Вангель (спокойно шагая по комнатѣ). Ну, какъ же! Я и потомъ остался такимъ же. Я вѣдь гораздо старше ея. Мнѣ бы слѣдовало быть ей вмѣсто отца, руководителя. Надо было во что бы то ни стало постараться развить и прояснить ея душевную жизнь. Да не тутъ-то было, къ сожалѣнію. У меня не хватило характера, видите ли. Да къ тому же я предпочиталъ брать ее такой, какова она была. Но дѣло шло все хуже да хуже. И я просто не зналъ, какъ быть, за что взяться. (Понизивъ голосъ) Вотъ я и обратился въ моей бѣдѣ къ вамъ, попросилъ васъ пріѣхать.

Арнгольмъ (смотритъ на него съ изумленіемъ). Что такое? Вы за этимъ меня выписали?

Вангель. Да. Но вы не подавайте вида.

Арнгольмъ. Но, ради Бога, дорогой докторъ... чего вы собственно ожидали отъ меня... какой помощи? Я не понимаю.

Вангель. И неудивительно. Я самъ ошибся. Я полагалъ, что Эллида когда-то была къ вамъ неравнодушна. И что втайнѣ она все еще продолжаетъ немножко... Я и думалъ, что, можетъ-быть, ей хорошо будетъ повидаться съ вами, поговорить о родномъ уголкѣ и о быломъ.

Арнгольмъ. Такъ это вы имѣли въ виду вашу супругу, когда писали мнѣ, что здѣсь кто-то ждетъ меня... и, пожалуй, скучаетъ обо мнѣ?

Вангель. Кого же иначе?

Арнгольмъ (быстро). Нѣтъ, нѣтъ, конечно... Но я не понялъ.

Вангель. Вполнѣ естественно. Я самъ, повторяю, ошибся.

Арнгольмъ. И вы еще говорите о себѣ, что себялюбивы!

Вангель. О, на мнѣ лежитъ такой великій грѣхъ, который надо искупить. Мнѣ казалось, что я не смѣю пренебрегать никакимъ средствомъ, разъ только есть надежда, что оно принесетъ ей какое-нибудь облегченіе.

Арнгольмъ. Какъ же вы собственно объясните себѣ власть надъ нею этого незнакомца?

Вангель. Гм... милый другъ... въ этомъ дѣлѣ есть, очевидно, что-то такое, неподдающееся объясненію.

Арнгольмъ. Нѣчто само по себѣ непонятное, вы думаете? Совершенно непостижимое?

Вангель. Во всякомъ случаѣ, до поры до времени.

Арнгольмъ. Вы развѣ вѣрите въ подобное?

Вангель. Ни вѣрю ни отрицаю. Я просто не знаю. Вотъ и оставляю вопросъ открытымъ.

Арнгольмъ. Да, но скажите мнѣ одно: это ея странное... и страшное утвержденіе, что глаза малютки..?

Вангель (горячо). Въ это, насчетъ глазъ, я совершенно не вѣрю. И вѣрить не хочу. Это просто одно ея воображеніе и ничего больше.

Арнгольмъ. А вы обратили вчера вниманіе на глаза этого человѣка?

Вангель. Ну, конечно.

Арнгольмъ. И не нашли никакого сходства?

Вангель (уклончиво). Гм... Боже мой, что мнѣ отвѣтить? Я видѣлъ его въ сумеркахъ... и, кромѣ того, Эллида уже столько наговорила объ этомъ сходствѣ заранѣе, что я просто не знаю, былъ ли я въ состояніи смотрѣть на него вполнѣ безпристрастно.

Арнгольмъ. Да, да, пожалуй, что такъ. Ну, а насчетъ другого? Этого страха и ужаса, которые напали на нее именно въ то самое время, когда этотъ незнакомецъ, повидимому, былъ на пути домой?

Вангель. Да видите ли... это она, пожалуй, тоже вообразила себѣ третьяго-дня. Это вовсе не такъ вдругъ нашло на нее, какъ она теперь утверждаетъ. Она узнала отъ этого Люнгстранда, что Джонстонъ... или Фриманъ... какъ его тамъ... былъ на пути домой три года тому назадъ, въ мартѣ, и вотъ ей представилось, что это душевное смятеніе охватило ее какъ разъ въ то самое время.

Арнгольмъ. А развѣ это не такъ?

Вангель. Ни въ какомъ случаѣ. Симптомы душевной тревоги стали проявляться у нея задолго до того времени. Разыгралось же это дѣйствительно... случайно... какъ разъ въ мартѣ мѣсяцѣ три года тому назадъ.

Арнгольмъ. Значитъ, все-таки!

Вангель. Да, но это объясняется очень просто ея физическимъ состояніемъ... тѣмъ положеніемъ, въ какомъ она тогда какъ разъ находилась.

Арнгольмъ. Значитъ, одно доказательство опровергаетъ другое.

Вангель (ломая руки). И не знать, чѣмъ помочь ей! Не знать, какъ быть! Не видѣть никакого средства!..

Арнгольмъ. Если бы вы рѣшились перемѣнить мѣсто жительства? Переѣхать куда-нибудь? Чтобы она могла жить въ такой обстановкѣ, которая казалась бы ей болѣе родной?

Вангель. Ахъ, дорогой мой, вы думаете, я не предлагалъ ей? Я предлагалъ ей переѣхать въ Шольдвикенъ. Не хочетъ.

Арнгольмъ. И этого не хочетъ?

Вангель. Нѣтъ. Не вѣритъ, чтобы отъ этого была какая-нибудь польза. И, пожалуй, она права.

Арнгольмъ. Гм... и вы съ этимъ готовы согласиться?

Вангель. Да. И наконецъ, какъ подумаю хорошенько, то, въ самомъ дѣлѣ, не знаю даже, какъ это и сдѣлать. Мнѣ кажется, что изъ-за дѣвочекъ нельзя забираться въ такой медвѣжій уголъ. Ради нихъ надо жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все-таки есть какая-нибудь надежда ихъ пристроить.

Арнгольмъ. Пристроить? Васъ это ужъ такъ серьезно заботитъ?

Вангель. Да, но, Боже мой,—надо вѣдь и объ этомъ подумать. А... съ другой стороны, опять... ради моей бѣдной больной Эллиды!.. О, дорогой Арнгольмъ... я, право... во многихъ отношеніяхъ... между. огнемъ и полымемъ.

Арнгольмъ. Насчетъ Болетты вамъ, пожалуй, нѣтъ нужды особенно сокрушаться... (Обрывая) Хотѣлъ бы знать, куда она... куда они направились? (Подходитъ къ открытой двери и выглядываетъ на веранду).

Вангель (подходитъ къ фортепіано). Ахъ, я готовъ на всякія

жертвы... ради нихъ всѣхъ трехъ. Только бы знать, что̀ сдѣлать!

(Эллида входитъ изъ дверей слѣва).

Эллида (быстро идя къ Вангелю). Пожалуйста, не уходи сегодня до обѣда никуда.

Вангель. Нѣтъ, нѣтъ, конечно. Я останусь съ тобой. (Указывая на Арнгольма, который подходитъ къ нимъ) Что̀ же ты не поздороваешься съ нашимъ другомъ?

Эллида (оборачиваясь). А, вы тутъ, господинъ Арнгольмъ? (Протягивая ему руку) Здравствуйте.

Арнгольмъ. Здравствуйте, фру Вангель. Ну, сегодня, значитъ, все-таки не поѣли купаться?

Эллида. Нѣтъ. Нѣтъ. Сегодня нечего и думать. Но, можетъ-быть, вы присядете на минутку?

Арнгольмъ. Нѣтъ, благодарю... не сейчасъ. (Глядя на Вангеля) Я обѣщалъ дѣвочкамъ придти къ нимъ въ садъ.

Эллида. Неизвѣстно, еще найдете ли вы ихъ въ саду. Я никогда не знаю, гдѣ ихъ искать.

Вангель. Ну, онѣ, навѣрно, около пруда.

Арнгольмъ. Да ужъ я какъ-нибудь доберусь до нихъ. (Киваетъ и уходитъ на веранду, а затѣмъ въ садъ направо).

Эллида. Который часъ, Вангель?

Вангель (смотритъ на свои часы). Двѣнадцатый.

Эллида. Двѣнадцатый. А въ одиннадцать, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи придетъ пароходъ. Ахъ, если бы это уже было и прошло!

Вангель (приближаясь къ ней). Дорогая Эллида... я бы хотѣлъ спросить тебя объ одномъ.

Эллида. О чемъ же?

Вангель. Третьяго-дня вечеромъ... на «Обрывѣ»... ты сказала, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ часто вставалъ передъ тобой, какъ живой...

Эллида. Да, такъ и было. Повѣрь мнѣ.

Вангель. Но какъ же онъ тебѣ представлялся?

Эллида. Какъ представлялся?

Вангель. Я хочу сказать, каковъ онъ былъ съ виду, когда вотъ такъ вставалъ передъ твоими глазами?

Эллида. Милый Вангель... ты же самъ знаешь теперь, каковъ онъ.

Вангель. И ты всегда его такимъ и видѣла мысленно?

Эллида. Да, конечно.

Вангель. Именно такимъ, какимъ ты вчера увидала его воочію?

Эллида. Именно, именно.

Вангель. Какъ же тогда ты не узнала его сразу?

Эллида (удивленная). Развѣ я не узнала?

Вангель. Нѣтъ. Ты сама потомъ мнѣ разсказывала, что сначала не догадалась, кто этотъ неизвѣстный.

Эллида (пораженная). Да, да, пожалуй, ты правъ. Какъ это странно, Вангель! Вдругъ я не узнала его сразу!

Вангель. Ты сказала, что только ужъ по глазамъ признала его.

Эллида. О, да, глаза! Глаза!

Вангель. А на «Обрывѣ» ты говорила, что онъ всегда являлся тебѣ такимъ, какимъ ты видѣла его въ минуту разставанія. Десять лѣтъ тому назадъ.

Эллида. Я такъ говорила?

Вангель. Да.

Эллида. Такъ онъ, значитъ, былъ тогда почти такимъ же, какъ теперь.

Вангель. Нѣтъ. Ты совсѣмъ иначе описывала его мнѣ третьяго-дня, на возвратномъ пути домой. Десять лѣтъ тому назадъ онъ, по твоимъ словамъ, былъ безъ бороды и совсѣмъ иначе одѣвался. А затѣмъ булавка съ жемчужиной?.. Вчера ея не было на немъ.

Эллида. Не было.

Вангель (испытующе глядя на нее). Подумай же хорошенько, дорогая Эллида. Или ты больше не помнишь его такимъ, какимъ видѣла въ послѣдній разъ на Браттхаммеренѣ?

Эллида (задумываясь и закрывая глаза на минуту). Не вполнѣ ясно. Нѣтъ,—сегодня даже совсѣмъ не могу припомнить. Вотъ странно!

Вангель. Въ сущности, вовсе не такъ странно. Теперь передъ твоимъ взоромъ выступаетъ новый, соотвѣтствующій дѣйствительности образъ. И онъ заслоняетъ старый, — ты его больше и не видишь.

Эллида. Ты такъ думаешь, Вангель?

Вангель. Да. Онъ заслоняетъ образъ, созданный твоимъ больнымъ воображеніемъ. Такъ что это даже хорошо, что вмѣшалась дѣйствительность.

Эллида. Хорошо! Ты говоришь—хорошо?

Вангель. Да. Это можетъ спасти тебя.

Эллида (садясь на диванъ). Вангель... поди сюда, присядь. Я скажу тебѣ все, что думаю.

Вангель. Да, да, дорогая. (Садится на стулъ по другую сторону стола).

Эллида. Въ сущности... большое несчастье... для насъ обоихъ... что мы съ тобой сошлись.

Вангель (пораженный). Что ты говоришь!

Эллида. О, да. Это такъ. И оно понятно. И выйти изъ этого ничего не могло, кромѣ несчастья. Судя по тому, *какъ* мы съ тобой сошлись.

Вангель. Да что же тутъ было... такого?

Эллида. Слушай, Вангель... не къ чему намъ продолжать лгать самимъ себѣ... и другъ другу.

Вангель. Да развѣ мы это дѣлаемъ? Лжемъ, ты говоришь?

Эллида. Да, лжемъ. Или во всякомъ случаѣ... мы скрываемъ истину. Потому что истина... чистая, неподкрашенная истина въ томъ, что ты явился и... купилъ меня.

Вангель. Купилъ!.. Ты говоришь—купилъ!

Эллида. О, и я поступила не лучше тебя. Я продалась. Взяла и продалась тебѣ.

Вангель (глядитъ на нее съ глубокой скорбью). Эллида... и у тебя хватаетъ духу такъ отзываться о нашемъ бракѣ?

Эллида. Другого названія этому и нѣтъ! Ты не могъ больше выносить пустоты въ своемъ домѣ. И сталъ приглядывать себѣ новую жену...

Вангель. И новую мать дѣтямъ, Эллида.

Эллида. Пожалуй — кстати. Хотя... ты и не зналъ вовсе, гожусь ли я для этого. Ты вѣдь такъ только видѣлъ меня... поговорилъ со мной раза два... почувствовалъ ко мнѣ влеченіе и...

Вангель. Да, называй, какъ хочешь.

Эллида. А я со своей стороны... Я была безпомощна, одинока.. ни совѣта ни поддержки. Понятно, что я согласилась... когда ты предложилъ мнѣ пристроиться на всю жизнь.

Вангель. Я не такъ смотрѣлъ на дѣло, дорогая. Я отъ чистаго сердца предложилъ тебѣ раздѣлить со мною и съ дѣтьми то немногое, что я могъ назвать своимъ.

Эллида. Да, ты такъ и сдѣлалъ. Но мнѣ-то не слѣдовало соглашаться. Ни за что на свѣтѣ. Я не должна была продавать себя! Лучше самая черная работа... нищета... да по доброй волѣ... по собственному выбору!

Вангель (встаетъ). Такъ эти пять-шесть лѣтъ нашей совмѣстной жизни ты не ставишь ни во что?

Эллида. О, не думай этого, Вангель. Мнѣ такъ хорошо жилось съ тобой, какъ только можно пожелать. Но я не по доброй волѣ вошла въ твой домъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Вангель. Не по доброй волѣ!

Эллида. Нѣтъ. Я послѣдовала за тобой не по доброй волѣ.

Вангель (глухо). А... я припоминаю, на это выраженіе онъ такъ напиралъ вчера.

Эллида. Въ немъ вся суть. Оно освѣтило мнѣ все. И теперь я все вижу ясно.

Вангель. Что ты видишь?

Эллида. Вижу, что наша жизнь съ тобой... это въ сущности не супружество.

Вангель (горько). Ты вѣрно сказала. То, какъ мы теперь живемъ съ тобой—это не супружество.

Эллида. И прежде не было. Никогда. Съ самаго начала. (Глядя передъ собой) А вотъ *то*, — *то* могло бы стать настоящимъ супружествомъ.

Вангель. То?.. Что ты хочешь сказать?

Эллида. Жизнь съ нимъ.

Вангель (съ изумленіемъ глядя на нее). Я тебя совершенно не понимаю!

Эллида. Ахъ, милый, не будемъ же лгать другъ другу и самимъ себѣ.

Вангель. Ну, не будемъ. Но что же дальше?

Эллида. Видишь ли... никакъ нельзя отдѣлаться отъ того... что обѣщаніе, данное по доброй волѣ, такъ же связываетъ, какъ бракъ.

Вангель. Да помилуй!..

Эллида (вскочивъ, страстно). Позволь мнѣ уѣхать отъ тебя, Вангель!

Вангель. Эллида!.. Эллида!..

Эллида. Да, да... только позволь! Повѣрь мнѣ... все равно ничего другого не остается. Въ силу того, какъ мы сошлись.

Вангель (подавляя свое горе). Вотъ до чего дошло!

Эллида. Должно было дойти. Иначе и быть не могло.

Вангель (удрученно глядитъ на нее). Значитъ, я не обрѣлъ тебя за всѣ эти годы нашей совмѣстной жизни? Никогда... никогда ты не была моей вполнѣ!..

Эллида. О, Вангель, — если бы я могла любить тебя такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы! Отъ всего сердца, какъ ты заслуживаешь. Но я чувствую, такъ ясно чувствую — этому не бывать.

Вангель. Итакъ—разводъ? Тебѣ нуженъ формальный, законный разводъ?

Эллида. Милый, ты меня плохо понимаешь. Мнѣ нѣтъ дѣла до формъ. Дѣло тутъ не во внѣшнемъ. Я хочу и добиваюсь одного — чтобы мы оба добровольно согласились освободить другъ друга.

Вангель (съ горечью, медленно кивая головой). Расторгнуть сдѣлку, да?

Эллида (съ живостью). Именно! Расторгнуть сдѣлку!

Вангель. А потомъ, Эллида? Послѣ? Подумала ты, какъ намъ обоимъ быть потомъ, какъ сложится наша жизнь?

Эллида. Это безразлично. Потомъ будь, что будетъ. Я прошу и умоляю тебя, Вангель, объ одномъ... о томъ, что всего важнѣе! Верни мнѣ свободу! Дай мнѣ полную свободу!

Вангель. Эллида... ты предъявляешь ко мнѣ ужасное требованіе. Дай мнѣ хоть срокъ собраться съ мыслями для рѣшенія. Поговоримъ объ этомъ хорошенько другъ съ другомъ. И дай и себѣ время обсудить, взвѣсить, что ты дѣлаешь.

Эллида. Да нѣтъ у насъ времени на это. Мнѣ нужно быть свободной сегодня же!

Вангель. Почему именно?

Эллида. Потому что онъ придетъ сегодня ночью.

Вангель (вздрагивая). Придетъ! Онъ! При чемъ тутъ этотъ чужой человѣкъ?

Эллида. Я хочу встрѣтить его вполнѣ свободной.

Вангель. А что... что ты думаешь сдѣлать потомъ?

Эллида. Я не хочу отговариваться тѣмъ, что я замужемъ. Не хочу прикрываться тѣмъ, что у меня нѣтъ права выбора. Иначе вопросъ не будетъ рѣшенъ по-настоящему.

Вангель. Ты говоришь о выборѣ! О выборѣ, Эллида! О выборѣ въ такомъ дѣлѣ!

Эллида. Да, я должна имѣть право выбора. Имѣть право выбрать одно изъ двухъ. Или... дать ему уѣхать одному... или... самой послѣдовать за нимъ.

Вангель. Понимаешь ли ты сама, что говоришь? Послѣдовать за нимъ! Отдать всю свою судьбу въ его руки!

Эллида. А развѣ я не отдала всю свою судьбу въ *твои* руки? И еще — не долго думая.

Вангель. Пусть. Но онъ! Совсѣмъ неизвѣстный человѣкъ! Ты такъ мало его знаешь!

Эллида. О, тебя я знала, пожалуй, еще того меньше. И все-таки пошла за тобой.

Вангель. Тогда ты во всякомъ случаѣ знала хоть приблизительно, какая жизнь ожидаетъ тебя со мной. Но тутъ? Тутъ? Подумай же хорошенько! Что тебѣ извѣстно объ этомъ? Ничего. Ровно ничего. Ты даже не знаешь, кто онъ или что онъ за человѣкъ.

Эллида (глядя въ пространство). Это правда. Но потому-то мнѣ и жутко такъ...

Вангель. Да, разумѣется, жутко...

Эллида. И потому-то именно, мнѣ кажется, меня такъ и тянетъ къ нему.

Вангель (смотритъ на нее). Потому что тебѣ жутко?

Эллида. Да, именно.

Вангель (подходя ближе). Слушай, Эллида... что же ты собственно подразумѣваешь подъ словомъ «жутко»?

Эллида (подумавъ). Жутко... это когда тебѣ и страшно и сладко, когда тебя и пугаетъ и манитъ вмѣстѣ!

Вангель. И манитъ?

Эллида. Главное, манитъ—по-моему.

Вангель (медленно). Ты сродни морю.

Эллида. Море тоже и пугаетъ и манитъ!

Вангель. И ты тоже. И ты пугаешь и манишь.

Эллида. Тебѣ такъ кажется?

Вангель. Я, видно, никогда не понималъ тебя, какъ слѣдуетъ. Вполнѣ, до глубины души. Начинаю сознавать это теперь.

Эллида. Такъ и верни мнѣ свободу! Порви всякія узы между нами! Я не та, какой ты меня считалъ. Теперь ты самъ это видишь. И теперь мы можемъ разстаться... вполнѣ понявъ другъ друга... и по доброй волѣ.

Вангель (удрученно). Пожалуй, для насъ обоихъ было бы лучше всего—разстаться. Но я не могу все-таки... Ты именно внушаешь мнѣ это смѣшанное чувство, Эллида. И, главное, главное—манишь.

Эллида. Ты говоришь?..

Вангель. Давай переждемъ этотъ день. Вооружимся полнымъ самообладаніемъ. Я не смѣю освободить тебя сегодня. Я не въ правѣ. Не въ правѣ ради тебя самой, Эллида. Я настаиваю на своемъ правѣ и долгѣ быть твоей защитой.

Эллида. Защитой? Противъ чего же тебѣ защищать меня? Мнѣ не угрожаетъ никакое внѣшнее насиліе. Это жуткое чувство имѣетъ болѣе глубокіе корни, Вангель. Влеченіе живетъ въ глубинѣ моей души. И что же ты съ нимъ подѣлаешь?

Вангель. Я могу подкрѣпить, поддержать тебя въ борьбѣ съ нимъ.

Эллида. Да,—если бы я хотѣла бороться съ нимъ.

Вангель. Такъ ты не хочешь?

Эллида. Ахъ, я сама не знаю!

Вангель. Сегодня ночью все рѣшится, дорогая...

Эллида (порывисто). Да, подумай! Рѣшительная минута такъ близка. Рѣшеніе на всю жизнь!

Вангель. ...А завтра...

Эллида. Да, завтра,—завтра, быть-можетъ, моя настоящая будущность будетъ загублена!

Вангель. Твоя настоящая?..

Эллида. Цѣльная, полная жизнь—на свободѣ—будетъ для меня потеряна! И, можетъ-быть, для него тоже.

Вангель (понижая голосъ и хватая ее за руку). Эллида, ты любишь этого неизвѣстнаго?

Эллида. Люблю ли?.. Да развѣ я знаю! Я знаю только, что онъ вызываетъ во мнѣ это смѣшанное чувство и что...

Вангель. ...Что?..

Эллида (вырвавъ руку). ...И мнѣ сдается, что мы съ нимъ пара!

Вангель (опуская голову). Я начинаю понимать, въ чемъ здѣсь суть.

Эллида. И чѣмъ же ты можешь помочь мнѣ? Какой совѣтъ мнѣ подашь?

Вангель (удрученно глядитъ на нее). Завтра его, значитъ, уже не будетъ. Завтра несчастье будетъ отведено отъ твоей головы. И тогда я готовъ освободить тебя. Мы расторгнемъ сдѣлку, Эллида.

Эллида. О, Вангель!.. Завтра будетъ уже поздно!

Вангель (глядя въ садъ). Дѣти!.. Дѣти!.. Хоть ихъ пощадимъ—пока.

(Арнгольмъ, Болетта, Гильда и Люнгстрандъ показываются въ саду. Люнгстрандъ прощается и уходитъ налѣво. Остальные входятъ въ комнату).

Арнгольмъ. Вотъ, скажу я вамъ, погуляли мы и настроили плановъ...

Гильда. Мы собираемся вечеромъ кататься на лодкѣ и...

Болетта. Нѣтъ, не надо говорить!

Вангель. И мы тутъ сидѣли и строили планы.

Арнгольмъ. А, въ самомъ дѣлѣ?

Вангель. Эллида завтра уѣзжаетъ въ Шольдвикенъ на нѣкоторое время.

Болетта. Уѣзжаетъ?..

Арнгольмъ. Вотъ это умно придумано, фру Вангель.

Вангель. Эллиду потянуло въ родныя мѣста. Къ морю.

Гильда (бросаясь къ Эллидѣ). Уѣзжаешь! Уѣзжаешь отъ насъ?

Эллида (въ испугѣ). Но, Гильда! Что съ тобой?

Гильда (овладѣвъ собой). Нѣтъ, ничего. (Вполголоса, отворачиваясь отъ нея) Уѣзжай себѣ.

Болетта (тревожно). Папа... я вижу... и ты уѣдешь въ Шольдвикенъ?

Вангель. И не думаю! Такъ, развѣ, буду заглядывать туда отъ времени до времени...

Болетта. А къ намъ сюда?..

Вангель. И сюда тоже...

Болетта. ...Отъ времени до времени—да?

Вангель. Милочка, такъ надо. (Ходитъ по комнатѣ).

Арнгольмъ (шопотомъ). Мы поговоримъ потомъ, Болетта. (Подходитъ къ Вангелю и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ).

Эллида (вполголоса Болеттѣ). Что это съ Гильдой? Она прямо на себя непохожа.

Болетта. Ты никогда не замѣчала, что Гильда всегда только одного и жаждала...

Эллида. Жаждала?

Болетта. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты вошла къ намъ въ домъ?..

Эллида. Нѣтъ, нѣтъ... Чего же?

Болетта. Ласковаго слова отъ тебя.

Эллида. А!.. Такъ я могла тутъ быть нужна! (Заламываетъ руки надъ головой и неподвижно смотритъ въ пространство, обуреваемая мыслями и чувствами).

(Вангель и Арнгольмъ ходятъ по комнатѣ, разговаривая шопотомъ. Болетта идетъ и заглядываетъ въ комнату направо, затѣмъ распахиваетъ туда двери).

Болетта. Папочка... обѣдъ на столѣ. Если ты...

Вангель (дѣлая надъ собой усиліе). Развѣ, дѣвочка? Ну, и отлично. Милости просимъ, инспекторъ. Пойдемъ чокнуться на прощанье съ «барыней съ моря». (Всѣ идутъ въ столовую).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Глухой уголокъ сада около пруда. Лѣтнія сумерки постепенно сгущаются.

Арнгольмъ, Болетта, Люнгстрандъ и Гильда въ лодкѣ плывутъ слѣва, вдоль берега пруда, отталкиваясь весломъ.

Гильда. Вотъ тутъ отлично можно выпрыгнуть на берегъ!

Арнгольмъ. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого!

Люнгстрандъ. Я не умѣю прыгать, фрёкенъ.

Гильда. Вы, Арнгольмъ, тоже, конечно, не умѣете?

Арнгольмъ. Предпочелъ бы обойтись безъ этого.

Болетта. Такъ причалимъ къ купальной лѣсенкѣ.

(Плывутъ направо. Въ то же время справа, на дорожкѣ за загородкой показывается Баллестэдъ съ нотами и валторной въ рукахъ. Онъ раскланивается съ компаніей, поворачивается и вступаетъ въ разговоръ. Отвѣтные голоса все удаляются и становятся глуше).

Баллестэдъ. Что вы говорите?.. Да, конечно, въ честь англійскаго парохода. Онъ въ послѣдній разъ приходитъ въ нынѣшнемъ году. Но, если хотите насладиться музыкой, такъ не замѣшкайтесь. (Кричитъ) Что? (Качаетъ головой) Не слышу, что говорите!

(Эллида, въ наброшенной на голову шали, выходитъ слѣва въ сопровожденіи Вангеля).

Вангель. Но, дорогая Эллида, увѣряю тебя, времени еще много.

Эллида. Нѣтъ, нѣтъ, онъ каждую минуту можетъ придти.

Баллестэдъ (за загородкой). Здравствуйте, господинъ докторъ! Здравствуйте, фру Вангель!

Вангель (замѣтивъ его). А, это вы тамъ? И сегодня будетъ музыка?

Баллестэдъ. Да. Нашъ кружокъ даетъ концертъ. Недостатка въ торжественныхъ случаяхъ въ эту пору года нѣтъ. Сегодня мы играемъ въ честь англичанина.

Эллида. Англичанина? Онъ уже въ виду?

Баллестэдъ. Нѣтъ еще. Но онъ вѣдь идетъ шхерами. Не успѣемъ оглянуться—онъ будетъ тутъ какъ тутъ.

Эллида. Да, вѣрно.

Вангель (полуобращаясь къ Эллидѣ). Это послѣдній рейсъ. Больше онъ не придетъ.

Баллестэдъ. Грустная мысль, господинъ докторъ. Ну вотъ, мы и хотимъ чествовать его сегодня. Увы и ахъ! Скоро и красному лѣту конецъ. Скоро будутъ «закрыты всѣ заливы», какъ говорится въ одной драмѣ.

Эллида. «Закрыты всѣ заливы»—да!

Баллестэдъ. Подумать грустно. Цѣлые недѣли и мѣсяцы мы наслаждались лѣтомъ. Трудновато примириться съ наступающею мрачною порою. По крайней мѣрѣ вначалѣ—хочу я сказать. Потому что человѣкъ алки... акклиматизируется, фру Вангель. Право слово! (Кланяется и уходитъ по дорожкѣ налѣво).

Эллида (глядя напряженно въ сторону фьорда). Ахъ, это мучительное напряженное ожиданіе! Эти лихорадочные послѣдніе полчаса до наступленія рѣшительной минуты!

Вангель. Такъ ты твердо стоишь на своемъ,—хочешь сама говорить съ нимъ?

Эллида. Я должна сама говорить съ нимъ. Должна же я сдѣлать свой выборъ свободно, по доброй волѣ.

Вангель. У тебя нѣтъ выбора, Эллида. Тебѣ не позволятъ выбирать. Я не позволю.

Эллида. Выбору тебѣ никогда не помѣшать. Ни тебѣ ни кому другому. Ты можешь запретить мнѣ ѣхать съ нимъ, слѣдовать за нимъ, если я это выберу. Ты можешь удержать меня силой, противъ моей воли. Это ты можешь. Но сдѣлать мой выборъ въ душѣ — выбрать его, а не тебя, если я захочу и должна буду сдѣлать такой выборъ, — этому помѣшать ты не можешь.

Вангель. Да, правда твоя. Тутъ я не могу помѣшать тебѣ.

Эллида. И къ тому же мнѣ не за что ухватиться, чтобы

устоять. Тутъ дома ничто меня не манитъ, не привязываетъ. У меня нѣтъ тутъ корней, Вангель. Дѣти не принадлежатъ мнѣ... то-есть сердца ихъ. И никогда не принадлежали... При отъѣздѣ отсюда,—если я уѣду, или съ нимъ сегодня ночью, или въ Шольдвикенъ завтра утромъ, — мнѣ не придется даже сдать ни единаго ключа... отдать какого-либо распоряженія на будущее время... Вотъ до чего я была лишена всякой почвы въ твоемъ домѣ! Стояла совершенно въ сторонѣ ото всего, съ первой же минуты, какъ вступила въ него.

Вангель. Ты сама такъ хотѣла.

Эллида. Нѣтъ. Я ни хотѣла ни не хотѣла этого. Я просто оставила все, какъ было до меня. Это ты — не кто другой, какъ ты—хотѣлъ, чтобы все было такъ.

Вангель. Я думалъ устроить все къ лучшему для тебя.

Эллида. О, да, Вангель, я хорошо знаю. Но вотъ и возмездіе за это. Кара. Теперь меня ничто не связываетъ... не удерживаетъ... и не поддерживаетъ... Я не чувствую никакого влеченія къ тому, что должно было бы быть нашимъ общимъ сокровеннымъ достояніемъ.

Вангель. Вижу, вижу, Эллида. И потому ты съ завтрашняго дня станешь опять свободной. Заживешь своей собственной жизнью.

Эллида. Своей собственной жизнью? О, нѣтъ, я вышла изъ колеи своей собственной, настоящей жизни, когда согласилась на совмѣстную жизнь съ тобой. (Ломая руки въ страхѣ и тревогѣ) И вотъ... сегодня ночью... черезъ полчаса... явится онъ... кому я измѣнила... кому должна была бы оставаться вѣрной до конца, какъ онъ оставался вѣренъ мнѣ! Онъ явится и предложитъ мнѣ... въ первый и послѣдній разъ — зажить новой жизнью... настоящей жизнью... которая пугаетъ и манитъ... и отъ которой я не могу отказаться! Не могу отказаться по доброй волѣ!

Вангель. Именно потому-то и нужно, чтобы твой мужъ... и вмѣстѣ съ тѣмъ твой врачъ... отнялъ у тебя власть... и дѣйствовалъ за тебя.

Эллида. Да, Вангель, я это хорошо понимаю. И, повѣрь, бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что для меня было бы спасеніемъ прибѣгнуть къ тебѣ... и попытаться устоять противъ всѣхъ манящихъ и пугающихъ силъ. Но я и этого не могу. Нѣтъ, нѣтъ, не могу!..

Вангель. Пойдемъ, Эллида, походимъ немножко вмѣстѣ.

Эллида. Я бы съ радостью. Да не смѣю. Онъ велѣлъ дожидаться его здѣсь.

Вангель. Пойдемъ. Времени еще довольно.

Эллида. Ты думаешь?

Вангель. Вполнѣ достаточно, говорю я.

Эллида. Тогда походимъ немножко. (Уходятъ по первой дорожкѣ направо. Въ то же время Арнгольмъ и Болетта показываются на берегу пруда).

Болетта (замѣтивъ уходящихъ). Посмотрите...

Арнгольмъ (понизивъ голосъ). Тсс... Пусть ихъ уйдутъ.

Болетта. Вы въ состояніи понять, что̀ такое происходитъ между ними въ послѣдніе дни?

Арнгольмъ. Вы что-нибудь замѣтили?

Болетта. Еще бы!

Арнгольмъ. Что-нибудь особенное?

Болетта. Да, конечно. Много кое-чего. А вы не замѣтили?

Арнгольмъ. Не знаю, право...

Болетта. Ну, разумѣется, замѣтили. Только не хотите признаться.

Арнгольмъ. Я думаю, вашей мачехѣ хорошо было бы прокатиться.

Болетта. Вы думаете?

Арнгольмъ. Да мнѣ сдается, что и для всѣхъ было бы хорошо, если-бъ она отъ времени до времени уѣзжала ненадолго.

Болетта. Если она уѣдетъ завтра къ себѣ въ Шольдвикенъ, она, вѣрно, никогда ужъ больше къ намъ не вернется.

Арнгольмъ. Но, дорогая Болетта, съ чего вы взяли?

Болетта. О, я твердо увѣрена. Вотъ посмотрите. Увидите—не вернется. Во всякомъ случаѣ—пока мы съ Гильдой останемся здѣсь.

Арнгольмъ. И Гильда мѣшаетъ?

Болетта. Ну, пожалуй, съ Гильдой-то еще какъ-нибудь сладилось бы. Она вѣдь еще почти ребенокъ. И въ сущности, мнѣ кажется, обожаетъ Эллиду. Но со мной — дѣло другое. Если мачеха немногимъ старше падчерицы...

Арнгольмъ. Дорогая Болетта... вамъ, пожалуй, уже недолго сидѣть дома.

Болетта (съ живостью). Что̀ вы говорите? Такъ вы имѣли объ этомъ разговоръ съ папой?

Арнгольмъ. Да, мы говорили и объ этомъ.

Болетта. И что̀ же онъ, что̀ же?

Арнгольмъ. Гм... Вашъ отецъ вѣдь такъ поглощенъ всѣ эти дни другими мыслями...

Болетта. Да, да, я же вамъ напередъ говорила.

Арнгольмъ. Но столько-то я все-таки вывѣдалъ у него, что вамъ, пожалуй, нечего разсчитывать на его помощь.

Болетта. Нечего?..

Аргольмъ. Онъ обстоятельно выяснилъ мнѣ свое положеніе. Высказалъ, что ему это совершенно не по средствамъ.

Болетта (съ упрекомъ). И у васъ еще хватило духу морочить меня!

Аргольмъ. Да я и не думалъ, дорогая Болетта. Отъ васъ одной зависитъ—уѣхать отсюда или остаться.

Болетта. Что такое отъ меня зависитъ?

Аргольмъ. Получить возможность поглядѣть на бѣлый свѣтъ. Поучиться всему тому, что васъ особенно интересуетъ. Принять участіе во всемъ томъ, къ чему вы такъ рветесь. Зажить болѣе свѣтлой, счастливой жизнью, Болетта. Что скажете на это?

Болетта (всплеснувъ руками). Господи Боже мой!.. Но это же прямо невозможно. Разъ папа не хочетъ, или не можетъ... А больше у меня нѣтъ никого на свѣтѣ, къ кому бы обратиться за помощью.

Аргольмъ. А вы не могли бы рѣшиться принять дружескую помощь отъ своего ста... отъ бывшаго своего учителя?

Болетта. Отъ васъ, господинъ Аргольмъ! Вы бы хотѣли?..

Аргольмъ. Помочь вамъ? Отъ всего сердца. И словомъ и дѣломъ. Положитесь на меня. Такъ по рукамъ? А? Хотите?

Болетта. Хочу ли? Вырваться отсюда... увидѣть бѣлый свѣтъ... серьезно поучиться чему-нибудь? Достигнуть всего того, что мнѣ казалось только прекрасной недосягаемой мечтой!..

Аргольмъ. Да, все это можетъ стать теперь для васъ дѣйствительностью, если вы только сами пожелаете.

Болетта. И вы хотите помочь мнѣ достигнуть такого невѣроятнаго счастья! Нѣтъ... скажите мнѣ, смѣю ли я принять такую жертву отъ чужого человѣка?

Аргольмъ. Отъ меня можно, Болетта. Отъ меня можете принять все, что бы то ни было.

Болетта (схвативъ его за руку). Да, и мнѣ кажется, что я могу. Не знаю почему, но... (Обрывая) Ахъ, мнѣ и смѣяться и плакать хочется отъ радости!.. Отъ счастья! О! Такъ я все-таки заживу по-настоящему! А я ужъ начала бояться, что жизнь такъ и пройдетъ мимо меня.

Аргольмъ. Вамъ этого нечего бояться, дорогая Болетта. Но теперь скажите откровенно... васъ тутъ ничто не удерживаетъ, не связываетъ?

Болетта. Связываетъ? Нѣтъ!

Аргольмъ. Никто и ничто?

Болетта. Нѣтъ. То-есть папа, конечно, съ одной стороны. И Гильда. Но...

Арнгольмъ. Ну, съ отцомъ вамъ все равно рано или поздно придется разстаться. И Гильда тоже въ свое время заживетъ своей собственной жизнью. Такъ что разлука съ ними—вопросъ лишь времени. Не больше. Но кромѣ того васъ, слѣдовательно, ничто не привязываетъ и не связываетъ здѣсь, Болетта?

Болетта. Ничто, ничто. Если дѣло только въ этомъ, такъ я могу уѣхать куда угодно.

Арнгольмъ. Ну, если такъ, дорогая Болетта... поѣдемте со мной.

Болетта (хлопая въ ладоши). О, Господи! Какое счастье!

Арнгольмъ. Я надѣюсь, вы вполнѣ довѣряете мнѣ?

Болетта. Еще бы!

Арнгольмъ. Значитъ, вы спокойно ввѣряете мнѣ себя и свое будущее, Болетта? Не такъ ли? Не боитесь?

Болетта. Разумѣется. Да какъ же иначе?.. Какъ вы можете сомнѣваться? Вы — мой старый учитель... мой прежній учитель, хочу я сказать.

Арнгольмъ. Не только поэтому. На это я не особенно упираю... Но... разъ... вы свободны, Болетта... ничѣмъ не связаны... я спрошу васъ... могли бы вы... могли бы вы согласиться связать свою судьбу съ моею... навсегда?

Болетта (отступая въ испугѣ). А!.. Что вы говорите?

Арнгольмъ. На всю жизнь, Болетта. Хотите быть моей женой?

Болетта (какъ бы про себя). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Совсѣмъ невозможно!

Арнгольмъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ невозможно?..

Болетта. Да не можетъ же быть, чтобы вы это серьезно, господинъ Арнгольмъ! (Смотритъ на него) Или... все-таки?.. Вы это и имѣли въ виду, предлагая такъ много сдѣлать для меня?

Арнгольмъ. Выслушайте меня, Болетта. Я, какъ видно, ужъ очень поразилъ васъ.

Болетта. Какъ же иначе? Развѣ могло не поразить меня такое... предложеніе съ вашей стороны?..

Арнгольмъ. Вы правы. Вы не знаете, не могли знать, что я пріѣхалъ сюда ради васъ.

Болетта. Вы пріѣхали сюда... ради меня?

Арнгольмъ. Да, Болетта. Весной я получилъ письмо отъ вашего отца. И въ этомъ письмѣ было одно такое мѣсто, которое подало мнѣ поводъ думать... гм... что вы сохраняете о своемъ бывшемъ учителѣ... болѣе нежели дружескую память.

Болетта. Какъ могъ папа написать такую вещь!

Аргольмъ. Потомъ оказалось, что онъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать. Но я уже сжился съ представленіемъ, что тутъ ждетъ меня и скучаетъ обо мнѣ одна молодая дѣвушка... Нѣтъ, не прерывайте меня, дорогая Болетта. И... вотъ видите... на человѣка не первой молодости, какъ я, такое представленіе или предположеніе... производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. И оно развилось, выросло во мнѣ... въ признательность, въ самое теплое чувство къ вамъ. Мнѣ казалось, что я обязанъ ѣхать къ вамъ. Повидаться съ вами. Сказать вамъ, что раздѣляю чувства, которыя, я воображалъ, вы питаете ко мнѣ.

Болетта. Но разъ вы узнали теперь, что этого нѣтъ! Что это было недоразумѣніе!

Аргольмъ. Все равно, Болетта. Вашъ образъ, запавшій мнѣ въ душу, навсегда уже сохранитъ для меня то обаяніе, которое сообщило ему мое заблужденіе. Вамъ, пожалуй, не понять этого. Но это такъ.

Болетта. Никогда не могла и представить себѣ возможности чего-нибудь подобнаго.

Аргольмъ. Но разъ оказалось, что это возможно?.. Что же вы теперь скажете, Болетта? Не могли ли бы вы рѣшиться... стать моей женой?

Болетта. Ахъ, по-моему, это положительно невозможно, господинъ Аргольмъ. Вы же были моимъ учителемъ. Я не могу себѣ и представить, какъ это я стану къ вамъ въ какія-нибудь другія отношенія.

Аргольмъ. Ну что же... если это кажется вамъ такимъ невозможнымъ... пусть останется по-старому, дорогая Болетта.

Болетта. То-есть?..

Аргольмъ. Я, разумѣется, все-таки остаюсь при своемъ первомъ предложеніи. Я позабочусь, чтобы вы могли увидать свѣтъ. Учиться тому, что васъ особенно интересуетъ. Добиться обезпеченнаго, независимаго положенія. Ваше будущее я также обезпечу, Болетта. Во мнѣ вы всегда будете имѣть добраго, вѣрнаго друга. Будьте увѣрены!

Болетта. Боже мой... господинъ Аргольмъ!.. Теперь это все рѣшительно невозможно!

Аргольмъ. И это тоже невозможно?

Болетта. Вы же сами понимаете! Послѣ того, что вы сказали мнѣ... и послѣ того отвѣта, какой я дала вамъ... Ахъ, вы сами должны понимать, что я теперь не могу уже принять отъ васъ такой огромной помощи! Я ничего не могу принять отъ васъ. Никогда, послѣ всего этого!

Аргольмъ. Вы, значитъ, предпочитаете остаться тутъ и дать жизни пройти мимо?

Болетта. Охъ, и подумать страшно! Невыносимо!

Аргольмъ. Вы хотите отказаться отъ возможности узнать, что творится на свѣтѣ? Отказаться принять участье во всемъ томъ, къ чему, сами говорите, такъ жадно рветесь?.. Сознавать, что тамъ ждетъ васъ такъ безконечно много... и никогда не узнать обо всемъ этомъ, какъ слѣдуетъ?.. Подумайте же, Болетта!

Болетта. Да, да, ваша правда, господинъ Аргольмъ!

Аргольмъ. И потомъ... когда отца вашего не будетъ... остаться, быть-можетъ, совсѣмъ одинокой, безпомощной. Или быть вынужденной выйти замужъ за другого... къ кому вы... пожалуй... тоже не будете питать особеннаго расположенія.

Болетта. О, да, я отлично вижу, какъ справедливо все... все то, что вы говорите. Но тѣмъ не менѣе... Или, впрочемъ, пожалуй?..

Аргольмъ (живо). Ну?..

Болетта (нерѣшительно глядя на него). Пожалуй, это ужъ не такъ невозможно все-таки?..

Аргольмъ. Что, Болетта?

Болетта. Да вотъ это, чтобы я согласилась... на ваше предложеніе.

Аргольмъ. Вы думаете, что все-таки могли бы согласиться?.. Во всякомъ случаѣ, согласитесь хоть доставить мнѣ удовольствіе помочь вамъ, въ качествѣ преданнаго, вѣрнаго друга?

Болетта. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это никогда! Это теперь совершенно невозможно... Нѣтъ, господинъ Аргольмъ... лучше ужъ возьмите меня.

Аргольмъ. Болетта... Такъ вы все-таки хотите!..

Болетта. Да... я думаю... хочу.

Аргольмъ. Значитъ, все-таки хотите быть моей женой?

Болетта. Да, если вамъ все еще кажется, что... что вамъ слѣдуетъ взять меня.

Аргольмъ. Если мнѣ кажется!.. (Схвативъ ея руку) О, благодарю... благодарю, Болетта! А что вы раньше говорили... ваше колебаніе... меня это не пугаетъ. Если сердце ваше еще и не принадлежитъ мнѣ вполнѣ, то мнѣ, вѣрно, удастся завоевать его со временемъ. О, Болетта, я буду носить васъ на рукахъ!

Болетта. И я увижу свѣтъ. Приму участіе въ жизни. Вы обѣщали.

Аргольмъ. И сдержу свое слово.

Болетта. И дадите мнѣ учиться всему, чему мнѣ хочется.

Арнгольмъ. Я самъ буду вашимъ учителемъ. Какъ прежде, Болетта. Помните послѣдній годъ ученья?..

Болетта (тихо, углубившись въ себя). Подумать!.. Сознавать себя свободной... Побывать въ чужихъ краяхъ. И не бояться больше за свое будущее. Не терзаться этими глупыми заботами о кускѣ хлѣба...

Арнгольмъ. Нѣтъ, ни о чемъ такомъ вамъ не придется задумываться. А это... не правда ли, дорогая Болетта... тоже что-нибудь да значитъ? А?

Болетта. Да. Разумѣется. Совершенно вѣрно.

Арнгольмъ (обнимая ее за талію). О, вы увидите, какъ славно, уютно мы устроимся. И какъ хорошо, спокойно, дружно заживемъ съ вами, Болетта!

Болетта. Да, я тоже начинаю... Я думаю въ сущности... что все обойдется. (Смотритъ направо и быстро высвобождается) Ахъ, пожалуйста, не говорите пока ничего!

Арнгольмъ. Что вы, дорогая?

Болетта. Ахъ, тамъ этотъ бѣдный... (Показывая) Видите?

Арнгольмъ. Кто тамъ? Вашъ отецъ?

Болетта. Нѣтъ, молодой скульпторъ. Идетъ съ Гильдой.

Арнгольмъ. А, Люнгстрандъ. Такъ что же?

Болетта. Ахъ, вы знаете, какой онъ слабый, больной.

Арнгольмъ. Если это не одно его воображеніе.

Болетта. Нѣтъ, это вѣрно. Онъ врядъ ли долго протянетъ. Да это, пожалуй, и лучше для него.

Арнгольмъ. Дорогая моя, почему же это можетъ быть лучше?

Болетта. Да потому, что изъ него никогда, вѣрно, не выйдетъ настоящаго художника... Уйдемте, пока они еще не пришли сюда.

Арнгольмъ. Съ удовольствіемъ, дорогая Болетта.

(Гильда и Люнгстрандъ показываются около пруда).

Гильда. Эй, вы, господа! Не угодно ли подождать насъ?

Арнгольмъ. Нѣтъ, мы съ Болеттой лучше пойдемъ впередъ. (Уходитъ съ Болеттой налѣво).

Люнгстрандъ (посмѣиваясь). Страсть какое славное времечко. Всѣ ходятъ парочками. Все вдвоемъ.

Гильда (глядя имъ вслѣдъ). Я готова побожиться, что онъ сватается къ ней.

Люнгстрандъ. Да? Вы что-нибудь такое замѣтили?

Гильда. Еще бы! Нетрудно замѣтить... у кого глаза есть.

Люнгстрандъ. Но фрёкенъ Болетта не пойдетъ за него. Я увѣренъ.

Гильда. Не пойдетъ. Она находитъ, что онъ ужасно постарѣлъ и подурнѣлъ. И думаетъ, что скоро облысѣетъ вдобавокъ.

Люнгстрандъ. Ну, не только потому. И не будь этого, она все равно не пошла бы за него.

Гильда. Вы почему знаете?

Люнгстрандъ. Потому что она обѣщала кому-то другому не забывать его.

Гильда. Только не забывать?

Люнгстрандъ. Пока его не будетъ здѣсь—да.

Гильда. Ну, такъ это, навѣрное, васъ она обѣщала не забывать.

Люнгстрандъ. Что-жъ, очень можетъ быть.

Гильда. Такъ она вамъ обѣщала?

Люнгстрандъ. Да, подумайте, обѣщала! Но вы, пожалуйста, не говорите ей, что знаете объ этомъ.

Гильда. Боже сохрани! Я нѣма, какъ могила.

Люнгстрандъ. По-моему, это такъ мило съ ея стороны.

Гильда. А когда вы потомъ вернетесь... вы, значитъ, сдѣлаете ей предложеніе? И женитесь на ней?

Люнгстрандъ. Нѣтъ, это врядъ ли подойдетъ. Въ первые годы нечего будетъ и думать ни о чемъ такомъ. А когда я со временемъ подвинусь настолько впередъ — она въ нѣкоторомъ родѣ будетъ для меня старовата.

Гильда. А вамъ все-таки хочется, чтобы она не забывала васъ?

Люнгстрандъ. Да, потому что мнѣ это очень полезно. Мнѣ, какъ художнику,—понимаете. А ей это ничего не стоитъ, разъ у нея самой нѣтъ настоящаго призванія въ жизни... Но все-таки это очень мило съ ея стороны.

Гильда. Вы думаете, ваша работа пойдетъ лучше, если вы будете знать, что Болетта помнитъ о васъ?

Люнгстрандъ. Да, мнѣ такъ представляется. Знать, видите ли, что гдѣ-то на свѣтѣ есть молодая, красивая, молчаливая дѣвушка, которая въ глубинѣ души мечтаетъ о тебѣ... Мнѣ кажется, это должно этакъ... этакъ... Я не знаю хорошенько, какъ выразиться.

Гильда. Подстрекать—можетъ-быть, хотите вы сказать?

Люнгстрандъ. Подстрекать? Вотъ-вотъ! Я именно это и хотѣлъ сказать. Или что-то въ этомъ родѣ. (Смотритъ на нее съ минуту) Вы такая умница, фрёкенъ Гильда. Страсть какая умница. Когда я вернусь на родину, вы будете почти такихъ же лѣтъ, какъ теперь ваша сестра. И, пожалуй, похожи на нее, какая она теперь. Пожалуй, даже нравомъ. Такъ что будете въ родѣ какъ бы вы сами и она — въ одномъ лицѣ, такъ сказать.

Гильда. А вамъ бы этого хотѣлось?

Люнгстрандъ. Я не знаю хорошенько. Да, пожалуй, мнѣ

кажется. Но теперь вотъ, на это лѣто, пусть лучше вы останетесь сами собой. Точь въ точь такой, какая вы есть.

Гильда. Такой я вамъ больше нравлюсь?

Люнгстрандъ. Да, вы мнѣ страсть нравитесь именно такой вотъ.

Гильда. Гм... Скажите мнѣ, — вы вѣдь художникъ, — хорошо, по-вашему, что я всегда ношу лѣтомъ свѣтлое?

Люнгстрандъ. По-моему, очень хорошо.

Гильда. Такъ, по-вашему, свѣтлые цвѣта идутъ ко мнѣ?

Люнгстрандъ. Просто прелесть какъ идутъ, на мой вкусъ.

Гильда. А скажите мнѣ—вы, художникъ, — пошло бы мнѣ, по-вашему, черное?

Люнгстрандъ. Черное, фрёкенъ Гильда?

Гильда. Да, все черное. Вы думаете, мнѣ было бы къ лицу?

Люнгстрандъ. Черное, знаете, не такъ подходитъ для лѣта. А, впрочемъ, вамъ и черное, навѣрное, отлично пошло бы къ лицу. Именно къ вашему лицу.

Гильда (глядя въ пространство). Въ черномъ съ головы до ногъ... Черныя кружева... черныя перчатки... и длинный черный крепъ сзади.

Люнгстрандъ. Если бы вы такъ одѣлись, фрёкенъ Гильда, я бы хотѣлъ быть живописцемъ, чтобы написать съ васъ молодую, печальную красавицу-вдову.

Гильда. Или невѣсту, оплакивающую жениха.

Люнгстрандъ. Да, невѣстой вы были бы еще лучше. Но вамъ, небось, не хотѣлось бы надѣть такой нарядъ?

Гильда. Не знаю, право... Только это такъ ужасно интересно.

Люнгстрандъ. Интересно?

Гильда. Да, интересно—представлять себѣ. (Вдругъ указываетъ пальцемъ налѣво) Посмотрите-ка!..

Люнгстрандъ. Англійскій пароходъ! И уже у самой пристани!

(Вангель съ Эллидой показываются около пруда).

Вангель. Увѣряю тебя, дорогая, ты ошибаешься. (Увидавъ Гильду и Люнгстранда) А, вы тутъ? Правда вѣдь, господинъ Люнгстрандъ, его еще не видно?

Люнгстрандъ. Англійскаго парохода?

Вангель. Ну да.

Люнгстрандъ (указывая). Вонъ онъ стоитъ, господинъ докторъ.

Эллида. А!.. Я знала, знала!

Вангель. Пришелъ!

Люнгстрандъ. Подошелъ, какъ тать въ нощи — можно сказать. Совсѣмъ неслышно...

Вангель. Проводите Гильду на пристань. Поскорѣе! Ей, вѣрно, хочется послушать музыку.

Люнгстрандъ. Да мы какъ разъ и собирались туда, господинъ докторъ.

Вангель. Потомъ и мы, пожалуй, придемъ. Немного погодя.

Гильда (шепотомъ Люнгстранду). Вотъ еще парочка. Тоже все вдвоемъ ходятъ.

(Уходитъ съ Люнгстрандомъ черезъ садъ налѣво. Въ теченіе слѣдующей сцены издали, со стороны фьорда, доносятся звуки духового оркестра).

Эллида. Пришелъ. Онъ здѣсь. Да, да... я чувствую.

Вангель. Лучше бы тебѣ уйти, Эллида. Дай я поговорю съ нимъ самъ.

Эллида. О, это невозможно! Невозможно, говорю я. (Вскрикиваетъ) А!.. Вотъ онъ, Вангель!

(Неизвѣстный показывается слѣва и останавливается на дорожкѣ за садовой загородкой).

Неизвѣстный (кланяясь). Добрый вечеръ. Вотъ и я, Эллида.

Эллида. Да, да, да... Часъ насталъ.

Неизвѣстный. Ты готова въ путь? Или нѣтъ?

Вангель. Сами же видите, что нѣтъ.

Неизвѣстный. Я не насчетъ дорожнаго платья или тому подобнаго спрашиваю. И не насчетъ багажа. Все, что ей нужно для дороги, у меня съ собой на пароходѣ. И каюта взята для нея. (Эллидѣ) Такъ я спрашиваю, готова ли ты слѣдовать за мной?.. Добровольно послѣдовать за мной?

Эллида (умоляюще). О, не спрашивайте! Не искушайте!

(Издали доносится звонъ пароходнаго колокола).

Неизвѣстный. Вотъ первый звонокъ на пароходѣ. Говори же—да или нѣтъ?

Эллида (ломая руки). Рѣшеніе! Рѣшеніе на всю жизнь! И никогда уже нельзя будетъ передѣлать!

Неизвѣстный. Никогда. Черезъ полчаса будетъ уже поздно.

Эллида (робко, пытливо смотритъ на него). Почему вы такъ упорно не отступаетесь отъ меня?

Неизвѣстный. Развѣ ты не чувствуешь, какъ я, что мы принадлежимъ другъ другу?

Эллида. Въ силу того обѣта?

Неизвѣстный. Обѣты никого не связываютъ. Ни мужчину ни женщину. Если я такъ упорно не отступаюсь отъ тебя, то потому, что не могу иначе.

Эллида (тихо, дрожащимъ голосомъ). Почему вы не явились раньше?

Вангель. Эллида!

Эллида (порывисто). О-о!.. Эта влекущая, манящая, искусительная власть невѣдомаго! Вся сила моря сосредоточилась тутъ!

(Неизвѣстный переступаетъ черезъ загородку).

Эллида (прячась за Вангеля). Что̀ это? Чего вы хотите?

Неизвѣстный. Я вижу... и слышу по твоему голосу, Эллида... въ концѣ концовъ ты выберешь *меня*.

Вангель (выступая впередъ). У жены моей нѣтъ здѣсь выбора. Я поставленъ и выбирать за нее и защищать ее. Да, защищать. Если вы не удалитесь отсюда... вонъ изъ страны... навсегда... вы знаете, чему вы подвергнетесь?

Эллида. Нѣтъ, нѣтъ, Вангель! Оставь!

Неизвѣстный. Что̀ вы можете сдѣлать мнѣ?

Вангель. Васъ арестуютъ... какъ преступника. Сейчасъ же! Прежде чѣмъ успѣете сѣсть на пароходъ. Я знаю всю правду объ убійствѣ въ Шольдвикенѣ.

Эллида. О, Вангель! Какъ ты можешь!..

Неизвѣстный. Я былъ готовъ къ этому. И потому... (вынимаетъ изъ грудного кармана револьверъ) запасся вотъ этимъ.

Эллида (бросаясь между нимъ и Вангелемъ). Нѣтъ, нѣтъ! Не убивайте его! Лучше меня!

Неизвѣстный. Ни тебя ни его. Будь спокойна. Это для собственной надобности. Я хочу жить и умереть человѣкомъ свободнымъ.

Эллида (съ возрастающимъ возбужденіемъ). Вангель! Дай мнѣ сказать тебѣ... при немъ же. Ты, правда, можешь удержать меня здѣсь. У тебя есть власть и средства. И ты такъ и сдѣлаешь. Но душу мою... помыслы... страстное влеченіе — *ихъ* тебѣ не связать! Они будутъ звать, увлекать меня... къ невѣдомому... непзвѣданному... для чего я создана... и къ чему ты преградилъ мнѣ путь.

Вангель (тихо, скорбно). Я вижу, вижу, Эллида. Шагъ за шагомъ ты ускользаешь отъ меня. Страсть къ безграничному, безконечному и недосягаемому—увлечетъ твою душу въ концѣ концовъ въ безпросвѣтную тьму.

Эллида. О, да, да... я чувствую... надо мной уже какъ будто вѣютъ безшумно черныя крылья.

Вангель. Нельзя доводить тебя до этого. Для тебя нѣтъ другого спасенья. Я во всякомъ случаѣ не вижу другого исхода... И вотъ... вотъ... я расторгаю сдѣлку тутъ же, сейчасъ... Теперь ты можешь свободно... вполнѣ свободно сдѣлать свой выборъ.

Эллида (съ минуту молча смотритъ на него въ упоръ, точно лишенная языка). Такъ ли это, такъ ли? Ты говоришь это искренно? Отъ всего сердца?

Вангель. Да, отъ всего моего истерзаннаго сердца.

Эллида. И ты можешь? Можешь допустить?

Вангель. Могу. Могу потому, что люблю тебя такъ горячо.

Эллида (тихо, дрожащимъ голосомъ). Такъ я могла стать тебѣ такъ близка... такъ дорога!

Вангель. Это сдѣлали годы и совмѣстная жизнь.

Эллида (всплескивая руками). А я... я почти и не замѣчала этого!

Вангель. Твои мысли были заняты другимъ. Но теперь, значитъ, ты вполнѣ свободна отъ всякихъ узъ, связывавшихъ тебя со мной и моимъ домомъ. Со всѣми нами. Теперь ты можешь зажить... своей настоящей жизнью. Теперь ты можешь сдѣлать выборъ вполнѣ свободно, по доброй волѣ... И подъ личной отвѣтственностью, Эллида.

Эллида (хватаясь за голову и глядя въ упоръ на Вангеля). Вполнѣ свободно... и подъ личной отвѣтственностью!.. И подъ личной отвѣтственностью, вдобавокъ?.. Въ этомъ — перерождающая сила!.. (Опять слышенъ звонъ).

Неизвѣстный. Слышишь, Эллида! Это послѣдній звонокъ. Идемъ же!

Эллида (оборачиваясь къ нему, твердо смотритъ на него и говоритъ съ силой). Никогда не пойду я съ вами послѣ этого.

Неизвѣстный. Не пойдешь?

Эллида (крѣпко прижавшись къ Вангелю). О, никогда не уйду я отъ тебя послѣ этого!

Вангель. Эллида, Эллида!

Неизвѣстный. Значитъ, конецъ?

Эллида. Да. Конецъ навѣки!

Неизвѣстный. Я это вижу. Тутъ дѣйствуетъ нѣчто сильнѣе моей воли.

Эллида. Ваша воля теперь безсильна надо мной. Отнынѣ вы для меня мертвецъ, возставшій съ дна морского... и опять сгинувшій туда же. Я не боюсь васъ больше. И меня больше не влечетъ къ вамъ.

Неизвѣстный. Прощайте, сударыня. (Перепрыгиваетъ черезъ загородку). Отнынѣ вы для меня не что иное, какъ воспоминаніе о пережитомъ крушеніи. (Уходитъ налѣво).

Вангель (смотритъ на Эллиду съ минуту). Эллида, твоя душа, какъ море! Въ ней свои приливы и отливы. Но откуда эта перемѣна?

Эллида. Ахъ, да неужели ты не понимаешь, что перемѣна совершилась — должна была совершиться, когда мнѣ былъ предоставленъ свободный выборъ?

Вангель. И неизвѣданное не манитъ тебя больше?

Эллида. Ни манитъ ни пугаетъ. Мнѣ дали заглянуть въ него... предоставили право отдаться ему, если бы только я сама захотѣла. Я имѣла возможность выбрать его. И потому я смогла и отречься отъ него.

Вангель. Я начинаю понимать тебя мало-по-малу. Ты мыслишь и чувствуешь образами. Твоя тоска по морю... твое влеченіе къ нему... къ этому неизвѣстному человѣку,—это было выраженіемъ пробудившейся въ тебѣ и все возраставшей жажды свободы. Ничего больше.

Эллида. О, я не знаю, что̀ мнѣ сказать на это. Но ты былъ для меня хорошимъ врачомъ. Ты *нашелъ*... и отважился *примѣнить* вѣрное средство... единственное, которое могло помочь мнѣ.

Вангель. Да... въ крайности мы, врачи, отваживаемся на многое... Но теперь, значитъ, ты опять моя, Эллида?

Эллида. Да, дорогой мой, вѣрный другъ, теперь я опять твоя! Теперь я могу быть твоей. Теперь я становлюсь твоей свободно... по доброй волѣ... и подъ личной отвѣтственностью.

Вангель (смотритъ на нее съ любовью). Эллида! Эллида!.. Подумать, что теперь мы можемъ вполнѣ отдаться другъ другу...

Эллида. И общимъ нашимъ воспоминаніямъ. Твоимъ и моимъ.

Вангель. Да, не правда ли, дорогая?

Эллида. ...И жить для нашихъ двухъ дочерей.

Вангель. Нашихъ! Ты называешь ихъ нашими?

Эллида. Онѣ пока еще не мои, но я постараюсь привлечь ихъ къ себѣ.

Вангель. Наши!.. (Горячо цѣлуетъ ея руки) О, спасибо, безконечное спасибо тебѣ за это слово!

(Гильда, Баллестэдъ, Люнгстрандъ, Арнгольмъ и Болетта показываются въ саду слѣва. На дорожкѣ за загородкой въ то же время появляются городская молодежь и лѣтніе гости).

Гильда (вполголоса Люнгстранду). Нѣтъ, поглядите на нихъ съ папой. Точно женихъ съ невѣстой!

Баллестэдъ (услыхавъ ея слова). Лѣтняя пора, фрёкенъ!

Арнгольмъ (поглядѣвъ на Эллиду и Вангеля). Вотъ англичанинъ и уходитъ.

Болетта (подходитъ къ загородкѣ). Отсюда его лучше видно.

Люнгстрандъ. Послѣдній рейсъ въ нынѣшнемъ году.

Баллестэдъ. Скоро «закрыты всѣ заливы» — какъ говоритъ поэтъ. Печально это, фру Вангель! И васъ мы, значитъ, тоже лишимся на время? Завтра вы, говорятъ, уѣзжаете въ Шольдвикенъ?

Вангель. Нѣтъ, ничего этого не будетъ. Мы вотъ только-что передумали.

Арнгольмъ (глядитъ то на него, то на Эллиду). А, — въ самомъ дѣлѣ?

Болетта (выходя впередъ). Папа... правда?

Гильда (бросаясь къ Эллидѣ). Такъ ты останешься съ нами?!

Эллида. Да, милочка... если ты хочешь.

Гильда (не зная, смѣяться ей или плакать). Ахъ... подумайте!.. Если я хочу!..

Арнгольмъ (Эллидѣ). Вотъ это такъ сюрпризъ!

Эллида (улыбаясь, но серьезнымъ тономъ). Вотъ видите, господинъ Арнгольмъ... Помните нашъ разговоръ вчера? Разъ человѣкъ прикрѣпился къ сушѣ... ему ужъ не уйти назадъ въ море... и не зажить жизнью моря.

Баллестэдъ. Точь въ точь, какъ моей морской дѣвѣ!

Эллида. Да, почти-что такъ.

Баллестэдъ. Съ тою лишь разницей, что морская дѣва умираетъ отъ этого. А люди, напротивъ, способны алкп... акклиматизироваться. Да, да,—увѣряю васъ, фру Вангель, они способны акклиматизироваться!

Эллида. Да, подъ условіемъ полной свободы, господинъ Баллестэдъ.

Вангель. И личной отвѣтственности, дорогая Эллида.

Эллида (живо, протягивая ему руку). Именно!

(Большой пароходъ медленно скользитъ по фьорду. Музыка, приближаясь, становится все слышнѣе).

ГЕДДА ГАБЛЕРЪ.

„Гедда Габлеръ“ написана въ Мюнхенѣ и вышла, въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, въ Копенгагенѣ 16 декабря 1890 г. На сцену „Гедда Габлеръ“ поставлена была въ христіанійскомъ Національномъ театрѣ 26 февраля 1891 г., сразу утвердилась въ репертуарѣ и шла, между прочимъ, 28 августа 1891 г. для торжественнаго спектакля по поводу возвращенія Ибсена на родину. „Гедда Габлеръ“ была такимъ образомъ первой изъ его пьесъ, которую онъ, послѣ промежутка въ 17 лѣтъ, увидѣлъ на родинѣ въ исполненіи норвежскихъ артистовъ. Копенгагенскій и стокгольмскій королевскіе театры поставили драму почти одновременно съ христіанійскимъ, и затѣмъ она обошла всѣ главныя сцены Скандинавіи. Еще раньше, нежели на родинѣ автора, появилась „Гедда Габлеръ“ на сценѣ гельсингфорсскаго театра—6 февраля 1891 г., а всего раньше на сценѣ мюнхенскаго Резиденцъ-театра, гдѣ шла 31 января того же года въ присутствіи самого автора. Постановкѣ предшествовала страстная полемика въ газетахъ: пьеса подверглась яростной критикѣ, но представленіе все же окончилось полнымъ торжествомъ Ибсена. Послѣ того драма не замедлила обойти всѣ театры въ Германіи. Въ Лондонѣ „Гедда Габлеръ“ шла впервые 20 апрѣля 1891 г. Исполненіе пьесы подъ руководствомъ и при личномъ участіи двухъ артистокъ-американокъ — миссъ Елизаветы Робинсъ и миссъ Маріонъ Леа, было, по словамъ англійскаго переводчика и истолкователя Ибсена, Эдмунда Госсе, таково, что подобнаго еще не выпадало въ Англіи на долю ни одной изъ пьесъ Ибсена. Послѣ ряда спектаклей въ Лондонѣ и другихъ англійскихъ городахъ, миссъ Робинсъ перенесла пьесу въ Америку. Въ Парижѣ „Гедда Габлеръ“ шла 17 декабря 1891 г. въ театрѣ „Водевиль“, при чемъ представленію предшествовала пояснительная лекція Жюля Леметра. Въ Голландіи драма впервые была поставлена на сценѣ роттердамскаго театра тоже въ 1891 г. Въ Италіи (въ Римѣ) — въ 1892 г., но и переводъ и исполненіе были отмѣчены присяжной критикой, какъ неудачные. Петербургъ видѣлъ Гедду Габлеръ сначала въ исполненіи иностранныхъ артистокъ: г-жи Лины Ментъ на сценѣ французскаго Михайловскаго театра (1892 г.) и финской артистки г-жи Иды Альбергъ (1891 г.) и затѣмъ въ 1907 г. въ исполненіи В. Ѳ. Коммисаржевской. Въ Москвѣ Гедда Габлеръ шла на сценѣ Художественнаго театра въ 1899—1900 гг.

Съ литературной точки зрѣнія „Гедда Габлеръ“ представляетъ, по мнѣнію Іегера, поэтическій образъ, излюбленный авторомъ съ юности. Генеалогія Гедды Габлеръ восходитъ не только къ Нордисъ („Воители на Гельгеландѣ“, 1857 г.), но и къ Маргитъ („Пиръ въ Сольхаугѣ“, 1855 г.) и даже къ Фуріи, героинѣ перваго юношескаго произведенія Ибсена

„Катилина“ (1848 — 1849 гг.). Въ драмѣ „Гедда Габлеръ“, какъ и въ трехъ названныхъ произведеніяхъ, изображена крупная женская личность, богато одаренная отъ природы натура, духовное развитіе которой однако, отчасти въ силу неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, отчасти по собственной ея винѣ, пошло неправильнымъ путемъ, вслѣдствіе чего изъ нея и вышла своего рода духовная калѣка — трагическая личность, распространяющая вокругъ себя разрушеніе и смерть. Все лучшее, благороднѣйшее въ ея природѣ—умерщвлено или искалѣчено, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей самой недостаетъ ни силы самоотреченія ни душевной слабости, позволяющей или броситься въ жизнь, очертя голову, или прозябать на обломкахъ сожженныхъ кораблей.

„Фурія — лишенный красокъ силуэтъ; Маргитъ — легкій набросокъ въ стилѣ трубадуровъ; Йордисъ — разработанный эскизъ въ стилѣ древнихъ сагъ, а Гедда Габлеръ — художественный современный типъ, необычайно жизненный и столь же богатый красками и тонами, какъ и самый языкъ пьесы.

„Одновременно съ тѣмъ, какъ авторъ, спустя 30 лѣтъ, воскреснлъ своей творческой фантазіей этотъ занимавшій его съ юности женскій образъ, ожили и другіе образы и положенія изъ трехъ его названныхъ раннихъ произведеній. Теа Эльвстедъ — послѣднее звено длинной цѣпи беззавѣтно преданныхъ, готовыхъ жертвовать собою женщинъ, первое звено которой — Аврелія въ „Катилинѣ“. Эйлертъ Лёвборгъ — близкій по духу родственникъ самого Катилины. Смѣлая, подымающаяся до геніальности мысль, разнузданность натуры, широкій взглядъ на „цивилизацію будущаго“ — вотъ что отличаетъ обоихъ: и неудачника-ученаго, истолкователя задачъ цивилизаціи, героя „Гедды Габлеръ“, и неудачника-общественнаго дѣятеля, реформатора цивилизаціи, героя юношескаго произведенія Ибсена. Наконецъ Йоргенъ Тесманъ — если не родной, то двоюродный братъ Бенгта Гаутесена („Пиръ въ Сольхаугѣ“). Ибсенъ такимъ образомъ поочередно облекалъ эти родившіеся въ его фантазіи образы то въ римскія тоги, то въ средневѣковые рыцарскіе доспѣхи и медвѣжьи кафтаны эпохи викинговъ, прежде чѣмъ выпустить ихъ на сцену въ узкомъ платьѣ современнаго покроя.

„На сродство типовъ Ибсена въ различныхъ его произведеніяхъ указывалось не разъ, но при этомъ останавливались больше на внѣшнемъ, не касаясь самаго существеннаго, не схватывая самаго ядра, а смотря глазами и говоря языкомъ „спеціалиста“ Йоргена Тесмана.

„Главное — все то, чѣмъ такъ интересна и богата пьеса — надо искать гораздо глубже.

„Гедда Габлеръ—Йордисъ въ корсетѣ, не только въ буквальномъ, но и въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Натура Йордисъ и корсетъ представляютъ самый рѣзкій контрастъ, какой вообще представляетъ все дикое, вольное и все наглухо заключенное.

„Гедда Габлеръ, съ одной стороны, „дама“ изъ хорошаго общества, дочь генерала; воспитаніе въ изящной, богатой обстановкѣ, общество, въ которомъ она вращается, живое участіе въ свѣтской жизни — все это оставило неизгладимые слѣды въ ея душѣ. Требованія хорошаго тона, строгая корректность всего внѣшняго облика и поведенія, словомъ, „идеалъ“ хорошаго общества сталъ и ея идеаломъ. Мѣряя этой мѣркой всѣхъ окружающихъ, предъявляя къ нимъ такія требованія, она признаётъ ихъ обязательными и для себя во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. „Я никогда не выскакиваю“, — говоритъ она асессору Бракку въ одной изъ самыхъ блестящихъ своихъ репликъ. Не дѣлаетъ же она этого потому, что всегда сообразуется съ тѣмъ, „что скажутъ“, — разумѣется, люди ея круга. Этою боязнью того, „что скажутъ“, проникнуто

все ея существо, и она больше всего на свѣтѣ. „до смерти“ — вѣрнѣе, больше смерти — боится быть скомпрометированной въ глазахъ общества, боится скандала. Этотъ страхъ руководитъ ея поступками въ самыя рѣшительныя минуты жизни: если ей разсказываютъ, что кто-нибудь преступилъ „правила“, первымъ ея душевнымъ движеніемъ является не сожалѣніе, не сочувствіе, даже не негодованіе, а мысль о скандалѣ. Свѣтская дама сказывается въ ней, между прочимъ, и въ мечтахъ о верховой лошади, ливрейномъ лакеѣ, открытомъ домѣ.

„Но все это—лишь поверхностныя наслоенія, облегающія истинное существо Гедды, нѣчто въ родѣ смирительной рубашки, надѣтой на ея непосредственное „я“. Она, впрочемъ, добровольно дала надѣть на себя эти путы и носитъ ихъ съ сознаніемъ ихъ необходимости; но все же онѣ стѣсняютъ ее, мучатъ, впиваются въ ея тѣло — пока не разрываются въ минуту смерти. Ходячая мораль не добралась до самой сердцевины существа Гедды. Требованія этой морали сдавили ее, но не задушили. Истинная сущность ея натуры все время даетъ себя знать смутными желаніями, порывами, душевною неудовлетворенностью, скукой и презрѣніемъ къ себѣ самой.

„Гедда догадывается, что гдѣ-то, внѣ ея круга, должно быть нѣчто великое, прекрасное, но недосягаемое для нея, такъ какъ она не посмѣетъ выйти изъ своего „круга“, порвать путы, которыя онъ на нее налагаетъ. Въ силу контраста она испытываетъ тяготѣніе къ *сильной, свободной* человѣческой личности, преклоняется передъ нею. Она утомлена праздной скукой своей жизни, и ее влечетъ къ жизни, полной дѣятельности, содержанія, къ подвигамъ, къ власти, къ сильнымъ, рѣшительнымъ поступкамъ. Вотъ отчего Гедда такъ жаждетъ имѣть рѣшающее вліяніе на судьбу другого человѣка: вотъ отчего ей можетъ, между прочимъ, придти въ голову нелѣпая мысль толкать бѣднягу Тесмана въ министры. Скука развила въ ней жажду власти. Сама она связана по рукамъ и ногамъ требованіями хорошаго тона, но въ душѣ преклоняется передъ свободой: Гедду влечетъ къ свободѣ, какъ къ чему-то великому, далекому, заманчивому. При всей своей трусости и сознаніи этой трусости, она въ душѣ увлекается мужествомъ и невольно поддается ему — пока оно не грозитъ совлечь ее съ ея гладкаго, огороженнаго приличіями пути. Вотъ какіе контрасты уживаются въ существѣ Гедды Габлеръ, вотъ какъ глубокъ и неисцѣлимъ ея душевный надломъ.

„Въ свое время Гедда интересовалась Эйлертомъ Лёвборгомъ, но интересовалась сначала чисто внѣшнимъ образомъ; въ ней говорило попросту любопытство молодой дѣвушки, — ее тянуло заглянуть за перегородку, отдѣлявшую ее отъ таинственнаго сада жизни, гдѣ растутъ запретные плоды. Товарищескій союзъ Гедды и Лёвборга держался „жаждой жизни“, свойственной обоимъ. Мало-по-малу въ отношенія ихъ стало однако закрадываться болѣе серьезное чувство. Гедда — малодушная, трусливая, нерѣшительная — была увлечена смѣлостью и презрѣніемъ этого человѣка къ тому, что „принято“. Сама живя ходячей моралью, она обладала способностью понимать и восхищаться этой забубенной головушкой, у которой хватало мужества „жить по-своему“. Эйлертъ Лёвборгъ сталъ до извѣстной степени ея новымъ идеаломъ, но идеаломъ, забрызганнымъ грязью, за который ей нельзя было схватиться, не рискуя запачкать свои безукоризненно чистыя ручки. На это у нея не хватало мужества, и потому, когда отношенія ихъ угрожали принять „серьезный „характеръ“, она совсѣмъ порвала съ Лёвборгомъ, прогнала его отъ себя, пригрозивъ однимъ изъ своихъ пистолетовъ и не приведя свою угрозу въ исполненіе только потому,

что „была труслива, страшно труслива“. Но то, что она не посмѣла въ тотъ вечеръ застрѣлить Лёвборга, было еще не самымъ главнымъ проявленіемъ ея трусости. Самой большой трусостью съ ея стороны, какъ она сама сознаётъ впослѣдствіи, было то, что она вообще прогнала его отъ себя. Тотъ вечеръ былъ роковымъ въ ея жизни: ей представлялась возможность совершить смѣлый поступокъ, о которомъ она мечтала, но она отказалась отъ него; передъ нею открывалась манившая ее издали свобода, но она не ухватилась за нее: передъ нею было мужество, которымъ она восхищалась, но она не поняла этого; передъ нею было содержаніе жизни, котораго ей недоставало, но она отвернулась отъ него. Въ своемъ близорукомъ эгоизмѣ она предпочла остаться въ „своемъ кругу“, предпочла свободѣ смирительную рубашку, предпочла то, что „принято“, выбрала скуку. Въ ея жизни была минута рѣшительнаго выбора, когда двѣ человѣческія судьбы — ея собственная судьба и судьба Лёвборга — были у нея въ рукахъ, но она промахнулась въ выборѣ, сдѣлавъ его отъ лица *дамы*, а не *женщины*, отъ лица дочери генерала, а не „смѣлаго товарища“ Лёвборга.

„И вотъ Гедда продолжала вести прежнюю жизнь, пока ей не стала грозить участь старой дѣвы. Скука тоже росла угрожающе, и въ минуты серьезнаго раздумья Геддѣ стало казаться, что ея пѣсня спѣта. Въ видѣ лѣкарства отъ такихъ припадковъ хандры она и взяла себѣ мужа — Іоргена Тесмана, являвшагося лучшей партіей въ предѣлахъ ея круга. Гедда, какъ и многіе другіе, думала, что изъ Тесмана выйдетъ человѣкъ выдающійся, и кромѣ того онъ казался ей вполнѣ „корректнымъ“. Увы, ей пришлось разочароваться: Тесманъ не оказался ни выдающимся ни даже корректнымъ на взглядъ Гедды. Онъ оказался попросту „курьезной фигурой“, человѣкомъ довольно тривіальнымъ и вдобавокъ узкимъ спеціалистомъ. Условія жизни, которыя онъ въ качествѣ мужа оказался въ состояніи предложить Геддѣ, также далеко не соотвѣтствовали ея ожиданіямъ. Ей пришлось отложить попеченіе и о верховой лошади, и о ливрейномъ лакеѣ, и объ открытомъ образѣ жизни, да еще вдобавокъ она оказалась въ положеніи, которое называютъ „интереснымъ“, но которое для Гедды отнюдь не было интересно, а, напротивъ, внушало ей отвращеніе и страхъ. Радость тетки и мужа и ихъ неумѣстные намеки переполнили чашу, и Гедда готова была задохнуться въ этихъ, на ея взглядъ, мизерныхъ и мѣщански-пошлыхъ условіяхъ жизни.

„И тутъ-то вдругъ Эйлертъ Лёвборгъ возвратился. То мужество, котораго недоставало Геддѣ, нашлось у другой женщины, „маленькой дурочки Теи“, товарки Гедды по пансіону. Теа уступаетъ блестящей генеральской дочкѣ во всемъ, кромѣ душевнаго мужества и сердечной готовности на всякую жертву ради дорогого человѣка. Теа не побоялась запачкать ручки, не заботилась о томъ, „что скажутъ“: она подняла павшаго и по мѣрѣ силъ своихъ помогала ему достигнуть прежней высоты.

„Но силъ ея оказалось недостаточно. Въ интеллектуальномъ смыслѣ Эйлертъ Лёвборгъ снова достигъ той ступени, на которой стоялъ въ лучшую пору своей жизни, но онъ не смогъ подняться на достаточную высоту въ нравственно-волевомъ смыслѣ: какъ личность, онъ еще несвободенъ, не сталъ господиномъ собственныхъ слабостей, но лишь научился бояться ихъ и обходить. Вмѣсто силы воли онъ обзавелся только „твердыми правилами“; вмѣсто того, чтобы стать сильной, свободной личностью, сталъ лишь обращеннымъ грѣшникомъ.

„И едва Гедда увидѣла его такимъ, въ ней вспыхнуло желаніе вступить въ состязаніе съ „маленькой дурочкой“ изъ-за власти надъ этой человѣческой душой, — желаніе показать Теѣ, что она, Гедда, сильнѣе

ея и сумѣетъ, какъ никто другой, поднять Эйлерта окончательно. Желаніе вмѣшаться въ отношенія между Эйлертомъ Лёвборгомъ и Теей вспыхнуло въ Геддѣ подъ вліяніемъ смѣшаннаго чувства ревности, зависти, накоплявшейся долгое время потребности проявить себя чѣмъ-нибудь, наконецъ подъ вліяніемъ стараго интереса къ этому человѣку и новой, легко объяснимой физіологически экзальтаціи.

„Старому, смѣлому товарищу“ Гедды не къ лицу было трусливо отодвигать отъ себя стаканъ пунша, отклонять приглашеніе на веселую пирушку; онъ не долженъ былъ трепетать и колебаться, подобно новообращенному грѣшнику, каждый разъ, какъ ему представлялось маленькое искушеніе, — это было для него слишкомъ унизительно. Ему слѣдовало стать полнымъ господиномъ себѣ самому, смѣлымъ и увѣреннымъ въ себѣ, способнымъ и отдаваться влеченію и останавливаться, когда ему самому угодно. Нѣтъ, ему не подобало быть ни рабомъ своихъ добрыхъ намѣреній, ни рабомъ своихъ слабостей, ни трепетать передъ радостями жизни, какъ средневѣковому аскету, ни быть каменнымъ истуканомъ этическаго божества, — онъ долженъ былъ стать свободной сильной личностью, сродни прекраснымъ греческимъ божествамъ, „увѣнчаннымъ листвою винограда“.

„И вотъ, когда Геддѣ удается заставить Лёвборга побороть свои колебанія и рѣшиться принять участіе въ пирушкѣ, она ликуетъ, полная восторженной вѣры въ свой идеалъ. „Въ десять часовъ онъ вернется, увѣнчанный листвою винограда!“. Не теряетъ она этой вѣры и послѣ того, какъ напрасно прождала съ Теей всю ночь. Лишь услыхавъ отъ асессора Бракка о скандалѣ у фрёкенъ Діаны и о схваткѣ Лёвборга съ полиціей, Гедда восклицаетъ, устремивъ взглядъ въ пространство: „Такъ вотъ какъ было дѣло. Значитъ — не увѣнчанный листвою винограда“...

„Узнавъ отъ мужа, что Эйлертъ Лёвборгъ наканунѣ ночью подымалъ бокалъ за вдохновившую его женщину, Гедда нетерпѣливо спрашиваетъ: „Онъ назвалъ ее?“ — надѣясь въ глубинѣ души, что эта женщина — она сама; услыхавъ затѣмъ, какъ Лёвборгъ самъ заявляетъ Теѣ, что „отнынѣ дороги ихъ должны разойтись“, Гедда не можетъ удержаться отъ торжествующаго восклицанія: „Я это знала!“ — такъ она увѣрена въ своей власти надъ нимъ, такъ убѣждена въ своемъ превосходствѣ надъ женщиной, привязавшей-было Лёвборга къ себѣ послѣ того, какъ она, Гедда, отвернулась отъ него. Ей, Геддѣ, стоитъ-де только вновь протянуть ему руку, и онъ опять будетъ всецѣло въ ея власти, — все равно, увѣнчанный виноградной листвою или безъ нея.

„Но и тутъ Гедда жестоко ошибается. Послѣдняя бесѣда съ Лёвборгомъ убѣждаетъ ее въ этой ошибкѣ: не Гедда Габлеръ царила въ его душѣ, а Теа, — ея чистая душа жила въ книгѣ, которую онъ потерялъ. Онъ думаетъ только о Теѣ, говоритъ только о Теѣ; эта „маленькая дурочка“ дѣйствительно глубоко запустила свою лапку въ судьбу этого человѣка, а Гедда безсильна, — она остается ему чужой. Все, чего она смогла достичь, это уничтожить ненавистную ей крѣпкую связь между Лёвборгомъ и Теей, укрѣпить въ Лёвборгѣ мысль о самоубійствѣ и, въ приливѣ дикой ненависти и ревности, сжечь рукопись — „дитя Теи и Эйлерта“. Но въ концѣ концовъ все-таки Гедда въ проигрышѣ: любовь Теи спасаетъ погибшую-было рукопись, и послѣднія мысли Лёвборга вращаются лишь около Теи и ихъ общаго „дитяти“. Что же касается до Гедды, то Лёвборгъ не исполнилъ даже единственной ея просьбы, обращенной къ нему въ минуту прощанія съ нимъ навѣки, — просьбы, чтобы онъ, увѣнчанный въ ея воображеніи виноградной листвою, герой ея мечтаній, искалъ смерти „въ красотѣ“; даже этою просьбой онъ пренебрегъ.

„Узнавъ подробности смерти Эйлерта, Гедда съ отвращеніемъ воскли-

цаетъ: „За что я ни схвачусь, куда ни обернусь... всюду такъ и слѣдуетъ за мной по пятамъ смѣшное, пошлое, — какъ проклятье какое-то!“

„Кромѣ „смѣшного, пошлаго“ она не видитъ въ смерти Лёвборга ничего. Гедда чужда всякихъ такихъ чувствъ и воззрѣній, которыя могли бы бросить смягчающій свѣтъ на „некрасивое“ въ его поступкѣ.

„Какъ разъ этотъ недостатокъ душевной чуткости и заставляетъ Гедду съ первой же минуты смотрѣть свысока на „дурочку“ Тею, съ которой она вступаетъ въ состязаніе. Гедда еще можетъ удивляться мужеству Теи, когда та бравируетъ мнѣніемъ свѣта, и желать себѣ самой хоть части такого мужества, но она не въ состояніи понять истинной причины этого мужества — беззавѣтной, готовой на всѣ жертвы любви и преданности, заглушающей въ человѣкѣ всѣ эгоистическія мысли и побужденія. Сама Гедда, напротивъ, лишь въ одномъ считается съ другими людьми — она трусливо соображается съ мнѣніемъ свѣта: въ остальномъ же всецѣло живетъ одной собою и для себя. Сообразоваться съ счастьемъ другихъ ей никогда и въ голову не приходило. Міръ альтруизма, міръ, въ которомъ приносятся жертвы для другихъ, гдѣ высшее счастье, главное содержаніе жизни ищутъ и находятъ въ томъ, что приносятъ жертвы любимымъ существамъ, — этотъ міръ ей совершенно незнакомъ. Потому-то она и не видитъ глубокой сердечности и другихъ привлекательныхъ свойствъ въ старой тетѣ Юлѣ. Не видитъ симпатичныхъ чертъ и въ отношеніяхъ между Тесманомъ и его старыми тетками, и видитъ лишь тривіальное и смѣшное.

„Міръ альтруизма впервые мелькаетъ передъ Геддой, когда ей предлагаютъ обставить дѣло такъ, будто Эйлертъ Лёвборгъ — воръ, укралъ у нея пистолетъ. Тутъ у нея вырывается: „лучше умереть!“. И еще разъ этотъ міръ мелькаетъ передъ ней, когда она обращается къ мужу и Теѣ съ вопросомъ: „Не могу ли я быть вамъ полезной?“ — на что Тесманъ ей отвѣчаетъ: „Нѣтъ нѣтъ, нѣтъ, ничѣмъ“.

„И тогда Гедда сама уходитъ съ пира жизни, который ей представлялся лишь веселой пирушкой и потому рано вызвалъ въ ней чувства пустоты, скуки и отвращенія.

„Итакъ, путемъ анализа характера главнаго лица можно прозрѣть величавыя идеи Ибсена, составляющія сущность его творчества и выраженныя здѣсь въ краткихъ и простыхъ репликахъ: любовь въ противоположность себялюбію, свобода личности — рабству передъ мнѣніемъ свѣта, идеальная тоска по красотѣ — ничтожеству и безобразію дѣйствительности.

„Основная мысль пьесы вкратцѣ такова: смѣлое равновѣсіе самостоятельной, самоопредѣляющей себя личности въ наслажденіи несомнѣнно представляется элементомъ культуры будущаго, но не единственнымъ и не самымъ главнымъ. Этотъ путь не имѣетъ будущаго, какъ выразился бы Эйлертъ Лёвборгъ. Лишь черезъ альтруизмъ вырабатывается свободная, цѣльная личность. Вотъ почему представительница альтруизма „вдохновляетъ“ Эйлерта, открываетъ ему перспективы будущаго съ его культурными силами, открываетъ его взору „третье царство“, о которомъ мечталъ мистикъ Максимъ („Императоръ и Галилеянинъ“), о которомъ мечтаетъ и понынѣ самъ Ибсенъ, и о которомъ до него мечтали геніальные мыслители — Лессингъ и Шеллингъ.

„Съ точки зрѣнія трезвой дѣйствительности можетъ показаться нѣсколько страннымъ частое упоминаніе о трудѣ Лёвборга, посвященномъ культурѣ будущаго, — трудѣ, который возникаетъ подъ вдохновляющимъ вліяніемъ женщины, утрачивается при нравственномъ паденіи, оплакивается, какъ умершее дитя, сжигается въ припадкѣ ревности женщиной и наконецъ, какъ фениксъ, начинаетъ возрождаться изъ пепла. Смыслъ

этого элемента пьесы становится яснымъ, если смотрѣть на этотъ трудъ, какъ на символъ. Это сами культурныя силы будущаго, которыя рисуются на дальнемъ горизонтѣ пьесы чѣмъ-то въ родѣ богинь судьбы, испытующихъ и произносящихъ приговоръ всему искалѣченному, ничтожному, находящемуся въ періодѣ одряхлѣнія, разложенія, къ которому принадлежатъ дѣйствующія лица пьесы.

„Подобно Юліану („Императоръ и Галилеянинъ“), Норѣ, фру Альвингъ и Освальду, Росмеру и Ребеккѣ, главныя дѣйствующія лица „Гедды Габлеръ“—дѣти „броженія“, дѣти переходнаго времени. Они не принадлежатъ уже старому времени, но и не доросли до новаго. Они борются, страдаютъ и погибаютъ потому, что, плывя къ странѣ обѣтованной, не могутъ отдѣлаться отъ „трупа въ трюмѣ“ *),—иными словами, остатки отжившаго прошлаго и всходы будущаго ведутъ въ нихъ жестокую борьбу, какую ведутъ они болѣе или менѣе замѣтно и во всѣхъ насъ.

„Вотъ трагедія нашего времени въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Ибсенъ. Ни у кого нѣтъ такого глубокаго и остраго созданія и пониманія этой трагедіи, какъ у него. Никто не обнажалъ слабостей нашего дряхлаго вѣка столь энергично и упорно, какъ онъ, но никто также не предвозвѣщалъ обновленія съ такой восторженной вѣрой въ него, какъ Ибсенъ“.

ГЕДДА ГАБЛЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Йоргенъ Тесманъ, молодой ученый.

Фру Гедда Тесманъ, жена его, урожденная Габлеръ.

Фрекенъ Юліана Тесманъ, его тетка.

Фру Теа Эльвстедъ.

Асессоръ Браккъ.

Эйлертъ Лёвборгъ.

Берта, служанка въ домѣ Тесманъ.

Дѣйствіе происходитъ въ виллѣ Тесмана, въ западномъ кварталѣ города.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная, красиво и со вкусомъ обставленная гостиная темныхъ цвѣтовъ. Въ средней стѣнѣ широкое дверное отверстіе съ откинутыми портьерами. Въ него видна слѣдующая комната поменьше, обставленная въ томъ же стилѣ, какъ и гостиная. Въ правой стѣнѣ гостиной дверь

*) См. «Стихотворенія»: Письмо въ стихахъ.

въ переднюю; въ лѣвой стеклянная дверь, тоже съ откинутыми портьерами, въ которую видна часть крытой веранды и осенняя зелень деревьевъ. Посреди гостиной овальный, покрытый скатертью столъ, и вокругъ него стулья. Впереди, направо, высокая печь темнаго изразца, а возлѣ нея кресло съ высокой спинкой, мягкая скамеечка для ногъ и два пуфа. Дальше, въ правомъ углу, диванчикъ и круглый столикъ. Впереди, налѣво, нѣсколько отступя отъ стѣны, диванъ. Около стеклянной двери піанино. По обѣимъ сторонамъ двери въ маленькую комнату по этажеркѣ съ бездѣлушками изъ терракоты и майолики. Въ глубинѣ второй комнаты диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. Надъ диваномъ портретъ красиваго, виднаго старика въ генеральскомъ мундирѣ. Надъ столомъ висячая лампа съ колпакомъ молочнаго цвѣта. Въ гостиной повсюду разставлены букеты цвѣтовъ въ вазахъ и стаканахъ; нѣкоторые просто лежатъ на столахъ. Полы въ обѣихъ комнатахъ устланы толстыми коврами. Утро. Лучи солнца падаютъ изъ стеклянной двери.

Фрёкенъ Юліана Тесманъ, добродушная дама лѣтъ шестидесяти пяти, одѣтая просто, но мило, въ сѣромъ костюмѣ для гулянья, въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, входитъ изъ передней. За ней Берта, пожилая дѣвушка простоватаго вида, съ букетомъ, обернутымъ бумагою, въ рукахъ.

Фрекенъ Тесманъ (войдя въ комнату, прислушивается и говоритъ вполголоса). Похоже, что еще не вставали!

Берта. Я же говорила, фрёкенъ. Вы подумайте,—пароходъ пришелъ чуть не ночью! А потомъ барыня еще возилась съ чемоданами. Господи, сколько ей понадобилось всего распаковать прежде, чѣмъ она улеглась...

Фрекенъ Тесманъ. Да, да; пусть себѣ отдохнутъ хорошенько. Но надо же впустить имъ сюда свѣжаго воздуха къ тому времени, какъ выйдутъ. (Подходитъ къ стеклянной двери и распахиваетъ ее).

Берта (вертитъ букетъ въ рукахъ). Ну, этого ужъ, право слово, и дѣвать некуда. Сюда хоть, что ли, положу, фрёкенъ. (Кладетъ букетъ на піанино).

Фрекенъ Тесманъ. Ну вотъ у тебя и новые господа, Берта!.. Видитъ Богъ, не легко было мнѣ разстаться съ тобой!

Берта (почти со слезами). А мнѣ-то каково, сударыня! Что же мнѣ-то сказать! Вѣдь сколько лѣтъ прослужила я вамъ съ сестрицей!

Фрекенъ Тесманъ. Что-жъ дѣлать,—надо покориться, Берта!.. Йоргенъ не можетъ теперь обойтись безъ тебя. Ты вѣдь привыкла ходить за нимъ съ самаго дѣтства.

Берта. Такъ-то такъ, да ужъ очень мнѣ жаль больную нашу! Бѣдняжка, совсѣмъ какъ дитя малое. А тутъ вдругъ новая прислуга! Никогда не выучиться ей ходить, какъ слѣдуетъ, за больнымъ человѣкомъ.

Фрекенъ Тесманъ. Ну, ничего, я постараюсь пріучить ее. Къ тому же главное я возьму на себя,—понимаешь. Нѣтъ, насчетъ

нашей бѣдной больной тебѣ нечего безпокоиться, милая Берта.

Берта. Кабы только это, фрёкенъ! А то я страхъ боюсь еще не угодить молодой барынѣ.

Фрекенъ Тесманъ. Ну что-жъ... Сначала, пожалуй, можетъ статься, что...

Берта. Больно ужъ она съ виду важная.

Фрекенъ Тесманъ. Еще бы,—дочь генерала Габлера. Она вѣдь къ какой жизни привыкла при отцѣ-то! Помнишь, какъ она, бывало, каталась верхомъ съ отцомъ въ своей длинной, черной амазонкѣ и съ перышкомъ на шляпѣ?

Берта. Какъ же, какъ же! Вотъ ужъ не думала я, не гадала, что изъ нихъ съ нашимъ кандидатомъ выйдетъ парочка!

Фрекенъ Тесманъ. И я тоже не думала. Да, вотъ что, Берта, пока я не забыла: не называй больше Йоргена кандидатомъ. Онъ теперь ужъ докторъ.

Берта. Да, да, молодая барыня тоже объ этомъ толковала вчера ночью... какъ вошла. Да такъ ли оно?

Фрекенъ Тесманъ. Конечно. Ты представь себѣ, Берта, его сдѣлали докторомъ тамъ, за границей. То-есть во время поѣздки,—понимаешь. Я сама ровно ничего не знала, да Йоргенъ разсказалъ мнѣ объ этомъ вчера на пристани.

Берта. Что-жъ, конечно,—онъ могъ сдѣлаться чѣмъ угодно. Такой ученый! Только не думала я, что онъ тоже захочетъ людей лѣчить...

Фрекенъ Тесманъ. Да вѣдь онъ совсѣмъ не такой докторъ. (Многозначительно киваетъ головой) Впрочемъ, скоро, пожалуй, придется тебѣ величать его и еще кое-чѣмъ поважнѣе!

Берта. Да неужто? Какъ же это?

Фрекенъ Тесманъ (съ улыбкой). Гм... да, знала бы ты! (Растроганно) О, Боже мой! Поглядѣлъ бы покойный братъ, что вышло изъ его мальчугана! (Осматривается) Однако зачѣмъ это ты сняла чехлы съ мебели?

Берта. Такъ барыня велѣла... Терпѣть, говоритъ, не могу чехловъ.

Фрекенъ Тесманъ. Что же... развѣ они и по буднямъ будутъ сидѣть?

Берта. Похоже, что такъ. То-есть барыня собственно. Самъ-то докторъ ничего не говорилъ.

(Во второй комнатѣ справа показывается, напѣвая, Йоргенъ Тесманъ съ пустымъ раскрытымъ чемоданомъ въ рукахъ. Онъ средняго роста, очень моложавый на видъ человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ, нѣсколько полный. Лицо круглое, открытое, съ благодушнымъ выраженіемъ. Бѣлокурые волосы и свѣтлая борода. Носитъ очки. Одѣтъ въ удобный, нѣсколько небрежный домашній костюмъ).

Фрекенъ Тесманъ. Здравствуй, Йоргенъ!

Тесманъ (въ дверяхъ). Тетя Юля! Милая, славная тетя! (Подходитъ къ ней и пожимаетъ ей руку). Такую даль, къ намъ—не полѣнилась, и такъ рано! А?

Фрекенъ Тесманъ. Да какъ же было не зайти?

Тесманъ. Даже не выспавшись хорошенько!

Фрекенъ Тесманъ. Ну, это мнѣ ни почемъ.

Тесманъ. Надѣюсь, благополучно добралась до дому вчера съ пристани? А?

Фрекенъ Тесманъ. Слава Богу! Асессоръ такой любезный—проводилъ меня до самыхъ дверей.

Тесманъ. Намъ ужасно жаль было, что мы не могли подвезти тебя въ каретѣ. Но вѣдь ты видѣла... у Гедды было столько картонокъ... всѣ надо было забрать.

Фрекенъ Тесманъ. Да, ужъ столько картонокъ!

Берта (Тесману). А не пойти ли мнѣ къ барынѣ,—можетъ, что̀ нужно?

Тесманъ. Нѣтъ, спасибо, Берта, не безпокойся. Если что̀ надо, она сама позвонитъ,—сказала.

Берта (уходя). Ну-ну.

Тесманъ. Постой, захвати кстати этотъ чемоданъ.

Берта (беретъ чемоданъ). На чердакъ его. (Уходитъ въ переднюю).

Тесманъ. Представь себѣ, тетя, весь чемоданъ былъ биткомъ набитъ выписками. Просто не вѣрится, сколько я насобиралъ матеріала въ разныхъ архивахъ! Замѣчательные старинные документы; никто ихъ не знаетъ.

Фрекенъ Тесманъ. Да ужъ я увѣрена, что ты не потерялъ времени за свою свадебную поѣздку.

Тесманъ. Да, смѣю сказать. Но сними же шляпку, тетя. Дай-ка я развяжу тебѣ ленты. А?

Фрекенъ Тесманъ (пока онъ развязываетъ ей ленты у шляпки). Господи! Точь въ точь какъ бывало... когда ты жилъ съ нами.

Тесманъ (вертя ея шляпку въ рукахъ). Да какую же нарядную шляпку ты себѣ завела!

Фрекенъ Тесманъ. Это я для Гедды купила.

Тесманъ. Для Гедды? А?

Фрекенъ Тесманъ. Да, чтобы ей не стыдно было при случаѣ показаться со мной на улицѣ.

Тесманъ (гладя ее по щекѣ). Обо всемъ-то ты подумаешь, тетя Юля! (Кладетъ ея шляпку на стулъ около стола). Ну, а теперь — знаешь—теперь сядемъ-ка вотъ тутъ на диванѣ да потолкуемъ, пока Гедда выйдетъ.

Фрекенъ Тесманъ (ставитъ свой зонтикъ въ уголъ около дивана, садится на диванъ рядомъ съ Тесманомъ, беретъ его за обѣ руки и оглядываетъ). Какое счастье, что ты опять тутъ, со мной, Йоргенъ! Живехонекъ! Сынокъ нашего покойнаго Йохума!

Тесманъ. А я-то какъ радъ! Свидѣться опять съ тобою, тетя Юля! Вѣдь ты была мнѣ вмѣсто отца и матери.

Фрекенъ Тесманъ. Знаю, знаю, что не разлюбишь своихъ старыхъ тетокъ!

Тесманъ. А тетя Рина, значитъ, все такъ же?.. Ничуть не лучше ей? А?

Фрекенъ Тесманъ. Нѣтъ, дружокъ. Да и ждать этого, пожалуй, нечего. Бѣдняжка! Лежитъ попрежнему, какъ всѣ эти годы. Только бы Господь оставилъ ее мнѣ еще на время! Не то я совсѣмъ не буду знать, куда и дѣваться съ собою. Особенно теперь, когда вотъ и о тебѣ больше не придется заботиться.

Тесманъ (треплетъ ее по плечу). Ну, полно, полно...

Фрекенъ Тесманъ (вдругъ мѣняя тонъ). Подумать однако... ты теперь женатый человѣкъ, Йоргенъ! Да еще подцѣпилъ Гедду Габлеръ! Красавицу Гедду Габлеръ! Подумай, сколько у нея было поклонниковъ!

Тесманъ (самодовольно улыбаясь и напѣвая). Да, пожалуй, у меня теперь немало найдется здѣсь друзей-завистниковъ! А?

Фрекенъ Тесманъ. И вдобавокъ тебѣ еще удалось совершить такую долгую свадебную поѣздку! Больше пяти... почти шесть мѣсяцевъ...

Тесманъ. Ну, для меня-то она была также въ родѣ научной поѣздки. Сколько архивовъ пришлось перерыть! Сколько книгъ перечитать!

Фрекенъ Тесманъ. Могу себѣ представить. (Дружески подмигивая ему и понизивъ голосъ) Ну, а послушай, Йоргенъ... тебѣ нечего сообщить мнѣ?.. Чего-нибудь особеннаго?

Тесманъ. Изъ поѣздки?

Фрекенъ Тесманъ. Да-а...

Тесманъ. Нѣтъ, ничего,—кромѣ того, о чемъ я ужъ писалъ. А что я получилъ тамъ докторскую степень — я тебѣ вѣдь вчера говорилъ.

Фрекенъ Тесманъ. Да не то... Я хотѣла спросить... нѣтъ ли у тебя чего въ виду... Нѣтъ ли какихъ надеждъ?..

Тесманъ. Надеждъ?

Фрекенъ Тесманъ. Господи Боже мой, Йоргенъ! Вѣдь я же тебѣ тетка!

Тесманъ. Да, надежды у меня есть.

Фрекенъ Тесманъ. А-а!

Тесманъ. И даже большія—стать на-дняхъ профессоромъ.

Фрекенъ Тесманъ. Ахъ, профессоромъ! Да...

Тесманъ. То-есть... отчего не сказать? Я даже навѣрно знаю, что буду профессоромъ. Да вѣдь и ты это знаешь, милая тетя Юля!

Фрекенъ Тесманъ (посмѣиваясь). Ну, конечно, знаю, твоя правда. (Мѣняя тонъ) Но мы заговорили-было про вашу поѣздку... Она, вѣрно, страсть сколько стоила, Йоргенъ?

Тесманъ. Ну что же, — стипендію вѣдь дали большую. Это было немалымъ подспорьемъ.

Фрекенъ Тесманъ. Не понимаю все-таки, какъ ея хватило на вонхъ.

Тесманъ. Да, это, пожалуй, и понять трудно. А?

Фрекенъ Тесманъ. Путешествовать съ дамой—это вѣдь, говорятъ, обходится куда дороже.

Тесманъ. Конечно, нѣсколько дороже, конечно. Но вѣдь эта поѣздка была необходима для Гедды, понимаешь? Иначе нельзя было, неловко.

Фрекенъ Тесманъ. Да, да, вѣрно, такъ. Свадебныя путешествія теперь какъ-то въ обычаѣ... Ну, а скажи, успѣлъ ли ты хорошенько осмотрѣться на новосельѣ?

Тесманъ. Какъ же! Я всталъ съ разсвѣтомъ.

Фрекенъ Тесманъ. И какъ же тебѣ все здѣсь нравится?

Тесманъ. Какъ нельзя больше! Великолѣпно! Одного не пойму, на что намъ эти двѣ лишнія комнаты между маленькой гостиной и спальней Гедды?

Фрекенъ Тесманъ (посмѣиваясь). Ну, милый мой, онѣ еще понадобятся—со временемъ.

Тесманъ. Да, пожалуй, твоя правда! Вѣдь библіотека моя будетъ мало-по-малу расти... А?

Фрекенъ Тесманъ. Вотъ, вотъ, мой милый, я какъ разъ и думала о библіотекѣ.

Тесманъ. А больше всего я радъ за Гедду. Она еще до помолвки нашей всегда говорила, что нигдѣ бы ей такъ не хотѣлось жить, какъ именно здѣсь, въ виллѣ генеральши Фалькъ...

Фрекенъ Тесманъ. И представь себѣ, какъ это удачно вышло. Ее какъ разъ назначили въ продажу, только вы успѣли уѣхать.

Тесманъ. Да, милая тетя Юля, намъ таки-повезло! Правда? А?

Фрекенъ Тесманъ. Только дорого,-дружокъ, дорого тебѣ станетъ все это!

Тесманъ (нѣсколько упавъ духомъ и тревожно глядя на нее). Пожалуй, что такъ, тетя А?

Фрекенъ Тесманъ. О, Господи! Еще бы!

Тесманъ. А какъ, напримѣръ? Приблизительно? А?

Фрекенъ Тесманъ. Ну, ужъ этого я тебѣ сказать не сумѣю, пока не всѣ счета получены.

Тесманъ. Хорошо еще, что асессоръ выговорилъ мнѣ такія льготныя условія. Онъ самъ такъ писалъ объ этомъ Геддѣ.

Фрекенъ Тесманъ. Да ты ужъ особенно-то не тревожься, милый мой. За мебель и ковры я сама поручилась.

Тесманъ. Поручилась ты? Милая тетя... Какое же ты могла представить обезпеченіе?

Фрекенъ Тесманъ. Банковую книжку, по которой мы получаемъ наши проценты.

Тесманъ. Какъ! Проценты съ твоего и тети Рины капитала?

Фрекенъ Тесманъ. Да, видишь, другого я ничего не придумала...

Тесманъ (становясь передъ ней). Но, тетя, право же, ты... совсѣмъ того! Вѣдь это ваше единственное обезпеченіе съ тетей Риной!

Фрекенъ Тесманъ. Ну, есть изъ-за чего волноваться! Вѣдь это же одна формальность,—понимаешь? Такъ и асессоръ Браккъ сказалъ. Это онъ и былъ такъ милъ—все устроилъ. Сказалъ—одна формальность.

Тесманъ. Мало ли что. А все-таки...

Фрекенъ Тесманъ. Ты теперь вѣдь будешь получать жалованье... Будетъ изъ чего платить... Ну, а если намъ и придется немножко раскошелиться, помочь тебѣ вначалѣ... такъ вѣдь это можетъ только порадовать насъ.

Тесманъ. Тетя, милая! Ты никогда не устанешь жертвовать собою для меня!

Фрекенъ Тесманъ (встаетъ и кладетъ ему руки на плечи). Сгладить тебѣ путь, милый мой мальчикъ,—да что же можетъ доставить мнѣ больше радости! Ты вѣдь выросъ безъ отца, безъ матери! А теперь мы почти и у цѣли! Иной разъ, правда, туговато приходилось... Но, слава Богу, ты теперь на вѣрной дорогѣ, Йоргенъ!

Тесманъ. Да, въ сущности удивительно, какъ все это сложилось.

Фрекенъ Тесманъ. Да, всѣ твои соперники-завистники остались ни съ чѣмъ! Всѣ сѣли на мель! Особенно тотъ, кто былъ опаснѣе всѣхъ. Да, что посѣешь, то и пожнешь. Сбился съ пути, бѣдняга!

Тесманъ. Ты слышала что-нибудь объ Эйлертѣ? То-есть съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали?

Фрекенъ Тесманъ. Слышала только, что онъ будто бы написалъ новую книгу.

Тесманъ. Что ты! Эйлертъ Лёвборгъ? Теперь вотъ, недавно? А?

Фрекенъ Тесманъ. Да, говорятъ. Ты думаешь, что-нибудь особенное? Наврядъ ли. Нѣтъ, вотъ когда выйдетъ твоя новая книга—это, вѣрно, будетъ дѣло другое, Йоргенъ. О чемъ она будетъ?

Тесманъ. О брабантскихъ кустарныхъ промыслахъ въ средніе вѣка.

Фрекенъ Тесманъ. Скажи, пожалуйста! Сумѣть писать и о такихъ вещахъ!

Тесманъ. А впрочемъ, нескоро-то она, пожалуй, выйдетъ. Прежде всего надо привести въ порядокъ весь этотъ обширный матеріалъ, что я собралъ.

Фрекенъ Тесманъ. Да ужъ собирать и приводить въ порядокъ ты мастеръ. Недаромъ ты сынъ покойнаго Йохума.

Тесманъ. Да, и я жду не дождусь взяться за эту работу. Теперь особенно, когда обзавелся своимъ собственнымъ уютнымъ уголкомъ — можно поработать.

Фрекенъ Тесманъ. И особенно, когда заполучилъ въ жены ту, которая пришлась тебѣ такъ по сердцу, милый Йоргенъ!

Тесманъ (обнимаетъ ее). Да, да, тетя Юля! Гедда — вѣдь это вѣнецъ всего! (Оглядывается) Да вотъ, кажется, и она сама! А?

(Гедда показывается въ маленькой комнатѣ слѣва. Ей лѣтъ двадцать девять. Благородное лицо, изящная фигура, осанка горделивая. Цвѣтъ лица матово-блѣдный. Сѣрые глаза отливаютъ стальнымъ блескомъ и выражаютъ холодное, ясное спокойствіе. Волосы краситаго русаго оттѣнка, но не особенно густые. Одѣта со вкусомъ, въ свободный утренній капотъ).

Фрекенъ Тесманъ (идетъ навстрѣчу Геддѣ). Съ добрымъ утромъ, милая Гедда! Съ добрымъ утромъ!

Гедда (подаетъ ей руку). Здравствуйте, дорогая фрёкенъ Тесманъ. Такой ранній визитъ? Очень любезно съ вашей стороны.

Фрекенъ Тесманъ (нѣсколько смущенная). Ну... Надѣюсь, молодая барыня хорошо почивала на новосельѣ?

Гедда. Благодарю. Такъ себѣ.

Тесманъ (смѣясь). Такъ себѣ! Однако, Гедда!.. Ты спала, какъ убитая, когда я вставалъ.

Гедда. Къ счастью... Впрочемъ, надо же привыкать понемножку ко всему новому, фрёкенъ Тесманъ. (Смотритъ налѣво) Ахъ, эта дѣвушка растворила двери на балконъ. Цѣлое море солнца.

Фрекенъ Тесманъ (идетъ къ двери). Такъ затворимъ.

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Милый Тесманъ, сдвинь, пожалуйста, портьеры. Свѣтъ будетъ не такъ рѣзокъ.

Тесманъ (у дверей). Да, да. Ну вотъ, Гедда... Теперь у тебя и тѣнь и свѣжій воздухъ.

Гедда. Да, свѣжій воздухъ тутъ кстати. Столько цвѣтовъ.. Но, дорогая... не желаете ли вы присѣсть, фрёкенъ Тесманъ?

Фрекенъ Тесманъ. Нѣтъ, благодарю васъ. Теперь я вѣдь знаю, что у васъ все благополучно, и слава Богу! Пора домой! Тамъ больная моя ждетъ меня не дождется.

Тесманъ. Пожалуйста, передай ей отъ меня тысячу поклоновъ и скажи, что я самъ зайду попозже.

Фрекенъ Тесманъ. Хорошо, непремѣнно. Ахъ, вотъ еще что̀, Йоргенъ... Чуть не забыла. (Роется въ карманѣ) Я кое-что тебѣ принесла.

Тесманъ. Что̀ же именно, тетя? А?

Фрекенъ Тесманъ (вынимаетъ что-то завернутое въ бумагу и передаетъ ему). А вотъ, посмотри!

Тесманъ (развертываетъ). Боже мой! Ты сберегла ихъ, тетя Юля! Гедда! Это просто трогательно! А?

Гедда (у этажерки направо). Что̀ такое, мой другъ?

Тесманъ. Туфли! Мои старыя туфли!

Гедда. Ахъ, вотъ что̀. Помню, ты часто вспоминалъ о нихъ во время поѣздки.

Тесманъ. Да, мнѣ ихъ ужасно недоставало! (Подходитъ къ ней) Вотъ онѣ, посмотри, Гедда!

Гедда (переходя къ камину). Мегсі. Право, меня это мало интересуетъ.

Тесманъ (идя за ней). Подумай... Тетя Рина сама вышила ихъ мнѣ... лежа больная въ постели! О, ты не повѣришь, сколько связано съ ними воспоминаній!

Гедда (у стола). Не для меня же, собственно.

Фрекенъ Тесманъ. Гедда правду говоритъ, Йоргенъ.

Тесманъ. Да, но, мнѣ кажется, теперь, когда она тоже вошла въ семью...

Гедда (перебивая). Врядъ ли однако мы уживемся съ этой прислугой, Тесманъ.

Фрекэнъ Тесманъ. Не уживетесь... съ Бертой?

Тесманъ. Милая... Что̀ это тебѣ вздумалось? А?

Гедда (указывая рукой). Посмотри, — оставила тутъ на стулѣ свою старую шляпку.

Тесманъ (испуганно роняя туфли). Гедда!..

Гедда. Подумай... вдругъ бы кто-нибудь вошелъ и увидалъ?

Тесманъ. Но, Гедда же! Вѣдь это тетина шляпка!

Гедда. Да-а?

Фрекенъ Тесманъ (беретъ шляпку). Моя. И, собственно говоря, вовсе не старая, милочка.

Гедда. Я не разглядѣла хорошенько, фрёкенъ Тесманъ.

Фрекенъ Тесманъ (завязывая ленты шляпки). И, сказать по совѣсти, надѣта въ первый разъ... Ей-Богу!

Тесманъ. И какая нарядная, просто прелесть!

Фрекенъ Тесманъ. Ну, не особенно-то, дружокъ. (Осматривается) Зонтикъ?.. А, вотъ! (Беретъ зонтикъ) И это тоже мой. (Бормоча) А не Берты.

Тесманъ. Новая шляпка и новый зонтикъ! Подумай, Гедда!

Гедда. Премило.

Тесманъ. Не правда ли? А?.. Ну-ка, тетя, прежде чѣмъ уйти, посмотри хорошенько на Гедду. Какая *она* красивая, прелестная!

Фрекенъ Тесманъ. Дружокъ мой, это вѣдь не новость. Гедда и всегда была хороша. (Киваетъ головой и направляется къ выходу направо).

Тесманъ (слѣдуя за ней). Да, но ты замѣтила ли, какъ она расцвѣла, пополнѣла за поѣздку?

Гедда (идетъ въ глубину комнаты). Перестань!..

Фрекенъ Тесманъ (останавливается и оборачивается). Пополнѣла?

Тесманъ. Да, тетя Юля. Теперь оно не такъ замѣтно въ этомъ платьѣ. Но я-то имѣю поводъ...

Гедда (у стеклянной двери, съ нетерпѣніемъ). Ахъ, никакихъ у тебя поводовъ — ни для чего!

Тесманъ. Пожалуй, это надо приписать горному тирольскому воздуху...

Гедда (отрывисто перебивая). Я совершенно такая же, какъ уѣхала.

Тесманъ. Да вѣдь это ты говоришь! А намъ виднѣе. Не правда ли, тетя?

Фрекенъ Тесманъ (пристально смотритъ на Гедду, сложивъ въ умиленіи руки). Гедда прекрасна... прекрасна... прекрасна! (Подходитъ къ ней, беретъ обѣими руками ея голову и цѣлуетъ въ волосы). Благослови и сохрани Господь нашу Гедду! Для тебя, Йоргенъ!

Гедда (осторожно высвобождаясь). Ну, будетъ...

Фрекенъ Тесманъ (тихо, взволнованно). Каждый день буду заходить къ вамъ.

Тесманъ. Пожалуйста, тетя! А?

Фрекенъ Тесманъ. Прощайте, прощайте!

(Уходитъ чрезъ переднюю. Тесманъ ее провожаетъ. Дверь остается полуоткрытой. Слышно, какъ Тесманъ нѣсколько разъ благодаритъ за туфли и проситъ передать поклонъ тетѣ Ринѣ. Гедда въ это время ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заламывая и сжимая руки, словно въ бѣшенствѣ. Затѣмъ подходитъ къ стеклянной двери, раздвигаетъ портьеры и вперяетъ взоръ вдаль. Нѣсколько минутъ спустя Тесманъ возвращается и затворяетъ за собой двери въ переднюю).

Тесманъ (подымая туфли съ полу). Что ты тамъ дѣлаешь, Гедда?

Гедда (овладѣвъ собой, спокойно). Стою и смотрю на деревья. Какъ все пожелтѣло, поблекло!

Тесманъ (завертываетъ туфли и кладетъ ихъ на столъ). Да вѣдь уже сентябрь на дворѣ!

Гедда (снова нервно). Да, подумай, уже сентябрь на дворѣ!

Тесманъ. А не показалось тебѣ, что тетя Юля какая-то странная сегодня? Чуть ли не торжественная? Что бы это такое съ ней? А?

Гедда. Я вѣдь почти совсѣмъ не знаю ея. Развѣ она не часто бываетъ такая?

Тесманъ. Нѣтъ, не такая, какъ сегодня.

Гедда (отходя отъ стеклянной двери). Что-жъ, ты думаешь, она обидѣлась за шляпку?

Тесманъ. Нѣтъ, не особенно. Развѣ въ первую минуту — чуть-чуть...

Гедда. Но что это въ самомъ дѣлѣ за манера — разбрасывать свои вещи въ гостиной. Это не принято.

Тесманъ. Будь спокойна. Тетя Юля не сдѣластъ этого больше.

Гедда. Впрочемъ, я сумѣю опять поладить съ нею.

Тесманъ. О, милая Гедда, если бы ты захотѣла только!

Гедда. Когда зайдешь къ нимъ попозже, пригласи ее къ намъ сегодня вечеромъ.

Тесманъ. Вотъ-вотъ, непремѣнно. И знаешь, чѣмъ ты еще могла бы очень обрадовать ее?

Гедда. Ну?

Тесманъ. Если бы ты могла преодолѣть себя и быть съ ней на «ты». Ну, для меня! А?

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, Тесманъ, и не проси. Я уже разъ сказала тебѣ! Еще тетей я, пожалуй, попробую ее называть. И этого довольно.

Тесманъ. Ну-ну. А только, по-моему, разъ ты теперь вошла уже въ нашу семью...

Гедда. Гм... не знаю еще... (Опять уходитъ въ глубь комнаты).

Тесманъ (немного погодя). Что ты, Гедда? Чѣмъ-то недовольна? А?

Гедда. Да вотъ смотрю на свое старое піанино. Не особенно-то оно подходитъ ко всему остальному.

Тесманъ. А вотъ, какъ только получу первое жалованье, постараюсь его обмѣнять.

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу разставаться съ нимъ. Лучше поставить его тамъ, въ маленькой комнатѣ, а сюда пріобрѣсти новое. По случаю, конечно.

Тесманъ (нѣсколько спавшимъ тономъ). Да... конечно... отчего же...

Гедда (беретъ съ піанино букетъ). Этихъ цвѣтовъ не было вчера ночью, когда мы пріѣхали.

Тесманъ. Вѣрно, тетя Юля принесла.

Гедда (раздвигаетъ цвѣты и всматривается). Визитная карточка. (Вынимаетъ и читаетъ) «Зайду попозже». Ты догадываешься, кто?

Тесманъ. Нѣтъ. Кто же? А?

Гедда. Фру Эльвстедъ.

Тесманъ. Неужели? Фру Эльвстедъ... Фрёкенъ Рюсингъ, какъ ее звали прежде.

Гедда. Именно. Она, съ этими несносными волосами... которыми обращала на себя вниманіе. Твое старинное увлеченіе, какъ мнѣ говорили.

Тесманъ (смѣясь). Ну, это было недолго. И до нашего знакомства съ тобой, Гедда. Но подумай — она здѣсь, въ городѣ!

Гедда. Странно, что она дѣлаетъ намъ визитъ. Мы знакомы съ ней почти только по институту.

Тесманъ. Да и я не видѣлъ ея ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ! Какъ это она уживается тамъ, въ своей глуши? А?

Гедда (послѣ короткаго раздумья, вдругъ). Послушай, Тесманъ... не тамъ ли, въ этой глуши обрѣтается и тотъ... Эйлертъ Лёвборгъ?

Тесманъ. Тамъ, тамъ, въ тѣхъ же краяхъ.

(Берта входитъ изъ передней).

Берта. Барыня! Опять пожаловала та... что̀ букетъ принесла. Вотъ что̀ вы держите.

Гедда. А! Она? Ну, проситe ее сюда.

(Берта отворяетъ дверь передъ Теей Эльвстедъ и сама уходитъ. Теа — худенькая миніатюрная женщина съ мягкими красивыми чертами лица. Глаза свѣтло-голубые, большіе, круглые, выпуклые, съ нѣсколько наивнымъ и испуганно-вопросительнымъ выраженіемъ. Волосы замѣчательно свѣтлаго, бѣлокураго цвѣта, необыкновенно густые и волнистые. Она нѣсколько моложе Гедды. Одѣта въ темное визитное платье, сшитое со вкусомъ, но не по послѣдней модѣ).

Гедда (ласково встрѣчая ее). Здравствуйте, дорогая фру Эльвстедъ! Очень пріятно снова встрѣтиться съ вами!

Теа (нервно, стараясь овладѣть собой). Да... давно мы съ вами не видѣлись...

Тесманъ (подавая ей руку). И со мной тоже. А?

Гедда. Благодарю васъ за прелестные цвѣты...

Теа. Не стоитъ... Я хотѣла быть у васъ вчера же... Да узнала, что вы еще не пріѣзжали...

Тесманъ. Вы сами недавно здѣсь въ городѣ? А?

Теа. Со вчерашняго дня только. О, я совсѣмъ-было пришла въ отчаяніе, узнавъ, что васъ нѣтъ здѣсь.

Гедда. Въ отчаяніе? Почему?

Тесманъ. Но, добрѣйшая фру Рюсингъ... фру Эльвстедъ, хотѣлъ я сказать...

Гедда. Надѣюсь, съ вами ничего не случилось?

Тея. Нѣтъ, случилось. И, кромѣ васъ, я ни души не знаю здѣсь, къ кому бы обратиться.

Гедда (кладетъ букетъ на столъ). Пожалуйста... присядемъ на диванъ.

Тея. Ахъ, я такъ разстроена... мнѣ не до сидѣнья!

Гедда. Ну ничего. Посидимъ. (Беретъ Тею за руку, усаживаетъ ее на диванъ и сама садится рядомъ).

Тесманъ. Ну? Такъ что же, фру Эльвстедъ?..

Гедда. У васъ тамъ что-нибудь такое случилось?

Тея. Да какъ сказать?.. И случилось и не случилось... Ахъ, мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы вы не поняли меня какъ-нибудь не такъ...

Гедда. Такъ вамъ лучше всего высказаться прямо.

Тесманъ. Вы вѣдь для этого и пришли. А?

Тея. Да, да... конечно. Ну вотъ... я должна вамъ сказать,— если вы еще не знаете, — что Эйлертъ Лёвборгъ тоже здѣсь, въ городѣ.

Гедда. Лёвборгъ!..

Тесманъ. Нѣтъ, Эйлертъ Лёвборгъ опять здѣсь! Подумай, Гедда!

Гедда. Господи! Я же слышу.

Тея. Онъ здѣсь уже съ недѣлю. Подумайте... цѣлую недѣлю! Здѣсь, въ этомъ опасномъ городѣ! Одинъ! Здѣсь вѣдь такъ легко попасть въ дурную компанію.

Гедда. Милѣйшая фру Эльвстедъ... какое же однако вамъ-то дѣло?

Тея (растерянно глядя на нее, скороговоркой). Онъ былъ учителемъ у дѣтей...

Гедда. У вашихъ дѣтей?

Тея. У дѣтей моего мужа. У меня нѣтъ своихъ.

Гедда. А, у вашихъ пасынковъ.

Тея. Да.

Тесманъ (сбиваясь). Что-жъ... онъ ужъ настолько исправился, то-есть... какъ бы это выразиться... настолько измѣнился къ лучшему, что ему можно было поручить такое дѣло? А?

Тея. Да, послѣдніе два-три года про него нельзя было сказать ничего такого.

Тесманъ. Неужели? Подумай, Гедда!

Гедда. Слышу.

Тея. Рѣшительно ничего, увѣряю васъ! Ни въ какомъ отношеніи. Но все-таки... Теперь онъ опять попалъ сюда... въ

этотъ большой городъ... И у него съ собой много денегъ. Я смертельно боюсь за него.

Тесманъ. Но отчего же онъ не остался тамъ?.. У васъ и вашего мужа? А?

Тея. Да вотъ, какъ вышла его книга, ему ужъ и не сидѣлось на мѣстѣ у насъ.

Тесманъ. Да, да, правда... И тетя Юля мнѣ говорила, что онъ издалъ новую книгу...

Тея. Да, да, большую книгу... по исторіи цивилизаціи. Двѣ недѣли ужъ прошло. Ее нарасхватъ покупали и читали... Сколько разговору было... необычайный успѣхъ...

Тесманъ. Каково! Онъ, вѣрно, воспользовался старымъ матеріаломъ отъ прежнихъ, лучшихъ своихъ временъ?

Тея. То-есть, вы думаете, это результатъ трудовъ прежнихъ лѣтъ?

Тесманъ. Ну да.

Тея. Нѣтъ, онъ все написалъ, пока былъ у насъ; въ послѣдній годъ.

Тесманъ. Вотъ пріятно слышать! Подумай, Гедда!

Тея. Ахъ, только бы такъ и продолжалось!

Гедда. Вы ужъ видѣлись съ нимъ?

Тея. Нѣтъ еще. Мнѣ такъ трудно было добыть его адресъ... Только сегодня утромъ удалось наконецъ.

Гедда (пристально глядя на нее). По правдѣ сказать, немножко странно, что вашъ мужъ... гм...

Тея (нервно вздрагивая). Мой мужъ? Что?..

Гедда. ...Посылаетъ васъ сюда съ такимъ порученіемъ. Отчего бы ему самому не пріѣхать присмотрѣть за другомъ?

Тея. Ахъ, что вы! Есть ему когда!.. Къ тому же... мнѣ надо было сдѣлать кое-какія покупки...

Гедда (съ чуть замѣтной улыбкой). Ну, тогда дѣло другое.

Тея (быстро встаетъ; въ волненіи). И я очень, очень прошу васъ, господинъ Тесманъ, примите Лёвборга... поласковѣе... если онъ къ вамъ придетъ! Да онъ навѣрно зайдетъ къ вамъ! Господи! Вы вѣдь были когда-то такими друзьями... Да и занимаетесь однимъ предметомъ. Тѣми же науками — насколько я могу судить.

Тесманъ. Да, да. Прежде, во всякомъ случаѣ, такъ было.

Тея. Я потому и прошу васъ такъ... (Геддѣ) И васъ тоже... Поберегите его. Не правда ли, господинъ Тесманъ, вы обѣщаете?

Тесманъ. Съ удовольствіемъ, фру Рюсингъ...

Гедда. Эльвстедъ.

Тесманъ. Все, что могу, сдѣлаю для Эйлерта; положитесь на меня.

Тея. О, какъ это мило съ вашей стороны! (Горячо пожимаетъ ему обѣ руки) Благодарю, благодарю, благодарю васъ! (Спохватившись) Мужъ мой такъ его любитъ.

Гедда (встаетъ). Ты бы написалъ ему, Тесманъ. А то самъ онъ, можетъ-быть, не зайдетъ.

Тесманъ. Да, да, пожалуй, это было бы вѣрнѣе, Гедда. А?

Гедда. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Сейчасъ же, по-моему.

Тея (умоляюще). Ахъ, если бы!..

Тесманъ. Сію же минуту напишу. У васъ есть его адресъ, фру... фру... Эльвстедъ?

Тея (достаетъ изъ кармана записку и передаетъ ему). Вотъ.

Тесманъ. Хорошо, хорошо. Такъ я пойду... (Осматривается) Ахъ, да, туфли? А, тутъ! (Береть свертокъ и направляется изъ комнаты).

Гедда. И напиши теплое, дружеское письмо. Да подлиннѣе,— какъ слѣдуетъ.

Тесманъ. Ну, конечно.

Тея. Но, Бога ради, ни слова, что это я просила.

Тесманъ. Само собой разумѣется. А? (Идетъ черезъ маленькую гостиную направо).

Гедда (близко подойдя къ Теѣ, вполголоса). Вотъ такъ. Это называется однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ.

Тея. То-есть какъ это?

Гедда. Вы не поняли? Мнѣ надо было спровадить его.

Тея. Да,—писать письмо...

Гедда. А мнѣ—поговорить съ вами наединѣ.

Тея (смущенно). О томъ же?

Гедда. Именно.

Тея (испуганно). Но больше вѣдь ничего нѣтъ, фру Тесманъ! Право, ничего!

Гедда. Ну, нѣтъ, есть... И даже много. Настолько-то вѣдь я сумѣла понять. Присядемъ же и поговоримъ по душѣ. (Принуждаетъ Тею сѣсть въ кресло около печки и сама садится рядомъ на пуфъ).

Тея (безпокойно поглядывая на часы). Но, милая, дорогая фру Тесманъ... я уже собиралась-было уходить...

Гедда. Время, вѣрно, еще терпитъ... Ну? Разскажите же мнѣ теперь, какъ вамъ живется дома, въ семьѣ?

Тея. Ахъ, объ этомъ мнѣ меньше всего хотѣлось бы говорить.

Гедда. Ну, мнѣ-то, милая?.. Господи, мы вѣдь учились вмѣстѣ.

Тея. Да... но вы были классомъ старше... Ахъ, какъ я васъ боялась тогда!

Гедда. Боялись? Меня?

Теа. Да, ужасно. Вы все, бывало, теребили меня за волосы, когда мы встрѣчались съ вами на лѣстницѣ.

Гедда. Да неужели?

Теа. А разъ даже сказали, что спалите мнѣ ихъ.

Гедда. Ну, понятно, я шутила!

Теа. Да, я была такая глупая тогда... А потомъ... во всякомъ случаѣ... мы и вовсе разошлись... Мы вѣдь принадлежали совсѣмъ къ разнымъ кругамъ.

Гедда. Такъ попробуемъ хоть теперь немножко сблизиться другъ съ другомъ... Слушайте! Въ институтѣ мы были на «ты» и называли другъ друга просто по имени...

Теа. О, нѣтъ, вы, право, ошибаетесь.

Гедда. Ничуть. Я это отлично помню. Такъ будемъ же подружками, какъ въ старину... (Подвигается къ ней) Вотъ такъ! (Цѣлуетъ ее въ щеку). Теперь говори мнѣ «ты» и зови Геддой!

Теа (жметъ и гладитъ ея руку). Боже мой! Сколько ласки и участья!.. Я совсѣмъ къ этому не привыкла!

Гедда. Ну, полно... Я тоже буду говорить тебѣ «ты» и звать моей милой Торой.

Теа. Меня зовутъ Теа.

Гедда. А, да, конечно! Я и хотѣла сказать Теа. (Смотритъ на нее съ участьемъ) Такъ ты не привыкла къ ласкѣ и участью, Теа? Въ собственной-то семьѣ?

Теа. Да, если бы у меня была семья. Но ея нѣтъ и не было никогда.

Гедда (глядя на нее). Я такъ и предчувствовала что-нибудь въ этомъ родѣ.

Теа (безпомощно глядя передъ собой). Да... да... да...

Гедда. Я вотъ не припомню теперь хорошенько, — сначала ты была, кажется, экономкой у фогта?

Теа. То-есть поступила я, собственно, гувернанткой. Но жена его — первая — была такая болѣзненная, все больше лежала. Такъ что мнѣ пришлось взять на себя и домашнее хозяйство.

Гедда. А въ концѣ концовъ сама стала хозяйкой.

Теа (тяжело вздыхая). Да, хозяйкой.

Гедда. Постой... Сколько же это лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?

Теа. Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ?

Гедда. Да.

Теа. Да вотъ ужъ пять лѣтъ.

Гедда. Вѣрно; такъ и есть.

Теа. О, эти пять лѣтъ!.. Вѣрнѣе — два-три послѣднихъ года! Ахъ, вы не можете себѣ представить...

Гедда (слегка ударяя ее по рукѣ). «Вы»? Нехорошо, Теа!

Теа. Нѣтъ, нѣтъ! Я постараюсь не забывать... Ахъ, если... если бы... ты только знала...

Гедда (какъ бы вскользь). Эйлертъ Лёвборгъ тоже, кажется, года три прожилъ тамъ?

Теа (неувѣренно глядя на нее). Эйлертъ Лёвборгъ? Да...

Гедда. Ты была знакома съ нимъ еще здѣсь, въ городѣ?

Теа. Почти совсѣмъ не была знакома. То-есть, разумѣется, знала по имени.

Гедда. Ну, а тамъ... онъ сталъ бывать у васъ въ домѣ?

Теа. Да, каждый день. Его вѣдь пригласили заниматься съ дѣтьми. Одной мнѣ не справиться было со всѣмъ.

Гедда. Понятно... Ну, а мужъ твой?.. Онъ, должно-быть, часто въ разъѣздахъ?

Теа. Да. Вы... ты вѣдь знаешь, фогту часто приходится объѣзжать свой округъ.

Гедда (облокотясь на ручку кресла). Теа... бѣдная, милая Теа... теперь ты должна разсказать мнѣ обо всемъ, какъ есть.

Теа. Такъ спрашивай лучше сама.

Гедда. Что за человѣкъ, въ сущности, твой мужъ? То-есть каковъ онъ, напримѣръ, въ семейной жизни? Къ тебѣ хорошо относится?

Теа (уклончиво). Самъ онъ, вѣрно, находитъ, что лучше и нельзя.

Гедда. Мнѣ кажется, онъ старъ для тебя. Вѣрно, лѣтъ на двадцать старше?

Теа (съ раздраженіемъ). И это тоже. Одно къ одному. Онъ весь не по мнѣ... У насъ нѣтъ ничего общаго... рѣшительно ничего.

Гедда. Но все-таки онъ любитъ тебя... хоть по-своему?

Теа. Охъ, ужъ не знаю. Право... Пожалуй, я просто нужна ему для дома. Ну, да и недорого стою. Дешевая жена!

Гедда. Вотъ ужъ это глупо съ твоей стороны!

Теа (качая головой). Ничего не подѣлаешь. Съ нимъ, по крайней мѣрѣ. Онъ, кажется, никого на свѣтѣ не любитъ, кромѣ самого себя!.. Развѣ еще дѣтей немножко.

Гедда. И Эйлерта Лёвборга, прибавь!

Теа (глядя на нее). Эйлерта Лёвборга? Съ чего ты взяла?

Гедда. Но, милая моя, — мнѣ кажется, если онъ посылаетъ тебя сюда, въ городъ, за нимъ... (Съ едва замѣтной улыбкой) Да и потомъ, ты же сама говорила Тесману.

Теа (нервно вздрагивая). Ахъ, такъ?.. Да, кажется. (Съ внезапнымъ порывомъ) Нѣтъ, ужъ лучше сразу сказать все напрямикъ; все равно вѣдь не скроешь.

Гедда. Но, милая Теа?..

Тея. Такъ вотъ, въ двухъ словахъ: мужъ совсѣмъ и не знаетъ, что я уѣхала.

Гедда. Что-о! Не знаетъ?

Тея. Разумѣется. Его и дома не было. Онъ въ отъѣздѣ. А у меня силъ больше не хватило, Гедда. Меня ожидало тамъ такое одиночество!

Гедда. Ну? И какъ же ты?

Тея. Да такъ. Собрала кое-какія вещи... самое необходимое, все втихомолку... и ушла изъ дому.

Гедда. Такъ прямо и ушла?

Тея. Да, сѣла на поѣздъ и пріѣхала сюда.

Гедда. Тея! Милая! Какъ же у тебя хватило духу?

Тея (встаетъ и отходитъ въ сторону). Да что же мнѣ оставалось дѣлать?

Гедда. А что, ты думаешь, скажетъ твой мужъ, когда ты вернешься домой?

Тея (у стола, глядя на Гедду). Вернусь... къ нему?

Гедда. Ну да... ну да?..

Тея. Къ нему я никогда больше не вернусь.

Гедда (встаетъ и подходитъ къ ней). Такъ ты серьезно разошлась съ нимъ?

Тея. Другого исхода у меня не было.

Гедда. Какъ же это ты такъ — открыто?

Тея. Да все равно вѣдь не скроешь.

Гедда. Но что будутъ говорить про тебя? Подумай только!

Тея. А пусть, что хотятъ, то и говорятъ! (Тяжело опускается на диванъ) Я должна была такъ сдѣлать, и больше ничего.

Гедда (послѣ небольшой паузы). Что же ты теперь думаешь начать? За что взяться?

Тея. Сама не знаю еще. Одно я знаю — мнѣ надо жить тамъ, гдѣ Эйлертъ Лёвборгъ. Если вообще жить.

Гедда (придвигаетъ себѣ отъ стола стулъ, садится около нея и гладитъ ея руку). Послушай, Тея... какъ это у васъ началось? Эта дружба съ Эйлертомъ Лёвборгомъ?

Тея. Да такъ, мало-по-малу. Мнѣ какъ-то удалось пріобрѣсти на него нѣкоторое вліяніе.

Гедда. Вотъ какъ!

Тея. Да... Онъ отсталъ отъ своихъ старыхъ привычекъ. Не по моимъ просьбамъ... я бы не посмѣла его просить. Но онъ, видно, замѣтилъ, что все такое мнѣ не по душѣ. И самъ оставилъ.

Гедда (подавляя невольную презрительную усмѣшку). Ты, значитъ, какъ говорится, подняла павшаго, милочка моя.

Тея. По крайней мѣрѣ онъ самъ такъ говоритъ. Но и онъ

со своей стороны сдѣлалъ изъ меня что-то въ родѣ настоящаго человѣка. Научилъ меня мыслить... и понимать...

Гедда. Такъ онъ и съ тобой занимался?

Тея. Не то чтобы занимался, а такъ — бесѣдовалъ о многомъ-многомъ. И вотъ настало то чудное, счастливое время, когда я стала принимать участіе въ его трудѣ! Онъ позволилъ мнѣ помогать ему.

Гедда. Неужели?

Тея. Да! Онъ писалъ не иначе, какъ все обсудивъ сначала со мной. Мы работали вмѣстѣ!

Гедда. Какъ добрые товарищи.

Тея (съ одушевленіемъ). Товарищи! Подумай, Гедда, и онъ такъ говорилъ!.. Ахъ, мнѣ бы слѣдовало считать себя такой счастливой... Но я не могу. Я не знаю вѣдь—надолго ли это.

Гедда. Развѣ ты такъ мало увѣрена въ немъ?

Тея (тяжело переводя духъ). Между нами стоитъ тѣнь одной женщины...

Гедда (съ напряженнымъ вниманіемъ глядитъ на нее). Кто бы это могъ быть?

Тея. Не знаю. Какая-нибудь... старая любовь, которую онъ, вѣрно, никогда и не забывалъ вполнѣ.

Гедда. Онъ развѣ... что-нибудь говорилъ?

Тея. Только разъ... и то вскользь.

Гедда. Ну? И что же онъ сказалъ?

Тея. Сказалъ, что при разставаньи она хотѣла застрѣлить его.

Гедда (овладѣвъ собой, холодно). Будто? Это какъ-то не въ здѣшнихъ нравахъ.

Тея. Да. Потому я и думаю, что это не кто иная, какъ та рыжая пѣвица, за которой онъ одно время...

Гедда. Да, пожалуй.

Тея. И я, помню, слышала про нее, что она всегда ходитъ съ заряженнымъ револьверомъ.

Гедда. Ну, такъ это она, разумѣется.

Тея (ломая руки). И представь себѣ, Гедда, я узнала, что эта пѣвица... опять здѣсь въ городѣ! Ахъ, я въ такомъ отчаяніи!..

Гедда (искоса поглядывая на дверь въ маленькую гостиную). Тсс! Тесманъ. (Вставая, шопотомъ) Тея, — все это останется между нами.

Тея (вскакивая). О, да, да! Бога ради!

(Тесманъ показывается справа съ письмомъ въ рукахъ).

Тесманъ. Ну вотъ... посланіе и готово...

Гедда. И отлично. Но фру Эльвстедъ, кажется, собирается уходить. Подожди минутку. Я провожу ее до садовыхъ воротъ.

Тесманъ. Слушай, Гедда, нельзя ли Бертѣ отправить это?

Гедда (беретъ письмо). Хорошо.

(Берта входитъ изъ передней).

Берта. Пришелъ асессоръ Браккъ; говоритъ, что очень желалъ бы видѣть господъ.

Гедда. Просите асессора. А потомъ—слушайте—бросьте это письмо въ ящикъ.

Берта. Хорошо. (Отворяетъ двери асессору и уходитъ).

(Асессоръ Браккъ—человѣкъ лѣтъ сорока пяти; приземистъ, но хорошо сложенъ, съ мягкими эластичными движеніями. Лицо круглое, съ благороднымъ профилемъ. Волосы, еще почти черные, коротко обстрижены и тщательно причесаны. Живые, бойкіе глаза. Густыя брови. Усы тоже густые, съ подстриженными концами. Одѣтъ изящно, хотя нѣсколько моложаво для своихъ лѣтъ, въ городской костюмъ для прогулки. Прибѣгаетъ къ пенсне, которое время отъ времени сбрасываетъ).

Браккъ (со шляпой въ рукахъ, кланяется). Можно ли позволить себѣ столь ранній визитъ?

Гедда. Конечно, можно.

Тесманъ (жметъ ему руку). Вы у насъ всегда желанный гость. (Знакомитъ) Асессоръ Браккъ—фрёкенъ Рюсингъ...

Гедда. Ахъ!..

Браккъ (кланяется). Очень пріятно...

Гедда (смотритъ на него и смѣется). Право, интересно взглянуть на васъ при дневномъ свѣтѣ, асессоръ!

Браккъ. Вы находите перемѣну?

Гедда. Да, вы какъ будто помолодѣли.

Браккъ. Весьма признателенъ

Тесманъ. А что же вы скажете про Гедду? А? Не расцвѣла развѣ? Она просто...

Гедда. Меня оставь, пожалуйста, въ покоѣ. Лучше поблагодари асессора за его хлопоты.

Браккъ. Помилуйте... для меня одно удовольствіе...

Гедда. Да, вы настоящій другъ. Но я вижу, что подругѣ моей не терпится уйти... До свиданья, асессоръ! Я сейчасъ вернусь.

(Обоюдные поклоны. Тея и Гедда уходятъ черезъ переднюю).

Браккъ. Ну что-жъ, — супруга ваша не совсѣмъ недовольна?..

Тесманъ. О, мы не знаемъ, какъ и благодарить васъ. Конечно... кое-какія перемѣщенія необходимы. Кое-чего еще не хватаетъ. Придется пріобрѣсти нѣкоторыя мелочи.

Браккъ. Да? Въ самомъ дѣлѣ?

Тесманъ. Мы, конечно, не станемъ затруднять этимъ васъ. Гедда сама все хочетъ устроить... А не присѣсть ли намъ? А?

Браккъ. Благодарю. На минутку. (Садится у стола). А у меня есть кое-о-чемъ поговорить съ вами, милѣйшій Тесманъ.

Тесманъ. Да?.. А, понимаю! (Садится). Теперь, должно-быть, на очереди наиболѣе существенные вопросы. А?

Браккъ. Ну, денежныя дѣла еще терпятъ пока. Хотя, впрочемъ, я готовъ пожалѣть, что мы не устроились немножко поскромнѣе.

Тесманъ. Да вѣдь нельзя же было иначе. Подумайте о Геддѣ, дорогой асессоръ. Вы хорошо знаете ее... Могъ ли я предложить ей чисто мѣщанскую обстановку?

Браккъ. Да, да, въ томъ-то и бѣда.

Тесманъ. Къ тому же, къ счастью, мое назначеніе вѣдь не за горами.

Браккъ. Ну, знаете, такія вещи частенько затягиваются.

Тесманъ. Вы развѣ что-нибудь такое слышали? А?

Браккъ. То-есть ничего вѣрнаго... (Обрывая) А я вамъ новость сообщу.

Тесманъ. Ну?

Браккъ. Вашъ старый товарищъ Эйлертъ Лёвборгъ опять здѣсь.

Тесманъ. Это я ужъ знаю.

Браккъ. Какъ? Откуда?

Тесманъ. Да вотъ та дама, что ушла съ Геддой, разсказывала.

Браккъ. Вотъ что! Какъ, бишь, ее зовутъ? Я не разслышалъ...

Тесманъ. Фру Эльвстедъ.

Браккъ. А-а! Жена фогта. Лёвборгъ, кажется, у нихъ и проживалъ тамъ.

Тесманъ. Да. И подумайте — узнаю, къ моей величайшей радости, что онъ опять сталъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Браккъ. Да, что-то такое говорятъ.

Тесманъ. И написалъ новую книгу. А?

Браккъ. Какъ же, какъ же!

Тесманъ. И она надѣлала большого шуму!

Браккъ. Необычайнаго шуму, да.

Тесманъ. Подумайте! Развѣ не пріятно это слышать? Онъ вѣдь замѣчательно даровитый... А я ужъ совсѣмъ-было поставилъ на немъ крестъ.

Браккъ. Какъ и всѣ, кажется, кто его зналъ.

Тесманъ. Только я не понимаю, что же онъ теперь будетъ дѣлать? Помилуйте! Чѣмъ же ему жить? А?

(Гедда возвращается изъ передней).

Гедда (Браккъ, съ легкой презрительной усмѣшкой). Тесманъ вѣчно носится съ этимъ вопросомъ — чѣмъ жить.

Тесманъ. Господи... Мы говоримъ о бѣднягѣ Эйлертѣ Лёвборгѣ.

Гедда (быстро взглянувъ на мужа). Да? (Садится въ кресло у камина. Равнодушнымъ тономъ) Что же съ нимъ?

Тесманъ. Да вѣдь наслѣдство свое онъ, навѣрно, давно спустилъ. Ну, а не будетъ же онъ каждый годъ писать по новой книгѣ. А? Вотъ я и спрашиваю, что же съ нимъ будетъ?

Браккъ. Про это я, пожалуй, могу вамъ разсказать кое-что.

Тесманъ. Ну?

Браккъ. Не забудьте, у него есть родственники, и довольно вліятельные.

Тесманъ. Къ сожалѣнію, они отъ него совсѣмъ отказались.

Браккъ. Въ былое время онъ однако считался гордостью и надеждой семьи.

Тесманъ. Да, въ былое время. Но онъ самъ испортилъ себѣ положеніе.

Гедда. Какъ знать? (Съ бѣглой улыбкой) Тамъ, у фогта, его вѣдь опять вернули на путь истинный...

Браккъ. Прибавьте къ этому его новую книгу...

Тесманъ. Да, да! Дай Богъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ помогли ему какъ-нибудь устроиться! Я вотъ только-что послалъ ему письмо. Знаешь, Гедда, я пригласилъ его къ намъ сегодня вечеромъ.

Браккъ. Однако, милѣйшій, вы же участвуете сегодня въ моей холостой пирушкѣ! Вы вчера еще на пристани дали слово.

Гедда. Ты забылъ, Тесманъ?

Тесманъ. И то забылъ!

Браккъ. Впрочемъ, онъ едва ли придетъ къ вамъ, — будьте спокойны.

Тесманъ. Отчего? А?

Браккъ (встаетъ и, опираясь на спинку стула, говоритъ какъ бы нехотя). Видите ли, милѣйшій Тесманъ... и вы, фру Тесманъ... съ моей стороны не по-дружески было бы не сообщить вамъ нѣчто... нѣчто такое...

Тесманъ. Касающееся Эйлерта Лёвборга?

Браккъ. И его и васъ.

Тесманъ. Въ чемъ же дѣло, дорогой асессоръ?

Браккъ. Надо вамъ знать, что назначеніе ваше состоится, пожалуй, не такъ-то скоро, какъ вы желаете и ожидаете.

Тесманъ (тревожно вскакивая со стула). Какія-нибудь препятствія? А?

Браккъ. Будетъ, вѣроятно, назначенъ конкурсъ...

Тесманъ. Конкурсъ! Подумай, Гедда!

Гедда (глубже усаживаясь въ кресло). Такъ, такъ.

Тесманъ. Кто же, кто конкурентъ? Вѣдь не...

Браккъ. Именно. Эйлертъ Лёвборгъ.

Тесманъ (всплескивая руками). Нѣтъ, вѣдь это же немыслимо!.. Совершенно невозможно! А?

Браккъ. Гм... Пожалуй, все-таки доживемъ до этого.

Тесманъ. Но послушайте! Вѣдь это что же... Это была бы такая невѣроятная безцеремонность по отношенію ко мнѣ! (Размахивая руками) Подумайте, я вѣдь человѣкъ женатый! Мы и женились-то въ расчетѣ на это... Истратились... И у тети Юли заняли... Помилуйте! Вѣдь мнѣ же почти навѣрно обѣщали это назначеніе! А?

Браккъ. Ну, ну, ну, — вы, вѣроятно, и получите его; только по конкурсу.

Гедда (не шевелясь въ креслѣ). Подумай, Тесманъ... это будетъ въ родѣ гонки!

Тесманъ. Но, милочка Гедда, я не понимаю, какъ ты можешь относиться къ этому такъ равнодушно!

Гедда (попрежнему). И не думаю. Напротивъ, меня очень интересуетъ результатъ.

Браккъ. Во всякомъ случаѣ, фру Тесманъ, хорошо, что вы узнали положеніе вещей теперь же... то-есть до того, какъ приступили къ тѣмъ покупкамъ, которыми, какъ я слышалъ, угрожаете...

Гедда. Ну, это-то ничуть не измѣняетъ дѣла.

Браккъ. Вотъ какъ? Тогда дѣло другое. А затѣмъ — до свиданья! (Тесману) Послѣ обѣда я всегда гуляю, такъ и зайду за вами.

Тесманъ. Да, да... Ахъ, я совсѣмъ голову потерялъ!

Гедда (полулежа, протягиваетъ руку). Прощайте, асессоръ! И милости просимъ опять.

Браккъ. Благодарю васъ. До свиданья.

Тесманъ (провожая его до дверей). Прощайте, дорогой асессоръ. Вы, пожалуйста, меня извините...

(Браккъ уходитъ чрезъ переднюю).

Тесманъ (возвращаясь). Ахъ, Гедда! Никогда не слѣдуетъ фантазировать! А?

Гедда (смотритъ на него съ улыбкой). А ты развѣ этимъ занимаешься?

Тесманъ. Да, знаешь, нельзя не сознаться, что очень фантастично было — жениться и устраивать домъ на однѣхъ надеждахъ.

Гедда. Пожалуй, ты правъ.

Тесманъ. Ну... зато хоть обзавелись своимъ уголкомъ, Гедда. Подумай... мы оба такъ мечтали объ этомъ. Почти бредили— могу я сказать. А?

Гедда (устало приподымаясь съ кресла). Уговоръ былъ — жить открыто. Принимать.

Тесманъ. Ахъ, Господи! И я такъ радовался этому! Видѣть тебя хозяйкой въ избранномъ кружкѣ! Подумай! А?.. Да, да, что̀ дѣлать. Пока придется, значитъ, пожить въ уединеніи вдвоемъ. Принимать у себя только тетю Юлю время отъ времени... Эхъ! Тебѣ-то бы совсѣмъ-совсѣмъ иначе надо было жить!..

Гедда. Ливрейнаго лакея у меня, конечно, не будетъ на первыхъ порахъ.

Тесманъ. Нѣтъ, — увы! Держать лакея — объ этомъ и рѣчи быть не можетъ.

Гедда. А о верховой лошади, должно-быть...

Тесманъ (испуганно). Верховой лошади!

Гедда. ...И думать нечего?

Тесманъ. Боже сохрани... само собой!

Гедда (идетъ вглубь комнаты). Ну... одно-то развлеченіе у меня все-таки остается пока что.

Тесманъ (просіявъ). Слава Богу! Какое же, Гедда? А?

Гедда (у двери въ маленькую гостиную смотритъ на него съ скрытой насмѣшкой). Пистолеты мои, Йоргенъ.

Тесманъ (испуганно). Пистолеты!

Гедда (съ холоднымъ взглядомъ). Пистолеты генерала Габлера. (Уходитъ черезъ маленькую гостиную налѣво).

Тесманъ (бѣжитъ за ней и кричитъ ей вслѣдъ). Но, ради всего святого, милая Гедда, не трогай ты этихъ опасныхъ штукъ! Ну, для меня, Гедда! А?

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната, что̀ въ первомъ дѣйствіи. Только піанино убрано, и вмѣсто него поставленъ изящный письменный столикъ съ полочкой для книгъ. У дивана налѣво тоже новый столикъ. Бо̀льшая часть букетовъ унесена. Букетъ Тети Эльвстедъ стоитъ на столѣ, который посреди комнаты. Время — послѣобѣденное.

Гедда въ изящномъ костюмѣ для пріемовъ стоитъ у отворенной стеклянной двери и заряжаетъ пистолетъ. Другой такой же лежитъ въ раскрытомъ футлярѣ на письменномъ столѣ.

Гедда (глядитъ внизъ въ садъ и кричитъ). Еще разъ здравствуйте, господинъ асессоръ!

Браккъ (изъ сада). Мое почтеніе, фру Тесманъ!

Гедда (поднимаетъ пистолетъ и прицѣливается). Вотъ я сейчасъ застрѣлю васъ.

Браккъ (оттуда же). Ай-ай! Да не цѣльтесь же прямо въ меня!

Гедда. Вотъ что̀ значитъ ходить окольными дорожками! (Спускаетъ курокъ. Выстрѣлъ).

Браккъ (ближе). Да вы совсѣмъ не въ своемъ умѣ!

Гедда. Боже мой! Да развѣ я попала въ васъ?

Браккъ (еще ближе). Ну, бросьте же эти дурачества!

Гедда. Такъ входите, асессоръ!

(Браккъ, уже переодѣтый для холостой вечеринки, съ легкимъ пальто, перекинутымъ черезъ руку, входитъ изъ стеклянной двери).

Браккъ. Чортъ возьми... такъ вы все не бросаете этого спорта? Во что же вы стрѣляете?

Гедда. Такъ — въ воздухъ палю!

Браккъ (осторожно высвобождаетъ изъ ея руки пистолетъ). Позвольте-ка, сударыня. (Осматриваетъ его) А, старый знакомый. (Озирается кругомъ) Гдѣ же у насъ футляръ? А, вотъ. (Прячетъ пистолетъ въ футляръ и запираетъ его) Будетъ съ насъ на сегодня этой забавы.

Гедда. Чѣмъ же прикажете мнѣ заниматься?

Браккъ. Визитовъ не было?

Гедда (затворяя стеклянную дверь). Ни одного. Всѣ близкіе знакомые, вѣрно, еще на дачѣ.

Браккъ. Тесмана, пожалуй, тоже нѣтъ дома?

Гедда (запираетъ футляръ съ пистолетами въ ящикъ стола). Нѣтъ. Едва пообѣдалъ, побѣжалъ къ своимъ тетушкамъ. Онъ не ждалъ васъ такъ рано.

Браккъ. Гм... Что̀ бы мнѣ догадаться! Далъ маху!

Гедда (поворачивая къ нему голову). Какъ такъ?

Браккъ. Да, конечно,—могъ бы придти сюда... немножко пораньше.

Гедда (переходя на середину комнаты). Ну, тогда бы вы совсѣмъ никого не застали. Я послѣ обѣда переодѣвалась у себя.

Браккъ. Развѣ тамъ не нашлось бы какой-нибудь крохотной щелочки, черезъ которую можно переговариваться?

Гедда. Вы же забыли устроить себѣ такую.

Браккъ. Второй промахъ!

Гедда. Ну, придется намъ посидѣть тутъ да подождать, пока Тесманъ вернется. Онъ врядъ ли скоро...

Браккъ. Что-жъ, посидимъ; я буду терпѣливъ.

(Гедда садится въ углу дивана; Браккъ вѣшаетъ свое пальто на спинку ближайшаго стула и садится, держа шляпу въ рукахъ. Небольшая пауза. Взгляды ихъ встрѣчаются).

Гедда. Ну?

Браккъ (тѣмъ же тономъ). Ну?

Гедда. Я первая спросила.

Браккъ (слегка наклоняясь впередъ). Ну что̀ же, давайте проведемъ часокъ въ пріятельской бесѣдѣ, фру Гедда!

Гедда (откидываясь на спинку дивана). Вамъ не кажется, будто цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами бесѣдовали въ послѣдній разъ? Двухъ-трехъ фразъ, которыми мы перекинулись вчера на пристани и сегодня утромъ, конечно, считать нечего.

Браккъ. Значитъ — съ глазу на глазъ? Интимно, хотите вы сказать?

Гедда. Да-а, въ родѣ того.

Браккъ. Я тутъ каждый день вспоминалъ васъ и желалъ, чтобы вы поскорѣе вернулись.

Гедда. Да и я, пожалуй, все время желала того же.

Браккъ. Въ самомъ дѣлѣ, фру Гедда? А я-то думалъ, что вамъ было такъ весело путешествовать.

Гедда. Да, ужъ нечего сказать!

Браккъ. Но вѣдь Тесманъ только объ этомъ и твердилъ въ письмахъ.

Гедда. Да, онъ! По его мнѣнію, вѣдь большаго веселья, чѣмъ ходить да рыться по разнымъ библіотекамъ и архивамъ, и быть не можетъ. Корпѣть надъ перепиской старыхъ пергаментовъ или чего тамъ еще!..

Браккъ (нѣсколько ядовито). Что-жъ, это его призваніе. Отчасти, по крайней мѣрѣ.

Гедда. Да, конечно. И тогда немудрено... Но я-то! Мнѣ-то каково было! Право, дорогой асессоръ, мнѣ было невыносимо скучно.

Браккъ (съ участіемъ). Вы это въ самомъ дѣлѣ серьезно говорите?

Гедда. Вы, я думаю, и сами можете догадаться! Полгода не видѣть ни единаго человѣка, хоть мало-мальски изъ нашего круга, съ которымъ бы можно было отвести душу, поговорить о вещахъ, интересныхъ и для меня и для него.

Браккъ. Да, да, — это и для меня было бы большимъ лишеніемъ.

Гедда. А что всего невыносимѣе...

Браккъ. Ну?

Гедда. ...Вѣчно быть въ обществѣ — одного и того же...

Браккъ (одобрительно кивая головой). Н-да, съ утра и до вечера! Подумайте — постоянно.

Гедда. Я сказала — вѣчно.

Браккъ. Согласенъ. Но вѣдь съ нашимъ добрякомъ Тесманомъ, право, мнѣ кажется, можно было бы...

Гедда. Тесманъ — спеціалистъ, милѣйшій асессоръ.

Браккъ. Безспорно.

Гедда. А путешествовать со спеціалистомъ вовсе не забавно. Не надолго, по крайней мѣрѣ.

Браккъ. Даже... съ такимъ спеціалистомъ, котораго любишь?

Гедда. Фи! Не употребляйте этого избитаго слова!

Браккъ (пораженный). Что, что, фру Гедда?

Гедда (полушутя, полудосадливо). Да. Попробовали бы вы сами! Слушать объ исторіи цивилизаціи съ ранняго утра и до поздняго вечера...

Браккъ. Вѣчно!..

Гедда. Да, да, да! Да еще о кустарныхъ промыслахъ въ средніе вѣка!.. Это ужъ хуже всего.

Браккъ (пытливо смотритъ на нее). Но скажите же мнѣ,—какъ тогда въ сущности понять, что..? Гм...

Гедда. Что изъ насъ съ Йоргеномъ Тесманомъ вышла пара, хотите вы сказать?

Браккъ. Ну, хотя бы такъ, что ли.

Гедда. Господи! Васъ это такъ удивляетъ?

Браккъ. И да и нѣтъ, фру Гедда.

Гедда. Я, видите ли, успѣла наплясаться досыта, любезный асессоръ! И мои красные деньки уже прошли. (Невольно вздрогнувъ) Ахъ, нѣтъ! Этого не скажу! Да и думать не хочу.

Браккъ. Да и, право, нѣтъ основаній такъ думать.

Гедда. Ну, основаній-то... (Пытливо глядя на него) А отъ Тесмана, во всякомъ случаѣ, нельзя отнять, что онъ человѣкъ вполнѣ корректный.

Браккъ. И корректный и солидный. Помилуйте!

Гедда. И я не могу найти въ немъ собственно ничего такого... смѣшного. А вы находите?

Браккъ. Смѣшного? Н-нѣтъ... этого я собственно не скажу...

Гедда. Такъ вотъ. И во всякомъ случаѣ онъ большой труженикъ, усердный собиратель. Такъ что, пожалуй, со временемъ все-таки выдвинется.

Браккъ (смотритъ на нее нѣсколько неувѣренно). Я полагалъ, что и вы, какъ многіе другіе, были увѣрены, что изъ него выйдетъ нѣчто прямо выдающееся.

Гедда (съ усталымъ выраженіемъ). Да, и я тоже... А разъ онъ къ тому же чуть не силой добивался милостиваго позволенія обезпечить меня... то... я и не знаю, зачѣмъ бы я ему отказала.

Браккъ. Конечно. Съ этой точки зрѣнія...

Гедда. Это было все-таки побольше того, чего я могла ожидать отъ другихъ моихъ услужливыхъ поклонниковъ, дорогой асессоръ.

Браккъ (смѣясь). За другихъ я отвѣчать не берусь; что же касается лично меня, то, вамъ извѣстно, я всегда питалъ

какое-то особенное... почтеніе къ брачнымъ узамъ вообще, фру Гедда.

Гедда (шутливо). О, на васъ-то я никогда и не разсчитывала!

Браккъ. Все, чего я жажду—это обзавестись милымъ интимнымъ кружкомъ, гдѣ бы я могъ быть полезенъ и словомъ и дѣломъ... могъ постоянно бывать на правахъ испытаннаго друга...

Гедда. Хозяина дома?

Браккъ (слегка наклоняясь впередъ). Откровенно говоря, — лучше бы хозяйки. Но и хозяина тоже, конечно. Однимъ словомъ, я мечтаю объ этакомъ... если можно такъ выразиться, семейномъ «треугольникѣ». И, смѣю васъ увѣрить, подобное соотношеніе и удобно и пріятно для всѣхъ сторонъ.

Гедда. Да, мнѣ не разъ во время путешествія недоставало третьяго партнера... Сидѣть все время вдвоемъ въ купе... охъ!

Браккъ. Къ счастью, свадебная поѣздка уже позади.

Гедда (качая головой). Ну, путешествіе можетъ еще затянуться... надолго. Я только прибыла на промежуточную станцію.

Браккъ. Такъ можно выскочить. И поразмяться немножко, фру Гедда.

Гедда. Я никогда не выскакиваю.

Браккъ. Нѣтъ?

Гедда. Нѣтъ. Всегда вѣдь кто-нибудь...

Браккъ (смѣясь). ...Стоитъ и смотритъ вамъ на ноги, такъ?

Гедда. Именно.

Браккъ. Ну, Боже мой! Что же изъ этого?..

Гедда (дѣлаетъ отстраняющій жестъ рукой). Не люблю я. Лучше ужъ оставаться на мѣстѣ. Хотя бы и вдвоемъ.

Браккъ. Ну, а если третій самъ войдетъ къ вамъ въ купе?

Гедда. Вотъ это дѣло совсѣмъ другое!

Браккъ. Какой-нибудь испытанный и догадливый другъ...

Гедда. ...Интересный, содержательный во всѣхъ отношеніяхъ...

Браккъ. ...И ничуть не спеціалистъ!

Гедда (громко вздыхая). Да, это, конечно, большое облегченіе.

Браккъ (услыхавъ, что входныя двери отворяются, косится на дверь въ переднюю). Итакъ, «треугольникъ» построенъ.

Гедда (вполголоса). И поѣздъ мчится дальше.

(Изъ передней появляется Тесманъ въ сѣромъ костюмѣ для гулянья и пуховой шляпѣ. Подъ мышкой и въ карманахъ у него множество брошюръ и книгъ безъ переплетовъ).

Тесманъ (идя къ столу передъ угловымъ диваномъ). Уфъ, тяжеленько было тащить такую кипу... (Кладетъ книги на столъ) Я просто вспотѣлъ даже, Гедда!.. А-а! Вы ужъ здѣсь, милѣйшій асессоръ! А? Берта мнѣ ничего не сказала.

Браккъ (встаетъ). Я прошелъ черезъ садъ.

Гедда. Что это за книги ты принесъ?

Тесманъ (перелистывая книги). Разныя новыя спеціальныя сочиненія, которыя мнѣ необходимо было пріобрѣсти...

Гедда. Спеціальныя сочиненія?

Браккъ. Н-да-съ! Все спеціальныя сочиненія, фру Тесманъ.

(Браккъ и Гедда обмѣниваются улыбками въ знакъ того, что поняли другъ друга).

Гедда. Развѣ тебѣ еще нужны какія-то спеціальныя сочиненія?

Тесманъ. Еще бы, милочка! Сколько ни покупай—лишняго не купишь. Надо вѣдь слѣдить за всѣмъ, что пишется и печатается.

Гедда. Да, вѣроятно, надо.

Тесманъ (роется въ книгахъ). А вотъ... я раздобылъ и новую книгу Эйлерта Лёвборга. (Достаетъ ее) Не хочешь ли заглянуть въ нее, Гедда? А?

Гедда. Нѣтъ, покорно благодарю. Впрочемъ... потомъ, пожалуй.

Тесманъ. Я дорогой немножко проглядѣлъ ее.

Браккъ. Ну, и какое же ваше мнѣніе, какъ спеціалиста?

Тесманъ. Замѣчательно! Какое ровное, ясное изложеніе! Прежде онъ такъ никогда не писалъ. (Собираетъ книги) Ну, надо однако унести все это. Вотъ весело-то будетъ разрѣзывать!.. А потомъ надо еще переодѣться. (Браккъ) Мы вѣдь еще не сейчасъ идемъ? А?

Браккъ. Помилуйте, куда-жъ торопиться.

Тесманъ. Ну, такъ я еще немножко... (Уходитъ съ книгами, но въ дверяхъ останавливается) Ахъ, да, Гедда, — тетя Юля не придетъ къ тебѣ сегодня вечеромъ.

Гедда. Не придетъ? Что-жъ, шляпка виновата?

Тесманъ. Ну вотъ! Какъ ты можешь думать такъ о тетѣ Юлѣ! Помилуй!.. Тетѣ Ринѣ очень плохо, вотъ что.

Гедда. Да вѣдь она хвораетъ постоянно?

Тесманъ. Да, но сегодня ей, бѣдной, что-то ужъ очень плохо.

Гедда. Ну, тогда въ порядкѣ вещей, что та остается съ ней. Я не въ претензіи.

Тесманъ. И ты себѣ представить не можешь, Гедда, какъ тетя Юля все-таки обрадовалась, что... ты такъ пополнѣла за поѣздку.

Гедда (вставая, вполголоса). Охъ, ужъ эти мнѣ тетушки!

Тесманъ. А?

Гедда (идя къ стеклянной двери). Ничего.

Тесманъ. Ну, такъ... (Уходитъ чрезъ маленькую гостиную направо).

Браккъ. О какой это вы шляпкѣ говорили?

Гедда. Ахъ, это фрёкенъ Тесманъ была здѣсь утромъ и положила свою шляпку тутъ на стулѣ. (Улыбаясь) А я сдѣлала видъ, будто приняла ее за шляпку Берты.

Браккъ (качая головой). Однако, милѣйшая фру Гедда. Какъ же это вы? Такая почтенная старушка!..

Гедда (нервно, ходя по комнатѣ). Да... знаете, на меня иногда вдругъ находитъ... и тогда ужъ ничего не подѣлаешь! (Бросается въ кресло у печки) Право, не знаю, чѣмъ это объяснить.

Браккъ (стоя за кресломъ). Дѣло, кажется, въ томъ... что вы въ сущности не вполнѣ счастливы.

Гедда (глядя передъ собой). Да и съ чего бы мнѣ быть счастливой. Можетъ-быть, вы мнѣ это скажете?

Браккъ. Да хотя бы потому, между прочимъ, что вы устроились какъ разъ такъ, какъ желали.

Гедда (взглядываетъ на него и смѣется). Такъ вы тоже вѣрите въ эту исторію съ желаніями?

Браккъ. А развѣ въ ней нѣтъ правды?

Гедда. Пожалуй, есть — доля.

Браккъ. Ну-съ?

Гедда. Дѣло въ томъ, что Тесманъ прошлымъ лѣтомъ служилъ мнѣ провожатымъ съ вечеровъ.

Браккъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, было совсѣмъ не по пути.

Гедда. Да, да; у васъ-то прошлымъ лѣтомъ — пути были иные.

Браккъ (смѣется). Какъ вамъ не совѣстно, фру Гедда! Ну, такъ вы съ Тесманомъ?..

Гедда. Да, — такъ вотъ разъ мы проходили мимо этой виллы... Тесманъ, бѣдняга, мялся-мялся и все никакъ не могъ придумать темы для разговора. Мнѣ стало жаль ученаго мужа...

Браккъ (недовѣрчиво улыбаясь). Жаль? Гм...

Гедда. Увѣряю васъ. И, чтобы какъ-нибудь помочь ему выпутаться, я такъ, совсѣмъ даже не думая, сказала, что вотъ въ этой виллѣ я не прочь была бы поселиться.

Браккъ. И больше ничего?

Гедда. Въ тотъ вечеръ, по крайней мѣрѣ.

Браккъ. Послѣ, значитъ?

Гедда. Да, моя необдуманность имѣла послѣдствія, дорогой асессоръ.

Браккъ. Къ сожалѣнію, наши необдуманные поступки слишкомъ даже часто имѣютъ послѣдствія, фру Гедда!

Гедда. Спасибо! Такъ вотъ эти-то мечты о виллѣ генеральши Фалькъ и сблизили насъ съ Тесманомъ. Это же повело за собой и помолвку, и свадьбу, и поѣздку, и все, все! Да, да, асессоръ, то-то и есть — что посѣешь, то и пожнешь!

Браккъ. Это презабавно. А въ сущности-то все это нисколько васъ не интересовало?

Гедда. Вотъ именно.

Браккъ. Ну, а теперь-то? Вѣдь мы, кажется, постарались для васъ... устроили все возможно уютнѣе?

Гедда. Уфъ! По-моему, здѣсь во всѣхъ комнатахъ пропахло лавандой и мускусомъ. Впрочемъ, этотъ запахъ занесла, пожалуй, тетя Юля.

Браккъ (смѣясь). Скорѣй же это наслѣдство отъ покойной генеральши.

Гедда. Да, здѣсь пахнетъ чѣмъ-то отжившимъ. Напоминаетъ цвѣты на другой день послѣ бала. (Заложивъ руки за голову, откидывается въ креслѣ и смотритъ на асессора). Ахъ, дорогой асессоръ, вы не можете себѣ представить, какая скука ждетъ меня здѣсь!

Браккъ. Развѣ жизнь не готовитъ вамъ какихъ-нибудь задачъ, фру Гедда?

Гедда. То-есть что-нибудь интересное, заманчивое?

Браккъ. Это, конечно, было бы лучше всего.

Гедда. Не знаю... какія тамъ задачи! Я часто думаю... (Обрывая) Но изъ этого, пожалуй, тоже ничего не выйдетъ.

Браккъ. Кто знаетъ? Ну-ка, скажите.

Гедда. Что если бы я могла заставить Тесмана заняться политикой?

Браккъ (смѣется). Тесмана? Нѣтъ, повѣрьте, политика — это ужъ... совсѣмъ не по его части.

Гедда. Охотно вѣрю. А если бы все-таки мнѣ удалось?

Браккъ. Да какая же вамъ будетъ радость? Разъ онъ не годится? Зачѣмъ вамъ тогда заставлять его?..

Гедда. Затѣмъ, что мнѣ скучно! Слышите? (Послѣ небольшой паузы) Такъ, по-вашему, Тесману ни въ какомъ случаѣ не дойти бы до министра?

Браккъ. Гм... Видите ли, дорогая фру Гедда... для того, чтобы сдѣлаться министромъ, ему прежде всего нужно было бы быть богатымъ человѣкомъ.

Гедда (вставая съ раздраженіемъ). Да, вотъ оно что! Всюду эти мизерныя условія, въ которыя я попала!.. (Начиная ходить по комнатѣ) Это они дѣлаютъ жизнь такой жалкой, прямо нелѣпой. Вотъ что.

Браккъ. По-моему, причина кое-въ-чемъ другомъ.

Гедда. Ну?

Браккъ. Вамъ еще не доводилось испытать ничего такого... настоящаго, встряхивающаго.

Гедда. То-есть ничего такого серьезнаго, вы хотите сказать?

Браккъ. Да, пожалуй, назовите, какъ хотите. Но теперь, быть-можетъ, оно не заставитъ себя долго ждать.

Гедда (закидывая голову). Вы подразумѣваете приключеніе съ этой жалкой профессурой? Такъ это дѣло Тесмана. Меня оно ничуть не касается.

Браккъ. Да, да; пусть такъ. Ну, а если на васъ — выражаясь высокимъ слогомъ — будутъ возложены серьезныя, святыя обязанности? (Улыбаясь) Новыя обязанности, милая фру Гедда!

Гедда (сердито). Замолчите! Ничему такому не бывать никогда

Браккъ (успокаивающимъ тономъ). Ну, объ этомъ мы поговоримъ много-много черезъ годикъ.

Гедда (отрывисто). Во мнѣ нѣтъ никакихъ задатковъ для этого, господинъ асссоръ. Оставьте вы меня съ вашими обязанностями.

Браккъ. Будто у васъ нѣтъ задатковъ для того, что̀ для большинства женщинъ является такимъ призваніемъ, которое...

Гедда (у стеклянной двери). Да перестаньте же, говорятъ вамъ! Право, я часто думаю, что у меня есть задатки только для одного.

Браккъ (подходя ближе къ ней). Можно спросить — для чего?

Гедда (глядя въ садъ). Умереть со скуки. Вотъ вамъ. (Оборачивается къ дверямъ маленькой комнаты и смѣется) Такъ и есть! Самъ профессоръ.

Браккъ (тихо, тономъ предостереженія). Ну-ну-ну, фру Гедда!

(Тесманъ, уже переодѣтый, съ перчатками и шляпой въ рукахъ, выходитъ справа).

Тесманъ. Гедда, не было еще письма съ отказомъ отъ Эйлерта Лёвборга? А?

Гедда. Нѣтъ.

Тесманъ. Ну, такъ увидишь, скоро самъ явится.

Браккъ. Такъ вы думаете все-таки, что онъ придетъ?

Тесманъ. Почти увѣренъ. Вѣдь все, что̀ вы тутъ угромъ разсказывали, вѣрно, одни пустые слухи.

Браккъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Тесманъ. По крайней мѣрѣ тетя Юля сказала, что ни за что на свѣтѣ не повѣритъ, чтобы онъ захотѣлъ стать мнѣ поперекъ дороги. Подумайте!..

Браккъ. Въ такомъ случаѣ все обстоитъ благополучно.

Тесманъ (положивъ перчатки въ шляпу, кладетъ ее на стулъ направо). А мнѣ, пожалуй, слѣдовало бы его подождать.

Браккъ. Что-жъ, времени у насъ достаточно. Ко мнѣ никто не придетъ раньше семи, половины восьмого.

Тесманъ. Ну, такъ мы можемъ пока составить компанію Геддѣ. А тамъ посмотримъ. А?

Гедда (перенося пальто и шляпу асессора со стула на угловой диванъ). Въ худшемъ случаѣ господинъ Лёвборгъ можетъ провести вечеръ со мной.

Браккъ (желая самъ взять свои вещи). Простите, фру Тесманъ!.. А что вы собственно подразумѣваете подъ худшимъ случаемъ?

Гедда. То-есть, если господинъ Лёвборгъ не пожелаетъ присоединиться къ вамъ съ Тесманомъ.

Тесманъ (глядя на жену, въ недоумѣніи). Но, милочка, хорошо ли будетъ, если онъ останется тутъ съ тобой? А? Вспомни, тетя Юля вѣдь не можетъ придти.

Гедда. Да, но фру Эльвстедъ придетъ. Вотъ мы втроемъ и напьемся чаю.

Тесманъ. Да, тогда такъ.

Браккъ (улыбаясь). И для самого Лёвборга это, пожалуй, было бы полезнѣе.

Гедда. Это какъ?

Браккъ. Да помилуйте! Вы же не разъ, кажется, нападали на мои холостыя вечеринки! По-вашему, ихъ могутъ посѣщать развѣ только мужчины съ очень и очень твердыми правилами.

Гедда. Я полагала, что господинъ Лёвборгъ достаточно твердъ теперь въ своихъ правилахъ. Обращенный грѣшникъ...

(Берта входитъ изъ передней).

Берта. Барыня, какой-то господинъ желаетъ..

Гедда. Пусть войдетъ. (Берта уходитъ).

Тесманъ (тихо). Я увѣренъ, что это онъ. Подумай!

(Изъ передней входитъ Эйлертъ Лёвборгъ. Онъ однихъ лѣтъ съ Тесманомъ, но на видъ старше послѣдняго. По лицу его видно, что онъ успѣлъ пожить. Худощавъ и строенъ. Продолговатое, блѣдное лицо съ яркими пятнами румянца на щекахъ; волосы и борода темные. Одѣтъ изящно въ новую черную визитную пару. Темныя перчатки и цилиндръ. Онъ останавливается недалеко отъ дверей и дѣлаетъ быстрый поклонъ. Кажется нѣсколько смущеннымъ).

Тесманъ (подходитъ и трясетъ ему руку). Ну вотъ, дорогой Эйлертъ... Пришлось-таки намъ опять свидѣться!

Левборгъ (негромкимъ голосомъ). Спасибо за письмо! (Подходитъ къ Геддѣ) Позвольте пожать и вашу руку, фру Тесманъ?

Гедда (жметъ ему руку). Милости просимъ, господинъ Лёвборгъ. (Указывая на асессора) Не знаю, господа, — вы..?

Левборгъ (съ легкимъ поклономъ). Кажется, асессоръ Браккъ?

Браккъ (кланяясь). Онъ самый! Нѣсколько лѣтъ назадъ...

Тесманъ (кладетъ Лёвборгу обѣ руки на плечи). Прошу тебя те-

перь быть какъ дома, Эйлертъ! Не такъ ли, Гедда? Ты вѣдь думаешь, кажется, опять поселиться здѣсь въ городѣ? А?

Левборгъ. Да, хочу.

Тесманъ. Это и понятно. Послушай, я досталъ твою новую книгу. Только, право, не успѣлъ еще прочесть.

Левборгъ. Да и не стоитъ трудиться.

Тесманъ. Это почему?

Левборгъ. Въ ней нѣтъ ничего особеннаго.

Тесманъ. Подумай! И это ты говоришь!

Браккъ. Ее однако всѣ чрезвычайно хвалятъ, — я слышалъ.

Левборгъ. Этого только мнѣ и нужно было. Я вѣдь такъ и писалъ ее, чтобы она всѣмъ пришлась по вкусу.

Браккъ. Очень разумно.

Тесманъ. Однако, дорогой Эйлертъ!..

Левборгъ. Видишь ли, мнѣ захотѣлось вновь создать себѣ положеніе... Начать сначала.

Тесманъ (нѣсколько смущенно). Да, да, пожалуй... А?

Левборгъ (улыбаясь, кладетъ шляпу въ сторону и вынимаетъ изъ бокового кармана свертокъ въ бумагѣ). Но вотъ, когда выйдетъ это, Іоргенъ, — ты прочти. Только тутъ настоящее. Здѣсь я весь!

Тесманъ. Вотъ какъ? Что же это?

Левборгъ. Это продолженіе.

Тесманъ. Продолженіе? Чего?

Левборгъ. Книги.

Тесманъ. Той, новой?

Левборгъ. Ну да.

Тесманъ. Но, милый мой Эйлертъ, — ты и въ ней дошелъ уже вплоть до нашего времени!

Левборгъ. Да. А это трактуетъ о будущемъ.

Тесманъ. О будущемъ! Богъ мой, — да мы же ровно ничего не знаемъ о будущемъ!

Левборгъ. Да. Но кое-что и о немъ все-таки сказать можно. (Развертываетъ бумагу и достаетъ рукопись) Вотъ, посмотри-ка...

Тесманъ. Вѣдь это не твой почеркъ.

Левборгъ. Я диктовалъ. (Перелистывая рукопись) Тутъ двѣ части. Первая — о культурныхъ силахъ будущаго, а другая (перелистывая дальше) — о культурномъ прогрессѣ будущаго.

Тесманъ. Удивительно! Мнѣ и въ голову никогда не пришло бы писать о чемъ-либо подобномъ!

Гедда (у стеклянныхъ дверей, барабанитъ пальцами по стеклу). Гм.., Да, да.

Левборгъ (снова завертываетъ рукопись и кладетъ ее на столъ). Я захватилъ рукопись, думая прочесть тебѣ кое-что сегодня вечеромъ.

Тесманъ. Какъ это мило съ твоей стороны! Только вотъ сегодня-то... (Поглядывая на Браккa) Не знаю, право, какъ это устроить.

Левборгъ. Такъ вѣдь можно и въ другой разъ. Не къ спѣху же!

Браккъ. Видите ли, господинъ Лёвборгъ, у меня сегодня вечеромъ собирается небольшая компанія... Главнымъ образомъ ради Тесмана, понимаете...

Левборгъ (ищетъ глазами шляпу). А, ну, въ такомъ случаѣ, я...

Браккъ. Да нѣтъ, послушайте, — не могли ли бы вы тоже сдѣлать мнѣ удовольствіе присоединиться къ намъ?

Левборгъ (быстро и твердо). Нѣтъ, не могу. Очень вамъ благодаренъ.

Браккъ. Отчего же? Пожалуйста. Соберется небольшой избранный кружокъ... И, повѣрьте, будетъ оживленно — какъ выражается фру Гед... фру Тесманъ.

Левборгъ. Не сомнѣваюсь. Но все-таки...

Браккъ. Право! Взяли бы съ собой рукопись и прочли бы ее тамъ Тесману. У меня мѣста хватитъ.

Тесманъ. Въ самомъ дѣлѣ, Эйлертъ, отчего бы тебѣ не пойти? А?

Гедда (становясь между ними). Но послушай, милый! Если господину Лёвборгу вовсе не хочется? Я увѣрена, что онъ предпочтетъ остаться здѣсь и поужинать со мною.

Левборгъ (смотритъ на нее). Съ вами, фру Тесманъ?

Гедда. И съ фру Эльвстедъ.

Левборгъ. А!.. (Какъ бы вскользь) Я видѣлъ ее сегодня мелькомъ.

Гедда. Да? Такъ она тоже будетъ. И вамъ почти необходимо остаться, господинъ Лёвборгъ. Кто же иначе проводитъ ее домой?

Левборгъ. Это правда. Очень вамъ благодаренъ, сударыня... Въ такомъ случаѣ я остаюсь.

Гедда. Такъ я только сдѣлаю маленькія распоряженія...

(Звонитъ; входитъ Берта. Гедда тихо говоритъ съ ней, указывая на маленькую комнату. Берта киваетъ головой и уходитъ).

Тесманъ (въ то же самое время). Послушай, Эйлертъ! Такъ это и есть та новая тема — этотъ прогрессъ будущаго... О немъ ты и хотѣлъ читать лекціи?

Левборгъ. Да.

Тесманъ. Мнѣ сказали въ книжномъ магазинѣ, что ты намѣренъ прочесть здѣсь осенью рядъ лекцій.

Левборгъ. Да. Ты извини меня, но...

Тесманъ. Помилуй! Что же...

Левборгъ. Я понимаю, что тебѣ это не совсѣмъ кстати.

Тесманъ (упавъ духомъ). Что-жъ, развѣ я могу требовать, чтобы ты изъ-за меня...

Левборгъ. Но я, конечно, подожду твоего назначенія.

Тесманъ. Подождешь? Да, но... ты все-таки... хочешь участвовать въ конкурсѣ? А?

Левборгъ. Ничуть! Я только хочу побѣдить тебя въ общественномъ мнѣніи!

Тесманъ. Но, Боже мой... такъ тетя Юля все-таки права! Я такъ и зналъ! Гедда! Подумай... Лёвборгъ вовсе не хочетъ становиться намъ поперекъ дороги!

Гедда (рѣзко). Намъ! Меня-то ужъ оставь въ сторонѣ!

(Идетъ къ дверямъ маленькой гостиной, гдѣ Берта въ это время разставляетъ на столѣ графины и стаканы. Гедда одобрительно киваетъ головой и опять возвращается къ гостямъ. Берта уходитъ).

Тесманъ (въ то же самое время). А вы, асессоръ, что̀ на это скажете? А?

Браккъ. Скажу только, что честь и побѣда... гм... иногда очень пріятныя вещи...

Тесманъ. Да, да. Но все-таки...

Гедда (глядя на мужа съ холодной улыбкой). Право, тебя какъ будто громомъ оглушило.

Тесманъ. Да... въ родѣ этого... пожалуй...

Браккъ. Ну, да вѣдь надъ нами и пронеслась гроза, фру Тесманъ.

Гедда (указывая на маленькую гостиную). Не хотите ли, господа, по стакану холоднаго пунша?

Браккъ (глядя на часы). На дорогу? Это было бы недурно.

Тесманъ. Великолѣпно, Гедда! Превосходно! Съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ у меня теперь...

Гедда. А вы, господинъ Лёвборгъ? Пожалуйте!

Левборгъ (уклончиво). Очень благодаренъ. Это не по моей части.

Браккъ. Мой Богъ!.. Холодный пуншъ — не ядъ же!

Левборгъ. Для кого какъ.

Гедда. Ну, такъ я постараюсь пока занять господина Лёвборга.

Тесманъ. Да, да, милочка. Пожалуйста.

(Тесманъ и Браккъ идутъ въ маленькую комнату, располагаются тамъ на диванѣ, пьютъ пуншъ и курятъ, весело бесѣдуя между собой во все время слѣдующей сцены. Лёвборгъ остается стоять у печки; Гедда подходитъ къ письменному столу).

Гедда (нѣсколько возвышая голосъ). Я покажу вамъ кое-какія фотографіи, если хотите. Вѣдь мы съ Тесманомъ на возвратномъ пути проѣзжали черезъ Тироль...

(Гедда переноситъ альбомъ съ письменнаго стола на столъ передъ диваномъ и сама усаживается въ правомъ углу дивана. Лёвборгъ подходитъ ближе, останавливается и молча глядитъ на нее. Затѣмъ беретъ стулъ и садится налѣво отъ нея, спиной къ маленькой комнатѣ).

Гедда (открываетъ альбомъ). Вотъ взгляните на этотъ видъ,

господинъ Лёвборгъ. Это Ортлеръ. Тесманъ самъ подписывалъ. (Читаетъ) «Ортлеръ у Мерана».

Левборгъ (все время не сводившій съ нея глазъ, говоритъ тихо и медленно). Гедда Габлеръ.

Гедда (украдкой кидая на него быстрый взглядъ). Тсс!..

Левборгъ (повторяетъ тихо). Гедда Габлеръ.

Гедда (глядя въ альбомъ). Да, такъ меня звали прежде. Въ тѣ времена... когда мы съ вами были знакомы.

Левборгъ. А впредь... и навсегда... придется отвыкнуть называть васъ—Геддой Габлеръ.

Гедда (продолжая перелистывать альбомъ). Да, придется. И, по-моему, вамъ слѣдуетъ отвыкнуть вò-время. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Левборгъ (дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ). Гедда Габлеръ — замужемъ! И за... Йоргеномъ Тесманомъ!

Гедда. Да, такъ бываетъ на свѣтѣ.

Левборгъ. О, Гедда, Гедда!.. Какъ могла ты такъ загубить себя!

Гедда (строго глядитъ на него). Ну? Безъ этого!

Левборгъ. Чтò такое? Я тебя не понимаю.

(Тесманъ встаетъ изъ-за стола и идетъ къ нимъ).

Гедда (заслышавъ шаги, равнодушнымъ тономъ). А вотъ это, господинъ Лёвборгъ, долина Ампеццо. Взгляните на эти вершины! (Ласково глядя на Тесмана) Послушай, какъ называются эти странныя вершины?

Тесманъ. Покажи-ка. А, это—доломиты.

Гедда. Да, такъ!.. Это доломиты, господинъ Лёвборгъ.

Тесманъ. Знаешь, Гедда, я хотѣлъ спросить тебя, не принести ли все-таки сюда пуншу? По крайней мѣрѣ тебѣ? А?

Гедда. Спасибо, мой другъ. И парочку пирожныхъ.

Тесманъ. А папиросъ?

Гедда. Нѣтъ, не надо.

Тесманъ. Хорошо.

(Идетъ черезъ маленькую гостиную направо. Браккъ со своего мѣста наблюдаетъ время отъ времени за Геддой и Лёвборгомъ).

Левборгъ (тихо, какъ прежде). Отвѣчай же, Гедда! Какъ ты могла рѣшиться на это?

Гедда (съ виду углубленная въ альбомъ). Если вы будете продолжать говорить мнѣ «ты», я не стану отвѣчать.

Левборгъ. Чтò? Я не могу себѣ позволить это даже съ глазу на глазъ съ тобой?

Гедда. Нѣтъ. Развѣ—мысленно. А вслухъ нельзя.

Левборгъ. А, понимаю. Это шокируетъ вашу любовь къ Йоргену Тесману!

Гедда (косясь на него, съ улыбкой). Любовь? Нѣтъ, это мило!

Левборгъ. Такъ не любовь, значитъ?

Гедда. Но однако и не измѣна! Ничего подобнаго я знать не хочу.

Левборгъ. Гедда, скажи мнѣ одно...

Гедда. Тсс!..

(Тесманъ возвращается съ подносомъ и ставитъ его на столъ).

Тесманъ. Ну, вотъ вамъ и сласти!

Гедда. Что-жъ это ты самъ?

Тесманъ (наливая стаканы). Да, меня забавляетъ прислуживать тебѣ, Гедда!

Гедда. Но ты налилъ два стакана! Господинъ Лёвборгъ вѣдь не желаетъ.

Тесманъ. Такъ фру Эльвстедъ скоро придетъ.

Гедда. Да, это правда... фру Эльвстедъ.

Тесманъ. А ты и забыла? А?

Гедда. Мы тутъ такъ занялись... (Указывая на одну изъ фотографій) Ты помнишь эту деревушку?

Тесманъ. А, у подножія перевала Бреннера. Мы тамъ ночевали...

Гедда. ...И еще застали такую веселую компанію.

Тесманъ. Да, да. Подумай, если бы ты могъ быть тамъ съ нами, Эйлертъ!.. Ну! (Возвращается къ асессору Бракку).

Левборгъ. Скажи мнѣ только одно, Гедда...

Гедда. Ну?

Левборгъ. И въ тѣхъ отношеніяхъ ко мнѣ... тоже не было любви?.. Ни проблеска? Ни искры?

Гедда. Да какъ сказать? Мнѣ кажется, мы были просто добрыми товарищами. Настоящими друзьями-пріятелями. (Улыбается) Особенно вы — были изумительно откровенны.

Левборгъ. Вы этого хотѣли.

Гедда. Вспоминая теперь... я нахожу что-то прекрасное, увлекательное... что-то смѣлое въ этой тайной дружбѣ... этомъ товариществѣ, о которомъ не догадывалась ни единая душа!

Левборгъ. Не правда ли, Гедда? Вѣдь такъ? Помню, бывало, я приду послѣ обѣда къ вашему отцу... Генералъ усядется къ окну съ газетой... спиной къ намъ...

Гедда. А мы вдвоемъ на угловой диванъ...

Левборгъ. И передъ нами все однѣ и тѣ же иллюстраціи...

Гедда. За немнѣніемъ альбома, да.

Левборгъ. Да, Гедда!.. И я открывалъ вамъ свою душу!.. Разсказывалъ про себя то, чего не зналъ тогда никто другой. Признавался въ своемъ разгулѣ, въ ночныхъ и дневныхъ ку-

тежахъ. Ахъ, Гедда, какой силой владѣли вы, что могли вызывать меня на такую откровенность?

Гедда. Вы думаете, во мнѣ была особая сила?

Левборгъ. Да чѣмъ же иначе объяснить себѣ? И всѣ эти подходы... замаскированные вопросы, которые вы задавали мнѣ...

Гедда. И которые вы такъ отлично понимали...

Левборгъ. Какъ вы это могли такъ выспрашивать меня? Такъ смѣло, не стѣсняясь!

Гедда. Извините — подходами.

Левборгъ. И все-таки смѣло. Выспрашивать... о такихъ вещахъ!..

Гедда. А вы—какъ вы могли отвѣчать, господинъ Лёвборгъ?

Левборгъ. Этого-то я и не могу понять теперь. Но скажите же, Гедда... неужели за всѣмъ этимъ не таилось ни искры любви? Не говорило ли въ васъ желаніе поднять, очистить меня—путемъ моихъ признаній? Вѣдь такъ? Не правда ли?

Гедда. Не совсѣмъ такъ.

Левборгъ. Что же тогда манило васъ?

Гедда. Развѣ для васъ такъ ужъ необъяснимо, что молодая дѣвушка... ловитъ случай... такъ... втихомолку...

Левборгъ. Ну?

Гедда. Заглянуть хоть однимъ глазкомъ въ тотъ міръ, о которомъ...

Левборгъ. О которомъ?

Гедда. ...Ей не позволено ничего знать!

Левборгъ. Вотъ, значитъ, что!

Гедда. Да, и это отчасти—пожалуй.

Левборгъ. Такъ наше товарищество держалось на жаждѣ жизни. Но зачѣмъ же не продолжалось хоть такъ?

Гедда. Вы сами были виноваты.

Левборгъ. Нѣтъ, это вы порвали со мной.

Гедда. Да, когда отношенія угрожали принять серьезный оборотъ. Стыдно вамъ, Эйлертъ Лёвборгъ,—какъ это вы могли такъ забыться передъ своимъ... смѣлымъ товарищемъ!

Левборгъ (судорожно сжимая руки). О, зачѣмъ вы и въ самомъ дѣлѣ... зачѣмъ не застрѣлили меня тогда, какъ грозили!

Гедда. Вотъ до чего я боюсь скандала!

Левборгъ. Да, Гедда, въ сущности, вы трусливы.

Гедда. Ужасно труслива. (Мѣняя тонъ) Но это на ваше счастье. А затѣмъ—вы такъ чудесно утѣшились тамъ... у Эльвстедъ!..

Левборгъ. Я знаю, Тея открылась вамъ.

Гедда. Пожалуй, и вы ей открыли кое-что о насъ съ вами?

Левборгъ. Ни слова. Ей не понять ничего такого. Слишкомъ глупа.

Гедда. Глупа?

Левборгъ. По этой части она глупа.

Гедда. А я трусливa. (Наклоняется къ нему и, не глядя на него, говоритъ вполголоса) Теперь я хочу открыть вамъ... кое-что...

Левборгъ (напряженно). Ну?

Гедда. Я не посмѣла застрѣлить васъ тогда...

Левборгъ. Ну?!

Гедда. ...Но не въ этомъ главнымъ образомъ сказалась моя трусость—въ тотъ вечеръ.

Левборгъ (смотритъ на нее съ минуту и, понявъ, шепчетъ страстно). О, Гедда, Гедда Габлеръ! Я схватываю теперь тайную подкладку товарищества! Ты и я!.. Значитъ, и въ тебѣ все-таки жажда жизни...

Гедда (обдавая его холоднымъ, острымъ взглядомъ, тихо). Берегитесь! Не воображайте ничего такого!

(Начинаетъ смеркаться. Берта отворяетъ двери передней).

Гедда (захлопываетъ альбомъ съ привѣтливой улыбкой). Ну, наконецъ! Милая Теа... входи же!

(Теа въ нарядномъ визитномъ платьѣ входитъ изъ передней, и Берта снова затворяетъ дверь).

Гедда (не вставая съ дивана, протягиваетъ къ ней руки). Милочка, Теа! Ты не можешь себѣ представить, какъ я тебя ждала!

(Теа мимоходомъ обмѣнивается поклонами съ сидящими въ маленькой комнатѣ мужчинами, затѣмъ приближается къ столу и подаетъ Геддѣ руку. Лёвборгъ въ это время встаетъ и обмѣнивается съ вновь пришедшей молчаливымъ кивкомъ головы).

Теа. Мнѣ, пожалуй, надо пойти побесѣдовать немножко съ твоимъ мужемъ?

Гедда. Вотъ еще. Пусть ихъ тамъ. Скоро уйдутъ.

Теа. Уйдутъ?

Гедда. Да, кутять.

Теа (быстро Лёвборгу). Вы не съ ними, надѣюсь?

Левборгъ. Нѣтъ.

Гедда. Господинъ Лёвборгъ остается съ нами.

Теа (беретъ себѣ стулъ, желая сѣсть рядомъ съ Лёвборгомъ). Ахъ, какъ тутъ славно!

Гедда. Нѣтъ, извини, милочка! Не тамъ! Не угодно ли поближе ко мнѣ. Я хочу быть въ серединѣ.

Теа. Изволь.

(Теа обходитъ диванъ и садится по правую руку Гедды. Лёвборгъ снова занимаетъ свое мѣсто).

Левборгъ (послѣ небольшой паузы обращается къ Геддѣ, указывая на Тею). Ну, не мила ли она? Смотрѣть любо!

Гедда (проводя рукой по волосамъ Теи). Только смотрѣть?

Левборгъ. Да. Потому что... она и я... мы съ ней истинные

друзья-товарищи. Безусловно вѣримъ другъ въ друга. И можемъ говорить другъ другу все прямо...

Гедда. Безъ подходовъ, господинъ Лёвборгъ?

Левборгъ. Ну...

Тея (ласково прижимаясь къ Геддѣ, тихо). Какъ я счастлива, Гедда! Подумай,—онъ говоритъ, что это я вдохновила его!

Гедда (глядя на нее съ улыбкой). Скажите, пожалуйста! Такъ и говоритъ?

Левборгъ. А сколько у нея мужества, энергіи, фру Тесманъ!

Тея. Ахъ, Боже мой! У меня—мужество!..

Левборгъ. Безграничное—гдѣ дѣло касается друга!

Гедда. Мужество... Да, недурно было бы запастись имъ...

Левборгъ. А для чего, по-вашему?

Гедда. Тогда еще можно было бы пожить по-настоящему. (Обрывая) Ну, милочка, теперь тебѣ надо выпить стаканъ холоднаго пунша!

Тея. Нѣтъ, благодарю. Я ничего такого не пью.

Гедда. Ну такъ вы, господинъ Лёвборгъ!

Левборгъ. Благодарю,—я тоже.

Тея. Да, онъ тоже.

Гедда (глядитъ на него въ упоръ). А если я хочу этого?

Левборгъ. Безполезно.

Гедда (смѣясь). Такъ у меня, бѣдной, ужъ нѣтъ никакой власти надъ вами?

Левборгъ. Не по этой части, во всякомъ случаѣ.

Гедда. Нѣтъ, серьезно говоря, вамъ все-таки слѣдовало бы рѣшиться. Ради васъ же самихъ!

Тея. Гедда, что ты!..

Левборгъ. Это какъ?

Гедда. Или, пожалуй, вѣрнѣе—ради людей.

Левборгъ. Вы думаете?

Гедда. Да вѣдь иначе люди могутъ подумать, что вы... въ сущности... не чувствуете себя вполнѣ свободнымъ... вполнѣ увѣреннымъ въ себѣ.

Тея (тихо). Гедда, прошу тебя!..

Левборгъ. Пусть думаютъ, что хотятъ, пока что.

Тея (радостно). Не правда ли?

Гедда. Я такъ ясно прочла по лицу асессора...

Левборгъ. Что вы прочли?..

Гедда. Онъ такъ презрительно улыбнулся, когда вы не посмѣли пойти съ ними туда къ столу.

Левборгъ. Не посмѣлъ! Просто предпочелъ остаться здѣсь и бесѣдовать съ вами...

Тея. Это же вполнѣ понятно, Гедда!

Гедда. Ассессору, видно, это и въ голову не могло придти! Я замѣтила тоже, какъ онъ усмѣхнулся и подмигнулъ Тесману, когда вы побоялись принять участіе въ его маленькой пирушкѣ.

Левборгъ. Побоялся! Вы говорите, что я побоялся?

Гедда. Вовсе не я. Ассессоръ такъ понялъ.

Левборгъ. Ну, и пусть его!

Гедда. Вы, значитъ, не собираетесь?

Левборгъ. Нѣтъ, я остаюсь съ вами и съ Теей.

Тея. Да, Гедда... сама посуди!

Гедда (улыбаясь и одобрительно кивая головой Лёвборгу). Значитъ, тверды, какъ гранитъ,—утвердились въ своихъ правилахъ на вѣки вѣчные! Вотъ какимъ долженъ быть мужчина! (Оборачиваясь къ Теѣ и лаская ее) Ну, не говорила ли я тебѣ утромъ, когда ты вбѣжала къ намъ такая разстроенная...

Левборгъ (пораженный). Разстроенная!

Тея (испуганно). Гедда, Гедда!..

Гедда. Сама теперь видишь! Незачѣмъ вовсе тебѣ вѣчно дрожать... (Обрывая) Ну вотъ! Теперь мы всѣ трое можемъ повеселиться отъ души!

Левборгъ (въ сильномъ волненіи). А!.. Что все это значитъ, фру Тесманъ?

Тея. Боже мой, Боже мой! Что ты, Гедда!.. Что ты такое говоришь! Что ты дѣлаешь!

Гедда. Тише! Этотъ противный асессоръ такъ и слѣдитъ за тобой!

Левборгъ. Такъ вѣчно дрожать?.. За меня!

Тея (тихо, жалобно). Ахъ, Гедда... Ты сдѣлала меня такой несчастной!..

Левборгъ (смотритъ нѣсколько мгновеній на Тею въ упоръ, съ лицомъ, искаженнымъ гнѣвомъ). Такъ вотъ она — смѣлая вѣра товарища!

Тея (умоляюще). Другъ мой... выслушай сперва!..

Левборгъ (беретъ одинъ изъ налитыхъ стакановъ, подымаетъ его и говоритъ хриплымъ голосомъ). За твое здоровье, Тея! (Выпиваетъ и беретъ другой).

Тея (тихо). Ахъ, Гедда, Гедда!.. И ты могла захотѣть этого!

Гедда. Захотѣть? Я? Ты въ умѣ?

Левборгъ. Другой за ваше здоровье, фру Тесманъ! Спасибо за правду! Да здравствуетъ она! (Выпиваетъ и хочетъ налить еще).

Гедда (дотрагиваясь до его руки). Ну, ну... пока довольно... Васъ вѣдь ждетъ еще пирушка.

Тея. Нѣтъ, нѣтъ!

Гедда. Тсс! Они смотрятъ на тебя!

Левборгъ (отставляя стаканъ). Слушай, Теа... скажи теперь правду...

Теа. Да!

Левборгъ. Фогтъ зналъ, что ты отправилась за мной?

Теа (ломая руки). О, Гедда! Слышишь, что̀ онъ спрашиваетъ?

Левборгъ. Между вами было условлено, что ты поѣдешь въ городъ слѣдить за мной? Можетъ-быть, онъ самъ заставилъ тебя? Да, вотъ оно что̀!.. Пожалуй, я опять нуженъ ему въ канцеляріи... или недостаетъ меня за зеленымъ столомъ!..

Теа (тихо, со стономъ). О, Лёвборгъ, Лёвборгъ!..

Левборгъ (схватываетъ стаканъ и хочетъ налить). Такъ и за старика фогта!

Гедда (предупреждая его движеніе). Пока довольно. Помните, вамъ еще предстоитъ читать Тесману.

Левборгъ (успокоившись, отставляетъ стаканъ). Это было глупо съ моей стороны, Теа... отнестись такъ. Не сердись на меня. дорогой товарищъ... Увидите, и ты и другіе, что хоть я и палъ, но... теперь вновь сталъ на ноги! Съ твоей помощью, Теа!

Теа (сіяя отъ радости). Слава Богу!

(Асессоръ **Браккъ** въ это время смотритъ на часы, затѣмъ онъ и **Тесманъ** встаютъ и идутъ въ гостиную).

Браккъ (беретъ свою шляпу и пальто). Нашъ часъ пробилъ, фру Тесманъ!

Гедда. Какъ видно.

Левборгъ (встаетъ). И мой тоже, господинъ асессоръ.

Теа (умоляюще. тихо). О, Лёвборгъ... не надо!

Гедда (щиплетъ ее за руку). Они вѣдь слышатъ!

Теа (слабо вскрикиваетъ). Ай!

Левборгъ (асессору). Вы были такъ любезны пригласить меня...

Браккъ. Такъ вы все-таки пойдете?

Левборгъ. Да, благодарю васъ.

Браккъ. Очень, очень радъ.

Левборгъ (пряча рукопись себѣ въ карманъ, Тесману). Мнѣ очень хотѣлось бы прочесть тебѣ кое-что, прежде чѣмъ отдать въ печать.

Тесманъ. Скажи, пожалуйста... вотъ будетъ интересно! Но, милая Гедда, какъ же ты доставишь фру Эльвстедъ домой? А?

Гедда. Ну, какъ-нибудь устроимся.

Левборгъ (глядя на дамъ). Фру Эльвстедъ?.. Я вернусь, конечно, и самъ провожу ее. (Подходя ближе) Такъ, около десяти часовъ, фру Тесманъ? Идетъ?

Гедда. Отлично.

Тесманъ. Ну, тогда все въ порядкѣ. Только меня тебѣ не дождаться такъ рано, Гедда!

Гедда. Ну, милый мой, оставайся... сколько тебѣ угодно.

Теа (стараясь скрыть свое волненіе). Господинъ Лёвборгъ... такъ я буду ждать васъ...

Левборгъ (со шляпой въ рукахъ). Разумѣется, фру Эльвстедъ.

Браккъ. Итакъ — трогаемся. Надѣюсь, у насъ будетъ оживленно, какъ любитъ выражаться одна прекрасная дама.

Гедда. Ахъ, если-бъ эта прекрасная дама могла невидимкой присутствовать тамъ!..

Браккъ. Отчего невидимкой?

Гедда. Чтобъ полюбоваться вашимъ неподдѣльнымъ оживленіемъ, господинъ асессоръ!

Браккъ (смѣется). Ну, не посовѣтовалъ бы я этого прекрасной дамѣ!

Тесманъ (также смѣется). Вишь ты чего захотѣла, Гедда! Подумай!

Браккъ. Ну, до свиданья, до свиданья, mesdames!

Левборгъ (еще разъ кланяясь). Значитъ, около десяти.

(Браккъ, Лёвборгъ и Тесманъ направляются въ переднюю. Въ то же время Берта вноситъ зажженную лампу и, поставивъ ее на столъ, удаляется).

Теа (взволнованно, безцѣльно бродя по комнатѣ). Гедда, Гедда... чѣмъ все это кончится?

Гедда. Въ десять часовъ онъ, значитъ, придетъ. Я такъ и вижу его передъ собой. Увѣнчанный листвою винограда... Горячій, смѣлый...

Теа. Дай-то Богъ!

Гедда. И тогда, значитъ, онъ опять взялъ себя въ руки. Тогда онъ — свободный человѣкъ на всю жизнь!

Теа. Да, да... только бы онъ явился такимъ, какъ ты его рисуешь себѣ.

Гедда. Такимъ и явится! (Встаетъ и подходитъ къ ней) Сомнѣвайся въ немъ, сколько хочешь, я вѣрю въ него. Такъ посмотримъ же...

Теа. У тебя есть какая-то задняя мысль, Гедда!

Гедда. Да. Хоть разъ въ жизни хочу держать въ рукахъ судьбу человѣка!

Теа. Да развѣ у тебя нѣтъ?..

Гедда. Нѣтъ и никогда не было.

Теа. А мужъ?..

Гедда. Стоитъ онъ того! Ахъ, если-бъ ты могла понять, какъ я бѣдна! А тебѣ суждено было стать такой богачкой! (Страстно обвиваетъ ее руками) А волосы твои я-таки, пожалуй, спалю!

Теа. Пусти, пусти меня! Я боюсь тебя, Гедда!

Берта (въ дверяхъ). Чай поданъ, барыня.

Гедда. Хорошо. Идемъ.

Тея. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я лучше уйду домой одна. Сейчасъ же!

Гедда. Вздоръ! Сперва я напою тебя чаемъ, глупенькая. А тамъ... въ десять часовъ... придетъ съ пира Эйлертъ Лёвборгъ... увѣнчанный листвою винограда.

(Почти силой увлекаетъ за собою Тею въ маленькую комнату)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната. Портьеры на дверяхъ въ маленькую комнату сдвинуты, на стеклянныхъ дверяхъ тоже. На столѣ передъ диваномъ тускло горитъ лампа подъ абажуромъ. Въ печкѣ, дверцы которой отворены, догораетъ огонь. У самой печки, закутанная въ большую шаль, поставивъ ноги на скамеечку и глубоко опустившись въ кресло, сидитъ Тея Эльвстедъ. Гедда, одѣтая, лежитъ на диванѣ подъ одѣяломъ и спитъ.

Тея (послѣ небольшой паузы, быстро выпрямляется и напряженно прислушивается. Потомъ опять устало опускается въ кресло и жалобно шепчетъ). Нѣтъ еще!.. Боже мой! Боже мой! Все еще нѣтъ!

(Берта неслышными шагами прокрадывается изъ передней. Въ рукахъ у нея письмо).

Тея (оборачивается и взволнованно шепчетъ). Что, приходилъ кто-нибудь?

Берта (тихо). Да, вотъ сейчасъ дѣвушка письмо принесла.

Тея (быстро протягиваетъ руку). Письмо! Дайте!

Берта. Нѣтъ, сударыня, это доктору.

Тея. А-а...

Берта. Это прислуга отъ фрёкенъ Тесманъ принесла. Я положу его тутъ на столъ.

Тея. Хорошо.

Берта. Лампу-то, пожалуй, потушить, — только коптитъ.

Тея. Потушите. Скоро разсвѣтаетъ?

Берта. Ужъ разсвѣло, сударыня.

Тея. Да, уже день! И все еще не возвращался!..

Берта. Охъ, Господи, я такъ и думала.

Тея. Думали?

Берта. Да, — какъ увидала, что нѣкоторый господинъ опять объявился тутъ въ городѣ... И потащилъ ихъ съ собой. Слыхали мы объ этомъ господинѣ достаточно, еще съ давнихъ поръ.

Тея. Тише. Барыню разбудите.

Берта (смотритъ на диванъ и вздыхаетъ). Охъ, нѣтъ, нѣтъ... Пускай себѣ спитъ, бѣдняжка! А не подкинуть ли въ печку-то?

Тея. Нѣтъ, спасибо; для меня не надо.

Берта. Ну, не надо, такъ не надо. (Тихо уходитъ за дверь).

Гедда (проснувшись отъ скрипа затворяемой двери). Что это?..

Тея. Это дѣвушка входила...

Гедда (оглядывается). Ахъ, вотъ гдѣ я!.. Да, да, вспомнила... (Приподымается, сидя на диванѣ, потягивается и протираетъ глаза). Который часъ, Тея?

Тея (смотритъ на свои часы). Ужъ восьмой.

Гедда. Когда возвратился Тесманъ?

Тея. Не возвращался.

Гедда. Не приходилъ еще?

Тея (встаетъ). Никто не приходилъ.

Гедда. А мы тутъ сидѣли и ждали до четырехъ часовъ!..

Тея (ломая руки). И какъ я его ждала!..

Гедда (зѣваетъ и говоритъ, закрывая ротъ рукой). Да, да, даромъ только прокараулили.

Тея. А ты потомъ немножко уснула?

Гедда. Да, кажется, хорошо поспала. А ты?

Тея. Ни минутки. Не могла, Гедда! Не въ состояніи была.

Гедда (встаетъ и подходитъ къ ней). Ну, полно! Стоитъ ли такъ волноваться! Дѣло очень просто объясняется.

Тея. А что же ты думаешь? Какъ объяснишь?

Гедда. Ну, понятно, просто черезчуръ затянулось тамъ у асессора...

Тея. Да, да... навѣрно! Но все-таки...

Гедда. А потомъ Тесману не хотѣлось являться сюда и надѣлать тутъ тревоги ночью, звонить. (Смѣясь) Да, пожалуй, тоже и нежелательно было показаться... такъ прямо съ веселой пирушки!

Тея. Но, дорогая... куда же онъ могъ пойти?

Гедда. Зашелъ, конечно, къ тетушкамъ и переночевалъ тамъ. У нихъ вѣдь его прежняя комната свободна.

Тея. Нѣтъ, тамъ его не можетъ быть. Оттуда сейчасъ принесли письмо ему... Вонъ на столѣ...

Гедда. Да? (Взглянувъ на надпись) Да, правда, отъ тети Юли. Ея рука. Ну, значитъ, остался у асессора. И Лёвборгъ, увѣнчанный листвою винограда, тоже сидитъ тамъ и читаетъ свою рукопись.

Тея. Охъ, Гедда, все это ты только такъ говоришь, а и сама тому не вѣришь.

Гедда. Право, ты совсѣмъ глупенькая, Тея!

Тея. Охъ, да, пожалуй.

Гедда. У тебя страшно усталый видъ.

Тея. Да, я смертельно устала.

Гедда. Такъ послушайся меня — ступай въ мою комнату и прилягъ на кровать.

Тея. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ все равно не заснуть.

Гедда. Заснешь.

Тея. Но теперь вѣдь мужъ твой скоро долженъ вернуться... И мнѣ надо сейчасъ же узнать...

Гедда. Я тебя позову, когда онъ придетъ.

Тея. Ты даешь слово, Гедда?

Гедда. Будь спокойна. Поди же и усни пока.

Тея. Ну, спасибо. Попробую. (Уходитъ черезъ маленькую комнату)

(Гедда подходитъ къ стеклянной двери и раздвигаетъ портьеры. Полный дневной свѣтъ заливаетъ комнату. Затѣмъ она беретъ съ письменнаго стола ручное зеркальце, смотрится и поправляетъ прическу. Потомъ подходитъ къ дверямъ въ переднюю и звонитъ. Вскорѣ въ дверяхъ появляется Берта).

Берта. Что барынѣ угодно?

Гедда. Надо подложить дровъ въ печку. Я озябла.

Берта. Ахъ, ты, Господи! Сію минутку будетъ тепло. (Сгребаетъ уголья въ кучу и подкладываетъ полѣно; вдругъ останавливается и прислушивается) Звонокъ, барыня!

Гедда. Такъ идите отворить. Я сама посмотрю за печкой.

Берта. Сейчасъ разгорится. (Уходитъ черезъ переднюю).

(Гедда становится на колѣни на скамеечку и подбрасываетъ въ печку еще нѣсколько полѣньевъ. Немного погодя изъ передней появляется Тесманъ съ усталымъ и нѣсколько озабоченнымъ видомъ. Онъ на цыпочкахъ прокрадывается къ дверямъ маленькой комнаты и собирается проскользнуть между портьерами).

Гедда (у печки, не подымая головы). Съ добрымъ утромъ.

Тесманъ (быстро оборачиваясь). Гедда! (Подходитъ къ ней) Что это!.. Ты уже на ногахъ! Такую рань! А?

Гедда. Да, я раненько поднялась сегодня.

Тесманъ. А я былъ такъ увѣренъ, что ты себѣ преспокойно спишь еще! Подумай!

Гедда. Не говори такъ громко. Фру Эльвстедъ прилегла въ моей комнатѣ.

Тесманъ. Фру Эльвстедъ ночевала у тебя?

Гедда. Да вѣдь никто же не пришелъ за ней.

Тесманъ. Да, пожалуй, что такъ.

Гедда (закрываетъ дверцы печки и встаетъ). Что-жъ, весело было у асессора?

Тесманъ. Ты безпокоилась обо мнѣ? А?

Гедда. И не думала. Я просто спрашиваю, весело ли тебѣ было?

Тесманъ. Такъ, ничего. Въ видѣ исключенія... Особенно вначалѣ, какъ теперь припомню. Лёвборгъ читалъ мнѣ изъ своей рукописи. Мы вѣдь пришли все-таки черезчуръ рано, почти за цѣлый часъ... подумай! Асессору надо еще было похлопотать. Вотъ Эйлертъ и читалъ мнѣ.

Гедда (садится съ правой стороны стола). Ну, разскажи же...

Тесманъ (садится на пуфъ у печки). Ахъ, Гедда! Ты не можешь себѣ представить, что̀ это за вещь! Это, пожалуй, одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, которыя когда-либо были написаны! Подумай!

Гедда. Да, да, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ...

Тесманъ. Признаюсь тебѣ въ одномъ, Гедда. Когда онъ кончилъ... во мнѣ шевельнулось что-то нехорошее.

Гедда. Нехорошее?

Тесманъ. Я позавидовалъ Эйлерту, что онъ могъ написать такую вещь. Подумай, Гедда!

Гедда. Думаю, думаю!

Тесманъ. И подумать все-таки, что онъ, съ его-то дарованіями... кажется, все-таки неисправимъ, къ сожалѣнію.

Гедда. То-есть ты хочешь сказать, что онъ пользуется жизнью шире другихъ?

Тесманъ. Да помилуй, онъ совсѣмъ ужъ не знаетъ никакой мѣры!

Гедда. Ну, такъ чѣмъ же это кончилось?

Тесманъ. Да на мой взглядъ, почти вакханаліей, Гедда!

Гедда. Что-жъ, онъ возлежалъ тамъ, увѣнчанный листвою винограда?

Тесманъ. Листвою винограда? Нѣтъ, этого я не видѣлъ. Но онъ произнесъ ужасно длинную и нескладную рѣчь въ честь женщины, которая вдохновила его на этотъ трудъ. Да, такъ онъ и выразился.

Гедда. Онъ назвалъ ее?

Тесманъ. Нѣтъ, но, по-моему, это не кто другой, какъ фру Эльвстедъ. Вотъ увидишь!

Гедда. Ну, а гдѣ же вы съ нимъ разстались?

Тесманъ. На обратномъ пути въ городъ. Насъ нѣсколько человѣкъ вышло вмѣстѣ... послѣдними. И Браккъ тоже присоединился къ намъ, чтобы провѣтриться немножко. Ну, мы, знаешь, и порѣшили проводить Эйлерта до дому. Онъ черезчуръ ужъ нагрузился.

Гедда. Надо полагать.

Тесманъ. Ну, а теперь, Гедда, скажу тебѣ нѣчто ужъ совсѣмъ удивительное! Вѣрнѣе, впрочемъ, грустное... Охъ, и разсказывать-то прямо совѣстно — за бѣднягу Эйлерта!

Гедда. Ну, ну?..

Тесманъ. Да вотъ, пока мы еще шли за городомъ, я какъ-то отсталъ отъ другихъ немножко... всего на нѣсколько минутъ... Подумай!

Гедда. Да ну же!..

Тесманъ. Потомъ, догоняя компанію, знаешь, что̀ нахожу на краю дороги? А?

Гедда. Почемъ же я могу знать!

Тесманъ. Только ты, пожалуйста, не говори никому, Гедда. Слышишь! Обѣщай мнѣ ради Эйлерта... (Вынимаетъ изъ кармана свертокъ, обернутый бумагой) Подумай, вотъ что̀ я нашелъ.

Гедда. Не тотъ ли свертокъ, что̀ Лёвборгъ приносилъ съ собою вчера?

Тесманъ. Да, да. Вся его драгоцѣнная, незамѣнимая рукопись. Ёе-то онъ и потерялъ, и не замѣтилъ даже. Подумай только, Гедда, какая жалость!..

Гедда. Что-жъ ты не отдалъ ему ее сейчасъ же?

Тесманъ. Нѣтъ, я побоялся, — онъ былъ въ такомъ состояніи...

Гедда. Ты говорилъ кому-нибудь объ этомъ?

Тесманъ. Ну вотъ! Я не хотѣлъ, ради Эйлерта, ты понимаешь?

Гедда. Такъ никто не знаетъ, что рукопись Эйлерта Лёвборга у тебя?

Тесманъ. Нѣтъ; никто и не долженъ знать.

Гедда. О чемъ же вы говорили съ нимъ послѣ?

Тесманъ. Намъ совсѣмъ не пришлось больше поговорить. Когда мы свернули въ улицы, Эйлертъ и еще двое-трое другихъ какъ-то потерялись изъ виду. Подумай!

Гедда. Да? Такъ тѣ, вѣрно, и довели его до дому.

Тесманъ. Вѣроятно. И Браккъ тоже куда-то исчезъ.

Гедда. Ну, а гдѣ же ты съ тѣхъ поръ бродилъ?

Тесманъ. Да я и еще нѣкоторые пошли къ одному изъ этихъ развеселыхъ господъ и выпили по чашкѣ утренняго кофе. Вѣрнѣе, впрочемъ, ночного. А? Теперь вотъ, какъ только отдохну немного... и можно будетъ разсчитывать, что Эйлертъ, бѣдняга, проспался, пойду къ нему съ находкой.

Гедда (протягивая руку къ свертку). Нѣтъ, не отдавай! То-есть не сейчасъ, хочу я сказать... Дай мнѣ сначала прочесть.

Тесманъ. Нѣтъ, милочка Гедда, никакъ не могу, не смѣю, ей-Богу.

Гедда. Не смѣешь?

Тесманъ. Да вѣдь ты можешь себѣ представить, въ какомъ онъ будетъ отчаяніи, когда проснется и хватится рукописи. У него вѣдь нѣтъ копіи. Онъ самъ говорилъ.

Гедда (пытливо глядя на него). А развѣ нельзя вновь написать то же самое? Еще разъ?

Тесманъ. Нѣтъ, не думаю, чтобы это удалось. Вдохновеніе, знаешь...

Гедда. Да, да, пожалуй. (Какъ бы вскользь) Ахъ, да, вотъ тутъ письмо тебѣ.

Тесманъ. Да? Подумай!..

Гедда (подаетъ письмо). Рано утромъ принесли.

Тесманъ. Отъ тети Юли. Что бы это значило? (Кладетъ свертокъ на другой пуфъ, распечатываетъ письмо, пробѣгаетъ его и вскакиваетъ) Ахъ, Гедда!.. Она пишетъ, что бѣдная тетя Рина при смерти!

Гедда. Этого можно было ожидать.

Тесманъ. И что, если я хочу проститься съ ней, надо спѣшить! Сейчасъ же поскачу!

Гедда (подавляя улыбку). Теперь ужъ скакать собираешься?

Тесманъ. Ахъ, милочка Гедда... если бы ты могла переломить себя и тоже пойти туда. Подумай!..

Гедда (вставая, усталымъ голосомъ). Нѣтъ, нѣтъ, и не проси ни о чемъ такомъ. Я не хочу видѣть болѣзнь и смерть... Прошу, избавь меня отъ всего безобразнаго!

Тесманъ. Ну, Богъ съ тобой!.. (Мечется по комнатѣ) Гдѣ моя шляпа?.. Пальто?.. А, въ передней!.. Надѣюсь, что не опоздаю, Гедда? А?

Гедда. Скачи только и...

(Берта появляется въ дверяхъ).

Берта. Асессоръ Браккъ спрашиваетъ, нельзя ли ему войти.

Тесманъ. Въ такое время! Нѣтъ, нѣтъ, я никакъ не могу его принять!

Гедда. Такъ я могу. (Бертѣ) Просите.

(Берта уходитъ).

Гедда (быстрымъ шопотомъ). Свертокъ, Тесманъ! (Схватываетъ свертокъ съ пуфа).

Тесманъ. Давай!

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, я спрячу сама. (Подходитъ къ письменному столу и суетъ свертокъ на полку. Тесманъ впопыхахъ не можетъ натянуть перчатокъ. Изъ передней входитъ Браккъ).

Гедда (кивая ему головой). Вотъ какая вы ранняя птица!

Браккъ. Не правда ли? (Тесману) И вы тоже ужъ куда-то собираетесь?

Тесманъ. Да, мнѣ необходимо скорѣе къ тетушкамъ. Подумайте, бѣднячка больная при смерти!

Браккъ. Ахъ, Боже мой, при смерти?.. Въ такомъ случаѣ вы не мѣшкайте изъ-за меня. Въ такую серьезную минуту...

Тесманъ. Да, да, надо бѣжать... Прощайте, прощайте! (Поспѣшно уходитъ).

Гедда (подходя къ Бракку). Кажется, ваша ночная прогулка прошла болѣе чѣмъ оживленно, господинъ асессоръ?

Браккъ. Да; я даже не раздѣвался, фру Гедда!

Гедда. Вы тоже?

Браккъ. Какъ видите. А что, Тесманъ разсказывалъ вамъ про свои ночныя похожденія?

Гедда. Что-то такое неинтересное. Что они куда-то заходили пить кофе.

Браккъ. Да, да, я уже знаю объ этой кофейной компаніи. Но Эйлерта Лёвборга съ ними вѣдь не было?

Гедда. Нѣтъ, пріятели проводили его домой раньше.

Браккъ. И Тесманъ въ томъ числѣ?

Гедда. Нѣтъ, кто-то изъ другихъ, онъ говорилъ.

Браккъ. Йоргенъ Тесманъ, право, пренаивная душа, фру Гедда.

Гедда. Да, это вѣрно. Но тутъ развѣ что-нибудь не такъ было?

Браккъ. Да, кое-что.

Гедда. Вотъ какъ! Присядемъ же, дорогой асессоръ. Вы лучше сумѣете разсказать. (Садится съ лѣвой стороны стола; Браккъ рядомъ съ ней). Ну?

Браккъ. У меня были особенныя причины прослѣдить, куда направились ночью мои гости, — вѣрнѣе, нѣкоторые изъ нихъ.

Гедда. Между прочимъ, вѣроятно, Эйлертъ Лёвборгъ?

Браккъ. Долженъ признаться.

Гедда. Вы меня прямо заинтриговали...

Браккъ. Знаете вы, фру Гедда, гдѣ онъ и еще двое-трое другихъ провели остатокъ ночи?

Гедда. Если можно, такъ разскажите.

Браккъ. Помилуйте, отчего же нельзя. Они посѣтили еще одну очень веселую вечеринку!

Гедда. Изъ оживленныхъ?

Браккъ. Даже изъ самыхъ оживленныхъ.

Гедда. Прошу поподробнѣе, асессоръ.

Браккъ. Лёвборгъ еще раньше получилъ туда приглашеніе. Я это отлично зналъ. Но сначала онъ отказался... Какъ же! Онъ вѣдь сталъ новымъ человѣкомъ, какъ вамъ извѣстно.

Гедда. Да, да, тамъ въ домѣ у Эльвстедъ... А потомъ, значитъ, все-таки пошелъ?

Браккъ. Да, видите ли, фру Гедда, онъ у меня тамъ вечеромъ некстати вдохновился...

Гедда. Да, да, я слышала — вдохновился.

Браккъ. И довольно-таки сильно. Ну, и, видно, передумалъ. Мы, мужчины, вообще, къ сожалѣнію, не всегда такъ тверды въ своихъ правилахъ, какъ бы слѣдовало...

Гедда. О, вы-то навѣрное составляете исключеніе, господинъ асессоръ. Ну, такъ Лёвборгъ?..

Браккъ. Да, словомъ, въ концѣ концовъ онъ бросилъ якорь въ салонѣ фрёкенъ Діаны.

Гедда. Фрёкенъ Діаны?

Браккъ. Да, это она устраивала вечеринку для избраннаго кружка подругъ и поклонниковъ.

Гедда. Это... такая рыжая?

Браккъ. Вотъ-вотъ!

Гедда. Что-то въ родѣ... пѣвички?

Браккъ. Да, да,—между прочимъ, она и пѣвица. И, кромѣ того, весьма опасная охотница—на мужчинъ, фру Гедда. Вы, навѣрно, слышали о ней. Лёвборгъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ ея покровителей — въ дни своего благополучія.

Гедда. Ну, и чѣмъ же все это кончилось?

Браккъ. Кончилось не особенно мирно. Говорятъ, что фрёкенъ Діана отъ нѣжнѣйшей встрѣчи перешла къ потасовкѣ...

Гедда. Съ Лёвборгомъ?

Браккъ. Да. Онъ обвинилъ ее или ея подругъ въ кражѣ. Утверждалъ, что у него исчезла записная книжка... и еще кое-что. Словомъ, говорятъ, ужасно расходился.

Гедда. И что же изъ этого вышло?

Браккъ. Общая свалка дамъ и кавалеровъ. Къ счастью, подоспѣла полиція...

Гедда. Дошло и до полиціи?

Браккъ. Н-да, не дешево-то, пожалуй, обойдется все это сумасброду Эйлерту Лёвборгу.

Гедда. Вотъ какъ!

Браккъ. Онъ, говорятъ, страшно сопротивлялся. Далъ пощечину кому-то изъ полицейскихъ и разорвалъ на немъ мундиръ. Въ концѣ концовъ ему пришлось отправиться въ участокъ.

Гедда. Откуда вы знаете все это?

Браккъ. Отъ самой полиціи.

Гедда (глядя въ пространство). Такъ вотъ какъ было дѣло Значитъ — не увѣнчанный листвою винограда...

Браккъ. Увѣнчанный листвою винограда, фру Гедда?

Гедда (мѣняя тонъ). Теперь скажите же мнѣ, — зачѣмъ, въ сущности, вы такъ усердно слѣдили за Лёвборгомъ и выслѣживали его?

Браккъ. Во-первыхъ, мнѣ не совсѣмъ безразлично, если при допросѣ выяснится, что онъ явился туда прямо отъ меня.

Гедда. Значитъ, предстоитъ еще допросъ?

Браккъ. Разумѣется. Изъ-за этого одного я, впрочемъ, еще не сталъ бы хлопотать... Но мнѣ казалось, что на мнѣ, какъ

другѣ дома, лежитъ обязанность поставить васъ съ Тесманомъ въ извѣстность относительно его ночныхъ похожденій.

Гедда. То-есть почему это собственно, асессоръ Браккъ?

Браккъ. Да хотя бы потому, что я сильно подозрѣваю его въ намѣреніи воспользоваться вами, какъ ширмами.

Гедда. Съ чего вы это взяли!

Браккъ. Помилуйте, мы не слѣпы, фру Гедда! Увидите — эта фру Эльвстедъ не такъ-то скоро уѣдетъ отсюда.

Гедда. Ну, если между ними и есть что-нибудь, то мало ли гдѣ они могутъ встрѣчаться.

Браккъ. Не въ семейныхъ домахъ однако. Двери каждаго порядочнаго дома опять будутъ закрыты теперь для Эйлерта Лёвборга.

Гедда. И двери моего, по-вашему, тоже?

Браккъ. Да, признаюсь, для меня было бы болѣе чѣмъ непріятно, если бы этотъ господинъ привился у васъ въ домѣ. Если бы онъ, совершенно лишній... и посторонній человѣкъ... вторгся...

Гедда. ...Въ «треугольникъ»?

Браккъ. Именно. Для меня это было бы то же, что очутиться безпріютнымъ!

Гедда (смотритъ на него съ улыбкой). А! Значитъ, «одинъ пѣтухъ въ курятникѣ»—безъ соперниковъ, вотъ ваша цѣль?

Браккъ (медленно наклоняетъ голову и говоритъ, понизивъ голосъ). Да, это моя цѣль. И чтобы достигнуть ея — я пущу въ ходъ всѣ средства, какія найдутся въ моемъ распоряженіи.

Гедда (переставъ улыбаться). Въ концѣ концовъ вы, пожалуй, человѣкъ опасный.

Браккъ. Вы думаете?

Гедда. Да, теперь начинаю такъ думать. И отъ души радуюсь, что у васъ пока нѣтъ еще никакой власти надо мной.

Браккъ (двусмысленно улыбаясь). Пожалуй, вы и правы, фру Гедда... Кто знаетъ, не оказался ли бы я въ такомъ случаѣ человѣкомъ весьма находчивымъ.

Гедда. Однако послушайте, господинъ асессоръ! Вѣдь это почти угроза.

Браккъ (встаетъ). Отнюдь нѣтъ. «Треугольникъ», видите ли, всего прочнѣе, если построенъ на взаимномъ согласіи.

Гедда. И я такъ думаю.

Браккъ. Итакъ, мнѣ удалось сообщить вамъ все, что я хотѣлъ. Теперь пора заглянуть и домой. До свиданья, фру Гедда! (Направляется къ стекляннымъ дверямъ).

Гедда (встаетъ). Вы черезъ садъ?

Браккъ. Да, мнѣ тутъ ближе.

Гедда. И къ тому же — это окольная дорожка.

Браккъ. Совершенно вѣрно. Я ничего не имѣю противъ окольныхъ дорожекъ. Иногда онѣ бываютъ довольно-таки пикантны.

Гедда. То-есть когда стрѣляютъ не холостыми зарядами,— такъ, что ли?

Браккъ (въ дверяхъ оборачивается и смѣется). Ну, кто же стрѣляетъ въ своихъ домашнихъ пѣтуховъ!

Гедда (тоже смѣется). Особенно, когда только одинъ и есть...

(Оба смѣются и киваютъ другъ другу на прощанье. Онъ уходитъ. Она затворяетъ за нимъ дверь и стоитъ съ минуту серьезно, глядя въ садъ. Затѣмъ подходитъ къ дверямъ въ маленькую комнату, раздвигаетъ портьеры и заглядываетъ туда. Направляется къ письменному столу, береть рукопись Лёвборга и начинаетъ ее перелистывать. Вдругъ въ передней раздается голосъ Берты, громко спорящей съ кѣмъ-то. Гедда оборачивается, прислушивается, быстро запираетъ рукопись въ ящикъ письменнаго стола и кладетъ ключъ на столъ).

(Дверь изъ передней съ силой распахивается, и показывается Эйлертъ Лёвборгъ въ пальто и со шляпой въ рукахъ. Видъ у него нѣсколько разстроенный и возбужденный).

Левборгъ (оборачиваясь къ Бертѣ, стоящей за дверью). А я вамъ говорю, что мнѣ нужно войти, и я войду! Вотъ что! (Затворивъ за собой дверь, онъ оборачивается и при видѣ Гедды сразу овладѣваетъ собой и кланяется).

Гедда (у письменнаго стола). Ну, господинъ Лёвборгъ, поздненько же вы приходите за Теей!

Левборгъ. Или — ранешько являюсь къ вамъ. Прошу извиненія.

Гедда. Почему вы думаете, что она еще здѣсь?

Левборгъ. У нея на квартирѣ мнѣ сказали, что ея всю ночь не было дома.

Гедда (идетъ къ столу передъ диваномъ). А вы не замѣтили чего-нибудь особеннаго въ тонѣ, когда вамъ говорили это?

Левборгъ (смотритъ на нее вопросительно). Замѣтилъ что-нибудь?..

Гедда. Я хочу сказать — не было ли слышно по ихъ тону, что они кое-что подумали про нее?

Левборгъ (вдругъ понявъ). Ахъ, да! Правда! Я и ее тащу за собою въ грязь! Впрочемъ, я ничего такого не замѣтилъ. Тесманъ, вѣрно, еще не вставалъ?

Гедда. Кажется...

Левборгъ. Когда онъ вернулся?

Гедда. Ужасно поздно.

Левборгъ. Онъ разсказывалъ вамъ что-нибудь?

Гедда. Да, я слышала, что у асессора было очень весело.

Левборгъ. И больше ничего?

Гедда. Нѣтъ, кажется... Впрочемъ, мнѣ такъ хотѣлось спать...

(Тея входитъ изъ маленькой гостиной и кидается къ Лёвборгу).

Тея. А, Лёвборгъ! Наконецъ!..

Левборгъ. Да, наконецъ. И слишкомъ поздно.

Тея (испуганно глядя на него). Что̀ поздно?

Левборгъ. Все поздно теперь. Я пропалъ.

Тея. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не говори такъ!

Левборгъ. Ты сама это скажешь, когда узна̀ешь...

Тея. Я не хочу ничего узнавать!

Гедда. Вы, можетъ-быть, предпочтете поговорить наединѣ? Въ такомъ случаѣ я уйду.

Левборгъ. Нѣтъ, останьтесь и вы. Прошу васъ.

Тея. Но я же говорю, что не хочу узнавать ничего.

Левборгъ. Я буду говорить не о ночныхъ приключеніяхъ.

Тея. О чемъ же?

Левборгъ. О томъ, что дороги наши должны теперь разойтись.

Тея. Разойтись!

Гедда (невольно). Я знала!

Левборгъ. Ты не нужна мнѣ больше, Тея.

Тея. И ты можешь говорить такъ! Я не нужна тебѣ больше! Развѣ я не могу помогать тебѣ, какъ прежде? Развѣ мы не будемъ продолжать работать вмѣстѣ?

Левборгъ. Я не собираюсь больше работать.

Тея (не помня себя). Куда же мнѣ тогда дѣвать себя? Свою жизнь?

Левборгъ. Попытайся прожить ее такъ, какъ будто ты никогда меня и не знала.

Тея. Да не могу я!

Левборгъ. Попытайся, Тея. Поѣзжай домой...

Тея (возбужденно). Никогда въ жизни! Гдѣ ты, тамъ хочу быть и я. Я не дамъ себя такъ прогнать! Я хочу остаться здѣсь! Быть съ тобой, когда выйдетъ книга!

Гедда (вполголоса, въ напряженномъ ожиданіи). Ахъ, книга,—да!

Левборгъ (смотритъ на нее). Наша книга. Моя и Теи. Она вѣдь наша общая.

Тея. Да, да. И я это чувствую. И потому-то имѣю право быть съ тобой, когда она выйдетъ! Я хочу видѣть, какъ ты опять возвратишь себѣ уваженіе, возстановишь свою честь. И радость... радость,—я хочу раздѣлить ее съ тобой!

Левборгъ. Тея, книга наша никогда не выйдетъ въ свѣтъ.

Гедда. А!

Левборгъ. Не можетъ выйти!

Тея (волнуясь предчувствіемъ). Лёвборгъ! Куда ты дѣвалъ рукопись?

Гедда (напряженно смотритъ на него). Да, рукопись?..

Тея. Гдѣ она у тебя?

Левборгъ. Ахъ, Тея,—лучше не спрашивай!

Тея. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу знать... Я имѣю право узнать немедленно.

Левборгъ. Рукопись... Ну, такъ и быть. Я разорвалъ ее... въ мелкіе клочки.

Тея (вскрикиваетъ). Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Гедда (невольно). Да вѣдь это совсѣмъ не...

Левборгъ (смотритъ на нее). ...Неправда, вы думаете?

Гедда (оправясь). Нѣтъ, конечно,—разъ вы сами это говорите. Мнѣ показалось только такъ неправдоподобно...

Левборгъ. И все-таки это правда.

Тея (ломая руки). О, Боже, Боже мой! Гедда! Разорвать свой собственный трудъ!

Левборгъ. Я разорвалъ свою собственную жизнь!.. Такъ что-жъ мнѣ стоило разорвать и трудъ этой жизни...

Тея. И ты это сдѣлалъ сегодня ночью!

Левборгъ. Говорятъ тебѣ, да. Въ мелкіе клочки. И бросилъ въ заливъ. Далеко... Во всякомъ случаѣ не въ стоячую, прѣсную воду. Пускай плывутъ, куда хотятъ... по-вѣтру и теченію. Скоро и погрузятся. Все глубже и глубже. Какъ и я, Тея!

Тея. Знаешь ли, Лёвборгъ, — этотъ твой поступокъ съ рукописью... Мнѣ всю жизнь будетъ представляться, будто... ты убилъ дитя!

Левборгъ. Ты права! Это въ родѣ дѣтоубійства.

Тея. Но какъ же ты могъ!.. Вѣдь это дитя принадлежало и мнѣ...

Гедда (почти беззвучно). Ахъ, дитя...

Тея (тяжело дыша). Значитъ, кончено. Да, да... Я уйду теперь, Гедда!..

Гедда. Надѣюсь однако, ты не уѣдешь еще?

Тея. Сама ничего не знаю! Впереди одинъ мракъ... (Уходитъ черезъ переднюю).

Гедда (немного погодя). Вы, значитъ, не пойдете провожать ее, господинъ Лёвборгъ?

Левборгъ. Я! По улицамъ! Чтобы ее увидали со мной?

Гедда. Я же не знаю, что еще произошло сегодня ночью. Развѣ ужъ нѣчто такое непоправимое?

Левборгъ. Этой одной ночью не кончится... Это я знаю. Но въ томъ-то и дѣло, что мнѣ не хочется больше жить та-

кой жизнью, начать сызнова... Тея надломила во мнѣ смѣлость, дерзость жизни.

Гедда (глядя передъ собой). Такъ эта милая дурочка запустила лапку въ судьбу человѣка! (Переводя глаза на него) Но какъ могли вы все-таки поступить съ ней такъ безсердечно!

Левборгъ. Не говорите, что это безсердечно!

Гедда. Взять да однимъ ударомъ сгубить все, что наполняло ея душу столько времени! Развѣ это не безсердечно?

Левборгъ. Вамъ, Гедда, я могу сказать правду.

Гедда. Правду?

Левборгъ. Сперва обѣщайте мнѣ, дайте слово, что Тея никогда не узнаетъ того, что я вамъ открою.

Гедда. Даю вамъ слово.

Левборгъ. Хорошо. Такъ вотъ: то, что я разсказалъ при ней—неправда!

Гедда. Насчетъ рукописи?

Левборгъ. Да. Я не рвалъ ея и не бросалъ въ заливъ.

Гедда. Да, да... но... гдѣ же она тогда?

Левборгъ. И все-таки я уничтожилъ ее. Окончательно, Гедда.

Гедда. Не понимаю.

Левборгъ. Тея сказала, что поступокъ мой представляется ей дѣтоубійствомъ.

Гедда. Да.

Левборгъ. Но убить свое дитя—это еще не самое худшее, что можетъ сдѣлать отецъ!

Гедда. Не самое худшее?

Левборгъ. Нѣтъ. Я хотѣлъ пощадить Тею и не сказалъ самаго худшаго.

Гедда. Въ чемъ же оно заключается?

Левборгъ. Представимъ себѣ, Гедда, что человѣкъ такъ подъ утро... послѣ безшабашнаго ночного кутежа вернулся домой къ матери своего ребенка и сказалъ: я былъ тамъ-то и тамъ-то, въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ. И бралъ съ собой туда наше дитя—въ такія-то и такія-то мѣста. И вотъ потерялъ его, потерялъ совсѣмъ. Чортъ знаетъ, гдѣ оно теперь, въ чьи руки попало. Кто только ни возился съ нимъ!

Гедда. Да-а! Но въ концѣ концовъ—это же только книга...

Левборгъ. Чистая душа Теи жила въ этой книгѣ.

Гедда. Да, понимаю.

Левборгъ. Вы, вѣрно, поймете тоже, что для насъ съ нею нѣтъ теперь будущаго.

Гедда. Куда же вы теперь направляетесь?

Левборгъ. Никуда. Постараюсь только поскорѣе покончить со всей этой исторіей. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Гедда (дѣлая шагъ къ нему). Эйлертъ Лёвборгъ... Послушайте... Нельзя ли только... чтобы это было... красиво?

Левборгъ. Красиво? (Улыбаясь) А! Увѣнчанный листвою винограда—какъ вы любили, бывало, представлять себѣ...

Гедда. Нѣтъ, въ то я больше не вѣрю. Но все-таки, чтобы было красиво! Хоть разъ!.. Прощайте. Уходите теперь — навсегда.

Левборгъ. Прощайте! Кланяйтесь отъ меня Йоргену Тесману! (Хочетъ уйти).

Гедда. Постойте! Надо же вамъ взять отъ меня что-нибудь на память! (Идетъ къ письменному столу, открываетъ ящикъ, вынимаетъ футляръ съ пистолетами и, взявъ одинъ изъ нихъ, подходитъ къ Левборгу).

Левборгъ (смотритъ на нее). Этотъ? Вы его даете мнѣ на память?

Гедда (медленно наклоняетъ голову). Вы узнаёте его? Когда-то онъ былъ направленъ на васъ.

Левборгъ. Напрасно вы тогда не пустили его въ дѣло!

Гедда. Ну вотъ,—теперь сами можете.

Левборгъ (пряча пистолетъ въ боковой карманъ сюртука). Спасибо!

Гедда. И затѣмъ — красиво, Эйлертъ Лёвборгъ! Дайте мнѣ слово!

Левборгъ. Прощайте, Гедда Габлеръ! (Уходитъ черезъ переднюю).

(Гедда прислушивается нѣсколько времени у дверей, потомъ идетъ къ письменному столу, беретъ свертокъ съ рукописью, заглядываетъ въ обертку, вынимаетъ оттуда нѣсколько тетрадей и смотритъ на нихъ. Затѣмъ отправляется къ печкѣ и садится въ кресло, положивъ свертокъ на колѣни. Посидѣвъ немного, она раскрываетъ дверцы печки и развертываетъ свертокъ).

Гедда (бросая въ огонь одну тетрадь, шопотомъ). Теперь я сожгу дитя твое, Тея! Кудрявая! (Бросаетъ еще нѣсколько тетрадей) Твое дитя и Эйлерта Лёвборга! (Бросаетъ остальное) Сжигаю, — сжигаю ваше дитя!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната. Вечеръ. Въ большой гостиной темно. Маленькая комната освѣщена висячей лампой. Портьеры на стеклянныхъ дверяхъ спущены.

Гедда въ черномъ платьѣ бродитъ по темной гостиной, заходитъ въ маленькую комнату и сворачиваетъ налѣво. Оттуда раздается нѣсколько аккордовъ на фортепіано. Затѣмъ Гедда опять возвращается въ гостиную.

Изъ маленькой комнаты справа показывается Берта съ зажженной лампой. Глаза ея заплаканы, и на чепчикѣ черная лента. Поставивъ

ламцу на столъ передъ угловымъ диваномъ, она тихо уходитъ направо. Гедда подходитъ къ стекляннымъ дверямъ, слегка отодвигаетъ портьеры и смотритъ въ темноту.

Вскорѣ изъ передней появляется фрёкенъ Тесманъ въ траурномъ платьѣ съ крепомъ на шляпкѣ. Гедда идетъ къ ней навстрѣчу, протягивая руку.

Фрекенъ Тесманъ. Да, Гедда, вотъ прихожу къ вамъ въ траурѣ. Бѣдная сестра моя отстрадала наконецъ.

Гедда. Я ужъ знаю, какъ вы видите. Тесманъ прислалъ мнѣ записку.

Фрекенъ Тесманъ. Да, онъ обѣщалъ мнѣ. Но мнѣ казалось все-таки, что сюда, къ Геддѣ—въ эту обитель жизни и радости—мнѣ слѣдовало самой принести вѣсть о смерти.

Гедда. Очень любезно съ вашей стороны.

Фрекенъ Тесманъ. Ахъ, такая жалость, что Рина покинула насъ какъ разъ теперь. Не носить бы Геддѣ траура въ такое время!

Гедда (желая перемѣнить разговоръ). Она умерла тихо, — я слышала, фрёкенъ Тесманъ.

Фрекенъ Тесманъ. О, да! Такъ хорошо, такъ тихо. И какое счастье, что ей удалось еще разъ увидѣть Йоргена, хорошенько проститься съ нимъ!.. Онъ развѣ еще не вернулся?

Гедда. Нѣтъ. Онъ писалъ, чтобы я не ждала его такъ скоро. Но присядемте же.

Фрекенъ Тесманъ. Нѣтъ, спасибо, моя дорогая, славная Гедда! Очень хотѣлось бы, да некогда. Надо еще одѣть и убрать покойницу. Снарядимъ ее въ могилку, какъ слѣдуетъ.

Гедда. Не могу ли я помочь?

Фрекенъ Тесманъ. Что вы, Богъ съ вами! Ни къ чему такому Геддѣ Тесманъ не надо прикладывать своихъ ручекъ. И думать ни о чемъ такомъ совсѣмъ не надо въ такое время.

Гедда. Ну, съ думами-то не такъ легко справиться!

Фрекенъ Тесманъ (вздыхая). Да, вотъ какъ оно идетъ на бѣломъ свѣтѣ! Тамъ теперь намъ приходится засѣсть за шитье для Рины. И тутъ, пожалуй, тоже скоро пойдетъ шитье, — только ужъ другого рода, слава Богу!

(Йоргенъ Тесманъ приходитъ изъ передней).

Гедда. Хорошо, что наконецъ пришелъ.

Тесманъ. А, ты здѣсь, тетя Юля? У Гедды? Подумай!

Фрекенъ Тесманъ. Я уже собиралась-было уходить, милый мой. Ну что? Все устроилъ, какъ обѣщалъ мнѣ?

Тесманъ. Боюсь, что позабылъ половину. Придется, пожалуй, опять забѣжать къ тебѣ завтра. Сегодня у меня просто голова идетъ кругомъ! Ничего сообразить не могу!

Фрекенъ Тесманъ. Ну, милый Йоргенъ, нельзя же такъ...

Тесманъ. Такъ? Какъ такъ?

Фрекенъ Тесманъ. Надо радоваться въ самой печали. Радоваться тому, что̀ совершилось... Какъ я радуюсь.

Тесманъ. Ахъ, да, да! Ты думаешь о тетѣ Ринѣ...

Гедда. Пусто вамъ теперь покажется одной въ домѣ, фрёкенъ Тесманъ.

Фрекенъ Тесманъ. На первыхъ порахъ. Но, надѣюсь, ненадолго однако. Комнатка покойной Рины не все же будетъ пустовать.

Тесманъ. Какъ такъ? Кого же ты хочешь помѣстить къ ней? А?

Фрекенъ Тесманъ. Ахъ, всегда вѣдь найдется какая-нибудь бѣдная больная, которой нужны уходъ и заботы...

Гедда. И вы въ самомъ дѣлѣ опять хотите взять на себя такой крестъ?

Фрекенъ Тесманъ. Крестъ? Богъ съ вами, дитя мое! Какой же это былъ для меня крестъ?

Гедда. Но вѣдь если это будетъ чужой человѣкъ...

Фрекенъ Тесманъ. Охъ, съ бѣдными больными долго ли сблизиться... Да и надо же мнѣ для кого-нибудь жить, надо. Ну, да вотъ, дастъ Богъ — и тутъ въ домѣ, пожалуй, найдется дѣло для старой тетки.

Гедда. Ахъ, только не говорите о насъ!

Тесманъ. Да, подумай, какъ славно было бы устроиться втроемъ, если бы...

Гедда. Если?..

Тесманъ (тревожно). Такъ, ничего. Вѣрно, еще наладится... Будемъ надѣяться. А?

Фрекенъ Тесманъ. Да, да... Ну, я вижу, у васъ есть о чемъ поговорить между собой. (Улыбаясь) Пожалуй, Гедда имѣетъ кое-что передать тебѣ, Йоргенъ? Такъ прощайте! Пора домой къ Ринѣ. (Оборачивается въ дверяхъ) Господи, какъ это странно! Рина теперь и со мной еще, и уже съ покойнымъ братомъ!

Тесманъ. Да, подумай, тетя Юля! А?

(Фрёкенъ Тесманъ уходитъ черезъ переднюю).

Гедда (слѣдя за Тесманомъ холоднымъ, пытливымъ взглядомъ). Право, можно подумать, что ты принимаешь эту смерть ближе къ сердцу, чѣмъ даже она.

Тесманъ. Охъ, не одна эта смерть... Я ужасно боюсь за Эйлерта!

Гедда (быстро). Съ нимъ опять что-нибудь?

Тесманъ. Я было-забѣгалъ къ нему послѣ обѣда сказать, что рукопись цѣлехонька...

Гедда. Ну? И не засталъ?

Тесманъ. То-то, что нѣтъ. Его не было дома. Потомъ я встрѣтилъ фру Эльвстедъ и узналъ отъ нея, что онъ заходилъ сюда утромъ.

Гедда. Да, какъ только ты ушелъ.

Тесманъ. И будто сказалъ, что разорвалъ рукопись? А?

Гедда. Да, онъ увѣрялъ.

Тесманъ. Но, Боже мой! Тогда вѣдь онъ совсѣмъ помѣшался! И ты, пожалуй, побоялась отдать ему рукопись, Гедда?

Гедда. Да, я не отдала.

Тесманъ. Но ты, вѣрно, сказала, что она у насъ?

Гедда. Нѣтъ. (Живо) А ты развѣ сказалъ фру Эльвстедъ?

Тесманъ. Нѣтъ, мнѣ не хотѣлось... Но ему тебѣ бы слѣдовало сказать. Подумай, вдругъ онъ съ отчаянія наложитъ на себя руки! Дай мнѣ рукопись, Гедда! Я сейчасъ же побѣгу съ ней къ нему. Гдѣ она у тебя?

Гедда (не двигаясь и опираясь рукой на спинку кресла, холоднымъ тономъ). Ея у меня больше нѣтъ.

Тесманъ. Ея нѣтъ у тебя? Помилуй, что это значитъ?

Гедда. Я сожгла—все, до тла!

Тесманъ (испуганно вскакиваетъ). Сожгла! Рукопись Эйлерта!

Гедда. Не кричи такъ—дѣвушка услышитъ.

Тесманъ. Сожгла! Боже милосердный!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно!

Гедда. И все-таки это такъ.

Тесманъ. Да ты знаешь ли, что ты надѣлала, Гедда! Вѣдь это растрата чужой собственности, противозаконная утайка найденнаго,—подумай! Спроси-ка асессора Браккa и узнаешь...

Гедда. Лучше всего, я думаю, не говорить объ этомъ ни асессору ни кому бы то ни было.

Тесманъ. Но какъ же ты могла рѣшиться на такой неслыханный поступокъ! Какъ это могло придти тебѣ въ голову? Что нашло на тебя? Отвѣчай! А?

Гедда (подавляя чуть замѣтную улыбку). Я рѣшилась на это ради тебя, Йоргенъ.

Тесманъ. Ради меня?

Гедда. Ты утромъ разсказывалъ, какъ онъ читалъ тебѣ эту рукопись...

Тесманъ. Ну, ну! Дальше?

Гедда. И признался мнѣ, что позавидовалъ ему.

Тесманъ. Господи! Вѣдь нельзя же было понимать этого такъ, буквально!

Гедда. Во всякомъ случаѣ я не могла вынести мысли, что кто-нибудь можетъ затмить тебя.

Тесманъ (колеблясь между сомнѣніемъ и радостью). Гедда, не-

ужели ты правду говоришь!.. Да, но... но... какъ же это я до сихъ поръ не замѣчалъ въ тебѣ такой любви... Подумай!

Гедда. Ну, и заодно узнай ужъ... что я какъ разъ... (Круто обрывая) Нѣтъ, нѣтъ. Спроси лучше у тети Юли. Она тебѣ скажетъ.

Тесманъ. Ахъ! Кажется, я почти догадываюсь, Гедда. (Всплескивая руками) Ахъ. Боже мой! Да можетъ ли это быть! А?

Гедда. Да не кричи же такъ, дѣвушка услышитъ!

Тесманъ (радостно смѣется). Дѣвушка! Нѣтъ, какая ты, право, забавная, Гедда! Дѣвушка! Да вѣдь это Берта! Я самъ побѣгу разсказать ей.

Гедда (отчаянно сжимая руки). Ахъ, силъ нѣтъ... меня душитъ все это!

Тесманъ. Что̀ все это, Гедда? А?

Гедда (овладѣвъ собой, холодно). Все это смѣшное, Йоргенъ!

Тесманъ. Смѣшное? Что я такъ несказанно радуюсь?.. Впрочемъ... пожалуй, правда, не слѣдуетъ вмѣшивать сюда Берту.

Гедда. О, нѣтъ, отчего же? Одно ужъ къ одному!

Тесманъ. Нѣтъ, нѣтъ, еще рано. Но тетя Юля, право, должна узнать объ этомъ. И о томъ, что ты начинаешь называть меня Йоргеномъ! Подумай! Ахъ, она такъ обрадуется, такъ обрадуется!

Гедда. Когда узнаетъ, что я сожгла рукопись Эйлерта Лёвборга — ради тебя?

Тесманъ. Да, и то правда. Насчетъ рукописи никто не долженъ знать. Само собой. Но то, что ты такъ любишь меня — это тетя Юля непремѣнно должна узнать! Да вотъ еще... хотѣлось бы знать, — бываетъ ли вообще такъ съ молодыми женами? А?

Гедда. Справься кстати и объ этомъ у тети Юли!

Тесманъ. А что-жъ — при случаѣ, конечно. (Снова принимаетъ озабоченный видъ) Нѣтъ, а все-таки рукопись-то, рукопись! Боже мой! Ужасъ беретъ, какъ вспомню о бѣднягѣ!

(Тея Эльвстедъ, одѣтая, какъ при первомъ посѣщеніи, въ шляпкѣ и накидкѣ, входитъ изъ передней).

Тея (быстро здороваясь, говоритъ взволнованно). Ахъ, милая Гедда, прости, что я опять зашла...

Гедда. Что̀ съ тобой, Тея?

Тесманъ. Опять что-нибудь съ Эйлертомъ? А?

Тея. Ахъ, я ужасно боюсь, что съ нимъ случилось несчастье.

Гедда (схватывая ее за руку). А!.. Ты думаешь!..

Тесманъ. Но, Господи... съ чего вы это взяли, фру Эльвстедъ?

Тея. Я случайно слышала разговоръ о немъ въ пансіонѣ,—

какъ только вошла. Ахъ, о немъ ходятъ сегодня по городу самые невѣроятные слухи.

Тесманъ. Подумайте, и я тоже слышалъ. А между тѣмъ я могу почти засвидѣтельствовать, что онъ вчера прямехонько отправился домой спать. Подумайте!

Гедда. Ну, что же говорили о немъ въ пансіонѣ?

Тея. Охъ, я не узнала ничего толкомъ. Или они сами не знали ничего хорошенько, или... Только, увидавъ меня, сразу замолчали. Спрашивать же я не рѣшилась.

Тесманъ (безпокойно шагая по комнатѣ). Будемъ надѣяться, что вы ослышались, фру Эльвстедъ.

Тея. Нѣтъ, нѣтъ, я увѣрена, что разговоръ шелъ о немъ. И я уловила что-то насчетъ больницы или...

Тесманъ. Больницы?

Гедда. Нѣтъ, это невозможно!

Тея. Ахъ, я такъ перепугалась, что сейчасъ же побѣжала къ нему на квартиру справиться.

Гедда. И ты рѣшилась, Тея?

Тея. Да что же мнѣ было дѣлать? Мнѣ казалось, что я просто не вынесу дольше этой неизвѣстности.

Тесманъ. Ну, и вы, вѣрно, не застали его? А?

Тея. Нѣтъ. И тамъ ничего не знаютъ о немъ. Сказали только, что онъ ушелъ вчера послѣ обѣда и съ тѣхъ поръ не возвращался.

Тесманъ. Вчера! Подумайте! Какъ же это они могли сказать!

Тея. Ахъ, навѣрно съ нимъ случилось что-нибудь недоброе!

Тесманъ. Слушай, Гедда, я думаю, не пойти ли мнѣ поразузнать кой-гдѣ?..

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не впутывайся ты въ это!

(Двери передней отворяются, и Берта впускаетъ асессора Браккa. Видъ у него серьезный. Онъ молча кланяется всѣмъ, держа шляпу въ рукахъ. Берта, затворивъ дверь за нимъ, уходитъ).

Тесманъ. Ахъ, это вы, любезный асессоръ! А?

Браккъ. Да, мнѣ необходимо было повидать васъ — сегодня же.

Тесманъ. Вижу по вашему лицу, что вы уже получили вѣсточку отъ тети Юли...

Браккъ. Да, получилъ и отъ нея.

Тесманъ. Не правда ли, грустно? А?

Браккъ. Ну, знаете, милѣйшій Тесманъ какъ кто смотритъ...

Тесманъ (неувѣренно глядя на него). Пожалуй, случилось еще что-нибудь?

Браккъ. Да, случилось.

Гедда (напряженно). Что-нибудь печальное, асессоръ Браккъ?

Браккъ. Тоже, какъ кто посмотритъ, фру Тесманъ.

Тея (въ невольномъ порывѣ). Ахъ, это съ Эйлертомъ!

Браккъ (взглянувъ на нее). Отчего вы именно такъ думаете, фру Эльвстедъ? Или вамъ что-нибудь уже извѣстно?

Тея (смущенно). Нѣтъ, нѣтъ... но...

Тесманъ. Да, Господи, говорите же поскорѣе!

Браккъ (пожимая плечами). Да, къ сожалѣнію... Эйлертъ Лёвборгъ въ больницѣ и, говорятъ, уже при смерти.

Тея (вскрикиваетъ). О, Боже, Боже!..

Тесманъ. Въ больницѣ! И при смерти!

Гедда (невольно). Такъ скоро, значитъ!..

Тея (жалобно). И мы не успѣли помириться съ нимъ, Гедда!

Гедда (тихо). Но, Тея... Тея!

Тея (не обращая вниманія). Къ нему! Скорѣй! Хочу застать его въ живыхъ!

Браккъ. Безполезно, сударыня. Къ нему никого не допускаютъ.

Тея. Такъ хоть скажите мнѣ, что съ нимъ случилось? Что такое?

Тесманъ. Да, да... надѣюсь... не самъ же онъ!.. А?

Гедда. А я такъ увѣрена, что именно самъ.

Тесманъ. Гедда... Какъ же ты въ такомъ случаѣ...

Браккъ (не сводя съ Гедды глазъ). Къ сожалѣнію, вы угадали, фру Тесманъ.

Тея. О, какой ужасъ!

Тесманъ. Значитъ — самъ! Подумайте!

Гедда. Застрѣлился?

Браккъ. Тоже угадали, сударыня.

Тея (стараясь придти въ себя). Когда же это случилось, господинъ асессоръ?

Браккъ. Сегодня около четырехъ часовъ пополудни.

Тесманъ. Боже мой, Боже мой! Гдѣ же онъ это?.. А?

Браккъ (нетвердо). Гдѣ?.. Да, вѣроятно, у себя дома.

Тея. Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ. Я заходила къ нему между шестью и семью вечера...

Браккъ. Ну, такъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Навѣрное не могу сказать. Знаю только, что его нашли... Онъ выстрѣлилъ себѣ... въ грудь.

Тея. Ужасъ, ужасъ подумать! Чтобы ему пришлось такъ кончить!..

Гедда (асессору). Въ грудь, вы сказали?

Браккъ. Да, именно.

Гедда. А не въ високъ?

Браккъ. Въ грудь, фру Тесманъ.

Гедда. Да, да, и въ грудь тоже ничего.

Браккъ. Что, сударыня?

Гедда (съ отстраняющимъ движеніемъ руки). Такъ. Ничего... ничего.

Тесманъ. И рана смертельна? А?

Браккъ. Безусловно смертельна. Теперь, вѣроятно, все уже кончено.

Теа. Да, да... я чувствую... Кончено, кончено! О, Гедда!..

Тесманъ. Но скажите, откуда вы узнали это?

Браккъ (отрывисто). Отъ одного полицейскаго чиновника, съ которымъ мнѣ пришлось говорить.

Гедда (громко). Наконецъ-то смѣлый поступокъ!

Тесманъ (испуганно). Господи помилуй!.. Что ты говоришь, Гедда!

Гедда. Я говорю, что въ этомъ есть красота.

Браккъ. Гм... фру Тесманъ...

Тесманъ. Красота! Нѣтъ, подумай!..

Теа. О, Гедда! Можно ли тутъ говорить о красотѣ!

Гедда. Эйлертъ Лёвборгъ покончилъ съ собой. У него хватило мужества сдѣлать то — что слѣдовало.

Теа. Нѣтъ, не думай, что это *такъ* вышло. Онъ сдѣлалъ это, самъ себя не помня.

Тесманъ. Да, въ порывѣ отчаянія.

Гедда. Да нѣтъ же! Въ этомъ я увѣрена.

Теа. Да, да! Себя не помня! Такъ же, какъ разорвалъ нашу книгу!

Браккъ (пораженный). Книгу? То-есть рукопись? Развѣ онъ разорвалъ ее?

Теа. Да, вчера ночью.

Тесманъ (шепотомъ). О, Гедда! Это вѣчно будетъ лежать на нашей совѣсти!

Браккъ. Гм... вотъ странно.

Тесманъ (въ волненіи дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ). Подумать, что Эйлерту пришлось такъ покончить жизнь! Не оставивъ по себѣ того, что увѣковѣчило бы его имя...

Теа. Ахъ, если бы можно было возстановить!

Тесманъ. Да, подумайте... Я не знаю, чего бы я не далъ за это.

Теа. А вѣдь, пожалуй, возможно, господинъ Тесманъ.

Тесманъ. Какъ такъ?

Теа (роясь въ карманѣ платья). Вотъ, посмотрите. Я сберегла черновые наброски, по которымъ онъ мнѣ диктовалъ.

Гедда (дѣлая шагъ къ ней). А!..

Тесманъ. Вы сберегли ихъ, фру Эльвстедъ! А?

Теа. Да, вотъ они. Я захватила ихъ съ собой, когда уѣзжала... Они такъ и остались у меня въ карманѣ...

Тесманъ. Дайте, дайте взглянуть!

Тея (подаетъ ему пачку мелкихъ листковъ). Только тутъ все такъ спутано; всѣ листки перемѣшались.

Тесманъ. А подумайте, если бы намъ все-таки удалось разобраться! Пожалуй, общими усиліями... помогая другъ другу...

Тея. Ахъ, да! Хоть бы попробовать...

Тесманъ. Дѣло *должно* пойти! Непремѣнно! Я готовъ жизнь свою отдать на это.

Гедда. Что ты, Йоргенъ? Свою жизнь?

Тесманъ. Да. Или, вѣрнѣе, все время, которое имѣю въ своемъ распоряженіи. Мои собственные матеріалы могутъ полежать пока. Ты понимаешь, Гедда? А? Я обязанъ, это мой долгъ передъ памятью Эйлерта.

Гедда. Пожалуй, что такъ.

Тесманъ. Такъ вотъ, милая фру Эльвстедъ, соберемся съ духомъ. Что пользы убиваться надъ тѣмъ, что уже совершилось. А? Постараемся лучше успокоиться, сосредоточить мысли...

Тея. Да, да, господинъ Тесманъ, постараюсь, насколько могу.

Тесманъ. Такъ пожалуйте сюда. Надо сейчасъ же просмотрѣть эти наброски. Гдѣ бы намъ устроиться? Тутъ развѣ? Нѣтъ, лучше тамъ, въ маленькой комнатѣ. Извините, дорогой асессоръ. Пожалуйте, фру Эльвстедъ.

Тея. Ахъ, если бы удалось!..

(Тесманъ и Тея уходятъ въ маленькую комнату. Тея снимаетъ шляпку и накидку, затѣмъ оба усаживаются у стола подъ висячей лампой и усердно начинаютъ разбираться въ бумагахъ. Гедда идетъ и садится въ кресло около печки. Немного погодя асессоръ Браккъ слѣдуетъ за ней).

Гедда (вполголоса). Ахъ, асессоръ, какой свободой повѣяло на меня отъ этого поступка Эйлерта Лёвборга!

Браккъ. Свободой, фру Гедда? Да, онъ-то теперь, конечно, освободился...

Гедда. Нѣтъ, я говорю о себѣ. Какъ-то легче дышится, когда знаешь, что на свѣтѣ совершается-таки иногда нѣчто такое, что говоритъ о свободной, смѣлой волѣ и на что падаетъ отблескъ естественной, самобытной красоты.

Браккъ (улыбаясь). Гм... дорогая фру Гедда...

Гедда. Знаю, знаю, что вы скажете! Вы вѣдь тоже своего рода спеціалистъ, какъ и... ну!..

Браккъ (пристально глядя на нее). Пожалуй, Эйлертъ Лёвборгъ значилъ для васъ несравненно больше, чѣмъ вы сами хотите себѣ признаться. Или — я ошибаюсь?

Гедда. Я не стану отвѣчать вамъ на это. Скажу только, что у Эйлерта Лёвборга хватило мужества прожить жизнь по-своему. И затѣмъ, теперь — это нѣчто великое, отмѣченное

печатью красоты! У него хватило силы воли уйти съ жизненнаго пира... такъ рано!

Браккъ. Мнѣ очень жаль, фру Гедда, — но приходится вывести васъ изъ прекраснаго заблужденія.

Гедда. Заблужденія?

Браккъ. Изъ котораго, впрочемъ, вы все равно скоро вышли бы.

Гедда. Въ чемъ же дѣло?

Браккъ. Онъ не самъ застрѣлился — не своей волей.

Гедда. Не своей волей?

Браккъ. Нѣтъ. Я не совсѣмъ точно изложилъ сейчасъ исторію его смерти.

Гедда (напряженно). Такъ вы что-нибудь утаили? Что же?

Браккъ. Изъ жалости къ бѣдной фру Эльвстедъ я позволилъ себѣ смягчить нѣкоторыя обстоятельства...

Гедда. Какія же?

Браккъ. Во-первыхъ — онъ уже умеръ.

Гедда. Въ больницѣ?

Браккъ. Да. Не приходя въ сознаніе.

Гедда. Что же еще вы утаили?

Браккъ. Случилось это не у него на квартирѣ.

Гедда. Ну, это вѣдь довольно-таки безразлично.

Браккъ. Не совсѣмъ. Надо вамъ сказать что Лёвборгъ найденъ полумертвымъ... въ будуарѣ фрёкенъ Діаны.

Гедда (порывается вскочить съ кресла, но тутъ же опять опускается). Это невозможно! Не могъ же онъ опять отправиться туда сегодня!

Браккъ. Онъ былъ тамъ сегодня послѣ обѣда. Пришелъ требовать чего-то, что будто бы у него тамъ пропало... Говорилъ что-то безсвязное о какомъ-то потерянномъ ребенкѣ...

Гедда. А, — значитъ, изъ-за этого...

Браккъ. Я подумалъ - было — не о рукописи ли онъ это... Но теперь узнаю, что онъ самъ уничтожилъ ее... Такъ, вѣрно, дѣло шло о его записной книжкѣ.

Гедда. Должно-быть... Значитъ, тамъ его и нашли... тамъ.

Браккъ. Да, тамъ. Съ револьверомъ въ карманѣ. Револьверъ разрядился, и его убило наповалъ.

Гедда. Въ грудь — да.

Браккъ. Нѣтъ — въ животъ.

Гедда (глядитъ на него съ выраженіемъ гадливости). Только этого недоставало! За что я ни схвачусь, куда ни обернусь... всюду такъ и слѣдуетъ за мной по пятамъ смѣшное и пошлое, какъ проклятіе какое-то!

Браккъ. Это еще не все, фру Гедда. Тутъ замѣшалось еще кое-что грязное.

Гедда. Что же это?

Браккъ. Пистолетъ, который нашли при немъ...

Гедда (едва переводя духъ). Ну! Что же?

Браккъ. ...Онъ, видимо, укралъ.

Гедда (вскакивая). Укралъ! Неправда! Нѣтъ! Нѣтъ!

Браккъ. Иначе быть не можетъ. Онъ навѣрно укралъ его... Тсс!..

(Тесманъ и Тея встаютъ изъ-за стола и входятъ въ гостиную).

Тесманъ (съ листочками въ обѣихъ рукахъ). Знаешь, Гедда, я почти ничего не разбираю тамъ подъ этой висячей лампой. Подумай!

Гедда. Думаю!

Тесманъ. Нельзя ли намъ ненадолго присѣсть къ твоему письменному столу? А?

Гедда. Сдѣлайте одолженіе! (Быстро) Нѣтъ, постой! Дай мнѣ сначала прибрать!

Тесманъ. Да не безпокойся, Гедда. Мѣста хватитъ.

Гедда. Нѣтъ, дай сначала прибрать, говорю. Унесу только вотъ это — на піанино пока. Ну вотъ. (Взявъ съ этажерки какой-то предметъ, прикрытый нотными тетрадями, уноситъ все въ маленькую комнату налѣво).

(Тесманъ раскладываетъ листки на столѣ и переноситъ туда лампу съ угольнаго стола. Затѣмъ онъ и Тея опять усаживаются за работу).

Гедда (возвращается и, ставъ за стуломъ Теи, слегка перебираетъ ея волосы). Ну, милочка Тея? Подвигается памятникъ Эйлерту Лёвборгу?

Тея (уныло глядя на нее). Ахъ, Господи... Боюсь, трудно будетъ разобраться, страшно трудно.

Тесманъ. Должно удасться! Во что бы то ни стало! Это вотъ — разбираться въ чужихъ бумагахъ, приводить ихъ въ порядокъ — какъ разъ по мнѣ!

(Гедда идетъ къ печкѣ и садится тамъ на пуфъ. Асессоръ Браккъ стоитъ возлѣ, опираясь на спинку кресла).

Гедда (шопотомъ). Что такое вы сказали насчетъ пистолета?

Браккъ (тоже тихо). Что Лёвборгъ навѣрно укралъ его.

Гедда. Почему непремѣнно укралъ?

Браккъ. Потому что никакого другого объясненія допустить нельзя, фру Гедда.

Гедда. Вотъ какъ!

Браккъ (смотритъ на нее съ минуту). Эйлертъ Лёвборгъ, конечно, заходилъ сюда утромъ? Не правда ли?

Гедда. Да.

Браккъ. Вы оставались съ нимъ однѣ?

Гедда. Да, ненадолго.

Браккъ. А вы не уходили изъ комнаты, пока онъ былъ здѣсь?

Гедда. Нѣтъ.

Браккъ. Припомните. Не уходили — ни на минуту?

Гедда. Нѣтъ, пожалуй, на минуту — въ переднюю.

Браккъ. А гдѣ лежалъ въ это время футляръ съ пистолетами?

Гедда. Футляръ?.. Онъ былъ въ...

Браккъ. Ну, фру Гедда?

Гедда. Онъ лежалъ на письменномъ столѣ.

Браккъ. А вы потомъ смотрѣли, оба ли пистолета цѣлы?

Гедда. Нѣтъ.

Браккъ. И не надо. Я видѣлъ пистолетъ, найденный при Лёвборгѣ. И сразу узналъ его. Я видѣлъ его вчера. Да и прежде тоже.

Гедда. Онъ развѣ у васъ?

Браккъ. Нѣтъ, въ полиціи.

Гедда. Что же полиція будетъ дѣлать съ нимъ?

Браккъ. Постарается отыскать владѣльца.

Гедда. По-вашему, это возможно?

Браккъ (наклоняясь къ ней, шопотомъ). Нѣтъ, Гедда Габлеръ, — пока я молчу.

Гедда (съ испугомъ глядя на него). А если вы не станете молчать, — тогда что?

Браккъ (пожимая плечами). Всегда вѣдь остается выходъ, — что пистолетъ былъ украденъ.

Гедда (твердо). Лучше умереть!

Браккъ (съ улыбкой). Ну, такъ обыкновенно только *говорятъ*, но *не дѣлаютъ*.

Гедда (не отвѣчая). Ну, а если пистолетъ не украденъ... и владѣльца найдутъ, — тогда что?

Браккъ. Да, Гедда, — тогда не избѣжать скандала.

Гедда. Скандала?..

Браккъ. Да, скандала... Того, чего вы до смерти боитесь. Васъ, конечно, потребуютъ къ допросу... И васъ и фрёкенъ Діану. Ей вѣдь придется объяснить, какъ было дѣло — случайный ли это выстрѣлъ или убійство... Собирался ли онъ вынуть пистолетъ изъ кармана, угрожая ей, и въ это время послѣдовалъ выстрѣлъ... Или же она сама вырвала у него пистолетъ, застрѣлила его и опять сунула ему пистолетъ въ карманъ? Отъ нея сталось бы, пожалуй. Она вѣдь бѣдовая, эта фрёкенъ Діана.

Гедда. Но вся эта грязь не касается же меня?

Браккъ. Нѣтъ, но вамъ придется отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ вы дали пистолетъ Эйлерту Лёвборгу? Ну, а какія выведутъ заключенія изъ того, что вы дали ему пистолетъ?

Гедда (понуривъ голову). Да, правда. Я объ этомъ не подумала.

Браккъ. Ну, къ счастью, опасаться вѣдь нечего — пока я молчу.

Гедда (смотритъ на него). Такъ я у васъ въ рукахъ. Вы такивзяли власть надо мной.

Браккъ (шопотомъ). Милѣйшая Гедда... повѣрьте мнѣ, я не стану злоупотреблять положеніемъ.

Гедда. Все-таки — въ полной вашей власти. Завишу отъ вашей воли и желаній! Не свободна, не свободна! (Порывисто встаетъ) Нѣтъ, этой мысли я не вынесу! Никогда!

Браккъ (смотритъ на нее полунасмѣшливо). Обыкновенно примиряются съ неизбѣжнымъ.

Гедда (такъ же). Можетъ статься. (Идетъ къ письменному столу и, подавляя невольную улыбку, говоритъ, подражая интонаціи Тесмана) Что? Идетъ, Порденъ? А?

Тесманъ. Богъ его знаетъ! Во всякомъ случаѣ работа затянется на цѣлые мѣсяцы.

Гедда (попрежнему). Подумай! (Слегка запуская пальцы въ волосы Теи) Не странно ли тебѣ, Тея? Теперь вотъ сидишь съ Тесманомъ — какъ прежде, бывало, съ Эйлертомъ Лёвборгомъ.

Теа. Ахъ, если бы мнѣ только удалось вдохновить и твоего мужа!

Гедда. Ничего, удастся навѣрное — со временемъ.

Тесманъ. Да, знаешь, Гедда, — въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто начинаю чувствовать что-то такое. Но ты поди опять къ асессору.

Гедда. Не могу ли и я чѣмъ помочь вамъ?

Тесманъ. Нѣтъ, нѣтъ, ничѣмъ. (Оборачивается къ асессору) Ужъ вы теперь, милѣйшій асессоръ, возьмите на себя трудъ развлекать Гедду.

Браккъ (быстро взглянувъ на Гедду). Съ величайшимъ удовольствіемъ!

Гедда. Спасибо. Но сегодня я что-то устала. Пойду прилягу тамъ на диванѣ.

Тесманъ. Да, да, милочка. А?

(Гедда уходитъ въ маленькую комнату и задвигаетъ за собой портьеры. Небольшая пауза. Вдругъ оттуда слышится бурный мотивъ вальса).

Теа (вскакивая). Ай! Что же это!

Тесманъ (подбѣгая къ портьерамъ). Милочка! Не играй же сегодня танцы! Подумай о тетѣ Ринѣ... да и объ Эйлертѣ.

Гедда (просовывая голову между портьерами). И о тетѣ Юлѣ... и обо всѣхъ. Больше шумѣть не буду. (Опять сдвигаетъ портьеры).

Тесманъ (у письменнаго стола). Ей, пожалуй, не слѣдуетъ ви-

дѣть насъ за этой грустной работой. Знаете что̀, фру Эльвстедъ? Переѣзжайте-ка къ тетѣ Юлѣ. Я и буду приходить туда по вечерамъ. Тамъ намъ отлично будетъ работать. А?

Теа. Да, пожалуй, это будетъ самое лучшее...

Гедда (изъ-за портьеръ). Слышу, слышу, что̀ ты говоришь, Тесманъ. А какъ же я буду коротать тутъ вечера?

Тесманъ (роясь въ бумагахъ). Ну, нашъ добрѣйшій асессоръ, вѣрно, будетъ такъ милъ, что не откажется все-таки навѣщать тебя.

Браккъ (сидя въ креслѣ, весело кричитъ). Съ удовольствіемъ! Хоть каждый вечеръ, фру Тесманъ! И, надѣюсь, мы будемъ весело коротать время вдвоемъ!

Гедда (ясно и громко). Какъ вамъ не надѣяться, асессоръ! Вамъ, единственному пѣтуху...

(Раздается выстрѣлъ. Всѣ вскакиваютъ).

Тесманъ. Опять она возится съ пистолетами.

(Откидываетъ портьеры и вбѣгаетъ въ маленькую гостиную. Теа за нимъ. Гедда лежитъ, распростертая на диванѣ, безъ признаковъ жизни. Смятенье и крики. Берта въ испугѣ вбѣгаетъ справа).

Тесманъ (асессору). Застрѣлилась! Прямо въ високъ! Подумайте!

Браккъ (безсильно опускаясь въ кресло). Но, Боже милосердый, вѣдь такъ же наконецъ *не дѣлаютъ!*

СТРОИТЕЛЬ СОЛЬНЕСЪ.

„Строитель Сольнесъ“ — первая послѣ долгаго промежутка (съ 1864 г., когда вышла „Борьба за престолъ“) драма, написанная Ибсеномъ опять на родинѣ. Издана она была, по обыкновенію, въ Копенгагенѣ, передъ Рождествомъ 1892 г., въ количествѣ 10.000 экз.; почти одновременно вышли и авторизованные переводы ея на главные европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Поставлена же драма была, противъ обыкновенія, раньше всего, даже раньше выхода ея въ свѣтъ, въ Лондонѣ — ради обезпеченія авторскихъ правъ въ Англіи. Послѣ того пьеса обошла почти всѣ сцены и Стараго и Новаго Свѣта. Петербургъ видѣлъ „Строителя Сольнеса“ (1905 г.) въ театрѣ В. Ѳ. Коммиссаржевской; сама артистка играла Гильду, а Сольнеса г. Бравичъ.

И со сцены, какъ и въ чтеніи, „Строитель Сольнесъ“ вызывалъ самые разнорѣчивые истолкованія и приговоры, подымалъ ожесточенные споры между почитателями и противниками автора. Что̀ хотѣлъ Ибсенъ сказать этимъ произведеніемъ? Въ чемъ главная идея пьесы? — подобные вопросы задавались и разрѣшались на разные лады, при чемъ нѣкоторые досужіе любители помудрствовать доходили въ своихъ разсужденіяхъ до явныхъ нелѣпостей. Наиболѣе заслуживающія вниманія изъ многочисленныхъ истолкованій „Строителя Сольнеса“ приведены и оцѣнены по достоинству въ принадлежащемъ перу Іегера критическомъ разборѣ пьесы, который мы здѣсь и приводимъ.

„Если мѣрить „Строителя Сольнеса“ обычной мѣркой дѣйствительности, реальности, то можно сыскать въ драмѣ немало страннаго. Всѣ драматическія произведенія, относящіяся къ послѣднему періоду дѣятельности Ибсена — за исключеніемъ „Дочери моря“, гдѣ ослабляетъ впечатлѣніе реальности „неизвѣстный“ — значительно реальнѣе „Строителя Сольнеса“. Въ послѣднемъ многое не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія строгаго реализма.

„Начать хоть съ отношенія Рагнара Бровика къ Сольнесу. Почему Рагнаръ чувствуетъ себя въ такой безусловной зависимости отъ сужденія Сольнеса? Развѣ нѣтъ въ городѣ другихъ архитекторовъ, мнѣніе которыхъ о способностяхъ Рагнара могло бы доставить его отцу то послѣднее утѣшеніе, въ которомъ онъ такъ нуждался, и придать самому Рагнару бодрость духа и вѣру въ себя, нужные ему, чтобы стряхнуть съ себя малодушныя сомнѣнія и начать работать самостоятельно? Такой архитекторъ-деспотъ, какимъ рисуется въ драмѣ Сольнесъ, врядъ ли можетъ быть признанъ отвѣчающимъ условіямъ дѣйствительности. Но Ибсену понадобился таковой, онъ требуетъ, чтобы мы повѣрили въ реальность такового, — и мы вѣримъ.

„То же самое можно сказать о появленіи Гильды въ кабинетѣ Сольнеса и причинахъ, его вызвавшихъ. Дѣвочка-подростокъ 12-ти—13-ти

лѣтъ видѣла, какъ человѣкъ поднялся на выстроенную имъ въ ея родномъ городѣ высокую церковную башню и украсилъ ея шпиль вѣнкомъ. Нѣсколько часовъ спустя этотъ самый человѣкъ пошутилъ съ дѣвочкой, находясь въ томъ игривомъ настроеніи, въ какое обыкновенно приходятъ люди послѣ хорошаго, праздничнаго обѣда. Онъ сказалъ ей, что, когда она вырастетъ, то будетъ его принцессой, что онъ вернется за ней, похититъ ее, какъ какой-нибудь тролль *), и подаритъ ей королевство. Ну что же, so was kommt in den besten Familien vor **). Но вотъ что врядъ ли ужъ бываетъ въ дѣйствительной жизни,—чтобы такая дѣвочка черезъ десять лѣтъ посмотрѣла на это серьезно, ушла изъ родного дома, какъ говорится, въ одномъ платьѣ и направилась въ столицу разыскивать своего строителя съ цѣлью потребовать свое королевство. Это какъ-то не такъ правдоподобно ***). Но Ибсену это нужно, и онъ намеками на гипнотическое внушеніе, какъ на причину, полагаетъ устранить всѣ недоумѣнія. Передъ гипнозомъ читателю остается только спасовать, покоряя разсудокъ вѣрѣ. Катастрофа тоже переноситъ насъ изъ міра обыкновенныхъ явленій въ міръ гипнотизма. Самая катастрофа производитъ мощное драматическое впечатлѣніе, но, — если взглянуть на нее съ точки зрѣнія трезвой дѣйствительности, — какого такого великаго подвига требуетъ Гильда отъ своего строителя? Заставляетъ его вступить въ борьбу съ юностью, которой онъ такъ труситъ, и превзойти ее и себя самого, возведя величайшее, прекраснѣйшее и оригинальнѣйшее зданіе? Ничуть. Она побуждаетъ его къ такому дѣлу, которое вовсе не является дѣломъ строителя или хозяина зданія, которое любой каменщикъ или плотникъ выполнитъ лучше. Когда зданіе подведено подъ крышу, рабочіе обыкновенно подымаютъ въ честь строителя вѣнокъ на шпиль или на флюгеръ, а строитель, по старому обычаю, благодаритъ ихъ за этотъ знакъ вниманія угощеніемъ. Но Гильда заставляетъ самого Сольнеса поднять вѣнокъ на собственную постройку. Само собой, Ибсенъ зналъ, что такая развязка идетъ въ разрѣзъ всѣмъ обычаямъ, но не захотѣлъ обратить на это вниманія. Для него, какъ для Гильды, поднятіе вѣнка имѣло значеніе совсѣмъ иное, нежели какое оно имѣетъ въ дѣйствительности. То, что въ дѣйствительности является заурядными дѣломъ, превратилось тутъ въ подвигъ первостатейной важности, и мощь драматическаго творчества Ибсена такъ велика, что, читая его произведеніе, смотришь на дѣло его глазами и съ напряженнымъ интересомъ слѣдишь за развязкой.

„Все только-что сказанное говорится отнюдь не въ видѣ существенныхъ возраженій противъ новаго произведенія Ибсена. Говорится все это съ цѣлью указать и констатировать тотъ фактъ, что, разбирая эту драму, недостаточно держаться только ея буквальнаго внѣшняго содержанія, но нужно постоянно имѣть въ виду ея внутренній, сокровенный смыслъ. Драма написана какъ бы на условномъ языкѣ, языкѣ знаковъ, который нужно перевести, чтобы онъ сталъ понятнымъ. Вся драма представляетъ какъ бы большое описаніе, въ которомъ самые знаки — ничто, а подразумѣваемое подъ ними — все: подъ разными мелкими черточками или репликами таятся глубокія мысли, облеченныя въ аллегорическую форму.

„Большинство критиковъ созпаётъ это, и потому каждый по-своему

*) Тролли — олицетвореніе темныхъ силъ природы; различаются тролли лѣсные, горные, подземные, водяные.

**) Такія вещи случаются въ лучшихъ семействахъ.

***) Шлентеръ, какъ видно изъ его, помѣщеннаго ниже, критическаго разбора пьесы, нѣсколько иначе смотритъ на дѣло.

пытается истолковать внутренній смыслъ произведенія. Истолкованія, разумѣется, получаются самыя разнорѣчивыя. Нѣкоторые критики предполагаютъ, что „Строитель Сольнесъ“ — обычная трагедія генія, губящаго себя самого въ икаровскомъ стремленіи ввысь. Но это истолкованіе черезчуръ шатко. Подгонять *все* въ этой драмѣ подъ такое истолкованіе—значило бы уложить ее на Прокрустово ложе, въ противномъ же случаѣ пришлось бы многое опустить безъ вниманія. При чемъ, напримѣръ, въ трагедіи генія смѣлость Гильды, или хилая совѣсть Сольнеса, или сгорѣвшія куклы фру Сольнесъ? Тому, кто пытается построить все истолкованіе пьесы на этомъ фундаментѣ, не избѣгнуть искусственности, чему и есть немало примѣровъ.

„Больше всего сторонниковъ нашло истолкованіе, что пьеса представляетъ родъ авторской исповѣди, своего рода драматизированныя „Dichtung und Wahrheit“. Ибсенъ-де, какъ и Сольнесъ, началъ съ созданія церквей, — какъ Сольнесъ же, сталъ затѣмъ трудиться надъ созданіемъ семейныхъ очаговъ, при чемъ обоимъ имъ пришлось поплатиться своими родными очагами: Сольнесъ утратилъ свой, когда сгорѣлъ родной домъ его жены; Ибсенъ — свой, когда ему пришлось покинуть родину и болѣе четверти вѣка скитаться по Европѣ, какъ настоящему изгнаннику. Счастье или удача обоихъ, какъ художниковъ, создались за счетъ ихъ счастья, какъ людей. Оба достигли высочайшей вершины славы, и, кто знаетъ, не скрывается ли за сольнесовской боязнью юности малая толика такой же боязни со стороны Ибсена, не опасается ли и онъ того, что юность придетъ и стукнетъ въ дверь?

„Такъ разсуждаютъ многіе, и, безъ сомнѣнія, въ такомъ взглядѣ на пьесу есть кое-что, говорящее въ его пользу. Но есть много и такого, что заставляетъ призадуматься. Во всякомъ случаѣ ко взгляду этому можно примкнуть лишь съ оговорками, такъ какъ съ нимъ однимъ далеко не уйдешь. Онъ можетъ имѣть значеніе лишь въ качествѣ вспомогательнаго звена истолкованія.

„Наконецъ высказывается и такое мнѣніе, что пьеса посвящена людямъ, которые хотя уже и не молоды, но еще и не успокоились въ старческой покорности судьбѣ, которые уже не смѣютъ надѣяться, но и не хотятъ окончательно сдаться, должны уже считать на мѣсяцы тамъ, гдѣ прежде считали на годы, которые чувствуютъ, что твердая почва, подымавшая ихъ ввысь, начинаетъ колебаться подъ ихъ ногами, и все же съ извѣстнымъ правомъ не считаютъ себя одряхлѣвшими настолько, чтобы уступить мѣсто молодежи, носителямъ новыхъ знаменъ.

„И это истолкованіе до извѣстной степени основательно, но оно страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что слишкомъ суживаетъ замыселъ автора, придаетъ произведенію слишкомъ мелочный, эгоистичный характеръ.

„Нѣтъ, чтобы получить достаточно широкій и вѣрный взглядъ на новое произведеніе Ибсена, надо подняться до совсѣмъ иной, болѣе свободной и серьезной точки зрѣнія.

„Большинство критиковъ довольствуется разсмотрѣніемъ „Строителя Сольнеса“ самого по себѣ, какъ отдѣльнаго произведенія. Пытаясь же поставить его въ связь съ предшествовавшими произведеніями Ибсена, они ограничиваются нѣсколькими остроумными, довольно произвольными и поверхностными сопоставленіями.

„Въ дѣйствительности же между „Строителемъ Сольнесомъ“ и предшествующими произведеніями Ибсена существуетъ самая тѣсная внутренняя связь. И если не уяснить себѣ ея, почти невозможно понять и всей пьесы. Если же, напротивъ, установить эту связь, всѣ кажущіеся туманы — частности разсѣются, и цѣлое не оставитъ желать ничего въ смыслѣ ясности и прозрачности.

„Въ книгѣ моей „Henrik Ibsen og hans Værker“ я указалъ, что большинство драматическихъ произведеній Ибсена, написанныхъ имъ за послѣднія 20 лѣтъ, рисуетъ броженіе переходнаго времени, въ которомъ мы живемъ, и перспективы брезжущаго будущаго, о которомъ мечтаетъ Ибсенъ. Юліанъ („Императоръ и Галилеянинъ“) былъ дитя этого переходнаго времени, переодѣтое въ историческій костюмъ. Нора, фру Альвингъ и Освальдъ, Росмеръ и Ребекка Вестъ, Гедда Габлеръ и Эйлертъ Лёвборгъ — дѣти этого времени уже безъ всякихъ переодѣваній. Они уже не принадлежатъ старому времени, но еще и не перешли въ новое. Они борются и страдаютъ, мечутся, разрываются на части и погибаютъ въ силу того, что на пути въ страну обѣтованную не могутъ освободиться отъ „трупа въ трюмѣ“,— иными словами, въ силу того, что остатки прошлаго и ростки будущаго ведутъ постоянную борьбу въ ихъ душахъ, ту же борьбу, какую эти остатки и ростки болѣе или менѣе сильно и болѣе или менѣе при участіи нашего сознанія ведутъ и во всѣхъ насъ. (Сравн. предисловіе къ „Геддѣ Габлеръ“).

„Нигдѣ борьба эта не выступаетъ ярче, нежели въ „Строителѣ Сольнесѣ“. Строитель Сольнесъ, со своей хилой совѣстью по отношенію къ прошлому, со своей боязнью по отношенію къ будущему (юности)—человѣкъ переходнаго времени. Прошлое и будущее, двѣ борющихся силы, воплотились здѣсь—первая въ лицѣ фру Сольнесъ, вторая въ лицѣ Гильды.

„Тотъ строитель Сольнесъ, съ которымъ мы знакомимся въ началѣ пьесы, настоящій сынъ „вѣка конкуренціи“. Онъ не отступалъ ни передъ какимъ средствомъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы пробиться впередъ, и не отступаетъ ни передъ какимъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы удержать за собой положеніе. Онъ раздавилъ стараго Бровика, чтобы занять его мѣсто, и давитъ молодого, держитъ его въ черномъ тѣлѣ, чтобы не уступать занятаго мѣста. Ради достиженія своей цѣли, онъ не пренебрегаетъ и помощью влюбленной въ него дѣвушки, не брезгуетъ даже низкой ролью мнимо-влюбленнаго въ Кайю Фосли, чтобы черезъ нее вліять на Рагнара, ея жениха.

„Иными словами, это типичный ибсеновскій эгоистъ, близкій родственникъ консула Берника („Столпы общества“) и коммерсанта Верле („Дикая утка“). И онъ, какъ они, беззастѣнчиво жертвуетъ чужимъ счастьемъ, чтобы самому добиться благополучія: какъ они, онъ губитъ слабыхъ по праву сильнаго,

„И все же онъ недостаточно силенъ. И ему, какъ Бернику, приходится сознаться, что онъ не добился счастья, котораго искалъ: съ виду положеніе его довольно завидно, блестяще, но душа его полна разлада, его мучатъ угрызенія совѣсти, страхъ возмездія.

„Онъ способенъ *желать*, *хотѣть* необычайно сильно, и самъ столь высокаго мнѣнія объ этой своей способности, что полагаетъ, будто желанія его всегда исполняются, если только онъ крѣпко, сосредоточивъ всю силу своей воли, пожелаетъ ихъ исполненія. И все-таки онъ является личностью раздвоенной, новымъ образчикомъ характерной для нашего времени „половинчатости“, которую Ибсенъ выставляетъ и преслѣдуетъ почти въ теченіе полувѣка. Сольнеса пожираетъ сомнѣніе, какъ Скуле („Борьба за престолъ“), хотя онъ и избранникъ счастья, какъ Гоконъ Гокопсенъ.—„Такъ вотъ что добрые люди зовутъ счастьемъ. Но я скажу вамъ, какъ даетъ себя знать это счастье! Какъ большая обнаженная рана тутъ вотъ, на груди. А эти помощники и слуги сдираютъ кусочки кожи съ другихъ людей, чтобы заживить мою рану! Но ея не заживить. Никогда... никогда“.

„Такіе взрывы убѣждаютъ Гильду въ томъ, что Сольнесъ родился на

свѣтъ съ „хилой совѣстью“. Ему недостаетъ настоящей свѣжей, пышущей здоровьемъ совѣсти, чтобы смѣло идти къ желанной цѣли. Но такой совѣсти и не сыскать вообще въ наши дни. „Въ этомъ отношеніи и большинство людей, пожалуй, такъ же немощно, какъ я“, говоритъ самъ Сольнесъ. А вотъ въ старину было по-другому. Взять, напримѣръ, хоть древнихъ викинговъ. У тѣхъ „молодцовъ была здоровая, дюжая совѣсть“. Они „отплывали на корабляхъ въ чужія страны, грабили, жгли и убивали людей“. „И похищали женщинъ“... „И поступали съ ними, какъ злѣйшіе тролли“. И все-таки, когда пріѣзжали домой — „пили, ѣли и веселились, какъ малые ребята. А женщины! Онѣ зачастую и не желали вовсе разстаться съ ними“. Какъ видно, здѣсь открываются перспективы вспять, черезъ все творчество Ибсена, до „Вонтелей на Гельгеландѣ“ (1857 г.).

„Главнымъ образомъ мучатъ Сольнеса двѣ вещи: долгъ, въ которомъ онъ состоитъ по отношенію къ прошлому, и страхъ по отношенію къ будущему.

„Сольнесъ пожелалъ, чтобы родной домъ его жены, „старый, уродливый разбойничій замокъ“ сгорѣлъ до тла, и домъ въ одинъ прекрасный день сгорѣлъ, хотя и не такимъ именно образомъ и не при такихъ обстоятельствахъ, какъ представлялъ себѣ Сольнесъ. Благодаря этому пожару Сольнесъ получилъ возможность строить — и это его счастье, успѣхъ, какъ строителя. Но тотъ же пожаръ разрушилъ его семейное счастье, отнялъ у него малютокъ и разбилъ существованіе его жены. Изо дня въ день видитъ онъ послѣднюю изнемогающей подъ бременемъ скорби объ утраченномъ и мучится этимъ. Вотъ она—обнаженная рана на его груди, о которой онъ самъ говоритъ. „Все, что мнѣ удалось сдѣлать, построить, создать красиваго, прочнаго, уютнаго... величаваго.... все это я постоянно долженъ выкупать... платить за все... не деньгами, а человѣческимъ счастьемъ. И не однимъ своимъ собственнымъ, но и чужимъ... Вотъ во что мнѣ обошлось мое мѣсто, какъ художника—и мнѣ самому и другимъ. И я день за днемъ принужденъ смотрѣть, какъ другіе вновь и вновь расплачиваются за меня. День за днемъ, день за днемъ... безъ конца“. Его хилая совѣсть вводитъ его тутъ въ нѣкоторое заблужденіе. Онъ думаетъ, что потеря дѣтей сломила его жену, между тѣмъ какъ она сумѣла примириться съ этой потерей. „Не говорите мнѣ больше о малюткахъ. За нихъ надо только радоваться“... „Нѣтъ, вотъ мелкія потери... тѣ надрываютъ сердце... Мелочи, которыя другимъ покажутся сущими пустяками“... Потеря старыхъ фамильныхъ портретовъ, шелковыхъ платьевъ, кружевъ, драгоцѣнностей и куколъ—вотъ что терзаетъ фру Сольнесъ; говоря иначе — мертвые остатки прошлаго, въ которомъ она продолжаетъ мысленно жить. Настоящее не доставляетъ ей никакой радости, будущее не пробуждаетъ въ ней никакихъ надеждъ, она живетъ лишь прошлымъ. Всѣ ея мысли и представленія вращаются въ одномъ кругу, въ „могильномъ склепѣ“, по выраженію Гильды, и этотъ могильный склепъ наводитъ холодную мрачную тѣнь и на душу Сольнеса.

„Тутъ символизмъ, заслуживающій особеннаго вниманія. Развѣ не у всѣхъ у насъ въ сущности имѣется такой могильный склепъ? Правда, мы не прячемъ туда непремѣнно куколъ, кружевъ, шелковыхъ платьевъ и тому подобнаго, но все же столь же безполезные, безжизненные предметы, а именно унаслѣдованныя мнѣнія, привычки и правила, которыя уже не являются больше плотью отъ плоти нашей, духомъ отъ духа нашего, и отъ которыхъ мы все-таки не можемъ освободиться. Это — „трупъ въ трюмѣ“, о которомъ Ибсенъ говоритъ въ своемъ „Письмѣ въ стихахъ“ отъ 1875 г., или „привидѣнія“, какъ онъ послѣ назвалъ эти мертвые пережитки прошлаго.

„Противоположностью имъ является юность—все свѣжее, теплое, полное жизни, принадлежащее жизни и имѣющее передъ собой будущее. Оно принадлежитъ „странѣ обѣтованной“, куда стремился „пароходъ Европы“ *), „третьему царству“, о которомъ мечталъ мистикъ Максимъ („Императоръ и Галилеянинъ“), олицетворяетъ собой „культурныя силы будущаго“, о которыхъ философствуетъ Эйлертъ Лёвборгъ, и росмеровскаго „облагороженнаго“ человѣка—свободную, самостоятельную, цѣльную личность. Эта мечта Ибсена о сіяющей утренней зарѣ на далекомъ горизонтѣ давала себя знать во всѣхъ его произведеніяхъ. Теперь же мечта эта нашла воплощеніе, явилась, какъ юность, и постучала въ дверь; ее впустили, и она, пышащая здоровьемъ и силой, спустившаяся прямо съ горныхъ высотъ въ своемъ горномъ мундирѣ, наполнила всю комнату свѣжимъ вѣяньемъ, сіяньемъ, радостью. Эта сіяющая утренняя заря стала Гильдой Вангель. „Вы точно заря новаго дня,—говоритъ ей Сольнесъ:—глядя на васъ, я словно вижу восходъ солнца“.

„Гильда Вангель — самый положительный изъ образовъ, созданныхъ Ибсеномъ. Онъ, конечно, и прежде въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ облекалъ свои идеалы въ плоть и кровь, но ни одно изъ созданныхъ имъ лицъ не было такъ совершенно, такъ цѣльно, какъ Гильда. Если бы кто захотѣлъ узнать, чего недостаетъ другимъ женскимъ фигурамъ въ послѣднихъ произведеніяхъ Ибсена, тотъ могъ бы взять мѣрилломъ Гильду. То, что было подавлено, изуродовано въ Геддѣ Габлеръ преклоненіемъ передъ тѣмъ, что „принято“, развилось въ Гильдѣ свободно и естественно. Потребность выбора „вполнѣ свободнаго и подъ личной отвѣтственностью“, бившаяся, какъ больное дитя въ бреду, въ груди Эллиды,—въ Гильдѣ свѣжа и сильна. „Свободная воля“ Ребекки Вестъ надломилась во время процесса очищенія ея души, воля же Гильды очищается, облагораживается, не надламываясь. Гильда не уважаетъ того, что фру Сольнесъ такъ великолѣпно называетъ своимъ „простымъ долгомъ“. „Терпѣть не могу этого гадкаго, противнаго слова. Въ немъ слышится что-то такое холодное, колкое, долбящее!“. „Сердечно, ласково“ должно все говориться и дѣлаться, по мнѣнію Гильды. Не терпитъ она и ничего низкаго, мелочнаго, мизернаго. Услыхавъ о томъ, какъ ведетъ себя Сольнесъ по отношенію къ Рагнару, она зажимаетъ себѣ уши и въ ужасѣ кричитъ: „Да не говорите же такихъ вещей. Вы меня уморить хотите! Отнять у меня то, что мнѣ дороже жизни... Надежду увидать васъ опять великимъ. Съ вѣнкомъ въ рукахъ. Высоко, высоко!..“ Фру Сольнесъ, напротивъ, хочетъ, чтобы Сольнесъ оставался внизу, „только бы оставался внизу“. „Я же всегда такъ и дѣлаю. Этакъ—въ будни“,—отвѣчаетъ на это Сольнесъ.

„Какъ Лона Гессель („Столпы общества“) является, чтобы высвободить героя своей юности изъ путъ лжи, такъ Гильда приходитъ, чтобы вывести „своего строителя“ изъ сумерекъ могильнаго склепа, поднять высоко, сдѣлать опять свободнымъ и великимъ, какимъ онъ казался ей, стоя на верхушкѣ башни десять лѣтъ тому назадъ, и какимъ все время стоялъ передъ ея духовнымъ взоромъ. Она вѣритъ не хочетъ, чтобы онъ не смѣлъ и не могъ „подняться на ту высоту, которую самъ же воздвигъ“. Она увѣрена въ томъ, что „ея строитель“ можетъ сдѣлать „невозможное“, если только захочетъ; значитъ, надо только довести его до того, чтобы онъ захотѣлъ. И она заражаетъ его своимъ экстазомъ, заставляетъ его забыть свою и физически и духовно слабую голову и гонитъ его все выше и выше—до самой вершины,—а оттуда внизъ, въ

*) См. упомянутое выше «Письмо въ стихахъ» въ «Избранныхъ стихотвореніяхъ Ибсена».

объятья смерти. „Значитъ, все-таки у него не хватило силы“,—говоритъ Рагнаръ. — „Онъ достигъ вершины. И я слышала въ воздухѣ звуки арфы... Мой... мой строитель!“— торжествуетъ Гильда.

„Послѣднее дѣйствіе происходитъ вечеромъ. Мы видимъ вечернее небо съ облаками, озаренными вечернимъ солнцемъ. Сольнесъ принадлежитъ смеркающемуся дню, который долженъ уйти, уступить мѣсто новой зарѣ. Но уходитъ онъ не въ ночномъ мракѣ; занимается утренняя заря, когда погасаетъ вечерняя. Настроеніе такое, какое даетъ сѣверная лѣтняя ночь, когда, говоря словами Вергеланда:

«Съ румянымъ утромъ вечеръ золотой
Сливается въ любовномъ поцѣлуѣ».

„Оттого-то въ развязкѣ драмы, несмотря на весь трагизмъ, есть что-то великое, теплое и примиряющее. Вся она такъ проста и округлена, какъ развязка греческой трагедіи.

„Да и все построеніе новой драмы такъ же просто. Собственно говоря, въ ней дѣйствуютъ три лица; остальныя остаются совершенно на заднемъ планѣ, да и фру Сольнесъ не играетъ особенно значительной роли. Вся пьеса, въ сущности, діалогъ между Сольнесомъ и Гильдой, но діалогъ, полный такой силы и блеска, который приковываетъ больше всякихъ раздирающихъ дѣйствій.

„Писателю, который могъ написать такую вещь, какъ „Строитель Сольнесъ“, нѣтъ нужды бояться юности; онъ самъ, несмотря на свои 64 года, въ союзѣ съ тѣмъ, что есть въ юности самаго свѣжаго, самаго лучшаго; онъ проникаетъ взоромъ вдаль лучше большинства, высоко подымается мыслью и выше всѣхъ стоитъ въ своемъ искусствѣ. Пусть у него будетъ то общее съ его строителемъ, что и онъ началъ строить церкви, а кончаетъ постройкой воздушныхъ замковъ для принцессы будущаго, но онъ не можетъ походить на Сольнеса боязнью юности, разъ его послѣдняя вещь — сплошной гимнъ юности и будущему. Пѣвецъ Гильды — пѣвецъ юности“.

Нѣмецкій критикъ Ибсена, Шлентеръ, повидимому, считаетъ центромъ разбираемой драмы идею „объ отвѣтственности человѣческой“, красной нитью проходящую уже въ одномъ изъ предшествующихъ произведеній Ибсена — въ „Росмерсгольмѣ“, наиболѣе же ясно и ярко выступающую въ послѣдующемъ — „Маленькомъ Эйольфѣ“. „Счастье — прежде всего въ радостномъ, безмятежномъ сознаніи, что совѣсть твоя свободна отъ грѣха“,—говоритъ Іоганнесъ Росмеръ. Этого-то счастья и не знаетъ признанный „счастливецъ“— строитель Сольнесъ. Его счастье лежитъ у него на совѣсти, давитъ его душу, и онъ несетъ эту тяжесть вплоть до конечной катастрофы.

„Внѣшнимъ образомъ вызываетъ катастрофу соблюденіе стариннаго обычая: когда новая постройка подведена подъ крышу, на флюгеръ подвѣшивается вѣнокъ. Но такое „увѣнчаніе“ само по себѣ не легкое предпріятіе. Тотъ, кто берется за него, не долженъ страдать головокруженіемъ, и строитель Сольнесъ лишь два раза въ жизни отважывался подняться на ту высоту, которую самъ же воздвигъ. Въ первый разъ это рѣшило все направленіе его жизни, во второй — стоило ему самой жизни. Въ первый разъ онъ выстроилъ церковную башню и поднялся на ея вершину, чтобы бросить оттуда вызовъ Тому, въ чью честь воздвигнута была башня, съ которой должны были литься колокольные звуки, прославляющіе „Строителя вселенной“. Во второй разъ онъ выстроилъ обыкновенное жилище, но, наперекоръ всѣмъ обычаямъ и людскимъ склонностямъ, увѣнчалъ его тоже своего рода церковной башней, чѣмъ-то, что также „говоритъ о свободномъ стремленіи ввысь“,

и взбирается на нее, чтобы торжествовать свою побѣду. Торжество длится однако всего секунду: голова у него закружилась, и онъ съ разбитой головой очутился внизу, гдѣ и было его мѣсто въ обычной жизни, въ „будни“.

„Десять лѣтъ раздѣляютъ первое и второе восхожденіе на вершину. Оба раза свидѣтельницей этого является молодая дѣвушка, которая съ восхищеніемъ слѣдитъ за смѣльчакомъ и съ дикимъ восторгомъ привѣтствуетъ его, когда онъ стоитъ на самомъ верху. Но уже и въ первый разъ безумное ликованіе этого „чертенка“ чуть-было не лишило строителя равновѣсія и не довело до паденія. Тогда чертенокъ этотъ былъ всего только дѣвочкой-подросткомъ, совсѣмъ незнакомой, чужой строителю. Десять лѣтъ спустя чертенокъ является уже въ образѣ взрослой и весьма опасной молодой дѣвушки и тоже стоитъ опять внизу и караулитъ. Увидѣвъ строителя на самой вершинѣ, такимъ же великимъ и свободнымъ, какимъ онъ стоялъ у нея передъ глазами всѣ эти десять лѣтъ, увидѣвъ, что онъ машетъ ей оттуда шляпой, какъ бы дѣлясь съ нею своей побѣдой, она испускаетъ такой же безумный вопль ликованія, какъ и тогда: „Да здравствуетъ Сольнесъ!“. Онъ слышитъ это, и этотъ крикъ окончательно опьяняетъ его, уже опьяненнаго собственной дерзостью, голова у него кружится, и онъ летитъ внизъ. Горе тому, кто даетъ увлечь себя выше, нежели онъ способенъ подняться самъ, собственными силами!

„Всего два раза пришлось Гильдѣ Вангель, падчерицѣ „дочери моря“, встрѣтиться ненадолго со своимъ строителемъ. Но въ томъ, что ей оба раза довелось быть свидѣтельницей его восхожденія на высоту, есть связь. Въ первый разъ, послѣ торжественнаго увѣнчанія церковной башни, онъ, возбужденный своей „побѣдой“ и разгоряченный виномъ, пошалилъ съ хорошенькой дѣвочкой-подросткомъ: обнялъ, расцѣловалъ ее „много-много разъ“ и пообѣщалъ вернуться за ней черезъ десять лѣтъ, чтобы увезти свою „принцессу Гильду“ въ ея королевство, гдѣ ждетъ ее чудный замокъ. Для него все это было лишь шуткой съ ребенкомъ, и какъ эта шутка, такъ и ребенокъ скоро были имъ забыты. Въ его душѣ остался только слѣдъ впечатлѣнія, утрата котораго, впрочемъ, все-таки мучила его память. Другое дѣло—ребенокъ. Для дѣвочки-подростка, для Гильды Вангель съ ея жаждой всего чудеснаго, небудничнаго, щекочущаго нервы, подымающаго настроеніе и захватывающаго духъ, это приключеніе явилось великимъ событіемъ, давшимъ содержаніе всей ея послѣдующей жизни, извѣстное направленіе всѣмъ ея мыслямъ и мечтамъ. Этотъ строитель, который не только строилъ высочайшія церковныя башни въ мірѣ, но и самъ восходилъ на такія высоты, а спустившись оттуда, послѣ одного такого подвига, поцѣловалъ ее и обѣщалъ ей сказочное счастье въ будущемъ, сталъ ея идеаломъ. По мѣрѣ того, какъ дѣвочка подрастала, дѣтскія фантазіи переходили въ дѣвичье желаніе, которое, казалось ей, могло быть осуществлено. Далекій идеалъ становился въ ея представленіи все болѣе и болѣе достижимымъ. Она поняла, что королевство, которое строитель обѣщалъ ей, называлось вовсе не Апельсиніей, что это онъ такъ только сказалъ, чтобы подразнить ее, а на самомъ дѣлѣ предложитъ ей самого себя, и ихъ взаимная любовь и будетъ тѣмъ замкомъ, который онъ долженъ ей выстроить, согласно обѣщанію.

„Десять лѣтъ прошли, строитель не вернулся, и Гильда, не переставшая призывать его въ душѣ, поступаетъ съ нимъ, какъ Магометъ съ горой. Смѣлая, рѣшительная, здоровая, жаждущая небудничнаго счастья, она отправляется въ поиски за нимъ одна-одинешенька, и вотъ въ одинъ осенній вечеръ появляется въ кабинетѣ строителя съ альпій-

ской палкой въ рукахъ, въ костюмѣ туристки, „налегкѣ“—безъ чемодана, безъ денегъ (Гильда не Болетта, которой для того, чтобы вырваться изъ томившей ее домашнейобстановки, нужно было опереться на кого-нибудь или хоть чувствовать себя обезпеченной матеріально). Передъ Сольнесомъ очутилось не беззавѣтно влюбленное, смиренное созданіе, но дѣвушка смѣлая, самостоятельная, знающая себѣ цѣну и имѣющая весьма опредѣленные виды на него. Первымъ долгомъ она хочетъ убѣдиться въ дѣйствительности своего идеала, узнать—выдержитъ ли идеалъ дѣвочки-фантазерки испытаніе въ глазахъ взрослой дѣвушки, знающей, чего она хочетъ, и обладающей, по ея мнѣнію, здоровой, крѣпкой совѣстью.

„Впечатлѣніе, которое ей на первыхъ же порахъ приходится испытать при встрѣчѣ съ нимъ, оказывается довольно смѣшаннымъ. Во внѣшнемъ смыслѣ она мало довольна Сольнесомъ. То онъ кажется ей колпакомъ, то, какъ Гельмеръ Норѣ, мелочнымъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Минутами же она прямо смотритъ на него такъ же сверху внизъ, какъ Гедда Габлеръ на своего „спеціалиста“-мужа. Въ числѣ прочихъ слабостей Гильда открываетъ въ своемъ героѣ еще боязнь людей. Но чѣмъ больше ей дѣлается обидно за него въ частностяхъ, тѣмъ ревностнѣе, съ жестокостью Гедды Габлеръ, старается она вызвать изъ тайниковъ его внѣшней оболочки старый идеальный образъ, взлелѣянный ея воображеніемъ. Никто, кромѣ него, во всемъ свѣтѣ не долженъ бы имѣть права строить! Онъ все долженъ бы дѣлать самъ! Такимъ образомъ Гильда выдаетъ одно изъ тайныхъ своихъ желаній и мечтаній. Затѣмъ она пытается укрѣпить „хилую“ совѣсть своего строителя, внушить ему и довѣріе къ собственнымъ силамъ и смѣлость въ достиженіи своихъ завѣтныхъ желаній, ставя ему въ примѣръ древнихъ викинговъ, которые не знали преградъ въ достиженіи своихъ цѣлей, осуществленіи своихъ желаній, возвращались изъ своихъ набѣговъ радостные, торжествующіе и спокойные, какъ дѣти, не чувствуя ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Такой вотъ дерзкій и невозмутимый хищникъ-викингъ во вкусѣ Гильды. Такого она могла бы полюбить именно за его хищничество. Нѣчто сродни такому хищнику сидитъ во всякомъ случаѣ и въ ея строителѣ,—онъ тоже не задумался столкнуть со своей дороги и уничтожить другихъ людей, чтобы очистить себѣ мѣсто. Но онъ не можетъ, подобно викингамъ, радостно-безмятежно наслаждаться плодами своихъ побѣдъ; напротивъ, эти побѣды отняли у него всякую радость жизни, мучатъ его хилую совѣсть, пугаютъ ее призраками возмездія. Но какъ разъ въ этой слабости, нѣжной чуткости совѣсти, которая не выноситъ сильныхъ ударовъ, не въ состояніи поднять и нести сколько-нибудь тяжелаго бремени, и скрывается внутренняя духовная сила, которая таинственно влечетъ къ себѣ Гильду. Въ общеніи съ Сольнесомъ начинаетъ хирѣть ея собственная „дюжая“ совѣсть. Какъ Росмеръ сообщаетъ Ребеккѣ свою этическую окраску, такъ и Сольнесъ начинаетъ передавать свою окраску Гильдѣ. Къ ея наивному увлеченію хищническими поступками, сладко-жуткому упоенію страшнымъ, захватывающимъ, начинаетъ понемногу примѣшиваться состраданіе къ ближнему. Она сама побуждаетъ Сольнеса сдѣлать добро тѣмъ, съ чьей стороны онъ опасается возмездія. Гильда явилась къ своему строителю съ намѣреніемъ довести его до измѣны женѣ, но, познакомясь съ нею, узнавъ печальную повѣсть ея загубленной жизни, она уже не въ состояніи этого сдѣлать. Гильда Вангель все-таки не чета Геддѣ Габлеръ. Она не станетъ жечь соперницѣ волосъ, бросать ея ребенка въ огонь. „Не могу я причинить зла человѣку, котораго знаю!.. Будь это кто чужой,—да! Тогда совсѣмъ другое дѣло. Чужой

человѣкъ, котораго я бы въ глаза никогда не видала... Но человѣкъ, съ которымъ я близко познакомилась—ни-ни! Фу!“ Вотъ наивная мораль, заставляющая смириться сидящаго въ Гильдѣ bête humaine. И она принимаетъ рѣшеніе уѣхать, отказаться отъ своего королевства. Но въ ея рѣшеніи нѣтъ воодушевленія самопожертвованія. Она приходитъ къ нему какъ-то нехотя, оно погружаетъ ее въ апатію, вырывая у нея восклицаніе: „Ахъ, лечь бы да проспать все!“. То чудное строеніе ея будущаго, котораго она ожидала отъ своего строителя, превращается для нея въ воздушный за̀мокъ, представляющійся ея фантазіи чудомъ изъ чудесъ, самымъ лучшимъ въ свѣтѣ, а ея практическому пониманію дѣйствительности—жалкимъ убѣжищемъ для хилой совѣсти строителя, „воздушнымъ за̀мкомъ безъ каменнаго фундамента“.

„Гильда хочетъ уѣхать, но воля ея какъ бы заколдована. Обстоятельства складываются такъ, чтобы она осталась. Бѣдная дѣвушка и бѣдный юноша, сначала вызвавшіе ея состраданіе, возбуждаютъ въ ней новыя чувства: Кайя возбуждаетъ въ ней ревность, а Рагнаръ своими сомнѣніями въ силѣ и мужествѣ „ея строителя“ — негодованіе, возмущеніе; и тотъ и другая раззадориваютъ задремавшаго-было въ Гильдѣ бѣса, ее охватываетъ лихорадочное возбужденіе, и она заражаетъ имъ и строителя. Въ какомъ-то экстазѣ она кричитъ: „Дайте же мнѣ опять увидѣть васъ на высотѣ! Я хочу! Хочу! Только одинъ единственный разъ еще. Сдѣлайте опять невозможное!“ Въ сущности желаніе ея почти преступленіе: съ дѣтскимъ упрямствомъ она подбиваетъ строителя рисковать жизнью. Но это почти преступное желаніе является лишь дѣтски-наивнымъ выраженіемъ великаго чувства, которое безсознательно живетъ въ ней и пробуждаетъ самосознаніе въ самомъ строителѣ; лишь благодаря Гильдѣ это великое чувство становится сознательнымъ въ немъ самомъ.

„Постройка башенъ—внѣшній символъ тоски по внутреннему подъему, символъ стремленія ввысь гордой души, стремящейся къ свободѣ, самостоятельному, самодовлѣющему человѣческому величію. Такимъ же великимъ, свободнымъ и одинокимъ, съ символомъ побѣды — вѣнкомъ въ рукахъ, какимъ рисовался строитель Сольнесъ мечтательному взору Гильды,—такимъ же самъ онъ жаждетъ въ душѣ видѣть себя самого, и эта свободная, смѣлая, самостоятельная дѣвушка съ здоровой совѣстью — фантомъ, который отчасти вольно, отчасти невольно указываетъ его душѣ путь къ свободѣ, къ величію. Его природныя данныя не соотвѣтствовали его порывамъ; свойственныя ему, какъ человѣку, слабости быстро низвели его съ головокружительной высоты героя, съ высоты его душевныхъ стремленій въ обыкновенную жизнь, къ людямъ, которымъ не нужно на жилищахъ никакихъ башенъ съ флюгерами на головокружительной высотѣ, которымъ въ сущности не нужно даже очаговъ чистаго семейнаго счастья.

„Гильда заставляетъ строителя возобновить борьбу за достиженіе высшаго существованія, нежели какое предлагаетъ ему судьба. Борьба кончается новымъ и роковымъ пораженіемъ. Болѣе низменныя силы природы берутъ въ общемъ верхъ надъ стремленіями души ввысь. Эти силы находятся отчасти внѣ самого борющагося, отчасти въ немъ самомъ, отчасти въ его природѣ. Судьба не дала этому человѣку-самородку ни подходящей жены, ни соотвѣтствующаго простора дѣйствій. Стремленія и чувства его встрѣчаютъ откликъ въ душѣ живущей отъ него вдали дѣвочки; живущая же съ нимъ бокъ-о-бокъ жена какъ-то скользитъ мимо всего этого, занятая своими собственными мелкими горестями. Культурная задача и трудъ Сольнеса сводятся къ тому, чтобы строить дома, семейные очаги для людей на мѣстѣ его собственнаго сгорѣвшаго дома. Личность

этого человѣка однако важнѣе его судьбы. Этого бѣднаго деревенскаго парня пожирало честолюбіе. Чтобы добиться господствующаго положенія, быть единственнымъ въ своемъ родѣ, онъ затопталъ ногами чужое счастье; но стоило ему сдѣлать это, какъ совѣсть стала его мучить, и онъ лишился душевнаго покоя и силъ, необходимыхъ для продолженія борьбы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда затаенныя желанія его сбывались, помимо прямого участія его воли, изъ глубины его души подымался голосъ, обвинявшій его, называвшій самое желаніе его преступленіемъ. Такимъ образомъ этотъ съ виду необыкновенно счастливый человѣкъ— въ душѣ самый несчастный. Страхъ передъ затоптанными имъ предшественниками переходитъ въ страхъ передъ преемниками, которые затопчутъ его самого, и вотъ онъ оказывается одинаково несвободнымъ, одинаково стѣсненнымъ съ обѣихъ сторонъ, стоя между Бровиками, отцомъ и сыномъ. Это мучительное положеніе еще усугубляется угрызеніями совѣсти, не имѣющими реальной основы. Земное счастье его жены разрушено навсегда, и разрушено благодаря событію, бывшему предметомъ его горячихъ желаній. Правда, совершилось это безъ его участія, но онъ считаетъ, что какъ бы вызвалъ это событіе, пламенно желая его, призывая его всѣми силами своей души. Онъ желалъ, чтобы домъ родителей его жены сгорѣлъ, и домъ сгорѣлъ до тла: но послѣдствіемъ пожара была смерть его дѣтей, болѣзнь и безплодіе его жены, смерть его супружескаго счастья, и вотъ онъ во всемъ винитъ себя и мучится, особенно, когда воздѣйствіе издалека то и дѣло взбудораживаетъ ходъ его мыслей. Всѣ эти десять лѣтъ въ немъ живутъ тѣ же мысли, тѣ же желанія, которыя волнуютъ и Гильду. Всѣ эти мысли и желанія имѣютъ одну цѣль. Высоко надъ трезвымъ разумомъ, надъ здравымъ разсудкомъ, надъ достижимымъ, надъ выгодами будничной жизни, надъ кровлей домашняго очага вздымается эта цѣль — невозможное. Строитель Сольнесъ все устраиваетъ дѣтскія комнаты, хотя жена его не можетъ болѣе дать ему дѣтей, и когда Гильда находитъ это несуразнымъ, онъ спрашиваетъ: — не замѣчала ли она, что „невозможное-то всегда особенно и манитъ и зоветъ къ себѣ“.— „Невозможное? Да. И съ вами то же бываетъ?“ — отвѣчаетъ ему она. Какъ говорится въ „Фаустѣ“: „Das Unzulängliche hier wird's Ereignis“ (недосягаемое тутъ осуществляется), такъ и въ „Строителѣ Сольнесѣ“ невозможное стремится осуществиться. То, что данныя лица въ сознаніи своей ограниченности называютъ невозможнымъ, можетъ съ болѣе смѣлой, независимой точки зрѣнія назваться только сверхчеловѣческимъ; зато оно становится уже нечеловѣческимъ, если силы сверхчеловѣка надламываются на полпути. Сольнесъ достаточно сверхчеловѣкъ, чтобы найти путь на высоту. На этой высотѣ его обольщаетъ сверхчеловѣческая мечта о бесѣдѣ лицомъ къ лицу съ Властелиномъ міра, обольщаетъ мечта объ его собственномъ богоподобіи. Но дальше ему нѣтъ пути къ небесамъ. Нѣтъ и пути назадъ для того, кто такъ высоко занесся, превысилъ себя самого. Онъ и убивается въ своемъ паденіи, какъ дерзкій сынъ Феба. У Сольнеса хватило лишь желанія, но не силъ, чтобы стать сверхчеловѣкомъ. Правда, желанія его бываютъ такъ сильны, что въ рѣшительную минуту осуществляются на дѣлѣ, но какъ-то помимо его личнаго участія. „И это люди называютъ счастьемъ“. Но человѣкъ не есть полный хозяинъ своихъ дѣяній, своей судьбы: счастье одного, при современной борьбѣ за существованіе, является несчастьемъ для другихъ. Вотъ что и ложится строителю на совѣсть и что въ то же время внушаетъ ему страхъ передъ тѣми людьми, которые сами могутъ быть кузнецами собственнаго счастья, для которыхъ можетъ быть доступно еще болѣе „невозможное“, доступно въ ущербъ для него, Соль-

неса, и которые, какъ хозяева своихъ дѣяній, еще больше приближаются къ сверхчеловѣку. Вотъ что внушаетъ ему страхъ передъ юностью, готовою постучаться къ нему въ двери и столкнуть его съ того мѣста, которое онъ занялъ, какъ художникъ. Онъ не довѣряетъ больше своему счастью, такъ какъ его удачи лежали внѣ его личныхъ силъ; то же, чего онъ достигъ собственными силами, мучитъ его чувствительную совѣсть. Даже когда внѣшній случай исполняетъ его затаенныя желанія, онъ обвиняетъ эти свои желанія передъ своей совѣстью. Этотъ разладъ между совѣстью и способностью дѣйствовать и дѣлаетъ изъ Сольнеса гамлетовскую натуру.

„Этому Гамлету, который однако пытался быть Макбетомъ, дана въ спутницы жизни жена, ужъ ничѣмъ не напоминающая собой лэди Макбетъ. Она близко принимаетъ къ сердцу всякіе пустяки и живетъ воспоминаніями, сотканными изъ мелочей пережитаго. Нора обращается со своими дѣтьми, какъ съ куклами, фру Сольнесъ—съ куклами, какъ съ дѣтьми. Тамъ же, гдѣ для нея кончаются скромныя радости бытія, для ея зябкой души сразу начинается полоса долга, мертвеннаго, холоднаго, не согрѣтаго искреннимъ желаніемъ и любовью, выполненіе котораго въ состояніи только измучить и ее и другихъ. Ей меньше всего понятно снѣдающее ея мужа честолюбіе. Такимъ образомъ этотъ бракъ, при всемъ взаимномъ уваженіи супруговъ, только „могильный склепъ“. Какъ пасторъ Росмеръ, такъ и строитель Сольнесъ — живой человѣкъ, несущій на себѣ трупъ. Съ появленіемъ Гильды для него наступаетъ новая жизнь. Она—та юность „подъ новымъ знаменемъ“, которая должна была постучаться къ нему въ дверь; правда, онъ привѣтствуетъ ее съ радостью, но все же она въ концѣ концовъ губитъ его. Не явись Гильда, строитель вѣдь не дерзнулъ бы подняться на такую высоту, съ которой не могъ не свалиться. Онъ остался бы внизу, въ рамкахъ будничной жизни. Гильда—тотъ тролль, который куетъ его судьбу. Она—хищная птица, которая схватываетъ манящую ее добычу. Этотъ „чертенокъ“ — олицетвореніе всѣхъ тѣхъ служащихъ ему „бѣсовъ“, которые манятъ и зовутъ его къ невозможному. Для Гильды невозможное достигнуто, когда она видитъ, какъ Сольнесъ вѣнчаетъ флюгеръ башни. Она видитъ лишь, какъ онъ всходитъ на вершину и стоитъ тамъ; она слышитъ въ своемъ творческомъ воображеніи пѣніе въ воздухѣ—его бесѣду со Строителемъ вселенной. Взоръ ея не видитъ его паденія, она не раздѣляетъ охватывающаго другихъ ужаса. „Ея строитель“ бесѣдовалъ съ Господиномъ міра; въ сверхъестественномъ напряженіи воли и воображенія она насладилась величайшей минутой его жизни, а послѣ того — пусть онъ хоть погибнетъ! Она оставитъ мѣсто зрѣлища, какъ публика оставляетъ арену послѣ боя быковъ. Гедда Габлеръ дорого бы дала, чтобы пережить ощущеніе, подобное тѣмъ, какія пережили Гильда и Сольнесъ, но она не была способна слышать пѣніе въ воздухѣ. Ея властолюбіе сводилось къ удовлетворенію мелкаго тщеславія, а не ставило себѣ великихъ цѣлей власти. Ей хотѣлось разрушать, тогда какъ Сольнесъ нѣтъ-нѣтъ да повѣритъ въ свое призваніе строителя. Оба они эгоисты, но для Гедды чувства другихъ людей не существуютъ, Сольнесъ же носится съ идеей самостоятельнаго творчества, труда—для другихъ. Въ основѣ его духовной природы, какъ и природы дочери доктора Вангеля, лежитъ доброта. Гедда Габлеръ въ слѣпотѣ своей не видитъ величія въ душевной простотѣ тети Юли, между тѣмъ какъ Сольнесъ видитъ въ своей простоватой женѣ даже больше того, чѣмъ есть въ ней, вѣритъ, что въ ней жива природная способность созидать „маленькія дѣтскія души... помогать имъ мало-по-малу расти, воздвигаться, пріобрѣтать гармоничныя, прекрасныя, благородныя

формы". Воспитательный идеалъ пастора Росмера не былъ чуждъ строителю Сольнесу.

„Эту драму строителя часто называли исповѣдью Ибсена. Назвать ее таковой можно съ тѣмъ же правомъ, какъ вообще всѣ произведенія этого архисубъективнаго писателя болѣе или менѣе можно считать признаніями его души. Въ „Строителѣ Сольнесѣ" найдется особенно много такого, про что можно было бы сказать словами фру Сольнесъ: — „за этимъ что-то скрывается", рискуя однако, что лукавый художникъ Генрикъ Ибсенъ запротестуетъ словами своего строителя: „Будто бы ты не отыскиваешь скрытаго, коварнаго смысла въ самыхъ невинныхъ словахъ моихъ?" Чѣмъ больше однако вдумываешься въ это произведеніе, тѣмъ яснѣе выступаетъ автобіографическая связь между поэтомъ и его твореніями, и „заднія мысли" все болѣе разъясняются. Желаннымъ гостемъ стучится Гильда Вангель въ двери строителя, являясь подъ новымъ знаменемъ, чтобы поговорить съ нимъ и „о старомъ и о новомъ". И Генрикъ Ибсенъ нѣкогда выступалъ передъ свѣтомъ въ качествѣ молодого рьянаго вербовщика. Какъ Гильда своего строителя, и онъ спрашивалъ міръ: „Могу я пригодиться тебѣ?" Когда же ему, какъ ей пѣніе въ воздухѣ, почудился отвѣтъ міра: „Тебя-то мнѣ именно и недоставало", онъ возликовалъ, какъ и Гильда, услыхавшая подобный отвѣтъ отъ своего строителя. Онъ уже мечталъ, что желаніе его исполнилось, онъ уже видѣлъ, что „третье царство" — царство его мечтаній — лежало передъ нимъ на столѣ, — да во-время спохватился, что это лишь глупое королевство Апельсиніи, воздушный замокъ безъ каменнаго фундамента, фантазія, а не дѣйствительность. Какъ Гильда приходитъ къ Сольнесу, чтобы предъявить къ нему великія требованія и предложить съ своей стороны нѣчто великое, такъ и Ибсенъ предсталъ передъ міромъ со своими идеальными требованіями и предложилъ ему великій даръ — зеркало своей души. И Гильда такъ же открыла своему строителю глаза на внутреннія стороны человѣческой природы, какъ онъ ей. Воздѣйствіе и воспріятіе были обоюдны. То, что Ибсенъ далъ міру, онъ получилъ отъ него же. Когда онъ подымался на высочайшія вершины своего творчества и бесѣдовалъ, спорилъ съ Богомъ, міръ зѣвалъ на него снизу, то махая платками, то своимъ шумомъ увлекая его внизъ. Когда же одинокій строитель очутился разбитымъ внизу, среди будничной жизни, міръ глумился надъ нимъ, изъ боязни самому быть осмѣяннымъ имъ.

„Строитель Сольнесъ", „Гедда Габлеръ" и „Дочь моря" заставили мудрствующихъ глупцовъ дойти въ своихъ заключеніяхъ до Геркулесовыхъ столповъ, рѣшить, что Ибсенъ самъ не относится серьезно къ своимъ твореніямъ и втайнѣ смѣется надъ тѣмъ, какъ близко принимаютъ ихъ къ сердцу его поклонники. Предполагать, что Ибсенъ, посвящая около двухъ лѣтъ на разработку каждой пьесы, дѣлаетъ это лишь съ цѣлью одурачить своихъ поклонниковъ, позабавиться на ихъ счетъ — дальше этого идти дѣйствительно некуда! Впрочемъ, взглядъ этотъ, пожалуй, и вѣренъ постольку, поскольку почитатели Ибсена принадлежатъ къ genus humanum. Вѣроятно, среди нихъ Ибсенъ встрѣчалъ-таки немало Іоргеновъ Тесмановъ и Гансовъ Люнгстрандовъ".

Въ дополненіе къ отзывамъ норвежскаго и нѣмецкаго критиковъ, приводимъ еще выдержку изъ критическаго разбора Лотара, до извѣстной степени объясняющаго причины упомянутаго непониманія и ложныхъ толкованій „Строителя Сольнеса".

„Ни въ одномъ изъ предыдущихъ драматическихъ произведеній Ибсенъ не казался читателямъ (прибавимъ отъ себя: читателямъ, вообще мало знакомымъ съ его творчествомъ) столь мистически-загадочнымъ въ поэтическомъ замыслѣ, столь не отъ міра сего по языку символовъ. И

тѣмъ не менѣе ни одна изъ предшествующихъ „Строителю Сольнесу“ пьесъ не была такъ сильна по части символовъ, не представляла такого глубокаго значенія по самой внутренней своей сути, такой мощи въ томъ, что вырывается изъ глубины души самого творца-поэта. Со сцены эта драма производитъ особенно странное впечатлѣніе. То образы принимаютъ исполинскіе размѣры, проходятъ передъ нами и говорятъ не какъ люди, а какъ представители силъ природы, точно первобытныя существа, лишь слегка накинувшія на себя человѣческое одѣяніе. То опять кажется, словно передъ нами маленькіе людишки на исполинскивеличавомъ фонѣ. Фономъ этимъ, повидимому, является весь міръ, вся жизнь человѣческая, и фонъ этотъ уходитъ въ такую даль, которой не измѣрить человѣческому глазу. Вотъ въ чемъ кроется трудность пониманія, ошеломляющее впечатлѣніе, которое производитъ пьеса въ чтеніи, а еще болѣе со сцены: пропорціи дѣйствующихъ лицъ принимаютъ то исполинскіе размѣры, то суживаются до крошечныхъ, все мѣняя иллюзію, которую наводитъ на насъ поэтъ. Кто однако вникнетъ поглубже въ это загадочное твореніе, тотъ увидитъ въ немъ чудную мудрость исповѣди, услышитъ не только поэта, но и vox humana человѣка, измѣрившаго въ собственной душѣ высоты и глубины судьбы. Борьба старости съ юностью — вотъ смыслъ „Строителя Сольнеса“. Старость забываетъ, что обѣщала юности: въ своемъ безпощадномъ эгоизмѣ она не даетъ юности заговорить о себѣ. Поэтъ опять проводитъ тутъ различіе между эгоизмомъ и личностью. Сольнесъ является какъ бы застывшею въ эгоизмѣ личностью. Но старость сознаётъ, какою опасностью грозитъ ей юность. Юность придетъ, постучится въ дверь, ворвется силой, безжалостно потребуетъ себѣ мѣста. Съ символическою мощью поэтъ снова трактуетъ здѣсь свою любимую тему — борьбу между сегодняшнимъ днемъ и вчерашнимъ, между настоящимъ и прошлымъ. Снова служатъ олицетвореніями сегодняшняго дня и вчерашняго, ночи и дня, солнца и луны — двѣ женщины: фру Сольнесъ и Гильда. И среди нихъ находится Гальвардъ Сольнесъ. Вѣчно кипитъ борьба между старостью и юностью; если и у старости есть права, то юность обладаетъ большимъ: она — права. Лишь въ одномъ старость и юность сходятся: въ созданіи воздушныхъ замковъ, въ стремленіяхъ къ идеалу. Воздушный замокъ на каменномъ фундаментѣ — это какъ разъ символъ ибсеновскаго міровоззрѣнія, символъ идеализма на реальной почвѣ, оптимизма, уходящаго въ облака будущаго, но опирающагося на пессимистическое отношеніе къ современному, символъ фантазіи, пустившей корни въ наиреальнѣйшую почву. Воздушный замокъ на каменномъ фундаментѣ — другое образное выраженіе для жилого дома съ башней. Да, старость и юность сообща трудятся надъ постройкой воздушнаго замка. Старости хотѣлось бы, юность можетъ. Юность требуетъ невозможнаго и совершаетъ его, старость же терпитъ крушеніе на невозможномъ. Невозможное и есть всегда великое дѣло, волнующее міръ. Это то, что уноситъ насъ изъ рамокъ будничной жизни. И Юліану („Императоръ и Галилеянинъ“) тоже хотѣлось невозможнаго. Метерлинкъ восхищается „Строителемъ Сольнесомъ“, какъ одной изъ лучшихъ новѣйшихъ драмъ, которая показываетъ намъ всю серьезность и трагическую тайну будничной, недвигающейся жизни, „le tragique du quotidien“, по выраженію бельгійскаго поэта. Старость уходитъ въ будни, и какъ ей ни хотѣлось бы еще разъ одержать побѣду, она не можетъ, она падаетъ и убивается въ паденіи“.

СТРОИТЕЛЬ СОЛЬНЕСЪ.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гальвардъ Сольнесъ, строитель.
Фру Алина Сольнесъ, его жена.
Гердаль, домашній врачъ.
Кнутъ Бровикъ, бывшій архитекторъ, теперь помощникъ Сольнеса.
Рагнаръ Бровикъ, его сынъ, чертежникъ.
Кайя Фосли, племянница стараго Бровика, бухгалтерша.
Фрекенъ Гильда Вангель.
Дамы.
Уличная толпа.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Сольнеса.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Скромно обставленный рабочій кабинетъ. Налѣво двустворчатыя двери въ переднюю: направо дверь во внутреннія комнаты. Въ средней стѣнѣ открытая дверь въ чертежную. Впереди налѣво конторка съ книгами, бумагами и письменными принадлежностями. Возлѣ двери въ переднюю — печка. Въ углу направо диванъ, передъ нимъ столъ и нѣсколько стульевъ. На столѣ графинъ съ водою и стаканъ. Впереди направо маленькій столикъ: возлѣ него качалка и кресло. На столѣ въ углу, на конторкѣ и въ чертежной горятъ лампы.

Въ чертежной сидятъ за столомъ Кнутъ Бровикъ и его сынъ Рагнаръ, занятые составленіемъ плановъ и вычисленіями. Въ кабинетѣ у конторки стоитъ Кайя Фосли и пишетъ въ гросбухѣ. Кнутъ Бровикъ — худощавый старикъ съ сѣдыми волосами и бородой: на немъ нѣсколько поношенный, но опрятный сюртукъ и бѣлый, слегка пожелтѣвшій галстукъ: носитъ очки. Рагнаръ—лѣтъ тридцати, бѣлокурый, немного сутуловатый: одѣтъ хорошо. Кайя Фосли — молодая дѣвушка лѣтъ двадцати съ небольшимъ, нѣжнаго сложенія и нѣсколько болѣзненнаго вида: одѣта со вкусомъ: работаетъ съ зеленымъ глазнымъ зонтикомъ. Всѣ трое занимаются нѣкоторое время молча.

Бровикъ (вдругъ подымается точно въ испугѣ, тяжело переводитъ духъ и подходитъ къ дверямъ въ кабинетъ). Нѣтъ, скоро силъ моихъ не хватитъ больше!

Кайя (идетъ къ нему). Тебѣ, видно, очень нездоровится сегодня, дядя?

Бровикъ. Охъ, право, кажется, что̀ ни день, то хуже.

Рагнаръ (тоже встаетъ и подходитъ ближе). Тебѣ бы лучше пойти домой, отецъ. Попробуй уснуть...

Бровикъ (нетерпѣливо). Не слечь ли еще въ постель? Тебѣ хочется, чтобы я совсѣмъ задохся?

Кайя. Ну, хоть пройдись немного.

Рагнаръ. Да, да. И я пойду съ тобой.

Бровикъ (вспыльчиво). Не уйду я, пока онъ не вернется! Сегодня я хочу объясниться на чистоту съ... (злобно) нашимъ принципаломъ.

Кайя (робко). Ахъ, нѣтъ, дядя! Пожалуйста, подожди!

Рагнаръ. Да, лучше подожди, отецъ!

Бровикъ (тяжело дыша). Охъ-хо-хо!.. Подожди!.. Пожалуй, не очень-то много времени остается мнѣ на жданье!

Кайя (прислушиваясь). Тсс!.. Я слышу... онъ поднимается по лѣстницѣ!

(Всѣ трое вновь принимаются за работу. Небольшая пауза. Изъ передней входитъ Гальвардъ Сольнесъ, пожилой уже человѣкъ, но крѣпкій и здоровый, съ коротко остриженными, темными, курчавыми волосами, темными усами и густыми черными бровями. Одѣтъ въ зеленовато-сѣрую глухую тужурку со стоячимъ воротникомъ и широкими лацканами. На головѣ у него сѣрая мягкая шляпа; подъ мышкой нѣсколько папокъ).

Сольнесъ (въ дверяхъ, шопотомъ, указывая на чертежную). Они ушли?

Кайя (отрицательно качая головой, тихо). Нѣтъ. (Снимаетъ глазной зонтикъ).

Сольнесъ (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, бросаетъ шляпу на стулъ, кладетъ папки на столъ передъ диваномъ и опять приближается къ конторкѣ: громко Кайѣ, которая пишетъ, не отрываясь, но съ какой-то нервностью). Что̀ это вы тамъ пишете, фрёкенъ Фосли?

Кайя (вздрагивая). Это... это просто...

Сольнесъ. Покажите-ка, фрёкенъ. (Наклоняется, какъ бы желая заглянуть въ гросбухъ, и шепчетъ) Кайя?..

Кайя (продолжая писать, тихо). Что̀?

Сольнесъ (попрежнему). Почему вы всегда снимаете при мнѣ глазной зонтикъ?

Кайя (попрежнему). Потому что я въ немъ такая безобразная.

Сольнесъ (улыбаясь). А вамъ этого очень не хочется, Кайя?

Кайя (взглянувъ на него украдкой). Ни за что на свѣтѣ... въ вашихъ глазахъ.

Сольнесъ (слегка проводитъ рукой по ея волосамъ). Бѣдняжечка...

Кайя (низко наклоняясь надъ конторкой). Тсс!.. Услышатъ!

Сольнесъ (переходитъ направо, поворачивается и останавливается въ дверяхъ чертежной). Былъ кто-нибудь, спрашивалъ меня?

Рагнаръ (встаетъ). Да; та молодая парочка, которая собирается строить виллу въ Лёвстрандѣ.

Сольнесъ (ворчливо). Тѣ? Подождутъ. Я еще не выяснилъ себѣ хорошенько плана.

Рагнаръ (подходитъ ближе; медленно и нѣсколько неувѣренно). А имъ, видно, не терпится поскорѣе увидать планъ.

Сольнесъ (попрежнему). Помилуйте! Имъ всѣмъ не терпится!

Бровикъ (подымаетъ голову отъ чертежей). Они говорятъ, что ждутъ не дождутся поскорѣе перебраться въ собственное гнѣздо.

Сольнесъ. Конечно, конечно! Знаемъ! Готовы взять, что̀ имъ ни дай. Лишь бы этакъ въ родѣ жилья было. Имъ только нужно пристанище. А не домъ. Нѣтъ, спасибо. Пускай идутъ тогда къ другому. Такъ имъ и передайте, если опять явятся!

Бровикъ (поднимаетъ очки на лобъ и удивленно смотритъ на Сольнеса). Къ другому? Вы бы отказались отъ этого заказа?

Сольнесъ (нетерпѣливо). Да, да, да, чортъ побери! Если ужъ на то пошло, то... лучше отказаться совсѣмъ, чѣмъ строить зря. (Отрывисто) Я вѣдь еще и не знаю, что̀ это за люди.

Бровикъ. Люди вполнѣ солидные. Рагнаръ знакомъ съ ними. Бываетъ въ семьѣ. Очень даже солидные люди.

Сольнесъ. А! Солидные, солидные! Я вовсе не объ этомъ. Господи, и вы тоже меня не понимаете! (Запальчиво) Я ихъ не знаю и знать не хочу! Пусть себѣ обращаются, къ кому хотятъ, мнѣ все равно!

Бровикъ (встаетъ). Вы это серьезно?

Сольнесъ (капризно). Да... На этотъ разъ. (Ходитъ по комнатѣ).

Бровикъ (взглядываетъ на сына, который дѣлаетъ ему предостерегающій знакъ, затѣмъ входитъ въ кабинетъ). Вы позволите мнѣ... сказать вамъ пару словъ?

Сольнесъ. Сдѣлайте одолженіе.

Бровикъ (Кайѣ). Выйди пока.

Кайя (тревожно). Ахъ, дядя!..

Бровикъ. Ступай, дѣвочка, и затвори за собой дверь.

(Кайя нехотя идетъ въ чертежную, но въ дверяхъ останавливается и бросаетъ на Сольнеса робкій, умоляющій взоръ; затѣмъ затворяетъ дверь).

Бровикъ (вполголоса). Я не хочу, чтобы бѣдныя дѣти знали, какъ мнѣ плохо...

Сольнесъ. Да, видъ у васъ въ послѣднее время очень неважный.

Бровикъ. Скоро конецъ. Силы уходятъ... съ каждымъ днемъ...

Сольнесъ. Присядьте.

Бровикъ. Благодарю... вы позволите?

Сольнесъ (слегка подвигаетъ ему кресло). Сюда. Пожалуйста. Ну-съ?

Бровикъ (съ трудомъ усаживаясь). Да вотъ насчетъ Рагнара. О немъ вся моя забота. Что будетъ съ нимъ?

Сольнесъ. Вашъ сынъ, конечно, останется у меня — пока самъ захочетъ.

Бровикъ. Вотъ этого-то онъ и не хочетъ. То-есть ему кажется, что онъ не можетъ больше.

Сольнесъ. Кажется, онъ получаетъ недурное жалованье. Но если онъ требуетъ прибавки, то я, пожалуй, не прочь...

Бровикъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не въ томъ вовсе дѣло. (Съ нѣкоторымъ раздраженіемъ) Вѣдь надо же ему когда-нибудь начать работать самостоятельно!

Сольнесъ (не глядя на него). Вы думаете, что Рагнаръ уже способенъ на это?

Бровикъ. Вотъ въ томъ-то вся и бѣда! Я началъ сомнѣваться въ мальчикѣ. Вы вѣдь ни разу не отозвались о немъ... одобрительно. А съ другой стороны, мнѣ все-таки кажется, — иначе и быть не можетъ, — у него есть способности!

Сольнесъ. Да вѣдь онъ ничему не учился... этакъ основательно. Кромѣ рисованія, конечно.

Бровикъ (глядя на него съ плохо скрываемою ненавистью; хрипло). Вы вѣдь тоже были не очень-то учены, когда служили у меня. А все-таки пробили себѣ дорожку. (Тяжело переводя духъ) И пошли въ гору... обогнали меня... и многихъ.

Сольнесъ. Да вотъ видите — мнѣ какъ-то повезло.

Бровикъ. Правда. Вамъ во всемъ везло. Такъ не хватитъ же у васъ духа дать мнѣ умереть прежде, чѣмъ я увижу, годится ли Рагнаръ на что-нибудь... Хотѣлось бы мнѣ тоже поженить ихъ... пока живъ.

Сольнесъ (рѣзко). Это ей такъ хочется?

Бровикъ. Не столько ей. Но Рагнаръ каждый день заводитъ объ этомъ разговоръ. (Умоляющимъ голосомъ) Надо... надо вамъ помочь ему получить какой-нибудь заказъ! Мнѣ надо увидѣть хоть одну его самостоятельную работу. Слышите?

Сольнесъ (сердито). Но не съ луны же, чортъ возьми, стащить мнѣ ему заказъ!

Бровикъ. Да вотъ теперь какъ разъ онъ могъ бы получить хорошій заказъ... крупную работу.

Сольнесъ (удивленно и встревоженно). Могъ бы? Онъ?

Бровикъ. Да, если бы вы согласились.

Сольнесъ. Какого рода работу?

Бровикъ (нерѣшительно). Ему бы поручили постройку этой виллы въ Лёвстрандѣ.

Сольнесъ. Этой виллы? Да вѣдь я ее строю!

Бровикъ. У васъ же нѣтъ особенной охоты.

Сольнесъ (вспыливъ). Нѣтъ охоты! У меня? Кто это смѣлъ сказать?

Бровикъ. Вы сами только-что сказали.

Сольнесъ. Никогда не слушайте, что я этакъ... скажу!.. Такъ ему бы поручили постройку?

Бровикъ. Да. Онъ вѣдь знакомъ съ этимъ семействомъ. И набросалъ уже... такъ, шутки ради, планъ... и смѣты составилъ... и все такое...

Сольнесъ. И тѣ довольны его планомъ? Тѣ, которые будутъ жить въ домѣ?

Бровикъ. Да. И если бы только вы просмотрѣли и одобрили...

Сольнесъ. ...То они поручили бы постройку Рагнару?

Бровикъ. Имъ очень понравилось то, что онъ придумалъ. Имъ показалось, что это какъ будто совсѣмъ новое. Такъ они и сказали.

Сольнесъ. Ого! Новое! Не такой старомодный хламъ, какой я строю!

Бровикъ. Имъ показалось, что онъ придумалъ что-то особенное.

Сольнесъ (съ сдержанной злобой). Значитъ, это они къ Рагнару являлись сегодня, пока меня не было?

Бровикъ. Они приходили повидаться съ вами. Хотѣли спросить, не согласитесь ли вы уступить...

Сольнесъ (запальчиво). Уступить! Я?!

Бровикъ. Если вы найдете, что планъ Рагнара...

Сольнесъ. Я? Мнѣ? Мнѣ уступить вашему сыну?!

Бровикъ. Они думали только предложить вамъ отказаться отъ условія.

Сольнесъ. Это одно и то же! (Съ злобнымъ смѣхомъ) Такъ вотъ какъ! Гальварду Сольнесу... пора уступать нынче! Очищать дорогу тѣмъ, кто помоложе! Мальчишкамъ, пожалуй! Только очищай дорогу! Давай мѣсто! Мѣсто!

Бровикъ. Господи! Да вѣдь мѣста-то, кажется, хватитъ и не одному.

Сольнесъ. Ну, насчетъ мѣста-то нынче не очень просторно. Да и какъ бы тамъ ни было, я никогда не уступлю! Никому! Добровольно — никогда! Ни за что на свѣтѣ!

Бровикъ (встаетъ съ трудомъ). Значитъ, такъ мнѣ и проститься съ бѣлымъ свѣтомъ... безъ радости, безъ надежды? Не успокоившись насчетъ Рагнара? Не увидавъ ни единой его работы? Такъ?

Сольнесъ (полуотвернувшись отъ него, сквозь зубы). Гм... не спрашивайте меня больше.

Бровикъ. Нѣтъ, отвѣтьте же мнѣ. Такъ мнѣ и проститься съ жизнью... какъ нищему?

Сольнесъ (видимо, борется съ собой; затѣмъ негромко, но твердо). Проститесь съ ней, какъ сами знаете.

Бровикъ. Ну, *такъ*—такъ *такъ!* (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ).

Сольнесъ (за нимъ, почти въ отчаяніи). Да если я не могу иначе, поймите вы! Разъ я таковъ, каковъ есть. Не могу же я переродиться!

Бровикъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вѣрно, ужъ не можете. (Шатаясь, останавливается у стола передъ диваномъ) Могу я... стаканъ воды?

Сольнесъ. Сдѣлайте одолженіе. (Наливаетъ и подаетъ ему).

Бровикъ. Благодарю. (Пьетъ и затѣмъ ставитъ стаканъ на столъ).

Сольнесъ (открывая дверь въ чертежную). Рагнаръ, вамъ придется проводить отца домой.

Рагнаръ (поспѣшно встаетъ и вмѣстѣ съ Кайей входитъ въ кабинетъ). Что съ тобой, отецъ?

Бровикъ. Возьми меня подъ-руку. Пойдемъ.

Рагнаръ. Хорошо. Одѣвайся и ты, Кайя.

Сольнесъ. Фрёкенъ Фосли придется остаться... на нѣсколько минутъ всего. Мнѣ надо продиктовать одно письмо.

Бровикъ (Сольнесу). Спокойной ночи! Да, спите спокойно... если можете.

Сольнесъ. Прощайте!

(Бровикъ и Рагнаръ уходятъ черезъ переднюю. Кайя подходитъ къ конторкѣ. Сольнесъ стоитъ направо у кресла, понуривъ голову).

Кайя (нетвердо). Вы сказали — письмо?..

Сольнесъ (отрывисто). Никакого, конечно. (Сурово смотритъ на нее). Кайя!

Кайя (тихо, робко). Что?

Сольнесъ (повелительно указывая передъ собою пальцемъ). Сюда! Сейчасъ!

Кайя (нерѣшительно подходитъ). Что?

Сольнесъ (попрежнему). Ближе!

Кайя (повинуясь). Что прикажете?

Сольнесъ (молча смотритъ на нее съ минуту). Это васъ мнѣ приходится благодарить за всю эту исторію?

Кайя. Нѣтъ! Нѣтъ! Пожалуйста, не думайте этого!

Сольнесъ. Но замужъ выйти вы вѣдь хотите?

Кайя (тихо). Мы съ Рагнаромъ помолвлены уже четыре... пять лѣтъ, и...

Сольнесъ. И вы находите, что довольно ждать. Не такъ ли?

Кайя. Рагнаръ и дядя говорятъ, что я должна. И мнѣ приходится повиноваться.

Сольнесъ (мягче). Кайя, да не любите ли вы въ сущности и Рагнара немножко?

Кайя. Я сильно любила его когда-то... до того, какъ поступила къ вамъ.

Сольнесъ. А теперь—нѣтъ? Совсѣмъ?

Кайя (складывая руки и страстно протягивая ихъ къ нему). Вы же знаете, я люблю теперь одного... одного въ цѣломъ мірѣ! И никогда не полюблю никого другого!

Сольнесъ. Это вы только такъ говорите. А сами все-таки уходите отъ меня. Оставляете меня тутъ одного со всѣми заботами.

Кайя. Но развѣ мнѣ нельзя было бы остаться у васъ, если бы даже Рагнаръ и..?

Сольнесъ (отрицательно машетъ рукой). Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Если Рагнаръ уйдетъ отъ меня и начнетъ работать самостоятельно, вы понадобитесь ему самому.

Кайя (ломая руки). Но я не знаю, какъ разстанусь съ вами! Это вѣдь совсѣмъ, совсѣмъ невозможно!

Сольнесъ. Такъ и постарайтесь отговорить Рагнара отъ этихъ глупыхъ затѣй. Вѣнчайтесь съ нимъ, сколько хотите... (Спохватившись) Ну да, я хочу сказать: только уговорите его остаться у меня,—ему вѣдь хорошо здѣсь. Тогда и вы останетесь у меня, дорогая Кайя.

Кайя. Какъ бы это хорошо было. Если бы можно!

Сольнесъ (беретъ ее за голову обѣими руками и шепчетъ). Я вѣдь не могу обойтись безъ васъ, понимаете! Я хочу, чтобы вы были тутъ, возлѣ меня, всегда!

Кайя (съ нервной экзальтаціей). Боже! Боже!

Сольнесъ (цѣлуетъ ее въ голову). Кайя! Кайя!

Кайя (падаетъ передъ нимъ на колѣни). О! Какъ вы добры! Какъ вы безконечно добры!

Сольнесъ (нетерпѣливо). Встаньте! Встаньте же, говорятъ вамъ! Кажется, идутъ. (Помогаетъ ей встать, и она нетвердыми шагами отходитъ въ конторкѣ).

(Изъ дверей направо появляется фру Сольнесъ, худощавая, преждевременно увядшая отъ горя женщина, съ длинными бѣлокурыми буклями и лицомъ, хранящимъ слѣды былой красоты; одѣта элегантно, вся въ черномъ; говоритъ медленно и какъ-то жалобно).

Фру Сольнесъ (въ дверяхъ). Гальвардъ!

Сольнесъ (оборачивается). А, это ты, моя дорогая?..

Фру Сольнесъ (бросая взглядъ въ сторону Кайи). Я, кажется, помѣшала...

Сольнесъ. Нисколько. Фрёкенъ Фосли осталось только написать небольшое письмо.

Фру Сольнесъ. Да, да.

Сольнесъ. А тебѣ что-нибудь нужно, Алина?

Фру Сольнесъ. Я только зашла сказать тебѣ, что докторъ Гердаль сидитъ у меня въ угловой. Можетъ-быть, и ты придешь туда?

Сольнесъ (подозрительно смотритъ на нее). Гм... докторъ непремѣнно хочетъ видѣть меня?

Фру Сольнесъ. Не то, чтобы непремѣнно. Онъ просто зашелъ навѣстить меня. И, конечно, желалъ бы кстати видѣть и тебя.

Сольнесъ (съ тихимъ смѣхомъ). Могу себѣ представить. Ну, придется тебѣ попросить его подождать немножко.

Фру Сольнесъ. А потомъ придешь туда?

Сольнесъ. Вѣроятно. Потомъ, потомъ, дорогая. Немного погодя.

Фру Сольнесъ (опять бросаетъ взглядъ въ сторону Кайи). Ты не забудь только, Гальвардъ. (Уходитъ направо и затворяетъ за собою дверь).

Кайя (тихо). О, Боже мой! Фру Сольнесъ навѣрно думаетъ теперь обо мнѣ что-нибудь дурное!

Сольнесъ. Совсѣмъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ всегда. Но вамъ все-таки лучше уйти теперь, Кайя.

Кайя. Да, да, надо идти.

Сольнесъ (строго). Такъ, значитъ, вы мнѣ все это устроите! Слышите!

Кайя. Ахъ, если-бъ только это отъ меня зависѣло...

Сольнесъ. Я хочу, чтобы это было устроено! Завтра же!

Кайя (робко). Если нельзя будетъ иначе, я готова совсѣмъ порвать съ нимъ...

Сольнесъ (вспыливъ). Порвать! Да вы въ умѣ? Хотите порвать съ нимъ?!

Кайя (въ отчаяніи). Да ужъ лучше это! Я должна... должна остаться у васъ! Я не могу уйти отъ васъ! Это совсѣмъ... совсѣмъ невозможно!

Сольнесъ (выходя изъ себя). Но, чортъ возьми, а Рагнаръ-то!? Вѣдь Рагнара-то какъ разъ...

Кайя (испуганно смотритъ на него). Такъ вы главное изъ-за Рагнара?..

Сольнесъ (овладѣвая собой). Ахъ, да, конечно же, нѣтъ. Ничего-то вы не понимаете! (Мягко и тихо) Разумѣется, все дѣло въ васъ. Прежде всего вы, Кайя! Но именно потому вамъ и надо уговорить Рагнара тоже оставаться у меня. Ну, ну... идите же теперь домой.

Кайя. Да, да... Прощайте.

Сольнесъ. Прощайте. (Въ то время, какъ она хочетъ идти) Постойте! Чертежи Рагнара тамъ?

Кайя. Да, кажется, онъ не взялъ ихъ съ собой.

Сольнесъ. Такъ подите и отыщите мнѣ ихъ. Я, пожалуй, все-таки просмотрю.

Кайя (радостно). Да, да. Пожалуйста!

Сольнесъ. Ради васъ, милая Кайя. Ну, давайте скорѣе!

Кайя (торопливо идетъ въ чертежную, робко роется въ ящикѣ стола, отыскиваетъ папку и приноситъ ее Сольнесу). Вотъ тутъ все.

Сольнесъ. Хорошо. Положите ихъ тамъ на столъ.

Кайя (кладетъ папку). Такъ прощайте. (Умоляющимъ тономъ) И думайте обо мнѣ одно хорошее.

Сольнесъ. Да я всегда такъ и дѣлаю. Ну, до свиданія, милая Кайя. (Бросаетъ взглядъ направо) Да ступайте же!

(Въ дверяхъ направо показываются фру Сольнесъ и докторъ Гердаль — пожилой, полный господинъ, съ круглымъ, самодовольнымъ лицомъ безъ бороды и жидкими свѣтлыми волосами; носитъ очки въ золотой оправѣ).

Фру Сольнесъ (еще въ дверяхъ). Гальвардъ, я никакъ не могу дольше удержать доктора...

Сольнесъ. Да ничего, ничего. Пожалуйте сюда.

Фру Сольнесъ (Кайѣ, которая завертываетъ огонь въ лампѣ на конторкѣ). Уже кончили письмо, фрёкенъ?

Кайя (въ замѣшательствѣ). Письмо?..

Сольнесъ. Да; оно было коротенькое.

Фру Сольнесъ. Должно-быть, очень коротенькое.

Сольнесъ. Можете идти, фрёкенъ Фосли. И приходите завтра въ свое время.

Кайя. Непремѣнно... Прощайте, фру Сольнесъ. (Уходитъ черезъ переднюю).

Фру Сольнесъ. Ты долженъ быть очень доволенъ, Гальвардъ, что напалъ на эту барышню.

Сольнесъ. Ничего. Она полезна мнѣ во многихъ отношеніяхъ.

Фру Сольнесъ. Кажется.

Докторъ. Хорошо ведетъ книги?

Сольнесъ. Н-да, пріобрѣла кое-какой навыкъ за эти два года. Къ тому же она очень мила и услужлива.

Фру Сольнесъ. Да, это, должно-быть, очень пріятно...

Сольнесъ. Да. Особенно для того, кто не избалованъ въ этомъ отношеніи.

Фру Сольнесъ (съ мягкимъ укоромъ). Тебѣ ли говорить такъ, Гальвардъ!

Сольнесъ. Нѣтъ, нѣтъ, дорогая! Извини!

Фру Сольнесъ. Не въ чемъ... Такъ вы вернетесь, докторъ, и напьетесь съ нами чаю?

Докторъ. Только навѣщу своего больного и вернусь.

Фру Сольнесъ. Ну, спасибо. (Уходитъ направо).

Сольнесъ. Вы спѣшите, докторъ?

Докторъ. Ничуть.

Сольнесъ. Такъ побесѣдуемъ немножко?

Докторъ. Съ удовольствіемъ.

Сольнесъ. Ну, сядемте. (Предлагаетъ доктору качалку, а самъ садится въ кресло и пытливо смотритъ на доктора) Скажите мнѣ... вы не замѣтили чего-нибудь въ Алинѣ?

Докторъ. Сейчасъ вотъ, что ли?

Сольнесъ. Ну да. По отношенію ко мнѣ. Не замѣтили чего-нибудь?

Докторъ (улыбаясь). Да, чортъ возьми, мудрено-таки было не замѣтить, что супруга ваша... гм...

Сольнесъ. Ну?

Докторъ. ...Не очень-то жалуетъ эту фрёкенъ Фосли.

Сольнесъ. И только? Это-то я и самъ давно замѣтилъ.

Докторъ. Оно и неудивительно.

Сольнесъ. Что?

Докторъ. Что супругѣ вашей не особенно по душѣ, если возлѣ васъ по цѣлымъ днямъ пребываетъ посторонняя женщина.

Сольнесъ. Да, да, вы правы. И Алина тоже. Но тутъ... нельзя ничего подѣлать.

Докторъ. Вы не могли бы взять себѣ конторщика?

Сольнесъ. Перваго встрѣчнаго? Благодарю! Нѣтъ, это мнѣ не расчетъ!

Докторъ. Но если ваша супруга..? Она вѣдь такого слабаго здоровья. Если она не выноситъ?..

Сольнесъ. Ну, и Богъ съ ней — готовъ я сказать. Кайя Фосли мнѣ нужна. Именно она, а не кто другой.

Докторъ. Никто другой?

Сольнесъ (рѣзко). Никто другой.

Докторъ (придвигаясь поближе). Послушайте-ка, любезнѣйшій господинъ Сольнесъ. Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ—между нами?

Сольнесъ. Сдѣлайте одолженіе.

Докторъ. Видите ли, у женщинъ... въ извѣстныхъ случаяхъ чертовски тонкое чутье...

Сольнесъ. Да. Это правда. Но?..

Докторъ. Такъ. Теперь послушайте. Если супругѣ вашей столь не по душѣ эта Кайя Фосли, то...

Сольнесъ. То?..

Докторъ. ...Не имѣетъ ли она этакъ... маленькаго основаньица для такого невольнаго нерасположенія?

Сольнесъ (смотритъ на него и затѣмъ встаетъ). Ого!

Докторъ. Вы не сердитесь на меня, но нѣтъ ли у нея на то причины?

Сольнесъ (рѣзко, рѣшительно). Нѣтъ.

Докторъ. Такъ-таки никакой?

Сольнесъ. Никакой, кромѣ своей собственной подозрительности.

Докторъ. Мнѣ извѣстно, что вы на своемъ вѣку знавали немало женщинъ.

Сольнесъ. Да, знавалъ.

Докторъ. И нѣкоторыя вамъ таки-нравились.

Сольнесъ. Скажемъ — да.

Докторъ. Ну, а теперь вотъ относительно этой Кайи Фосли?.. Тутъ ничего такого не замѣшалось?

Сольнесъ. Нѣтъ. Ничего — съ моей стороны.

Докторъ. А съ ея?..

Сольнесъ. Мнѣ кажется, объ этомъ вы не въ правѣ спрашивать, докторъ.

Докторъ. Да вѣдь исходной точкой нашего разговора было тонкое чутье вашей супруги.

Сольнесъ. Да, да. И въ такомъ случаѣ (понижаетъ голосъ) «чутье» Алины, какъ вы выражаетесь, нѣкоторымъ образомъ выдержало испытаніе.

Докторъ. Вотъ видите!

Сольнесъ (садится). Докторъ Гердаль... теперь я разскажу вамъ одну удивительную исторію. Хотите?

Докторъ. Я большой охотникъ до удивительныхъ исторій.

Сольнесъ. Такъ слушайте. Вы, вѣрно, помните, что я принялъ къ себѣ на службу Кнута Бровика и его сына... когда старику пришлось совсѣмъ круто.

Докторъ. Да, да, знаю кое-что объ этомъ.

Сольнесъ. Я взялъ ихъ потому, что оба они, въ сущности, люди работящіе. И не безъ способностей, каждый въ своемъ родѣ. Но вотъ сынокъ вздумалъ обзавестись невѣстой. А затѣмъ, конечно, ему захотѣлось и жениться... и начать работать самостоятельно. Всѣ эти молокососы только объ одномъ и думаютъ!

Докторъ (смѣясь). Да, ужъ такая у нихъ дурная повадка — все норовятъ стать въ пары.

Сольнесъ. Да. Но это вовсе не входитъ въ мои расчеты. Мнѣ Рагнаръ нуженъ самому. И старикъ тоже. Онъ очень

силенъ во всѣхъ этихъ расчетахъ и вычисленіяхъ сопротивленія тяжести, кубическаго содержанія... и прочей чертовщинѣ!

Докторъ. Да, такія вещи, пожалуй, тоже надо знать.

Сольнесъ. Еще бы! Но вотъ Рагнару загорѣлось начать строить самому. Непремѣнно!

Докторъ. Но онъ вѣдь все-таки остался у васъ?

Сольнесъ. Да вотъ послушайте. Разъ пришла къ нимъ сюда по дѣлу Кайя Фосли. Раньше она никогда не бывала здѣсь. Увидалъ я, какъ они оба льнутъ другъ къ другу, у меня и явилась мысль: вотъ, если бы заполучить въ контору ее, тогда, пожалуй, и Рагнаръ усидѣлъ бы.

Докторъ. Мысль довольно вѣрная.

Сольнесъ. Но я и не заикнулся объ этомъ въ тотъ разъ. Стоялъ только, смотрѣлъ на нее и думалъ этакъ про себя, желалъ, крѣпко желалъ заполучить ее къ себѣ на службу. Потомъ я перекинулся съ ней парой-другой дружескихъ словъ, о томъ, о семъ, и затѣмъ она ушла.

Докторъ. Ну?

Сольнесъ. А на слѣдующій день, этакъ подъ вечеръ, когда старикъ съ сыномъ уже ушли, она является ко мнѣ сюда и ведетъ себя такъ, какъ будто мы съ ней условились...

Докторъ. Условились? Насчетъ чего?

Сольнесъ. Какъ разъ насчетъ того, о чемъ я тогда стоялъ и думалъ, чего я желалъ, но о чемъ и не заикнулся ей.

Докторъ. Дѣйствительно замѣчательно.

Сольнесъ. Не правда ли? И вотъ она пришла ко мнѣ узнать, въ чемъ будутъ заключаться ея занятія, можетъ ли она начать службу съ слѣдующаго утра... и все въ такомъ родѣ.

Докторъ. Но, можетъ статься, ей просто захотѣлось быть вмѣстѣ съ женихомъ?

Сольнесъ. И мнѣ тоже это пришло въ голову сначала. Но нѣтъ, оказалось не такъ. Когда она стала ходить сюда, я началъ замѣчать, что она все больше и больше этакъ... отдаляется отъ него.

Докторъ. ...Чтобы приблизиться къ вамъ? Да?

Сольнесъ. Да, такъ-таки—совсѣмъ. Я замѣчаю, напримѣръ, что она чувствуетъ, если я смотрю на нее сзади; вся дрожитъ и трепещетъ, какъ только я подхожу къ ней. Что вы скажете на это?

Докторъ. Гм... это-то, пожалуй, еще можно объяснить.

Сольнесъ. Ну, а другое? То, что она вообразила себѣ, будто я говорилъ ей о томъ, чего на самомъ дѣлѣ только пожелалъ, про себя, внутренно, — что вы насчетъ этого скажете? Беретесь вы объяснить мнѣ это, докторъ?

Докторъ. Нѣтъ, не берусь.

Сольнесъ. Я такъ и зналъ. Потому и не говорилъ объ этомъ ни съ кѣмъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ это становится для меня затруднительнѣе, вы понимаете. Приходится вѣдь притворяться, будто и я... А это же грѣшно по отношенію къ ней, бѣдняжкѣ. (Горячо) По мнѣ нельзя иначе! Если она сбѣжитъ отъ меня — и Рагнаръ уйдетъ.

Докторъ. А вы не выяснили своей супругѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ?

Сольнесъ. Нѣтъ.

Докторъ. Да почему же, скажите на милость?

Сольнесъ (глядя на него въ упоръ, глухо). Потому что... мнѣ доставляетъ какое-то удовольствіе наказывать себя, позволяя Алинѣ несправедливо осуждать меня.

Докторъ (качая головой). Ну, ужъ тутъ я ровно ничего не пойму.

Сольнесъ. Видите ли... это какъ бы маленькіе проценты на огромный неоплатный долгъ мой...

Докторъ. ...Вашей супругѣ?

Сольнесъ. Да. И это все-таки хоть немного облегчаетъ душу. Какъ-то на время легче дышится—вы понимаете?

Докторъ. Хоть бы что!

Сольнесъ (встаетъ). Ну, и довольно объ этомъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, возвращается, останавливается у стола и смотритъ на доктора съ лукавой усмѣшкой) Вамъ теперь, навѣрное, думается, что вотъ вы сумѣли-таки вызвать меня на откровенность?

Докторъ (съ нѣкоторой досадой). Вызвать на откровенность? Ничего не понимаю, господинъ Сольнесъ.

Сольнесъ. Признайтесь-ка лучше! Я вѣдь отлично замѣтилъ все!

Докторъ. Что — все?

Сольнесъ (глухо, медленно). Что вы исподтишка слѣдите за мной.

Докторъ. Я? Да съ какой стати, скажите на милость?!

Сольнесъ. Вы думаете, что я... (Вспыливъ) Да, конечно, чортъ возьми, вы думаете то же, что и Алина!

Докторъ. А что же она думаетъ?

Сольнесъ (овладѣвая собой). Она стала думать, что... что я этакъ... этакъ... боленъ.

Докторъ. Больны! Вы! Никогда не слыхалъ отъ нея ничего подобнаго. Да чѣмъ же вы можете быть больны?

Сольнесъ (наклоняется надъ спинкой стула и шепчетъ). Алина думаетъ, что я не въ своемъ умѣ. Вотъ что!

Докторъ (встаетъ). Да что вы, милѣйшій господинъ Сольнесъ!

Сольнесъ. Клянусь вамъ! Это такъ. И она думала увѣрить и васъ! Да, да, сдѣлайте одолженіе, докторъ... я вѣдь отлично вижу по вашему лицу. Меня не такъ-то легко провести, скажу я вамъ.

Докторъ (смотритъ на него съ удивленіемъ). Да никогда ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило!

Сольнесъ (съ недовѣрчивой усмѣшкой). Будто бы? Въ самомъ дѣлѣ?

Докторъ. Никогда! И вашей супругѣ, конечно, тоже. Я почти готовъ поклясться вамъ!

Сольнесъ. Ну, это, я думаю, вамъ лучше оставить. Съ одной стороны, видите ли... она, пожалуй, и имѣла бы основаніе предполагать нѣчто подобное.

Докторъ. Нѣтъ, признаюсь!..

Сольнесъ (машетъ рукой). Ну, хорошо, милѣйшій докторъ, не будемъ особенно вдаваться въ это. Пусть лучше каждый останется при своемъ. (Вдругъ переходитъ на веселый тонъ) Но послушайте, докторъ... гм...

Докторъ. Что?

Сольнесъ. Если вы, значитъ, не думаете, что я... этакъ... боленъ... тронутъ... сумасшедшій и тому подобное, то...

Докторъ. ...То что, по-вашему?

Сольнесъ. То вы должны воображать, что я Богъ вѣсть какой счастливецъ?

Докторъ. Развѣ только воображать?

Сольнесъ (смѣясь). Нѣтъ, нѣтъ, разумѣется! Помилуйте! Подумать только — быть строителемъ Сольнесомъ! Гальвардомъ Сольнесомъ! Чего лучше!

Докторъ. Да, признаюсь, по-моему, вы дѣйствительно счастливецъ. Вамъ всегда везло невѣроятно.

Сольнесъ (подавляя грустную улыбку). Да, грѣхъ пожаловаться.

Докторъ. Начать хоть съ того, что сгорѣлъ вашъ старый, уродливый разбойничій замокъ! Это было какъ нельзя болѣе кстати для васъ.

Сольнесъ (серьезно). Сгорѣлъ родовой домъ Алины — не забудьте!

Докторъ. Да, для нея это, надо полагать, было большимъ горемъ.

Сольнесъ. Она не можетъ забыть этого и до сихъ поръ... спустя двѣнадцать-тринадцать лѣтъ.

Докторъ. То, что ей пришлось пережить потомъ, было, конечно, еще тяжелѣе.

Сольнесъ. Одно къ одному.

Докторъ. Зато вы-то лично пошли въ гору послѣ того по-

жара. Явились изъ своей деревушки бѣднякомъ, а теперь вы у насъ первый человѣкъ по своей части. Да, господинъ Сольнесъ, вамъ дѣйствительно повезло!

Сольнесъ (съ тревогой глядя на него). Вотъ это-то именно и пугаетъ меня ужасно.

Докторъ. Пугаетъ? То, что вамъ повезло?

Сольнесъ. Страхъ не дастъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью... Я такъ боюсь! Когда-нибудь да надо ждать поворота.

Докторъ. Пустяки! Съ чего ему быть — повороту?

Сольнесъ (увѣренно). Юность все перевернетъ.

Докторъ. Вотъ на! Юность! Да и вы, кажется, не старикъ еще! Нѣтъ, теперь-то вы, пожалуй, стоите на ногахъ тверже, чѣмъ когда-либо.

Сольнесъ. Поворотъ наступитъ. Я предчувствую это. И скоро. Тотъ ли, другой ли явится и заявитъ: «прочь съ дороги!». А за нимъ нахлынетъ цѣлая толпа съ криками и угрозами: «дорогу! дорогу! дорогу! мѣсто намъ!». Вспомните мое слово, докторъ. Скоро, скоро явится сюда юность и стукнетъ въ дверь...

Докторъ (смѣясь). Ну и что же изъ этого?

Сольнесъ. Что изъ этого? Тогда конецъ строителю Сольнесу!

(Въ дверь налѣво стучатъ).

Сольнесъ (вздрагиваетъ). Что это? Вы слышали?

Докторъ. Кто-то стучится.

Сольнесъ (громко). Войдите!

(Изъ передней появляется Гильда Вангель, дѣвушка средняго роста, гибкая и стройная, съ слегка загорѣлымъ лицомъ. На ней костюмъ туристки: подобранная юбка, матросская блуза и морская шапочка. За спиной ранецъ, въ рукахъ пледъ, стянутый ремнями, и длинная альпійская палка).

Гильда (подходя къ Сольнесу съ сіяющими радостью глазами). Здравствуйте!

Сольнесъ (неувѣренно глядя на нее). Здравствуйте...

Гильда (смѣясь). А вѣдь вы, кажется, меня не узнаёте?

Сольнесъ. Признаюсь... этакъ... сразу...

Докторъ. Зато я узналъ васъ, фрёкенъ...

Гильда (радостно). Ахъ, да неужели это вы?..

Докторъ. Я самый! (Сольнесу) Мы встрѣтились съ барышней нынѣшнимъ лѣтомъ на одной изъ горныхъ станцій. (Гильдѣ) А куда дѣвались другія дамы?

Гильда. А онѣ отправились въ другую сторону.

Докторъ. Имъ, кажется, пришлось не по вкусу наше веселье въ тотъ вечеръ?

Гильда. Да, кажется, совсѣмъ не по вкусу!

Докторъ (грозитъ ей пальцемъ). Нельзя не признаться, впрочемъ, что вы таки-пококетничали съ нами немножко!

Гильда. Это, я думаю, веселѣе, чѣмъ сидѣть да вязать чулки въ бабьей компаніи.

Докторъ (смѣясь). Вполнѣ съ вами согласенъ!

Сольнесъ. А сюда вы прибыли сегодня вечеромъ?

Гильда. Только-что.

Докторъ. Совсѣмъ однѣ, фрёкенъ Вангель?

Гильда. Да, да.

Сольнесъ. Вангель? Ваша фамилія Вангель?

Гильда (удивленно-весело смотритъ на него). Ну да, да, конечно.

Сольнесъ. Такъ вы, можетъ-быть, дочь окружнаго врача въ Люсангерѣ?

Гильда (попрежнему). Да чьей же дочерью прикажете мнѣ быть иначе?

Сольнесъ. Такъ мы встрѣчались съ вами — въ то лѣто, когда я строилъ у васъ башню на старой церкви.

Гильда (серьезно). Ну да, конечно, тогда.

Сольнесъ. Но это было что-то очень давно.

Гильда (пристально смотритъ на него). Это было ровно десять лѣтъ тому назадъ.

Сольнесъ. И вы были тогда, вѣрно, совсѣмъ ребенкомъ?

Гильда. Да, такъ... двѣнадцати-тринадцати лѣтъ — во всякомъ случаѣ.

Докторъ. Вы въ первый разъ въ нашемъ городѣ, фрёкенъ Вангель?

Гильда. Да, представьте!

Сольнесъ. И, вѣроятно, никого здѣсь не знаете?

Гильда. Никого, кромѣ васъ и вашей супруги.

Сольнесъ. Вы и ее знаете?

Гильда. Немножко. Мы провели съ ней вмѣстѣ нѣсколько дней въ санаторіи...

Сольнесъ. А, въ горахъ...

Гильда. И она сказала, что будетъ рада видѣть меня у себя, когда я попаду въ городъ. (Улыбается) Она, впрочемъ, могла бы и не приглашать меня.

Сольнесъ. Какъ же это она ни слова не говорила мнѣ...

(Гильда ставитъ свою палку къ печкѣ, отстегиваетъ ранецъ и кладетъ его вмѣстѣ съ пледомъ на диванъ. Докторъ старается помочь ей. Сольнесъ стоитъ и смотритъ на нее).

Гильда (подходя къ Сольнесу). Такъ вотъ, я попрошу у васъ позволенія переночевать.

Сольнесъ. Ну что-жъ, я думаю, тутъ затрудненій не будетъ.

Гильда. У меня вѣдь только и есть съ собой, что это платье на мнѣ да смѣна бѣлья въ ранцѣ. Но бѣлье надо выстирать, — ужасъ какое грязное!

Сольнесъ. Этому горю тоже можно помочь... Я пойду только предупредить мою жену...

Докторъ. А я тѣмъ временемъ отправлюсь къ своему больному.

Сольнесъ. Да, да. Потомъ вѣдь вы опять вернетесь.

Докторъ (весело, поглядывая на Гильду). Можете побожиться, что вернусь. (Смѣется). А вѣдь вы вѣрно предсказывали, господинъ Сольнесъ!

Сольнесъ. Какъ такъ?..

Докторъ. Юность-таки явилась и постучала къ вамъ въ дверь.

Сольнесъ (оживленно). Ну, это совсѣмъ по-другому.

Докторъ. Конечно. Еще бы! (Уходитъ черезъ переднюю).

Сольнесъ (отворяя дверь направо). Алина! Будь такъ добра, выйди сюда. Здѣсь твоя знакомая, фрёкенъ Вангель.

Фру Сольнесъ (входя). Кто, ты говоришь? (Увидавъ Гильду) Ахъ, это вы! (Подходитъ къ ней и протягиваетъ ей руку) Все-таки заглянули въ нашъ городъ?

Сольнесъ. Фрёкенъ Вангель сейчасъ только пришла. И желала бы переночевать у насъ.

Фру Сольнесъ. У насъ? Что-жъ, милости просимъ!

Сольнесъ. Фрёкенъ Вангель нужно привести въ порядокъ свой гардеробъ, — ты понимаешь.

Фру Сольнесъ. Я постараюсь быть вамъ полезна, чѣмъ могу. Это вѣдь простой долгъ. Вашъ чемоданъ придетъ, вѣроятно, послѣ?

Гильда. У меня нѣтъ никакого чемодана.

Фру Сольнесъ. Ну, я думаю, это все можно устроить. А теперь вамъ придется пока побыть въ обществѣ моего мужа. Я пойду, постараюсь устроить васъ поудобнѣе.

Сольнесъ. Нельзя ли взять одну изъ дѣтскихъ? Онѣ вѣдь совсѣмъ въ порядкѣ.

Фру Сольнесъ. Да, пожалуй. Мѣста тамъ больше чѣмъ достаточно. (Гильдѣ) А вы, пожалуйста, садитесь и отдохните пока. (Уходитъ направо).

(Гильда, заложивъ руки за спину, бродитъ по комнатѣ и разсматриваетъ обстановку. Сольнесъ стоитъ у стола, тоже заложивъ руки за спину, и наблюдаетъ за ней).

Гильда (останавливаясь и глядя на него). Развѣ у васъ нѣсколько дѣтскихъ?

Сольнесъ. Три.

Гильда. Ого! Такъ у васъ страсть сколько дѣтей?

Сольнесъ. Нѣтъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ дѣтей. Вотъ развѣ вы замѣните намъ пока ребенка.

Гильда. На эту ночь — да. Но я не буду кричать. Навѣрное просплю всю ночь, какъ убитая.

Сольнесъ. Да, вы, должно-быть, порядкомъ устали.

Гильда. Нисколько! Но все-таки... чудо какъ хорошо улечься этакъ въ постель... и видѣть разные сны.

Сольнесъ. А вы часто этакъ... видите сны?

Гильда. Ну да! Почти каждую ночь.

Сольнесъ. А что вы чаще всего видите во снѣ?

Гильда. Этого я не скажу вамъ сегодня. Въ другой разъ—пожалуй. (Опять начинаетъ бродить по комнатѣ, останавливается у конторки и слегка перебираетъ книги и папки).

Сольнесъ (подходитъ къ ней). Вы что-нибудь ищете?

Гильда. Нѣтъ, такъ разсматриваю все. (Оборачиваясь къ нему) Можетъ-быть, нельзя?

Сольнесъ. Сдѣлайте одолженіе!

Гильда. Это вы тутъ пишете, въ этой огромной книжищѣ?

Сольнесъ. Нѣтъ, бухгалтерша.

Гильда. Женщина?

Сольнесъ (улыбаясь). Конечно.

Гильда. Она у васъ тутъ служитъ?

Сольнесъ. Да.

Гильда. Она замужняя?

Сольнесъ. Нѣтъ, дѣвушка.

Гильда. А-а.

Сольнесъ. Но, кажется, скоро выйдетъ замужъ.

Гильда. Вотъ это хорошо — для нея.

Сольнесъ. Но не для меня. У меня не будетъ больше помощницы.

Гильда. Развѣ вы не можете найти себѣ другую—не хуже?

Сольнесъ. Можетъ-быть, вы пожелали бы остаться у меня... и писать въ этой книжищѣ?

Гильда (смѣриваетъ его взглядомъ). Именно, какъ не пожелать! Нѣтъ, спасибо! Это не по нашей части.

(Опять бродитъ по комнатѣ, затѣмъ садится на качалку. Сольнесъ въ это время подходитъ къ маленькому столу).

Гильда (какъ бы продолжая разговоръ). Тутъ, вѣроятно, найдется за что взяться и поинтереснѣе. (Улыбаясь) Не такъ ли?

Сольнесъ. Разумѣется. Прежде всего вамъ, конечно, надо обѣгать всѣ магазины и накупить нарядовъ.

Гильда (весело). Нѣтъ, объ этомъ, я думаю, лучше отложить попеченіе.

Сольнесъ. Да?

Гильда. Да; я, видите ли, успѣла истратить всѣ свои денежки.

Сольнесъ (смѣясь). Ни денегъ ни чемодана, значитъ!

Гильда. Ни того ни другого. Да наплевать. Теперь не до того.

Сольнесъ. Вотъ за это я люблю васъ.

Гильда. Только за это?

Сольнесъ. За все вмѣстѣ. (Садится въ кресло) Вашъ отецъ живъ еще?

Гильда. Живъ.

Сольнесъ. Вы, можетъ-быть, думаете поступить здѣсь на курсы?

Гильда. И въ голову не приходило.

Сольнесъ. Но вы, надѣюсь, все-таки побудете здѣсь въ городѣ?

Гильда. Глядя по обстоятельствамъ. (Сидитъ нѣсколько времени молча, раскачиваясь въ креслѣ и глядя на Сольнеса полусерьезно, полуулыбаясь. Затѣмъ снимаетъ съ себя шапочку и кладетъ ее на столъ). Строитель Сольнесъ?

Сольнесъ. Что прикажете?

Гильда. Вы очень забывчивы?

Сольнесъ. Забывчивъ? Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно.

Гильда. Такъ что же? Вы совсѣмъ не хотите поговорить со мной о томъ, что было тамъ?..

Сольнесъ (удивленно). Тамъ, въ Люсангерѣ? (Небрежно) Да о чемъ же тутъ собственно говорить?

Гильда (съ упрекомъ глядитъ на него). Какъ вы можете такъ относиться?

Сольнесъ. Ну, такъ начните вы сами.

Гильда. Когда башня была готова, у насъ въ городѣ было большое торжество.

Сольнесъ. Да, этотъ день я нескоро забуду.

Гильда (улыбаясь). Да? Это все-таки мило съ вашей стороны.

Сольнесъ. Мило?

Гильда. На кладбищѣ играла музыка. Была масса народу. Мы, школьницы, всѣ были въ бѣлыхъ платьяхъ. И всѣ съ флагами въ рукахъ.

Сольнесъ. Да, да, съ флагами; это я хорошо помню.

Гильда. А вы поднялись по лѣсамъ наверхъ. На самый верхъ. Въ рукахъ у васъ былъ большой вѣнокъ. И вы повѣсили его на самый флюгеръ.

Сольнесъ (отрывисто). Да, я такъ дѣлалъ... въ тѣ времена. Это вѣдь старинный обычай.

Гильда. Духъ захватывало, глядя на васъ. Подумать, — вдругъ онъ упадетъ оттуда! Самъ строитель!

Сольнесъ (какъ бы желая перемѣнить разговоръ). Да, да, это могло-таки случиться. Одна изъ этихъ бѣлыхъ школьницъ, сущій чертенокъ, такъ суетилась и кричала тамъ внизу...

Гильда (съ сіяющимъ лицомъ). «Ура, строитель Сольнесъ!» Да!

Сольнесъ. ...И такъ размахивала своимъ флагомъ, что у меня голова чуть не закружилась, когда я взглянулъ внизъ.

Гильда (тихо, серьезно). Чертенокъ-то была—я!

Сольнесъ (пристально глядя на нее). Теперь я увѣренъ въ этомъ. Это, навѣрно, были вы.

Гильда (снова оживляясь). Да еще бы! Это было такое захватывающее зрѣлище! Чудо! Я и представить себѣ не могла, чтобы нашелся на свѣтѣ человѣкъ, который бы могъ построить такую невозможно высокую башню! И вдругъ вы сами стоите тамъ, на самомъ верху! Живой! И голова у васъ нисколько не закружилась! Поневолѣ при одной мысли обо всемъ этомъ... этакъ... духъ захватывало!

Сольнесъ. Почему же вы были такъ увѣрены, что у меня не...

Гильда (отмахиваясь рукой). Нѣтъ! Фи! Я чувствовала. Да иначе вы и не могли бы стоять тамъ и пѣть.

Сольнесъ (удивленно глядя на нее). Пѣть? Я пѣлъ?

Гильда. Да, конечно.

Сольнесъ (недовѣрчиво качая головой). Никогда во всю свою жизнь я не взялъ ни одной ноты.

Гильда. А въ тотъ разъ пѣли! Точно звуки арфы дрожали въ воздухѣ...

Сольнесъ (задумчиво). Странно что-то...

Гильда (молча смотритъ на него нѣкоторое время; вполголоса). Ну, а затѣмъ... идетъ *настоящее*...

Сольнесъ. Настоящее?

Гильда (со сверкающими отъ увлеченія глазами). Объ этомъ, я думаю, не придется напоминать вамъ?

Сольнесъ. Охъ, пожалуйста, напомните и объ этомъ.

Гильда. Вы развѣ не помните, что вамъ задали большой обѣдъ въ клубѣ?

Сольнесъ. Да, да. Должно-быть, въ тотъ же день. На слѣдующее утро я уже уѣхалъ.

Гильда. А изъ клуба васъ пригласили къ намъ ужинать.

Сольнесъ. Совершенно вѣрно, фрёкенъ Вангель. Удивительно, какъ у васъ запечатлѣлись въ памяти всѣ эти мелочи!

Гильда. Мелочи! Хороши вы! Такъ. можетъ-быть, и это тоже мелочь, что я была *одна* въ комнатѣ, когда вы пришли?

Сольнесъ. Развѣ это было такъ?

Гильда (не отвѣчая ему). Въ тотъ разъ вы не обозвали меня чертенкомъ.

Сольнесъ. Вѣроятно, нѣтъ.

Гильда. Вы сказали, что я прелестна въ бѣломъ платьѣ. Похожа на маленькую принцессу.

Сольнесъ. Такъ оно, вѣрно, и было, фрёкенъ Вангель. Къ

тому же на душѣ у меня было такъ легко и радостно въ тотъ день...

Гильда. А еще вы сказали, что, когда я выросту большая, я буду *вашей* принцессой.

Сольнесъ (смѣясь). Вотъ какъ... я и это сказалъ?

Гильда. Да. А когда я спросила, долго ли мнѣ ждать этого, вы отвѣтили, что вернетесь черезъ десять лѣтъ—какъ тролль—и похитите меня. Умчите въ Испанію или куда-нибудь въ этомъ родѣ. И тамъ купите мнѣ королевство.

Сольнесъ (попрежнему). Н-да, послѣ хорошаго обѣда не особенно скупишься. Но я въ самомъ дѣлѣ сказалъ все это?

Гильда (тихо смѣется). Да. Вы даже сказали, какъ будетъ называться это королевство.

Сольнесъ. Вотъ тебѣ разъ!

Гильда. Вы сказали, что его будутъ звать Апельсиніей.

Сольнесъ. Вкусное имечко!

Гильда. А мнѣ оно вовсе не понравилось. Это какъ будто вы хотѣли подурачить меня.

Сольнесъ. Навѣрное у меня и въ мысляхъ этого не было.

Гильда. Надо думать—нѣтъ. Особенно, если вы сдѣлали то, что̀ было потомъ...

Сольнесъ. Да скажите же на милость, что̀ такое я еще сдѣлалъ потомъ?

Гильда. Недоставало только, чтобы вы и это позабыли! О такихъ вещахъ помнятъ, мнѣ кажется.

Сольнесъ. Да, да, вы только помогите мнѣ немножко, и я, можетъ-быть... Ну?

Гильда (пристально глядитъ на него). Вы взяли и поцѣловали меня, господинъ Сольнесъ.

Сольнесъ (съ открытымъ отъ удивленія ртомъ, встаетъ). Развѣ?

Гильда. Да-а! Вы взяли меня обѣими руками за голову, откинули назадъ и поцѣловали. И не одинъ разъ, а много.

Сольнесъ. Но, милая, дорогая фрёкенъ Вангель!..

Гильда (встаетъ). Не вздумаете же вы отрицать это?

Сольнесъ. Именно, отрицаю!

Гильда (пренебрежительно глядя на него). Ахъ, та-акъ! (Поворачивается и медленно идетъ къ печкѣ, возлѣ которой останавливается спиной къ Сольнесу, заложивъ руки назадъ). (Короткая пауза).

Сольнесъ (тихо подходитъ къ ней). Фрёкенъ Вангель?..

Гильда (молчитъ и стоитъ неподвижно).

Сольнесъ. Не стойте же тутъ, какъ статуя. То, что̀ вы сейчасъ разсказывали, вы, вѣрно, во снѣ видѣли. (Дотрагиваясь до ея руки) Послушайте же...

Гильда (нетерпѣливо отдергиваетъ руку).

Сольнесъ (какъ бы внезапно осѣненный мыслью). Или... Постойте!.. Видите ли, тутъ кроется кое-что посерьезнѣе!

Гильда (стоитъ попрежнему неподвижно).

Сольнесъ (вполголоса, но подчеркивая слова). Я, должно-быть, *думалъ* объ этомъ, *хотѣлъ*, *желалъ этого*... И вотъ!.. Не въ этомъ ли разгадка?

Гильда (попрежнему молчитъ).

Сольнесъ (нетерпѣливо). Ну, чортъ возьми, такъ и быть. Пусть будетъ по-вашему. Ну, я сдѣлалъ и это.

Гильда (слегка поворачивая голову, но еще не глядя на него). Такъ вы признаётесь?

Сольнесъ. Да; во всемъ, въ чемъ хотите.

Гильда. Вы взяли меня за голову?

Сольнесъ. Да, да!

Гильда. Отклонили назадъ?

Сольнесъ. Да, да, сильно.

Гильда. И поцѣловали!

Сольнесъ. Поцѣловалъ.

Гильда. Много разъ.

Сольнесъ. Столько, сколько вамъ угодно.

Гильда (быстро оборачивается къ нему со сверкающими радостью глазами). Ну, вотъ видите, въ концѣ концовъ я таки-выманила у васъ сознаніе!

Сольнесъ (улыбаясь). Да, подумать только — я могъ забыть такія вещи!

Гильда (слегка надувъ губки и отходя отъ него). Еще бы! Вы, навѣрно, столько поцѣлуевъ роздали на своемъ вѣку...

Сольнесъ. Нѣтъ, вы не должны такъ думать обо мнѣ.

(Гильда садится на кресло, Сольнесъ стоитъ, опираясь на спинку качалки, и наблюдаетъ за нею).

Сольнесъ. Фрёкенъ Вангель?..

Гильда. Что?

Сольнесъ. Какъ бишь это было? То-есть чѣмъ же это кончилось... у насъ съ вами?

Гильда. Да ничѣмъ не кончилось. Вы же сами знаете. Въ комнату вошли, и... я—фюить!

Сольнесъ. Ахъ, правда! Кто-то вошелъ. Какъ это я могъ забыть и это!

Гильда. Пожалуйста, ничего-то вы не забыли. Вамъ просто стыдно немножко. Такихъ вещей не забываютъ.

Сольнесъ. Казалось бы.

Гильда (опять оживленно глядя на него). Можетъ-быть, вы забыли, и *когда* это все было, въ какой день?

Сольнесъ. Въ какой?

Гильда. Ну да,—въ какой день вы повѣсили на башню вѣнокъ? Ну? Говорите сейчасъ!

Сольнесъ. Гм... вотъ день-то я, право, и позабылъ. Знаю только, что это было десять лѣтъ тому назадъ. Этакъ... осенью.

Гильда (медленно киваетъ нѣсколько разъ головой). Это было десять лѣтъ тому назадъ, девятнадцатаго сентября.

Сольнесъ. Да, да, кажется, около того. Такъ вы и это помните! (Останавливается на минуту). Постойте!.. Да сегодня вѣдь тоже девятнадцатое сентября.

Гильда. Да. И десять лѣтъ минуло. А вы не явились, какъ обѣщали.

Сольнесъ. Обѣщалъ вамъ? То-есть попугалъ васъ?

Гильда. Мнѣ кажется, этимъ не испугаешь.

Сольнесъ. Ну, такъ подурачилъ васъ немножко.

Гильда. Вы только этого и хотѣли? Подурачить меня?

Сольнесъ. Или просто пошутить съ вами слегка! Право, я и самъ теперь не помню. Но, вѣрно, что-нибудь да въ этомъ родѣ. Вѣдь вы же были тогда совсѣмъ еще ребенкомъ.

Гильда. Можетъ статься, совсѣмъ не такимъ ужъ ребенкомъ... не такой дѣвчонкой, какъ вы себѣ воображаете.

Сольнесъ (пытливо смотритъ на нее). Такъ вы дѣйствительно серьезно думали, что я вернусь?

Гильда (подавляя дразнящую усмѣшку). Конечно. Столько-то я могла ожидать отъ васъ.

Сольнесъ. Ожидать, что я вернусь и увезу васъ съ собой?

Гильда. Точь въ точь, какъ тролль,—да!

Сольнесъ. И сдѣлаю васъ принцессой?

Гильда. Вы же обѣщали мнѣ.

Сольнесъ. Подарю вамъ королевство?

Гильда (глядя въ потолокъ). Почему же и нѣтъ? Вѣдь мнѣ не нужно, чтобы это было непремѣнно обыкновенное, настоящее королевство.

Сольнесъ. А нѣчто другое, что было бы такъ же хорошо?

Гильда. По крайней мѣрѣ, не хуже. (Взглядываетъ на него) Разъ вы могли строить высочайшія башни въ свѣтѣ, то почему же бы вамъ не создать и чего-нибудь такого въ родѣ королевства.

Сольнесъ (качая головой). Не пойму я васъ хорошенько, фрёкенъ Вангель.

Гильда. Неужели? А мнѣ кажется—все это такъ просто.

Сольнесъ. Нѣтъ. Я никакъ не пойму: серьезно вы говорите все это, или такъ только сидите этакъ и... шутите...

Гильда (улыбаясь). Дурачу васъ, можетъ-быть? И я въ свою очередь?

Сольнесъ. Именно. Дурачите обоихъ насъ. (Смотритъ на нее) Вы давно знаете, что я женатъ?

Гильда. Все время знала. Почему вы спрашиваете объ этомъ?

Сольнесъ (вскользь). Нѣтъ, нѣтъ, просто такъ пришло въ голову. (Серьезно смотритъ на нее; вполголоса) Зачѣмъ вы явились?

Гильда. За своимъ королевствомъ. Срокъ вѣдь истекъ.

Сольнесъ (невольно смѣется). Нѣтъ, хороши вы!

Гильда (весело). Подайте мнѣ мое королевство, строитель! (Стучитъ пальцемъ по столу) Королевство на столъ!

Сольнесъ (придвигаетъ качалку ближе и садится). Серьезно говоря, зачѣмъ вы явились? Что вы собственно думаете дѣлать здѣсь?

Гильда. Во-первыхъ, обойти весь городъ и осмотрѣть все, что вы тутъ настроили.

Сольнесъ. Ну, придется же вамъ побѣгать.

Гильда. Да, вы, пожалуй, страсть сколько понастроили!

Сольнесъ. Много. Особенно въ послѣдніе годы.

Гильда. И много башенъ? Этакихъ... высокихъ-высокихъ?

Сольнесъ. Нѣтъ. Я больше не строю ни башенъ ни церквей.

Гильда. А что же вы строите?

Сольнесъ. Дома для людей.

Гильда (задумчиво). А вы не могли бы иногда пристраивать къ домамъ... этакъ въ родѣ башенъ?

Сольнесъ (пораженный). Что вы хотите сказать?

Гильда. То-есть... нѣчто такое... что бы такъ же говорило о свободномъ стремленіи ввысь. Съ флюгерами на головокружительной высотѣ.

Сольнесъ (задумчиво). Удивительно, что вы это предлагаете. Вѣдь я самъ лучшаго не желалъ бы.

Гильда (нетерпѣливо). Такъ почему же бы вамъ и не строить?

Сольнесъ (качая головой). Нѣтъ, люди не желаютъ.

Гильда. Скажите! Не желаютъ!

Сольнесъ (вздохнувъ). Но теперь я строю новый домъ себѣ. Здѣсь, напротивъ.

Гильда. Для васъ самихъ?

Сольнесъ. Да; онъ почти готовъ. И онъ съ башней.

Гильда. Съ высокой?

Сольнесъ. Да.

Гильда. Очень?

Сольнесъ. Люди, навѣрное, найдутъ, что слишкомъ — для частнаго дома.

Гильда. Я хочу видѣть ее завтра же утромъ, какъ встану.

Сольнесъ (подпирая щеку рукой и глядя на Гильду). Скажите мнѣ, фрёкенъ Вангель, какъ васъ зовутъ? По имени?

Гильда. Да Гильдой же!

Сольнесъ (попрежнему). Гильдой? Вотъ какъ?

Гильда. Какъ это вы не помните? Вы вѣдь сами называли меня Гильдой. Въ тотъ день, когда такъ нехорошо вели себя.

Сольнесъ. И Гильдой еще называлъ?

Гильда. Да, только вы называли меня «крошкой Гильдой», и это мнѣ не понравилось.

Сольнесъ. Ахъ, это не понравилось вамъ, фрёкенъ Гильда?

Гильда. Да. Въ ту минуту. А вотъ «принцесса Гильда»... это будетъ, кажется, недурно.

Сольнесъ. Конечно. Принцесса Гильда изъ... изъ... Какъ бишь зовутъ королевство-то?

Гильда. А ну его! Я и знать не хочу объ этомъ глупомъ королевствѣ! Я хочу совсѣмъ другого!

Сольнесъ (глубже усаживаясь въ качалкѣ и глядя на нее). Не странно ли?.. Чѣмъ больше я думаю обо всемъ этомъ, тѣмъ яснѣе мнѣ представляется — будто всѣ эти долгіе годы я ходилъ и мучился надъ... гм...

Гильда. Надъ чѣмъ?

Сольнесъ. Надъ тѣмъ, чтобы вспомнить этакъ... что-то *пережитое*, что, мнѣ казалось, я забылъ и никакъ не могъ вспомнить.

Гильда. Вамъ бы надо было завязать узелокъ на платкѣ.

Сольнесъ. Чтобы ходить да гадать о томъ, что означаетъ этотъ узелокъ?

Гильда. О, да, бываютъ и такіе тролли на свѣтѣ.

Сольнесъ (медленно встаетъ). Какъ это хорошо, что вы явились ко мнѣ теперь.

Гильда (пристально глядя на него). Хорошо?

Сольнесъ. Я сидѣлъ тутъ такимъ одинокимъ... безпомощнымъ... (Понижая голосъ) Скажу вамъ... я сталъ бояться... страшно бояться юности.

Гильда. Фью! Есть чего бояться—юности!

Сольнесъ. Именно. Потому я и заперся тутъ, забилъ всѣ ходы и выходы. (Таинственно) Надо вамъ знать, что юность явится сюда и забарабанитъ въ дверь. И ворвется ко мнѣ.

Гильда. Такъ, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы пойти да самому отворить юности.

Сольнесъ. Отворить?

Гильда. Да. Чтобы юность могла проникнуть къ вамъ... этакъ добромъ.

Сольнесъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Юность — это возмездіе. Она идетъ во главѣ переворота. Выступаетъ какъ бы подъ новымъ знаменемъ.

Гильда (встаетъ и смотритъ на него съ вздрагивающими уголками рта). Могу я вамъ пригодиться на что-нибудь, строитель?

Сольнесъ. И еще какъ! Вы вѣдь тоже являетесь какъ бы подъ новымъ знаменемъ. Итакъ, юность противъ юности!

(Докторъ Гердаль входитъ изъ передней).

Докторъ. А, вы еще тутъ съ барышней?

Сольнесъ. Да. У насъ было-таки о чемъ побесѣдовать.

Гильда. И о старомъ и о новомъ.

Докторъ. Вотъ какъ?

Гильда. Ахъ, это было ужасно забавно. У строителя Сольнеса... прямо непостижимая памяти! Всевозможныя мелочи — и тѣ припоминаетъ сразу.

(Справа входитъ фру Сольнесъ).

Фру Сольнесъ. Ну вотъ, фрёкенъ Вангель, ваша комната теперь готова.

Гильда. О, какъ вы добры!

Сольнесъ (женѣ). Дѣтская?

Фру Сольнесъ. Да, средняя. Но сначала намъ надо поужинать, я думаю.

Сольнесъ (киваетъ Гильдѣ). Гильда будетъ спать въ дѣтской.

Фру Сольнесъ. Гильда?

Сольнесъ. Да, фрёкенъ Вангель зовутъ Гильдой. Я зналъ ее, когда она была еще ребенкомъ.

Фру Сольнесъ. Неужели, Гальвардъ? Ну, прошу васъ. Столъ накрытъ. (Беретъ доктора подъ руку и уходитъ съ нимъ направо).

Гильда (собирая свои дорожныя вещи, тихо и быстро Сольнесу). Вы правду сказали? Я могу пригодиться вамъ?

Сольнесъ (беретъ отъ нея вещи). Васъ-то мнѣ именно и недоставало.

Гильда (смотритъ на него удивленно-радостнымъ взоромъ и всплескиваетъ руками). Боже ты мой!..

Сольнесъ (напряженно). Ну?..

Гильда. Да вѣдь тогда — вотъ оно, королевство-то!

Сольнесъ (невольно). Гильда!..

Гильда (снова съ дрожащими отъ волненія уголками рта). То-есть... почти.

(Идетъ направо. Сольнесъ за ней).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Изящно обставленная маленькая гостиная. Въ задней стѣнѣ стеклянная дверь на веранду, выходящую въ садъ. Правый и лѣвый углы комнаты срѣзаны; въ правомъ, съ выступомъ наружу, большое окно и жардиньерки съ цвѣтами, въ лѣвомъ — маленькая дверь подъ

обои. Въ каждой изъ боковыхъ стѣнъ по обыкновенной двери. Направо впереди высокій подзеркальный столъ съ большимъ зеркаломъ; на столѣ лежитъ дамская накидка, шляпка и зонтикъ. По обѣимъ сторонамъ зеркала масса комнатныхъ растеній и цвѣтовъ. Впереди налѣво диванъ, передъ нимъ столъ и стулья. Дальше книжный шкапъ. Посреди комнаты, противъ оконнаго выступа, маленькій столикъ и нѣсколько стульевъ. — Утро.

У маленькаго стола сидитъ Сольнесъ, пересматривая лежащіе передъ нимъ чертежи Рагнара и время отъ времени, незамѣтно, слѣдя глазами за женой. Фру Сольнесъ, въ черномъ платьѣ, какъ и наканунѣ, съ лейкой въ рукахъ, ходитъ по комнатѣ неслышными шагами и поливаетъ цвѣты. Оба молчатъ.

Изъ дверей налѣво осторожно входитъ Кайя.

Сольнесъ (поворачивая голову къ входящей; небрежно, какъ бы вскользь). А, это вы?

Кайя. Я только хотѣла сказать, что пришла.

Сольнесъ. Да, да, хорошо. Рагнаръ тоже пришелъ?

Кайя. Нѣтъ еще. Ему надо было дождаться доктора. Но онъ хотѣлъ придти потомъ узнать...

Сольнесъ. А какъ сегодня старикъ?

Кайя. Плохъ. Онъ очень извиняется, что ему придется, пожалуй, пролежать весь день.

Сольнесъ. Помилуйте! Пусть себѣ лежитъ. Ну, а вы ступайте займитесь своимъ дѣломъ.

Кайя. Сейчасъ. (Останавливается въ дверяхъ) Вы, можетъ-быть, пожелаете поговорить съ Рагнаромъ, когда онъ придетъ?

Сольнесъ. Нѣтъ, — ничего этакъ... особеннаго не предвидится.

(Кайя уходитъ налѣво, а Сольнесъ продолжаетъ пересматривать чертежи).

Фру Сольнесъ (попрежнему занимаясь цвѣтами). Пожалуй, и онъ тоже умретъ.

Сольнесъ (смотритъ на нее). И онъ тоже? А кто же еще?

Фру Сольнесъ (не отвѣчая на вопросъ). Да, да, старикъ Бровикъ... тоже, вѣрно, долго не протянетъ. Вотъ увидишь, Гальвардъ.

Сольнесъ. Ты не пройдешься ли немножко, Алина?

Фру Сольнесъ. Да, собственно говоря, слѣдовало бы. (Продолжаетъ заниматься цвѣтами).

Сольнесъ (наклоняясь надъ чертежами). Она все еще спитъ?

Фру Сольнесъ (смотритъ на него). Такъ ты сидишь и думаешь о фрёкенъ Вангель?

Сольнесъ (равнодушно). Просто этакъ... вспомнилось о ней.

Фру Сольнесъ. Фрёкенъ Вангель давнымъ-давно встала.

Сольнесъ. Да?

Фру Сольнесъ. Когда я заходила къ ней, она сидѣла и

приводила въ порядокъ свой костюмъ. (Подходитъ къ зеркалу и медленно начинаетъ надѣвать шляпку).

Сольнесъ (послѣ небольшой паузы). А намъ все-таки, значитъ, пригодилась хоть одна дѣтская, Алина.

Фру Сольнесъ. Да, пригодилась-таки.

Сольнесъ. И, право, это лучше, чѣмъ имъ всѣмъ стоять пустыми.

Фру Сольнесъ. Эта пустота просто ужасна. Ты правъ.

Сольнесъ (закрываетъ папку, встаетъ и подходитъ ближе). Вотъ увидишь, Алина, теперь намъ навѣрно заживется лучше. Гораздо уютнѣе. Легче. Особенно тебѣ.

Фру Сольнесъ (смотритъ на него). Теперь?

Сольнесъ. Да, повѣрь мнѣ.

Фру Сольнесъ. То-есть потому, что она явилась?

Сольнесъ (пересиливая себя). Я хочу сказать, конечно,—когда мы переѣдемъ въ новый домъ.

Фру Сольнесъ (беретъ накидку). Ты думаешь, Гальвардъ, тамъ будетъ легче?

Сольнесъ. Иначе я и представить себѣ не могу. Надѣюсь, и ты такъ думаешь?

Фру Сольнесъ. Я ровно ничего не думаю объ этомъ новомъ домѣ.

Сольнесъ (видимо разстроенный). Это мнѣ крайне непріятно слышать. Вѣдь я строилъ его главнымъ образомъ для тебя. (Хочетъ помочь ей надѣть накидку).

Фру Сольнесъ (уклоняясь). Въ сущности ты слишкомъ много дѣлаешь для меня.

Сольнесъ (съ нѣкоторымъ раздраженіемъ). Ахъ, да не говори ты, пожалуйста, ничего такого, Алина! Мнѣ невыносимо слышать это отъ тебя.

Фру Сольнесъ. Хорошо, я больше не буду, Гальвардъ.

Сольнесъ. И я все-таки стою на своемъ. Да и ты сама увидишь, какъ хорошо будетъ тебѣ въ новомъ домѣ.

Фру Сольнесъ. О, Боже мой! Хорошо мнѣ!..

Сольнесъ (горячо). Да, да, да! Повѣрь мнѣ! Вѣдь тамъ многое будетъ напоминать тебѣ твой собственный...

Фру Сольнесъ. ...Мой родной домъ... который сгорѣлъ... сгорѣлъ до тла!..

Сольнесъ (глухо). Да, да, бѣдная Алина. Это былъ ужасный ударъ для тебя.

Фру Сольнесъ (съ жалобнымъ порывомъ). Сколько бы ты ни строилъ, Гальвардъ, — для меня тебѣ никогда, никогда не выстроить вновь родного дома!

Сольнесъ (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Ну, ради Бога, оставимъ лучше этотъ разговоръ.

Фру Сольнесъ. Да мы вѣдь вообще никогда и не говоримъ объ этомъ. Ты всегда избѣгаешь.

Сольнесъ (круто останавливаясь передъ ней). Я? Избѣгаю? Съ какой стати мнѣ избѣгать?

Фру Сольнесъ. Ахъ, я отлично понимаю тебя, Гальвардъ. Ты вѣдь все стараешься пощадить меня... извинить... гдѣ и въ чемъ только можешь.

Сольнесъ (изумленно смотритъ на нее). Тебя! Такъ это ты... о самой себѣ говоришь?

Фру Сольнесъ. Ну да, конечно, о себѣ, а то о комъ же?

Сольнесъ (невольно, какъ бы про себя). И это еще!

Фру Сольнесъ. О моемъ старомъ домѣ я ужъ не говорю... Съ этимъ можно бы еще примириться. Господи, если ужъ быть несчастью, то...

Сольнесъ. Ты права. Отъ несчастья никто не застрахованъ, — какъ говорится.

Фру Сольнесъ. Но эти ужасныя послѣдствія пожара!.. Вотъ это-то! Это, это, это!

Сольнесъ (горячо). Не надо думать объ этомъ, Алина!

Фру Сольнесъ. Именно объ этомъ я и должна думать. Да когда-нибудь и поговорить тоже наконецъ. А то мнѣ, право, не вынести больше. Вѣдь я никогда не прощу себѣ!..

Сольнесъ (съ невольнымъ порывомъ). Себѣ?..

Фру Сольнесъ. Да. На мнѣ вѣдь лежали обязанности жены и матери. Мнѣ слѣдовало бы крѣпиться. Не поддаваться такъ страху и тоскѣ по сгорѣвшемъ домѣ. (Ломаетъ руки) О! Не будь я такъ малодушна, Гальвардъ!..

Сольнесъ (подходитъ къ ней; тихо, взволнованно). Алина, обѣщай мнѣ никогда больше не думать объ этомъ... Обѣщай мнѣ, Алина!

Фру Сольнесъ. О, Боже мой... обѣщать, обѣщать! Обѣщать-то все можно!

Сольнесъ (ходитъ по комнатѣ, нервно сжимая руки). Нѣтъ, прямо отчаяніе беретъ! Никогда ни единаго солнечнаго луча! Хоть бы проблескъ свѣта въ нашей семейной жизни!

Фру Сольнесъ. Какая же у насъ семья, Гальвардъ?

Сольнесъ. Семьи нѣтъ, ты права. (Мрачно) Пожалуй, будешь права и относительно новаго дома, — что и тамъ не будетъ лучше.

Фру Сольнесъ. Никогда не будетъ. Такъ же пусто, такъ же мертво. И тамъ, какъ и тутъ.

Сольнесъ (вспыливъ). Такъ къ чему же было тогда строить его? Ну-ка, отвѣть!

Фру Сольнесъ. Нѣтъ, на это ужъ ты самъ себѣ отвѣть.

Сольнесъ (бросая на нее подозрительный взглядъ). Что ты хочешь этимъ сказать, Алина?

Фру Сольнесъ. Что хочу сказать?

Сольнесъ. Да, да, да! Ты такъ странно это сказала. Какъ будто у тебя была при этомъ какая-то задняя мысль.

Фру Сольнесъ. Нѣтъ, увѣряю тебя...

Сольнесъ (подходя ближе). Покорно благодарю, — я что знаю, то знаю. Я вѣдь тоже не слѣпой и не глухой, Алина. Можешь быть спокойна!

Фру Сольнесъ. Да что такое? Въ чемъ дѣло?

Сольнесъ (останавливаясь передъ ней). Будто бы ты не отыскиваешь скрытаго, коварнаго смысла въ самыхъ невинныхъ моихъ словахъ?

Фру Сольнесъ. Я? Я?

Сольнесъ (смѣется). Ха-ха-ха! Что-жъ, это вѣдь довольно понятно, Алина! Разъ тебѣ приходится возиться съ больнымъ...

Фру Сольнесъ (тревожно). Съ больнымъ!.. Ты боленъ, Гальвардъ?

Сольнесъ (порывисто). Ну, съ полоумнымъ мужемъ! Съ сумасшедшимъ мужемъ! Называй, какъ хочешь!

Фру Сольнесъ (ощупью отыскиваетъ позади себя стулъ и садится). Гальвардъ... ради всего святого...

Сольнесъ. Но вы ошиблись оба. И ты и докторъ. Со мной совсѣмъ не то. (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; фру Сольнесъ тревожно слѣдитъ за нимъ; наконецъ онъ подходитъ къ ней; уже спокойнымъ тономъ) Въ сущности со мной ровно ничего нѣтъ.

Фру Сольнесъ. Не правда ли? Но въ чемъ же тогда дѣло?

Сольнесъ. Въ томъ, что я просто готовъ иногда свалиться подъ страшной тяжестью этого долга...

Фру Сольнесъ. Долга! Да вѣдь ты никому не долженъ, Гальвардъ!

Сольнесъ (тихо, взволнованно). Я въ неоплатномъ долгу у тебя... у тебя, Алина!

Фру Сольнесъ (медленно встаетъ). За этимъ что-то скрывается. Говори лучше сразу!

Сольнесъ. Да ничего за этимъ не скрывается. Я никогда не сдѣлалъ тебѣ никакого зла, — по крайней, мѣрѣ нарочно, сознательно. И все-таки... я чувствую за собой какую-то вину, которая гнететъ и давитъ меня.

Фру Сольнесъ. Вину передо мной?

Сольнесъ. Главнымъ образомъ передъ тобой.

Фру Сольнесъ. Значитъ... ты все-таки боленъ, Гальвардъ.

Сольнесъ (глухо). Вѣрно, такъ. Или что-нибудь въ этомъ

родѣ. (Смотритъ на дверь направо, которая въ это время отворяется) А! Прояснивается!

(Справа входитъ Гильда; одѣта почти такъ же, какъ наканунѣ, только юбка уже не подобрана, а спускается до полу).

Гильда. Здравствуйте, строитель!

Сольнесъ (киваетъ головой). Хорошо спали?

Гильда. Восхитительно! Точно въ колыбели! Ахъ... я лежала и нѣжилась, точно... точно принцесса.

Сольнесъ (слегка улыбаясь). Вполнѣ довольны, значитъ?

Гильда. Надо полагать.

Сольнесъ. И, вѣрно, сны видѣли?

Гильда. Да. Только дурные.

Сольнесъ. Неужели?

Гильда. Да. Я видѣла, что падаю съ ужасно высокой, отвѣсной скалы. А вамъ не случается видѣть такихъ сновъ?

Сольнесъ. Да, иной разъ...

Гильда. Удивительное ощущеніе, когда этакъ... падаешь, падаешь внизъ. Духъ захватываетъ.

Сольнесъ. По-моему, леденитъ душу.

Гильда. А вы тогда поджимаете ноги?

Сольнесъ. Да, насколько возможно.

Гильда. И я тоже.

Фру Сольнесъ (беретъ зонтикъ). Теперь мнѣ, пожалуй, пора въ городъ, Гальвардъ. (Гильдѣ) Постараюсь кстати захватить кое-что для васъ.

Гильда (хочетъ броситься ей на шею). Ахъ, милая, дорогая фру Сольнесъ! Вы ужъ черезчуръ добры ко мнѣ! Ужасно добры!

Фру Сольнесъ (предупреждая ея движеніе и слегка уклоняясь въ сторону). Помилуйте, это простой долгъ мой; я потому охотно и дѣлаю это.

Гильда (съ досадой, слегка надувъ губы). Впрочемъ, мнѣ кажется, я отлично могла бы выходить, въ чемъ я есть, — такъ я постаралась надъ своимъ туалетомъ. Или, можетъ-быть, нѣтъ?

Фру Сольнесъ. Откровенно говоря, я думаю, многіе бы оглянулись на васъ.

Гильда (презрительно). Фью! Пусть себѣ! Вѣдь это только забавно.

Сольнесъ (сдерживая досаду). Да, но люди могли бы вѣдь подумать, что вы тоже помѣшаны.

Гильда. Помѣшана? У васъ здѣсь такъ страшно много помѣшанныхъ?

Сольнесъ (ударяя себя по лбу). Здѣсь, по крайней мѣрѣ, вы видите одного — не въ своемъ умѣ.

Гильда. Одного? Вы — не въ своемъ умѣ?

Фру Сольнесъ. Ахъ... милый Гальвардъ...

Сольнесъ. А вы еще ничего не замѣтили?

Гильда. Нѣтъ, конечно. (Будто припоминая что-то, смѣется) Впрочемъ, пожалуй — одно.

Сольнесъ. Слышишь, Алина?

Фру Сольнесъ. Что же, фрёкенъ Вангель?

Гильда. Нѣтъ, этого я не скажу.

Сольнесъ. Нѣтъ, скажите!

Гильда. Спасибо! Настолько-то я еще въ умѣ.

Фру Сольнесъ. Когда вы останетесь одни съ фрёкенъ Вангель, она, навѣрное, скажетъ тебѣ, Гальвардъ.

Сольнесъ. Вотъ какъ? Ты думаешь?

Фру Сольнесъ. Да, думаю. Вы вѣдь такъ давно знакомы. Съ тѣхъ поръ еще, какъ она была ребенкомъ, говоришь ты. (Уходитъ налѣво).

Гильда (немного погодя). Развѣ я ужъ такъ не по душѣ вашей женѣ?

Сольнесъ. А вы замѣтили что-нибудь такое?

Гильда. А вы сами-то развѣ не замѣтили?

Сольнесъ (уклончиво). Алина стала такой нелюдимкой въ послѣдніе годы.

Гильда. Такъ она и нелюдимка вдобавокъ?

Сольнесъ. Но если бы вы только узнали ее покороче... Она вѣдь такая славная... такая добрая и хорошая въ сущности...

Гильда (раздражительно). Если она такая, зачѣмъ ей было заводить тутъ рѣчь о долгѣ?

Сольнесъ. О долгѣ?

Гильда. Да вѣдь она сказала, что пойдетъ и купитъ кое-что для меня, потому что это ея долгъ. Терпѣть не могу этого гадкаго, противнаго слова!

Сольнесъ. Почему такъ?

Гильда. Въ немъ слышится что-то такое холодное, колкое, долбящее. Долгъ, долгъ, долгъ. А по-вашему, развѣ нѣтъ? Не долбитъ развѣ?

Сольнесъ. Гм... никогда особенно не задумывался надъ этимъ.

Гильда. Ну, конечно! Такъ если она такая славная, какъ вы говорите, зачѣмъ ей было говорить это?

Сольнесъ. Помилуйте! Да что-жъ ей было сказать?

Гильда. Сказала бы, что сдѣлаетъ это для меня потому, что ужасно полюбила меня, или что-нибудь въ этомъ родѣ, что-нибудь такое сердечное, ласковое, — понимаете.

Сольнесъ (смотря на нее). Такъ вотъ чего вамъ нужно?

Гильда. Именно. (Бродитъ по комнатѣ: останавливается у шкапа съ книгами и смотритъ на нихъ). У васъ страсть сколько книгъ.

Сольнесъ. Да, накупилъ кое-какихъ.

Гильда. Вы ихъ всѣ читаете?

Сольнесъ. Прежде пробовалъ. А вы читаете?

Гильда. Ни-ни! Ни одной строчки больше! Все равно не могу найти никакой общей связи.

Сольнесъ. Вотъ-вотъ, и я тоже.

Гильда (опять начинаетъ бродить по комнатѣ, останавливается у маленькаго стола, открываетъ папку и перелистываетъ чертежи). Это вы рисовали все это?

Сольнесъ. Нѣтъ, молодой человѣкъ, который работаетъ у меня.

Гильда. Вашъ ученикъ?

Сольнесъ. Да, пожалуй, онъ научился кое-чему и у меня.

Гильда (садится у стола). Онъ, вѣрно, очень способный? (Разсматривая чертежи) Да?

Сольнесъ. Ничего себѣ. Мнѣ годится...

Гильда. Понятно! Онъ долженъ быть ужасно способнымъ!

Сольнесъ. Это вы изъ его чертежей заключаете?

Гильда. Фи — какія-то каракули!.. Нѣтъ, разъ онъ учился у васъ, то...

Сольнесъ. Ну, что касается этого... У меня тутъ многіе учились. И все-таки мало проку вышло.

Гильда (смотритъ на него и качаетъ головой). Нѣтъ, хоть убейте меня, не пойму, какъ вы можете быть такъ глупы!

Сольнесъ. Глупъ? Такъ вамъ кажется, что я ужъ очень глупъ?

Гильда. Конечно. Разъ вы соглашаетесь возиться тутъ со всѣми этими молодчиками, обучать ихъ, то...

Сольнесъ (пораженный). Ну? А почему бы нѣтъ?

Гильда (встаетъ: полусерьезно, полушутя). А, поди вы! Ну къ чему это? Только вы одни должны бы имѣть право строить. Вы одни! Все — сами! Вотъ что!

Сольнесъ (невольно). Гильда!..

Гильда. Что?

Сольнесъ. Скажите на милость, какъ вы додумались до этого?

Гильда. Вамъ это кажется ужасно нелѣпо? Да?

Сольнесъ. Нѣтъ, не то. Но теперь я скажу вамъ кое-что.

Гильда. Ну?

Сольнесъ. Вѣдь я самъ брожу тутъ... изо дня въ день... одинъ... и ношусь съ тою же мыслью.

Гильда. Да это такъ понятно, по-моему.

Сольнесъ (пытливо взглядываетъ на нее). И вы, конечно, успѣли это подмѣтить.

Гильда. Ничего ровно я не подмѣчала.

Сольнесъ. Но недавно... вы сказали, что находите меня... этакъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Въ одномъ отношеніи.

Гильда. Ахъ, я совсѣмъ о другомъ думала!

Сольнесъ. О чемъ же именно?

Гильда. Не все ли вамъ равно.

Сольнесъ (ходитъ по комнатѣ). Ну, какъ хотите. (Останавливается у окна). Подите сюда, я вамъ покажу что-то.

Гильда (подходитъ). Что?

Сольнесъ. Видите — тамъ въ саду?..

Гильда. Да!..

Сольнесъ (показывая рукой). Повыше большой каменоломни?

Гильда. Новый домъ?

Сольнесъ. Который строится, да. Почти совсѣмъ готовъ уже.

Гильда. Съ очень высокой башней, кажется.

Сольнесъ. Лѣса еще не убраны.

Гильда. Это вашъ новый домъ?

Сольнесъ. Да.

Гильда (смотря на него). А въ томъ домѣ тоже есть дѣтскія?

Сольнесъ. Три, какъ и здѣсь.

Гильда. И ни одного ребенка.

Сольнесъ. И не будетъ.

Гильда. Ну, не говорила ли я?..

Сольнесъ. Что?

Гильда. Что вы все-таки... этакъ... немножко того...

Сольнесъ. Такъ вы объ этомъ думали тогда?

Гильда. Ну да, обо всѣхъ этихъ пустыхъ дѣтскихъ, въ которыхъ я снала сегодня.

Сольнесъ (понижая голосъ). У насъ съ Алиной... были дѣти.

Гильда (напряженно смотритъ на него). Были!..

Сольнесъ. Два мальчика. Оба одного возраста.

Гильда. Близнецы, значитъ.

Сольнесъ. Близнецы. Теперь этому будетъ уже лѣтъ одиннадцать-двѣнадцать.

Гильда (осторожно). И оба они?.. То-есть ихъ нѣтъ больше?

Сольнесъ (тихо, растроганно). Они жили всего недѣли три. Даже и того не будетъ, пожалуй. (Съ внезапнымъ порывомъ) Ахъ, Гильда, какое это невѣроятное счастье для меня, что вы явились къ намъ! Теперь наконецъ мнѣ будетъ хоть съ кѣмъ поговорить!

Гильда. А развѣ вы не можете... съ ней?

Сольнесъ. Не объ этомъ. Не такъ, какъ мнѣ надо и хочется. (Угрюмо) Да и о многомъ другомъ нельзя.

Гильда (вполголоса). Такъ вы только это имѣли въ виду, говоря, что я могу вамъ пригодиться?

Сольнесъ. Главнымъ образомъ, пожалуй, это. То-есть вчера. Сегодня же я самъ хорошенько не знаю... (Обрывая) Подите сюда и сядемте. Гильда. Садитесь на диванъ, тогда садъ у васъ будетъ передъ глазами.

Гильда (садится въ уголъ дивана).

Сольнесъ (придвигаетъ свой стулъ ближе). Хотите слушать меня?

Гильда. Ужасно хочу.

Сольнесъ (садится). Такъ я разскажу вамъ все.

Гильда. Теперь у меня передъ глазами и садъ и вы сами. Разсказывайте же! Скорѣе!

Сольнесъ (указывая въ окно). Тамъ на холмѣ, гдѣ вы теперь видите новый домъ...

Гильда. Ну?

Сольнесъ. Тамъ жили мы съ Алиной первые годы. Тотъ старый домъ принадлежалъ еще матери Алины и достался намъ послѣ ея смерти. А съ домомъ и весь этотъ садъ.

Гильда. На томъ домѣ тоже была башня?

Сольнесъ. Ничего подобнаго. Снаружи это было большое, некрасивое, мрачное деревянное зданіе, просто сарай. Внутри же было очень мило и уютно.

Гильда. Вы, значитъ, сломали этотъ старый хламъ?

Сольнесъ. Нѣтъ, онъ сгорѣлъ у насъ.

Гильда. До тла?

Сольнесъ. Да.

Гильда. Это было большимъ несчастьемъ для васъ?

Сольнесъ. То-есть какъ кто посмотритъ. Какъ строителю, мнѣ этотъ пожаръ помогъ выбиться на дорогу.

Гильда. Ну, а..?

Сольнесъ. У насъ только-что родились тогда тѣ двое малютокъ.

Гильда. Да, бѣдненькіе близнецы!

Сольнесъ. Родились они такими здоровыми, крѣпкими. И росли просто не по днямъ, а по часамъ.

Гильда. Малютки страсть какъ растутъ въ первые дни.

Сольнесъ. Нельзя было налюбоваться на нихъ съ Алиной, когда они лежали этакъ... всѣ вмѣстѣ... Но тутъ случился ночью этотъ пожаръ...

Гильда (напряженно). Ну? И что же? Говорите же! Сгорѣлъ кто-нибудь?

Сольнесъ. Нѣтъ, не то. Всѣ спаслись благополучно...

Гильда. Такъ что же тогда?..

Сольнесъ. Алина была страшно потрясена. Пожаръ... вся

эта тревога... Пришлось вѣдь спасаться, сломя голову... въ такую холодную зимнюю ночь... И ее и малютокъ вынесли, въ чемъ они лежали.

Гильда. И они не перенесли этого?

Сольнесъ. Отлично перенесли. Но у Алины сдѣлалась лихорадка. И молоко испортилось. Она непремѣнно хотѣла кормить сама. Это былъ ея долгъ, какъ она говорила. И оба наши мальчика... (ломая руки) оба... О-о!

Гильда. Не вынесли?

Сольнесъ. Не вынесли. Вотъ какъ мы потеряли ихъ.

Гильда. Должно-быть, это было ужасно тяжело для васъ?

Сольнесъ. Да, тяжело. Но въ десять разъ тяжелѣе для Алины. (Сжимая руки въ тихомъ бѣшенствѣ) Подумать, что такія вещи могутъ твориться на бѣломъ свѣтѣ! (Отрывисто и твердо) Съ того дня, какъ я лишился ихъ, я потерялъ охоту строить церкви.

Гильда. Вы, можетъ-быть, неохотно взялись и за нашу церковную башню?

Сольнесъ. Неохотно. Помню, какъ я былъ доволенъ и радъ, когда покончилъ съ ней.

Гильда. Это и я помню.

Сольнесъ. Съ тѣхъ поръ я и не строилъ ничего такого. Ни церквей ни башенъ.

Гильда (медленно киваетъ головой). А только простые дома для людей.

Сольнесъ. Семейные очаги для людей, Гильда.

Гильда. Но съ высокими башнями и шпицами.

Сольнесъ. Да, когда только можно. (Переходя въ болѣе легкій тонъ) Такъ вотъ я и говорю, пожаръ помогъ мнѣ выбиться въ люди. Какъ строителю, то-есть.

Гильда. Почему вы не называетесь архитекторомъ, какъ другіе?

Сольнесъ. Не получилъ такого основательнаго образованія. Почти до всего, что я теперь знаю, я дошелъ самъ.

Гильда. Тѣмъ не менѣе вы пошли въ гору.

Сольнесъ. Да, послѣ пожара. Я разбилъ почти весь нашъ садъ на небольшіе участки подъ виллы. И тутъ я могъ строить, какъ моей душѣ хотѣлось. Съ тѣхъ поръ и пошло все, какъ по маслу.

Гильда (пытливо смотритъ на него). Да, вы, должно-быть, ужасный счастливецъ. Судя по всему.

Сольнесъ (нахмурясь). Счастливецъ? И вы туда же? Вслѣдъ за другими.

Гильда. Да, право, мнѣ такъ кажется. И если бы вы только могли не думать о своихъ малюткахъ, то...

Сольнесъ (медленно). Этихъ малютокъ не такъ-то легко выбросить изъ головы, Гильда.

Гильда (нѣсколько неувѣренно). Неужели они все еще такъ разстраиваютъ васъ? Столько времени спустя?

Сольнесъ (не отвѣчая и пристально глядя на нее). Счастливецъ, говорите вы...

Гильда. А развѣ вы не счастливецъ — въ остальномъ?

Сольнесъ (продолжая смотрѣть на нее). Когда я разсказывалъ вамъ про пожаръ... гм...

Гильда. Ну, ну?

Сольнесъ. Васъ не поразила этакъ... какая-нибудь особенная мысль?

Гильда (пытаясь припомнить). Нѣтъ. Какая бы это могла быть мысль?

Сольнесъ (тихо, отчеканивая слова). Единственно благодаря пожару я получилъ возможность строить дома, семейные очаги для людей. Уютные, милые, свѣтлые домики, гдѣ отецъ съ матерью, окруженные ребятишками, могутъ жить въ мирѣ и довольствѣ... радуясь жизни, радуясь тому, что живутъ на свѣтѣ... особенно же тому, что составляютъ одно неразрывное цѣлое — этакъ и въ великомъ и въ маломъ.

Гильда (съ увлеченіемъ). Ну, и развѣ это не огромное счастье, что вы можете создавать такіе чудные семейные уголки?

Сольнесъ. Цѣна, Гильда! Ужасная цѣна, въ которую мнѣ самому обошлось это счастье!

Гильда. Да неужели же никакъ нельзя отдѣлаться отъ этой мысли?

Сольнесъ. Нѣтъ. Чтобы получить возможность строить семейные очаги для другихъ, мнѣ пришлось отказаться... отказаться навсегда имѣть свой собственный... то-есть настоящій семейный очагъ съ дѣтьми и... отцомъ и матерью.

Гильда (мягко). Но такъ ли это еще? Навсегда ли, какъ вы говорите?

Сольнесъ (медленно киваетъ головой). Вотъ цѣна того счастья, о которомъ толкуютъ люди. (Тяжело вздыхая) Этого счастья... гм... этого счастья нельзя было купить дешевле, Гильда.

Гильда (попрежнему). Да развѣ нѣтъ никакой надежды, чтобы все опять наладилось?

Сольнесъ. Нѣтъ. Никакой. Это тоже послѣдствіе пожара... и болѣзни, которую схватила тогда Алина.

Гильда (глядя на него съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ). И вы все-таки продолжаете устраивать всѣ эти дѣтскія?

Сольнесъ (серьезно). Развѣ вы никогда не замѣчали, Гильда, что невозможное... какъ будто манитъ и зоветъ насъ?

Гильда (задумчиво). Невозможное?.. (Оживленно) Да, да! И съ вами то же бываетъ?

Сольнесъ. И со мной.

Гильда. Такъ, значитъ, и въ васъ сидитъ этакъ что-то въ родѣ тролля?

Сольнесъ. Почему тролля?

Гильда. Ну, а какъ же назвать это?

Сольнесъ (встаетъ). Да, да, пожалуй, такъ. (Горячо) Да и какъ мнѣ не сдѣлаться троллемъ... разъ со мной всегда такъ бываетъ, всегда и во всемъ! Во всемъ!

Гильда. То-есть какъ это понять?

Сольнесъ (сдавленнымъ отъ волненія голосомъ). Слушайте хорошенько, что̀ я буду говорить вамъ, Гильда. Все, что̀ мнѣ удалось сдѣлать, построить, создать красиваго, прочнаго, уютнаго... величаваго... (Ломая руки) О, страшно и подумать!..

Гильда. Что̀? Что̀ страшно?

Сольнесъ. Что все это я постоянно долженъ выкупать... платить за все... не деньгами... а человѣческимъ счастьемъ. И не однимъ своимъ собственнымъ, но и чужимъ! Да, вотъ оно что̀, Гильда! Вотъ во что мнѣ, какъ художнику, обошлось мое мѣсто; и мнѣ самому... и другимъ. И я день за днемъ вынужденъ смотрѣть, какъ другіе вновь и вновь расплачиваются за меня. День за днемъ, день за днемъ... безъ конца!

Гильда (встаетъ и пристально смотритъ на него). Теперь вы, вѣрно, думаете... о ней?

Сольнесъ. Да. Больше всего объ Алинѣ. У нея вѣдь... тоже было свое призваніе, какъ у меня свое. (Дрожащимъ голосомъ) Но ея призванію суждено было быть исковерканнымъ, разбитымъ вдребезги... чтобы мое могло окрѣпнуть... одержать какое-то подобіе побѣды! Да, надо вамъ знать, что у Алины... были тоже способности строить, созидать.

Гильда. У нея! Строить?

Сольнесъ (качая головой). Не дома и башни со шпицами... и тому подобное, съ чѣмъ я тутъ вожусь.

Гильда. А что̀ же?..

Сольнесъ (мягко, растроганно). Маленькія дѣтскія души, Гильда. Помогать имъ мало-по-малу воздвигаться, пріобрѣтать гармоничныя, прекрасныя, благородныя формы. Созидать изъ нихъ стройныя, зрѣлыя человѣческія души. Вотъ какого рода способности были у Алины. И все это осталось лежать теперь втунѣ, навсегда! Точно пепелище послѣ пожара!

Гильда. Но если бы даже и такъ...

Сольнесъ. Такъ? Я знаю, что такъ.

Гильда. Не по вашей же винѣ, во всякомъ случаѣ.

Сольнесъ (устремляя на нее взглядъ и медленно кивая головой).

Да, вотъ въ этомъ-то весь и вопросъ. Страшный вопросъ. Вотъ сомнѣніе, которое грызетъ меня... и день и ночь.

Гильда. Сомнѣніе?

Сольнесъ. Да. Положимъ теперь... что *я* всему виною. То-есть въ извѣстномъ смыслѣ.

Гильда. Вы! Виною пожара!

Сольнесъ. Всего, всего, какъ есть. И въ то же время, можетъ-быть... все-таки не виноватъ ни въ чемъ.

Гильда (озабоченно смотритъ на него). Ну, строитель... если вы договариваетесь до такихъ вещей, то, значитъ... вы и вправду больны.

Сольнесъ. Гм... въ этомъ смыслѣ мнѣ, пожалуй, никогда и не выздоровѣть.

(Рагнаръ тихонько пріотворяетъ маленькую дверь; Гильда переходитъ на середину комнаты).

Рагнаръ (увидавъ Гильду). Ахъ... Извините, господинъ Сольнесъ... (Хочетъ уйти).

Сольнесъ. Нѣтъ, нѣтъ; останьтесь. Покончимъ сразу.

Рагнаръ. Ахъ, если бы!..

Сольнесъ. Вашему отцу не лучше, я слышалъ?

Рагнаръ. Отцу все хуже и хуже. Потому я и прошу васъ... умоляю... напишите пару добрыхъ словъ на одномъ изъ этихъ чертежей! Чтобы отецъ могъ прочесть ихъ прежде, чѣмъ...

Сольнесъ (съ горячностью). И не заикайтесь мнѣ больше о вашихъ чертежахъ!

Рагнаръ. Вы просмотрѣли ихъ?

Сольнесъ. Да, просмотрѣлъ.

Рагнаръ. И они никуда не годятся? И я, вѣрно, тоже?

Сольнесъ (уклончиво). Оставайтесь у меня, Рагнаръ. Устройтесь, какъ сами хотите. Можете жениться на Кайѣ. Зажить безъ заботъ. Можетъ-быть, даже счастливо. Только не думайте строить сами.

Рагнаръ. Да, да,—такъ, значитъ, и придется сказать отцу... Я обѣщалъ ему. *Такъ* и сказать ему, передъ смертью?

Сольнесъ (со стономъ). О-о! Скажите ему... скажите ему, что хотите. Самое лучшее—ничего не говорите. (Съ внезапнымъ порывомъ) Не могу, я поступить иначе, Рагнаръ!

Рагнаръ. Такъ вы позволите мнѣ взять чертежи обратно?

Сольнесъ. Берите, берите ихъ! Вонъ они на столѣ.

Рагнаръ (идетъ къ столу). Благодарю.

Гильда (кладетъ руку на папку). Нѣтъ, нѣтъ, оставьте.

Сольнесъ. Зачѣмъ?

Гильда. Я тоже хочу просмотрѣть ихъ.

Сольнесъ. Да вѣдь вы уже... (Рагнару) Ну, пусть они полежатъ здѣсь.

Рагнаръ. Извольте.

Сольнесъ. И ступайте сейчасъ же домой, къ отцу.

Рагнаръ. Придется, видно...

Сольнесъ (почти съ отчаяніемъ). Рагнаръ... не требуйте отъ меня невозможнаго! Слышите! Не требуйте!

Рагнаръ. Нѣтъ, нѣтъ. Извините... (Кланяется и уходитъ въ маленькую дверь).

Гильда (идетъ и садится на стулъ у зеркала, сердито глядя на Сольнеса). Это ужасно гадко съ вашей стороны.

Сольнесъ. И вамъ такъ кажется?

Гильда. Да, безобразно гадко! И безсердечно, и зло, и жестоко!

Сольнесъ. Ахъ, вы не понимаете моего положенія.

Гильда. Все-таки... не вамъ быть такимъ.

Сольнесъ. Вы сами же недавно сказали, что только я одинъ долженъ бы строить.

Гильда. Такъ могу говорить я, а не вы.

Сольнесъ. Я тѣмъ болѣе. Я вѣдь недешево купилъ свое мѣсто.

Гильда. Ну да. Цѣной какого-то уютнаго семейнаго очага, какъ вы это называете... и тому подобнаго.

Сольнесъ. И моимъ душевнымъ спокойствіемъ вдобавокъ.

Гильда (встаетъ). Душевнымъ спокойствіемъ! (Съ чувствомъ) Да, тутъ вы правы! Бѣдный... вы вѣдь воображаете, что...

Сольнесъ (съ тихимъ клокочущимъ смѣшкомъ). Присядьте-ка опять, Гильда, да послушайте, — забавно будетъ.

Гильда (садится; напряженно). Ну?

Сольнесъ. Послушать, такъ даже смѣшно станетъ. Вѣдь все дѣло — въ маленькой трещинкѣ въ дымовомъ ходѣ.

Гильда. Только и всего?

Сольнесъ. Да, сначала. (Придвигаетъ стулъ ближе къ Гильдѣ и садится).

Гильда (нетерпѣливо, хлопая рукой по колѣнямъ). Такъ трещина въ дымовой трубѣ, значитъ!

Сольнесъ. Я замѣтилъ эту трещину еще задолго до пожара. Каждый разъ, какъ мнѣ случалось бывать на чердакѣ, я смотрѣлъ, тутъ ли она.

Гильда. И она была тутъ?

Сольнесъ. Да. Никто кромѣ меня не зналъ о ней.

Гильда. И вы никому ничего не говорили?

Сольнесъ. Нѣтъ; не говорилъ.

Гильда. И не подумали велѣть задѣлать ее?

Сольнесъ. Думать-то думалъ... Но дальше этого не шелъ.

Каждый разъ, какъ я хотѣлъ заняться этимъ, — словно кто останавливалъ меня. Ну, не сегодня, думалось мнѣ, — завтра. Такъ до дѣла и не доходило.

Гильда. Да зачѣмъ же вы такъ мѣшкали?

Сольнесъ. Затѣмъ, что я все раздумывалъ. (Медленно и понизивъ голосъ) Благодаря этой маленькой черной трещинкѣ я... пожалуй, могъ бы выдвинуться... какъ строитель.

Гильда (глядя передъ собой). Да... тутъ было нѣчто такое захватывающее.

Сольнесъ. До-нельзя захватывающее, совсѣмъ непреодолимое. Вѣдь ничего, казалось мнѣ, не могло быть проще и легче. Мнѣ хотѣлось, чтобы оно случилось этакъ... въ зимнее время. Незадолго до обѣда. Мы съ Алиной уѣхали бы прокатиться въ саняхъ. Прислуга вся дома и... жарко натопила бы печки...

Гильда. День, значитъ, предполагался очень холодный?

Сольнесъ. Да, этакъ... морозный. И они пожелали бы угодить Алинѣ... чтобы ей было потеплѣе, когда она вернется съ холода.

Гильда. Она, вѣрно, очень зябкая?

Сольнесъ. Именно. На возвратномъ же пути мы замѣтили бы дымъ.

Гильда. Только дымъ?

Сольнесъ. Сначала дымъ. Но когда мы подъѣхали бы къ садовой калиткѣ, старый домина пылалъ бы со всѣхъ сторонъ. Такъ вотъ какъ мнѣ хотѣлось.

Гильда. И почему бы этому не случиться именно такъ!

Сольнесъ. Да вотъ то-то и есть, Гильда.

Гильда. Но послушайте. Вы вполнѣ убѣждены, что пожаръ произошелъ именно отъ этой маленькой трещинки въ дымовой трубѣ?

Сольнесъ. Напротивъ. Я вполнѣ увѣренъ, что... этакъ въ прямомъ смыслѣ, трещина была тутъ не при чемъ.

Гильда. Что такое?!

Сольнесъ. Какъ выяснилось потомъ, пожаръ начался въ гардеробной, совсѣмъ въ противоположномъ концѣ дома.

Гильда. Такъ что же вы сидите и городите тутъ про трещину въ дымовой трубѣ?

Сольнесъ. Позвольте мнѣ еще поговорить съ вами, Гильда?

Гильда. Только, если вы намѣрены говорить разумно. А не то...

Сольнесъ. Попробую. (Придвигаетъ свой стулъ ближе).

Гильда. Говорите прямо.

Сольнесъ. Не думаете ли и вы, Гильда, что есть на свѣтѣ такія исключительныя, избранныя натуры, которымъ дарована

власть и способность желать, хотѣть чего-нибудь такъ упорно, такъ непреклонно, что оно дается имъ наконецъ. Какъ вы думаете?

Гильда (съ неопредѣленнымъ выраженіемъ во взглядѣ). Если это такъ, то мы когда-нибудь увидимъ... принадлежу ли я къ числу избранныхъ.

Сольнесъ. Великія дѣла не бываютъ дѣломъ рукъ какого-нибудь одного человѣка. Нѣтъ, ни въ одномъ такомъ дѣлѣ не обойтись безъ помощниковъ и слугъ. Но они никогда не являются сами собой. Ихъ надо умѣть вызывать... долго, упорно... этакъ внутренно, вы понимаете.

Гильда. Что же это за помощники и слуги?

Сольнесъ. Ну, о нихъ мы поговоримъ въ другой разъ. Теперь займемся пока пожаромъ.

Гильда. А вы не думаете, что пожаръ все равно случился бы, желали вы его или нѣтъ?

Сольнесъ. Принадлежи домъ старику Бровику, никогда бы онъ не сгорѣлъ такъ кстати. Въ этомъ я увѣренъ. Бровикъ не умѣетъ вызывать помощниковъ и слугъ. (Встаетъ; нервно) Такъ вотъ, Гильда... значитъ, это все-таки моя вина, что малюткамъ пришлось поплатиться жизнью. И не моя ли тоже вина, что Алинѣ не удалось сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она должна была и могла... въ чемъ видѣла истинное свое призваніе?

Гильда. Да, но если тутъ замѣшались эти помощники и слуги, то..?

Сольнесъ. А кто вызывалъ ихъ? Я! И они пришли и подчинились моей волѣ. (Съ возрастающимъ возбужденіемъ) Такъ вотъ что добрые люди зовутъ счастьемъ. Но я скажу вамъ, какъ даетъ себя знать это счастье. Какъ большая обнаженная рана вотъ тутъ, на груди. А эти помощники и слуги сдираютъ кусочки кожи съ другихъ людей, чтобы заживить мою рану. Но ея не заживить. Никогда... никогда! Ахъ, если бы вы знали, какъ она иногда горитъ и ноетъ!

Гильда (внимательно смотритъ на него). Вы больны, строитель. Пожалуй, даже очень больны.

Сольнесъ. Скажите — ума лишился! Вѣдь вы такъ думаете.

Гильда. Нѣтъ, я не думаю, чтобы вамъ не хватало ума.

Сольнесъ. Такъ чего же? Говорите!

Гильда. Да вотъ, не родились ли вы на свѣтъ съ хилой совѣстью?

Сольнесъ. Съ хилой совѣстью? Это еще что за чертовщина?

Гильда. Я хочу сказать, что ваша совѣсть черезчуръ ужъ немощна... этакъ черезчуръ нѣжна. Неспособна выдержать схватку. Неспособна взвалить на себя что-нибудь потяжелѣе.

Сольнесъ (бормочетъ). Гм! Какою же ей быть, по-вашему?

Гильда. Вамъ, по-моему, лучше бы имѣть этакъ здоровую, дюжую совѣсть.

Сольнесъ. Что? Дюжую? Такъ! А у васъ развѣ дюжая совѣсть?

Гильда. Думаю. Насколько я успѣла замѣтить.

Сольнесъ. Полагаю, что ей еще не доводилось подвергаться настоящему испытанію.

Гильда (съ вздрагивающими уголками рта). О, не такъ-то просто было уѣхать отъ отца, котораго я ужасно люблю.

Сольнесъ. Э, что тутъ! Этакъ на мѣсяцъ, на два...

Гильда. Я, вѣроятно, никогда не вернусь къ нему больше:

Сольнесъ. Никогда? Да почему же вы уѣхали отъ него?

Гильда (полусерьезно, полудразня). Вы ужъ опять забыли, что десять лѣтъ прошли?

Сольнесъ. Э, вздоръ! Что-нибудь неладно было у васъ дома? А?

Гильда (совершенно серьезно). Какая-то внутренняя сила неотступно звала меня, толкала... манила и влекла сюда.

Сольнесъ (горячо). Вотъ оно! Вотъ оно что, Гильда! Въ васъ тоже сидитъ тролль. Какъ и во мнѣ. Вотъ этотъ-то тролль внутри насъ... и вызываетъ на подмогу внѣшнія силы. И человѣку приходится сдаваться... волей-неволей.

Гильда. Пожалуй, вы правы, строитель.

Сольнесъ (ходитъ по комнатѣ). А сколько вокругъ насъ этихъ бѣсовъ, Гильда!

Гильда. И бѣсовъ еще?

Сольнесъ (останавливаясь). Злыхъ бѣсовъ и добрыхъ. Бѣлокурыхъ и черныхъ. Знать бы только всегда, какой это — свѣтлый или черный — наложилъ на тебя руку! (Опять принимается ходить по комнатѣ) Хо-хо! Тогда бы все ничего!

Гильда (слѣдя за нимъ глазами). Или бы имѣть настоящую, свѣжую, пышущую здоровьемъ совѣсть, чтобы смѣло идти къ желанной цѣли!

Сольнесъ (останавливаясь у зеркала). Ну, въ этомъ отношеніи и большинство людей, пожалуй, такъ же немощны, какъ я.

Гильда. Очень можетъ быть.

Сольнесъ (облокотясь на подзеркальный столъ). Въ древнихъ сагахъ... Вы читали какія-нибудь изъ этихъ сагъ?

Гильда. Конечно! Въ тѣ времена, когда я еще читала книги...

Сольнесъ. Въ сагахъ говорится о викингахъ, которые отплывали на корабляхъ въ чужія страны, грабили, жгли, убивали людей...

Гильда. И похищали женщинъ...

Сольнесъ. ...Оставляли ихъ у себя...

Гильда. ...Увозили съ собой на корабляхъ...

Сольнесъ. ...И поступали съ ними, какъ... какъ злѣйшіе тролли...

Гильда (смотритъ передъ собою полузатуманеннымъ взоромъ). Да, въ этомъ есть... нѣчто такое... захватывающее!..

Сольнесъ (съ тихимъ отрывистымъ смѣхомъ). Въ томъ, чтобы похищать женщинъ? Да?

Гильда. Быть похищенной!

Сольнесъ (смотритъ на нее съ минуту). Вотъ какъ.

Гильда (какъ бы прерывая). Такъ къ чему же вамъ понадобились эти викинги?

Сольнесъ. Да вотъ — у этихъ молодцовъ была дюжая совѣсть. Пріѣзжали домой — пили, ѣли и веселились, какъ малые ребята. А женщины! Онѣ зачастую и не желали вовсе разставаться съ ними. Вамъ это понятно, Гильда?

Гильда. Женщины эти мнѣ вполнѣ понятны.

Сольнесъ. Ого! Можетъ-быть, вы и сами могли бы поступить такъ же?

Гильда. Почему же нѣтъ?

Сольнесъ. Жить... по доброй волѣ... съ этакимъ насильникомъ?

Гильда. Если бы я крѣпко полюбила такого насильника, то...

Сольнесъ. А вы могли бы полюбить такого?

Гильда. Да вѣдь никто же не воленъ въ своихъ чувствахъ... Полюбишь, вотъ и все.

Сольнесъ (задумчиво смотритъ на нее). Да, да... тутъ, пожалуй, опять въ насъ тролль распоряжается.

Гильда (полушутя). Вмѣстѣ со всѣми вашими милыми бѣсами. Бѣлокурыми и черными.

Сольнесъ (мягко и тихо). Отъ души желаю, чтобы бѣсы эти постарались выбрать за васъ получше, Гильда.

Гильда. За меня они уже выбрали. Разъ навсегда.

Сольнесъ (смотритъ на нее съ глубокимъ чувствомъ). Гильда... вы похожи на дикую лѣсную птицу.

Гильда. Ничуть. Я не прячусь въ кусты.

Сольнесъ. Нѣтъ, нѣтъ, — скорѣе, пожалуй, на хищную птицу.

Гильда. Да, это скорѣе, пожалуй. (Съ горячностью) А почему бы и не такъ! Почему бы и мнѣ тоже не намѣтить себѣ... и не схватить желанной добычи, разъ я могу этакъ вцѣпиться въ нее когтями... и одолѣть.

Сольнесъ. Гильда... знаете ли вы, что вы такое?

Гильда. Да нѣчто въ родѣ этакой странной птицы.

Сольнесъ. Нѣтъ. Вы точно заря новаго дня. Глядя на васъ, я словно вижу восходъ солнца.

Гильда. Скажите мнѣ... увѣрены ли вы, что никогда не звали меня? Этакъ — внутренно?

Сольнесъ (тихо, медленно). Я готовъ думать, что звалъ.

Гильда. Зачѣмъ?

Сольнесъ. Вы — юность, Гильда.

Гильда (улыбаясь). Юность, которой вы такъ боитесь?

Сольнесъ (медленно киваетъ головой). И которая, въ сущности, такъ влечетъ меня къ себѣ.

Гильда (встаетъ, подходитъ къ столику, беретъ папку Рагнара и протягиваетъ ее Сольнесу). Такъ вотъ теперь насчетъ этихъ чертежей...

Сольнесъ. Уберите эти штуки! Я уже довольно насмотрѣлся на нихъ.

Гильда. Да вѣдь надо же вамъ кое-что написать тутъ.

Сольнесъ. Написать!.. Никогда въ жизни!

Гильда. Подумайте, бѣдный старикъ лежитъ при смерти. Что вамъ стоитъ доставить ему съ сыномъ эту радость передъ вѣчной разлукой? Вамъ стоитъ только написать на чертежахъ пару словъ — и ему, можетъ-быть, дадутъ строить по нимъ.

Сольнесъ. Еще бы! Онъ даже, навѣрно, успѣлъ заручиться заказомъ... этотъ молодчикъ!

Гильда. Такъ чего же лучше! Разъ это такъ — вамъ не грѣхъ было бы даже солгать немножко.

Сольнесъ. Солгать? (Выходя изъ себя) Гильда... отстаньте вы отъ меня съ этими проклятыми чертежами!

Гильда (слегка придвигая къ себѣ папку). Ну, ну, ну, — только не укусите меня, пожалуйста!.. Вы вотъ все говорите о троллях. А по-моему, вы сами ведете себя, какъ настоящій тролль. (Оглядывается вокругъ) Гдѣ у васъ тутъ перо и чернила?

Сольнесъ. Ничего такого здѣсь нѣтъ.

Гильда (идетъ къ дверямъ налѣво). Но тамъ, у той барышни, есть же?

Сольнесъ. Не уходите, Гильда! Такъ, по-вашему, мнѣ слѣдуетъ солгать. Что-жъ, ради старика я бы, конечно, могъ. Я вѣдь когда-то сломилъ его... свалилъ...

Гильда. И его тоже?

Сольнесъ. Мнѣ самому не хватало мѣста. Но этому Рагнару... ему ни за что нельзя дать хода!

Гильда. Бѣдняга! Куда ужъ ему! Если у него нѣтъ никакихъ способностей, то...

Сольнесъ (подходитъ къ ней, смотритъ на нее и шепчетъ). Если

Рагнару Бровику дать ходъ — онъ свалитъ меня. Сломитъ!.. Какъ я сломилъ его отца!

Гильда. Сломитъ васъ! Такъ у него есть талантъ?

Сольнесъ. И еще какой! Онъ — та юность, которая готова постучаться ко мнѣ и покончить со строителемъ Сольнесомъ!

Гильда (укоризненно смотритъ на него). И вы хотѣли загородить ему путь! Стыдно вамъ!

Сольнесъ. Я долго боролся... и много крови испортила мнѣ эта борьба. Къ тому же я боюсь, что помощники и слуги не станутъ больше повиноваться мнѣ.

Гильда. Такъ, значитъ, вамъ пришла пора дѣйствовать на свой страхъ. Другого ничего не остается.

Сольнесъ. Напрасно, Гильда. Переворотъ надвигается. Немного раньше, немного позже... Возмездіе неумолимо.

Гильда (въ ужасѣ затыкаетъ уши). Да не говорите же такихъ вещей! Вы меня уморить хотите! Отнять у меня то, что̀ мнѣ дороже жизни!

Сольнесъ. Что̀ же это?..

Гильда. Радость видѣть васъ великимъ. Съ вѣнкомъ въ рукахъ. Высоко-высоко на башнѣ. (Снова спокойно) Ну, берите же карандашъ. Карандашъ-то, вѣрно, есть при васъ.

Сольнесъ (вынимаетъ свой бумажникъ). Вотъ.

Гильда (кладетъ папку на столъ передъ диваномъ). Хорошо. Теперь сядемте здѣсь.

(Сольнесъ садится къ столу).

Гильда (облокачивается на спинку его стула). И напишемъ на чертежахъ... что-нибудь такое — хорошее, сердечное... этому гадкому Роару... или какъ тамъ его.

Сольнесъ (пишетъ нѣсколько строкъ, затѣмъ поворачиваетъ голову и смотритъ на Гильду). Скажите мнѣ одно, Гильда.

Гильда. Что̀?

Сольнесъ. Если вы такимъ образомъ поджидали меня всѣ эти десять лѣтъ...

Гильда. Дальше.

Сольнесъ. Почему вы не написали мнѣ? Я бы могъ отвѣтить вамъ.

Гильда (быстро). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Именно этого мнѣ и не хотѣлось.

Сольнесъ. Почему же?

Гильда. Я боялась, что тогда все разлетится, какъ дымъ. Но вѣдь намъ надо написать, строитель.

Сольнесъ. Да, да.

Гильда (наклоняется впередъ и смотритъ, какъ онъ пишетъ). Вотъ,

вотъ, такъ хорошо, сердечно... Ахъ, какъ я ненавижу... какъ я ненавижу этого Роальда!..

Сольнесъ (продолжая писать). Вы никогда не любили никого этакъ... по-настоящему, Гильда?

Гильда (сурово). Что такое?

Сольнесъ. Вы никогда никого не любили?

Гильда. То-есть никого другого, хотите вы, вѣрно, сказать.

Сольнесъ (смотритъ на нее). Никого другого, да... Такъ не любили? За эти десять лѣтъ? Никого?

Гильда. Нѣтъ, какъ же, случалось. Когда я, бывало, ужъ очень разозлюсь на васъ за то, что вы не являетесь.

Сольнесъ. Тогда вы заинтересовывались и другими?

Гильда. Немножко. Такъ, на недѣлю, другую! Господи!.. Вѣдь вы же сами знаете, какъ это бываетъ!

Сольнесъ. Гильда... зачѣмъ вы явились сюда?

Гильда. Не тратьте же времени, по-пустому. Бѣдный старикъ успѣетъ умереть тѣмъ временемъ.

Сольнесъ. Отвѣтьте мнѣ, Гильда. Чего вы хотите отъ меня?

Гильда. Я хочу получить мое королевство.

Сольнесъ. Гм... (Бѣгло взглядываетъ на дверь налѣво и продолжаетъ писать).

(Изъ дверей налѣво входитъ фру Сольнесъ: въ рукахъ у нея нѣсколько пакетовъ).

Фру Сольчесъ. Вотъ я взяла для васъ кое-что, фрёкенъ Вангель. Крупныя вещи пришлютъ послѣ.

Гильда. Ахъ, какъ это все-таки мило съ вашей стороны!

Фру Сольнесъ. Простой долгъ, больше ничего.

Сольнесъ (прочитываетъ написанное). Алина!

Фру Сольнесъ. Что?

Сольнесъ. Ты не видѣла... бухгалтерша тамъ еще?

Фру Сольнесъ. Конечно, тамъ.

Сольнесъ (укладываетъ чертежи въ папку). Гм...

Фру Сольнесъ. Она стояла за конторкой, какъ и всегда, когда я прохожу черезъ комнату.

Сольнесъ (встаетъ). Такъ я отдамъ ей это. И скажу, что...

Гильда (беретъ у него папку). Ахъ, нѣтъ, предоставьте это удовольствіе мнѣ! (Идетъ къ дверямъ, но останавливается) Какъ ее зовутъ?

Сольнесъ. Фрёкенъ Фосли.

Гильда. Фу, это такъ церемонно. Какъ звать ее по имени?

Сольнесъ. Кайя... кажется.

Гильда (отворяетъ дверь и зоветъ). Кайя! Подите сюда! Скорѣе! Строитель Сольнесъ желаетъ поговорить съ вами.

Кайя (входитъ, робко глядя на Сольнеса). Что угодно?..

Гильда (протягивая ей папку). Вотъ, Кайя! Вы можете взять чертежи. Теперь строитель Сольнесъ далъ отзывъ.

Кайя. О, наконецъ-то!..

Сольнесъ. Отдайте это поскорѣе старику.

Кайя. Я сейчасъ же побѣгу домой.

Сольнесъ. Да, да. Теперь вѣдь Рагнаръ можетъ начинать строить.

Кайя. Ахъ, позвольте ему придти поблагодарить васъ за все...

Сольнесъ (рѣзко). Не нужно мнѣ никакой благодарности. Такъ и скажите ему.

Кайя. Хорошо...

Сольнесъ. Да скажите кстати, что онъ не нуженъ мнѣ больше. И вы тоже.

Кайя (тихо, вся дрожа). И я тоже!..

Сольнесъ. Теперь у васъ найдется чѣмъ другимъ заняться. Ну, чего же лучше! Такъ вотъ и отправляйтесь теперь домой съ чертежами, фрёкенъ Фосли. Скорѣе! Слышите!

Кайя (попрежнему). Да, господинъ Сольнесъ. (Уходитъ).

Фру Сольнесъ. Ахъ, какіе у нея прехитрые глаза!

Сольнесъ. У нея?! У этой бѣдной овечки!

Фру Сольнесъ. Нѣтъ, ужъ я-то хорошо вижу, Гальвардъ. Такъ ты въ самомъ дѣлѣ отказываешь имъ?

Сольнесъ. Да.

Фру Сольнесъ. И ей тоже?

Сольнесъ. Развѣ тебѣ не хотѣлось этого больше всего на свѣтѣ?

Фру Сольнесъ. Но какъ же ты обойдешься безъ нея? Ахъ, да, у тебя, вѣрно, есть кто-нибудь въ запасѣ, Гальвардъ.

Гильда (весело). Я-то ужъ во всякомъ случаѣ не гожусь стоять за конторкой.

Сольнесъ. Ну, ну, ну... все устроится, Алина. Теперь тебѣ надо думать только о томъ, какъ бы поскорѣе перебраться въ новый домъ. Сегодня вечеромъ надѣнемъ вѣнокъ. (Оборачиваясь къ Гильдѣ) На самый верхъ, на башенный шпицъ. Что вы скажете на это, фрёкенъ Вангель?

Гильда (смотритъ на него сверкающими глазами). Это будетъ чудесно, восхитительно увидать васъ опять на такой высотѣ!..

Сольнесъ. Меня!

Фру Сольнесъ. Господи! Чего вы ни придумаете, фрёкенъ Вангель! Мой мужъ! Да у него сейчасъ голова закружится!..

Гильда. Закружится! Вотъ ужъ нѣтъ!

Фру Сольнесъ. Я же вамъ говорю.

Гильда. Но я сама разъ видѣла его на высочайшей церковной башнѣ!

Фру Сольнесъ. Да. и я слышала что-то такое. Но это же совсѣмъ невозможно...

Сольнесъ (запальчиво). Невозможно... невозможно — да. А я все-таки стоялъ тамъ — на самой вершинѣ!

Фру Сольнесъ. Нѣтъ, какъ же можно такъ говорить, Гальвардъ? Ты не въ состояніи даже выйти сюда на балконъ, во второмъ этажѣ. И всегда ты былъ такимъ.

Сольнесъ. Сегодня вечеромъ увидишь, можетъ-быть, совсѣмъ другое.

Фру Сольнесъ (испуганно). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Сохрани меня Богъ увидѣть это! Я сейчасъ же напишу доктору. Онъ сумѣетъ отговорить тебя.

Сольнесъ. Алина!..

Фру Сольнесъ. Да еще бы! Ты вѣдь просто боленъ, Гальвардъ. Иначе и быть не можетъ! О, Господи, Господи! (Быстро уходитъ направо).

Гильда (напряженно смотритъ на него). Такъ это или нѣтъ?

Сольнесъ. Что? Что у меня кружится голова?

Гильда. Что мой строитель не смѣетъ... не можетъ подняться на ту высоту, которую самъ же воздвигъ.

Сольнесъ. Такъ вотъ какъ вы смотрите на дѣло?

Гильда. Да.

Сольнесъ. Скоро, пожалуй, не останется въ моей душѣ ни единаго уголка, гдѣ бы я могъ укрыться отъ васъ.

Гильда (глядя въ окно). Итакъ, туда, наверхъ, на самый верхъ...

Сольнесъ (подходитъ ближе). На самомъ верху, въ башнѣ есть комнатка. Тамъ вы могли бы поселиться, Гильда, и жить, какъ принцесса.

Гильда (не то серьезно, не то въ шутку). Да вы вѣдь и обѣщали мнѣ...

Сольнесъ. Обѣщалъ ли, въ сущности?

Гильда. Стыдно, строитель! Вы обѣщали мнѣ, что я буду принцессой. И получу отъ васъ королевство. А потомъ взяли да и... Ну!

Сольнесъ (мягко). Вы вполнѣ увѣрены, что это не былъ... этакъ... сонъ, мечта, которая засѣла въ васъ?

Гильда (рѣзко). Такъ вы, пожалуй, ничего такого не дѣлали?

Сольнесъ. И самъ не знаю, право... (Тише) Одно я знаю теперь навѣрное...

Гильда. Что? Говорите сейчасъ!

Сольнесъ. ...Что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать это.

Гильда (съ увлеченіемъ). И чтобы у васъ — да закружилась голова!.. Никогда въ жизни!

Сольнесъ. Итакъ, сегодня вечеромъ мы надѣнемъ вѣнокъ, принцесса Гильда!

Гильда (съ горечью). На вашъ новый семейный очагъ — да.

Сольнесъ. На новый домъ, который никогда не станетъ очагомъ для меня. (Уходитъ въ маленькую дверь).

Гильда (одна; смотритъ передъ собой затуманеннымъ взоромъ и что-то шепчетъ про себя: слышно только) ...духъ захватываетъ...

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая широкая веранда; съ лѣвой стороны — часть стѣны дома съ выходной стеклянной дверью на веранду, огороженную съ правой стороны перилами; подальше лѣстница, ведущая внизъ въ садъ. Большія старыя деревья простираютъ свои вѣтви надъ верандой и домомъ. Направо отъ веранды, въ нѣкоторомъ отдаленіи, виднѣется между деревьями нижній этажъ новой виллы и лѣса, окружающіе ея башенную часть. На заднемъ планѣ старая изгородь, отдѣляющая садъ отъ улицы, застроенной низкими убогими домиками. На верандѣ вдоль стѣны дома садовая скамейка, а передъ ней продолговатый столъ. По другую сторону стола кресло и нѣсколько табуретовъ. Вся мебель плетеная, соломенная.

Вечеръ: облака озарены заходящимъ солнцемъ.

Фру Сольнесъ, закутанная въ большую бѣлую шаль, сидитъ, откинувшись въ креслѣ, и пристально смотритъ направо.

Немного погодя изъ сада на веранду подымается Гильда; она въ томъ же платьѣ и въ шапочкѣ. На груди приколотъ букетъ простыхъ мелкихъ цвѣтовъ.

Фру Сольнесъ (слегка поворачивая голову). Прогулялись по саду, фрёкенъ Вангель?

Гильда. Да, обошла кругомъ.

Фру Сольнесъ. И цвѣтовъ нарвали, я вижу.

Гильда. Да. Ихъ еще порядочно. Особенно въ кустахъ.

Фру Сольнесъ. Въ самомъ дѣлѣ? Я вѣдь почти никогда не хожу туда.

Гильда (подходя ближе). Какъ такъ! Развѣ вы не выбѣгаете въ садъ каждый день?

Фру Сольнесъ (съ слабой улыбкой). Куда ужъ мнѣ «бѣгать» теперь.

Гильда. Нѣтъ, правда, — неужели же вы не спускаетесь иногда въ садъ полюбоваться всей этой прелестью?

Фру Сольнесъ. Все здѣсь стало для меня такимъ чужимъ. Мнѣ какъ-то страшно даже взглянуть на все это.

Гильда. На вашъ собственный садъ!

Фру Сольнесъ. Я не смотрю на него больше, какъ на свой собственный.

Гильда. Ну, что вы говорите!..

Фру Сольнесъ. Это больше не мой садъ. Развѣ такимъ онъ былъ при отцѣ съ матерью? Что отъ него осталось теперь? Подумайте, его разбили на участки; понастроили тутъ домовъ для чужихъ людей. Я ихъ не знаю... а они могутъ сидѣть и смотрѣть на меня изъ оконъ.

Гильда (съ свѣтлымъ выраженіемъ во взглядѣ). Фру Сольнесъ...

Фру Сольнесъ. Что?

Гильда. Можно мнѣ немножко посидѣть съ вами?

Фру Сольнесъ. Конечно, если только хотите.

Гильда (придвигаетъ одинъ изъ табуретовъ поближе къ креслу и садится). Ахъ... вотъ гдѣ славно посидѣть, погрѣться на солнышкѣ, какъ кошкѣ!

Фру Сольнесъ (слегка прикасаясь рукой къ затылку Гильды). Это очень мило съ вашей стороны, что вы вздумали посидѣть со мной. Я думала, вы пройдете туда, къ мужу.

Гильда. А что мнѣ дѣлать тамъ?

Фру Сольнесъ. Помочь ему, можетъ-быть.

Гильда. Нѣтъ, спасибо. Къ тому же его нѣтъ тамъ. Онъ ушелъ къ рабочимъ... и смотрѣлъ такъ свирѣпо, что я побоялась и заговорить съ нимъ.

Фру Сольнесъ. А въ душѣ онъ, въ сущности, такой кроткій и мягкій.

Гильда. Онъ!

Фру Сольнесъ. Вы еще не знаете его хорошенько, фрёкенъ Вангель.

Гильда (смотритъ на нее съ участіемъ). А вы рады, что переѣзжаете въ новый домъ?

Фру Сольнесъ. Слѣдовало бы, конечно. Вѣдь Гальварду такъ хочется...

Гильда. Не только поэтому, мнѣ кажется.

Фру Сольнесъ. Да, да, фрёкенъ Вангель. Мой долгъ покоряться мужу. Но иногда трудненько бываетъ заставить себя покоряться.

Гильда. Да, я думаю.

Фру Сольнесъ. Ужъ повѣрьте мнѣ. У кого столько недостатковъ, какъ у меня...

Гильда. У кого было столько испытаній въ жизни, какъ у васъ!..

Фру Сольнесъ. Откуда вы знаете?

Гильда. Вашъ мужъ говорилъ мнѣ.

Фру Сольнесъ. Со мной онъ мало говоритъ объ этихъ вещахъ... Да, повѣрьте, мнѣ таки-немало пришлось испытать въ жизни, фрёкенъ Вангель!

Гильда (смотритъ на нее съ участіемъ и медленно киваетъ головой). Бѣдная вы! Сначала у васъ сгорѣлъ домъ...

Фру Сольнесъ (со вздохомъ). Все мое сгорѣло.

Гильда. А потомъ еще того хуже...

Фру Сольнесъ (вопросительно смотритъ на нее). Хуже?

Гильда. Хуже всего.

Фру Сольнесъ. Что вы хотите сказать?

Гильда (тихо). Да вы же потеряли обоихъ мальчиковъ.

Фру Сольнесъ. Ахъ, да—это. Вотъ видите ли, это дѣло совсѣмъ особаго рода. Такъ было ужъ предназначено свыше. И передъ этимъ надо преклоняться... И еще благодарить.

Гильда. Вы такъ и дѣлаете?

Фру Сольнесъ. Не всегда, къ сожалѣнію. Хоть я и знаю, что это мой долгъ, а все-таки не могу.

Гильда. Еще бы, это вполнѣ понятно, по-моему.

Фру Сольнесъ. И мнѣ часто приходится повторять себѣ, что я заслужила это наказаніе...

Гильда. Чѣмъ?

Фру Сольнесъ. Была малодушна въ несчастьѣ.

Гильда. Но я не понимаю...

Фру Сольнесъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, фрёкенъ Вангель... не говорите мнѣ больше о малюткахъ. За нихъ надо только радоваться. Имъ вѣдь такъ хорошо... такъ хорошо теперь. Нѣтъ, вотъ мелкія потери... тѣ надрываютъ сердце... Мелочи, которыя другимъ кажутся сущими пустяками.

Гильда (кладетъ руки на колѣни фру Сольнесъ и смотритъ на нее съ большимъ участіемъ). Милая фру Сольнесъ... разскажите мнѣ, что это такое?

Фру Сольнесъ. То, что я говорю. Просто мелочи. Вотъ сгорѣли, напримѣръ, всѣ старые фамильные портреты... всѣ старыя шелковыя платья, которыя хранились въ семействѣ испоконъ вѣковъ... Всѣ материны и бабушкины кружева... И подумайте, всѣ драгоцѣнности! (Глухо) И всѣ куклы.

Гильда. Куклы?

Фру Сольнесъ (глотая слезы). У меня было девять чудныхъ куколъ.

Гильда. И онѣ тоже сгорѣли?

Фру Сольнесъ. Всѣ до единой. Ахъ, мнѣ это было такъ больно... такъ больно.

Гильда. Неужели вы прятали всѣ свои куклы... которыми играли въ дѣтствѣ?

Фру Сольнесъ. Не прятала, а просто продолжала себѣ жить вмѣстѣ съ ними, какъ жила.

Гильда. И послѣ того, какъ стали большой?

Фру Сольнесъ. Даже совсѣмъ взрослой.

Гильда. И послѣ того, какъ вышли замужъ?

Фру Сольнесъ. Ну да. Только потихоньку отъ мужа. Но вотъ онѣ сгорѣли, бѣдняжки. Ихъ никто не подумалъ спасти. Ахъ, горько и вспомнить! Вы не смѣйтесь надо мной, фрёкенъ Вангель.

Гильда. Я и не думаю смѣяться.

Фру Сольнесъ. Вѣдь эти куклы тоже были живыя по-своему. Я носила ихъ у своего сердца, какъ еще не родившихся дѣтей.

(Изъ дома на веранду выходитъ докторъ Гердаль со шляпой въ рукѣ).

Докторъ. Вотъ такъ! Вы усѣлись тутъ, чтобы простудиться, фру Сольнесъ?

Фру Сольнесъ. Мнѣ кажется, тутъ такъ хорошо, тепло сегодня.

Докторъ. Да, да. Но что у васъ случилось тутъ? Я получилъ отъ васъ записку.

Фру Сольнесъ (встаетъ). Да, мнѣ надо поговорить съ вами.

Докторъ. Хорошо. Не пойти ли намъ въ комнаты? (Гильдѣ) И сегодня въ горномъ мундирѣ, фрёкенъ?

Гильда (встаетъ: весело). Конечно. Въ полномъ парадѣ. Но сегодня не я полѣзу ломать себѣ шею. Мы съ вами смирно останемся внизу и будемъ смотрѣть.

Докторъ. А на что мы будемъ смотрѣть?

Фру Сольнесъ (тихо, испуганно Гильдѣ). Тсс... тсс... ради Бога! Онъ идетъ! Отговорите его отъ этой выдумки! И будемъ друзьями, фрёкенъ Вангель. Развѣ мы не можемъ быть съ вами друзьями?

Гильда (страстно бросается къ ней на шею). Ахъ, если бы могли!

Фру Сольнесъ (тихо освобождается). Ну-ну-ну! Онъ уже идетъ, докторъ. А я еще не говорила съ вами.

Докторъ. Развѣ дѣло идетъ о немъ?

Фру Сольнесъ. Конечно. Пойдемте же скорѣе въ комнаты.

(Докторъ и фру Сольнесъ уходятъ въ комнату. Изъ сада на веранду подымается Сольнесъ. На лицо Гильды набѣгаетъ тѣнь).

Сольнесъ (косится на дверь, которая тихо затворяется изнутри). Вы замѣтили, Гильда, какъ только я вхожу, она уходитъ.

Гильда. Я замѣтила, что, какъ только вы входите, вы заставляете ее уходить.

Сольнесъ. Можетъ статься. Но ужъ тутъ я ничего подѣлать не могу. (Внимательно смотритъ на нее) Вамъ холодно, Гильда? У васъ такой видъ.

Гильда. Я только-что побывала въ могильномъ склепѣ.

Сольнесъ. Что это значитъ?

Гильда. И вся оледенѣла, строитель.

Сольнесъ (медленно). Кажется, я понимаю...

Гильда. Зачѣмъ вы пришли сюда?

Сольнесъ. Я увидѣлъ васъ оттуда.

Гильда. Такъ, вѣрно, увидали и ее.

Сольнесъ. Я зналъ, что она уйдетъ, какъ только я покажусь.

Гильда. А вамъ очень больно, что она... этакъ... избѣгаетъ васъ?

Сольнесъ. Съ одной стороны, становится какъ-то даже легче на душѣ...

Гильда. Если она не на глазахъ у васъ?

Сольнесъ. Да.

Гильда. Если вы не видите, какъ она тоскуетъ о малюткахъ?

Сольнесъ. Да. Больше всего изъ-за этого.

Гильда (начинаетъ бродить по верандѣ, заложивъ руки за спину, затѣмъ останавливается у перилъ и смотритъ въ садъ).

Сольнесъ (послѣ небольшой паузы). Вы долго разговаривали съ ней?

Гильда (смотритъ неподвижно и молчитъ).

Сольнесъ. Долго, я спрашиваю?

Гильда (попрежнему молчитъ).

Сольнесъ. О чемъ она съ вами говорила?

Гильда (продолжаетъ молчать).

Сольнесъ. Бѣдная Алина... Вѣрно, о малюткахъ.

Гильда (нервно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, затѣмъ быстро кивaетънѣсколько разъ головой).

Сольнесъ. Никогда ей не забыть ихъ. Никогда въ жизни. (Подходитъ къ Гильдѣ ближе) Теперь вы опять стоите, какъ статуя. Какъ и вчера вечеромъ.

Гильда (оборачивается и смотритъ на него большими серьезными глазами). Я хочу уѣхать.

Сольнесъ (рѣзко). Уѣхать?

Гильда. Да.

Сольнесъ. Ну, этого вамъ не позволятъ!

Гильда. А что мнѣ теперь дѣлать здѣсь?

Сольнесъ. Только быть здѣсь, Гильда!

Гильда (смѣриваетъ его взглядомъ). Покорно васъ благодарю. Этимъ, вѣрно, дѣло не кончилось бы.

Сольнесъ (невольно). Тѣмъ лучше!

Гильда (горячо). Не могу я причинить зло человѣку, котораго знаю! Не могу взять то, что принадлежитъ ей по праву.

Сольнесъ. Да кто же вамъ велитъ?

Гильда (попрежнему). Будь это кто чужой — да! Тогда совсѣмъ другое дѣло. Чужой человѣкъ, котораго я бы въ глаза

никогда не видала... Но человѣкъ, съ которымъ я близко познакомилась,—ни-ни! Фу!

Сольнесъ. Да вѣдь ни о чемъ такомъ не было и рѣчи!

Гильда. Ахъ, строитель, вы отлично знаете, что изъ этого вышло бы въ концѣ концовъ. Потому я и уѣзжаю.

Сольнесъ. А что будетъ тогда со мной? Для чего мнѣ жить тогда? Послѣ этого?

Гильда (опять съ тѣмъ же неопредѣленнымъ выраженіемъ во взглядѣ). Ну, вы-то обойдетесь. У васъ вѣдь есть обязанности передъ ней. И живите ради нихъ...

Сольнесъ. Поздно уже. Эти силы... эти... эти...

Гильда. ...Бѣсы...

Сольнесъ. Да, бѣсы! И тролль, что сидитъ во мнѣ — они высосали изъ нея всю кровь. (Со смѣхомъ, въ которомъ слышно отчаяніе) Это они ради моего счастья постарались. Да, да! (Глухо) И теперь она... мертва — изъ-за меня. А я живой... скованъ съ мертвой. (Въ дикомъ ужасѣ) Я... я!.. Тогда какъ я жить не могу безъ радости.

Гильда (обходитъ столъ, садится на скамейку, облокачивается на столъ и подпираетъ голову руками: смотритъ на Сольнеса съ минуту). Что вы думаете строить теперь?

Сольнесъ (качаетъ головой). Не думаю, чтобы я вообще могъ что-нибудь строить еще.

Гильда. Какъ? Вы не будете больше строить этакихъ... уютныхъ, свѣтлыхъ домиковъ? Семейныхъ очаговъ?

Сольнесъ. Желалъ бы я знать, будетъ ли впредь нужда въ чемъ подобномъ.

Гильда. Бѣдный строитель! И вы цѣлыхъ десять лѣтъ возились съ этимъ... думали положить всю свою жизнь... только на это!

Сольнесъ. Да, вы въ правѣ говорить такъ, Гильда.

Гильда (съ внезапнымъ порывомъ). Ахъ, право, это такъ нелѣпо все!

Сольнесъ. Что все?

Гильда. Что не смѣешь протянуть руку къ собственному счастью... къ собственной жизни своей! Изъ-за того лишь, что тутъ замѣшался человѣкъ, котораго знаешь!

Сольнесъ. И котораго не имѣешь права столкнуть съ дороги.

Гильда. А дѣйствительно ли не имѣешь права, въ сущности?.. Но съ другой стороны... Ахъ! Лечь бы да проспать все! (Кладетъ руки на столъ, склоняется лѣвымъ виском на руки и закрываетъ глаза).

Сольнесъ (поворачиваетъ къ столу кресло и садится). А у васъ былъ уютный счастливый семейный уголокъ... тамъ у отца?

Гильда (не двигаясь, какъ бы сквозь сонъ). Клѣтка была у меня... и только.

Сольнесъ. И вы больше не хотите туда?

Гильда (попрежнему). Захочетъ ли дикая птица въ клѣтку?

Сольнесъ. Лучше гоняться за добычей по воздуху.

Гильда (попрежнему). Для хищной птицы лучше всего гоняться!..

Сольнесъ (пристально глядя на ея лицо). Да, обладать бы жизненной дерзостью викинговъ...

Гильда (открывая глаза, но не шевелясь; уже обыкновеннымъ своимъ голосомъ). И чѣмъ еще? Чѣмъ еще? Скажите!

Сольнесъ. Дюжей совѣстью.

Гильда (быстро выпрямляется, глаза ея снова сверкаютъ огнемъ, и она оживленно киваетъ нѣсколько разъ головой). Я знаю, что̀ вы приметесь строить теперь.

Сольнесъ. Такъ вы знаете больше меня самого, Гильда!

Гильда. Еще бы, строители вѣдь такъ глупы.

Сольнесъ. Что̀ же я примусь строить теперь?

Гильда (опять киваетъ головой). Замокъ.

Сольнесъ. Какой? Для кого?

Гильда. Для меня, разумѣется.

Сольнесъ. Теперь вы захотѣли замокъ?

Гильда. Не обѣщали ли вы мнѣ королевство, позвольте васъ спросить?

Сольнесъ. Да, вы такъ говорите.

Гильда. Такъ вотъ. Вы обѣщали мнѣ королевство. А въ королевствѣ долженъ же быть замокъ, я думаю!

Сольнесъ (все болѣе и болѣе оживляясь). Да, да, само собой разумѣется!

Гильда. Хорошо; такъ вотъ и выстройте мнѣ его! Живо!

Сольнесъ (смѣясь). Сію минуту?

Гильда. Конечно. Десять лѣтъ вѣдь прошли. И я не хочу больше ждать! Итакъ, подавайте мнѣ мой замокъ, строитель!

Сольнесъ. Не шутка же очутиться у васъ въ долгу, Гильда!

Гильда. Объ этомъ слѣдовало подумать раньше. Теперь поздно. Итакъ... (стучитъ по столу) замокъ на столъ! Мой замокъ! Живо!

Сольнесъ (придвигаясь еще ближе и кладя руки на столъ; серьезно). Какимъ же вы его представляете себѣ, Гильда?

Гильда (глаза ея мало-по-малу точно заволакиваются туманомъ, и она какъ будто смотритъ внутрь себя; медленно). Мой замокъ долженъ находиться высоко-высоко. Страшно высоко. И на полномъ просторѣ. Чтобы можно было видѣть далеко... далеко вокругъ во всѣ стороны.

Сольнесъ. И, вѣрно, съ высокой башней?

Гильда. Съ ужасно высокой. А на самомъ верху башни — балконъ. Тамъ хочу я стоять...

Сольнесъ (невольно хватается за голову). Вотъ охота стоять на такой головокружительной высотѣ...

Гильда. Ну да! Именно тамъ, на этой высотѣ, хочу я стоять и смотрѣть внизъ на тѣхъ... кто строитъ церкви... и дома... семейные очаги для папаши съ мамашей и дѣтокъ. Я и васъ, пожалуй, пущу къ себѣ полюбоваться.

Сольнесъ (глухо). Принцесса... допуститъ къ себѣ строителя?

Гильда. Если строитель захочетъ.

Сольнесъ (тише). Такъ, я думаю, строитель придетъ.

Гильда (кивая головой). Строитель — придетъ.

Сольнесъ. Но больше ужъ ему не дадутъ строить, бѣднягѣ.

Гильда (оживленно). Напротивъ! Мы будемъ строить вмѣстѣ! И построимъ чудеснѣйшее... чудеснѣйшее въ цѣломъ мірѣ.

Сольнесъ (напряженно). Гильда... скажите мнѣ, что же это будетъ?

Гильда (улыбаясь, смотритъ на него и покачиваетъ головой; складываетъ губы трубочкой и говоритъ такимъ голосомъ, какимъ говорятъ обыкновенно малымъ дѣтямъ). Строители страсть какіе глупые-преглупые.

Сольнесъ. Конечно, они глупы, да. Но скажите мнѣ, что такое — чудеснѣйшее въ мірѣ? Что мы будемъ строить съ вами?

Гильда (послѣ короткой паузы, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ глазахъ). Воздушные замки.

Сольнесъ. Воздушные замки?

Гильда (киваетъ головой). Да, воздушные замки! Знаете вы, что такое воздушные замки?

Сольнесъ. Чудеснѣйшее въ мірѣ, — говорите вы.

Гильда (порывисто встаетъ и дѣлаетъ какъ бы отстраняющій жестъ рукой). Да, конечно, такъ! Воздушные замки... въ нихъ такъ удобно укрываться. И строить ихъ такъ легко... (Насмѣшливо смотритъ на него) Чего же лучше для строителей, у которыхъ кружится совѣсть.

Сольнесъ (встаетъ). Отнынѣ мы будемъ строить вмѣстѣ, Гильда.

Гильда (съ полунедовѣрчивой улыбкой). Этакій... настоящій воздушный замокъ?

Сольнесъ. Да, на каменномъ фундаментѣ.

(Изъ дома выходитъ Рагнаръ Бровикъ, въ рукахъ у него большой вѣнокъ изъ зелени и цвѣтовъ съ шелковыми лентами).

Гильда (радостно). Вѣнокъ! Ахъ, это будетъ восхитительно!

Сольнесъ (удивленно). Съ вѣнкомъ? Вы, Рагнаръ?

Рагнаръ. Да, я обѣщалъ десятнику принести его.

Сольнесъ. А-а! Вашему отцу, вѣрно, лучше?

Рагнаръ. Нѣтъ.

Сольнесъ. Его не оживило и то, что̀ я написалъ на чертежахъ?

Рагнаръ. Опоздало оно.

Сольнесъ. Опоздало!

Рагнаръ. Когда она пришла съ чертежами, отецъ лежалъ уже безъ сознанія. Съ нимъ сдѣлался ударъ.

Сольнесъ. Такъ идите же домой къ нему. Позаботьтесь о немъ!

Рагнаръ. Я ему не нуженъ больше.

Сольнесъ. Но вамъ-то нужно быть подлѣ него.

Рагнаръ. Она осталась съ нимъ.

Сольнесъ (нѣсколько нетвердо). Кайя?

Рагнаръ (мрачно). Да, Кайя, да!

Сольнесъ. Ступайте домой, Рагнаръ. Къ нему и къ ней. Дайте мнѣ вѣнокъ.

Рагнаръ (подавляя насмѣшливую улыбку). Вѣдь не сами же вы...

Сольнесъ. Я самъ отнесу его. (Беретъ вѣнокъ) А вы идите домой. Сегодня вы намъ не нужны больше.

Рагнаръ. Я знаю, что я вамъ не нуженъ больше. Но сегодня я останусь.

Сольнесъ. Оставайтесь, если ужъ непремѣнно хотите.

Гильда (у перилъ). Строитель... Тутъ буду я стоять и смотрѣть на васъ.

Сольнесъ. На меня!

Гильда. Это будетъ такое захватывающее зрѣлище!..

Сольнесъ (глухо). Объ этомъ мы поговоримъ послѣ, Гильда. (Спускается въ садъ и уходитъ направо, унося съ собою вѣнокъ).

Гильда (провожаетъ Сольнеса взглядомъ и затѣмъ поворачивается къ Рагнару). Казалось, вы могли бы хоть поблагодарить его.

Рагнаръ. Благодарить его! Его!

Гильда. Разумѣется, слѣдовало бы!

Рагнаръ. Ужъ если благодарить, такъ скорѣе васъ.

Гильда. Какъ вы можете говорить такія вещи!

Рагнаръ. Но берегитесь, фрёкенъ. Вы, видно, еще мало его знаете!

Гильда (горячо). Я знаю его лучше васъ всѣхъ.

Рагнаръ (съ горькимъ смѣхомъ). Благодарить его! За то, что онъ угнеталъ меня цѣлые годы. Заставлялъ отца сомнѣваться во мнѣ... заставлялъ меня самого сомнѣваться... и все это для того только, чтобы...

Гильда (какъ бы предчувствуя что-то). Что̀?.. Говорите сейчасъ!

Рагнаръ. Чтобы удержать у себя ее.

Гильда (бросаясь къ нему). Конторщицу?

Рагнаръ. Да.

Гильда (угрожающе, сжимая кулаки). Это неправда! Вы лжете на него!

Рагнаръ. Я тоже не хотѣлъ этому вѣрить до сегодняшняго дня... пока она сама не сказала мнѣ.

Гильда (почти внѣ себя). Что она сказала? Я хочу знать! Сейчасъ же! Сію минуту!

Рагнаръ. Она сказала, что онъ вынулъ изъ нея душу... Завладѣлъ всѣми ея помыслами. Она говоритъ, что не можетъ жить безъ него... что останется съ нимъ...

Гильда (сверкая глазами). Не позволятъ ей этого!

Рагнаръ (пытливо). Кто не позволитъ?

Гильда. И онъ самъ не позволитъ.

Рагнаръ. Еще бы! Я отлично понимаю. Теперь она была бы только помѣхой.

Гильда. Ничего-то вы не понимаете, разъ можете говорить подобное! Нѣтъ, я разскажу вамъ, зачѣмъ онъ удерживалъ ее.

Рагнаръ. Зачѣмъ?

Гильда. Чтобы удержать васъ.

Рагнаръ. Онъ вамъ сказалъ это?

Гильда. Нѣтъ, но это такъ! Это должно быть такъ! (Внѣ себя) Я хочу... хочу, чтобы это было такъ!

Рагнаръ. Конечно, когда явились вы, онъ бросилъ ее...

Гильда. Это васъ, васъ онъ бросилъ! Все дѣло было въ васъ! Очень ему нужны, думаете вы, этакія... постороннія барышни!

Рагнаръ (послѣ короткаго раздумья). Такъ неужто это онъ меня все трусилъ?

Гильда. Трусилъ! Вы ужъ не очень-то зазнавайтесь!

Рагнаръ. О, онъ, вѣрно, ужъ давнымъ-давно смекнулъ, что и я гожусь на что-нибудь. И, конечно, трусилъ. Онъ вѣдь трусъ вообще.

Гильда. Онъ! Разсказывайте!

Рагнаръ. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ — трусъ, нашъ знаменитый строитель. Отымать у людей счастье, какъ у моего отца и у меня, это — его дѣло; тутъ онъ не труситъ. А вотъ взлѣзть на какіе-нибудь жалкіе лѣса — отъ этого онъ подальше.

Гильда. Посмотрѣли бы вы его на той высотѣ... на той страшной, головокружительной высотѣ, на какой я разъ видѣла его!

Рагнаръ. Видѣли?

Гильда. Конечно, видѣла. Онъ стоялъ тамъ такъ гордо и спокойно, укрѣпляя вѣнокъ на флюгерѣ.

Рагнаръ. Знаю, что разъ въ жизни у него хватило храбрости.

Одинъ единственный разъ. Мы, молодежь, часто говорили между собой объ этомъ случаѣ. Но никакая сила въ мірѣ не заставитъ его повторить это.

Гильда. Сегодня онъ повторитъ!

Рагнаръ (презрительно). Какъ же, вѣрьте!

Гильда. Увидимъ!

Рагнаръ. Ничего мы не увидимъ, — ни вы ни я.

Гильда (внѣ себя). Я хочу, хочу видѣть это! Во что бы то ни стало!

Рагнаръ. Да онъ-то не сдѣлаетъ этого. Просто-напросто не посмѣетъ. Н-да, плоховатъ онъ на этотъ счетъ, нашъ знаменитый строитель!

(Фру Сольнесъ выходитъ на веранду).

Фру Сольнесъ (осматриваясь). Его нѣтъ здѣсь? Куда онъ ушелъ?

Рагнаръ. Строитель пошелъ къ рабочимъ.

Гильда. Съ вѣнкомъ.

Фру Сольнесъ (въ страхѣ). Съ вѣнкомъ! О, Боже мой, Боже мой! Бровикъ... вы должны пойти за нимъ! Вернуть его!

Рагнаръ. Сказать, что вы зовете его?

Фру Сольнесъ. О, да, пожалуйста. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... не говорите, что это я его зову! Скажите, что къ нему пришелъ кто-то... и чтобы онъ сейчасъ же шелъ сюда.

Рагнаръ. Хорошо. Сейчасъ, фру Сольнесъ. (Спускается съ веранды и уходитъ направо).

Фру Сольнесъ. Ахъ, фрёкенъ Вангель, вы себѣ представить не можете, какъ я боюсь за него.

Гильда. Да есть ли тутъ чего бояться?

Фру Сольнесъ. Конечно! Вдругъ онъ это серьезно вздумалъ? Взобраться по лѣсамъ!

Гильда (напряженно). Вы думаете — онъ сдѣлаетъ это?

Фру Сольнесъ. Никогда нельзя знать, что̀ взбредетъ ему въ голову. Онъ вѣдь въ состояніи рѣшиться на что угодно.

Гильда. Ахъ! И вы, пожалуй, тоже думаете, что онъ... этакъ?..

Фру Сольнесъ. Ужъ не знаю, право, что̀ и думать о немъ. Докторъ разсказалъ мнѣ сейчасъ такія вещи... и если это связать съ тѣмъ, что̀ я сама слышала отъ него...

(Докторъ Гердаль выглядываетъ изъ дверей).

Докторъ. Скоро онъ придетъ?

Фру Сольнесъ. Думаю, что скоро. Во всякомъ случаѣ за нимъ пошли.

Докторъ (выходя на веранду). Но вамъ, пожалуй, надо пойти въ комнаты...

Фру Сольнесъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Я дождусь здѣсь Гальварда.

Докторъ. Да вѣдь къ вамъ пришли какія-то дамы.

Фру Сольнесъ. О, Господи Боже мой! Какъ разъ теперь!

Докторъ. И говорятъ, что непремѣнно желаютъ видѣть торжество.

Фру Сольнесъ. Да, да, такъ придется все-таки принять ихъ. Это вѣдь мой долгъ.

Гильда. А нельзя ли попросить этихъ дамъ уйти?

Фру Сольнесъ. Нѣтъ, этого никакъ нельзя. Разъ онѣ пришли — мой долгъ принять ихъ. Но вы останьтесь здѣсь... и побудьте съ нимъ, когда онъ придетъ...

Докторъ. Задержите его разговоромъ возможно дольше.

Фру Сольнесъ. Да, пожалуйста, дорогая фрёкенъ Вангель. И не отпускайте его отъ себя ни на шагъ.

Гильда. Не вѣрнѣе ли было бы вамъ самимъ?..

Фру Сольнесъ. Ахъ, Господи... Конечно, это былъ бы мой долгъ. Но когда долгъ тянетъ въ разныя стороны, то...

Докторъ (смотритъ направо). Онъ идетъ!

Фру Сольнесъ. И подумайте — я должна уйти!

Докторъ (Гильдѣ). Не говорите ему, что я здѣсь.

Гильда. Да нѣтъ! Найду о чемъ другомъ поболтать со строителемъ.

Фру Сольнесъ. И не отпускайте его отъ себя ни на шагъ. Вы, вѣрно, лучше всѣхъ сумѣете это.

(Уходитъ въ домъ. Докторъ за ней).

(Гильда стоитъ на верандѣ: Сольнесъ подымается изъ сада).

Сольнесъ. Кто-то хотѣлъ видѣть меня, мнѣ сказали.

Гильда. Да-а. Я.

Сольнесъ. А, вы, Гильда. Я боялся, что это Алина съ докторомъ.

Гильда. Да, вы-таки боязливы.

Сольнесъ. Вы думаете?

Гильда. Говорятъ, что вы боитесь... этакъ — лазить по лѣсамъ.

Сольнесъ. Ну, это дѣло особаго рода.

Гильда. Значитъ... вы боитесь?

Сольнесъ. Да, боюсь.

Гильда. Боитесь, что упадете и убьетесь до смерти?

Сольнесъ. Нѣтъ, не этого, Гильда.

Гильда. Чего же?

Сольнесъ. Боюсь возмездія, Гильда.

Гильда. Возмездія? (Качаетъ головой) Не понимаю.

Сольнесъ. Присядьте. Я разскажу вамъ кое-что.

Гильда. Да, да, разскажите! Сейчасъ же! (Садится на табуретъ возлѣ перилъ и напряженно смотритъ на Сольнеса).

Сольнесъ (бросая шляпу на столъ). Вы знаете вѣдь — я началъ съ церквей.

Гильда (кивая головой). Знаю.

Сольнесъ. Я, видите ли, вышелъ изъ набожной крестьянской семьи. И мнѣ казалось, что нельзя было сдѣлать болѣе достойнаго выбора, какъ строить церкви.

Гильда. Да, да.

Сольнесъ. И, смѣю сказать, я строилъ эти маленькія бѣдныя церкви съ такимъ глубокимъ, искреннимъ благоговѣніемъ, что... что...

Гильда. Что?.. Ну?

Сольнесъ. Что, казалось, Ему слѣдовало бы быть довольнымъ мною.

Гильда. Ему? Кому это — ему?

Сольнесъ. Тому, для Кого онѣ строились, конечно! Во чью славу и честь воздвигаются церкви.

Гильда. Понимаю! А развѣ вы увѣрены, что Онъ не былъ доволенъ вами?

Сольнесъ (горько). Доволенъ мною! Какъ вы можете говорить такъ, Гильда? Вѣдь разъ Онъ допустилъ тролля распоряжаться во мнѣ по-своему... повелѣлъ являться ко мнѣ по первому зову — и днемъ и ночью — и служить мнѣ... всѣмъ этимъ... этимъ...

Гильда. ...Бѣсамъ?

Сольнесъ. Да, и свѣтлымъ и чернымъ... Нѣтъ, мнѣ такипришлось убѣдиться, что Онъ не былъ доволенъ мною. (Таинственно) Иначе Онъ не далъ бы старому дому сгорѣть.

Гильда. Нѣтъ?

Сольнесъ. Да развѣ вы не понимаете? Онъ хотѣлъ, чтобы я сталъ мастеромъ по своей части... и строилъ для Него самые величественные храмы. Сначала-то я не понялъ, чего именно Онъ требовалъ отъ меня, но потомъ... это вдругъ стало мнѣ ясно.

Гильда. Когда же?

Сольнесъ. Когда я строилъ церковную башню у васъ въ Люсангерѣ.

Гильда. Такъ я и думала.

Сольнесъ. Тамъ, видите ли, Гильда, въ этомъ чужомъ городѣ я все ходилъ-ходилъ, и думалъ, и размышлялъ про себя. И мнѣ вдругъ стало ясно, для чего Онъ взялъ у меня моихъ малютокъ. Для того, чтобы мнѣ не къ чему было привязаться на свѣтѣ... чтобы мнѣ не знавать любви и счастья. Мнѣ слѣдовало быть только строителемъ и больше ничѣмъ. Вся моя жизнь должна была уйти на то, чтобы только строить для Него. (Со смѣхомъ) Да не тутъ-то было!

Гильда. Что же вы сдѣлали?

Сольнесъ. Сначала все думалъ, испытывалъ себя...

Гильда. А потомъ?

Сольнесъ. Потомъ сдѣлалъ невозможное! И я — какъ Онъ.

Гильда. Невозможное!

Сольнесъ. Никогда прежде не хватало у меня духу свободно подыматься на высоту. Но въ тотъ день — хватило.

Гильда (вскакивая). Да, да, вы взошли!

Сольнесъ. И вотъ, когда я стоялъ тамъ на самомъ верху и повѣсилъ вѣнокъ на флюгеръ, я сказалъ Ему: «Слушай меня, Всемогущій! Съ этихъ поръ я хочу быть свободнымъ строителемъ — въ своемъ родѣ, какъ Ты въ своемъ. Не хочу больше строить храмовъ Тебѣ, а лишь семейные очаги для людей».

Гильда (съ широко раскрытыми сіяющими глазами). Такъ вотъ пѣніе, которое я слышала въ воздухѣ!

Сольнесъ. Но я прогадалъ. Онъ былъ правъ.

Гильда. Какъ такъ?

Сольнесъ (уныло). Строить семейные очаги для людей не стóитъ мѣднаго гроша, Гильда.

Гильда. Вотъ какъ вы теперь заговорили!

Сольнесъ. Да, теперь-то я прозрѣлъ. Людямъ и не нужны вовсе эти семейные очаги... не нуждаются люди въ нихъ для своего счастья! И мнѣ тоже не понадобился бы этакій семейный очагъ... будь онъ у меня даже! (Съ тихимъ горькимъ смѣхомъ) Такъ вотъ что̀ вышло изъ моей затѣи. Не на что оглянуться. Ничего я въ сущности не создалъ. И ничѣмъ не пожертвовалъ ради возможности создать что-нибудь. И въ результатѣ — ничтожество, полное ничтожество!

Гильда. И вы больше не хотите строить ничего новаго?

Сольнесъ (живо). Нѣтъ, теперь-то какъ разъ я и хочу начать!

Гильда. Что̀? Что̀ же? Говорите!

Сольнесъ. Я хочу теперь строить единственное, въ чемъ можетъ, по-моему, заключаться человѣческое счастье.

Гильда (смотритъ на него въ упоръ). Строитель... вы говорите о нашихъ воздушныхъ зáмкахъ.

Сольнесъ. Да, о воздушныхъ зáмкахъ.

Гильда. Боюсь, что у васъ голова закружится, прежде чѣмъ мы дойдемъ до полдороги.

Сольнесъ. Нѣтъ — если я пойду рука объ руку съ вами, Гильда!

Гильда (съ оттѣнкомъ подавленнаго гнѣва въ голосѣ). Только со мной? Другихъ спутницъ вамъ не надо?

Сольнесъ. Кого же еще, вы думаете?

Гильда. Ну, хоть ее, эту Кайю изъ-за конторки. Бѣдняжка! Не захватить ли вамъ съ собой и ее?

Сольнесъ. Ого! Такъ это Алина о ней говорила тутъ съ вами.

Гильда. Такъ или нѣтъ?

Сольнесъ (запальчиво). Я не стану отвѣчать вамъ на подобные вопросы! Вы должны всецѣло вѣрить въ меня.

Гильда. Я десять лѣтъ вѣрила въ васъ всецѣло.

Сольнесъ. И продолжайте!

Гильда. Такъ дайте же мнѣ опять увидѣть васъ на высотѣ! Такимъ же гордымъ и смѣлымъ!

Сольнесъ (мрачно). Ахъ, Гильда, такимъ не бываешь въ будничной жизни.

Гильда (страстно). Я хочу! Хочу! (Умоляюще) Только одинъ единственный разъ еще! Сдѣлайте опять невозможное!

Сольнесъ (смотритъ на нее вдумчивымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ). Если я отважусь на это, Гильда, я опять буду бесѣдовать съ Нимъ, какъ въ послѣдній разъ.

Гильда (съ возрастающимъ напряженіемъ). Что же вы скажете Ему?

Сольнесъ. Я скажу: «Слушай меня, Всемогущій, и суди, какъ хочешь. Но съ этихъ поръ я буду строить лишь чудеснѣйшее въ мірѣ...»

Гильда (въ экстазѣ). Да, да, да!

Сольнесъ. «...Строить вмѣстѣ съ принцессой, которую люблю...»

Гильда. Да, да, скажите, скажите это!

Сольнесъ. Я скажу еще: «Теперь я сойду внизъ и обниму и поцѣлую ее».

Гильда. ...Много разъ! Скажите такъ!

Сольнесъ. «...Много, много разъ»,—скажу я.

Гильда. А потомъ?..

Сольнесъ. Потомъ я взмахну шляпой и сойду на землю... и сдѣлаю, какъ сказалъ.

Гильда (простирая руки). Теперь я опять вижу васъ передъ собой, какъ въ тотъ разъ, когда слышала пѣніе въ воздухѣ!

Сольнесъ (смотритъ на нее съ поникшей головой). Какъ вы сдѣлались такою, Гильда?

Гильда. Какъ вы заставили меня сдѣлаться такою?

Сольнесъ (твердо, отрывисто). Принцесса получитъ свой замокъ.

Гильда (торжествующе хлопаетъ въ ладоши). Ахъ, строитель! Мой чудесный, чудесный замокъ! Нашъ воздушный замокъ!

Сольнесъ. На каменномъ фундаментѣ.

(На улицѣ собралась толпа любопытныхъ, которые мелькаютъ сквозь

чащу деревьевъ. Изъ-за новой виллы доносятся звуки духовыхъ инструментовъ).

(На веранду выходятъ изъ дома фру Сольнесъ, въ мѣховой пелеринѣ, докторъ Гердаль и нѣсколько дамъ. Изъ сада на веранду подымается Рагнаръ).

Фру Сольнесъ (Рагнару). Такъ и музыка будетъ?

Рагнаръ. Да. Это оркестръ союза рабочихъ. (Сольнесу) Десятникъ просилъ передать, что готовъ подняться съ вѣнкомъ.

Сольнесъ (беретъ свою шляпу). Хорошо. Я самъ пойду туда.

Фру Сольнесъ (тревожно). Зачѣмъ тебѣ туда, Гальвардъ?

Сольнесъ (отрывисто). Надо же мнѣ быть тамъ съ рабочими.

Фру Сольнесъ. Да, да, только оставайся тамъ... съ ними, внизу.

Сольнесъ. Я же всегда такъ дѣлаю. Этакъ — въ будни. (Спускается въ садъ и уходитъ направо).

Фру Сольнесъ (вслѣдъ ему). Скажи только человѣку, чтобы онъ былъ осторожнѣе! Пожалуйста, Гальвардъ!

Докторъ (фру Сольнесъ). Видите, я былъ правъ. Онъ и думать забылъ о тѣхъ глупостяхъ.

Фру Сольнесъ. Ахъ, у меня словно камень съ сердца свалился! Вѣдь у насъ уже было два такихъ случая, — двое упали съ лѣсовъ. И оба убились на мѣстѣ. (Оборачиваясь къ Гильдѣ) Благодарю васъ, фрёкенъ Вангель, за то, что вы удержали его. Мнѣ, вѣрно, никогда бы не удалось справиться съ нимъ.

Докторъ (весело). Да, да, фрёкенъ Вангель, вы таки-сумѣете удержать всякаго, если только захотите серьезно.

(Фру Сольнесъ и докторъ отходятъ къ дамамъ, которыя стоятъ ближе къ лѣстницѣ и смотрятъ по направленію къ новой виллѣ. Гильда остается у перилъ на томъ же мѣстѣ).

Рагнаръ (подходитъ къ Гильдѣ; съ подавленнымъ смѣхомъ, вполголоса). Фрёкенъ... вы видите всю эту молодежь тамъ на улицѣ?

Гильда. Вижу!

Рагнаръ. Это все товарищи; они пришли полюбоваться на учителя.

Гильда. Чѣмъ же они будутъ любоваться?

Рагнаръ. А вотъ тѣмъ, что онъ не смѣетъ подняться на свой собственный домъ.

Гильда. Вотъ чего имъ захотѣлось, мальчишкамъ!

Рагнаръ (съ злобной усмѣшкой). Онъ долго не давалъ намъ хода. Теперь и мы полюбуемся, какъ онъ будетъ жаться внизу.

Гильда. Не удастся вамъ на этотъ разъ.

Рагнаръ (улыбаясь). Да? Гдѣ же мы увидимъ его на этотъ разъ?

Гильда. На высотѣ... На самой вершинѣ!

Рагнаръ (смѣется). Его-то! Какъ же!

Гильда. Онъ хочетъ дойти до самой вершины. Значитъ, *тамъ* вы и увидите его.

Рагнаръ. Хочетъ! Хотѣть-то онъ хочетъ, да не можетъ — вотъ бѣда. Онъ не дошелъ бы и до половины дороги, какъ у него все завертѣлось бы въ глазахъ. Пришлось бы ему ползàть оттуда на четверенькахъ!

Докторъ (указывая рукой направо). Вотъ! Десятникъ взбирается по лѣсамъ.

Фру Сольнесъ (еще не глядя). Вѣрно, съ вѣнкомъ. Ахъ, только бы онъ былъ осторожнѣе!

Рагнаръ (недовѣрчиво всматривается и затѣмъ вскрикиваетъ). Да вѣдь это же...

Гильда (въ порывѣ восторга). Это самъ строитель!

Фру Сольнесъ (въ ужасѣ). Да, это Гальвардъ! Боже всемогущій!.. Гальвардъ! Гальвардъ!

Докторъ. Тсс! Не кричите же!

Фру Сольнесъ (почти внѣ себя). Я хочу къ нему! Пусть онъ сойдетъ!

Докторъ (удерживая ее, всѣмъ). Ни съ мѣста! Ни звука!

Гильда (стоитъ неподвижно, слѣдя глазами за Сольнесомъ). Онъ подымается, подымается. Все выше... выше! Смотрите! Смотрите только!

Рагнаръ (затаивъ дыханіе). Ну, теперь пора ему повернуть назадъ. Иначе и быть не можетъ!

Гильда. Онъ подымается, подымается. Скоро дойдетъ до вершины.

Фру Сольнесъ. О, я умру отъ страха! Я не вынесу этого!

Докторъ. Такъ не смотрите на него!

Гильда. Вотъ! Онъ стоитъ на самой верхней доскѣ! На самой вершинѣ!

Докторъ. Никто ни съ мѣста! Слышите!

Гильда (про себя, торжествующе). Наконецъ! Наконецъ! Я опять вижу его великимъ и свободнымъ!

Рагнаръ (почти задыхаясь). Но вѣдь это... это...

Гильда. Такимъ я видѣла его всѣ эти десять лѣтъ! Какъ спокойно онъ стоитъ! И все-таки... духъ захватываетъ! Посмотрите! Онъ укрѣпляетъ вѣнокъ на шпицѣ!

Рагнаръ. Это прямо что-то невозможное.

Гильда. Да, онъ какъ разъ совершаетъ теперь невозможное! (Съ прежнимъ выраженіемъ во взглядѣ) А видите ли вы тамъ кого-нибудь еще?

Рагнаръ. Тамъ никого больше нѣтъ.

Гильда. Есть. Есть Нѣкто, съ Кѣмъ онъ бесѣдуетъ теперь.

Рагнаръ. Вы ошибаетесь.

Гильда. И вы не слышите пѣнія въ воздухѣ?

Рагнаръ. Это вѣтеръ шумитъ въ верхушкахъ деревьевъ.

Гильда. Я слышу пѣніе! Могучій голосъ! (Въ какомъ-то неистовомъ восторгѣ) Вотъ! Вотъ! Онъ машетъ шляпой! Онъ кланяется сюда! Отвѣчайте же ему! Свершилось! (Вырываетъ изъ рукъ доктора бѣлую шаль, машетъ ею и кричитъ) Ура! Строитель Сольнесъ!

Докторъ. Перестаньте! Перестаньте! Ради Бога!..

(Дамы на верандѣ машутъ платками; съ улицы доносятся крики „ура!“. Вдругъ мгновенно все умолкаетъ, и затѣмъ толпа испускаетъ крикъ ужаса).

Фру Сольнесъ и дамы. Онъ падаетъ! Онъ падаетъ!

(Между деревьями мелькаютъ летящіе съ высоты обломки досокъ и человѣческое тѣло. Фру Сольнесъ шатается и падаетъ навзничь на руки дамъ. Крики и смятеніе. Толпа на улицѣ ломаетъ изгородь и врывается въ садъ. Докторъ Гердаль спѣшитъ туда же. Небольшая пауза).

Гильда (стоитъ неподвижно, какъ окаменѣлая, устремивъ взоръ ввысь). *Мой* строитель.

Рагнаръ (весь дрожа, схватывается за перила). Онъ навѣрно разбился на смерть.

Одна изъ дамъ (въ то время, какъ фру Сольнесъ уносятъ въ домъ). Бѣгите за докторомъ...

Рагнаръ. Ноги не двигаются...

Другая дама. Такъ хоть крикните туда!

Рагнаръ (пытается кричать). Ну... что? Живъ онъ?

Голосъ изъ толпы въ саду. Строитель Сольнесъ мертвъ.

Другіе голоса (ближе). Вся голова разбита. Онъ упалъ прямо въ каменоломню.

Гильда (поворачивается къ Рагнару; тихо). Теперь я не вижу его больше тамъ наверху...

Рагнаръ. Ахъ, это ужасно!.. Значитъ, все-таки у него не хватило силы.

Гильда (въ какомъ-то тихомъ, безумномъ восторгѣ). Онъ достигъ вершины. И я слышала въ воздухѣ звуки арфы. (Машетъ шалью и безумно-восторженно кричитъ) Мой... мой строитель!

МАЛЕНЬКІЙ ЭЙОЛЬФЪ.

Написана эта драма въ Христіаніи, издана въ Копенгагенѣ 11 декабря 1894 года, въ обычномъ количествѣ 10.000 экземпляровъ, но уже черезъ десять дней понадобилось второе изданіе, а еще черезъ мѣсяцъ — и третье. По заведенному порядку, до появленія въ свѣтъ печатнаго изданія содержаніе новаго произведенія и даже заглавіе его хранились въ строгой тайнѣ; тѣмъ не менѣе одной изъ копенгагенскихъ газетъ (Politiken) удалось какъ-то проникнуть въ тайну, и въ газетѣ появилась соотвѣтствующая замѣтка. Ибсенъ немедленно протестовалъ въ печати противъ такого нарушенія скромности и тѣмъ привелъ въ крайнее изумленіе американскую прессу, представители которой полагали, что „подобная замѣтка могла служить только рекламой автору и его произведенію“. Того, что Ибсенъ могъ пожелать обойтись безъ рекламы, имъ, видимо, въ голову придти не могло.

Постановка „Маленькаго Эйольфа“ на сцену не заставила себя ждать. Первое представленіе состоялось въ присутствіи автора въ Христіанійскомъ театрѣ 15 января 1895 года; всего же въ зимнемъ сезонѣ пьеса выдержала 36 представленій и въ теченіе перваго года обошла почти всѣ остальныя сцены сѣвера. За границею „Маленькій Эйольфъ“ былъ поставленъ впервые въ Берлинѣ 12 января 1895 года (съ Агнесой Сорма въ роли Риты), и къ этому представленію съѣхались корреспонденты съ различныхъ концовъ Европы и даже изъ Америки — настолько въ послѣднее время возросъ общій интересъ къ Ибсену. Кромѣ Берлина, драма ставилась въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Будапештѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ, Миланѣ, Парижѣ, Брюсселѣ, Чикаго и въ Петербургѣ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра.

Если ужъ „символизмъ“ предыдущей пьесы („Строитель Сольнесъ“) задалъ работу критикамъ, то „Маленькій Эйольфъ“ и подавно, хотя весь символизмъ тутъ сводится въ сущности къ эпизодическому дѣйствующему лицу — бабкѣ - крысоловкѣ. Лицо это однако является поэтическимъ воспроизведеніемъ пережитого авторомъ, — Ибсенъ самъ видѣлъ въ дѣтствѣ такую крысоловку на своей родинѣ. Но критики, занявшись разгадкой померещившагося имъ тутъ элемента сверхъестественнаго, проглядѣли, по обыкновенію, главный смыслъ пьесы, прекрасно выясняемый Шлентеромъ, — трагедію ребенка и его родителей.

„Быть-можетъ, Ибсену — какъ извѣстно, очень внимательно проглядывающему газеты — когда-нибудь попалась на глаза такая замѣтка: „Помѣщикъ г. Альфредъ Альмерсъ съ супругой, недавно потерявшіе, какъ мы уже сообщали, единственнаго сына и наслѣдника, который утонулъ по несчастной случайности въ морѣ, приняли, какъ мы имѣли случай узнать, великодушное рѣшеніе заняться призрѣніемъ и воспи-

таніемъ дѣтей бѣднѣйшихъ окрестныхъ сельскихъ жителей. Богатство г-жи Альмерсъ и знанія и опытность г-на Альмерса, бывшаго педагога, соединяются такимъ образомъ въ рѣдкомъ подвигѣ человѣколюбія, который лишній разъ доказываетъ, что иногда и зло обращается во благо". Подобнаго рода замѣтки для обыкновенныхъ читателей имѣютъ минутный интересъ, вызывая у нихъ много-много сочувственный, а то и ироническій возгласъ, въ родѣ: „прекрасно", „хорошіе люди", „удивительно", „чудаки" и т. п. Иное, болѣе глубокое впечатлѣніе производитъ такая замѣтка на чуткую душу поэта. Его тянетъ разобраться въ этомъ фактѣ, уяснить себѣ психологическіе мотивы такого рѣшенія, а творческое воображеніе заставляетъ узрѣть въ самой смерти злополучнаго ребенка кое-что побольше простой несчастной случайности. Ему представляется, что какая-то таинственная сила увлекла мальчика въ воду. „Halb zog es ihn, halb sank er hin" *)... Въ данномъ случаѣ однако поэту приходилось подыскать иной символъ для этой таинственной силы, манящей и увлекающей человѣка къ гибели, для этого непреодолимаго влеченія, подымающагося изъ глубины его души. Гётевская водяная дѣва здѣсь была бы некстати. Дѣтское воображеніе поражаютъ иные образы. Многіе изъ насъ, вѣрно, знавали въ дѣтствѣ какую-нибудь странную старушонку, занимавшуюся собираніемъ травъ, заговаривавшую болѣзни или гадавшую на картахъ, — словомъ, такъ или иначе промышлявшую суевѣріемъ и дѣйствовавшую на суевѣрное воображеніе простыхъ душъ и дѣтей. Встрѣчаясь съ такой старушонкой, мы, дѣти, готовы были бѣжать отъ нея въ страхѣ, и въ то же время жуткое любопытство словно приковывало насъ къ мѣсту, — быть-можетъ, и не одно любопытство, такъ какъ нельзя отрицать, что подобныя личности развиваютъ въ себѣ извѣстную силу гипнотическаго внушенія. Ибсенъ и обратился за нужнымъ ему символомъ къ воспоминаніямъ своего дѣтства, извлекъ изъ нихъ „бабку-крысоловку", которая, подобно легендарному крысолову изъ Гамельна, музыкой увлекала крысъ въ воду, и увѣковѣчилъ ее въ своемъ произведеніи. Вотъ, вѣроятно, и вся исторія происхожденія этого „сверхъестественнаго явленія", задавшаго такую работу охотникамъ отыскивать и рѣшать ребусы въ произведеніяхъ Ибсена.

„Самому появленію страшной старушонки предшествуютъ разговоры о ней: Аста видѣла ее недавно въ городѣ, Альмерсъ въ горахъ. И вотъ она самолично появляется въ комнатѣ передъ маленькимъ Эйольфомъ, который отъ страха находитъ даже ея уродливаго моиса красавцемъ. Въ этой же сценѣ авторъ даетъ намъ слегка заглянуть въ душевную жизнь такой старой дѣвы: она, повидимому, нѣкогда заманила въ воду своего невѣрнаго возлюбленнаго и съ тѣхъ поръ стала вѣрной союзницей моря, заманивая туда все, что „скребетъ и грызетъ". Едва переступивъ порогъ, она задаетъ родителямъ Эйольфа вопросъ: „Нѣтъ ли у господъ чего такого, что грызетъ?" И мы скоро догадываемся, что именно въ существованіи и судьбѣ маленькаго Эйольфа и заложенъ тотъ „крысиный зубъ", который грызетъ душу родителей. Старая дѣва до изнеможенія трудится, выполняя свою задачу, но для насъ остается невыясненнымъ, успѣваетъ ли она въ этой задачѣ или нѣтъ, дѣйствительно ли, какъ она увѣряетъ, крысы плывутъ за ней въ море и тонутъ, или нѣтъ. Сама она въ своемъ душевномъ разстройствѣ воображаетъ себя своего рода странствующей миссіонершей, благодѣтельницей и спасительницей этихъ скребущихъ, грызущихъ, точащихъ и преслѣдуемыхъ звѣрушекъ, которымъ она доставляетъ сладкій вѣчный покой въ

*) Изъ стихотворенія Гёте: «Der Fischer».

тихой глубинѣ водъ. Ея собственная вѣра въ свою миссію производитъ трагикомическое впечатлѣніе, но въ людяхъ нервныхъ и съ воображеніемъ вызываетъ невольный, безотчетный страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ, какъ, напримѣръ, въ Ритѣ, или, наоборотъ, съ жгучимъ любопытствомъ, какъ въ Эйольфѣ. Послѣдній, увлекаемый этимъ чувствомъ, а быть-можетъ, и притягиваемый гипнотической силой, которую успѣла развить въ себѣ старуха, тайкомъ уходитъ за ней на берегъ фьорда; когда же диковинная старуха садится со своимъ мопсомъ въ лодку и отплываетъ, мальчикъ, жадно слѣдя за ней глазами, незамѣтно для себя доходитъ до самаго края мостковъ и, оступившись, падаетъ въ воду. Въ самомъ паденіи нѣтъ ничего неестественнаго, если вспомнить возбужденное душевное состояніе ребенка и его физическое убожество. Послѣднее обстоятельство въ сущности и является причиной его окончательной гибели: калѣка не только не умѣетъ плавать, но даже не въ состояніи, барахтаясь, подняться на поверхность хоть на минуту. И деревенскіе ребятишки, бывшіе свидѣтелями паденія, не могли или не рискнули вытащить мальчика, но нѣкоторое время видѣли его подъ водой, пока его вдругъ не подхватило теченіемъ и не унесло. Лишь костыль всплылъ на поверхность.

„Таковъ ходъ внѣшняго дѣйствія въ пьесѣ Ибсена, навлекшій на пьесу упреки въ туманности, злоупотребленіи элементомъ сверхъестественнаго, символизмомъ и пр. Упреки эти однако были бы основательны, если бы этотъ символическій, мистическій элементъ не имѣлъ реальной подкладки. Но и бабка-крысоловка съ мопсомъ и ребенокъ-калѣка—вполнѣ реальныя существа. Элементъ сверхъестественнаго не въ ихъ существованіи, а въ образѣ ихъ дѣйствій, вытекающемъ не изъ такъ-называемаго здраваго смысла, но изъ разстроеннаго или возбужденнаго воображенія. Такое душевное состояніе однако, хотя и болѣзненное, но вполнѣ обыкновенное явленіе, не заключающее въ себѣ ничего сверхъестественнаго. Кто стоитъ за изгнаніе изъ психологической поэзіи всего болѣзненнаго, можетъ, конечно, порицать Ибсена за то, что онъ въ своемъ творчествѣ не обошелъ болѣзненныхъ явленій человѣческой природы. Но нельзя порицать Ибсена на томъ лишь основаніи, что кому-нибудь такія иллюзіи, которыя диктовали дѣйствія бабки-крысоловки и Эйольфа, кажутся неестественными.

„Угодно или неугодно однако вѣрить въ реальность бабки-крысоловки и ея жертвы, въ концѣ концовъ не въ нихъ главная суть пьесы, хотя она и названа именемъ утонувшаго ребенка. Ихъ роль оканчивается вмѣстѣ съ первымъ дѣйствіемъ, онѣ даютъ лишь внѣшній толчокъ для завязки внутренняго дѣйствія пьесы.

„Постигшая данную родительскую чету утрата единственнаго сына сама по себѣ не представляетъ ничего необычайнаго. Такія утраты вовсе не рѣдки. Необычайнымъ этотъ случай утраты становится лишь въ силу того, что ребенокъ умеръ не въ своей постели отъ дифтерита или другой какой-нибудь опасной дѣтской болѣзни, и похороненъ не въ усыпанной цвѣтами могилѣ, а въ морской пучинѣ. Родители лишены смягчающихъ горе душевныхъ волненій, сопряженныхъ съ приличными случаю похоронами. Но и горе этихъ родителей не имѣетъ въ себѣ ничего необычайнаго. Они прежде всего оглушены ударомъ, подавлены скорбью. Когда же они наконецъ мало-мальски опамятовались, мать—живая, страстная натура — не находитъ себѣ мѣста, отецъ — натура тихая, созерцательная — совершенно уходитъ въ себя самого, погружается въ свои печальныя мысли. Мать заботится о внѣшнихъ знакахъ скорби, о траурѣ, отецъ занятъ разгадкой сокровеннаго смысла этого удара судьбы и находитъ разгадку лишь въ словѣ „возмездіе“. Мать изо всѣхъ

силъ старается какъ-нибудь превозмочь свое горе, отецъ горько упрекаетъ себя въ томъ, что оказывается въ состояніи забыться хоть на минуту. Матери хочется уйти отъ давящей ее тяжести, отецъ испытываетъ потребность бередить свою рану. Мать наивно борется съ ужасомъ событія, отецъ — натура въ высшей степени чувствительная — хватается за ужасное событіе для психологическаго анализа собственнаго „я“. Мать готова бѣжать отъ себя самой, отецъ становится для себя самого предметомъ интереса. Мать уже подмываетъ желаніе какъ-нибудь развлечься, попутешествовать, принимать гостей и т. п., отецъ сосредоточивается на своемъ горѣ, упивается имъ — хотя и не съ актерскимъ самодовольствомъ Ялмара Экдаля, но все же и не безъ чисто человѣческаго тщеславнаго упоенія собственной печалью.

„Всѣ эти душевныя состоянія вполнѣ неподдѣльны, общечеловѣчны. Но Ибсенъ и на этотъ разъ не удовлетворяется обычнымъ, общечеловѣческимъ. Знатокъ высотъ и низинъ, онъ добирается до необычайнаго, незауряднаго, что и находитъ въ своеобразныхъ взаимныхъ отношеніяхъ родителей маленькаго Эйольфа. Снова, какъ въ „Кукольномъ домѣ“, „Дочери моря“, „Геддѣ Габлеръ“, авторъ останавливается на проблемѣ брака.

„Мечтатель и мыслитель Альфредъ Альмерсъ и живая, страстная дочь Евы, Рита, женаты десять лѣтъ, но все не слились воедино. Сблизила ихъ прежде всего чувственная страсть со стороны Риты, страстное ея влеченіе къ стройному, худощавому молодому мечтателю. И онъ не остался равнодушнымъ къ пышной красотѣ Риты, но рѣшающей причиной брака послужило то обстоятельство, что бракъ этотъ сулилъ бѣдному учителю свободное, спокойное существованіе, и не одному ему, но и его любимой младшей сестрѣ. Поселившись въ богатомъ и прекрасномъ имѣніи жены на берегу фьорда, бывшій учитель могъ вдобавокъ отдаться тѣмъ занятіямъ, къ которымъ его сильнѣе всего влекло — размышленію, писательству.

„Итакъ, онъ вступилъ съ пылко влюбившейся въ него женщиной въ бракъ по расчету. Плодомъ ея любви явился маленькій Эйольфъ. Но въ этомъ бракѣ перевѣсъ скромности, цѣломудрія и воздержности на сторонѣ мужа. Онъ частенько спасается отъ страстныхъ порывовъ жены въ объятія науки. Его тянетъ изъ знойной асмосферы любовной страсти къ той тихой, мирной жизни, которую онъ нѣкогда велъ со своей кроткой сводной сестрой, дѣлившей его мысли. Порой, конечно, красота Риты производитъ на него опьяняющее дѣйствіе, и въ одинъ изъ такихъ часовъ любовнаго упоенія супруговъ свалился забытый ими, оставленный безъ присмотра на столѣ, первенецъ ихъ, маленькій Эйольфъ. Давшіе ребенку жизнь сами же сдѣлали его калѣкой, и вотъ его костыль сталъ для нихъ вѣчнымъ упрекомъ, обличителемъ ихъ преступной небрежности. Они прибѣгли къ тому, къ чему такъ охотно прибѣгаетъ трусливое человѣческое сердце: стали избѣгать того, кто ходилъ на костыляхъ, старались, чтобы ребенокъ порѣже попадался имъ на глаза.

„Всѣ угрызенія совѣсти по поводу этого злополучнаго паденія какъ бы сосредоточились для обоихъ родителей въ костылѣ, на которомъ осужденъ былъ ковылять ихъ маленькій сынъ. И этотъ ужасный обличитель не стушевался даже со смертью ребенка. Маленькій Эйольфъ утонулъ, но „костыль плыветъ по волнамъ“. Его вылавливаютъ, и онъ еще сильнѣе мучитъ обоихъ виновныхъ родителей. Сознаніе вины съ самаго начала, впрочемъ, гораздо глубже въ отцѣ, нежели въ матери. Къ Ритѣ и прежде и теперь можно примѣнить опредѣленіе Мефистофеля: „вѣчно влюблена“. Ея чувственная страсть до того первобытна,

наивна, что граничитъ съ животной. Ей хочется наивно наслаждаться, наивно быть счастливой; она ничего ровно не понимаетъ изъ всѣхъ тѣхъ мудрствованій, съ которыми носится ея супругъ. Чувство ея проявляется взрывами, просто, живо, отъ души, и всегда готово ее скомпрометировать. Рубенсъ сумѣлъ бы изобразить эту дочь природы, но добродушно помѣстилъ бы рядомъ съ ней фавна, а не постника и любомудра. И чѣмъ невоздержнѣе, страстнѣе она, какъ женщина, какъ жена, тѣмъ холоднѣе она, какъ мать. Маленькій Эйольфъ былъ почти лишенъ матери; тетка стала ему ближе.

„Отецъ, чувствуя свою вину, тоже трусливо отдалялся отъ ребенка съ его обличительнымъ костылемъ. Но онъ искалъ забвенія своей вины не въ упоеніи страстью, а въ трудѣ, въ наукѣ. Въ сознаніи своей вины, не считая себя въ состояніи искупить ее, онъ работаетъ надъ книгой объ отвѣтственности человѣческой. Этотъ супругъ, которому недостаетъ надлежащаго влеченія къ женѣ, этотъ отецъ, которому недостаетъ надлежащаго влеченія къ ребенку, ощущаетъ своей тонкой, чуткой душой всю нездоровую неестественность такого существованія. Благодаря этому и научный трудъ его не выходитъ цѣльнымъ и не удовлетворяетъ его. Наконецъ онъ не въ силахъ больше выносить эту раздвоенность и бѣжитъ отъ давящихъ его условій жизни на просторъ, на свободу, въ уединеніе горъ. Тамъ онъ испытываетъ обаяніе великой природы, ея власть надъ душой человѣка. Мощныя впечатлѣнія имѣютъ какую-то очищающую и въ то же время грозную силу: сила эта и открываетъ Альмерсу глаза на его собственные недостатки. Временная разлука съ женой и сыномъ также дѣйствуетъ на него благотворно, оздоровляюще, а чувство близости къ смерти, испытанное имъ во время блужданья по горамъ, довершаетъ общее прояснѣніе, просвѣтлѣніе душевное, и Альмерсъ доходитъ до настоящаго рѣшенія и самоотреченія. Онъ откажется и отъ чувственныхъ наслажденій, — не будетъ больше мужемъ своей жены, — откажется и отъ честолюбиваго наслажденія писательствомъ, не станетъ кончать своей книги, но посвятитъ жизнь практическому осуществленію своего ученія объ отвѣтственности человѣческой. Онъ хочетъ быть только отцомъ своего сына и больше ничѣмъ, хочетъ помочь проявиться и развиться дремлющимъ въ той дѣтской душѣ богатымъ задаткамъ и сдѣлать изъ мальчика счастливаго человѣка. Счастье же, по мнѣнію Альмерса, или самого Ибсена, достигается согласованіемъ своихъ желаній съ совокупностью природныхъ данныхъ, а также пріобрѣтенныхъ силъ и способностей. Маленькій Эйольфъ любитъ наряжаться въ мундирчикъ, мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться солдатомъ, жаждетъ лазить по горамъ, — словомъ, его желанія пока сильно превышаютъ его способности, и счастливымъ его можно считать не больше, чѣмъ отца.

„Но какъ ни сильно и искренне рѣшеніе отца пожертвовать собой и личнымъ своимъ счастьемъ ради счастья сына, душа его не чужда нѣкоторой горечи и того чувства, которое испытывалъ строитель Сольнесъ, думая о „юности“. „Придетъ время — явится другой и напишетъ все это еще лучше“,—говоритъ Альмерсъ маленькому Эйольфу, говоритъ кротко, съ улыбкой, но, должно-быть, въ тонѣ и въ лицѣ его есть что-то, говорящее близко знающей, изучившей его Астѣ, что рѣшеніе это стоило ему тяжелой борьбы.

„Эта твердая, хотя и далеко не радостная готовность къ жертвамъ со стороны отца идетъ прямо въ разрѣзъ съ эгоистичными притязаніями матери, страсть которой становится все необузданнѣе и наводитъ ее на злыя, даже преступныя мысли. Мать недалека отъ желанія принести ребенка въ жертву собственному счастью. И въ то самое время, какъ

желаніе это, подобно трусливо ползущему убійцѣ, закрадывается въ душу Риты, смерть внезапно уноситъ маленькаго Эйольфа.

„Этой четѣ искателей счастья недаромъ противопоставленъ искатель счастья иного закала, желанія котораго не превышаютъ его силъ и способностей и который поэтому все болѣе и болѣе преуспѣваетъ въ своихъ исканіяхъ. Это инженеръ Борггеймъ, самый жизнерадостный типъ изъ созданныхъ Ибсеномъ, человѣкъ, профессія котораго — прокладка новыхъ путей, и который считаетъ, что прокладывать пути — счастье. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые нашли свое истинное призваніе въ жизни и довольны жизнью. Послѣдняя представляется ему игрой — въ промежутки между окончаніемъ одного труда и началомъ другого. Трудъ и непріятности онъ хочетъ нести одинъ, радость же готовъ дѣлить съ любимымъ человѣкомъ. У него есть выдержка, необходимая прокладывателю путей, есть и смѣлость ухватиться за свое счастье еще прежде, чѣмъ онъ вполнѣ увѣрится, что оно предназначено ему. Авторъ, повидимому, намѣренно противопоставилъ тщетнымъ потугамъ мысли эту фортинбрасовскую натуру, которой и не хочется ничего, что невозможно, но которая зато достигаетъ, чего ни захочетъ, даже обладанія неприступной дѣвушкой, въ сущности любящей другого. Счастье дается смѣло протягивающему къ нему руки человѣку, хотя и не особенно далекому и прозорливому, но способному дѣлать счастливыми другихъ. Дѣвушка, которая послѣ долгихъ колебаній бросается къ нему въ порывѣ самоотреченія, будетъ съ нимъ счастлива и въ концѣ концовъ почувствуетъ свое счастье.

„Стоящій значительно выше его въ умственномъ отношеніи Альмерсъ, напротивъ, сильно обдѣленъ этой способностью быть счастливымъ и дѣлать счастливыми другихъ, такъ же, какъ и строитель Сольнесъ, Гедда Габлеръ, Эллида, пасторъ Росмеръ и другіе искатели того, что Ибсенъ въ „Императорѣ и Галилеянинѣ“ называетъ „третьимъ царствомъ“. Росмеровское міровоззрѣніе облагораживаетъ, но, — какъ говоритъ Ребекка, — и убиваетъ счастье.

„Рѣшаясь отречься отъ личнаго счастья и жить лишь для сына, Альмерсъ думалъ создать истинное живое ощущеніе счастья не только въ сынѣ, но и въ себѣ. Но въ тотъ же день, какъ возвратился съ этимъ великимъ рѣшеньемъ домой, онъ лишился сына, объекта своихъ созидательныхъ стремленій, и очутился въ положеніи работника безъ орудія. Планъ его жизни рушился еще до того, какъ онъ началъ его осуществлять. Великое рѣшеніе со всей сопровождавшей его душевной борьбой оказалось лишнимъ. И печальные результаты этого — ужасное душевное страданіе ему приходится нести одному: Аста, съ ея куда болѣе родственной Альмерсу душой, нежели душа его жены, не имѣя больше права считать себя его сестрой и въ то же время не смѣя стать для него ничѣмъ инымъ, покидаетъ его. Альмерсъ остается одинъ съ Ритой, и терзающія ихъ обоихъ душевныя муки, повидимому, еще пуще расширяютъ между ними пропасть. Немощный ребенокъ являлся грустнымъ напоминаніемъ, умершій ребенокъ становится грознымъ преслѣдователемъ. И раздоръ усиливается. Обыкновенно общее горе родителей надъ могилой схороненнаго ими ребенка сближаетъ ихъ, но этотъ не схороненный, а унесенный волнами мальчикъ становится грознымъ призракомъ, усиливающимъ рознь между родителями, которыхъ терзаютъ угрызенія совѣсти и раскаяніе, и которые мучатъ другъ друга взаимными упреками. Происходитъ объясненіе, расчетъ. Все, что годами накоплялось между мужемъ и женой, каждое нечистое желаніе, каждый тайный упрекъ, каждое проявленіе недовѣрія, все, что втайнѣ отталкивало и оскорбляло каждаго изъ нихъ, тайное обоюдное сваливаніе другъ

на друга отвѣтственности, — все это выходитъ наружу, выливается въ потокѣ рѣзкихъ, грубыхъ, обидныхъ, язвительныхъ словъ. Безпощадно вскрываются самые глубокіе тайники ихъ душъ, хотя отъ этой операціи должны разрываться ихъ сердца, помутиться ихъ умы. Немудрено, что мужъ и жена начинаютъ бояться другъ друга и всѣми силами избѣгаютъ оставаться вмѣстѣ одни. Теперь имъ недостаетъ маленькаго Эйольфа, который однимъ своимъ присутствіемъ защищалъ ихъ другъ отъ друга.

„Въ силу этого обоюднаго страха они сходятся въ одномъ желаніи,— оба въ одинъ голосъ умоляютъ Асту, мнимую сестру Альмерса, остаться у нихъ и замѣнить имъ Эйольфа. Но Аста не можетъ остаться у нихъ, зная, что Альмерсъ ей не братъ, чувствуя, что любитъ его въ сущности горячѣе, чѣмъ брата, сознавая, что всегда была и осталась ему ближе душой, нежели его собственная жена, остающаяся ему чужой. Аста достаточно чиста, умна и великодушна, чтобы своевременно уйти отъ соблазна и опасности. Ту долю сердечной привязанности, которая еще осталась въ ея распоряженіи, она отдастъ честному, веселому и трудолюбивому сыну природы, который и сумѣетъ вознаградить ее за добровольное отреченіе отъ того, что было ей дороже всего на свѣтѣ. Его радости станутъ и ея радостями. Аста по природѣ мимоза, натура необычайно тонко и глубоко чувствующая, своего рода провидица. Все, что происходитъ въ душѣ Альфреда Альмерса, родственной ея душѣ, она чувствуетъ еще издалека. Аста заключила также своего рода душевный союзъ съ маленькимъ сыномъ Альфреда. Она знала его лучше, нежели собственная его мать, и у него съ нею было большее духовное сродство, чѣмъ съ матерью. Послѣдняя чувствовала это и потому желала избавиться отъ Асты, хотя и была искренно расположена къ ней.

„Итакъ, Альмерсъ и его жена, которые не въ состояніи нести свое общее горе вмѣстѣ, остаются одни, при чемъ одинъ является для другого тюремщикомъ. Но тутъ-то и совершается чудо: въ своемъ одиночествѣ, оба ощущая жгучую потребность счастья, они научаются лучше понимать другъ друга.

„Какъ прежде Альмерсъ дошелъ до самоотреченія, такъ и Рита начинаетъ испытывать подобное же превращеніе. Подъ впечатлѣніемъ всего пережитого и внѣшне и внутренне въ обоихъ происходитъ глубокая перемѣна. То, что отдѣляетъ ихъ обоихъ словно стѣной отъ внѣшняго міра, сближаетъ ихъ между собой. Альмерсъ наблюдаетъ, какъ жена его медленно прощается съ наслажденіемъ и личнымъ счастьемъ, какъ мысль объ Эйольфѣ и чувство одиночества не только мучатъ, но и очищаютъ ее, какъ дочь земли ищетъ неба, по которому тоскуетъ и онъ, вольнодумецъ. И онъ видитъ, какъ необузданная страстность ея натуры перерождается въ энергію, какъ это земное созданіе, эта дочь Евы съ горячей кровью сразу рѣшается дать другимъ то счастье, которое погибло для нея. Она бездѣтна, такъ будетъ матерью сиротамъ. Она очищена страданьемъ, такъ поможетъ тѣмъ, кто падаетъ подъ его тяжестью. Мистическое начало христіанской вѣры въ ней поколеблено, такъ она попытается сдѣлаться исповѣдницей практическаго христіанства.

„Какъ „врагу народа“ хочется воспитать изъ уличныхъ мальчишекъ свободныхъ и благородныхъ людей, такъ Ритѣ хочется дать бѣднымъ, заброшеннымъ ребятишкамъ то, чего недоставало ея маленькому Эйольфу. Дѣло любви и милосердія будетъ смягчать бога мщенія, котораго она носитъ въ своемъ сердцѣ. Она хочетъ задобрить широко раскрытые дѣтскіе глаза, которые упорно глядятъ ей прямо въ мучимую горемъ и раскаяніемъ душу. Въ этомъ спасительномъ бѣгствѣ отъ дурныхъ мыслей къ хорошимъ является проводникомъ страстная, непо-

средственная натура — жена, а не чувствительный, мудрствующій мужъ. Бѣгство это имѣетъ въ виду цѣль, которая не достигается на нашихъ глазахъ. Намъ приходится довольствоваться надеждой, что двое измученныхъ дѣтей земли, освободясь отъ личнаго счастья, отъ собственнаго „я“, медленно искупая свой грѣхъ трудомъ ради счастья другихъ, подымутся къ высотамъ, приблизятся къ звѣздамъ, къ великому безмолвію. На обоихъ, какъ на суетную дочь міра, такъ и на любомудравольнодумца, нисходитъ особаго рода благочестіе. Неспособные и въ горчайшей мукѣ отстать отъ земли, они однако чувствуютъ себя теперь родными и небу, которое имъ хочется перенести на землю, такъ какъ „на землѣ они дома“. Личное счастье ихъ умерло, но они чувствуютъ, какъ души ихъ облагораживаются. Они не станутъ, какъ бабка-крысоловка—крысъ, сманивать дѣтей на погибель, но, быть-можетъ, создадутъ изъ нихъ радостныхъ гражданъ „третьяго царства“. Чувства ихъ становятся выше. „Законъ превращенія“, который уже испытала на себѣ Эллида, свободная побѣда человѣка надъ самимъ собой, сила для которой почерпается изъ измученной души, выступаетъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ“ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ другихъ произведеній Ибсена. Скептицизмъ Ибсена здѣсь снова переходитъ въ надежду. Кого это удивляетъ, тотъ не знаетъ, что и маститый поэтъ подверженъ осмѣянному многими (въ томъ числѣ и Борггеймомъ, прокладывателемъ путей), но все же неподдающемуся изгнанію изъ міра „закону измѣненія и превращенія“. Происходящая въ Ибсенѣ перемѣна, которую можно прослѣдить хронологически по порядку появленія его произведеній, отличается, какъ и все, что пишетъ и дѣлаетъ этотъ человѣкъ, строгою законномѣрностью. Въ своемъ строго-законномѣрномъ превращеніи Ибсенъ, повидимому, дошелъ до возможности примиренія съ міромъ. Маленькій Эйольфъ—причина такихъ душевныхъ бурь и страданій—все же своего рода ангелъ мира. Никогда также Ибсенъ не создавалъ такого чистаго и здороваго женскаго образа, какъ Аста, и такого здороваго типа мужчины, какъ Борггеймъ — это серьезное и бодрое ручательство за доброе въ человѣческомъ сердцѣ.

„И въ „Маленькомъ Эйольфѣ“, какъ въ „Кукольномъ домѣ“, въ „Привидѣніяхъ“ и въ „Строителѣ Сольнесѣ“, Ибсенъ распредѣляетъ свой матеріалъ на три дѣйствія. Первое кончается трагическимъ паденіемъ Эйольфа въ воду: крики очевидцевъ печальнаго происшествія доносятся черезъ садъ и веранду въ комнату, гдѣ находятся родители и друзья ребенка. Скорѣе всѣхъ овладѣваетъ положеніемъ и спѣшитъ на мѣсто катастрофы Борггеймъ, прокладыватель путей, бывшій добрымъ товарищемъ погибшему мальчику; за нимъ слѣдуетъ горячо любившая ребенка тетка, и наконецъ уже отецъ. Мать же, подавленная ужасомъ, безсильно падаетъ въ кресло.

„Альмерсъ въ сравненіи съ женой и тоньше, и умнѣе, и благороднѣе, и благоразумнѣе, но она куда болѣе сильная натура во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ половомъ. И вотъ всѣ его прекрасныя качества подернуты тѣмъ легкимъ налетомъ смѣшного, отъ котораго Ибсенъ почти никогда не избавляетъ своихъ гражданъ „третьяго царства“.

„Темой второго дѣйствія является то неопредѣленное, шаткое положеніе, которое Альмерсъ занимаетъ между обѣими женщинами. Сначала у него большое объясненіе съ Астой, затѣмъ съ Ритой. Оба начинаются съ воспоминанія о маленькомъ Эйольфѣ.—„Не понимаю я этого“,—говоритъ онъ Астѣ.—„А ты понимаешь это, Альфредъ?“— спрашиваетъ его затѣмъ Рита. И, нѣсколько успокоенный Астой, онъ старается въ свою очередь успокоить Риту. Но спокойствіе не устанавливается. Судьба осложняется. Если общія воспоминанія, относящіяся къ дѣтству Асты,

приносятъ успокоеніе, утѣшеніе, то вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ трагически позднее извѣстіе, что Аста и Альмерсъ—не сестра и братъ и, связанные сродствомъ душъ, могли бы слѣдовательно соединить свою судьбу на всю жизнь. Тутъ является препятствіемъ Рита, та женщина, съ которой Альмерсъ объясняется теперь начистоту и отъ которой все-таки не можетъ освободиться.

„Содержаніе послѣдняго дѣйствія обусловливается тѣмъ, что Аста уходитъ, а Рита остается. Аста бѣжитъ отъ Альмерса къ Борггейму. Увозящій ихъ обоихъ пароходъ бросаетъ своими красными фонарями яркій свѣтъ въ душу Риты, — словно широко раскрытые дѣтскіе глаза маленькаго Эйольфа въ упоръ заглянули ей въ душу. Звонокъ, призывающій на пароходъ, представляется ей погребальнымъ звономъ, который пронизываетъ ея слухъ, отзванивая вѣсть о плавающемъ костылѣ. Но затѣмъ, вмѣстѣ съ пароходомъ и его пассажирами, исчезаетъ и это навожденіе. Родители Эйольфа остаются одни. Что же имъ дѣлать? Угаръ чувственной страсти прошелъ уже и у Риты, и это вмѣстѣ съ сознаніемъ вины обусловливаетъ перемѣну въ ней, ея превращеніе. Мѣсто любви-страсти заступаетъ въ ней любовь-милосердіе; жажда наслажденія превращается въ жажду дѣятельности. И все то хорошее, что скрывалось въ ея природѣ и въ ея душѣ, готово теперь выступить на пользу обездоленнымъ. Такъ маленькій Эйольфъ умеръ не напрасно. И потому флагъ, приспущенный-было въ знакъ траура, вновь взвивается кверху въ знакъ полнаго надежды привѣта лучшему будущему“.

МАЛЕНЬКІЙ ЭЙОЛЬФЪ.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Альфредъ Альмерсъ, литераторъ, бывшій учитель.

Фру Рита Альмерсъ, его жена.

Эйольфъ, ихъ сынъ, девяти лѣтъ.

Фрекенъ Аста Альмерсъ, младшая сводная сестра Альфреда Альмерса.

Борггеймъ, инженеръ.

Бабка-крысоловка.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Альмерсовъ на берегу фьорда, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Красиво и богато обставленная комната, выходящая въ садъ. Масса мебели, цвѣтовъ и растеній. Въ глубинѣ открытыя стеклянныя двери на веранду. Широкій видъ на фьордъ. Вдали поросшіе лѣсомъ горные склоны. Въ каждой изъ боковыхъ стѣнъ по двери; дверь направо двустворчатая и приходится въ глубинѣ комнаты. Впереди же у правой стѣны оттоманка съ подушками, покрытая коврами. Рядомъ съ оттоманкой столикъ и нѣсколько стульевъ. Впереди налѣво столъ; вокругъ него стулья. На столѣ раскрытый чемоданъ.

Лѣто. Раннее теплое солнечное утро. Рита Альмерсъ стоитъ у стола спиной вправо и вынимаетъ изъ чемодана вещи. Она красивая, пышная блондинка высокаго роста, лѣтъ тридцати. Одѣта въ свѣтлое утреннее платье.

Немного погодя справа входитъ фрёкенъ Аста Альмерсъ, стройная дѣвушка средняго роста, лѣтъ двадцати пяти, съ темными волосами и глубокими серьезными глазами. Одѣта въ свѣтло-коричневое лѣтнее платье и жакетъ; на головѣ шляпка, въ рукахъ зонтикъ, а подъ мышкой довольно большой портфель съ замкомъ.

Аста (войдя). Здравствуй, милая Рита!

Рита (оборачиваясь и кивая). А, это ты, Аста? Такую рань изъ города? Такую даль?

Аста (снимаетъ съ себя жакетъ и шляпку и кладетъ на стулъ у дверей). Да мнѣ просто не сидѣлось сегодня на мѣстѣ. Такъ и тянуло навѣстить нашего маленькаго Эйольфа. Да и тебя. (Кладетъ портфель на диванъ) Вотъ я и прикатила на пароходѣ.

Рита (улыбаясь ей). А на пароходѣ, глядишь, встрѣтила кого-нибудь изъ добрыхъ друзей? Совершенно случайно, разумѣется.

Аста (спокойно). Нѣтъ, ни одной души знакомой. (Увидавъ чемоданъ) Но, Рита, что̀ это?

Рита (продолжая вынимать вещи изъ чемодана). Это чемоданъ Альфреда. Не узнаёшь развѣ?

Аста (подходя ближе, радостно). Какъ! Альфредъ вернулся?

Рита. Да, представь, совсѣмъ неожиданно, съ ночнымъ поѣздомъ.

Аста. Такъ вотъ что̀ я почувствовала! Вотъ что̀ тянуло меня сюда!.. И онъ ни слова не написалъ? Не предупредилъ хоть открытымъ письмомъ?

Рита. Ни словечкомъ.

Аста. И не телеграфировалъ?

Рита. Да, за часъ до пріѣзда. Коротко и сухо. (Смѣется) Правда, похоже на него?

Аста. Да-а. Онъ всегда все про себя держитъ.

Рита. Но тѣмъ больше радости было увидать его снова.

Аста. Могу себѣ представить.

Рита. На цѣлыя двѣ недѣли раньше, чѣмъ я ждала его!

Аста. Ну, и какъ же онъ? Хорошо себя чувствуетъ? Нѣтъ этого уныніи?

Рита (захлопывая чемоданъ и улыбаясь). Знаешь, когда онъ показался тутъ въ дверяхъ, лицо у него было какое-то просвѣтленное.

Аста. И нисколько не былъ утомленъ?

Рита. Ну, утомленъ-то, я думаю, былъ. И даже очень. Бѣдняга бо́льшую часть пути пѣшкомъ прошелъ.

Аста. Да и горный воздухъ оказался, пожалуй, слишкомъ рѣзокъ для него.

Рита. Не думаю. Не кашлянулъ ни разу, какъ пріѣхалъ.

Аста. Вотъ видишь! Такъ, значитъ, хорошо все-таки, что докторъ уговорилъ его сдѣлать эту экскурсію.

Рита. Да, теперь, когда это уже позади, то... Но, повѣрь, для меня это было ужаснос время, Аста. Я только говорить объ этомъ не хотѣла. Да и ты такъ рѣдко заглядывала ко мнѣ...

Аста. Да, пожалуй, это нехорошо было съ моей стороны... но...

Рита. Ну да, да... у тебя же школа, знаю. (Улыбаясь) Да и нашъ путеецъ уѣхалъ.

Аста. Ахъ, оставь ты это, Рита!

Рита. Ну-ну-ну! Оставимъ путейца. Но знала бы ты, какъ я тосковала по Альфреду! Такая пустота въ домѣ. У! Точно послѣ покойника.

Аста. Но, Боже мой, какихъ-нибудь шесть-семь недѣль...

Рита. Да, но ты не забудь, что мы еще ни разу не разставались съ Альфредомъ. Даже на сутки. Ни разу за всѣ эти десять лѣтъ...

Аста. Такъ и пора ему было немножко провѣтриться, право. Ему бы слѣдовало предпринимать такія экскурсіи въ горы каждое лѣто. Вотъ что́.

Рита (полусмѣясь). Да, да, хорошо тебѣ разговаривать. Будь я такая благоразумная, какъ ты, я, вѣрно, отпустила бы его и раньше — можетъ-быть. Но мнѣ все казалось, что я никакъ не могу, Аста. Мнѣ представлялось, что я ужъ никогда не увижу его больше. Развѣ это тебѣ не понятно?

Аста. Нѣтъ. Вѣрно, потому, что мнѣ некого терять.

Рита (съ поддразнивающей улыбкой). Такъ-таки ужъ и некого?..

Аста. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю никого. (Обрывая) Но скажи мнѣ, Рита, гдѣ же Альфредъ? Спитъ, что ли?

Рита. Куда! И сегодня поднялся спозаранку, какъ всегда.

Аста. Ну такъ, вѣрно, не слишкомъ былъ утомленъ вчера.

Рита. Нѣтъ, вчера ночью былъ очень утомленъ. Когда пріѣхалъ. Но теперь онъ ужъ цѣлый часъ сидитъ тамъ у себя съ Эйольфомъ.

Аста. Бѣдный мальчикъ, — такой маленькій, блѣдненькій. Неужели онъ опять будетъ все учиться и учиться?

Рита (пожимая плечами). Альфредъ такъ хочетъ, ты знаешь.

Аста. Да, но, по-моему, тебѣ слѣдовало бы возстать противъ этого, Рита.

Рита (нѣсколько недовольнымъ тономъ). Нѣтъ, знаешь, въ это я никакъ не могу вмѣшиваться. Въ такихъ дѣлахъ Альфредъ долженъ понимать гораздо больше меня. Да и чѣмъ же, по-твоему, заниматься Эйольфу? Бѣгать, играть, какъ другія дѣти, онъ вѣдь не можетъ.

Аста (рѣшительно). Я поговорю объ этомъ съ Альфредомъ.

Рита. Да, дорогая, пожалуйста. А, вотъ и...

(Слѣва входитъ Альфредъ Альмерсъ, стройный, худощавый, изящнаго сложенія человѣкъ лѣтъ тридцати шести-семи, съ кроткими глазами, негустыми темными волосами и бородой и съ серьезнымъ, задумчивымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ по-лѣтнему. Ведетъ за руку Эйольфа, одѣтаго въ костюмъ военнаго покроя съ золотыми шнурами и золотыми пуговицами съ гербами. Мальчикъ ходитъ, опираясь на костыль, такъ какъ лѣвая нога у него сведена; онъ маленькаго роста, болѣзненнаго вида, но съ красивыми, умными глазами).

Альмерсъ (выпуская руку Эйольфа, радостно идетъ къ Астѣ, протягивая ей обѣ руки). Аста! Милочка Аста! Такъ ты здѣсь! Вотъ славно, сразу увидѣть и тебя!

Аста. Меня сегодня какъ-то потянуло сюда... Съ пріѣздомъ!

Альмерсъ (пожимая ея руки). Спасибо тебѣ!

Рита. Ну, развѣ у него не великолѣпный видъ?

Аста (не отрывая отъ него взгляда). Восхитительный, прямо восхитительный! Глаза такіе оживленные! Вѣрно, страшно много написалъ дорогой. (Радостно) Пожалуй, вся книга уже готова, Альфредъ?

Альмерсъ (пожимая плечами). Книга?.. Ну, она-то...

Аста. Я такъ и думала, что у тебя пойдетъ на ладъ, какъ только тебѣ удастся вырваться.

Альмерсъ. И я такъ думалъ. Ну, а вышло, видишь ли, совсѣмъ не такъ. Я не написалъ ни одной строки дальше.

Аста. Ни одной!..

Рита. То-то — я удивилась — вся бумага лежитъ нетронутой въ чемоданѣ.

Аста. Но, милый Альфредъ, что же ты дѣлалъ все это время?

Альмерсъ (улыбаясь). Ходилъ и все думалъ, думалъ, думалъ...

Рита (обнимая его за плечо рукой). Думалъ немножко и о тѣхъ, кто оставался дома?

Альмерсъ. Еще бы. И даже много. Каждый Божій день.

Рита (опустивъ руку). Ну, такъ, значитъ, все превосходно.

Аста. Но ровно ничего не написалъ? И все-таки такой ве-

селый и довольный? Вообще съ тобой этого не бываетъ. То-есть, когда работа у тебя не идетъ.

Альмерсъ. Ты права. Прежде я былъ глупъ, видишь ли. Мыслить, думать — лучше этого нѣтъ ничего. Въ мысляхъ все лучшее. А то, что попадаетъ на бумагу, немногаго стоитъ.

Аста (съ изумленіемъ). Немногаго стоитъ!..

Рита (смѣясь). Да ты въ умѣ ли, Альфредъ!

Эйольфъ (довѣрчиво глядя на отца). Нѣтъ, папа, — то, что ты пишешь, стоитъ.

Альмерсъ (улыбаясь и гладя его по головѣ). Да, да, ужъ коли ты это говоришь, то... Но, повѣрь мнѣ, придетъ время, явится другой и напишетъ все это еще лучше.

Эйольфъ. Кто же это такой? Скажи!

Альмерсъ. Дай срокъ. Придетъ, тогда и заявитъ о себѣ самъ.

Эйольфъ. А ты что же будешь дѣлать тогда?

Альмерсъ (серьезно). Я тогда опять уйду въ горы...

Рита. Фи, стыдно, Альфредъ!

Альмерсъ. На самыя высоты, на просторъ.

Эйольфъ. А какъ ты думаешь, папа, я скоро выздоровѣю такъ, чтобы ходить съ тобой?

Альмерсъ (видимо, больно задѣтый). Да, можетъ-быть, милый мой мальчуганъ.

Эйольфъ. Вотъ важно-то будетъ, когда и я тоже начну лазить по горамъ.

Аста (желая перемѣнить разговоръ). Да какой же ты сегодня парядный, Эйольфъ!

Эйольфъ. Правда, тетя?

Аста. Еще бы! Это ты ради пріѣзда папы надѣлъ новый костюмъ?

Эйольфъ. Да, я попросилъ у мамы. Мнѣ хотѣлось показаться въ немъ папѣ.

Альмерсъ (тихо Ритѣ). Не надо бы тебѣ дѣлать ему такихъ костюмовъ.

Рита (вполголоса). Ахъ, онъ такъ долго приставалъ ко мнѣ... такъ упрашивалъ... покоя не давалъ.

Эйольфъ. И вотъ еще что, папа, — Боргеймъ купилъ мнѣ лукъ. И выучилъ меня стрѣлять.

Альмерсъ. Да, это какъ разъ по твоей части, Эйольфъ.

Эйольфъ. А когда опять къ намъ придетъ, я попрошу его выучить меня и плавать.

Альмерсъ. Плавать! Это еще зачѣмъ тебѣ?

Эйольфъ. Да всѣ мальчики у насъ на берегу умѣютъ. Одинъ я не умѣю.

Альмерсъ (растроганный, обнимая его). Учись себѣ всему, чему только хочешь! Къ чему у тебя есть охота.

Эйольфъ. А знаешь, къ чему у меня больше всего охоты?

Альмерсъ. Ну? Скажи.

Эйольфъ. Больше всего мнѣ хочется научиться быть солдатомъ.

Альмерсъ. Ахъ, милый Эйольфъ, есть много чего получше.

Эйольфъ. Да, но я вѣдь все равно долженъ идти въ солдаты, когда вырасту. Ты же знаешь.

Альмерсъ (стискивая руки). Да, да, да, увидимъ...

Аста (садясь къ столу налѣво). Эйольфъ! Поди-ка сюда ко мнѣ, я тебѣ что-то разскажу.

Эйольфъ (идя къ ней). Что, тетя?

Аста. Представь, Эйольфъ, я видѣла бабку-крысоловку.

Эйольфъ. Что? Бабку-крысоловку! Ну, это ты только такъ, нарочно.

Аста. Нѣтъ, правда. Я ее видѣла вчера.

Эйольфъ. Гдѣ же ты ее видѣла?

Аста. По дорогѣ, за городомъ.

Альмерсъ. И я ее видѣлъ въ одной деревушкѣ.

Рита (сидя на диванѣ). Пожалуй, и мы ее увидимъ, Эйольфъ.

Эйольфъ. Тетя, развѣ не странно, что ее зовутъ бабкой-крысоловкой?

Аста. Это ее прозвали такъ потому, что она ходитъ повсюду и выживаетъ крысъ.

Альмерсъ. А по-настоящему-то ее зовутъ, кажется, фрёкенъ Варгъ.

Эйольфъ. Варгъ? Это вѣдь значитъ волкъ.

Альмерсъ (гладя его по головѣ). Ты и это знаешь, Эйольфъ?

Эйольфъ (задумчиво). Такъ это, пожалуй, все-таки правда, что она оборотень и оборачивается по ночамъ. Ты вѣришь этому, папа?

Альмерсъ. Ну нѣтъ, не вѣрю. Но ты бы пошелъ теперь въ садъ, поигралъ немножко.

Эйольфъ. А не лучше ли мнѣ взять съ собой какую-нибудь книгу?

Альмерсъ. Нѣтъ, никакихъ книгъ больше не нужно. Лучше ужъ поди на берегъ къ другимъ мальчикамъ.

Эйольфъ (смущенно). Нѣтъ, папа, я не хочу сегодня идти къ другимъ мальчикамъ.

Альмерсъ. Почему такъ?

Эйольфъ. Потому что на мнѣ такой костюмъ.

Альмерсъ (наморщивъ лобъ). Развѣ они смѣются надъ твоимъ красивымъ костюмомъ?

Эйольфъ (уклончиво). Нѣтъ, этого они не смѣютъ. А то я бы побилъ ихъ.

Альмерсъ. Ну-ну, такъ въ чемъ же дѣло?

Эйольфъ. Да они такіе нехорошіе. Говорятъ, что мнѣ не быть солдатомъ.

Альмерсъ (сдерживая гнѣвъ). Почему же они это говорятъ, — какъ ты думаешь?

Эйольфъ. Вѣрно, имъ завидно на меня, папа. Они вѣдь такіе бѣдные, босикомъ ходятъ.

Альмерсъ (тихо, сдавленнымъ голосомъ). О, Рита... какъ мнѣ больно это слушать.

Рита (встаетъ; успокаивающе). Ну-ну-ну!

Альмерсъ (угрожающе). Узнаютъ же эти мальчишки, кто здѣсь хозяинъ на берегу.

Аста (прислушиваясь). Кто-то стучитъ.

Эйольфъ. Вѣрно, Боргеймъ.

Рита. Войдите!

(Справа потихоньку входитъ бабка-крысоловка — маленькая, худенькая, сморщенная и сѣдая старушонка съ острымъ взглядомъ. Одѣта по-старинному: платье цвѣтами, черный капоръ и салопъ. Въ рукахъ большой красный зонтикъ и черный мѣшокъ на шнуркахъ).

Эйольфъ (тихо хватая Асту за платье). Тетя! Это, вѣрно, она!

Бабка-крысоловка (присѣдая у дверей). Съ нижайшаго позволенія — нѣтъ ли у господъ чего такого, что грызетъ?

Альмерсъ. У насъ? Нѣтъ, не думаю.

Бабка-крысоловка. А то я отъ души услужила бы господамъ, избавила бы ихъ.

Рита. Да, да, понимаемъ. Но у насъ нѣтъ ничего такого.

Бабка-крысоловка. Вотъ незадача-то. А я какъ разъ теперь обходъ дѣлаю. И невѣсть когда еще вернусь въ эти края опять. Охъ, умаялась же я!

Альмерсъ (указывая на стулъ). Да, это видно.

Бабка-крысоловка. Не слѣдъ, конечно, уставать дѣлать добро бѣднымъ маленькимъ тварямъ, которыхъ всѣ-то ненавидятъ, всѣ-то гонятъ. Да нелегко и самой достается; страсть сколько силъ уходитъ.

Рита. Не присядете ли отдохнуть немножко?

Бабка-крысоловка. Покорно благодарствую. (Садится на стулъ между дверью и оттоманкой) Всю ночь на работѣ провела.

Эйольфъ. Вотъ какъ?

Бабка-крысоловка. Да, на островахъ. (Съ тихимъ клокочущимъ смѣшкомъ) Посылали за мной, право слово. А, видно, больно имъ не хотѣлось; да дѣлать нечего, пришлось — волей-нево-

лей. (Глядитъ на Эйольфа и киваетъ) Волей-неволей, маленькій баринъ, волей-неволей.

Эйольфъ (невольно, нѣсколько испуганный). Почему же имъ пришлось такъ?..

Бабка-крысоловка. Какъ?

Эйольфъ. Волей-неволей?

Бабка-крысоловка. Да житья отъ нихъ не стало. Отъ крысъ съ крысенятами, — понимаете, молодой баринъ.

Рита. У!.. Бѣдные люди! Такъ много у нихъ развелось?

Бабка-крысоловка. Видимо-невидимо. (Тихо, самодовольно посмѣиваясь) По кроватямъ прыгали всю ночь напролетъ. Въ молочные кувшины бултыхались. А по полу такъ и шныряли— вдоль и поперекъ.

Эйольфъ (тихо Астѣ). Я никогда туда не поѣду, тетя.

Бабка-крысоловка. Но тутъ пришла я... съ кѣмъ-то. И мы всѣхъ ихъ забрали съ собой. Миленькія крошки! Всѣхъ забрали, и — конецъ имъ.

Эйольфъ (съ крикомъ). Папа! Смотри, смотри!

Рита (вздрагивая). Ахъ, Эйольфъ!

Альмерсъ. Въ чемъ дѣло?

Эйольфъ (указывая). Въ мѣшкѣ что-то барахтается.

Рита (отшатываясь налѣво). У! Убери ты ее, Альфредъ!

Бабка-крысоловка (смѣясь). Ахъ, милая барынька, не бойтесь же такой маленькой чучелки!

Альмерсъ. Да что тамъ у васъ такое?

Бабка-крысоловка. Мопсикъ мой — только и всего. (Развязываетъ мѣшокъ) Ну-ну, вылѣзай на свѣтъ Божій, дружочекъ мой возлюбленный.

(Изъ мѣшка высовывается собачонка съ широкой черной мордой).

Бабка-крысоловка (кивая и маня Эйольфа). Подите, подите сюда поближе, не бойтесь, маленькій раненый воинъ. Онъ не кусается. Подите сюда! Подите!

Эйольфъ (держась за Асту). Нѣтъ, боюсь.

Бабка-крысоловка. Развѣ онъ вамъ не полюбился, молодой баринъ? Такая милая, славная мордочка.

Эйольфъ (съ изумленіемъ указывая на собаку). У него-то?

Бабка-крысоловка. Ну да, да.

Эйольфъ (вполголоса, не отрывая глазъ отъ мопса). По-моему, престрашная... Я такой и не видалъ еще.

Бабка-крысоловка (закрывая мѣшокъ). Ну, стерпится — слюбится.

Эйольфъ (невольно подходитъ поближе, наконецъ совсѣмъ вплотную и слегка поглаживаетъ мѣшокъ). Прелестный... онъ все-таки прелестный.

Бабка-крысоловка (тихо, заботливо). Теперь-то онъ больно ужъ умаялся, уморился, бѣдняжка. Страсть какъ уморился. (Глядитъ на Альмерса) Уморишься отъ такой игры, ужъ повѣрьте мнѣ, баринъ.

Альмерсъ. Отъ какой игры?

Бабка-крысоловка. Въ заманыши.

Альмерсъ. Ага, такъ заманиваетъ крысъ собака?

Бабка-крысоловка (кивая). Моисикъ и я. Оба вмѣстѣ. И все идетъ у насъ, какъ по маслу. Съ виду, то-есть. Привяжу его на веревочку за ошейникъ да обведу его три раза вокругъ дома. А сама играю на губной гармоникѣ. И тѣ, какъ заслышатъ, такъ и полѣзутъ — изо всѣхъ щелей, изъ погребовъ, съ чердаковъ и изъ подпольевъ, — милыя крошки.

Эйольфъ. А онъ ихъ загрызаетъ до смерти?

Бабка-крысоловка. Зачѣмъ? Нѣтъ! Мы идемъ съ нимъ къ лодкѣ. А онѣ за нами. И большія и малюсенькія — всѣ.

Эйольфъ (напряженно). А потомъ?.. Разскажите!

Бабка-крысоловка. Потомъ мы отчаливаемъ. Я гребу однимъ весломъ и играю на губной гармоникѣ, а моисикъ мой плыветъ за лодкой. (Сверкая глазами) И все, что скребетъ и грызетъ — за нами, по водѣ. Волей-неволей.

Эйольфъ. Почему же?

Бабка-крысоловка. Да вотъ какъ разъ потому, что не хотятъ. Онѣ ужасно боятся воды, вотъ ихъ и тянетъ въ воду.

Эйольфъ. И потомъ онѣ тонутъ?

Бабка-крысоловка. Всѣ до единой. (Понижая голосъ) Тамъ имъ хорошо, глубоко, темно, тихо, милымъ крошкамъ. Лежатъ себѣ, спятъ тамъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Всѣ тѣ, кого люди ненавидятъ и гонятъ. (Встаетъ) Да, прежде — такъ мнѣ и моисса не нужно было. Сама заманивала. Одна.

Эйольфъ. Кого же вы заманивали?

Бабка-крысоловка. Людей. Особенно одного.

Эйольфъ (напряженно). Ахъ, разскажите, кого это?..

Бабка-крысоловка (смѣясь). Возлюбленнаго своего, маленькій сердцеѣдъ.

Эйольфъ. Гдѣ же онъ теперь?

Бабка-крысоловка (жестко). Тамъ, съ крысами. (Снова смягчая тонъ) Ну, пора теперь и на работу. Все съ мѣста на мѣсто. (Ритѣ) Такъ-таки и не нужно господамъ моей помощи? Не то заодно бы ужъ...

Рита. Нѣтъ, спасибо. Намъ, право, не нужно.

Бабка-крысоловка. Да, да, милая барыня... какъ знать?.. А ежели только господа замѣтятъ, что у нихъ что-то скребетъ и

грызетъ, — кликните только насъ съ моисомъ. Прощайте, прощайте. (Уходитъ направо).

Эйольфъ (тихо, торжествующе). Подумай, тетя! Вотъ и я теперь видѣлъ бабку-крысоловку!

(Рита уходитъ на веранду, обмахиваясь платкомъ. Немного погодя и Эйольфъ потихоньку уходитъ направо).

Альмерсъ (перекладывая портфель съ дивана на столъ). Это твой портфель, Аста?

Аста. Да. Тамъ у меня кое-какія старыя письма.

Альмерсъ. А! Изъ нашихъ семейныхъ бумагъ...

Аста. Ты вѣдь просилъ меня привести ихъ въ порядокъ за твое отсутствіе.

Альмерсъ (гладя ее по головѣ). И на это нашла-таки время?

Аста. Ну да. Частью занималась этимъ тутъ, частью у себя въ городѣ.

Альмерсъ. Спасибо, дорогая! Ну, и что же, нашла что-нибудь такое особенное?

Аста (вскользь). Да... самъ знаешь, въ такихъ старыхъ бумагахъ всегда что-нибудь да отыщется. (Тише, серьезно) Тутъ въ портфелѣ матушкины письма.

Альмерсъ. Ихъ ты, понятно, можешь оставить у себя.

Аста (съ усиліемъ). Нѣтъ. Я хочу, чтобы и ты прочелъ ихъ, Альфредъ... когда-нибудь... въ другой разъ. Сегодня я не захватила съ собой ключа отъ портфеля.

Альмерсъ. И не нужно, дорогая Аста. Я во всякомъ случаѣ не стану читать этихъ писемъ.

Аста (пристально глядя на него). Такъ я когда-нибудь... въ одинъ тихій вечерокъ разскажу тебѣ кое-что изъ нихъ.

Альмерсъ. Ну, это можешь. Но оставь у себя матушкины письма. У тебя немного осталось на память о ней. (Подаетъ Астѣ портфель. Она беретъ и кладетъ его на стулъ подъ свой жакетъ).

(Рита входитъ въ комнату).

Рита. У, какъ мнѣ жутко стало! Послѣ этой старушонки тутъ, право, какъ будто покойникомъ пахнетъ.

Альмерсъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, при ней какъ-то не по себѣ становится.

Рита. Я просто сама не своя была все время, пока она тутъ сидѣла.

Альмерсъ. Впрочемъ, мнѣ вполнѣ понятна эта манящая, неотразимо влекущая сила, о которой она толковала. Нѣчто подобное имѣетъ въ себѣ уединеніе среди горныхъ вершинъ.

Аста (внимательно глядитъ на него). Что такое произошло съ тобой, Альфредъ?

Альмерсъ (съ улыбкой). Со мной?

Аста. Да, что-то такое есть. Словно превращеніе какое-то. И Рита замѣтила.

Рита. Сразу, какъ только ты вошелъ. Но оно вѣдь къ лучшему, Альфредъ?

Альмерсъ. Должно-быть, къ лучшему. Да такъ и будетъ.

Рита (порывисто). Съ тобой произошло что-то въ пути. Не отнѣкивайся. Я вижу по твоему лицу.

Альмерсъ (качая головой). Ничего ровно... то-есть во внѣшнемъ смыслѣ. Но...

Рита (напряженно). Но?..

Альмерсъ. Внутри меня, правда, совершился нѣкоторый переломъ.

Рита. Боже!..

Альмерсъ (успокоительно, поглаживая ея руку). Къ лучшему, дорогая Рита. Можешь быть спокойна.

Рита (садясь на диванъ). Непремѣнно сейчасъ же разскажи намъ. Обо всемъ!

Альмерсъ (оборачиваясь къ Астѣ). Ну такъ сядемъ и мы. Попробую разсказать, какъ сумѣю.

(Садится на диванъ рядомъ съ Ритой. Аста подвигаетъ стулъ и садится рядомъ съ Альмерсомъ. Короткая пауза).

Рита (смотритъ на него въ напряженномъ ожиданіи). Ну?..

Альмерсъ (глядя передъ собою). Какъ оглянусь я назадъ на свою жизнь... подумаю о своей судьбѣ... за послѣднія десять-одиннадцать лѣтъ, — она кажется мнѣ какой-то сказкой, сномъ. Вѣрно, и тебѣ тоже, Аста?

Аста. Да, во многихъ отношеніяхъ и мнѣ.

Альмерсъ (продолжая). Какъ подумаю, что̀ такое представляли мы съ тобою, Аста, прежде. Двое бѣдныхъ, жалкихъ сиротъ...

Рита (съ нетерпѣніемъ). Ахъ, да вѣдь это ужъ давно было.

Альмерсъ (не слушая ея). А теперь я окруженъ довольствомъ, роскошью. Получилъ возможность отдаться своему призванію. Работать, заниматься... по своей волѣ и охотѣ. (Протягивая руку) И всѣмъ этимъ огромнымъ непостижимымъ счастьемъ мы обязаны тебѣ, дорогая Рита.

Рита (полусмѣясь, полусердясь, слегка ударяетъ его по рукѣ). Да будетъ тебѣ глупости говорить!

Альмерсъ. Я это только въ видѣ вступленія...

Рита. Ахъ, пропусти его!

Альмерсъ. Рита... не думай, что это врачъ своими совѣтами погналъ меня въ горы.

Аста. Нѣтъ?

Рита. Что̀ же погнало тебя?

Альмерсъ. То, что я не находилъ больше покоя за своимъ письменнымъ столомъ.

Рита. Не находилъ покоя? Милый, кто же мѣшалъ тебѣ?

Альмерсъ (качая головой). Никто—внѣшнимъ образомъ. Но у меня было такое чувство, какъ будто я прямо злоупотребляю... или нѣтъ — пренебрегаю лучшими своими способностями. Что я убиваю время зря.

Аста (удивленно глядя на него). Это когда ты сидѣлъ и работалъ надъ книгой?

Альмерсъ (кивая). Не на одно же это я способенъ. Долженъ же я былъ годиться и еще на что-нибудь.

Рита. Такъ ты объ этомъ и задумывался?

Альмерсъ. Да, больше всего объ этомъ.

Рита. Вотъ отчего ты и былъ такъ недоволенъ собой въ послѣднее время. И нами всѣми. Ты вѣдь былъ недоволенъ и нами, Альфредъ.

Альмерсъ (глядя передъ собой). Я сидѣлъ, не разгибая спины, и писалъ, писалъ день за днемъ. Иногда и ночи захватывалъ. Все писалъ и писалъ большую, толстую книгу объ «Отвѣтственности человѣческой». Гм!

Аста (взявъ его за руку). Но, милый... книга эта вѣдь должна была явиться твоимъ капитальнымъ трудомъ. Плодомъ всей твоей жизни.

Рита. Да, ты это говорилъ много разъ.

Альмерсъ. Мнѣ самому такъ казалось все время. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я возмужалъ. (Съ теплымъ взглядомъ) И вотъ ты дала мнѣ возможность взяться за этотъ трудъ, ты, дорогая Рита!

Рита. Э, пустое!

Альмерсъ (улыбаясь ей). Ты принесла мнѣ золотыя горы...

Рита (полусмѣясь, полудосадуя). Если ты не оставишь этихъ глупостей, я прибью тебя!

Аста (глядитъ на него съ огорченіемъ). А книга, книга, Альфредъ?

Альмерсъ. Она вдругъ стала какъ-то отходить отъ меня, отступать на второй планъ. Зато все ближе и ближе подступали мысли о болѣе высокихъ обязанностяхъ, которыя предъявляли ко мнѣ свои требованія.

Рита (сіяя, схватываетъ его руку). Альфредъ!

Альмерсъ. Мысли объ Эйольфѣ, дорогая Рита.

Рита (разочарованно, выпуская руку). А... объ Эйольфѣ!

Альмерсъ. Бѣдняжка Эйольфъ все глубже и глубже проникалъ мнѣ душу. Послѣ того несчастнаго паденія со стола... И особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы удостовѣрились, что бѣда непоправима...

Рита. Но ты же заботишься о немъ, занимаешься съ нимъ, сколько можешь, Альфредъ!

Альмерсъ. Да, какъ наставникъ. Но не какъ отецъ. А теперь я хочу стать для Эйольфа отцомъ.

Рита (глядитъ на него и качаетъ головой). Я, вѣрно, не совсѣмъ тебя понимаю.

Альмерсъ. Я хочу сказать, что буду изо всѣхъ силъ стараться облегчить ему, смягчить для него, насколько возможно, то непоправимое...

Рита. Да полно. Слава Богу, самъ онъ едва ли чувствуетъ это такъ глубоко.

Аста (растроганно). Нѣтъ, Рита, чувствуетъ.

Альмерсъ. Да, повѣрь, глубоко чувствуетъ.

Рита (съ раздраженіемъ). Но, дорогой мой... что же еще ты можешь для него сдѣлать?

Альмерсъ. Хочу попытаться помочь ему разобраться во всѣхъ тѣхъ богатыхъ способностяхъ, которыя дремлютъ въ его дѣтской душѣ. Попытаюсь взрастить въ ней всѣ благородныя сѣмена... помочь имъ принести цвѣты и плоды. (Встаетъ и продолжаетъ съ возрастающимъ жаромъ) Больше! Я хочу помочь ему согласовать свои желанія съ тѣмъ, что ему доступно въ мірѣ. Теперь этого нѣтъ. Онъ всей душой стремится къ тому, что на всю жизнь останется для него недостижимымъ. Я же хочу создать въ его душѣ чувство довольства и счастья.

(Начинаетъ прохаживаться по комнатѣ. Аста и Рита не спускаютъ съ него глазъ).

Рита. Тебѣ бы слѣдовало относиться къ этому поспокойнѣе, Альфредъ.

Альмерсъ (останавливаясь у стола налѣво и глядя на нихъ). Эйольфъ будетъ продолжать мой трудъ. Если захочетъ, то-есть. Или изберетъ себѣ новый, самъ создастъ себѣ его. Пожалуй, это будетъ даже лучше. Во всякомъ случаѣ, я свой оставлю.

Рита (вставая). Но, милый Альфредъ... развѣ ты не могъ бы заниматься и своимъ трудомъ и Эйольфомъ?

Альмерсъ. Нѣтъ, не могу. Это невозможно! Я не могу дѣлить себя такимъ образомъ. И потому я поступаюсь своимъ трудомъ ради Эйольфа. Пусть Эйольфъ будетъ самымъ совершеннымъ изъ нашего рода. Я посвящу всю свою жизнь новому труду — помогу Эйольфу стать самымъ совершеннымъ.

Аста (встаетъ и подходитъ къ нему). Рѣшеніе это стоило тебѣ тяжелой борьбы, Альфредъ.

Альмерсъ. Да, правда. И дома мнѣ никогда бы не превозмочь себя самого. Не принудить бы себя къ отреченію. Дома—никогда.

Рита. Такъ ты затѣмъ и отправился въ горы?

Альмерсъ (съ сіяющими глазами). Да! Тамъ я очутился въ безконечномъ уединеніи. Видѣлъ, какъ утренняя заря занимается надъ вершинами, чувствовалъ себя ближе къ звѣздамъ. Словно понималъ ихъ, сливался съ ними. И вотъ — смогъ.

Аста (удрученно глядя на него). И больше ты никогда не возьмешься за книгу объ «Отвѣтственности человѣческой»?

Альмерсъ. Никогда, Аста. Не могу же я раздвоиться между двумя задачами. Но я хочу на дѣлѣ доказать отвѣтственность человѣческую—провести идею въ жизнь.

Рита (съ улыбкой). А ты думаешь, что сможешь остаться на высотѣ такихъ намѣреній, живя здѣсь, дома?

Альмерсъ (беретъ ее за руку). Въ союзѣ съ тобой — смогу. (Протягивая другую руку) И съ тобой, Аста.

Рита (отдергивая руку). Съ двумя, значитъ. Такъ ты все-таки можешь дѣлить себя.

Альмерсъ. Но, дорогая Рита!..

(Рита отходитъ отъ него и останавливается въ дверяхъ на порогѣ веранды).

(Въ дверяхъ направо раздаются легкіе, частые удары, и затѣмъ быстро входитъ инженеръ Борггеймъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ прямой осанкой, стройный, съ веселымъ и открытымъ выраженіемъ лица).

Борггеймъ. Здравствуйте, здравствуйте, фру Альмерсъ! (Останавливаясь въ радостномъ изумленіи при видѣ Альмерса) Что я вижу! Уже вернулись, господинъ Альмерсъ!

Альмерсъ (пожимая ему руку). Да, ночью сегодня.

Рита (весело). Дольше онъ не смѣлъ медлить, господинъ Борггеймъ.

Альмерсъ. Но это вѣдь неправда, Рита...

Рита (подходя). Конечно, правда. Срокъ отпуска его истекъ.

Борггеймъ. Вы такъ строго держите своего мужа, фру Альмерсъ?

Рита. Я держусь за свои права. И всему вѣдь долженъ же быть конецъ.

Борггеймъ. Ну, не всему — надѣюсь... Здравствуйте, фрёкенъ Альмерсъ!

Аста (какъ бы избѣгая его). Здравствуйте.

Рита (глядя на Борггейма). Не всему, говорите?

Борггеймъ. Да, я твердо вѣрю, что есть-таки на свѣтѣ кое-что, чему не бываетъ конца.

Рита. Вы, вѣрно, насчетъ любви... и тому подобнаго.

Борггеймъ (горячо). Насчетъ всего прекраснаго.

Рита. Чему не бываетъ конца? Ну хорошо, будемъ думать такъ. Будемъ надѣяться,—всѣ.

Альмерсъ (подходя къ нимъ). Вѣрно, скоро покончите здѣсь съ работами?

Борггеймъ. Вчера уже покончилъ. И то достаточно затянулись. Но, слава Богу, имъ-то насталъ конецъ.

Рита. Оттого вы такой и веселый?

Борггеймъ. Да, признаюсь!

Рита. Ну, скажу я!..

Борггеймъ. Что̀ скажете?

Рита. Что это не особенно любезно съ вашей стороны, господинъ Борггеймъ.

Борггеймъ. Да? Почему такъ?

Рита. Потому что теперь вамъ едва ли придется особенно часто заглядывать въ наши края.

Борггеймъ. Это правда. Я не подумалъ объ этомъ.

Рита. Ну, время отъ времени-то вы, конечно, все-таки будете насъ навѣщать

Борггеймъ. Къ сожалѣнію, пожалуй, надолго буду лишенъ всякой возможности.

Альмерсъ. Вотъ какъ? Почему же?

Борггеймъ. Да мнѣ поручаютъ новую крупную работу, и надо приниматься за нее немедленно.

Альмерсъ. Вотъ какъ? (Пожимая ему руку) Сердечно радъ.

Рита. Поздравляю, поздравляю, господинъ Борггеймъ!

Борггеймъ. Тсс, тсс,—въ сущности я еще не имѣю права говорить объ этомъ громко. Но я не могъ утерпѣть... Работа предстоитъ трудная,—прокладка пути тамъ, на сѣверѣ, черезъ горные кряжи... Предстоитъ преодолѣть самыя невѣроятныя трудности. (Въ невольномъ порывѣ) О, чудный, великій міръ! И что̀ за счастье прокладывать въ тебѣ все новые и новые пути!

Рита (улыбаясь и слегка поддразнивая). Вы только затѣмъ и влетѣли къ намъ сегодня, какъ угорѣлый, чтобы подѣлиться съ нами этой новостью?

Борггеймъ. Нѣтъ, не только затѣмъ. Но чтобы подѣлиться съ вами и тѣми свѣтлыми, заманчивыми видами на будущее, которые открываются мнѣ при этомъ.

Рита (попрежнему). Ага, такъ, пожалуй, имѣется въ виду что-нибудь еще болѣе прекрасное!

Борггеймъ (искоса поглядывая на Асту). Какъ знать? Счастье коли хлынетъ, такъ ужъ обыкновенно рѣкой. (Оборачиваясь къ Астѣ) Фрёкенъ Альмерсъ, не прогуляться ли намъ съ вами немножко, по обыкновенію?

Аста (поспѣшно). Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ. Не сейчасъ. Не сегодня.

Борггеймъ. Ну, пойдемте! Ненадолго! Право, мнѣ столько надо разсказать вамъ передъ отъѣздомъ.

Рита. Тоже, можетъ-быть, нѣчто такое, о чемъ вы еще не имѣете права говорить громко?

Борггеймъ. Гм... это ужъ зависитъ отъ...

Рита. А то вы вѣдь отлично можете говорить на ушко. (Вполголоса) Аста, ну, поди же съ нимъ.

Аста. Милая Рита...

Борггеймъ (умоляюще). Фрёкенъ Аста... вспомните, это будетъ послѣдняя наша прогулка... надолго-надолго.

Аста (беретъ шляпку и зонтикъ). Ну-ну, походимъ по саду.

Борггеймъ. Благодарю, благодарю!

Альмерсъ. Да присмотрите заодно за Эйольфомъ.

Борггеймъ. Ахъ, да, гдѣ же Эйольфъ? Я кое-что принесъ ему.

Альмерсъ. Гдѣ-нибудь въ саду играетъ.

Борггеймъ. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ началъ играть? А то все сидитъ дома за книжкой.

Альмерсъ. Пора этому положить конецъ. Пусть растетъ на просторѣ, на вольномъ воздухѣ.

Борггеймъ. Правильно! И ему, бѣдняжкѣ, надо дать просторъ, свободу поиграть! Господи! Можетъ ли быть что-нибудь лучше игры на бѣломъ свѣтѣ? Мнѣ вся жизнь кажется игрой!.. Ну, пойдемте, фрёкенъ Аста!

(Борггеймъ и Аста выходятъ на веранду и спускаются въ садъ).

Альмерсъ. Рита... какъ ты думаешь, между ними есть что-нибудь?

Рита. Не знаю, какъ тебѣ сказать. Прежде мнѣ казалось— да. Но въ послѣднее время Аста какая-то странная стала. Я ея совсѣмъ не понимаю.

Альмерсъ. Да? Вотъ какъ? Это въ мое отсутствіе?

Рита. Да, за послѣднія двѣ-три недѣли — сдается мнѣ.

Альмерсъ. Такъ тебѣ ужъ не кажется, что она любитъ его?

Рита. Серьезно, всей душой, беззавѣтно, — нѣтъ. Этого не видно. (Пытливо смотритъ на него) Ну, а если бы она его любила — тебѣ это было бы не по душѣ?

Альмерсъ. Не то что не по душѣ, а долженъ признаться... какъ-то жутко представить себѣ...

Рита. Жутко?

Альмерсъ. Ты не забудь, что я отвѣчаю за Асту. За ея счастье.

Рита. Ахъ, полно — отвѣчаешь! Развѣ Аста не взрослая? Сама ужъ, кажется, въ состояніи понимать и сдѣлать свой выборъ.

Альмерсъ. Да, будемъ надѣяться, Рита.

Рита. Я, съ своей стороны, ничего дурного въ Борггеймѣ не вижу.

Альмерсъ. Дорогая... и я тоже. Напротивъ. Но все-таки...

Рита (продолжая). И мнѣ очень-очень хотѣлось бы, чтобы они поженились.

Альмерсъ (недовольнымъ тономъ). Почему такъ въ сущности?

Рита (съ возрастающимъ волненіемъ). Потому что ей пришлось бы тогда уѣхать съ нимъ далеко-далеко. И она ужъ никогда не могла бы бывать у насъ такъ часто, какъ теперь.

Альмерсъ (съ изумленіемъ вглядываясь въ нее). Что? Тебѣ бы хотѣлось избавиться отъ Асты!

Рита. Да, да, Альфредъ!

Альмерсъ. Да почему же?..

Рита (страстно обвивая руками его шею). Потому что тогда наконецъ ты былъ бы моимъ, моимъ и ничьимъ больше. Хотя... все-таки нѣтъ! Не вполнѣ моимъ. (Разражаясь слезами) О, Альфредъ, Альфредъ... я не могу уступить тебя!

Альмерсъ (осторожно высвобождаясь). Но, дорогая Рита... будь же благоразумной!

Рита. Не желаю я вовсе быть благоразумной! Я желаю одного — чтобы ты былъ моимъ. Ты одинъ нуженъ мнѣ въ цѣломъ мірѣ! (Снова бросается ему на шею) Ты, ты, ты!

Альмерсъ. Пусти же... ты задушишь меня!..

Рита (выпуская его). Ахъ, если-бъ я только могла! (Смотритъ на него, сверкая глазами) Зналъ бы ты, какъ я ненавидѣла тебя!..

Альмерсъ. Ненавидѣла меня!..

Рита. Да — когда ты затворялся тамъ у себя и корпѣлъ надъ своей книгой. До поздней-поздней ночи. (Жалобно) Такъ долго... такъ поздно засиживался, Альфредъ... О, какъ я ненавидѣла твой трудъ!

Альмерсъ. Но теперь же этому конецъ.

Рита (съ рѣзкимъ смѣхомъ). Какъ же! Ты вѣдь задался новымъ — еще похуже.

Альмерсъ (возмущаясь). Похуже! По-твоему, ребенокъ хуже!

Рита (горячо). Да, разъ дѣло идетъ о нашихъ съ тобой отношеніяхъ. Ребенокъ — ребенокъ... вѣдь это вдобавокъ живой человѣкъ! (Все больше и больше разгорячаясь) Но я не потерплю этого, Альфредъ! Не потерплю, говорю тебѣ!

Альмерсъ (пристально глядитъ на нее и говоритъ вполголоса). Иногда я почти боюсь тебя, Рита.

Рита (угрюмо). Я сама себя боюсь часто. И вотъ потому-то берегись пробуждать во мнѣ злыя силы.

Альмерсъ. Но, ради Бога, развѣ я дѣлаю это?

Рита. Да, дѣлаешь, когда порываешь между нами самую завѣтную связь.

Альмерсъ (убѣдительно). Да подумай же, Рита. Вѣдь это твой собственный ребенокъ... наше единственное дитя.

Рита. Онъ мой лишь наполовину. (Съ новымъ порывомъ) Но ты долженъ быть моимъ, только моимъ! Всецѣло! Я въ правѣ требовать отъ тебя этого!

Альмерсъ (пожимая плечами). Ахъ, дорогая Рита... мало толку — требовать. Все должно даваться добровольно.

Рита (смотритъ на него съ напряженіемъ). А этого ты, пожалуй, не можешь больше?

Альмерсъ. Не могу. Я долженъ раздѣлить себя между Эйольфомъ и тобой.

Рита. А если бы Эйольфа не было на свѣтѣ? Что тогда?

Альмерсъ (уклончиво). Ну, тогда было бы дѣло другое. Тогда мнѣ некого было бы любить кромѣ тебя.

Рита (тихо, дрожащимъ голосомъ). Такъ лучше бы ему и не рождаться!

Альмерсъ (вскакивая). Рита! Ты сама не знаешь, что говоришь!

Рита (вся дрожа отъ волненія). Я родила его въ ужасныхъ мукахъ. Но я все перенесла съ восторгомъ и съ радостью — ради тебя.

Альмерсъ (съ теплымъ чувствомъ). Да, да, я знаю, знаю.

Рита (рѣшительно). Но этого и довольно. Я хочу жить, жить съ тобой. Одною жизнью съ тобой. Я не могу быть только матерью Эйольфа. Только его матерью. И ничѣмъ больше. Не хочу, говорятъ тебѣ! И не могу! Я хочу составлять для тебя все! Для тебя, Альфредъ!

Альмерсъ. Да такъ оно и есть, Рита. Черезъ нашего ребенка...

Рита. Ахъ, это все однѣ пріторныя, пошлыя фразы... и ничего больше! Нѣтъ, знаешь, это не по мнѣ! Я была создана *стать* матерью. Но не *быть* матерью. Ты долженъ брать меня такою, какова я есть, Альфредъ.

Альмерсъ. Но ты же такъ нѣжно любила Эйольфа прежде.

Рита. Мнѣ было такъ жаль его. Тебѣ вѣдь какъ будто не было и дѣла до него. Только все за книгу сажалъ его. Ты почти и не видѣлъ его вовсе.

Альмерсъ (медленно киваетъ головой). Да, я былъ слѣпъ. Тогда еще не пришло для меня время.

Рита (смотритъ на него). А теперь, значитъ, пришло?

Альмерсъ. Да, наконецъ. Теперь я вижу, что величайшая моя задача въ мірѣ — быть истиннымъ отцомъ для Эйольфа.

Рита. А для меня? Чѣмъ ты будешь для меня?

Альмерсъ (мягко). Тебя я буду любить попрежнему. Тихой, задушевной любовью. (Хочетъ взять ее за руки).

Рита (уклоняясь). Не нужно мнѣ твоей тихой, задушевной любви. Я хочу, чтобы ты былъ весь, весь мой! Только мой! Какъ было въ первое дивно-прекрасное время. (Запальчиво и жестко) Никогда въ жизни не помирюсь я на объѣдкахъ, на остаткахъ, Альфредъ!

Альмерсъ (кротко). Мнѣ казалось, что счастья должно хватить на всѣхъ насъ троихъ съ избыткомъ, Рита.

Рита (презрительно). Ты, значитъ, умѣешь довольствоваться малымъ. (Садится къ столу налѣво) Слушай же.

Альмерсъ (приближаясь). Ну? Что?

Рита (смотритъ на него затуманившимся взглядомъ). Когда я получила вчера вечеромъ твою телеграмму...

Альмерсъ. Ну? Что же?

Рита. ...Я одѣлась въ бѣлое...

Альмерсъ. Да, да, я замѣтилъ, ты была вся въ бѣломъ, когда я пріѣхалъ.

Рита. ...Распустила волосы...

Альмерсъ. ...Свои густые, роскошные волосы...

Рита. ...Они одѣли мнѣ плечи и спину...

Альмерсъ. Я видѣлъ, видѣлъ. О, какъ ты была прекрасна, Рита!

Рита. На обѣихъ лампахъ были розовые абажуры. И мы съ тобой были одни. Одни не спали во всемъ домѣ. А на столѣ стояло шампанское.

Альмерсъ. Я не пилъ его.

Рита (смотритъ на него съ горечью). Да, это правда. (Съ рѣзкимъ смѣхомъ) «Бокалъ твой полонъ былъ, но — ты его не пилъ», какъ говоритъ поэтъ. (Встаетъ съ кресла, усталой походкой идетъ къ дивану и садится, полулежа).

Альмерсъ (проходя по комнатѣ, останавливается передъ ней). Я былъ занятъ серьезными мыслями. Я рѣшился поговорить съ тобой о нашемъ будущемъ, Рита. И прежде всего объ Эйольфѣ.

Рита (улыбаясь). Ты такъ и сдѣлалъ, милый...

Альмерсъ. Нѣтъ, не успѣлъ. Ты начала раздѣваться.

Рита. Да, а ты тѣмъ временемъ говорилъ объ Эйольфѣ. Припомни-ка! Ты спрашивалъ, какъ его желудокъ.

Альмерсъ (глядя на нее съ упрекомъ). Рита!..

Рита. А потомъ улегся. И преспокойно уснулъ себѣ.

Альмерсъ (качая головой). Рита... Рита!

Рита (совсѣмъ ложась на диванъ и глядя на него). Да, Альфредъ...

Альмерсъ. Что?

Рита. «Бокалъ твой полонъ былъ, но — ты его не пилъ».

Альмерсъ (почти жестко). Ну да. Не пилъ.

(Отходитъ отъ нея и становится на порогѣ террасы. Рита лежитъ съ минуту неподвижно, закрывъ глаза).

Рита (вдругъ вскакивая). Но одно я тебѣ скажу, Альфредъ...

Альмерсъ (оборачиваясь). Ну?

Рита. Не будь такъ самоувѣренъ!

Альмерсъ. Самоувѣренъ?

Рита. Да, не будь такъ безпеченъ. Такъ увѣренъ въ томъ, что я... вся твоя!

Альмерсъ (подходя поближе). Что ты хочешь сказать этимъ?

Рита (съ вздрагивающимъ ртомъ). Никогда, ни разу не измѣнила я тебѣ даже мыслью, Альфредъ! Ни на минуту.

Альмерсъ. Знаю, Рита, знаю. Я вѣдь хорошо тебя знаю.

Рита (сверкая глазами). Но если ты вздумаешь пренебрегать мной...

Альмерсъ. Пренебрегать!.. Я не понимаю, къ чему ты клонишь?

Рита. О, ты еще не знаешь, что со мною можетъ сдѣлаться, если...

Альмерсъ. Если?..

Рита. Если я когда-нибудь замѣчу, что твои чувства ко мнѣ измѣнились, что ты любишь меня не попрежнему...

Альмерсъ. Но, дорогая моя Рита... годы мѣняютъ человѣка... и перемѣна эта должна же когда-нибудь сказаться и въ насъ, въ нашихъ отношеніяхъ. Какъ во всѣхъ другихъ.

Рита. Только не во мнѣ! И я знать не хочу никакихъ перемѣнъ и въ тебѣ! Я не перенесла бы этого, Альфредъ. Я хочу, чтобы ты оставался всегда всецѣло моимъ, только моимъ.

Альмерсъ (озабоченно смотритъ на нее). Ты ужасно ревнива...

Рита. Я не могу сдѣлаться иной, чѣмъ есть. (Угрожающимъ тономъ) Если ты станешь дѣлить себя между мной и кѣмъ-нибудь другимъ...

Альмерсъ. Ну?..

Рита. Я отомщу тебѣ, Альфредъ!

Альмерсъ. Чѣмъ же ты можешь отомстить?

Рита. Не знаю... Нѣтъ, знаю, знаю!

Альмерсъ. Ну?

Рита. Пойду и брошусь, очертя голову!..

Альмерсъ. Бросишься, очертя голову?..

Рита. Да. Брошусь на шею первому встрѣчному!

Альмерсъ (смотритъ на нее съ теплымъ чувствомъ и качаетъ головой). Этого ты никогда не сдѣлаешь... моя честная, гордая, вѣрная Рита.

Рита (обвивая его шею руками). Ахъ, ты не знаешь, чѣмъ я могу стать... если ты меня не захочешь знать.

Альмерсъ. Не захочу тебя знать, Рита? Какъ ты можешь такъ говорить!

Рита (полусмѣясь, выпускаетъ его). А я вѣдь могла бы заманить въ свои сѣти этого путейца.

Альмерсъ (переводя духъ). Слава Богу, ты просто шутишь.

Рита. Вовсе нѣтъ. Почему бы и не его, какъ всякаго другого?

Альмерсъ. Потому что онъ, кажется, уже довольно прочно привязанъ.

Рита. Тѣмъ лучше! Значитъ, я бы отняла его у другого человѣка. Отняла бы. Точь въ точь, какъ Эйольфъ поступаетъ со мной.

Альмерсъ. Ты говоришь, что нашъ Эйольфъ такъ поступаетъ съ тобой?

Рита (указывая пальцемъ). Видишь! Видишь! Стоитъ тебѣ заговорить объ Эойльфѣ — голосъ твой становится такимъ мягкимъ, дрожитъ. (Угрожающе сжимая кулаки) О, я прямо готова пожелать!.. Нѣтъ!

Альмерсъ (испуганно смотритъ на нее). Чего пожелать, Рита?..

Рита (отходя отъ него, съ горячностью). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не скажу! Никогда!

Альмерсъ (опять подходитъ къ ней). Рита! Умоляю тебя... ради тебя самой и ради меня... не поддавайся дурнымъ порывамъ.

(Изъ сада на веранду входятъ Борггеймъ и Аста. Оба взволнованы, хотя и владѣютъ собой. Серьезны и, видимо, разстроены. Аста остается на верандѣ. Борггеймъ входитъ въ комнату).

Борггеймъ. Ну вотъ, мы съ фрёкенъ Альмерсъ и прогулялись въ послѣдній разъ.

Рита (смотритъ на него, пораженная). А!.. И за этой прогулкой не послѣдуетъ болѣе продолжительной поѣздки?

Борггеймъ. Для меня — да.

Рита. Для васъ одного?

Борггеймъ. Да, для меня одного.

Рита (угрюмо косится на Альмерса). Слышишь, Альфредъ? (Обращаясь къ Борггейму) Бьюсь объ закладъ, что это сыгралъ съ вами штуку чей-то недобрый глазъ!

Борггеймъ (глядитъ на нее). Недобрый глазъ?

Рита (кивая). Недобрый глазъ, да.

Борггеймъ. Вы вѣрите въ недобрый глазъ, фру Альмерсъ?

Рита. Начала вѣрить. Особенно въ дѣтскій.

Альмерсъ (возмущенный, шопотомъ). Рита... какъ ты можешь!..

Рита (вполголоса). Это ты дѣлаешь меня такой злой, гадкой, Альфредъ.

(Издали съ берега доносятся крики).

Борггеймъ (подходя къ стеклянной двери). Что это за крикъ?..

Аста (въ дверяхъ). Смотрите, всѣ бѣгутъ на пристань!

Альмерсъ. Что тамъ случилось? (Выглядываетъ тоже). Вѣрно, опять эти уличные ребятишки что-нибудь напроказили.

Борггеймъ (кричитъ, перегибаясь черезъ перила). Эй, вы, мальчуганы! Что тамъ такое?

(Нѣсколько голосовъ отвѣчаютъ наперебой).

Рита. Что они говорятъ?

Борггеймъ. Говорятъ, ребенокъ утонулъ.

Альмерсъ. Ребенокъ утонулъ?

Аста (тревожно). Говорятъ, маленькій мальчикъ.

Альмерсъ. Ну, они всѣ тутъ умѣютъ плавать.

Рита (въ испугѣ). А гдѣ Эйольфъ?

Альмерсъ. Не волнуйся. Эйольфъ вѣдь въ саду играетъ.

Аста. Нѣтъ, его въ саду не было...

Рита (всплескивая руками). О, только бы не онъ!

Борггеймъ (прислушиваясь и переспрашивая). Чей ребенокъ, говорите?

(Слышны опять неразборчивые отвѣты. Борггеймъ и Аста испускаютъ глухой крикъ и бросаются въ садъ).

Альмерсъ (въ смертельной тревогѣ). Это не Эйольфъ! Не Эйольфъ, Рита!

Рита (на верандѣ, прислушиваясь). Тсс! Тише! Дай мнѣ послушать, что они говорятъ! (Вдругъ съ пронзительнымъ крикомъ кидается назадъ въ комнату).

Альмерсъ (за нею). Что они говорятъ?

Рита (падая въ кресло налѣво). Они говорятъ: костыль плыветъ!

Альмерсъ (какъ пораженный громомъ). Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

Рита (хрипло). Эйольфъ! Эйольфъ! Нѣтъ, должны же они спасти его!

Альмерсъ (почти не помня себя). Какъ же иначе! Такую дорогую жизнь! Такую дорогую жизнь! (Бросается въ садъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небольшая узкая поляна въ лѣсу на берегу моря. Высокія старыя деревья обступаютъ мѣстечко слѣва. Въ глубинѣ, по склону, журчитъ ручей, теряющійся между камнями, на опушкѣ лѣса. Вдоль ручья извивается тропинка. Направо растутъ въ разбросъ нѣсколько деревьевъ, между которыми виденъ фьордъ. Впереди виднѣется уголъ навѣса для лодокъ и вытащенная на берегъ лодка. Подъ старыми деревьями налѣво столъ, скамья и нѣсколько стульевъ — все сколочено изъ тоненькихъ березовыхъ стволовъ. День сѣрый, ненастный; по небу несутся тучи. Альфредъ Альмерсъ, одѣтый какъ прежде, сидитъ на скамейкѣ,

опершись руками о столъ. Шляпа его лежитъ передъ нимъ. Онъ, не отрываясь, словно въ забытьѣ смотритъ вдаль на фьордъ.

Немного погодя по тропинкѣ спускается Аста съ раскрытымъ зонтикомъ.

Аста (тихо, осторожно подходя къ Альмерсу). Тебѣ бы не слѣдовало сидѣть тутъ въ такую ненастную погоду, Альфредъ.

Альмерсъ (медленно киваетъ, не отвѣчая).

Аста (закрывая зонтикъ). Ужъ я ходила-ходила, искала тебя.

Альмерсъ (машинально). Благодарю.

Аста (подвигаетъ себѣ стулъ и садится). Ты тутъ давно сидишь? Все время?

Альмерсъ (не отвѣчаетъ, но спустя нѣкоторое время говоритъ). Нѣтъ, я понять не могу. Просто непостижимо... все это.

Аста (съ участіемъ кладетъ на его руку свою). Бѣдный мой Альфредъ!

Альмерсъ (глядя на нее въ упоръ). Да неужели это въ самомъ дѣлѣ правда, Аста? Или я съ ума сошелъ? Или только во снѣ вижу? Ахъ, будь это лишь сонъ! Подумай, какъ хорошо было бы проснуться!

Аста. Ахъ, если бы я въ самомъ дѣлѣ могла разбудить тебя?

Альмерсъ (устремивъ взоръ опять на фьордъ). Какимъ безжалостнымъ кажется сегодня фьордъ. Такой тяжелый, сонный, свинцовый... съ желтизной... отражаетъ въ себѣ дождевыя тучи.

Аста (умоляюще). Альфредъ, да не смотри ты все на фьордъ!

Альмерсъ (не слушая ея). Таковъ онъ на поверхности — да. Но въ глубинѣ... гдѣ несется быстрое нижнее теченіе...

Аста (со страхомъ). Ахъ, ради Бога... не думай ты о глубинѣ!

Альмерсъ (кротко смотритъ на нее). По-твоему, онъ лежитъ гдѣ-нибудь тутъ у берега? Нѣтъ, Аста. Не думай этого. Не забудь, какое тутъ быстрое теченіе. Прямо въ море.

Аста (съ рыданіемъ припадаетъ къ столу, закрывъ лицо руками). Боже мой... Боже мой!

Альмерсъ (удрученно). Вотъ отчего маленькій Эйольфъ такъ далеко-далеко унесся отъ насъ.

Аста (смотритъ на него съ мольбой). Альфредъ, да не говори такъ!

Альмерсъ. Сама можешь высчитать. Ты вѣдь такая сообразительная... Въ двадцать восемь — двадцать девять часовъ... Постой... погоди...

Аста (кричитъ, затыкая уши). Альфредъ!..

Альмерсъ (ударяя кулакомъ по столу). Ну, а смыслъ-то... ты видишь смыслъ въ этомъ?

Аста (глядя на него). Въ чемъ?

Альмерсъ. Въ томъ, что сдѣлали со мной и Ритой?

Аста. Смыслъ?

Альмерсъ (нетерпѣливо). Ну да, смыслъ. Вѣдь долженъ же тутъ быть какой-нибудь смыслъ. Жизнь, бытіе, судьба не могутъ же быть лишены всякаго смысла.

Аста. О, кто же можетъ сказать объ этомъ что-нибудь вѣрное, положительное, Альфредъ?

Альмерсъ (съ горькимъ смѣхомъ). Да, да; ты права. Пожалуй, все идетъ, какъ придется; все. Вертится, несется, какъ остовъ разбитаго корабля безъ руля и безъ вѣтрилъ. Очень можетъ быть. По крайней мѣрѣ, съ виду такъ выходитъ.

Аста (задумчиво). А если это только такъ кажется?..

Альмерсъ (вспыливъ). Да? Такъ ты, пожалуй, можешь объяснить мнѣ это? Я не могу. (Мягче) Эйольфъ жилъ-жилъ, дожилъ какъ разъ до того времени, когда ему предстояло начать жить сознательно. Носилъ въ себѣ столько задатковъ. Пожалуй, богатыхъ задатковъ. Долженъ былъ наполнить мою жизнь радостью, гордостью. И вотъ, стоило явиться сюда помѣшанной старушонкѣ... показать собаку въ мѣшкѣ...

Аста. Да мы же совсѣмъ не знаемъ, какъ собственно это произошло.

Альмерсъ. Нѣтъ, знаемъ. Мальчики видѣли, какъ она гребла по фьорду. Видѣли, какъ Эйольфъ стоялъ одинъ на самомъ краю мостковъ. Видѣли, какъ онъ впился въ нее глазами... и вдругъ у него словно голова закружилась. (Дрожа) И вотъ онъ свалился... и исчезъ.

Аста. Да, да. Но все-таки...

Альмерсъ. Это она увлекла его въ глубину. Будь увѣрена.

Аста. Но, дорогой мой, зачѣмъ ей это было?

Альмерсъ. Да, вотъ оно! Зачѣмъ ей было? Возмездія тутъ не могло быть. То-есть искупленія вины — хочу я сказать. Эйольфъ не сдѣлалъ ей ничего дурного. Никогда не кричалъ ей вслѣдъ, не дразнилъ. Не швырялъ камнями въ собаку. Онъ до тѣхъ поръ никогда и въ глаза не видалъ ни ея ни собаки. Значитъ, тутъ не возмездіе было. Ни причинъ ни основаній. Ни тѣни смысла, Аста... И все-таки это понадобилось для поддержанія мірового порядка.

Аста. Ты говорилъ объ этомъ съ Ритой?

Альмерсъ (качая головой). Съ тобой мнѣ какъ-то легче говорится объ этомъ. (Тяжело вздыхаетъ). Да и обо всемъ...

(Аста достаетъ изъ кармана нитки, иголку и пакетикъ, завернутый въ бумагу. Альмерсъ сидитъ и безучастно смотритъ на нее).

Альмерсъ. Что у тебя тутъ, Аста?

Аста (беря его шляпу). Черный крепъ.

Альмерсъ. Ахъ, къ чему это?

Аста. Рита просила меня. Можно?

Альмерсъ. Какъ хочешь; мнѣ все равно.

(Аста прикрѣпляетъ къ шляпѣ полоску крепа).

Альмерсъ (смотритъ на нее). Гдѣ Рита?

Аста. Пошла, кажется, пройтись по саду. Съ ней Борггеймъ.

Альмерсъ (нѣсколько удивленно). Да? Борггеймъ и сегодня здѣсь?

Аста. Да. Пріѣхалъ въ полдень съ поѣздомъ.

Альмерсъ. Не ожидалъ.

Аста (шьетъ). Онъ такъ любилъ Эйольфа.

Альмерсъ. Борггеймъ — преданная душа, Аста.

Аста (съ сердечной теплотой въ голосѣ). Да, это вѣрно. Преданная душа.

Альмерсъ (пристально глядя на нее). Въ сущности ты любишь его.

Аста. Да, люблю.

Альмерсъ. И все-таки не можешь рѣшиться?..

Аста (перебивая). А, милый Альфредъ, оставь это!

Альмерсъ. Да, да... скажи мнѣ только, почему ты не можешь?..

Аста. Да нѣтъ же! Умоляю тебя! Пожалуйста, не спрашивай! Мнѣ это такъ больно, видишь ли... Ну вотъ, шляпа готова.

Альмерсъ. Благодарю.

Аста. Теперь надо еще нашить на лѣвый рукавъ.

Альмерсъ. И сюда еще?

Аста. Да, такъ полагается.

Альмерсъ. Ну, дѣлай, какъ хочешь.

Аста (подвигается къ нему поближе и начинаетъ шить). Не шевели рукой. А то я уколю тебя.

Альмерсъ (съ полуулыбкой). Точь въ точь, какъ въ старину.

Аста. Да, не правда ли?

Альмерсъ. Когда ты была еще дѣвочкой, ты тоже, бывало, возилась съ моимъ платьемъ.

Аста. Какъ умѣла.

Альмерсъ. Въ первый разъ ты взялась за иглу для меня... тоже, чтобы пришить крепъ.

Аста. Да?

Альмерсъ. Да. Къ моей студенческой фуражкѣ. Когда отецъ нашъ умеръ.

Аста. Такъ это я тебѣ тогда пришивала?.. Подумай, я не помню.

Альмерсъ. Еще бы, ты была совсѣмъ маленькой.

Аста. Да, маленькой.

Альмерсъ. А два года спустя... когда умерла твоя мать... ты нашила мнѣ крепъ и на рукавъ.

Аста. Мнѣ казалось, что такъ надо было.

Альмерсъ (гладитъ ея руку). Да, да, такъ и надо было, Аста. И вотъ мы съ тобой остались одни на бѣломъ свѣтѣ... Ты уже кончила?

Аста. Да. (Складываетъ швейныя принадлежности) А въ сущности, чудесное тогда настало для насъ съ тобой время, Альфредъ... когда мы остались одни, вдвоемъ.

Альмерсъ. Да, чудесное. Хоть и пришлось намъ побиться.

Аста. Бился-то ты.

Альмерсъ (нѣсколько оживленнѣе). Ну, и ты съ своей стороны старалась изо всѣхъ силъ... (Улыбаясь) Мой милый, вѣрный Эйольфъ!

Аста. Ахъ! Не напоминай мнѣ объ этой глупой выдумкѣ!

Альмерсъ. Ну, родись ты мальчикомъ, тебя вѣдь назвали бы Эйольфомъ.

Аста. Да, родись я мальчикомъ. Но ты, когда сталъ студентомъ... (Невольно улыбаясь) Подумать, что ты могъ все-таки такъ ребячиться.

Альмерсъ. Развѣ я ребячился?

Аста. Да, конечно, какъ подумаю теперь. Тебѣ стыдно было, что у тебя нѣтъ брата. Только сестра.

Альмерсъ. Нѣтъ, это тебѣ было стыдно-то.

Аста. Ну да, и мнѣ немножко, пожалуй. Кромѣ того, мнѣ какъ-то жаль было тебя...

Альмерсъ. Да, да. Вотъ ты и разыскала мой старый костюмъ...

Аста. Такой красивый, праздничный, да. Помнишь, синюю блузу и панталоны до колѣнъ?

Альмерсъ (пристально глядя на нее). Какъ хорошо я помню тебя въ этомъ костюмѣ.

Аста. Ну, я надѣвала его только, когда мы бывали съ тобой дома одни.

Альмерсъ. И какъ мы серьезно къ этому относились, важничали. Я безпрестанно называлъ тебя Эйольфомъ.

Аста. Однако, Альфредъ, надѣюсь, ты не разсказывалъ объ этомъ Ритѣ?

Альмерсъ. Нѣтъ, кажется, разсказывалъ какъ-то.

Аста. Ахъ, Альфредъ, какъ же ты могъ!..

Альмерсъ. Видишь ли... женѣ вѣдь все разсказываешь... или почти все.

Аста. Да, пожалуй.

Альмерсъ (словно очнувшись, хватаетъ себя за лобъ и вскакиваетъ). О-о! И я могу сидѣть тутъ и...

Аста (встаетъ и съ тревогой смотритъ на него). Что съ тобой?

Альмерсъ. Онъ какъ будто отошелъ отъ меня. Совсѣмъ, совсѣмъ.

Аста. Эйольфъ!

Альмерсъ. Я тутъ сидѣлъ и жилъ въ воспоминаніяхъ. А его тутъ не было.

Аста. Ахъ, Альфредъ... за всѣмъ этимъ вѣдь стоялъ маленькій Эйольфъ.

Альмерсъ. Его тутъ не было. Онъ выскользнулъ у меня изъ ума. Совсѣмъ вонъ изъ памяти. Онъ не всталъ предо мной ни на одну минуту, пока мы сидѣли тутъ и разговаривали съ тобой. Я совсѣмъ забылъ о немъ въ это время.

Аста. Ахъ, да надо же тебѣ хоть немножко отдохнуть отъ горя.

Альмерсъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... этого-то мнѣ и нельзя! Нельзя! Я не имѣю права. И сердце не велитъ. (Сильно взволнованный, идетъ направо) Одно мнѣ нужно — быть съ нимъ тамъ, гдѣ онъ лежитъ или носится теперь въ глубинѣ!

Аста (за нимъ, удерживая его). Альфредъ, Альфредъ! Не ходи на фьордъ!

Альмерсъ. Мнѣ надо къ нему! Пусти меня, Аста. Я хочу сѣсть въ лодку.

Аста (со страхомъ). Не ходи на фьордъ, говорю тебѣ!

Альмерсъ (сдаваясь). Хорошо, хорошо, не пойду. Только оставь меня.

Аста (подводя его къ столу). Дай отдохнуть своимъ мыслямъ, Альфредъ. Поди сюда и сядь.

Альмерсъ (хочетъ сѣсть на скамью). Да, да, какъ хочешь.

Аста. Нѣтъ, не садись тамъ.

Альмерсъ. Ахъ, дай мнѣ...

Аста. Нѣтъ, не надо! А то ты все сидишь и смотришь туда... (Заставляетъ его сѣсть на стулъ спиной направо). Ну вотъ. Такъ хорошо. (Сама садится на скамейку). И давай опять поговоримъ немножко.

Альмерсъ (тяжело дыша). Хорошо было хоть на минуту забыться отъ этой жгучей боли утраты.

Аста. И тебѣ это нужно, Альфредъ.

Альмерсъ. А по-твоему, это не признакъ ужасной вялости, тупости душевной, что я въ состояніи забываться?

Аста. Да нѣтъ же. Невозможно, я думаю, чтобы мысли вѣчно кружились все около одного и того же.

Альмерсъ. Да. Для меня невозможно. Пока ты не пришла, я сидѣлъ тутъ и безконечно страдалъ... изнывалъ отъ боли, отъ горя...

Аста. Да?

Альмерсъ. А затѣмъ, повѣришь ли, Аста?.. Гм!..

Аста. Ну?

Альмерсъ. Я вдругъ поймалъ себя на мысли о томъ — а что у насъ будетъ сегодня къ обѣду.

Аста (успокаивающе). Да, да, только бы отдохнуть...

Альмерсъ. Да, представь... меня это какъ будто облегчило. (Протягивая ей руку черезъ столъ) Какъ хорошо, что ты со мной, Аста. Я такъ радъ этому. Радъ — радъ въ самой скорби.

Аста (серьезно смотритъ на него). Прежде всего ты долженъ радоваться, что съ тобой Рита.

Альмерсъ. Ну, это само собой разумѣется. Но Рита не родня мнѣ. Сестра совсѣмъ другое дѣло.

Аста (напряженно). Такъ ли, Альфредъ?

Альмерсъ. Да, наша семья совсѣмъ особенная. (Полушутливо) Наши имена всегда начинались свѣтлыми буквами. Помнишь, мы часто говорили объ этомъ прежде? И всѣ наши родные... всѣ одинаково бѣдны. И у всѣхъ у насъ тѣ же глаза.

Аста. Ты находишь, что и у меня?..

Альмерсъ. Нѣтъ, ты вся въ свою мать. Совсѣмъ непохожа на насъ всѣхъ. Даже на отца. Но все же...

Аста. Все же?..

Альмерсъ. Мнѣ кажется, что жизнь вмѣстѣ все же наложила на насъ печать общаго сходства. Духовнаго, то-есть.

Аста (тронутая, тепло). Ахъ, не говори, Альфредъ. Это я заимствовала отъ тебя свой отпечатокъ, я одна. И тебѣ я обязана всѣмъ, всѣмъ хорошимъ въ жизни.

Альмерсъ (качая головой). Ничѣмъ ты мнѣ не обязана, Аста. Напротивъ.

Аста. Всѣмъ тебѣ обязана! Самъ знаешь. Ты не отступалъ ни передъ какой жертвой...

Альмерсъ (перебивая). А, полно, какія тамъ жертвы! Перестань... Я просто любилъ тебя, Аста. Съ тѣхъ самыхъ поръ еще, какъ ты была крошкой. (Послѣ небольшой паузы) Притомъ же мнѣ всегда казалось, что я обязанъ исправить, загладить передъ тобой большую несправедливость.

Аста (удивленно). Несправедливость? Ты?

Альмерсъ. Не съ моей стороны... Но...

Аста (напряженно). Но?..

Альмерсъ. ...Со стороны отца.

Аста (привставая со скамьи). Со стороны отца!.. (Опять садится). Что ты хочешь сказать, Альфредъ?

Альмерсъ. Отецъ никогда не былъ съ тобой особенно ласковъ.

Аста (съ горячностью). Ахъ, не говори этого!

Альмерсъ. Но это правда. Онъ не любилъ тебя. Не такъ, какъ слѣдовало бы.

Аста (уклончиво). Ну, можетъ-быть, не такъ, какъ любилъ тебя. И это вполнѣ понятно.

Альмерсъ (продолжая). Онъ часто бывалъ суровъ и съ твоей матерью. Во всякомъ случаѣ въ послѣдніе годы.

Аста (тихо). Мама была вѣдь гораздо моложе его. Не забудь.

Альмерсъ. По-твоему, они были не совсѣмъ пара?

Аста. Пожалуй, что такъ.

Альмерсъ. Но все-таки... Отецъ всегда былъ такой мягкій, сердечный человѣкъ... Такъ ласковъ со всѣми...

Аста (еще тише). Вѣрно, мама не всегда вела себя такъ, какъ слѣдовало.

Альмерсъ. Твоя мать!

Аста. Пожалуй, не всегда.

Альмерсъ. По отношенію къ отцу, что ли?

Аста. Да.

Альмерсъ. Никогда ничего такого не замѣчалъ.

Аста (сдерживая слезы, встаетъ). Ахъ, милый Альфредъ... оставь въ покоѣ тѣхъ... кого ужъ нѣтъ. (Отходитъ направо).

Альмерсъ (встаетъ). Да, оставимъ ихъ въ покоѣ. (Ломая руки) Но они-то... тѣ, кого нѣтъ, не оставляютъ насъ въ покоѣ, Аста. Ни днемъ ни ночью.

Аста (смотритъ на него съ теплымъ участьемъ). Время все смягчитъ, Альфредъ.

Альмерсъ (безпомощно смотритъ на нее). Да, и ты такъ думаешь? Но какъ мнѣ пережить эти первые ужасные дни?.. (Хрипло) Нѣтъ, не понимаю.

Аста (съ мольбой, положивъ руки ему на плечи). Поди къ Ритѣ. Умоляю тебя...

Альмерсъ (вспыливъ и уклоняясь отъ ея прикосновенія). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... И не говори объ этомъ! Не могу я! (Спокойнѣе) Дай мнѣ побыть здѣсь съ тобой.

Аста. Хорошо, я не уйду отъ тебя.

Альмерсъ (схвативъ ея руку, крѣпко держитъ ее). Спасибо. (Устремивъ взглядъ на фьордъ) Гдѣ-то теперь мой маленькій Эйольфъ? (Грустно улыбаясь ей) Можешь ты сказать мнѣ это... мой большой, умный Эйольфъ? (Качая головой) Никто въ мірѣ не скажетъ мнѣ этого. И самъ я знаю одно, что его нѣтъ больше со мной. Ужасно!

Аста (глядитъ налѣво и отнимаетъ руку). Они идутъ.

(По тропинкѣ спускаются Рита и Борггеймъ: она идетъ впереди, онъ за нею. Она въ темномъ платьѣ: на голову накинутъ черный креповый шарфъ. У Борггейма зонтикъ подъ мышкой).

Альмерсъ (идетъ навстрѣчу Ритѣ). Какъ ты себя чувствуешь, Рита?

Рита (проходя мимо него). Ахъ, не спрашивай.

Альмерсъ. Зачѣмъ ты сюда пришла?

Рита. Только узнать, гдѣ ты. Ты что дѣлаешь?

Альмерсъ. Ничего. Аста посидѣла со мной.

Рита. А до прихода Асты? Ты все утро не былъ со мной.

Альмерсъ. Сидѣлъ тутъ и глядѣлъ на воду.

Рита. У!.. Какъ ты можешь!..

Альмерсъ (нетерпѣливо). Я предпочитаю быть одинъ теперь.

Рита (безпокойно бродитъ вокругъ). И еще сидѣть спокойно. Не двигаясь съ мѣста!

Альмерсъ. Мнѣ же некуда и не зачѣмъ идти.

Рита. А я нигдѣ мѣста не нахожу... И ужъ меньше всего здѣсь — гдѣ фьордъ передъ глазами.

Альмерсъ. А мнѣ это-то и нужно.

Рита (Борггейму). Какъ вы думаете, вѣдь ему лучше пойти съ нами?

Борггеймъ (Альмерсу). Я думаю, это было бы для васъ лучше.

Альмерсъ. Нѣтъ, нѣтъ, — оставьте меня въ покоѣ.

Рита. Такъ я останусь съ тобой, Альфредъ.

Альмерсъ. Ну, останься. И ты, Аста.

Аста (шопотомъ Борггейму). Оставимъ ихъ однихъ!

Борггеймъ (переглянувшись съ ней). Фрёкенъ Альмерсъ, не пройтись ли намъ... по берегу? Въ самый послѣдній разъ?

Аста (беретъ свой зонтикъ). Пойдемте. Пройдемся.

(Аста и Борггеймъ уходятъ за сарай).

(Альмерсъ, безцѣльно побродивъ нѣкоторое время, садится на камень подъ деревьями впереди налѣво).

Рита (подходитъ и останавливается передъ нимъ, опустивъ сложенныя вмѣстѣ руки). Альфредъ, ты въ состояніи освоиться съ мыслью, что мы лишились Эйольфа?

Альмерсъ (удрученно глядя передъ собой). Приходится освоиться съ этой мыслью.

Рита. Я не могу. Не могу. И потомъ это ужасное видѣніе... Оно всю жизнь будетъ стоять у меня передъ глазами.

Альмерсъ (взглянувъ на нее). Какое видѣніе? Что ты видѣла?

Рита. Сама я не видѣла. Только слышала отъ другихъ. О-о!..

Альмерсъ. Скажи лучше сразу.

Рита. Я пошла съ Борггеймомъ на пристань...

Альмерсъ. Зачѣмъ?

Рита. Разспросить мальчиковъ о томъ, какъ это случилось.

Альмерсъ. Мы вѣдь знаемъ уже.

Рита. Мы узнали больше.

Альмерсъ. Ну?

Рита. Неправда, будто онъ сразу исчезъ.

Альмерсъ. Они теперь такъ говорятъ?

Рита. Да. Говорятъ, что видѣли, какъ онъ лежалъ тамъ на днѣ... глубоко подъ водой, — вода вѣдь такая чистая, прозрачная...

Альмерсъ (скрежеща зубами). И они не спасли его!

Рита. Вѣрно, не могли.

Альмерсъ. Они умѣютъ плавать, всѣ умѣютъ... Говорили они, какъ онъ лежалъ тамъ?

Рита. Да. Онъ лежалъ на спинѣ. Широко раскрывъ глаза.

Альмерсъ. Раскрывъ глаза! Но совсѣмъ спокойно?

Рита. Да, совсѣмъ спокойно. Вдругъ его подхватило и сразу унесло. Говорятъ — нижнимъ теченіемъ.

Альмерсъ (медленно киваетъ головой). Такъ вотъ [illegible] дѣли на прощанье!

Рита (которую душатъ слезы). Да.

Альмерсъ (тихо). И никому никогда... никогда не видать его больше.

Рита (жалобнымъ тономъ). День и ночь будетъ теперь стоять передо мной это видѣніе — какъ онъ лежалъ тамъ.

Альмерсъ. Широко раскрывъ глаза.

Рита (содрогаясь). Да, широко раскрывъ глаза. Я ихъ вижу! Вижу передъ собой!

Альмерсъ (медленно встаетъ и молча съ угрозой глядитъ на нее. Затѣмъ говоритъ). Что-жъ это были — недобрые глаза, Рита?

Рита (блѣднѣя). Недобрые?..

Альмерсъ (подходитъ къ ней ближе). Недобрый глазъ глядѣлъ на тебя оттуда? Изъ глубины?

Рита (отступая). Альфредъ!..

Альмерсъ (слѣдуя за ней). Отвѣчай! То былъ недобрый дѣтскій глазъ?

Рита (кричитъ). Альфредъ! Альфредъ!

Альмерсъ. Вотъ мы и дождались теперь — чего тебѣ хотѣлось, Рита.

Рита. Я! Чего мнѣ хотѣлось?..

Альмерсъ. Чтобы Эйольфа не было.

Рита. Никогда въ жизни не хотѣла я этого! Я хотѣла только, чтобы Эйольфъ не становился между нами.

Альмерсъ. Ну вотъ... впредь и не станетъ больше.

Рита (тихо, глядя въ одну точку). Пожалуй, теперь еще больше прежняго. (Вздрагиваетъ) Ахъ, это ужасное видѣніе!

Альмерсъ (кивая). Недобрый дѣтскій глазъ, да.

Рита (отшатываясь въ ужасѣ). Оставь меня, Альфредъ! Я боюсь тебя! Я тебя никогда не видѣла такимъ.

Альмерсъ (смотритъ на нее холоднымъ взглядомъ). Горе дѣлаетъ человѣка злымъ, безобразнымъ.

Рита (со страхомъ, но все еще не сдаваясь). И во мнѣ такое же чувство.

(Альмерсъ идетъ направо и смотритъ на фьордъ. Рита садится къ столу. Короткая пауза).

Альмерсъ (поворачивая къ ней голову). Никогда ты его не любила всей душой, всѣмъ сердцемъ! Никогда!

Рита (овладѣвъ собой, холодно). Эйольфъ самъ никогда не льнулъ ко мнѣ всей душой и всѣмъ сердцемъ.

Альмерсъ. Потому что ты не хотѣла привлечь его къ себѣ.

Рита. О, нѣтъ, хотѣла. Очень даже хотѣла. Но кто-то мѣшалъ... съ самаго начала.

Альмерсъ (совсѣмъ оборачиваясь къ ней). Я, что ли, мѣшалъ?

Рита. О, нѣтъ! Не съ самаго начала.

Альмерсъ (подходя ближе). Кто же?

Рита. Тетка.

Альмерсъ. Аста?

Рита. Да. Аста стала мнѣ поперекъ дороги.

Альмерсъ. Ты утверждаешь, что Аста?..

Рита. Да. Аста. Она имъ завладѣла... съ того самаго случая... съ несчастнаго паденія.

Альмерсъ. Если она это сдѣлала, то сдѣлала изъ любви.

Рита (запальчиво). Именно! А я не терплю дѣлиться съ кѣмъ-нибудь! То-есть дѣлиться любимымъ существомъ!

Альмерсъ. Мы съ тобой должны были любовно подѣлить его между собой.

Рита (презрительно глядитъ на него). Мы? О, и у тебя тоже вѣдь никогда не было настоящей любви къ нему.

Альмерсъ (пораженный, смотритъ на нее). У меня не было!..

Рита. Не было. Прежде ты былъ весь поглощенъ этой своей книгой... объ отвѣтственности.

Альмерсъ (горячо). Да, былъ. Но ею-то... ею я и пожертвовалъ ради Эйольфа.

Рита. Не изъ любви къ нему.

Альмерсъ. Такъ почему же, по-твоему?

Рита. Потому что тебя съѣдало недовѣріе къ самому себѣ. Потому что ты началъ сомнѣваться въ своемъ великомъ призваніи.

Альмерсъ (пытливо). Ты что-нибудь такое подмѣтила во мнѣ?

Рита. О, да... понемножку. Тебѣ и стало недоставать чего-то новаго, что могло бы заполнить твою душу... Меня одной тебѣ, вѣроятно, стало уже мало.

Альмерсъ. Все на свѣтѣ измѣняется: превращеніе — законъ жизни, Рита.

Рита. Вотъ почему ты и захотѣлъ сдѣлать чудо-ребенка изъ бѣднаго нашего Эйольфа.

Альмерсъ. Этого я не хотѣлъ. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него счастливаго человѣка. И больше ничего.

Рита. Но не изъ любви къ нему. Загляни-ка въ себя... (съ выраженіемъ страха) и поразмысли обо всемъ томъ, что̀ крылось подъ этимъ и... за этимъ.

Альмерсъ (избѣгая ея взгляда). Ты чего-то не договариваешь.

Рита. И ты тоже.

Альмерсъ (въ раздумьѣ смотритъ на нее). Если это такъ, какъ ты думаешь, то выходитъ, что наше дитя въ сущности никогда не принадлежало ни тебѣ ни мнѣ.

Рита. Да, никому изъ насъ. По праву истинной любви.

Альмерсъ. И все-таки ты такъ убиваешься о немъ.

Рита (съ горечью). Да, не странно ли? Такъ убиваться изъ-за чужого мальчугана.

Альмерсъ (съ порывомъ). Ахъ, да не называй же ты его чужимъ!

Рита (удрученно кивая головой). Мы никогда не умѣли привлечь къ себѣ мальчика, Альфредъ. Ни я ни ты.

Альмерсъ (ломая руки). А теперь поздно! Поздно!

Рита. И нѣтъ намъ утѣшенія!

Альмерсъ (вдругъ вскипѣвъ). Все ты виновата!

Рита (встаетъ). Я?

Альмерсъ. Да, ты! Ты виновата, что онъ сталъ такимъ. Твоя вина, что онъ не могъ спастись, выплыть.

Рита (какъ бы защищаясь). Альфредъ... Нѣтъ! Не взваливай на меня этого!

Альмерсъ (все больше и больше теряя надъ собой власть). Да, да, буду! Ты оставила малютку безъ присмотра на столѣ.

Рита. Онъ лежалъ такъ мягко въ подушкахъ. И спалъ крѣпкимъ сномъ. И ты обѣщалъ присмотрѣть за нимъ.

Альмерсъ. Да, обѣщалъ... (Понизивъ голосъ) Но тутъ пришла ты, ты, ты... и увлекла меня...

Рита (вызывающе глядитъ на него). Скажи лучше, что ты позабылъ и ребенка и все на свѣтѣ.

Альмерсъ (со сдержанной яростью). Да, это правда. (Понизивъ голосъ) Я забылъ ребенка въ твоихъ объятьяхъ!

Рита (возмущенная). Альфредъ! Альфредъ... это отвратительно съ твоей стороны!

Альмерсъ (тихо, сжимая кулаки). Вотъ еще когда ты приговорила къ смерти малютку Эйольфа.

Рита (изступленно). Съ тобой вмѣстѣ! Съ тобой вмѣстѣ — коли такъ!

Альмерсъ. О, да... призывай и меня къ отвѣту, если ужъ на то пошло. Мы оба согрѣшили... И, значитъ, смерть Эйольфа была все-таки возмездіемъ.

Рита. Возмездіемъ?

Альмерсъ (нѣсколько овладѣвъ собой). Да. Судомъ надъ нами съ тобой. Намъ досталось по заслугамъ... Чувство тайнаго, трусливаго раскаянія заставляло насъ избѣгать мальчика, пока онъ былъ живъ... Намъ невыносимо было видѣть... тотъ предметъ... съ которымъ ему приходилось таскаться...

Рита (тихо). Костыль.

Альмерсъ. Именно... И то, что̀ мучитъ насъ теперь, что̀ мы зовемъ горемъ, тоской, — это просто угрызенія совѣсти. Не что̀ иное.

Рита (растерянно глядитъ на него). Мнѣ кажется, это должно довести насъ до отчаянія... свести съ ума обоихъ. Намъ вѣдь никогда... никогда не поправить этого.

Альмерсъ (охваченный болѣе мягкимъ настроеніемъ). Ночью я видѣлъ во снѣ Эйольфа. Онъ какъ будто бы шелъ съ пристани. И прыгалъ, какъ другіе мальчики. Значитъ, съ нимъ ничего не случилось. Ни того ни другого. Такъ эта ужасная дѣйствительность была лишь сномъ,—подумалъ я. О, какъ я благодарилъ и благословлялъ... (Обрывая) Гм...

Рита (глядитъ на него). Кого?

Альмерсъ (уклончиво). Кого?..

Рита. Да; кого ты благодарилъ и благословлялъ?

Альмерсъ (такъ же). Это вѣдь во снѣ было, — ты слышишь.

Рита. Кого-нибудь, въ кого самъ не вѣришь?

Альмерсъ. Да вотъ все-таки... нашло на меня. Во снѣ вѣдь...

Рита (съ упрекомъ). Не слѣдовало бы тебѣ колебать во мнѣ вѣру, Альфредъ.

Альмерсъ. А развѣ лучше было бы съ моей стороны предоставить тебѣ всю жизнь заблуждаться, морочить себя самоё?

Рита. Для меня лучше было бы. Тогда у меня хоть было бы за что ухватиться, на что уповать. А теперь я не знаю, какъ мнѣ и быть.

Альмерсъ (глядя на нее въ упоръ). А если бы ты могла выбирать... если бы могла послѣдовать за Эйольфомъ туда, гдѣ онъ теперь?..

Рита. Ну? И что̀ же?

Альмерсъ. И будь у тебя полная увѣренность, что ты найдешь его тамъ... узнаешь... поймешь?..

Рита. Да, да, — что̀ же?..

Альмерсъ. Сдѣлала бы ты добровольно этотъ шагъ? Ушла

бы по доброй волѣ отъ всего, что окружаетъ тебя здѣсь? Отказалась бы отъ земной жизни? Пожелала бы, Рита?

Рита (тихо). Такъ сразу?

Альмерсъ. Да; сегодня же, сейчасъ же. Отвѣчай. Пожелала бы ты?..

Рита (медля отвѣтомъ). Ахъ, не знаю, Альфредъ... Нѣтъ; думаю, мнѣ хотѣлось бы сначала немножко пожить съ тобой.

Альмерсъ. Такъ — ради меня?

Рита. Да, только ради тебя.

Альмерсъ. Ну, а потомъ? Ты пожелала бы?.. Отвѣчай!

Рита. Ахъ, что мнѣ отвѣчать на такой вопросъ? Я же не могла бы уйти отъ тебя. Никогда! Никогда!

Альмерсъ. Ну, а если бы я ушелъ къ Эйольфу? И ты бы непоколебимо вѣрила, что встрѣтишь тамъ и его и меня? Ты пришла бы къ намъ?

Рита. Я бы желала... очень желала! Очень. Но...

Альмерсъ. Но?

Рита (со стономъ, тихо). Я не могла бы, — я это чувствую. Нѣтъ, нѣтъ, не могла бы ни за что. Ни за какія блага!

Альмерсъ. И я тоже.

Рита. Да, не правда ли, Альфредъ! И ты не могъ бы!

Альмерсъ. Да. Вѣдь тутъ на землѣ мы, живые люди, дома.

Рита. Да, тутъ то счастье, которое намъ доступно.

Альмерсъ (мрачно). О, счастье... счастье...

Рита. Ты, вѣрно, думаешь, счастья намъ больше не знавать. (Вопросительно смотритъ на него) Но если бы?.. (Горячо) Нѣтъ, нѣтъ; я не смѣю этого говорить! Даже думать не смѣю.

Альмерсъ. Нѣтъ, скажи, скажи, Рита!

Рита (медля отвѣтомъ). Нельзя ли намъ попытаться... Развѣ ужъ совсѣмъ невозможно — забыть его?

Альмерсъ. Забыть Эйольфа?

Рита. Забыть раскаяніе, угрызенія совѣсти, хочу я сказать.

Альмерсъ. Ты можешь желать этого?

Рита. Да. Будь это возможно. (Порывисто) Вѣдь такого состоянія... я долго не вынесу! О, неужели нельзя придумать чего-нибудь такого, въ чемъ найти забвеніе!

Альмерсъ (качая головой). Въ чемъ же?

Рита. Нельзя ли попытаться... уѣхать — далеко-далеко?

Альмерсъ. Уѣхать изъ дому? Да вѣдь тебѣ нигдѣ не ужиться, кромѣ своего дома.

Рита. Ну, принимать у себя почаще людей. Зажить открытымъ домомъ. Отдаться чему-нибудь, что могло бы отвлечь и успокоить насъ.

Альмерсъ. Такая жизнь не по мнѣ. Нѣтъ... тогда ужъ я лучше попытался бы снова приняться за свой трудъ.

Рита (рѣзко). За твой трудъ? Который такъ часто раздѣлялъ насъ точно стѣной?

Альмерсъ (медленно, пристально глядя на нее). Съ этихъ поръ между нами вѣчно будетъ стѣна.

Рита. Почему же?..

Альмерсъ. Какъ знать, не смотрятъ ли на насъ день и ночь широко раскрытые дѣтскіе глаза?

Рита (тихо, дрожа). Альфредъ... какая ужасная мысль!

Альмерсъ. Наша любовь была какимъ-то всепожирающимъ огнемъ. Пора ему потухнуть...

Рита (идя къ нему). Потухнуть!

Альмерсъ (жестко). Онъ уже потухъ — въ одномъ изъ насъ.

Рита (словно окаменѣвъ). И ты рѣшаешься сказать это мнѣ!

Альмерсъ (мягче). Страсть умерла, Рита. Но въ томъ чувствѣ, которое я теперь, какъ сообщникъ, питаю къ тебѣ, въ сознаніи своей вины и въ жаждѣ искупленія, я вижу какъ бы зарю воскресенія...

Рита (въ бурномъ порывѣ). Не нужно мнѣ никакого воскресенія!

Альмерсъ. Рита!

Рита. Я живой человѣкъ, и во мнѣ течетъ горячая кровь. Я не сплю наяву... съ рыбьей кровью въ жилахъ. (Ломая руки) И быть заточенной на всю жизнь, какъ въ тюрьмѣ... обреченной раскаянію и угрызеніямъ совѣсти! Заключенной съ тѣмъ, кто ужъ не мой, не мой, не мой!

Альмерсъ. Тѣмъ должно было кончиться, Рита — рано или поздно.

Рита. Должно было кончиться! Когда началось съ такой пылкой взаимной любви!

Альмерсъ. Я не сразу почувствовалъ къ тебѣ любовь.

Рита. Что же ты почувствовалъ ко мнѣ съ самаго начала?

Альмерсъ. Страхъ.

Рита. Это я понимаю. Но какъ же я привлекла тебя все-таки?

Альмерсъ (глухо). Ты была такъ соблазнительно хороша, Рита.

Рита (пытливо смотритъ на него). Такъ лишь однимъ этимъ? Скажи мнѣ, Альфредъ, однимъ этимъ?

Альмерсъ (сдѣлавъ надъ собой усиліе). Нѣтъ, кромѣ того было еще одно.

Рита (порывисто). Я догадываюсь — что! «Золотыя горы» — какъ ты говоришь. Такъ, Альфредъ?

Альмерсъ. Да.

Рита (съ взглядомъ, полнымъ глубокаго упрека). Какъ же ты могъ... какъ ты могъ!

Альмерсъ. Мнѣ приходилось думать объ Астѣ.

Рита (запальчиво). Объ Астѣ! (Съ горечью) Такъ въ сущности Аста свела насъ.

Альмерсъ. Она ни о чемъ не знала. И до сихъ поръ не подозрѣваетъ.

Рита. Все-таки Аста! (Улыбается, кидая на него искоса презрительный взглядъ). Или нѣтъ — маленькій Эйольфъ! Маленькій Эйольфъ!

Альмерсъ. Эйольфъ?..

Рита. Развѣ ты не звалъ ее прежде Эйольфомъ? Кажется, ты разсказывалъ мнѣ какъ-то... въ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ часовъ... (Подходитъ къ нему ближе) Ты помнишь тотъ безумно-дивный часъ, Альфредъ?

Альмерсъ (отступая, словно въ ужасѣ). Я ничего не помню! Не хочу ни о чемъ помнить!

Рита (за нимъ). Это было въ тотъ часъ, когда другой твой маленькій Эйольфъ сталъ калѣкой.

Альмерсъ (глухо, опираясь на столъ). Возмездіе!

Рита (угрожающе). Да, возмездіе!

(Аста и Борггеймъ возвращаются изъ-за навѣса. У нея въ рукахъ нѣсколько водяныхъ лилій).

Рита (овладѣвъ собой). Ну что же, Аста — обо всемъ переговорили съ господиномъ Борггеймомъ?

Аста. О, да — приблизительно. (Оставляетъ зонтикъ и кладетъ цвѣты на столъ).

Борггеймъ. Фрёкенъ Альмерсъ была очень скупа на слова.

Рита. Да? Зато мы съ Альфредомъ разговорились сегодня такъ, что...

Аста (съ тревогой переводитъ глаза съ одного на другого). Что такое?..

Рита. ...Такъ, что хватитъ на всю жизнь этого разговора. (Обрывая) Ну, пойдемте домой всѣ вмѣстѣ. Намъ теперь нужно общество. Намъ съ Альфредомъ не справиться однимъ.

Альмерсъ (Ритѣ и Борггейму). Идите себѣ впередъ. (Оборачиваясь въ Астѣ) Аста, на одно слово.

Рита (смотритъ на него). Вотъ какъ?.. Ну, хорошо, такъ пойдемте со мной, господинъ Борггеймъ.

(Рита и Борггеймъ уходятъ вверхъ по тропинкѣ).

Аста (взволнованно). Альфредъ, что случилось?

Альмерсъ (мрачно). То, что я больше не выдержу здѣсь.

Аста. Здѣсь! То-есть съ Ритой?

Альмерсъ. Да. Мы съ Ритой не можемъ больше жить вмѣстѣ.

Аста (трясетъ его за плечо). Но, Альфредъ... не говори такъ; вѣдь это же ужасно!

Альмерсъ. Я говорю правду. Мы только раздражаемъ и портимъ другъ друга.

Аста (взволнованная и огорченная). Никогда, никогда не могла и представить себѣ ничего подобнаго!

Альмерсъ. И мнѣ этого не приходило въ голову до сегодня.

Аста. И ты хочешь теперь?.. Да чего же ты собственно хочешь, Альфредъ?

Альмерсъ. Хочу бросить все! Уѣхать подальше отъ всего этого.

Аста. И остаться совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ?

Альмерсъ (кивая). Какъ прежде, — да.

Аста. Ты не созданъ быть одинокимъ.

Альмерсъ. Ну, какъ же!. Былъ же я прежде одинокъ.

Аста. Да, прежде. Но тогда все-таки я была съ тобой.

Альмерсъ (хочетъ взять ее за руку). Да. И теперь хочу искать убѣжища у тебя, Аста.

Аста (отступая). У меня! Нѣтъ, нѣтъ, Альфредъ! Это совершенно невозможно.

Альмерсъ (удрученно смотритъ на нее). Значитъ, все-таки Боргеймъ мѣшаетъ?

Аста (живо). Нѣтъ, нѣтъ; не онъ мѣшаетъ! Ты ошибаешься!

Альмерсъ. Хорошо. Такъ я приду къ тебѣ, милая, дорогая сестра. Мнѣ нужно вернуться къ тебѣ—домой, къ тебѣ, чтобы облагородиться, очиститься отъ сожительства съ...

Аста (возмущенная). Альфредъ, ты грѣшишь противъ Риты!

Альмерсъ. Я согрѣшилъ передъ нею. Но не въ этомъ. О, подумай же, Аста! Вспомни, какъ намъ жилось съ тобой. Развѣ наша совмѣстная жизнь не была сплошнымъ праздникомъ отъ начала до конца?

Аста. Да, Альфредъ. Но этому уже не бывать вновь.

Альмерсъ (съ горечью). Ты думаешь, супружеская жизнь въ конецъ испортила меня?

Аста (спокойно). Нѣтъ, этого я не думаю.

Альмерсъ. Такъ и заживемъ съ тобою попрежнему.

Аста (твердо). Нельзя, Альфредъ.

Альмерсъ. Нѣтъ, можно, можно. Любовь между братомъ и сестрой...

Аста (напряженно). Ну?..

Альмерсъ. Одни эти отношенія не подвержены закону измѣненія и превращенія.

Аста (тихо, дрожащимъ голосомъ). Ну, а если наши отношенія не...

Альмерсъ. Не..?

Аста. ...Не таковы?

Альмерсъ (изумленно глядитъ на нее). Не таковы? Дорогая, что ты хочешь сказать?

Аста. Да, лучше всего сказать тебѣ все сразу, Альфредъ...

Альмерсъ. Да, да, скажи, скажи!

Аста. Письма моей матери... тѣ, что лежатъ въ портфелѣ...

Альмерсъ. Ну?

Аста. Ты прочти ихъ... когда я уѣду.

Альмерсъ. Зачѣмъ?

Аста (борясь съ собой). Тогда ты увидишь, что...

Альмерсъ. Ну!

Аста. ...Что я не въ правѣ носить имя твоего отца.

Альмерсъ (шатаясь и отступая назадъ). Аста! Что такое ты говоришь?

Аста. Прочти письма. Тогда самъ увидишь. И поймешь... И, можетъ-быть, найдешь извиненіе... моей матери.

Альмерсъ (хватаясь за голову). Я понять этого не въ силахъ. Освоиться не могу съ этой мыслью. Такъ ты, Аста, не...

Аста. Ты не братъ мнѣ, Альфредъ.

Альмерсъ (глядя на нее, рѣшительно). Ну, да что же это собственно измѣняетъ въ нашихъ отношеніяхъ? Въ сущности ничего.

Аста (качая головой). Все измѣняетъ, Альфредъ. Наши отношенія не братскія.

Альмерсъ. Да-а. Но все же одинаково святыя. Всегда останутся столь же святыми.

Аста. Не забывай... что они уже подчинены закону измѣненія, превращенія, какъ ты только-что говорилъ.

Альмерсъ (пытливо смотритъ на нее). Не хочешь ли ты этимъ сказать, что...

Аста (тихо, растроганно). Ни слова больше... милый, милый Альфредъ. (Беретъ со стола цвѣты) Видишь эти водяныя лиліи?

Альмерсъ (медленно киваетъ головой). Это изъ тѣхъ, что растутъ... изъ глубины, съ самаго дна.

Аста. Я нарвала ихъ въ пруду. Тамъ, гдѣ онъ впадаетъ во фьордъ. (Протягиваетъ ему цвѣты) Возьмешь ихъ, Альфредъ?

Альмерсъ (беретъ). Спасибо.

Аста (съ глазами, полными слезъ). Это въ родѣ послѣдняго привѣта тебѣ отъ Эйольфа.

Альмерсъ (смотритъ на нее). Отъ того Эйольфа — тамъ? Или отъ тебя?

Аста (тихо). Отъ насъ обоихъ. (Беретъ зонтикъ) А теперь пойдемъ къ Ритѣ. (Уходитъ по тропинкѣ вверхъ).

Альмерсъ (беретъ шляпу со стола и угрюмо шепчетъ). Аста! Эйольфъ... Маленькій Эйольфъ!.. (Слѣдуетъ за ней).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Поросшій кустами холмъ въ саду имѣнія Альмерса. Въ глубинѣ крутой обрывъ, огороженный перилами, налѣво спускъ съ лѣстницей. Широкій видъ на фьордъ, разстилающійся глубоко внизу. У перилъ флагштокъ со шнуромъ, но безъ флага. Впереди направо бесѣдка, обвитая ползучими растеніями и дикимъ виноградомъ. Передъ нею скамейка. Поздній лѣтній вечеръ; небо ясное, понемногу смеркается.

Аста сидитъ на скамейкѣ, сложивъ руки на колѣняхъ. Она въ верхнемъ платьѣ и въ шляпкѣ; черезъ плечо у нея дорожная сумка; возлѣ зонтикъ.

Борггеймъ приходитъ изъ глубины слѣва. И у него черезъ плечо дорожная сумка. Въ рукахъ свернутый флагъ.

Борггеймъ (увидавъ Асту). А, вотъ вы гдѣ сидите!

Аста. Снизу и смотрю въ послѣдній разъ.

Борггеймъ. Хорошо, значитъ, что я сюда заглянулъ.

Аста. Вы развѣ меня искали?

Борггеймъ. Да. Мнѣ очень хотѣлось проститься съ вами на этотъ разъ. Не навсегда, надѣюсь.

Аста (слабо улыбаясь). Вы таки-упорны.

Борггеймъ. Такимъ и подобаетъ быть тому, кто прокладываетъ пути.

Аста. Видѣли Альфреда? Или Риту?

Борггеймъ. Обоихъ видѣлъ.

Аста. Вмѣстѣ?

Борггеймъ. Нѣтъ. Каждый держится особнякомъ.

Аста. А что вы хотите дѣлать съ этимъ флагомъ?

Борггеймъ. Фру Рита просила меня поднять его.

Аста. Поднять флагъ теперь?

Борггеймъ. Наполовину. Пусть, говоритъ, развѣвается и день и ночь.

Аста (со вздохомъ). Бѣдная Рита! И бѣдный Альфредъ!

Борггеймъ (занятый флагомъ). Неужели у васъ хватитъ духу уѣхать отъ нихъ? Я такъ спрашиваю потому, что вижу — вы совсѣмъ по-дорожному.

Аста (упавшимъ голосомъ). Мнѣ надо уѣхать.

Борггеймъ. Если надо, то...

Аста. И вы вѣдь тоже уѣзжаете сегодня ночью.

Борггеймъ. И мнѣ надо. Я по желѣзной дорогѣ. А вы?

Аста. Нѣтъ. Я на пароходѣ.

Борггеймъ (искоса поглядывая на нее). Значитъ, каждый своей дорогой.

Аста. Да.

(Она сидитъ и смотритъ, какъ онъ подымаетъ флагъ до половины. Поднявъ флагъ, онъ подходитъ къ ней).

Борггеймъ. Фрёкенъ Аста... вы представить себѣ не можете, какъ я горюю по маленькомъ Эйольфѣ.

Аста (взглянувъ на него). Я вѣрю.

Борггеймъ. И это такъ мучительно. Въ сущности, не въ моемъ характерѣ горевать...

Аста (переводя взглядъ на флагъ). Со временемъ все проходитъ, все! Всякое горе.

Борггеймъ. Всякое? Вы думаете?

Аста. Какъ ненастье. Вотъ уѣдете подальше и...

Борггеймъ. Больно ужъ далеко пришлось бы уѣхать для этого.

Аста. Займетесь большой новой работой.

Борггеймъ. А помочь мнѣ будетъ некому.

Аста. Ну, конечно, найдется.

Борггеймъ (качая головой). Некому. Не съ кѣмъ будетъ раздѣлить радость. Главное, радость.

Аста. А не труды и тяготы?

Борггеймъ. Э, съ этимъ всегда и одинъ справишься.

Аста. А радость — ее, по-вашему, надо дѣлить съ кѣмъ-нибудь?

Борггеймъ. А то что̀ за радость въ радости?

Аста. Да, пожалуй, такъ.

Борггеймъ. Разумѣется, можно нѣкоторое время радоваться въ душѣ, про себя. Но надолго этого не хватитъ. Нѣтъ, коли радоваться, такъ вдвоемъ.

Аста. Всегда только вдвоемъ? Никогда вмѣстѣ съ другими? Со многими заразъ?

Борггеймъ. Ну, видите ли... это ужъ будетъ совсѣмъ по-другому. Фрёкенъ Аста... неужели вы такъ-таки и не можете рѣшиться подѣлить счастье и радость... Ну, и труды и заботы... съ однимъ... съ кѣмъ-нибудь однимъ?

Аста. Было время — я дѣлила.

Борггеймъ. Вы?

Аста. Да, когда̀ мы съ братомъ... когда мы съ Альфредомъ жили вмѣстѣ.

Борггеймъ. Ахъ, съ братомъ! Это же совсѣмъ другое. По-моему, это было скорѣе просто мирное, безмятежное существованіе, нежели счастье.

Аста. Все-таки прекрасное было время.

Борггеймъ. Вотъ видите, ужъ это — и то казалось вамъ прекраснымъ. Подумайте же... не будь онъ вашимъ братомъ?!

Аста (хочетъ встать, но остается сидѣть). Въ такомъ случаѣ мы бы никогда и не жили вмѣстѣ. Я вѣдь была тогда ребенкомъ. И онъ почти тоже.

Борггеймъ (немного погодя). Да развѣ то время было такъ ужъ прекрасно?

Аста. Да, повѣрьте мнѣ, прекрасно.

Борггеймъ. И вы переживали тогда истинно свѣтлыя, счастливыя минуты?

Аста. О, да, много, много. Невѣроятно много.

Борггеймъ. Разскажите мнѣ немножко объ этомъ, фрёкенъ Аста.

Аста. Въ сущности, это все такія мелочи.

Борггеймъ. Напримѣръ?.. Ну?

Аста. Напримѣръ, когда Альфредъ сдалъ экзамены. И такъ хорошо сдалъ. А потомъ понемножку получалъ уроки то въ одной, то въ другой школѣ. Или когда писалъ какую-нибудь статью. И читалъ ее мнѣ. А потомъ, когда ему удавалось пристроить ее въ журналъ.

Борггеймъ. Могу себѣ представить, какая это была тихая, прекрасная жизнь. Братъ съ сестрой дѣлили радости. (Качая головой) Не понимаю только, какъ вашъ братъ могъ разстаться съ вами, Аста.

Аста (подавляя волненіе). Альфредъ вѣдь женился.

Борггеймъ. Вамъ это не тяжело было?

Аста. Да; вначалѣ. Мнѣ казалось, что я совсѣмъ лишилась его...

Борггеймъ. Ну, къ счастью, это не такъ было.

Аста. Да.

Борггеймъ. И все-таки—какъ онъ могъ!.. Жениться, то-есть. Разъ онъ имѣлъ возможность сохранить васъ для себя одного!

Аста (глядя передъ собой). И онъ, вѣрно, подчинился тогда закону измѣненія, превращенія.

Борггеймъ. Закону превращенія?

Аста. Да; Альфредъ такъ выражается.

Борггеймъ. Э, — вотъ еще какой-то глупый законъ! Я въ него ни чуточки не вѣрю.

Аста (встаетъ). Съ годами, вѣрно, и вы повѣрите.

Борггеймъ. Никогда въ жизни! (Убѣдительно) Ну, послушайте, фрёкенъ Аста... будьте же благоразумны—хоть разъ. Въ этомъ дѣлѣ, то-есть...

Аста (прерывая). Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... не надо возвращаться къ этому!

Борггеймъ (попрежнему). Нѣтъ, Аста... я никакъ не могу такъ легко отстать отъ васъ... Вашъ братъ вѣдь устроился, какъ ему самому показалось лучше. Отлично живетъ своей жизнью и безъ васъ. Вы ему вовсе ненужны... И еще этотъ случай, который разомъ измѣнилъ для васъ здѣсь все...

Аста (вся вздрагивая). Какой случай?

Борггеймъ. Несчастье съ мальчикомъ. Какой же еще?

Аста (овладѣвъ собой). Да, Эйольфа больше нѣтъ.

Борггеймъ. Такъ что же вамъ въ сущности дѣлать здѣсь? Бѣдный мальчуганъ не нуждается больше въ вашихъ заботахъ. У васъ больше нѣтъ здѣсь никакихъ обязанностей... никакихъ задачъ...

Аста. Прошу васъ, милый Борггеймъ... не наступайте на меня такъ!..

Борггеймъ. Нѣтъ; я былъ бы глупцомъ, если бы не испыталъ всѣхъ средствъ убѣдить васъ. На-дняхъ я уѣду изъ города. И, можетъ-быть, не встрѣчу васъ тамъ. Быть-можетъ, не увижусь съ вами долго-долго. И кто знаетъ, что можетъ случиться за это время?

Аста (съ серьезной улыбкой). Или все-таки боитесь закона измѣненія, превращенія?

Борггеймъ. Нѣтъ, нисколько. (Съ горькимъ смѣхомъ) Да тутъ и мѣняться нечему. То-есть съ вашей стороны. Я для васъ не очень-то много значу—какъ видно.

Аста. Вы хорошо знаете, что это не такъ.

Борггеймъ. Но во всякомъ случаѣ — не очень много. Не столько, сколько мнѣ хотѣлось бы... (Горячо) Господи, Аста... фрёкенъ Аста... вѣдь это просто ни на что непохоже! Передъ нами, быть-можетъ, не дальше, какъ на день, на два отъ насъ, цѣлая будущность, полная счастья,—ждетъ насъ... а мы все это такъ и оставимъ?.. Какъ бы не пришлось намъ потомъ раскаяться, Аста?

Аста (тихо). Не знаю. Пока приходится все-таки оставить всѣ свѣтлые виды на будущее.

Борггеймъ (смотритъ на нее, овладѣвъ собой). Значитъ, мнѣ придется прокладывать свои пути одному?

Аста (съ теплымъ чувствомъ). Ахъ, если-бъ только я могла принять въ этомъ участье! Помогать вамъ въ трудахъ. Дѣлить съ вами радость.

Борггеймъ. Вы бы хотѣли, если бы могли?

Аста. Да. Хотѣла бы.

Борггеймъ. Но не можете?

Аста (потупясь). Довольно ли съ васъ, если я буду вашей только наполовину?

Борггеймъ. Нѣтъ. Вы должны быть вся моя, безраздѣльно.

Аста (смотритъ на него и тихо говоритъ). Такъ—я не могу.

Борггеймъ. Прощайте же, фрёкенъ Аста.

(Хочетъ уйти. Слѣва изъ глубины показывается Альмерсъ. Борггеймъ останавливается).

Альмерсъ (еще подымаясь, вполголоса, указывая на бесѣдку). Рита въ бесѣдкѣ?

Борггеймъ. Нѣтъ. Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ фрёкенъ Асты.

(Альмерсъ подходитъ ближе).

Аста (идя ему навстрѣчу). Не пойти ли мнѣ посмотрѣть, гдѣ она? Или привести сюда?

Альмерсъ (отмахиваясь). Нѣтъ, нѣтъ—не надо. (Борггейму) Это вы подняли флагъ?

Борггеймъ. Да. Фру Рита просила. Я затѣмъ и пришелъ сюда.

Альмерсъ. А сегодня ночью уѣзжаете?

Борггеймъ. Да. На этотъ разъ въ серьезъ.

Альмерсъ (взглянувъ на Асту). И, кажется, обезпечили себѣ хорошаго спутника.

Борггеймъ (качая головой). Я ѣду одинъ.

Альмерсъ (пораженный). Одинъ!..

Борггеймъ. Одинъ-одинешенекъ.

Альмерсъ (разсѣянно). Вотъ какъ?

Борггеймъ. И останусь одинъ.

Альмерсъ. Есть что-то ужасное въ одиночествѣ. Одна мысль о немъ леденитъ...

Аста. Но, Альфредъ, ты же не одинъ!

Альмерсъ. И это тоже можетъ быть ужасно, Аста.

Аста (тревожно). Ахъ, не говори такъ! Не думай!

Альмерсъ (не слушая). Но разъ ты не уѣзжаешь съ..? Разъ тебя ничто не связываетъ? Отчего же ты не хочешь остаться здѣсь у меня... и Риты?

Аста (нервно). Нѣтъ, не могу я. Мнѣ необходимо въ городъ.

Альмерсъ. Такъ только въ городъ, Аста! Слышишь?

Аста. Да.

Альмерсъ. И обѣщай мнѣ вернуться поскорѣе.

Аста (живо). Нѣтъ, нѣтъ, этого я тебѣ не могу обѣщать... на первое время.

Альмерсъ. Хорошо. Какъ хочешь. Такъ мы, значитъ, встрѣтимся тамъ.

Аста (умоляюще). Но, Альфредъ, тебѣ же надо теперь оставаться дома съ Ритой!

Альмерсъ (не отвѣчая, поворачивается къ Борггейму). Пожалуй, оно и къ лучшему для васъ, что еще не обзавелись пока спутникомъ.

Борггеймъ (съ досадой). Какъ вы можете такъ говорить!

Альмерсъ. Да, конечно; нельзя знать, съ кѣмъ еще доведется вамъ встрѣтиться послѣ... дорогой.

Аста (невольно). Альфредъ!

Альмерсъ. Встрѣтите, пожалуй, настоящаго спутника... Когда ужъ поздно будетъ. Поздно.

Аста (тихо, дрожащимъ голосомъ). Альфредъ! Альфредъ!

Борггеймъ (переводя глаза съ одного на другого). Что это значитъ? Я не понимаю...

(Рита входитъ слѣва).

Рита (жалобно). Ахъ, да не уходите же отъ меня всѣ!

Аста (идя ей навстрѣчу). Ты вѣдь сама хотѣла побыть одна...

Рита. Да, но боюсь. Темнѣетъ... такъ жутко становится. Мнѣ все кажется, что на меня глядятъ большіе, широко раскрытые глаза!

Аста (мягко, съ участьемъ). А если бы и такъ, Рита? Этихъ глазъ тебѣ нечего бояться.

Рита. Скажетъ тоже! Не бояться!

Альмерсъ (убѣдительно). Аста... умоляю тебя... ради всего святого... останься здѣсь... съ Ритой!

Рита. Да! И съ Альфредомъ! Останься! Останься, Аста!

Аста (борясь съ собой). Ахъ, мнѣ самой такъ хотѣлось бы...

Рита. Такъ останься! Намъ съ Альфредомъ не справиться съ нашимъ горемъ и утратой.

Альмерсъ (мрачно). Скажи лучше — съ раскаяніемъ и угрызеніями совѣсти.

Рита. Да какъ ни называй — намъ однимъ не справиться. Аста, прошу, умоляю тебя! Останься и помоги намъ! Будь намъ вмѣсто Эйольфа!..

Аста (отшатываясь). Эйольфа!..

Рита. Развѣ не хорошо было бы такъ, Альфредъ?

Альмерсъ. Если она хочетъ и можетъ...

Рита. Ты же прежде звалъ ее своимъ маленькимъ Эйольфомъ. (Схвативъ ея руку) Съ этихъ поръ ты будешь нашимъ Эйольфомъ, Аста! Эйольфомъ, какъ прежде!

Альмерсъ (скрывая свое волненіе). Останься... и раздѣли нашу жизнь, Аста! Съ Ритой! Со мной! Со мной... твоимъ братомъ!

Аста (рѣшительно отдернувъ руку). Нѣтъ. Не могу. (Оборачиваясь) Борггеймъ... когда идетъ пароходъ?

Борггеймъ. Скоро ужъ.

Рита. Такъ мнѣ пора. Хотите ѣхать вмѣстѣ?

Борггеймъ (сдерживая порывъ радости). Хочу ли! Да-да-да!

Аста. Такъ идемъ.

Рита (медленно). Ахъ, вотъ что! Ну, тогда, конечно, тебѣ нельзя остаться съ нами.

Аста (бросаясь ей на шею). Спасибо за все, Рита! (Переходя къ Альфреду и пожимая ему руку) Альфредъ! Прощай! Прощай! Прощай!

Альмерсъ (тихо, въ сильномъ волненіи). Что это, Аста? Это похоже на бѣгство?

Аста (съ внутреннимъ волненіемъ и какъ бы съ испугомъ). Да, Альфредъ... это и есть бѣгство.

Альмерсъ. Бѣгство... отъ меня!

Аста (шопотомъ). Бѣгство отъ тебя... и отъ себя самой.

Альмерсъ (отступая). А!..

(Аста спѣшитъ внизъ по лѣстницѣ. Боргеймъ, махая шляпой, за нею).

(Рита прислоняется около входа въ бесѣдку. Альмерсъ въ сильномъ волненіи подходитъ къ перилламъ и смотритъ внизъ. Пауза).

Альмерсъ (оборачивается и говоритъ, стараясь овладѣть собой) Вонъ пароходъ подходитъ. Смотри, Рита.

Рита. Боюсь.

Альмерсъ. Боишься?

Рита. Да. У него одинъ красный глазъ, а другой зеленый. Большіе огненные глаза.

Альмерсъ. Да вѣдь это же просто фонари,—ты знаешь.

Рита. Съ этихъ поръ это глаза. Для меня. Они смотрятъ на меня въ упоръ изъ мрака... И во мракѣ.

Альмерсъ. Вотъ пристаетъ къ берегу.

Рита. Гдѣ онъ пристаетъ теперь?

Альмерсъ (подходитъ ближе). У пристани, какъ и всегда, дорогая...

Рита (выпрямляясь). Какъ онъ можетъ приставать тамъ!

Альмерсъ. Вѣдь нужно же.

Рита. Да вѣдь это тамъ, гдѣ Эйольфъ... Какъ они могутъ приставать тамъ?

Альмерсъ. Да, жизнь безжалостна, Рита.

Рита. Люди безжалостны. Имъ дѣла нѣтъ ни до чего и ни до кого. Ни до живыхъ ни до мертвыхъ.

Альмерсъ. Ты права. Жизнь идетъ своимъ чередомъ. Какъ будто ровно ничего и не случилось.

Рита (устремивъ взглядъ въ пространство). Да такъ и есть — ничего и не случилось. Для другихъ, то-есть. Только для насъ двоихъ.

Альмерсъ (въ приливѣ горя). Да, Рита... напрасно ты родила его въ мукахъ и страданіяхъ. Все равно онъ исчезъ, не оставивъ слѣда.

Рита. Спасли одинъ костыль.

Альмерсъ (запальчиво). Замолчи же! Не произноси при мнѣ этого слова!

Рита (жалобно). Ахъ! Я не могу перенести мысли, что его нѣтъ больше съ нами.

Альмерсъ (съ холодной горечью). Ты отлично обходилась безъ

него, пока онъ былъ съ тобой. Но цѣлымъ днямъ, бывало, и въ глаза его не видишь.

Рита. Да, но тогда вѣдь я знала, что всегда могу увидѣть его, когда только захочу.

Альмерсъ. Да, такъ нерадиво пользовались мы короткимъ пребываніемъ съ нами маленькаго Эйольфа.

Рита (прислушиваясь, со страхомъ). Слышишь, Альфредъ! Опять звонятъ!

Альмерсъ (глядя на фьордъ). Это на пароходѣ звонятъ. Сейчасъ отходитъ.

Рита. Ахъ! Я не объ этомъ звонѣ говорю. У меня цѣлый день звенитъ въ ушахъ... Опять звонятъ!

Альмерсъ (подходя къ ней). Ты ошибаешься, Рита.

Рита. Нѣтъ, я слышу такъ ясно. Точно погребальный звонъ. Протяжный. Протяжный. И всегда вызваниваетъ одни и тѣ же слова.

Альмерсъ. Слова? Какія слова?

Рита (качая въ тактъ головой). «Ко-стыль плы-ветъ,—ко-стыль плы-ветъ». Ахъ, право, какъ же это ты не слышишь!

Альмерсъ (качая головой). Я ничего не слышу. И слышать нечего.

Рита. Да, да, говори, что̀ хочешь. Я это слышу такъ ясно.

Альмерсъ (глядитъ черезъ перила). Теперь они ужъ сѣли на пароходъ, Рита. Сейчасъ онъ пойдетъ въ городъ.

Рита. Нѣтъ, какъ это ты не слышишь! «Ко-стыль плыветъ, — ко-стыль...»

Альмерсъ (отойдя отъ нея). Не надо тебѣ стоять тутъ и прислушиваться къ тому, чего нѣтъ. Я говорю, что Аста съ Борггеймомъ теперь на пароходѣ. Ѣдутъ уже... Асты нѣтъ.

Рита (боязливо смотритъ на него). И тебя, вѣрно, скоро не будетъ, Альфредъ?

Альмерсъ (быстро). Что̀ ты хочешь сказать этимъ?

Рита. Что ты послѣдуешь за сестрой.

Альмерсъ. Развѣ Аста что-нибудь говорила?

Рита. Нѣтъ. Но ты самъ сказалъ, что мы сошлись только изъ-за Асты.

Альмерсъ. Да, но ты сама привязала меня къ себѣ. Совмѣстной жизнью.

Рита. О, я ужъ больше не кажусь тебѣ такой — соблазнительно-прекрасной.

Альмерсъ. Законъ измѣненія, превращенія все-таки, быть-можетъ, скрѣпитъ наши узы.

Рита (медленно кивая головой). Превращеніе и во мнѣ совершается. Я его такъ мучительно чувствую.

Альмерсъ. Мучительно?

Рита. Да, вѣдь это тоже словно роды.

Альмерсъ. Такъ оно и есть. Или воскресеніе... возрожденіе къ высшей формѣ жизни.

Рита (уныло глядя передъ собой). Да... съ утратой всякаго земного счастья.

Альмерсъ. Эта утрата и есть выигрышъ.

Рита (запальчиво). Э, фразы! Господи,—мы вѣдь дѣти земли.

Альмерсъ. Но мы все-таки сродни и морю и небу, Рита.

Рита. Ты, быть-можетъ. Но не я.

Альмерсъ. О, нѣтъ. Ты сама не подозрѣваешь, насколько ты имъ сродни.

Рита (дѣлая шагъ къ нему). Слушай, Альфредъ, не могъ ли бы ты снова взяться за свой трудъ?

Альмерсъ. За тотъ трудъ, который ты ненавидѣла?

Рита. Я теперь не такъ требовательна. Я готова дѣлить тебя съ книгой.

Альмерсъ. Какъ такъ?

Рита. Чтобы сохранить тебя близъ себя.

Альмерсъ. О, я мало могу оказать тебѣ помощи, Рита.

Рита. Но, быть-можетъ, я могла бы помочь тебѣ.

Альмерсъ. Работать надъ книгой, что ли?

Рита. Нѣтъ. Жить.

Альмерсъ (качая головой). Я что-то не вижу передъ собой никакой жизни.

Рита. Ну — дотянуть до конца.

Альмерсъ (мрачно, какъ бы про себя). Пожалуй, лучше было бы для насъ обоихъ — разстаться.

Рита (пытливо смотритъ на него). Куда же ты уѣхалъ бы? Пожалуй, все-таки къ Астѣ?

Альмерсъ. Нѣтъ. Къ Астѣ — никогда больше.

Рита. Куда же?

Альмерсъ. Туда — въ уединеніе.

Рита. На горныя высоты? Да?

Альмерсъ. Да.

Рита. Но вѣдь это однѣ мечты, Альфредъ. Тебѣ тамъ не выжить.

Альмерсъ. И все-таки меня влечетъ туда.

Рита. Зачѣмъ? Скажи!

Альмерсъ. Сядь. Я разскажу тебѣ что-то.

Рита. О томъ, что произошло съ тобой тамъ?..

Альмерсъ. Да.

Рита. И что ты утаилъ тогда отъ Асты и меня?

Альмерсъ. Да.

Рита. Ты привыкъ все держать про себя. Не слѣдовало бы тебѣ.

Альмерсъ. Сядь тамъ. И я разскажу тебѣ.

Рита. Да, да — разскажи! (Садится на скамью около бесѣдки).

Альмерсъ. Я былъ тамъ одинъ. На горныхъ высотахъ. Пришелъ къ большому пустынному горному озеру. Мнѣ надо было перебраться черезъ него. Но я не могъ: не было ни лодки ни людей.

Рита. Ну? И что же?

Альмерсъ. Тогда я наугадъ свернулъ въ боковую долину. Я думалъ, что поднимусь тамъ черезъ кряжъ, потомъ спущусь и выйду по другую сторону озера.

Рита. И, вѣрно, заблудился, Альфредъ!

Альмерсъ. Да; я ошибся направленіемъ. Тамъ вѣдь ни дорогъ ни тропинокъ. И я шелъ весь день. И почти всю ночь. Подъ конецъ я сталъ думать, что никогда ужъ не выберусь больше къ живымъ людямъ.

Рита. И домой — къ намъ? Вотъ куда, навѣрно, неслись твои мысли, — сюда.

Альмерсъ. Нѣтъ.

Рита. Нѣтъ?

Альмерсъ. Нѣтъ. Такъ странно. И ты и Эйольфъ какъ-то отошли отъ меня далеко-далеко. И Аста тоже.

Рита. Такъ о чемъ же ты думалъ тогда?

Альмерсъ. Я не думалъ. Я просто шелъ, пробираясь вдоль обрывовъ... а душу мою наполняло чувство предсмертнаго покоя, блаженное забытье.

Рита (вскакивая). Ахъ, да не говори такъ объ этомъ ужасѣ!

Альмерсъ. Я испытывалъ такое чувство. Ни малѣйшаго страха. Мнѣ казалось, что смерть идетъ рядомъ со мной, какъ добрый дорожный товарищъ. И все это было такъ понятно, такъ просто — какъ мнѣ тогда казалось. У насъ въ семьѣ всѣ вообще недолговѣчны...

Рита. Ахъ, да замолчи, Альфредъ! Вѣдь ты же вышелъ изъ бѣды благополучно.

Альмерсъ. Да, я вдругъ какъ-то вышелъ на дорогу. По ту сторону озера.

Рита. Вотъ была ужасная ночь для тебя, Альфредъ. Теперь, когда она миновала, ты не хочешь признаться въ этомъ даже себѣ самому.

Альмерсъ. Та ночь и довела меня до моего рѣшенія. И я повернулъ назадъ и пошелъ прямо домой. Къ Эйольфу.

Рита (тихо). Поздно.

Альмерсъ. Да. За нимъ пришелъ товарищъ и взялъ его... а

насъ охватилъ ужасъ передъ нимъ.... передъ всѣмъ... передъ всѣмъ этимъ... отъ чего у насъ все-таки не хватаетъ духу уйти. Такъ крѣпко мы съ тобой привязаны къ землѣ, Рита.

Рита (съ проблескомъ радости). Не правда ли? И ты тоже! (Подходя къ нему ближе) О, давай вмѣстѣ жить, жить—сколько сможемъ!

Альмерсъ (пожимая плечами). Жить! Не зная, чѣмъ наполнить жизнь. Кругомъ одна пустота. Куда ни взгляни.

Рита (со страхомъ). О, рано или поздно ты уйдешь отъ меня, Альфредъ! Я это чувствую. И вижу по твоему лицу! Ты уйдешь отъ меня!

Альмерсъ. Ты думаешь — съ дорожнымъ товарищемъ?

Рита. Нѣтъ, хуже. Просто уйдешь, самъ по себѣ. Тебѣ вѣдь кажется, что не для чего жить только здѣсь, у меня. Отвѣчай! Не такъ ли?

Альмерсъ (смотритъ на нее въ упоръ). А если бы и такъ?..

(Издали доносятся шумъ и крики, сердитые озлобленные голоса. Альмерсъ подходитъ къ периламъ).

Рита. Это что̀ такое! (Порывисто) Ахъ, увидишь, — они нашли его!

Альмерсъ. Его никогда не найдутъ.

Рита. Такъ что̀ же тамъ?

Альмерсъ (отходя отъ перилъ). Просто драка — по обыкновенію.

Рита. На берегу?

Альмерсъ. Да. Всю эту слободку надо бы снести. Сейчасъ вотъ мужчины вернулись домой. Пьяные, по обыкновенію. Колотятъ ребятишекъ. Слышишь, какъ мальчишки визжатъ! Женщины вопятъ о помощи...

Рита. Не послать ли кого на помощь?

Альмерсъ (жестко и злобно). Помогать тѣмъ, кто не помогъ Эйольфу! Нѣтъ, пусть ихъ пропадаютъ! Они дали погибнуть Эйольфу!

Рита. Не надо такъ говорить, Альфредъ! И думать такъ не надо.

Альмерсъ. Не могу я думать иначе. Снести бы всѣ эти старыя лачуги.

Рита. А что̀ станется со всей этой бѣднотой?

Альмерсъ. Пусть себѣ уходятъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

Рита. А дѣти?

Альмерсъ. А не все ли равно въ сущности, гдѣ имъ пропадать.

Рита (тихо, съ упрекомъ). Ты нарочно напускаешь на себя такую черствость, Альфредъ.

Аллмерсъ (запальчиво). Съ этихъ поръ я имѣю право быть черствымъ! Это мое право и... и мой долгъ!

Рита. Твой долгъ?

Альмерсъ. Мой долгъ передъ Эйольфомъ. Не оставаться же ему неотомщеннымъ! Однимъ словомъ, Рита, какъ я сказалъ! Подумай объ этомъ. Вели сравнять съ землей всю эту слободку — когда меня не будетъ здѣсь.

Рита (вглядываясь въ него). Когда тебя не будетъ?

Альмерсъ. Да, тогда тебѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ наполнить жизнь. А тебѣ это нужно.

Рита (твердо, рѣшительно). Ты правъ. Мнѣ это нужно. Но угадай, что я сдѣлаю... когда тебя не будетъ.

Альмерсъ. Ну, что?

Рита (медленно, рѣшительно). Какъ только ты уѣдешь отъ меня, я пойду, спущусь туда къ нимъ, заберу всѣхъ этихъ бѣдныхъ, заброшенныхъ ребятишекъ и приведу сюда, къ намъ. Всѣхъ этихъ «дрянныхъ» мальчишекъ.

Альмерсъ. Что же ты будешь дѣлать съ ними?

Рита. Возьму ихъ къ себѣ.

Альмерсъ. Ты!

Рита. Да, я! Какъ только ты уѣдешь, они поселятся здѣсь всѣ... какъ мои собственныя дѣти.

Альмерсъ (возмущенно). Займутъ мѣсто Эйольфа!

Рита. Да, займутъ мѣсто Эйольфа. Будутъ жить въ комнатахъ Эйольфа. Читать его книжки. Играть его игрушками. По очереди сидѣть за столомъ на его стулѣ.

Альмерсъ. Право, можно подумать, что ты рехнулась. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы меньше тебя годился на это!

Рита. Такъ придется мнѣ себя перевоспитать. Обучиться, пріучиться.

Альмерсъ. Если ты это дѣйствительно серьезно говоришь, такъ съ тобой, видно, произошла перемѣна, настоящее превращеніе.

Рита. Такъ и есть, Альфредъ. Объ этомъ ты постарался. Ты оставилъ во мнѣ пустое мѣсто. И мнѣ надо попытаться заполнить его чѣмъ-нибудь, что походило бы на любовь.

Альмерсъ (съ минуту стоитъ въ раздумьѣ, глядя на нее). Въ сущности мы пока немного сдѣлали для этой бѣдноты тамъ внизу.

Рита. Ничего не сдѣлали.

Альмерсъ. Едва ли когда и вспоминали о ней.

Рита. Никогда съ сочувствіемъ.

Альмерсъ. А у насъ вѣдь были «золотыя горы»!..

Рита. Мы закрыли для нихъ свои двери и свои сердца.

Альмерсъ (кивая). Такъ, пожалуй, оно и въ порядкѣ вещей, что они не стали рисковать жизнью ради спасенія Эйольфа.

Рита (тихо). Подумай-ка, Альфредъ... ты увѣренъ въ томъ, что мы сами рискнули бы?

Альмерсъ (нервно, рѣзко). Можно ли сомнѣваться, Рита!

Рита. Ахъ, мы, дѣти земли, такъ привязаны къ землѣ!

Альмерсъ. Что собственно ты думаешь сдѣлать для этихъ заброшенныхъ дѣтей?

Рита. Прежде всего я думаю попытаться смягчить... и облагородить ихъ долю.

Альмерсъ. Если это тебѣ удастся—Эйольфъ родился не напрасно.

Рита. И былъ отнятъ у насъ не напрасно.

Альмерсъ (пристально глядитъ на нее). Только одно имѣй въ виду, Рита. Не любовь толкаетъ тебя на это дѣло.

Рита. Нѣтъ, не любовь. Во всякомъ случаѣ, пока этого нѣтъ.

Альмерсъ. Ну, а что же собственно?

Рита (нѣсколько уклончиво). Ты вѣдь такъ часто говорилъ съ Астой объ отвѣтственности человѣческой...

Альмерсъ. О книгѣ, которую ты ненавидѣла.

Рита. Я все еще ненавижу ее. Но я слушала, какъ ты разсказывалъ. И вотъ хочу попытаться сама подвинуть дѣло впередъ. По-своему.

Альмерсъ (качая головой). Это не ради неоконченной книги...

Рита. Нѣтъ, у меня есть еще причина.

Альмерсъ. Какая же?

Рита (тихо, съ грустной улыбкой). Я хочу задобрить тѣ широко раскрытые дѣтскіе глаза.

Альмерсъ (пораженный, пристально глядя на нее). Пожалуй, и я бы могъ примкнуть... Помогать тебѣ, Рита.

Рита. Ты бы хотѣлъ?

Альмерсъ. Да... если бы знать, что смогу.

Рита (не сразу). Но тогда вѣдь тебѣ пришлось бы остаться здѣсь.

Альмерсъ (тихо). Давай попытаемся—не удастся ли.

Рита (чуть слышно). Давай, Альфредъ.

(Оба молчатъ. Затѣмъ Альмерсъ идетъ къ флагштоку и поднимаетъ флагъ совсѣмъ. Рита стоитъ около бесѣдки и молча смотритъ на него).

Альмерсъ (возвращаясь). Намъ предстоитъ тяжелый трудовой день, Рита.

Рита. Увидишь... иногда будетъ выпадать на нашу долю и тихій воскресный покой.

Альмерсъ (тихо, растроганный). Когда мы, быть-можетъ, будемъ живо ощущать близость духовъ.

Рита (шопотомъ). Духовъ?

Альмерсъ (попрежнему). Да. Съ нами, быть-можетъ, будутъ... тѣ, кого мы потеряли.

Рита (медленно киваетъ головой). Нашъ маленькій Эйольфъ. И твой большой Эйольфъ.

Альмерсъ (глядя передъ собой). Быть-можетъ, намъ иной разъ... на пути жизни... и удастся увидѣть хоть отраженіе ихъ...

Рита. Гдѣ же, Альфредъ?.. Куда намъ смотрѣть?

Альмерсъ (пристально глядя на нее). Ввысь.

Рита (одобрительно кивая). Да, да... ввысь.

Альмерсъ. Ввысь — къ горнимъ высотамъ. Къ звѣздамъ. Въ царство великаго безмолвія.

Рита (протягивая ему руку). Спасибо!

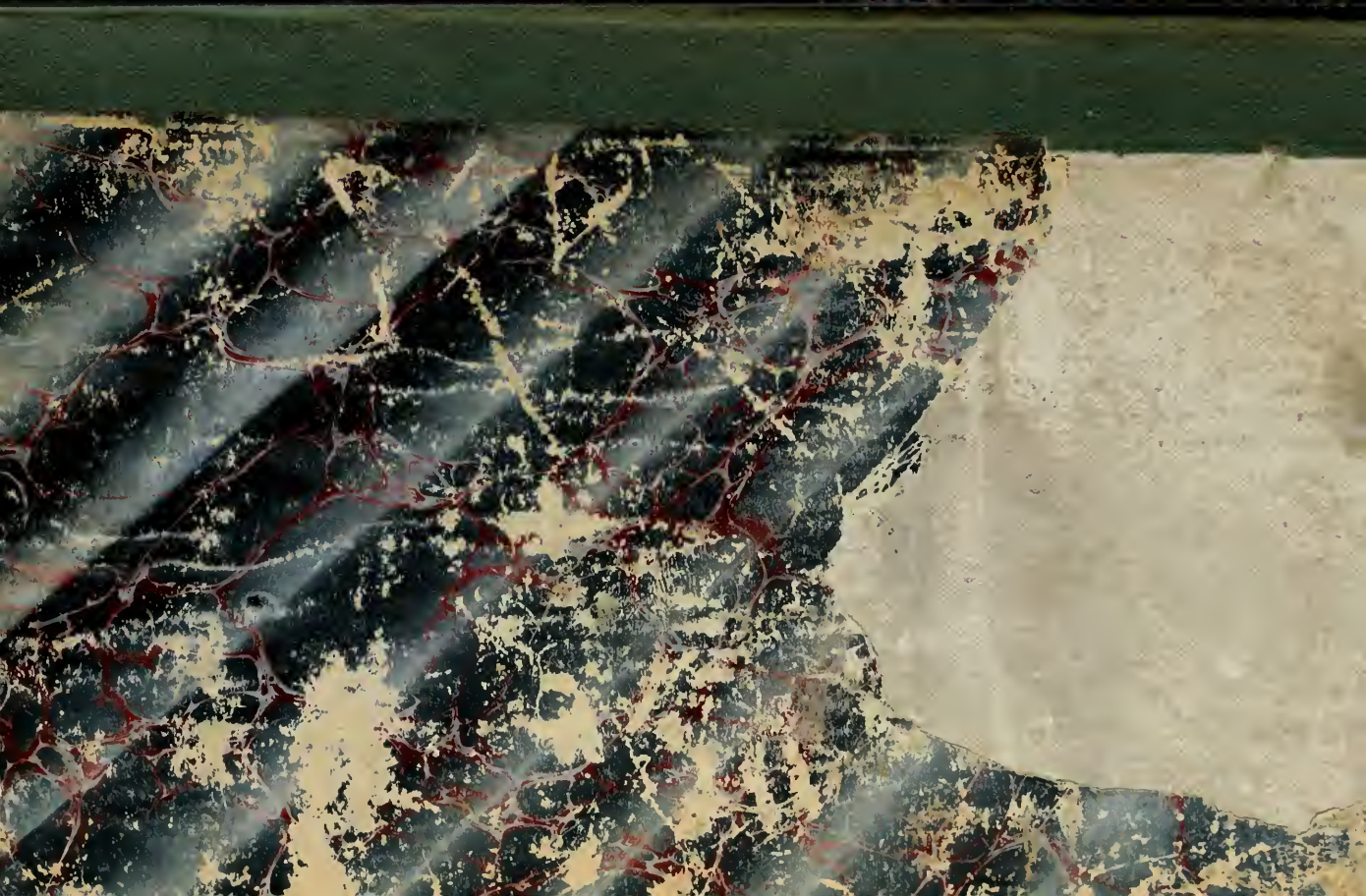
Оглавленіе

III ТОМА.

	стр.
Кукольный домъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ	3
Привидѣнія. Семейная драма въ трехъ дѣйствіяхъ	77
Врагъ народа. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ	145
Дикая утка. Драма въ пяти дѣйствіяхъ	235
Росмерсгольмъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ	331
Дочь моря. Драма въ пяти дѣйствіяхъ.	412
Гедда Габлеръ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ	492
Строитель Сольнесъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ	569
Маленькій Эйольфъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ	650

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PT
8852
R9H3
t.3

Ibsen, Henrik
Polnoe sobranie sochine-
nii